83.3(0)
Д56

Сочиненія Н. А. Добролюбова

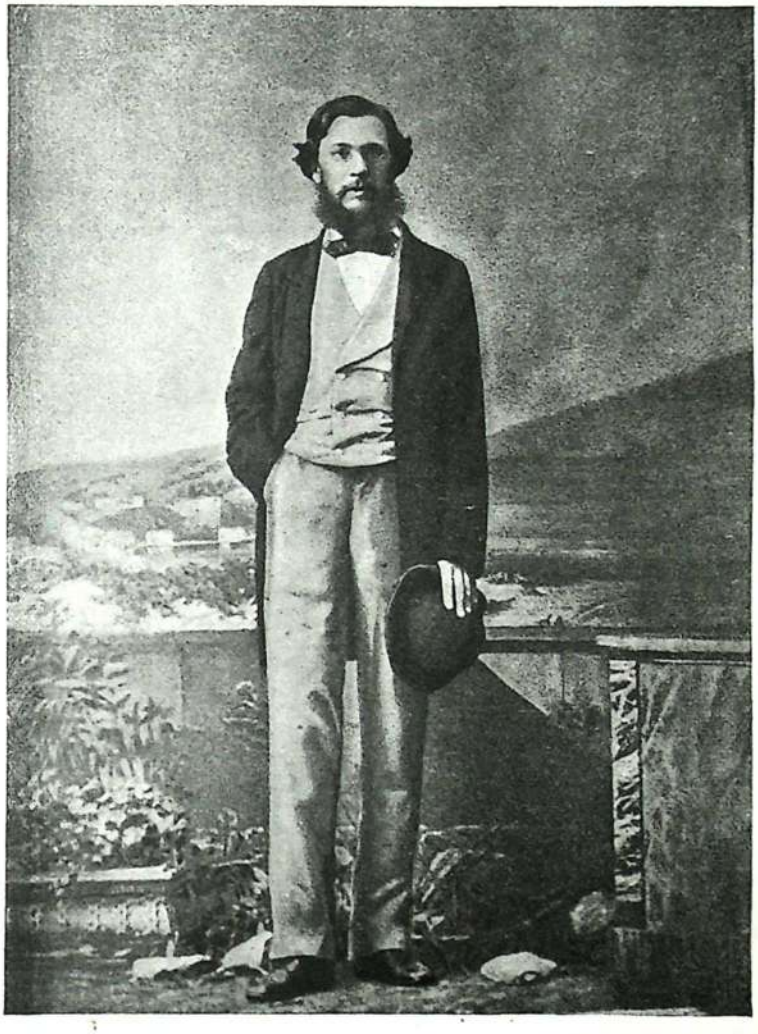
Подъ редакціей

М. К. Лемке

Возвратите книгу не позже
обозначенного здесь срока

25/XI 203			

Зак. 2782.



Н. А. Добролюбовъ.

1861 г.

(Съ фотографіи)

БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ КРИТИКОВЪ.

II.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей **М. К. Лемке,** съ его вступительными замѣтками къ каждой статьѣ Н. А. Добролюбова, примѣчаніями и біографическимъ очеркомъ.

Съ приложеніемъ трехъ портретовъ Н. А. Добролюбова, его факсимиле и именного алфавитнаго указателя ко всѣмъ четыремъ томамъ.

МУК «ЦБС»
г. Вологда

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1860—1861.

Центр писателя
В.И. Белова
книгохранения

Изданіе А. С. Панафидиной.
Спб.—1911.

83.3(0)
Д56

1ф(с) + 8
Д56

4271

ОГЛАВЛЕНІЕ [1])

стр.

382. Заграничныя пренія о положеніи русскаго духовенства 1
383. Когда же придетъ настоящій день? . 27
384. «Кобзарь», *Т. Шевченка* 89
* **385.** Внутреннее обозрѣніе 101
386—392. Свистокъ № 4. 107
386. Наука и свистопляска.
387. Чернь.
388. Наше время.
389. Грустная дума гимназиста лютеранскаго вѣроисповѣданія и неківскаго округа.
390. Стихотворенія, присланныя въ редакцію «Свистка».
391. Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ.
392. Петербургское посланіе.
* **393.** Стихотворенія Ивана Никитина . . 151
394. Сочиненія А. И. Подолинскаго. . . 175
* **395.** Русская лира.—Любовь. 183
396—399. Свистокъ № 5. 187
396. Оговорка.
397. Опытъ отученія людей отъ пищи.
398. Юное дарованіе, обѣщающее поглотить всю современную поэзію.
399. Развязка диспута 19 марта.
400. Благонамѣренность и дѣятельность . 227
401. Перепѣвы, *Обличительнаго поэта* . . 251
402. Черты для характеристики русскаго простонародья 261
403. Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ . . 347
** **404.** Что о насъ думаютъ въ Парижѣ . . 435
405. Непостижимая странность 441
406. Confession d'un poète, par *Nicolas Sémёnov*. 519
407—412. Свистокъ № 6. 535
407. Новое назначеніе «Свистка».
408. Причины долгаго молчанія «Свистка».
409. Два графа.
410. Неаполитанскія стихотворенія.
411. Письмо благонамѣреннаго француза о необходимости посылки французскихъ войскъ въ Римъ и далѣе, для возстановленія порядка въ Италіи.

стр.

412. Новое стихотвореніе Аполлона Капелькина.
413. Свистокъ № 7. 591
414. Отецъ Александръ Гаваццци и его проповѣди 593
415. Изъ Турина. 629
416а. «Не обманутъ я страстной мечтой». 669
416б. Первый день праздника (Сценка изъ купеческаго быта) 669
417. «Мы далеко. Неаполь цѣлый» . . . 675
418. «Нѣтъ, мнѣ не милъ и онъ, нашъ сѣверъ величавый». 677
419. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура 677
** **420.** «Средь Акрополя разбитаго» . . . 737
421. «Необозримой ровной степью» . . . 737
* **422.** Изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ 739
423. Отъ дождя да въ воду 745
* **424.** Внутреннее обозрѣніе 777
* **425.** Политика 823
** **426.** «Синее небо, зеленое поле» 853
427. «О, подожди еще, желанная, святая». 855
428. Забитые люди. Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго 855
* **429.** «Силъ молодецкихъ размахи широкіе». 913
430. «Васъ страшитъ мой видъ унылый». 915
431. «Милый другъ, я умираю» 915
432. (Къ «Свистку») 917
433. Славянскія думы. 923
434. Страданія вельможнаго филантропа . 923
435. Разбойникъ (Розенгеймо-русская элегія) 929
436. Изъ мотивовъ современной русской поэзіи 929
437—439. Свистокъ № 8. 319
437. Свистокъ, восхваляемый своими рыцарями.
438. Свистокъ ad se ipsum.
439. Выдержки изъ путевыхъ эскизовъ.
440. «Пускай умру—печали мало» . . . 949
Дополненія 949
Алфавитный указатель личныхъ именъ въ I—IV томахъ 953

[1]) * Отмѣчены сочиненія, не вошедшія ни въ одно изъ 7 изданій сочиненій Н. А. Добролюбова; **—сочиненія никогда нигдѣ ненапечатанныя.

Вологод. жел. дор.
Библиотека „ХОР"

382. Заграничныя пренія о положеніи русскаго духовенства.

По поводу книги «Русское духовенство», Берлинъ, 1859.

Напечатано въ III кн. «Современника» 1860 года (ценз. 28 марта) за подписью «Андрей Критскій». Этотъ псевдонимъ взятъ для вящшаго убѣжденія духовной цензуры въ принадлежности самого автора къ духовному сословію. А, можетъ быть, чтобы отвести отъ своихъ прежнихъ псевдонимовъ глаза корпуснаго начальства (см. № 369). Но духовная цензура прежде всего вычеркнула весь конецъ статьи, а затѣмъ обчистила и все остальное.

23 января 1860 года комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ писалъ редакціи «Современника»: «Спб. Комитетъ Духовной Цензуры, возвращая при семъ въ редакцію «Современника» статью, заключающую разборъ книги «Русское духовенство. Берлинъ, 1859 г»., честь имѣетъ увѣдомить, что означенная статья не можетъ быть одобрена къ напечатанію по слѣдующимъ причинамъ: 1. Сочинитель порицаетъ и осуждаетъ публично Уставъ Духовной Цензуры, который составляетъ часть нашего Законодательства и данъ для того, чтобы исполнять его, а не критиковать и порицать, и осуждаетъ, не зная Устава Духовной Цензуры, какъ самъ сознается въ этомъ. 2. Сужденія автора о бытѣ духовнаго сословія и о состояніи духовнаго воспитанія въ Россіи не основаны ни на чемъ, положительно и достовѣрно извѣстномъ, обидны для сословія, которое Сочинитель съ браннаго голоса мужиковъ честитъ неприличными названіями, и вообще проникнуты предубѣжденіемъ противъ Духовенства и Духовныхъ Училищъ. Къ сему Комитетъ честь имѣетъ присовокупить, что Духовная Цензура, сообразуясь съ своимъ уставомъ, никакому благонамѣренному сочиненію или статьѣ не полагаетъ преградъ къ выходу въ свѣтъ, но, сообразно съ тѣмъ же уставомъ, не полагаетъ справедливымъ одобрять сочиненія, направленныя къ распространенію въ народѣ неправильныхъ понятій о дѣйствующихъ законахъ Государства и къ несправедливому осужденію и порицанію цѣлаго сословія по одному только неизвѣстно на чемъ основанному предубѣжденію противъ него».

Получаются, собственно говоря, двѣ разныхъ статьи: одна была напечатана въ «Современникѣ», другая—въ первомъ собраніи сочиненій. Но, несмотря на это, мысль ихъ одна: пора пролить свѣтъ на замкнувшуюся касту, вывести на общій судъ всѣ ея, вѣками пріобрѣтенные, недостатки, освободить церковь отъ вліянія на нее политики и отъ желанія самой создавать политику, понять, что духовенство, какъ общественный классъ, не можетъ быть внѣ общественнаго суда. Кромѣ того, здѣсь повторены многія мысли, высказанныя въ № 307.

М. Л.

По поводу вышедшей въ прошломъ году за границей книги «Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи» появилась недавно въ Берлинѣ книжка подъ заглавіемъ «Русское духовенство». Книжка эта состоитъ изъ семи статей разныхъ авторовъ, скрывшихъ, кромѣ одного, свои имена, и представляетъ цѣлымъ составомъ своимъ опроверженіе на «Описаніе сельскаго духовенства». Такимъ образомъ вотъ уже въ другой разъ приходится намъ говорить объ опроверженіяхъ на эту книгу, а самой книги мы еще не видали. Въ прошломъ году мы уже замѣтили странность такого явленія, разбирая «Мысли свѣтскаго человѣка объ «Описаніи сельскаго духовенства». Не можемъ не по-

вторить и теперь выраженія нашего удивленія, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ, лежащей теперь передъ нами, мы находимъ много упрековъ автору «Описанія» именно за то, что онъ издалъ книгу свою за границей, а не на родинѣ. Эти упреки прежде всего поразили насъ своей странностью, и мы считаемъ нелишнимъ указать на нихъ и сдѣлать по поводу ихъ нѣсколько замѣчаній.

Въ книжкѣ семь статей. Авторъ первой изъ нихъ—«Разоблаченіе клеветы на русское духовенство»—говоритъ въ заключеніе своего разбора: «грустно, что *передъ Европою* выставлено въ такой мрачной картинѣ наше духовенство, и кѣмъ же? служителемъ самой церкви... Если онъ былъ проникнутъ, дѣйствительно, сознаніемъ недостатковъ и скорбей своего званія, зачѣмъ, подражая Хаму, открывать наготу отца, *передъ чужими людьми?* Вѣроятно, авторъ боялся, что духовные слишкомъ скоро узнаютъ всѣ его преувеличенія, всѣ его прикрасы, всѣ обобщенія и представленія частныхъ случаевъ въ видѣ общаго характера всего сословія» (стр. 50). Ясно, что авторъ приписываетъ появленіе книги за границею тому обстоятельству, что авторъ ея боялся скорыхъ обличеній, если бы издалъ ее въ Россіи.

Другой авторъ въ статьѣ: «Сужденіе о книгѣ—«Описаніе сельскаго духовенства»—говоритъ въ этомъ же родѣ: «Хорошъ ли былъ бы сынъ, который бы, замѣтивъ въ родителяхъ недостатки, сталъ про нихъ кричать вслухъ цѣлаго свѣта? Нѣтъ, любовь къ нимъ, чистая, искренняя любовь, никогда бы на то не рѣшилась; нѣтъ, она скорѣе заставила бы сына обратиться къ самимъ родителямъ или, еще лучше, къ тѣмъ довѣреннымъ лицамъ, которыя бы могли на нихъ имѣть большое вліяніе, обратиться съ просьбою, чтобы они своимъ авторитетомъ озаботились исправить недостатки родителей, столько тяжкіе для любящаго сына... Какъ назвать человѣка, который въ училищѣ, какъ въ лонѣ родительскомъ, получилъ воспитаніе — и чрезъ то средства къ жизни—и потомъ *удалился на страну далече и тамъ рѣшился вслухъ всего свѣта такъ безстыдно позорить мѣсто своего образованія?*» (стр. 133). Далѣе, говоря о томъ, что авторъ «Описанія» изобразилъ только мрачную сторону духовенства, авторъ статьи восклицаетъ: «*И гдѣ же все это? Не въ родной нашей землѣ*, гдѣ бы не могли ему повѣрить, *а далеко, далеко отъ насъ, за границею*», и т. д. (стр. 134).

[Жалобы эти могутъ показаться очень основательными тѣмъ, кто незнакомъ со всѣми условіями, отъ которыхъ зависитъ въ Россіи выходъ книгъ, трактующихъ о духовныхъ предметахъ. Но стоитъ раскрыть намъ Цензурный Уставъ, и дѣло объяснится. Тамъ мы увидимъ, что одинъ изъ основныхъ пунктовъ устава есть то, что не должно пропускаться въ печати ничего противнаго православной Церкви. Но этимъ дѣло не ограничивается. Всякая книга и статья, трактующая о предметахъ духовныхъ, не довѣряется разрѣшенію одного общаго, гражданскаго цензора, а отсылается въ духовную цензуру. Подробностей устава духовной цензуры мы не знаемъ; но на основаніи многихъ фактовъ, которыхъ намъ привелось быть свидѣтелями, полагаемъ, что онъ очень строгъ или очень неопредѣленъ. Такъ, напр., мы постоянно видимъ, что] [1]) отзывы о *лицахъ* духовнаго званія смѣшиваются съ мнѣніями о самой Церкви, и на этомъ основаніи, какъ противные православію, не пропускаются въ печать, за весьма рѣдкими исключеніями. Такое смѣшеніе понятій нашли мы отчасти и въ книжкѣ «Русское духовенство». Авторъ одной изъ статей ея нападаетъ, напр., на г. Погодина за то, что онъ высказалъ такую мысль: «какъ чиновники въ частной жизни еще не составляютъ юстиціи, такъ точно и духовные, внѣ священнослуженія, еще не составляютъ Церкви». Мысль г. Погодина ясна: онъ именно хочетъ отдѣлить частную личность священника отъ общаго понятія о

[1]) Всѣ эти жалобы кажутся намъ весьма странными и совершенно противными образу дѣйствій самого издателя опроверженій на «Описаніе сельскаго духовенства». Зачѣмъ же, — спросимъ мы въ свою очередь, — опроверженія эти не появились въ Россіи? Отчего книга «Русское духовенство» напечатана въ Берлинѣ, а не въ Петербургѣ или Москвѣ? Издатель можетъ говорить, что онъ хотѣлъ поразить ложь на самомъ мѣстѣ ея появленія, но вѣдь тутъ дѣло идетъ не о мѣстѣ, а о людяхъ. «Описаніе сельскаго духовенства» прочитано русскими, проникло въ Россію, издатель опроверженій боится дурного вліянія этой книги на русскихъ; отчего же онъ не изобличаетъ ее передъ русскими же въ своей родной землѣ, а удалился *на страну далече?* Вѣдь не разсчитывалъ же онъ на иностранныхъ читателей; иначе издалъ бы свою книгу по-французски или по-нѣмецки, а не по-русски... Нѣтъ, у него, очевидно, были другія соображенія, по которымъ и онъ самъ не нашелъ удобнымъ издавать свою книгу въ Россіи.

А между тѣмъ для издателя опроверженій не предстояло, кажется, большихъ затрудненій къ напечатанію его книги въ Россіи. Для доказательства возьмите одно обстоятельство: книга опроверженій тотчасъ послѣ своего выхода за границей появилась въ продажѣ и въ Россіи, и никто не требуетъ ея запрещенія, она признана благонамѣренною и невредною. А «Описаніе сельскаго духовенства» даже теперь, когда мы о немъ столько уже наслышались изъ разныхъ опроверженій, еще не допущено въ продажу и перечитывается тайкомъ, контрабандою. Противъ этой книги идетъ господствующій у многихъ образъ мыслей, по которому

Церкви, ея ученіи, таинствахъ и пр. Но авторъ статейки очень рѣзко замѣчаетъ: «удивительно, какъ академикъ и профессоръ могъ высказать такую дикую мысль», и замѣчаніе это сопровождаетъ тремя восклицательными знаками!!! (стр. 58). Очевидно, что авторъ самъ не имѣетъ должнаго понятія о различіи между частными личностями и между тѣмъ служеніемъ, которое на нихъ возложено. Можно сказать безъ преувеличенія, что такое смѣшеніе этихъ двухъ понятій, совершенно различныхъ между собою, господствуетъ, въ большей или меньшей степени, во всемъ нашемъ [духовенствѣ. Что оно проявляется и въ центральной его дѣятельности, свидѣтельствуетъ (не говоря ни о чемъ другомъ) уже и тотъ фактъ, что «Описаніе сельскаго духовенства» до сихъ поръ не дозволено въ Россіи. По отзывамъ людей, читавшихъ ее, и изъ выписокъ, сдѣланныхъ въ опроверженіяхъ, видно, что книга эта вовсе не враждебна христіанской Церкви и ученію православія. Она не подкапываетъ никакихъ догматовъ, не возстаетъ противъ основъ церковнаго строенія, а ограничивается только изложеніемъ темныхъ сторонъ быта сельскаго духовенства, недостатковъ семинарскаго образованія, злоупотребленій, допускаемыхъ консисторіями и архіереями. И между тѣмъ она до сихъ поръ запрещена въ продажѣ, между тѣмъ какъ опроверженія на нее — одно напечатано въ Петербургѣ, другое привезено сюда изъ Берлина и разрѣшено къ свободной продажѣ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

Мы не осуждаемъ безусловно дѣйствій духовной цензуры: они могутъ оправдываться разными особенными соображеніями. Но мы хотимъ указать на ея характеръ для того, чтобы видна была неосновательность упрека автору «Описанія» за то, что его книга напечатана за границей. Оправданіе его противъ этого упрека очень просто: онъ *не могъ* ее напечатать въ Россіи. Если теперь, уже напечатанную, ее не допускаютъ въ Россію, то какъ же можно думать, что ее дозволили бы, если бъ авторъ или издатель вздумалъ здѣсь представить ее въ цензуру? Если человѣка не допускаютъ идти прямымъ путемъ, — можно ли казнить его за то, что онъ обойдетъ окольнымъ?..

Но, скажутъ намъ, чего не позволяютъ, того и не нужно дѣлать. Если авторъ зналъ, что его книгу не позволитъ цензура, то онъ не долженъ былъ даже и писать ее, не только что посылать за границу. Совершенная правда. Но для автора, — впрочемъ, онъ остается тутъ въ сторонѣ уже и потому, что не самъ издалъ свою книгу,— итакъ—для издателя эти самыя соображенія могли представиться въ другомъ видѣ. Онъ могъ думать: «намѣренія автора не дурны: онъ хочетъ обратить общее вниманіе на бѣдственное положеніе духовенства, для того, чтобы приняты были мѣры къ его улучшенію. По моимъ убѣжденіямъ, законъ этого не запрещаетъ; но тѣ, которые служатъ истолкователями и блюстителями закона, расходятся со мною во взглядѣ на этотъ пунктъ] [1]). Попробую же я, обошедши ихъ, предстать на общій судъ прямо съ моими убѣжденіями и съ моимъ пониманіемъ закона». Какова бы ни была степень справедливости этихъ разсужденій, но то достовѣрно, что они *неизбѣжно и неминуемо* являются у людей, которые лишены возможности свободно и прямо выражать свои мысли. Дѣло это очень важно, и о немъ слѣдуетъ серьезно подумать [тѣмъ, кого оно касается]. Выскажемъ объ этомъ съ своей стороны нѣсколько [замѣчаній, въ надеждѣ, что духовная цензура не увидитъ въ нихъ ничего противнаго христіанству и православію] [2]).

Во время крымской войны и вслѣдъ за ея окончаніемъ—у насъ оказалась потребность въ перемѣнахъ и улучшеніяхъ по всѣмъ почти частямъ общественнаго быта [и государственнаго управленія]. Перемѣны эти понемножку начали дѣлаться и теперь дѣлаются; о нихъ стали говорить въ оффиціальныхъ отчетахъ и приказахъ, стали толковать въ обществѣ. Такое положеніе дѣлъ отразилось и въ литературѣ; стали писать о многихъ предметахъ, которые прежде не смѣли появляться въ печати. При этомъ, само собою разумѣется, главное дѣло состояло въ показаніи недостатковъ всего существующаго, для свѣдѣнія и соображенія тѣхъ, кому приходилось придумывать мѣры исправленія и улучшенія; иногда предлагались въ литературѣ и проекты самыхъ улучшеній. [Въ числѣ недостатковъ, на которые нападала литература, всегда можно отличить два рода: одни заключаются въ злоупотребленіяхъ или неспособности *личностей*, другіе — въ самой организаціи извѣстной отрасли... Это стремленіе къ обличенію было такъ обще и въ то же

---

[1]) Чтобы избѣжать послѣдствій такого неправильнаго взгляда большинства, издатель «Описанія сельскаго духовенства» и могъ весьма естественно прибѣгнуть къ окольному пути для исполненія того, что ему казалось справедливымъ и полезнымъ; онъ могъ думать: намѣренія автора этой книги недурны, онъ хочетъ обратить общее вниманіе на бѣдственное положеніе духовенства, для того, чтобы приняты были мѣры къ его улучшенію. Онъ по сыновнему болѣетъ о недугахъ родного сословія. Но многіе слишкомъ расходятся со мною во взглядѣ на этотъ пунктъ.

[2]) мыслей.

время такъ скромно и благонамѣренно, что правительство рѣшилось ему не противиться. Вслѣдствіе этого, какъ общая цензура, такъ и частныя цензуры *всѣхъ вѣдомствъ свѣтскихъ* стали пропускать въ печати много такихъ статей, въ которыхъ указывались не только личныя злоупотребленія, но и нѣкоторые частные недостатки той или другой статьи самыхъ законовъ]. Все это, конечно, прямой практической пользы принесло пока очень мало; но зато оживило литературу, дало публикѣ чтеніе дѣльное и близкое къ жизни, вмѣсто прежнихъ приторныхъ идиллій и глупыхъ сказокъ всякаго рода, заставило благословлять наше время, въ которое оглашаются такія вещи и, наконецъ, — смягчило то глухое, безмолвное, но тѣмъ болѣе мрачное и зловѣщее раздраженіе, которое прежде таилось и смутно бродило въ обществѣ и, нерѣдко, отъ злоупотребленій частныхъ переходило даже на общій характеръ [правительственныхъ дѣйствій] [1]). Прежде слухи о какихъ-нибудь безпорядкахъ [администраціи] пересказывались только въ кружкахъ знакомыхъ; но такъ какъ безпорядковъ и злоупотребленій было немало, то слухами о нихъ переполнены были всѣ кружки, заняты всѣ собранія... Слухи эти перемѣшивались, переплетались съ другими, преувеличивались до громадныхъ размѣровъ, задѣвали людей совершенно невинныхъ, щадя дѣйствительныхъ негодяевъ и т. п. Какъ совершенная нелѣпость, слухи эти могли быть вредны для самаго общества, но никому не могли принести пользы. Литература взялась извлечь изъ нихъ пользу, приняла ихъ подъ свой контроль и затѣмъ пустила ихъ въ свѣтъ подъ своей отвѣтственностью. То, что̀ напечатано, тѣмъ хорошо, что ужъ твердо и неизмѣнно сидитъ въ книгѣ. Передѣлать, исказить, переврать ужъ нельзя: сейчасъ можно справиться; если невѣрно, — отпереться тоже нельзя: улика на лицо; если кто хочетъ отвѣчать,—опять удобство: обвиненіе закрѣплено печатью, у всѣхъ предъ глазами, и, слѣдовательно, отвѣчающій знаетъ, что̀ именно ему опровергать, противъ чего оправдываться. Такъ и идетъ теперь наша свѣтская литература, разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указаны ей Цензурнымъ Уставомъ, и о которыхъ мы говорили въ одной изъ нашихъ рецензій въ прошломъ году.

Совершенно не то видимъ мы въ вопросахъ, касающихся духовнаго вѣдомства. Современная литература по большей части обходитъ эти вопросы, [и обходитъ не по пренебреженію къ нимъ, а именно потому, что не имѣетъ возможности свободно высказывать свои наблюденія, мнѣнія и предположенія. Нѣкоторые замѣчаютъ] [1]), что Церковь и не нуждается [въ этомъ] [2]), такъ какъ она есть установленіе не человѣческое, а божественное и, слѣдовательно, совершенное и никакимъ перемѣнамъ не подлежащее. Такъ. [Но вѣдь никто изъ писателей и не думаетъ касаться самыхъ догматовъ православія, самыхъ основъ церковнаго устройства. И во всякомъ случаѣ,— на статьи подобнаго рода и могло бы быть налагаемо запрещеніе, если бы только онѣ случились. А затѣмъ, указанія на частные недостатки духовныхъ лицъ и временныя нужды Церкви могли бы быть печатаемы совершенно свободно. Вѣдь и въ свѣтской цензурѣ до сихъ поръ не пропущено ни одной статьи, которая бы посягала на основной принципъ русскаго государственнаго устройства—самодержавіе, да и не слышно было, чтобъ представлялись въ цензуру подобныя статьи; а между тѣмъ, частныя злоупотребленія обличались, и цензура пропускала ихъ на томъ основаніи, что онѣ не только не разрушаютъ нашего государственнаго принципа, но еще укрѣпляютъ его, когда показываютъ, что всѣ недостатки происходятъ не отъ него, а отъ частныхъ злоупотребленій. То же самое могло бы быть и въ духовномъ вѣдомствѣ] [3]). Основамъ православія, очевидно, нисколько не повредило бы, если бы стали писать, напримѣръ, о духовныхъ консисторіяхъ, о существующихъ отношеніяхъ высшей духовной власти къ низшему причту, объ отношеніяхъ священника къ прихожанамъ, объ организаціи учебной части въ духовныхъ училищахъ, о значеніи различныхъ мѣръ, принимаемыхъ и принимавшихся противъ раскола, и пр. и пр. Вѣдь устройство духовныхъ консисторій, преподаваніе агрономіи или медицины въ семинаріяхъ и т. п. не опредѣляется ни Священнымъ Писаніемъ, ни Соборами, ни отцами Церкви; это—дѣло временныхъ потребностей и сообразно съ ними можетъ измѣняться... Что же касается до личныхъ недостатковъ духовныхъ служителей, то [здѣсь, кажется, нужно бы дать уже полную свободу печатать все, что̀ угодно, безъ всякаго ограниченія, и при томъ тѣмъ съ большею смѣлостью, чѣмъ выше стоитъ духовное лицо, о которомъ пишутъ. Пусть будетъ и ложь печататься—бѣды нѣтъ]; служитель Церкви—не чиновникъ, котораго дѣятельность теряется въ сотнѣ другихъ подобныхъ. На священника устремлены

[1]) дѣйствій въ извѣстной отрасли...

[1]) Конечно, извѣстно,
[2]) въ людскихъ разсужденіяхъ и мнѣніяхъ,
[3]) Но

взгляды цѣлаго прихода,—нѣсколькихъ сотенъ, иногда и тысячъ человѣкъ. Ложь о немъ, не подъ рукою пущенная и коварно разнесенная шопотомъ, а гласная, напечатанная, — всегда вызоветъ опроверженіе, и истина явится послѣ нея еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Недопущенная въ печать ложь все-таки останется и, затаившись гдѣнибудь въ темнотѣ, станетъ оттуда поражать честнаго дѣятеля сплетнями и клеветами, которыхъ даже опровергнуть нельзя, потому что онѣ неуловимы, а какъ же бороться съ неуловимымъ?.. И не все же клеветники и злодѣи между людьми пишущими: найдутся и такіе, которые напишутъ чистую правду, изъ искренняго желанія добра. Зачѣмъ же ихъ-то подводить подъ общую мѣрку и не давать ихъ замѣчаніямъ гласности? [Неужели въ духовномъ сословіи должны мы подозрѣвать боязнь огласки, опасеніе открыть предъ людьми свои недостатки? Это было бы слишкомъ печально!.. Уступая силѣ общаго направленія, мірскіе люди всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ состояній подвергли себя публичному обличенію и не считаютъ преступниками тѣхъ, кто всенародно и печатно раскрываетъ ихъ недостатки. А духовенство должно бы, кажется, подавать примѣръ смиренномудрія; оно должно бы болѣе всѣхъ другихъ сословій сохранить память о первоначальномъ христіанскомъ обществѣ, въ которомъ существовала открытая всеобщая исповѣдь: оно оно должно бы постоянно помнить] [1]) примѣръ первоверховнаго апостола Павла, который, конечно, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій предъ лицомъ новообращенныхъ обличилъ Петра за то, что тотъ неодинаково велъ себя въ глазахъ христіанъ изъ язычниковъ и христіанъ изъ евреевъ. И между тѣмъ что же мы видимъ у насъ?—всѣ поднялись на самообличеніе, всѣ стремятся заявить истину о своей жизни и обстановкѣ своего быта; [одно духовенство не только молчитъ, но еще смотритъ съ непріязнью и подозрѣніемъ на всякую постороннюю попытку въ этомъ родѣ... Достойно ли это истинныхъ пастырей Церкви, которые должны подавать свѣтскимъ людямъ примѣръ самоотверженія, смиренія и любви къ правдѣ?] [2]).

Опасаются, чтобы выходки противъ частныхъ лицъ духовныхъ, повторяясь въ печати чаще и чаще, не бросили тѣни вообще на духовенство и не повели къ презрѣнію даже самой Церкви. [Но это опасеніе (если бы оно даже и было основательно) никакъ не можетъ быть успокоено запрещеніемъ печатанія обличительныхъ статей на духовныхъ. Этимъ путемъ не остановишь даже и печатнаго ихъ распространенія, а напротивъ—придашь имъ значеніе, котораго безъ того онѣ не могли бы имѣть] [1]). Объ этомъ еще въ двадцатыхъ годахъ Пушкинъ говорилъ, въ посланіи къ [цензору] [2]):

Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ: чьи забавы—
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ не знакомъ тебѣ,—мы знаемъ, почему,
И *рукопись* его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ...

Теперь явилась возможность печатать за границей, стало быть, ужъ и не *рукопись* будетъ разгуливать, а *книга печатная*, которая, во всякомъ случаѣ, надежнѣе и вѣрнѣе рукописи и скорѣе распространяется. И даже ничтожная вещь, напечатанная за границей, обратитъ на себя общее вниманіе именно потому, что она за границей явилась. Всякій знаетъ, что [многихъ] [3]) вещей здѣсь [не дозволяютъ] [4]) печатать, и потому всякій думаетъ: «а за границей напечатано! значитъ, что-нибудь новое, что-нибудь такое, чего здѣсь [нельзя печатать!»] [5]). И на этомъ основаніи бросаются доставать книгу, платятъ за нее большія деньги и потомъ, какъ диковинкой, хвастаются и даютъ читать тѣмъ, кто не въ состояніи самъ купить... А будь она здѣсь напечатана,—на нее бы и вниманія не обратили. Доказательствомъ этого можетъ служить то самое дѣло, о которомъ мы теперь разсуждаемъ. Въ книжкѣ «Русское духовенство» есть статья: «Духовное званіе въ Россіи». Въ примѣчаніи въ ней отъ издателя сказано, что она заимствована изъ одного русскаго повременнаго изданія. Между тѣмъ мы, даже въ кругу людей, довольно близко интересующихся литературою, никогда и ни

[1]) Или и благонамѣренная огласка, касающаяся лицъ духовнаго сословія, опасна для вѣры и церкви? Но совсѣмъ иное показываетъ намъ

[2]) объ одномъ духовенствѣ считается полезнымъ молчать...

[1]) Но изъ того, что мы сказали выше, ясно, что подобныя опасенія несправедливы, да если бы и могли быть справедливы, то не могли бы ничего доказывать въ пользу молчанія и противъ печатной гласности. Мы помнимъ, что крики противъ печатанія обличеній всякаго рода поднимались еще при самомъ началѣ обличительной литературы. Еще у Гоголя въ «Театральномъ разъѣздѣ» одинъ господинъ кричитъ: «удивляюсь, какъ можно пропускать такія вещи!» Но, къ счастью, ихъ не слушали тѣ, отъ кого зависитъ пропускъ книгъ и статей въ печать. И дѣйствительно, на возраженія людей, любящихъ мракъ, всякій человѣкъ здравомыслящій могъ указать на фактъ распространенія рукописей и книгъ, которое остановить мудрено.

[2]) Аристарху:

[3]) иныхъ

[4]) нельзя

[5]) не напечатаютъ!

отъ кого не слышали ни одного упоминанія объ этой статьѣ. А въ то же время объ «Описаніи сельскаго духовенства» мы уже слышали множество разнообразныхъ разсужденій, и наши знакомые выражали большое изумленіе, когда мы говорили, что до сихъ поръ еще не читали этой книги... Чтобы наше показаніе не принято было за произвольное, мы представимъ, пожалуй, удостовѣреніе въ популярности «Описанія» изъ самыхъ опроверженій, изданныхъ въ Берлинѣ.

Въ предисловіи издателя говорится, что «въ Россіи, неизвѣстнымъ путемъ, появилась она *во множествѣ экземпляровъ* (стр. XII).

Въ первой статьѣ, въ самомъ началѣ засвидѣтельствовано: «книгу эту *многіе читаютъ, перечитываютъ* и находятъ, что нѣкоторыя темныя краски, которыми очернена жизнь сельскаго священника, взяты тутъ съ натуры» (стр. 1).

Во второй статьѣ, тоже въ началѣ говорится: «хотя книга эта напечатана за границею, но оттуда какими-то путями *проникла и въ Россію и здѣсь съ увлеченіемъ читается и перечитывается многими*» (стр. 61).

Въ «Мысляхъ свѣтскаго человѣка», тоже перепечатанныхъ въ берлинской книжкѣ, указано на то, что «книга сія переведена уже на французскій и нѣмецкій языкъ» (стр. 353), и что на нее «указываютъ даже въ наставленіи архипастырямъ» (стр. 357). Вообще, о распространеніи книги говорится вотъ что: «вредная и безсознательная книга, *проникая мало-по-малу во всѣ слои общества, высшаго и низшаго*, производитъ вездѣ губительныя опустошенія» (стр. 353).

Итакъ, къ чему же [служатъ всѣ предосторожности] [1]), вся боязливость относительно печатанія въ Россіи обличительныхъ статей на духовенство? Вѣдь все равно: потока не остановишь. До сихъ поръ о духовныхъ не писали ничего, потому что еще мало интересовались духовнымъ вопросомъ. Теперь, начиная приходить къ сознательной жизни, захотѣли нѣсколько сознательнѣе взглянуть и на значеніе духовенства въ нравственной жизни народа, и потому стали интересоваться духовенствомъ. А коли уже стали интересоваться,—писать будутъ, какія бы препятствія ни ставили... Только, разумѣется, чѣмъ больше станутъ вооружаться щекотливые и трусливые люди, боящіеся печатной гласности, тѣмъ раздраженіе будетъ сильнѣе. Это и очень естественно: люди скромные, люди среднихъ стремленій, махнутъ рукой и замолчатъ; а если кто пойдетъ окольнымъ путемъ, чтобъ только заявить себя, такъ это, разумѣется, на первый разъ самые задорные люди, и вся пропаганда попадетъ въ ихъ руки...

[Впрочемъ, если бы даже и могли остановить печатное слово,—все-таки дѣлу не помогли бы. Общее мнѣніе составляется не по книжкамъ и статейкамъ; напротивъ, книжки и статейки служатъ обыкновенно только отраженіемъ общественнаго мнѣнія. А общее понятіе о духовенствѣ давно уже составлено въ нашемъ обществѣ, и если спросить по совѣсти кого угодно изъ духовныхъ, каждый, конечно, сознается, что понятіе это далеко не въ ихъ пользу. Виною этого предшествующіе факты русской жизни и поведеніе самого духовенства, а ужъ никакъ не литература. Мужики наши ничего не читаютъ; а можно ли сказать, чтобъ они очень уважали священниковъ и причетниковъ? Стоитъ послушать сказки народа и замѣтить, какая тамъ роль дается «попу, попадьѣ, поповой дочери и попову работнику»,—стоитъ припомнить названія, которыми честятъ въ народѣ «поповскую породу», чтобы понять, что тутъ уваженія никакого не сохранилось. О помѣщикахъ нечего и говорить... И замѣчательно, что чѣмъ необразованнѣе помѣщикъ, тѣмъ онъ хуже обходится со священникомъ. На это примѣры есть въ той же берлинской книжкѣ... А все винятъ литературу!..

Вотъ слова священника Грекова] [1]), въ статьѣ «О духовномъ званіи въ Россіи» (стр. 147).

«Неуваженіе къ священному сану такъ развито у свѣтскихъ людей, что каждый даже мелкій чиновникъ, одинъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ кто-то изъ поэтовъ написалъ: «*коллежскій регистраторъ—почтовой станціи диктаторъ*», считаетъ себя не только выше священника, но и прямо требуетъ отъ него подобострастнаго уваженія, а господа познатнѣе, въ особенности помѣщики, играютъ нами, какъ шашками. Иной на своемъ вѣку тѣмъ только занимается, что перемѣняетъ въ своей деревнѣ священниковъ, интригуя противъ нихъ. Спросите: «по какому праву такъ распоряжаются священниками, когда и рабство крестьянъ нынѣ считается уже недостойнымъ

[1]) послужила бы

[1]) Возьмемъ дѣло съ другой стороны. По нашему мнѣнію, отсутствіе гласныхъ разсужденій о духовенствѣ, какъ будто ограждая его отъ неосновательныхъ нареканій, въ то же время лишаетъ самихъ духовныхъ всѣхъ удобствъ гласности. Слѣдствіемъ того бываетъ, что ими помыкаютъ очень многіе, какъ людьми совершенно безгласными. Оттого и происходятъ такіе случаи, о которыхъ разсказываетъ, напримѣръ, священникъ Грековъ

просвѣщенія?»—вамъ отвѣтитъ помѣщикъ, не запинаясь: «какъ по какому праву? Моя деревня, моя церковь, мой попъ, мой приходъ». Послѣ этого вы, конечно, отгадаете, что у такого владѣльца образованному священнику еще труднѣе жить, чѣмъ необразованному».

Въ подтвержденіе словъ своихъ, священникъ разсказываетъ случай объ одной помѣщицѣ, которая, перемѣнивъ въ короткое время до пяти священниковъ, обратилась, наконецъ, съ просьбою къ епископу — посвятить ей во священники дьячка ея, который, кромѣ невѣжества, имѣлъ еще физическій недостатокъ—былъ слѣпъ на одинъ глазъ. «Когда же Владыко спросилъ: что̀ ее заставляетъ домогаться имѣть священникомъ собственнаго дьячка? — она отвѣчала: «Владыко святый,—Богъ съ ними, съ учеными: многаго требуютъ выполнять, а гдѣ намъ все исполнить?»—«Такъ этотъ же,—возразилъ владыко,—вовсе ничего не знаетъ». — «Это правда, — отвѣтила помѣщица,—но зато онъ у меня такой послушный, какъ мокрая курица» (стр. 149).

[Въ другомъ мѣстѣ своей статьи, почтенный священникъ сознается, что «*общимъ* недостаткомъ духовенства считаютъ обыкновенно недостатокъ доброй нравственности». Онъ удивляется, откуда такое нареканіе на духовенство, и спрашиваетъ: «чѣмъ оно заслужило такую репутацію?» (стр. 159).

Вообще, всѣ статьи берлинской книжки, имѣющія въ виду защиту духовенства, исполнены жалобъ на его жалкое положеніе и на недостатокъ уваженія къ нему въ обществѣ. Жалобы эти вполнѣ справедливы. Но гдѣ же причина такого неуваженія? Причинъ, конечно, много; но мы не ошибемся, если скажемъ, что одну изъ важныхъ причинъ составляетъ рѣшительная невозможность у насъ гласныхъ, печатныхъ сужденій о духовенствѣ. У насъ можно писать только общія похвальныя мѣста о духовныхъ; но на это ни одинъ порядочный писатель не рѣшится. Оттого у насъ, при необычайномъ обиліи разсказовъ всякаго рода изъ частной, семейной жизни разныхъ сословій, нигдѣ почти не является участія духовнаго лица: какъ будто они не имѣютъ ни малѣйшаго соприкосновенія съ нашей дѣйствительной жизнью... И продолжаютъ они являться только въ устныхъ анекдотахъ не совсѣмъ скромнаго свойства, да въ простонародныхъ сказкахъ скандалезнаго содержанія, да въ сплетняхъ, разносимыхъ изъ дома въ домъ набожными старушками.

Кромѣ того, отсутствіе гласныхъ разсужденій о духовенствѣ, какъ будто ограждая его отъ неосновательныхъ нареканій, а въ самомъ дѣлѣ, напротивъ, подвергая имъ, въ то же время лишаетъ самихъ духовныхъ всѣхъ удобствъ гласности. Не желая видѣть статей о себѣ, они потому самому принуждены отказаться и отъ всякаго притязанія самимъ возвышать голосъ въ защиту отъ мелкихъ непріятностей и притѣсненій, которымъ иногда подвергаются. Слѣдствіемъ того бываетъ, что ими помыкаютъ очень многіе, какъ людьми совершенно безгласными. Оттого и происходятъ такіе случаи, о которыхъ говорится, напримѣръ, въ статьѣ «Разоблаченіе клеветъ» (стр. 54—55)] [1]).

«Что можетъ сдѣлать у насъ, напримѣръ, сельскій священникъ? Помѣщики и земское начальство подозрительно смотрятъ на всякое увеличеніе вліянія духовенства. Въ немъ они могутъ видѣть постоянныхъ свидѣтелей своихъ злоупотребленій и стараться уронить ихъ значеніе и силу. Недавно въ К-ской епархіи донесли губернатору на священниковъ, какъ на бунтовщиковъ, за то, что они стали склонять къ трезвости своихъ прихожанъ и успѣли убѣдить къ этому нѣкоторыхъ. Въ одномъ селѣ N... епархіи священникъ сталъ убѣждать управляющаго не тиранить крестьянъ, а ихъ убѣждалъ къ терпѣнію, потому что недолго имъ терпѣть; и его выставили возмутителемъ крестьянъ противъ помѣщика, и онъ лишился мѣста. Случилось священнику нѣсколькихъ раскольниковъ обратить къ Церкви: ихъ единомышленники сплетаютъ при посредствѣ земской власти на него рядъ обвиненій, и онъ также лишается мѣста этого и переводится на другое.

Если бы относительно духовенства допускалась у насъ полная гласность, то, конечно, было бы менѣе возможности для подобныхъ случаевъ. Обманъ, и особенно обманъ оффиціальный, всегда живетъ подъ покровомъ негласности и тайны. Какъ скоро является возможность публичнаго протеста противъ него, — онъ становится, по крайней мѣрѣ, осторожнѣе, зная, что его всякій можетъ обличить и провѣрить... Только для этого нужно, разумѣется, дать равную возможность и право рѣчи обѣимъ сторонамъ. Иначе дѣло будетъ только испорчено и внушитъ подозрѣніе въ своей правотѣ всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ.

Разсужденіе это можетъ быть примѣнено и къ настоящему случаю. Мы читаемъ нѣсколько опроверженій на «Описаніе сельскаго духовенства», и очень желали бы вѣрить словамъ ихъ о томъ, что «Описаніе»

---

[1]) Въ другой статьѣ: «Разоблаченіе клеветъ» разсказываются факты еще болѣе поразительные.

это гнусно, безнравственно, противно духу православія, и совершенно ложно... Но, по совѣсти, мы не можемъ принять такого рѣшенія, не видавъ самой книги. Изъ отрывочныхъ небольшихъ выписокъ въ пять-шесть строчекъ нельзя видѣть настоящаго смысла полной рѣчи автора, и тѣмъ менѣе можно судить объ истинномъ значеніи всей этой книги. Напротивъ, въ опроверженіяхъ мы находимъ много доказательствъ того, что авторъ «Описанія» сказалъ [много] [1]) правды, а съ другой стороны видимъ крайнее раздраженіе и неосновательность многихъ возраженій. Въ прошедшемъ году мы видѣли, какъ «Свѣтскій человѣкъ», обвиняя автора за рѣзкость тона, самъ въ то же время не стыдится обременять его весьма [грубыми и бездоказательными ругательствами] [2]), которыя тѣмъ непріятнѣе видѣть въ печати, что обвиняемый авторъ, очевидно, лишенъ возможности печатно защищаться передъ русской публикой. Теперь мы видимъ, что, кромѣ своей [легкомысленности] [3]), этотъ разборъ «Свѣтскаго человѣка» весьма во многомъ расходится съ понятіями самихъ духовныхъ, пишущихъ о томъ же предметѣ. Такъ напр., «Свѣтскій человѣкъ» пишетъ, что въ «Описаніи» «*все* представлено въ превратномъ видѣ» (стр. 373); другая же обличительная статья начинается словами: «не одна только ложь и клевета, а частью и грустная правда высказана въ книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства» (стр. 1). «Свѣтскій человѣкъ» возстаетъ противъ желанія автора, чтобы преподаваніе медицины было усилено въ семинаріяхъ, и считаетъ даже богопротивною мысль, что священники, врачи духовные, должны быть въ своихъ приходахъ вмѣстѣ и врачами тѣлесными. Прикоснувшись къ какому-нибудь мужику, больному позорною болѣзнью, — какъ послѣ того приступитъ священникъ къ совершенію Святыхъ Таинъ?—восклицаетъ «Свѣтскій человѣкъ», полагая, какъ видно, достоинство христіанина въ большей или меньшей элегантности. Но духовныя лица, пишущія противъ «Описанія», напротивъ, признаютъ всю пользу преподаванія медицины въ семинаріяхъ. Вообще, какъ люди болѣе знакомые съ дѣломъ, они гораздо, болѣе дѣлаютъ признаній въ справедливости тѣхъ или другихъ замѣтокъ «Описанія». Только самъ издатель книги оказывается еще болѣе поверхностнымъ и представляетъ доводы еще болѣе неосновательные [и пустые], нежели «Свѣтскій человѣкъ». По всему видно, что онъ не могъ хорошенько уразумѣть даже общаго смысла тѣхъ самыхъ статей, которыя попались ему въ руки для изданія. Всѣ статьи, несмотря на свои частыя противорѣчія въ разныхъ частяхъ, даютъ одинъ общій выводъ — тотъ, что внѣшнее положеніе русскаго духовенства [и самаго духовнаго образованія и управленія] далеко неудовлетворительно. Самъ «Свѣтскій человѣкъ» соглашается, что преобразованія нужны (стр. 372). Издатель же книги, напротивъ, даетъ понять въ предисловіи, что все должно оставаться въ томъ видѣ, какъ есть, *неизмѣннымъ*. Онъ говоритъ, правда, объ *ученіи* православія; но онъ указываетъ на его *неизмѣнность* въ упрекъ тѣмъ, которые пишутъ о дурномъ положеніи духовенства (такъ какъ въ «Описаніи» никто не находитъ выходокъ противъ вѣры православной), слѣдовательно, по его понятіямъ, и ученіе вѣры, и положеніе причта, и программы семинарскія— все это одинаково должно остаться неизмѣннымъ...

Кромѣ того, издатель поступаетъ совершенно не христіанскимъ образомъ, пуская въ публику безыменныя обвиненія и ничѣмъ ихъ не подтверждая. Онъ говоритъ, напримѣръ, что журналы наши стремятся къ разрушенію религіи и нравственности. Такъ, напр., въ одномъ изданіи пишутъ, что молиться все равно въ христіанскомъ ли храмѣ или въ языческомъ, а въ другомъ отвергаютъ бракъ. Затѣмъ, издатель говоритъ: «Чтобы не вводить читателя въ грустныя размышленія, ограничимся приведенными примѣрами» (стр. IX). Но развѣ два примѣра составляютъ все направленіе всѣхъ журналовъ? Да и гдѣ же еще это было напечатано, и въ какомъ видѣ? Много писали о несчастіяхъ брачной жизни и о непрочности супружескаго блаженства, но вѣдь за это еще нельзя казнить наши журналы такимъ выводомъ, какъ сдѣлалъ издатель берлинской книжки. По-нашему, лучше ужъ прямо разбирать статью и доказывать свои обвиненія, нежели пускать такіе уклончивые доносы изъ-за угла, никого не называя, но явно желая возбудить недоброжелательство ко всей русской литературѣ.

Впрочемъ, нужно сказать, что вся книжка, при всемъ разнообразіи и даже нѣкоторой противоположности статей, проникнута духомъ нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ и притязаніемъ — захватить право рѣчи *только* въ свою пользу. Кромѣ того, въ ней находимъ чрезвычайно много фразъ, длинныя, водянистыя общія мѣста, и очень мало дѣла. Нѣсколько фактовъ приводится въ статьѣ первой: «Разоблаченіе клеветъ», и въ этомъ отношеніи она заслуживаетъ вниманія. Но зато авторъ ея чрезвычайно

[1]) довольно и
[2]) грубою и бездоказательною бранью,
[3]) бездоказательности

смутно различаетъ предметы, не умѣетъ логически провести взятой имъ мысли и обнаруживаетъ такія отсталыя, [дикія] понятія, которыхъ давно уже не одобряетъ просвѣщенное духовенство и правительство наше. Онъ, напр., обвиняетъ правительство за то, что оно не преслѣдуетъ раскольниковъ, и совѣтуетъ лишать ихъ извѣстныхъ гражданскихъ выгодъ и приманивать ихъ изъ раскола, обѣщая эти выгоды въ случаѣ присоединенія къ православію... Признаемся, мы не считаемъ такихъ совѣтовъ согласными съ правилами христіанской любви и правды. Впрочемъ, чтобы насъ не обвинили въ голословности показанія, приведемъ все разсужденіе автора, сдѣлавши нѣсколько примѣчаній подъ строкою.

«Кто не согласится, что *расколъ русскій есть невѣжество, крайнее, безсмысленное невѣжество? Всякое невѣжество искореняется только просвѣщеніемъ.* Забота правительства должна быть обращена особенно на образованіе народа. Долѣе всего этому просвѣщенію будутъ противиться раскольники; но они увлекутся общимъ духомъ, общимъ движеніемъ. Организовать въ одно цѣлое этотъ осадокъ русской жизни, дать ему единство подъ управленіемъ какой-либо іерархіи въ высшей степени неблагоразумно и вредно. Это значило бы—среди русскаго государства создать другое, совершенно враждебное всѣмъ началамъ государства, торжественно признать отъ имени правительства вождей, предводителей возмутительной анархической толпы, не хотящей знать ни церковной, ни гражданской власти, не имѣющей ни малѣйшаго уваженія къ ихъ предписаніямъ и распоряженіямъ; это значило бы еще на долгое, на очень долгое время, даже навсегда, отдалить возможность ихъ присоединенія къ церкви, подчиненія уставамъ государственнымъ, дать возможность образоваться партіи, способной произвести переворотъ въ Россіи, который отодвинетъ ее во времена допетровскія, дать возможность верховнаго господства Пугачева съ его клевретами [1]).

Духовенство одно, безъ содѣйствія гражданской власти, ничего не можетъ сдѣлать къ уничтоженію раскола [1]). Расколъ прежде всего есть отчужденіе отъ Церкви, вражда противъ нея; потому слово духовнаго лица выслушивается враждебно и не можетъ имѣть дѣйствія, кромѣ рѣдкихъ случаевъ [2]). А какіе плоды могутъ приносить мудрыя дѣйствія гражданской власти, — примѣръ этого показалъ въ недавнее время Уралъ. Раскольники прямо говорятъ, что правительство не хочетъ ихъ присоединенія къ Церкви, что оно велитъ имъ оставаться въ старой вѣрѣ. Въ послѣднее время въ Вятской и Костромской епархіяхъ и, вѣроятно, и въ другихъ сосѣднихъ распространились печатные манифесты отъ имени: то Императора Александра, то Императора Константина, въ которыхъ имъ повелѣвается оставаться въ старой вѣрѣ. Многіе раскольники говорятъ, что если бы Царь хотѣлъ, чтобы мы присоединились къ Церкви, то онъ прямо бы сказалъ; а то мы не слыхали отъ него подобнаго слова. Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не выдать манифеста къ раскольникамъ, не въ видѣ рѣшительнаго приказа, но въ видѣ сильнаго увѣщанія раскольникамъ присоединиться къ Церкви? [3]). Между раскольни-

---

[1]) Трудно совмѣстить въ немногихъ строкахъ болѣе противорѣчій, чѣмъ здѣсь. Если расколъ такъ *безсмысленъ*, то съ какой стати опасаться, что онъ организуется въ партію, да еще способную произвести переворотъ въ Россіи?.. И если всѣ раскольники составляютъ анархическую возмутительную толпу, то какимъ образомъ могутъ они создать особое *государство* среди русскаго государства? Какъ видно, авторъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о самыхъ первыхъ требованіяхъ и условіяхъ государственной жизни. Да и почему онъ думаетъ, что партія, желающая произвести переворотъ, непремѣнно нуждается, для успѣха въ этомъ, въ признаніи отъ правительства? Кажется, напротивъ, всякая скрытая партія, всякое тайное общество, какъ скоро оно открыто, узаконяется и получаетъ право гражданства, уже черезъ то самое теряетъ половину своей разрушительной силы. *Прим. Д.*

[1]) [Хорошо признаніе, если оно вышло изъ устъ духовнаго лица!.. Такъ вотъ каковы наши миссіонеры, наши проповѣдники вѣры Христовой: имъ нужно содѣйствіе гражданской власти, — исправниковъ, становыхъ, окружныхъ, и т. д!.. А] *) кто же содѣйствовалъ христіанскимъ миссіонерамъ, отправлявшимся на проповѣдь въ отдаленныя страны, къ народамъ дикимъ, невѣдомымъ?.. «Духовенство одно *ничего не можетъ* сдѣлать!» И въ чемъ же? Въ такомъ дѣлѣ, которое только и возможно сдѣлать словомъ духовнаго убѣжденія!.. Понималъ ли авторъ, какъ онъ роняетъ дѣло, которое взялся защищать?..

*) Но, скажите, *Прим. Д.*

[2]) Выше авторъ самъ же сказалъ, что расколъ враждебенъ и гражданской власти такъ же, какъ церковной; а ниже онъ говоритъ, что расколъ еще враждебнѣе государству, нежели Церкви. Стало быть, если гражданская власть вмѣшивается въ это дѣло, то она, очевидно, можетъ только увеличить раздраженіе раскольниковъ. *Прим. Д.*

[3]) Какъ прикажете разсуждать съ подобнымъ авторомъ? То онъ говоритъ, что раскольники составляютъ анархическую толпу, не хотящую знать ни церковной, ни гражданской власти; то увѣряетъ, что раскольники потому только не обращаются, что правительство не даетъ приказанія на это!.. [Невозможно быть до того ограниченнымъ человѣкомъ, чтобы не замѣтить противорѣчія этихъ двухъ мыслей; и потому мы имѣемъ право предполагать здѣсь въ авторѣ недобросовѣстную уловку. Онъ хотѣлъ подѣйствовать на извѣстныя лица и потому рѣшился сначала запугать ихъ тѣмъ, что раскольники, при малѣйшемъ послабленіи, бунтъ произведутъ, а потомъ ужъ и приступить къ убѣжденію, что слѣдуетъ

Отдел книгохранения
Центр. писателя В.И. Белова
Вологод. жел. дор. Библиотека „КОР"

ками надобно различать людей различныхъ убѣжденій. Одни привязаны къ расколу съ полною увѣренностью, что здѣсь только они могутъ найти себѣ спасеніе. Противъ такихъ людей строгія мѣры и безполезны, и беззаконны. Хотя это люди самые упорные въ расколѣ, но слово убѣжденія, согрѣтое любовью евангельскою, во имя вѣчнаго спасенія, скорѣе найдетъ доступъ къ ихъ сердцу. Примѣры обращенія подобныхъ людей изъ раскола къ Церкви представляетъ о. Парфеній съ своими товарищами. Есть раскольники, которые слѣдуютъ расколу потому, что слѣдовали ему ихъ отцы, не разсуждая, по упорству и упрямству русскаго характера, и такихъ строгія мѣры могутъ только ожесточить. Просвѣщеніе есть единственное средство вывести ихъ изъ этого состоянія. Есть еще раскольники, которые держатся раскола потому, что здѣсь они находятъ выгоды, возможность безнаказанно удовлетворять своимъ страстямъ, не стѣсняться законами ни государственными, ни церковными, однимъ словомъ, жить по своей волѣ и наживаться на счетъ простяковъ, не имѣя никакой вѣры. *Можетъ ли правительство оставить подобныхъ людей безъ стѣсненія?* [1]). *Строія мѣры противъ нихъ* не будутъ посягательствомъ на религіозныя убѣжденія, но только законнымъ преслѣдованіемъ гражданскаго безпорядка. *Не костеръ, не пытки* [2]) мы признаемъ нужными противъ нихъ, но только такія мѣры, которыя бы не оставляли имъ выгоды внѣшней оставаться въ расколѣ. Они бросятъ расколъ, когда увидятъ, что, оставаясь въ немъ, они теряютъ свои внѣшнія выгоды. Были случаи, что бабы, носившія званіе раскольничьихъ поповъ, изъ-за матеріальныхъ выгодъ служили противъ раскольниковъ [3]). *Конечно, Церковь не пріобрѣтетъ въ нихъ добрыхъ сыновей*, но, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣти воспитаются въ Церкви, по крайней мѣрѣ, они не будутъ соблазнять и увлекать другихъ къ отпаденію отъ Церкви временными выгодами. Есть еще раскольники, которые охотно бы перешли въ Церковь, если бы не связывали ихъ отношенія родственныя или коммерческія съ другими раскольниками. Они рады были бы случаю, который бы далъ имъ возможность, не подвергая себя преслѣдованію со стороны единовѣрцевъ, перейти къ Церкви. Но такой случай могутъ представить только понудительныя мѣры правительства. Всего вреднѣе въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ непостоянство мѣръ правительства: *слабыя мѣры мѣняются строими, строія слабыми* [1]). Поэтому раскольники смотрятъ на всѣ стѣснительныя мѣры противъ нихъ, какъ на вопросъ денежный. Они говорятъ, что вѣрно понадобился отъ насъ милліонъ,—и везутъ его. Какъ мало вѣрятъ раскольники въ искренность желанія правительства обратить ихъ въ Церковь, и напротивъ, убѣждены, что дѣло идетъ только объ ихъ деньгахъ, — разскажу одинъ случай. Возникло дѣло о совращеніи въ расколъ мужа и жены. Архіерей пожелалъ самъ поговорить съ ними, чтобы подѣйствовать на нихъ силою убѣжденія. Онъ призвалъ ихъ и началъ говорить имъ сильно о томъ, что они потеряютъ вѣчное спасеніе внѣ Церкви. Видимо, обоимъ имъ стало неловко; сила убѣжденія была велика... И вотъ жена толкаетъ мужа, мужъ вытаскиваетъ изъ-за пазуха деньги и передаетъ ихъ архіерею. «Что это значитъ?» спрашиваетъ архіерей. «Да ужъ перестаньте говорить, батюшка, мы не знаемъ, что̀ отвѣчать, оставьте насъ въ покоѣ».

«Можно себѣ представить всю скорбь архіерея... Чтобы дѣйствовать на раскольника путемъ убѣжденія, нужно архіерею имѣть денежныя средства, на которыя бы онъ могъ посылать особыхъ, къ тому приготовленныхъ миссіонеровъ изъ священниковъ ли, или изъ другихъ лицъ, давая имъ хорошее содержаніе. Но архіерей не имѣетъ въ своемъ распоряженіи денегъ на подобныя издержки. Но, во всякомъ случаѣ, неправду говоритъ авторъ (Описанія), что раскольники не переходятъ, и всѣ донесенія

манифестъ выдать объ обращеніи раскольниковъ... Уловка эта придумана недурно, но прикрыта ужъ очень неискусно!..] *Прим. Д.*

[1]) А можетъ ли правительство проникнуть въ сердце каждаго изъ раскольниковъ и опредѣлительно сказать, что такой-то держится раскола по убѣжденію, такой-то по привычкѣ, а этотъ— изъ выгодъ? Не потребуется ли для такого разбирательства нѣчто въ родѣ инквизиціи? И не откроетъ ли это обширнаго поприща для взятокъ и всякаго рода злоупотребленій чиновниковъ?

Прим. Д.

[2]) Какая гуманность! Авторъ не желаетъ жечь и пытать раскольниковъ!.. [Еще этого только и недоставало!..] *Прим. Д.*

[3]) Итакъ, авторъ не стыдится, для привлеченія людей къ православію, предлагать нѣчто въ родѣ подкупа!.. Что за іезуитскій складъ мыслей!!. И прочтите дальше: онъ и оправдываетъ-то эту мѣру по-іезуитски. «Конечно, — говоритъ, — они не будутъ добрыми христіанами, да зато вредить не будутъ!..» А гдѣ же Христовы правила, заповѣдующія пастырямъ заботиться прежде всего и больше всего о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ? Можетъ ли христіанскій пастырь съ такимъ безнравственнымъ равнодушіемъ отзываться о душевномъ благѣ своей паствы? «Они,—говоритъ,— конечно, не исправятся такими мѣрами и не будутъ добрыми сынами Церкви; да это ничего: лишь бы не вредили!» Какой коммерческій, [барышническій] взглядъ на дѣло вѣры!.. *Прим. Д.*

[1]) Какъ по всему видно, авторъ желаетъ, чтобъ постоянно употребляемы были *строія* мѣры!..

Прим. Д.

объ этомъ не болѣе какъ ложь. *Гдѣ только гражданское начальство содѣйствуетъ духовной власти, тамъ дѣйствія противъ раскола бываютъ плодотворны* [1]). Но что дѣлать духовному начальству, когда всѣ его усилія парализуются дѣйствіями свѣтскихъ властей? А между тѣмъ вопросъ о расколѣ вреднѣе для государства, нежели для Церкви; расколъ грозитъ большею опасностью государству, нежели Церкви, отъ которой раскольники, какъ гнилые члены, уже совсѣмъ отдѣлены. Понятно, почему Искандеръ съ своею братіею громко вопіетъ противъ всякихъ строгихъ мѣръ на расколъ. Они видятъ въ этой общинѣ зародышъ демократическаго начала, противнаго Церкви и государству, долженствующаго въ ихъ идеяхъ преобразовать общество Русское. Но только ихъ слѣпая, фанатическая любовь къ своимъ идеямъ можетъ въ этомъ тернистомъ полѣ видѣть сѣмя свободы.—Какъ ни ненавистна имъ поставленная отъ Бога власть, но думаю, что они въ тысячу разъ лучше согласятся быть подъ ея управленіемъ, нежели подъ управленіемъ какихъ-нибудь Емельяновъ Пугачевыхъ [2]). Расколъ отличается рѣшительною нетерпимостью къ другимъ вѣрованіямъ и обычаямъ, заклятою враждою противъ всѣхъ, не принадлежащихъ ихъ обществу [3]). И этотъ духъ вражды, нетерпимости, вмѣстѣ съ крайнимъ невѣжествомъ, придаетъ такой характеръ расколу, что всякое благородное сердце должно обливаться кровью при мысли о немъ».

Вотъ каковы сужденія автора по поводу раскола! Видно, что онъ не обладаетъ особенно свѣтлымъ взглядомъ и не совсѣмъ искусно прикрываетъ свои затаенныя мысли... И всякій изъ читателей согласится, что подобный авторъ и подобныя разсужденія не могутъ внушить особеннаго довѣрія человѣку безпристрастному. Послѣ этого, какъ же мы можемъ на слово вѣрить его обвиненіямъ противъ автора «Описанія сельскаго духовенства»?

Но замѣчательно, что даже и этотъ авторъ не можетъ не сознаться въ справедливости многихъ замѣчаній въ «Описаніи сельскаго духовенства» [о недостаткахъ духовнаго званія]. Такъ, напр., восхваляя семинарское образованіе, онъ, однакоже, не можетъ не признать слѣдующихъ фактовъ (стр. 10):

«Что касается до нравственнаго воспитанія въ духовныхъ училищахъ, то его нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. У насъ болѣе учатъ, чѣмъ воспитываютъ. Воспитаніе ограничивается почти только отрицательными мѣрами: стараются не допускать воспитанниковъ до шалостей и проступковъ; *но мало заботятся о возбужденіи воли къ самодѣятельности, о развитіи живого сознанія своихъ будущихъ обязанностей* и стремленія дѣйствовать неуклонно и неутомимо въ званіи учителя, руководителя, духовнаго отца народа. *Безпрекословное повиновеніе даже одному капризу начальника—вотъ что считается обязанностью ученика!* Оттого въ характерѣ семинариста образуется какая-то *упругость, тягучесть, способность сживаться съ обстоятельствами, выносить то, чего другой никогда бы, можетъ быть, не перенесъ, но нѣтъ жажды свободной дѣятельности, стремленія простереть свое вліяніе далѣе казенной формы*; яснѣе сказать, нѣтъ желанія и ревности стать чѣмъ-нибудь болѣе, чѣмъ однимъ совершителемъ таинствъ и обрядовъ для народа»...

Можетъ быть, автору кажется, что это недостатокъ неважный, но едва ли не онъ-то и служитъ причиною того до рабства смиреннаго, безпрекословнаго отношенія, въ которомъ находятся часто духовныя лица не только къ своимъ начальникамъ, но и къ помѣщикамъ, значительнымъ прихожанамъ и вообще лицамъ, сколько-нибудь вліятельнымъ... Авторъ статьи самъ сознаетъ это и говоритъ далѣе (стр. 13):

«Не осуждаемъ намѣреній начальства духовныхъ училищъ; оно имѣетъ въ виду послушаніе иноческое и исполненіемъ своихъ приказаній безъ разсужденія думаетъ пріі-

---

[1]) [Самъ того не замѣчая, авторъ указываетъ на способъ, которымъ производится обращеніе раскольниковъ. Онъ говоритъ: «*тамъ, гдѣ* гражданское начальство содѣйствуетъ». Значитъ, здѣсь разумѣются не общія правительственныя мѣры, а распоряженія частныхъ, мелкихъ начальниковъ. А чѣмъ могутъ дѣйствовать частные начальники? Вѣдь не предоставленіемъ гражданскихъ правъ и преимуществъ обращающимся: это превышаетъ ихъ власть. Ясно, что они могутъ дѣйствовать только принудительными мѣрами... И авторъ радуется этому, и хочетъ, чтобъ вездѣ у насъ распространялось слово истины евангельской подобнымъ образомъ!..] *Прим. Д.*

[2]) Да вѣдь авторъ самъ же говоритъ, что стоитъ манифестъ издать, и всѣ раскольники обратятся! Какія же тутъ опасенія пугачевщины? [И стоитъ ли тутъ обращать вниманіе на мнѣнія—хоть бы Искандера съ братіей?] Мы не понимаемъ, почему авторъ какъ будто [склоняется на эти мнѣнія, выражая] *) страхъ предъ расколомъ: вѣдь онъ же сказалъ, что расколъ есть не что иное, какъ невѣжество, что его держится безсмысленная толпа, не знающая даже никакихъ законовъ, не только-что неспособная составить особое управленіе, и что, наконецъ—раскольники вообще очень наклонны къ обращенію, если только правительство выскажетъ ясно желаніе этого... Намъ кажется, что авторъ совершенно сбился и спутался и наговорилъ совершенно противное тому, что̀ хотѣлъ сказать.

*) выражаетъ *Прим. Д.*

[3]) Къ сожалѣнію, самъ авторъ не чуждъ такой же нетерпимости въ отношеніи къ раскольникамъ. *Прим. Д.*

учить къ смиренію. Но прямо скажемъ, что оно ошибается *и достигаетъ противоположныхъ результатовъ*. Монашеское послушаніе есть обѣтъ произвольный, и потому не обязательный для всѣхъ; требуй его отъ того, кто сознательно отрекся отъ своей воли! Начальникъ не долженъ забывать, что *онъ не есть законъ, а наблюдатель за исполненіемъ закона*. Зная горькія слѣдствія непослушанія, подчиняются и капризу; но въ душѣ остается скорбное чувство оскорбленнаго достоинства. Опытъ показываетъ, что *безропотно послушные подобнаго рода приказаніямъ, въ жизни семейной и общественной, сами становятся деспотами*. Ласковое, довѣрчивое, отеческое обращеніе смягчитъ грубость первоначальнаго воспитанія, дастъ свободу развитію мальчиковъ, принесетъ имъ рѣшеніе на многіе вопросы жизни, укажетъ имъ и настоящій способъ дѣйствованія въ будущемъ ихъ служеніи».

Говоря о духовныхъ консисторіяхъ, авторъ также не можетъ не согласиться, что ихъ положеніе дурно. Вотъ его слова (стр. 28):

«Консисторіи всѣ ругаютъ: лучшею считаютъ Петербургскую; въ Московской, по крайней мѣрѣ, члены не берутъ взятокъ, а въ провинціальныхъ, говорятъ, они не уступаютъ и подъячимъ въ этомъ дѣлѣ. Рѣшительное преобразованіе ихъ необходимо не только для спокойствія духовенства, но и для чести человѣчества. Самые строгіе, самые дѣятельные архіереи, несмотря на все свое желаніе, не въ силахъ исправить это зло при нынѣшнемъ устройствѣ, и украсить Георгіемъ 1-й степени нужно бы того, кто изобрѣлъ бы проектъ, разбивающій наголову это полчище взяточниковъ».

Архіереевъ авторъ защищаетъ отъ нареканій «Описанія»; но и тутъ не можетъ не замѣтить, что дѣйствительно — «жалкія формы, груды письменныхъ дѣлъ изъ архіерея дѣлаютъ только чиновника; придумайте мѣры къ сокращенію этихъ пустыхъ переписокъ, этой формальности, которою всегда можетъ прикрыться злоупотребленіе, но которая отнимаетъ время отъ дѣлъ духа и жизни» (стр. 41).

Такихъ сознаній довольно много можно найти во всей книжкѣ; но мы обращаемъ вниманіе только на первую статью ея, потому что въ ней только соблюдено еще нѣкоторое уваженіе къ фактамъ, и есть дѣльныя указанія. Статья священника Грекова тоже имѣетъ нѣкоторое достоинство, но факты, приводимые въ ней, слишкомъ частны и не даютъ еще права ни на какіе общіе выводы: онъ говоритъ о своемъ приходѣ только. Что же касается до остальныхъ пяти статей, то въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ общихъ мѣстъ и реторической амплификаціи. Одинъ, напр., въ опроверженіе того, что нынѣшнее преподаваніе въ семинаріяхъ отстало и схоластично, приводитъ — что бы вы думали? — на 23 страницахъ имена русскихъ архіереевъ, проповѣдниковъ, ученыхъ и вельможъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ съ XVII вѣка. Между этими именами есть, конечно, никому неизвѣстныя [или замѣчательныя вовсе не съ блестящей стороны], какъ напр., *[Красовскій]*, Сидоровскій, Исаевъ, Донковъ, Никита Крыловъ, Прокоповичъ-Антонскій, Кирьякъ-Кондратовичъ, Рубанъ, Д. С. С. Шпилевскій, и т. п. Но это бы еще не бѣда. Дурно то, что весь этотъ перечень нейдетъ къ дѣлу. Мы всѣ знаемъ, что первый университетъ основанъ у насъ въ 1775 году, а гимназіи стали открываться въ царствованіе Императора Александра I. Поэтому мы нимало не возстаемъ противъ того, что Ломоносовъ, напр., учился сначала въ московскомъ и кіевскомъ духовныхъ училищахъ; но только, что же изъ этого? Неужели подобные факты, хоть бы ихъ было вдесятеро больше, чѣмъ представлено авторомъ, доказываютъ, что нынѣшнее преподаваніе въ семинаріяхъ и то, какое было 20—30 лѣтъ тому назадъ, вполнѣ современны и удовлетворительны?

Другой авторъ, написавшій «О благотворномъ участіи Церкви и пастырей ея въ судьбахъ Россіи», хочетъ доказать, что несправедливо упрекать нынѣшнее наше духовенство въ разныхъ недостаткахъ, потому что прежнее духовенство имѣло полезное вліяніе на нашу исторію... Какъ будто эти двѣ вещи какъ-нибудь вяжутся между собою!..

Противъ такихъ статей спорить нечего: ясно, что авторы ихъ болѣе любятъ фразу, нежели дѣло, и разсужденіе съ ними будетъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее.

Пусть и много досточтимаго въ духовномъ образованіи, и велика вообще заслуга духовенства въ Россіи, но все-таки защищать то и другое такимъ образомъ, какъ это сдѣлано въ статьяхъ книги «Русское духовенство»,—не годится.

Но мы замѣтили еще одну черту во всѣхъ статьяхъ опроверженій, это — противорѣчіе авторовъ въ разныхъ вопросахъ. Мы выше уже указали ихъ нѣсколько. Приведемъ здѣсь въ заключеніе еще одно, касающееся предмета довольно важнаго—жалованья духовенству. Одно опроверженіе на «Описаніе» такъ порицаетъ его автора, недовольнаго тѣмъ, что архіереи не согласились на предполагавшееся введеніе жалованья (стр. 23—24):

«Прилично ли, законно ли іерею произ-

носить проклятіе на архіереевъ за то, что они возставали противъ жалованья духовенству? *Безъ всякаго прекословія,* говоритъ апостолъ, *меньшее отъ большаго благословляется*... Неужели авторъ книги не могъ отгадать причинъ, которыя побуждали архіереевъ къ подобной мѣрѣ? 1) Дѣло шло о епархіяхъ, гдѣ духовенство имѣетъ достаточное содержаніе и безъ того. 2) Опредѣленіе жалованья священникамъ отъ казны могло поставить ихъ на степень чиновниковъ, зависимыхъ отъ гражданскаго начальства, а для силы Церкви, для ея значенія, для сохраненія ея чистоты, требуется ея самостоятельность. 3) Вознагражденіе отъ прихожанъ за совершеніе требъ сближаетъ священника съ прихожанами, поставляетъ ихъ въ болѣе тѣсное взаимное отношеніе, заставляетъ священника заботиться о любви прихожанъ, а прихожанъ принимать участіе въ его семейномъ положеніи. Одинъ архіерей писалъ къ Н., что нѣкоторые священники, получающіе жалованье, не хотятъ совершать требы, не хотятъ служить молебновъ,—требуя за нихъ неумѣреннаго вознагражденія. — Прихожане не терпятъ въ священникѣ корыстолюбія и притязательности, но съ любовію даютъ по мѣрѣ средствъ своихъ, и почли бы себя оскорбленными, если бы священникъ отказался принять приношеніе ихъ усердій. Разсказывали мнѣ примѣры, что прихожане стали удаляться отъ священниковъ, какъ отъ чиновниковъ, когда тѣ стали жалованье получать; ихъ подкупаютъ, говорятъ они, и особенно этимъ пользовались раскольники, чтобы отдалить народъ отъ духовенства».

Намъ кажется, что статья эта писана тоже *свѣтскимъ* человѣкомъ, мало понимающимъ настоящее положеніе и надобности духовенства. Онъ говоритъ, между прочимъ, съ нѣкоторою небрежностью: «средства жизни священниковъ дѣйствительно скудны, но надобно припомнить, что и потребности ихъ ограничены. Они рождены въ этой скудости, въ ней воспитаны, и *имъ не тяжело и нести ее*» (стр. 23). Такой отзывъ показываетъ — или человѣка богатаго изъ духовныхъ, или вовсе не духовнаго. Духовное лицо, священникъ Грековъ, говоритъ вотъ что (стр. 153):

«*Порокъ корыстолюбія въ духовенствѣ* зависитъ не отъ воспитанія и не отъ природныхъ наклонностей духовнаго сословія, а *отъ способовъ его содержанія.* Обезпечьте насъ, какъ слѣдуетъ, *дайте намъ приличное содержаніе и тогда требуйте отъ насъ совершеннаго безкорыстія.* Мы не только не пожалѣемъ тогда о своихъ доходахъ, но, напротивъ, будемъ радоваться, что *избавились отъ этой тяжкой и горькой необходимости питаться подаяніемъ.—Это мысль общая всего духовенства, желаніе постоянно высказываемое.*

Одно сопоставленіе подобныхъ мѣстъ доказываетъ уже, какъ необходимо для духовенства гласное, печатное обсужденіе вопросовъ, касающихся его внѣшняго положенія и устройства. Пусть не боятся духовные, что подобнымъ обсужденіемъ можетъ быть унижено достоинство православной Церкви. Напротивъ, ничѣмъ оно столько не ослабляется, какъ постояннымъ молчаніемъ о духовномъ сословіи, постояннымъ отчужденіемъ его отъ того движенія, которое совершается въ литературѣ. [Образованное общество, съ одной стороны видя недостатки, неизбѣжно существующіе въ духовенствѣ, а съ другой — замѣчая, что всѣ молчатъ о нихъ, между тѣмъ какъ громко говорятъ о всемъ другомъ,—общество имѣетъ полное право думать, что духовенство само враждебно всякому исправленію и усовершенствованію, нетерпимо ко всякому постороннему мнѣнію и желаетъ навсегда остаться при тѣхъ же порядкахъ, какіе у него существуютъ нынѣ... Такое мнѣніе сдѣлалось теперь почти повсемѣстнымъ въ обществѣ, и духовенство не иначе можетъ измѣнить его, какъ дозволеніемъ свободно и гласно обсуждать его дѣйствія и даже нѣкоторыя условія теперешней организаціи духовнаго вѣдомства.

Надѣемся, что просвѣщенное духовенство приметъ безъ огорченія и безъ всякихъ подозрѣній наши искреннія замѣчанія, имѣющія въ виду единственно общую пользу. Появленіе въ печати этой статьи да послужитъ доказательствомъ того, что и духовное вѣдомство не желаетъ стѣснять благонамѣреннаго и спокойнаго обсужденія относящихся къ нему вопросовъ, до которыхъ, наконецъ, необходимо же когда-нибудь дотронуться].

126373-1

383. Когда же придетъ настоящій день?

(**Наканунѣ**, повѣсть *И. С. Тургенева*. «Русскій Вѣстникъ», 1860 г., № 1–2).

Напечатано вмѣстѣ съ № 382.

Эта статья имѣла свои серьезныя послѣдствія, а со стороны литературнаго освѣщенія міровоззрѣніе автора представляетъ весьма важное значеніе.

Сначала о первыхъ.

Мы уже видѣли, что литературный разрывъ между старымъ и новымъ поколѣніями произошелъ въ началѣ 1859 года; съ обѣихъ сторонъ были сказаны такія слова, которыя никогда назадъ не берутся, а только закрѣпляютъ чувствовавшуюся еще раньше рознь. Мы уже знаемъ, какъ обѣ стороны смотрѣли на пригодность другъ друга къ общественной дѣятельности въ будущемъ, чего каждая ожидала отъ своего противника. Добролюбовъ, разъ выступивъ съ рѣшительнымъ словомъ, не счелъ нужнымъ молчать потомъ и уже пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы лучше и яснѣе отгородиться отъ недавнихъ союзниковъ. Когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана повѣсть Тургенева «Наканунѣ», онъ, конечно, не могъ пройти ее молчаніемъ, какъ сдѣлалъ изъ чисто литературно-этическихъ соображеній съ «Дворянскимъ гнѣздомъ» (см. № 298). Новая повѣсть популярнаго беллетриста давала очень много матеріала, чтобы не сдѣлать выводовъ, необходимыхъ Добролюбову. Съ другой стороны, всегда далекій отъ какихъ бы то ни было личныхъ счетовъ, Добролюбовъ началъ съ того, что призналъ—уже не въ первый разъ (алфавитный указатель именъ)—большой литературный талантъ писателя, хотя, правда, съ нѣкоторыми оговорками, которыхъ онъ и не могъ не сдѣлать. А именно, онъ сказалъ, что талантъ Тургенева «не изъ тѣхъ титаническихъ талантовъ, которые единственно силою поэтическаго представленія поражаютъ, захватываютъ васъ и влекутъ къ сочувствію такому явленію или идеѣ, которымъ мы вовсе не расположены сочувствовать»; что Тургеневъ «не могъ бы вызвать общую симпатію публики, если бы касался вопросовъ и потребностей, совершенно чуждыхъ его читателямъ, или еще не возбужденныхъ въ обществѣ»; и наконецъ, что «живое отношеніе къ современности *спасло* г. Тургенева (отъ участи, подобной забытому Фету — *М. Л.*) и упрочило за нимъ постоянный успѣхъ». Прибавьте къ этому фразу критика: «мы заранѣе говоримъ, что не знаемъ, съ какою цѣлью, вслѣдствіе какихъ предварительныхъ соображеній изобразилъ онъ исторію, составляющую содержаніе повѣсти «Наканунѣ»,—и вы поймете, что донельзя самолюбивый и избалованный общимъ поклоненіемъ Тургеневъ не могъ быть доволенъ статьей Добролюбова, которому, какъ мы уже видѣли, не очень-то симпатизировалъ».

Въ дополненіе къ сказанному объ этомъ раньше приведу, напримѣръ, разговоръ романиста съ Чернышевскимъ на вечерѣ 10 января 1860 года, во время перваго литературнаго чтенія, устроеннаго Литературнымъ Фондомъ. Тургеневъ былъ недоволенъ тогда одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе своего спора объ этомъ съ Чернышевскимъ сказалъ: «васъ я могу еще переносить, но Добролюбова не могу». — «Это оттого, сказалъ Чернышевскій, что Добролюбовъ умнѣе, и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже».—«Да,—отвѣчалъ Тургеневъ съ добродушной шутливостью,—«да, вы—простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя» («Сочиненія», т. IX, 103) [1]).

Но неудовольствіе Тургенева статьей о «Наканунѣ» было извѣстно прежде появленія ея въ «Современникѣ». Услужливый цензоръ, Бекетовъ, показалъ ему присланную на цензуру корректуру... Дальше даю мѣсто Головачевой-Панаевой, съ женскою мелочностью записавшей все, что̀ сколько-нибудь характеризуетъ дѣйствующихъ лицъ.

«Некрасовъ пришелъ ко мнѣ очень встревоженный и сказалъ:

— Ну, Добролюбовъ заварилъ кашу! Тургеневъ страшно оскорбился его статьею... и какъ это я сдѣлалъ такой промахъ, что не отговорилъ Добролюбова отъ намѣренія написать статью... Тургеневъ сейчасъ прислалъ ко мнѣ К(олбасина—*М. Л.*) съ просьбой выбросить изъ статьи все начало. Я еще не успѣлъ ее прочитать. По словамъ Тургенева, пѣреданнымъ мнѣ К., Добролюбовъ будто бы глумится надъ его литера-

[1]) Здѣсь кстати замѣчу, что г. Пантелѣевъ ошибается, думая, что, прочитавъ на этомъ вечерѣ своего «Гамлета и Донъ-Кихота», Тургеневъ мѣтилъ въ молодую партію «Современника». Разумѣется, при этомъ условіи рѣчь его не была бы напечатана черезъ мѣсяцъ въ томъ же самомъ журналѣ.

турнымъ авторитетомъ и вся статья переполнена какими-то недобросовѣстными, ехидными намеками... Нельзя же ссориться съ нимъ!

— А вы находите, что съ Добролюбовымъ можно?—спросила я:—онъ навѣрное не захочетъ признать за Тургеневымъ цензурныхъ правъ надъ своими статьями.

— Добролюбовъ настолько уменъ, что пойметъ всю невыгоду для журнала потерять такого сотрудника, какъ Тургеневъ!—отвѣтилъ мнѣ Некрасовъ.

— Да и Тургеневъ настолько же уменъ, чтобы, заявляя свои требованія, не знать заранѣе, что Добролюбовъ имъ не подчинится.

«Некрасовъ отправился объясняться къ Добролюбову. Черезъ часъ Добролюбовъ пришелъ ко мнѣ, и я услышала въ его голосѣ раздраженіе.

— Знаете ли, что̀ продѣлалъ цензоръ съ моей статьей?—спросилъ онъ.

«Я ему отвѣчала, что все знаю; тогда Добролюбовъ продолжалъ:

— Отличился Тургеневъ! по-генеральски ведетъ себя... Удивилъ меня также и Некрасовъ, вообразивъ, что я способенъ на лакейскую угодливость. Въ виду нелѣпыхъ обвиненій на мою статью, я теперь ни одной фразы не выкину изъ нея.

«Некрасовъ, давшій знать Тургеневу, что самъ будетъ у него, поѣхалъ къ нему, но не засталъ его дома и намѣревался передъ клубнымъ обѣдомъ опять заѣхать къ нему, объясняя себѣ отсутствіе Тургенева какой-нибудь случайностью. Въ этотъ вечеръ Некрасовъ вернулся изъ клуба около двухъ часовъ ночи и вошелъ въ нашу столовую; онъ былъ мраченъ и, подавая мнѣ записку, сказалъ:

— Мнѣ не удалось опять застать дома Тургенева, я оставилъ ему письмо и вотъ какой получилъ отвѣтъ,—прочитайте-ка.

«Отвѣтъ Тургенева состоялъ изъ одной фразы: «Выбирай:—я или Добролюбовъ».

«Некрасовъ былъ сильно озадаченъ этимъ ультиматумомъ и, ходя по комнатѣ, говорилъ:

— Я внимательно прочелъ статью Добролюбова и положительно не нашелъ въ ней ничего, чѣмъ могъ бы оскорбиться Тургеневъ. Я это написалъ ему, а онъ вотъ какой отвѣтъ мнѣ прислалъ!.. Остается одно: вовсе не печатать этой статьи. Добролюбовъ очень дорожитъ журнальнымъ дѣломъ и не захочетъ, чтобы изъ-за его статьи у Тургенева произошелъ разрывъ съ «Современникомъ». Это повредитъ журналу да и прибавитъ Добролюбову враговъ, которыхъ у него и такъ много; въ литературѣ обрадуются случаю, поднимутъ гвалтъ, на него посыпятся разныя сплетни, такъ что гораздо благоразумнѣе избѣжать всего этого... Я въ такомъ состояніи, что не могу итти къ нему объясняться, лучше вы передайте, какой серьезный оборотъ приняло дѣло.

«Я отправилась къ Добролюбову; онъ удивился моему позднему приходу. Я придала шутливый тонъ своему порученію и сказала:

— Я явилась къ вамъ, какъ парламентеръ.

— Догадываюсь,—предлагаютъ сдаться? съ усмѣшкою спросилъ онъ.

— Разсчитываютъ на ваше благоразуміе, которое устранитъ важную потерю для журнала. Некрасовъ получилъ записку отъ Тургенева...

— Вѣроятно, Тургеневъ грозитъ, что не будетъ болѣе сотрудникомъ въ «Современникѣ», если напечатаютъ мою статью,—перебилъ меня Добролюбовъ.—Не понятно мнѣ, что̀ понадобилось Тургеневу придираться къ моей статьѣ? Онъ могъ бы прямо заявить Некрасову, что не желаетъ сотрудничать вмѣстѣ со мной. Каждый свободенъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ людямъ!.. Я выведу Некрасова изъ затруднительнаго положенія: я самъ не желаю быть сотрудникомъ въ журналѣ, если мнѣ нужно подлаживаться къ авторамъ, о произведеніяхъ которыхъ я пишу.

«Добролюбовъ не далъ мнѣ возразить и добавилъ:

— Нѣтъ, ужъ если вы взялись за роль парламентера, такъ выполните ее по всѣмъ правиламъ и передайте мой отвѣтъ Некрасову.

«Идя отъ Добролюбова, я встрѣтила въ передней Панаева, только-что вернувшагося домой, и передала ему отвѣтъ Добролюбова.

— О чемъ хлопочетъ Некрасовъ,—сказалъ Панаевъ,—никакого соглашенія не можетъ быть съ Тургеневымъ. Я былъ въ театрѣ и тамъ мнѣ говорили, какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ, что Тургеневъ не хочетъ болѣе имѣть дѣла съ «Современникомъ», потому что редакторы дозволяютъ писать на него ругательныя статьи... Анненковъ накинулся на меня съ пѣной у рта, упрекая въ черной неблагодарности и увѣряя, что единственно Тургеневу мы обязаны успѣхомъ журнала [1]); что мы осрамили себя, дозволивъ нахальному и ехидному мальчишкѣ писать ругательства о такомъ великомъ писателѣ, какъ Тургеневъ! Я не могъ уйти отъ него, потому что въ проходѣ была толпа, а Анненковъ воспольз-

---

[1]) Это совершенно невѣрно. *М. Л.*

зовался этимъ и нарочно громко говорилъ, чтобы всѣ его слышали...

«Я сообщила Некрасову отвѣтъ Добролюбова.

— Ну, вотъ недоставало этого! — съ досадою воскликнулъ Некрасовъ.

«Въ эту минуту вошелъ Панаевъ и передалъ Некрасову выходку Анненкова въ театрѣ. Некрасовъ выслушалъ его молча и, тяжко вздохнувъ, произнесъ:

— Ну, тутъ ничего не подѣлаешь! Значитъ, постарались науськать Тургенева на Добролюбова! И, обратясь ко мнѣ, онъ продолжалъ: — Скажите Добролюбову, чтобы онъ не сердился на меня, если я его обидѣлъ чѣмъ-нибудь. Очень я разстроенъ! лучше завтра утромъ поговоримъ; намъ обоимъ надо успокоиться.

«Когда я разсказала Добролюбову о разговорѣ Анненкова съ Панаевымъ, то Добролюбовъ пожалъ плечами и замѣтилъ:

— Напрасно они думаютъ, что стоитъ только имъ произнести свой приговоръ надъ человѣкомъ, что онъ дуракъ и недобросовѣстный, то имъ безконтрольно всѣ повѣрятъ!.. Удивляюсь, какъ мало у этихъ людей чувства собственнаго достоинства!..

«Не знаю, какой разговоръ происходилъ на другое утро у Некрасова съ Добролюбовымъ, но, придя отъ него, Некрасовъ сказалъ мнѣ:

— Добролюбовъ — это такая свѣтлая личность, что, несмотря на его молодость, проникаешься къ нему глубокимъ уваженіемъ. Этотъ человѣкъ не то, что мы; онъ такъ строго самъ слѣдитъ за собой, что мы всѣ передъ нимъ должны краснѣть за свои слабости, которыми заражены. Мнѣ больно и обидно, что Тургеневъ составилъ себѣ такое превратное понятіе о человѣкѣ такой рѣдкой честности. Но, Богъ дастъ, всѣ недоразумѣнія выяснятся, и Тургеневъ устыдится, что, по слабости своего характера, поддался вліянію завистливыхъ сплетниковъ, которыхъ, къ несчастью, слишкомъ много развелось въ литературѣ» (Головачева-Панаева, «Русскіе писатели и артисты», 316—322).

Такимъ образомъ, жребій былъ брошенъ: Тургеневъ не напечаталъ въ «Современникѣ» ни одной строчки...

Вскорѣ послѣ этого разрыва Панаевъ встрѣтилъ во французскомъ театрѣ генерала Тимашева, управлявшаго III Отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. канцеляріи. «Генералъ поманилъ его къ себѣ и укоризненно сказалъ:

— Ай, ай! Какъ это вы могли поссориться съ вашимъ давнишнимъ пріятелемъ и такимъ безкорыстнымъ сотрудникомъ, какъ Тургеневъ [1]).

«Панаевъ отвѣчалъ, что съ Тургеневымъ не было ссоры, а что онъ самъ не захотѣлъ болѣе сотрудничать въ «Современникѣ».

— Я понимаю,—сказалъ генералъ, что онъ не могъ оставаться сотрудникомъ въ журналѣ, въ которомъ вы даете мѣсто темнымъ личностямъ.

— Какимъ темнымъ личностямъ?—спросилъ Панаевъ.

— Вы человѣкъ довѣрчивый и васъ легко эксплоатировать. По старому знакомству, я даю вамъ совѣтъ—очистить свой журналъ отъ такихъ сотрудниковъ, какъ Добролюбовъ и Чернышевскій, и всей ихъ шайки.

«Панаевъ началъ защищать Добролюбова и Чернышевскаго, на это генералъ ему сказалъ:

— Вашъ милѣйшій бывшій пріятель хорошо познакомилъ меня съ этими ужасными личностями.

— Странно, почему же Тургеневъ вдругъ нашелъ ихъ ужасными личностями, когда прежде постоянно встрѣчался съ ними и принималъ ихъ къ себѣ?

— Пока не узналъ ихъ хорошо! Впрочемъ, я долженъ предупредить васъ, что вы видите въ моемъ лицѣ самаго горячаго защитника Тургенева» (Тамъ же, 325—326).

Между тѣмъ, цензоръ Бекетовъ, по своей ли личной иниціативѣ или побуждаемый со стороны, счелъ долгомъ все-таки сгладить статью Добролюбова и написалъ ему очень характерную записку, которую я нашелъ въ бумагахъ Литературнаго Фонда. «19 февраля 1860 г. Мнѣ бы очень хотѣлось, любезнѣйшій Николай Александровичъ, видѣться съ вами для объясненія по вашей критической статьѣ о повѣсти И. С. Тургенева «Наканунѣ». Критика такая, какихъ давно никто не читалъ и напоминаетъ Бѣлинскаго. И пропустить ее въ томъ видѣ, какъ она составлена, рѣшительно нѣтъ никакой *никому* возможности. Напечатать такъ, какъ она вылилась изъ подъ вашего пера, по убѣжденію, значитъ обратить вниманіе на безподобнаго Ивана Сергѣевича, да непоздоровилось бы и другимъ, въ томъ числѣ и слугѣ вашему покорному. Вашъ *В. Бекетовъ*. Я завтра дома до 12 ч. по утру, или сегодня по вечеру до 7 часовъ».

Добролюбовъ былъ, конечно, у Бекетова, но отстоять статьи не удалось. Начиная съ заглавія, — вмѣсто приведеннаго выше,

[1]) Примѣчаніе Головачевой-Панаевой: «Тургеневъ попрежнему продолжалъ говорить въ аристократическихъ салонахъ, что даетъ свои повѣсти въ журналъ даромъ».

цензоръ просто написалъ: «Новая повѣсть г. Тургенева» — она была обезображена, охолощена до того, что Н. А. не счелъ возможнымъ поставить подъ нею какую-нибудь свою подпись, и статья вышла анонимно.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ статья была дана близкимъ людямъ да послана для прочтенія въ Москву Плещееву, Бордюгову, Славутинскому и др. Плещеевъ просилъ Добролюбова дать ее полностью въ «Московскій Вѣстникъ», очевидно, надѣясь на московскую цензуру, но Добролюбовъ отказалъ, что̀ и вполнѣ понятно: это значило бы уступить Тургеневу... Мартовская книга «Современника» сильно запоздала, а когда она вышла и увидѣли, что обвиненія противъ нея Тургенева не подтверждались, то «въ оправданіе себя друзья Тургенева стали кричать, что Некрасовъ струсилъ и заставилъ Добролюбова написать другую статью. Цензоръ Бекетовъ выказалъ настолько храбрости, что опровергалъ этотъ слухъ, но его одинокій голосъ былъ заглушенъ криками, что Некрасовъ подкупилъ цензора, чтобы онъ выгораживалъ его» (Головачева-Панаева, 324).

П. М. Ковалевскій—одинъ изъ сотрудниковъ «Современника» — говоритъ, что статья Добролюбова составляла дневную злобу литературныхъ кружковъ. «Въ ней устами критика впервые говорилось гласно то, о чемъ до сихъ поръ проговаривались тайно». Дальше г. Ковалевскій дѣлаетъ совершенно невѣрное указаніе на то, что будто бы Некрасовъ самъ отправилъ корректурные листы Тургеневу, предоставивъ отмѣтить мѣста непріятныя, и обѣщая или сгладить ихъ, или совсѣмъ выбросить. Тургеневу давали понять, что такая литературная цензура, какую ему предлагалъ Бекетовъ (а, по невѣрному разсказу Ковалевскаго, — Некрасовъ) очень неумѣстна, но онъ не внялъ этимъ указаніямъ («Встрѣчи на жизненномъ пути», «Рус. Старина» 1910, I, 35—36).

Вотъ, слѣдовательно, обстоятельства появленія статьи.

Теперь обратимся къ самому ея содержанію, напомнивъ читателю сказанное въ предисловіи къ I тому о значеніи прямыхъ скобокъ и выносокъ отъ нихъ.

Старое и молодое поколѣнія очерчиваются въ ней такъ же, какъ и въ «Что такое обломовщина?», съ тою только разницею, что представителемъ перваго взятъ на этотъ разъ Рудинъ. То же противоположеніе словъ и дѣла. Да, теперь нужны люди дѣла;—идей, самыхъ высокихъ и привлекательныхъ, въ обращеніи у общества довольно, періодъ *сознаванія* ихъ долженъ смѣниться періодомъ *осуществленія*. И Тургеневъ это понялъ, написавъ «Наканунѣ», поскольку вообще онъ самъ близокъ къ сознанію необходимости дѣла. Жизненный типъ—Елена, не надѣлена авторомъ пониманіемъ, что только *борьба* можетъ быть этимъ дѣломъ, но все-таки она сознаетъ, что *что-то* дѣлать надо, не знаетъ только *какъ*. Знаетъ зато Инсаровъ, и, конечно, въ Россіи Инсаровы должны быть: все ихъ должно было создать, но пока они не вышли впередъ, пока они гдѣ-то еще спрятались, но вотъ-вотъ—и выйдутъ на сцену. «Еще нѣсколько колебаній, еще нѣсколько сильныхъ словъ и благопріятныхъ фактовъ—и явятся дѣятели!» «Канунъ недалекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня; всего-то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ!»—вотъ какъ вѣра Добролюбова отвѣчаетъ на его вопросъ, поставленный въ заглавіи статьи. И онъ былъ правъ въ своемъ предсказаніи: семидесятые годы ознаменованы общественнымъ дѣломъ...

Тамъ, гдѣ Добролюбовъ говоритъ объ эволюціи собственнаго міросозерцанія, ясно, что онъ еще разъ прямо заявляетъ себя соціалистомъ, насколько, разумѣется, это можно было сдѣлать въ подцензурной статьѣ. Г. Ивановъ-Разумникъ правъ, говоря, что здѣсь явное сочувствіе къ тому пункту соціализма, который лежалъ въ основаніи всего міровоззрѣнія Чернышевскаго: къ благу реальной личности, какъ главному критерію. Не правъ онъ только въ утвержденіи, что это убѣжденіе было усвоено Добролюбовымъ *вслѣдъ за* Чернышевскимъ и что въ статьѣ о «Наканунѣ» виденъ *переходъ* Добролюбова отъ либерализма къ соціализму («Исторія русской общественной мысли», изд. I-е, II, 36—37). Почему непремѣнно дѣлать Добролюбова эхомъ Чернышевскаго по такимъ жизненнымъ тогда вопросамъ, какимъ было нарожденіе соціально-экономическихъ взглядовъ опредѣленнаго теченія? Развѣ Добролюбовъ всѣмъ своимъ прошлымъ мышленіемъ не былъ приготовленъ къ такимъ выводамъ самостоятельно? Развѣ они не были результатомъ всѣхъ его наблюденій и знакомства съ соотвѣтственной литературой? Развѣ для этихъ выводовъ не было достаточно ума Добролюбова? Развѣ, наконецъ, можно категорически говорить о преемственности взглядовъ при такой сплоченной журнальной работѣ, какую вели оба друга, только потому, что одинъ изъ нихъ, по самому ходу журнала, могъ высказать какую-нибудь мысль раньше другого? Что же касается «перехода», то прочитавшіе статьи Добролюбова №№ 241, 242, 265, 298, 317, 335 должны видѣть здѣсь развитіе прежнихъ мыслей, а не переломъ въ нихъ.

Мнѣ кажется, что вообще желаніе уста-

новить вліяніе одного человѣка на другого при условіи ихъ одновременной и тѣсной работы, печатно выражавшейся къ тому же лишь отчасти, всегда довольно шатко и чревато многими неизбѣжными ошибками. Нельзя же отметать всю внутреннюю работу, которая происходитъ въ обоихъ и обусловливается всѣмъ ходомъ жизни изо-дня въ день, ежедневными бесѣдами и пр. Не только же дѣлали они, что печатали свои статьи; вѣдь прежде всего они жили, а знать, какъ складывалась ихъ мысль каждый день, кто кого дополнялъ сегодня, чтобы быть самому въ свою очередь дополненнымъ завтра—знать это можно только при наличности такихъ матеріаловъ, которыхъ какъ разъ нѣтъ ни относительно Добролюбова, ни относительно Чернышевскаго. Чтобы показать, насколько даже хронологическія даты могутъ создать безусловно ошибочное заключеніе о вліяніи одного изъ нихъ на другого, приведу одинъ очень интересный примѣръ. Мнѣніе Добролюбова о наступленіи поры дѣйствовать и бороться достаточно извѣстно; оно высказывалось имъ много разъ по различнымъ поводамъ; проскальзывали даже прямые призывы къ борьбѣ. Лично онъ, какъ мы видѣли въ біографіи, тоже организовалъ что-то, тоже создавалъ какую-то работу—несомнѣнно революціоннаго характера, еще въ началѣ 1859 года. Чернышевскій въ то время былъ далекъ отъ всякой революціонности, онъ вѣрилъ въ силу соціальнаго эксперимента и потому отрицалъ цѣлесообразность политической борьбы и всякаго насилія (см. № 241). Такимъ его считаютъ нѣкоторые еще и теперь, совершенно не зная, что какъ разъ одновременно со статьей Добролюбова о «Наканунѣ» Чернышевскій написалъ очень интересное письмо, подписался подъ нимъ «Русскимъ человѣкомъ» и отправилъ его Герцену съ запиской, въ которой просилъ дать мѣсто въ «Колоколѣ». «Письмо изъ провинціи» появилось въ № 64 (1 марта н. ст. 1860 г.) вмѣстѣ съ замѣткой отъ редакціи. Къ сожалѣнію, его нельзя привести здѣсь даже съ сокращеніями: настолько оно не укладывается въ рамки современной «свободы слова» и рѣзко говоритъ о существовавшемъ въ Россіи государственномъ хаосѣ, о роли въ немъ правительства, объ ошибкѣ Герцена, воскликнувшаго по адресу Александра II—«Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» и о многомъ другомъ. Въ заключеніе Чернышевскій совершенно категорически и ясно, безъ какихъ бы то ни было недомолвокъ говоритъ, что единственный выходъ изъ тогдашняго ужаснаго и невыносимаго положенія—путь революціи и насилія; другого мнѣнія нѣтъ. Что это письмо дѣйствительно написано Чернышевскимъ, я имѣю доказательства въ показаніи покойнаго А. А. Слѣпцова, записавшаго это съ собственныхъ словъ Н. Г., и еще въ нѣкоторыхъ документахъ, опубликованіе которыхъ откладываю до своей большой работы о 1860-хъ годахъ. И вотъ при желаніи устанавливать вліянія можно было бы, пожалуй, сказать, что эту революціонность влилъ въ Чернышевскаго настойчивый Добролюбовъ, но развѣ это было бы вѣрно?..

Въ статьѣ о «Наканунѣ» нельзя также не отмѣтить той теплоты въ творчествѣ Тургенева, о которой съ такимъ подъемомъ говоритъ Добролюбовъ, дойдя до исторіи сближенія Елены съ Инсаровымъ. Сколько въ этихъ немногихъ строкахъ критика горячей любви къ женщинѣ, сколько ласки и глубокаго чувства! И послѣ этого могли еще говорить, что Н. А. не имѣетъ художественнаго чутья, холодно подходитъ къ чужимъ душевнымъ переживаніямъ, разсудочно оцѣниваетъ литературныя произведенія... Каждому, наоборотъ, должно сдѣлаться ясно, что такими мѣстами, какія читатель найдетъ на стр. 61—62, Добролюбовъ скорѣе могъ дать поводъ обвинять его въ романтизмѣ, въ сентиментальности, но никакъ не въ черствости. И дѣйствительно, этотъ романтизмъ чувства былъ и уживался съ рѣзкимъ реализмомъ ума. Не сдѣлай сама жизнь изъ Добролюбова публициста, будь иное время, имѣй Россія сколько-нибудь удовлетворительныя условія соціальнаго и политическаго уклада,—Добролюбовъ развернулъ бы въ себѣ именно эту романтическую сторону и то, что изложилъ здѣсь на одномъ столбцѣ, а потомъ, самъ какъ-бы испугавшись, вдругъ оборвалъ и перешелъ къ роли публициста—онъ сумѣлъ бы вложить въ основу своей статьи. Какъ воинъ, готовый мечтать у костра бивуака, бросается къ ружью при первомъ извѣстіи о приближеніи врага, такъ и Добролюбовъ ловилъ себя на романтизмѣ отдѣльныхъ строкъ призывной статьи или самостоятельнаго стихотворенія.

Чтобы заключить эту свою замѣтку, мнѣ остается обратиться снова къ Тургеневу. Беззастѣнчивый его апологетъ, а Некрасова порицатель—г. Гутьяръ, и тотъ даже признаетъ, что Добролюбовъ, какъ нѣкогда Грановскій, не былъ способенъ на подлость. А такъ какъ, де, Некрасовъ жаждалъ мести отвернувшемуся отъ журнала Тургеневу, то, любя всегда прятаться за другихъ, напечаталъ въ «Современникѣ» анонимную рецензію Чернышевскаго на «Собраніе чудесъ», повѣсти, заимствованныя изъ миѳологіи Готорна (1860, кн. VI), гдѣ, не

называя именъ, авторъ порицалъ Тургенева за выставленіе Бакунина въ смѣшномъ видѣ Рудина и при томъ изъ желанія угодить своимъ пріятелямъ и совѣтникамъ. Мало того, — Некрасовъ способствовалъ слуху, что рецензія эта написана Добролюбовымъ, и въ такомъ видѣ слухъ дошелъ до Тургенева (Н. Гутьяръ, «И. С. Тургеневъ», 241—243). Послѣдній писалъ Анненкову 12 ноября: «Сообщите прилагаемую записку И. И. Панаеву. Если бы онъ хотѣлъ узнать настоящую причину моего нежеланія быть болѣе сотрудникомъ «Современника», попросите его прочесть (далѣе указаніе на стр. 240 названной рецензіи—*М. Л.*). Это ужъ слишкомъ—и быть участникомъ въ подобномъ журналѣ уже не приходится порядочному человѣку» («Вѣстн. Европы» 1885, III, 36). Я не буду слѣдить за дальнѣйшими перипетіями въ отношеніяхъ Тургенева и Некрасова, этого же эпизода коснулся только для того, чтобы снять съ Добролюбова несправедливое нареканіе.

Конечно, за Тургеневымъ послѣдовали его друзья и товарищи, потому что всѣмъ имъ стало ясно, насколько они расходились въ убѣжденіяхъ съ новой редакціей «Современника». Одинъ изъ нихъ, Григоровичъ, пишетъ: «Въ составъ редакціи входили новыя лица, принадлежавшія другому поколѣнію, ничѣмъ нравственно не связанныя съ прежними сотрудниками. Во главѣ журнала, какъ критикъ, дававшій камертонъ направленію, находился Добролюбовъ, весьма даровитый молодой человѣкъ, но холодный и замкнутый» (Полное собраніе сочиненій, изд. Маркса, XII, 336).

М. Л.

Schlage die Trommel
und fürchte dich nicht.
Heine.

Эстетическая критика сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень. Изъ разговоровъ съ ними служители чистаго искусства могутъ почерпнуть много тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній, и затѣмъ написать критику въ такомъ родѣ. «Вотъ содержаніе новой повѣсти г. Тургенева (разсказъ содержанія). Уже изъ этого блѣднаго очерка видно, какъ много тутъ жизни и поэзіи самой свѣжей и благоуханной. Но только чтеніе самой повѣсти можетъ дать понятіе о томъ чутьѣ къ тончайшимъ поэтическимъ оттѣнкамъ жизни, о томъ остромъ психическомъ анализѣ, о томъ глубокомъ пониманіи невидимыхъ струй и теченій общественной мысли, о томъ дружелюбномъ и вмѣстѣ смѣломъ отношеніи къ дѣйствительности, которыя составляютъ отличительныя черты таланта г. Тургенева. Посмотрите, напримѣръ, какъ тонко подмѣчены эти психическія черты (повтореніе одной части изъ разсказа содержанія и затѣмъ — выписка); прочтите эту чудную сцену, исполненную такой граціи и прелести (выписка); припомните эту поэтическую живую картину (выписка), или вотъ это высокое, смѣлое изображеніе (выписка). Не правда ли, что это проникаетъ въ глубину души, заставляетъ сердце ваше биться сильнѣе, оживляетъ и украшаетъ вашу жизнь, возвышаетъ предъ вами человѣческое достоинство и великое, вѣчное значеніе святыхъ идей истины, добра и красоты! Comme c'est joli, comme c'est délicieux!»

Малому знакомству съ чувствительными барышнями одолжены мы тѣмъ, что не умѣемъ писать такихъ пріятныхъ и безвредныхъ критикъ. Откровенно признаваясь въ этомъ и отказываясь отъ роли «воспитателя эстетическаго вкуса публики», мы избираемъ другую задачу, болѣе скромную и болѣе соразмѣрную съ нашими силами. Мы хотимъ просто подвести итогъ тѣмъ даннымъ, которыя разсѣяны въ произведеніи писателя, и которыя мы принимаемъ, какъ совершившійся фактъ, какъ жизненное явленіе, стоящее передъ нами. Работа не хитрая, но нужная, потому что, за множествомъ занятій и отдыховъ, рѣдко кому придетъ охота самому всмотрѣться во всѣ подробности литературнаго произведенія, разобрать, провѣрить и поставить на свое мѣсто всѣ цифры, изъ которыхъ составляется этотъ сложный отчетъ объ одной изъ сторонъ нашей общественной жизни, и затѣмъ подумать объ итогѣ и о томъ, что онъ обѣщаетъ и къ чему насъ обязываетъ. А такого рода провѣрка и размышленіе очень нѣбезполезны по поводу новой повѣсти г. Тургенева.

Мы знаемъ, что чистые эстетики сейчасъ же обвинятъ насъ въ стремленіи навязывать автору свои мнѣнія и предписывать задачи его таланту. Поэтому оговоримся, хоть это и скучно. Нѣтъ, мы ничего автору не навязываемъ, мы заранѣе говоримъ, что не знаемъ, съ какой цѣлью, вслѣдствіе какихъ предварительныхъ соображеній изобразилъ онъ исторію, составляющую содержаніе повѣсти «Наканунѣ». Для насъ не столько важно то, что *хотѣлъ* сказать авторъ, сколько то, что *сказалось*

имъ, хотя бы и ненамѣренно, просто вслѣдствіе правдиваго воспроизведенія фактовъ жизни. Мы дорожимъ всякимъ талантливымъ произведеніемъ именно потому, что въ немъ можемъ изучать факты нашей родной жизни, которая безъ того такъ мало открыта взору простого наблюдателя. Въ нашей жизни до сихъ поръ нѣтъ публичности, кромѣ оффиціальной, вездѣ мы сталкиваемся не съ живыми людьми, а съ оффиціальными лицами, служащими по той или другой части: въ присутственныхъ мѣстахъ — съ чистописателями, на балахъ — съ танцорами, въ клубахъ — съ картежниками, въ театрахъ — съ парикмахерскими паціентами, и т. д. Всякій хоронитъ дальше свою душевную жизнь; всякій такъ и смотритъ на васъ, какъ будто говоритъ: «вѣдь я сюда пришелъ, чтобъ танцовать, или чтобъ прическу показать; ну, и будь доволенъ тѣмъ, что я дѣлаю свое дѣло, и не вздумай, пожалуйста, выпытывать отъ меня мои чувства и понятія». И дѣйствительно,— никто никого не выпытываетъ, никто никѣмъ не интересуется, и все общество идетъ врозь, досадуя, что должно сходиться въ оффиціальныхъ случаяхъ, въ родѣ новой оперы, званаго обѣда или какого-нибудь комитетскаго засѣданія. Гдѣ же тутъ узнать и изучить жизнь человѣку, не посвятившему себя исключительно наблюденію общественныхъ нравовъ? А тутъ еще какое разнообразіе, какая даже противоположность въ различныхъ кругахъ и сословіяхъ нашего общества. Мысли, сдѣлавшіяся въ одномъ кругѣ уже пошлыми и отсталыми, въ другомъ — еще жарко оспариваются; что у однихъ признается недостаточнымъ и слабымъ, то другимъ кажется слишкомъ рѣзкимъ и смѣлымъ, и т. п. Что падаетъ, что побѣждаетъ, что начинаетъ водворяться и преобладать въ нравственной жизни общества,—на это у насъ нѣтъ другого показателя, кромѣ литературы и, преимущественно, художественныхъ ея произведеній. Писатель-художникъ, не заботясь ни о какихъ общихъ заключеніяхъ относительно состоянія общественной мысли и нравственности, всегда умѣетъ, однакоже, уловить ихъ существеннѣйшія черты, ярко освѣтить и прямо поставить ихъ предъ глазами людей размышляющихъ. Вотъ почему и полагаемъ мы, что какъ скоро въ писателѣ-художникѣ признается талантъ, т.-е. умѣнье чувствовать и изображать жизненную правду явленій, то, уже въ силу этого самаго признанія, произведенія его даютъ законный поводъ къ разсужденіямъ о той средѣ жизни, о той эпохѣ, которая вызвала въ писателѣ то или другое произведеніе. И мѣркою для таланта писателя будетъ здѣсь то, до какой степени широко захвачена имъ жизнь, въ какой мѣрѣ прочны и многообъятны тѣ образы, которые имъ созданы.

Мы сочли нужнымъ высказать это для того, чтобы оправдать свой пріемъ — толковать о явленіяхъ самой жизни на основаніи литературнаго произведенія, не навязывая, впрочемъ, автору никакихъ заранѣе сочиненныхъ идей и задачъ. Читатель видитъ, что для насъ именно тѣ произведенія и важны, въ которыхъ жизнь сказалась сама собой, а не по заранѣе придуманной авторомъ программѣ. О «Тысячѣ душъ» [1]), напримѣръ, мы вовсе не говорили, потому что, по нашему мнѣнію, вся общественная сторона этого романа насильно пригнана къ заранѣе сочиненной идеѣ. Стало быть, тутъ не о чемъ толковать, кромѣ того, въ какой степени ловко составилъ авторъ свое сочиненіе. Положиться на правду и живую дѣйствительность фактовъ, изложенныхъ авторомъ, невозможно, потому что отношеніе его къ этимъ фактамъ не просто и не правдиво. Совсѣмъ не такія отношенія автора къ сюжету видимъ мы въ новой повѣсти г. Тургенева, какъ и въ большей части его повѣстей. Въ «Наканунѣ» мы видимъ неотразимое вліяніе естественнаго хода общественной жизни и мысли, которому невольно подчинилась сама мысль и воображеніе автора.

Поставляя главной задачею литературной критики — разъясненіе тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя вызвали извѣстное художественное произведеніе, мы должны замѣтить при томъ, что въ приложеніи къ повѣстямъ г. Тургенева эта задача имѣетъ еще особенный смыслъ. Г. Тургенева по справедливости можно назвать [представителемъ] [2]) и пѣвцомъ той морали и философіи, которая господствовала въ нашемъ образованномъ обществѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Онъ быстро угадывалъ новыя потребности, новыя идеи, вносимыя въ общественное сознаніе, и въ своихъ произведеніяхъ [непремѣнно] [3]) обращалъ (сколько позволяли обстоятельства) вниманіе на вопросъ, стоявшій на очереди и уже смутно начинавшій волновать общество. Мы надѣемся при другомъ случаѣ прослѣдить всю литературную дѣятельность г. Тургенева, и потому теперь не станемъ распространяться объ этомъ [4]). Скажемъ только, что этому чутью автора къ живымъ

---

[1]) Писемскаго.
[2]) живописателемъ
[3]) обыкновенно
[4]) Этого Добролюбову такъ и не удалось сдѣлать.

струнамъ общества, этому умѣнью тотчасъ отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только что еще начинающее проникать въ сознаніе лучшихъ людей, мы приписываемъ значительную долю того успѣха, которымъ постоянно пользовался г. Тургеневъ въ русской публикѣ. Конечно, и литературный талантъ самъ по себѣ много помогъ этому успѣху. Но читатели наши знаютъ, что талантъ г. Тургенева не изъ тѣхъ титаническихъ талантовъ, которые единственно силою поэтическаго представленія поражаютъ, захватываютъ васъ и влекутъ къ сочувствію такому явленію или идеѣ, которымъ мы вовсе не расположены сочувствовать. Не бурная порывистая сила, а напротивъ—мягкость и какая-то поэтическая умѣренность служатъ характеристическими чертами его таланта. Поэтому мы полагаемъ, что онъ не могъ бы вызвать общую симпатію публики, если бы касался вопросовъ и потребностей, совершенно чуждыхъ его читателямъ, или еще не возбужденныхъ въ обществѣ. Нѣкоторые замѣтили бы прелесть поэтическихъ описаній въ его повѣстяхъ, тонкость и глубину въ очертаніяхъ разныхъ лицъ и положеній, но, безъ всякаго сомнѣнія, этого было бы недостаточно для того, чтобы сдѣлать прочный успѣхъ и славу писателю. Безъ живого отношенія къ современности всякій, даже самый симпатичный и талантливый повѣствователь, долженъ подвергнуться участи г. Фета, котораго и хвалили когда-то, но изъ котораго теперь только десятокъ любителей помнитъ десятокъ лучшихъ стихотвореній. Живое отношеніе къ современности спасло г. Тургенева и упрочило за нимъ постоянный успѣхъ въ читающей публикѣ. Нѣкоторый глубокомысленный критикъ даже упрекалъ когда-то г. Тургенева за то, что въ его дѣятельности такъ сильно отразились «всѣ колебанія общественной мысли». Но мы, несмотря на это, видимъ здѣсь именно самую жизненную сторону таланта г. Тургенева, и этой стороной объясняемъ, почему съ такой симпатіей, почти съ энтузіазмомъ, встрѣчалось до сихъ поръ каждое его произведеніе.

Итакъ, мы можемъ сказать смѣло, что если уже г. Тургеневъ тронулъ какой-нибудь вопросъ въ своей повѣсти, если онъ изобразилъ какую-нибудь новую сторону общественныхъ отношеній,—это служитъ ручательствомъ за то, что вопросъ этотъ дѣйствительно поднимается или скоро поднимется въ сознаніи образованнаго общества, что эта новая сторона жизни начинаетъ выдаваться и скоро выкажется рѣзко и ярко предъ глазами всѣхъ. Поэтому, каждый разъ при появленіи повѣсти г. Тургенева дѣлается любопытнымъ вопросъ: какія же стороны жизни изображены въ ней, какіе вопросы затронуты?

Вопросъ этотъ представляется и теперь, и въ отношеніи къ новой повѣсти г. Тургенева онъ интереснѣе, чѣмъ когда-либо. До сихъ поръ путь г. Тургенева, сообразно съ путемъ развитія нашего общества, былъ довольно ясно намѣченъ въ одномъ направленіи. Исходилъ онъ изъ сферы высшихъ идей и теоретическихъ стремленій и направлялся къ тому, чтобы эти идеи и стремленія внести въ грубую и пошлую дѣйствительность, далеко отъ нихъ уклонившуюся. Сборы на борьбу и страданія героя, хлопотавшаго о побѣдѣ своихъ началъ, и его паденіе передъ подавляющею силою людской пошлости и составляли обыкновенно интересъ повѣстей г. Тургенева. Разумѣется, самыя основанія борьбы, то-есть идеи и стремленія, видоизмѣнялись въ каждомъ произведеніи, или, съ теченіемъ времени и обстоятельствъ, выказывались болѣе опредѣленно и рѣзко. Такимъ образомъ Лишняго человѣка смѣнялъ Пасынковъ, Пасынкова—Рудинъ, Рудина—Лаврецкій. Каждое изъ этихъ лицъ было смѣлѣе и полнѣе предыдущихъ, но сущность, основа ихъ характера и всего ихъ существованія была одна и та же. Они были вносители новыхъ идей въ извѣстный кругъ, просвѣтители, пропагандисты, — хоть для одной женской души, да пропагандисты. За это ихъ очень хвалили и точно — въ свое время они видно очень нужны были, и дѣло ихъ было очень трудно, почтенно и благотворно. Не даромъ же всѣ встрѣчали ихъ съ такой любовью, такъ сочувствовали ихъ душевнымъ страданіямъ, такъ жалѣли объ ихъ безплодныхъ усиліяхъ. Не даромъ никто тогда и не думалъ замѣтить, что всѣ эти господа—отличные, благородные, умные, но въ сущности бездѣльные люди. Рисуя ихъ образы въ разныхъ положеніяхъ и столкновеніяхъ, самъ г. Тургеневъ относился къ нимъ обыкновенно съ трогательнымъ участіемъ, сердечной болью объ ихъ страданіяхъ, и то же чувство возбуждалъ постоянно въ массѣ читателей. Когда одинъ мотивъ этой борьбы и страданій начиналъ казаться уже недостаточнымъ, когда одна черта благородства и возвышенности характера начинала какъ будто покрываться нѣкоторой пошлостью, г. Тургеневъ умѣлъ находить другіе мотивы, другія черты, и опять попадалъ въ самое сердце читателя и опять возбуждалъ къ себѣ и къ своимъ героямъ восторженную симпатію. Предметъ казался неистощимымъ.

Но въ послѣднее время въ нашемъ

обществѣ обнаружились довольно замѣтно требованія совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыми вызванъ былъ къ жизни Рудинъ и вся его братія. Въ отношеніи къ этимъ лицамъ въ понятіяхъ образованнаго большинства произошло коренное измѣненіе. Вопросъ пошелъ уже не о видоизмѣненіи тѣхъ или другихъ мотивовъ, тѣхъ или другихъ началъ ихъ стремленій, а о самой сущности ихъ дѣятельности. Въ теченіе того періода времени, пока рисовались передъ нами всѣ эти просвѣщенные поборники истины и добра, краснорѣчивые страдальцы возвышенныхъ убѣжденій, подросли новые люди, для которыхъ любовь къ истинѣ и честность стремленій уже не въ диковинку. Они съ дѣтства, примѣтно и постоянно, напитывались тѣми понятіями и стремленіями, для которыхъ прежде лучшіе люди должны были бороться, сомнѣваться и страдать въ зрѣломъ возрастѣ [1]). Поэтому самый характеръ образованія въ нынѣшнемъ молодомъ обществѣ получилъ другой цвѣтъ. Тѣ понятія и стремленія, которыя прежде давали титло передового человѣка, теперь уже считаются первой и необходимой принадлежностью самой обыкновенной образованности. Отъ гимназиста, отъ посредственнаго кадета, даже иногда отъ порядочнаго семинариста вы услышите нынѣ выраженіе такихъ убѣжденій, за которыя въ прежнее время долженъ былъ спорить и горячиться, напр., Бѣлинскій. И гимназистъ или кадетъ высказываютъ эти понятія, — такъ трудно, съ бою достававшіяся прежде, — совершенно спокойно, безъ всякаго азарта и самодовольства, какъ вещь, которая иначе и быть не можетъ, и даже немыслима иначе.

Встрѣчая человѣка такъ называемаго прогрессивнаго направленія, никто уже теперь изъ порядочныхъ людей не предается удивленію и восторгу, никто не смотритъ ему въ глаза съ нѣмымъ благоговѣніемъ, не жметъ ему таинственно руки и не приглашаетъ шепотомъ къ себѣ, въ кружокъ избранныхъ людей, — поговорить о томъ, что неправосудіе и рабство гибельны для государства. Напротивъ, теперь съ невольнымъ, презрительнымъ изумленіемъ останавливаются предъ человѣкомъ, который выказываетъ недостатокъ сочувствія къ гласности, безкорыстію, эмансипаціи и т. п. Теперь даже люди, въ душѣ не любящіе прогрессивныхъ идей, должны показывать видъ, что любятъ ихъ для того, чтобы имѣть доступъ въ порядочное общество. Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ прежніе сѣятели добра, люди *рудинскаго* закала, теряютъ значительную долю своего прежняго кредита. Ихъ уважаютъ, какъ старыхъ наставниковъ; но рѣдко кто, вошедши въ свой разумъ, расположенъ выслушивать опять тѣ уроки, которые съ такою жадностью принимались прежде, въ возрастѣ дѣтства и первоначальнаго развитія. Нужно уже нѣчто другое, нужно идти дальше [1]).

«Но, скажутъ намъ, вѣдь общество не дошло же до крайней точки въ своемъ развитіи; возможно дальнѣйшее совершенствованіе умственное и нравственное. Стало быть, нужны для общества и руководители, и проповѣдники истины, и пропагандисты, словомъ—люди рудинскаго типа. Все прежде принято и вошло въ общее сознаніе,—положимъ. Но это не исключаетъ возможности того, что явятся новые Рудины, проповѣдники новыхъ, высшихъ тенденцій, и опять будутъ бороться и страдать и опять возбуждать къ себѣ симпатію общества. Предметъ этотъ, дѣйствительно, неистощимъ въ своемъ содержаніи и постоянно можетъ приносить новые лавры такому симпатичному писателю, какъ г. Тургеневъ.

Жалко было бы, если бы подобное замѣчаніе оправдалось именно теперь. Къ счастью, оно, кажется, опровергается послѣднимъ движеніемъ литературы нашей. Разсуждая отвлеченно, нельзя не сознаться, что мысль о вѣчномъ движеніи и вѣчной

---

[1]) Насъ уже упрекали однажды въ пристрастіи къ молодому поколѣнію и указывали на пошлость и пустоту, которой оно предается въ большей части своихъ представителей. Но мы никогда и не думали отстаивать всѣхъ молодыхъ людей огуломъ, да это и не согласно было бы съ нашей цѣлью. Пошлость и пустота составляютъ достояніе всѣхъ временъ и всѣхъ возрастовъ. Но мы говорили и теперь говоримъ о людяхъ избранныхъ, людяхъ лучшихъ, а не о толпѣ, такъ какъ и Рудинъ, и всѣ люди его закала принадлежали вѣдь не къ толпѣ же, а къ лучшимъ людямъ своего времени. Впрочемъ, мы не будемъ неправы, если скажемъ, что и въ массѣ общества уровень образованія въ послѣднее время все-таки возвысился. *Прим. Д.*

[1]) Противъ этой мысли можетъ, повидимому, свидѣтельствовать необыкновенный успѣхъ, которымъ встрѣчаются изданія сочиненій нѣкоторыхъ нашихъ писателей сороковыхъ годовъ. Особенно яркимъ примѣромъ можетъ служить Бѣлинскій, котораго сочиненія быстро разошлись, говорятъ, въ количествѣ 12.000 экземпляровъ. Но, по нашему мнѣнію, этотъ самый фактъ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ нашей мысли. Бѣлинскій былъ передовой изъ передовыхъ, дальше его не пошелъ ни одинъ изъ его сверстниковъ, и тамъ, гдѣ расхватано въ нѣсколько мѣсяцевъ 12.000 экземпляровъ Бѣлинскаго, Рудинымъ просто дѣлать нечего. Успѣхъ Бѣлинскаго доказываетъ вовсе не то, что его идеи еще новы для нашего общества и требуютъ большихъ усилій для распространенія, а именно то, что онѣ дороги и святы теперь для большинства, и что ихъ проповѣданіе теперь уже не требуетъ отъ новыхъ дѣятелей ни героизма, ни особенныхъ талантовъ. *Прим. Д.*

смѣнѣ идей въ обществѣ, а, слѣдовательно, и о постоянной необходимости проповѣдниковъ этихъ идей, — вполнѣ справедлива. Но вѣдь нужно же принять во вниманіе и то, что общества живутъ не за тѣмъ только, чтобы разсуждать и мѣняться идеями. Идеи и ихъ постепенное развитіе только потому и имѣютъ свое значеніе, что онѣ, рождаясь изъ существующихъ уже фактовъ, всегда предшествуютъ измѣненіямъ въ самой дѣйствительности. Извѣстное положеніе дѣлъ создаетъ въ обществѣ потребность, потребность эта сознается, вслѣдъ за общимъ сознаніемъ ея должна явиться фактическая перемѣна въ пользу удовлетворенія сознанной всѣми потребности. Такимъ образомъ, послѣ періода *сознаванія* извѣстныхъ идей и стремленій долженъ являться въ обществѣ періодъ ихъ *осуществленія;* за размышленіями и разговорами должно слѣдовать дѣло. Спрашивается теперь: что же дѣлало наше общество въ послѣднія 20—30 лѣтъ? Покамѣстъ ничего. Оно училось, развивалось, слушало Рудиныхъ, сочувствовало ихъ неудачамъ въ благородной борьбѣ за убѣжденія, приготовлялось къ дѣлу, но ничего не дѣлало... Въ головѣ и сердцѣ накопилось такъ много прекраснаго; въ существенномъ порядкѣ дѣлъ замѣчено такъ много нелѣпаго и безчестнаго; масса людей, «сознающихъ себя выше окружающей дѣйствительности», растетъ съ каждымъ годомъ,— такъ что скоро, пожалуй, всѣ будутъ выше дѣйствительности... Кажется, нечего желать, чтобъ мы продолжали вѣчно идти этимъ томительнымъ путемъ разлада, сомнѣнія и отвлеченныхъ горестей и утѣшеній. Кажется, ясно, что теперь нужны намъ не такіе люди, которые бы еще болѣе «возвышали насъ надъ окружающей дѣйствительностью», а такіе, которые бы подняли или насъ научили поднять самую дѣйствительность до уровня тѣхъ разумныхъ требованій, какія мы уже сознали. Словомъ, нужны люди дѣла, а не отвлеченныхъ, всегда немножко эпикурейскихъ разсужденій.

Сознаніе этого хотя смутно, но уже во многихъ выразилось при появленіи «Дворянскаго гнѣзда». Талантъ г. Тургенева, вмѣстѣ съ его вѣрнымъ тактомъ дѣйствительности, вынесъ его и на этотъ разъ съ торжествомъ изъ труднаго положенія. Онъ умѣлъ поставить Лаврецкаго такъ, что надъ нимъ неловко иронизировать, хотя онъ и принадлежитъ къ тому роду бездѣльныхъ типовъ, на которые мы смотримъ съ усмѣшкой. Драматизмъ его положенія заключается уже не въ борьбѣ съ собственнымъ безсиліемъ, а въ столкновеніи съ такими понятіями и нравами, съ которыми борьба дѣйствительно должна устрашить даже энергическаго и смѣлаго человѣка. Онъ женатъ, и отступился отъ своей жены; но онъ полюбилъ чистое, свѣтлое существо, воспитанное въ такихъ понятіяхъ, при которыхъ любовь къ женатому человѣку есть ужасное преступленіе. А между тѣмъ, она его тоже любитъ, и его притязанія могутъ безпрерывно и страшно терзать ея сердце и совѣсть. Надъ такимъ положеніемъ поневолѣ задумаешься горько и тяжко, и мы помнимъ, какъ болѣзненно сжалось наше сердце, когда Лаврецкій, прощаясь съ Лизой, сказалъ ей: «ахъ, Лиза, Лиза! какъ бы мы могли быть счастливы!» и когда она, уже смиренная монахиня въ душѣ, отвѣтила: «вы сами видите, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога», и онъ началъ-было: «да, потому что вы...» и не договорилъ... Читатели и критика «Дворянскаго гнѣзда», помнится, восхищались многимъ другимъ въ этомъ романѣ. Но для насъ существеннѣйшій интересъ его заключается въ этомъ трагическомъ столкновеніи Лаврецкаго, пассивность котораго, именно въ этомъ случаѣ, мы не можемъ не извинить. Здѣсь Лаврецкій, какъ-будто измѣняя одной изъ родовыхъ чертъ своего типа, почти не является даже пропагандистомъ. Начиная съ первой встрѣчи съ Лизой, когда она шла къ обѣднѣ, онъ во всемъ романѣ робко склоняется предъ незыблемостью ея понятій, и ни разу не смѣетъ приступить къ ней съ холодными разувѣреніями. Но и это, конечно, потому, что здѣсь пропаганда была бы самымъ дѣломъ, котораго Лаврецкій, какъ и вся его братія, боится. При всемъ томъ намъ кажется (по крайней мѣрѣ, казалось при чтеніи романа), что самое положеніе Лаврецкаго, самая коллизія, изображенная г. Тургеневымъ и столь знакомая русской жизни, должны [служить сильною пропагандою и] наводить каждаго читателя на рядъ мыслей о значеніи цѣлаго огромнаго отдѣла понятій, заправляющихъ нашей жизнью. Теперь, по разнымъ печатнымъ и словеснымъ отзывамъ, мы знаемъ, что были не совсѣмъ правы: смыслъ положенія Лаврецкаго былъ понятъ иначе или совсѣмъ не выясненъ многими читателями. Но что въ немъ есть что-то законно-трагическое, а не призрачное, это было понятно, и это, вмѣстѣ съ достоинствами исполненія, привлекло къ «Дворянскому гнѣзду» единодушное, восторженное участіе всей читающей русской публики.

Послѣ «Дворянскаго гнѣзда» можно было опасаться за судьбу новаго произведенія г. Тургенева. Путь созданія возвышенныхъ характеровъ, принужденныхъ смиряться подъ ударами рока, сдѣлался очень скользкимъ. Посреди восторговъ отъ «Дворянскаго гнѣзда»

слышались и голоса, выражавшіе неудовольствіе на Лаврецкаго, отъ котораго ожидали больше. Самъ авторъ счелъ нужнымъ ввести въ свой разсказъ Михалевича, за тѣмъ, чтобы тотъ обругалъ Лаврецкаго байбакомъ. А Илья Ильичъ Обломовъ, появившійся въ то же время, окончательно и рѣзко объяснилъ всей русской публикѣ, что теперь человѣку безсильному и безвольному лучше ужъ и не смѣшить людей, лучше лежать на своемъ диванѣ, нежели бѣгать, суетиться, шумѣть, разсуждать и переливать изъ пустого въ порожнее цѣлые годы и десятки лѣтъ. Прочитавши Обломова, публика поняла его родство съ интересными личностями «лишнихъ людей», и сообразила, что эти люди теперь ужъ дѣйствительно лишніе, и что отъ нихъ толку ровно столько же, сколько и отъ добрѣйшаго Ильи Ильича. «Что же теперь создастъ г. Тургеневъ?»— думали мы, и съ большимъ любопытствомъ принялись читать «Наканунѣ».

Чутье настоящей минуты и на этотъ разъ не обмануло автора. Сознавши, что прежніе герои уже сдѣлали свое дѣло и не могутъ возбуждать прежней симпатіи въ лучшей части нашего общества, онъ рѣшился оставить ихъ и, уловивши въ нѣсколькихъ отрывочныхъ проявленіяхъ вѣяніе новыхъ требованій жизни, попробовалъ стать на дорогу, по которой совершается передовое движеніе настоящаго времени...

Въ новой повѣсти г. Тургенева мы встрѣчаемъ другія положенія, другіе типы, нежели къ какимъ привыкли въ его произведеніяхъ прежняго періода. Общественная потребность дѣла, живого дѣла, начало презрѣнія къ мертвымъ абстрактнымъ принципамъ и пассивнымъ добродѣтелямъ выразилось во всемъ строѣ новой повѣсти. Безъ сомнѣнія, каждый, кто будетъ читать нашу статью, уже прочиталъ теперь «Наканунѣ». Поэтому мы, вмѣсто разсказа содержанія повѣсти, представимъ только коротенькій очеркъ главныхъ ея характеровъ.

Героиней романа является дѣвушка, съ серьезнымъ складомъ ума, съ энергической волей, съ гуманными стремленіями сердца. Развитіе ея совершилось очень своеобразно, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ семейнымъ.

Отецъ и мать ея были люди очень ограниченные, но не злые; мать даже положительно отличалась добротою и мягкостью сердца. Съ самаго дѣтства Елена была избавлена отъ семейнаго деспотизма, который губитъ въ зародышѣ такъ много прекрасныхъ натуръ. Она росла одна, безъ подругъ, совершенно свободно; никакой формализмъ не стѣснялъ ее. Николай Артемьичъ Стаховъ, отецъ ея, человѣкъ туповатый, но корчившій изъ себя философа скептическаго тона и державшійся подальше отъ семейной жизни, сначала только восхищался своей маленькой Еленой, въ которой рано обнаружились необыкновенныя способности. Елена, пока была мала, тоже съ своей стороны обожала отца. Но отношеніе Стахова къ женѣ были не совсѣмъ удовлетворительны: онъ женился на Аннѣ Васильевнѣ для ея приданаго, не питалъ къ ней никакого чувства, обходился съ нею почти съ пренебреженіемъ и удалялся отъ нея въ общество Августы Христіановны, которая его обирала и дурачила. Анна Васильевна, больная и чувствительная женщина, въ родѣ Марьи Дмитріевны «Дворянскаго гнѣзда», кротко переносила свое положеніе, но не могла на него не жаловаться всѣмъ въ домѣ, и между прочимъ, даже дочери. Такимъ образомъ, Елена скоро сдѣлалась повѣренною горестей своей матери и становилась невольно судьею между нею и отцомъ. При впечатлительности ея натуры это имѣло большое вліяніе на развитіе ея внутреннихъ силъ. Чѣмъ менѣе она могла дѣйствовать практически въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе представлялось работы ея уму и воображенію. Принужденная съ раннихъ лѣтъ всматриваться во взаимныя отношенія близкихъ ей людей, участвуя и сердцемъ, и головой въ разъясненіи смысла этихъ отношеній и произнесеніи суда надъ ними, Елена рано пріучила себя къ самостоятельному размышленію, къ сознательному взгляду на все окружающее. Семейныя отношенія Стаховыхъ очеркнуты у г. Тургенева очень бѣгло, но въ этомъ очеркѣ есть глубоко вѣрныя указанія, весьма много объясняющія первоначальное развитіе характера Елены. По натурѣ своей она была ребенкомъ впечатлительнымъ и умнымъ; положеніе ея между матерью и отцомъ рано вызвало ее на серьезныя размышленія, рано подняло ее до самостоятельной, до властительной роли. Она становилась въ уровень съ старшими, дѣлала ихъ подсудимыми предъ собою. И въ то же время размышленія ея не были холодны, съ ними сливалась вся душа ея, потому что дѣло шло о людяхъ слишкомъ близкихъ, слишкомъ дорогихъ для нея, объ отношеніяхъ, съ которыми связаны были самыя святыя чувства, самые живые интересы дѣвочки. Оттого-то ея размышленія прямо отражались на ея сердечномъ расположеніи: отъ обожанія отца она перешла къ страстной привязанности къ матери, въ которой она стала видѣть существо притѣсненное, страдающее. Но въ этой любви къ матери не было ничего враждебнаго къ отцу, который не былъ ни злодѣемъ, ни положительнымъ

дуракомъ, ни домашнимъ тираномъ. Онъ былъ только весьма обыкновенной посредственностью, и Елена охладѣла къ нему, инстинктивно, а потомъ, можетъ, и сознательно, рѣшивши, что любить его не за что. Да скоро ту же посредственность увидала она и въ матери, и въ сердцѣ ея, вмѣсто страстной любви и уваженія, осталось лишь чувство сожалѣнія и снисхожденія: г. Тургеневъ очень удачно очертилъ ея отношенія къ матери, сказавши, что она «обходилась съ матерью, какъ съ больной бабушкой». Мать признала себя ниже дочери; отецъ же, какъ только дочь стала перерастать его умственно, что̀ было очень нетрудно, охладѣлъ къ ней, рѣшилъ, что она странная, и отступился отъ нея.

А въ ней между тѣмъ все росло и расширялось сострадательное, гуманное чувство. Боль о чужомъ страданіи была возбуждена въ ея ребяческомъ сердцѣ убитымъ видомъ матери, конечно, еще прежде, нежели она стала понимать хорошенько, въ чемъ дѣло. Эта боль давала ей себя чувствовать постоянно, сопровождала ее при каждомъ новомъ шагѣ ея развитія, придавала особенный, задумчиво-серьезный складъ ея мыслямъ, мало-по-малу вызвала и опредѣлила въ ней дѣятельныя стремленія и всѣ ихъ направила къ страстному, неодолимому исканію добра и счастья для всѣхъ. Еще смутны были эти исканія, слабы силы Елены, когда она нашла новую пищу для своихъ размышленій и мечтаній, новый предметъ своего участія и любви—въ странномъ знакомствѣ съ нищей дѣвочкой Катей. На десятомъ году подружилась она съ этой дѣвочкой, тайкомъ ходила къ ней на свиданіе въ садъ, приносила ей лакомства, дарила ей платки, гривеннички (игрушекъ Катя не брала); сидѣла съ ней по цѣлымъ часамъ, съ чувствомъ радостнаго смиренія ѣла ея черствый хлѣбъ; слушала ея разсказы, выучилась ея любимой пѣсенкѣ, съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ слушала, какъ Катя обѣщалась убѣжать отъ своей злой тетки, чтобы жить *на всей Божьей волѣ*, и сама мечтала о томъ, какъ она надѣнетъ сумку и убѣжитъ съ Катей. Катя скоро умерла, но знакомство съ ней не могло не оставить рѣзкихъ слѣдовъ въ характерѣ Елены. Къ ея чистымъ, человѣчнымъ, сострадательнымъ расположеніямъ оно прибавило еще новую сторону: оно внушило ей то презрѣніе или, по крайней мѣрѣ, то строгое равнодушіе къ ненужнымъ излишествамъ богатой жизни, которое всегда проникаетъ душу не совсѣмъ испорченнаго человѣка въ виду безпомощной нищеты. Скоро вся душа Елены загорѣлась жаждою дѣятельнаго добра, и жажда эта стала на первый разъ удовлетворяться обычными дѣлами милосердія, какія возможны были для Елены. «Нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, разспрашивала о нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ». Даже «всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденные на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады находили въ Еленѣ покровительство и защиту: она сама кормила ихъ, не гнушалась ими». Отецъ ея называлъ все это пошлымъ нѣжничаньемъ; но Елена не была сантиментальна, потому что сантиментальность именно характеризуется избыткомъ чувствъ и словъ при совершенномъ недостаткѣ дѣятельной любви, а чувство Елены постоянно стремилось проявиться на дѣлѣ. Пустыхъ ласкъ и нѣжностей она не терпѣла и вообще не придавала значенія словамъ безъ дѣла и уважала только практически-полезную дѣятельность. Даже стиховъ она не любила, даже въ художествахъ толку не знала.

Но дѣятельныя стремленія души зрѣютъ и крѣпнутъ только при дѣятельности просторной и вольной. Надо испробовать нѣсколько разъ свои силы, испытать неудачи и столкновенія, узнать, чего стоятъ разныя усилія, и какъ преодолѣваются разныя препятствія, для того, чтобы пріобрѣсть отвагу и рѣшимость, необходимыя для дѣятельной борьбы, чтобы узнать мѣру своихъ силъ и умѣть найти для нихъ соотвѣтственную работу. Елена, при всей свободѣ своего развитія, не могла найти достаточно средствъ для того, чтобы дѣятельно упражнять свои силы и удовлетворять свои стремленія. Ей никто не мѣшалъ дѣлать, что она хочетъ; но дѣлать было нечего. Ее не стѣсняли педантизмомъ систематическаго ученія, и потому она успѣла образоваться, не принявши въ себя множество предразсудковъ, неразлучныхъ съ системами, курсами и вообще съ рутиною образованія. Она много и съ участіемъ читала; но одно чтеніе не могло удовлетворять ее; оно имѣло только то вліяніе, что разсудочная сторона развивалась въ Еленѣ сильнѣе другихъ, и умственная требовательность стала пересиливать даже живыя стремленія сердца. Подаваніе милостыни, уходъ за щенками и котятами, защита мухи отъ паука тоже не могли удовлетворить ее: когда она стала побольше и поумнѣе, она не могла не увидѣть всю скудость этой дѣятельности; да при томъ—эти занятія требовали отъ нея весьма мало усилій и не могли наполнять ея существованія. Ей нужно было чего-то больше, чего-то выше; но чего — она не знала, а если и знала, то не умѣла приняться за дѣло. Отъ этого и находилась она постоянно въ ка-

кой-то ажитаціи, всегда ждала и искала чего-то; отъ этого и наружность ея приняла такой особенный характеръ. «Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, *внимательномъ и немного пугливомъ*, въ *ясномъ, но измѣнчивомъ* взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто *напряженной*, въ голосѣ *тихомъ и неровномъ* было что-то нервическое, электрическое, что-то *порывистое и торопливое*»... Ясно, что она еще находится въ неопредѣленныхъ сомнѣніяхъ относительно самой себя, она еще не опредѣлила своей роли. Она поняла, чего ей не нужно, и смотритъ гордо и независимо на обычную обстановку своей жизни; но что̀ ей нужно, и главное, — что̀ дѣлать, чтобы достигнуть того, что̀ нужно,—этого она еще не знаетъ, и потому все существо ея напряжено, неровно, порывисто. Она все ждетъ, все живетъ наканунѣ чего-то... Она готова къ самой живой, энергической дѣятельности, но приступить къ дѣлу сама по себѣ, одна — она не смѣетъ.

Эта несмѣлость, эта практическая пассивность героини, при богатствѣ внутреннихъ силъ и при томительной жаждѣ дѣятельности,—невольно поражаетъ насъ и въ самомъ лицѣ Елены заставляетъ видѣть что-то недодѣланное. Но въ этой недодѣланной личности, въ недостаткѣ практической роли — мы и видимъ живую связь героини г. Тургенева со всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ. По тому, какъ задуманъ характеръ Елены въ его основѣ, она представляетъ явленіе исключительное, и если бы на самомъ дѣлѣ она являлась вездѣ выразительницею своихъ воззрѣній и стремленій—она бы оказалась чуждою русскому обществу и не имѣла бы для насъ такого близкаго смысла, какъ теперь. Она была бы лицомъ сочиненнымъ, растеніемъ, неудачно пересаженнымъ на нашу почву откуда-нибудь изъ другой земли. Но вѣрное чутье дѣйствительности не позволило г. Тургеневу придать своей героинѣ полнаго соотвѣтствія практической дѣятельности съ теоретическими ея понятіями и внутренними порывами души. На это̀ еще не даетъ писателю матеріаловъ наша общественная жизнь. Во всемъ нашемъ обществѣ замѣтно теперь только еще пробудившееся желаніе приняться за настоящее дѣло, сознаніе пошлости разныхъ красивыхъ игрушекъ, возвышенныхъ разсужденій и недвижимыхъ формъ, которыми мы такъ долго себя тѣшили и дурачили. Но мы еще все-таки не вышли изъ той сферы, въ которой такъ спокойно было намъ спать, да и не знаемъ хорошенько, гдѣ выходъ; а если кто и узнаетъ, то еще боится открыть его. Это трудное, томительное переходное положеніе общества необходимо кладетъ свою печать и на художественное произведеніе, вышедшее изъ среды его. Въ обществѣ могутъ быть отдѣльныя сильныя натуры, отдѣльныя лица могутъ достигать высокаго развитія нравственнаго; вотъ и въ литературныхъ произведеніяхъ являются такія личности. Но все это такъ и остается только въ очеркѣ натуры лица, а въ жизнь не переносится: предполагается возможнымъ, но въ дѣйствительности не совершается. Въ Ольгѣ «Обломова» мы видѣли женщину идеальную, далеко ушедшую въ своемъ развитіи отъ всего остального общества; но гдѣ ея практическая дѣятельность? Она способна, кажется, создать новую жизнь, а живетъ, между тѣмъ, въ той же пошлости, въ какой и всѣ ея подруги, потому что отъ этой пошлости некуда уйти ей. Штольцъ ей нравится, какъ энергическая, дѣятельная натура; а между тѣмъ и онъ, при всемъ искусствѣ автора «Обломова» въ обрисовкѣ характеровъ, является передъ нами только со своими способностями и не даетъ видѣть, какъ онъ ихъ примѣняетъ; онъ лишенъ почвы подъ ногами и плаваетъ передъ нами какъ будто въ какомъ-то туманѣ. Теперь въ Еленѣ г. Тургенева мы видимъ новую попытку созданія энергическаго, дѣятельнаго характера, и не можемъ сказать, чтобы обрисовка самаго характера не удалась автору. Если и рѣдко кому случалось встрѣчать такихъ женщинъ, какъ Елена, зато, конечно, многимъ приходилось замѣчать въ самыхъ обыкновенныхъ женщинахъ зародыши тѣхъ или другихъ существенныхъ чертъ ея характера, возможность развитія многихъ изъ ея стремленій. Какъ идеальное лицо, составленное изъ лучшихъ элементовъ, развивающихся въ нашемъ обществѣ, Елена понятна и близка намъ. Самыя стремленія ея опредѣляются для насъ очень ясно: Елена какъ будто служитъ отвѣтомъ на вопросы и сомнѣнія Ольги, которая, поживши съ Штольцемъ, томится и тоскуетъ, и сама не можетъ дать себѣ отчета — о чемъ. Въ образѣ Елены объясняется причина этой тоски, необходимо поражающей всякаго порядочнаго русскаго человѣка, какъ бы ни хороши были его собственныя обстоятельства. Елена жаждетъ дѣятельнаго добра, она ищетъ возможности устроить счастье вокругъ себя, потому что она не понимаетъ возможности не только счастья, но даже и спокойствія собственнаго, если ее окружаетъ горе, несчастія, бѣдность и униженіе ея ближнихъ.

Но какую же дѣятельность, сообразную съ такими внутренними требованіями, могъ дать г. Тургеневъ своей героинѣ? На это даже и отвлеченнымъ образомъ трудно от-

вѣтить; а художественно создать эту дѣятельность, вѣроятно, еще и невозможно для русскаго писателя настоящаго времени. Не откуда взять дѣятельности, и поневолѣ авторъ заставилъ свою героиню дешевымъ образомъ проявлять свои высокія стремленія въ подачѣ милостыни да въ спасеніи заброшенныхъ котятъ. За дѣятельность, требующую большого напряженія и борьбы, она и не умѣетъ, и боится приняться. Она видитъ во всемъ окружающемъ ее, что одно давитъ другое, и потому, именно вслѣдствіе своего гуманнаго, сердечнаго развитія, старается держаться въ сторонѣ отъ всего, чтобы какъ-нибудь тоже не начать давить другихъ. Въ домѣ ни въ чемъ не замѣтно ея вліяніе; отецъ и мать ей какъ чужіе; они боятся ея авторитета, но никогда она не обратится къ нимъ съ совѣтомъ, указаніемъ или требованіемъ. Для нея живетъ въ домѣ компаніонка Зоя, молодая добродушная нѣмка; Елена отъ нея сторонится, почти не говоритъ съ ней, и отношенія ихъ очень холодны. Тутъ же проживаетъ Шубинъ, молодой художникъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить: Елена уничтожаетъ его своими строгими приговорами, но и не думаемъ постараться пріобрѣсти надъ нимъ какое-нибудь вліяніе, которое было бы ему очень полезно. Во всей повѣсти нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы жажда дѣятельнаго добра заставила Елену вмѣшаться въ дѣла окружающей ее среды и проявить чѣмъ-нибудь свое вліяніе. Мы не думаемъ, чтобъ это зависѣло отъ случайной ошибки автора; нѣтъ, въ нашемъ обществѣ еще очень недавно, да и не между женщинами, а изъ среды мужчинъ, возвышался и блисталъ особенный типъ людей, гордившихся своимъ устраненіемъ отъ окружающей ихъ среды. «Тутъ невозможно сохранить себя чистымъ,—говорили они,—и при томъ вся эта среда такъ мелка и пошла, что лучше удалиться отъ нея въ сторону»... И они точно удалялись, не сдѣлавъ ни одной энергической попытки для исправленія этой пошлой среды, и удаленіе ихъ считалось единственнымъ честнымъ выходомъ изъ ихъ положенія, и прославлялось, какъ подвигъ. Естественно, что, имѣя въ виду такіе примѣры и понятія, авторъ не могъ лучше освѣтить домашнюю жизнь Елены, какъ поставивъ ее совершенно въ сторонѣ отъ этой жизни. Впрочемъ, какъ мы сказали, безсилію Елены приданъ въ повѣсти особенный мотивъ, вытекающій изъ ея женственнаго, гуманнаго чувства: она боится всякихъ столкновеній,—не по недостатку мужества, а изъ опасенія нанести кому-нибудь оскорбленіе и вредъ. Никогда не испытавъ полной, дѣятельной жизни, она воображаетъ еще, что ея идеалы могутъ быть достигнуты [безъ борьбы], безъ ущерба кому бы то ни было. Послѣ одного случая (когда Инсаровъ героически бросилъ въ воду пьянаго нѣмца), она писала въ своемъ дневникѣ: «Да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ? Или, можетъ быть, иначе нельзя? Нельзя быть мужчиной, бойцомъ и остаться кроткимъ и мягкимъ?» Эта простая мысль пришла ей въ голову только теперь, да и то еще въ видѣ вопроса, котораго она такъ и не разрѣшаетъ.

Въ этой-то неопредѣленности, въ этомъ бездѣйствіи при безпрерывномъ томительномъ ожиданіи чего-то доживаетъ Елена до двадцатаго года своей жизни. По временамъ ей очень тяжело; она сознаетъ, что силы ея пропадаютъ даромъ, что жизнь ея пуста; она говоритъ про себя: «хоть бы въ служанки куда-нибудь пошла, право; мнѣ было бы легче». Это тяжкое расположеніе увеличивается въ ней тѣмъ, что она ни въ комъ не находитъ отзыва на свои чувства, ни въ комъ не видитъ опоры для себя. «Иногда ей кажется, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи»... Ей становится страшно, и потребность сочувствія развивается сильнѣе, и она напряженно и трепетно ждетъ другой души, которая бы умѣла понять ее, отозваться на ея святыя чувства, помочь ей, научить ее, что̀ надо дѣлать. Въ ней являлось желаніе отдаться кому-нибудь, слить съ кѣмъ-нибудь свое существо, и ей становилось непріятною даже эта самостоятельность, съ которою она такъ одиноко стояла въ кругу близкихъ ей людей. «Съ шестнадцатилѣтняго возраста она жила собственною своею жизнью, но жизнью одинокою. Ея душа разгоралась и погасала одиноко, она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было; никто не стѣснялъ ее; никто не удерживалъ, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась сама себя. Все, что̀ окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то непонятнымъ. «Какъ жить безъ любви, а любить некого»,—думала она, и страшно становилось ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній».

При такомъ-то настроеніи ея сердца лѣтомъ, на дачѣ въ Кунцовѣ, застаетъ ее дѣйствіе повѣсти. Въ короткій промежутокъ времени являются передъ нею три человѣка, изъ которыхъ одинъ привлекаетъ къ себѣ всю ея душу. Тутъ есть, впрочемъ, и четвертый, эпизодически введенный, но тоже не лишній господинъ, котораго мы тоже будемъ считать. Трое изъ этихъ господъ—русскіе, четвертый—болгаръ, и въ немъ-то

нашла свой идеалъ Елена. Посмотримъ на всѣхъ этихъ господъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей, страстно, по-своему влюбленный въ Елену, — художникъ Павелъ Яковлевичъ Шубинъ, хорошенькій и граціозный, юноша лѣтъ 25, добродушный и остроумный, веселый и страстный, безпечный и талантливый. Онъ доводится двоюроднымъ племянникомъ Аннѣ Васильевнѣ, матери Елены, и потому очень близокъ съ молодой дѣвушкой, и надѣется заслужить ея серьезное расположеніе. Но она постоянно смотритъ на него свысока и считаетъ его неглупымъ, но балованнымъ ребенкомъ, съ которымъ нельзя обращаться серьезно. Впрочемъ, Шубинъ говоритъ своему другу: «было время, я ей нравился»; и дѣйствительно, у него много условій для того, чтобы нравиться; немудрено, что и Елена на минуту придала болѣе значенія его хорошимъ сторонамъ, нежели его недостаткамъ. Но скоро она увидѣла *художественность* этой натуры, увидѣла, что здѣсь все зависитъ отъ минуты, ничего нѣтъ постояннаго и надежнаго, весь организмъ составленъ изъ противорѣчій: лѣнь заглушаетъ способности, а даромъ потраченное время вызываетъ потомъ безплодное раскаяніе, поднимаетъ желчь, возбуждаетъ презрѣніе къ самому себѣ, которое, въ свою очередь, служитъ утѣшеніемъ въ неудачахъ и заставляетъ гордиться и любоваться собою. Все это Елена поняла инстинктивно, безъ тяжелыхъ мукъ недоумѣнія, и потому рѣшеніе ея относительно Шубина совершенно спокойно и беззлобно. «Вы воображаете, что во мнѣ все притворно; вы не вѣрите моему раскаянію, не вѣрите, что я могу искренно плакать!» — говоритъ ей однажды Шубинъ въ отчаянномъ порывѣ. И она не отвѣчаетъ: «не вѣрю», а говоритъ просто: «нѣтъ, Павелъ Яковлевичъ, я вѣрю въ ваше раскаяніе, и въ ваши слезы я вѣрю; но мнѣ кажется, самое ваше раскаяніе васъ забавляетъ, да и слезы тоже». Шубинъ такъ и дрогнулъ отъ этого простого приговора, который дѣйствительно долженъ былъ глубоко вонзиться въ его сердце. Онъ самъ никогда не предполагалъ, чтобъ его порывы, противорѣчія, страданія, метанія изъ стороны въ сторону можно былъ понять и объяснить такъ просто и вѣрно. При этомъ объясненіи онъ даже перестаетъ дѣлаться «интереснымъ человѣкомъ». И дѣйствительно, какъ только Елена составила о немъ мнѣніе, — онъ уже не занимаетъ ее. Ей все равно — тутъ онъ или нѣтъ, помнитъ о ней или забылъ, любитъ ее или ненавидитъ; у ней съ нимъ ничего нѣтъ общаго, хотя она не прочь искренно похвалить его, если онъ сдѣлаетъ что-нибудь достойное его таланта...

Другой начинаетъ занимать ея мысли. Этотъ совершенно въ иномъ родѣ: онъ неуклюжъ, старообразенъ, лицо его некрасиво и даже нѣсколько смѣшно, но выражаетъ привычку мыслить и доброту. Кромѣ того, по словамъ автора, какой-то «*отпечатокъ порядочности* замѣчался во всемъ его неуклюжемъ существѣ». Это Андрей Петровичъ Берсеневъ, близкій другъ Шубина. Онъ философъ, ученый, читаетъ исторію Гогенштауфеновъ и другія нѣмецкія книжки и исполненъ скромности и самоотверженія. На возгласы Шубина: «намъ нужно счастья, счастья! Мы завоюемъ себѣ счастье!» — онъ недовѣрчиво возражаетъ: «будто нѣтъ ничего выше счастья?»—и затѣмъ между ними происходитъ такой разговоръ:

— А напримѣръ?—спросилъ Шубинъ и остановился.

— Да вотъ, напримѣръ, мы съ тобой, какъ ты говоришь, — молоды, мы хорошіе люди, положимъ: каждый изъ насъ желаетъ себѣ счастья. Но такое ли это слово: «счастье», которое соединило, воспламенило бы насъ обоихъ, заставило бы подать другъ другу руки? Не эгоистическое ли, я хочу сказать, не разъединяющее ли это слово?

— А ты знаешь такія слова, которыя соединяютъ?

— Да; и ихъ не мало; и ты ихъ знаешь.

— Ну-ка, какія это слова?

— Да хоть бы искусство, такъ какъ ты художникъ; родина, наука, свобода, справедливость.

— А любовь?—спросилъ Шубинъ.

— И любовь — соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь, не любовь-наслажденіе, любовь-жертва.

Шубинъ нахмурился.

— Это хорошо для нѣмцевъ; я хочу любить для себя; я хочу быть номеромъ первымъ.

— Номеромъ первымъ,—повторилъ Берсеневъ.—А мнѣ кажется, поставить себя номеромъ вторымъ—все назначеніе нашей жизни.

— Если всѣ такъ будутъ поступать, какъ ты совѣтуешь,—промолвилъ съ жалобной гримасой Шубинъ:—никто на землѣ не будетъ ѣсть ананасовъ; всѣ другимъ ихъ предоставлять будутъ.

— Значитъ, ананасы не нужны, а впрочемъ, не бойся: всегда найдутся любители даже хлѣбъ отъ чужого рта отнимать».

Изъ этого разговора видно, какіе благородные принципы у Берсенева, и какъ душа его способна къ тому, что̀ называется самоотверженіемъ. Онъ выражаетъ искреннюю

готовность пожертвовать своимъ счастьемъ для одного изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называетъ «соединяющими». Этимъ онъ долженъ привлечь сочувствіе такой дѣвушки, какъ Елена. Но тутъ же видно и то, почему онъ не можетъ овладѣть всею ея душою, всей полнотой ея жизни. Это одинъ изъ героевъ пассивныхъ добродѣтелей, человѣкъ, умѣющій многое перенести, многимъ пожертвовать, вообще выказать благородное поведеніе, когда приведетъ къ тому случай; но онъ не сумѣетъ и не посмѣетъ опредѣлить себя на широкую и смѣлую дѣятельность, на вольную борьбу, на самостоятельную роль въ какомъ-нибудь дѣлѣ. Онъ самъ хочетъ быть нумеромъ вторымъ, потому что въ этомъ видитъ назначеніе всего живущаго; и дѣйствительно, роль его въ повѣсти напоминаетъ отчасти Бизьменкова въ «Лишнемъ человѣкѣ», и еще болѣе Крупицына въ «Двухъ пріятеляхъ». Онъ, влюбленный въ Елену, становится посредникомъ между нею и Инсаровымъ, котораго она полюбила, великодушно помогаетъ имъ, ухаживаетъ за Инсаровымъ во время его болѣзни, отказывается отъ своего счастья въ пользу друга, хотя и не безъ стѣсненія сердца, и даже не безъ ропота. Сердце у него доброе и любящее, но изъ всего видно, что добро онъ всегда будетъ дѣлать не столько по влеченію сердца, сколько потому, что *надо* дѣлать добро. Онъ находитъ, что надо жертвовать своимъ счастьемъ для родины, науки и пр.; и этимъ самымъ онъ осуждаетъ себя быть вѣчнымъ рабомъ и мученикомъ идеи. Онъ отдѣляетъ свое счастье, напр., отъ родины; онъ, бѣднякъ, не умѣетъ возвыситься до того, чтобы понять благо родины нераздѣльно съ своимъ собственнымъ счастьемъ, и чтобы не понимать счастья для себя иначе, какъ при благоденствіи родины. Напротивъ, онъ какъ будто боится, что его личное счастье будетъ мѣшать благу родины, торжеству справедливости, успѣхамъ науки, и т. п. Оттого онъ боится желать себѣ счастья и, по благородству своихъ принциповъ, рѣшается жертвовать имъ для означенныхъ имъ идей, считая это, разумѣется, большимъ одолженіемъ съ своей стороны. Ясно, что такого человѣка только и хватитъ на пассивное благородство. Но не ему слиться душою съ какимъ-нибудь великимъ дѣломъ, не ему позабыть весь міръ для любимой мысли, не ему воспламениться ею и сражаться за нее, какъ за свою радость, свою жизнь, за свое счастье... Онъ дѣлаетъ то, что велитъ ему долгъ, стремится къ тому, что признаетъ справедливымъ по принципу; но дѣйствія его вялы, холодны, неувѣренны, потому что онъ постоянно сомнѣвается въ своихъ силахъ. Онъ отлично кончилъ курсъ въ университетѣ, любитъ науку, занимается постоянно и желаетъ быть профессоромъ: кажется, чего проще? Но когда Елена спрашиваетъ его о профессорствѣ, онъ считаетъ нужнымъ съ похвальною скромностью оговориться: «конечно, я очень хорошо знаю все, чего мнѣ недостаетъ для того, чтобы быть достойнымъ такого высокаго... Я хочу сказать, что я слишкомъ мало подготовленъ; но я надѣюсь получить позволеніе съѣздить за границу»... Точь-въ-точь вступленіе къ академической рѣчи: «надѣюсь, мм. гг., что вы благосклонно извините сухость и блѣдность моего изложенія», и пр...

А между тѣмъ профессорство, о которомъ Берсеневъ такъ отзывается, составляетъ завѣтную мечту его! На вопросъ Елены, будетъ ли онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ, если получитъ каѳедру,— онъ отвѣчаетъ: «вполнѣ, Елена Николаевна, вполнѣ. Какое же можетъ быть лучшее призваніе? Подумайте, пойти по слѣдамъ Тимоѳея Николаевича... Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ меня радостью и смущеніемъ... да, смущеніемъ, котораго... которое происходитъ отъ сознанія моихъ малыхъ силъ». То же сознаніе своихъ малыхъ силъ заставляетъ его упорно не вѣрить тому, что Елена его полюбила, а потомъ сокрушаться, что она къ нему стала равнодушна. Это самое сознаніе проглядываетъ и въ томъ, когда онъ рекомендуетъ своего пріятеля Инсарова, между прочимъ, тѣмъ, что онъ денегъ взаймы не беретъ. Тѣмъ же сознаніемъ отзываются даже его разсужденія о природѣ. Онъ говоритъ, что природа возбуждаетъ въ немъ какое-то безпокойство, тревогу, даже грусть, и спрашиваетъ Шубина: «что это значитъ? Сильнѣе ли мы сознаемъ передъ нею, предъ ея лицомъ, всю нашу неполноту, нашу неясность, или же мало того удовлетворенія, какимъ она довольствуется, а другого, то-есть, я хочу сказать — того, чего намъ нужно, у нея нѣтъ?» Въ этомъ пустопорожне-романтическомъ родѣ большая часть разсужденій Берсенева. А между тѣмъ, въ одномъ мѣстѣ повѣсти упоминается, что онъ разсуждаетъ о Фейербахѣ: вотъ любопытно бы послушать, что онъ о Фейербахѣ-то говоритъ!..

Итакъ, Берсеневъ—весьма хорошій русскій дворянинъ, воспитанный въ началахъ долга и пустившійся потомъ въ ученость и философію. Онъ гораздо дѣльнѣе и надежнѣе Шубина, и если его повести по какому-нибудь пути, то онъ пойдетъ охотно и прямо. Но самъ вести онъ не можетъ, не только другихъ, но и даже себя самого:

иниціативы нѣтъ у него въ натурѣ, и онъ не успѣлъ ее пріобрѣсти ни въ воспитаніи, ни въ послѣдующей жизни. Елена сначала почувствовала симпатію къ нему зато, что онъ добрый и все о дѣлѣ говоритъ. Она даже совѣстится передъ нимъ своего невѣжества, по тому случаю, что онъ все приноситъ ей книги, которыхъ она читать не можетъ. Но совершенно привязаться къ нему, отдать ему свою душу, свою судьбу она не можетъ: она еще прежде, чѣмъ увидѣла Инсарова, инстинктивно поняла, что Берсеневъ не то, чего ей нужно. И дѣйствительно, можно съ достовѣрностью утверждать, что Берсеневъ струсилъ бы, если бъ Елена вздумала навязаться ему на шею, и непремѣнно убѣжалъ бы подъ разными, весьма благовидными предлогами.

Впрочемъ, на безлюдьи, въ которомъ жила Елена, она увлеклась-было на минуту Берсеневымъ и уже спрашивала себя: не онъ ли тотъ, кого такъ давно и такъ жадно ждала душа ея, кто долженъ былъ вывести ее изъ всѣхъ недоумѣній и указать ей путь дѣятельности? Но самъ же Берсеневъ привелъ къ ней Инсарова, и очарованіе исчезло...

Въ Инсаровѣ, строго говоря, нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Берсеневъ и Шубинъ, и сама Елена, и, наконецъ, даже авторъ повѣсти характеризуютъ его все болѣе отрицательными качествами. Онъ никогда не лжетъ, не измѣняетъ своему слову, не беретъ взаймы денегъ, не любитъ разговаривать о своихъ подвигахъ, не откладываетъ исполненія принятаго рѣшенія, его слово не расходится съ дѣломъ, и т. п. Словомъ, въ немъ нѣтъ тѣхъ чертъ, за которыя долженъ горько упрекать себя всякій человѣкъ, имѣющій претензію считать себя порядочнымъ. Но, кромѣ того, онъ — болгаръ, питающій въ душѣ страстное желаніе освободить свою родину, и этой мысли онъ предается весь, открыто и увѣренно, въ ней заключается конечная цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ этой цѣлью; подобная мысль, столь естественная въ русскомъ ученомъ дворянинѣ Берсеневѣ, не можетъ даже въ голову придти простому болгару. Напротивъ, онъ потому-то и хлопочетъ о свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое личное спокойствіе, счастье всей своей жизни; онъ бы оставилъ въ покоѣ порабощенную родину, если бъ только могъ найти удовлетвореніе себѣ въ чемъ-нибудь другомъ. Но онъ никакъ не можетъ понять себя отдѣльно отъ родины. «Какъ же это можно быть довольнымъ и счастливымъ, когда свои земляки страдаютъ?—думаетъ онъ. Какъ же можетъ человѣкъ успокоиться, пока его родина порабощена и угнетена? И какое занятіе можетъ быть для него пріятно, если оно не ведетъ къ облегченію участи бѣдныхъ земляковъ?» Такимъ образомъ, онъ дѣлаетъ свое задушевное дѣло совершенно спокойно, безъ натяжекъ и фанфаронадъ, такъ же просто, какъ ѣстъ и пьетъ. Покамѣстъ ему приходится еще мало работать для прямого выполненія своей идеи; но что же дѣлать? Ему приходится теперь и ѣсть плохо и мало, и даже иной разъ голодать случается; но все-таки пища, хоть и скудная, составляетъ необходимое условіе его существованія. Такъ и освобожденіе родины: онъ учится въ московскомъ университетѣ, чтобы образоваться вполнѣ и сблизиться съ русскими, и въ теченіе повѣсти довольствуется покамѣстъ тѣмъ, что переводитъ болгарскія пѣсни на русскій языкъ, составляетъ болгарскую грамматику для русскихъ и русскую для болгаръ, переписывается съ своими земляками и собирается ѣхать на родину—подготовлять возстаніе при первой вспышкѣ восточной войны (дѣйствіе повѣсти въ 1853 году). Конечно, это скудная пища для дѣятельнаго патріотизма Инсарова; но онъ свое пребываніе въ Москвѣ и не считаетъ еще настоящею жизнью, свою слабую дѣятельность не считаетъ удовлетворительною даже для своего личнаго чувства. Онъ также живетъ *наканунѣ* великаго дня свободы своей родины, въ который существо его озарится сознаніемъ счастья, жизнь наполнится и будетъ уже настоящей жизнью. Этого дня ждетъ онъ, какъ праздника, и вотъ почему не приходитъ ему въ голову сомнѣваться въ себѣ и холодно разсчитывать и взвѣшивать, сколько именно можетъ онъ сдѣлать и съ какимъ великимъ мужемъ успѣетъ поравняться. Будетъ ли онъ Тимоѳеемъ Николаевичемъ или Иваномъ Ивановичемъ, — до этого ему рѣшительно нѣтъ дѣла; придется ли быть нумеромъ первымъ или вторымъ,—онъ объ этомъ и не думаетъ. Онъ будетъ дѣлать то, къ чему влечетъ его натура; если натура у него такая, что другихъ лучше не найдется, онъ станетъ первымъ нумеромъ, пойдетъ во главѣ; если найдутся люди крѣпче и смѣлѣе его, онъ пойдетъ за ними, и въ обоихъ случаяхъ останется неизмѣннымъ и вѣрнымъ себѣ. Гдѣ стать и до чего дойти, — это опредѣляютъ обстоятельства; но онъ хочетъ идти, онъ не можетъ не идти, не потому, чтобы боялся нарушить какой-нибудь долгъ, а потому, что онъ умеръ бы, если бы ему нельзя было двинуться съ мѣста. Въ этомъ огромная разница между нимъ и Берсеневымъ. Берсеневъ тоже способенъ къ жертвамъ и подвигамъ, но онъ похожъ при этомъ на великодуш-

ную дѣвушку, которая для спасенія отца рѣшается на ненавистный бракъ. Съ затаенной болью и тяжкой покорностью судьбѣ, ждетъ она дня свадьбы, и рада была бы, если бъ что-нибудь ей помѣшало. Инсаровъ, напротивъ, дня своихъ подвиговъ, наступленія своей самоотверженной дѣятельности ждетъ страстно и нетерпѣливо, какъ влюбленный юноша ждетъ дня свадьбы съ любимой дѣвушкой. Одна только боязнь и тревожитъ его: какъ бы что-нибудь не разстроило, не отсрочило желанной минуты. Любовь къ свободѣ родины у Инсарова не въ разсудкѣ, не въ сердцѣ, не въ воображеніи: она у него во всемъ организмѣ, и что бы ни вошло въ него, все претворяется силою этого чувства, подчиняется ему, сливается съ нимъ. Оттого при всей обыкновенности своихъ способностей, при всемъ отсутствіи блеска въ своей натурѣ, онъ стоитъ неизмѣримо выше, дѣйствуетъ на Елену несравненно сильнѣе и обаятельнѣе, нежели блестящій Шубинъ и умный Берсеневъ, хотя оба они тоже люди благородные и любящіе. Елена дѣлаетъ о Берсеневѣ очень мѣткое замѣчаніе въ своемъ дневникѣ (на который вообще авторъ не пожалѣлъ своего глубокомыслія и остроумія): «Андрей Петровичъ, можетъ быть, ученѣе его (Инсарова), можетъ быть, даже умнѣе... Но, я не знаю — *онъ передъ нимъ такой маленькій*»

Разсказывать ли исторію сближенія Елены съ Инсаровымъ и любви ихъ? Кажется, не нужно. Вѣроятно, наши читатели хорошо помнятъ эту исторію; да вѣдь этого и не разскажешь. Намъ страшно прикоснуться своей холодной и жестокой рукою къ этому нѣжному поэтическому созданію; сухимъ и безчувственнымъ пересказомъ мы боимся даже профанировать чувство читателя, непремѣнно возбуждаемое поэзіей тургеневскаго разсказа. Пѣвецъ чистой, идеальной женской любви, г. Тургеневъ такъ глубоко заглядываетъ въ юную, дѣвственную душу, такъ полно охватываетъ ее и съ такимъ вдохновеннымъ трепетомъ, съ такимъ жаромъ любви рисуетъ ея лучшія мгновенія, что намъ въ его разсказѣ такъ и чуется— и колебаніе дѣвственной груди, и тихій вздохъ, и увлаженный взглядъ, слышится каждое біеніе взволнованнаго сердца, и наше собственное сердце млѣетъ и замираетъ отъ томнаго чувства, и благодатныя слезы не разъ подступаютъ къ глазамъ, и изъ груди рвется что-то такое,—какъ будто мы свидѣлись съ старымъ другомъ послѣ долгой разлуки или возвращаемся съ чужбины къ родимымъ мѣстамъ. И грустно, и весело это ощущеніе: тамъ свѣтлыя воспоминанія дѣтства, невозвратно мелькнувшаго, тамъ гордыя и радостныя надежды юности, тамъ идеальныя, дружныя мечты чистаго и могучаго воображенія, еще не смиреннаго, не униженнаго испытаніями житейскаго опыта. Все это прошло и не будетъ больше; но еще не пропалъ человѣкъ, который хоть въ воспоминаніи можетъ вернуться къ этимъ свѣтлымъ грезамъ, къ этому чистому, младенческому упоенію жизнью, къ этимъ идеальнымъ, величавымъ замысламъ и—содрогнуться потомъ, при взглядѣ на ту грязь, пошлость и мелочность, въ которой проходитъ его теперешняя жизнь. И благо тому, кто умѣетъ пробуждать въ другихъ такія воспоминанія, вызвать такое настроеніе души... Талантъ г. Тургенева всегда былъ силенъ этою стороною, его повѣсти постоянно производили своимъ общимъ строемъ такое чистое впечатлѣніе, и въ этомъ, конечно, заключается ихъ существенное значеніе для общества. Не чуждо этого значенія и «Наканунѣ» въ изображеніи любви Елены. Мы увѣрены, что читатели сумѣютъ и безъ насъ оцѣнить всю прелесть тѣхъ страстныхъ, нѣжныхъ и томительныхъ сценъ, тѣхъ тонкихъ и глубокихъ психологическихъ подробностей, которыми рисуется любовь Елены и Инсарова съ начала и до конца. Вмѣсто всякаго разсказа мы напомнимъ только дневникъ Елены, ея ожиданіе, когда Инсаровъ долженъ былъ придти проститься, сцену въ часовенкѣ, возвращеніе Елены домой послѣ этой сцены, ея три посѣщенія къ Инсарову, особенно послѣднее [1]), потомъ прощанье съ матерью, съ родиной, отъѣздъ, наконецъ, послѣднюю прогулку ея съ Инсаровымъ по Canal Grand, слушанье «Травіаты» и возвращеніе. Это послѣднее изображеніе особенно сильно подѣйствовало на насъ своей строгой истиной и безконечно-грустной прелестью; для насъ это самое задушевное, самое симпатичное мѣсто всей повѣсти.

Предоставляя самимъ читателямъ насладиться припоминаніемъ всего развитія повѣсти, мы обратимся опять къ характеру

---

[1]) Есть люди, которыхъ воображеніе до того засалено и развращено, что въ этой прелестной, чистой и глубоко-нравственной сценѣ полнаго, страстнаго сліянія двухъ любящихъ существъ, они увидятъ только матеріалъ для сладострастныхъ представленій. Судя обо всѣхъ по себѣ, они возопіютъ даже, что эта сцена можетъ имѣть дурное вліяніе на нравственность, ибо возбуждаетъ нечистыя мысли. Но пусть ихъ вопіютъ: вѣдь есть люди, которые и при видѣ Венеры Милосской говорятъ съ піапической улыбкой: «а она... того... [годится»]... Но не для этихъ людей — искусства и поэзія, да не для нихъ и истинная нравственность. Въ нихъ все претворяется во что-то отвратительно-нечистое. Но дайте прочитать эти же сцены невинной, чистой сердцемъ дѣвушкѣ и, повѣрьте, ничего, кромѣ самыхъ свѣтлыхъ и благородныхъ помысловъ, не вынесетъ она изъ этого чтенія. *Прим. Д.*

Инсарова, или, лучше, къ тому отношенію, въ какомъ стоитъ онъ въ повѣсти г. Тургенева къ окружающему его русскому обществу. Мы уже видѣли, что онъ здѣсь почти не дѣйствуетъ для достиженія своей главной цѣли; только разъ видимъ мы, что онъ уходитъ за 60 верстъ для примиренія поссорившихся земляковъ, жившихъ въ Троицкомъ посадѣ, да въ концѣ его пребыванія въ Москвѣ упомянуто, что онъ разъѣзжалъ *по городу и видался украдкой* съ разными лицами. Да, разумѣется, ему и нечего было дѣлать, живя въ Москвѣ; для настоящей дѣятельности *нужно было* ему ѣхать въ Болгарію. И онъ поѣхалъ туда, но на дорогѣ смерть застигла его, и дѣятельности его мы такъ и не видимъ въ повѣсти. Изъ этого ясно, что сущность повѣсти вовсе не состоитъ въ представленіи намъ образца гражданской, т.-е. общественной доблести, какъ нѣкоторые хотятъ увѣрить. Тутъ нѣтъ упрека русскому молодому поколѣнію, нѣтъ указанія на то, каковъ долженъ быть гражданскій герой. Если бъ это входило въ планъ автора, то онъ долженъ былъ бы поставить своего героя лицомъ къ лицу съ самымъ дѣломъ—съ партіями, съ народомъ, съ чужимъ правительствомъ, съ своими единомышленниками, съ вражеской силой... Но авторъ нашъ вовсе не хотѣлъ, да, сколько мы можемъ судить по всѣмъ его прежнимъ произведеніямъ, и не въ состояніи былъ бы написать героическую эпопею. Его дѣло совсѣмъ другое; изъ всей Иліады и Одиссеи онъ присваиваетъ себѣ только разсказъ о пребываніи Улисса на островѣ Калипсы, и далѣе этого не простирается. Давши намъ понять и почувствовать, что̀ такое Инсаровъ, и въ какую среду попалъ онъ, — г. Тургеневъ весь отдается изображенію того, какъ Инсаровъ любитъ, и что̀ изъ того происходитъ. Тамъ, гдѣ любовь должна, наконецъ, уступить мѣсто живой гражданской дѣятельности, онъ прекращаетъ жизнь своего героя и оканчиваетъ повѣсть.

Въ чемъ же, стало быть, смыслъ появленія *болгара* въ этой исторіи? Что̀ тутъ значитъ болгаръ, почему не русскій? Развѣ между русскими уже и нѣтъ такихъ натуръ, развѣ русскіе неспособны любить страстно и рѣшительно, *неспособны очертя голову* жениться по любви? Или это просто прихоть авторскаго воображенія, и въ ней *не нужно отыскивать никакого особеннаго* смысла? «Взялъ, молъ, себѣ болгара, да и кончено; а могъ бы взять и цыгана, и китайца *пожалуй*...»

Отвѣтъ на эти вопросы зависитъ отъ воззрѣнія на весь смыслъ повѣсти. Намъ кажется, что болгаръ дѣйствительно здѣсь могъ быть замѣненъ, пожалуй, и другою національностью—сербомъ, чехомъ, итальянцемъ, венгромъ,—[только не полякомъ и] [1] не русскимъ. [Почему не полякомъ, объ этомъ, разумѣется, и вопроса быть не можетъ [2], а почему не русскимъ,—въ этомъ заключается весь вопросъ, и мы постараемся отвѣтить на него, какъ умѣемъ] [3].

Дѣло въ томъ, что въ «Наканунѣ» главное лицо — Елена, и по отношенію къ ней должны мы разбирать другія лица. Въ ней сказалась та смутная тоска по чемъ-то, та почти безсознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новыхъ людей, которая охватываетъ теперь все русское общество, и даже не одно только такъ называемое образованное. Въ Еленѣ такъ ярко отразились *лучшія стремленія нашей современной* жизни, а въ ея окружающихъ такъ рельефно выступаетъ вся несостоятельность обычнаго порядка той же жизни, что невольно беретъ охота провести [аллегорическую] [4] параллель. [Тутъ все бы пришлось на мѣстѣ: и не злой, но пустой и тупо важничающій Стаховъ, въ соединеніи съ Анной Васильевной, которую Шубинъ называетъ курицей, и нѣмка-компаньонка, съ которой Елена такъ холодна, и сонливый, но по временамъ глубокомысленный Уваръ Ивановичъ, котораго волнуетъ только извѣстіе о контробомбардонѣ, и даже неблаговидный лакей, доносящій на Елену отцу, когда уже все дѣло кончено...] Но подобныя параллели, несомнѣнно доказывающія игривость *воображенія*, становятся натянуты и смѣшны, когда уходятъ въ большія подробности. Поэтому мы удержимся отъ подробностей и сдѣлаемъ лишь нѣсколько самыхъ общихъ замѣчаній.

Развитіе Елены основано не на большой учености, не на обширномъ опытѣ жизни; лучшая, идеальная сторона ея существа раскрылась, выросла и созрѣла въ ней при видѣ кроткой печали родного ей лица, при видѣ бѣдныхъ, больныхъ и угнетенныхъ, которыхъ она находила и видѣла всюду, даже во снѣ. Не на подобныхъ ли впечатлѣніяхъ выросло и воспиталось все лучшее въ русскомъ обществѣ? Не характеризуется ли [у насъ] каждый истинно порядочный человѣкъ ненавистью ко всякому *насилію, произволу, притѣсненію* и жела-

---

[1]) но

[2]) *По понятнымъ чисто цензурнымъ условіямъ.* Развѣ можно было бы говорить о полякѣ, хотѣвшемъ избавить свою родину отъ рабства...

[3]) Появленіе русскаго на мѣстѣ Инсарова было бы фальшиво—не потому, чтобы русскій народъ вовсе неспособенъ былъ производить такія натуры, а потому, что русская жизнь даетъ иное направленіе и развитіе. Всмотримся въ дѣло поближе.

[4]) обстоятельную

ніемъ помочь слабымъ и угнетеннымъ? Мы не говоримъ: «[борьбою] [1]) въ защиту слабыхъ отъ обиды сильныхъ», потому что этого нѣтъ, но именно *желаніемъ*, совершенно такъ, какъ у Елены. Мы тоже рады сдѣлать и доброе дѣло, когда оно заключаетъ въ себѣ только положительную сторону, т.-е. не требуетъ никакой борьбы, не предполагаетъ никакого сторонняго противодѣйствія. Мы подадимъ милостыню, сдѣлаемъ благотворительный спектакль, пожертвуемъ даже частью своего достоянія въ случаѣ нужды; но только чтобы этимъ дѣло и ограничилось, чтобы намъ не пришлось хлопотать и бороться съ разными непріятностями изъ-за какого-нибудь бѣднаго или обиженнаго. «Желаніе дѣятельнаго добра» есть въ насъ, и силы есть, но боязнь, неувѣренность въ своихъ силахъ и, наконецъ, незнаніе: — что̀ дѣлать? — постоянно насъ останавливаютъ, и мы, сами не зная какъ,—вдругъ оказываемся въ сторонѣ отъ общественной жизни, холодными и чуждыми ея интересамъ, точь-въ-точь какъ Елена въ окружающей ее средѣ. Между тѣмъ, *желаніе* попрежнему кипитъ въ груди (говоримъ о тѣхъ, кто не старается искусственно заглушить это желаніе), и мы все ищемъ, жаждемъ, ждемъ... [ждемъ, чтобы намъ хоть кто-нибудь объяснилъ, что̀ дѣлать]. Съ болью недоумѣнія, почти съ отчаяніемъ пишетъ Елена въ своемъ дневникѣ: «О, если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ: вотъ что̀ ты должна дѣлать! Быть доброю—этого мало; дѣлать добро... да, это главное въ жизни. *Но какъ дѣлать добро*?» Кто изъ людей нашего общества, сознающихъ въ себѣ живое сердце, мучительно не задавалъ себѣ этого вопроса? [Кто не признавалъ жалкими и ничтожными всѣ тѣ формы дѣятельности, въ которыхъ проявлялось, по мѣрѣ силъ, его желаніе добра? Кто не чувствовалъ, что есть что-то другое, высшее, что мы даже и могли бы сдѣлать, да не знаемъ, какъ приняться надобно...] И гдѣ же разрѣшеніе сомнѣній? [Мы томительно, жадно ищемъ его въ свѣтлыя минуты своего существованія, и нигдѣ не находимъ. Все окружающее кажется намъ, или томится тѣмъ же недоумѣніемъ, какъ и мы, или загубило въ себѣ человѣческій образъ и сузило себя до преслѣдованія только своихъ мелкихъ, эгоистическихъ, животныхъ интересовъ. И такъ, день изо дня, проходитъ жизнь, пока она не умерла въ сердцѣ человѣка, и день изо дня ждетъ живой человѣкъ: не будетъ ли завтра лучше, не разрѣшится ли завтра сомнѣнье, не явится ли завтра тотъ, кто скажетъ намъ, какъ дѣлать добро...

Эта тоска ожиданія давно уже томитъ русское обжество, и сколько разъ уже ошибались мы, подобно Еленѣ, думая, что жданный явился, и потомъ охладѣвали]. Она страстно привязалась-было къ Аннѣ Васильевнѣ; но Анна Васильевна оказалась ничтожною, безхарактерною... Почувствовала-было расположеніе къ Шубину, какъ наше общество одно время увлекалось художественностью; но въ Шубинѣ не оказалось дѣльнаго содержанія, одни блестки и капризы,—а Еленѣ не до того было, чтобы, посреди ея исканій, любоваться игрушками. Увлекалась на минуту серьезною наукою въ лицѣ Берсенева; но серьезная наука оказалась скромною, сомнѣвающеюся, выжидающею перваго нумера, чтобы пойти за нимъ. А Еленѣ именно нужно было, чтобы явился человѣкъ, не нумерованный и не выжидающій себѣ назначенія, а самостоятельно и неодолимо стремящійся къ своей цѣли и увлекающій къ ней другихъ. Такимъ-то, наконецъ, явился предъ нею Инсаровъ, [и въ немъ-то нашла она осуществленіе своего идеала, въ немъ-то увидѣла возможность отвѣта на вопросъ: какъ ей дѣлать добро].

Но почему же Инсаровъ не могъ быть русскимъ? Вѣдь онъ въ повѣсти не дѣйствуетъ, а только собирается на дѣло; это и русскій можетъ. Характеръ его тоже возможенъ и въ русской кожѣ, особенно въ такихъ проявленіяхъ. Онъ проявляется въ повѣсти тѣмъ, что любитъ сильно и рѣшительно; но неужели невозможно и это для русскаго человѣка?

[Все это такъ, и все-таки сочувствіе Елены, такой дѣвушки, какъ мы ее понимаемъ, не могло обратиться на русскаго человѣка съ тѣмъ правомъ, съ тою естественностью, какъ обратилось оно на этого болгара. Все обаяніе Инсарова заключается въ величіи и святости той идеи, которой проникнуто все его существо. Елена, жаждущая дѣятельнаго добра, но не знающая, какъ его дѣлать, мгновенно и глубоко поражается, еще не видавши Инсарова, разсказомъ о его замыслахъ. «Освободить свою родину,—говоритъ она:—эти слова и выговорить страшно—такъ они велики!» И она чувствуетъ, что слово ея сердца найдено, что она удовлетворена, что выше этой цѣли нельзя поставить себѣ, и что на всю ея жизнь, на всю ея будущность достанетъ дѣятельнаго содержанія, если только она пойдетъ за этимъ человѣкомъ. И она старается всмотрѣться въ него, ей хочется проникнуть въ его душу, раздѣлить его мечты, войти въ подробности его плановъ. А въ немъ только и есть постоянная, слитая съ нимъ идея родины и ея свободы; и

[1]) *дѣятельностью*

Елена довольна, ей нравится въ немъ эта ясность и опредѣленность стремленій, спокойствіе и твердость души, могучесть самаго замысла, и она скоро сама дѣлается эхомъ той идеи, которая его одушевляетъ. «Когда онъ говоритъ о своей родинѣ,—пишетъ она въ своемъ дневникѣ, — онъ растетъ, растетъ, и лицо его хорошѣетъ, и голосъ, какъ сталь, и нѣтъ, кажется, тогда на свѣтѣ такого человѣка, предъ кѣмъ бы онъ глаза опустилъ. И онъ не только говоритъ, онъ дѣлалъ и будетъ дѣлать. Я его разспрошу»... Черезъ нѣсколько дней она опять пишетъ: «а вѣдь странно, однако, что я до сихъ поръ, до двадцати лѣтъ, никого не любила! Мнѣ кажется, что у Д. (буду называть его Д., мнѣ нравится это имя: Дмитрій) оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться? Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу, *то* хочетъ». И понявши это, она сама хочетъ слиться съ нимъ такъ, чтобы уже *не она* хотѣла, а *онъ*, и *то*, что его одушевляетъ. И мы очень хорошо понимаемъ ея положеніе; увѣрены, что и все русское общество, хотя еще и не увлечется, подобно ей, личностью Инсарова, но пойметъ возможность и естественность чувства Елены.

Мы говоримъ: общество не увлечется само, и основываемъ это предположеніе на томъ, что *этотъ* Инсаровъ все еще намъ чужой человѣкъ] [1]). Самъ г. Тургеневъ, такъ хорошо изучившій лучшую часть нашего общества, не нашелъ возможности сдѣлать его *нашимъ*. Мало того, что онъ вывезъ его изъ Болгаріи, онъ недостаточно приблизилъ къ намъ этого героя даже просто какъ человѣка. Въ этомъ, если хотите смотрѣть даже на литературную сторону, главный художественный недостатокъ повѣсти. [Мы понимаемъ одну изъ важныхъ причинъ его, независящихъ отъ автора, и потому не дѣлаемъ упрека г. Тургеневу. Но, тѣмъ не менѣе] блѣдность очертаній Инсарова отражается на самомъ впечатлѣніи, производимомъ повѣстью. Величіе и красота идей Инсарова не выставляются передъ нами съ [такою] [2]) силою, [чтобы мы сами прониклись ими и въ гордомъ одушевленіи воскликнули: идемъ за тобою!] А между тѣмъ идея его,—идея чистой, святой любви къ родинѣ, — такъ свята, такъ возвышенна... Гораздо менѣе человѣчныя, даже просто фальшивыя идеи, горячо проведенныя въ художественныхъ образахъ, производили лихорадочное дѣйствіе на общество: Карлы Мооры, Вертеры, Печорины вызывали толпу подражателей. Инсаровъ ихъ не вызоветъ. Правда, что и мудрено было ему выказаться вполнѣ съ своей идеей, живя въ Москвѣ и ничего не дѣлая; вѣдь не въ реторическихъ же разглагольствіяхъ упражняться! Но мы изъ повѣсти мало узнаемъ его и какъ человѣка; его внутренній міръ недоступенъ намъ; для насъ закрыто, что̀ онъ дѣлаетъ, что̀ думаетъ, чего надѣется, какія испытываетъ перемѣны въ своихъ отношеніяхъ, какъ смотритъ на ходъ событій, на жизнь, несущуюся передъ его глазами. Даже любовь его къ Еленѣ остается для насъ не вполнѣ раскрытою. Мы знаемъ, что онъ полюбилъ ее страстно; но какъ это чувство вошло въ него, что въ ней привлекло его, на какой степени было это чувство, когда онъ его замѣтилъ и рѣшился-было удалиться, — всѣ эти внутреннія подробности и многія другія, которыя такъ тонко, такъ поэтически умѣетъ рисовать г. Тургеневъ, остаются темными въ личности Инсарова. Какъ живой образъ, какъ лицо дѣйствительное, Инсаровъ отъ насъ чрезвычайно далекъ, и вотъ почему «Наканунѣ» производитъ на публику такое слабое, даже отчасти неблагопріятное впечатлѣніе, сравнительно съ прежними повѣстями г. Тургенева, гдѣ являлись характеры, до тонкости изученные и живо прочувствованные авторомъ. Мы понимаемъ, что Инсаровъ долженъ быть хорошій человѣкъ, и что Елена могла полюбить его со всей силой души своей, потому что она видѣла его въ жизни, а не въ повѣсти; для насъ же онъ близокъ и дорогъ только какъ представитель идеи, которая поражаетъ и насъ, какъ Елену, мгновеннымъ свѣтомъ [и озаряетъ мракъ нашего существованія. Поэтому-то мы и понимаемъ всю естественность чувства Елены къ Инсарову, поэтому-то и сами, довольные его непреклонною вѣрностью идеѣ, не замѣчаемъ, на первый разъ, что онъ обозначается передъ нами лишь въ блѣдныхъ и общихъ очертаніяхъ.

И еще хотятъ, чтобъ онъ былъ русскимъ! «Нѣтъ, онъ не могъ бы быть русскимъ»—восклицаетъ сама Елена, въ отвѣтъ на явившееся-было сожалѣніе, что онъ не русскій. И дѣйствительно, такихъ русскихъ не бываетъ, не должно и не можетъ быть, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ. Не

---

[1]) Да, настолько, насколько Инсаровъ дѣйствуетъ въ повѣсти г. Тургенева, стало бы и русскаго человѣка. Но дѣло въ томъ, что *этотъ* Инсаровъ далеко не представляетъ въ себѣ осуществленія той идеи, которая вызвала его къ жизни въ художественномъ произведеніи. И это служитъ для насъ сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что Инсаровъ — не такой, какимъ онъ вышелъ въ повѣсти, а такой, какимъ онъ долженъ бы выйти по замыслу автора,—еще не существуетъ въ нашей жизни.

[2]) полною

знаемъ, какъ развиваются и разовьются новыя поколѣнія, но тѣ, которыя мы видимъ теперь дѣйствующими, развивались вовсе не такъ, чтобы могли уподобиться Инсарову. На развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ вліяніе не только его частныя отношенія, но и вся общественная атмосфера, въ которой суждено ему жить. Иная развиваетъ героическія тенденціи, другая — мирныя наклонности; иная раздражаетъ, другая убаюкиваетъ. Русская жизнь сложилась такъ хорошо, что въ ней все вызываетъ на спокойный и мирный сонъ, и всякій безсонный человѣкъ кажется, не безъ основанія, безпокойнымъ и совершенно лишнимъ для общества] [1]). Сравните, въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства, при которыхъ начинается и проходитъ жизнь Инсарова, съ обстоятельствами, встрѣчающими жизнь каждаго русскаго человѣка.

Болгарія порабощена, она страдаетъ подъ турецкимъ игомъ. Мы, слава Богу, никѣмъ не порабощены, мы свободны, мы—великій народъ, не разъ рѣшавшій своимъ оружіемъ судьбы царствъ и народовъ; *мы* владѣемъ другими, а нами никто не владѣетъ...

Въ Болгаріи нѣтъ общественныхъ правъ и гарантій. Инсаровъ говоритъ Еленѣ: «если бъ вы знали, какой нашъ край благодатный. А между тѣмъ, его топчутъ, его терзаютъ, у насъ все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; какъ стадо гоняютъ насъ поганые турки, насъ рѣжутъ...» Россія, напротивъ того, государство благоустроенное, въ ней существуютъ законы, охраняющіе права гражданъ и опредѣляющіе ихъ обязанности, въ ней царствуетъ правосудіе, возникаетъ благодѣтельная гласность. Церквей ни у кого не отнимаютъ и вѣры не стѣсняютъ, а, напротивъ, поощряютъ ревность проповѣдниковъ; правъ и земель не только не отнимаютъ, но еще даруютъ ихъ тѣмъ, кто не имѣлъ доселѣ [1]).

«Въ Болгаріи, — говоритъ Инсаровъ,— послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я— мы желаемъ одного и того же, у всѣхъ одна цѣль». [Такой монотонности вовсе нѣтъ въ русской жизни [2]), въ которой] каждое сословіе, даже каждый кружокъ живутъ своей отдѣльною жизнью, имѣютъ свои особыя цѣли и стремленія, свое установленное назначеніе. При существующемъ у насъ устройствѣ общественномъ каждому остается только упрочивать собственное благосостояніе, для чего вовсе не нужно соединяться съ цѣлой націей въ одной общей идеѣ, какъ это происходитъ въ Болгаріи.

Инсаровъ былъ еще младенцемъ, когда турецкій ага похитилъ его мать и потомъ

---

[1]) и привлекаетъ наше уваженіе. Какъ скоро отнимается отъ Инсарова эта идея, въ немъ ничего не остается. Авторъ понялъ, что любовь къ родинѣ должна органически сростаться со всѣмъ существомъ этого болгара, и что нужно показать ихъ нераздѣльными; такъ онъ и старался представить это въ своей повѣсти. Но какъ именно это чувство дѣятельнаго патріотизма проникаетъ все существо Инсарова, какъ освѣщаетъ всю его жизнь, опредѣляетъ всѣ его стремленія, заправляетъ всѣми поступками, — для жизненнаго и полнаго выраженія всего этого авторъ, какъ видно, не нашелъ достаточно матеріаловъ и красокъ въ той дѣйствительности, которая доступна его художническому наблюденію; оттого Инсаровъ есть созданіе головное, а не задушевное, и мы головою должны оправдывать даже любовь къ нему Елены. Все обаяніе Инсарова заключается для нея въ величіи и святости той идеи, которой проникнуто все его существо. Елена мгновенно и глубоко поражается, еще не видавши Инсарова, разсказомъ о его патріотическихъ замыслахъ. «Освободить свою родину, говоритъ она, — эти слова и выговорить страшно, такъ они велики!» И она чувствуетъ, что слово ея сердца найдено, что она удовлетворена, что выше этой цѣли нельзя поставить себѣ и что на всю ея жизнь, на всю ея будущность достанетъ дѣятельнаго содержанія, если только она пойдетъ за этимъ человѣкомъ. И она старается всмотрѣться въ него, ей хочется проникнуть въ его душу, раздѣлить его мечты, войти въ подробности его плановъ. А въ немъ только и есть постоянная, слитая съ нимъ идея родины и ея свободы; и Елена довольна, ей нравится въ немъ эта ясность и опредѣленность стремленій, спокойствіе и твердость души, могучесть самаго замысла, и она скоро сама дѣлается эхомъ той идеи, которая его одушевляетъ. «Когда онъ говоритъ о своей родинѣ, — пишетъ она въ своемъ дневникѣ,—онъ растетъ, растетъ, и лицо его хорошѣетъ, и голосъ, какъ сталь, и нѣтъ, кажется, на свѣтѣ такого человѣка, передъ кѣмъ бы онъ глаза опустилъ. И онъ не только говоритъ, онъ дѣлалъ и будетъ дѣлать. Я его разспрошу»... Черезъ нѣсколько дней она опять пишетъ: «а вѣдь странно, однако, что я до сихъ поръ, до двадцати лѣтъ, никого не любила! Мнѣ кажется, что у Д. (буду называть его Д., мнѣ нравится это имя: Дмитрій) оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться. Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу, *то* хочетъ». И понявши это, она сама хочетъ слиться съ нимъ такъ, чтобъ ужъ не *она* хотѣла, а *онъ*, и *то*, что его одушевляетъ. И мы послѣ этого очень хорошо понимаемъ возможность и естественность ея чувства къ Инсарову.

Изъ этихъ немногихъ объясненій понятно, что насколько Елена, съ своей «жаждой дѣятельнаго добра», близка нашей жизни, настолько же Инсаровъ, какъ патріотическій дѣятель, далекъ отъ нея. Ни цѣль болгара—Инсарова для насъ не пригодна, ни цѣльность его развитія намъ недоступна. У него въ виду простое дѣло — борьба съ турками; у насъ подобная цѣль была во время восточной войны, и тогда явилось и у насъ не мало героевъ. Но въ мирное время—дѣло русскаго патріота совсѣмъ иное. То, къ чему стремится Инсаровъ, у насъ уже вполнѣ достигнуто, и его стремленія, буквально выраженныя въ русскомъ человѣкѣ, должны бы считаться просто преступными, потому что они у насъ не имѣютъ никакого основанія и ничѣмъ не оправдываются.

[1]) Надо ли говорить, что все это злая иронія...

[2]) Въ русской жизни

зарѣзалъ, а отецъ его былъ разстрѣлянъ за то, что, желая отмстить агѣ, поразилъ его кинжаломъ. Когда и кого изъ русскихъ людей могли встрѣтить въ жизни подобныя впечатлѣнія? Слыхано ли что-нибудь подобное въ русской землѣ? Конечно, уголовныя преступленія вездѣ возможны; но у насъ, если бы какой-нибудь *ага* похитилъ и убилъ или уморилъ потомъ чужую жену, такъ мужа и до отмщенія бы не допустили, ибо у насъ есть законы, для всѣхъ равные и нелицепріятно наказывающіе преступленіе.

Словомъ, Инсаровъ съ молокомъ матери всасываетъ [ненависть къ поработителямъ, недовольство настоящимъ порядкомъ вещей. Ему не нужно напрягать себя, не нужно доходить долгимъ рядомъ силлогизмовъ до того, чтобы опредѣлить направленіе своей дѣятельности. Какъ скоро онъ не лѣнивъ и не трусъ, онъ уже знаетъ, что̀ ему дѣлать и какъ вести себя: разбрасываться ему некуда. Да и] [1]) задача-то у него *удобопонятная*, какъ говоритъ Шубинъ: «стоитъ только турокъ вытурить—велика штука!» И Инсаровъ знаетъ, при томъ, что онъ правъ въ своей дѣятельности, не только передъ собственною совѣстью, но и передъ людскимъ судомъ: его замыслы найдутъ сочувствіе во всякомъ порядочномъ человѣкѣ. Представьте же теперь что-нибудь подобное въ русскомъ обществѣ: неудобопредставимо!.. Въ русскомъ переводѣ Инсаровъ выйдетъ не что иное, какъ разбойникъ, представитедь «противообщественнаго элемента», о которомъ русская публика знаетъ очень хорошо изъ [краснорѣчивыхъ] [2]) изслѣдованій г. Соловьева, сообщенныхъ «Русскимъ Вѣстникомъ». Кто же, спрашивается, можетъ полюбить такого? Какая благовоспитанная и умная дѣвушка не побѣжитъ отъ него [что есть мочи, съ крикомъ quelle horreur!!] [3]).

Понятно ли теперь, почему не можетъ быть русскій на мѣстѣ Инсарова? [Натуры, подобныя ему, родятся, конечно, и въ Россіи въ немаломъ количествѣ, но онѣ не могутъ такъ безпрепятственно развиться и такъ беззастѣнчиво проявлять себя, какъ Инсаровъ. Русскій современный Инсаровъ всегда останется робкимъ, двойственнымъ, будетъ таиться, выражаться съ разными прикрытіями и экивоками... а это-то и уменьшаетъ довѣріе къ нему. Выйдетъ, пожалуй, даже иной разъ, что онъ лжетъ и противорѣчитъ себѣ; а извѣстно, что люди лгутъ обыкновенно либо изъ выгодъ, либо изъ трусости. Какое же сочувствіе можно питать къ корыстолюбцу и трусу, особенно когда душа томится жаждою дѣла и ищетъ мощной головы и руки, которая бы повела ее?

Бываютъ, правда, и у насъ небольшіе герои, нѣсколько похожіе на Инсарова отвагою и сочувствіемъ къ угнетеннымъ. Но они въ нашей средѣ являются смѣшными Донъ-Кихотами] [1]). Отличительная черта Донъ-Кихота—непониманіе ни того, за что̀ онъ берется, ни того, что̀ выйдетъ изъ его усилій,—удивительно ярко выступаетъ въ нихъ. [Они, напримѣръ, вдругъ вообразятъ, что надо спасать крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ; и знать того не хотятъ, что никакого произвола тутъ нѣтъ, что права помѣщиковъ строго опредѣлены закономъ и должны быть неприкосновенны, пока законы эти существуютъ, и что возстановить крестьянъ собственно противъ этого произвола значитъ, не избавивши ихъ отъ помѣщика, подвергнуть еще наказанію по закону. Или, напр., зададутъ себѣ работу: спасать невинныхъ отъ судебной неправды,—какъ будто бы у насъ судьи по своему произволу такъ и дѣлаютъ, что̀ хотятъ. Дѣла у насъ всѣ, какъ извѣстно, вершатся по закону, а чтобы растолковать законъ такъ или иначе,—на это не геройство нужно, а привычка къ судейскимъ изворотамъ. Вотъ Донъ-Кихоты наши и возятся попусту... А то выдумаютъ вдругъ взятки искоренять,—и ужъ какая тутъ мука пойдетъ бѣднымъ чиновникамъ, берущимъ гривенникъ за какую-нибудь справку! Со свѣту сгонятъ ихъ наши герои, принимающіе на себя защиту страждущихъ. Оно, конечно, благородно и высоко; да можно ли сочувствовать этимъ неразумнымъ людямъ? И вѣдь мы еще говоримъ не о тѣхъ холодныхъ служителяхъ долга, которые поступаютъ такимъ образомъ просто по обязанности службы; мы имѣемъ въ виду рус-

---

[1]) свое направленіе.
[2]) ученыхъ
[3]) съ ужасомъ?

[1]) Натуры, подобныя ему, въ нашемъ обществѣ должны получать другое развитіе и направленіе. Внѣшней борьбы намъ не нужно, но необходима усиленная, непрерывная, самоотверженная борьба съ внутреннимъ врагомъ—съ общественнымъ зломъ и неправдой. Врагъ этотъ среди насъ, часто въ насъ самихъ. Возставая противъ общественныхъ пороковъ, развращенія, произвола, апатіи, и находя въ нихъ корень всѣхъ нашихъ золъ, мы нерѣдко вдругъ замѣчаемъ, что сами не менѣе другихъ виновны—и въ произволѣ, и въ апатіи, и въ развратѣ, и пр. Есть ли возможность сохранить при этомъ полную силу героизма? Поневолѣ многіе начинаютъ накидываться на мелочи, воображая, что въ нихъ-то и есть все дѣло, или сражаться съ призраками, и такимъ образомъ въ практической дѣятельности являются обыкновенно забавно жалкими Донъ-Кихотами, несмотря на все благородство своихъ стремленій.

скихъ людей, дѣйствительно, искренно сочувствующихъ угнетеннымъ и готовыхъ даже на борьбу для ихъ защиты. И эти-то выходятъ безполезны и смѣшны, потому что не понимаютъ общаго значенія той среды, въ которой дѣйствуютъ. Да и какъ имъ понять, когда они сами-то въ ней находятся, когда верхушки ихъ тянутся вверхъ, а корень все-таки прикрѣпленъ къ той же почвѣ? Они хотятъ прогнать горе ближнихъ, а оно зависитъ отъ устройства той среды, въ которой живутъ и горюющіе, и предполагаемые утѣшители. Какъ же тутъ быть? Всю эту среду перевернуть, — такъ надо будетъ повернуть и себя; а подите-ка, сядьте въ пустой ящикъ да и попробуйте его перевернуть вмѣстѣ съ собою. Какихъ усилій это потребуетъ отъ васъ! — между тѣмъ какъ, подойдя со стороны, вы однимъ толчкомъ могли бы справиться съ этимъ ящикомъ. Инсаровъ именно тѣмъ и беретъ, что не сидитъ въ ящикѣ: притѣснители его отечества — турки, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго; ему стоитъ только подойти да и толкнуть ихъ, насколько силы хватитъ. Русскій же герой, являющійся обыкновенно изъ образованнаго общества, самъ кровно связанъ съ тѣмъ, на что̀ долженъ возставать. Онъ находится въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ бы, напр., одинъ изъ сыновей турецкаго аги, вздумавшій освобождать Болгарію отъ турокъ. Трудно даже предположить такое явленіе; но если бы оно случилось, то, чтобы сынъ этотъ не представлялся намъ глупымъ и забавнымъ малымъ, нужно, чтобы онъ отрекся ужъ отъ всего, что̀ его связывало съ турками: — и отъ вѣры, и отъ національности, и отъ круга родныхъ и друзей, и отъ житейскихъ выгодъ своего положенія. Нельзя не согласиться, что это ужасно трудно, и что подобная рѣшительность требуетъ нѣсколько другого развитія, нежели какое обыкновенно получаетъ сынъ турецкаго аги. Немного легче дается геройство и русскому человѣку. Вотъ отчего у насъ симпатичныя, энергическія натуры и удовлетворяютъ себя мелкими и ненужными бравадами, не достигая до настоящаго, серьезнаго героизма, т.-е. до отреченія отъ цѣлой массы понятій и практическихъ отношеній, которыми они связаны съ общественной средою. Робость ихъ предъ громадою противныхъ силъ отражается даже на теоретическомъ ихъ развитіи: они боятся или не умѣютъ доходить до корня и, задумываясь, напр., карать зло, только и бросаются на какое-нибудь мелкое проявленіе его и утомляются страшно, прежде чѣмъ успѣютъ даже подумать объ его источникѣ. Не хочется имъ поднять руки на то дерево, на которомъ и они сами выросли; вотъ они и стараются увѣрить себя и другихъ, что вся гниль его только снаружи, что только счистить ее стоитъ, и все будетъ благополучно] [1]). Выгнать изъ службы нѣсколько мелкихъ взяточниковъ, наложить опеку на нѣсколько помѣщичьихъ имѣній, обличить цѣловальника, въ одномъ кабакѣ продавшаго дурного качества водку,—вотъ и воцарится правосудіе, крестьяне во всей Россіи будутъ благоденствовать, и откупа сдѣлаются превосходною вещью для народа. Такъ искренно думаютъ многіе, и дѣйствительно тратятъ всѣ свои силы на подобные подвиги, и зато не шутя считаютъ себя героями.

Намъ разсказывали объ одномъ подобномъ героѣ, человѣкѣ, какъ говорили, чрезвычайно энергическомъ и талантливомъ. Еще будучи въ гимназіи, онъ затѣялъ дѣло съ однимъ гувернеромъ, по тому поводу, что онъ утаиваетъ бумагу, назначаемую для выдачи воспитанникамъ. Дѣло пошло какъ-то неловко; герой нашъ умѣлъ задѣть и инспектора, и директора, и былъ исключенъ изъ гимназіи. Сталъ онъ готовиться въ университетъ, а между тѣмъ принялся давать уроки. При одномъ изъ первыхъ же уроковъ онъ замѣтилъ, что мать дѣтей, которыхъ онъ училъ, ударила по щекѣ свою горничную. Онъ вспыхнулъ, поднялъ въ домѣ гвалтъ, привелъ полицію и формально обвинилъ хозяйку дома въ жестокомъ обращеніи съ прислугой. Потянулось слѣдствіе, въ которомъ онъ ничего, разумѣется, не могъ доказать, и его чуть не присудили къ строгому наказанію за ложное показаніе и клевету. Уроковъ послѣ этого онъ ужъ не могъ достать. Опредѣлился съ большимъ трудомъ, по чьей-то особенной милости, на службу: дали ему переписать какое-то рѣшеніе очень нелѣпаго свойства; онъ не вытерпѣлъ и заспорилъ; ему сказали, чтобъ молчалъ, — онъ не послушался; ему велѣли убираться вонъ. Отъ нечего дѣлать принялъ онъ приглашеніе одного изъ своихъ бывшихъ товарищей — ѣхать съ нимъ на лѣто въ деревню; пріѣхалъ, увидалъ, что̀ тамъ дѣлается, да и принялся толковать—и своему товарищу, и отцу его, и даже бурмистру и мужикамъ о томъ, [какъ беззаконно больше трехъ дней на барщину крестьянъ гонять, какъ непозволительно сѣчь ихъ безъ всякаго суда и расправы, какъ безчестно таскать по ночамъ крестьянскихъ

---

[1]) Рьяные, но безтолковые, они постоянно воображаютъ, что рѣшеніе всѣхъ человѣческихъ вопросовъ достигается какимъ-нибудь надимовскимъ подвигомъ ихъ благородства.

женщинъ въ барскій домъ, и т. п.] [1]). Кончилось тѣмъ, что [мужиковъ, которые его съ участіемъ послушали, перепороли, а ему] старый баринъ велѣлъ запрячь лошадей и попросилъ его не являться больше въ ихъ краяхъ, если хочетъ цѣлъ остаться. Коекакъ переколотившись лѣто, герой нашъ съ осени поступилъ въ университетъ, благодаря тому, что на экзаменѣ попадались ему все вопросы незадорные, на которыхъ нельзя было разгуляться и заспорить. Поступилъ онъ на медицинскій факультетъ и занимался дѣйствительно хорошо; но въ практическомъ курсѣ, когда профессоръ у кровати больного объяснялъ свою премудрость, онъ никогда не могъ удержаться, чтобъ не *оборвать* отсталаго или шарлатанящаго профессора; какъ только тотъ совретъ что-нибудь, такъ онъ и пойдетъ ему доказывать, что это чепуха. Вслѣдствіе такихъ выходокъ герой нашъ не оставленъ при университетѣ, не посланъ за границу, а назначенъ въ какой-то отдаленный госпиталь. Здѣсь онъ на первыхъ же порахъ уличилъ смотрителя и грозилъ на него жаловаться; потомъ, въ другой разъ, поймалъ и пожаловался, за что получилъ выговоръ отъ главнаго доктора; получая выговоръ, онъ, конечно, очень крупно поговорилъ и вскорѣ былъ переведенъ изъ госпиталя... Досталось ему вслѣдъ затѣмъ провожать какую-то партію; онъ принялся шумѣть за солдатъ съ начальникомъ партіи и съ чиновникомъ, завѣдывавшимъ продовольствіемъ. Видя, что слова не помогаютъ, написалъ рапортъ, что солдаты не доѣдаютъ и не допиваютъ по милости чиновника, и что начальникъ партіи этому потакаетъ. По прибытіи на мѣсто — слѣдствіе; допрашиваютъ солдатъ, тѣ говорятъ: довольны; герой нашъ приходитъ въ негодованіе, говоритъ дерзости генералъ-штабъ-доктору и, мѣсяцъ спустя, разжалывается въ фельдшерскіе помощники. Пробывши двѣ недѣли въ этой должности и не выдержавъ нарочито-звѣрскаго обращенія съ нимъ, онъ застрѣливается [2]).

Не правда ли,—явленіе необыкновенное, сильная, порывистая натура? А между тѣмъ посмотрите, на чемъ гибнетъ онъ. Во всѣхъ его поступкахъ нѣтъ ничего такого, что бы не составляло прямой обязанности всякаго честнаго человѣка на его мѣстѣ; а ему нужно, однако, много героизма, чтобъ поступать такимъ образомъ, нужна самоотверженная рѣшимость [гибнуть за добро. Спрашивается теперь: если ужъ въ немъ есть эта рѣшимость, то не лучше ли воспользоваться ею для дѣла большого, которымъ бы дѣйствительно достигалось что-нибудь существенно полезное? Но въ томъ-то и бѣда, что онъ не сознаетъ надобности и возможности такого дѣла и не понимаетъ того, что его окружаетъ. Онъ не хочетъ видѣть круговой поруки во всемъ, что дѣлается передъ его глазами, и воображаетъ, что всякое, замѣченное имъ зло есть не болѣе, какъ злоупотребленіе прекраснаго установленія, возможное лишь какъ рѣдкое исключеніе. При такихъ понятіяхъ русскіе герои только и могутъ, разумѣется, ограничиваться мизерными частностями, не думая объ общемъ, тогда какъ Инсаровъ, напротивъ, частное всегда подчиняетъ общему, въ увѣренности, что «и то не уйдетъ». Такъ, въ отвѣтъ на вопросъ Елены, отмстилъ ли онъ убійцѣ своего отца, Инсаровъ говоритъ: «Я не искалъ его. Я не искалъ его не потому, чтобы я не могъ убить его, — я бы очень спокойно убилъ его, — но потому, что тутъ не до частной мести, когда дѣло идетъ объ освобожденіи народа. Одно помѣшало бы другому. Въ свое время и то не уйдетъ». Вотъ въ этой любви къ общему дѣлу, въ этомъ предчувствіи его, которое даетъ силу спокойно выдерживать отдѣльныя обиды, и заключается великое превосходство болгара Инсарова предъ всѣми русскими героями, у которыхъ общаго дѣла-то и въ поминѣ нѣтъ.

Впрочемъ, и подобныхъ-то героевъ у насъ очень немного, да и изъ нихъ большая часть не выдерживаетъ себя до конца. Гораздо многочисленнѣе въ нашемъ образованномъ обществѣ другой разрядъ людей — занимающихся размышленіями. Изъ этихъ тоже есть много такихъ, которые хоть и размышляютъ, но ничего не умѣютъ понять; но объ этихъ мы не говоримъ. Мы хотимъ указать только на тѣхъ дѣйствительно со свѣтлою головою людей, которые путемъ долгихъ сомнѣній и исканій дошли до того же единства и ясности идеи, съ какими является передъ нами, безъ всякихъ особенныхъ усилій, Инсаровъ. Эти люди понимаютъ, гдѣ корень зла, и знаютъ, что надо дѣлать, чтобы зло прекратить; они глубоко и искренно проникнуты мыслью, до которой добились наконецъ. Но—въ нихъ нѣтъ уже силы для практической дѣятельности; они столько ломали себя, что натура ихъ какъ-то надсѣлась и обезсилѣла. Они съ сочувствіемъ смотрятъ на приближеніе новой жизни, но сами идти ей навстрѣчу не могутъ, и ими не можетъ удовлетвориться свѣжее чувство человѣка, жаждущаго дѣятельнаго добра и ищущаго себѣ руководителя.

[1]) что законно, и что беззаконно.

[2]) Это біографія одного изъ товарищей Поржницкаго, о которомъ говорится въ біографіи Добролюбова.

Никто изъ насъ не беретъ готовыми человѣчныхъ понятій, во имя которыхъ нужно потомъ вести жизненную борьбу. Оттого ни въ комъ и нѣтъ той ясности, той цѣльности воззрѣній и дѣйствій, которыя такъ естественны, хоть бы, напр., въ Инсаровѣ. У него впечатлѣнія жизни, дѣйствующія на сердце и пробуждающія его энергію, постоянно подкрѣпляются требованіями разсудка, всѣмъ теоретическимъ образованіемъ, которое онъ получаетъ. У насъ совершенно наоборотъ] [1]). Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, держащійся передовыхъ мнѣній и сгорающій тоже жаждою дѣятельнаго добра, но человѣкъ кротчайшій и безвреднѣйшій въ мірѣ, вотъ что разсказывалъ намъ о своемъ развитіи, въ объясненіе своей теперешней бездѣятельности [2]).

«По натурѣ своей — говорилъ онъ—я былъ мальчикъ очень добрый и впечатлительный. Я, бывало, плакалъ и метался, слушая разсказъ о какомъ-нибудь несчастіи, я страдалъ при видѣ чужого страданія. Помню, что я не спалъ ночи, терялъ аппетитъ и не могъ ничего дѣлать, когда кто-нибудь въ домѣ былъ боленъ; помню, что не разъ приходилъ я въ нѣкотораго рода бѣшенство, при видѣ истязаній, какія чинилъ одинъ мой родственникъ надъ своимъ сыномъ, моимъ пріятелемъ. Все, что я видѣлъ, все, что слышалъ, развивало во мнѣ тяжелое чувство недовольства; въ душѣ моей рано началъ шевелиться вопросъ: да отчего же все такъ страдаетъ, и неужели нѣтъ средства помочь этому горю, которое, кажется, всѣхъ одолѣло? Я жадно искалъ отвѣта на эти вопросы, и скоро мнѣ дали отвѣтъ, разумный и систематическій. Я началъ учиться. Первая пропись, которую я написалъ, была такова: «истинное счастіе заключается въ спокойствіи совѣсти». На разспросы мои о совѣсти мнѣ объяснили, что она караетъ насъ за дурные поступки и награждаетъ за хорошіе. Все мое вниманіе устремилось теперь на то, чтобы узнать, какіе поступки хороши, какіе дурны. Это было не трудно: кодексъ нравственности былъ готовъ—и въ прописяхъ, и въ домашнихъ наставленіяхъ, и въ особомъ курсѣ. «Почитай старшихъ», «Не надѣйся на свои силы, ибо ты—ничто», «Будь доволенъ тѣмъ, что имѣешь, и не желай бо́льшаго», «Терпѣніемъ и покорностью пріобрѣтается любовь общая» и пр. въ такомъ родѣ писалъ я въ прописяхъ. Дома и отъ всѣхъ окружающихъ слышалъ я то же самое; а въ разныхъ курсахъ узналъ я, что совершеннаго счастья на землѣ не можетъ быть, но что насколько оно возможно, настолько достигнуто въ благоустроенныхъ государствахъ, изъ которыхъ наилучшее есть мое отечество. Я узналъ, что Россія теперь не только велика и обильна, но что порядокъ въ ней господствуетъ самый совершенный; что стоитъ только исполнять законы и приказанія старшихъ да быть умѣреннымъ, и тогда полнѣйшее благополучіе ожидаетъ человѣка, какого бы онъ ни былъ званія и состоянія. Отрадны мнѣ были всѣ эти открытія, и я жадно ухватился за нихъ, какъ за лучшее рѣшеніе всѣхъ моихъ сомнѣній. Вздумалъ-было я повѣрить ихъ моимъ неопытнымъ умомъ, но многое пришлось мнѣ не подъ силу, а что оказывалось доступнымъ, то выходило такъ, вѣрно. И вотъ я довѣрчиво и восторженно предался новооткрытой системѣ, въ ней заключилъ всѣ свои стремленія и лѣтъ двѣнадцати былъ уже маленькимъ философомъ и страшнымъ партизаномъ законности. Я дошелъ до того убѣжденія, что во всякомъ несчастіи виноватъ самъ человѣкъ, или тѣмъ, что не поберегся, не остерегся, или тѣмъ, что не хотѣлъ довольствоваться малымъ, или тѣмъ, что не проникнутъ достаточнымъ уваженіемъ къ закону и къ волѣ старшихъ. Собственно законъ я еще не совсѣмъ хорошо представлялъ себѣ, но онъ олицетворялся для меня во всякомъ начальствѣ и старшинствѣ. Оттого въ этотъ періодъ моей жизни я постоянно стоялъ за учителей, начальниковъ и т. д., и былъ очень любимъ начальствомъ и старшими классами. Разъ меня чуть не выкинули въ окно товарищи; одинъ учитель сказалъ цѣлому классу: «свиньи вы!»; всѣ пришли въ азартъ по окончаніи класса, а я принялся защищать учителя и доказывать, что онъ имѣлъ полное право сказать это. Въ другой разъ исключенъ былъ одинъ изъ нашихъ товарищей за грубость начальству; всѣ жалѣли о немъ, потому что онъ былъ лучшій между нами, но я утверждалъ, что онъ наказаніе вполнѣ заслужилъ, и очень удивлялся, какъ онъ, будучи такимъ умнымъ мальчикомъ, не могъ понять, что покорность старшимъ есть первый долгъ нашъ и первое условіе счастья. Такъ съ каждымъ днемъ укрѣплялся я въ своихъ понятіяхъ законности и, мало-по-малу, привыкъ смотрѣть на большинство людей только какъ на орудіе исполненія высшихъ приказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ я порывалъ живую связь съ душою человѣка, я пересталъ тревожиться бѣдствіями своихъ собратій, пересталъ отыскивать возможность облегчить ихъ. «Сами виноваты», говорилъ я про себя, и сталъ даже питать къ нимъ не то злобу, не то

[1]) ; въ этомъ жизнь его разбивается...
[2]) Добролюбовъ говоритъ о самомъ себѣ.

презрѣніе, какъ къ людямъ, неумѣющимъ пользоваться спокойно и смирно тѣми благами, которыя имъ предлагаются по силѣ общественнаго благоустройства. Все, что было добраго въ моей натурѣ, обратилось въ другую сторону—къ поддержанію правъ старшихъ надъ нами. Я чувствовалъ, что въ этомъ заключается самоотверженіе, отреченіе отъ собственной самостоятельности, убѣжденъ былъ, что дѣлаю это въ видахъ общей пользы, и считалъ себя чуть не героемъ. Я знаю, что многіе такъ и остаются на этой степени, а другіе ее видоизмѣняютъ слегка и увѣряютъ, что они совсѣмъ перемѣнились. Но мнѣ, къ счастью, дѣйствительно пришлось перемѣнить свое направленіе довольно рано. Лѣтъ четырнадцати я самъ имѣлъ уже старшинство кое надъ кѣмъ и въ классѣ, и въ домѣ и, разумѣется, оказался при этомъ очень плохъ. Я умѣлъ дѣлать все, что отъ меня требовали, но что и какъ мнѣ требовать—этого я не зналъ. При всемъ томъ я былъ суровъ и недоступенъ. Но скоро мнѣ стало совѣстно, и я принялся повѣрять свои прежнія понятія о начальствѣ. Поводомъ къ этому былъ одинъ случай, пробудившій опять живыя ощущенія въ моемъ помертвѣвшемъ сердцѣ. Какъ старшій братъ и умница, я училъ, между прочимъ, одну изъ сестеръ моихъ. Мнѣ дано было право присуждать ей наказанія за лѣность, ослушаніе и пр. Разъ она что-то была разсѣяна и никакъ не хотѣла понять моихъ толкованій; я велѣлъ ей стать на колѣни. Она тотчасъ собралась съ мыслями и, принявши внимательный видъ, стала просить, чтобъ я повторилъ еще разъ свои слова. Но я потребовалъ, чтобъ она прежде исполнила приказаніе—стала на колѣни; она заупрямилась. Тогда я схватилъ ее за руки, поднялъ съ мѣста, потомъ положилъ ей свои локти на плечи и изо всѣхъ силъ надавилъ внизъ. Бѣдная дѣвочка опустилась на колѣни и взвизгнула: у ней свихнулась нога при этомъ движеніи. Я очень испугался; но когда мать стала бранить меня за такое обхожденіе съ сестрой, я очень хладнокровно старался доказать, что она сама виновата, что если бъ она тотчасъ послушалась моего приказанія, то ничего бы этого и не было. Однако же, втайнѣ я мучился, тѣмъ болѣе, что сестру свою я очень любилъ. Въ это время выяснилась мнѣ мысль, что вѣдь и старшіе могутъ быть неправы и дѣлать нелѣпости, и что уважать нужно собственно законъ, какъ онъ есть, а не какъ проявляется въ толкованіяхъ того или другого лица. Тутъ пошла у меня критика дѣйствій лицъ, и я изъ консервативной безотвѣтственности стремительно перескочилъ въ opposition légale. Но долгое время я приписывалъ все дурное однимъ только частнымъ злоупотребленіямъ и нападалъ на нихъ — не во имя насущныхъ потребностей общества, не изъ состраданія къ несчастнымъ братіямъ, а просто во имя положительнаго закона. [Въ то время я, конечно, съ жаромъ сталъ бы говорить противъ жестокаго обращенія съ неграми, но, подобно нѣкоему московскому публицисту, отъ всей души обвинилъ бы Брауна, совершенно противозаконно вздумавшаго освобождать негровъ. Но] [1]) я былъ еще тогда очень молодъ [(вѣроятно моложе почтеннаго публициста)], мысль моя двигалась и бродила; я не могъ остановиться на этомъ и, послѣ многихъ соображеній, дошелъ, наконецъ, до сознанія, что и законы могутъ быть несовершенны, что они имѣютъ относительное, временное и частное значеніе и должны подлежать перемѣнамъ съ теченіемъ времени и по требованіямъ обстоятельствъ. Но опять, во имя чего такъ разсуждалъ я? Во имя высшаго отвлеченнаго закона справедливости, а вовсе не по внушенію живого чувства любви къ собратіямъ, вовсе не по сознанію тѣхъ прямыхъ, настоятельныхъ надобностей, которыя указываются идущею передъ нами жизнью. И что же? Вотъ я сдѣлалъ и послѣдній шагъ: отъ отвлеченнаго закона справедливости я перешелъ къ болѣе реальному требованію человѣческаго блага; я всѣ свои сомнѣнія и умствованія привелъ, наконецъ, къ одной формулѣ: человѣкъ и его счастье [2]). Но вѣдь эта формула была въ душѣ моей еще въ дѣтствѣ, прежде чѣмъ я началъ обучаться разнымъ наукамъ и писать назидательныя прописи. И, сказать ли?—теперь я ее лучше понимаю и основательнѣе могу доказать; но тогда я чувствовалъ ее сильнѣе, она болѣе была связана съ моимъ существомъ, и даже, кажется, я готовъ былъ тогда больше сдѣлать для нея, чѣмъ теперь. Я стараюсь теперь не дѣлать ничего, противорѣчащаго сознанному мною закону, стараюсь не отнимать счастья у людей; но этой пассивной ролью я и ограничиваюсь. Броситься на поискъ счастья, приблизить его къ людямъ, [разрушить все, что ему мѣшаетъ—] это я могъ бы только тогда, если бы мои дѣтскія чувства и мечты безпрепятственно развились и окрѣпли. А между тѣмъ они глохли и умирали во мнѣ лѣтъ пятнадцать, и только теперь, я снова возвращаюсь къ нимъ, и нахожу ихъ блѣдными, тощими, слабыми. Мнѣ еще нужно возстановлять ихъ, прежде чѣмъ употреблять въ дѣло;

[1]) Однако,
[2]) Т.-е. къ соціализму.

да и кто знаетъ, удастся ли возстановить?..»

Намъ кажется, что въ этомъ разсказѣ есть черты далеко не исключительныя, а напротивъ, могущія служить общимъ указаніемъ на тѣ препятствія, какія встрѣчаетъ русскій человѣкъ на пути самостоятельнаго развитія. Не всѣ съ одинаковою силою привязываются къ морали прописей, но никто не уходитъ отъ ея вліянія, и на всѣхъ она дѣйствуетъ парализующимъ образомъ. Чтобы избавиться отъ нея, человѣкъ долженъ много силъ потерять и много утратить вѣры въ себя при этой безпрерывной вознѣ съ безобразной путаницей сомнѣній, противорѣчій, уступокъ, изворотовъ и т. п.

[Такимъ образомъ, кто сохранилъ у насъ силу на геройство, такъ тому незачѣмъ быть героемъ, цѣли настоящей онъ не видитъ, взяться за дѣло не умѣетъ и потому только донкихотствуетъ. А кто понимаетъ, что̀ нужно и какъ нужно, такъ тотъ уже всего себя на это пониманіе и положилъ, и въ практической дѣятельности шагу ступить не умѣетъ, и сторонится отъ всякаго вмѣшательства, какъ Елена въ домашней средѣ. Да еще Елена все-таки смѣлѣе и свободнѣе, потому что на нее подѣйствовала только общая атмосфера русской жизни, но, какъ мы сказали уже, не наложила своей печати рутина школьнаго образованія и дисциплины].

Изъ всего этого и выходитъ, что наши лучшіе люди, какихъ мы видали до сихъ поръ въ современномъ обществѣ, только что способны понять жажду дѣятельнаго добра, сжигающую Елену, [и могутъ оказать ей сочувствіе, но никакъ не сумѣютъ удовлетворить этой жажды]. И это еще передовые, это еще называются у насъ «дѣятели общественные». А то большая часть умныхъ и впечатлительныхъ людей бѣжитъ отъ гражданскихъ доблестей и посвящаетъ себя различнымъ музамъ. Хоть бы тѣ же Шубинъ и Берсеневъ въ «Наканунѣ»; славныя натуры, [и тотъ и другой умѣютъ цѣнить Инсарова, даже стремятся душою вслѣдъ за нимъ; еслибъ имъ немножко другое развитіе да другую среду, они бы тоже не стали спать]. Но что̀ же имъ дѣлать тутъ, въ этой средѣ? Перестроить ее на свой ладъ? Да ладу-то у нихъ нѣтъ никакого, и силъ-то нѣтъ. Починять въ немъ кое-что, отрѣзывать и отбрасывать понемножку разныя дрязги [общественнаго устройства?] Да не противно ли у мертваго зубы вырывать, и къ чему это поведетъ? На это способны только герои, въ родѣ господъ Паншиныхъ и Курнатовскихъ.

Кстати—здѣсь можемъ мы сказать нѣсколько словъ о Курнатовскомъ, тоже одномъ изъ лучшихъ представителей русскаго образованнаго общества. Это новый видъ Паншина, только безъ свѣтскихъ и художественныхъ талантовъ, и болѣе дѣловой. Онъ очень честенъ и даже великодушенъ; въ доказательство его великодушія Стаховъ, прочащій его въ женихи Еленѣ, приводитъ фактъ, что онъ, какъ только достигъ возможности безбѣдно существовать своимъ жалованьемъ, тотчасъ отказался въ пользу братьевъ отъ ежегодной суммы, которую назначилъ ему отецъ. Вообще въ немъ много хорошаго; это признаетъ даже Елена, изображающая его въ письмѣ къ Инсарову. Вотъ ея сужденія, по которымъ однимъ только мы и можемъ, впрочемъ, составить понятіе о Курнатовскомъ: онъ въ ходѣ повѣсти не участвуетъ. Разсказъ Елены, впрочемъ, такъ полонъ и мѣтокъ, что больше намъ ничего и не нужно, и потому, вмѣсто перифраза, мы прямо приведемъ ея письмо къ Инсарову:

«Поздравь меня, милый Дмитрій, у меня женихъ. Онъ вчера у насъ обѣдалъ: папенька познакомился съ нимъ, кажется, въ англійскомъ клубѣ и пригласилъ его. Разумѣется, онъ пріѣзжалъ вчера не женихомъ. Но добрая мамаша, которой папенька сообщилъ свои надежды, шепнула мнѣ на ухо, что̀ это за гость. Зовутъ его Егоръ Андреевичъ Курнатовскій: онъ служитъ оберъ-секретаремъ при сенатѣ. Опишу тебѣ сперва его наружность. Онъ небольшого роста, меньше тебя, хорошо сложенъ; черты у него правильны, онъ коротко остриженъ, носитъ большіе бакенбарды. Глаза у него небольшіе (какъ у тебя), каріе, быстрые, губы плоскія, широкія; на глазахъ и на губахъ постоянная улыбка, оффиціальная какая-то: точно она у него дежуритъ. Держится онъ очень просто, говоритъ отчетливо, и все у него отчетливо: онъ ходитъ, смѣется, ѣстъ, словно дѣло дѣлаетъ. «Какъ она его изучила!» думаешь ты, можетъ быть, въ эту минуту. Да, для того, чтобъ описать тебѣ его. Да и какъ же не изучать своего жениха! Въ немъ есть что-то желѣзное... и тупое, и пустое въ то же время и честное; говорятъ, онъ, точно, очень честенъ. Ты у меня тоже желѣзный, да не такъ, какъ этотъ. За столомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня, противъ насъ сидѣлъ Шубинъ. Сперва рѣчь зашла о какихъ-то коммерческихъ предпріятіяхъ; говорятъ, онъ въ нихъ толкъ знаетъ и чуть-было не бросилъ своей службы, чтобы взять въ руки большую фабрику. Вотъ не догадался! Потомъ Шубинъ заговорилъ о театрѣ: г. Курнатовскій объявилъ, и, я должна сознаться, безъ ложной скромности, что онъ въ художествѣ ничего

не смыслитъ. Это мнѣ тебя напомнило... Но я подумала: нѣтъ, мы съ Дмитріемъ все-таки иначе не понимаемъ художества. Этотъ какъ будто хотѣлъ сказать: я не понимаю его, да оно и не нужно, но въ благоустроенномъ государствѣ допускается. Къ Петербургу и къ *comme il faut* онъ, впрочемъ, довольно равнодушенъ; онъ разъ даже назвалъ себя пролетаріемъ. Мы, говоритъ, чернорабочіе. Я подумала: если бы Дмитрій это сказалъ, мнѣ бы это не понравилось. А этотъ пускай себѣ говоритъ! Пусть хвастается! Со мною онъ былъ очень вѣжливъ; но мнѣ все казалось, что со мной бесѣдуетъ очень, очень снисходительный начальникъ. Когда онъ хочетъ похвалить кого, онъ говоритъ, что у такого-то *есть правила*—это его любимое слово. Онъ долженъ быть самоувѣренъ, трудолюбивъ, способенъ къ самопожертвованію (ты видишь, я безпристрастна), т.-е. къ пожертвованію своихъ выгодъ, но онъ большой деспотъ. Бѣда попасться ему въ руки! За столомъ заговорили о взяткахъ.

«— Я понимаю, — сказалъ онъ, — что во многихъ случаяхъ берущій взятку не виноватъ: онъ иначе поступить не могъ. А все-таки, если онъ попался, должно его раздавить.

«— Я вскрикнула. — Раздавить невиноватаго!

«— Да, ради принципа.

«— Какого? — спросилъ Шубинъ. Курнатовскій не то смѣшался, не то удивился, и сказалъ: этого нечего объяснять. — Папаша, который, кажется, благоговѣетъ передъ нимъ, подхватилъ, что, конечно, нечего, и, къ досадѣ моей, разговоръ этотъ прекратился. Вечеромъ пришелъ Берсеневъ и вступилъ съ нимъ въ ужасный споръ. Никогда я еще не видала нашего добраго Андрея Петровича въ такомъ волненіи. Господинъ Курнатовскій вовсе не отрицалъ пользы науки, университетовъ и т. д. А между тѣмъ я понимала негодованіе Андрея Петровича. Тотъ смотритъ на все это какъ на гимнастику какую-то. Шубинъ подошелъ ко мнѣ послѣ стола и сказалъ: вотъ этотъ и нѣкто другой (онъ твоего имени произнести не можетъ)—оба практическіе люди, а посмотрите, какая разница: тамъ настоящій, живой, жизнью данный идеалъ, а здѣсь даже не чувство долга, а просто служебная честность и дѣльность безъ содержанія. — Шубинъ уменъ, и я, для тебя, запомнила его умныя слова; а по-моему, что же общаго между вами? Ты *вѣришь*, а тотъ нѣтъ, потому что только въ самого себя *вѣрить* нельзя».

Елена сразу поняла Курнатовскаго и отозвалась о немъ не совсѣмъ благосклонно. А между тѣмъ, вникните въ этотъ характеръ и припомните своихъ знакомыхъ дѣловыхъ людей, съ честью подвизающихся для пользы общей; навѣрно многіе изъ нихъ окажутся хуже Курнатовскаго, а найдутся ли лучше — за это поручиться трудно. А все отчего? Именно оттого, что жизнь, среда не дѣлаетъ насъ ни умными, ни честными, ни дѣятельными. И умъ, и честность, и силы къ дѣятельности мы должны пріобрѣтать изъ иностранныхъ книжекъ, [которыя при томъ нужно еще согласить и соразмѣрить со Сводомъ Законовъ] [1]). Немудрено, что за этой трудной работой холодѣетъ сердце, замираетъ все живое въ человѣкѣ, и онъ превращается въ автомата, мѣрно и неизмѣнно совершающаго то, что̀ ему слѣдуетъ. И все-таки, опять повторишь: это еще лучшіе. Тамъ, за ними, начинается другой слой: съ одной стороны совсѣмъ сонные Обломовы, уже окончательно потерявшіе даже обаяніе краснорѣчія, которымъ плѣняли барышень въ былое время, съ другой —дѣятельные Чичиковы, неусыпные, неустанные, героическіе въ достиженіи своихъ узенькихъ и гаденькихъ интересцевъ. А еще дальше возвышаются Брусковы, Большовы, Кабановы, Уланбековы [2]), и все это злое племя предъявляетъ свои права на жизнь и волю русскаго люда... [Откуда тутъ взяться героизму, а если и народится герой, такъ гдѣ набраться ему свѣта и разума для того, чтобы не пропасть его силѣ даромъ, а послужить добру да правдѣ? И если наберется, наконецъ, то гдѣ ужъ геройствовать надломленному и надорванному, гдѣ ужъ грызть орѣхи беззубой бѣлкѣ? Лучше же и не обольщаться понапрасну, лучше выбрать себѣ какую-нибудь спеціальность да и зарыться въ ней, заглушая недостойное чувство невольной зависти къ людямъ, живущимъ и знающимъ, зачѣмъ они живутъ] [3]).

Такъ и поступили въ «Наканунѣ» Шубинъ и Берсеневъ. Шубинъ расходился-было, узнавши о свадьбѣ Елены съ Инсаровымъ, и началъ: «Инсаровъ... Инсаровъ... Къ чему ложное смиреніе? Ну, положимъ, онъ молодецъ, онъ постоитъ за себя; да будто ужъ мы такая совершенная дрянь? Ну, хоть я, развѣ дрянь? Развѣ Богъ меня такъ-таки всѣмъ и обидѣлъ? и пр... И тотчасъ же свернулъ, бѣднякъ, на художество: «можетъ, — говоритъ, — и я современемъ прославлюсь своими произведеніями»... И точно—

---

[1]) соглашая и соразмѣряя ихъ съ разными требованіями нашей жизни, общественными приличіями и т. д.

[2]) Герои Островскаго.

[3]) Что жъ тутъ дѣлать? И приходится выбрать себѣ какую-нибудь отвлеченную, далекую отъ жизни спеціальность да и зарыться въ ней...

онъ сталъ работать надъ своимъ талантомъ, и изъ него замѣчательный ваятель выходитъ. И Берсеневъ, добрый, самоотверженный Берсеневъ, такъ искренно и радушно ходившій за больнымъ Инсаровымъ, такъ великодушно служившій посредникомъ между нимъ, своимъ соперникомъ, и Еленой, — и Берсеневъ, это золотое сердце, какъ выразился Инсаровъ,—не можетъ удержаться отъ ядовитыхъ размышленій, убѣдившись окончательно во взаимной любви Инсарова и Елены. «Пусть ихъ!—говоритъ онъ. — Не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики, мы—труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожаный фартукъ, труженикъ, да становись за свой рабочій станокъ, въ своей темной мастерской! А солнце пусть другимъ сіяетъ! И въ нашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастье!» Какимъ адомъ зависти и отчаянія вѣютъ эти несправедливые попреки,—неизвѣстно кому и за что!.. Кто жъ виноватъ во всемъ, что случилось? Не самъ ли Берсеневъ? Нѣтъ, русская жизнь виновата: «кабы были у насъ путные люди, по выраженію Шубина, не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, какъ рыба въ воду». А людей путныхъ или непутныхъ дѣлаетъ жизнь, общій строй ея въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Строй нашей жизни оказался таковъ, что Берсеневу только и оставалось одно: «изсушать умъ наукою безплодной». Онъ такъ и сдѣлалъ, и ученые очень хвалили, по словамъ автора, его сочиненія: «О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній» и «О значеніи городского начала въ вопросѣ цивилизаціи». И еще благо, что хоть въ этомъ могъ найти спасеніе...

Вотъ Еленѣ—такъ не оставалось никакого рессурса въ Москвѣ послѣ того, какъ она встрѣтилась съ Инсаровымъ [и поняла иную жизнь]. Оттого-то она и не могла остаться въ Россіи, ни возвратиться въ нее одна, послѣ смерти мужа. Авторъ очень хорошо умѣлъ понять это и предпочелъ лучше оставить ея судьбу въ неизвѣстности, нежели возвратить ее подъ родительскій кровъ и заставить доживать свои дни въ родной Москвѣ, въ тоскѣ одиночества и бездѣйствія. Призывъ родной матери, дошедшей до нея почти въ ту самую минуту, какъ она лишилась мужа, не смягчилъ ея отвращенія отъ этой пошлой, безцвѣтной, бездѣйственной жизни. «Вернуться въ Россію? Зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?»—написала она матери и отправилась въ Зару, [чтобы потеряться въ волнахъ возстанія].

И какъ хорошо, что она приняла эту рѣшимость! Что, въ самомъ дѣлѣ, ожидало ее въ Россіи? Гдѣ для нея тамъ цѣль жизни, гдѣ жизнь? Возвратиться опять къ несчастнымъ котятамъ и мухамъ, подавать нищимъ деньги, не ею выработанныя и Богъ знаетъ какъ и почему ей доставшіяся, радоваться успѣхамъ въ художествѣ Шубина, трактовать о Шеллингѣ съ Берсеневымъ, читать матери «Московскія Вѣдомости», да видѣть, какъ на общественной аренѣ подвизаются *правила* въ видѣ разныхъ Курнатовскихъ, — [и нигдѣ не видѣть настоящаго дѣла, даже не слышать вѣянія новой жизни...] и понемногу, медленно и томительно вянуть, хирѣть, замирать... Нѣтъ, ужъ если разъ она [попробовала другой жизни], дохнула другимъ воздухомъ, то легче ей броситься въ какую угодно опасность, нежели осудить себя на эту тяжелую пытку, на эту медленную казнь... И мы рады, что она избѣгла нашей жизни и не оправдала на себѣ эти безнадежно-печальныя, раздирающія душу предвѣщанія поэта, такъ [постоянно и безпощадно] [1]) оправдывающіяся надъ самыми лучшими, избранными натурами въ Россіи:

Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви
Мелькнутъ твои младые годы,
Живыя помертвѣютъ чувства,
Мечты развѣются твои.
И жизнь твоя пройдетъ незрима,
Въ краю безлюдномъ, безымянномъ,
На незамѣченной землѣ,—
Какъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ тускломъ и туманномъ,
Въ осенней безпредѣльной мглѣ...

Намъ остается свести отдѣльныя черты, разбросанныя въ этой статьѣ (за неполноту и нескладность которой просимъ извиненія у читателей) [2]), и сдѣлать общее заключеніе.

Инсаровъ, какъ человѣкъ, сознательно и всецѣло проникнутый великой идеей [освобожденія родины] [3]) и готовый [принять въ ней дѣятельную роль] [4]), не могъ развиться и проявить себя въ современномъ русскомъ обществѣ. Даже Елена, такъ полно умѣвшая полюбить его и такъ слиться съ его идеями, и она не можетъ оставаться среди русскаго общества, хотя тамъ—всѣ ея близкіе и родные. Итакъ, великимъ идеямъ, великимъ сочувствіямъ нѣтъ еще мѣста среди насъ?.. [Все героическое, дѣятельное должно

---

[1]) нерѣдко
[2]) Намекъ на цензуру.
[3]) любовь къ родинѣ
[4]) принести для нея всѣ возможныя жертвы

бѣжать отъ насъ, если не хочетъ умереть отъ бездѣйствія или погибнуть напрасно? Не такъ ли?] Не таковъ ли смыслъ повѣсти, разобранной нами?

Мы думаемъ, что нѣтъ. Правда, для широкой дѣятельности нѣтъ у насъ открытаго поприща; правда, наша жизнь проходитъ въ мелочахъ, въ плутняхъ, интрижкахъ, сплетняхъ и подличаньи; правда, наши гражданскіе дѣятели лишены сердца и часто крѣпколобы; наши умники палецъ о палецъ не ударятъ, чтобы доставить торжество своимъ убѣжденіямъ, наши либералы и реформаторы отправляются въ своихъ проектахъ отъ юридическихъ тонкостей, а не отъ стона и вопля несчастныхъ братьевъ. Все это такъ и все это видно отчасти и въ «Наканунѣ», какъ въ десяткахъ другихъ повѣстей послѣдняго времени. Но мы все-таки думаемъ, что [*теперь* въ нашемъ обществѣ есть уже мѣсто великимъ идеямъ и сочувствіямъ, и что недалеко время, когда этимъ идеямъ можно будетъ проявиться на дѣлѣ] [1]).

Дѣло въ томъ, что какъ бы ни была плоха наша жизнь, но въ ней уже оказалась возможность такихъ явленій, какъ Елена. И мало того, что такіе характеры стали возможны въ жизни, они уже охвачены художническимъ сознаніемъ, внесены въ литературу, возведены въ типъ. Елена—лицо идеальное, но черты ея намъ знакомы, мы ее понимаемъ, сочувствуемъ ей. Что это значитъ? То, что основа ея характера—любовь къ страждущимъ и притѣсненнымъ, желаніе дѣятельнаго добра, [томительное исканіе того, кто бы показалъ, какъ дѣлать добро],—все это, наконецъ, чувствуется въ лучшей части нашего общества. И чувство это такъ сильно и такъ близко къ осуществленію, что оно уже не обольщается, какъ прежде, ни блестящимъ, но безплоднымъ умомъ и талантомъ, ни добросовѣстной, но отвлеченной ученостью, ни служебными добродѣтелями, ни даже добрымъ, великодушнымъ, но пассивно развитымъ сердцемъ. Для удовлетворенія нашего чувства, [нашей жажды нужно болѣе: нуженъ человѣкъ, какъ Инсаровъ,—но русскій Инсаровъ.

На что жъ онъ намъ? Мы сами говорили выше, что намъ ненужно героевъ-освободителей, что мы народъ владѣтельный, а не порабощенный...

Да, извнѣ мы ограждены, да если бъ и случилась внѣшняя борьба, то мы можемъ быть спокойны. У насъ для военныхъ подвиговъ всегда было довольно героевъ, и въ восторгахъ, какіе донынѣ испытываютъ барышни отъ офицерской формы и усиковъ, можно видѣть неоспоримое доказательство того, что общество наше умѣетъ цѣнить этихъ героевъ. Но развѣ мало у насъ враговъ внутреннихъ? Развѣ не нужна борьба съ ними, и развѣ не требуется геройства для этой борьбы? А гдѣ у насъ люди, способные къ дѣлу? Гдѣ люди цѣльные, съ дѣтства охваченные одной идеей, сжившіеся съ ней такъ, что имъ нужно — или доставить торжество этой идеѣ, или умереть? Нѣтъ такихъ людей, потому что наша общественная среда до сихъ поръ не благопріятствовала ихъ развитію. И вотъ отъ нея-то, отъ этой среды, отъ ея пошлости и мелочности и должны освободить насъ новые люди, которыхъ появленія такъ нетерпѣливо и страстно ждетъ все лучшее, все свѣжее въ нашемъ обществѣ.

Трудно еще явиться такому герою: условія для его развитія и особенно для перваго проявленія его дѣятельности крайне неблагопріятны, а задача гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ у Инсарова. Врагъ внѣшній, притѣснитель привилегированный гораздо легче можетъ быть застигнутъ и побѣжденъ, нежели врагъ внутренній, разсѣянный повсюду въ тысячѣ разныхъ видовъ, неуловимый, неуязвимый, а между тѣмъ тревожащій васъ всюду, отравляющій всю жизнь вашу и не дающій вамъ ни отдохнуть, ни осмотрѣться въ борьбѣ. Съ этимъ внутреннимъ врагомъ ничего не сдѣлаешь обыкновеннымъ оружіемъ; отъ него можно избавиться только, перемѣнивши сырую и туманную атмосферу нашей жизни, въ которой онъ зародился, и выросъ, и усилился, и обвѣявши себя такимъ воздухомъ, которымъ онъ дышать не можетъ.

Возможно ли это? Когда это возможно? Изъ этихъ вопросовъ можно отвѣчать категорически только на первый. Да, это возможно, и вотъ почему. Мы говорили выше о томъ, какъ наша общественная среда подавляетъ развитіе личностей, подобныхъ Инсарову. Но теперь мы можемъ сдѣлать дополненіе къ своимъ словамъ: среда эта дошла теперь до того, что сама же и поможетъ явленію такого человѣка] [1]). Вѣч-

[1]) существенный смыслъ повѣсти Тургенева гораздо утѣшительнѣе.

[1]) нужны люди—герои для борьбы съ врагами внутренними, люди живые и энергическіе, не говоруны и не рефлекторы, а практическіе дѣятели. Нужно, чтобъ они умѣли понять нужды русской жизни, всей силою души своей захотѣли уврачевать наши раны, вполнѣ отдались идеѣ общаго блага, слились съ нею всѣмъ существомъ своимъ и увлекли бы за собою на дѣло правды и добра новыхъ дѣятелей, честныхъ и усердныхъ ко благу родины. У насъ доселѣ нѣтъ такихъ людей, потому что наша общественная среда до сихъ поръ не благопріятствовала ихъ развитію. Возможны ли они?

ная пошлость, мелочность и апатія не могутъ же быть законнымъ удѣломъ человѣка, и люди, составляющіе общественную среду нашу и закованные въ ея условія, давно уже поняли всю тяжесть и нелѣпость этихъ условій. [Одни скучаютъ, другіе рвутся всѣми силами куда-нибудь, только бы избавиться отъ этого гнета]. Разные исходы придумывались, разныя средства употреблялись, чтобы чѣмъ-нибудь оживить мертвость и гнилость нашей жизни; но все это было слабо и недѣйствительно. Наконецъ, теперь появляются уже такія понятія и требованія, какія мы видимъ въ Еленѣ; требованія эти принимаются обществомъ съ сочувствіемъ; мало того — они стремятся къ дѣятельному осуществленію. Это значитъ, что ужъ старая общественная рутина отживаетъ свой вѣкъ; [еще нѣсколько колебаній, еще нѣсколько сильныхъ словъ и благопріятныхъ фактовъ, и явятся дѣятели!]

Выше мы замѣтили, что рѣшимость и энергію сильной натуры убиваетъ у насъ еще въ самомъ началѣ то идиллическое восхищеніе всѣмъ на свѣтѣ, то расположеніе къ лѣнивому самодовольству и сонному покою, которое встрѣчаетъ каждый изъ насъ, еще ребенкомъ, во всемъ окружающемъ, и къ которому его тоже стараются пріучить всевозможными совѣтами и наставленіями. Но въ послѣднее время и это условіе сильно измѣнилось. Вездѣ и во всемъ замѣтно самосознаніе, вездѣ понята несостоятельность [стараго порядка] [1]) вещей, вездѣ ждутъ [реформъ] [2]) и исправленій, и никто уже не убаюкиваетъ своихъ дѣтей пѣснью о томъ, какое непостижимое совершенство представляетъ современный порядокъ дѣлъ въ каждомъ уголкѣ Россіи. Напротивъ, теперь каждый ждетъ, каждый надѣется, и дѣти теперь подростаютъ, напитываясь надеждами и мечтами лучшаго будущаго, а не привязываясь насильно къ трупу отжившаго прошедшаго. Когда придетъ ихъ чередъ приняться за дѣло, они уже внесутъ въ него ту энергію, послѣдовательность и гармонію сердца и мысли, о которыхъ мы едва могли пріобрѣсти теоретическое понятіе.

[Тогда и въ литературѣ явится полный, рѣзко и живо очерченный образъ русскаго Инсарова. И не долго намъ ждать его: за это ручается то лихорадочное, мучительное нетерпѣніе, съ которымъ мы ожидаемъ его появленія въ жизни. Онъ необходимъ для насъ, безъ него вся наша жизнь идетъ какъ-то не въ зачетъ, каждый день ничего не значитъ самъ по себѣ, а служитъ только кануномъ другого дня. Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! И, во всякомъ случаѣ, канунъ недалекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ!..].

---

384. Кобзарь.

Тараса Шевченка. Коштомъ Платона Семеренка. Спб. 1860 г.

Напечатано въ III кн. «Современника» 1860 г. (ценз. 28 марта). Очень тепло написана эта небольшая статья; Добролюбовъ высоко ставилъ Шевченка за его истинную народность и за тѣ горькія праведныя слезы, которыя поэтъ проливалъ, говоря о жизни своихъ земляковъ. Въ отношеніи къ малорусской литературѣ вообще Н. А., какъ и слѣдовало ожидать, проявилъ полное сочувствіе, понимая ея совершенную законность и желательность.

М. Л.

Появленіе стихотвореній Шевченка интересно не для однихъ только страстныхъ приверженцевъ малороссійской литературы, но и для всякаго любителя истинной поэзіи. Его произведенія интересуютъ насъ совершенно независимо отъ стараго спора о томъ, возможна ли малороссійская литература: споръ этотъ относился къ литературѣ книжной, общественной, цивилизованной,—какъ хотите называйте,—но, во всякомъ случаѣ, къ литературѣ искусственной, а стихотворенія Шевченка именно тѣмъ и отличаются, что въ нихъ искусственнаго ничего нѣтъ. Конечно, по-малороссійски не выйдетъ хорошо «Онѣгинъ» или «Герой нашего времени»; такъ же какъ не выйдутъ статьи г. Безобразова объ аристократіи или моральныя статьи г-жи Туръ о французскомъ обществѣ. Конечно, всѣ эти статьи можно перевести и на малороссійскій языкъ, но считать этотъ языкъ дѣйствительно мало-

---

[1]) многаго въ старомъ порядкѣ
[2]) реформъ

россійскимъ будетъ великое заблужденіе. Тѣ малороссы, которымъ доступно все, что̀ занимаетъ Онѣгина и г-жу Туръ, говорятъ уже почти по-русски, усвоивши себѣ весь кругъ названій предметовъ, постепенно образовавшійся въ русскомъ языкѣ цивилизаціею высшихъ классовъ общества. Настоящіе же малороссы, свободные отъ вліянія русскаго языка, такъ же чужды языку книжной литературы, какъ и наши простолюдины. Вѣдь и у насъ языкъ литературы—собственно не русскій, и черезъ сто лѣтъ надъ нами, конечно, будутъ такъ же смѣяться, какъ мы теперь смѣемся надъ языкомъ *ассамблей* петровскаго времени. Но у насъ безтолковая смѣсь пяти языковъ организовалась довольно скоро и составила то, что̀ мы теперь называемъ языкомъ образованнаго общества. Это оттого, во-первыхъ, что намъ ужъ рѣшительно нечѣмъ было взяться; новыя понятія и новые предметы врываются толпой, назвать ихъ не умѣемъ, да и около насъ негдѣ взять; а между тѣмъ названіе нужно, во что бы то ни стало. Поневолѣ брали готовое или выдумывали какъ попадется. Во-вторыхъ, книжныя понятія и слова, хотя и не прошли въ народъ, но все-таки захватили у насъ довольно значительную часть общества и проникли въ законодательство. Въ Малороссіи эта масса общества, занятаго литературнымъ языкомъ, несравненно меньше, да нѣтъ имъ такой нужды перевертывать на свой ладъ каждое названіе вновь являющагося у нихъ предмета: они получаютъ эти названія не изъ какого-нибудь латинскаго языка,—гдѣ ужъ какъ ни бейся, а надобно «us» отбросить и дать слову свое склоненіе,—а изъ языка родственнаго, имѣющаго почти тѣ же формы. Такимъ образомъ, слова, принятыя въ русскомъ, цѣликомъ входятъ въ малороссійскій языкъ, и случается встрѣчать такія малороссійскія статьи, въ которыхъ почти только *що*, *ажъ*, *бо*, *чи* и тому подобныя частицы и напоминаютъ объ особенностяхъ нарѣчія.

Но само собою разумѣется, что никто не откажетъ малороссійскому, какъ всякому другому, народу въ правѣ и способности говорить своимъ языкомъ о предметахъ своихъ нуждъ, стремленій и воспоминаній; никто не откажется признать народную поэзію Малороссіи. И къ этой-то поэзіи должны быть отнесены стихотворенія Шевченка. Онъ — поэтъ совершенно народный, такой, какого мы не можемъ указать у себя. Даже Кольцовъ нейдетъ съ нимъ въ сравненіе, потому что складомъ своимъ мыслей и даже своими стремленіями иногда отдаляется отъ народа. У Шевченка, напротивъ, весь кругъ его думъ и сочувствій находится въ совершенномъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни. Онъ вышелъ изъ народа, жилъ съ народомъ, и не только мыслью, но обстоятельствами жизни былъ съ нимъ крѣпко и кровно связанъ. Былъ онъ и въ кругу *образованнаго* общества, малорусскаго и великорусскаго, но долгое время встрѣчалъ въ немъ лишь отталкивающую презрительную грубость, притѣсненія, насилія, несправедливость, и зато при первыхъ же лучахъ нравственнаго свободнаго сознанія, тѣмъ сильнѣе устремился онъ душою къ своей бѣдной родинѣ, припоминая ея сказанія, повторяя ея пѣсни, представляя себѣ ея жизнь и природу. Что вытерпѣлъ Шевченко въ юныхъ лѣтахъ, и на чемъ воспитывался умъ и талантъ его, объ этомъ онъ самъ разсказалъ недавно въ письмѣ къ одному изъ редакторовъ «Народнаго Чтенія» («Нар. Чт.» 1860 г., кн. II, стр. 229—236). Мы рѣшаемся привести почти все это письмо, полагая, что разсказы о судьбѣ людей, подобныхъ Шевченку, должны получать самую широкую извѣстность въ нашей публикѣ. Вотъ разсказъ Шевченка:

«Я—сынъ крѣпостного крестьянина, Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году февраля 25, въ селѣ Кириловкѣ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ имѣніи одного помѣщика. Лишившись отца и матери на осьмомъ году жизни, пріютился я въ школѣ у приходскаго дьячка, въ видѣ школяра-*попихача*. Эти школяры въ отношеніи къ дьячкамъ то же самое, что̀ мальчики, отданные родителями или иною властью на выучку къ ремесленникамъ. Права надъ ними мастера не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ границъ: они—полные рабы его. Всѣ домашнія работы и выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на нихъ безусловно. Предоставляю вашему воображенію представить, чего могъ требовать отъ меня дьячокъ,—замѣтьте, горькій пьяница, — и что̀ я долженъ былъ исполнять съ рабской покорностью, не имѣя ни единаго существа въ мірѣ, которое заботилось бы, или могло заботиться, о моемъ положеніи. Какъ бы то ни было, только въ теченіе двухлѣтней тяжкой жизни въ такъ называемой школѣ, прошелъ я *Граматку*, *Часословецъ* и, наконецъ, Псалтырь. Подъ конецъ моего школьнаго курса, дьячокъ посылалъ меня читать, вмѣсто себя, Псалтырь по усопшихъ крѣпостныхъ душахъ и благоволилъ платить мнѣ за то десятую копѣйку, въ видѣ поощренія. Моя помощь доставляла суровому учителю возможность предаваться больше прежняго любимому своему занятію, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Іоною Лимаремъ, такъ что по возвращеніи отъ молитвеннаго подвига я почти всегда находилъ ихъ обоихъ

мертвецки пьяными. Дьячокъ мой обходился жестоко не со мною однимъ, но и съ другими, и мы всѣ глубоко его ненавидѣли. Безтолковая его придирчивость сдѣлала насъ въ отношеніи къ нему лукавыми и мстительными. Мы надували его при всякомъ удобномъ случаѣ и дѣлали ему всевозможныя пакости. Этотъ первый деспотъ, на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь грубое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ. Мое дѣтское сердце было оскорблено этимъ исчадіемъ деспотическихъ семинарій милліонъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди,—местью и бѣгствомъ. Найдя его однажды безчувственно пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе—розги и, насколько хватало дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ его жестокости. Изъ всѣхъ пожитковъ пьяницы дьячка драгоцѣннѣйшею вещью казалась мнѣ всегда какая-то книжечка съ *куншти́ками*, то-есть гравированными картинками, вѣроятно, самой плохой работы. Я не счелъ грѣхомъ или не устоялъ противъ искушенія похитить эту драгоцѣнность, и ночью бѣжалъ въ мѣстечко Лысянку.

«Тамъ я нашелъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-дьякона, который, какъ я вскорѣ убѣдился, очень мало отличался своими правилами и обычаями отъ моего перваго наставника. Три дня я терпѣливо таскалъ на гору ведрами воду изъ рѣчки Тикача и растиралъ на желѣзномъ листѣ краску мѣдянку. На четвертый день терпѣнье мнѣ измѣнило, и я бѣжалъ въ село Тарасовку къ дьячку-маляру, славившемуся въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воина. Къ сему-то Апеллесу обратился я, съ твердою рѣшимостью перенести всѣ испытанія, какъ думалъ я тогда, неразлучныя со всякою наукою. Усвоить себѣ его великое искусство хоть въ самой малой степени желалъ я страстно. Но — увы! — Апеллесъ посмотрѣлъ внимательно на мою лѣвую руку и отказалъ мнѣ наотрѣзъ. Онъ объявилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способностей ни къ чему, ни даже къ *шевству* или *бондарству*.

«Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ возвратился я въ родное село. У меня была въ виду скромная участь, которой мое воображеніе придавало, однакожъ, какую-то простодушную прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться, какъ выражается Гомеръ, «пастыремъ стадъ непорочнымъ», съ тѣмъ, чтобы, ходя за громадскою *ватаю́*, читать свою любезную краденую книжку съ куншти́ками. Но и это не удалось мнѣ. Помѣщику, только-что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку, въ такіе же шаровары и наконецъ—въ комнатные козачки.

«Изобрѣтеніе комнатныхъ козачковъ принадлежитъ цивилизаторамъ заднѣпровской Украйны—полякамъ; помѣщики иныхъ національностей перенимали и перенимаютъ у нихъ козачковъ, какъ выдумку неоспоримо умную. Въ краю нѣкогда козацкомъ сдѣлать козака ручнымъ съ самаго дѣтства—это то же самое, что̀ въ Лапландіи покорить произволу человѣка быстроногаго оленя... Польскіе помѣщики былого времени содержали козачковъ, кромѣ лакейства, еще въ качествѣ музыкантовъ и танцоровъ. Козачки играли для панской потѣхи веселыя двусмысленныя пѣсенки, сочиненныя народною музыкою съ-горя подъ пьяную руку, и пускались передъ панами, какъ говорятъ поляки, *сюды-туды-навприсюды*. Новѣйшіе представители вельможной шляхты съ чувствомъ просвѣщенной гордости называютъ это покровительствомъ украинской народности, которымъ-де всегда отличались ихъ предки. Мой помѣщикъ, въ качествѣ русскаго нѣмца, смотрѣлъ на козачка болѣе практическимъ взглядомъ и, покровительствуя моей народности на свой манеръ, вмѣнилъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ уголку передней, пока не раздастся его голосъ, повелѣвающій подать стоящую тутъ же возлѣ него трубку, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ продерзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ гайдамацкія унылыя пѣсни и срисовывая украдкою картины суздальской школы, украшавшія панскіе покои. Рисовалъ я карандашемъ, который—признаюсь въ этомъ безъ всякой совѣсти—укралъ у конторщика.

«Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный: онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильно, то въ Петербургъ и таскалъ за собой въ обозѣ меня для сидѣнья въ передней, подаванья трубки и тому подобныхъ надобностей. Нельзя сказать, чтобъ я тяготился своимъ тогдашнимъ положеніемъ: оно только теперь приводитъ меня въ ужасъ и кажется мнѣ какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ. Вѣроятно, многіе изъ русскаго народа посмотрятъ когда-то по-моему на свое прошедшее. Странствуя съ своимъ баріномъ съ одного постоялаго двора на другой, я пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны лубочную картинку

и составилъ себѣ такимъ образомъ драгоцѣнную коллекцію. Особенными моими любимцами были историческіе герои, какъ-то: Соловей-Разбойникъ, Кульневъ, Кутузовъ, козакъ Платовъ и другіе. Впрочемъ, не жажда стяжанія управляла мною, но непреодолимое желаніе срисовать съ нихъ какъ только возможно вѣрныя копіи.

«Однажды, во время пребыванія нашего въ Вильно, въ 1829 г., декабря 6, панъ и пани уѣхали на балъ въ такъ называемые *рессурсы* (дворянское собраніе), по случаю тезоименитства въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Въ домѣ все успокоилось, уснуло. Я зажегъ свѣчку въ уединенной комнатѣ, развернулъ свои краденыя сокровища и, выбравъ изъ нихъ козака Платова, принялся съ благоговѣніемъ копировать. Время летѣло для меня незамѣтно. Уже я добрался до маленькихъ козачковъ, гарцующихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня, какъ позади меня отворилась дверь, и вошелъ мой помѣщикъ, возвратившійся съ бала. Онъ съ остервенѣніемъ выдралъ меня за уши и надавалъ пощечинъ—не за мое искусство, нѣтъ! (на искусство онъ не обратилъ вниманія), а за то, что я могъ бы сжечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что̀ и было исполнено съ достодолжнымъ усердіемъ.

«Въ 1832 году мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, и такъ какъ надежды моего помѣщика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтрактовалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру, нѣкоему Ширяеву, въ С.-Петербургѣ. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьячка-хиромантика; но, несмотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я, въ свѣтлыя весеннія ночи, бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй, украшающихъ сіе прямолинейное созданіе Петра. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ, съ которымъ и до сихъ поръ нахожусь въ самыхъ искреннихъ братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенко я началъ пробовать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ грязныхъ пробъ терпѣливо служилъ мнѣ моделью другой мой землякъ и другъ, козакъ Иванъ Ничипоренко, дворовый человѣкъ нашего помѣщика. Однажды помѣщикъ увидѣлъ у Ничипоренка мою работу, и она ему до того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снятія портретовъ съ любимыхъ своихъ любовницъ, за которые иногда награждалъ меня цѣлымъ рублемъ серебра.

«Въ 1837 году Сошенко представилъ меня конференцъ-секретарю Академіи Художествъ, В. И. Григоровичу, съ просьбою—освободить меня отъ моей жалкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ сторговался предварительно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковскаго, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился, и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Жуковскій, съ помощью графа М. Ю. Віельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2.500 рублей ассигнаціями, и этой цѣною куплена была моя свобода, въ 1838 году апрѣля 22.

«Съ того же дня началъ я посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова. Въ 1844 году удостоился я званія свободнаго художника.

«О первыхъ литературныхъ моихъ опытахъ скажу только, что они начались въ томъ же Лѣтнемъ саду, въ свѣтлыя безлунныя ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но, когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ, слабыхъ моихъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ саду, напечатана только одна баллада *Причинна*. Какъ и когда написались послѣдовавшія за нею стихотворенія, объ этомъ теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая исторія моей жизни, набросанная мною въ этомъ нестройномъ разсказѣ въ угожденіе вамъ, сказать правду, обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что̀ же я купилъ у судьбы своими усиліями не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно, оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которыхъ мнѣ тяжело было вспоминать въ своемъ разсказѣ, до сихъ поръ—крѣпостные. Да, милостивый государь, они крѣпостные до сихъ поръ!»

Итакъ, вотъ какія впечатлѣнія ложились на душу юноши за предѣломъ простой жизни «подъ убогою батьковской стрѣхою»; вотъ что̀ встрѣтилъ онъ «въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ»... Подобныя

впечатлѣнія способны были убить юную душу, развратить всѣ нравственныя силы, загубить и затоптать человѣка. Но, видно, богато былъ одаренъ душевными силами этотъ мальчикъ, что онъ вышелъ, хоть и не совсѣмъ, можетъ быть, невредимо изъ всего этого. А если ужъ вышелъ, то онъ не могъ не обратиться къ своей Украйнѣ, не могъ не посвятить всего себя тому, что̀ вѣяло на него святыней чистаго воспоминанія, что̀ освѣжало и согрѣвало его въ самыя трудныя и темныя минуты жизни... И онъ остался вѣренъ своимъ первоначальнымъ днямъ, вѣренъ своей Украйнѣ. Онъ поетъ преданія ея прошлой жизни, поетъ ея настоящее—не въ тѣхъ кругахъ, которые наслаждаются плодами новѣйшей русской цивилизаціи, а въ тѣхъ, гдѣ сохранилась безыскусственная простота жизни и близость къ природѣ. Оттого-то онъ такъ близокъ къ малороссійскимъ думамъ и пѣснямъ, оттого-то въ немъ такъ и слышно вѣяніе народности. Онъ смѣло могъ сказать о своихъ думахъ:

Думи моі, думи моі,
Квіти моі, діти!
Виростав васъ, доглядавъ васъ,—
Де жъ мині васъ діти?
Въ Украіну идіть, діти.
Въ нашу Украіну,
По-підъ тинню, сиротами,
А я—тутъ загину.
Тамъ найдете щире сердце,
И слово ласкаве,
Тамъ найдете щиру правду
А ще, може, й славу...
Привитай же, моя ненько.
Моя Украіно,
Моіхъ дітокъ неразумныхъ,
Якъ свою дитину.

И мы не сомнѣваемся, что Украйна съ восторгомъ приметъ «Кобзаря», давно ужъ ей, впрочемъ, знакомаго. Онъ близокъ къ народной пѣснѣ, а извѣстно, что въ пѣснѣ вылилась вся прошедшая судьба, весь настоящій характеръ Украйны; пѣсня и дума составляютъ тамъ народную святыню, лучшее достояніе украинской жизни: въ нихъ горитъ любовь къ родинѣ, блещетъ слава прошедшихъ подвиговъ; въ нихъ дышетъ и чистое, нѣжное чувство женской любви, особенно любви материнской; въ нихъ же выражается и та тревожная оглядка на жизнь, которая заставляетъ козака, свободнаго отъ битвы, «искать свою долю». Весь кругъ жизненныхъ насущныхъ интересовъ охватывается въ пѣснѣ, сливается съ нею, и безъ нея сама жизнь дѣлается невозможною. По словамъ Шевченка,—

Наша дума, наша пісня,
Не вмре, не загине...
Отъ де, люде, наша слава,
Слава Украіни!
Безъ золота, безъ каменю,
Безъ хитроі мови,
А голосна та правдива,
Якъ Господа слово.

У Шевченка мы находимъ всѣ элементы украинской народной пѣсни. Ея историческія судьбы внушили ему цѣлую поэму «Гайдамаки», чудно-разнообразную, живую, полную силы и совершенно вѣрную народному характеру или по крайней мѣрѣ характеру малороссійскихъ историческихъ думъ. Поэтъ совершенно проникается настроеніемъ эпохи, и только въ лирическихъ отступленіяхъ виденъ современный разсказчикъ. Онъ не отступилъ, напр., предъ изображеніемъ того случая, какъ гайдамацкій герой Гонта убиваетъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, узнавъ, что ихъ сдѣлали католиками въ іезуитскомъ коллегіумѣ; онъ долго останавливается надъ этимъ эпизодомъ и съ любовью рисуетъ подробности и послѣдствія убійства. Не отступилъ онъ и предъ изображеніемъ произведенныхъ гайдамаками ужасовъ, въ главѣ «Бенкетъ у Лисянци»; не отступилъ и предъ трудною задачею воспроизвести народныя сцены въ Чигиринѣ (въ главѣ: «Свято въ Чигирини»). Много надо поэтической силы, чтобы приняться за такіе предметы и не измѣнить имъ ни однимъ стихомъ, не внести своего, современнаго воззрѣнія ни въ одномъ намекѣ. А Шевченко именно выполнилъ свое дѣло такъ, что во всей поэмѣ сохранены полное единство и совершенная вѣрность характеру козацкихъ возстаній на ляховъ, сохранившемуся почти неизмѣннымъ до довольно поздняго времени. Сила козацкой ненависти къ ляхамъ выражается у Шевченка въ восклицаніи козака Яремы, у котораго похитили они невѣсту. «Отчего не умеръ я вчера, еще не зная объ этомъ,—говоритъ онъ... А теперь если и умру, такъ все равно—изъ гроба встану для того, чтобы мучить ляховъ».

Но въ лирическихъ отступленіяхъ, какъ сказали мы, является предъ нами современный поэтъ, любящій славу родимаго края и съ грустной отрадой припоминающій подвиги отважныхъ предковъ. Приведемъ одно изъ такихъ отступленій, которое особенно поразило насъ своею глубокою грустью [1]):

Гомоніла Украіна,
Довго гомоніла,
Довго, довго кровъ степами
Текла—черновіла.
Текла—текла, та й висохла...

[1]) Мы приводимъ всѣ стихи въ подлинникѣ; они, кажется, такъ понятны, что нѣтъ надобности переводить ихъ. Замѣтимъ только, что по орѳографіи, принятой въ книгѣ Шевченка и сохраненной нами, *і*—есть острое наше *и*, а *и*—

Степи зеленіють;
Діди лежять, а надъ ними
Могили синіють.
Та що съ того, що високі?
Ніхто іхъ не знае,
Ніхто щиро не заплаче,
Ніхто не згадае.
Тілько вітеръ тихесенько
Повіе надъ ними,
Тілько роса ранесенько
Слезами дрібними
Іхъ умие. Зійде сонце,
Осушить, пригріе;
А унуки? імъ байдуже,
Жито собі сіють.
Богато іхъ, а хто скаже,
Де Гонти могила,—
Мученика праведного
Де похоронили?
Де Залізнякъ, душа щира,
Де опочивае?
Тяжко! важко!..

Кромѣ «Гайдамаковъ», въ «Кобзарѣ» напечатаны еще «Иванъ Підкова», «Тарасова Нічъ», «Гамалія» — небольшія пьесы тоже историческаго содержанія.

Не менѣе любопытны пьесы и въ другомъ родѣ, пьесы, изображающія *лихо* и *недолю* обыкновенной жизни и нѣжныя чувства дѣвической и материнской любви. Особенно живо и поэтично изображаются эти чувства въ трехъ прелестныхъ поэмахъ: «Тополя», «Наймичка» и «Катерина». Въ «Катеринѣ» вы видите несчастіе бѣдной дѣвушки, которая полюбила *москаля*, офицера. Начинается поэма добродушнымъ обращеніемъ:

Кохайтеся, чернобріві,
Та не зъ москалями,
Бо москалі—чужи люде,
Роблять лихо зъ вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде въ свою Московщину,
А дівчина гине.

Но эта откровенная, простая мораль, такъ добросердечно высказываемая, вовсе не кладетъ дидактическаго оттѣнка на всю повѣсть, которая, напротивъ, вся исполнена самой свѣжей, неподдѣльной поэзіи. У Катерины родился сынъ, и она идетъ въ «Московщину»—отыскивать отца его. Прощаніе матери съ ней, ея путь, ея встрѣча съ милымъ, который ее отталкиваетъ, все это изображено съ тою нѣжностью грусти, съ тою глубиною и кротостью сердечнаго сожалѣнія, равныя которымъ встрѣчаются именно только въ малороссійскихъ пѣсняхъ. Въ «Наймичкѣ» представляется исторія дѣвушки, подкинувшей своего ребенка къ бездѣтнымъ старикамъ, потомъ нанявшейся къ нимъ въ служанки, всю свою жизнь заключившей въ материнской любви и только предъ смертью открывшей сыну, что она—мать его. Весь этотъ разсказъ получаетъ особенную прелесть отъ той совершенной простоты, съ которою изображается все дѣло. Ни одного фразистаго мѣста, ни одного хвастливаго стиха; все такъ ровно, спокойно, какъ будто покорная, тихая преданность этой матери перешла въ душу самого поэта...

Вообще, спокойная грусть, не похожая ни на безплодную тоску нашихъ романическихъ героевъ, ни на горькое отчаяніе, заливаемое часто разгуломъ, но тѣмъ не менѣе тяжелая и сжимающая сердце, составляетъ постоянный элементъ стихотвореній Шевченка. Какъ вообще въ малороссійской поэзіи, грусть эта имѣетъ созерцательный характеръ, переходитъ часто въ вопросъ, въ думу. Но это не рефлексія, это движеніе не головное, а прямо выливающееся изъ сердца. Оттого оно не охлаждаетъ теплоты чувства, не ослабляетъ его, а только дѣлаетъ его сознательнѣе, яснѣе,—и оттого, конечно, еще тяжеле. Вотъ *размышленіе* поэта по поводу оскорбленій, которыхъ натерпѣлась въ селѣ Катерина, родивши сына:

Оттаке-то на сімъ світі
Роблять людямъ люде!
Того вяжуть, того ріжуть,
Той самъ себе губить...
А за віщо? Святий знае!
Світъ, бачця, широкий,
Та нема въ немъ прихилитись
Въ світі одинокимъ.
Тому доля запродала
Одъ краю до краю,
А другому оставила
Те, де заховають.
Де жь ті люде, де жь ті добрі
Що серце збіралось
Зъ ними жити, іхъ любити?
Пропали, пропали!..

Въ такомъ родѣ постоянно бываютъ думы поэта. Мы не беремъ на себя оцѣнки и указанія всѣхъ поэтическихъ достоинствъ Шевченка; мы указываемъ только на нѣкоторыя стороны его произведеній, могущія и въ великоруссахъ, мало знакомыхъ съ Малороссіей, какъ мы, пробудить сочувствіе. Поэтому мы и беремъ болѣе общія вещи, такія мысли и чувства, которыя, будучи народно-украинскими, понятны и близки, однако, всякому, кто не совсѣмъ извратилъ въ себѣ лучшіе человѣческіе инстинкты. Думаемъ, что маленькія разницы малороссійскаго нарѣчія отъ русскаго не помѣшали читателямъ понять наши выписки.

тотъ средній звукъ между *и* и *ы*, который такъ характеризуетъ малороссійское нарѣчіе. *Прим. Д.*

385. Внутреннее обозрѣніе.

Вступительное замѣчаніе редакціи.

Напечатано вмѣстѣ съ № 382.

До этого времени «Современникъ» не имѣлъ «внутренняго обозрѣнія»; Добролюбовъ,какъ видно изъ его переписки, считалъ теперь его очень нужнымъ и своевременнымъ и остановился на Славутинскомъ, изъ повѣстей котораго видѣлъ въ немъ человѣка, какъ казалось, хорошо знакомаго съ русской жизнью (см. № 379). Тотъ представилъ первое обозрѣніе для мартовской книги. Новый отдѣлъ требовалъ особаго вступленія редакціи, которое, разумѣется, ближе всего было написать его иниціатору,— Н. А. это и сдѣлалъ, просматривая затѣмъ самъ всѣ обозрѣнія Славутинскаго. Для читателя, знакомаго со всѣми предыдущими произведеніями Добролюбова, ничего новаго въ этомъ вступленіи нѣтъ: въ немъ выражены его взгляды на текущую жизнь и совершившіяся или проектировавшіяся реформы. Важно только отмѣтить, что здѣсь они выражены уже отъ имени всей редакціи журнала.

Любопытно письмо Славутинскаго Добролюбову, написанное въ отвѣтъ на критику Добролюбовымъ перваго полученнаго имъ «обозрѣнія». Изъ этого отвѣта Славутинскаго ясно, что̀ подвергалъ критикѣ Добролюбовъ, какія общія указанія считалъ нужнымъ подчеркнуть для новаго сотрудника по важно̀му, отвѣтственному отдѣлу. «Все-таки я хочу непремѣнно оправдываться. Помилуйте, да гдѣ же я говорилъ: «спите, дескать, все пойдетъ хорошо, само собой, вамъ-то собственно нечего и хлопотать; теперь дѣло сдѣлается и помимо васъ?» Ну, нѣтъ! никогда я не былъ такимъ правовѣрующимъ въ ходъ историческаго прогресса. Никогда и въ голову мнѣ не приходило убѣждать общество въ необходимости сидѣть смирно, поджавши ручки. Повторяю: дурно я выразился... Пожалуйста, вѣрьте только, что я вовсе не оптимистъ и не фаталистъ, хоть бы и оказывалась дѣйствительная разница между нашими воззрѣніями, а именно слѣдующая разница: Вы, мнѣ кажется, хотите все *дразнить* общественную *волю,* а я думаю, что надо, чтобы проснулось въ обществѣ, кромѣ сознанія своего положенія, и довѣріе къ собственной силѣ» («Матеріалы», 555—556).

Добролюбовъ самымъ безжалостнымъ образомъ передѣлывалъ «обозрѣнія» Славутинскаго, посмотрѣвшаго на нихъ недостаточно серьезно и даже довѣрившаго часть своей работы молоденькой дочери...

Кстати скажу, что Славутинскій далъ всего пять обозрѣній (III, IV, V, X, XII книжки), а потомъ, когда вполнѣ выяснилось, что принципіально онъ не сходился, вѣрнѣе, не понималъ редакцію, его смѣнилъ мастеръ своего дѣла—Г. З. Елисеевъ.

М. Л.

Исполняя наше прошлогоднее обѣщаніе, мы открываемъ съ этой книжки нашего журнала постоянную хронику внутренней жизни нашего отечества. Считаемъ не лишнимъ сказать въ самомъ началѣ нѣсколько словъ о томъ, какъ мы понимаемъ это дѣло.

Намъ придется сообщать во внутреннемъ обозрѣніи извѣстія самыя разнообразныя и нерѣдко даже противоположныя другъ другу по своему характеру. Свѣдѣнія объ отрадныхъ начинаніяхъ и печальныхъ явленіяхъ быта, свѣтлыхъ надеждахъ и горькихъ разочарованіяхъ, высокихъ стремленіяхъ и низкихъ поступкахъ—все это, безъ сомнѣнія, будетъ пестрить нашу хронику и отчасти видоизмѣнять ея характеръ. Подобная пестрота неизбѣжна по условіямъ самой жизни нашей, складывающейся такъ неровно, и такъ еще плохо установившейся. Но при нѣкоторомъ вниманіи читатель найдетъ общую нить, связывающую различные факты общественной жизни гораздо легче, нежели кажется на первый взглядъ. Для этого нужно только пріучить себя къ строгому различенію *дѣлъ* отъ *словъ*, *фактовъ* отъ *предположеній*, живыхъ *явленій быта* отъ мертвыхъ, не перешедшихъ еще въ жизнь *законоположеній*. Разсматривая однородные факты жизни, мы не найдемъ въ нихъ дѣйствительнаго противорѣчія, потому что всѣ они развиваются одинъ изъ другого по извѣстнымъ законамъ и въ извѣстномъ направленіи. Но огромныя противорѣчія встрѣтимъ мы на каждомъ шагу, если вздумаемъ причислять къ дѣйствительнымъ фактамъ народной жизни и всѣ тѣ предположенія и планы, которые вырабатываются въ головахъ нѣсколькихъ лицъ и потомъ являются на бумагѣ. Эти бумажные, *литературные* факты постоянно предста-

Вологод. жел. дор. Библиотека

вляютъ намъ картину, далекую отъ дѣйствительной жизни, и въ нихъ-то, или лучше сказать — въ излишнемъ довѣріи къ нимъ заключается главная причина той запутанности, которую находимъ мы въ большей части взглядовъ на современныя событія. Все ожило, проснулось, все идетъ впередъ, и въ то же время все спитъ, молчитъ, остается въ неподвижной апатіи; все зрѣетъ, зрѣетъ не по днямъ, а по часамъ, зрѣетъ уже нѣсколько лѣтъ, и вдругъ слышится торжественный голосъ, что все не созрѣло, и сотни взрослыхъ людей безмолвно и кротко выслушиваютъ этотъ голосъ и черезъ нѣсколько дней бѣгутъ поучаться и дозрѣвать на лекціи строгаго ученаго, столь безцеремонно аттестовавшаго ихъ [1]). Все освѣщено, насталъ полный разсвѣтъ въ нашей общественной жизни, во всѣ уголки свѣтъ пробрался, вотъ ужъ года три тому назадъ по газетнымъ свѣдѣніямъ; и между тѣмъ что̀ годъ, то больше открывается темныхъ уголковъ, въ которыхъ дѣлаются вещи неслыханныя и невообразимыя, и бывалые люди говорятъ, что такихъ уголковъ и теперь осталось еще много, такъ много, что если открытые углы «стократъ умножить милліономъ» и дерзнуть сравнить съ неоткрытыми, такъ и то —

Лишь будетъ точкою одною...

Все это чрезвычайно запутываетъ сужденія о современномъ положеніи русскаго общества. Мы видимъ, что все движется, строится, ломается, опять строится, украшается, передѣлывается, и остаемся нерѣдко въ полномъ недоумѣніи относительно смысла всѣхъ этихъ построекъ. Въ нашихъ глазахъ одна стѣна дома сламывается, другая штукатурится, на третьей прибито объявленіе, что «сей домъ продается», а внутри разводится оранжерея. Подходя то съ одной, то съ другой стороны, мы строимъ различныя предположенія и стараемся вывести что-нибудь изъ передѣлокъ, совершающихся передъ нами. Само собою разумѣется, что намъ рѣдко удается сдѣлать правильный и умный выводъ. Дѣло въ томъ, что передѣлки въ домѣ свидѣтельствуютъ о вкусѣ и потребностяхъ хозяина и жильцовъ, но не показываютъ степени прочности, удобства и цѣнности самаго дома. Такъ точно и въ наблюденіяхъ надъ русской жизнью—измѣненія и передѣлки, предполагаемыя и совершаемыя въ ней, могутъ насъ привести къ одному только непреложному заключенію: значитъ, устройство русской жизни оказалось неудовлетворительнымъ, значитъ, есть что-то такое неладное въ ней, и русскіе люди хотятъ избавиться отъ существующихъ неудобствъ и измѣнить свое положеніе къ лучшему. Но что̀ именно улучшено, что̀ еще требуетъ улучшеній, и какихъ именно— объ этомъ можемъ мы разсуждать только на основаніи фактовъ, непосредственно взятыхъ изъ жизни, а никакъ не по формальнымъ, бумажнымъ проявленіямъ строительной дѣятельности, *кипящей* теперь во всѣхъ уголкахъ нашего отечества. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ послѣднее время чрезвычайно размножились у насъ акціонерныя компаніи, особенно по части путей сообщенія, и всякаго рода промышленныя предпріятія. Одинъ этотъ фактъ, самъ по себѣ, несомнѣнно доказываетъ, что до сихъ поръ—какъ промышленность наша вообще, такъ въ особенности пути сообщенія находились въ очень неудовлетворительномъ положеніи. Иначе не было бы причины для такого внезапнаго, порывистаго и въ самомъ дѣлѣ значительнаго движенія для образованія множества компаній и предпріятій. Далѣе, смотря на формальную, общую сторону промышленнаго движенія, мы можемъ заключать еще и о томъ, до какой степени достигло теоретическое развитіе общества въ отношеніи къ экономическимъ вопросамъ, какія потребности сознаны и какія средства для ихъ удовлетворенія поняты и признаны большинствомъ. Мы видимъ, напр., что въ теченіе 1856—1858 гг. основано около 60 акціонерныхъ компаній, и изъ нихъ почти половина приходится на пароходство и желѣзныя дороги. Ясно, что надобность въ хорошихъ средствахъ сообщенія и перевозки была слишкомъ ощутительна и очень живо сознавалась обществомъ. Затѣмъ, видя, что заводятся именно общества пароходства и желѣзныхъ дорогъ, а не шоссейныхъ дорогъ, не дилижансовъ, не парусныхъ судовъ, и не воздушныхъ шаровъ, мы можемъ заключать весьма основательно, что пароходы и паровозы въ настоящее время признаются нашимъ обществомъ за самыя нужныя и удобныя средства сообщенія. Очевидно, что сознаніе общества *созрѣло* до желѣзныхъ дорогъ и пароходства. Но на этомъ должны и остановиться наши выводы; какъ скоро мы пойдемъ дальше, мы почти навѣрное впадаемъ въ ошибку, если не будемъ руководиться частными фактами. Многіе, напримѣръ, обрадовавшись, что у насъ есть желѣзныя дороги и пароходы, немедленно становятся на европейскую точку зрѣнія и уже готовы разсчитывать съ ними путешествіе по Россіи, перевозку грузовъ и пр. совершенно на такихъ же условіяхъ, какъ бы это было въ

[1]) Намекъ на пресловутую фразу Ламанскаго (см. № 368) и на публичную лекцію Тернера.

Европѣ: пріемъ чрезвычайно легкомысленный,— потому что мѣстныя условія и особенности нашей жизни совершенно измѣняютъ иногда тотъ первообразъ, съ какимъ извѣстное учрежденіе является въ Европѣ. Поэтому несправедливо было бы сравнивать, напримѣръ, наши средства сообщенія съ европейскими, основываясь только на количествѣ верстъ рельсовъ, числѣ пароходовъ, и т. п. формальныхъ опредѣленіяхъ. Настоящій, живой выводъ объ удобствахъ нашихъ сообщеній можно составить лишь изъ тщательнаго разсмотрѣнія частныхъ фактовъ, указывающихъ, гдѣ, что̀ и ка̀къ дѣлается. Тогда только мы и увидимъ, какъ наши дороги и пароходы строятся, чего намъ стоятъ, къ чему они больше приспособлены, какое могутъ имѣть вліяніе на развитіе благосостоянія въ массѣ народа и какъ они дѣйствительно относятся къ средствамъ сообщенія въ Европѣ. Извѣстія объ опоздавшихъ поѣздахъ, о нѣсколькихъ часахъ, проводимыхъ пассажирами въ вагонахъ въ ожиданіи важнаго лица, о двухмѣсячномъ стояніи пароходовъ на мели въ нижнихъ частяхъ Волги, о задержанныхъ извозчикахъ съ грузомъ компаніи, о мятеляхъ, холодѣ, голодѣ и тому подобныхъ условіяхъ, свойственныхъ нашему климату, всѣ подобныя извѣстія непремѣнно должны быть принимаемы въ соображеніе,— и не только при настоящемъ положеніи дѣлъ, но и на извѣстный періодъ будущаго, потому что нашъ климатъ и наша жизнь не могутъ, разумѣется, переродиться въ два-три года, хотя бы *всѣ восторженные публицисты престольнаго* града Москвы и столицы Санктпетербурга соединили свое краснорѣчіе для возбужденія ея къ такому перерожденію.

Съ этой точки смотримъ и мы на все общественное движеніе, совершающееся въ Россіи. Факты дѣйствительные, случившіеся— для насъ всегда были и будутъ важнѣе самыхъ блистательныхъ и широкихъ предположеній и формальныхъ предписаній. Безъ фактовъ мы не даемъ вѣры ни одному высокому стремленію, ни одному краснорѣчивому возгласу. Но неосуществленныхъ стремленій, не перешедшихъ въ дѣло возгласовъ такъ много въ нашей современной жизни, что они сами по себѣ составляютъ фактъ, свидѣтельствующій о направленіи общественнаго сознанія. На этомъ основаніи мы и предположеніямъ, и начинаніямъ, и канцелярскимъ, форменнымъ приготовленіямъ, и даже просто словеснымъ походамъ уступаемъ извѣстную долю значенія, и они будутъ постоянно заносимы въ нашу хронику на-ряду съ дѣйствительными фактами. Конечно, въ Москвѣ ѣздятъ на очень плохихъ извозчикахъ, рабочее населеніе въ Петербургѣ помѣщается большею частію очень дурно; но тѣмъ не менѣе—нельзя же совершенно презирать и то обстоятельство, что въ Москвѣ учреждено общество городскихъ экипажей, а въ Петербургѣ—*общество для устройства* помѣщенія рабочихъ. Конечно, у насъ денежныя и торговыя отношенія устраиваются далеко не на основаніяхъ политической экономіи; но все же Е. И. Ламанскій читаетъ для недозрѣлой публики лекціи о банкахъ, г. Безобразовъ—о кредитѣ во второй гимназіи, а г. Калиновскій—о свободной торговлѣ въ Пассажѣ. Конечно, винные откупа существуютъ на всемъ пространствѣ Россіи, и вездѣ русскій людъ опаивается скверной водкой; но все же въ литературѣ появились обличенія на откупа, послѣ того, какъ стало извѣстно, что они существуютъ послѣднее четырехлѣтіе... И то хорошо,— и то служитъ проявленіемъ силы общественнаго сознанія: стало быть, всѣ подобныя явленія тоже надо отмѣчать въ лѣтописи общественной жизни. Но только никакъ не должно ставить ихъ въ уровень съ тѣмъ, что̀ дѣйствительно совершается въ жизни. Наши разглагольствія, изслѣдованія, комитеты, правленія и всѣ вообще виды канцелярій и канцелярскихъ работъ совершенно ничего не значатъ предъ твердымъ и могучимъ ходомъ жизни, не спрашивающей у насъ никакихъ программъ. Вспомнимъ великую философскую истину: въ то время, какъ Маниловъ спрашивалъ Ѳемистоклюса, хочетъ ли онъ быть дипломатомъ,— у будущаго дипломата чуть-было не попала изъ *носу въ супъ нѣкоторая посторонняя капля*... Всѣ наши бумажные восторги и прогрессы напоминаютъ именно этотъ вопросъ о дипломатическомъ поприщѣ, а дѣйствительность каждую минуту подпускаетъ такую постороннюю каплю въ супъ нашей жизни, подслащенной краснорѣчіемъ и радужными надеждами.

Надѣемся, что читатели не будутъ возставать противъ нашей точки зрѣнія на событія русской жизни. Впрочемъ, если кто и не согласится съ нами,— онъ ничего не потеряетъ въ самой хроникѣ. Составитель нашего внутренняго обозрѣнія, заботясь о полнотѣ извѣстій, не будетъ проходить молчаніемъ и канцелярскихъ, бумажныхъ явленій нашей жизни, и кому угодно, тотъ можетъ придавать имъ даже болѣе значенія, нежели явленіямъ, дѣйствительно совершившимся и характеризующимъ бытъ народа и нравы общества.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, представляемъ читателямъ и перечень фактовъ внутренней жизни нашей за послѣднее время, начиная, разумѣется, съ правительственныхъ распоряженій.

386—392. Свистокъ № 4.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

Напечатано вмѣстѣ съ № 382.

№ 386, посвященный публичному диспуту Погодина и Костомарова, не можетъ быть понятъ современнымъ читателемъ безъ предварительнаго ознакомленія съ обстоятельствами, диспуту предшествовавшими, сопутствовавшими и послѣдующими. И хотя нѣкоторыя изъ нихъ изложены Добролюбовымъ, но, все-таки, мнѣ и ихъ надо будетъ вкратцѣ повторить, потому что у Добролюбова факты такъ перемѣшаны съ массою намековъ и юмора, что трудно составить себѣ представленіе о чисто фактической сторонѣ дѣла.

Въ январьской книжкѣ «Современника» 1860 г. были напечатаны: статья Костомарова—«Начало Руси» и рецензія Добролюбова (№ 371). Погодина это очень подзадорило, онъ не хотѣлъ сдать поле битвы безъ боя и написалъ Костомарову письмо съ краткимъ опроверженіемъ его мнѣнія и съ выходками противъ «рыцарей свистопляски», т.-е. редакціи «Современника», предлагая ему публичный диспутъ. Приведя конецъ этого письма, Костомаровъ въ № 60 «Спб. Вѣдомостей» выразилъ согласіе на диспутъ, сказавъ, что надѣется на свои ученые доводы, а не на поддержку «рыцарей свистопляски». Погодинъ отвѣчалъ печатно благодарностью за согласіе, и 19 марта въ залѣ университета состоялся знаменитый, первый въ Россіи публичный научный споръ при совершенно исключительной обстановкѣ. Публики собралось столько, что современники не помнили такой тѣсноты; значительная часть осталась безъ билетовъ и толпилась возлѣ университета. Сборъ поступалъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Открылъ диспутъ ректоръ, П. А. Плетневъ, указавъ на предстоявшій новый способъ рѣшенія ученыхъ вопросовъ. Затѣмъ Погодинъ, знавшій нерасположеніе къ себѣ интеллигентнаго общества, покурилъ ему, сказавъ: «являясь съ такимъ рвеніемъ, какъ будто бы для эстетическаго наблюденія надъ произведеніями изящныхъ искусствъ, общество представляетъ самое ясное, разительное и утѣшительное для наблюдателя доказательство, что мы созрѣли для разсужденія, для участія въ вопросахъ всѣхъ родовъ»,—за что и былъ награжденъ рукоплесканіями,—а затѣмъ прочелъ свое первое письмо къ противнику, выбросивъ изъ него все, касающееся «Современника»... Костомаровъ прочелъ свой отвѣтъ на него. Затѣмъ начался самый диспутъ. Погодину часть публики шикала, когда онъ привелъ примѣръ съ пучкомъ розогъ, совершенно вѣрно переданный Добролюбовымъ; шикала и еще нѣсколько разъ, когда онъ паясничалъ или держалъ себя ужъ очень запанибрата, стараясь отдѣлываться тупыми остротами или грубыми шутками. Костомаровъ держалъ себя иначе; видно было, что онъ дѣйствительно пришелъ на диспутъ, а не въ балаганъ, хотя и видѣлъ, что врядъ ли ихъ споръ можно назвать серьезнымъ научнымъ диспутомъ. Разумѣется, и результатъ получился не такой, какой былъ бы при серьезномъ отношеніи къ дѣлу, но во всякомъ случаѣ симпатіи публики были на сторонѣ Костомарова, особенно немного спустя, когда ей стали извѣстны нѣкоторыя послѣдующія обстоятельства, о которыхъ см. въ № 399.

Добролюбовъ понялъ общественное значеніе этого диспута; онъ сознавалъ, что это было первое публичное состязаніе затхлой схоластики съ молодой наукой, и потому сдѣлалъ все, чтобы осмѣять первую и ея достойнаго представителя—Погодина. Въ этомъ номерѣ «Свистка» онъ проявилъ всѣ свои версификаторскія способности и остроуміе пародиста. «Искра» (№ 13) помѣстила на диспутъ каррикатуру, сфотографированную на стр. 116 моихъ «Очерковъ по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія». Тамъ изображена группа сотрудниковъ «Современника», впереди на первомъ планѣ стоитъ Добролюбовъ со знаменемъ, на которомъ написано: «рыцари Свистопляски».

№ 387 написанъ для осмѣянія мудрствованій Ржевскаго, напечатавшаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» нелѣпую статью—«О мѣрахъ, содѣйствующихъ развитію пролетаріата». Добролюбовъ пропародировалъ ее, и тогда только англоманствующій журналъ понялъ, что онъ напечаталъ... Кстати надо отмѣтить и въ этомъ стихотвореніи опять-таки тотъ критерій, который Добролюбовъ ставилъ въ основу соціальной политики—благо реальной личности.

«Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ» написана совмѣстно Некрасовымъ и Добролюбовымъ, при чемъ второму

принадлежитъ большая часть стиховъ во второй части, только исправленныхъ первымъ, какъ это видно изъ рукописи, находящейся въ бумагахъ Литературнаго Фонда. Въ письмѣ къ Бордюгову отъ 4 іюня 1859 года Добролюбовъ сообщаетъ ему нѣсколько стиховъ, потомъ значительно измѣненныхъ и дополненныхъ, а позже пишетъ: «Изображеніе Москвы, столько тебя устрашившее, принадлежитъ мнѣ менѣе, чѣмъ наполовину. Это мы съ Некрасовымъ однажды дурачились, и конечно всѣ лучшіе стихи его» («Матеріалы» 513, 522). Библіографическія примѣчанія всѣ полностью принадлежатъ Добролюбову.

Такимъ образомъ весь № 4 «Свистка» былъ посвященъ Москвѣ и москвичамъ. Надо ли говорить, что онъ произвелъ тамъ сильное впечатлѣніе? «*Свистокъ*» послѣдняго номера *Современника* убійственный,— пишетъ въ апрѣлѣ Плещеевъ Добролюбову. Говорятъ, глубокомысленная редакція «Рус. Вѣстника» совсѣмъ озадачена и повѣсила носъ». Пріятель Плещеева, И. В. Павловъ, товарищъ по изданію «Московскаго Вѣстника», рѣшилъ утопить «Рус. Вѣстникъ» «защитой» его отъ Добролюбова подъ псевдонимомъ «Аксентій Байборода». «Надо бить этихъ крѣпостниковъ подъ маской либераловъ»—добавляетъ Плещеевъ (бумаги Литер. Фонда). Плещеевъ немного раньше похвалилъ «Современникъ» въ «Московскомъ Вѣстникѣ». За это «Русскій Вѣстникъ» «и еще множество разныхъ господъ (ученыхъ)» на него озлобились. «Бабстъ даже пріѣзжалъ къ И. В. Павлову съ упрекомъ, зачѣмъ науку унижаетъ»... Въ Петербургѣ даже составляли проектъ особаго печатнаго протеста противъ этого номера «Свистка», потому что кто-то подсчиталъ, и оказалось, что въ одной «Перепискѣ» задѣто чуть ли не до ста человѣкъ,—и хотѣли пустить протестъ подъ флагомъ Кавелина, но, по словамъ г. Пантелѣева, онъ не только уклонился отъ предлагаемой ему чести, но и ихъ отговорилъ отъ этой затѣи. Въ студенческомъ кружкѣ Кавелинъ нисколько не скрывалъ, что признаетъ «Свистокъ» очень полезнымъ явленіемъ. «Это, говорилъ онъ, большая хищная птица и дѣлаетъ хорошее дѣло: очищаетъ наше болото отъ разной застарѣлой нечисти» («Изъ воспоминаній прошлаго», 110—111).

М. Л.

---

386. НАУКА И СВИСТОПЛЯСКА, ИЛИ КАКЪ АУКНЕТСЯ, ТАКЪ И ОТКЛИКНЕТСЯ.

(Разсказъ въ стихахъ и прозѣ, со свистомъ и пляскою).

Титъ Титычъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Островскій.

1.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

«Свистокъ умеръ! Свистокъ кончилъ свое земное странствіе! Такъ и должно было ожидать, ибо, не признавая ничего возвышеннаго въ мірѣ, жить долго невозможно».

Такіе слухи и мнѣнія давно уже ходили по Россіи и особенно усиливались съ начала великаго поста, когда, съ закрытіемъ театровъ и прекращеніемъ баловъ, образованному обществу рѣшительно нечего дѣлать, кромѣ какъ только сплетничать. Мы долго и упорно молчали, но, наконецъ, рѣшаемся протестовать. Прискорбно, конечно, объявлять, что я, дескать, живъ, и, сколько мы помнимъ, въ русской литературѣ только Алексѣю Дмитріевичу Галахову пришлось однажды сдѣлать такое объявленіе [1]). Но что дѣлать? Извѣстно, что неблагонамѣренные слухи могутъ доводить людей до отчаянныхъ выходокъ. И мы предупреждаемъ, что если слухи о смерти «Свистка» не прекратятся, то мы послѣдуемъ примѣру санктпетербургской полиціи, объявившей недавно въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 54), чтобъ никто не вѣрилъ ложнымъ слухамъ о дочери г. Вебера. Вообще считаемъ небезполезнымъ объявить, что мы жизнь свою дешево не продадимъ!!

Мы, впрочемъ, и теперь не вышли бы въ свѣтъ, если бъ не вызвало насъ особое обстоятельство. Мы не очень гонимся за тѣмъ, чтобы безпрестанно быть на выставкѣ, и очень радуемся, видя, что наше дѣло, то-есть, забава читателей, исполняется не безъ успѣха другими. Съ нашей легкой руки «Свистокъ» подъ разными названіями появился во всѣхъ русскихъ журналахъ, даже наиболѣе похожихъ на «Revue des deux Mondes», которымъ такъ кололи намъ глаза. Такъ, напримѣръ, въ «Отеч. Запискахъ», съ которыхъ еще очень недавно снятъ эпиграфъ: «beatae plane aures», и пр., появилась въ концѣ прошлаго года весьма юмо-

---

[1]) См. «Отеч. Записки» 1849 г. № 2. Смѣсь, стр. 259. «А. Д. Галаховъ живъ и здравствуетъ въ Москвѣ, дѣятельно работая надъ своими хрестоматіями, которыя пріобрѣли теперь повсюдную заслуженную извѣстность и приняты въ руководство въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ».

Прим. Д.

ристическая статья г. Буслаева «О древнерусской бородѣ», а въ «Русскомъ Вѣстникѣ» недавно напечатана статья г. Ржевскаго «О мѣрахъ, содѣйствующихъ развитію пролетаріата», до того родственная со «Свисткомъ, что у г. Лиліеншвагера оказалось нѣсколько стихотвореній, почти буквально сходныхъ съ нѣкоторыми ея мѣстами [1]). А сколько свисту было въ Петербургѣ, когда г. Серно-Соловьевичъ ораторствовалъ, а Е. И. Ламанскій приказывалъ всѣмъ молчать! [2]) А на желѣзныхъ-то дорогахъ сколько свисту!..Онъ истокъ рѣшительно вошелъ въ нравы,—и не только русскіе, но даже французскіе, ибо и въ Главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ акціонеры, директоры и инженеры свистали, можно сказать, взапуски... Видя такое всеобщее рвеніе къ свисту, мы уже и не считали нужнымъ утруждать себя для общественнаго блага. Но случилось обстоятельство, разлившее въ насъ именно то душевное довольство, при которомъ свищется само собою умиленно и весело. Обстоятельство было вотъ какое.

До сихъ поръ солидные люди насъ знать не хотѣли, или, говоря любимымъ словомъ нѣкоторыхъ ученыхъ, — «*игнорировали*», и это чрезвычайно насъ безпокоило. «Что же это, въ самомъ дѣлѣ,—думали мы:—развѣ мы не стоимъ никакого вниманія? Ну, положимъ, я дуренъ; такъ и скажи, что я дуренъ, а не молчи! Вѣдь писали же въ «Атенеѣ» нѣсколько статей о сухихъ туманахъ; что жъ, мы развѣ хуже сухихъ тумановъ?» Но молчаніе о насъ продолжалось невозмутимое, даже Гарибальди не прислалъ (какъ мы ожидали) протеста на наши «Австрійскія стихотворенія» [3]). Впрочемъ, Гарибальди мы еще извиняли: какъ хорошій знакомый г. Берга (смотри объ этомъ въ письмахъ г. Берга, «Рус. Вѣстн.» № 14), онъ, вѣроятно, слѣдитъ за русской литературой болѣе по «Русскому Вѣстнику», да и тамъ, послѣ переводовъ г. Берга, всего больше читаетъ статьи и стихотворенія семейства Павловыхъ... [4]). Но пренебреженіе русскихъ ученыхъ насъ очень безпокоило. Мысль привлечь ихъ вниманіе все болѣе овладѣвала нами, а одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ дошелъ даже до того, что заключилъ мечту всей своей жизни въ томъ, чтобы увидѣть о «Свисткѣ» печатный отзывъ профессора *Леонтьева!* [5]). Какъ мы ни увѣряли нашего сотрудника, что г. Леонтьевъ, по однимъ уже строгимъ и классическимъ отношеніямъ своимъ къ университету, долженъ удалять отъ себя всякую мысль о свистѣ, — ничто не помогало: мысль видѣть въ печати отзывъ г. Леонтьева о «Свисткѣ» долго мучила нашего друга, и едва могъ онъ утѣшиться извѣстіемъ, что о «Свисткѣ» говорятъ даже за границей [1]). Впрочемъ, мы сознаемся, это уже была крайность, нѣчто болѣзненное—*mania leontiana*. Мы не доходили до такой степени и охотно бы удовольствовались, если бъ увидѣли, что заслужили вниманіе, напр., хоть г. Рачинскаго, столь знаменитаго своею критикою стихотвореній г. Майкова (справьтесь, пожалуйста, въ «Русск. Вѣстн.» 1858 г., № 10). Если бы заговорилъ о насъ г. Бунге, г. Горловъ и вообще кто-нибудь изъ ученой *публики*, дававшей недавно обѣдъ бельгійскому экономисту Густаву де-Молинари, — нашему счастью предѣловъ бы не было... Но, нѣтъ, наши ученые рѣшительно продолжали насъ «игнорировать». Они вспоминали скорѣе о предметахъ самыхъ отдаленныхъ, нежели о насъ. Напримѣръ, г. Утинъ, говоря во вступительной лекціи (см. «Отеч. Зап.» № 1) о началѣ государственной жизни у разныхъ народовъ, ухитрился привесть латинскую цитату изъ Тацита о государственной жизни германцевъ, а не потрудился поискать свидѣтельства въ «Свисткѣ». Еще недавнѣе, г. академикъ Гротъ, выражая въ «Спб. Вѣдомостяхъ» свое удовольствіе отъ перваго литературнаго вечера въ пассажѣ, вдругъ заговорилъ собственными стихами о томъ,

Какъ струны *Брага* запоютъ.

Брагга этого онъ называетъ «скандинавскимъ Аполлономъ». Но скажите на милость, неужели «Свистокъ» не ближе къ литературнымъ чтеніямъ, нежели какой-то скандинавскій Аполлонъ?.. О «Свисткѣ» слѣдовало бы тутъ упомянуть уже и потому, что стихотвореніе «Нива», безпрерывно читаемое г. Майковымъ въ пользу нуждающихся литераторовъ, было отчасти помѣщено въ «Свисткѣ»,—правда, въ извлеченіи, но зато съ весьма энергическимъ послѣднимъ стихомъ [2]). И однакоже — о Браггѣ повѣдано русской публикѣ устами почтеннаго академика, а о «Свисткѣ» ничего не сказано! Мы ужасно огорчились, и въ горѣ своемъ рады были даже г. Бестужеву-Рюмину, косвенно объяснявшему намъ въ «Отеч. Запискахъ» (1859 г., № XI) все неприличіе «Свистка» [3]). Въ награду за та-

[1]) См. № 387.
[2]) См. № 368.
[3]) См. №№ 353—355.
[4]) Т.-е. Н. Ф. Павлова и К. К. Павловой.
[5]) П. М. Леонтьевъ—соредакторъ Каткова по «Рус. Вѣстнику».

[1]) Т.-е. въ «Колоколѣ».
[2]) См. № 283.
[3]) Бестужевъ-Рюминъ очень порицалъ рецензію «Современника» о книгѣ Щапова (см. стр. 609) и

кое вниманіе, мы, было, рѣшились даже, при первомъ удобномъ случаѣ, произвести его въ великіе ученые.

И вдругъ, что же открывается? Открывается, что вся игнорація ученыхъ была въ этомъ случаѣ фальшивая, совершенно такъ, какъ въ большинствѣ другихъ случаевъ бываетъ фальшива ихъ эрудиція. Они зорко слѣдили за «Свисткомъ» и очень хорошо знали, что̀ это такое, но «диссимулировали» свое знаніе [1]). Открылась эта диссимуляція благодаря изслѣдованіямъ г. Костомарова о началѣ Руси. Само собою разумѣется, что самъ г. Костомаровъ не предполагалъ такихъ результатовъ отъ своихъ изслѣдованій о варягахъ. Но такова ужъ участь великихъ открытій, что они дѣлаются случайно. Очень вѣроятно, что и г. Чичеринъ, работая надъ своей диссертаціей о русскихъ областныхъ учрежденіяхъ XVII в., не предполагалъ, что диссертація эта поведетъ къ открытію слабости профессора Крылова и силы профессора Леонтьева въ латинскихъ склоненіяхъ [2]), а вышло такъ. То же самое случилось и теперь. Впрочемъ, разскажемъ все по порядку и теперь ужъ безъ отступленій.

Въ то самое время, какъ г. Костомаровъ печаталъ въ «Современникѣ» статью о Руси-*литовской*, г. Погодинъ издалъ книжку о *норманскомъ* періодѣ русской исторіи. При разборѣ этой книжки въ «Современникѣ», съ обычною скромностью замѣчено было, что новый взглядъ, отвергающій норманство, долженъ возбудить новыя хлопоты со стороны г. Погодина, который вотъ уже лѣтъ пятнадцать побѣдоносно почилъ на норманскомъ вопросѣ, точно въ Валгаллѣ, окруженный Валкиріями, въ образѣ гг. Устрялова, Касторскаго, Зернина и пр. [1]). Предположеніе «Современника» оправдалось: г. Погодинъ пріѣхалъ изъ Москвы, чтобы вызвать г. Костомарова на публичный диспутъ о томъ, кто были призванные варяги,—норманны или литовцы. Но это для насъ не главное: главное въ томъ, что вызовъ свой г. Костомарову сдѣлалъ г. Погодинъ письменно и что въ письмѣ этомъ посвятилъ нѣсколько дѣльныхъ и новыхъ мыслей собственно намъ. Онъ изобрѣлъ для насъ особое названіе: «рыцари Свистопляски», довольно пространно говорилъ о томъ, что онъ съ нами и говорить-то не хочетъ, и, наконецъ, обращаясь къ г. Костомарову, такъ возопилъ: «я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ дѣятелемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей, которые, *пользуясь исключительнымъ положеніемъ* (?), присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь». Затѣмъ, вызывая г. Костомарова на ученый поединокъ, г. Погодинъ прибавилъ: «секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байера, Шлёцера и Круга, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели духовъ; *а вы, ради потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей Свистопляски*». На что̀ г. Костомаровъ отвѣчалъ, что лучше выбрать живыхъ посредниковъ изъ ученыхъ мужей нашего времени (только не того, которое въ Москвѣ издается) [2]), ибо «тѣни Байера, Шлёцера и Круга не помогутъ намъ: они уже только тѣни, да если бъ и имѣли тѣло, то не могли бы сохранить совершеннаго безпристрастія; а настоящая моя готовность отказаться отъ своего мнѣнія, если оно не будетъ имѣть достаточной силы, чтобъ убѣдить нашихъ посредниковъ, можетъ служить М. П. Погодину ручательствомъ, что я *не думаю мнѣніе свое защищать одобреніемъ рыцарей Свистопляски*».

Можете себѣ вообразить наше торжество, когда мы узнали все это — сначала изъ устныхъ разсказовъ (ибо о Костомаровѣ, Погодинѣ и Свистопляскѣ жужжалъ нѣсколько дней весь городъ), а потомъ изъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей». Такъ вотъ они какъ не знаютъ-то насъ! — радостно подумали мы. Они, какъ видно, покоя не имѣютъ отъ нашего свиста; они до того нами заняты, что даже клички намъ придумываютъ и распускаютъ. Нашъ свистъ мѣшаетъ спокойно горѣть ихъ труженичe-

---

замѣтилъ, что вообще «насмѣшка—оружіе опасное, что найдутся люди, которые пойдутъ дальше и объявятъ все вздоромъ: и вашу рецензію и даже ваше направленіе».

[1]) Диссимулировать—dissimulare—значитъ притворно отрицать чувство или мысль, которыя дѣйствительно въ насъ существуютъ. А есть другое слово, симулировать — simulare, такъ то значитъ—притворно показывать въ себѣ то, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Для удобнѣйшаго сбиванія въ различеніи этихъ словъ есть стихъ, который я всегда перевиралъ, но, наконецъ, запомнилъ, потому что профессоръ латинской словесности въ теченіе курса повторилъ его намъ 23 раза. Вотъ этотъ стихъ:

Simulantur quae non sunt, quae sunt vero—dissimulantur.

Примѣчаніе сотрудника, добивающагося отзыва отъ г. Леонтьева. Прим. Д.

[2]) Леонтьевъ очень основательно доказалъ Крылову незнаніе имъ латинскаго языка, обнаружившееся въ статьѣ Крылова о книгѣ Чичерина.

[1]) Н. Ф. Павловъ издавалъ газету «Наше Время» въ 1862 г., продавшуюся министру внутр. дѣлъ Валуеву, выдававшему ей крупныя субсидіи.

[2]) См. № 371.

ской лампадѣ, къ нашему свисту прислушиваются они постоянно,—

«Въ своихъ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ!».

Вопреки ихъ волѣ и желанію, нашъ свистъ слышится имъ изъ-за каждой строчки сочиняемыхъ ими книгъ, изъ-за каждой фразы произносимыхъ ими спичей. Нашъ свистъ для нихъ—

«Das ist die ganze Wissenschaft,
Das ist der Bücher tiefster Sinn».

Споря съ г. Костомаровымъ какъ будто бы о норманнахъ, г. Погодинъ, главнымъ образомъ, обращаетъ свое негодованіе на насъ, и горячится при этомъ вовсе не за норманновъ, а совершенно по другимъ причинамъ, которыя угадать, конечно, нетрудно. О норманнахъ «Свистокъ» никогда и не думалъ толковать: что намъ до нихъ за дѣло? Г. Погодинъ не могъ даже знать, согласны ли мы съ нимъ или съ г. Костомаровымъ. Въ «Современникѣ», конечно, была рецензія, говорившая отчасти въ пользу новаго мнѣнія, но, вѣдь, «Современникъ» все-таки еще не «Свистокъ». Въ «Современникѣ» участвуютъ, время отъ времени, почтенные люди, какъ, напр., г. Лакіеръ, г. де-Пуле, г. Аполлонъ Григорьевъ, не безызвѣстный г. Погодину, и т. п. [1]). Слѣдовательно, нельзя предположить, чтобы подъ «*кучею шарлатановъ, невѣждъ, непосредственностей и бездарностей*» г. Погодинъ разумѣлъ «Современникъ» [2]). Дальнѣйшее добавленіе о рыцаряхъ Свистопляски, — безъ всякаго поясненія, кого разумѣть подъ этимъ, — доказываетъ, что и все предыдущее относилось къ «Свистку». Итакъ, почтенный ученый, академикъ и заслуженный профессоръ, находящійся уже, можно сказать, въ преклонныхъ лѣтахъ, никакъ не могъ, начиная ученый споръ, отстранить отъ себя мысль о «Свисткѣ» и до того разгорячился, что даже заподозрилъ между нами и своимъ ученымъ противникомъ нѣкотораго рода комплотъ! Это намъ очень польстило.

Но мы все еще страшились, что г. Костомаровъ разочаруетъ насъ, обнаруживъ полнѣйшее невѣдѣніе о «Свисткѣ». Гдѣ жъ ему, разсуждали мы, погруженному въ изысканія о Жмуди и о жизни русскаго народа въ XVII столѣтіи, знать что-нибудь о насъ! Но, нѣтъ, — оказалось, что и онъ знаетъ насъ очень хорошо. Прочитавъ о рыцаряхъ Свистопляски, онъ не пришелъ въ изумленіе, не спросилъ, что это за рыцари и что за Свистопляска, и съ какой стати о нихъ упоминаетъ ученый единоборецъ? Онъ принялъ все дѣло такъ, какъ будто бы ему рыцари Свистопляски были столько же понятны и знакомы, какъ и Шлёцеръ, Байеръ и Кругъ. Вотъ, значитъ, мы каковы! Просто, значитъ, всемірную славу пріобрѣли! Правда, что г. Костомаровъ выразилъ нежеланіе защищать свое мнѣніе нашимъ одобреніемъ; но, вѣдь, онъ и тѣни Шлёцера съ товарищами отвергъ: значитъ, мы тутъ еще не очень обижены. Правда, и въ томъ надо сознаться,—г. Костомаровъ обнаруживаетъ какъ-будто даже нѣкоторую боязнь, чтобъ его съ нами не смѣшали и не причислили къ нашему рыцарскому кругу; но и это ничего. Конечно, самолюбіе, свойственное всякому человѣку вообще, а свистящему въ особенности, говоритъ намъ, что если бъ г. Костомарова и къ нашему кругу причислили, то для него особенной бѣды и безчестья отъ этого еще не было бы. Но, во всякомъ случаѣ, важно не то, благосклонно ли на насъ смотрятъ ученые, а то, что они обращаютъ на насъ вниманіе. «Намъ лишь бы обратили вниманіе», — какъ говоритъ Бѣлогубовъ у Островскаго. А что отзываются о насъ съ пренебреженіемъ, такъ, вѣдь, это отъ насъ же заимствовали: мы сами обо всѣхъ, исключая развѣ г. Бѣшенцова и еще немногихъ, говорили, если не съ пренебреженіемъ, то съ нѣкоторою недовѣрчивостью, вотъ и о насъ теперь такъ говорятъ, и это служитъ новымъ доказательствомъ, что ученые мужи изучаютъ насъ очень тщательно. Да, впрочемъ, объ этомъ всего лучше свидѣтельствуетъ самый диспутъ г. Погодина, при которомъ Свистопляска получила такія прочныя права гражданства въ ученомъ мірѣ, и о которомъ мы намѣрены теперь разсказать вкратцѣ. Въ г. Погодинѣ мы замѣтили прилежное изученіе Свистопляски, и чего въ этомъ дѣлѣ возможно достичь изученіемъ, онъ достигъ; недоставало маститому ученому только природной ловкости и легкости, чтобы мы могли воскликнуть: нашего полку прибыло! Да еще недоставало почтенному академику той твердости духа, которою такъ отличались защищаемые имъ норманны, а теперь отличаемся мы, рыцари Свистопляски. Онъ не рѣшился прочитать предъ публикою письмо свое сполна, со всѣми обра-

---

[1]) Добролюбовъ подсмѣивается надъ такими сотрудниками «Современника», которыхъ всегда старался выкурить изъ журнала, но не могъ, такъ какъ Некрасовъ, Панаевъ и отчасти Чернышевскій не рѣшались совершенно порвать съ ними, какъ съ людьми, иногда, все-таки, полезными.

[2]) Мы въ этомъ окончательно убѣдились, узнавъ, что г. Погодинъ *самъ пожелалъ* помѣстить въ «Современникѣ» свои возраженія г. Костомарову. *Прим. Д.*

щеніями къ намъ; мало того—онъ *отступился отъ своихъ словъ*, сказанныхъ въ напечатанномъ отрывкѣ его письма. Мы уже этого никогда не дѣлаемъ. Пусть теперь г. Погодинъ отправится за море и привезетъ на насъ цѣлую тучу норманновъ; пусть съѣздитъ опять въ Москву и оттуда вывезетъ себѣ въ подкрѣпленіе—хоть все «Наше Время» съ самимъ Н. Ф. Павловымъ; пусть онъ, наконецъ, сдѣлается хоть постояннымъ сотрудникомъ «Современника»: мы все будемъ продолжать нашу борьбу и не отступимся ни отъ одного шага, сдѣланнаго нами!! Это для насъ, разумѣется, и не трудно, потому что мы, вѣдь, дѣйствуемъ хладнокровно и даже съ большой пріятностью, а не горячимся, какъ г. Погодинъ. А при томъ и наше званіе не позволяетъ намъ отступать, если ужъ насъ затронули. «Погибни, но погибни, поражая противника»,—вотъ нашъ девизъ: на то мы и рыцари!

Но г. Погодинъ, какъ мы сказали, сдѣлавшись нашимъ подражателемъ и союзникомъ, самъ себя уже поразилъ достаточно, и потому намъ остается только, вмѣсто боевой тревоги, насвистывать побѣдную пѣснь и съ великодушіемъ побѣдителей припоминать факты минувшей битвы. C'est ce que nous ferons, съ помощью нашего барда—Конрада Лиліеншвагера.

2.

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Domine, libera nos a furore normannorum!..

Еще одинъ общественный вопросъ
Прибавился въ общественномъ сознаньи:
Кто были тѣ, отъ коихъ имя «Россъ»
Къ намъ перешло, по древнему сказанью?
Изъ-за моря тогда они пришли
(Изъ-за моря идетъ къ намъ все благое).
Но кто жъ они? Въ какихъ краяхъ земли
Шумѣло море то своей волною?
Не знаемъ мы! Искали мы его
Отъ Каспія, куда струится Волга,
Гдѣ дешева икра,—вплоть до того,
Гдѣ странствовалъ Максимовъ [1]) очень долго.

На Черномъ морѣ думали найти,
Гдѣ общество родного пароходства
Цвѣтетъ, растетъ и будетъ все цвѣсти
Десятки лѣтъ, на зло недоброхотству;
На Балтикѣ его искали мы,
Гдѣ вознеслась полночная столица,
Гдѣ средь болотъ, тумановъ и зимы,
Жизнь такъ легко и весело катится.
Такъ мы не день, не мѣсяцъ и не годъ,
А цѣлый вѣкъ, отъ моря и до моря,
Металися, какъ угорѣлый котъ,
Томительно изслѣдуя и споря.
Но, наконецъ, измучась, истомясь,
Рѣшились всѣ на томъ остановиться,
На чемъ засталъ моментъ послѣдній насъ,—
Чтобъ съ этимъ дѣломъ больше не возиться!
Въ такой-то часъ норманство водворилъ
И далъ почить намъ господинъ Погодинъ.
И съ той поры весь русскій людъ твердилъ,
Что Рюрикъ нашъ съ норманнами былъ сроденъ.

Но снова мы сомнѣніемъ полны,
Волнуются тревожно наши груди:
Мы слышимъ, что норманны смѣнены
Варягами—литовцами, изъ Жмуди...
Норманновъ уничтожилъ, говорятъ,
Въ статьѣ своей профессоръ Костомаровъ.
Погодинъ хочетъ встать за прежній взглядъ
И вѣрно ужъ не пощадитъ ударовъ.

Кому-то пасть? Кому-то предлежитъ
Насъ озарить открытьемъ благодатнымъ?
Богъ вѣсть! Но грудь у всѣхъ у насъ горитъ
Предчувствіемъ какимъ-то непонятнымъ.
Привѣтъ тебѣ, счастливая пора
Поднятія общественныхъ вопросовъ.
Въ дни торжества науки и добра
Томитъ насъ вновь призывъ варяго-россовъ!

Что жъ дѣлать намъ? Какъ разрѣшить вопросъ,
Который такъ давно насъ всѣхъ тревожитъ?
Онъ въ дѣтствѣ намъ такъ много стоилъ слезъ
И, кажется, въ могилу насъ уложитъ!

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

[1]) С. В. Максимовъ, извѣстный этнографъ-бѣллетристъ.

3.

СТОЛИЧНАЯ СУМАТОХА ВЪ ПОЛЬЗУ НАУКИ.

Что возмутило васъ? Волненіе Литвы?
Пушкинъ.

Предыдущее стихотвореніе г. Лиліеншвагера довольно удачно выражаетъ то отчаянное положеніе, въ какомъ находился Санктпетербургъ въ послѣднее время, въ отношеніи къ варяжскому вопросу. Но дѣйствительность далеко превосходила поэтическое описаніе. Варяги занимали, дѣйствительно, все образованное общество наше, до того, что слова «Погодинъ», «Костомаровъ», «дуэль» безпрестанно оглашали воздухъ,—и на Невскомъ проспектѣ, и на набережныхъ Невы, и въ театрахъ, концертахъ, ресторанахъ, и даже въ каждомъ домѣ, гдѣ сходилось пять-шесть человѣкъ. Устраивались даже ученыя собранія по этому

поводу, гдѣ ужасно горячились о томъ: какъ «поставить вопросъ» между двумя противниками—исторически или юридически? Въ другихъ кругахъ, не дошедшихъ до такой мудрости, утверждали, что Погодинъ вызвалъ Костомарова на дуэль, и что они просили на это разрѣшенія [у полиціи], но не получили. Нѣкоторые находили это похвальнымъ, другіе же не одобряли запрещенія дуэли,—говоря, что хотя вообще дуэль безнравственна, но въ этомъ случаѣ безъ нея нельзя было, ибо варяжскій вопросъ самъ по себѣ есть для насъ вопросъ жизни и смерти, особенно въ настоящее время, когда Россіи скоро исполнится тысяча лѣтъ. Наконецъ, дѣло объяснилось, когда въ газетахъ объявлено было о диспутѣ въ университетѣ. Но тутъ толки еще усилились. Утверждали, что дѣло будетъ рѣшаться всѣми присутствующими [посредствомъ suffrage universel] [1]) и, такимъ образомъ, несомнѣнно уже будетъ, кого Русь лучше хочетъ—норманновъ или литовцевъ. Кромѣ того, разсказывали, что среди университетской залы будетъ устроенъ костеръ, на которомъ сожгутъ сочиненія побѣжденной стороны. Вообще—варяжскій вопросъ сильно волновалъ умы, такъ что, смотря на всеобщее движеніе Петербурга, г. Лиліеншвагеръ сочинилъ даже, во славу нашей любви къ наукѣ, слѣдующее стихотвореніе, которое должно насвистываться на голосъ: «*Вотъ на пути село большое*».

Пока не требуетъ столицы
Вопросъ общественный къ себѣ,—
Услышишь вздоръ и небылицы
Въ пустой и суетной толпѣ.
Услышишь рѣчи о погодѣ,
О производствахъ, рысакахъ,
Перчаткахъ, галстухахъ по модѣ,
Портныхъ, танцовщицахъ, пѣвцахъ.
Но лишь Перозьо [2]) пуститъ паръ,
Или Погодинъ вызовъ грянетъ,—
Весь Петербургъ мгновенно вспрянетъ,
Какъ будто на большой пожаръ...
Ужъ не сидитъ онъ въ ресторанахъ,
И на Армансъ [3]) онъ не глядитъ...
Объ антрацитѣ и норманнахъ
Онъ вдохновенно говоритъ.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
Рискуя жизнью, взять билетъ,—
Въ Пассажъ, пріютъ науки новый,
Иль въ старый—въ университетъ!

Дѣйствительно, два дня до диспута походили на новый годъ; пріѣзжему человѣку можно было подумать, что всѣ разъѣзжаютъ съ визитами, а это они за бил тами рыскали!.. Въ университетѣ уже четвергъ оказался недостатокъ въ бил тахъ и, вслѣдствіе того, въ городѣ на ка домъ шагу можно было встрѣтить озаб ченныя лица и биться объ закладъ, что о тревожно заняты изобрѣтеніемъ средст достать билетъ, или какимъ бы то ни бы образомъ попасть на диспутъ. Даже люд которые принимали норманновъ за пото ковъ Нормы, а о Литвѣ знали только Литовскому рынку, и тѣ приходили въ во неніе отъ одной мысли о диспутѣ. И даромъ!..

4.

НАГРАДА МИЛЫМЪ ДѢТЯМЪ.

Дѣтушки скушали, ложки обтерл сказали: спасибо.
Жуковскій («Овсяный кисель»).

Какіе кудесники наши ученые, пріобрѣт шіе себѣ авторитетъ! Можно сказать на вѣрное, что ни Германъ, ни Боско и н одинъ изъ новѣйшихъ магиковъ не может произвести того, что они дѣлаютъ. Герман заставляетъ цвѣты расти у себя въ шляп и потомъ раздаетъ ихъ прекрасному полу ученые наши заставляютъ у себя во рт созрѣвать людей и потомъ эту зрѣлост уничтожаютъ, т.-е. съ человѣкомъ, даж съ цѣлымъ обществомъ, дѣлаютъ то, чт всякій фокусникъ производитъ съ батисто вымъ платочкомъ — сжимаетъ, сжимаетъ пока тотъ совсѣмъ исчезнетъ, а потом опять его вывертитъ изъ рукъ. Потѣшаютс себѣ ученые надъ православными душами!. [Еще въ рѣчи Георгія Конисскаго, той са мой, гдѣ говорится, что солнце наше вкруг насъ ходитъ,—сказано, помнится, о нашей зрѣлости [1]). Съ тѣхъ поръ] [2]) толковал [объ этомъ] весьма нерѣдко, особенно в отчетахъ и патріотическихъ стихотворе ніяхъ. Со времени изданія «Русскаго Вѣст ника» зрѣлость общественной среды нашей до того была часто провозглашаема, что наконецъ, о ней стали говорить уже с очевиднымъ опасеніемъ, чтобъ мы не пере зрѣли. И вдругъ Е. И. Ламанскій, бывшій суперъ-арбитръ въ Пассажѣ, однимъ словомъ уничтожаетъ всю нашу зрѣлость,— да вѣдь такъ искусно, что мы всѣ усумнились, дѣйствительно, не пропалъ ли нашъ платочекъ въ рукахъ профессора магіи и не хочетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ сварить

[1]) на голоса.
[2]) См. № 368.
[3]) Артистка.

[1]) Въ 1787 году бѣлорусскій архіепископъ Георгій Конисскій сказалъ свою рѣчь Екатеринѣ II, начинавшуюся заявленіемъ, что, хотя астрономы и доказываютъ движеніе земли вокругъ солнца, но наше солнце — императрица, ходитъ вокругъ своихъ подданныхъ, всячески ихъ благодѣтельствуя.
[2]) О нашей зрѣлости

въ нашей шляпѣ яичницу!.. Мы возбудили общественный вопросъ изъ этого, и не меньше, чѣмъ Жмудью, интересовались тѣмъ, «созрѣли мы или не созрѣли». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщались даже длинныя статьи въ газетахъ. И вотъ, прошло три мѣсяца,— новая перемѣна: явился новый профессоръ, во рту у котораго мы мгновенно созрѣли, и всѣ ужасно обрадовались... Но разскажемъ все какъ слѣдуетъ.

19 марта университетская зала представляла [(говоря высокимъ слогомъ объявленія «СПБ. Вѣдомостей»)] «умилительное сліяніе представителей литературы и наукъ, съ одной стороны, и съ другой стороны—самаго учрежденія, гдѣ науки и литература обработываются въ высшей своей сферѣ, и сліяніе это могло служить вѣрнымъ залогомъ новыхъ утѣшительныхъ надеждъ для отечества». Дѣйствительно, въ залѣ съ семи часовъ давка была страшная: стулья были нумерованные, но половина народу не нашла своихъ мѣстъ; многіе остались въ проходахъ между стульями, другіе забрались въ бокъ, поближе къ каѳедрамъ двухъ противниковъ, стоявшимъ одна противъ другой по обѣимъ сторонамъ залы. Словомъ, въ теченіе получаса публика въ живой картинѣ представляла собою положеніе новгородцевъ, кривичей, чуди, мери и веси, въ то время, какъ они, изгнавши варяговъ за море и не давши имъ дани, не знали, что̀ имъ затѣмъ съ собою дѣлать. [Наконецъ, видя, что публика велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, г. Плетневъ вошелъ на норманскую (т.-е. Погодина) каѳедру и, подобно древнему Гостомыслу, указалъ на варяговъ. Вслѣдъ затѣмъ явились и] [1]) норманны въ образѣ г. Погодина. Тогда все стихло, и маститый норманщикъ, по обычаю всѣхъ новыхъ владѣтелей, началъ свое дѣло съ благосклоннаго изъявленія своей благодарности обществу и затѣмъ милостиво объявилъ, что **мы созрѣли**. Вся присутствующая публика подпрыгнула кверху (отчего, дѣйствительно, показалась выше ростомъ), и взрывъ оглушительныхъ рукоплесканій выразилъ торжественную радость всего общества. Говоря языкомъ поэзіи,—

«Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо!»

Мы въ первую минуту не раздѣляли этой радости и благодарности. Мы думали: неужели въ самомъ дѣлѣ слова г. Ламанскаго были только невѣжливы, а не совершенно вздорны? Неужели, дѣйствительно, [мы еще такъ незрѣлы, что готовы ставить памятникъ всякому, кто скажетъ, что мы созрѣли?] [1]) Дѣти бываютъ всегда очень довольны, когда ихъ называютъ большими; такъ неужели и въ насъ есть то же самое чувство? Или, въ самомъ дѣлѣ, мы—тѣ самыя *взрослыя дѣти*, для которыхъ гг. Солдатенковъ и Щепкинъ издаютъ свое «Чтеніе для взрослыхъ дѣтей»? Одинъ почтенный мужъ сказалъ, что вы мальчишка, а другой говоритъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ утѣшеніе: «нѣтъ, вы не мальчишка», — и вы кланяетесь, благодарите и не знаете, что̀ дѣлать отъ восторга. И по какимъ основаніямъ-то каждый изъ нихъ произноситъ свой верховный приговоръ! Е. И. Ламанскому не понравилось, что публика шикаетъ г. Серно-Соловьевичу, который ему пришелся по вкусу, и вотъ—мы не созрѣли; г. Погодину понравилось, что много народу собралось слушать диспутъ о норманнахъ, и у него въ устахъ — мы созрѣли! Это значитъ, что одинъ авторитетъ называетъ васъ невѣждой за то, что вы не сочувствуете трагедіямъ Сумарокова, а другой признаетъ васъ образованнѣйшимъ человѣкомъ за умѣнье разбирать глаголическую печать. Правду сказать, если въ своихъ лекціяхъ о банкахъ и въ изслѣдованіяхъ о норманнахъ гг. Ламанскій и Погодинъ точно такъ же основательны, то на нихъ положиться довольно трудно. И съ какой стати этотъ безцеремонный и неделикатный намекъ въ самомъ началѣ дѣла? Неужели г. Погодинъ считаетъ это за комплиментъ? Но вѣдь онъ долженъ же понимать, что большому собранію людей, сошедшихся разсуждать о дѣлѣ, не говорятъ: «господа! то, что вы не бросаетесь другъ на друга и не кусаетесь, доказываетъ, что вы въ здравомъ умѣ». А фраза о зрѣлости, сказанная взрослымъ людямъ, пришедшимъ въ университетъ на диспутъ, совершенно равносильна такому обращенію. Но отчего же публика рукоплещетъ?

Наши глубокія размышленія прерваны были г. Лиліеншвагеромъ, который сидѣлъ возлѣ насъ и въ то время, какъ продолжались апплодисменты, успѣлъ импровизировать и прочитать намъ слѣдующую пьесу.

БЛАГОДАРНАЯ ПѢСНЬ СОЗРѢВШАГО РОССА.

(Насвистывается на голосъ: «Славься симъ, Максимъ [2]) Петровичъ»).

Мы созрѣли! мы созрѣли!
Веселись, созрѣвшій россъ!
Вотъ теперь ты въ своемъ дѣлѣ
Сталъ полунощный колоссъ.

---

[1]) Публика была велика и обильна, а порядка въ ней не было... Наконецъ, явились насъ еще можно радовать, когда до свѣдѣнія нашего дойдетъ, что мы созрѣли?

[2]) Передѣланное имя Погодина—Михаилъ.

Помнишь, какъ тебя въ Пассажѣ
Уложили въ колыбель?
Но созрѣлъ (зимою даже!)
Ты въ четырнадцать недѣль [1]).

Мы созрѣли! мы созрѣли!—
Такъ Погодинъ намъ сказалъ,
Изъ Москвы для этой цѣли
Онъ нарочно прискакалъ.

Съ той поры какъ насъ огрѣли,
Жили мы, повѣся носъ,
И твердя: «мы не созрѣли»,
Проливали токи слезъ.

Но теперь возьмемте смѣлость,—
Взысканъ милостями россъ:
Изъ Москвы патентъ на зрѣлость
Академикъ намъ привезъ.

Мы созрѣли! россъ, пойми же
И душою умились:
Скинь-ка шапку да пониже,
Да пониже поклонись!..

Выслушавъ эти стихи, мы сами преисполнились благоговѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы прежде не приняли въ соображеніе того, кто таковъ г. Погодинъ и кто мы всѣ, публика! Вѣдь онъ москвичъ, а мы петербуржцы; онъ авторитетъ, а мы простые смертные; онъ преисполненъ норманскимъ духомъ, а мы — ни то ни се; онъ составилъ древле-хранилище и продалъ его [1]), а мы по бо̀льшей части не составляемъ (и не продаемъ) даже маленькой библіотеки. Дѣйствительно, *патентъ на зрѣлость* привезъ намъ г. Погодинъ; г. Лиліеншвагеръ хорошо объ этомъ выразился:

Какая честь для насъ и всей Россіи.

Самъ г. Погодинъ сказалъ, что мы созрѣли! Теперь мы смѣло можемъ глядѣть въ глаза Е. И. Ламанскому: клеймо, наложенное имъ, снято съ насъ; у насъ есть документъ о нашей зрѣлости, и если кто-нибудь вздумаетъ насъ попрекать Ламанскимъ, мы теперь станемъ защищаться Погодинымъ.

«Не созрѣлъ!»—сказалъ Ламанскій;
«Нѣтъ, созрѣлъ»,—сказалъ Погодинъ,
«Свищетъ!»—вымолвилъ Ламанскій;
«Рукоплещетъ!!» рекъ Погодинъ.

И, такимъ образомъ, вопросъ о зрѣлости и незрѣлости рѣшенъ въ нашу пользу, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока г. Погодину тоже не покажется, что «свищетъ»!..

5.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНІЕ СЪ ВЗРОСЛЫМИ ДѢТЬМИ.

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою...
Лермонтовъ.

Милостиво объявивъ публикѣ, что она созрѣла, г. Погодинъ во все продолженіе диспута такъ съ нею и обходился, что давалъ разумѣть: «вы вѣдь, дескать, зрѣлость-то отъ меня получили, единственно по моему великому снисхожденію; я же могу ее и отнять отъ васъ: она вѣдь у меня во рту». Такъ, принявшись читать свои возраженія г. Костомарову (до нихъ намъ дѣла мало: ихъ смотри въ «Современникѣ», такъ какъ онъ нынче въ ученость пустился), г. Погодинъ счелъ нужнымъ отрекомендовать Костомарова публикѣ. «Это, — говоритъ, — ученый, извѣстный своими сочиненіями о Богданѣ Хмельницкомъ, о Стенькѣ Разинѣ и многими важными журнальными статьями». Скажите пожалуйста,—неужели? А мы никогда и не слыхали объ этомъ! Очень вамъ благодарны, г. Погодинъ, за такое любезное сообщеніе... Ну, а вы чѣмъ замѣчательны? Отчего же вы кстати не позаботились познакомить насъ и съ вашею особою? Вѣдь ваша шумная дѣятельность относится къ тому времени, когда мы еще дѣйствительно были незрѣлы, когда многихъ изъ насъ еще и на свѣтѣ не было. Между нами есть такіе, которые не помнятъ не только вашей «Ураніи» на 1825 г., не только вашей «Невѣсты на ярмаркѣ», «Историческихъ афоризмовъ», «Исторіи въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ», но даже знаютъ только по слухамъ о вашихъ «Путевыхъ замѣткахъ» и едва-едва смутно припоминаютъ учено-патетическія статьи ваши, въ родѣ «Посланія къ ученому», «Мыслей по прочтеніи Соловецкаго донесенія», «О воскресной полночи въ Кремлѣ», «Историческихъ замѣчаній о политическомъ равновѣсіи», «Рѣчи при избраніи директоровъ общества Волжско-Донской желѣзной дороги», и проч. т. п. Не мѣшало бы вамъ сообщить собравшейся публикѣ хотя краткое обозрѣніе этихъ и другихъ «важныхъ журнальныхъ статей», чтобы публика, знакомясь изъ вашей рекомендаціи съ г. Костомаровымъ, не могла остаться въ невѣ-

---

[1]) Здѣсь маленькая піитическая вольность: собственно въ 13 недѣль, 6 дней 4 часа и 30 минутъ, ибо незрѣлость наша засвидѣтельствована Е. И. Ламанскимъ 13 декабря 1859 г. въ воскресенье, въ 3 часа пополудни, а патентъ на зрѣлость выданъ намъ г. Погодинымъ 19 марта, въ субботу, ровно въ восемь часовъ вечера. Неточность эту надо приписать единственно скорости сочиненія, а то г. Лиліеншвагеръ сумѣлъ бы втиснуть въ стихъ всѣ измѣренія времени самымъ точнымъ образомъ. *Прим. Д.*

[2]) Погодинъ очень ловко продалъ казнѣ за 500.000 р. свое нестоившее этихъ денегъ собраніе древностей.

дѣніи и на счетъ вашей литературной и ученой дѣятельности.

Впрочемъ, мы забываемъ одно обстоятельство: г. Погодинъ является къ намъ какъ власть имѣющій; его должны всѣ заранѣе знать, и всѣхъ другихъ должны знать только по его рекомендаціи. Это ясно; нечего намъ и добиваться.

Что ужъ говорить о г. Костомаровѣ? Г. Погодинъ, по выслушаніи возраженій своего противника, счелъ необходимымъ, во-первыхъ, *аттестовать* его доводы, сказавши, что они отличаются остроуміемъ и пр., а потомъ, вмѣсто всякаго отвѣта, угостилъ публику старою баснею о крестьянинѣ и его дѣтяхъ... да вѣдь не въ намекѣ, не въ двухъ словахъ, а въ цѣломъ обстоятельномъ разсказѣ, съ особою моралью! Этотъ эпизодъ былъ великолѣпенъ; тысячи образованныхъ людей слушаютъ съ университетской каѳедры, по поводу вопроса о Жмуди, басню о пучкѣ прутьевъ! Г. Погодинъ, очевидно, полагаетъ, что для созрѣвшей публики необходимы такіе доводы; но онъ забылъ, что и для несозрѣвшихъ слушателей г. Серно-Соловьевичъ доказывалъ неправоту г. Перозіо тѣмъ, что два полтинника и два четвертака не составляютъ четырехъ полтинниковъ... И тогда ему шикала несозрѣвшая публика. Увы! то же произвела и созрѣвшая, услышавъ басню...

Но какъ же г. Погодинъ пригналъ басню къ своему отвѣту? Посмотрите въ «Современникѣ» подлинныя слова его. А мы, если угодно, предложимъ и объясненіе, сдѣлавъ вольное переложеніе приведенной имъ басни.

НОРМАННЫ И ПУКЪ.

БАСНЯ.

(Вольное переложеніе изъ академика Погодина: на музыку будетъ положено, вѣроятно, Александромъ Васильевичемъ Лазаревымъ) [1].

Задумавъ долгъ отдать природѣ [2],
Мужикъ къ себѣ сыновъ и внуковъ пригласилъ
И сочинилъ
Имъ завѣщанье въ новомъ родѣ:
Пукъ розогъ имъ вручилъ
И предложилъ,
Чтобъ кто-нибудь изъ нихъ его переломилъ.
Пыхтѣлъ тутъ каждый сынъ, чтобъ похвалилъ отецъ,
И каждый внукъ кряхтѣлъ, чтобы потѣшить дѣда.
Но, наконецъ,
Сознались, что побѣда
Надъ пукомъ симъ
Не дастся имъ.
Тогда старикъ пукъ развязалъ
И имъ сказалъ,
Чтобъ каждый взялъ
По пруту
И такъ ломалъ.
И что же? Въ ту жъ минуту
Всякъ, даже самый малый внукъ,
Свой прутъ сломалъ.

И вдругъ—
Гдѣ пукъ?!

Смыслъ притчи сей совсѣмъ не тотъ,
Какой намъ съ дѣтства былъ извѣстенъ;
Къ вопросу о норманнахъ онъ идетъ,
И здѣсь весьма умѣстенъ;
Когда теорію норманства вообще
Однимъ усиліемъ разрушить вы хотите,—
То вы погубите труды свои вотще
И никого не убѣдите.
Но если вы начнете разбирать
Всѣ доказательства отдѣльно,
Тогда, конечно, вамъ нетрудно ихъ сломать
И всѣхъ насъ поразить смертельно.
Итакъ, мораль здѣсь та:
Доводы разбирать не слѣдуетъ отдѣльно,
А взяться слѣдуетъ за общія мѣста.
Вотъ это будетъ дѣльно
И выгодно защитникамъ норманства;
А то, пожалуй, вдругъ
Исчезнетъ ихъ ученое убранство,
Какъ въ баснѣ—пукъ.

Разсказъ этотъ произвелъ впечатлѣніе, которое тоже должно быть изображено стихами:

Такъ рекъ онъ, новѣйшихъ временъ
Мененій Агриппа.
Но плохо онъ былъ оцѣненъ:
Змѣинаго шипа
Въ отвѣтъ ему кто-то пустилъ,
И всюду по залѣ
Послышался шопотъ: «нѣтъ силъ
Въ норманскомъ началѣ!..
Явился норманщикъ съ Москвы,
Во имя науки,
И важно, пространно—увы!—
Толкуетъ—о пукѣ.
Пришла жъ академику мысль
Скрываться за сказки!
Скорѣй его, Кліо, причисль
Къ друзьямъ Свистопляски!»
И шипомъ змѣинымъ прошелъ
Тотъ шопотъ по залѣ.
Но рѣчь Костомаровъ повелъ,—
И всѣ замолчали.

---

[1]) Музыкантъ, надъ которымъ потѣшался тогда Петербургъ.

[2]) Стихъ сей заимствованъ изъ одной дѣтской басни Б. М. Ѳедорова, за что и приносимъ ему нашу чувствительную благодарность.

Прим. Д.

Г. Костомаровъ отвѣтилъ тоже аллегорически, попросивъ, впрочемъ, предварительно позволенія на это. Онъ указалъ на театральныя иллюзіи, происходящія отъ размалеванныхъ декорацій, и утверждалъ, что нужно разсматривать дѣло ближе, если хочешь узнать настоящую истину. Г. Погодинъ тотчасъ же согласился, потому что именно это заключеніе выходило и изъ его басни. Затѣмъ пошелъ споръ о частностяхъ, который уже составляетъ достояніе «Современника», и изъ котораго мы похитимъ только три перла—объ авторитетахъ, о порогахъ и о тайномъ голосѣ.

Неизвѣстно, выбившись ли изъ силъ, или желая сдѣлать тонкій намекъ публикѣ и своему противнику (который, какъ видно изъ отвѣта его, вполнѣ понялъ этотъ намекъ), г. Погодинъ вдругъ заговорилъ объ уваженіи къ авторитетамъ и въ примѣръ представилъ самого себя: какъ онъ уважалъ Карамзина, и какъ Карамзинъ сказалъ ему, по поводу перевода Эверса, что въ норманствѣ истина!.. Какія трогательныя подробности о числѣ и годѣ этого свиданія (26 дек. 1825 г.) сообщилъ г. Погодинъ! Жаль, что не прибавилъ, въ чемъ былъ одѣтъ исторіографъ, когда г. Погодинъ пришелъ къ нему съ переводомъ Эверса!

Г. Лиліеншвагеръ, все время мѣшавшій намъ слушать, и тутъ вдохновился и засвисталъ намъ на ухо:

«Въ двадцать пятомъ году, въ декабрѣ,—
Помню—двадцать шестого числа...
Былъ я въ юной и свѣжей порѣ
И свершилъ я большія дѣла:
Книгу Эверса я перевелъ
И представилъ не медля тому,
За кѣмъ я безсознательно шелъ,
Чьему слѣпо дивился уму...

— Да Погодинъ не говорилъ этого,— перебили мы.

— Ничего, мысль его была такова,— отвѣчалъ піита,—и продолжалъ:

«И меня вопросилъ онъ тогда,
Зачѣмъ Эверса я преложилъ:
«Не годится, вѣдь, онъ никуда,
Ибо съ юга онъ Русь выводилъ».
Я въ отвѣтъ ему скромно сказалъ:
«Для того перевелъ я его,
Чтобъ негодность его увидалъ
Русскій людъ изъ него самого».
Благосклонно взглянувъ на меня,
Мнѣ отвѣтилъ тогда Карамзинъ:
«Мнѣ яснѣй теперь Божьяго дня,
Что изъ споровъ исходъ намъ одинъ,—
Тотъ, что къ намъ изъ норманской земли,
Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ пришли».
Такъ сказалъ мнѣ тогда Карамзинъ,
И слова тѣ запали мнѣ въ грудь.
Пусть меня покараетъ Одинъ,
Если я вамъ совралъ что-нибудь!

Вотъ душа занята чѣмъ была
Еще въ юной и свѣжей порѣ,—
Помню,—двадцать шестого числа,
Въ двадцать пятомъ году, въ декабрѣ!..

Не знаемъ, заслужили ль одобреніе публики мысли г. Погодина, изложенныя въ такой формѣ. Но въ подлинномъ своемъ видѣ разсужденіе г. Погодина объ авторитетахъ и даже жалобы его на «молодую литературу» приняты были очень холодно, несмотря на то, что онъ къ концу своей фразы приклеилъ довольно ловко злоупотребленія акціонерныхъ обществъ. Извѣстно, что въ Александринскомъ театрѣ возбуждаютъ фуроръ фразы, въ родѣ, напр.: «домовладѣльцы, эти кровожадные вороны!», и т. п. Судя по этому, мы думали, что и фраза г. Погодина о молодой литературѣ, торопливо обернутая акціями, вызоветъ взрывъ рукоплесканій. Но совершенно ничего не бывало: апплодисменты раздались позже, послѣ реплики его противника. Это, вѣроятно, и вызвало вдохновеніе нашего піиты.

Такимъ образомъ, г. Погодинъ долженъ былъ отказаться и отъ авторитетовъ, услыхавъ, что порядочный авторитетъ только тотъ и есть, который ни въ чемъ не стѣсняетъ свободы мнѣнія, ища въ своихъ изысканіяхъ не удовлетворенія личнаго самолюбія, а одной истины. Стали спорить безъ авторитетовъ. Но тутъ г. Погодинъ какъ разъ наткнулся *на порогъ*. Можетъ, вы этого дѣла не изучали, такъ мы разскажемъ вамъ: мы вѣдь на всѣ руки...

Видите ли, Константинъ Багрянородный, византійскій авторъ X вѣка, написалъ сочиненіе объ управленіи государствомъ, и такъ какъ собственно управленіе мало занимало его, то онъ и пустился здѣсь въ ту науку, которую г-жа Простакова называетъ недворянскою. Перебирая разныя мѣстности, онъ, между прочимъ, говоритъ о семи порогахъ на Днѣпрѣ и приводитъ ихъ названія на двухъ языкахъ: по-славянски, говоритъ, называется такъ-то, а по-русски такъ-то. Ученые принялись добираться, какой же это языкъ разумѣется подъ именемъ *русскаго*. Лербергъ написалъ объ этомъ даже чуть не цѣлую книгу. Норманщики, разумѣется, принялись объяснять все изъ скандинавскихъ языковъ. Между этими порогами особенно два показались имъ ясны: *Варуфоросъ*, по-славянски *Вульнипраѣ*, и *Геляндри*. Нашли въ скандинавскомъ war — тихій, и fors — порогъ, а славянское имя растолковали—вольный прагъ; *вольный* и *тихій* — все равно, стало быть

ясно... Другой порогъ, *Геляндри*, названъ у Константина *по-славянски*, а какъ онъ по-русски, этого не сказано; но норманщики рѣшили, что тутъ ошибка, и нашли въ исландскомъ точно такое слово съ значеніемъ *шумящій*. Опять ясно. Руководясь такими свѣтлыми соображеніями, г. Погодинъ, послѣ всѣхъ доводовъ противника, объявилъ, что Геляндри и Варуфоросъ—это такіе два столба, которые всегда поддержатъ норманство и выдержатъ какой угодно напоръ. Нашъ сосѣдъ, соперникъ г. Розенгейма, такъ воодушевился при этихъ словахъ г. Погодина, что немедленно развилъ ихъ въ слѣдующихъ стихахъ:

ДВА ПОРОГА.

Насвистывается (на голосъ «Задѣть мою амбицію»...)

Геляндри и *Варуфоросъ*
Вотъ два мои столба!
На нихъ мою теорію
Поставила судьба.
Пороговъ сихъ названія
Такъ Лербергъ объяснилъ
Изъ языка норманскаго,
Что спорить нѣту силъ.
Конечно, авторъ греческій
Ихъ могъ и переврать;
Но могъ, противъ обычая,
И вѣрно написать.
Геляндри хоть приводитъ онъ
Въ числѣ *славянскихъ* словъ;
Но ясно—здѣсь ошибся онъ,
Не зная языковъ.
Въ славянскихъ всѣхъ нарѣчіяхъ
Такого слова нѣтъ:
Но обратясь къ исландскому,
Сейчасъ найдемъ отвѣтъ.
Такъ точно и *Варуфоросъ*
Быть можетъ объясненъ
Лишь только скандинавскою
Пригонкою именъ.
Геляндри и *Варуфоросъ*—
Вотъ, такъ сказать, быки,
Объ кои обобьете вы
Напрасно кулаки!

Такимъ образомъ, изъ пороговъ г. Погодинъ (по крайней мѣрѣ, въ стихахъ г. Лиліеншвагера) выѣхалъ благополучно. Но все-таки продолжать споръ безъ авторитетовъ ему, какъ видно, показалось затруднительно, и онъ, при самомъ концѣ уже, обратился къ рессурсу, никѣмъ неожиданному и почерпнутому имъ, по всей вѣроятности, изъ «Ключа къ таинствамъ натуры», Эккартсгаузена: онъ вздумалъ сослаться на *тайный голосъ!* Хотя бы, говоритъ, и заставили меня отказаться отъ норманства, не вѣрьте мнѣ: какой-то тайный голосъ шепчетъ мнѣ: норманны, норманны!..

Ну, хороша наша наука, только славушка дурна, подумали мы; а г. Лиліеншвагеръ сейчасъ же на ухо—со стихами. Слушайте, говоритъ:

ТАЙНЫЙ ГОЛОСЪ.

(Свищется на извѣстнаго «Мальбруга»).

Пускай, вы побѣдили,
Я спорить не могу;
Но все я въ прежней силѣ
Норманство берегу.
Моихъ авторитетовъ
Не слушаете вы,
Другихъ же вамъ отвѣтовъ
Не взялъ я изъ Москвы.
Я могъ бы, какъ Ламанскій,
Васъ всѣхъ теперь огрѣть:
«До истины норманской
Вамъ нужно, молъ, дозрѣть!»
Но я—клянусь—несроденъ
Къ такому куражу.
Какъ русскій, какъ Погодинъ,
Отъ сердца вамъ скажу:
«Хоть я и откажуся
Отъ взгляда своего,
Такъ это все, божуся,
Не значитъ ничего.
«Слаба у насъ наука,
И толку мало въ ней;
Но есть во мнѣ порука
Надежнѣй и вѣрнѣй.
«Какой-то чрезвычайной
Я силой обуянъ:
Мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
Что Рюрикъ былъ норманнъ.
«На вѣрѣ къ симъ внушеньямъ
Основанъ весь мой взглядъ:
Довѣрьемъ и смиреньемъ
Весь нашъ народъ богатъ».

— Опять громкое словцо, котораго профессоръ не говорилъ,—сказали мы Конраду Исаичу (пора сообщить публикѣ имя и отчество нашего поэта; послѣ знаменитаго «Протеста» онъ не можетъ уже конфузиться своимъ отчасти еврейскимъ происхожденіемъ).

— Теперь не говорилъ, такъ прежде говорилъ, — возразилъ Конрадъ Исаичъ, — что жъ я, по-вашему, три единства, что ли, долженъ соблюдать въ стихахъ своихъ? А вы вспомните-ка, напр., хоть рѣчь г. Погодина при выборѣ директоровъ Волжско-Донской желѣзной дороги. Что онъ тогда говорилъ? Я приведу, пожалуй, подлинныя его слова. «Въ нашихъ ушахъ,—говоритъ,—прозвучѣли только два слова: Волга и Донъ,—и мы, ни о чемъ больше не разсуждая, ничего не разспрашивая, ничего не

изслѣдуя, принесли свои деньги, на одно честное слово... Что доказываетъ это явленіе? Это доказываетъ, что у насъ есть довѣріе, вѣра, кредитъ особаго, высшаго рода. Это сильный рычагъ дѣятельности, вѣрный залогъ и твердое основаніе великихъ дѣлъ и успѣховъ. Да, въ русскомъ народѣ есть много вѣры въ разныхъ ея видахъ—это его достоинство». И на основаніи этого достоинства г. Погодинъ предложилъ не дѣлать выборовъ въ директора, а просить о назначеніи ихъ учредителей,—В. А. Кокорева, Н. А. Новосельскаго и др. Не хотите ли, я все это вамъ въ стихахъ изложу сейчасъ же?

— Нѣтъ, ужъ избавьте на этотъ разъ,— отвѣчали мы, видя, что г. Лиліеншвагеръ находится въ ужасномъ ударѣ стихотворства (что̀ съ нимъ, къ счастью русской публики, бываетъ довольно рѣдко).

Но намъ не суждено было въ этотъ вечеръ отдѣлаться отъ стиховъ. Только-что преніе кончилось,—по обыкновенію ничѣмъ,— только-что противники сошлись среди залы, торжественно расцѣловались и были подняты на руки, а г. Костомаровъ даже понесенъ на рукахъ изъ залы, только-что мы оправились отъ внезапнаго напоминанія о безсмертіи души, сдѣланнаго г. Погодинымъ,— какъ вдругъ въ ушахъ нашихъ раздался романсъ: «Когда бъ онъ зналъ», въ переложеніи нашего пріятеля. Романсъ этотъ служилъ достойнымъ pendant къ заключительной рѣчи г. Погодина, и мы, не имѣя ничего болѣе прибавить, рѣшаемся закончить имъ нашъ отчетъ о знаменательномъ диспутѣ, столь много послужившемъ къ возвышенію [не только ученой славы г. Погодина, но и его] блистательнаго краснорѣчія и удачнаго остроумія.

6.

РОМАНСЪ.

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

Отъ рыцаря Свистопляски.

Когда бъ онъ зналъ, что рыцарь Свистопляски
Невольно съ нимъ сливается душой,
И больше радъ его ученой ласкѣ,
Чѣмъ онъ былъ радъ, [музей продавши свой].

Когда бъ онъ зналъ, какъ милъ мнѣ «Москвитянинъ»,
Гдѣ всякъ писать изъ чести былъ бы радъ!
Когда бъ онъ зналъ, что мнѣ совсѣмъ не страненъ
Его порывъ къ востоку, на Царьградъ.

Когда бъ онъ зналъ! Когда бъ онъ зналъ!..

Когда бъ онъ зналъ, какъ слогъ его прилежно
Я въ «Путевыхъ замѣткахъ» изучалъ.
Когда бъ онъ зналъ, какъ пристально и нѣжно
Его статью я въ «Парусѣ» читалъ!

Когда бъ онъ зналъ, что въ спичахъ затрапезныхъ
Меня живитъ его вертлявый тонъ
И что изъ всѣхъ ораторовъ полезныхъ
Милѣе всѣхъ мнѣ Кокоревъ да онъ!

Когда бъ онъ зналъ, въ борьбѣ о жмудскомъ дѣлѣ,
Что ужъ во мнѣ романсъ ему созрѣлъ!
Рѣшась сказать, что всѣ ужъ мы созрѣли,
Когда бъ онъ зналъ, что тутъ и я сидѣлъ! [1])

Когда бъ онъ зналъ! Когда бъ онъ зналъ!..

1.

387. ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ КОНРАДА ЛИЛІЕНШВАГЕРА.

[ЧЕРНЬ] [2]).

[(Первое стихотвореніе новаго періода)].

Прочь, дерзка чернь, непросвѣщенна
И презираемая мной.
Державинъ.

Прогрессъ стопою благородной
Шелъ тихо торною стезей,
А вкругъ него, въ толпѣ голодной,
Къ идеямъ выспреннимъ несродной,
Носился жалобъ гулъ глухой.
[И толковала чернь тупая:] [3])
«Зачѣмъ такъ тихо онъ идетъ.
«Такъ величаво выступая?
«Куда съ собой онъ насъ ведетъ?
«Что̀ дастъ онъ намъ? Чему онъ служитъ?
«Зачѣмъ мы съ нимъ теперь идемъ?..
[«И нынче всякъ, какъ прежде, тужитъ] [4]),
«И нынче съ голоду мы мремъ...
«Все въ ожиданьи благъ [грядущихъ] [5])
«Мы [безъ одежды [6]), безъ] угла,
[Обмановъ жертвы вопіющихъ
«Среди царующаго зла»] [7]).

ПРОГРЕССЪ.

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наѣдаться сыто,

---

[1]) Добролюбовъ, дѣйствительно, былъ на диспутѣ.
[2]) Прогрессъ и толпа.
[3]) Жужжала вкругъ толпа пустая:
[4]) Бѣднякъ и нынче также тужитъ
[5]) невѣрныхъ
[6]) Только зримъ изъ-за
[7]) Директоровъ акціонерныхъ
Какъ улучшаются дѣла».

Но къ высшей правдѣ ты слѣпа,
Покамѣстъ брюхо не набито!..
Скажи какую хочешь рѣчь
Тебѣ съ парламентской трибуны:
Но хлѣбъ тебѣ коль нечѣмъ печь,
То ты презришь ея перуны,
И не поймешь ея красотъ!
Раба нужды матеріальной
И пошлыхъ будничныхъ заботъ,
Чужда ты мысли идеальной!

[ЧЕРНЬ] [1]).

Насъ натощакъ не убѣждай,
Но обезпечь для насъ работу,
И честно плату выдѣляй:
Оцѣнимъ мы твою заботу,—
Пойдемъ въ палаты засѣдать
И будемъ рѣчи вдохновенной
О благоденствіи вселенной
Свѣтло и радостно внимать!

ПРОГРЕССЪ.

Подите прочь! Какое дѣло
Прогрессу мирному до васъ?..
Жужжанье ваше надоѣло:
Смирите вашъ строптивый гласъ!
Прогрессъ—совсѣмъ не богадѣльня.
Онъ—служба будущимъ вѣкамъ;
Не остановится безцѣльно
Онъ для пособья бѣднякамъ.
Взгляните,—на небесномъ сводѣ
Свѣтило дневное плыветъ,
И все живущее въ природѣ
Имъ только дышетъ и живетъ.
Но путь его не остановитъ—
Ни торжествующій порокъ,
Ни филинъ, что̀ его злословитъ,
Ни увядающій цвѣтокъ!..

2.

388. НАШЕ ВРЕМЯ [2]).

Наше время такъ хвалили,
Столько ждали отъ него,
И о немъ, какъ о Шамилѣ,
Всѣ такъ долго говорили,
Не сказавши ничего!

Стало притчей наше время
И въ пословицу вошло...
Утвердясь на этой темѣ,
Публицистовъ наше племя
Сотни хрій произвело.

Наконецъ, намъ надоѣло
Слушать праздный ихъ синклитъ,
И съ возгласами безъ дѣла
Наше время опошлѣло,
Потеряло свой кредитъ,

Осердясь на невниманье,
Чуть не сгибло ужъ въ Невѣ...
Но потомъ, намъ въ наказанье,—
Вдругъ въ газетное названье
Превратилося въ Москвѣ!..

3.

389. ГРУСТНАЯ ДУМА ГИМНАЗИСТА ЛЮТЕРАНСКАГО ИСПОВѢДАНІЯ И НЕ КІЕВСКАГО ОКРУГА [1]).

Выхожу задумчиво изъ класса,
Вкругъ меня товарищи бѣгутъ;
Жарко споритъ ихъ живая масса,
Былъ ли Лютеръ геній или плутъ?

Говорилъ я нынче очень вольно,—
Горячо отстаивалъ его...
Что же мнѣ такъ грустно и такъ больно?
Жду ли я, боюсь ли я чего?

Нѣтъ, не жду я кары гувернера
И не жаль мнѣ нынѣшняго дня...
Но хочу я брани и укора,
Я бъ хотѣлъ, чтобъ высѣкли меня!..

Но не тѣмъ сѣченіемъ обычнымъ,
Какъ сѣкутъ повсюду дураковъ,
А другимъ, какое счелъ приличнымъ
Н[иколай] И[ванычъ] П[ироговъ] [2]).

Я бъ хотѣлъ, чтобъ для меня собрался
Весь педагогическій совѣтъ,
И о томъ, чтобъ долго препирался,—
Сѣчь меня за Лютера иль нѣтъ.

Чтобъ потомъ, табличку наказаній
Показавши молча на стѣнѣ,
Дали мнѣ понять безъ толкованій,
Что достоинъ порки я вполнѣ;

Чтобъ узналъ объ этомъ попечитель,—
И, лежа подъ свѣжею лозой,
Чтобъ я зналъ, что нашъ руководитель
Въ этотъ мигъ болитъ о мнѣ душой...

390. СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИСЛАННЫЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ „СВИСТКА“.

I.

Въ редакціи «Свистка» получена изъ Москвы «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ», при слѣдующемъ письмѣ:

---

[1]) Толпа.

[2]) «Наше Время»—въ тотъ годъ еженедѣльная газета, редактировавшаяся Н. Ф. Павловымъ въ Москвѣ. Добролюбовъ отмѣчаетъ ея появленіе, какъ органа говорливыхъ либераловъ, которые не прочь были клеветать на все живое и молодое въ русскомъ обществѣ.

[1]) Очень ядовитое pendant къ статьѣ № 369. Эта «дума» пользовалась большой популярностью и не мало способствовала успѣху серьезной статьи о Пироговѣ.

[2]) Н**—И**—П**...

«Мм. Гг.!

Хотя еще незабвенный поэтъ нашъ, Александръ Сергѣичъ, сказалъ:

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфироносная вдова;

но мы видимъ, что старушка Москва до сихъ поръ не перестаетъ оспаривать у красавца-Петербурга пальму первенства въ сердцѣ русскаго. Многія свѣтила нашего литературнаго горизонта принимали на себя сладостный трудъ заявленія признательныхъ русскихъ чувствъ къ этому священному хранилищу отечественныхъ воспоминаній. Довольно упомянуть имена Ѳ. Н. Глинки, С. П. Шевырева, М. А. Дмитріева, Н. В. Сушкова, Н. В. Берга, графини Евдокіи Ростопчиной, Каролины Павловой, Авдотьи Глинки, чтобы оживить въ памяти и сердцѣ каждаго истинно-русскаго высокія вдохновенія, посвященныя стѣнамъ Кремля, Поклонной горѣ, Марьиной рощѣ, московскимъ цыганамъ, царю-колоколу, Ивану великому, квасамъ и кулебякамъ, и т. д. Сѣверная Пальмира, практическая и холодная красавица, не имѣла высокаго счастія внушить столько вдохновенныхъ гимновъ тѣмъ изъ своихъ обитателей, которые пылаютъ божественнымъ пламенемъ поэзіи. Но зато обильно было число *сравненій* созданія Великаго Петра съ древнею столицею царей московскихъ. Всѣ подобныя сравненія, сколько намъ извѣстно, были съ пламеннымъ энтузіазмомъ принимаемы всѣми благородными сердцами, которыя лукавою наукою Запада не доведены еще до жалкаго индифферентизма ко всему родному, и въ которыхъ свѣточъ чистой вѣры не погасъ во тьмѣ лжеумствованій кичливаго разума. Не всѣ изъ упомянутыхъ нами сравненій появились въ печати; между прочимъ, ненапечатанною остается и предлагаемая «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ». Она попала ко мнѣ въ руки отъ самого автора «Московскаго Стихотворенія», и онъ дозволилъ мнѣ украсить имъ страницы нашего [1])... изданія. Посылаемыя два письма составляютъ, по всей вѣроятности, только начало переписки, которая обѣщаетъ быть не только любопытною, но и поистинѣ отрадною для патріотическаго наблюденія. Уже въ первыхъ письмахъ вы видите, съ одной стороны, широкую, сильную, размашистую русскую натуру, не знающую никакихъ деликатесовъ и модныхъ изворотовъ, рѣжущую правду-матку прямо, безъ обиняковъ, съ виду нѣсколько грубоватую, но глубоко основательную, берущую дѣло съ корня, съ самаго начала сѣверной столицы, и въ концѣ письма возвышающуюся до трогательнаго лиризма, до трагизма истинно-шекспировскаго; съ другой стороны—предъ вами прилизанный франтикъ съ дешевенькой ироніей, поддѣльнымъ скептицизмомъ, съ затверженными, пошлыми замашками, съ виду какъ будто приличный, но, въ сущности, издѣвающійся надъ всѣмъ святымъ, силящійся бросить тѣнь даже на такія событія, какъ морозы 12-го года, изданіе «Русскаго Вѣстника», педагогическая дѣятельность г. Киттары, и пр., а между тѣмъ, не смѣющій даже и отвѣчать прямо москвичу, а обращающійся въ своемъ отвѣтѣ къ какому-то третьему лицу,—и ужъ конечно петербуржцу!.. Здѣсь уже ясно для васъ торжество московской, на русской почвѣ выросшей и струею русскаго духа омытой, родной жизни — надъ чужеземнымъ чахлымъ произрастеніемъ невскихъ береговъ, искусственно выведеннымъ по нѣмецкому манеру. Въ слѣдующихъ письмахъ преимущество это должно выказаться еще ярче. Къ сожалѣнію, другъ мой, авторъ московскаго стихотворенія [1]), по московскому обычаю,—что грѣха таить!—лѣнивенекъ и не скоро соберется, а пожалуй, и вовсе не соберется отвѣчать петербургскому пріятелю. А ужъ если бъ собрался,—то-то бы его отдѣлалъ!

Позвольте, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что вы не упустите случая предать гласности прекрасное произведеніе московской музы, еще болѣе получающее цѣны отъ присоединенія къ нему легкомысленнаго петербургскаго отвѣта.

Примите, и пр.

N.»

Прочитавъ «Переписку», мы пожелали узнать время ея происхожденія, о которомъ ничего не говорится въ полученномъ нами письмѣ. Мы полагали, что время это можно опредѣлить по библіографическимъ даннымъ, находящимся въ перепискѣ, и для этого обратились за помощію къ весьма серьезному и усидчивому, хотя и не признанному библіографу, г. Лайбову [2]). Г. Лайбовъ взялъ «Переписку» и, по своей библіографической натурѣ, не удержался, чтобы не составить къ обоимъ стихотвореніямъ ученыхъ и весьма обширныхъ библіографическихъ примѣчаній. Мы пришли въ ужасъ, увидавши, какъ два тоненькіе листика пре-

[1]) Тутъ были обычные комплименты, которые мы, по скромности, выкинули.
Ред. «Свистка». Прим. Д.

[1]) Н. А. Некрасовъ.
[2]) Псевдонимъ Добролюбова подъ № 38.

вратились, въ рукахъ его, въ продолженіе двухъ дней, въ толстую тетрадь, въ которой, однако, опредѣленія времени-то и не было. Печатать всѣ примѣчанія оказалось невозможно: они бы составили около 20 печатныхъ листовъ; но не желая доводить до отчаянія скромнаго труженика, и безъ того уже всѣми отвергнутаго, мы выбрали нѣкоторыя примѣчанія, сократили ихъ и печатаемъ, въ видѣ образчика, собственно для утѣшенія г. Лайбова и для тѣхъ, кого это дѣло касаться можетъ.

391. ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

1.

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

На дальнемъ сѣверѣ [1]) въ гиперборейскомъ краѣ [2]),
Гдѣ солнце тусклое, показываясь въ маѣ,
Скрывается опять до лѣта въ сентябрѣ [3]),
Столица новая возникла при Петрѣ [4]).
Возникнувъ съ помощью чухонскаго народа [5])
Изъ топей и болотъ [6]) въ какихъ-нибудь два года,
Она до нашихъ дней съ Россіей не срослась:
Въ употребленіи тамъ гнусный рижскій квасъ [7]),
Съ нѣмецкимъ языкомъ тамъ перемѣшанъ русскій [8]),
И надъ обоими господствуетъ французскій [9]),
А рѣчи истинно-народной оборотъ
Тамъ рѣдокъ столько же, какъ честный патріотъ! [10])

Да, патріота тамъ наищешься со свѣчкой.
Подбиться къ сильному, прикинуться овечкой,
Мѣстечка теплаго добиться, и потомъ
Безбожно торговать и честью и умомъ —
Таковъ тамъ человѣкъ! (Но, впрочемъ, безъ сомнѣнья,
Спѣшу оговорить, найдутся исключенья).
Забота Промысла о людяхъ такова,
Что если гдѣ растетъ негодная трава,
Тамъ есть и добрая: вотъ, напримѣръ, Жуковскій,—
Хоть въ Петербургѣ жилъ, но былъ съ душой московской [11]).

Театры [12]) и дворцы, Нева и корабли,
Несущіе туда со всѣхъ концовъ земли [13])
Затѣи роскоши [14]); музеи просвѣщенья,
Музеи древностей—«всѣ признаки ученья»
Въ томъ городѣ найдешь; нѣтъ одного: души! [15])
Тамъ высохъ человѣкъ, погрязнувъ въ барыши [16]),
Улыбка на устахъ, а на умѣ коварность:
Святого ничего — одна утилитарность! [17])!.

Итакъ, друзья мои! кляну тщеславный градъ!
Рыдаю и кляну... Прогрессу онъ не радъ.
Въ то время, какъ Москва надеждами пылаетъ,
Онъ погружается попрежнему въ развратъ
И противъ гласности стишонки сочиняетъ!.. [18]).

2.

392. ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНІЕ.

Ты знаешь градъ [19]), заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы Божіи, и царскіе дворцы? [20])
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
Какъ водопадъ бушуетъ «Русскій Вѣстникъ» [21]),
Гдѣ «Атеней», какъ ручеекъ, журчалъ [22]).
Ты знаешь градъ?—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Ученый говоритъ: тотъ градъ славнѣе Рима [23]),
Прозаикъ «сердцемъ родины» зоветъ [24]),
Поэтъ гласитъ: «Россіи дочь любима» [25]),
И «матушкою» чествуетъ народъ [26]).
Не даромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слезы
При имени заслугъ, какія онъ свершилъ:
Въ 12-мъ году такіе тамъ морозы
Стояли, что французъ досель ихъ не забылъ [27]).
Ты знаешь градъ?—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади [28]).
Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
У каждаго патриція въ груди [29]).
Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ,
Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ [30]):
Въ послѣдней ли войнѣ [31]), въ вопросѣ ли крестьянскомъ [32])
Мы не одинъ найдемъ тому примѣръ...
Ты знаешь градъ?—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ [33]),
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и съ Плющихи
Отовсюду вѣетъ чисто русскій духъ [34]);
Все взоры веселитъ, все сердце умиляетъ,
На выспренній настраиваетъ ладъ —
Царь-колоколъ лежитъ, царь-пушка не стрѣляетъ [35]).
И сорокъ сороковъ безъ умолку гудятъ [36]).

Волшебный градъ!—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность,
Тамъ принялись науки сѣмена [37]),
Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность [38]),
Что комара не примутъ за слона.
Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской,
Подмѣтятъ все—оцѣнятъ, разберутъ:
Анафемѣ тамъ преданъ Ч* [39])
И Кокорева умъ нашелъ себѣ пріютъ! [40]).
Правдивый градъ!—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Мудреный градъ! По приговору сейма
Тамъ судятся и люди, и статьи [41]),
Ученый Бабстъ стихами Розенгейма
Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои [42]),
Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары,
Ужъ точно ли не нужно сѣчь дѣтей? [43]).
Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры
Нашли пѣвца народности своей [44]).
Мудреный градъ!—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Разумный градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба [45]),
Байборода Крылова обличилъ [46]),
Тамъ*** былъ пораженъ сугубо [47]),
Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ [48]).
Тамъ, что ни мужъ—то жаркій другъ прогресса [49])
И лишь не вдругъ могли уразумѣть:
Что на пути къ нему вѣрнѣе — пресса [50]),
Или умно направленная плеть?
Разумный градъ!—Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Серьезный градъ! Науку безъ обмана,
Безъ гаерства искусство любятъ тамъ [51]),
Тамъ область празднословнаго романа
Мужчина передалъ въ распоряженье дамъ [52]).
И что романъ? Тамъ поражаютъ пьянство [53]),
Устами Чаннинга о трезвости поютъ [54]).
Тамъ люди презираютъ балаганство
И нашъ «Свистокъ» проклятью предаютъ [55]).
Серьезный градъ!—Туда, туда съ тобой
Намъ страшно показаться, милый мой!

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

1) 59° 56′ 31″ сѣв. ш. и 27° 57′ 58″ долг. (См. Dictionnaire général de biographie et d'histoire, etc. etc., p. Ch. Dezobry et Th. Bachelet). Согласно съ нимъ показываетъ и Dictionnaire universel, p. Bouillet: 59° 56′ с. ш. и 27° 58′ д. Но въ географіи Ободовскаго (стр. 120) показано 59° 57′ с. ш. и 47° 59′ д. И послѣ этого еще вѣрятъ иностраннымъ справочнымъ словарямъ въ свѣдѣніяхъ о Россіи!!! На 20 град. соврали два лучшіе справочные словаря, и имъ ничего! Никто не обращаетъ вниманія, даже не обличитъ ошибку, не предостережетъ соотечественниковъ отъ покупки такихъ словарей!.. А между тѣмъ,

Какой бы шумъ вы подняли друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я!—

какъ говоритъ знаменитый баснописецъ. (Басни И. А. Крылова, Спб. 1856 года стр. 160).

2) Гипербореи—должно быть греческое слово, а чортъ его знаетъ, что оно значитъ, какъ говоритъ Ляпкинъ-Тяпкинъ у Гоголя (см. Соч. Гоголя, т. II, стр. 351). Хорошо еще, если варвары, а можетъ и того хуже. Впрочемъ, извѣстно, что греки называли гипербореями всѣ народы, жившіе на сѣверѣ отъ Ѳракіи (Маннерт. Geographie der Griechen, т. IV, стр. 48). Шведскій профессоръ Олафъ Валерій утверждалъ, что гипербореи жили въ Швеціи (см. Atlantica, т. I, стр. 367). Карамзинъ говоритъ, что мы, русскіе, также могли бы объявить права свои на сію честь и славу (Карамзинъ, т. I, прим. 4). Любопытные могутъ найти пространныя разсужденія о гипербореяхъ въ статьяхъ академиковъ Байера и Фишера (Mém de l'Académie des inscript., т. X, стр. 176).

3) 1-го мая солнце въ Петербургѣ восходитъ въ 3 ч. 28 м., а заходитъ въ 8 ч. 26 м. А 13-го сентября—восходитъ въ 5 ч. 49 м., и заходитъ въ 5 ч. 53 м.,—*слѣдовательно, свѣтитъ только четыре минуты!!!* (см. Мѣсяцесловъ на 1859 г.) [1]).

4) Возникла въ 1703 году!

5) Не одного чухонскаго, ибо вотъ историческое свидѣтельство: «Корелы, олончане, новгородцы (это ужъ не чухонцы!), также плѣнные шведы, казаки, татары, калмыки (развѣ это чухонцы, московскій поэтъ?) и тысячи разноплеменныхъ (видите ли *разно* племенныхъ) людей прибыли сюда (къ устью Невы), по голосу царя, со всѣхъ частей его обширныхъ владѣній». Такъ разсказывается о строеніи Петербурга въ «Исторіи Петра Великаго» Ламбина, стр. 319.

6) «Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ»,—стихъ Александра Сергѣевича (см. Соч. Пушк., изд. Исакова, т. II, стр. 304).

7) Ясно изъ вывѣсокъ на каждой почти

---

[1]) Насмѣшка надъ неточностью академическихъ календарей.

мелочной лавочкѣ. (См. объ этомъ также статью Ѳаддея Булгарина «Петербургская чухонская кухарка», въ «Библ. для Чтенія» 1834 г. № 10, и всякій номеръ «Всякой Всячины», въ прежней «Сѣверной Пчелѣ»).

8) Это видно, между прочимъ, изъ стихотворенія барона Розена «Небосводъ», помѣщеннаго въ Литер. приб. къ «Рус. Инв.» 1837 г. № XI, и изъ изслѣдованій Ѳомы Костыги, помѣщавшихся въ «Маякѣ» 1845. Нынѣ по ихъ слѣдамъ пошелъ г. Розенгеймъ, изобрѣтающій, какъ недавно мы видѣли («Отеч. Зап.» 1860 г. № 1) [1]), слова въ родѣ *скандальности*, *либеральности* и пр., и г. Лавровъ въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ [2]).

9) Объ этомъ есть любопытная книжечка: «Оставшееся послѣ покойнаго NN разсужденіе объ опасности и вредѣ, о пользѣ и выгодахъ отъ французскаго языка, въ сравненіи его съ россійскимъ. Москва. Въ Унив. Типогр. 1817». Книга эта рѣдка, но многія мысли, изложенныя въ ней, можно читать въ гораздо болѣе общедоступной статьѣ Н. Ф. Павлова «Вотяки и г. Дюма» («Русск. Вѣстн.» 1858 г. № 16).

10) Совершенная правда! На дняхъ мы видѣли блистательное доказательство этого неумѣнья петербургскихъ жителей правильно выражаться по-русски. Въ протоколѣ 13-го засѣданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ напечатано, въ пунктѣ 8-мъ, слѣдующее: «если въ каждомъ образованномъ человѣкѣ значительно развито чувство благородной деликатности, *запрещающей* не только *не напрашиваться* на пособіе, но *и стыдливо принимать* пособіе добровольно, то оно должно быть сильнѣе развито въ человѣкѣ, посвятившемъ себя литературѣ или наукѣ (см. «Спб. и Москов. Вѣдом.»). Можетъ ли хоть одинъ москвичъ допустить такое выраженіе, явно извращающее смыслъ рѣчи? *Чувство деликатности запрещаетъ не напрашиваться! Запрещаетъ стыдливо принимать!!!* Боже мой! Да гдѣ же г. Покровскій съ своимъ памятнымъ листкомъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ? Гдѣ А. Д. Галаховъ, который такъ громилъ, бывало, Греча и Ксенофонта Полевого? Хоть бы онъ вразумилъ этихъ петербургскихъ литераторовъ, не умѣющихъ писать по-русски со смысломъ!!!

11) Слова поэта нужно ограничить: есть положительное свидѣтельство о московитствѣ Жуковскаго. Такъ въ рѣчи о значеніи Жуковскаго г. Шевыревъ говоритъ: «по мѣсту воспитанія Жуковскій нашъ» («Моск.» 1853 г. № 2, стр. 79). И далѣе приводитъ замѣчательное обстоятельство: «въ стѣнахъ Москвы, готовившей себя на костеръ сожженія за всю землю русскую, Карамзинъ, отъ прошедшаго возвращаясь къ настоящему, въ домѣ графа Ростопчина вдохновенно пророчилъ гибель Наполеону и, самъ не будучи въ силахъ сѣсть на коня и примкнуть къ арміи, благословилъ на войну Жуковскаго» (тамъ же, стр. 84). Плодомъ этого и вышелъ «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», а потомъ еще и «Пѣвецъ въ Кремлѣ!..»

12) Закрываются на первой недѣлѣ поста (см. афиши).

13) Стихи Александра Сергѣевича (Соч. т. II, стр. 305).

...«Корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся».

14) «Отъ роскоши и развращенія нравовъ» пали всѣ древнія государства (см. «Всеобщую Ист.», Кайд., ч. I, стр. 8, 11, 23 и пр.).

15) Не совсѣмъ справедливо, даже съ московской точки зрѣнія; по изслѣдованіямъ г. Пейзена (см. «Совр.» 1858 г. № V), въ петербургскій портъ въ 1856 г. одного шампанскаго привезено было 916.287 бутылокъ!

16) Доказывается недавнимъ случаемъ поддѣлки кредитныхъ билетовъ (см. «Спб. Вѣд.» № 55).

17) Заимствовано изъ статьи г. Колошина «*По поводу американской женщины*», въ «Утрѣ» 1859 г.

18) Капитальное обвиненіе противъ «Свистка», изъ котораго можно бы здѣсь и цитаты привести, если бы не совѣстно было говорить о немъ степенному изслѣдователю, особенно же трудящемуся на скромномъ и неблагодарномъ, но истинно-полезномъ поприщѣ библіографіи...

19) Очевидно, подражаніе гетевскому «Kennst du das Land?»

20) А это — подражаніе Ѳ. Н. Глинкѣ, который, обращаясь къ Москвѣ, говоритъ:

«Городъ пышный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ свои концы
И посады и деревни,
И хоромы и дворцы!»

Стихотвореніе это первоначально было помѣщено въ «Русск. Вѣстн.» 1841 г., № 3, стр. 604—605. Но болѣе извѣстно оно изъ «Книги для Чтенія», которую зубрятъ гимназисты и въ которой оно помѣщается обыкновенно на стр. 229.

21) Не тотъ «Русскій Вѣстникъ», въ которомъ было напечатано стихотвореніе

---

[1]) См. № 222.

[2]) Надъ публичными лекціями П. Л. Лаврова вообще нѣкоторые тогда посмѣивались за непривычную для публики иностранную терминологію, ужъ очень изобиловавшую въ бесѣдѣ его съ аудиторіей.

Ѳ. Н. Глинки: этотъ издавался въ 1841 и 1842 гг. Гречемъ, Полевымъ и Кукольникомъ, въ Петербургѣ. И не тотъ, который Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою издавался съ 1808 по 1824 г., и вмѣсто котораго по временамъ выдавалось подписчикамъ «Новое Дѣтское Чтеніе». Нѣтъ, тутъ разумѣется «Русскій Вѣстникъ», шумно возникшій въ 1856 г., предъявившій уже русской публикѣ новые таланты гг. Байбороды, Громеки, Кокорева, Рачинскаго, Ржевскаго, Чичерина и пр., и пр., прекратившій въ Россіи взяточничество, водворившій въ душахъ аглицкое чувство законности, отстаивавшій выкупъ души крестьянской [1]), проектировавшій новую русскую общину и пр. [2]).

22) «Атеней», впрочемъ, предъ концомъ разговорился-было и обругалъ Островскаго: но, говоря классическимъ стихомъ г. Пилянкевича,—

«Напрягся—изнемогъ, потекъ—и ослабѣлъ»...

Объявленіе о его прекращеніи было послѣднимъ усиліемъ его мужества: здѣсь онъ, какъ извѣстно, предупредилъ г. Ламанскаго съ его знаменитою фразою и затѣмъ величественно, непонятый, удалился со сцены [3]).

23) Здѣсь, очевидно, разумѣется А. С. Хомяковъ, ибо никто, кромѣ его, не можетъ быть у насъ названъ ученымъ par excellence; извѣстно, что онъ писалъ и о философіи («Русск. Бес.» 1859 г., № 1), и о санскритскомъ языкѣ («Изв. II Отд. Акад. Наукъ» 1855 г.), и о живописи («Моск. Сборн.» 1847 г.), и о сельскихъ условіяхъ («Москв.» 1842 г., № 6), и о юридическихъ вопросахъ («Русск. Бес.» 1858 г. № 1),—словомъ, обнялъ всѣ вѣтви знаній человѣческихъ. Но мы не знаемъ, чтобы онъ говорилъ, что Москва славнѣе Рима. Напротивъ въ знаменитомъ своемъ стихотвореніи «Россіи» (которое почему-то, къ сожалѣнію, выкинуто изъ послѣдняго изданія Хрестоматіи Галахова) говоритъ:

«Славнѣй тебя былъ Римъ великій»...

Но если значеніе имени «ученый» расширить, то-есть придать его всякому, кто «былъ ученъ», то, безъ всякаго сомнѣнія, стихъ сей относится къ г. Шевыреву, который въ теченіе своей ученой карьеры до того проводилъ параллели между Россіей и Италіей, что, наконецъ, сталъ смѣшивать принадлежности обѣихъ странъ.

24) См., напр., многократное повтореніе этой фразы въ предисловіи къ московскому сборнику «Утро». А если угодно, то можно припомнить и «Молву» 1857 года.

25) Стихи дѣйств. тайн. совѣтника Ив. Ив. Дмитріева. (Соч. Дм. Ч. I, стр. 14).

Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

26) Въ подтвержденіе этого можно привести стихотвореніе «Олегъ», напечатанное въ «Молвѣ» 1857 г., № 31, стр. 358.

Олегъ, грамматикъ странный самый,
Родъ женскій съ мужескимъ смѣшалъ:
Всѣмъ русскимъ городамъ упрямо
Онъ Кіевъ матерью назвалъ.
Но *Кіевъ-матушка* съ нуждою
Въ народную ложилась рѣчь:
Не долго могъ онъ быть главою
И землю русскую стеречь.
Москва поправила ошибку,—
Оправданъ ею былъ Олегъ
И видимъ мы, что рѣчь незыбку
Про *мать градовъ* онъ древле рекъ.
Москва за Русь возстала мощно.
Нѣтъ счета порваннымъ цѣпямъ,
И стала матерію точно
Она всѣмъ русскимъ городамъ!..

27) Александръ Сергѣевичъ сказалъ, по увѣренію М. П. Погодина («Москв.» 1841 г., № 1).

Полезенъ Русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.

А извѣстно, что «что русскому здорово, то нѣмцу смерть»,—и французу, стало быть, тоже.

28) Стоятъ—съ 1818 года!

29) Для примѣра смотри хоть въ «Молвѣ» замѣчанія К. С. Аксакова о значеніи Москвы. «Въ Москвѣ преимущественно идетъ умственная работа; въ ней древнѣйшій русскій университетъ. Въ ней силенъ интересъ мысли и науки... Здѣсь пытается мысль выйти на самостоятельную дорогу, и если вновь станетъ, наконецъ, русскій умъ на свой настоящій путь, и мы, оторвавшаяся часть отъ русской народности, вновь придемъ къ ней, и просвѣщеніе будетъ народнымъ, то *этою нравственною побѣдою Россія будетъ обязана дѣятельности мысли, возникшей въ Москвѣ*» («Молва», 1857 г., № 8). Въ pendant къ этому припомните знаменитую критику г. Рачинскаго на «Тысячу душъ» («Русск. Вѣстн.» 1858 г., № 18), обвиняющую этотъ романъ главное за то,

---

[1]) Очень ядовитое замѣчаніе: дѣйствительно въ «Рус. Вѣстникѣ» были статьи, доказывавшія необходимость выкупа не только рабочей силы крѣпостного, но и его души, всецѣло какъ будто принадлежащей помѣщикамъ.

[2]) Примѣчаніе это было у г. Лайбова въ четыре листа печатныхъ, съ изумительными цитатами и сближеніями. Но «Русскій Вѣстникъ» такъ общеизвѣстенъ, что мы рѣшились выкинуть всю это исторію. Г. Лайбовъ можетъ это напечатать, гдѣ хочетъ. *Прим. ред. «Свистка»*.

[3]) «Атеней» объявилъ о своемъ прекращеніи благодаря нерадушной встрѣчѣ со стороны публики, которой, такимъ образомъ, какъ бы посылался упрекъ въ ея умственной незрѣлости, позже сдѣланный Е. И. Ламанскимъ (см. № 368.)

что Калиновичъ, столь дрянной человѣкъ, былъ студентомъ московскаго университета.

30) Вотъ одинъ поразительный примѣръ. Г. Погодинъ въ своихъ заграничныхъ письмахъ разсказываетъ о себѣ: «я разсказалъ Клемму со всѣми подробностями о богатомъ вознагражденіи, полученномъ мною отъ щедротъ русскаго Царя за свое собраніе древностей, которое сдѣлалось теперь на вѣки вѣковъ неотъемлемо-сохранною собственностью отечественной науки. Нѣмецкіе ученые внѣ себя отъ удивленія полумилліону рублей, который получилъ русскій за свои посильные труды: «Halb million, Potz tausend! Hald million! Das ist prächtig». *Признаюсь, съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью старался я сообщить это извѣстіе, кому только могъ*» («Москв. 1853 г., № 16, Отр. изъ-загр. пис., стр. 184).

31) См. патріотическія стихотворенія гг. Шевырева, М. Дмитріева, К. Павловой и пр., и пр.

32) Объ этомъ можно справиться въ правительственномъ актѣ, который перепечатанъ, между прочимъ, и въ «Современникѣ» 1858 года, № XI, Устр. б. пом. крест., стр. 17.

33) Противъ этого хорошо возражаетъ М. А. Дмитріевъ, въ 37-й изъ «Московскихъ элегій» (Москва, 1858 г.):

Добрая наша Москва! Говорятъ, что на старости любишь
Сплетни ты слушать, молву распускать...
Нѣтъ, ужъ то время прошло, и молва отъ тебя не исходитъ.
Любишь на старости ты только спросить да послушать...

34) Арбатъ и Плющиха — улицы въ Москвѣ; Кремль—памятникъ отечественной славы, о которомъ Ѳ. Н. Глинка выразился («Русск. Вѣстн.» 1841 года, № III).

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?

Что же касается до «русскаго духа», то о немъ можно получить понятіе изъ объявленія объ изданіи «Русской Бесѣды» на 1856 годъ.

35)

Кто царь-колоколъ подыметъ,
Кто царь-пушку повернетъ?

Стихи того же Ѳ. Н. Глинки («Р. Вѣстн.» 1841 г., № 3).

36) Гудятъ, дѣйствительно, безъ умолку... И, кромѣ того, по выраженію Ѳ. Н. Глинки (см. тамъ же)

На церквахъ Москвы старинныхъ
Вырастаютъ дерева!

37) Принялись и прозябли — ибо послѣ публичной лекціи г. Бабста, въ Практической Академіи (18 янв.), слушателямъ долго не давали шубъ, какъ напечатано въ 1-мъ и предпослѣднемъ нумерѣ «Современности». Шубы пріѣхавшихъ слушателей запрятали въ отдѣльную комнату, перемѣшали порядокъ нумеровъ и при разъѣздѣ стали выдавать ихъ по одной, сквозь какое-то окошко. Народу было до 400 человѣкъ, каково же было на ходу дожидаться? Поднялся ропотъ; нѣкоторые, болѣе нетерпѣливые, стали громко требовать своихъ шубъ. Въ это время явился господинъ, завѣдующій тамъ порядкомъ, и, подойдя къ одному изъ претендентовъ на шубу, сказалъ съ сознаніемъ своего права и достоинства: «если вы будете требовать вашу шубу, то не получите ее совсѣмъ». Эти слова такъ озадачили прозябшаго господина, что онъ пришелъ въ отчаяніе» («Современность», № 1, стр. 28).

38) Въ 1850 г. въ Москвѣ было 6.691 фонарь. (См. Описаніе Москвы и ея достопримѣчательностей, И. Милютина. М. 1850 г., ч. II, стр. 297).

39) Здѣсь разумѣется, конечно, г. Чернышевскій. Въ «Москвитянинѣ» 1855 г. №№ 13—14 напечатано было о «Современникѣ»: «Современникъ», въ которомъ сегодня позволяется ругать то, что̀ вчера расхваливалось, въ которомъ сегодня скажетъ дѣльное слово г. Дружининъ, а завтра, можетъ быть, г. Чернышевскій напишетъ тьму безвкусныхъ и безобразныхъ литературныхъ ересей» (статья Аполлона Григорьева «Объ отношеніи современной критики къ искусству»).

40) Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (см. 1857 г. № 24, и такъ дальше...).

41) Объ этомъ довольно хорошо было изложено въ «Физіологіи кружка» («Русск. Вѣстн.» 1857 г. № 9) [1]).

42) Это случилось въ «Атенеѣ», 1858 г. № 46, стр. 297. Стихами г. Розенгейма подкрѣпляетъ ученый г. Бабстъ свои возраженія какому-то господину, защищавшему откупа.

43) Теперь уже не сомнѣвается, а отчаявается (См. «Отч. Моск. Практич. Акад.» за 1859 г., стр. 39) [2]).

44) О чехахъ г. Хомяковъ пѣлъ не мало; они тревожатъ его даже во снѣ («Русск. Бес.» 1856 г., № 1).

О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ...

Что касается до мадьяровъ, то можно назвать мадьярскими развѣ слѣдующіе стихи его (тамъ же):

---

[1]) Въ статьѣ этой, подписанной «Ярославъ», сдѣлана очень рѣзкая оцѣнка кружковщины славянофиловъ въ литературѣ.

[2]) См. № 370.

...На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Молдаву,
На шумный и синій Дунай...

45)—**46**) Безплодны и неблагодарны новыя библіографическія указанія на факты столь извѣстные.

47) Подъ*** здѣсь можно разумѣть (такъ какъ дѣло идетъ объ историческихъ личностяхъ) или Сигизмунда, или же, что̀ вѣроятнѣе, Наполеона, сугубо пораженнаго—морозами и пожаромъ. Имя Наполеонъ—не входитъ въ стихъ; но, вѣроятно, надо читать—*Бонапартъ*. Впрочемъ, можно читать и просто Наполеонъ, сокращая слово по примѣру знаменитаго просодиста нашего, изучившаго всѣ сокращенія и ударенія, г. Шевырева, который въ переводѣ «Валленштейнова лагеря» (Москва, 1859 г.) пишетъ для стиха: *себѣ н'улѣ* (стр. 25), *послуш'ка* (стр. 32), *посовѣт'ать* (стр. 59 и пр.) [1]).

48) Въ 1857 г. «Русск. Вѣстн.» говорилъ (№ 8), что г. Чичеринъ «началъ свое ученое поприще съ такимъ блескомъ, съ какимъ немногіе завершаютъ»; а теперь г. Чичеринъ пишетъ — въ «Нашемъ Времени»! (См. «Наше Время», № 1, 1860 г.).

49) Однимъ изъ таковыхъ является, напримѣръ, въ «Нашемъ Времени» (№ 7) г. А. Забѣлинъ, неутомимо старающійся о прогрессѣ ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ онъ говоритъ: «безконечно были бы благодарны всѣ болѣе образованные люди, если бы правительству угодно было приказать выставить на стѣнахъ вагоновъ всѣхъ классовъ печатныя объявленія, что въ вагонахъ не позволяется занимать лишнихъ мѣстъ, противъ билетовъ; не позволяется возить собакъ, ѣсть рыбы, сыру, яицъ и прочихъ веществъ, распространяющихъ дурной запахъ; не позволяется громко разговаривать, пѣть, свистать и вообще запрещается всякое безпокойство пассажировъ; предписывается имѣть всевозможное уваженіе къ женщинамъ всѣхъ классовъ, и потому воспрещаются всякіе скандальные разговоры, двусмысленныя остроты и шутки. Пьяныхъ вовсе не принимать въ вагоны. Всѣ эти и подобныя имъ правила могутъ не остаться мертвой буквою. Выполняется же теперь очень строгое запрещеніе не курить табакъ, который составляетъ одно изъ самыхъ меньшихъ неудобствъ, теперь встрѣчающихся въ вагонахъ. Мнѣ возразятъ, что правительству нельзя же быть нянькой народа и слѣдить за каждымъ его шагомъ. Конечно, свобода дороже и лучше всего, но что̀ же дѣлать, когда наше общество дурно воспитано, что еще не умѣетъ ею пользоваться, какъ слѣдуетъ, и на свободѣ дѣлаетъ *всевозможныя безчинства* (стр. 91). А далѣе описываются и самыя безчинства: «около меня усѣлись какіе-то двое стриженыхъ пьяныхъ молодцовъ, въ родѣ купеческихъ приказчиковъ, которые *безъ церемоніи вытащили изъ-подъ скамьи вонючую рыбу и начали уписывать за обѣ щеки* (какое въ самомъ дѣлѣ безчинство!), какъ будто вагоны назначены быть харчевнями и какъ будто *напьется досыта какой угодно гадости нельзя было на открытомъ воздухѣ или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Напьвшись своей рыбы,* они принялись во все пьяное горло *разговаривать о своихъ дѣлахъ*» (стр. 92). Далѣе авторъ, какъ горячій поборникъ прогресса, разсуждаетъ о томъ, какъ эти вещи дѣлаются «во всемъ образованномъ мірѣ». И какъ гуманно разсуждаетъ!

50) Толки о грамотности памятны всѣмъ. А относительно тѣлеснаго наказанія, послѣ всѣхъ споровъ, о которыхъ не считаемъ нужнымъ упоминать, вотъ что̀ говорится въ книжкѣ: «Вечера съ разговоромъ», недавно изданной въ Москвѣ графомъ Толстымъ (стр. 13). «Считаю нужнымъ, не обязывая общинъ къ *непремѣнному тѣлесному наказанію въ извѣстныхъ случаяхъ*, оставить мѣры взысканій на собственное ихъ усмотрѣніе, лишь бы не превышали законоположеній; и они, гдѣ можно, замѣнятъ его денежнымъ штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, заработкою, исключеніемъ изъ общины, отдачею въ распоряженіе правительства и чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ; а гдѣ нельзя, тамъ употребятъ тѣлесное наказаніе, и если только будетъ возможно, то употребятъ его, вѣроятно, не спрашиваясь ни юристовъ, ни филантроповъ, ни антропологовъ, не мѣряя длину розогъ, не подраздѣляя ихъ на мужскія, женскія и дѣтскія, а просто, по пословицѣ: «*душа мѣру знаетъ*», то-есть—ad libitum. — По моимъ, можетъ быть, отсталымъ понятіямъ *гораздо полезнѣе для человѣчества и прогресса* дать нѣсколько розогъ одному негодяю, нежели пустить по міру и развращать этимъ способомъ цѣлое семейство его». Далѣе, все «*въ пользу человѣчества и прогресса*», авторъ вопіетъ (Разгов. VI, стр. 19): «Въ странѣ, гдѣ лучшее развлеченіе—медвѣжья травля! — Гдѣ лучшая потѣха — кулачный бой! — Гдѣ бурлаки порютъ суда, ставшія на мель, въ полномъ убѣжденіи, что «*палка — всему голова*»! Гдѣ само правительство не находитъ возможнымъ изгнать изъ законовъ тѣлесное наказаніе, — тамъ не говорите мнѣ о необходимости замѣнить его въ *общинахъ!*—Я никогда не по-

[1]) Ясно, что подъ тремя звѣздочками подразумѣвался Шевыревъ, избитый гр. Бобринскимъ («Матеріалы», 513).

вѣрю вамъ!!! — Прогрессъ — долженъ быть общій!—Должна быть — общая подготовка, общее умягченіе нравовъ!.. А частности ни къ чему не ведутъ, кромѣ бѣдъ!»

51) Пространно объ этомъ см. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 г. № 6, въ статьѣ «Біографъ-оріенталистъ», Н. Ф. Павлова [1]).

52) Каждая книжка «Русскаго Вѣстника» служитъ тому подтвержденіемъ. (Тутъ у г. Лайбова были ужасныя подробности на трехъ печатныхъ листахъ, но мы ихъ выкидываемъ и оставляемъ только заключеніе)... Итакъ, Вахновская, Кохановская, Нарская, Громека, Ольга Н**, К. Павлова, Евгенія Туръ, Щербина, Жадовская; кромѣ того, по тщательнымъ біографическимъ разысканіямъ — Тригорскій, Криницкій, Марко Вовчокъ и даже самъ Николаенко—вотъ женщины, украшающія «Русскій Вѣстникъ», и ихъ-то женственное, смягчающее вліяніе, по всей вѣроятности, держитъ его постоянно въ томъ свѣтломъ, розовомъ настроеніи, которому не мѣшаютъ даже статьи гг. Ржевскаго, Бунге, Лешкова и самого Хвольсона.

53) Тамъ даже родилась, въ pendant къ стереотипной фразѣ: «въ настоящее время, когда поднято такъ много общественныхъ вопросовъ» и пр. — другая не менѣе сильная фраза: «*въ настоящее время*, когда пьянство приняло такіе широкіе размѣры», и пр. (см. «Моск. Вѣд.» 1859 г. № 8).

54) Впрочемъ, и Чаннингомъ занялась прежде всѣхъ дама — г-жа Евгенія Туръ («Русск. Вѣстн.» 1848 г. № 8); а потомъ уже и мужская половина «Русскаго Вѣстника» принялась за него и въ прошломъ году, въ № 7, перевела изъ него статейку о томъ, что не должно пьянствовать, и почему не должно.

55) Здѣсь, вѣроятно, заключается указаніе на замѣтку, помѣщенную въ 95 № «Моск. Вѣдомостей» прошлаго года. Теперь кстати будетъ припомнить ее всю цѣликомъ, и съ нѣсколькими словами редакціи Вѣдомостей. Вотъ какой видъ имѣетъ эта замѣтка:

Мы получили по поводу распространенія трезвости слѣдующее письмо:

М. Г.,

Вы уже имѣли случай замѣтить, что, вполнѣ сочувствуя обществамъ трезвости, вы желали бы, однако, чтобы дѣло обходилось безъ шпіонства и тѣлесныхъ наказаній, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ помѣщики, какъ сословіе болѣе образованное, принимаютъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ свою очередь, вполнѣ соглашаясь съ вами, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели это идеалъ недостижимый, мечта кабинетныхъ людей и теоретиковъ, и въ нашемъ благословенномъ отечествѣ люди вѣчно будутъ сѣчь другъ друга, и не только другъ друга, но и женщинъ,— сѣчь по собственному, добровольному соглашенію? Вотъ оно—вліяніе крѣпостного права и безграмотности!

А у насъ еще есть господа [1]), безъ застѣнчивости печатающіе, что наша литература, занимаясь вопросами о распространеніи грамотности, о тѣлесныхъ наказаніяхъ и т. п., даже давая гласность нѣкоторымъ общественнымъ явленіямъ безъ прямого указанія на лица, собственно повторяетъ только то, что и безъ нея извѣстно. Впрочемъ, лучшая часть нашего общества умѣетъ цѣнить этихъ господъ по достоинству, и попытки литературнаго мальчишества и паясничества убить въ литературѣ всякую живую связь съ тою средою, которой она служитъ органомъ, никогда не могутъ имѣть успѣха. Многіе вопросы, порѣшенные къ Западной Европѣ и знакомые изъ книгъ десяти человѣкамъ въ Россіи, конечно, не могли перейти въ общее сознаніе тамъ, гдѣ коренится и упорно держится во всемъ строѣ жизни крѣпостное право, со всѣми своими неисчислимыми послѣдствіями. Если бы, считая все давно порѣшеннымъ, наша литература ограничивалась туманными выходками противъ неаполитанскихъ изгнанниковъ, и т. п., то она утратила бы всякій смыслъ для русскаго общества. Это пойметъ всякій неглупый школьникъ, а у насъ есть литераторы, непонимающіе такихъ простыхъ вещей! До какой степени невозможенъ успѣхъ попытокъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, показываетъ уже одно то, что въ порядочныхъ журналахъ Западной Европы рѣшительно не принято имѣть балаганные отдѣлы, и что мы всѣ, повидимому, очень хорошо знаемъ это, а между тѣмъ, все-таки не можемъ устоять противъ искушенія—потѣшить публику и, при случаѣ, превратить свой журналъ въ *Весельчака*. Отчего же это? Оттого, что въ нашемъ обществѣ, даже въ обществѣ литературномъ, еще не принялось западное понятіе о литературѣ, и общество еще бросается изъ одной крайности въ другую, увлекая за собою и литературу, по крайней мѣрѣ, наименѣе серьезные ея органы».

Примите и пр.

Н. Ч.».

Въ заключеніе, какъ серьезный и добросовѣстный библіографъ, я долженъ объявить, что вполнѣ соглашаюсь съ мнѣніемъ г. Н. Ч., въ которомъ, однако, по моимъ изысканіямъ и соображеніямъ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ подозрѣвать г. Чернышевскаго. Dixi.

---

[1]) Въ этой статьѣ достаточно была обличена «правдивая» статья Г. Григорьева о Грановскомъ.

[1]) См. въ апрѣльской книжкѣ «Современника» статью: «Русская литература», и балаганный отдѣлъ (возобновленный, вѣроятно, по случаю недавнихъ праздниковъ) подъ названіемъ «Свистокъ».

393. Стихотворенія Ивана Никитина.

Спб. 1860.

Напечатано въ IV кн. «Современника» 1860 г. (ценз. 26 апрѣля). Въ № 165 Добролюбовъ очень тепло и сочувственно встрѣтилъ появленіе «Кулака». Теперь онъ увидѣлъ, что Никитинъ поддался вліянію своихъ близкихъ эстетическихъ друзей, увидѣлъ, какъ плетется онъ сзади тѣхъ, кого давно долженъ былъ обогнать, взявшись за изображеніе народной жизни,—и потому далъ ему очень опредѣленный совѣтъ: раздѣлаться съ совѣтчиками, бросить головное подражаніе, вѣрить въ свое, правда, небольшое художественное дарованіе и стать пѣвцомъ народной думы и печали, сознавая, что служеніе народу есть самая важная задача и жизни, и науки, и литературы. Къ сожалѣнію, настроенный противъ «Современника», Никитинъ не отнесся къ этой статьѣ съ должной внимательностью и доброжелательствомъ, особенно когда увидѣлъ заступничество за себя Ѳ. М. Достоевскаго, вообразившаго, что всѣ указанныя Добролюбовымъ отклоненія Никитина явились результатомъ будто бы непроизвольнаго, а потому и естественнаго творчества.

«Гадайте, желайте, доказывайте, подзывайте за собой,—писалъ Достоевскій,—все это позволительно; но предписывать непозволительно; быть деспотомъ непозволительно; а вѣдь вотъ хоть бы съ г. Никитинымъ вы, г. —бовъ, обошлись почти деспотически». («Время», 1861, II. «Г. —бовъ и вопросъ объ искусствѣ»). Дальше Достоевскій излагалъ насмѣшливо рецензію Добролюбова, видя въ ней то, чего и не было. Ему не были ясны потуги Никитина, онъ считалъ ихъ за свободное творчество, а Добролюбовъ ихъ-то и разсмотрѣлъ съ свойственной ему проницательностью, чему и привелъ необходимыя доказательства.

М. Л.

Воронежскій мѣщанинъ-поэтъ Никитинъ сдѣлался извѣстенъ читающей публикѣ лѣтъ пять тому назадъ. Первыя изъ напечатанныхъ имъ стихотвореній были патріотическія; потомъ вышла книжка его стиховъ, изданная гр. Д. Толстымъ, и затѣмъ время отъ времени стали появляться стихотворенія его въ разныхъ журналахъ. Въ 1858 г. онъ издалъ поэму «Кулакъ», о которой мы говорили въ свое время [1]). Теперь является новое изданіе мелкихъ стихотвореній г. Никитина, пересмотрѣнныхъ и *совершенно передѣланныхъ* авторомъ.

Это послѣднее, довольно странное обстоятельство не указано на оберткѣ книжки, но мы сличали бо́льшую часть стихотвореній, попавшихъ въ нынѣшнее изданіе изъ стараго, и нашли, что весьма немногія пощажены отъ совершенной передѣлки. Насъ это очень заняло и заставило вспомнить отзывъ о воронежскомъ поэтѣ, помѣщенный еще въ «Современникѣ» 1856 г. и имѣвшій тотъ смыслъ, что для г. Никитина гораздо важнѣе риѳмованныя строчки, нежели поэтическая мысль и чувство [2]). Въ самомъ дѣлѣ, кому изъ лирическихъ поэтовъ, выражающихъ въ стихахъ истинныя свои чувства и впечатлѣнія, можетъ придти въ голову черезъ три-четыре года переправлять свои стихи такимъ образомъ, чтобы въ нихъ измѣнились риѳмы и фразы, стихъ изъ одного куплета перешелъ въ другой, изъ двухъ стиховъ составился одинъ, и т. п.,—и все это безъ всякой внутренней необходимости, просто по требованію уха! Мы слыхали, что такимъ образомъ выглаживался слогъ въ ораторскихъ рѣчахъ прежняго времени, особенно въ патетической части; но въ поэтическихъ произведеніяхъ мы привыкли видѣть другое, особенно въ лирикѣ. Въ лирическомъ стихотвореніи выражается непосредственное чувство, возбужденное въ поэтѣ извѣстнымъ явленіемъ природы или жизни, и главное дѣло здѣсь не въ самомъ чувствованіи, не въ пассивномъ воспріятіи, а во внутренней реакціи тому впечатлѣнію, которое получается извнѣ. Чувствовать наслажденіе прекраснымъ видомъ, свѣжимъ весеннимъ утромъ, вечерней прогулкой вдвоемъ, и пр. и пр. могутъ очень многіе; но немногіе умѣютъ эти впечатлѣнія поймать въ душѣ своей и выразить такъ, чтобы дать и другимъ почувствовать. Въ этомъ-то умѣньи овладѣть

---

[1]) См. № 159.

[2]) Рецензія Чернышевскаго, помѣщенная во II т. Полнаго собранія его сочиненій.

внѣшнимъ впечатлѣніемъ и воспроизвести его въ звукахъ—и состоитъ существенная сила лирическаго таланта. Поэтому стремленіе къ изящному, точному и полному выраженію чувства необходимо является въ душѣ поэта въ самую минуту созданія; онъ не остается удовлетвореннымъ, ежели его стихъ вялъ, растянутъ, неопредѣленъ, словомъ—если плохо выражаетъ то, что̀ хотѣлъ поэтъ выразить. Оттого-то истинный поэтъ работаетъ надъ стихотвореніемъ, пока еще свѣжо и живо впечатлѣніе, вызвавшее стихи. Если стихи не удадутся сразу, поэтъ можетъ къ нимъ воротиться черезъ нѣсколько лѣтъ и тогда уже напишетъ нѣчто другое; но если разъ онъ кончилъ пьесу, остался ею доволенъ, напечаталъ, то навѣрное впослѣдствіи онъ не станетъ педантически придираться къ каждой неполной риѳмѣ, къ каждой, несовсѣмъ ловко улегшейся стопѣ, и подогрѣвать свое вдохновеніе на новые, болѣе удачные обороты. Бываютъ случаи, что поэты, вслѣдствіе повторенія впечатлѣній или вслѣдствіе продолжительныхъ размышленій, болѣе полно и глубоко охватываютъ предметъ, находятъ новыя краски, новые звуки, и тогда передѣлываютъ стихотворенія, прежде написанныя. Но это бываетъ въ случаяхъ особенныхъ, и все-таки дѣлается не такъ, какъ у г. Никитина, у котораго перемѣны въ стихахъ рѣшительно ничего не означаютъ, кромѣ упражненія въ версификаціи. Возьмемъ для примѣра по нѣскольку стиховъ изъ разныхъ стихотвореній. Вотъ, напр., стихи прежняго изданія:

Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ:
Зимы-матушки кончился срокъ;
Съ юга гости летятъ караваномъ,
Настаетъ весны теплый денёкъ.
Уберись, какъ невѣста, цвѣтами,
И умой лицо первымъ дождемъ,
Грудь накрой травы новой шелками,
Изукрасься росы жемчугомъ.

Въ первомъ куплетѣ нескладенъ четвертый стихъ, а во второмъ — второй и третій; кромѣ того, слово *гости* здѣсь неопредѣленно; *шелки* и *жемчугъ* также не понравились г. Никитину. Вотъ онъ и передѣлываетъ эти стихи:

Полно, степь моя, спать безпробудно,
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнетъ скатерть дорожки безлюдной,
Снѣгъ пропалъ — и тепло и свѣтло.
Пробудись и умойся росою,
Въ ненаглядной красѣ покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Какъ невѣста, въ цвѣты нарядись.

Измѣненія эти сдѣланы, по нашему мнѣнію, къ лучшему. Но и они не возводятъ это стихотвореніе на степень произведенія поэтическаго. Напротивъ, они свидѣтельствуютъ намъ о кропотливомъ, мозаическомъ подборѣ фразъ, о мозольномъ, почти библіографическомъ трудѣ, котораго стоитъ г. Никитину каждая пьеса. Рѣдкій стихъ оставленъ имъ нетронутымъ, все онъ просмотрѣлъ и передѣлалъ, и часто вовсе безъ нужды. Напримѣръ, вмѣсто стиховъ:

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Гнѣзда дѣтямъ своимъ будутъ вить,
Съ утра до ночи пѣсни польются,
Станутъ гости до осени жить,—

въ новомъ изданіи находимъ такую передѣлку:

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Сколько гнѣздъ понавьютъ, — посмотри!
Что за звуки, за пѣсни польются
День-деньской, отъ зари до зари!

Зачѣмъ эта передѣлка? Что̀ ее вызвало? Очевидно, не иное что, какъ наклонность къ версификаціи...

Пристрастіе автора къ улучшенію стиха въ своихъ произведеніяхъ доходитъ до смѣшного: нерѣдко онъ убивается надъ шлифовкою такихъ стихотвореній, о которыхъ можно сказать, что чѣмъ хуже они написаны, тѣмъ лучше. Напримѣръ, въ первомъ изданіи было чрезвычайно-плохое стихотвореніе: «Молитва дитяти». И стихи были въ немъ плоховаты, но главный недостатокъ его состоялъ въ метафизической фальшивости и непоэтичности основного тона. Стихотвореніе это написано было въ 1853 году; теперь, по прошествіи семи лѣтъ, г. Никитинъ не замѣтилъ, что оно есть реторически-альбомное упражненіе, и занялся только буквальнымъ исправленіемъ этихъ стишковъ. Въ первомъ изданіи, сказавъ, что молитва дитяти чиста и пріятна его ангелу-хранителю, поэтъ говоритъ:

О, если бъ, послѣ многихъ лѣтъ,
Въ часы молитвы, со слезами,
Взглянуло ты на божій свѣтъ,
Такими жъ свѣтлыми очами!
Но если дѣтства чистота
Когда-нибудь тебя оставитъ,
И горькой жизни нагота
Тебя на жизнь роптать заставитъ,—
Въ тѣ дни къ подножію креста
Приникни съ дѣтскою любовью,
И твердой вѣры чистота
Здѣсь примиритъ тебя съ собою.
Здѣсь ангелъ дѣтства твоего
Къ тебѣ опять слетитъ незримо
И о тебѣ творцу всего
Молиться станетъ невидимо.

Подобные стихи слѣдовало бы вовсе выкинуть изъ новаго изданія; а г. Никитинъ, напротивъ, еще разъ съ любовью потрудился надъ ними и представилъ ихъ теперь въ такомъ видѣ:

Молись, дитя, мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Такими жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на божій свѣтъ!

Но если жизнь тебя измучитъ,
И умъ и сердце возмутитъ,
Но если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погаситъ,—
Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.
И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель-ангелъ твой сойдетъ,
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ.

Сдѣлалось ли стихотвореніе лучше отъ такой передѣлки? И стоило ли такъ трудиться надъ реторической темой, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго вѣянія поэзіи?

Изъ стихотвореній прежняго изданія около половины выкинуто въ новомъ. Просматривая эти выкинутыя пьесы, мы замѣтили, что авторъ руководился при этомъ соображеніями очень основательными. Онъ не допустилъ въ новое изданіе, во-первыхъ, патріотическихъ пьесъ: «Русь», «Война за вѣру», «Югъ и Сѣверъ», и пр. Пьесы эти дѣйствительно теперь не имѣютъ особенной занимательности, и даже часто представляются довольно забавными, какъ напр., пророчества г. Никитина, предъ началомъ восточной войны:

Мы вновь напомнимъ вамъ героевъ Рымника,
И ужасъ Чесменскій, и славный бой Кагула,
и пр...

Читать заднимъ числомъ такія пророчества не совсѣмъ удобно, и мы вполнѣ одобряемъ нашихъ поэтовъ, рѣшительно отрекшихся отъ воинственныхъ и—правду сказать—нѣсколько звѣрскихъ своихъ произведеній какъ скоро миновала въ нихъ надобность. Во время войны понятно было даже, напримѣръ, такое обращеніе одного изъ извѣстныхъ поэтовъ нашихъ къ Державину:

Возстань же днесь и виждь, какъ снова
Родныя плещутъ знамена!
Во славу имени Христова
Кипитъ священная война.
И вновь Россія торжествуетъ!
Пускай Европа негодуетъ,
Пускай коварствуетъ и лжетъ:
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
Враговъ безсильное шипѣнье
Народный духъ въ насъ не убьетъ...

Въ то время за такіе стихи поэтъ преисполнился даже удивленіемъ къ самому себѣ, увѣрялъ, что «его стихъ есть тоже мечъ», что—

Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Который свѣтитъ намъ водительной звѣздой,
и пр...

что—

Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы...

Все это было естественно и понятно въ ту пору всеобщаго увлеченія воинственнымъ величіемъ Россіи; но все это прошло, и поэты стараются уничтожать слѣды тогдашнихъ увлеченій въ полныхъ собраніяхъ стиховъ своихъ. Теперь все это направленіе отдано уже въ исключительную и неотъемлемую собственность г. Лиліеншвагера, переводчика австрійскихъ стихотвореній Якова Хама [1]).

Итакъ, г. Никитинъ хорошо сдѣлалъ, что выбросилъ изъ новаго изданія барабанно-патріотическія стихотворенія военнаго времени. Не менѣе заслуживаетъ одобренія и уничтоженіе имъ стихотвореній метафизическаго свойства, какъ напр., «Кладбище», «Успокоеніе», «Новый Завѣтъ», «Сладость молитвы», и т. п. Все это были—или реторическія упражненія на заданную тему, напр., о безсмертіи души человѣческой, объ ограниченности человѣческаго разума, и т. п., или же весьма близкія подражанія «думамъ» Кольцова. Изгнаніе ихъ изъ нынѣшняго изданія стихотвореній г. Никитина доказываетъ, что и въ этомъ отношеніи мысль поэта возмужала и образовалась, такъ что уже не нуждается во многихъ схоластическихъ отвлеченностяхъ, къ которымъ прибѣгала прежде.

Третій разрядъ выброшенныхъ стихотвореній составляютъ тѣ, въ которыхъ былъ слишкомъ ясно слышенъ напѣвъ съ чужого голоса и слишкомъ ощутителенъ былъ недостатокъ собственной мысли и чувства. Сюда относятся всѣ стихотворенія, въ которыхъ говорилось о моряхъ, корабляхъ, мраморахъ, мукахъ художника и т. п.

Мы нарочно обратили вниманіе на множество стихотвореній, исключенныхъ г. Никитинымъ изъ второго изданія: по нашему мнѣнію, это доказываетъ, что онъ способенъ сознавать ложь и недостаточность своихъ произведеній и отрекаться отъ того направленія, которое могло породить ихъ. Видно, что онъ не принадлежитъ къ числу такихъ поэтовъ, которые, какъ, напр., г. Фетъ, никакъ ужъ не могутъ, несмотря на всевозможныя усилія критики, перейти ту грань, на которую разъ стали въ своихъ произведеніяхъ. Видно, что талантъ г. Никитина какъ будто еще не совсѣмъ опредѣлилъ себя, не нашелъ своей настоящей дороги, но очень ревностно старается найти ее. Кропотливая обработка и передѣлка прежнихъ пьесъ доказываетъ его заботу о совершенствованіи своего стиха; уничтоженіе многихъ стихотвореній свидѣтельствуетъ о стараніяхъ его избавиться отъ тѣхъ направленій, подъ вліяніемъ которыхъ они были писаны; наконецъ

[1]) Псевдонимъ Добролюбова.

новыя его стихотворенія указываютъ на новыя стремленія и чувства, волнующія поэта и видоизмѣняющія содержаніе и тонъ его произведеній. Странно, конечно, такое постоянное колебаніе въ талантѣ поэта, который пишетъ стихи уже по крайней мѣрѣ лѣтъ двѣнадцать (самыя раннія стихотворенія въ первомъ изданіи помѣчены 1849-мъ годомъ); но нельзя не признаться, что развитіе человѣка трудно ограничить опредѣленнымъ годомъ. Исторія литературы представляетъ намъ довольно много примѣровъ писателей, которые только въ очень уже зрѣлыхъ годахъ попадали на свой настоящій путь, и у которыхъ окончательное развитіе таланта совершалось очень поздно. У насъ, и особенно въ положеніи г. Никитина, подобное явленіе должно быть даже считаемо совершенно нормальнымъ. Грамотейство, писательство—у насъ дѣло далеко не всѣмъ и каждому доступное; оттого у насъ въ обществѣ, особенно провинціальномъ, нерѣдко какой-нибудь господинъ считается литераторомъ за то, что описалъ краснорѣчиво какую-нибудь торжественную процессію, пріѣздъ высокой особы или балъ въ дворянскомъ собраніи. А если еще человѣкъ пишетъ стихами—тутъ и говорить нечего: поэтъ, да и только... Немудрено, что такая малая требовательность общества, соединенная съ чрезвычайно ничтожною начитанностью, отражается и на воззрѣніяхъ пишущихъ людей на самихъ себя. Они тоже привыкаютъ считать чѣмъ-то важнымъ всякій свой фельетонъ или стихотвореніе, тоже начинаютъ смотрѣть, какъ на свою исключительную собственность, на мысли, давно извѣстныя, давно прекрасно высказанныя другими и сдѣлавшіяся, наконецъ, достояніемъ всего образованнаго общества. Такимъ образомъ, съ ослабленіемъ внутренней требовательности и строгости суда надъ собою, естественно замедляется и даже останавливается живое развитіе писателя, и остается только сторона формальная,—слогъ, стихъ, діалектическое развитіе мысли... Многіе только этимъ и довольствуются, и всю жизнь стоятъ на звучныхъ фразахъ и общихъ мѣстахъ и все-таки считаются литераторами и поэтами. Нерѣдко они даже печатаютъ свои безсознательныя подражанія чужимъ впечатлѣніямъ и безцвѣтные, но звучные пересказы чужихъ мыслей и стремленій; нерѣдко и временный успѣхъ вѣнчаетъ ихъ, даже среди людей, причастныхъ литературѣ, но имѣющихъ слишкомъ много добродушія и слишкомъ короткую память... Въ такомъ положеніи былъ и г. Никитинъ при первомъ своемъ появленіи; но онъ, какъ мы видѣли, не остался въ ослѣпленіи насчетъ значенія своихъ подражательныхъ опытовъ, уничтожилъ ихъ, и теперь мы видимъ въ его новыхъ стихотвореніяхъ—хотя все еще большею частію не свое, а заимствованное содержаніе, но уже гораздо болѣе имъ усвоенное и переработанное, нежели какъ было прежде. Въ прежнихъ его стихотвореніяхъ можно было много насчитать такихъ, которыя составляютъ просто варіаціи на такое-то стихотвореніе извѣстнаго поэта. Въ нынѣшнемъ изданіи такихъ пьесъ гораздо меньше, подражательность не такъ ярко выражается въ самомъ строѣ стиха, а состоитъ болѣе въ заимствованіи основной мысли и тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ чертъ для обрисовки предмета. Все-таки эта подражательность еще очень сильна, и по крайней мѣрѣ половину изъ напечатанныхъ нынѣ стихотвореній г. Никитина надо бы выкинуть. Напримѣръ, пьеса «Поэту», какъ она ни передѣлана г. Никитинымъ въ новомъ изданіи, все-таки осталась подражаніемъ стихотворенію Полонскаго: «О, подними свое чело»; стихотвореніе «Дитяти» взято изъ «Младенца» Огарева и такой же пьесы Кольцова; «Похороны» напоминаютъ тоже пьесу Огарева:

Когда встрѣчаются со мной
Подъ парчевою пеленой
И съ упряжью печальной дроги, и проч.

Кромѣ такихъ цѣльныхъ подражаній, есть отрывочныя, мозаическія, такъ сказать, заимствованія изъ другихъ поэтовъ, преимущественно въ пьесахъ описательнаго свойства. Напримѣръ, г. Никитинъ пишетъ:

Въ темной чащѣ замолкъ соловей,
Покатилась звѣзда въ синевѣ.
Мѣсяцъ смотритъ сквозь сѣтку вѣтвей,
Зажигаетъ росу на травѣ.
Дремлютъ розы. Прохлада плыветъ.
Кто-то свистнулъ... Вотъ замеръ и свистъ.
Ухо слышитъ, едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листъ.
Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ,
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бъ продлилъ безъ конца, безъ конца.

Это стихотвореніе даже недурно, и мы не можемъ указать отдѣльной пьесы, которой бы оно составляло прямое подражаніе. Но тѣмъ не менѣе, если вы знакомы съ нашими поэтами, то, читая это стихотвореніе, вы чувствуете, что здѣсь излагаются не столько личныя впечатлѣнія г. Никитина отъ этой ночи, сколько воспоминанія его о томъ, что онъ читалъ подходящаго къ предмету его описанія. И прокатившаяся звѣзда, и мѣсяцъ, зажигающій росу на травѣ, и плывущая прохлада, и дремлющія розы, и проч.—все это вамъ знакомо, все это вы читали у Фета и Тютчева, и всматриваясь въ физіономію стихо-

творенія, вы замѣчаете, что оно есть не что иное, какъ извлеченіе изъ фетовскихъ «Вечеровъ и ночей». Такихъ мозаически-составленныхъ пьесъ не мало у г. Никитина, и онѣ попадаются, къ сожалѣнію, не только въ описательномъ родѣ, въ которомъ онъ вообще не силенъ, но и въ стихотвореніяхъ субъективнаго характера, наиболѣе требующихъ самостоятельности и своеобразности. Есть у г. Никитина съ десятокъ небольшихъ стихотвореній, въ которыхъ выражается тоска души, измученной пошлыми и грязными явленіями жизни, совершенно противными чистымъ и благороднымъ стремленіемъ поэта. Тема эта такъ обширна, что въ ней можетъ превосходно отразиться и личность поэта со всѣми его понятіями и желаніями, и жизнь, окружающая его и производящая въ немъ тѣ или другія впечатлѣнія. Между тѣмъ и въ этой сферѣ г. Никитинъ выказываетъ очень мало самобытности: о явленіяхъ, очевидно близкихъ и знакомыхъ ему, онъ большею частью говоритъ не своимъ голосомъ, какъ будто прячетъ то, что̀ ему лично дорого, и говоритъ лишь о томъ, что̀ у другихъ ужъ было говорено, что̀ получило право гражданства въ нашей поэзіи. Оттого въ самыхъ повидимому задушевныхъ его пьесахъ мы слышимъ не вопль души, а разсказъ человѣка, рефлектирующаго о своихъ страданіяхъ и старающагося разсказать о нихъ приличнымъ тономъ и хорошимъ слогомъ,—какъ принято говорить въ порядочномъ обществѣ. Прочтите, напр., хоть слѣдующее стихотвореніе:

Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго встрѣчаю.
Увы! не принесетъ мнѣ сна
Ея нѣмая тишина.
Весь день душа болѣла тайно
И за себя и за другихъ...
Отъ пошлыхъ встрѣчъ, отъ сплетенъ злыхъ,
Отъ жизни грязной и печальной
Пора покой бы ей узнать;
Да гдѣ онъ? Гдѣ его искать?
Едва на землю утро взглянетъ,
Едва взойдетъ ночная тѣнь,—
Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанетъ.
Опять начнется боль души,
На злыя пытки осужденной,
Опять наплачешься въ тиши,
Измученный и оскорбленный.

Въ этомъ стихотвореніи, какъ и въ большей части другихъ того же рода, слышны звуки Огарева, И. Аксакова, даже Полонскаго и пр., но не слышно внутренней жизни самого поэта. Мы видимъ, что умъ и чувство его—въ разладѣ съ той обстановкой, въ которую поставленъ онъ судьбой; но этотъ разладъ есть общее мѣсто, и говоря о немъ отвлеченно, можно высказать много умныхъ вещей, но нельзя написать поэтическаго, живого произведенія. Это мы видѣли даже на людяхъ гораздо далѣе, чѣмъ г. Никитинъ, ушедшихъ въ теоретическихъ умствованіяхъ и гораздо крѣпче его владѣвшихъ отвлеченною логикою: они писали стихи чрезвычайно благородные, смѣлые, энергическіе, даже искренніе, но поэзіи все-таки было въ нихъ очень мало. Оттого и значеніе этихъ стихотвореній очень слабо, и при мысли о горѣ, трудѣ, нищетѣ и всей житейской нескладицѣ гораздо скорѣе вспоминается вамъ стихъ Кольцова или другого поэта, нежели Огаревъ или Аксаковъ. Тѣмъ слабѣе, разумѣется, должны быть стихотворенія г. Никитина, составляющія подражаніе этимъ отвлеченностямъ.

А между тѣмъ, у г. Никитина есть условія, весьма благопріятныя для того, чтобы пробить свою дорогу и сдѣлаться очень замѣтнымъ писателемъ именно въ томъ родѣ, который ему наиболѣе доступенъ. Дѣло въ томъ, что разладъ житейскихъ отношеній съ нормальными требованіями сердца и ума сознается всѣми нами, людьми, принадлежащими къ такъ называемому образованному обществу, поэтами и прозаиками, пишущими и непишущими. Но въ нашемъ сознаніи этотъ разладъ является чѣмъ-то въ родѣ несовершенно свѣжей устрицы, вдругъ непріятно поражающей нашъ вкусъ послѣ десятка совершенно свѣжихъ, съѣденныхъ нами; въ сознаніи же поэта, какъ г. Никитинъ, жизненный разладъ является просто-на-просто въ отсутствіи какой бы то ни было пищи, когда ѣсть хочется. Разница значительная, и уже ея одной достаточно для того, чтобы оправдать наши слова о возможномъ значеніи г. Никитина, если бы онъ употребилъ свое дарованіе на изображеніе близкихъ ему интересовъ и явленій жизни. Мы, люди образованные, конечно, всѣ отличаемся добрымъ сердцемъ и прямымъ взглядомъ на вещи; конечно, мы любимъ нашихъ братьевъ, сочувствуемъ ихъ страданіямъ, готовы горячиться до слезъ — все желая помочь имъ; но мы недавно видѣли точно такой же азартъ нѣсколькихъ умныхъ людей по поводу княжны Зинаиды, изображенной г. Тургеневымъ въ «Первой любви». Одни обвиняли ее, другіе защищали, и при этомъ горячились совершенно такъ же, какъ въ разсужденіяхъ о бѣдствіяхъ человѣчества. Никому, разумѣется, дѣла не было до княжны Зинаиды, никто такой женщины никогда не встрѣчалъ, да и не желалъ бы встрѣтить, потому что кому же охота желать, чтобъ ему довольно глубоко засовывали булавку

въ руку или вывертывали клокъ волосъ на головѣ, и чтобы заставляли прибѣгать къ хлысту для внушенія нѣжной покорности, какъ дѣлаетъ все это милая княжна Зинаида!.. Но тѣмъ не менѣе умные люди горячились—почему?—потому что имъ нравилось діалектическое упражненіе въ разборѣ психологическихъ тонкостей, которыхъ въ сущности-то никто изъ нихъ и не понималъ хорошенько [1]). Совершенно такого же рода словесную гимнастику составляютъ для насъ и разсужденія о горѣ, бѣдности и несчастіяхъ нашихъ меньшихъ братій. Разумѣется, никому изъ насъ нѣтъ охоты жить съ этими несчастными и подвергаться ихъ лишеніямъ, никто не согласится пожертвовать своимъ комфортомъ для облегченія ихъ участи; разговоры же о нихъ составляютъ для насъ приправу умственной жизни, въ родѣ невещественной горчицы или перцу. Оттого мы и говоримъ объ этихъ предметахъ болѣе съ отвлеченной точки, разбирая экономическіе и философскіе принципы; но никогда почти не спускаемся въ глубь самой жизни, чтобы подслушать ея дѣйствительныя біенія. Сущности этой жизни мы даже не знаемъ вовсе, и если мы заговариваемъ о частыхъ явленіяхъ ея, то обыкновенно тотчасъ же выходятъ на сцену рутинныя фразы: курная изба, пустыя щи, лохмотья, грязь, невѣжество и т. д. Все это заучено нами наизусть изъ разныхъ книжекъ и умныхъ бесѣдъ, и повѣрено на опытѣ при обозрѣніи селеній въ то время, какъ намъ перекладывали лошадей, или во время продолжительныхъ столкновеній съ бѣдняками при производствѣ какого-нибудь слѣдствія, на охотѣ, въ лѣтній сезонъ въ деревнѣ и т. п. Можетъ быть тутъ и можно почерпнуть много умныхъ мыслей для политико-экономическихъ соображеній; но нельзя сродниться душой съ этой жизнью, прожить ее сердцемъ и воплотить ее въ живое слово тому, кто кровно и прямо не участвуетъ въ ней, кто не охваченъ ея вѣяньемъ во всѣхъ условіяхъ своего существованія, — и умственныхъ и матеріальныхъ. Оттого-то наша «образованная» поэзія и обращаетъ такъ мало вниманія на жизнь, разлитую по всѣмъ концамъ нашего любезнаго отечества, и ограничивается чрезвычайно узкимъ кругомъ тонкихъ чувствъ, возвышенныхъ стремленій и эѳирныхъ страданій. Одинъ поэтъ [2]) говоритъ:

Мнѣ грустно и легко, печаль моя свѣтла;

другому [3])

Бываетъ весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ;

третій [1]) воспѣваетъ чудныя минуты, когда

Духъ окриленъ, никакая не мучитъ утрата,
Въ дальней звѣздѣ отгадалъ бы отбывшаго брата!

четвертый занимается такой философіей:

Сладко мнѣ быть на кладбищѣ, гдѣ спишь ты, мой милый!
Нѣтъ разрушенья въ природѣ, нѣтъ смерти конечной...

Пятый [2]) томится и жалуется:

Съ друзьями я весь день пропировалъ,
А не было мнѣ весело нисколько...

И такъ далѣе, и такъ далѣе... Прочтите всего Пушкина, Лермонтова, почти всѣхъ современныхъ поэтовъ: много ли найдете вы у нихъ задушевныхъ звуковъ, вызванныхъ простыми, насущными потребностями жизни? Повсюду фантазія, аллегорія, эѳиръ; реализмъ проявляется только въ описаніяхъ природы, и вотъ почему, намъ кажется, живыя и вѣрныя изображенія красотъ природы такъ высоко у насъ цѣнятся и считаются необходимымъ условіемъ поэтическаго дарованія: до сихъ поръ почти въ нихъ только и проявлялась реальная сила поэтическаго творчества. Да и тутъ еще наши поэты большею частію не избѣгаютъ аллегоріи. Поэтъ, напр., ѣдетъ, по большой дорогѣ, и надъ нимъ вьюга крутится; онъ сейчасъ фантазируетъ:

Ѣду я. Передо мною
Нимфа вьюги возстаетъ,
И подъ снѣжной пеленою
И крутится и поетъ...

Смотритъ другой поэтъ [3]), какъ мужикъ землю пашетъ, и тотчасъ представляетъ намъ, —

Какъ Юпитера встрѣчаетъ
Лоно Геи молодой...

Вообще, что бы ни говорили о прогрессахъ литературы, но въ поэзіи мы очень недалеко ушли отъ того воззрѣнія, по которому

Поэзія для насъ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ [4]).

Въ самомъ дѣлѣ, мы въ этомъ случаѣ напоминаемъ собою тѣхъ людей, которые не могутъ пить воды, потому что у нихъ всегда дѣлаются отъ нея сильнѣйшіе спазмы. Простыя явленія простой жизни, насущныя требованія человѣческой природы, неукрашенное, нормальное существованіе людей неразвитыхъ — мы не умѣемъ воспринять поэтически: намъ нужно, чтобъ все это

[1]) Отзывъ, разумѣется, непріятный для Тургенева.
[2]) Пушкинъ.
[3]) Лермонтову.

[1]) Фетъ.
[2]) Огаревъ.
[3]) Фетъ.
[4]) Державинъ.

непремѣнно облимонено было разными сентиментами и подсахарено утонченнымъ изяществомъ, тогда мы примемся, пожалуй, за этотъ лимонадъ. До Пушкина отвращеніе отъ всякаго естественнаго чувства и вѣрнаго изображенія обыкновенныхъ предметовъ простиралось до того, что самую природу старались искажать, согласно извращенному вкусу образованной публики. Пушкинъ долго возбуждалъ негодованіе своей смѣлостью находить поэзію не въ воображаемомъ идеалѣ предмета, а въ самомъ предметѣ, какъ онъ есть. Но сила его таланта, умѣнье чуять, ловить и возсоздавать естественную красоту предметовъ побѣдили дикое упорство фантазеровъ, и въ этомъ-то приближеніи къ реализму въ природѣ состоитъ величайшая литературная заслуга Пушкина. Послѣ него мы стали требовать и отъ поэзіи *вѣрности* изображеній; послѣ Гоголя это требованіе усилилось и перенесено отъ явленій природы и къ явленіямъ нравственной жизни. Но все еще мы далеко не дошли до того, чтобы въ поэзіи допустить всякій предметъ, всякое жизненное чувство; мы отводимъ для большей части неидеализированныхъ проявленій натуры область сатиры, и далѣе ихъ не пускаемъ, называя ихъ «низшими». Я живо помню слова моего бывшаго профессора словесности, полагавшаго лирикѣ такіе предѣлы: «предметомъ лирическаго стихотворенія не можетъ быть, напримѣръ, досада на то, что я сижу зимой въ нетопленой комнатѣ и не имѣю сапоговъ, чтобы выдти на улицу; но можетъ быть, напримѣръ, сожалѣніе о смерти друга, восторгъ при видѣ великолѣпнаго зданія, торжественной процессіи и т. п.». Тогда я не могъ понять и усвоить всю тонкость этого различія; но потомъ, изучивъ ближе нашу литературу, уразумѣлъ лучше слова почтеннаго наставника. Дѣло оказывается въ томъ, что претендовать на поэзію могутъ только люди, совершенно обезпеченные матеріально или—еще лучше—люди, наслаждающіеся комфортомъ жизни. Они-то именно и бываютъ въ состояніи развивать въ себѣ, а слѣдовательно понимать и въ другихъ, тѣ тончайшія, неуловимыя, призрачныя стремленія, печали и радости, которыя составляютъ содержаніе поэзіи. Люди же бѣдные, рабочіе, простые, неизбѣжно оставаясь грубыми и практическими людьми, очевидно неспособны къ деликатнымъ ощущеніямъ, и потому должны гибнуть подъ тяжестью презрѣнной прозы своей жизни, погрязать въ мелочныхъ, корыстныхъ разсчетахъ, и ни подъ какимъ видомъ не посягать на поэзію. Кто безпристрастно пересмотритъ все, что̀ у насъ называется по преимуществу поэтическимъ, то-есть всю область нашей лирики, тотъ согласится, конечно, что этотъ сибаритскій взглядъ до сихъ поръ въ ней господствуетъ. И въ этомъ нельзя, разумѣется, винить отдѣльныя личности поэтовъ: весь строй нашей жизни сложился такъ, что даже человѣкъ, который радъ бы душою взяться за простые мотивы нормальной жизни, не осмѣливается рѣшиться на это, изъ боязни профанировать искусство. На первый разъ у всякаго изъ представленія обыденныхъ образовъ выходитъ памфлетъ или просто ругательство: нужно выработать въ душѣ твердое убѣжденіе въ необходимости и возможности полнаго исхода изъ настоящаго порядка этой жизни, для того, чтобы получить силу изображать ее поэтическимъ образомъ, хотя бы и тономъ сатиры. Тогда только обычно непріятныя картины грязной нищеты и соединенныхъ съ нею обмановъ, пошлостей, невѣжества и даже преступленій — предстанутъ намъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, когда мы добьемся мыслію или инстинктомъ до истинныхъ причинъ ихъ, не въ одной натурѣ того или другого лица, а въ цѣломъ строѣ окружающей его жизни. Тогда только сумѣемъ мы отдѣлить нормальное, человѣческое, законное въ этихъ явленіяхъ отъ всего насильнаго, искусственнаго, случайно имъ навязаннаго, и только тогда съ свѣтлой мыслью и съ горячимъ чувствомъ можемъ мы приступить къ поэтическому воспроизведенію этихъ явленій. До такихъ воззрѣній доходить, пожалуй, и не трудно было бы; но, къ несчастью, предметъ съ перваго же взгляда отталкиваетъ насъ, а образованіе, которое бы должно насъ возвратить къ нему, тянетъ насъ совсѣмъ въ другую сторону. Вотъ отчего и происходитъ вся эта безцвѣтность, неопредѣленность и мечтательность, господствующія въ нашей лирикѣ. На что, кажется, былъ ужъ по своей натурѣ и воспитанію чуждъ всякаго фантазерства Кольцовъ; онъ съ необычайною смѣлостью далъ въ своей поэзіи огромную роль матеріальнымъ нуждамъ; но даже и онъ не всегда могъ держаться на этой почвѣ, и ему приходилось не разъ обращаться къ мечтѣ, и говорить, что онъ

Душой постигнулъ жизнь другую,
Въ ту жизнь мечту переселилъ.

Послѣ этого даже и нельзя упрекать другихъ поэтовъ, что они въ своемъ вдохновеніи съ какимъ-то злобнымъ презрѣніемъ отворачиваются отъ обыденной, грязной жизни (какъ будто она въ чемъ-нибудь виновата!), напускаютъ на себя мечтательныя чувства и бросаются —

Въ воздушный, безотчетный бредъ...

Теперь жизнь со всѣхъ сторонъ предъявляетъ свои права, реализмъ вторгается всюду, на зло мистификаторамъ всякаго рода. Жизненный реализмъ долженъ водвориться и въ поэзіи, и ежели у насъ скоро будетъ замѣчательный поэтъ, то, конечно, ужъ на этомъ поприщѣ, а не на эстетическихъ тонкостяхъ. Восходъ солнца, пѣніе птичекъ, блаженство сладострастья, неопредѣленное томленіе о чемъ-то, воспоминанія изъ миѳологіи и исторіи и т. п. теперь могутъ быть изображены очень хорошо и доставить минутный успѣхъ поэту; но никогда не привлекутъ къ нему того живого, дѣятельнаго и энергическаго сочувствія, которое всегда появляется въ обществѣ къ людямъ *нужнымъ* въ извѣстную эпоху, не даромъ живущимъ на свѣтѣ. Въ свое время нужными людьми для нашего общества были — не только Пушкинъ и Лермонтовъ, но даже и Карамзинъ, и Державинъ. Теперь, если бы явился опять поэтъ съ тѣмъ же содержаніемъ, какъ Пушкинъ, мы бы на него и вниманія не обратили; Лермонтовъ и теперь еще могъ бы занять многихъ, но и онъ все-таки не то, что намъ теперь нужно. Намъ нуженъ былъ бы теперь поэтъ, который бы съ красотою Пушкина и силою Лермонтова умѣлъ продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотвореній Кольцова.

Но пока нѣтъ такого поэта, мы внимательно присматриваемся ко всему, въ чемъ, хоть и безъ особенной силы таланта, проглядываетъ здоровое, жизненное содержаніе. Вотъ почему остановились мы довольно долго и на стихотвореніяхъ г. Никитина. По его общественному положенію и по нѣкоторымъ намекамъ его собственныхъ стиховъ мы думали, что жизнь бѣдняковъ, горечь нужды и беззащитнаго состоянія знакомы ему не только по наглядкѣ, но даже и по опыту. Поэма г. Никитина «Кулакъ», изданная два года тому назадъ и заключавшая въ себѣ много живыхъ, энергически выраженныхъ стиховъ, еще болѣе подтвердила наше предположеніе. Въ новомъ изданіи стихотвореній г. Никитина мы нашли значительное количество пьесъ, написанныхъ именно на тему горькихъ и безпомощныхъ страданій бѣдняка. Это окончательно заставило насъ подумать, что страданья нищеты, униженія и всякихъ обидъ и несправедливостей сильно были прочувствованы самимъ поэтомъ и стали близки его душѣ. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ первомъ стихотвореніи, служащемъ какъ бы введеніемъ къ его книгѣ:

Съ суровой долею я рано подружился,
Не зналъ веселыхъ дней, веселыхъ игръ не зналъ;
Мечтами дѣтскими ни съ кѣмъ я не дѣлился,
Ни отъ кого рѣчей разумныхъ не слыхалъ.
Но все, что̀ грязнаго есть въ жизни самой бѣдной,—
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачъ нужды, оборванной и блѣдной,—
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Подобныя указанія на собственный опытъ встрѣчаются и въ другихъ стихотвореніяхъ, и основываясь на этомъ, мы думали, что на изображеніяхъ картинъ этой жизни, этихъ впечатлѣній и уроковъ житейскаго опыта можетъ развернуться талантъ г. Никитина. Можетъ быть, наше предположеніе еще и оправдается, по крайней мѣрѣ мы не теряемъ надежды на возможность дальнѣйшаго развитія въ дарованіи поэта, судя по нѣкоторымъ стихамъ въ его «Кулакѣ» и въ нынѣ изданной книжкѣ. Впрочемъ признаемся, — мы не очень ручаемся за исполненіе своихъ надеждъ: рутина нашей воздушной, прилизанной, идеальной лирики слишкомъ сильно завладѣла имъ. Онъ силится подражать тому, какъ «господа» изображаютъ страданія и горечь жизни, не замѣчая того, что господа эти большею частію сами на себя «напущаютъ» всевозможныя муки. Онъ удаляется отъ простоты первоначальнаго впечатлѣнія, онъ старается сгладить его шероховатости и диссонансы, и расплывается въ безцвѣтныхъ отвлеченностяхъ. При этомъ доходитъ онъ иногда до мыслей очень хорошихъ, но явно заимствованныхъ изъ другой сферы, — изъ той, гдѣ людей заѣдаетъ рефлексія, а вовсе не изъ той, гдѣ безъ всякой рефлексіи просто голодъ даетъ себя чувствовать. Это особенно можно видѣть, сравнивши какое-нибудь изъ стихотвореній г. Никитина съ подходящимъ стихотвореніемъ Кольцова. Вотъ, напримѣръ, обращеніе къ любимой дѣвушкѣ, съ которой бѣднякъ не хочетъ соединять судьбу свою, чтобы не подвергнуть ее всѣмъ горестямъ и лишеніямъ нищеты.

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебѣ меня любить.
Безпечный міръ твоей невинной жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебѣ ль, съ младенчества не знавшей огорченій,
Со мною объ руку идти однимъ путемъ,
Глядѣть на зло и грязь, и гаснуть за трудомъ,
И плакать, можетъ быть, подъ бременемъ лишеній,
Страдать не день, не два,—всю жизнь свою страдать!..
Но гдѣ жъ на это силъ, гдѣ воли нужно взять?
И что̀ тебѣ въ тотъ часъ скажу я въ оправданье,
Когда, убитая и горемъ и тоской,
Упрекомъ мнѣ и горькою слезой
Отвѣтишь ты на ласки и лобзанье?

Слезы твоей себѣ не могъ бы я простить...
Но кто жъ меня безчувствію научитъ
И наконецъ заставитъ позабыть
Все, что̀ меня и радуетъ и мучитъ,

Что̀ для меня, подъ холодомъ заботъ,
Подъ гнетомъ нуждъ, печали и сомнѣній,—
Единая отрада и оплотъ,—
Источникъ думъ, надеждъ и пѣснопѣній.

Мысль этого стихотворенія, конечно, одна изъ лучшихъ мыслей, до которыхъ только можетъ довести человѣка рефлексія. Но посмотрите, какъ виденъ здѣсь именно человѣкъ, только рефлектирующій, не живой, потерявшій всякую рѣшимость—

Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

Сущность стихотворенія, какъ оказывается, почерпнута изъ пѣсни Кольцова: «Не на радость, не на счастіе»; но тонъ его рѣшительно напоминаетъ образованнаго фата, альбомнымъ образомъ дающаго отставку полюбившей его дѣвушкѣ и прикрывающагося «независящими» обстоятельствами. У Кольцова сокрушается о своемъ положеніи человѣкъ, уже полюбившій дѣвушку, сошедшійся съ ней и выбивающійся изъ силъ, чтобъ ее успокоить и обезпечить. Тотъ говоритъ: прежде я, кромѣ любви, ни о чемъ и не думалъ;

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, крушитъ голову:
Какъ въ чужомъ углу съ тобой намъ жить,
Какъ свою казну трудомъ нажить...

Такое размышленіе о матеріальныхъ нуждахъ и средствахъ обезпеченія необходимо и само собою является въ человѣкѣ, взявшемъ на себя заботу о существованіи другого; но являясь вслѣдствіе неизбѣжности практической, оно зато и отличается практическимъ характеромъ: бѣднякъ думаетъ здѣсь уже прямо о томъ,—

Какъ свою казну трудомъ нажить.

Явившись же прежде срока, вслѣдствіе анализирующей мысли, то же самое размышленіе показываетъ только житейское благоразуміе и дѣлаетъ очень подозрительною искренность и силу самаго чувства, на которое претендуетъ поэтъ. Читая такое стихотвореніе, такъ и припоминаешь себѣ альбомныя побрякушки: «Я васъ любилъ, любовь еще быть можетъ»... или: «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу», и т. п. Не такъ выражается истинное чувство живой и сильной натуры. Вспомните, что̀ дѣлаетъ косарь у Кольцова, увидавши, что онъ по своей бѣдности не можетъ жениться на любимой дѣвушкѣ: — онъ идетъ косить въ степи, и вотъ его планы:

Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ—
Дастъ козачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село—
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю,
Золотой казной...

Мы нарочно сдѣлали это сравненіе, чтобы показать, до какой степени холодно, обдуманно, головнымъ образомъ берется г. Никитинъ за свои изображенія, и какимъ образомъ желаніе показаться умнымъ дитятей пересиливаетъ въ немъ живыя чувства и ослабляетъ энергію его внутренней жизни. Отъ постоянной привычки высказывать только вещи, принятыя въ хорошемъ литературномъ обществѣ, самая воспріимчивость г. Никитина какъ-то притупилась: онъ работаетъ не изъ сырого матеріала, а почти всегда уже изъ того, который былъ въ обдѣлкѣ. Не жизнь вдохновляетъ его, а умныя изображенія жизни у поэтовъ и мыслителей. Двадцать разъ на разные лады онъ повторяетъ, что онъ измученъ жизнью, что не знаетъ, куда дѣваться отъ пошлыхъ, грязныхъ сценъ, отъ невѣжественныхъ оскорбленій и проч. Но все это говорится въ общихъ чертахъ, какъ выводъ изъ чего-то давно извѣстнаго; а какъ это давно-извѣстное отразилось именно, лично на поэтѣ, этого и нѣтъ нигдѣ. Онъ постоянно «уединяется отъ насъ въ холодное величье» и какъ будто силится показать, что у него въ сердцѣ сидитъ знаменитая Weltschmerz, печаль о бѣдствіяхъ человѣчества. Но вѣдь, чтобы имѣть право высказывать такую печаль, надо, во-первыхъ, мыслью своей уйти подальше, чѣмъ г. Никитинъ, и не писать стихотвореній въ родѣ «Молитвы дитяти», «На кладбищѣ» и т. п. А во-вторыхъ, и міровая печаль должна же непремѣнно имѣть свою «точку отправленія», должна же начинаться съ какихъ-нибудь частныхъ впечатлѣній и мотивовъ, которые непремѣнно и выскажутся въ стихахъ поэта, истинно и глубоко проникнутаго горемъ хотя бы и о бѣдствіяхъ человѣчества. Въ противномъ же случаѣ выходятъ либеральныя фразы, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ стихотвореніи г. Никитина:

Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ.
Озлобленъ умъ и ноетъ тѣло.
Все, отъ чего душа скорбитъ,
Вокругъ меня весь день кипѣло.
Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?
Мы всѣ добры и непорочны!
Боготворить себя готовъ
Иной другъ правды безупречный!
Убита совѣсть, умеръ стыдъ
И ложь во тьмѣ царитъ свободно;
Никто позора не казнитъ,
Никто не плачетъ всенародно!..
Межъ нами мучениковъ нѣтъ
На крикъ: «спасите» нѣтъ отвѣта
Не выйдемъ мы на божій свѣтъ:
Нашъ рабскій духъ боится свѣта

Быть можетъ, въ воздухѣ весь вредъ:
Чему бы гибнуть,—процвѣтаетъ,
Чему бъ цвѣсти,—роняетъ цвѣтъ
И жалкой смертью умираетъ.

Все это прекрасно; но все это не впечатлѣнія прожитой жизни, а фразы, къ которымъ способны и г. Бенедиктовъ, и г. Розенгеймъ, и даже г. Минаевъ, и которыя рѣшительно никому не нужны и ничего не объясняютъ. У г. Никитина эти фразы тѣмъ болѣе лишены всякаго значенія, что онѣ не выражаютъ даже его собственнаго, прочнаго міросозерцанія. Напр., въ приведенномъ стихотвореніи онъ жалуется на громкія слова при отсутствіи настоящаго дѣла; еще яснѣе это выражено въ стихотвореніи «Разговоры», которое оканчивается слѣдующими куплетами:

Какъ повѣрить словамъ,—
По часамъ мы ростемъ;
Закричатъ «помоги!»—
Черезъ пропасть шагнемъ!
Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ
Глубока, глубока!..
А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать,—
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять:
Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возьметъ...
А слова — на словахъ
Соколиный полетъ!..

А между тѣмъ онъ же пишетъ стихотвореніе, въ которомъ восхищается современными начинаніями и находитъ, что уже —

Мертвые въ мірѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Въ другомъ стихотвореніи онъ настаиваетъ, чтобы поэтъ

Не говорилъ, что жизнь ничтожна, и пр.

Все это заставляетъ насъ желать, чтобы г. Никитинъ какъ можно менѣе поддавался очарованію текущей изящной словесности, какъ можно менѣе заботился объ опрятныхъ, вылощенныхъ и звучныхъ фразахъ, а обратился прямо къ жизни, проходящей у него предъ глазами. Наше желаніе всего болѣе основываемъ мы на поэмѣ «Кулакъ», доказывающей, что г. Никитинъ не чуждъ живой наблюдательности. Но и въ лежащей предъ нами книжкѣ можно находить—если не цѣлыя стихотворенія, то хоть отдѣльныя мѣста, доказывающія то же самое. Къ сожалѣнію, заботясь всего болѣе о художественности (которую онъ при томъ смѣшиваетъ съ красивостью описаній), г. Никитинъ до сихъ поръ очень небрежно пользовался этой стороной своего таланта. Напримѣръ, у него есть стихотвореніе, въ которомъ является передъ нами крестьянская дѣвочка-пріемышъ. Она подходитъ къ дѣтямъ, тѣ ее отталкиваютъ и гонятъ прочь, а отецъ пускается въ разсужденія о томъ, какъ ему непріятно и тяжело кормить чужую дѣвчонку, у которой мать — «чай, поди гуляетъ»... Къ этому старикъ прибавляетъ:

И дѣвчонка-то больная:
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ... дрянь такая!
А на грѣхъ жива...

Дѣвочка все это слышитъ и понимаетъ... Кажется, для полнаго, художественнаго представленія такого явленія вовсе не нужно описывать, какъ, напримѣръ, «лебеди плывутъ по равнинѣ водъ», какъ «лугъ зеленѣетъ, подобно бархату», какъ «влага брызжетъ жемчугомъ», и т. п. А у г. Никитина половина стихотворенія состоитъ изъ описанія всѣхъ этихъ прелестей, а во второй появляется дѣвочка. Стихотвореніе очень длинно,—стиховъ сто,—объ части ничѣмъ не связаны внутренно, особенной энергіи изображенія нѣтъ ни въ той, ни въ другой части, и потому ни картина озера, ни печальное положеніе дѣвочки не производятъ на насъ полнаго впечатлѣнія, на какое разсчитывалъ, конечно, поэтъ. Такимъ образомъ изъ ложнаго убѣжденія (поддерживаемаго, впрочемъ, нѣкоторыми критиками), что у него есть талантъ пластической поэзіи, и изъ привязанности къ рутинѣ, требующей подробнаго изображенія мѣста и всей обстановки дѣйствія, г. Никитинъ часто пренебрегаетъ развитіемъ существенно-важной стороны стихотворенія и тѣмъ чрезвычайно вредитъ себѣ. Онъ, напр., въ другомъ стихотвореніи хочетъ выставить несчастное положеніе дѣвушки, остающейся одинокою и безпомощною послѣ смерти бѣдняка-отца ея. Для этого онъ удачно выбираетъ тотъ самый моментъ, когда отецъ ея лежитъ на столѣ, а она, одна, ночью, сидитъ у его трупа. Но что же г. Никитинъ дѣлаетъ съ этимъ содержаніемъ? Онъ начинаетъ:

Въ глубинѣ бездонной
Полны чудныхъ силъ,
Идутъ милліоны
Вѣковыхъ свѣтилъ, и т. д.

Половина стихотворенія посвящена описанію того, какъ ночью свѣтятъ звѣзды и какъ спитъ весь городъ, а потомъ уже переходъ къ тому, какъ дочь не спитъ, и пр. Этимъ недостаткомъ сосредоточенности поэта на одномъ чувствѣ или мысли, этой разбросанностью и какъ будто безцѣльностью страдаетъ бо̀льшая часть стихотвореній г. Никитина, имѣющихъ повѣствовательное содержаніе. А это очень непріятно дѣйствуетъ на читателя, потому что пока-

зываетъ, какъ будто поэтъ самъ-то очень мало интересуется предметомъ своего разсказа: таково бываетъ впечатлѣніе отъ разсказчиковъ, которые начинаютъ всегда издалека, безпрестанно бросаются въ сторону, заговариваются и за ненужными подробностями нерѣдко забываютъ главное дѣло, о которомъ толкуютъ.

А есть у г. Никитина вещи, обличающія въ немъ если не сильный талантъ, то по крайней мѣрѣ присутствіе силы воображенія и теплаго чувства. Намъ нравится, напр., у него изображеніе старика, который, пережившіи всѣхъ своихъ дѣтей и внучатъ, живетъ одинъ въ избушкѣ, только съ старымъ котомъ, занимается плетеньемъ лаптей и постоянно ходитъ въ храмъ божій:

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя...

Понравились намъ и нѣсколько стиховъ въ «Пряхѣ», гдѣ старушка, въ бурную зимнюю ночь, сидя въ холодной избушкѣ, вспоминаетъ объ умершемъ мужѣ и сынѣ:

Плачъ да стонъ она все слышитъ
И, припавъ къ стеклу,
На морозный иней дышитъ,
Смотритъ:—по селу
Кто-то въ бѣломъ пробѣгаетъ
Съ бѣлой головой,
Горстью звѣзды разсыпаетъ,
Въ улицѣ пустой;
Звѣзды искрятся... А вьюга
Въ ворота стучитъ...
И старушка отъ испуга
Чуть жива сидитъ...

Довольно горячо и живо показалось намъ выраженіе чувства состраданія къ бѣднякамъ въ нѣсколькихъ стихахъ пьесы: «Опять знакомыя видѣнья». Поэтъ вспоминаетъ разныхъ лицъ, отъ которыхъ приходится терпѣть всевозможныя прелести, и потомъ обращается къ бѣдному люду:

И ты, въ своей одеждѣ грязной,
Нашъ бѣдный труженикъ народъ,
Несущій крестъ свой терпѣливо,
Ты,—за кого краснорѣчиво
Ведемъ мы споръ, добро любя,
Пора ль на свѣтъ вести тебя,—
И ты мнѣ вспомнился... Угрюмо,
Въ печальной долѣ хлѣбу радъ,
Ты мимо каменныхъ палатъ
Идешь на трудъ съ тупою думой,
Полуодѣтъ, полуобутъ,
Нуждой безжалостной согнутъ...

Удачные стихи нерѣдко попадаются у г. Никитина; но это большею частію—комбинаціи изъ нѣсколькихъ удачныхъ стиховъ другихъ поэтовъ; поэтому особеннаго впечатлѣнія они не производятъ. Впрочемъ, лучше другихъ, т.-е. болѣе обнаруживаютъ внутренней работы, стихотворенія: «Ахъ, у радости быстрыя крылья», «Ахъ ты, бѣдность горемычная», «Ѣхалъ съ ярмарки ухарь-купецъ», «Пахарь», «Соха», «Нищій». Послѣднее—едва ли не лучшее въ книжкѣ. Вотъ оно все:

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ,
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.
Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!
Но бѣднѣе и хуже есть нищій:
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ;
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.
Спитъ въ лачужкѣ на грязной соломѣ,
Богатырь въ безъисходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.
По-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
По-смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ...

Хорошо также по своей основѣ стихотвореніе: «Ѣхалъ съ ярмарки ухарь-купецъ», хотя разсказъ поэта показался намъ слишкомъ холоднымъ и даже вычурнымъ. Дѣло въ томъ, что ухарь-купецъ задумываетъ въ хороводѣ, при всемъ честномъ собраньи, соблазнить дѣвушку; та въ стыдѣ рвется отъ него, но отецъ и мать, прельщенные деньгами купца, сами ему помогаютъ. Вотъ конецъ стихотворенія:

Звѣздная ночь и ясна и тепла,
Дѣвичья пѣсня давно замерла.
Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
Вѣтромъ шатаетъ камышъ молодой.
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ,
Темную зелень огнемъ обдаетъ.
Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ,
Спитъ на печи подгулявшій старикъ,
Спитъ въ зипунишкѣ и въ старыхъ лаптяхъ,
Рваная шапка комкомъ въ головахъ.
Молится Богу старуха жена;
Плакать бы надо,—не плачетъ она.
Дочь ихъ красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила...
Что тутъ за диво? И замужъ пойдетъ...
То-то чай дѣтокъ на путь наведетъ!
Кѣмъ ты, людъ бѣдный, на свѣтъ порожденъ
Кѣмъ ты на гибель и срамъ осужденъ?

Въ этихъ стихахъ, разумѣется, г. Никитинъ не могъ уберечься отъ обычныхъ своихъ фіоритуръ и міровыхъ вопросовъ, вовсе неидущихъ къ дѣлу. Что дѣлать? Это его слабость, утвержденная въ немъ нынѣшнимъ состояніемъ нашей поэзіи. Но намъ кажется, что, имѣя въ своемъ распоряженіи богатый запасъ подобныхъ впечатлѣній и наблюденій надъ жизнью, и дошедши въ своей мысли до извѣстной степени смѣлости и широты воззрѣній, г. Никитинъ хорошо сдѣлалъ бы, если бы по-

святилъ все свое дарованіе, каково оно ни есть, на разработку этого запаса, на воспроизведеніе тѣхъ живыхъ образовъ, изъ которыхъ выработались лучшія его воззрѣнія. Какъ бы ни слабы выходили его изображенія, но все-таки это будетъ несравненно лучше, живѣе и проще, а слѣдовательно и поэтичнѣе, нежели удачнѣйшія копіи съ наилучшихъ подражаній картинамъ природы, написаннымъ нашими талантливѣйшими поэтами... Пусть отложитъ г. Никитинъ въ сторону всякую мысль о силѣ своего «пластическаго» таланта: въ немъ нѣтъ этой силы, да и сожалѣть объ этомъ очень много не стоитъ. Пластика въ поэзіи—роскошь, прихоть, аксесуаръ; поэтамъ, ничего не имѣющимъ, кромѣ пластическаго таланта, мы можемъ удивляться, но удивляться точно такъ же, какъ блестящему виртуозу, котораго все достоинство состоитъ въ искусномъ преодолѣніи техническихъ трудностей игры... Дѣло поэзіи—жизнь, живая дѣятельность, вѣчная борьба ея и вѣчное стремленіе человѣка къ достиженію гармоніи съ самимъ собою и съ природой. Давно замѣченъ разладъ человѣка со всѣмъ окружающимъ, и давно поэзія изображала его. Но причины разлада искали прежде—то въ таинственныхъ силахъ природы, то въ дуалистическомъ устройствѣ человѣческаго существа, и сообразно съ этимъ поэзія разработывала внѣшнюю природу и психологическій антагонизмъ человѣка. Теперь болѣе простой взглядъ входитъ въ общее сознаніе: обращено вниманіе на распредѣленіе благъ природы между людьми, на организацію общественныхъ отношеній. Во всѣхъ наукахъ поэтому разработывается понятіе объ обществѣ; поэзія (въ обширномъ смыслѣ) тоже давно взялась за этотъ предметъ: романъ, созданіе новаго времени, наиболѣе распространенный теперь изо всѣхъ видовъ поэтическихъ произведеній, прямо вытекъ изъ новаго взгляда на устройство общественныхъ отношеній, какъ на причину всеобщаго разлада, который тревожитъ теперь всякаго человѣка, задумавшагося хоть разъ о смыслѣ своего существованія. Въ лирикѣ нашей мы видѣли до сихъ поръ только начатки и попытки въ этомъ родѣ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы новое содержаніе поэзіи было недоступно для лирики или несовмѣстно съ нею. Нѣтъ, оно рано или поздно овладѣетъ всей областью поэзіи; оно одушевитъ собою и лирику, но только нѣсколько позднѣе. Вслѣдъ за открытіемъ, что человѣкъ мучится и томится, увлекается и падаетъ, подымается и веселится—не отъ власти темныхъ силъ и неизбѣжной судьбы и не отъ того, что въ немъ сидятъ два противныя начала, а просто отъ бо́льшей или меньшей неправильности общественныхъ условій, подъ которыми онъ живетъ,—вслѣдъ за этимъ сознаніемъ необходимо должно было послѣдовать *изученіе* всѣхъ общественныхъ неправильностей. Для такого изученія прежде всего оказался весьма удобнымъ романъ и вообще эпическій родъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и драма, прежде имѣвшая своей задачей раскрытіе психологическаго антагонизма, также подверглась существенному измѣненію, и подъ вліяніемъ новыхъ воззрѣній превратилась тоже въ изображеніе общественныхъ отношеній. Теперь очередь за лирикой: она давно уже порывается въ ту же область, то прямо избирая эпическій сюжетъ для маленькаго стихотвореньица, то пытаясь воспѣвать чувства, возбужденныя въ душѣ извѣстными явленіями общественной жизни. Но все это пока еще довольно слабо, потому что поэты наши считаютъ почему-то нужнымъ сторониться отъ общественной дѣятельности, повторяя вслѣдъ за Пушкинымъ:

Служенье музъ не терпитъ суеты.

Критики, зараженные слухами объ эстетическихъ теоріяхъ, поддерживаютъ ихъ въ этомъ убѣжденіи, увѣряя, что когда идетъ ломка и перестройка общественнаго зданія, тогда поэтъ долженъ быть ни при чемъ, ибо онъ рожденъ не для житейскаго волненья, и пр... Но само собою разумѣется, что слабость лирики новаго содержанія происходитъ вовсе не отъ увѣщаній эстетиковъ, а просто отъ того, что еще въ обществѣ никакой существенной ломки и перестройки нѣтъ, а идетъ только изученіе и изученіе. Когда же изученіе приведетъ наконецъ къ чему-нибудь, когда дѣйствительно придетъ возможность какой-нибудь передѣлки въ общественныхъ нравахъ и отношеніяхъ, тогда, конечно, посреди рабочихъ практиковъ не преминетъ явиться и энергическій лирикъ съ поэтическимъ словомъ одушевленія и одобренія.

А теперь пока мы должны хоть мало-по-малу привыкать къ сознанію безплодности фантазерства и малярства въ современной поэзіи, должны не пропускать безъ вниманія хоть тѣхъ несовершенныхъ попытокъ, въ которыхъ сказывается возможность для нея новаго содержанія. Въ этомъ отношеніи намъ любопытны были и опыты г. Никитина, тѣмъ болѣе, что они относятся къ той части общества и къ такимъ положеніямъ, которыя составляютъ самую важную задачу и жизни, и науки, и литературы современнаго общества.

394. Сочиненія А. И. Подолинскаго.

Два тома. Спб. 1860 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 393.

М. Л.

Одинъ глубокомысленный фельетонистъ, а можетъ быть и библіографъ, говорилъ недавно гдѣ-то, что нашу эпоху въ литературѣ можно назвать «эпохою полныхъ собраній». Оно, если хотите, не остроумно и даже нескладно, но, тѣмъ не менѣе, справедливо. Кто не собиралъ и не издавалъ своихъ сочиненій въ послѣдніе годы! Люди, которыхъ всѣ до того забыли, что уже никто о нихъ понятія не имѣетъ, вдругъ являются съ полнымъ собраніемъ своихъ сочиненій... Теперь недостаетъ, кажется, только полнаго собранія твореній барона Розена, Ѳедора Кони, Грекова, Ознобишина и г-жи Каролины Павловой для того, чтобы составилась полная русская библіотека всѣхъ нашихъ поэтовъ. Можно надѣяться, что скоро этотъ недостатокъ будетъ пополненъ, какъ пополнился теперь одинъ изъ пробѣловъ въ нашей литературѣ изданіемъ стихотвореній А. И. Подолинскаго.

Что сказать объ этомъ поэтѣ? Рывшись нѣкогда въ старинныхъ журналахъ, мы помнимъ, что имъ восхищались «Галатея» и «Сынъ Отечества», что его жестоко отдѣлалъ однажды за «Борскаго» эксъ-студентъ Надоумко [1]), что потомъ о немъ говорили какъ о большомъ талантѣ, къ сожалѣнію, попавшемъ на ложную дорогу и сбившемся съ толку. Первый сказалъ это тотъ же Надоумко, который оканчиваетъ свой жестокій разборъ «Борскаго» объясненіемъ, что «сказать по совѣсти, сія поэма не приноситъ большой чести нашей литературѣ, но зато она дѣлаетъ честь, и честь величайшую, — таланту поэта, скрывающемуся въ ней, какъ въ первовесенней, едва завернувшейся почкѣ». Въ подтвержденіе своихъ словъ Надоумко приводитъ два мѣста, дѣйствительно принадлежащія къ числу лучшихъ въ поэмѣ,—одно психологически-тонкаго свойства, а другое въ описательномъ родѣ. Послѣднее въ самомъ дѣлѣ недурно, особенно для того романтическаго времени. Это—описаніе возвращенія Борскаго въ отцовскій домъ, послѣ долгаго отсутствія:

Но годы странствій протекли,
И нынѣ Борскій видитъ снова
Предѣлы отческой земли
И сѣни дѣдовскаго крова.
Гремя, съ воротъ упалъ затворъ,
Они скрипятъ, и торопливо
Проходитъ Борскій длинный дворъ,
Поросшій плющемъ и крапивой.
Какой повсюду мертвый сонъ!
Кругомъ былого нѣтъ и тѣни!
Но вотъ къ крыльцу подходитъ онъ:
Полуистлѣвшія ступени
Трещатъ и, съ грохотомъ глухимъ,
Что шагъ, колеблются подъ нимъ.
Хоть бы одна душа родная
На этотъ шумъ отозвалась!
Лишь стая ласточекъ взвилась,
Въ испугѣ гнѣзда покидая,
И кверху съ крикомъ понеслась...

Выписавши эти стихи, Надоумко дѣлаетъ такое воззваніе: «ахъ, г. Подолинскій! г. Подолинскій! Умоляемъ васъ, отъ лица всей русской литературы, сохранить въ вашемъ сердцѣ *сей священный огнь Весты, коимъ оно исполнено! Изберите только для себя другую, достойнѣйшую васъ дорогу къ святилищу музъ!* Дай Богъ, чтобы Борскій былъ *послѣднимъ вашимъ шагомъ на распутіи лживаго романтизма!* И да увидитъ въ васъ русская поэзія не дополненіе къ толпѣ гаеровъ, тѣшащихъ по заказу литературную чернь, но истиннаго поэта, составляющаго ея честь и украшеніе» («Вѣстн. Евр.» 1829 г., № 7).

Сущность этого мнѣнія перешла и въ позднѣйшіе отзывы Бѣлинскаго. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» онъ говоритъ: «Подолинскій подалъ о себѣ самыя лестныя надежды и, къ несчастію, не выполнилъ ихъ. Онъ владѣлъ поэтическимъ языкомъ *и не былъ лишенъ поэтическаго чувства. Мнѣ кажется, что причина его неуспѣха заключается въ томъ, что онъ не сознавалъ своего назначенія и шелъ не по своей дорогѣ*». Это было писано въ 1834 г., а черезъ восемь лѣтъ, въ «Обозрѣніи Литературы» 1841 года, Бѣлинскій даетъ слѣдующій отзывъ: «Подолинскій *былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ:* въ его мелкихъ стихотвореніяхъ и въ поэмахъ много чувства и поэтическихъ мѣстъ; но у него никогда не бывало цѣлаго, особенно въ поэмахъ, которыя бѣдны содержаніемъ, слабы по концепціи, блѣдны по выполненію».

Всѣ эти отзывы заставляютъ предпола-

[1]) Псевдонимъ Н. И. Надеждина.

гать, что были какія-то враждебныя вліянія, увлекавшія на ложный путь «замѣчательный талантъ» Подолинскаго, и что иначе онъ бы чудеса надѣлалъ. Что же это были за вліянія, и на какой путь влекли они Подолинскаго, и какой путь былъ бы для него пригоднѣе и болѣе свойственъ его таланту?

Намъ кажется, что вліянія эти были совершенно тѣ же, какъ и на всѣхъ нашихъ поэтовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ: Байронъ и Байронъ, и больше ничего. Когда теперь съ этой мыслью читаешь раздирательныя поэмы Подолинскаго—«Нищаго», «Борскаго», то оно выходитъ ужасно забавно. Такъ и представляется трехлѣтній мальчикъ, пылающій воинственнымъ энтузіазмомъ и собирающійся сейчасъ же отправиться на пораженіе враговъ отечества. По всему видно, что г. Подолинскій одаренъ былъ отъ природы кротчайшею душою, незлобнѣйшимъ, чувствительнѣйшимъ сердцемъ, склоннымъ къ умиленію, восторгу и всѣмъ симпатическимъ чувствамъ... Онъ былъ бы радъ довольствоваться малымъ, все видѣть въ радужномъ свѣтѣ, довѣриться первому встрѣчному... Но встрѣчный-то этотъ и оказался Байронъ!.. Можете себѣ представить, что произошло въ душѣ скромнаго и робкаго человѣка, когда онъ познакомился съ разрушительнымъ негодованіемъ великаго поэта. Не поддаться ему онъ не могъ: Байронъ и не такихъ покорялъ своей силой, а г. Подолинскій и не такому, какъ Байронъ, непремѣнно поддался бы. Но сшить какъ-нибудь съ своей натурой байроническія тенденціи онъ тоже не могъ: онѣ были ему чужды едва ли не болѣе, чѣмъ трехлѣтнему мальчику представленіе о дѣйствительной войнѣ. Вникните, въ самомъ дѣлѣ, въ его положеніе: онъ долженъ непремѣнно находить, что ничто уже его не привлекаетъ, ничто не зажигаетъ въ немъ страсти, отъ всего онъ отрекся, — а между тѣмъ онъ никакъ не можетъ представить: что же бы такое могло его особенно разжигать и отъ чего бы ему съ такимъ страданіемъ нужно было отрекаться? Онъ себѣ жилъ спокойно въ своей колеѣ, въ даль не пускался, ни о какихъ душевныхъ пожарахъ понятія не имѣлъ, а тутъ вдругъ оказывается, что душа его испепелена, и что онъ ничѣмъ не долженъ воспламеняться!.. Затрудненіе, въ какомъ онъ долженъ былъ очутиться, можетъ быть уподоблено только слѣдующемуся казусу. Проѣзжаете вы на почтовыхъ черезъ незнакомый городишко; вамъ хорошо ѣхать, вы *пообѣдали* на предыдущей станціи, задремали, во время остановки выглянули-было изъ дилижанса, да и опять спрятались, не находя ничего интереснаго въ разсматриваніи городской мѣстности и предпочитая свой послѣобѣденный сонъ. Но вдругъ передъ вами предстаетъ существо, начинающее самымъ энергическимъ манеромъ ругать весь городъ: что и Дворянская улица—дрянь, и Марья Петровна зла, и Василій Григорьевичъ глупъ, и Сидора Карпыча дочь неспособна любви внушить и т. д. Вамъ собственно нѣтъ никакого дѣла до этого: вы ни съ кѣмъ въ городѣ не знакомы, вы себѣ ѣдете да дремлете. Но вдругъ вы поставлены въ необходимость послѣдовать примѣру энергическаго ругателя и тоже приняться за этотъ городъ: что̀ тутъ станете дѣлать? Конечно, вы можете тоже сказать, что дочь Сидора Карпыча любви вамъ не внушаетъ; но вы сами чувствуете, что въ этомъ мало заслуги съ вашей стороны, потому что вы въ глаза не видали ни Сидора Карпыча, ни его дочери, а если бъ увидали, такъ еще, можетъ, и полюбили бы. И голосъ вашъ невольно дѣлается робкимъ, и вы, вмѣсто проклятій недостойному городу, скромно изрекаете: «я не хочу здѣсь обѣдать», подразумѣвая: «потому что я ужъ пообѣдалъ недавно».

То же самое произошло со многими изъ нашихъ поэтовъ, начитавшихся Байрона. Байронъ, какъ извѣстно, проклинаетъ и презираетъ все: и небо и землю, и исторію и философію, и любовь и политику... Наши тоже хотѣли пуститься на эту дорогу; но оказалось, что они рѣшительно не знаютъ ни неба, ни земли, ни философіи, ни исторіи, ни любви, ни политики... Поэтому, когда герой Байрона говоритъ, напр., что ему противно общество, и даже любовь не услаждаетъ его, то мы переводили это такимъ образомъ:

Теперь меня ужъ не влечетъ
Ни зовъ друзей, ни шумъ застольный,
Ни зовъ къ восторгамъ милыхъ дѣвъ,
Ни взоръ, исполненный приманокъ,
Ни звукъ бокаловъ, ни напѣвъ,
Ни пляска рѣзвая цыганокъ...

Эти стихи мы припомнили изъ одной элегіи поэта Башилова, вамъ, конечно, неизвѣстнаго; но это ничего: возьмите и другихъ,—то же самое выйдетъ...

Подолинскій никакъ не могъ остановиться на такихъ предметахъ, какъ Башиловъ: онъ былъ для этого слишкомъ идеаленъ и кротокъ. Но зато онъ такъ-таки и не нашелъ, что же бы за вещь такая была, которая должна бы его привлекать, а между тѣмъ не привлекаетъ... Поэтому онъ вездѣ говоритъ объ этомъ въ общихъ чертахъ: *все*, говоритъ, мнѣ опротивѣло, *ничто* меня не утѣшаетъ, я отъ *веселія*

бѣгу, я *хладенъ* сталъ душою... И все это отъ вліянія какого-то незримаго демона:

Я незримаго присутствіе
Сердцемъ сжатымъ познаю;
Льетъ онъ холодъ и безчувствіе
Въ душу грустную мою;
Онъ любви и вдохновенія
Развѣваетъ дымомъ сны,
Съ нимъ и слезы умиленія
Какъ ребячество смѣшны...
И зародышъ наслажденія
Умерщвляетъ злобный духъ,
Какъ младенца до рожденія
Въ лонѣ матери недугъ...

Видите, — несмотря на всю пустоту и дрянность окружающей жизни, скромный поэтъ нашъ не прочь бы насладиться ея посильными дарами; онъ не потому ихъ отвергаетъ, чтобы ужъ понялъ ихъ ничтожность и не считалъ ихъ интересными и пріятными; нѣтъ, онъ просто боится, онъ точно какъ Шпекинъ у Гоголя: ему чрезвычайно хочется, ему очень любопытно и важно распечатать письмо Хлестакова, но какой-то голосъ шепчетъ ему въ одно ухо: не смѣй, не смѣй, не распечатывай. Ну, сами посудите,—въ этакомъ-то положеніи какой же Байронъ можетъ быть?..

Многіе изъ нашихъ поэтовъ увлекались байронизмомъ; но Подолинскій былъ съ нимъ всѣхъ смѣшнѣе. Въ его стихотвореніяхъ вы видите человѣка, который положительно не знаетъ, что̀ дѣлать съ собой: у него просто нѣтъ и не бывало глубины и энергіи страсти, а онъ долженъ увѣрять себя и другихъ, что все въ мірѣ недостойно его страсти. Но что̀ же именно недостойно? Вотъ въ этомъ-то и затрудненіе, тутъ-то и начинается его горе. Ему собственно все нравится, и онъ долженъ придумывать, что̀ бы объявить для себя постылымъ. Ну, и придумаетъ. Вотъ, напримѣръ, ему кажется, что ужъ пѣсню соловья никто не можетъ слушать безъ особеннаго умиленья, кромѣ человѣка самаго разочарованнаго: вслѣдствіе такого убѣжденія онъ и увѣряетъ: мнѣ все, говоритъ, въ жизни постыло, я все въ мірѣ презираю, ничто не въ силахъ увлечь меня, и даже, — говоритъ,—

Едва на пѣсню соловья
Отозвалась душа моя...

Или вдругъ представляется ему, что кто не восхищается видомъ горъ въ Швейцаріи, такъ ужъ это самъ сатана. И вотъ герой его, для полной обрисовки его отчужденія отъ всего міра, посылается въ Швейцарію, которую поэтъ называетъ «отчизною Телля». Что̀ же онъ тамъ дѣлаетъ?

Въ отчизнѣ Телля видѣлъ онъ
Съ снѣгами слитый небосклонъ
И горы льдистою громадой;
И гулъ паденія лавинъ
Съ какой-то горестной отрадой
Онъ слушалъ въ сумракѣ долинъ.

Здѣсь любопытно именно то, что онъ занимался этимъ «въ отчизнѣ Телля»... И поэтъ серьезно полагаетъ, что ужъ если въ отчизнѣ Телля горы не взволновали человѣка, то что̀ же послѣ этого остается для него—не только въ отчизнѣ Телля, но и въ цѣломъ мірѣ!..

Итакъ, вліяніе Байрона на Подолинскаго состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что разрушило мирную идиллію, которую поэтъ нашъ, по натурѣ своей, наклоненъ былъ сдѣлать изъ всего въ мірѣ. Но въ немъ не было силы удержаться на отрицаніи; онъ даже дошелъ до того, что отрицанье и сомнѣнье есть грѣхъ, дѣйствіе кичливаго ума, на которое влечетъ человѣка духъ злобы. Всякое недовольство происходитъ оттого, что

Онъ несбыточными снами
Божеству приличныхъ думъ
Заразилъ нашъ гордый умъ.

Пришедши къ такому сознанію, поэтъ сталъ искать себѣ успокоенія въ мірѣ сладкихъ грезъ, въ мистическихъ созерцаніяхъ; у него же мечтательность была однимъ изъ существенныхъ свойствъ таланта. Этой стороною, равно какъ и нѣжностью, томностью чувства, онъ нѣсколько напоминаетъ одного изъ современныхъ поэтовъ, Полонскаго. Но, кромѣ степени таланта, между ними есть еще и та разница, что въ основѣ поэзіи Полонскаго, даже въ фантастическихъ ея проявленіяхъ, мы видимъ гуманное начало, видимъ близость его къ людямъ и жизни; у Подолинскаго же эѳирность, фантазія, составляютъ самую сущность поэзіи. Онъ, по его собственному признанію, въ изображеніи поэта,—

Въ міръ необъятный, въ міръ иной
Перелетя воображеньемъ,
На мірѣ существенный съ презрѣньемъ
Глядитъ, какъ житель неземной,
И часто грудь его страдаетъ:
Не зная радостей земныхъ,
Онъ ихъ надменно отвергаетъ,
А замѣнить не можетъ ихъ...

Это значитъ, что для него поэзія уже не есть произведеніе впечатлѣній внѣшняго міра, возбудившихъ ту или иную реакцію въ его душѣ, а въ самомъ дѣлѣ наитіе какихъ-то невещественныхъ, заоблачныхъ силъ, уносящихъ поэта на седьмое небо. Вслѣдствіе такого воззрѣнія, поэтъ и на все смотритъ фантастическимъ образомъ. Напримѣръ, слезы, по его мнѣнію, опять не просто физіологическій процессъ, а слѣдствіе какой-то особенной, благодатно-фантастической исторіи, происшедшей съ Адамомъ. Слезы эти понравились Адаму:

Слезъ врачующую силу
Праотецъ благословилъ
И въ возмездье за могилу
Внука плакать научилъ...

Видите ли какъ: это, стало быть, дѣло условное, секретъ, который бы могъ составить монополію, если бы внукъ Адамовъ не разболталъ его всѣмъ, а передалъ бы опять-таки одному кому-нибудь изъ своего рода!..

Подобной чепухой занимается поэтъ постоянно и очень серьезно увѣряетъ, что—

Теряясь въ наслажденьи,
Онъ чувствуетъ, онъ слышитъ въ отдаленьи
Созвучье стройное міровъ.

Это ужъ совершенно напоминаетъ г. Гербеля, у котораго тоже

Душа утопала въ волшебномъ сіяньи,
Летѣла въ невѣдомый міръ,
И тамъ за хаосомъ, въ дали мірозданья,
Впивала надзвѣздный эѳиръ [1]).

Первое произведеніе, обратившее на г. Подолинскаго вниманіе публики (въ 1827 г.), была поэма «Дивъ и Пери». Это было самое безопасное подражаніе Байрону; основа пьесы—борьба добра и зла—принадлежитъ байроническому направленію, но смягченіе и просвѣтленіе злой силы подъ вліяніемъ добра было очень подъ стать таланту Подолинскаго, и въ этой поэмѣ оказалось дѣйствительно нѣсколько нѣжныхъ, задушевныхъ стиховъ. Вотъ откуда и пошло преданіе о «блестящихъ надеждахъ», поданныхъ Подолинскимъ въ началѣ его поприща. Эти надежды были уже преданіемъ въ 1834 г. и, конечно, еще раньше потерялись бы, или даже вовсе бы не родились, если бъ кто-нибудь раньше вздумалъ разсудить: могутъ ли въ поэзіи произвести что-нибудь воображеніе и чувство, направленныя совершенно фантастически и оторванныя отъ всякой почвы? Какъ только родился этотъ вопросъ, который уже самъ собою подразумѣвалъ отвѣтъ отрицательный, — такъ Подолинскій и уничтожился, исчезъ въ русской литературѣ. Въ 1837 г. появилась его поэма «Смерть Пери», которая несравненно лучше «Дива и Пери»; но на эту поэму никто уже не обратилъ никакого вниманія. Ясно уже было, что мистика не въ состояніи дать живого, удовлетворительнаго содержанія поэзіи, а г. Подолинскій ушелъ въ мистику очень далеко и сдѣлался въ поэзіи чѣмъ-то въ родѣ того, что былъ Кифа Мокіевичъ въ философіи. Онъ спрашивалъ, напр., цвѣты:

Скажите, такъ же ли, какъ люди,
И вы страдаете, цвѣты?
Не бьются ль сердцемъ ваши груди?
Васъ не волнуютъ ли мечты? и пр.

Онъ думаетъ о себѣ:

Я прахомъ разсыплюсь, я буду землей,
Но чувство, кто знаетъ, утрачу ль?
Кто знаетъ, любовью не вздрогну ль чужой,
Отрадной слезой не заплачу ль?

Одинъ изъ его героевъ сидитъ съ своей возлюбленной ночью на берегу моря и страшно тоскуетъ. Она его спрашиваетъ, отчего ему такъ тяжело. Онъ говоритъ, что не хочетъ нарушить грустной мыслью своею сладкій сонъ ея души. Но она настаиваетъ. Тогда онъ разражается:

Такъ взгляни жъ на это море,
Какъ роскошно на просторѣ
Блещетъ тканью золотой,
Озаренное луной!
Что же, если бъ перлъ вселенной,
Неожиданно, мгновенно,
Мѣсяцъ на небѣ потухъ,
И упалъ на волны вдругъ
Мракъ холодный и угрюмый?..

Съ простой, реальной точки зрѣнія все это очень смѣшно, и послѣ подобныхъ стишковъ отъ Подолинскаго для живого наслажденія намъ ждать нечего. Но мы не можемъ разстаться съ нимъ, не сказавши, что любители ратклифовскаго могутъ у него найти весьма дикія легенды, въ родѣ Дѣвичь-Горы и пана Бурлая, патріоты—стихотворенія на француза и на войну, гдѣ говорится между прочимъ о нашихъ врагахъ:

Завидно имъ, что есть держава,
Гдѣ власть—святыня, Царь—любовь,
Гдѣ съ каждымъ вѣкомъ вновь и вновь
Мужаетъ сила, крѣпнетъ слава:
Гдѣ твердо къ благу все идетъ,
Гдѣ было бъ чуждо, было бъ ново
Корысти, смутъ и страха слово—
Что къ намъ ихъ ненависть зоветъ.

Наконецъ, чистые эстетики тоже могутъ быть увѣрены, что почерпнутъ своего рода наслажденіе изъ стихотвореній г. Подолинскаго, ибо у него есть эротическія и описательныя пьески, ничѣмъ не уступающія произведеніямъ гг. Захарія Тура, Всеволода Крестовскаго и другихъ самоновѣйшихъ поэтовъ. Существованіе въ наше время подобныхъ поэтовъ и служитъ лучшимъ оправданіемъ полнаго собранія сочиненій Подолинскаго, изданныхъ очень изящно и продающихся по три цѣлковыхъ.

[1]) См. № 134.

395. Русская Лира.

Хрестоматія, составленная изъ произведеній новѣйшихъ поэтовъ. Изданіе *Н. Тиблена*. Спб. 1860 г.

Любовь.

Эротическія стихотворенія русскихъ поэтовъ. Собралъ *Григорій Книжникъ*. Спб. 1860 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 393.

М. Л.

Сборники стихотвореній разныхъ поэтовъ у насъ были на нѣсколько времени убиты хрестоматіею г. Галахова, которая лѣтъ 17 тому назадъ представляла въ себѣ соединеніе значительной доли лучшихъ произведеній русской поэзіи. Но въ послѣднія 17 лѣтъ написалось кое-что новое, да и изъ прежде написаннаго напечаталось многое, чего прежде не печатали; а г. Галаховъ въ семи изданіяхъ своей хрестоматіи упорно держался прежнихъ образцовъ, и исключая незначительныхъ измѣненій, обусловленныхъ обстоятельствами, ничего не мѣнялъ въ своей хрестоматіи. Русское юношество, которое по ней знакомилось съ русской литературой, какъ по экземплярамъ минералогическаго кабинета знакомилось съ ископаемымъ царствомъ, долго терпѣло кротко и безмолвно. Оно даже оставалось въ блаженномъ невѣдѣніи, полагая на основаніи неизмѣнной хрестоматіи, что послѣ Даля никто у насъ хорошихъ простонародныхъ разсказовъ не писалъ, что послѣ «Ревизора» не было у насъ комедіи, достойной стать хоть бы на-ряду съ «Пустодомами» кн. Шаховского, что графъ Соллогубъ долженъ быть считаемъ представителемъ новѣйшей русской повѣсти, что въ сатирѣ послѣдній дѣятель есть князь Вяземскій, въ элегическомъ родѣ до сихъ поръ никто не сравнился съ Ѳедоромъ Глинкою и графинею Ростопчиною, и пр. и пр. Но наконецъ и до свѣдѣнія юношества дошло, что есть теперь у насъ и другіе замѣчательные писатели, о которыхъ хрестоматія г. Галахова ничего не сообщаетъ, даже въ примѣчаніяхъ своихъ. Тогда явилась потребность въ другомъ сборникѣ, по возможности безъ Ломоносова, Державина, Княжнина и т. п. и по возможности болѣе съ Кольцовымъ, Лермонтовымъ, Аксаковымъ, Майковымъ, Огаревымъ, Полонскимъ, Тютчевымъ, Фетомъ, Гончаровымъ, Григоровичемъ, Островскимъ, Писемскимъ, Толстымъ, Тургеневымъ, Успенскимъ, Щедринымъ и пр. Составленіе такого сборника представляетъ, конечно, много хлопотъ, и потому до сихъ поръ являются только попытки въ стихотворной части, и то въ небольшихъ размѣрахъ. Полтора года назадъ вышелъ «Сборникъ» г. Щербины и имѣлъ большой успѣхъ; маленькій дѣтскій сборничекъ изданъ былъ въ прошломъ году въ видѣ приложенія къ «Подснѣжнику», теперь г. Тибленъ издалъ «Русскую Лиру». Мысль этой книжки — собрать лучшія пьесы съ народнымъ характеромъ, изображающія русскій быть, русскій людъ, русское чувство. Сообразно съ этимъ бо́льшая часть пьесъ взята изъ Кольцова, Никитина, и кромѣ того помѣщены въ концѣ книжки 16 простонародныхъ русскихъ пѣсенъ; затѣмъ перепечатана сказка о купцѣ Калашниковѣ (хотя это ужъ и не *лира*), и понемножку почти изъ каждаго замѣчательнаго поэта. Мысль изданія недурна, но исполненіе очень неудовлетворительно: многаго недостаетъ, а еще болѣе лишняго. Напримѣръ, изъ Кольцова не взяты двѣ пѣсни лихача-кудрявича, а помѣщены слабыя пьесы: «Ночлегъ чумаковъ» и «Кольцо», изъ Пушкина какъ-то зашли сюда «Воевода» (переводная пьеса!) и «Гусаръ», а не взяты, напр., «Бѣсы», «Зимняя дорога», «Зимній вечеръ». Изъ Лермонтова нѣтъ «Родины», а есть «Бородино». Къ нѣкоторымъ поэтамъ собиратель не благоволитъ. Такъ, напр., не взялъ онъ ничего изъ Бенедиктова, Губера, Полонскаго, Стаховича, Хомякова, Щербины, хотя у всѣхъ этихъ поэтовъ есть вещи, которыя были бы въ книжкѣ г. Тиблена гораздо приличнѣе многихъ изъ помѣщенныхъ въ ней. Напр., хоть бы гг. Бенедиктовъ или Стаховичъ — конечно не Богъ-вѣсть какъ хорошо пишутъ; но отчего же бы не помѣстить пѣсенъ г. Стаховича тамъ, гдѣ напечатана «Масляница на чужой сторонѣ»? Или почему «Малое слово о великомъ» или «Россіи» не могло бы помѣститься рядомъ съ пьесою: «Кто онъ?» Да тутъ еще и не такія пьесы помѣщены: тутъ есть «Москва» Ѳ. Глинки, есть «Василій Шибановъ» гр. Толстого; послѣ этого рѣшительно непонятно,

почему нѣтъ тутъ «Клеветникамъ Россіи» и «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ».

Вообще книжка составлена такъ пестро, что рѣшительно не представляетъ возможности характеризовать по ней «русскую лиру». Видно, что при выборѣ пьесъ не было никакой системы, не говоря уже о единствѣ направленія.

Но изданіе г. Тиблена есть сокровище, геніальность, chef d'oeuvres въ сравненіи съ книжечкою, изданною Григоріемъ Книжникомъ [1]). Этотъ таинственный книжникъ не въ первый разъ уже, подъ покровомъ библіографіи, является въ публику съ разсчетомъ на выгодную аферу. Въ прошломъ году онъ издалъ ученымъ образомъ, библіографически, «Ваньку Каина» [2]), и мы въ свое время разбирали это изданіе, — тоже, помнится, съ учеными примѣчаніями.... Теперь почтенный книжникъ, отъ разбоя переходя къ сладострастію, издалъ «*Эротическія стихотворенія* русскихъ поэтовъ». Никогда не видали мы болѣе безобразнаго набора стихотвореній,—ни въ одномъ пѣсенникѣ, ни въ одной тетрадкѣ школьника. Тутъ и Арбузовъ, и Вердеревскій, и Вуичъ, и Капнистъ, и Костровъ, и Милоновъ, и Кроль, и Н. Ф. Павловъ.... И кого тутъ нѣтъ.... есть даже Владиміръ Зотовъ и Григорій Данилевскій... Но не подумайте, чтобъ Григорій Книжникъ старался втиснуть въ свою книжку какъ можно болѣе *страстныхъ* стиховъ, не заботясь объ ихъ достоинствѣ. Нѣтъ, вовсе нѣтъ: онъ человѣкъ нравственный, деликатный, скромный, и очень заботился, чтобы страсти не слишкомъ разгорались въ его сборникѣ. Только въ заглавіи рискнулъ онъ, и то больше для того, чтобы книжка лучше сбывалась; да и тутъ, должно быть, такая дерзость ошеломила его до того, что онъ грамотѣ разучился и допустилъ въ эпиграфѣ напечатать: «любви *все* возрасты покорны». Въ самой же книжкѣ хоть и есть, напр., стишки: «Блаженъ, кто могъ на лонѣ ночи», но нѣтъ ни «Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ», ни «Ольга, крестница Киприды», ни «Гарема», ни «Вакханки», и другихъ подобныхъ стихотвореній въ родѣ Парни. Тутъ болѣе все такія пьесы, какъ, напр., «Ты и вы» Пушкина, «Мой другъ, хранитель-ангелъ мой» Жуковскаго, «Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно» Лермонтова, и т. п. Само собою разумѣется, что тутъ вошли и «Для береговъ отчизны дальной» и «Я помню чудное мгновенье», и «Я васъ любилъ» изъ Пушкина, и «Fortunata» Майкова, и «Еврейская пѣсня» Мея, и «Когда бъ онъ зналъ» гр. Ростопчиной, и «Гондольеръ» Кони, — словомъ, все привилегированное, обвульгарившееся, чтобы не сказать: опошлѣвшее, отъ частаго употребленія. Но гдѣ такого клейма не было, тамъ издатель обнаружилъ не только полнѣйшее безвкусіе, но и невѣжество. Для доказательства безвкусія довольно сказать, что въ сотнѣ дрянныхъ пьесъ, набранныхъ богъ-вѣсть откуда, находимъ только два стихотворенія Кольцова («Ты не пой, соловей» и «Послѣдній поцалуй»), а ужъ у Кольцова ли не выбрать было пьесъ о любви!

Въ доказательство невѣжества спекулятора-книжника можемъ привести теперь два факта, случайно бросившіеся намъ въ глаза. У г. Ѳ. Глинки есть три стихотворенія, связанныя между собою общей мыслью,— Вѣра, Надежда, Любовь. Они были вмѣстѣ, рядомъ напечатаны въ одномъ старинномъ альманахѣ (Альбомъ Сѣверныхъ Музъ): можно бы, кажется, понять, въ какомъ смыслѣ здѣсь принимается любовь. А г. Книжникъ отдѣлилъ «Любовь» отъ первыхъ двухъ стихотвореній и помѣстилъ его въ числѣ *эротическихъ!*

Другой фактъ еще лучше. У Байрона есть стихотвореніе «Къ сестрѣ Августѣ». Оно переведено очень дурно г-жею К. Павловою и напечатано, неизвѣстно почему, подъ заглавіемъ: «Къ***». Григорій Книжникъ и эти стихи принялъ за *эротическіе!*

Каково знаніе литературы русской и иностранной, а пуще всего—какая глубина здраваго смысла!

По шарлатанству своему книжонка эта принадлежитъ къ тому же роду, какъ «Правда о мужчинѣ и женщинѣ», «Атака женскихъ сердецъ», «Улика пылкихъ женщинъ», и пр. Но по наглости и тупоумію она превосходитъ ихъ....

---

[1]) Псевдонимъ Г. Геннади.
[2]) См. № 271.

396—399. Свистокъ № 5.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

Всѣ номера этого номера «Свистка» напечатаны въ V кн. «Современника» 1860 г. (ценз. 29 апрѣля).

Кокореву положительно не было передышки отъ ударовъ «Свистка». Здѣсь (№ 397) представлены новые его подвиги, которымъ только Добролюбовъ и далъ настоящее освѣщеніе.

«Юное дарованіе» (№ 398)—это пародія на выступившаго тогда поэта К. К. Случевскаго. Добролюбовъ самъ не зналъ, какъ подѣйствуютъ ею пародіи на поэта: послѣдній былъ ими очень потрясенъ и надолго прервалъ свою поэтическую дѣятельность. Такъ какъ Н. А. совершенно не принаравлялся ни къ размѣру пародируемаго стиха, ни къ количеству стиховъ и часто, взявъ въ свою пародію только нѣсколько общихъ словъ, писалъ стихотвореніе очень далекое отъ оригинала, то очень трудно точно указать всѣ пародируемыя имъ произведенія Случевскаго. По всей вѣроятности, «Первая любовь» — это «Пѣсня луннаго луча», «Родина великая» — «Гимнъ св. кн. Владиміру, «Куда дѣваться»—«Ночь весны», напечатанная въ II кн. «Соврем.» 1860 г., «Причина мерцанія звѣздъ» — «Вечеръ на Леманѣ» (тамъ же).

Когда Погодинъ прочиталъ издѣвательства надъ собой Добролюбова (см. № 386), то онъ рѣшилъ обратить весь диспутъ въ шутку, о чемъ и заявилъ въ своей статьѣ въ «Рус. Бесѣдѣ»: «это было не что иное, какъ шутка», прибавивъ къ этому еще цѣлый рядъ увертокъ и сведя все къ какому-то комическому непониманію шутки со стороны Костомарова. Послѣдній отвѣтилъ въ V кн. «Современника» и оцѣнилъ эту выходку какъ подобало. Этого мало, въ той же книжкѣ напечаталъ статью и Чернышевскій, гдѣ прямо заявилъ, что Погодинъ тщеславенъ и наглъ, занимался доносами въ «Москвитянинѣ», поддѣлывался къ сильнымъ міра сего и къ людямъ съ большой мошной и пр. Потомъ Н. Г. привелъ свои слова Костомарову, котораго отговаривалъ принимать вызовъ на диспутъ: «Г. Погодинъ вызываетъ васъ на шутовство. Онъ самъ имѣетъ такую репутацію, что уже не можетъ ничѣмъ испортить ее; но человѣку, пользующемуся уваженіемъ публики, какимъ пользуетесь вы, неудобно связываться съ г. Погодинымъ: вы компрометтируете себя черезъ это и увидите, что г. Погодинъ принудитъ васъ къ объясненіямъ, очень непріятнымъ для васъ, человѣка, не любящаго полемики даже и приличной, а не только такой, какую имѣетъ обычай вести г. Погодинъ». Въ заключеніе своей очень страстной замѣтки Чернышевскій сказалъ: «пора намъ дѣятельнѣе прежняго приняться за перетряску хлама многихъ ученыхъ и другихъ нашихъ знаменитостей, чтобы всѣмъ стало видно, что это именно хламъ, ничего не стоющій, ни къ чему негодный и чтобы не мѣшалъ этотъ хламъ дѣятельности тѣхъ немногихъ хорошихъ ученыхъ, которыхъ, къ счастью, мы уже имѣемъ. Пора намъ, наконецъ, раздѣлаться съ пустыми репутаціями, мѣшающими намъ сосредоточивать наше вниманіе исключительно на мнѣніяхъ дѣльныхъ людей».

Добролюбовъ переложилъ все это въ музыку стиха (№ 399) и довелъ Погодина до бѣшенства, что̀ видно изъ переписки Н. А. съ москвичами.

На чьей сторонѣ были симпатіи публики въ такомъ шагѣ Погодина, можно видѣть изъ словъ такого далеко не зараженнаго духомъ времени современника, какимъ былъ И. Деляновъ. Въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу отъ 18 іюня 1860 года онъ говоритъ: «Каковъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Шумѣлъ, кричалъ, а теперь объявилъ, что весь диспутъ былъ сдѣланъ имъ для шутки. Ну, зато и досталось ему въ майской книжкѣ «Современника»—отъ Костомарова, Чернышевскаго и Добролюбова».

Кстати, небольшой курьезъ. По выходѣ V книги въ свѣтъ кто-то пришелъ и написалъ карандашемъ на двери Добролюбовской квартиры: «безнравственный семинаристъ» (Матеріалы», 567).

Въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», столь близкихъ по сердцу и уму всему, что̀ давало обильный матеріалъ для «Свистка», появилась статья отъ редакціи, въ которой она сдѣлала строгій выговоръ всему «Современнику» — подходилъ, вѣдь, конецъ года, приближалось время подписки, которое Краевскій всегда умѣлъ использовать... Сказавъ, что наше общество не имѣетъ «извѣстныхъ законовъ, безъ которыхъ не можетъ жить никакое общество»; что «люди опытные и знающіе ста-

раются удержаться въ границахъ»,—«Отечественныя Записки» продолжали: «Люди болѣе отважные, нежели знающіе, болѣе молодые, нежели талантливые, схватились за насмѣшку надъ наукою и литературою, которыя, какъ бы ни были ограничены своимъ объемомъ у насъ, все-таки стоятъ недосягаемо выше тѣхъ насмѣшекъ, которыми ихъ потчуютъ. Началось насмѣшками надъ исторіей, надъ литературой, надъ политическою экономіею и публицистами Запада въ то время, когда мы, по нашимъ познаніямъ, были пигмеи передъ этими авторитетами, и кончилось свистомъ, безъ всякихъ разсужденій, надъ лицами, трудившимися надъ исторіей, литературой и политическими науками. Какъ только раздался свистъ—его могло остановить общество, могло и поощрить то же общество». «Какое же наше общество?»—спрашиваютъ далѣе незащищенныя обществомъ «Отечественныя Записки». «Достаточно ли оно подготовлено для рѣшенія этого вопроса? Что, если бъ подобный свистъ раздался—не говоримъ въ Германіи и Англіи — но даже въ теперешней Франціи: какъ бы взглянуло на свистуновъ долго живущее литературною жизнью общество? Тамъ бы оно отвѣтило личной расправой, которая весьма дѣйствительна для лицъ, скрывающихся подъ псевдонимами, а потомъ и общимъ презрѣніемъ покрыло бы людей, которые глумятся безъ цѣли, смѣются надъ тѣмъ, что ихъ же вскормило». Поговоривъ еще въ стилѣ весьма возвышенномъ о серьезности общества въ Германіи и пуританизмѣ въ Англіи, «Отечественныя Записки» взывали къ нашему, русскому, и находили, что оно само должно стать на защиту своей литературы отъ свистуновъ, и такъ торжественно заканчивали свою статью: «Вопросъ этотъ мы считаемъ очень важнымъ, а потому предлагаемъ его на обсужденіе всѣхъ, кто сколько-нибудь дорожитъ литературой и наукой» (стр. 37—39).

На этотъ скрытый призывъ къ цензурѣ недурно отвѣтило «Время».

«Затѣмъ останавливать? Пусть свищутъ. Они иногда очень смѣшно свищутъ. И то ужъ хорошо, что по крайней мѣрѣ можно свистать. И безъ васъ найдется много охотниковъ прекращать, искоренять и очищать. Пусть себѣ свищутъ! Если свистъ будетъ кстати, общество, къ которому вы взываете о пріостановленіи его, будетъ въ выигрышѣ. Если же онъ окажется дурнымъ, то, повѣрьте, онъ самъ собою прекратится: само общество прекратитъ его». «Смѣяться и заставлять другихъ смѣяться дѣло вовсе нелегкое, милостивый государь. Чтобъ смѣяться, нужно сперва знать, надъ чѣмъ смѣяться, потому что смѣяться надъ всѣмъ безъ разбора» значитъ ни надъ чѣмъ не смѣяться. (1861, I, 60—62). И такой отвѣтъ «Времени», журнала далеко не радикальнаго и тоже во многомъ старозавѣтнаго и затхлаго, нельзя не разсматривать, какъ одну изъ оцѣнокъ «Свистка» вообще.

М. Л.

---

396. ОГОВОРКА.

Время на время не приходитъ: такъ точно и свистъ на свистъ не приходится. Вотъ теперь, напримѣръ, говорятъ, майская погода, а кто ее отличитъ отъ декабрьской? Извѣстно, что въ декабрѣ всегда въ Петербургѣ Нева проходитъ, ледъ идетъ по ней, сверху каплетъ что-то подходящее больше къ дождю, чѣмъ къ снѣгу, франты и дѣвицы скачутъ на тройкахъ за городъ, по улицамъ чиновники въ полной парадной формѣ разъѣзжаютъ съ визитами на яликахъ. И теперь то же самое: Нева прошла, и ледъ по ней до сихъ поръ временами крадется; пылкія натуры точно такъ же стремятся за городъ и перевозятъ свою движимость на вѣрныхъ коняхъ, ничуть не уступающихъ въ худобѣ знаменитымъ зимнимъ тройкамъ; сверху льется такой холодный дождь, что такъ и думаешь: онъ навѣрное—либо былъ, либо будетъ снѣгомъ... А ежели чиновники на яликахъ не катаются, такъ зато они по грязи шлендаютъ—то же самое и выходитъ... Такъ вотъ подите же, скажите, что теперь декабрь: никто вѣдь не повѣритъ. «Какъ же,—скажутъ,—а счетъ-то, а календарь-то?» Рутина—скажу я вамъ, милостивые государи,—одна рутина, и больше ничего! По-нашему—пригрѣло солнышко въ декабрѣ, получилъ награду къ празднику, знаменитаго литератора увидѣлъ, прекрасной жены лишился — вотъ и май, — и отправляйся себѣ въ Екатерингофъ! А какъ ежели въ маѣ да проберетъ тебя Чернышевскій вдвоемъ съ Костомаровымъ [1]), или придется тебѣ почитать «Весенніе звуки» да «Весеннія ночи» въ русскихъ журналахъ, или какъ въ Москву попадешь, да тамъ при тебѣ о г-жѣ Свѣчиной заспорятъ [2]),

[1]) См. выше мою замѣтку.

[2]) По поводу появленія въ свѣтъ книги «Жизнь и труды С. П. Свѣчиной» «Русскій Вѣстникъ» схватился съ Ев. Туръ, и полемика ихъ по вопросу, особенно въ то время, очень пустому, превратилась въ цѣлое море печатныхъ страницъ и столбцовъ.

такъ тутъ тебѣ такой май покажется, что декабря запросишь: по крайности, тутъ ужъ послѣдній мѣсяцъ; съ новымъ-то годомъ авось, молъ, и получше что̀ будетъ... Но всѣ эти здравыя убѣжденія, хотя всякому понятныя и весьма наглядно изложенныя, ни на кого не подѣйствуетъ,—мы въ этомъ увѣрены. Затвердили себѣ, что май есть май, да и кончено: по закону тожества, говорятъ, такъ выходитъ. А какое тутъ тожество? У людей май бываетъ свѣтелъ и радостенъ; а у насъ что? Только и есть радости, что иной разъ статейку о «Накануунѣ» получишь. Ну, пока ее читаешь, и весело, и забавно; а потомъ опять темно на душѣ дня на три, пока не принесутъ въ какомъ-нибудь журналѣ или газетѣ еще статейку о «Накануунѣ». Тоска, да и только. А все маемъ зовется...

Такъ-то вотъ и «Свистокъ»: не всегда онъ въ себѣ тождество имѣетъ. Вы не думайте, что ужъ коли свищетъ человѣкъ, такъ ему и весело. Конечно, мы благонравные юноши и болѣе по кротости душевной свистимъ, подобно птенцамъ неопытнымъ; но иной разъ — не только благонравный юноша, а даже деликатная дѣвица вдругъ отъ чего-нибудь въ ужасъ придетъ, такъ вѣдь какъ—не то что засвищетъ, а просто завизжитъ! А то возьмите хоть на параходѣ свистокъ: такъ хватитъ, что уши зажмешь, да и то не знаешь куда дѣваться. По-настоящему, это ужъ и не свистъ, а вой какой-то; а все свистомъ называютъ. Что станешь дѣлать? Скажешь только съ поэтомъ: «что имя? звукъ пустой», да съ тѣмъ и останешься.

«Свисткомъ» назвался, такъ свищи. Хорошо; но только ужъ извините насъ, если мы свистъ теперь пустимъ немножко особенный. Мы въ неспокойномъ состояніи теперь находимся: получили репримандъ неожиданный. Вообразите: 58 ученыхъ и литераторовъ, обиженныхъ послѣднимъ нашимъ свисткомъ (кто-то высчиталъ, что тамъ обижено 58 персонъ, а ужъ мы какъ, кажется, старались, чтобы вести дѣло безобидно!), самоотверженно рѣшились взаимно произвести другъ друга въ Чацкина и Горвица, т.-е. обнародовать противъ насъ «Учено-литературный протестъ», говорятъ съ эпиграфомъ: «иль мало насъ?» И вдругъ— о, горе!—нашелся кто-то 59-й, тоже обиженный, но только не въ «Свисткѣ», а въ «Современникѣ»,—и *разговорилъ* сонмъ пятидесяти осьми! Протестъ разлетѣлся какъ дымъ, какъ утренній туманъ! Повѣрьте, о, читатели, что отъѣздъ Хлестакова не такъ сильно поразилъ дѣвственное сердце Марьи Антоновны Сквозникъ-Дмухановской, какъ поразила насъ безвременная кончина протеста, послѣдовавшая при самомъ его зачатіи!.. [1])

Другое обстоятельство, которое насъ тревожитъ, это всеобщіе раздоры, возвѣщающіе обыкновенно конецъ міра и наступленіе осени (послѣднее для журналистовъ). Оглянитесь только вокругъ себя на политическое и литературное положеніе Европы и вы согласитесь, что мы правы, что есть отъ чего въ отчаяніе прійти. Сочтите только: папа почти отлучилъ Виктора-Эммануила; г. докторъ медицины Росновскій, въ отвѣтъ г. Ханкину на рецензію «Категорической классификаціи болѣзней», сочинилъ цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: «О девизахъ въ медицинѣ и медицинскихъ туттифруттикахъ»; г. Селивановъ вышелъ изъ московскаго общества любителей словесности, о чемъ г. Хомяковъ узналъ съ удовольствіемъ; генералъ Венедекъ не хотѣлъ обѣдать вмѣстѣ съ Эйнотгеномъ; Брукъ дошелъ до того, что руки на себя наложилъ; «Русскій Вѣстникъ» сдѣлалъ выговоръ г. Утину; [г. Пироговъ вздумалъ сѣчь дѣтей], г. Козловъ вздумалъ уродовать Байрона [2]), Антонелли—выпускать романьольскихъ бродягъ, содержавшихся въ римскихъ тюрьмахъ, Н. Ф. Павловъ съ цѣлымъ сонмищемъ Дарагановъ, Власьевыхъ, русскихъ женщинъ — преслѣдовать г. Тургенева [3]); испанцы пошли на Марокко, г-жа Туръ— на г-жу Свѣчину, редакція «Русскаго Вѣстника»—на г-жу Туръ... Намъ кажется даже, что «Атеней» пошелъ бы на редакцію «Русскаго Вѣстника», если бы былъ живъ... «Ужасный вѣкъ! Ужасныя сердца!» А еще говорятъ, что весна, а еще г. Крестовскій съ кѣмъ-то проливаетъ слезы надъ весенней страницею Фета! Нѣтъ! это время больше на осень похоже по горечи своихъ плодовъ! Или, можетъ быть, это еще только цвѣточки, а ягодки будутъ послѣ? Неужели будутъ?.. Неужели и изъ цвѣтовъ изящнаго краснорѣчія Н. Ф. Павлова будутъ ягоды? [4]) Неужели и изъ норманскихъ цвѣтовъ г. Погодина произойдутъ плоды? Неужели вырастетъ что-нибудь и изъ цвѣточныхъ стишковъ гг. Крестовскаго, Княжецкаго, Кроля и всѣхъ имъ подобныхъ, которыхъ нынче развелось такъ много, что и не перечтешь, и изъ которыхъ иные извѣстны читателямъ «Современника»?.. Нѣтъ, нѣтъ, читатель, будемъ питать себя сладкою надеждою, что это все пустоцвѣтъ.

Но не всегда и пустоцвѣтъ бываетъ пріят-

---

[1]) См. замѣтку къ № 357.
[2]) Сталъ печатать его переводы.
[3]) Статьями о «Накануунѣ».
[4]) Очень ядовито—:неужели Павловская газета «Наше Время» займется просто доносами на неблагонамѣренность литераторовъ.

нымъ и вожделѣннымъ явленіемъ: намъ, напримѣръ, добродушнымъ и довѣрчивымъ юношамъ, очень не хотѣлось, чтобы оказались пустоцвѣтомъ три предмета, особенно живо занимавшіе насъ: 1) величіе г. Кокорева, сравненнаго съ Юстиніаномъ въ извѣстной книгѣ русскаго Гизо, Николая де-Жеребцова [1]); 2) Волжско-Донская желѣзная дорога, на которую говорилъ рѣчи нашъ другъ и союзникъ — академикъ Погодинъ, которой акціи имѣлъ неосторожность взять одинъ изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ; 3) благодѣтельная россійская гласность, все обѣщающая исправить и исцѣлить подъ рукою, втихомолку и понемножку... И вдругъ, представьте — всѣ наши иллюзіи по каждому изъ трехъ означенныхъ предметовъ разрушены въ недавнее время! Да вѣдь какъ разрушены-то! Вѣрить бы не хотѣлось тому, что самимъ же разбирать пришлось. Мы уже разъ двадцать принимались восклицать стихи Пушкина:

«Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ!»

Думали, — не легче ли будетъ... Нѣтъ, ничто не беретъ.

Пробовали мы свистнуть, но и свистъ вышелъ какой-то странный, дикій и печальный... Да иначе и нельзя: во-первыхъ, погода майская [2]), во-вторыхъ, всеобщія распри и волненія, и, наконецъ, въ-третьихъ, посмотрите сами, что̀ дѣлается на свѣтѣ, хотя и подъ толстымъ покровомъ благодѣтельной гласности.

I.

397. ОПЫТЪ ОТУЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ ОТЪ ПИЩИ.

Чудище обло, огромно,
стозѣвно и—лаяй!
Тредьяковскій.

ОТЧЕГО ИНОГДА ЛЮДИ МРУТЪ, КАКЪ МУХИ?

В. А. Кокоревъ увѣряетъ, будто оттого, что телеграфы не вездѣ существуютъ. Да при томъ,—прибавляетъ онъ,—какъ же не умирать людямъ, которыхъ не кормятъ по нѣскольку дней, привозятъ и пускаютъ въ голую безплодную степь, безъ хлѣба, безъ всякихъ запасовъ на 40° жару, не заготовивши имъ никакихъ помѣщеній, не пославши съ ними ни лѣкаря, ни медикаментовъ... Какъ тутъ не умереть человѣку?..

Правда, совершенная правда! Какъ тутъ не умереть человѣку? И дивиться нечего: дѣло совершенно натуральное, даже, можно сказать, неизбѣжное... Напротивъ, удивительно было бы, если бы при такихъ условіяхъ не умирали люди, — хотя бы даже и телеграфы были повсюду: ибо извѣстно, что медики, лѣкарства, хлѣбъ и помѣщенія — по телеграфу не пересылаются...

Но скажите, пожалуйста, гдѣ же это подвергаютъ людей такимъ отчаяннымъ пыткамъ, такой ужасной смерти? На чье это жестокосердіе и звѣрство нападаетъ г. Кокоревъ съ обычнымъ своимъ практическимъ смысломъ? Какому варвару доказываетъ онъ, что болѣзни и смертность составляютъ необходимое послѣдствіе безумныхъ и ужасныхъ распоряженій, имъ перечисленныхъ?

Погодите, господа, приходить въ ужасъ: никакого варвара и злодѣя тутъ нѣтъ, а просто г. Кокоревъ совершаетъ похвальный актъ *самообличенія и покаянія*. Благоразумныя распоряженія, произведшія въ цѣлой массѣ рабочихъ людей болѣзни и смертность, совершились въ обществѣ Волжско-донской желѣзной дороги, котораго г. Кокоревъ былъ учредителемъ, и въ распоряженіяхъ этихъ онъ признаетъ себя значительно повиннымъ. Исторія всего дѣла довольно длинна, но мы попробуемъ разсказать ее съ нѣкоторою подробностью и, въ заключеніе, прибавимъ новыя свѣдѣнія по дѣлу рабочихъ Волжско-донской желѣзной дороги, послѣдовавшія уже послѣ покаянія г. Кокорева.

Извѣстно, что общество Волжско-донской дороги открылось въ декабрѣ 1858 года и въ первомъ же собраніи своемъ заявило себя рѣчами, полными любви къ русскому человѣку. Такъ, г. Кокоревъ сказалъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, провозгласилъ:

«Мы желали заказать пароходы для Дона въ Россіи, *чтобы выпискою изъ-за границы не причинять себѣ гражданскаго стыда,* но, по неимѣнію у насъ въ достаточномъ количествѣ механическихъ заведеній, должны были, изъ желанія ускорить плаваніе на Дону, обратиться къ заводчикамъ на Дунаѣ. *Не будемъ скрывать того, что это обстоятельство пробуждаетъ во всѣхъ насъ* (то-есть, въ комъ же именно?) *чувство стыда*, и чѣмъ *глубже его сознаніе, тѣмъ вѣрнѣе въ немъ кроется сила грядущаго обновленія*» («Моск. Вѣд.» 1859 года, № 3).

Вотъ патріотизмъ-то какой у г. Кокорева! Во что бы то ни стало хочется ему имѣть пароходы доморощенные, и только уже совершенная невозможность, *неимѣніе* у насъ механическихъ заведеній, заставляетъ его обратиться за границу... А то бы онъ, во славу патріотизма, непремѣнно гдѣнибудь у себя заказалъ... Вотъ что значитъ имѣть *высшія* соображенія въ ком-

[1]) См. № 204.

[2]) Едва была написана эта статейка, какъ погода сдѣлалась невыносимо жаркою: новое доказательство благотворной силы гласности, которая немедленно исправляетъ все, до чего коснется. *Прим. Д.*

мерческомъ дѣлѣ: не ищи, гдѣ бы купить лучше и дешевле, а думай о томъ, чтобы покупка въ извѣстномъ мѣстѣ не навлекла «гражданскаго стыда» на любезное отечество!..

И видно, что общество вполнѣ прониклось патріотизмомъ г. Кокорева, — только повернуло его немножко въ другую сторону. Не имѣя возможности похвастаться предъ иностранцами своими механическими заведеніями, оно рѣшило, какъ видно, щегольнуть нашимъ національнымъ богатствомъ. Этимъ, конечно, и объясняется, что (по свѣдѣніямъ правленія общества, въ «Спб. Вѣд.» 1859 г. № 257) пароходы, заказанные для донского пароходства на заводѣ Лерда, обходятся обществу въ 750—800 рублей за силу, тогда какъ мы въ акціонерной полемикѣ послѣдняго времени привыкли постоянно встрѣчать цифру 400 — 500 р. за пароходную силу. Да еще прибавьте къ этому, что и заказы-то были вовсе не нужны, и что они, какъ дунайскіе заказы, сдѣланы были еще тогда, когда только-что предполагалось приступить къ изслѣдованіямъ о плаваніи по Дону, и когда еще были одни смутныя предчувствія о необходимости очистки донскихъ гирлъ... Все это произведено было силою патріотическихъ стремленій...

Но заказы пароходовъ, какъ и вся «искусственная» часть дѣла, до насъ съ г. Кокоревымъ не относятся, и потому оставимъ ихъ въ сторонѣ. Гораздо ближе нашему сердцу рѣчь г. Погодина, который говоритъ безъ обиняковъ: люблю русскаго человѣка за то, что въ немъ много довѣрчивости, безъ которой намъ всѣмъ пришлось бы положить зубы на полку... Рѣчь эта—о важности довѣрія—до сихъ поръ еще не оцѣнена по достоинству, а между тѣмъ она есть такой памятникъ нашего ораторскаго искусства, который въ будущемъ изданіи хрестоматіи г. Галахова долженъ блистательно замѣнить рѣчь г. Морошкина о томъ, что наше «Уложеніе» есть результатъ всемірнаго стремленія народовъ къ единству». По мнѣнію г. Погодина, все должно быть основано на «довѣріи особаго, высшаго рода», все должно дѣлаться «*по душѣ*», т.-е. надо вѣрить всему, что̀ объявятъ тѣ, у кого въ рукахъ дѣло.

Отчетовъ никакихъ не нужно, — увѣряетъ г. Погодинъ, — ибо гдѣ отчетность, тамъ, по большей части, и неправда... Отчетность и хороша,—проговаривается онъ при этомъ,—но, *по нашему* (то-есть г. Погодинъ—съ кѣмъ еще?) *характеру*, имѣетъ свои неудобства и невыгодныя стороны... Поэтому, говоритъ, лучше намъ не отдавать никакихъ отчетовъ... то-есть, нѣтъ... онъ сказалъ лучше намъ *не требовать* никакихъ отчетовъ и предаться вполнѣ въ руки учредителей. Вотъ теперь намъ нужно, говоритъ, директоровъ выбирать; но что мы тутъ смыслимъ, кого выберемъ? Напутаемъ только. Нѣтъ, поклонимся-ка лучше учредителямъ, да попросимъ ихъ сказать намъ, кого надо назначать директорами. Такъ оно и будетъ, какъ они рѣшатъ. «Мнѣ кажется, — увѣрялъ маститый профессоръ,— что лучше всего мы соблюдаемъ наши выгоды, сказавъ нашимъ учредителямъ съ ихъ будущими директорами, какъ говаривали наши дѣды: если вы не оправдаете нашей довѣренности, *если вы насъ обманете, то вамъ будетъ стыдно... И если они насъ обманутъ, то имъ будетъ стыдно*».

Все это, какъ видите, говорилось во имя русской народности, въ видахъ уваженія къ отцамъ и дѣдамъ, въ увѣренности насчетъ высокихъ сердечныхъ качествъ русскаго человѣка. Представителемъ русскихъ людей былъ въ числѣ учредителей г. Кокоревъ; къ нему тотчасъ и обратились съ предложеніемъ директорства. Но онъ, «по многосложности своихъ занятій», отказался отъ этого званія; тогда его избрали почетнымъ членомъ правленія. Съ избраніемъ его для общества обезпечивалось присутствіе русскаго элемента въ дѣлѣ, обезпечивалась, кромѣ того, *полная* и *безусловная* гласность, которой такъ ревностно служитъ г. Кокоревъ. Такъ г. Кокоревъ и говорилъ въ собраніи акціонеровъ: «поведемъ это дѣло не по однѣмъ только форменнымъ колеямъ, а при содѣйствіи *спасительной гласности, по широкой дорогѣ современнаго и истиннаго человѣческаго взгляда на общественныя нужды*».

Поговоривши такимъ образомъ, начали дѣло. Въ первые мѣсяцы все было хорошо. Никто ничего не говорилъ противъ общества; къ спасительной гласности не прибѣгалъ даже г. Кокоревъ, не ранѣе, какъ въ концѣ ноября объявившій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 21), каково было истинное положеніе дѣла при его началѣ. При открытіи общества онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Погодинымъ, все восхищался тѣмъ, что акціи общества разобраны, несмотря на соперничество *гарантированныхъ* акцій Главнаго Общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ ноябрѣ г. Кокоревъ пропечаталъ, что къ открытію Волжско-донского общества акцій было разобрано только двѣ трети, остальную же *треть*, т.-е. болѣе чѣмъ на $2^1/_2$ милліона рублей, г. Кокоревъ взялъ на себя и на своихъ знакомыхъ—*единственно по необходимости, чтобы предпріятіе могло состояться*. Если такъ, то позволительно усомниться въ основательности восторговъ, съ которыми въ декабрѣ 1858 г. Кокоревъ

и Погодинъ отзывались объ успѣшномъ расходѣ акцій: ясно, что все дѣло устроено было единственно пособіемъ г. Кокорева, который одушевленъ былъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, любовью къ дѣлу, къ *національной* пользѣ предпріятія, а никакъ не разсчетами собственныхъ выгодъ. Недаромъ же его и директоромъ выбирали, и почетнымъ членомъ правленія избрали!..

Но всегда найдутся люди, готовые перетолковать самое безкорыстное дѣло въ дурную сторону. Такъ и здѣсь: нашлись господа, утверждавшіе, что акціи шли вовсе не такъ плохо, и что заботливость г. Кокорева объ устройствѣ дѣла была ужъ слишкомъ предупредительна. Поэтому, по собственнымъ словамъ гласнолюбиваго г. Кокорева, «многіе *укоряли* его за то, что онъ *оставилъ за собой* много акцій, *и даже видѣли въ этомъ дѣйствіе, лишавшее другихъ возможности получить акціи*». Но давно уже извѣстно, что г. Кокоревъ все побѣждаетъ своимъ великодушіемъ: на эти укоры (раздавшіеся, вѣроятно, *въ концѣ 1858 и въ началѣ 1859 года)* онъ торжественно отвѣчалъ въ 21 № «Русскаго Вѣстника», вышедшемъ *29 ноября* 1859 года (т.-е. когда уже видно стало, что дѣло ведется очень плохо, и когда акціи стали обѣщать явный убытокъ). Отвѣчалъ онъ слѣдующимъ аргументомъ: «я уже сказалъ, что такую громаду акцій я оставилъ за собою по необходимости, и *дѣйствительность этого могу подтвердить тѣмъ, что я готовъ половину изъ нихъ передать желающимъ, когда угодно*». Объявленіе это, при всемъ своемъ великодушіи, могло показаться нѣсколько позднимъ, и потому г. Кокоревъ удостоилъ даже войти въ объясненіе о томъ, что *теперь* (въ концѣ ноября 1859 г.) акціи *интереснѣе*, чѣмъ годъ тому назадъ, ибо предпріятіе уже приблизилось къ открытію дороги, *а съ первымъ свисткомъ на ней* (не о нашемъ ли «Свисткѣ» думалъ г. Кокоревъ?) употребленный на акціи капиталъ будетъ приносить уже сборъ денегъ». Изъ всего этого, очевидно, слѣдовало, что ежели В. А. Кокоревъ и рѣшается продавать свои акціи, то единственно по гуманности своей натуры, по состраданію къ *меньшимъ братьямъ (по карману*, кто-то выразился), которымъ тоже хочется предоставить участіе въ выгодахъ, приходящихся на долю его, г. Кокорева!..

Послѣдствія не оправдали гуманныхъ надеждъ г. Кокорева: съ начала нынѣшняго года акціи быстро падали и теперь публикуются 75 рублей ниже пари; но и за эту цѣну никто не беретъ ихъ. Дошло до того, что въ общемъ собраніи общества, бывшемъ въ концѣ апрѣля, положено ограничить цѣну акцій, вмѣсто предположенныхъ 500, только четырьмя стами рублей («Спб. Вѣд.» № 95),—и все-таки владѣльцы акцій не знаютъ, куда дѣваться съ ними. Но этихъ позднѣйшихъ фактовъ, конечно, не предвидѣлъ г. Кокоревъ: иначе онъ, вѣроятно, не сталъ бы предлагать такъ любезно свое великодушіе, которое, можетъ быть, и увлекло кого-нибудь, и обошлось недешево тому, кто имѣлъ неблагоразуміе имъ воспользоваться...

Это одна сторона гуманности и гласнолюбія г. Кокорева въ дѣлѣ построенія Волжско-Донской желѣзной дороги. Но есть еще другая, за которою давно уже слѣдили мы и о которой только теперь рѣшаемся разсказать, такъ какъ дѣло уже нѣсколько разъяснено разными статьями, появившимися на этотъ счетъ въ послѣднее время въ газетахъ. Эта другая сторона уже не въ отношеніяхъ г. Кокорева къ образованной публикѣ, а въ дѣлѣ съ рабочими. Трагическая сторона этого дѣла должна бы даже не позволить ему быть въ «Свисткѣ»; но «Свистокъ» на этотъ разъ берется только указать все шарлатанство, которымъ обставлена была трагедія съ рабочими, и уступаетъ внутреннему обозрѣнію «Современника» серьезную сторону этой исторіи. [Онъ бы еще охотнѣе желалъ уступить ее уголовному суду; но, къ сожалѣнію, самъ сознается, что при настоящихъ нашихъ обстоятельствахъ такое желаніе было бы легкомысленно. Обратимся же къ исторіи съ рабочими].

Посреди всеобщаго благожелательства къ предпріятію Волжско-Донской дороги, вдругъ, въ маѣ прошлаго года, появилась въ «Самарскихъ Вѣдомостяхъ» статейка, подъ названіемъ «Небывалое возмущеніе». Статейка эта была потомъ перепечатана въ «Русскомъ Дневникѣ» (№ 109), и потому, можетъ быть, читатели помнятъ ее. Но мы все-таки сдѣлаемъ изъ нея небольшую выдержку, чтобы удобнѣе было сличить послѣдующія показанія. Вотъ существенная часть статьи:

«Наканунѣ 28 числа апрѣля прибылъ въ Самару сверху пароходъ соединеннаго общества «*Кавказъ и Меркурій*», «Адашевъ», буксировавшій на трехъ баржахъ складъ лѣсного матеріала, принадлежащій для производства земляныхъ работъ по устройству желѣзной дороги между Волгою и Дономъ, какъ-то: тачекъ, чугунныхъ колесъ и пр., и до 2.000 человѣкъ рабочихъ, которые размѣщались на палубѣ. Оставивъ баржи съ рабочими людьми въ виду города, на серединѣ рѣки, пароходъ причалилъ къ пристани, запасся дровами, принялъ пассажировъ и въ тотъ же день, вечеромъ, от-

правился, чтобы принять баржи и слѣдовать далѣе. Но на другой день, 29-го числа, въ 6 часовъ утра, командиръ парохода «Адашевъ», баронъ Медемъ, явился къ здѣшнему губернатору и объявилъ, что означенные работники взбунтовались, не даютъ подымать якорей, потому, будто бы, что ихъ не спускаютъ на берегъ, гдѣ они хотятъ пьянствовать. Поэтому просилъ наказать болѣе виновныхъ зачинщиковъ. Его сопровождалъ приказчикъ купца Гладина, молоденькій мужчина, съ тѣмъ оттѣнкомъ въ физіономіи, которую обычно приняли называть плутовскою. Разумѣется, этому послѣднему предложенъ былъ вопросъ: нѣтъ ли причины сопротивленія крестьянъ, и достаточно ли онъ ихъ содержитъ? на что приказчикъ отвѣчалъ, что онъ даетъ имъ хлѣба по 4 фунта на человѣка въ сутки. Необходимо было удостовѣриться и разобрать, въ чемъ дѣло: для этого отправленъ былъ изъ города полицеймейстеръ съ городскимъ ратманомъ и казаками. Эти лица нашли на трехъ баржахъ, какъ мы уже сказали, до 2-хъ тысячъ человѣкъ, размѣщенныхъ на палубахъ; это были крестьяне разныхъ вѣдомствъ, набранные на разныхъ мѣстностяхъ и посаженные на баржи въ разныхъ пристаняхъ Волги: у нихъ не было образовано ни артелей, ни избрано десятниковъ; однимъ словомъ, все было предоставлено произволу наемныхъ приказчиковъ, привыкшихъ къ извѣстному обращенію съ народомъ. Рабочіе о причинѣ неповиновенія командиру объявили посланнымъ, что нанимавшій ихъ для работъ на желѣзной дорогѣ довѣренный купца Гладина, *Иванъ Головкинъ*, говорилъ имъ при наймѣ, что переѣздъ ихъ отъ Царицына будетъ продолжаться до 15 апрѣля, а съ этого дня будутъ получать жалованье. *Во время пути онъ обязался давать имъ въ пищу черный хлѣбъ съ постнымъ масломъ и солью, при остановкахъ же въ городахъ покупать ситный хлѣбъ.* Такъ онъ исполнялъ условіе до Самары. Когда же хотѣли отчалить отъ здѣшняго города, рабочіе объявили командиру, что *они не пойдутъ до того времени, пока подрядчикъ не выполнитъ условія*, и что *если имъ данъ хлѣбъ, то безъ масла и соли, при томъ негодный*, подернувшійся плѣсенью и черствый. *Хлѣбъ найденъ, дѣйствительно, такой, какъ показывали рабочіе;* онъ купленъ былъ приказчикомъ за шесть дней въ Нижнемъ, тогда какъ можно было запастись болѣе свѣжимъ въ Казани и другихъ городахъ. Посланныя лица нашли между тѣмъ подъ замкомъ складъ хорошаго хлѣба, и приказчику приказано было тутъ же удовлетворить справедливую жалобу рабочихъ — *купить масла и соль, выдать свѣжій хлѣбъ, а испорченный возвратить.* Само собою, жаловавшіеся, видя удовлетвореніе своему дѣлу, ни мало немедля согласились продолжать путь и тотчасъ отчалили. Но этимъ не ограничились притѣсненія со стороны приказчиковъ. Крестьяне объявили еще полицеймейстеру, что они просили спустить на берегъ хотя одного для покупки табаку; но приказчики и этого имъ не позволяли, желая, чтобы рабочіе покупали табакъ у нихъ по дорогой цѣнѣ. Такъ иногда, не разобравъ дѣла, можно дать ему совершенно иной видъ. Въ настоящемъ случаѣ рѣчь шла о возмущеніи и о наказаніи виновныхъ; а оказалось, что не было и тѣни возмущенія».

Въ этомъ извѣстіи не только не упомянуто имени г. Кокорева, но даже и вообще ничего не говорится противъ общества Волжско-Донской дороги, а только разсказывается поведеніе приказчика купца Гладина. Но г. Кокоревъ, прочитавъ самарское извѣстіе, немедленно воспылалъ любовью къ гласности и напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 132) горячее посланіе. Мы приведемъ и это посланіе, но прежде спросимъ читателей: какъ же они понимаютъ сущность дѣла, изложеннаго въ «Самарскихъ Вѣдомостяхъ»? Намъ кажется, что тутъ разногласій быть не можетъ: рабочимъ назначенъ былъ черный хлѣбъ съ солью и постнымъ масломъ; и того имъ не давали: масла и соли вовсе не было, хлѣбъ же былъ негодный, до того залежавшійся, что покрылся плѣсенью. Рабочіе хотѣли курить, [чтобы хоть этимъ заглушить голодъ], имъ и этого не дали. Вообще приказчики были такъ грубы и безсмысленны, что при первомъ удобномъ случаѣ рѣшились даже обвинить рабочихъ въ бунтѣ, зная, безъ сомнѣнія, чему обвиненные за это могутъ подвергнуться, и какой ущербъ подобная исторія можетъ сдѣлать самымъ работамъ, на которыя везли этихъ людей... Все это ясно изъ самарскаго описанія; но посмотрите, какъ на это смотритъ и что изъ этого дѣлаетъ г. Кокоревъ. Вотъ его документецъ:

«Въ № 109 «Русскаго Дневника» заимствовано извѣстіе изъ «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» о томъ, что плывшіе мимо Самары рабочіе на Волжско-Донскую желѣзную дорогу *не получили въ Самарѣ мягкаго ситнаго хлѣба (!!?), что имъ предлагали въ пищу хлѣбъ черствый и только черный (!!?)* и что во всемъ этомъ уличенъ на мѣстѣ приказчикъ подрядчика Гладина, взявшаго на себя земляныя работы на желѣзной дорогѣ.

«По прочтеніи означеннаго извѣстія,

сразу чувствуется прямая польза гласности и потребность поблагодарить редакцію «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Безъ гласности когда бы мы узнали о томъ, что рабочіе люди, эти двигатели всякаго устройства, такъ плохо содержались во время пути? Если бы у нихъ и былъ хорошій ситный хлѣбъ, то и этого недостаточно. Развѣ можно рабочаго, ѣдущаго на работу (и на какую еще, самую тяжкую, земляную), кормить однимъ хлѣбомъ? Нужно имѣть мясо и кашу. Я никакъ не ожидалъ, чтобы подрядчикъ, извѣстный, по отзывамъ рабочихъ, приготовленіемъ хорошей пищи для нихъ, могъ такъ дурно содержать людей въ пути. Я буду очень радъ, если гласность, не ограничиваясь надзоромъ за путевымъ содержаніемъ рабочихъ, распространитъ свое наблюденіе и на мѣста работъ. Всякій голосъ, который раздается съ мѣста о пищѣ и жилищахъ рабочихъ и о медицинскихъ пособіяхъ имъ, принесетъ свою пользу не только обществу Волжско-Донской желѣзной дороги, но и вообще русской жизни.

«Основывая мое понятіе о Гладинѣ на хорошемъ отзывѣ о немъ рабочаго сословія, *я хлопоталъ о томъ, чтобы подрядъ остался за нимъ даже противъ цѣны, выпрошенныхъ другими подрядчиками.* Не понимаю, какъ могло случиться, что рабочіе плыли безъ мясной пищи. *Я ставлю въ вину не одно неимѣніе свѣжаго хлѣба, но и неимѣніе мяса.* Подрядчикъ Гладинъ долженъ объяснить публикѣ свой поступокъ, а приказчика, провожавшаго партію рабочихъ и *не заботившагося объ ихъ продовольствіи, уволить.* Фамилія его должна быть печатно объявлена, чтобы всякій зналъ, какъ называется тотъ человѣкъ, *который въ состояніи держать на одномъ черствомъ хлѣбѣ своихъ собратій.*

«Состоящее въ Петербургѣ правленіе Волжско-Донского общества, вѣроятно, выведетъ наружу всѣ подробности этого дѣла и огласитъ ихъ печатно, съ показаніемъ виновныхъ. Я пишу эти строки въ Москвѣ, а потому не могу сказать навѣрное, что̀ предпринято правленіемъ. По полученіи мною свѣдѣнія о фамиліи виновнаго приказчика, я пришлю дополненіе къ этой статьѣ въ «Московскія Вѣдомости».

Письмо это, какъ видите, написано черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія. Какъ почетный членъ правленія, какъ любитель русскаго человѣка, г. Кокоревъ *не долженъ былъ* цѣлый мѣсяцъ оставаться въ невѣдѣніи о такомъ вопіющемъ дѣлѣ. Посторонніе люди, какъ, напр., редакція «Русскаго Дневника», успѣли разузнать о дѣлѣ изъ мѣстныхъ извѣстій и заинтересовались имъ: какъ же г. Кокореву не слѣдить было за дѣломъ, которое, какъ оказывается, имъ же и было устроено, потому что *онъ хлопоталъ*, чтобы подрядъ остался за Гладинымъ, *даже противъ цѣны*, выпрошенныхъ другими подрядчиками!.. Но, положимъ, г. Кокоревъ, *«по многочисленности своихъ занятій»*, могъ выпустить изъ виду ходъ устроеннаго имъ подряда... Онъ же такъ надѣялся на подрядчика Гладина... Но чѣмъ объяснить ту невнимательность, съ которою прочиталъ онъ самарское извѣстіе? Отъ чего могло зависѣть странное извращеніе фактовъ и понятій, находимое нами въ письмѣ г. Кокорева. По его словамъ, самое ужасное во всей исторіи было то, что рабочіе *въ Самарѣ* (замѣтьте, не на дорогѣ, а только въ Самарѣ) *не получили мягкаго ситнаго хлѣба.* Не правда ли, какъ это *мягко?* Немудрено, что, прибравши такую фразу для выраженія мысли о томъ, что рабочихъ дорогою *кормили гнилымъ хлѣбомъ, не давая къ нему даже соли и масла*, немудрено, что г. Кокоревъ *«сразу почувствовалъ прямую пользу гласности»*. Въ «Самарскія-то Вѣдомости» и «Русскій Дневникъ» кто-то еще заглянетъ, а въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ письмѣ съ подписью г. Кокорева, всякій прочтетъ и подивится гуманности этого человѣка, возмущеннаго тѣмъ, что рабочіе получили въ Самарѣ не совсѣмъ мягкій хлѣбъ... Но это еще ничего не значитъ,—г. Кокоревъ приходитъ въ паѳосъ и требуетъ для рабочихъ *мяса и каши*, прибавляя, что рабочіе суть «двигатели всякаго устройства». Какъ жалъ, что паѳосъ не снизошелъ на г. Кокорева нѣсколькими мѣсяцами раньше: тогда бы онъ, можетъ быть, возымѣлъ практическія послѣдствія. А то, вѣдь, письмо г. Кокорева писано 30 мая, когда уже всѣ рабочіе были переправлены, слѣдовательно, можно было требовать, чтобы рабочихъ кормили въ дорогѣ дичью, трюфелями, посылали имъ обѣды отъ Дюссо, съ рейнвейномъ и шампанскимъ: все это ровно ничего не стоило, и, главное, рабочимъ-то отъ этого не было ни сытно, ни голодно.

Далѣе г. Кокоревъ энергически требуетъ объявленія имени приказчика, «чтобы всякій зналъ, какъ называется человѣкъ, который въ состояніи держать на одномъ черствомъ хлѣбѣ своихъ собратій». Опять та же *мягкость* словесная: главное, видите ли, въ черствости хлѣба, а гнилость его, а то, что даже масло и соль не выдавались людямъ, что ихъ заставляли переплачивать на табакѣ, что ихъ звѣрски хотѣли подвести подъ [кнутъ] [1]) какъ бунтовщиковъ,—это все ничего!..

---

[1]) наказаніе

Вологод. жел. дор. Библиотека „ХОР“

Такія-то свойства гласнолюбія, правдивости и гуманности выказываются въ письмѣ г. Кокорева, даже при бѣгломъ его разсмотрѣніи. Но оно получаетъ еще новую цѣну, по сравненію съ извѣстіями, сообщенными впослѣдствіи, — самимъ г. Кокоревымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и г. Ал. Козловымъ, на дняхъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 102, 6 мая).

Нужно сказать, что статья г. Козлова составляетъ панегирикъ подрядчику Гладину, и по ея даннымъ онъ выходитъ изъ всего правъ, чуть не святъ, къ вящшему, разумѣется, обвиненію г. Кокорева. Въ подобныхъ дѣлахъ, гдѣ гласность попадаетъ въ такія руки, какъ у г. Кокорева съ братіею, гдѣ и медвѣдь реветъ, и корова реветъ,—разсудить между двумя почтенными лицами бываетъ, разумѣется, трудно. Но мы должны сказать, что статья г. Козлова не имѣетъ прочнаго значенія до тѣхъ поръ, пока мы не знаемъ, кто такой этотъ господинъ. Изъ статьи его не видно, участникъ ли онъ въ работахъ по желѣзной дорогѣ, чиновникъ ли самарскій, производившій слѣдствіе о мнимомъ бунтѣ рабочихъ, приказчикъ ли, сопровождавшій баржи (послѣднее имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, какъ сейчасъ увидимъ), или просто пріятель г. Гладина, какъ можно думать по двумъ-тремъ мѣстамъ статьи. Намъ очень прискорбна эта неопредѣленность, потому что изъ-за нея мы не можемъ давать твердой вѣры фактамъ, сообщаемымъ въ статьѣ г. Козлова. Впрочемъ, надѣясь, что онъ приметъ на себя отвѣтственность за сообщенныя имъ свѣдѣнія, мы введемъ въ свой разсказъ тѣ данныя, которыя положительно имъ утверждаются, какъ свидѣтелемъ и самовидцемъ.

По словамъ г. Козлова, г. Гладинъ, обязавшись поставить 2.000 рабочихъ обществу, вовсе не обязанъ былъ принимать на себя ихъ доставленіе на мѣсто. Подрядчикъ всегда обязывается нанять рабочихъ и производить имъ жалованье и харчевое содержаніе со дня поступленія ихъ на работу; болѣе ему ни до чего дѣла нѣтъ. Но Гладинъ, «имѣя въ виду скорѣйшій успѣхъ работъ и желая въ то же время сдѣлать доброе дѣло, рѣшился доставить рабочихъ съ назначеннаго сборнаго пункта къ мѣсту работъ въ Царицынъ *на свой счетъ*. По разсчету это должно было стоить Гладину всего-на-всего около 30 руб. на человѣка,— т.-е. на 2.000 рабочихъ до 60.000 р. с.— Не зная, въ какой степени вѣрить г. Козлову, мы не можемъ рѣшить, какъ велико тутъ было дѣйствительное великодушіе г. Гладина; но основаніе факта мы готовы допустить: г. Гладинъ, дѣйствительно, могъ хлопотать о скорѣйшей отправкѣ рабочихъ и даже для этого жертвовать деньгами, если онъ зналъ, какъ тяжело въ волжскихъ степяхъ работать въ лѣтніе жары, и какъ неизбѣжны тамъ побѣги рабочихъ, въ то время, какъ наступитъ уборка полей. Онъ хотѣлъ, конечно, выиграть удобство и время для работъ и для того пораньше доставить людей на мѣсто. Но тутъ опять является на сцену г. Кокоревъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, г. Кокоревъ состоитъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ обществу «Кавказъ и Меркурій». Поэтому неудивительно, если произошелъ фактъ, о которомъ г. Козловъ разсказываетъ слѣдующее:

«В. А. Кокоревъ, прослышавъ о безкорыстномъ намѣреніи Гладина — принять на свой счетъ отправку рабочихъ—*явился къ нему и съ задушевною улыбкою любезно предложилъ на этотъ счетъ услуги общества «Кавказъ и Меркурій»*, выгоды котораго были близки къ *лѣвой сторонѣ* его филантропіи. Вслѣдствіе этого было заключено условіе, которымъ общество «*Кавказъ и Меркурій*» обязалось предъ Гладинымъ принять его рабочихъ на три баржи 15 апрѣля и доставить ихъ на мѣсто, т.-е. въ Царицынъ, въ теченіе семи дней,—къ 23 апрѣля, за 7.000 р. с.».

Выходитъ, стало быть, что г. Кокоревъ не только устроилъ подрядъ съ Гладинымъ, но даже самъ предложилъ и способъ отправленія. Тѣмъ болѣе долженъ онъ былъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла, тѣмъ заботливѣе долженъ былъ упражнять въ этомъ случаѣ свое гуманное чувство. Но оказалось, что г. Кокоревъ, заключивши условіе съ Гладинымъ и доставивъ обществу «Кавказъ и Меркурій» 7.000 р. доходу съ перевозки, считалъ свое дѣло поконченнымъ. Вышло не совсѣмъ такъ.

На семь дней пути Гладинъ заготовилъ, по словамъ г. Козлова, на каждаго человѣка по 1 пуду ржаного и $^1/_2$ пуда бѣлаго хлѣба—пропорція болѣе нежели достаточная даже для 14 дней. Но онъ не разсчиталъ на удивительную распорядительность и аккуратность правленія общества «Кавказъ и Меркурій», недавно въ такихъ яркихъ чертахъ изображеннаго г. Севастьяновымъ («Спб. «Вѣдомости», № 53), и въ особенности на оригинальную дѣятельность г. Брылкина, управляющаго нижегородскою конторою общества. Оказалось, что общество допустило маленькую небрежность: по извѣстію самого г. Кокорева («Русск. Вѣстн.», стр. 49), г. Брылкинъ продержалъ въ Балахнѣ рабочихъ десять (а по увѣренію г. Козлова — 12) дней, не имѣя въ готовности баржей, которыя *должны были быть*

по контракту у берега. Въ это время весь хлѣбъ-то заготовленный и съѣли. Затѣмъ, по мнѣнію г. Кокорева, нужно было посылать впередъ хлѣбопековъ и кашеваровъ на мѣста привала, и вся бѣда произошла оттого, что такого распоряженія не было сдѣлано. Но г. Козловъ справедливо возражаетъ, что при запасѣ хлѣба на весь путь о хлѣбопекахъ и думать было нечего, потому что хлѣбъ заготовленъ былъ печеный. Хоть это тоже не веселое кушанье—хлѣбъ, заготовленный на семь дней, въ теплую весну, въ низовьяхъ Волги,—но, по крайней мѣрѣ, все-таки хлѣба *достало бы*, если бы не оригинальное поведеніе г. Брылкина. И, по всей вѣроятности, рабочіе не стали бы даже претендовать на *черствость* хлѣба, которая такъ возмущаетъ г. Кокорева — имъ, вѣдь, это не въ диковинку, [— все терпятъ, бѣдные]. Но имъ задано было испытаніе еще получше: перспектива оставаться вовсе безъ хлѣба... Тогда-то они и возроптали. Еще въ Козьмодемьянскѣ запасъ весь истощился, и, по словамъ г. Кокорева, произошло такое обстоятельство: «приваливаютъ, идутъ за печенымъ хлѣбомъ на базаръ и находятъ тамъ только пять пудовъ». Къ счастью, г. Брылкинъ распорядился заготовить здѣсь 700 пудовъ печенаго хлѣба, съ которыми рабочіе и плыли до Самары. В. А. Кокоревъ замѣчаетъ, что «Николай Александровичъ Брылкинъ сдѣлалъ это какъ бы въ покрытіе вины своей передъ Гладинымъ». Но г. Козловъ находитъ здѣсь поводъ для слѣдующихъ остротъ: «Брылкинъ,—говоритъ онъ,—заботился о заготовкѣ хлѣба въ Козьмодемьянскѣ, разсчитывая на то, что при такомъ излишнемъ простоѣ людей Гладину хлѣбъ понадобится, и его можно будетъ спустить съ хорошей выгодой. Гдѣ же тутъ покрытіе вины, Василій Александровичъ? Вотъ если бы вы купили этотъ хлѣбъ на свой счетъ, да роздали рабочимъ, это было бы другое дѣло, а такъ какъ за хлѣбъ этотъ получена съ Гладина приличная сумма денегъ, то вся эта операція не на *покрытіе вины*, а на что-то болѣе *винное* смахиваетъ». Несмотря на плоскость этого каламбура, разъясненіе того, какъ г. Брылкинъ покрывалъ свою вину предъ г. Гладинымъ, очень любопытно.

До Самары плыли рабочіе съ хлѣбомъ. Въ Самарѣ нужно было опять покупать, и опять не найдено достаточнаго количества хлѣба. Это и было поводомъ къ «возмущенію» рабочихъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ г. Кокоревъ («Русск. Вѣстн.», стр. 49).

«По прибытіи въ Самару приказчикъ подрядчика Гладина нашелъ на рынкѣ только сто пудовъ печенаго хлѣба, и, закупивъ его, хотѣлъ съ нимъ отваливать, *ибо пароходъ не могъ стоять и ждать, пока самарскій рынокъ запасется новымъ печенымъ хлѣбомъ*. Тутъ рабочіе не позволили сняться съ якоря, видя, что сто пудовъ хлѣба, т.-е. 4.000 фунтовъ, составляетъ на 2.000 человѣкъ по 2 фунта на каждаго, а плыть съ этимъ запасомъ до Саратова надо четыре дня».

Такъ вотъ до какой крайности доведены были рабочіе, вотъ отчего наконецъ выказали они *неповиновеніе*, ужаснувшее приказчика Гладина. Имъ предстояло питаться двумя фунтами хлѣба четверо сутокъ, а по предшествующему плаванію они знали, что къ хлѣбу имъ ничего не дается. Послѣ этого, съ какимъ умиленіемъ должны мы повторять возгласы г. Кокорева о мясѣ и кашѣ...

«И, несмотря на все вытерпѣнное въ пути, рабочіе поплыли отъ Самары съ недостаточнымъ количествомъ хлѣба. Приближаясь къ Саратову, они, по словамъ г. Кокорева, *«питались жеваніемъ сухой крупы»!!* Такимъ образомъ,—приведемъ здѣсь слова статейки г. Альбицкаго объ этомъ же предметѣ («Сѣв. Пч.», № 50),—на водахъ Волги, въ виду огромныхъ пространствъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, въ виду многолюдныхъ городовъ и знаменитыхъ хлѣбныхъ пристаней, двѣ тысячи народа, по человѣколюбію и заботливости общества Волжско-Донской дороги, испытали такія бѣдствія, какія, по благости Божіей, рѣдко приходится испытывать и мореходцамъ на безбрежномъ океанѣ».

Печатая въ ноябрѣ объ апрѣльскомъ происшествіи, г. Кокоревъ говорилъ о фактахъ нѣсколько откровеннѣе, чѣмъ въ маѣ. Но оказывается, что онъ могъ бы поступить гораздо лучше: благодаря тому, что повѣрку дѣла производить трудно, онъ могъ бы *все отвергнуть*, какъ сдѣлалъ другой поборникъ гласности, противникъ г. Кокорева, г. Ал. Козловъ. Этотъ почтенный защитникъ не только Гладина, но и всѣхъ его приказчиковъ, увѣряетъ теперь,—черезъ годъ послѣ событія,—что все извѣстіе «Самарскихъ Вѣдомостей»—вздоръ, что и сами признанія Кокорева—произведенія его собственной фантазіи. По увѣренію г. Козлова, «вся причина жалобъ рабочихъ заключалась именно въ томъ, что ихъ съ 25—50-рублевыми задатками слишкомъ уже тянуло къ родному *ельничку-березничку*, куда ихъ приказчики не пускали. Мнѣніе свое г. Козловъ доказываетъ довольно оригинально. Онъ употребляетъ такой силлогизмъ: если бы рабочихъ кормили гнилымъ хлѣбомъ, то оказался бы на баржахъ запасъ такого

хлѣба; а между тѣмъ, при осмотрѣ баржъ найдены только остатки чернаго хлѣба съ плѣсенью въ рукахъ рабочихъ, въ запасѣ же гнилого не найдено, а найденъ свѣжій. «Какъ же это такъ?» побѣдоносно восклицаетъ онъ и переходитъ къ приведенному выше объясненію. Какъ видите, ни внимательностью, ни логикой г. Козловъ не можетъ похвалиться. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что въ Самарѣ закупленъ былъ хлѣбъ именно потому, что прежній весь вышелъ, и что уже послѣ того, узнавъ о недостаточномъ количествѣ закупленныхъ припасовъ, рабочіе подняли ропотъ, объясненный приказчиками какъ бунтъ. Такъ гдѣ же могли найтись запасы гнилого-то хлѣба, и какимъ образомъ г. Козловъ не понимаетъ, откуда взялся въ запасѣ свѣжій хлѣбъ, когда у рабочихъ въ рукахъ былъ гнилой? Хорошій адвокатъ и слѣдователь — г. Ал. Козловъ, — нечего сказать... Далѣе, въ оправданіе Гладина и его приказчиковъ онъ объявляетъ, что «жеваніе крупы» выдумано фантазіею В. А. Кокорева, ибо во все время плаванія баржъ съ рабочими до Саратова на нихъ «какой бы то ни было крупы ни зерна не имѣлось». Итакъ — и крупы не было: даже и жалкій суррогатъ пищи, представленный г. Кокоревымъ, исчезаетъ въ *оправданіяхъ* г. Козлова.

Какъ, однакоже, легко черезъ годъ отрекаться отъ факта, пользуясь тѣмъ, что онъ не во всѣхъ подробностяхъ засвидѣтельствованъ былъ формальнымъ порядкомъ! Жаль, что г. Кокоревъ поторопился съ своею гласностью. Впрочемъ, что жъ ему помѣшаетъ и теперь сказать, что по тщательномъ изслѣдованіи дѣла оказалось все дѣло пуфомъ, выдумкой пьяныхъ мужиковъ?.. И, право, это не будетъ ни лучше, ни хуже того, что̀ говорилъ г. Кокоревъ въ порывѣ негодованія о мясѣ, о черствомъ хлѣбѣ. Результаты рѣшительно одни и тѣ же. Жаль только, что г. Кокоревъ такъ натужился, чтобы всѣмъ показать, какой онъ любитель гласности и русскаго человѣка.

А натуги, дѣйствительно, не малыя! Въ письмѣ, приведенномъ выше, г. Кокоревъ старается, между прочимъ, увѣрить всю Россію, что онъ поручилъ подрядъ г. Гладину даже въ ущербъ выгодамъ общества, единственно потому, что зналъ его хорошее обращеніе съ рабочими и общую любовь ихъ къ нему. Между тѣмъ, въ своихъ «Вѣстяхъ», напечатанныхъ въ «Русск. Вѣстн.» (стр. 61—62), онъ приводитъ такія слова г. Гладина, изъ которыхъ видно совершенно противное. По увѣренію г. Кокорева, г. Гладинъ рѣшительно не понимаетъ, какъ можно даже толковать о неудобствѣ помѣщенія рабочихъ на Волжско-Донской дорогѣ. Онъ, по увѣренію г. Кокорева, говорилъ вотъ что̀: «да у меня на Борисовской дорогѣ 15.000 рабочихъ: подите-ка, посмотрите, какъ они живутъ въ землянкахъ-то осенью, по колѣно въ грязи. Да вотъ я работалъ шоссе около Бреста, такъ выпало такое неудачное мѣсто, что изъ 700 рабочихъ половина померла. Нѣтъ, ужъ тутъ ничего не сдѣлаешь, коли начнутъ умирать; а коли не начнутъ—все хорошо: у меня въ Варшавѣ нонѣ всѣ здоровы. А вотъ, какъ пошли по дорогѣ изъ Питера въ Москву, то, чай, болѣе шести тысячъ зарыли».

Положимъ, что ничего этого г. Гладинъ и не говорилъ г. Кокореву, какъ увѣряетъ г. Козловъ («Сѣв. Пч.» № 102); положимъ, что онъ даже никогда не работалъ на шоссе около Бреста. Но все равно, вѣдь г. Кокоревъ влагаетъ такія слова въ уста г. Гладина; значитъ, у него составилось о Гладинѣ именно такое понятіе, какое выражается въ этихъ словахъ. А имѣть такое понятіе о человѣкѣ и считать его очень заботливымъ и добрымъ для рабочихъ подрядчикомъ, это ужъ такая наивность, которую подозрѣвать въ В. А. Кокоревѣ мы даже не имѣемъ права. Чѣмъ же могъ такъ понравиться г. Гладинъ г. Кокореву? Неужели тѣмъ, что «рабочіе отзываются о Гладинѣ, какъ о человѣкѣ хорошемъ, только приказчиками его недовольны и такъ мало вѣрятъ имъ, что боятся даже за свой разсчетъ». Вѣдь это значитъ, что Гладинъ просто злодѣй и губитель своихъ рабочихъ: самому ему все равно,—мрутъ люди, такъ мрутъ, такъ, видно, надобно; здоровы, такъ ладно, мѣсто, видно, хорошее... А приказчики у него постоянно такіе, что отъ нихъ житья нѣтъ: гнилымъ хлѣбомъ кормятъ, въ бунтѣ обвиняютъ, разсчетъ задерживаютъ, ставятъ на работахъ казаковъ [съ саблями и нагайками...]. Это все къ Гладину не относится; онъ человѣкъ добрый, и г. Кокоревъ нарочно хлопочетъ, чтобы подрядъ остался именно за нимъ... Чѣмъ объяснить такую невинность г. Кокорева? Неужели тѣмъ, что въ его положеніи очень выгодно защищать всякаго главнаго распорядителя, сваливая всю вину на подчиненныхъ? Въ свою очередь и г. Кокоревъ долженъ быть такъ же точно оправданъ и восхваленъ, несмотря на всѣ вопіющіе ужасы, которые совершаются въ подвѣдомственныхъ ему дѣлахъ... Вѣдь не онъ самъ дѣлаетъ всѣ эти ужасы; онъ, напротивъ, человѣкъ добрый, — хлопочетъ о мясѣ для рабочихъ, а не только о хлѣбѣ: онъ даже и популярность между ними пріобрѣтаетъ, ибо раз-

даетъ имъ полушубки, взятые изъ кладовыхъ Гладина же («Сѣв. Пч.» № 102). А въ какой степени зависятъ отъ него всѣ безпорядки, притѣсненія и мерзости, совершаемыя другими въ его вѣдѣніи и въ его интересахъ, до этого кто же станетъ добираться...

Но великодушію г. Кокорева нѣтъ никакихъ предѣловъ, а самобичеваніе посредствомъ гласности сдѣлалось у него чѣмъ-то въ родѣ хронической болѣзни. Бываютъ, говорятъ, организмы, чувствующіе особенный страстный трепетъ отъ удара плетью или розгами; такой же сладкій трепетъ и возбужденіе ощущаетъ, повидимому, и г. Кокоревъ отъ оглашенія какого-нибудь изъ своихъ недостойныхъ поступковъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: доказавъ очень ясно, почему и для чего выбралъ онъ Гладина, и почему на него положился, онъ вдругъ переходитъ къ самообличенію въ такомъ тонѣ:

«Въ предусмотрительной перевозкѣ рабочихъ нельзя по совѣсти обвинять подрядчика Гладина: онъ руководствуется прежнимъ образомъ дѣйствій и не можетъ имѣть понятія о *требованіяхъ новыхъ* (т.-е. кормить рабочихъ не гнилымъ хлѣбомъ это—*новое* требованіе!!), за исполненіе которыхъ должно отвѣчать правленіе, — *и я, разумѣется, раздѣляю вину съ прочими, какъ учредитель.* Мы считаемъ себя *умнѣе, образованнѣе* подрядчиковъ (вольно же вамъ!), слѣдовательно, мы и должны были подумать, какъ бы перевезти рабочихъ безъ всякихъ затрудненій».

Видите, какое смиреніе, какая готовность обвинить себя! Конечно, говоритъ, это собственно не наше дѣло; но мы такъ умны, такъ проникнуты новыми требованіями, что должны бы взять на себя трудъ наблюдать за дѣйствіями *меньшихъ братьевъ* (т.-е. подрядчиковъ), которымъ недоступны новыя требованія. Мы этого не сдѣлали и мы виноваты: казните насъ за то, что мы умнѣе другихъ...

Такъ говоритъ г. Кокоревъ; но чтобы въ самомъ дѣлѣ не подумали, что онъ виноватъ, онъ сейчасъ находитъ другую весьма уважительную причину, отъ которой произошли всѣ бѣдствія рабочихъ, и которая отъ него уже рѣшительно не зависитъ. Вотъ эта причина:

«*Затѣмъ, многія неудобства надобно отнести къ неимѣнію на Волгѣ телеграфа, при которомъ всегда бы можно было телеграфировать о заготовленіи не только печенаго хлѣба, но и мяса.*

Причина эта никому не приходила въ голову, но для г. Кокорева она служитъ полнѣйшимъ оправданіемъ. Какъ человѣкъ европейскій, привыкшій къ *новымъ требованіямъ*, онъ вообразилъ, разумѣется, что на Волгѣ есть телеграфъ, по которому если нельзя пересылать хлѣбъ, то можно, по крайней мѣрѣ, телеграфировать о заготовленіи «*не только печенаго хлѣба, но и мяса*». Въ этой сладкой увѣренности онъ и не подумалъ обратить свою заботу на заготовленіе — *не только мяса, но и печенаго хлѣба.* Какъ же вы хотите иначе? Передовой человѣкъ, — онъ не можетъ никакъ свыкнуться съ невѣжествомъ и грубостью нашихъ нравовъ. Телеграфовъ нѣтъ! Фи! Да какъ же послѣ этого удивляться, что люди сидятъ безъ хлѣба, хвораютъ, оттого и мрутъ въ несоразмѣрномъ количествѣ! О, невѣжественные россіяне! Заведите прежде телеграфы по Волгѣ, и тогда уже претендуйте на свѣжій хлѣбъ, на соль и постное масло!..

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что г. Кокоревъ, какъ другъ профессора Погодина, и здѣсь не измѣняетъ высокому чувству патріотизма: онъ разумѣетъ, очевидно, не иностранные телеграфы, а россійскіе, которыми извѣстія передаются, [на разстояніи, напримѣръ, 1.000 верстъ, два, три, иногда шесть, а иногда даже и девять дней] [1]). Что именно о такихъ телеграфахъ хлопочетъ г. Кокоревъ, это видно изъ соображенія быстроты собственныхъ его дѣйствій. Письмо о самарскомъ происшествіи и о приказчикахъ Гладина писано имъ 30 мая; а затѣмъ подробнѣйшее изслѣдованіе дѣла было имъ произведено только въ половинѣ іюля,—черезъ полтора мѣсяца, когда онъ самъ пріѣхалъ въ Царицынъ. При этомъ оказалось, что положеніе рабочихъ вполнѣ плохо; значитъ, для нихъ ничего не было сдѣлано ни обществомъ, ни г. Кокоревымъ съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная гласность обнаружила ихъ бѣдствія. Да и что же было еще дѣлать? Написали въ газетахъ гуманное посланіе, съ азартомъ, съ новыми требованіями... Чего же еще? Дѣло-то дѣлать? — это еще погодите, это впереди. А нынче—

«Нынче время не такое:
Процвѣтаетъ гласность».

Голодали рабочіе дорогой: черезъ мѣсяцъ это было любопытнымъ предметомъ для гласности. Хворали и мерли люди на работахъ все лѣто: въ концѣ іюля г. Кокоревъ сочинилъ «Царицынскія записки», а въ ноябрѣ напечаталъ всю исторію своей поѣздки въ «Русскомъ Вѣстникѣ», этомъ знаменитомъ поборникѣ гласности. И прекрасно: мы очень довольны!..

---

[1]) извѣстно, съ какою скоростью.

А что̀ нашелъ г. Кокоревъ на работахъ, и что̀ онъ сдѣлалъ тамъ? Хотите знать, такъ мы разскажемъ и это, только вкратцѣ, потому что не слѣдъ вводить въ «Свистокъ» такую матерію во [всемъ ея ужасѣ] [1]).

По прибытіи въ Царицынъ рабочіе опять голодали, потому что «скудный царицынскій рынокъ не могъ удовлетворить спросу». Для рабочихъ буквально *ничего* не было заготовлено, и даже главная царицынская контора съ управляющимъ своимъ, г. Позенковскимъ, прибыла въ Царицынъ *черезъ три недѣли послѣ рабочихъ*. Въ это время рабочіе должны были обходиться собственными средствами—сами устраивали себѣ балаганы, кухни, кладовыя для провизіи... Тутъ же и начались болѣзни. Царицынская контора принялась писать въ контору подрядчика разныя предписанія объ устройствѣ лазаретовъ, и пр., но сама ничего не дѣлала и только, по прекрасному выраженію г. Кокорева, «насмѣхалась надъ священными обязанностями человѣколюбія, которыя въ этомъ случаѣ совпадаютъ съ выгодами общества». Дѣйствительно выгоды общества соблюлись бы тутъ лучше, если бы рабочихъ не такъ пренебрегли; а то, по свидѣтельству г. Кокорева, въ первый же день по прибытіи на мѣсто у Гладина ушло 300 человѣкъ! Господинъ Козловъ, разумѣется, негодуетъ за это на рабочихъ и приписываетъ ихъ бѣгство желанію зажилить полученный задатокъ и получить хорошіе заработки у донцовъ на сѣнокосѣ. Но не трудно сообразить, какую роль играло въ этомъ случаѣ бѣдственное положеніе рабочихъ по прибытіи въ Царицынъ, послѣ питанія жеваніемъ крупы...

Наконецъ, по словамъ г. Кокорева, рабочіе *устроились*. Вотъ нѣкоторыя указанія на то положеніе, въ какомъ находились они около половины іюля, когда посѣтилъ ихъ гласнолюбивый и гуманнорѣчивый почетный членъ правленія:

«Рабочіе живутъ въ выкопанныхъ въ землѣ ямахъ, въ ямахъ этихъ устроены по обѣимъ сторонамъ нары, и *на нихъ нѣтъ ни соломы, ни рогожекъ: подъ боколъ доска, въ головѣ кулакъ*». (Стр. 50).

«Шалаши сдѣланы съ такою же небрежностью: низки, тѣсны и безъ отверстій для воздуха. Шалашей сдѣлано мало: по 20 человѣкъ лежитъ въ каждомъ изъ нихъ, а когда число заболѣвшихъ возрастаетъ и привозятъ новыхъ людей, имъ приходится *лежать на землѣ и ждать*, пока не состроятъ новаго помѣщенія, а въ такомъ случаѣ постройка идетъ скорая и кое-какъ. *Нѣтъ соломы, нѣтъ рогожъ и войлоковъ*, чтобы смягчить для рабочаго ложе. Нѣкоторые лежатъ на мѣшкахъ съ сѣномъ, *а больше на своихъ же шубахъ*». (Стр. 51—52).

«Распорядители нашли нужнымъ разставить военныхъ казаковъ *по всѣмъ пунктамъ пребыванія рабочихъ*, и даже окололазарета стоятъ *два казака съ саблями и нагайками*». (Стр. 53).

«Конопляное масло во многихъ мѣстахъ горькое. Бойня для скота одна; съ нея приходится возить мясо за 25 верстъ, отъ чего оно, при здѣшнихъ жарахъ, *можетъ* подвергаться порчѣ. На 59 верстѣ, гдѣ находится 300 человѣкъ рабочихъ, оказалась овсяная крупа дурной выдѣлки: въ ней много овса. На 48 верстѣ мы нашли очень дурной горохъ, черный, неразваривающійся и жидкій». (Стр. 55).

«Больныхъ возятъ на одной телѣгѣ четверыхъ по пыльной, знойной степи, за 25 верстъ. Лазаретъ—просто собачьи конуры». (Стр. 56).

Такія свѣдѣнія даетъ самъ Кокоревъ, а мы уже видѣли, какъ въ его устахъ самыя страшныя вещи *смягчаются*, когда онъ этого хочетъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ онъ, можетъ быть, и не смягчилъ ничего, потому что вслѣдъ за указаніемъ зла онъ вездѣ предписываетъ и лѣкарство. Правда, онъ самъ справедливо замѣчаетъ, что все это «прилично было бы говорить въ февралѣ, а не въ іюлѣ» (стр. 57); но, съ другой стороны, отчего же и въ іюлѣ не поговорить? Это избавитъ насъ отъ обязанности говорить о томъ же въ слѣдующемъ февралѣ. Февраль мы промолчимъ, а тамъ въ іюнѣ, іюлѣ или августѣ опять примемся, съ припѣвомъ: еще въ іюлѣ прошлаго года говорилъ я...

Есть, правда, и маленькія недоразумѣнія въ «Запискахъ» В. А. Кокорева. Напримѣръ, онъ увѣряетъ, что прежде у рабочихъ солонина была не всегда свѣжая, а съ Петрова дня солонину замѣнили свѣжимъ мясомъ. При этомъ г. Кокоревъ благодаритъ «Саратовскія Вѣдомости», обнаружившія гнилую солонину: «здѣсь опять видна польза гласности», опять прибавляетъ онъ, какъ школьный учитель, задолбившій одинъ афоризмъ и безпрестанно, кстати или не кстати, огорошивающій имъ своихъ питомцевъ. Мы, разумѣется, приходимъ въ восторгъ отъ твердости г. Кокорева въ своемъ принципѣ; но вдругъ находятся люди, утверждающіе, что здѣсь у г. Кокорева гласность является съ своимъ особымъ способомъ выраженія, точно такъ, какъ и въ разсказѣ о не совсѣмъ мягкомъ хлѣбѣ. Такъ, г. Альбицкій, въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 50), сильно преслѣдуетъ г. Кокорева и на солонинѣ, и на гласности, и на мясѣ. Мы

[1]) во всей ея полнотѣ.

приводимъ его соображенія, такъ какъ они довольно остроумны.

«Въ «Саратовскихъ Вѣдомостяхъ»,—говоритъ г. Альбицкій, — было сказано, что рабочіе бѣдствуютъ, что ихъ кормятъ протухлою говядиной, *изъ которой вываливаются черви*. Статья эта не перешла почему-то въ столичныя газеты, а губернскія вѣдомости кто же читаетъ? Вотъ и ловко было Василію Александровичу,—говоря, что «введеніемъ свѣжаго мяса рабочіе не мало обязаны «*Саратовскимъ Вѣдомостямъ*» и возлагая на общее собраніе акціонеровъ обязанность благодарить редакцію этой газеты за обнаруженіе невниманія къ рабочимъ,—сказать публично неправду. «Саратовскія Вѣдомости» говорили, что рабочіе ѣдятъ *протухлую говядину съ червями*, а Василій Александровичъ сказалъ, что рабочихъ кормили «солониной, *которая была не всегда свѣжая*, а каша была изъ пшена, которую по непривычкѣ (?) *вовсе не ѣли*». Что же они ѣли? На 51-й страницѣ статьи своей онъ замѣчаетъ, что «главная причина *развитія хворости и труднаго излѣченія больныхъ* — вода». Не червяки ли съ говядиной, да не каша ли, изъ такого пшена сваренная, что и умирающіе отъ голода ее ѣсть не въ состояніи?

«Впрочемъ, вотъ какъ объясняютъ разногласіе Василія Александровича съ «Саратовскими Вѣдомостями».

«Василій Александровичъ говорилъ, что рабочихъ въ мясоѣдъ, отъ Пасхи до Петрова дня, кормили *солониной*, *которая, по отзыву ихъ, была не всегда свѣжая*, а каша была изъ пшена, которую по непривычкѣ вовсе не ѣли.

«Но «Саратовскія Вѣдомости» говорятъ объ іюльскомъ мясоѣдѣ, продолжающемся отъ Петрова дня до перваго Спаса.

«На этотъ мясоѣдъ Василій Александровичъ пшенную кашу замѣнилъ гречневой, а гнилую солонину *свѣжимъ (?) мясомъ*. (Стр. 51).

«Это-то самое свѣжее мясо и *было съ червями*, какъ говорятъ «Саратовскія Вѣдомости», редакцію которыхъ вѣрный и неизмѣнный поборникъ гласности, Василій Александровичъ, счелъ долгомъ благодарить за такое правдивое извѣщеніе.

«Слѣдовательно, разногласія Василія Александровича съ «Саратовскими Вѣдомостями» нѣтъ. Ясно, что онъ распорядился *замѣнить для рабочихъ гнилую солонину протухшимъ мясомъ съ червями*.

«Въ 9-мъ параграфѣ «Памятной записки», данной г. Кокоревымъ г. Головкину и напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», происхожденіе червей объясняется весьма естественно: «Бойня для скота одна, — говоритъ Василій Александровичъ. — Съ нея приходится возить мясо за двадцать пять верстъ, отчего оно при здѣшнихъ жарахъ можетъ подвергаться порчѣ. Мясо (приказываетъ онъ) развозить покрывши». Везти мясо *болѣе чѣмъ* двадцать пять верстъ надо цѣлый день, вѣдь не на почтовыхъ же его возили. При царицынскихъ жарахъ было бы неестественно, если бъ не завелись черви въ говядинѣ, остающейся цѣлый день на солнцѣ, непокрытой и обклеенной миріадами мухъ.

«Впрочемъ и больныхъ рабочихъ, по четверо въ одной телѣгѣ, не защищенныхъ ничѣмъ отъ страшнаго солнечнаго припека, тамъ тоже возятъ за двадцать пять верстъ (§ 15 «Памятной записки»).

«Такъ зачѣмъ же было говорить: «теперь солонина замѣнилась *свѣжимъ* мясомъ, которое получается съ бойни скота, особо устроенной *посреди линіи*?»..

«И зачѣмъ это сокращать разстояніе провоза мяса? Вы говорите, что бойня устроена на срединѣ линіи. Отъ бойни въ одинъ конецъ везутъ говядину за двадцать пять верстъ. Слѣдовательно, оба края линіи другъ отъ друга за *пятьдесятъ верстъ*. А въ 10-мъ § «Памятной записки» вы говорите, что на *пятьдесятъ девятой* верстѣ, гдѣ было 300 рабочихъ, вы нашли дурную крупу. Стало быть, непокрытую говядину везли не за двадцать пять, а за тридцать верстъ, да, можетъ быть, и больше».

Изъ замѣчаній г. Альбицкаго вытекаетъ весьма естественное заключеніе, что дѣятельность г. Кокорева на работахъ Волжско-Донской дороги была не такъ благотворна, какъ онъ самъ желаетъ это представить. По крайней мѣрѣ, насчетъ мяса почтенный сотрудникъ «Русскаго Вѣстника» расписался такъ же неудачно, какъ и на счетъ мягкаго хлѣба въ Самарѣ. Но все это ничего не значитъ въ сравненіи съ *винной порціей*, изобрѣтенной г. Кокоревымъ для процвѣтанія здоровья рабочихъ. Вотъ гдѣ геркулесовы столбы гуманности г. Кокорева и общества Волжско-Донской дороги, — кого именно, разобрать, впрочемъ, нельзя. Дѣло, видите, въ чемъ. Г. Кокоревъ, описывая разныя улучшенія, сдѣланныя имъ и г. Мельниковымъ, упоминаетъ о приглашеніи *содержателя трактира*, Добровольскаго, *для доставленія больнымъ чаю два раза въ день* (зачѣмъ тутъ *содержатель трактира*—тоже мудрено понять), и потомъ говоритъ: «затѣмъ *общество распорядилось* выдавать всѣмъ рабочимъ на линіи по чаркѣ водки каждодневно, передъ ужиномъ». Тотчасъ нашлись зложелатели, которые начали уже увѣрять, что эта винная порція назначена собственно въ пользу Царицынскаго откупа,

содержимаго самимъ же г. Кокоревымъ («Сѣв. Пчела» №№ 50, 102). Этому бы и можно повѣрить, если бы мы не знали великодушія г. Кокорева; но, благодаря благодѣтельной гласности, мы очень хорошо знаемъ этого великаго русскаго мужа. Въ настоящемъ случаѣ дѣло имѣетъ даже весьма трогательный видъ: г. Кокоревъ, владѣлецъ одной трети акцій общества, споритъ съ двумя другими о великодушіи. Въ статьѣ, напечатанной 28 ноября, онъ говоритъ: «*общество распорядилось* выдавать по винной порціи», а въ «Обзорѣ дѣйствій», вышедшемъ въ то же самое время, правленіе общества говоритъ: «для поддержанія силъ рабочихъ, по совѣту медиковъ, *В. А. Кокоревъ назначилъ на свой счетъ* ежедневныя выдачи винныхъ порцій людямъ, работавшимъ въ предѣлахъ Царицынскаго уѣзда, а правленіемъ сдѣлано такое же распоряженіе относительно прочихъ землекоповъ, работавшихъ въ землѣ Войска Донского». Не умилительно ли? Г. Кокоревъ говоритъ, что общество покупаетъ водку для рабочихъ, и другіе тоже подтверждаютъ, а правленіе скромно отклоняетъ отъ себя такое великодушіе и прославляетъ г. Кокорева, дающаго людямъ водку *на свой счетъ!*.. Какъ любопытно было бы узнать, кто кого побѣдитъ въ великодушіи, т.-е., кто заплатитъ за водку?..

Впрочемъ, одинъ ли былъ великодушнѣе второго, или другой великодушнѣе перваго, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, какія послѣдствія развились отъ винной порціи. Въ половинѣ іюля, до назначенія чарки, больныхъ, по словамъ самого г. Кокорева, было 140, да умершихъ 40. Послѣ этого число больныхъ стало быстро возрастать и доходило, по словамъ г. Козлова, до 600 человѣкъ,—цифра на 2.000 человѣкъ въ самомъ дѣлѣ ужасающая! Г. Козловъ дѣлаетъ при этомъ такое замѣчаніе: «давать винную порцію рабочимъ при 15—20° мороза—вещь полезная; но полезно ли дѣлать то же самое при 45° жару,—предоставляемъ рѣшить врачамъ».

Да вѣдь винная порція и прописана была г. Кокоревымъ «*по совѣтамъ медиковъ*»? Да, можетъ быть; но тутъ опять идетъ своего рода исторія. Лѣкарь Шергандъ оказывается какимъ-то фаворитомъ г. Кокорева. По увѣреніямъ г. Козлова, *самъ г. Кокоревъ* замѣнилъ врача, опредѣленнаго обществомъ (за 3.000 руб. сер. въ годъ), другимъ врачемъ, болѣе дешевымъ (1.200 руб. сер.), а главное—ему одному извѣстнымъ, г. Шергандомъ. Несмотря на свою дешевизну, врачъ этотъ, по мнѣнію г. Кокорева, былъ превосходенъ и, какъ видно изъ «Записки», «вполнѣ соглашался» съ мѣрами, предлагавшимися г. Кокоревымъ. Съ своей стороны, и г. Кокоревъ заботился о немъ и требовалъ отъ приказчика Гладина, чтобы онъ «далъ доктору Шергандy въ его распоряженіе пару хорошихъ лошадей съ легкимъ тарантасомъ и кучеромъ». Зато и дѣятельность доктора была неутомима. Подумайте въ самомъ дѣлѣ: взять на себя 600 паціентовъ, растянутыхъ на шестидесятиверстной линіи! Это стоитъ чего-нибудь! Г. Козловъ выражаетъ мнѣніе, что докторъ Шергандъ, видя такое страшное развитіе болѣзней, долженъ былъ непремѣнно и *оффиціально* пригласить на линію, для консиліума, другихъ врачей. Но зачѣмъ же это, когда г. Шергандъ и одинъ справлялся? Да при томъ еще нужно замѣтить, что совсѣмъ больныхъ и слабыхъ часто отпускали съ работъ домой. Такъ, даже въ «Памятной запискѣ» г. Кокорева приказчику Гладина сказано, что слѣдуетъ отпустить домой, въ *Тверскую губернію*, пятерыхъ рабочихъ: трехъ стариковъ, одного слабаго ногами и одного, переломившаго себѣ спинную кость... При такомъ заведеніи, подъ покровительствомъ гуманнаго гласнолюбца [да безъ всякой отвѣтственности передъ кѣмъ бы то ни было], отчего не лѣчить всѣхъ одному? Умрутъ бѣдняки, не велика бѣда, [плакать некому]. Ежели и узнаютъ-то объ этомъ родные умершаго, такъ и то лишь по милости г. Кокорева, который, въ § 19 своей памятки, чужому приказчику набожно заповѣдуетъ: «объ умирающихъ надобно извѣщать ихъ семейства, посылая письма въ деревни, дабы тамъ поминали ихъ по долгу христіанскому». Вотъ до чего доходитъ любовь г. Кокорева «къ простому, сѣроодѣтому русскому человѣку!» («Русск. Вѣстн.», стр. 61).

Что же, однако, сдѣлалъ г. Кокоревъ для упроченія благосостоянія рабочихъ? Какой результатъ можно вывести изъ всѣхъ «Царицынскихъ записокъ» и «Вѣстей»? Это уже сдѣлано весьма добросовѣстно въ статьѣ г. Альбицкаго, изъ которой мы и беремъ окончательные выводы.

«Для устраненія зла Василій Александровичъ сдѣлалъ слѣдующее:

А. Относительно больныхъ:

1) Учредилъ отъ общества чай по два раза въ день.

2) Больныхъ тифомъ отдѣлилъ отъ другихъ.

3) Старался удалить двухъ казаковъ, приставленныхъ съ саблями и нагайками къ лазарету («Русск. Вѣстн.» 1859 г., № 21, стр. 53), но не былъ въ состояніи устранить такой новый методъ лѣченія. Этотъ методъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ

тому же Гладину, ибо на 59 стр. Василій Александровичъ говоритъ, что онъ по контракту обязался содержать лазареты.

4) По причинѣ недостатка одного лазарета устроилъ другой.

5) Такъ какъ больные валялись на землѣ, даже не на соломѣ и не на рогожкѣ, распорядился купить рогожки и надѣлать больше шалашей съ койками для больныхъ, такъ какъ заготовленныхъ лазаретомъ шалашей оказалось весьма недостаточно, вѣроятно, по причинѣ той развившейся хворости, о которой Василій Александровичъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ.

Б. Относительно здоровыхъ:

1) Приказалъ варить протухлую говядину съ червями вмѣсто гнилой солонины.

2) Замѣнилъ пшенную кашу, которой рабочіе не ѣли, гречневою, которую, однако, замѣняли въ иныхъ мѣстахъ дурнымъ, чернымъ, неразваривающимся горохомъ и крупой съ неободраннымъ овсомъ.

3) Назначилъ *на счетъ общества* винную порцію по стакану передъ ужиномъ. Водку берутъ изъ кабаковъ царицынскаго откупа, содержимаго Василіемъ Александровичемъ.

4) Написалъ къ г. Головкину, что *надо бы* дать рабочимъ одежду—вѣдь они пойдутъ домой осенью и доберутся до домовъ 10 декабря, а у нихъ нѣтъ *ни одежды, ни обуви*. Исполнилъ ли это нѣжно любимый рабочими г. Гладинъ, неизвѣстно.

5) Написалъ къ г. Головкину, что на зиму *остается 500 рабочихъ въ степи, безъ зимнихъ квартиръ, на морозѣ*, и что поэтому надо подумать о квартирахъ. Думалъ ли г. Головкинъ, неизвѣстно.

6) Но если они перемрутъ, то непремѣнно *извѣститъ о томъ ихъ семейства, посылая письма въ деревни, дабы тамъ поминали ихъ по долгу христіанскому*.

7) Купилъ въ Одессѣ шесть колоколовъ для рабочихъ.

8) Отпустилъ домой, въ Тверскую губернію, двухъ рабочихъ *по старости*, одного *по преклонной старости*, одного *по слабости ногъ* и одного *переломившаго спинную кость* (!!!). На которой станціи отъ Царицына они умерли, намъ неизвѣстно.

9) Учредилъ особую должность смотрителя за лазаретами и за *сбереженіемъ силъ рабочихъ*».

Прибавимъ къ этому, что относительно одежды, обуви и зимнихъ квартиръ рабочимъ — такъ и до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Благодѣтельная гласность умаялась предшествовавшими похожденіями и теперь молчитъ.

Не молчатъ только «Саратовскія Губернскія Вѣдомости». Онѣ еще въ февралѣ дѣлали новое извѣщеніе о побѣгахъ съ работъ Волжско-Донской дороги, и при томъ въ такое время, когда вовсе нѣтъ соблазнительныхъ заработковъ въ лугахъ у донцовъ... Въ числѣ бѣжавшихъ были преклонные старики: отчего бы, кажется, этимъ-то бѣжать? Имъ только нужно беречь свои силы: а г. Кокоревъ на царицынскихъ работахъ сочинилъ даже особую должность «смотрителя за сбереженіемъ силы рабочихъ» и опредѣлилъ на эту должность нѣкоего г. Милашевича, — замѣчательнаго тѣмъ, что «изъ длиннаго ряда его писемъ къ г. Кокореву можно ознакомиться со всѣми затрудненіями, представляющимися при исполненіи предпріятій въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ». Какъ видно, и этотъ господинъ служитъ тоже спасительной гласности, и мы скоро, можетъ быть, будемъ имѣть удовольствіе читать его письма въ «Русскомъ Вѣстникѣ», рядомъ съ письмами г. Маталя объ Америкѣ, и статьями г. Фердинанда Кана о розахъ.

А въ чемъ же состоятъ затрудненія? Г. Кокоревъ этого не объясняетъ; но дѣло говоритъ само за себя: какъ же, помилуйте!—во-первыхъ, телеграфовъ нѣтъ; во-вторыхъ, г. Брылкинъ, вмѣстѣ съ «Кавказомъ и Меркуріемъ», ставитъ ни во что заключенные контракты; въ-третьихъ, мяса, мяса варенаго, мяса не даютъ рабочимъ; въ-четвертыхъ, казаки съ нагайками присутствуютъ на работахъ; въ-пятыхъ, вода; въ-шестыхъ... да ужъ что и говорить въ шестыхъ? Одна вода чего стоитъ!.. По мнѣнію г. Кокорева, по мнѣнію *самою* доктора (Шерганда?), главная причина развитія хворости и труднаго излѣченія больныхъ (по царицынскимъ работамъ) *вода и непремѣнно вода*»... Г. Козловъ сострилъ по этому поводу, что для устраненія гибельности воды надо вставить въ нее первую букву фамиліи г. Кокорева. Но г. Кокоревъ не на шутку такъ поступилъ съ водою и рабочими,—только результаты были плохіе.

А кромѣ того, какое затрудненіе для благотворныхъ предпріятій г. Кокорева представляетъ неразвитость и апатія окружающей среды! «Сами рабочіе не понимаютъ своей пользы, — говоритъ г. Кокоревъ,— подрядчики соблюдаютъ свои выгоды, а инженеры считаютъ своею обязанностью заботиться только за исполненіемъ работъ, сообразно съ чертежами. *Здѣсь возникаетъ вопросъ:* «виноваты ли инженеры за то, что они не требуютъ отъ подрядчика энергически улучшенія быта рабочихъ?» Задавши такой законодательный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго можетъ зависѣть, по малой мѣрѣ, увольненіе инженера отъ должности, г. Кокоревъ меланхолически про-

должаетъ: «*я думаю*, что виноваты не они, а система нашего воспитанія, внушающая равнодушіе къ простому русскому человѣку; многіе у насъ считаютъ какъ бы посторонним то, что̀ должно бы быть близко къ сердцу» («Русск. Вѣстн.», стр. 52). Въ другомъ мѣстѣ статьи почтенный мыслитель тоже жалуется на то, что «всему мѣшаетъ рутина и недостатокъ любви къ простому сѣроодѣтому русскому человѣку» (стр. 61). Да, съ послѣднимъ нельзя не согласиться: исторія рабочихъ Волжско-Донской дороги доказываетъ это лучше всѣхъ разглагольствій.

А между тѣмъ, при этомъ [жалкомъ и ужасномъ] способѣ веденія дѣла, не угодно ли знать, сколько истрачено денегъ собственно на административную часть предпріятія? 141.000 руб. сер., то-есть, десятая часть всѣхъ бывшихъ расходовъ, и въ этомъ числѣ по управленію собственно работами желѣзной дороги издержано 55.825 руб., да кромѣ того, на жалованье директоровъ и другихъ служащихъ и т. п.—израсходовано 52.000. И это, не забудьте въ томъ обществѣ, одинъ изъ учредителей котораго и владѣлецъ цѣлой трети акцій постоянно шумитъ противъ *форменности* и *бюрократизма* и прославляетъ *дѣловое коммерческое* веденіе предпріятія! Не знаемъ, хорошая ли это коммерція для г. Кокорева, но для «двигателей всякаго устройства», какъ онъ выражается, она должна быть не болѣе пріятна, какъ и добродѣтельная гласность, пользу которой «сразу чувствуетъ» г. Кокоревъ.

Что же? Теперь опять весна, опять близится лѣто... Не узнали мы, что̀ сдѣлано съ рабочими осенью и зимой; можетъ, не узнаемъ ли, что̀ съ ними будетъ въ предстоящее лѣто? Г. Кокоревъ давно уже не печаталъ о благодѣтельной гласности: это добрый знакъ. Можетъ, такъ выдастся лѣто, что г. Кокоревъ нынче и въ Царицынъ не поѣдетъ, и рабочіе винной порціей обольщаться не будутъ, и даже работать станутъ безъ казаковъ съ нагайками? Аль, гдѣ ужъ?..

II.

398. ЮНОЕ ДАРОВАНІЕ,

ОБѢЩАЮЩЕЕ ПОГЛОТИТЬ ВСЮ СОВРЕМЕННУЮ ПОЭЗІЮ.

Прежде всего воскликнемъ съ Карамзинымъ:

«Ахъ, не все вамъ слезы горькія
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ;
На минуту позабудемся
Въ чарованьи красныхъ вымысловъ!»

Успокоившись такимъ авторитетомъ, обращаемся къ дѣлу и рекомендуемъ читателямъ юное дарованіе, которое можетъ, какъ говоритъ г. Григорьевъ о г. Случевскомъ, или распасться прахомъ, или оказаться силою новой, великою силою. Собственно говоря, мы не знаемъ, какъ думать о юномъ поэтѣ и помѣщать ли его въ «Современникѣ» или въ «Свисткѣ», но рѣшаемся на первый разъ лучше въ «Свисткѣ», а то въ «Современникѣ»-то большею частью какъ-то несчастливы бываютъ—черезъ два-три мѣсяца уже не могутъ концы съ концами свести... Въ «Свисткѣ» не то: посмотрите, какъ твердо г. Лиліеншвагеръ стоитъ на своемъ пути!.. А юное дарованіе г. Капелькина будетъ поразнообразнѣе таланта Лиліеншвагера. Да вотъ, прочитайте и судите. Мы и письмо поэта печатаемъ, не скрывая его юношеской наивности: гласность, такъ ужъ гласность полная, безусловная.

Милостивые государи!

Мнѣ 20 лѣтъ. Я съ юныхъ годовъ одержимъ невыносимою любовью къ поэзіи. 12-ти лѣтъ я ужъ писалъ весьма хорошіе стихи. Вообще я развился весьма рано. Вотъ первое стихотвореніе, которое я счелъ достойнымъ печати: я написалъ его, будучи 12-ти лѣтъ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Вечеръ. Въ комнаткѣ уютной
Кроткій полусвѣтъ.
И она, мой гость минутный...
Ласки и привѣтъ,
Обрисъ миленькой головки,
Страстныхъ взоровъ блескъ,
Распускаемой шнуровки
Судорожный трескъ...
Жаръ и холодъ нетерпѣнья...
Сброшенный покровъ...
Звукъ отъ быстраго паденья
На полъ башмачковъ...
Сладострастныя объятья,
Поцѣлуй нѣмой,
И стоящій надъ кроватью
Мѣсяцъ золотой...
1853.

Это стихотвореніе попалось отцу моему, и онъ, признаюсь вамъ, чуть меня за него не высѣкъ. Напрасно увѣрялъ я его, что ничего подобнаго не видывалъ и не чувствовалъ, что все это есть подражаніе разнымъ поэтамъ (я никогда не подражалъ ни одному); отецъ не хотѣлъ вѣрить — такъ велика была сила таланта и живость изображенія предмета!..

Но какъ ни увѣренъ я былъ въ своемъ

дарованіи, а перспектива быть высѣченнымъ вовсе мнѣ не нравилась, и я немедленно перемѣнилъ родъ своей поэзіи. Въ то время наше отечество боролось съ англо-французами; газеты были наполнены восторженными возгласами объ огромности Россіи и о высокомъ чувствѣ любви къ отечеству. Я увлекся и написалъ слѣдующее стихотвореніе:

РОДИНА ВЕЛИКАЯ.

О, моя родина грозно-державная,
Сердцу святая отчизна любимая!
Наше отечество, Русь православная,
Наша страна, дорогая, родимая!

Какъ широко ты, родная, раскинулась,
Какъ хороша твоя даль непроглядная!
Грозно во всѣ концы міра раздвинулась
Мощь твоя, русскому сердцу отрадная!

Нѣтъ во вселенной такого оратора,
Чтобы прославить твое протяженіе:
Съ полюса тянешься ты до экватора,
Смертныхъ умы приводя въ изумленіе.

Ты занимаешь пространство безмѣрное,
Много обширнѣе древняго Рима ты.
Русской земли населеніе вѣрное
Чувствуетъ всѣхъ поясовъ земныхъ климаты.

Рѣки, озера твои многоводныя
Льются, подобно морямъ, безконечныя;
Необозримы поля хлѣбородныя,
Неизъяснимы красы твои вѣчныя!

Солнце въ тебѣ круглый годъ не закатится,
Путникъ тебя не объѣдетъ и въ три года:
Пусть ямщикамъ онъ на водку потратится,—
Только лишь откупу будетъ тутъ выгода...

О, моя родина, Богомъ хранимая!
Сколько простору въ тебѣ необъятнаго!
Сколько таится въ тебѣ, о, родимая,
Неизъяснимаго и непонятнаго!..

1854.

За это стихотвореніе отецъ похвалилъ меня, и я послѣ этого написалъ еще десятка четыре подобныхъ пьесъ. Но, признаюсь, ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться въ звучности съ вышеприведеннымъ. Поэтому, я и не сообщаю ихъ вамъ, а перехожу къ новой эпохѣ моей поэтической дѣятельности.

Въ 1854 — 1855 отечество наше было въ печальномъ положеніи: военныя неудачи, обнаруженіе внутреннихъ неустройствъ, — все это терзало сердце истиннаго русскаго и вводило его въ мизантропію. И я, дѣйствительно, предался мизантропіи, разочаровался; все мнѣ опостылѣло, и я произвелъ слѣдующую пьесу:

КУДА ДѢВАТЬСЯ.

Отъ людской любви и дружбы
Въ лѣсъ дремучій я бѣжалъ,
Сталъ кореньями питаться,
Мыться, бриться пересталъ.

Съ отверженьемъ и проклятьемъ,
Я въ лѣсу одинъ брожу.
Но, увы! здѣсь снова дружбу
И любовь я нахожу.

Солнце съ неба дружелюбно
На меня бросаетъ лучъ;
И поитъ меня съ любовью
Межъ деревъ бѣгущій ключъ.

Соловьи поютъ влюбленно,
Лобызаются цвѣты,
И блестятъ любви слезою
На деревьяхъ всѣ листы.

Дружно по небу гуляютъ
Золотыя облака,
И грозитъ любовь и дружба
Мнѣ изъ каждаго сучка...

Въ каждой травкѣ, въ каждой мошкѣ,
Въ каждой капелькѣ росы
Обитаетъ духъ незримый,
Полный ангельской красы.

И старается мнѣ сердце
Чувствомъ нѣжнымъ размягчить,
Чтобы дружбой и любовью
Цѣлый вѣкъ мой отравить...

И въ лѣсу, въ борьбѣ тяжелой,
Силы падаютъ мои...
О, куда жъ, куда сокроюсь
Я отъ дружбы и любви?

1855.

Вы угадываете, чѣмъ разрѣшилось это мизантропическое настроеніе? Любовью, самой пылкой любовью, — страстью до того пламенной, что я не знаю, какъ еще я не сгорѣлъ совсѣмъ. Тогда-то производилъ я по $7^1/_2$ стихотвореній въ день круглымъ счетомъ; съ особенною силою выразилась страсть въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое я считаю вполнѣ достойнымъ печати:

ПРИЧИНА МЕРЦАНІЯ ЗВѢЗДЪ.

Какъ твои уста въ веселомъ разговорѣ,
Чуть смыкаясь,—снова закрываются;
Какъ любовь и радость въ этомъ свѣтломъ взорѣ
Перелетнымъ блескомъ разгораются;—
Такъ на свѣтломъ небѣ въ этотъ мигъ мерцаютъ
Купы звѣздъ, живыя, разноцвѣтныя,

Иль въ любви и звѣзды глазками играютъ
И другъ другу рѣчи шлютъ привѣтныя?..
Иль любовью нашей съ неба голубого
Хоры ихъ привѣтливо любуются?
Иль въ виду избытка счастія земного
Ихъ лучи завистливо волнуются?
Нѣтъ, любви дыханье такъ во мнѣ широко,
Такъ изъ груди сильно вырывается
И, раздвинувъ воздухъ, такъ летитъ высоко,
Что эѳиръ далекій колыхается,—
И съ его напоромъ звѣздныя громады
Въ дружное приходятъ колебаніе...
Оттого-то въ ночи нѣги и отрады
Веселѣй и чаще ихъ мерцаніе...

1856.

Но скоро любовь моя прошла, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлавшись больше и пріобрѣтя серьезный взглядъ, я пересталъ уже тратить драгоцѣнное время на описаніе любовныхъ чувствъ. Вокругъ меня волновалась общественная дѣятельность, все было полно новыхъ надеждъ и стремленій, все озарено было самыми свѣтлыми мечтами. Весь міръ представлялся намъ въ радужныхъ краскахъ. Въ такомъ настроеніи услышалъ я однажды заунывную крестьянскую пѣсню. У меня тотчасъ родился вопросъ: отчего же она уныла, когда все кругомъ такъ весело? Нѣтъ,—сказалъ я самъ себѣ,—я долженъ, во что бы то ни стало, отыскать въ ней веселые звуки. И представьте силу таланта—отыскалъ! И не только отыскалъ, но и воспроизвелъ! Въ Москвѣ говорили, что не дурно. Что вы еще скажете? Вотъ эти стихи:

СУЩЕСТВЕННОСТЬ И ПОЭЗІЯ.

Знаю васъ давно я, пѣсни заунывныя
Руси необъятной, родины моей!
Но теперь вдругъ звуки радостно-призывные,
Полные восторга, слышу я съ полей!
Пусть все тѣ же пѣсни—долгія, тоскливыя,
Съ той же тяжкой грустью, пахарь нашъ поетъ.
Долю его горькую, думы терпѣливыя
Пусть напѣвъ протяжный мнѣ передаетъ.
Но въ восторгѣ сердца, подъ святымъ вліяніемъ
Гласности, прогресса, современныхъ думъ,
Полнъ благоговѣнья къ свѣтлымъ начинаніямъ,
Жадно всюду внемля новой жизни шумъ,—
Не хочу я слышать звуковъ горькой жалобы,
Тяжкаго рыданья и горькихъ слезъ...
Сердце бы изсохло, мысль моя упала бы,
Если бъ я оставилъ область сладкихъ грезъ...
Все свѣтло и благо, все мнѣ улыбается,
Всюду дней блаженства вижу я залогъ,—
И напѣвъ тоскливый счастьемъ отзывается,
Въ грустной пѣснѣ льется радости потокъ.
Пусть всѣ тѣ же пѣсни наши заунывныя,
Но не то ужъ слышно въ нихъ душѣ моей:
Слышу я въ нихъ звуки радостно-призывные,
Чую наступленье новыхъ свѣтлыхъ дней!..

1857.

Вслѣдъ затѣмъ у меня родилась потребность самому быть общественнымъ дѣятелемъ, и я изобразилъ свое настроеніе въ нѣсколькихъ звучныхъ пьесахъ, изъ коихъ вотъ одна:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Я ѣхалъ на вечеръ. Веселыми огнями
Привѣтливо сіялъ великолѣпный домъ;
Виднѣлась зала въ немъ съ зелеными столами
И бальной музыки изъ оконъ несся громъ.
А у воротъ стоялъ болѣзненный и блѣдный,
Съ морозу синій весь, съ заплаканнымъ лицомъ,
Въ лохмотьяхъ и босой, какой-то мальчикъ бѣдный
И грошикъ дать на хлѣбъ молилъ меня Христомъ.
Я бросилъ на него взоръ, полный состраданья,
И въ залу бальную задумчиво вошелъ,
И дѣтямъ суеты, среди ихъ ликованья,
О бѣдномъ мальчикѣ печально рѣчь повелъ.
Въ кадриляхъ говорилъ о немъ я дѣвамъ нѣжнымъ;
Межъ танцевъ подходилъ я къ карточнымъ столамъ;
Восторженно взывалъ я къ юношамъ мятежнымъ
И скромно толковалъ почтеннымъ старикамъ.
Но глухи были всѣ къ святымъ моимъ призывамъ...
И проклялъ я тогда бездушный этотъ свѣтъ
За то, что онъ такъ чуждъ возвышеннымъ порывамъ—
И тутъ же мстить ему я далъ себѣ обѣтъ.
Я скоро отомстилъ: за ужиномъ веселымъ,
Лишь гости поднесли шампанское къ губамъ,
Я тостомъ грянулъ вдругъ, для ихъ ушей тяжелымъ:
«Здоровье бѣдняка, страдающаго *тамъ!*»
И показалъ я имъ на улицу рукою.
Смутились гости всѣ, настала тишина.
Не стали пить... Но я,—я пилъ съ улыбкой злою,
И сладокъ для меня былъ тотъ бокалъ вина!..

1858.

Но вы сами знаете, какъ тяжело бороться противъ общественной апатіи, безгласности, мрака, предразсудковъ. Я все

это извѣдалъ горькимъ опытомъ, и вотъ какъ выразилось мое новое общественное разочарованіе:

РЫЦАРЬ БЕЗЪ СТРАХА И УПРЕКА.

(Современная элегія).

Исполнясь мужества и помолившись Богу,
Я рано выступилъ въ опасную дорогу.
Тропинка узкая лежала предо мной,
Сливаясь при концѣ въ какой-то мракъ густой.
Безмолвна даль была, какъ темная могила;
Высокая трава лишь съ вѣтромъ говорила,
Да слышалось вдали, вводя меня въ тоску,
Кукушки горестной зловѣщее ку-ку.
Я былъ одинъ, одинъ... вкругъ ни души живой...
Но я пошелъ впередъ отважною стопой!
Мнѣ въ платье яростно вонзался тернъ колючій,
Я ноги обжигалъ себѣ крапивой жгучей;
Ложилась пыль на мнѣ отъ каждаго куста,
И паутина мнѣ садилась на уста;
Но я все шелъ впередъ, свой страхъ превозмогая,
О цѣли странствія прилежно размышляя.
А путь — чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлался страшнѣй:
Жужжали вкругъ меня десятки осъ, шмелей;
Надъ головой моей кружились вереницы
Какой-то скаредной и безобразной птицы;
И что-то длинное, подобное змѣѣ,
Узрѣлъ вдругъ на своей я темной колеѣ...
И страхъ меня объялъ... Сталъ день мрачнѣе ночи,
Упалъ я на траву, смеживъ въ испугѣ очи...
И долго я лежалъ, недвижно, какъ мертвецъ;
Но смирно было все, и всталъ я наконецъ.
Взглянувъ окрестъ себя: природа улыбалась,
Все солнцемъ радостно и ярко озарялось;
Кузнечикъ стрекоталъ и прыгалъ по травѣ,
И птички рѣяли въ воздушной синевѣ;
Порхали бабочки на солнечномъ сіяньи,
И въ воздухѣ неслось цвѣтовъ благоуханье.
А то, что̀ мнѣ змѣей представила мечта,
То кѣмъ-то брошенный обрывокъ былъ кнута...
Дорога прежняя опять меня манила,
И сердце о пути мнѣ горько говорило,
И жажда славныхъ дѣлъ проснулася въ груди,
И цѣль великая виднѣлась впереди!..
И вновь я двинулся... Но что̀ со мною сталось?!..
Нѣтъ прежнихъ силъ во мнѣ... отвага потерялась...
Я не могу идти... Я немощенъ и слабъ;
Сомнѣній горестныхъ теперь я жалкій рабъ;
Мечты высокія, стремленья мысли здравой—
Безплодный анализъ облилъ мнѣ злой отравой...
Я сталъ умнѣй теперь... Всѣ трудности пути
Я опытомъ узналъ... Теперь бы мнѣ идти...
Но дорого мнѣ сталъ мой опытъ безразсудный:
Я силы истощилъ, и на дорогѣ трудной
Съ тоской, съ презрѣніемъ къ себѣ теперь стою
И не въ травѣ,—въ себѣ я чувствую змѣю...
1859.

Теперь я не знаю, куда мнѣ идти, за что приняться. Въ головѣ пусто, совершенно пусто; въ мірѣ ничто не привлекаетъ; сердце изсохло отъ разочарованія. Оживите меня, влейте надежду въ грудь отчаяннаго, опредѣлите мнѣ цѣль жизни: есть ли у меня талантъ, долженъ ли я заниматься поэзіей, или поступить на военную службу, чтобы ѣхать на востóчный Кавказъ и искать смерти въ битвѣ съ племенемъ Адыге, которое, какъ слышно, еще не совсѣмъ покорилось.

Отъ васъ ждущій жизни или смерти

АПОЛЛОНЪ КАПЕЛЬКИНЪ.

P. S. Слѣдующій мнѣ гонорарій вышлите мнѣ по адресу, который вамъ сообщу, когда увижу стихи мои напечатанными.

399. РАЗВЯЗКА ДИСПУТА 19 МАРТА.

Всякое дѣло имѣетъ свой конецъ. Поэтому въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ послѣдовала и развязка знаменитому диспуту о происхожденіи Руси. И представьте, оказалось, что все дѣло собственно направлено было неисповѣдимыми судьбами ни къ чему иному, какъ къ возвеличенію «Свистка». Сами событія, такъ сказать, сложились въ торжественный гимнъ его проницательности. Онъ не вѣрилъ въ серьезность диспута, онъ утверждалъ, что не можетъ быть ничего серьезнаго тамъ, гдѣ г. Погодинъ, и вотъ вышла первая на нынѣшній годъ книжка «Русской Бесѣды», и г. Погодинъ объявилъ въ ней, что онъ «шутилъ»! Шутилъ, когда дѣлалъ вызовъ г. Костомарову при многочисленномъ собраніи публики въ университетѣ, встрѣчавшей многія изъ его словъ шиканьемъ и свистомъ (какъ ужъ тутъ у него доставало духу шутить, мы даже не понимаемъ), — шутилъ, все шутилъ и молчалъ! Скажите, добрые люди, для чего все это дѣлалось, какъ не для того, чтобъ доставить торжество «Свистку», который въ своемъ отчетѣ о диспутѣ,—вы помните,—чуть не ударился даже въ ученость, что̀ было какъ нельзя болѣе кстати въ то время, когда ученый мужъ расшутился. Да, неисповѣдимость судьбы умилительная!

Это шутовство, угаданное «Свисткомъ» за мѣсяцъ до сознанія г. Погодина, теперь никому не тайна: стоитъ взять «Русскую Бесѣду» и прочесть личное сознаніе шутившаго. Въ этомъ нумерѣ «Современника» гг. Костомаровъ и Чернышевскій показали публикѣ значеніе «шутки» г. Погодина, и намъ объ этомъ распространяться нечего. Что касается до насъ, то пассажъ, сочиненный г. Погодинымъ, привелъ насъ въ умиленіе, а когда мы приходимъ въ умиленіе, то пишемъ стихи, и обыкновенно такъ бываетъ, что виновникъ нашего умиленія является и героемъ пѣсни. Такъ случилось и теперь. Вотъ нашъ новый романсъ г. Погодину.

ПРИЗВАНІЕ.

(М. П. Погодину отъ рыцарей «Свистопляски»).

Пусть Чернышевскій говоритъ, что хочетъ,
И Костомаровъ пусть тебя разитъ;
Пусть надъ тобой ученый судъ грохочетъ,
Пусть ими будешь ты и презрѣнъ и забытъ.

Не унывай! Готовъ пріютъ тебѣ веселый;
Не даромъ пописалъ ты на своемъ вѣку,
Не даромъ шуткою ты сдѣлалъ споръ тяжелый
И ревностно служилъ наукѣ и «Свистку».

Не унывай! Прочь, Несторъ, прочь, норманны,
Прочь, жалкій параллель Европы и Руси!
Владѣнія «Свистка» обильны и пространны:
Тебѣ въ нихъ мѣсто есть,—свой трудъ туда неси!

Умѣешь ты мѣшать со вздоромъ небылицы,
Смѣшить съ ученымъ видомъ знатока:
Иди же, наполняй веселыя страницы
Великодушнаго игриваго «Свистка»!

Ты о «Свисткѣ» писалъ съ презрѣньемъ величавымъ,
Въ намѣреньи его жестоко оскорбить.
Но онъ давно простилъ рѣчамъ твоимъ неправымъ:
Онъ такъ высокъ, что можетъ все простить.

Иди же къ намъ! Въ «Свисткѣ» мы памятникъ построимъ
Всѣмъ шуткамъ, шалостямъ и подвигамъ твоимъ,
Ученость дряхлую мы свистомъ успокоимъ
И слухъ твой ласковымъ романсомъ усладимъ.

---

400. Благонамѣренность и дѣятельность.

Повѣсти и разсказы *А. Плещеева.* Москва. 1860. Двѣ части.

Напечатано въ VII кн. «Современника» 1860 г. (ценз. 5 іюля). Здѣсь Добролюбовъ повторяетъ не разъ, особенно за послѣднее время, высказываемыя имъ мысли. Заслуга Плещеева — наличность въ его произведеніяхъ общественнаго элемента. Тургеневская школа беллетристовъ много говорила о заѣденныхъ средою людяхъ, но блѣдно и слабо рисовала самую заѣдающую ихъ среду. Щедринская школа пробовала пойти дальше, но не дала ничего дѣйствительно способнаго уяснить общій характеръ и психологію этой среды. Всѣ эти «заѣденные»— люди пассивные, лѣнивые, совершенно не способные къ сколько-нибудь дѣятельной борьбѣ, но полные высокихъ стремленій. Между тѣмъ, благими стремленіями мы всѣ насытились, какъ и платонической любовью отжившей литературы, пора начать идеи претворять въ дѣла, а платоническую *любовь* къ общественному благу смѣнить на дѣятельную *борьбу* за него. Плещеевъ это понимаетъ, потому что смѣется (очень жалко, что еще не такъ, какъ бы слѣдовало) надъ своими героями, но и онъ еще не далъ намъ иллюстраціи борцовъ и дѣятелей, — очевидно, не по неумѣнію ихъ представить, а по отсутствію ихъ въ реальной жизни. Но не сегодня, такъ завтра эти борцы явятся, и тогда всѣ разговоры о заѣдающей средѣ начнутъ отходить въ вѣчность, гдѣ почіютъ уже многія принадлежности нашей литературы... Отъ Плещеева можно ждать, что онъ не пропуститъ появленія этихъ борцовъ, потому что — здѣсь начинается уже междустрочная мысль—онъ самъ пострадалъ за желаніе дать Россіи лучшія условія общественной жизни, будучи сосланъ въ 1842 году по дѣлу Буташевича-Петрашевскаго и только недавно получивъ обратно всѣ тогда отнятыя права. Это обстоятельство побуждаетъ насъ вообще отнестись къ его сочиненіямъ съ большимъ вниманіемъ.

М. Л.

Повѣсти г. Плещеева печатались во всѣхъ нашихъ лучшихъ журналахъ и были прочитываемы въ свое время. Потомъ о нихъ забывали. Толковъ и споровъ повѣсти его никогда не возбуждали ни въ публикѣ, ни въ литературной критикѣ: никто ихъ не хвалилъ особенно, но и не бранилъ никто. Большею частью, — повѣсть прочитывали и оставались довольны; тѣмъ дѣло и кончалось...

Указанный нами весьма достовѣрный фактъ говоритъ, конечно, не въ пользу особенной оригинальности и яркости таланта автора, да и самъ онъ, очевидно, не претендуетъ на эти качества. Слѣдовательно, и мы можемъ уволить себя отъ скучнѣйшихъ эстетическихъ разсужденій о достоинствахъ и недостаткахъ собственно литературнаго таланта г. Плещеева. Мы это дѣлали не разъ и при обозрѣніи литературной дѣятельности другихъ писателей; но за иныхъ на насъ вскидывались приверженцы «вѣчныхъ» красотъ искусства, полагающіе, что о произведеніяхъ, напримѣръ, гг. Тургенева или Майкова нельзя разсуждать иначе, какъ прикидывая къ нимъ шекспировскую и дантовскую мѣрку. За г. Плещеева никто, кажется, не подымется на насъ: *всякій понимаетъ, что смѣшно*, говоря объ обыкновенныхъ журнальныхъ разсказцахъ, становиться на ходули и, спотыкаясь на каждомъ словѣ, важно возвѣщать автору и читателямъ сбивчивые принципы доморощенной эстетики. Мы полагаемъ, что этотъ беззубый пріемъ неприличенъ также и при разборѣ повѣстей г-жи Кохановской, «Первой любви» Тургенева, «Тысячи душъ» г. Писемскаго, и т. п. Но есть господа, слишкомъ уже погрузившіеся въ патріотическую эстетику и полагающіе, что произведеніямъ нашихъ лучшихъ талантовъ можно приписывать великое значеніе съ той же самой точки зрѣнія, съ какой поставляются на удивленіе вѣкамъ творенія Гомера и Шекспира. При всемъ уваженіи къ нашимъ первостепеннымъ талантамъ, мы не считаемъ удобнымъ разсматривать ихъ съ такой точки, и потому, при разборѣ русскихъ повѣстей, стихотвореній и пр., мы всегда старались указывать не на «вѣчное и абсолютное», навѣки нерушимое художество ихъ, а на тотъ прямой смыслъ, который имѣютъ они для насъ, для нашего общества и времени. Сочинить брошюрку о томъ, что эпосъ Гомера воскресъ въ усовершенствованномъ видѣ въ «Мертвыхъ душахъ», провозгласить Лермонтова Байрономъ, поставить Островскаго выше Шекспира—это все не новость въ русской литературѣ. Да еще и не то бывало: теперь, вѣроятно, уже никто не помнитъ, кто у насъ писалъ историческіе романы лучше Вальтеръ-Скотта, кто у насъ приравнивался къ Гете, чьи чухоночки гречанокъ Байрона милѣй, кто въ Россіи воскресилъ Корнеля геній величавый, кто на снѣгахъ возростилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы, и пр., и пр. А все это было провозглашаемо въ русской литературѣ и даже возбуждало споры и толки. Теперь по возможности стараются удерживаться отъ такой смѣшной игры въ имена, но сущность современныхъ эстетическихъ разсужденій о «вѣчныхъ, общечеловѣческихъ, міровыхъ» достоинствахъ нашихъ писателей постоянно напоминаетъ намъ наивность старинныхъ восклицаній о россійскихъ Гомерахъ и нашихъ родныхъ Байронахъ...

Такъ какъ о великомъ міровомъ значеніи таланта г. Плещеева никто не думаетъ, то мы, значитъ, можемъ быть спокойны, отстраняя отъ себя эстетическій судъ надъ ними и обращаясь къ вопросу, который насъ интересуетъ гораздо болѣе, именно—къ характеру содержанія его произведеній. Г. Плещеевъ написалъ довольно много: передъ нами лежатъ два томика, въ нихъ восемь повѣстей; да тутъ еще нѣтъ «Папироски» и «Дружескихъ совѣтовъ», напечатанныхъ имъ въ 1848 и 1849 г., да нѣтъ «Пашинцева» («Рус. Вѣстн.» 1859 г. № 21—23), «Двухъ карьеръ» («Совр.» 1859 г. № 12) и «Призванія» («Свѣточъ» 1860 г. № 1—2), — трехъ большихъ повѣстей, напечатанныхъ имъ уже послѣ изданія его книжекъ. Изъ нихъ тоже могло бы составиться почти такихъ же два томика. Все это было прочитано безъ неудовольствія, нѣкоторое время занимало собою извѣстную часть русской публики, наравнѣ съ произведеніями другихъ беллетристовъ, не заслужившихъ подозрѣнія въ геніальности. Что же, сказалось ли что-нибудь въ этой массѣ печатной бумаги, имѣетъ ли этотъ десятокъ большихъ и малыхъ повѣстей какое-нибудь отношеніе къ тому, что̀ занимаетъ теперь наше общественное вниманіе? Или это повѣсти просто для упражненія въ процессѣ чтенія, въ родѣ произведеній гг. Каменскаго, Воскресенскаго, Вонлярлярскаго и нѣкоторыхъ новѣйшихъ, имена которыхъ могутъ быть не безызвѣстны отчасти и читателямъ «Современника»?

Намъ пріятно на этотъ вопросъ отвѣчать, что разсказы г. Плещеева никакъ не могутъ быть отнесены къ послѣднему разряду. Элементъ общественный проникаетъ ихъ постоянно, и этимъ отличаетъ отъ множества безцвѣтныхъ разсказовъ тридцатыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Тогдашніе разсказы, какъ извѣстно, отличались тѣмъ, что въ нихъ человѣкъ представлялся [жи-

вотнымъ] [1]) не общественнымъ, а изолированнымъ. Нужно было автору два-три-четыре лица для развитія сюжета,—такъ эти два-три-четыре лица и являлись въ повѣсти, безъ всякаго отношенія къ остальному міру, какъ будто бы они жили на необитаемомъ островѣ, гдѣ все нужное являлось для нихъ по щучьему велѣнью. Для развязки же обыкновенно приводился, неизвѣстно откуда, какой-нибудь таинственный deus ex machina, въ родѣ богатаго дядюшки, сердитаго начальника, пожара, наводненія, благодѣтельнаго вельможи, и т. п. Это было, впрочемъ, болѣе въ тридцатыхъ годахъ; въ пятидесятыхъ же обыкновенно герои, заброшенные на необитаемый островъ, сами начинали чувствовать разочарованіе и уѣзжали съ острова, оставляя героинь плакать и сокрушаться: тѣмъ дѣло и кончалось... Всѣ эти продѣлки мало коснулись г. Плещеева, такъ какъ начало его литературной дѣятельности относится къ сороковымъ годамъ,—когда была въ ходу литература Горемыкъ, Бѣдныхъ людей, Петербургскихъ вершинъ и угловъ,—и возобновилась только въ послѣдніе годы, когда во всей силѣ процвѣтало обличительное направленіе. Во все время [жалкой] безцвѣтности пятидесятыхъ годовъ г. Плещеевъ не появлялся въ печати и, такимъ образомъ, спасся отъ необходимости бѣжать съ своими героими на необитаемый островъ и остался въ дѣйствительномъ мірѣ мелкихъ чиновниковъ, учителей, художниковъ, небольшихъ помѣщиковъ, полусвѣтскихъ барынь и барышень, и т. п. Мірокъ этотъ знакомъ ему, какъ видно, довольно хорошо и изображается имъ съ полной откровенностью. Въ исторіи каждаго героя повѣстей г. Плещеева вы видите, какъ онъ связанъ съ своей средою, какъ этотъ мірокъ тяготѣетъ надъ нимъ своими требованіями и отношеніями, словомъ — вы видите въ героѣ [животное табунное] [2]), а не уединенное. Элементъ общественности присутствуетъ въ каждой повѣсти...

Таково главное достоинство разсказовъ г. Плещеева; но нужно признаться, что это достоинство принадлежитъ ему наравнѣ съ очень многими изъ современныхъ беллетристовъ. Что человѣкъ вполнѣ зависитъ отъ общества, въ которомъ живетъ, и что поступки его обусловливаются тѣмъ положеніемъ, въ какомъ онъ находится, — это уже сдѣлалось теперь почти неизбѣжной точкой отправленія для всякаго мало-мальски здравомыслящаго повѣствователя. Далѣе — что устройство нашей общественной среды не совсѣмъ удовлетворительно, и что житейскія отношенія наши [совсѣмъ не] [1]) благопріятствуютъ нормальному развитію и свободной, здравой дѣятельности человѣка,— объ этомъ тоже написано у насъ весьма много разсказовъ, даже самыми посредственными беллетристами. Разладъ человѣка, [хотя сколько-нибудь порядочнаго], съ окружающей дѣйствительностью сдѣлался общей темой современной литературы. Въ этомъ предметѣ сходятся всѣ партіи, всѣ направленія, всѣ оттѣнки литературныхъ мнѣній. Возьмете ли вы «Русскій Вѣстникъ» или «Библіотеку для Чтенія», «Сынъ Отечества», или «Моду»—вездѣ одно и то же. Поэтому изображеніе антагонизма честныхъ стремленій съ пошлостью окружающей среды само по себѣ теперь уже недостаточно для привлеченія общаго участія; нужно, чтобъ изображеніе было ярко, сильно, чтобы взяты были новыя положенія, открыты въ предметѣ новыя стороны, — тогда только произведеніе будетъ имѣть прочный успѣхъ, и авторъ выдвинется на замѣтное мѣсто въ литературѣ.

Повѣсти г. Плещеева не выходятъ изъ уровня, который установился вообще для произведеній той школы беллетристовъ, которую, пожалуй, по главному ея представителю мы можемъ назвать тургеневскою. Постоянный мотивъ ея тотъ, что «среда заѣдаетъ человѣка». Мотивъ хорошій и очень сильный; но имъ до сихъ поръ не умѣли еще у насъ хорошо воспользоваться. Человѣкъ «заѣденный средою» изображался иногда въ повѣстяхъ тургеневской школы довольно живо; но самая «среда» и ея отношенія къ человѣку рисовались блѣдно и слабо. Изображеніе «среды» приняла на себя щедринская школа, но та взяла только оффиціальную сторону дѣла, да и то (и это главное)—въ проявленіяхъ чрезвычайно мелкихъ. Оттого во всѣхъ нашихъ повѣстяхъ,— обличительныхъ или художественныхъ, все равно,—всегда есть много недоговореннаго и—главное—всегда есть мѣсто двумъ вопросамъ: съ одной стороны — чего же именно добиваются эти люди, никакъ не умѣющіе ужиться въ своей средѣ? а съ другой стороны,—отъ чего же именно зависитъ противоположность этой среды со всякимъ порядочнымъ стремленіемъ, и на чемъ въ такомъ случаѣ опирается ея сила?

Сколько ни подбирай отвлеченностей для рѣшенія этихъ вопросовъ, они не проясняются, пока не будутъ переработаны въ общемъ сознаніи самые факты общественной жизни, отъ которыхъ зависитъ вся сущность дѣла. Эта переработка фактовъ по-

---

[1]) существомъ
[2]) существо общественное

[1]) не всегда

стоянно совершается въ самой жизни; но для [ускоренія и] большей полноты сознательной работы общества можетъ быть полезна и беллетристика, и полезна тѣмъ болѣе, чѣмъ больше художественной полноты и силы будутъ имѣть ея образы. До сихъ поръ школа «разъѣдающей среды» не дала намъ вполнѣ художественныхъ разсказовъ потому именно, что никогда въ ней не являлось полнаго соотвѣтствія между двумя элементами, изъ борьбы которыхъ слагалось содержаніе повѣсти. Вы видѣли человѣка заѣденнаго; но вамъ не было ярко и полно представлено, какая сила его ѣстъ, почему именно его ѣдятъ, [и зачѣмъ онъ позволяетъ себя ѣсть]: на все это вы находили въ повѣстяхъ развѣ намеки, а никакъ не полные отвѣты. Такимъ образомъ, исполненіе всегда было въ этихъ повѣстяхъ далеко ниже идеи, которая бы могла придать имъ жизненность, и оттого всѣ повѣсти этого рода имѣютъ лишь временный, историческій смыслъ, тотчасъ исчезающій, какъ скоро въ обществѣ возникаютъ нѣсколько новыя комбинаціи житейскихъ отношеній и новыя требованія отъ жизни.

Теперь покамѣстъ повѣсти, о которыхъ мы говоримъ, читаются, хотя ужъ и не съ тѣмъ интересомъ, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Но уже и теперь являются запросы, которымъ герои подобныхъ повѣстей рѣшительно не въ состояніи удовлетворить. У свѣжаго и здравомыслящаго читателя при чтеніи, напр., хоть бы повѣстей г. Плещеева тотчасъ является вопросъ: чего же именно хотятъ эти благонамѣренные герои, изъ-за чего они убиваются? И для разрѣшенія своего вопроса читатель вникаетъ въ обстоятельства, служащія источникомъ бѣдъ для благородныхъ героевъ. Но тутъ мы не встрѣчаемъ ничего опредѣленнаго: все такъ туманно, отрывочно, мелко, что не выведешь общей мысли, не составишь себѣ понятія о цѣли жизни этихъ господъ. Они горячатся (какъ Костинъ) изъ-за Фредерики Бремеръ и Жоржъ Занда, и тѣмъ навлекаютъ на себя нерасположеніе «среды»; вразумляютъ (какъ Городковъ) высшаго начальника относительно негодности своего ближайшаго начальника, и черезъ то сами попадаютъ въ опалу; вопіютъ (какъ Костинъ опять) о пользѣ обличительной литературы и тѣмъ возстановляютъ противъ себя нужныхъ людей... Изъ всего этого видно, что у нихъ есть добрыя стремленія, есть желаніе, чтобы людямъ было получше жить на свѣтѣ, чтобы уничтожилось все, что мѣшаетъ общему благу. Но даютъ ли они себѣ ясное понятіе о томъ, что нужно для осуществленія ихъ желаній? Сознаютъ ли они, какія обязанности налагаются на нихъ самихъ, какъ скоро они убѣждаются въ необходимости достиженія той цѣли, которая кажется имъ святою и высокою? Нѣтъ, они постоянно отличаются самымъ ребяческимъ, самымъ полнымъ отсутствіемъ сознанія того, къ чему они идутъ, и какъ слѣдуетъ идти. Все, что въ нихъ есть хорошаго,—это желаніе, чтобы кто-нибудь пришелъ, вытащилъ ихъ изъ болота, въ которомъ они вязнутъ, взвалилъ себѣ на плечи и потащилъ въ мѣсто чистое и свѣтлое. Они бы не стали противиться такому переселенію; напротивъ, были бы очень рады. Но надо согласиться, что въ этомъ особенной заслуги съ ихъ стороны нѣтъ, и что если есть люди, лишенные даже желанія выйти изъ болота, такъ и это еще не даетъ намъ права считать героями тѣхъ, которые желаютъ изъ него выбраться.

Намъ скажутъ, что въ Костинѣ, Городковѣ и пр. намъ и не выставляются герои и идеалы, а просто показывается, какъ жизнь ломаетъ и перемалываетъ иногда своимъ жерновомъ доброе стремленіе, зародыши добра и честности. Но мы и не требуемъ непремѣнно идеальности, мы хотимъ только большей опредѣленности и сознательности въ этихъ лицахъ. И это нужно намъ потому, что мы хотимъ сочувствовать честнымъ лицамъ повѣсти, а между тѣмъ для насъ очень трудно сочувствіе къ людямъ ничтожнымъ, безцвѣтнымъ, пассивнымъ, къ людямъ ни то, ни се... Да и самый художественный интересъ повѣсти требуетъ, чтобы въ изображеніи борьбы выставлялись враги, которыхъ силы уравновѣшивались бы чѣмъ-нибудь. А тутъ—представляется громадное чудовище, называемое «дурною средою» или «пошлою дѣйствительностью», и противъ этого чудовища выводятся какіе-то пухленькіе младенцы, наивные, ничего не знающіе и неумѣющіе, ко всему довѣрчивые и по своему внутреннему безсилію находящіеся дѣйствительно въ полной зависимости отъ окружающей «среды». Скажутъ, что другихъ нѣтъ, что среда-то наша именно такими и дѣлаетъ всѣхъ людей, попадающихъ въ нее. Положимъ. Но въ такомъ случаѣ, что же остается писателю? Остается причислить къ той же «средѣ» и своихъ героевъ и уже относиться къ нимъ точно такъ же отрицательно, какъ относится онъ ко всему, ихъ окружающему. Если наша среда не только сама не хороша, но губитъ и все хорошее, что въ нее попадаетъ, и если дурное начало такъ въ ней сильно, что до сихъ поръ невозможно было выискать достаточно твердаго и дѣятельнаго характера, который бы устоялъ противъ нея и поставилъ на своемъ; если

такъ, то ясно, что въ этой средѣ нечего и искать, кромѣ предмета для самой безпощадной сатиры. Такимъ образомъ, отношеніе автора къ своимъ благороднымъ юношамъ будетъ совершенно другое: не сочувствіе мечтательнымъ и неопредѣленнымъ ихъ стремленіямъ будетъ онъ возбуждать въ читателѣ, а скорѣе насмѣшку надъ тѣмъ, что они, кромѣ своихъ отвлеченныхъ фантазій, ничему существенно-полезному не обучаются. Герои г. Плещеева, напр., обыкновенно поступаютъ на службу; тамъ не уживаются или просто не получаютъ хода и удаляются въ отставку. Затѣмъ они пробуютъ литературную работу; но у нихъ таланта не хватаетъ. Послѣ того имъ остается лишь два средства существованія: давать уроки и переписывать бумаги. Больше они ничего не умѣютъ, ни къ чему не способны. Хоть бы веслами работать умѣли,—на Неву, или на Волгу перевозчиками бы нанялись, или если бы расторопность была — поступили бы въ дворники, а то мостовую мостить, съ шарманкой ходить, раекъ показывать пошли бы, когда ужъ больно тошно приходитси имъ въ своей-то средѣ... Такъ вѣдь ничего не умѣютъ, никуда сунуть носа не могутъ... А тоже на борьбу лѣзутъ, за счастье человѣчества вступаются, хотятъ быть общественными дѣятелями... Да спрашивается,—что они могутъ дѣлать-то, тщедушные и кабинетные люди? Мечтатели они всѣ, а не дѣятели и даже не прожектеры. Мечтаютъ-то они очень хорошо, благородно и смѣло; но всякій изъ насъ можетъ сказать имъ: «какое дѣло намъ, мечталъ ты или нѣтъ»?—и тѣмъ покончить разговоръ съ ними. Разсуждая психологически, конечно, нельзя не уважить прекрасныхъ свойствъ души Костина и Городкова; но для [общественнаго дѣла] [1]), смѣемъ думать, отъ нихъ такъ же мало могло быть толку, какъ и отъ другихъ юношей, о которыхъ разсказываетъ г. Плещеевъ въ другихъ повѣстяхъ. За что же будемъ мы имъ сочувствовать? Зачѣмъ же писать симпатическіе разсказы объ ихъ мечтахъ и внутреннихъ страданіяхъ, не приводящихъ ни къ чему путному?

За такія жосткія строки насъ, разумѣется, упрекнутъ въ неблагородствѣ и сухости сердца, въ недостаткѣ симпатіи къ высокимъ стремленіямъ и въ фаталистическомъ поклоненіи факту. Мы заранѣе признаемъ справедливость всѣхъ подобныхъ упрековъ и потому продолжаемъ свои объясненія, предавшись судьбѣ.

Да, прекраснымъ стремленіямъ души мы не придаемъ никакого практическаго значенія, пока они остаются только стремленіями; да, мы цѣнимъ только факты, и только по дѣйствіямъ признаемъ достоинство людей. Почему мы такъ судимъ, объясняется очень просто. Прекрасными стремленіями мы признаемъ всѣ естественныя неиспорченныя стремленія человѣческой природы; всѣ прекрасныя стремленія мы признаемъ слѣдствіемъ естественныхъ, нормальныхъ потребностей человѣка. Какъ скоро требованіе искусственно, мы его признаемъ дурнымъ, вреднымъ или смѣшнымъ, какъ бы оно ни было прекрасно и величественно. Ежели правда, что Неронъ сжегъ Римъ, чтобы имѣть живой матеріалъ для описанія пожара Трои, то, при всемъ великолѣпіи подобнаго зрѣлища и при всей эстетичности цѣли, мы будемъ считать подобную фантазію отвратительною, какъ противную нормальной человѣческой природѣ. Такъ точно отвратительны, напр., факирскія истязанія надъ собою, браминское презрѣніе къ паріямъ, кулачное право, и т. п. Потому именно все это и гадко (а въ иныхъ проявленіяхъ и смѣшно), что составляетъ искаженіе человѣческой природы. Сущность природы собственно человѣка опредѣлить вкратцѣ довольно мудрено; но что во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ это ея способность къ развитію. Для того, чтобы имѣть возможность развиваться, она требуетъ избѣжанія всякихъ столкновеній и помѣхъ. А для этого она, очевидно, предписываетъ человѣку не мѣшать и другимъ, потому что иначе онъ и самъ себѣ помѣшаетъ, остановитъ и стѣснитъ себя въ своемъ развитіи. Такимъ образомъ, признавая въ человѣкѣ [одну только] способность къ развитію и [одну только] наклонность къ дѣятельности (какого бы то ни было рода) и отдыху, мы изъ этого одного прямо можемъ вывести—съ одной стороны естественное требованіе человѣка, чтобъ его никто не стѣснялъ, чтобъ предоставили ему пользоваться его личными неотъемлемыми средствами и безмездными, [никому не принадлежащими], благами природы, а съ другой стороны—столь же естественное сознаніе, что и ему не нужно посягать на права другихъ и вредить чужой дѣятельности. Это самый простой законъ, по которому птица не старается свить гнѣздо именно на томъ мѣстѣ, гдѣ уже вьетъ гнѣздо другая птица, стадо барановъ спокойно раздѣляетъ между собою лугъ, гдѣ пасется, и т. п. А между тѣмъ къ этому закону и сводятся всѣ стремленія къ [независимости] самостоятельности и строгой справедливости, всѣ гуманныя чувства, всѣ антипатіи къ деспотизму и рабству. Все это такія качества, которыя вовсе не составляютъ выс-

[1]) общества

шаго, тысячелѣтіями цивилизаціи выработаннаго и съ большимъ трудомъ, въ университетахъ, академіяхъ и эстетикахъ добываемаго совершенства. Напротивъ, качества эти [*должны* быть] присущи каждому человѣку, даже на самой низшей ступени развитія. [Вспомнивъ хоть Карамзина, нашего незабвеннаго исторіографа: по его словамъ, даже «народы дикіе любятъ свободу и независимость»]. Что же касается до гуманныхъ чувствъ, т.-е. до того, чтобы никому не мѣшать и ни у кого не отнимать ничего,—такъ этотъ принципъ мы даже у хищныхъ животныхъ видимъ: волки не бросаются другъ на друга, чтобы отнять добычу, а предпочитаютъ ее добывать сами; шакалы и гіены ходятъ цѣлыми стаями, и кровопролитныя войны между ними весьма необычны: [вообще — воронъ ворону глаза не выклюнетъ].

[*Но волки овецъ таскаютъ*; значитъ, принципъ нестѣсненія чужой дѣятельности у нихъ слабъ?—Да вѣдь мы не говоримъ, чтобы уваженіе къ чужому и чувство гуманности было (и въ волкахъ, и въ людяхъ) слѣдствіемъ какихъ-нибудь возвышенныхъ идей] [1]). Мы выводимъ его изъ простого разсчета: «буду лучше свое дѣло дѣлать, чѣмъ другимъ мѣшать; такъ будетъ мнѣ выгоднѣе и спокойнѣе». На этомъ-то основаніи и волкъ не дерется съ волкомъ, а хватаетъ овцу, еще никѣмъ не захваченную, изъ-за которой исторіи быть не можетъ. Это онъ дѣлаетъ вслѣдствіе естественнаго побужденія — голода, такъ же точно, какъ человѣкъ срываетъ цвѣтокъ, удитъ рыбу, убиваетъ и жаритъ себѣ какую-нибудь утку или куропатку. Тутъ не можетъ быть борьбы съ подобнымъ себѣ, нѣтъ враждебныхъ столкновеній съ своей породой, — вотъ о чемъ именно мы говоримъ. Человѣкъ, терпѣливо просидѣвшій цѣлый день за уженьемъ какихъ-нибудь ершей, не захочетъ, однако, стащить рыбу съ чужого садка, предполагая, что это можетъ кончиться не хорошо. И, съ другой стороны, человѣкъ, владѣющій садкомъ, можетъ спокойно смотрѣть на чужихъ рыбаковъ, ловящихъ рыбу въ свободныхъ мѣстахъ рѣки, но не останется равнодушнымъ, когда потащутъ рыбу изъ его садка. Тутъ естественное требованіе, чтобъ ему не мѣшали и не стѣсняли его правъ, вызываетъ его даже на борьбу, — и здѣсь опять тотъ же разсчетъ: чтобы мнѣ не потерять возможности дѣйствовать безпрепятственно и свободно, надо избѣгать всякихъ помѣхъ; но ужъ если помѣха явилась, то надо тотчасъ удалить ее. Иначе вся свобода дѣятельности уничтожается, всякая возможность естественнаго развитія останавливается.

Все это отступленіе мы сдѣлали къ тому, чтобы показать, какъ просты и естественны для человѣка тѣ стремленія и понятія, которыя обыкновенно выставляются въ геройхъ повѣстей нашихъ, какъ что-то особенное, высшее, поднимающее ихъ надъ уровнемъ обыкновенной толпы. Если посмотрѣть просто и безпристрастно, то окажется, что желаніе избавиться отъ стѣсненій и любовь къ самостоятельной дѣятельности такъ же точно неотъемлемо принадлежитъ человѣку, какъ желаніе пить, ѣсть, любить женщину. Было время, когда можно было удивить всякимъ фокусомъ, и люди, [по цѣлымъ недѣлямъ лишавшіе себя пищи и питавшіеся только водою, возбуждали удивленіе толпы и считались нравственными феноменами] [1]). Но теперь мы не уважаемъ подобныхъ заслугъ, [равно какъ] не уважаемъ человѣка за то, если онъ лишилъ себя способности любить женщину или заглушилъ въ себѣ собственную волю до того, что уже превратился въ автомата, [только исполняющаго чужія приказанія]. Всѣ подобныя личности и всѣ подобныя продѣлки мы признаемъ искаженіемъ человѣческой природы и нарушеніемъ естественнаго порядка вещей. Значитъ, нормальнымъ положеніемъ мы признаемъ то, чтобы человѣкъ пилъ, ѣлъ, любилъ женщину, сознавалъ свою личность, стремился къ свободной дѣятельности. Послѣ этого, съ какой же стати требовать отъ насъ симпатіи къ человѣку только за то, что онъ пьетъ и ѣстъ, или ненавидитъ стѣсненіе? Неужели это съ его стороны заслуга, а не естественное, неизбѣжное требованіе его организма? Человѣку не нравится, когда велятъ дѣлать не то, что онъ хочетъ, и не такъ, какъ онъ хочетъ: какое образованіе, какое душевное величіе нужно для этого—не правда ли! Подумайте-ка въ самомъ дѣлѣ: вѣдь онъ чувствуетъ, что ему [руки связываютъ, вѣдь ему] тяжело, что онъ стѣсненъ, вѣдь онъ желаетъ дѣлать что-нибудь по своему разуму и волѣ!.. Бѣдный благородный юноша или мужъ! Какъ не пролить слезы сочувствія надъ его участью!

И точно, слезы проливались, благородные юноши изображались въ повѣстяхъ десятками и, несмотря на свою очевидную пошлость, занимали собою нашихъ талантливѣйшихъ писателей и въ общемъ мнѣніи признавались за людей весьма способныхъ и нужныхъ. На это были, говорятъ, въ свое

[1]) По этому соображенію мы не говоримъ, чтобы уваженіе къ чужому и чувство гуманности было слѣдствіемъ какихъ-нибудь возвышенныхъ идей.

[1]) Подавлявшіе въ себѣ естественныя потребности, считались нравственными героями.

время и свои причины; но теперь мы можемъ смотрѣть на дѣло немножко иначе. Требуя отъ людей дѣла, мы строже можемъ допрашивать всякихъ мечтателей, какъ бы ни были высоки ихъ мечтанія; и по допросѣ окажется, что мечтатели эти—весьма ничтожные люди.

«Нѣтъ, неправда! — закричатъ поклонники Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда [и всѣхъ, имъ подобныхъ]:—отчего же, если высокія мечты этихъ героевъ такъ естественны и просты,—отчего же они не раздѣляются цѣлымъ міромъ? Отчего только у немногихъ [избранныхъ] натуръ проявляются эти стремленія, а большинство не только не понимаетъ ихъ, но даже старается имъ противодѣйствовать? Не есть ли великая заслуга уже и то, что эти мечтатели умѣли понять и усвоить истинныя человѣческія стремленія, тогда какъ все вокругъ ихъ искажено, развращено, предано лжи или совершенно безразлично ко всему?»

Подобные вопросы и замѣчанія приходится слушать очень часто; но всѣ они происходятъ только отъ поверхностнаго взгляда на дѣло. Конечно, можно признать извѣстную долю заслуги въ человѣкѣ, даже и ничего не сдѣлавшемъ для общества, только уже за то, что онъ силою размышленія и самостоятельныхъ наблюденій дошелъ до сознанія ложности того, что̀ всѣми окружающими его выдается за истину. Среди выродившихся субъектовъ человѣческой породы замѣчателенъ былъ бы экземпляръ, настолько сохранившій въ себѣ первоначальный типъ человѣчества, что никакими силами нельзя стереть и уничтожить его. О такой личности можно бы написать и любопытную повѣсть, и надъ воспроизведеніемъ или созданіемъ ея могъ бы не безплодно потрудиться самый первостепенный талантъ какого угодно европейскаго народа. Но вѣдь не такія личности видимъ мы въ нашей литературѣ. Намъ не представляютъ внутренней работы и нравственной борьбы человѣка, сознавшаго ложность настоящаго порядка и упорно, неотступно добивающагося истины; новаго Фауста никто намъ и не думалъ изображать, хоть у насъ есть даже и повѣсть съ такимъ названіемъ [1])... Нѣтъ, наши благородные юноши обыкновенно получаютъ свои возвышенныя стремленія довольно просто и безъ большихъ хлопотъ: они учатся въ университетѣ и наслушиваются прекрасныхъ профессоровъ, или въ гимназіи еще нападаютъ на молодого, пылкаго учителя, или входятъ въ кружокъ прекрасныхъ молодыхъ людей, одушевленныхъ благороднѣйшими стремленіями, свято чтущихъ Грановскаго и восхищающихся Мочаловымъ, или, наконецъ, читаютъ хорошія книжки, т.-е. «Отечественныя Записки» сороковыхъ годовъ. Весьма часто всѣ эти счастливыя случайности сходятся вмѣстѣ, и помогаютъ одна другой. Такимъ образомъ развитіе простыхъ человѣческихъ стремленій совершается въ добрыхъ юношахъ безъ особенныхъ героическихъ усилій: имъ хочется ѣсть, имъ со всѣхъ сторонъ говорятъ: пойдемте обѣдать, и они идутъ. Вотъ и все.

А отчего же другіе нейдутъ? Отчего изъ людей, точно также учившихся и слышавшихъ прекрасныя наставленія, выходятъ взяточники, фаты, формалисты, мелкіе деспоты, и т. д., и т. д.?..

И на эти вопросы легко отвѣтить: отъ глупости, или, лучше сказать, отъ наивности. Видя, что естественная наклонность къ самостоятельной, нормальной дѣятельности встрѣчаетъ препятствіе на прямой дорогѣ, всѣ эти люди пробуютъ свернуть съ нея немножко, въ надеждѣ, что, обошедши одно препятствіе, они опять могутъ попасть на свой прежній путь. Разсчетъ опять тотъ же: «лучше я обойду, чѣмъ драться и лѣзть напроломъ». Но здѣсь разсчетъ оказывается ошибочнымъ, потому что препятствіе не одно, а тысячи ихъ, и чѣмъ далѣе человѣкъ уклоняется отъ первоначальнаго пути, тѣмъ сильнѣе умножаются и препятствія. И онъ уже поневолѣ принужденъ вилять, нырять, наклоняться, перескакивать, топтать, что̀ можетъ, по дорогѣ, и самого себя подставлять подъ всякія мерзости, гдѣ нужно,—чтобы только какъ-нибудь продолжать свое странствіе. Человѣкъ въ наивности своей думаетъ: «заплачу деньги за полученіе мѣста, если нельзя получить иначе; зато я принесу пользу на этомъ мѣстѣ». Но оказывается, что единовременной платой нельзя отдѣлаться, нужны и потомъ расходы, если не въ видѣ прямыхъ денежныхъ приношеній, то въ видѣ разныхъ обѣдовъ, вечеровъ, экстренныхъ распоряженій по должности, и т. п. Для поддержанія этого оказывается нужнымъ дѣлать безвозвратные займы, принимать благодарности, брать взятки; чтобы получать взятки и благодарности, надо кривить душою въ дѣлахъ, при этомъ необходимо награждать негодяевъ и тѣснить честныхъ людей, и т. д. Такъ и запутывается человѣкъ, при каждомъ шагѣ все-таки думая, что онъ избираетъ наилучшее средство для устраненія помѣхъ и доставленія простора своей дѣятельности.

Благородные юноши, которыми такъ долго и усердно занималась наша литература, не запутываются такимъ образомъ, и потому представляются гораздо выше

[1]) Разсказъ Тургенева «Фаустъ».

остальной толпы. Но, всмотрѣвшись въ нихъ пристальнѣе, вы найдете, что если они не заблуждаются, такъ это единственно потому, что никуда нейдутъ, а сидятъ все на одномъ мѣстѣ. Они ничуть не проницательнѣе тѣхъ, которые пошли по окольной дорогѣ, ничуть не яснѣе ихъ понимаютъ высокую важность охраненія своихъ человѣческихъ стремленій неприкосновенными отъ постороннихъ помѣхъ, они только—лѣнивѣе. При началѣ жизненнаго поприща у тѣхъ и другихъ одинаково есть желаніе идти прямо, свободно и сознательно къ цѣли полезной и доброй; тѣмъ и другимъ одинаково представляются громадныя препятствія, которыя на первыхъ же шагахъ нужно преодолѣть. И ни тѣ, ни другіе не имѣютъ достаточно бодрости и силы, чтобы прямо начать борьбу съ этими препятствіями: одни хотятъ обойти и, такимъ образомъ, теряютъ изъ виду цѣль и попадаютъ въ [отвратительное] болото [всяческаго разврата] [1]), а другіе остаются на мѣстѣ и сидятъ, сложа руки, съ презрѣніемъ и желчью отзываясь о тѣхъ, которые ударились въ сторону, и дожидаясь, не явится ли какой-нибудь титанъ, да не отодвинетъ ли гору, заслонившую имъ путь. И—что всего забавнѣе—эти господа начинаютъ жаловаться—не на свою лѣнь и безсиліе, и даже не на гору, ставшую на ихъ пути, а на своихъ товарищей, отправившихся въ обходъ. И общая людямъ наклонность къ дѣятельности выражается въ нихъ тѣмъ, что они нападаютъ на несчастныхъ путниковъ и стараются толкнуть ихъ на прямую дорогу. «Да вѣдь тутъ нельзя идти,—возражаютъ бѣдняки: — тамъ мы найдемъ другую дорогу». — Нѣтъ, вы должны идти здѣсь!—кричатъ разгорячившіеся юноши, а между тѣмъ и сами нейдутъ, и горы не прокапываютъ, не сравниваютъ, [не взрываютъ] и не сказываютъ, нѣтъ ли гдѣ тропинки, по которой бы можно подняться. Они сами ничего не знаютъ, ничего не умѣютъ, къ грубой работѣ не способны, [шумнаго взрыва не вынесутъ ихъ нервы]; они ничѣмъ не могутъ помочь путникамъ, кромѣ крика: «не ходите туда, а идите здѣсь»... тогда какъ здѣсь-то и нельзя идти, не прокладывая новой дороги.

«Но все-таки они понимаютъ, что не нужно уклоняться въ сторону, а слѣдуетъ держаться прямой дороги; оттого они никакъ не могутъ попасть въ тину вонючаго болота, въ которое погружаются другіе на окольной дорогѣ: вотъ за что заслуживаютъ они уваженія».

Нимало. Если мы будемъ такъ легко расточать наше уваженіе всѣмъ, кто не дѣлаетъ мерзостей, то принуждены будемъ согласиться со всѣми нелѣпостями г. Ахшарумова [1]), который именно съ этой точки находитъ какія-то великія патріархальныя доблести въ Ильѣ Ильичѣ Обломовѣ. Людей «*гордыхъ тѣмъ, что не вредятъ*», очень много на свѣтѣ; но мы не желаемъ даже г. Ахшарумову наслаждаться такой гордостью. Идиллическія мечты о счастливомъ уединеніи отъ людей теперь вовсе не кстати. [Элементъ общественный вступилъ въ свои права, и] мы должны разсматривать себя какъ членовъ общества, обязанныхъ что-нибудь дѣлать для него, такъ какъ иначе мы будемъ ему вредны уже однимъ своимъ тунеядствомъ.

Да и можно ли назвать истиннымъ пониманіемъ и убѣжденіемъ то смутное, робкое полузнаніе, которымъ отличаются доблестные представители лучшихъ стремленій въ нашей литературѣ? По нашему мнѣнію, убѣжденіе и знаніе только тогда и можно считать истиннымъ, когда оно проникло внутрь человѣка, слилось съ его чувствомъ и волею, присутствуетъ въ немъ постоянно, даже безсознательно, когда онъ вовсе о томъ и не думаетъ. Такое знаніе, если оно относится къ области практической, непремѣнно выразится въ дѣйствіи, и не перестанетъ тревожить человѣка, пока не будетъ удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушаемая, неотлагаемая. Когда я мучусь жаждой въ безводной равнинѣ, и вдругъ вижу ручеекъ, то я брошусь къ нему, несмотря на то, что онъ окруженъ колючими кустами, изъ которыхъ выглядываютъ змѣи. [Самое худое, что я могу потерпѣть въ этихъ кустахъ, это—смерть, но вѣдь я все равно умру же отъ жажды, стало быть, я ничѣмъ не рискую...] Такъ дѣйствуетъ и истинное, живое, полное убѣжденіе: [человѣкъ можетъ подвергаться опасности умереть, добиваясь его осуществленія; но это ничего не значитъ,—онъ точно также умеръ бы и отъ того, если бы принужденъ былъ заглушить свое убѣжденіе...] Найдите же хоть въ комъ-нибудь изъ добрыхъ юношей нашей литературы такую рѣшительность и полноту убѣжденій. Не найдете ни въ одномъ.

Но еще это бы ничего: мы уже сказали, что не требуемъ героизма, а хотимъ только бо́льшей сознательности и опредѣленности стремленій въ добрыхъ юношахъ. И этого не находимъ. Они заражены очень высокимъ мнѣніемъ о своей чистотѣ и твердости, и потому никакъ не хотятъ оглянуться вокругъ себя и уразумѣть хорошенько свои отношенія ко всему окружающему. Въ наив-

[1]) всяческой неправды

[1]) Критика.

ности и неумѣлости они не уступаютъ самому простодушному изъ тѣхъ людей, которые всю жизнь идутъ въ сторону отъ прямой дороги, воображая, что—все равно—придутъ къ той же точкѣ. Первое, что̀ представляется въ нашихъ юношахъ, это жалоба на своихъ спутниковъ. Они хотятъ идти прямо, но толпа около нихъ стремится въ сторону и ихъ тащитъ за собою; прямостремительные юноши начинаютъ волноваться и шумѣть на толпу, зачѣмъ она не такъ идетъ, начинаютъ жаловаться на толчки, получаемые ими отъ бѣгущихъ мимо нихъ, утверждаютъ, наконецъ, что нѣтъ возможности идти прямо, ибо толпа не пускаетъ... Но благонамѣренные, прямые юноши не даютъ себѣ труда даже подумать серьезно о томъ, отчего же, однако, ихъ спутники именно въ этомъ мѣстѣ сворачиваютъ въ сторону? Неужели такъ, по прихоти, безъ всякой причины и надобности? Если бы они задали себѣ этотъ вопросъ, то увидѣли бы, что [причина не въ толпѣ идущихъ, а въ препятствіи, стоящемъ на дорогѣ; что] прямую дорогу всякій бы охотнѣе выбралъ, если бъ не встрѣтилось на ней особенныхъ неудобствъ, и что вовсе не толпа виновата въ томъ, если прямой путь стремительныхъ юношей затрудняется. Стоило бы немножечко подумать, и всѣ эти жалобы на «среду», на ея [неприготовленность], пошлость и злонамѣренность исчезли бы сами собою. Положимъ, что и «среду» похвалить не за что: вмѣсто того, чтобы проложить прямую дорогу, она дѣлаетъ такіе крюки, изъ которыхъ потомъ и выбраться не можетъ: это очень глупо и не разсчетливо. Но вѣдь и юноши-то сами не пролагаютъ дороги, а толкутся на одномъ мѣстѣ, въ бездѣльи и недоумѣніи, сваливая вину на другихъ и даже не понимая, что другіе измѣняютъ прямое направленіе рѣшительно по той же самой причинѣ, по которой они сами останавливаются. Доблестные юноши мало имѣютъ человѣчества въ груди и смотрятъ на все какъ-то оффиціально, при всей видимой враждѣ своей ко всякой формалистикѣ; они воображаютъ, что человѣкъ идетъ въ сторону и дѣлаетъ подлости именно потому, что ужъ это такое его назначеніе, такъ сказать — должность, чтобы дѣлать подлости; а не хотятъ подумать о томъ, что, можетъ быть, этому человѣку и очень бы хотѣлось пройти прямо и не сдѣлать подлости, и онъ очень бы радъ былъ, если бъ кто провелъ его прямой дорогой, — да не оказалось къ тому близкой возможности. Благонамѣренные юноши возстаютъ ужаснѣйшимъ манеромъ, напримѣръ, на взяточниковъ, на дурныхъ помѣщиковъ, на свѣтскихъ фатовъ и т. п. Все это прекрасно и благородно; но, во-первыхъ, безплодно, а во-вторыхъ—даже и не вполнѣ справедливо. Въ оффиціальной сухости своихъ понятій о людяхъ и въ самообольщеніи собственной гордости добрые юноши полагаютъ, что только имъ однимъ доступны человѣческія стремленія, а другіе всѣ уже совершенно имъ чужды. Они воображаютъ, что чиновникъ чувствуетъ особенное наслажденіе отъ неправаго разрѣшенія дѣла, что помѣщикъ отъ природы призванъ къ тому, чтобы [сѣчь и] обременять работами своихъ крестьянъ, что свѣтскій франтикъ бываетъ наверху блаженства, ломая свои ноги еженощно въ теченіе цѣлой зимы и просиживая по цѣлымъ часамъ за своимъ туалетомъ. Юноши никакъ не хотятъ понять того, что все это дѣлается вслѣдствіе общаго человѣческаго стремленія найти себѣ возможно лучшее положеніе, обезпечить себѣ возможность свободной и покойной жизни. [Сдѣлайте такъ][1]), чтобы чиновнику было равно выгодно—рѣшать ли дѣла честно или нечестно, — неужели вы думаете, что онъ все-таки сталъ бы кривить душой, по какому-то темному дьявольскому влеченію натуры? Дайте дѣламъ такое устройство, чтобы «расправы» съ крестьянами не могли приводить помѣщика ни къ чему, кромѣ строгаго суда и наказанія, — вы увидите, что «расправы» прекратятся. Поставьте какого угодно фата, [даже аристократической породы и военнаго званія], въ такое общество, въ которомъ танцмейстерское совершенство встрѣчается съ насмѣшливой улыбкой, на туалетъ не обращаютъ вниманія и предъявляютъ человѣку болѣе серьезныя требованія: и онъ[—даже онъ!—]сдѣлается серьезнѣе. Надѣемся, что противъ этихъ положеній спорить не станутъ: о нихъ уже такъ часто и такъ много говорено было [въ «Современникѣ», а теперь мы встрѣчаемъ повтореніе тѣхъ же мыслей и въ другихъ изданіяхъ]. На такой мысли основана даже цѣлая повѣсть г. Плещеева: «Пашинцевъ», напечатанная въ прошломъ году въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Пашинцевъ этотъ — ни то, ни се, «ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ»; есть у него и хорошія наклонности, и не глупъ онъ, и сердце у него доброе, но воспитанъ онъ дурно, и фатовства въ немъ много. Пріѣхавши изъ Петербурга въ губернскій городъ, онъ попадаетъ въ идеально хорошую семью и начинаетъ серьезно работать надъ своимъ развитіемъ; но, познакомившись съ обществомъ губернскимъ и получивъ тамъ нѣкоторые успѣхи, онъ опять тонетъ въ его грязи и пошло-

[1]) Если бы это было такъ,

сти. Въ заключеніе здравомыслъ повѣсти, г. Заборскій, повторяетъ о немъ старую пѣсню, — что его «среда заѣла». Мы противъ этого не споримъ; мы требуемъ только продолженія и распространенія этой мысли. Пашинцевъ, какъ и множество другихъ героевъ повѣстей этого рода, вовсе не представляетъ феномена; вся среда, заѣдающая его, состоитъ именно изъ такихъ же людей, какъ и онъ самъ: у всѣхъ есть добрыя наклонности, но нѣтъ иниціативы въ характерѣ, нѣтъ рѣшимости на самостоятельную дѣятельность. [Теперь обратитесь же къ каждому изъ членовъ этой «среды» съ вопросомъ г-жи Простаковой: портной учился у другого, другой у третьяго и т. д... То-есть, одного заѣла среда, другого среда, третьяго среда, да вѣдь изъ этихъ—одного, другого, третьяго — среда-то и состоитъ; кто же или что̀ же сдѣлало ее такою заѣдающею? Въ чемъ главная-то причина, корень-то всего?] Намъ кажется, что благородные юноши, неидущіе по дурной дорогѣ, а стоящіе на одномъ мѣстѣ, прежде всего, на досугѣ, должны были бы объ этомъ подумать и сообразно съ тѣмъ расположить свои дѣйствія, или, по крайней мѣрѣ, свои наставленія путникамъ, сворачивающимъ въ сторону.

Между тѣмъ, юноши вовсе объ этомъ не думаютъ и вымещаютъ свой гнѣвъ на первомъ встрѣчномъ. Въ другой повѣсти г. Плещеева, «Благодѣяніе», это выражается довольно хорошо. Прекрасный юноша Городковъ принятъ на службу и облагодѣтельствованъ важнымъ лицомъ; у важнаго лица правитель канцеляріи—Юконцевъ, взяточникъ и негодяй; этотъ Юконцевъ дѣлается ближайшимъ начальникомъ Городкова и начинаетъ ему вредить. Городковъ, въ своей наивности воображающій, что важное лицо и благодѣтель его только по невѣдѣнію терпитъ при себѣ такого человѣка, какъ Юконцевъ, принимается вразумлять благодѣтеля на счетъ Юконцева. Понятно, что̀ изъ этого выходитъ. Затѣмъ благодѣтель хочетъ выдать за Городкова свою отцвѣтшую любовницу и дѣлаетъ ему это предложеніе черезъ Юконцева же. Городковъ ругаетъ Юконцева и говоритъ: «не можетъ быть, чтобъ генералъ былъ такъ низокъ и безсовѣстенъ; это вы сами выдумали нарочно». Разумѣется, все это передается генералу, и вслѣдъ затѣмъ Городковъ выгоняется изъ службы и умираетъ отъ чахотки. Спрашивается: какая же причина его гибели? Его же собственная наивность. Вольно же ему было предполагать, что благодѣтель его такъ добръ и глупъ вмѣстѣ, вольно ему было видѣть препятствіе для своей честности въ Юконцевѣ, который вовсе не былъ настоящимъ самостоятельнымъ препятствіемъ, а былъ (пожалуй и не теперь, а гораздо прежде, но все-таки былъ) такимъ же несчастнымъ путникомъ, принужденнымъ — или остановиться въ началѣ пути, или уклониться въ окольныя дорожки, такъ какъ прямая дорога была заставлена.

[«Такъ, значитъ, надо считать главнымъ препятствіемъ это важное лицо, благодѣтеля Городкова?..» Боже мой, какой наивный вопросъ!.. Неужели нужно отвѣчать на него?.. Нѣтъ, нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ: благодѣтель Городкова тоже долженъ быть отнесенъ къ несчастнымъ и неразумнымъ путникамъ,—и не только онъ, но и его начальникъ, и начальникъ его начальника, и всякій человѣкъ вообще, вся среда...

Кто же виноватъ во всемъ этомъ, гдѣ же коренное начало всѣхъ этихъ помѣхъ, толчковъ и безпокойствъ?

А гдѣ начало толчковъ, которые вы получаете въ узкомъ переулкѣ, выводящемъ къ какой-нибудь ярмарочной площади?—Не виноватъ тутъ никто: васъ толкаетъ и тѣснитъ одинъ, потому что его тѣснитъ другой, а того третій. Но вся причина въ томъ, что къ ярмарочной выставкѣ всѣ спѣшатъ, а улица тѣсна... Хотите не испытать толчковъ въ своемъ путешествіи для закупокъ нужныхъ вамъ вещей? Не деритесь понапрасну съ людьми, бѣгущими вмѣстѣ съ вами, — а постарайтесь устроить, вмѣсто кратковременной ярмарки, постоянный торгъ, да сдѣлайте улицу пошире. Тогда и не будетъ никакой давки, и «среда» перестанетъ обременять насъ.

Но чтобъ устроить такой торгъ, надо имѣть капиталъ, и довольно большой; а юноши наши тѣмъ-то и плохи, что ихъ одолѣла всяческая скудость и нищета. Недостатку *большою* капитала еще можно бы помочь: недаромъ у насъ нынче развились акціонерныя компаніи, и все дѣлается на паяхъ и въ складчину. Но, къ несчастью, этимъ бѣднякамъ и въ складчинѣ-то участвовать нечѣмъ: ничего-то они не умѣютъ, ничего не знаютъ, ни на что не годятся. Если ихъ дожидаться, то придется капиталъ составлять медленнѣе, чѣмъ Акакій Акакіевичъ скапливалъ деньги на шинель] [1]). Вмѣстѣ съ прекрасными желаніями, въ нихъ господствуетъ такая вялость, запуганность, такое младенчество воззрѣнія, что на нихъ столько же мало надежды въ практическомъ отношеніи, какъ и на пустѣйшихъ фатовъ и закоренѣлыхъ взяточниковъ. У г. Плещеева (мы беремъ примѣры только

---

[1]) Юноши наши тѣмъ-то и плохи, что ихъ одолѣла всяческая скудость и нищета.

изъ его повѣстей, но могли бы привести и много другихъ), напримѣръ, Костинъ—чего, кажется, добродѣтельнѣе? А между тѣмъ, припомните эту повѣсть (она была въ «Современникѣ»): какая наивность, какое незнаніе жизни, какая неопредѣленность въ средствахъ и цѣли, и какая бѣдность средствъ у этого прекраснаго, безукоризненнаго юноши!.. Онъ умираетъ въ чахоткѣ (безукоризненные герои у г. Плещеева, подобно какъ у г. Тургенева и другихъ, умираютъ отъ изнурительныхъ болѣзней), ничего нигдѣ не сдѣлавши; но мы не знаемъ, что бы могъ онъ дѣлать на свѣтѣ, если бы даже и не подвергся чахоткѣ и не былъ безпрерывно заѣдаемъ средою. Намъ пришло въ голову, что если бы Костина поселить въ Англіи, не давши ему, разумѣется, готоваго содержанія, что бы онъ сталъ тамъ дѣлать, на что бы годился?.. По всей вѣроятности, и тамъ умеръ бы съ голоду, если бы не нашелъ случая давать уроки русскаго языка... Да тамъ о немъ не пожалѣли бы, потому что людей, одаренныхъ благонамѣренностью, но не запасшихся мужествомъ и средствами для осуществленія своихъ благихъ намѣреній, тамъ давно уже перестали цѣнить.

Признаемся, мы бы не стали всего этого говорить по поводу повѣстей г. Плещеева, если бы видѣли, что онъ самъ не возвышается надъ поклоненіемъ благонамѣренности своихъ героевъ. Но мы замѣтили въ немъ и другое, болѣе простое и правильное отношеніе къ нимъ, въ которомъ уже обнаруживается требованіе дѣла, а не однихъ желаній и надеждъ. Если г. Плещеевъ съ преувеличенной симпатіей рисуетъ намъ своихъ Костиныхъ и Городковыхъ, такъ это, конечно, зависитъ отъ того, что другихъ, болѣе выдержанныхъ практически типовъ въ томъ же направленіи до сихъ поръ еще не представляло русское общество. Что же дѣлать? Недавно мы видѣли, какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ писателей пробовалъ созданіе дѣльнаго практическаго характера, и какъ ему мало удалось это созданіе, несмотря на то, что онъ [взялъ еще не русскаго человѣка и] далъ ему такую цѣль жизни, которая представляла полную возможность наполнить его исторію самой живой дѣятельностью [1]). Видно, еще не пришло время созданія дѣятельныхъ и твердыхъ и въ то же время честныхъ характеровъ въ нашей литературѣ. Но оно приближается; самыя попытки доказываютъ это, какъ бы онѣ ни были неудачны. А съ другой стороны, о томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и распространеніе ироническаго воззрѣнія на всѣхъ «лишнихъ людей», которымъ такъ много симпатизировали прежде.

Это ироническое отношеніе замѣчаемъ мы и во многихъ повѣстяхъ г. Плещеева. Его герои вообще раздѣляются на три разряда: одни умираютъ отъ чахотки, — это лучшіе (смотри выше); другіе спиваются съ кругу,—это тоже не совсѣмъ дурные; третьи устраиваются такъ себѣ, женятся на богатыхъ, успѣшно служатъ, и т. п.,—это ужъ совсѣмъ пустые. Собственно говоря, если смотрѣть съ общественной точки, то между этими тремя разрядами разницы оказывается мало: всѣ бездѣльничаютъ, — не столько потому, что нельзя ничего дѣлать, сколько потому, что лѣнивы и ничего не умѣютъ, и всѣ губятъ себя и тѣхъ, что̀ ихъ любятъ, не по злости и не съ намѣреніемъ, а просто по невинности разсудка и по безхарактерности. Поземцевъ (въ повѣсти «Призваніе»), принадлежащій къ послѣднему разряду, женится и губитъ свою жену, грубымъ образомъ заводя связь съ какой-то кокеткой и дѣлая женѣ безсовѣстные упреки; Будневъ, второго разряда, точно такъ же безтолково женится и губитъ свою жену тѣмъ, что влюбляется въ какую-то дѣвченку, на которую тратится, скрываетъ отъ жены причину своихъ долгихъ отлучекъ, своей печали и, наконецъ, запиваетъ горькую. Такъ точно Пашинцевъ (удостоенный авторомъ даже несчастной смерти) разстраиваетъ семейное счастье, принявшись «развивать» и привязавши къ себѣ дѣвушку, къ которой самъ ничего не чувствовалъ, и которая была уже невѣстой другого; то же самое дѣлаетъ и Ивельевъ, принадлежащій къ самому послѣднему разряду (въ «Шалости»). Положимъ, что Ивельевъ это дѣлаетъ просто отъ бездѣлья, изъ празднаго любопытства, а Пашинцевъ съ долею искренняго убѣжденія, что онъ принесетъ пользу дѣвушкѣ; но результаты-то одни и тѣ же. Какъ видите, если сдѣлать résumé изъ повѣстей г. Плещеева, то выйдетъ, что хорошо толкующіе и благонамѣренные юноши не могутъ даже «гордиться тѣмъ, что не вредятъ». Костинъ, Городковъ, Заборскій, правда, не дѣлаютъ того, что̀ другіе; но и они, по неумѣнью соображать свои средства съ предстоящимъ имъ дѣломъ, тоже скорѣе способны вредить тѣмъ, кто ихъ любитъ, нежели приносить пользу. Костинъ, напримѣръ, совершенно безвинно сдѣлался причиной страданій бѣдной женщины, полюбившей его, жены того помѣщика, у котораго онъ былъ учителемъ дѣтей: и бѣда была не въ томъ, что она полюбила его, а въ томъ, что онъ ничего не могъ для нея сдѣлать, не могъ даже убѣ-

[1]) Тургеневъ въ «Наканунѣ» (см. № 383).

жать никуда съ нею, такъ какъ самъ не имѣлъ ни пристанища, ни копѣйки, да и никакого таланта за душою.

Разумѣется, если разсуждать психологически, то мы никакъ не поставимъ Костина на одну доску съ какимъ-нибудь Поземцевымъ или даже Пашинцевымъ. Какъ можно! Но въ отношеніи къ дѣлу отъ нихъ отъ всѣхъ, по нашему мнѣнію, одинъ толкъ. Вотъ почему намъ пріятно то отрицательное насмѣшливое отношеніе автора къ подобнымъ героямъ, какое мы видимъ въ «Шалости», въ «Наслѣдствѣ», въ «Призваніи» и др. Намъ кажется только, что такое отношеніе надобно еще распространить... Намъ теперь вовсе не нужны люди съ хорошими мечтами и съ идиллическими ожиданіями. Мы пожили довольно, стали нѣсколько опытны, и сами уже большею частью понимаемъ, что хорошее—хорошо, а дурное—дурно. Руководителей для этого намъ не нужно. Даже для искорененія общественныхъ неправдъ не такъ уже нужно слово убѣжденія, какъ нужно практическое пособіе. Мошенничать, обманывать, извиваться, ползать, топтать другихъ и каждую минуту бояться за себя, чтобъ тоже не затоптали, — это никому не можетъ быть пріятно, за это никто не станетъ особенно держаться. Поэтому нечего кричать людямъ: не ползите, а идите прямо, не купайтесь въ лужѣ, не ѣшьте гнилого хлѣба: это всякій радъ сдѣлать и безъ насъ. А нужно позаботиться, чтобы выровнять дорогу, заготовить свѣжаго провіанта. Иначе самые искренніе, благонамѣренные крики будутъ имѣть то же значеніе, какъ и фразистая поддѣлка подъ филантропію, и какой-нибудь современный Костинъ рискуетъ быть поставленъ на одну доску съ г. Кокоревымъ [1]): отъ воззваній того и другого польза одинаковая.

Нечего опасаться, что практическія начинанія дѣльныхъ людей встрѣтятъ противодѣйствіе въ «средѣ». Среда эта, по преимуществу состоящая изъ людей добродушныхъ, спокойныхъ и даже отчасти апатичныхъ, довольно живо и вѣрно изображена во многихъ повѣстяхъ г. Плещеева, даже чисто-анекдотическаго характера. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ, сценъ и описаній этого простого быта безъ всякихъ претензій — можно видѣть, что, при всей видимой апатіи и неразвитости этихъ людей, есть и у нихъ [что-то гнетущее, отъ чего они хотѣли бы избавиться, есть] смутное сознаніе неудовлетворительности своего положенія. Уже одна возможность такихъ исторій, какая описана въ повѣсти «Отецъ и дочь», съ казначеемъ, у котораго начальникъ взялъ казенныя деньги безъ росписки и потомъ отрекся, — или хоть такихъ, какъ въ «Чиновницѣ», гдѣ назначеніе чиновника на мѣсто зависитъ отъ горничной жены [важнаго] начальника, — одна возможность такихъ происшествій должна пробуждать чувство положительнаго недовольства. Никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что всѣ эти «отсталые, невѣжественные, закоснѣлые въ рутинѣ» и пр., и пр., люди, какъ ихъ честятъ прогрессивные юноши, съ радостью примутъ все, что̀ можетъ имъ [представить прочныя гарантіи въ общественной жизни и] [1]) возможность, не мошенничая, пользоваться ея благами. Только не накидывайтесь на нихъ безъ всякаго права и резона, не требуйте отъ нихъ того, за что́ не можете вознаградить ихъ. У нихъ нѣтъ самоотверженія, нѣтъ и иниціативы: въ этомъ ихъ горе, ихъ вина, если хотите, но вѣдь иниціативою-то въ своемъ характерѣ и вы не можете похвастать, о, добродѣтельные и благонамѣренные юноши, выставленные намъ на показъ нашей литературою! Самоотверженіе ваше тоже болѣе отрицательное и пассивное, такъ что мы значительную долю его приписываемъ лѣни, обломовщинѣ. Вы не лѣзете за неправымъ стяжаніемъ и почетомъ, [за чинами, орденами и отличіями], за домами и деревнями: такъ,—да вѣдь вы и ни за чѣмъ не лѣзете. Конечно, Тентетниковъ не ѣздитъ покупать мертвыхъ душъ, какъ Чичиковъ; да онъ, если бы и захотѣлъ, такъ не могъ и не сумѣлъ бы этого сдѣлать: онъ и въ своемъ-то имѣніи не выдержалъ, упрыгался на первыхъ же порахъ и прекратилъ всякій надзоръ надъ работами. Что же тутъ за самоотверженіе? Этакимъ-то самоотверженіемъ Обломовъ и выработалъ себѣ свой характеръ.

Да, перечитывая повѣсти г. Плещеева, мы всего болѣе рады были въ нихъ вѣянію этого духа сострадательной насмѣшки надъ платоническимъ благородствомъ людей, которыхъ такъ возносили иные авторы. Начальные типы пустыхъ либеральчиковъ, безъ всякаго уже сочувствія къ нимъ, набросаны уже были въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ г. Тургенева. Но у г. Тургенева эти господа были постоянно второстепенными лицами и какъ бы оттѣняли собою главныхъ героевъ, которые уже истинно проникнуты благонамѣренностью и дѣйствительно «заѣдены средою», въ родѣ того, какъ Паншинъ при Лаврецкомъ или Пигасовъ при Рудинѣ. У г. Плещеева эти лица—главныя, они составляютъ часто основу и цѣль повѣсти, и

[1]) См. №№ 352 и 397.

[1]) доставить

изъ ихъ изображеній все болѣе выясняется требованіе дѣла и дѣла, вмѣсто громкихъ словъ, младенческихъ мечтаній, несбыточныхъ надеждъ и вѣрованій.

Было одно время, когда воспѣвалась любовь къ женщинѣ, и надъ страданіями платоническихъ любовниковъ читательницы проливали слезы, а читатели меланхолически задумывались. Потомъ стали смѣяться надъ платонической любовью, и платоническія горести ни въ комъ уже не встрѣчали особеннаго сочувствія. Какимъ-то страннымъ случаемъ дѣло повернулось у насъ на общественные вопросы, и вотъ мы двадцать лѣтъ читали повѣсти и романы, въ которыхъ воспѣвалась *платоническая любовь къ общественной дѣятельности*, платонической либерализмъ и благородство. Надъ этимъ новымъ платонизмомъ тоже проливали слезы и задумывались; но пора очнуться и отъ этого. Если платонизмъ въ женской любви смѣшонъ, то въ тысячу разъ смѣшнѣе платонизмъ въ любви къ родинѣ, къ народу, къ правдѣ и пр.

Мы надѣемся, что слова наши не покажутся никому странными [и непонятными]: въ то время, когда все проникнуто стремленіемъ къ положительности и реализму. Можно ожидать одобренія мысли о томъ, что платоническая, бездѣятельная, плаксивая и отвлеченная любовь къ общему дѣлу никуда не годится. Можно, кажется, надѣяться и на то, что наши будущіе талантливые повѣствователи дадутъ намъ героевъ съ болѣе здоровымъ содержаніемъ и дѣятельнымъ характеромъ, нежели всѣ платоническіе любовники либерализма, являвшіеся въ повѣстяхъ школы, господствовавшей до сихъ поръ.

---

401. Перепѣвы.

Стихотворенія Обличительнаго поэта. Спб. 1860 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 400. Подъ псевдонимомъ «Обличительнаго поэта» писалъ талантливый версификаторъ Д. Д. Минаевъ, отличавшійся рѣдкой способностью импровизировать стихъ любого поэта на любой размѣръ. Человѣкъ незаурядный, онъ, однако, размѣнялся на мелочи, чему не мало способствовала обычная русская слабость, сгубившая столько видныхъ и крупныхъ людей. Эта рецензія Добролюбова очень любопытна по высказанному въ ней взгляду на пародію, который Н. А. и иллюстрировалъ уже достаточно въ «Свисткѣ». Поэтовъ того времени она, разумѣется, очень сердила; особенно не нравилось имъ, что для большаго яду Добролюбовъ включилъ въ ихъ списокъ свои собственные два псевдонима въ «Свисткѣ» и тѣмъ какъ бы выбилъ у нихъ оружіе изъ рукъ. Самая исторія исчезновенія на время стиховъ изъ русскихъ журналовъ и новаго ихъ появленія изложена Н. А. очень правдоподобно: въ десять послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая I литература вообще замерла подъ страшнымъ давленіемъ, общество, подобно улиткѣ, ушло въ свою раковину, все спряталось и выжидало лучшихъ дней...

М. Л.

Пустота, блѣдность, мелочность и отсутствіе искренности въ современной русской поэзіи въ послѣднее время особенно ясно обнаружились у насъ въ особомъ родѣ стихотворныхъ произведеній, который годъ отъ году все болѣе распространяется. Этотъ особый родъ—нѣчто среднее между подражаніемъ и пародіей, хотя часто и безъ претензіи на значеніе пародіи. Стихотвореніями подобнаго рода наполнены теперь всѣ наши журналы, какъ юмористическіе, такъ и серьезные: вся разница въ томъ, что одни печатаютъ пустенькіе стишки безъ поэзіи, вполнѣ сознавая ихъ отрицательный смыслъ, а другимъ этого сознанія недостаетъ. Оттого, напримѣръ, Пр. Вознесенскій, Знаменскій [1]), Гейне изъ Тамбова [2]), Амосъ Шишкинъ, Обличительный поэтъ, и пр., и пр., не имѣютъ претензій на поэтическое творчество: ихъ дѣло—перефразировка и пересмѣиванье общихъ мѣстъ и всякихъ нелѣпостей, забравшихся въ поэзію; а гг. Аполлонъ Капелькинъ [2]), Апухтинъ, Крестовскій, Лиліеншвагеръ [3]), Розенгеймъ, Зоринъ, З. Туръ, Случевскій, Кусковъ, Пилянкевичъ, Вейнбергъ, Кроль, Поповъ, и пр. и пр.,—полагаютъ навѣрное, что они, между прочимъ, горятъ небеснымъ огнемъ и призваны повѣдать міру нѣчто художественное. Можетъ быть, совреме-

---

[1]) Псевдонимъ В. С. Курочкина.
[2]) Псевдонимъ П. И. Вейнберга.
[3]) Псевдонимы Добролюбова.

немъ, они и дѣйствительно что-нибудь повѣдаютъ, такъ какъ они всѣ только еще начали свою литературную карьеру на нашей памяти; но мы не хотимъ заглядывать въ будущее, а говоримъ о настоящемъ. Въ настоящемъ же трудно рѣшить, кому отдать преимущество — этимъ ли добродушнымъ юношамъ, серьезно и искренно творящимъ свои стихи, или тѣмъ господамъ, которые не занимаются версификаціею иначе, какъ на смѣхъ. У тѣхъ и другихъ замѣчаемъ мы отсутствіе душевнаго жара, недостатокъ страсти и убѣжденія, много чужого, ничего собственнаго; тѣ и другіе одинаково повторяютъ зады, тѣ и другіе одинаково ненужны, безполезны, ничтожны. У однихъ, правда, можно замѣтить (если очень внимательно и снисходительно всматриваться) порывъ къ чему-то, желаніе что-то выразить, хоть и неудачное желаніе, но все-таки искреннее; но зато у другихъ видно большее уваженіе къ требованіямъ здраваго смысла и значительно меньшая наклонность удаляться отъ простыхъ понятій и чувствъ обыкновенныхъ смертныхъ. При томъ же послѣдніе и тѣмъ хороши, что никого не вызываютъ на эстетическую критику и не повергаютъ въ мечтательное настроеніе духа. Словомъ, мы, по своему личному вкусу, наклонны къ тому мнѣнію, что ужъ если писать стихи, какими въ послѣдніе годы наполнялись всѣ наши журналы, то ужъ лучше всего писать ихъ на смѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, съ примѣсью иронiи.

Отчего вдругъ такое строгое осужденіе нашимъ стихотворцамъ, изъ которыхъ иныхъ самъ же «Современникъ» не разъ поощрялъ и пускалъ въ ходъ? Такой вопросъ можетъ придти въ голову многимъ читателямъ, и мы считаемъ не лишнимъ объясниться.

Записные любители литературы, слѣдящіе за всѣми ея мелочами, помнятъ, конечно, что около 10 лѣтъ, почти тотчасъ послѣ того, какъ перестали печататься въ «Отечественныхъ Запискахъ» посмертныя стихотворенія Кольцова и Лермонтова, т.-е. съ 1844 или 1845 года, въ нашихъ журналахъ стихотворенія почти не печатались; исключеніе составлялъ одинъ «Москвитянинъ». Съ 1854—55 г. опять стихи сдѣлались почти необходимостью каждой журнальной книжки. Искать причину такого мелкаго явленія въ міровыхъ событіяхъ, конечно, немножко забавно; но, кажется, міровыя событія дѣйствительно тутъ не совсѣмъ въ сторонѣ. Дѣло въ томъ, что художественный, младенчески беззаботный и граціозно-ребяческій періодъ нашей поэзіи былъ уже завершенъ Пушкинымъ; Лермонтовъ не выказалъ вполнѣ своихъ силъ и до конца жизни не умѣлъ, что называется, стать на свои ноги, потому и не могъ образовать новаго направленія; Кольцовъ остается особнякомъ до сихъ поръ: его оригинальные опыты оказались тоже недостаточно сильными, чтобы повернуть нашу лирику на новый путь. Послѣ нихъ нуженъ былъ поэтъ, который бы умѣлъ осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и какъ будто безотчетные порывы Кольцова, и вложить въ свою поэзію положительное начало, жизненный идеалъ, котораго недоставало Лермонтову. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что естественный ходъ жизни произвелъ бы такого поэта; мы даже можемъ утверждать это, не какъ предположеніе или выводъ, но какъ совершившійся фактъ. Но, къ сожалѣнію, [наступившія вслѣдъ за тѣмъ событія] [1]) уничтожили всякую возможность высказаться и развиться въ новомъ талантѣ тому направленію, которое съ двухъ разныхъ сторонъ, послѣ Пушкина, прибавилось у насъ въ Кольцовѣ и Лермонтовѣ [2]). [Общественная жизнь остановилась; вся литература остановилась; естественно, что и лирика должна была остановиться. И въ самомъ дѣлѣ], немного можно насчитать стихотвореній изъ того времени, которыя бы не составляли болѣе или менѣе красиваго перифраза пушкинскихъ мотивовъ, или же попытокъ въ гейневскомъ родѣ, — а сущность поэзіи Гейне, по понятіямъ тогдашнихъ стихотворцевъ нашихъ, состояла въ томъ, чтобы сказать съ риѳмами какую-нибудь безсвязицу о тоскѣ, любви и вѣтрѣ. Сначала это казалось временнымъ и случайнымъ безсиліемъ, происходящимъ отъ небойкости наличныхъ поэтическихъ дарованій и отъ узости ихъ воззрѣній на свое призваніе; тогда думали исправить ихъ критикой и насмѣшкой. Читатели «Современника» припомнятъ, можетъ быть, пародіи, появлявшіяся въ немъ съ самаго начала 1847 года. Но года черезъ три оказалось, что и пародировать нечего: пустота содержанія въ лирикѣ дошла до того, что превосходила всякую пародію. И, что̀ всего хуже, ясно было, что причина этой пустоты кроется гораздо глубже, нежели въ литературныхъ талантахъ и воззрѣніяхъ того или другого автора: она скрывалась въ томъ, что въ самой жизни какъ будто замерло или затаилось все, на что̀ могъ бы могучимъ и живымъ звукомъ отозваться поэтъ. Тогда литераторы и журналисты разсудили, каждый про себя, но совершенно

[1]) внѣшнія обстоятельства
[2]) Рѣчь идетъ о Некрасовѣ.

согласно другъ съ другомъ,—что не стоитъ и печатать мертвыхъ и затхлыхъ стиховъ, [если нельзя печатать сколько-нибудь путныхъ произведеній]. Дѣло совершенно понятное, точно такъ, какъ вполнѣ понятно и то, почему «Москвитянинъ» въ эту эпоху составлялъ исключеніе и набивалъ каждую книжку множествомъ стихотвореній: его поприще нисколько не стѣснялось общимъ состояніемъ литературы; онъ печаталъ стихи г. Шевырева, М. Дмитріева, Ѳ. Миллера, Н. Берга, и т. п. Гг. Фетъ и Языковъ также въ это время печатались въ «Москвитянинѣ»; къ нимъ подъ-стать являлись по временамъ и другіе. Въ прочихъ же журналахъ появлялось обыкновенно развѣ по три-четыре стихотворенія въ годъ, и то почти исключительно съ именами Фета и Майкова, которые тутъ-то и утвердили свою репутацію. Въ 1850 году г. Щербина оживилъ-было нѣсколько дѣтскій театръ нашей поэзіи нѣсколькими новыми маріонетками; но тѣ очень скоро потеряли занимательность.

Въ 1854—55 гг. русская жизнь была такъ сильно встряхнута [нѣсколькими радостными и горестными] событіями, что перенести ихъ молча было невозможно. Литература заговорила, публика стала слушать; стихи полились вслѣдъ за прозой, на нихъ стали обращать вниманіе. Ихъ всегда было много, но прежде на нихъ и смотрѣть не стоило; теперь они касались [или могли касаться] того, что̀ всѣхъ занимало: нельзя было совсѣмъ пренебрегать ими. Въ множествѣ вещей рутинныхъ, вялыхъ и нелѣпыхъ попадались, однакоже, и пьески, обнаруживающія живое чувство и свѣтлую мысль: эти пьески должны были явиться въ свѣтъ, а своимъ появленіемъ онѣ, разумѣется, прокладывали дорогу и другимъ. Съ расширеніемъ круга предметовъ, доступныхъ вообще литературѣ, расширялся и кругъ содержанія лирической поэзіи: теперь опять стало можно ожидать появленія мощнаго таланта, который охватитъ весь строй нашей жизни, согласитъ съ нимъ свой напѣвъ и поставитъ свою поэзію въ уровень съ живою дѣйствительностью. А въ ожиданіи такого поэта стали внимательнѣе присматриваться ко всему, въ чемъ можно было предполагать хоть какіе-нибудь задатки дарованія: извѣстно, что когда чего-нибудь нетерпѣливо ждешь, то при малѣйшемъ шорохѣ предполагаешь приближеніе ожидаемаго предмета.

Таково, по нашему мнѣнію, естественное основаніе для печатанія множества посредственныхъ стишковъ, появляющихся въ нашихъ журналахъ; это явленіе имѣетъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ реторическимъ движеніемъ, которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ шумно давало себя чувствовать возгласами о [нашемъ] быстромъ прогрессѣ [и о «настоящемъ времени, когда», и пр.]. Но множество разрушенныхъ иллюзій должно, наконецъ, научить человѣка быть менѣе наивнымъ; для того, чтобы это ученіе ускорилось, весьма полезны насмѣшки постороннихъ людей, [кричащихъ намъ при каждомъ разочарованіи: «что, несолоно хлебалъ? Что, попалъ пальцемъ въ небо»?] И если смѣющихся очень много, и насмѣшки очень часты, то значитъ, что иллюзіи уже близки къ концу, что ихъ нелѣпость видна почти всѣмъ, по крайней мѣрѣ, значительному большинству, и только немногіе, особенно наивные или восторженные люди продолжаютъ ими увлекаться.

Въ этомъ смыслѣ считаемъ мы полезными стихотворныя пародіи и не только не пренебрегаемъ ими, но даже придаемъ имъ большое значеніе. Онѣ встрѣчаютъ сочувствіе, читаются съ удовольствіемъ и означаютъ, что то, на что̀ онѣ намекаютъ, уже не пользуется особеннымъ сочувствіемъ публики. Говорятъ, что осмѣять все можно; правда, но не всякое осмѣяніе имѣетъ успѣхъ, даже не всегда оно безопасно, хотя бы для репутаціи, утвердившейся весьма прочно. Аристофанъ,—и тотъ не мало нажилъ себѣ хлопотъ даже въ потомствѣ за осмѣяніе Сократа; въ новѣйшее время подобный примѣръ мы видѣли въ Гейне. Съ насмѣшкой повторяется то же самое, что̀ и съ серьезнымъ озлобленіемъ или нападеніемъ: въ сужденіи здраваго смысла, управляющаго массами, форма почти уничтожается передъ сущностью дѣла. Пушкинъ, въ своихъ знаменитыхъ стихахъ, говоря, между прочимъ: «Кому вѣнецъ,—мечу или крику?» и пр., весьма серьезно издѣвался надъ свободнымъ словомъ; но, тѣмъ не менѣе, лучшая часть публики не простила ему этихъ стиховъ. Точно такъ не прощаетъ общественное мнѣніе и самыхъ остроумныхъ насмѣшекъ надъ тѣмъ, что̀ дорого и свято для большинства. Попробуй теперь кто-нибудь издать геніальнѣйшій пасквиль на Гарибальди: вся Европа закипитъ негодованіемъ, и не только автора назовутъ безсовѣстнымъ негодяемъ, но никто не признаетъ въ немъ ни малѣйшаго остроумія, хотя бы оно и было у него дѣйствительно. Возьмемъ примѣръ ближе: попробуйте перепародировать Гоголя въ его «Мертвыхъ душахъ», «Ревизорѣ» и лучшихъ повѣстяхъ,—много ли успѣха будете вы имѣть?.. А того же Гоголя въ «Перепискѣ» можно пародировать не только безнаказанно, но даже съ большимъ успѣхомъ...

Такимъ образомъ, видя, какъ прини-

мается безчисленное множество пародій, появившихся въ послѣднее время и потѣшающихся все болѣе надъ реликвіями пушкинскаго періода, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что время процвѣтанія этого рода поэзіи уже прошло. «А если прошло, то и толковать о немъ много не стоитъ, и убиваться надъ выставленіемъ его смѣшныхъ сторонъ не нужно?» Не всегда оно такъ бываетъ; но въ настоящемъ случаѣ это замѣчаніе кажется намъ вполнѣ справедливымъ. Пародіи на безцѣльныя и бездѣльныя пьески съ претензіей на художественность, насмѣшки надъ высокими мечтами въ виду житейской пошлости, надъ отвлеченно-абсолютнымъ спокойствіемъ предъ жизненными, реальными вопросами нужды и горя были въ ходу давнымъ-давно. Предметъ этотъ далеко еще не исчерпанъ, потому что, несмотря на многочисленныя насмѣшки и критическія наставленія, поэзія наша до сихъ поръ никакъ не хочетъ идти въ ладъ съ живой, человѣческой дѣйствительностью. Но теперь уже противорѣчіе піиты съ реальной правдой выражается иначе, а потому и насмѣшка, [и пародія] должны принять другія формы, настроить себя нѣсколько на другой ладъ. Мы читали много пародій, въ которыхъ, вмѣсто возвышенныхъ предметовъ, трактуемыхъ поэтомъ, представляются предметы житейскіе, и затѣмъ идетъ весьма близкое подражаніе. Напримѣръ, вмѣсто «цвѣтокъ засохшій, безуханный», читаемъ: «ременный кнутъ небезуханный»; вмѣсто: «скажи мнѣ, вѣтка Палестины» — «скажи мнѣ, ветхая бумажка», и затѣмъ пародія перебираетъ, что могло случиться съ кнутомъ и съ синенькой бумажкой, въ чьихъ рукахъ они были, кого сѣкъ кнутъ, и какія гадости покупались бумажкою. Это, конечно, забавно само по себѣ и въ то же время справедливо опошляетъ тѣ quasi-высокія, а въ самомъ дѣлѣ ребяческія и смѣшныя мечты, которыя посвящены поэтами цвѣтку безуханному и вѣткѣ. Но подобнаго рода пародіи хороши именно только тогда, когда онѣ, во-первыхъ, обращены на стихотвореніе, имѣющее большую извѣстность, и, во-вторыхъ, когда само содержаніе пародіи забавно. Если же авторъ пародіи выбираетъ себѣ на жертву какое-нибудь изъ незначительныхъ произведеній незначительнаго поэта и основываетъ весь смыслъ своей пародіи на незначительной утрировкѣ мысли подлинника, то мы не понимаемъ цѣли и смысла подобной работы. Есть, напр., у г. Полонскаго стихотвореніе: «Мое сердце— родникъ, моя пѣсня — волна», и пр. Оно нѣсколько страдаетъ неопредѣленностью и излишкомъ смѣлой мечтательности; но прямо дурнымъ нельзя его назвать; нельзя сказать и того, чтобы оно заключало въ себѣ полное выраженіе характера и манеры поэта; его немногіе знаютъ даже изъ любителей стиховъ. Зачѣмъ же, спрашивается, написана вотъ эта пародія, которую находимъ мы въ «Перепѣвахъ».

Пусть моя пѣсня смутна и темна,
Но зато ей душа отзывается.
Неуловимая, будто волна,
Она звуками вся разсыпается,
Все въ ней — и слезы, и муки любви,
И укоръ, и мольбы откликаются...
Но не умомъ понять пѣсни мои,—
Вѣщимъ сердцемъ онѣ понимаются.

Конечно, это стихотвореніе безцвѣтно и ничтожно; но отъ этого оно вовсе не дѣлается злымъ и забавнымъ.

Многія изъ пародій даже не достигаютъ до красоты подлинника. Это опять происходитъ оттого, что Обличительный поэтъ беретъ не рѣзколожныя стихотворенія и не стремится осмѣять слабыя стороны, вообще отличающія взятаго имъ автора, а просто выбираетъ стихотворенія похуже, да и старается ихъ исказить еще больше. Напр., у Фета есть пренелѣпое стихотвореніе:

Буря на небѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ,
Буря на морѣ, и думы,
Много мучительныхъ думъ, и пр.

Само по себѣ, это стихотвореніе — пародія; его иначе никто и не приметъ, какъ за написанное на смѣхъ (если не предупредить, разумѣется, что тутъ бездна поэтическихъ красотъ). Обличительный поэтъ пишетъ на это пародію:

Звѣзды на небѣ вечернемъ;
Робкій волнуется умъ...
Волны на морѣ и думы,
Много мучительныхъ думъ;
Пьянство ночное въ трактирѣ,
Рѣзкій вакхическій шумъ;
Звѣзды, и волны, и думы —
Хоръ возрастающихъ думъ.

Неужели стоило нарочно придумывать чепуху, ничуть не болѣе яркую, чѣмъ та, для осмѣянія которой она придумана?

Такова большая часть стихотвореній Обличительнаго поэта; они вялы и робки. Напримѣръ, въ двухъ или трехъ пьесахъ онъ пародируетъ г. Бенедиктова: извѣстно, какія метафоры и тропы употребляетъ этотъ поэтъ. Въ пародіи на него желательна такая смѣлость, которая бы презирала всѣ требованія здраваго смысла и заботилась только о тресконтѣ фразы: пародіи же Обличительнаго поэта далеко не достигаютъ даже той смѣлости, какою от-

личается и самъ г. Бенедиктовъ, сочиняющій свои стихи не на смѣхъ, а очень серьезно.

Въ «Перепѣвахъ» есть пародіи и на греческія стихотворенія Щербины, и на пѣсни его о природѣ, и на философическій родъ Огарева, и на еврейскія пѣсни Мея, и на римскіе очерки Майкова—не говоря уже о Фетѣ, доставившемъ Обличительному поэту пространную канву. Но рѣдкія пародіи имѣютъ цѣну сами по себѣ, какъ забавныя стихотворенія; а какъ *обличенія* названныхъ стихотворцевъ, кому же они теперь нужны? Всѣ почти пьесы, перепѣтыя Обличительнымъ поэтомъ, давнымъ-давно забыты даже любителями, не говоря о большинствѣ публики. Безплодность направленія, общаго этимъ стихотвореніямъ, также теперь ужъ не новость. Теперь даже сами «поэты» сознаютъ это, только не хотятъ признаться. Оттого-то въ новѣйшихъ произведеніяхъ русской музы и замѣтно порыванье къ чему-то, только стихотворцы не знаютъ еще сами, — къ чему, а если и знаютъ, то на бѣду себѣ же. Они узнаютъ, напримѣръ, что *мысль* нужна въ поэзіи, и вслѣдствіе того привязываютъ къ своимъ стихамъ какой-нибудь моральный хвостъ, совсѣмъ другого цвѣта, некстати, неловко, словомъ, такъ, какъ дѣлаетъ часто г. Жемчужниковъ. На это есть одна пародія въ «Перепѣвахъ», по нашему мнѣнію, недурная:

Ѣдемъ мы лѣсомъ, песками сыпучими;
Солнышка близокъ закатъ;
Сосны вокругъ насъ иглами колючими,
Какъ исполины, грозятъ.
Пѣсню ямщикъ затянулъ нашъ унылую...
Камень, песокъ да сосна...
Такъ бы все плакалъ подъ пѣсню тоскливую:
Родиной вѣетъ она.

А то вообразятъ, что «обличать» надо; и выходитъ г. Розенгеймъ! Или придумаютъ, что надо собственное міросозерцаніе сочинить, непохожее на простой взглядъ, а имѣющее въ себѣ нѣчто мистическое и символическое: является г. Кусковъ! Всѣ подобныя стремленія, какъ они ни удачны, доказываютъ, однакоже, что художественный индифферентизмъ къ общественной жизни и нравственнымъ вопросамъ, въ которомъ такъ счастливо прежде покоились гг. Фетъ, Майковъ (до своихъ патріотическихъ твореній) и другіе,—теперь уже совсѣмъ не удается новымъ людямъ, выступающимъ на стихотворное поприще. Кто и хотѣлъ бы сохранить прежнее безстрастіе къ жизни,—и тотъ не рѣшается, видя, что «чистая художественность» теперь привлекаетъ общее вниманіе единственное только въ твореніяхъ Кузьмы Пруткова, Такимъ образомъ, всѣ эти amoroso, farniente, вечера и дѣвы—съ облаками, луной, соловьями и ручьями—пропадаютъ сами собою. Пусть ихъ печатаются еще нѣсколько времени,—это послужитъ только къ болѣе рѣшительному ихъ паденію. Мѣсяца три тому назадъ въ нѣсколькихъ журналахъ разомъ появились «весенніе звуки», «весеннія ночи» и «весеннія мечты». Все это было очень тепло, живописно, мило, словомъ—художественно; но мы нѣсколько разъ заставали чтеніе этихъ стиховъ у нашихъ знакомыхъ, сопровождаемое такимъ постояннымъ смѣхомъ, съ какимъ едва-ли прочтутся «Перепѣвы» Обличительнаго поэта.

Мы думаемъ, что теперь время и пародіи быть нѣсколько строже къ себѣ; иначе и она испытаетъ то же, что̀ испытываетъ комедія нравовъ. «Бригадиръ» теперь не соберетъ въ театръ многочисленной публики; такъ точно и пародія на «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» не будетъ ходить по рукамъ и переписываться съ жадностью. Скоро пораженъ будетъ забвеніемъ и тотъ родъ пародій, который направленъ исключительно на художественные недостатки прежнихъ поэтовъ. Вопросъ чистаго искусства уже проигранъ фактически; надъ нимъ и хлопотать не стоитъ.

Но для насмѣшки и пародіи предстоитъ еще большая работа: сопровождать русскую жизнь въ новомъ пути, который ей теперь открывается, и преслѣдовать свисткомъ всякаго, кто безъ толку сунется на этотъ путь и начнетъ тутъ вертѣться, дѣла не дѣлая, а только мѣшая другимъ. И надо замѣтить, что исполненіе подобной задачи, въ виду настоящихъ дѣятелей русской лирики легче, нежели когда-нибудь. Трудно пародировать истиннаго поэта, съ цѣлью выставить его дурныя стороны; еще труднѣе пародировать цѣлое литературное направленіе, ежели оно, хотя и ложно въ извѣстныхъ отношеніяхъ, но согрѣто огнемъ истинной поэзіи. Ложь и правда такъ въ этомъ случаѣ сливаются, недостатки такъ переполняются живыми достоинствами, что рѣдкая пародія, задѣвая одни, можетъ не тронуть другія; а какъ скоро истинное достоинство задѣто—пародія неудачна. Чтобы съ полнымъ успѣхомъ ее сдѣлать въ указанныхъ нами случаяхъ, надо быть самому поэтомъ, противопоставлять талантъ таланту. Для пародированія современной русской лирики вовсе не нужно имѣть поэтическаго дарованія; нужно только умѣть писать стихи и понять, въ чемъ дѣло. И для того, чтобы понять, даже ума особеннаго не нужно. Все дѣло въ томъ, что совокупность современныхъ поэтовъ нашихъ лишена страсти и энергіи и оттого не можетъ имѣть сосредоточенности, а страж-

детъ, напротивъ, разбросанностью, неопредѣленностью, нерѣшительностью. Стихи нашихъ новѣйшихъ стихотворцевъ—дѣланные. Это совсѣмъ не то, что выходитъ у человѣка, котораго извѣстное впечатлѣніе или мысль поразили такъ, что не могутъ изъ сердца выдти, преслѣдуютъ, мучатъ его, не даютъ ему ничего другого видѣть и слышать, пока онъ имъ не дастъ жизни въ стихѣ, соотвѣтственномъ его внутреннему о нихъ представленію. Нѣтъ, наши поэтики не такъ воспріимчивы къ жизни: если ихъ что и поразитъ, то не надолго; ихъ вниманіе и участіе раздѣлено между многими предметами, и ничто особенно не западаетъ имъ въ душу. Они скажутъ себѣ: «а изъ этого бы недурно стихи написать», и если досугъ есть — напишутъ, а то, пожалуй, и оставятъ... Предметъ ихъ стихотворенія не связанъ съ ними кровно и душевно, имъ не жалко его бросить. Мы говоримъ это такъ утвердительно не на основаніи какихъ-нибудь личныхъ знакомствъ, а на основаніи самихъ стихотвореній, которыя намъ приводилось читать. Во всѣхъ ихъ вы видите, что авторъ не воспринялъ въ себя свой предметъ, не слился съ нимъ, не положилъ души своей на его изображеніе: вы читаете описанія, очень живыя иногда,—мнѣнія, иногда умныя, — чувства, повидимому, искреннія, и со всѣмъ тѣмъ вы остаетесь въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ авторѣ. Десять стиховъ Лермонтова скажутъ вамъ о его характерѣ, взглядѣ, направленіи гораздо больше, нежели о какомъ-нибудь новѣйшемъ піитѣ десятки стихотвореній, въ которыхъ онъ, кажется, и мыслитъ, и чувствуетъ. Это оттого, что тамъ вы видите самостоятельное, живое, личное воззрѣніе поэта, а здѣсь всѣ мысли—готовыя, чувства—рутинныя, взгляды отъ общихъ началъ примѣняются къ частному предмету или случаю, а не отъ предмета возводятся къ общимъ началамъ. Такъ иногда вы слушаете юношу, который описываетъ красавицу: греческій носъ, южные глаза, матовый цвѣтъ лица, и т. д.—паспортъ, изложенный хорошимъ слогомъ... Это значитъ, что юноша не любитъ красавицу; не такъ сталъ бы онъ говорить, если бъ любилъ: не до этихъ формальныхъ опредѣленій было бы ему, онъ поспѣшилъ бы вамъ сказать, какъ она *на него* взглянула, что *она* при ней почувствовалъ и, конечно, одной-двумя чертами онъ изобразилъ бы вамъ и красавицу, и самого себя, и свои взаимныя отношенія гораздо лучше, чѣмъ самымъ длиннымъ описаніемъ ея прелестей.

Наши поэтики не нашли еще своей суженой красавицы, не полюбили еще всей душою; можетъ быть, многіе и неспособны страстно полюбить, но всѣ увѣряютъ, что любятъ. Вотъ тутъ-то и надо ловить и обличать ихъ; тутъ-то и годится пародія. Если она и никого не исправитъ, то, по крайней мѣрѣ, облегчитъ, можетъ быть, будущему таланту отысканіе настоящей красавицы и избавитъ его отъ напрасныхъ метаній изъ стороны въ сторону, которыми такъ страдаютъ наши новѣйшіе стихотворцы.

---

402. Черты для характеристики русскаго простонародья.

(**Разсказы изъ народнаго русскаго быта**, *Марка Вовчка*. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1859).

Напечатано въ IX кн. «Современника» 1860 года (ценз. 31 августа) за подписью «Н. — бовъ», которой Н. А. не ставилъ, пока не рѣшилъ бросить номинальную казенную службу.

Очень ясно и опредѣленно написанная статья; повидимому, несмотря на удостовѣреніе самого Добролюбова, что она въ печати представляется несвязной, она все-таки еще недостаточно понята цензоромъ: въ противномъ случаѣ можно ручаться, что отъ нея остались бы однѣ цитаты изъ Марка Вовчка.

Добролюбовъ не очень-то радужно смотрѣлъ на работу Редакціонныхъ Комиссій съ Ростовцевымъ и Панинымъ во главѣ. Онъ не льстилъ себя надеждой на дѣйствительное, полное раскрѣпощеніе народа руками бюрократіи и феодальнаго дворянства, и выразилъ это очень призрачно въ томъ мѣстѣ статьи, гдѣ говоритъ о требованіяхъ справедливости, логики и наблюденіяхъ надъ крестьянскимъ бытомъ и характеромъ, можетъ быть, и не склонныхъ отразиться въ нравственныхъ мѣропріятіяхъ по освобожденію... Это очень ядовитое мѣсто цензоръ просто не понялъ. Какъ недовѣрчиво относился Добролюбовъ къ искренности

освободителей, можно видѣть изъ любопытнаго письма его къ Кавелину отъ 1 января 1861 г. изъ Ниццы:

«Желаю вамъ въ этомъ году меньше испытать разочарованій и держать болѣе счастливыя пари, чѣмъ въ прошломъ году. Признаюсь вамъ, 13-го (т.-е. по-вашему, 1-го) ноября я ожидалъ отъ васъ телеграфической депеши и радостно готовился послать вамъ по телеграфу мой проигрышъ, разсчитывая наверстать его дешевизною продукта, который былъ поставленъ нами въ игру... Впрочемъ, за важными преніями о бѣдномъ братѣ, за сокрушеніемъ о гніеніи Европы, за хлопотами о болѣе удобномъ размѣщеніи большей части статей Свода Законовъ со всѣми продолженіями, за глубокими соображеніями относительно новаго «Вѣка» [1]), за трудами по опубликованію злонамѣренности нѣкоторыхъ петербургскихъ литераторовъ, старающихся бросить тѣнь на комитетъ Общества вспоможенія [2]), и проч., и проч.,—словомъ, за высокими подвигами государственной, профессорской и филантропической мудрости—вы, вѣроятно, забыли смиреннаго юношу, осмѣлившагося однажды усомниться въ сбыточности нѣкоторыхъ вашихъ надеждъ... Позвольте же теперь освѣжить вашу память нѣкоторыми подробностями. Это былъ прекрасный день, чуть ли не пасхальный. Вмѣстѣ съ снѣгомъ растаяли сердца, и только что исчезли нѣкоторыя надежды, періодически возвращающіяся къ каждому празднику. Я, помнится, съ обычною скромностью намекнулъ объ этомъ обстоятельствѣ; вы, какъ истинный профессоръ и философъ (вы же тогда обдумывали, кажется, поправки къ статьѣ о Гегелѣ), взяли на себя трудъ великодушно объяснить мнѣ, что надежды лопнули, потому что были неосновательны; что ни въ апрѣлѣ, ни въ маѣ плодовъ ждать еще нельзя было; что гораздо благоразумнѣе ждать ихъ въ послѣднихъ числахъ августа или въ первыхъ сентября и что кто хочетъ быть вполнѣ увѣренъ въ своихъ надеждахъ, тотъ долженъ ихъ отложить до октября. Съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ я великія истины и смиренно замѣтилъ, что кто рѣшительно уже не хочетъ обмануться, тотъ долженъ совсѣмъ отложить надежды и всякое попеченіе. Тогда вы воспламенились и произнесли мнѣ цѣлую бесѣду (отчасти русскую, но болѣе ламанскую) [3]) о ввозѣ и вывозѣ, о джентри (то было время процвѣтанія Утина), о Николаѣ Милютинѣ и князѣ Черкасскомъ, о гласномъ судопроизводствѣ, о мѣстахъ, въ которыхъ непозволено жить въ Россіи евреямъ, о похвальныхъ качествахъ русскаго мужика и еще болѣе похвальныхъ свойствахъ Редакціонной Комиссіи и члена ея Z***... Всего не припомню, но знаю, что о Z*** было много, а о XX* немножко... Вы были шумно прекрасны во время вашей рѣчи... Я не зналъ, на что вы были похожи. Только уже гораздо позже догадался я, что вы походили въ тѣ минуты на архангела Михаила, какъ онъ изображенъ на Fontaine de S-t Michel въ Парижѣ. Проходя разъ по Севастопольскому бульвару и узрѣвши вдругъ этого архангела, изливающаго потоки живой воды, я невольно вспомнилъ вашъ грозно-свѣтлый, вдохновенный ликъ, съ живыми рѣчами, обѣщавшими столько благъ къ октябрю для меня и для всей Россіи... Я теперь съ умиленіемъ вспоминаю эти рѣчи... Но юность намъ совѣтуетъ лукаво, и я, по молодости лѣтъ, рѣшился тогда отвѣтить на вашу восторженную рѣчь новымъ сомнѣніемъ. Тогда... тогда вы прибѣгли къ послѣднему средству—пари. Я не отказался... Но тутъ вы постыдно струсили и сдѣлали два шага назадъ: первый, что вы говорили не о дѣлѣ, а только о формальномъ заявленіи, второй—что срокомъ взяли уже 1 ноября. Я взялъ оба эти шага и укрѣпился въ новой позиціи, оставленной вами, хотя она и не была такъ удобна, какъ моя прежняя. И что же? Гдѣ первое ноября и гдѣ формальное заявленіе?» («Русск. Мысль» 1892, X, 14—15).

Письмо это очень характерно для Добролюбова и въ другомъ отношеніи: оно показываетъ, какъ онъ въ глаза смѣялся надъ велерѣчивыми и надѣявшимися либералами...

Разумѣется, не довѣряя эманципаторамъ, ихъ доброй волѣ и благимъ побужденіямъ, Добролюбовъ считалъ болѣе вѣрнымъ средствомъ общественную и народную самодѣятельность, чѣмъ какія бы то ни было подачки и благодѣянія со стороны. А разъ такъ, нужно было способствовать этой самодѣятельности путемъ литературы, которая должна была перекрестно знакомить съ народомъ общество и народъ съ наиболѣе расположеннымъ ему обществомъ, а во-вторыхъ—разъяснить народу путь болѣе продуктивной самодѣятельности... Вотъ почему Добролюбовъ считаетъ текущимъ дѣломъ литературы—преслѣдованіе остатковъ крѣпостного права въ общественной жизни и добиваніе порожденныхъ имъ понятій, при постоянномъ указаніи коренного ихъ начала. А главная мысль всей его статьи: народъ способенъ ко всѣмъ возвышеннымъ чувствамъ и поступкамъ наравнѣ съ людьми всякаго другого сословія, если еще не больше, и слѣдуетъ строго различать въ немъ по-

[1]) Кавелинъ участвовалъ въ изданіи этого журнала.
[2]) Литературнаго Фонда.
[3]) Насмѣшка надъ Е. И. Ламанскимъ.

слѣдствія внѣшняго гнета отъ его внутреннихъ и естественныхъ стремленій, которыя совсѣмъ не заглохли, какъ многіе думаютъ. Здѣсь та же вѣра въ силы народа, которую Добролюбовъ высказывалъ не разъ, но теперь она мотивирована съ гораздо большей подробностью. Съ другой стороны, и то же отсутствіе слащавой идеализаціи народа, въ которой, какъ я уже неоднократно говорилъ, Добролюбовъ совершенно не грѣшенъ.

За объ эти черты онъ цѣнитъ и разсказы Марка Вовчка (псевдонимъ Маріи А. Марковичъ). Снимите съ народа рабство, да снимите не по формѣ только (на что̀ еще были способны «освободители»), а въ самой сущности,—и тогда вы увидите, на что̀ онъ способенъ. Вѣрьте, въ немъ живо естественное и ничѣмъ не заглушаемое стремленіе къ свободѣ и отвращеніе къ рабству. Какъ бы ни было велико и глубоко это рабство, оно, однако, не въ состояніи задушить ни этого стремленія, ни этого отвращенія: въ массѣ народа ничѣмъ нельзя исказить человѣческую природу. Поскольку можно крестьянинъ и сейчасъ проявляетъ свой протестъ—развѣ плохая барщинная работа не есть протестъ противъ подневольнаго труда? (И это указаніе Добролюбовъ дѣлаетъ совершенно въ упоръ, осязательно ясно). Но молчаливымъ протестомъ дѣло не ограничится, потому что «для этихъ милліоновъ дѣло идетъ не о какой-нибудь прибавкѣ къ правамъ, которыя они уже пріобрѣли прежде, а чисто на-чисто о созданіи хоть какихъ-нибудь правъ»... Наша поступь впередъ будетъ гораздо рѣшительнѣе, быстрѣе и тверже, чѣмъ на Западѣ, гдѣ какія ни на есть, а все же права уже имѣются. «А если потребность возстановить независимость своей личности существуетъ, то намъ нѣтъ надобности знать, получила ли она формальное разрѣшеніе или нѣтъ: будетъ ли она освящена формальнымъ образомъ, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ она проявится въ фактахъ народной жизни рѣшительно и неотлагаемо»... Полагаю, что эта нѣсколько задернутая флеромъ мысль не требуетъ разъясненій...

Результатомъ независимости и неприкосновенности личности будетъ обязанность и свобода труда. Народъ нашъ не будетъ лѣниться безъ палки помѣщичьяго приказчика или бурмистра,—ему не было времени привыкнуть къ дармоѣдству, еще другихъ прикармливалъ, да вѣдь какъ—совсѣмъ отучилъ бѣлую кость не только отъ труда, но даже отъ всякой о немъ мысли. Лѣнь, дармоѣдство, шаромыжниченье — это принадлежность бѣлой кости. «Рѣшимся выговорить слово правды: цѣлыя поколѣнія жили и прожили у насъ, не сдѣлавъ ничего путнаго и показавъ только, что они негодны къ настоящему дѣлу, потому именно, что въ ихъ понятіяхъ и привычкахъ всегда бродила закваска крѣпостныхъ воззрѣній, и вся жизнь ихъ слагалась съ самаго начала подъ вліяніемъ крѣпостного устройства... Оно ихъ разслабило, опошлило, развратило, обездушило и сдѣлало гораздо жалче, гораздо ничтожнѣе и негоднѣе тѣхъ, которыхъ они эксплоатировали своимъ произволомъ»... «Общее разслабленіе, болѣзненность, неспособность къ сосредоточенной и глубокой страсти характеризуетъ если не всѣхъ, то большинство нашихъ «цивилизованныхъ» собратій».

И эту «цивилизацію» Добролюбовъ не можетъ не наградить кавычками, какъ символомъ насмѣшки, ироніи. Онъ прямо бросаетъ русскому обществу и его литературѣ упрекъ въ раннемъ космополитизмѣ, настолько разорвавшемъ связь съ народомъ, что они потеряли даже способность понимать основныя черты народнаго характера. Онъ преслѣдуетъ нашу «грошовую образованность», зоветъ къ народу и только въ совмѣстной жизни съ нимъ видитъ истинную роль общества. На эту сторону статьи слѣдуетъ обратить особое вниманіе.

Что касается оцѣнки самой книжки Марка Вовчка и его дарованія, то Добролюбовъ не обманывался въ художественныхъ недочетахъ автора, ясно сказалъ, что не видитъ въ разсказахъ ничего выдающагося по формѣ; твердо исповѣдуя свое убѣжденіе о содержаніи беллетристики, онъ находилъ достаточнымъ желанія и умѣнія Марка Вовчка «прислушаться къ отдаленному еще для насъ, но сильному въ самомъ себѣ гулу народной жизни», присутствія русскаго духа, знакомыхъ образовъ и воззрѣній.

Статья обратила на себя вниманіе Ѳ. М. Достоевскаго, выступившаго въ своемъ журналѣ «Время» (1861 г. II) съ статьей «Г. —бовъ и вопросъ объ искусствѣ». Признавъ Добролюбова «однимъ изъ главныхъ представителей утилитарнаго ученія въ искусствѣ», «предводителемъ утилитаризма» и т. п., Достоевскій заявилъ себя во многомъ его прямымъ противникомъ, но констатировалъ, однако, несомнѣнный фактъ большого вниманія публики къ мнѣніямъ Добролюбова. «Онъ заставилъ публику читать себя; критическія статьи «Современника» съ тѣхъ поръ, какъ г. —бовъ въ немъ сотрудничаетъ, разрѣзываются изъ первыхъ, въ то время, когда почти никто не читаетъ критикъ» и «уже одно это ясно свидѣтельствуетъ о литературномъ талантѣ г. —бова». По мнѣнію Достоевскаго, въ талантѣ Добролюбова есть сила, происходящая отъ убѣжденія. «Г. —бовъ не столько критикъ,

сколько публицистъ. Основное начало убѣжденій его справедливо и возбуждаетъ симпатію публики». Дальше шли «но», очень понятныя въ устахъ Достоевскаго. «Но идеи, которыми выражается это основное начало, часто бываютъ парадоксальны и отличаются однимъ важнымъ недостаткомъ—кабинетностью. Г. —бовъ—теоретикъ, иногда даже мечтатель и во многихъ случаяхъ плохо знаетъ дѣйствительность; съ дѣйствительностью онъ обходится подчасъ даже ужъ слишкомъ безцеремонно; нагибаетъ ее въ ту и другую сторону, какъ захочетъ, только бы поставить ее такъ, чтобъ она доказывала его идею. Пишетъ г. —бовъ простымъ яснымъ языкомъ, хоть и говорятъ про него, что онъ ужъ слишкомъ жуетъ фразу, прежде чѣмъ положить ее въ ротъ читателю. Ему все какъ-будто кажется, что его не понимаютъ. Впрочемъ, это еще небольшой недостатокъ. Ясность и простота языка его заслуживаютъ особеннаго вниманія и похвалы въ наше время, когда въ иныхъ журналахъ вмѣняютъ даже себѣ въ особую честь неясность, тяжелизну и кудреватость слога, вѣроятно, думая, что все это способствуетъ глубокомыслію». «Читаютъ г.—бова, который таки заставилъ читать себя, и ужъ за это одно онъ стоитъ особеннаго вниманія».

Находя, что статьи Добролюбова за 1860 годъ довольно рѣзко обозначили утилитарное направленіе въ искусствѣ,—что и совершенно справедливо,—Достоевскій счелъ необходимымъ высказаться по этому вопросу и приписалъ Н. А. убѣжденіе въ незаконности появленія въ литературѣ Пушкина, въ томъ, что художественность есть ничто, нуль и т. п. мысли, — что, какъ мы знаемъ, совсѣмъ невѣрно и совершенно извращаетъ мысли критика-публициста. Въ отношеніи же оцѣнки соотвѣтствія разсказовъ Марка Вовчка реальной жизни народа, Достоевскій сталъ на точку зрѣнія діаметрально противоположную, находя, что всѣ они очень дѣланы, «подсочинены, манерны» и иногда смѣшны. Любопытно при этомъ, что Достоевскій признаетъ тѣ страницы, гдѣ Добролюбовъ излагаетъ разныя теоріи и воззрѣнія на русскій народъ, «превосходными» и категорически заявляетъ, что «это великолѣпное мѣсто (впрочемъ, еще не лучшее въ статьѣ г. —бова) могло бы дать тѣмъ изъ читателей, которые незнакомы съ талантомъ г. —бова, понятіе о томъ, чѣмъ, какъ и почему этотъ писатель заставилъ публику читать себя».

Здѣсь я и ограничусь сказаннымъ знаменитымъ романистомъ, потому что все дальнѣйшее привело бы насъ самихъ къ участію въ полемикѣ (еще и теперь не прекратившейся) по вопросу объ искусствѣ, что, разумѣется, не было бы умѣстнымъ.

Очевидно, обвиненія въ пережевываніи фразы Добролюбову пришлось слышать еще до статьи Достоевскаго. На это онъ отвѣчалъ въ статьѣ № 403. «Длиннота происходитъ оттого, что часто безконечнымъ перифразомъ объясняется то, что можно бы обозначить просто однимъ словомъ; но въ томъ-то и бѣда, что эти слова, весьма обыкновенныя въ другихъ европейскихъ языкахъ, русской статьѣ даютъ обыкновенно такой видъ, въ которомъ она не можетъ явиться передъ публикой. И приходится поневолѣ перевертываться всячески съ фразой, чтобы ввести какъ-нибудь читателя въ сущность излагаемой мысли». Объясненіе, кажется, достаточно ясное, но Достоевскій, какъ замѣтитъ читатель, не нашелъ его въ «Современникѣ»...

Въ заключеніе приведу еще одинъ литературный эпизодъ, находящійся въ связи съ мнѣніемъ «Времени» о Добролюбовѣ. Въ I книжкѣ этого журнала (1861 г.), за мѣсяцъ до появленія цитированной уже мною статьи Достоевскаго, въ фельетонѣ неизвѣстнаго автора говорится: «Конечно, всякій можетъ имѣть свои мнѣнія. Можно не соглашаться съ г. —бовымъ, но, мнѣ кажется, я бы умеръ со скуки за его статьей, если бъ онъ хоть насколько-нибудь измѣнилъ характеръ своихъ указовъ, отдаваемыхъ имъ по русской литературѣ». Затѣмъ шло стихотвореніе, гдѣ авторъ говоритъ о своей любви къ тому, другому писателю, а дальше:

«Я это все люблю, но ты, о, критикъ —бовъ,
Для сердца ты всего дороже!
Немысля я скажу — ты выше всѣхъ умовъ,
Подумая — скажу я то же.
Ты можешь критикой вознесть иль погубить,
Тобою гордъ журнальный лагерь,
И равный силами съ тобой лишь, можетъ быть,
Одинъ Конрадъ Лиліеншвагеръ».

На это за отсутствіемъ Добролюбова отвѣчалъ Чернышевскій въ рецензіи о I книжкѣ «Времени». «Ошибается оно, когда говоритъ о статьяхъ, подписанныхъ буквами *—бовъ*, какъ будто объ имѣющихъ притязаніе на авторитетность. Каждому кажется, что его взглядъ справедливъ; разумѣется, такъ думаетъ о своемъ взглядѣ и *—бовъ;* но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ, что въ его взглядѣ нѣтъ ничего особенно головоломнаго, что подобнымъ образомъ смотрятъ на вещи сотни и тысячи людей, быть можетъ, и не подозрѣвающихъ, что существуетъ на свѣтѣ не только *—бовъ*, но и самый журналъ, печатающій статьи *—бова*. Взглядъ этотъ развивается въ людяхъ даже самою жизнью, независимо отъ какихъ-нибудь статей, и навязать его своими статьями

—*бовв* никому не надѣятся: кто самъ по себѣ не дошелъ до такого взгляда, даже и не понимаетъ статей —*бова,* какъ доказано было знаменитымъ примѣромъ человѣколюбиваго назиданія, даннаго —*бову* газетою, чрезвычайно авторитетною («Колоколъ»— *М. Л.*). Куда же тутъ имѣть притязаніе на авторитетность! Довольно того, если —*бову* удастся высказать иногда то, что̀ думалось и безъ него очень многими, только не высказывалось въ печати нашими критическими авторитетами» («Современникъ» 1861, II, 87).

См. замѣтку къ № 403.

М. Л.

Въ прошломъ году нѣкоторыя обстоятельства, всего болѣе досадныя для насъ самихъ, помѣшали намъ подробно говорить о малороссійскихъ разсказахъ Марка Вовчка, переведенныхъ г. Тургеневымъ. Мы должны были ограничиться только небольшою выдержкою изъ статьи г. Костомарова, написанной имъ для «Современника» еще тогда, когда «Народні Оповідання» только-что появились въ малороссійскомъ подлинникѣ [1]). Надѣемся быть нѣсколько счастливѣе теперь, при появленіи новой книжки разсказовъ Марка Вовчка, еще болѣе любопытныхъ для насъ, такъ какъ они взяты изъ жизни народа великорусскаго.

Мы вовсе не изъ землячества интересуемся изображеніями изъ великорусскаго быта болѣе, чѣмъ малороссійскаго. У насъ есть на это другія причины, заключающіяся въ тѣхъ мнѣніяхъ, какимъ въ послѣднее время подвергался великорусскій крестьянинъ, преимущественно передъ малорусскимъ. Узкій патріотизмъ, всѣ человѣческіе интересы подчиняющій землячеству, достаточно надоѣдаетъ и въ нѣмцахъ какого-нибудь ландграфства Гессенъ-Гомбургскаго или княжества Лихтенштейнскаго; мы можемъ отъ него и освободить себя. У насъ нѣтъ причинъ разъединенія съ малорусскимъ народомъ; мы не понимаемъ, отчего же, если я изъ Нижегородской губерніи, а другой изъ Харьковской, то между нами уже не можетъ быть столько общаго, какъ если бы онъ былъ изъ Псковской. Если сами малороссы не совсѣмъ довѣряютъ намъ, такъ этому виной [такія] историческія обстоятельства, [въ которыхъ участвовала административная часть русскаго общества], а ужъ никакъ не народъ. Да, это, впрочемъ, понимаетъ масса людей въ самой Малороссіи: [*москалями* зовутъ тамъ солдатъ, такъ точно, какъ *панами* зовутъ помѣщиковъ].

Сами разсказы Марка Вовчка служатъ доказательствомъ того, что благоразумные малороссы умѣютъ цѣнить народъ русскій, не дѣлая рѣзкой разницы между Малой и Великой Россіей. Новая книжка «Народныхъ разсказовъ» проникнута тѣмъ же характеромъ и тенденціями, какъ и прежнія «Народні Оповідання». Великія силы, таящіяся въ народѣ, и разные способы ихъ проявленія подъ вліяніемъ крѣпостного права—вотъ что̀ видимъ мы въ этихъ разсказахъ. Тонъ автора, обрывисто пѣвучій, характеръ разсказа грустный и задумчивый, второстепенныя подробности, полныя чистой и свѣжей поэзіи въ описаніяхъ и бѣглыхъ замѣткахъ—все это осталось таково же, какъ и въ прежнихъ разсказахъ. Только имена людей и мѣстъ, изображенія природы, игры и пѣсни вводятъ насъ въ великорусскій бытъ, да еще отношенія крестьянъ къ крѣпостному праву имѣютъ здѣсь свой особенный оттѣнокъ.

Эта-то особенность и занимаетъ насъ всего болѣе. Въ малороссійскихъ разсказахъ мы видѣли злоупотребленія помѣщичьй власти, и злоупотребленія нерѣдко довольно крутыя. Это даже подало, говорятъ, поводъ одному извѣстному русскому критику объявить произведенія Марка Вовчка «*мерзостно-отвратительными картинками*», и, причисливши ихъ къ обличительной литературѣ, вслѣдствіе этого отвергнуть въ авторѣ ихъ всякій талантъ литературный. Мы не читали статейки строгаго критика, потому что давно уже перестали интересоваться его литературными приговорами: но, тѣмъ не менѣе, мы понимаемъ процессъ, посредствомъ котораго онъ составилъ свое заключеніе. Онъ — приверженецъ теоріи «искусства для искусства»; разсказы Марка Вовчка нашли себѣ хвалителей тоже въ числѣ приверженцевъ этой теоріи. Можете себѣ представить, что̀ именно нравилось въ этихъ разсказахъ такимъ хвалителямъ. Мы сами слышали, какъ двое художественныхъ цѣнителей восхищались необыкновенною прелестью и поэтичностью одного мѣста, которое, кажется, такъ читается: «геть, геть, далеко въ полѣ крестъ надъ его могилой виднѣется». Строгій критикъ, осудившій Марка Вовчка, оказался даже нѣсколько благоразумнѣе подобныхъ [цѣнителей, понявши, что «геть, геть, далеко въ полѣ» еще не есть чрезвычайная высота художе-

[1]) 1859 г. V, стр. 103—113. Цензура не разрѣшила тогда напечатать статью Костомарова цѣликомъ.

ственности. А что онъ ничего другого не въ состояніи былъ понять въ «Народныхъ разсказахъ», такъ это опять совершенно естественно, и весьма страненъ былъ бы тотъ, кто сталъ бы ожидать отъ него такого пониманія. Тогда онъ сдѣлался бы отступникомъ теоріи «искусства для искусства»; а можетъ ли онъ отступить отъ нея? Безъ нея что бы онъ сталъ дѣлать на свѣтѣ, куда бы годился онъ? Безъ нея онъ долженъ былъ бы исчезнуть, какъ исчезалъ Иванъ Александровичъ Чернокнижниковъ [1]), какъ исчезалъ Кузьма Петровичъ Прутковъ [на то время, когда у насъ поднимались великіе общественные вопросы]...

Но дѣло не въ приговорахъ художественнаго критика: Богъ съ нимъ—вѣдь его никто не принимаетъ серьезно, стало быть, художественныя потѣхи его остаются совершенно безвредными. Мы имѣемъ въ виду другіе толки, другія мнѣнія, о которыхъ считаемъ удобнымъ поговорить теперь, по поводу книжки Марка Вовчка. Мнѣнія эти довольно распространены въ извѣстной части нашего общества, называющей себя образованною, и между тѣмъ они обнаруживаютъ [не только] непониманіе дѣла [но] и [крайнее] легкомысліе [или самую неразумную недобросовѣстность]. Мнѣнія, о которыхъ мы говоримъ, касаются характеристики русскаго крестьянина и его отношеній къ крѣпостному праву. Крѣпостное право приходитъ къ своему концу [и дѣлается достояніемъ исторіи; о немъ нечего толковать, оно отжило свой вѣкъ]. Но факты, [тяготѣвшіе надъ государствомъ] [2]) въ теченіе столѣтій, не проходятъ даромъ, не остаются безъ всякаго слѣда. Какое-нибудь мѣстничество держится въ нравахъ, спустя два столѣтія послѣ его уничтоженія закономъ; можно ли требовать, чтобы внезапно пересоздались всѣ отношенія, бывшія слѣдствіемъ [такого явленія, какъ крѣпостное право] [3])? Нѣтъ, еще долго будетъ оно отзываться намъ—и въ книжкахъ, и въ гостинныхъ разговорахъ, и въ цѣломъ устройствѣ нашихъ житейскихъ отношеній. Понятія не только отживающаго поколѣнія, не только того, которое теперь дѣйствуетъ, но и того, которое еще только готовится выступить на общественную службу, сложились, если не прямо на основаніи крѣпостного, несвободнаго устройства, то, во всякомъ случаѣ, не безъ сильнаго его вліянія. [До послѣдняго времени нельзя было съ достаточною прямотою возставать противъ этихъ понятій, потому что основаніе ихъ,—] крѣпостное начало,—было узаконено и принято государствомъ. Теперь это начало отвергнуто, [признано противнымъ правамъ человѣчества, лишено покровительства законовъ], и, стало быть, понятія и требованія, имъ порожденныя и воспитанныя, находятъ себѣ осужденіе въ томъ самомъ, что прежде служило имъ оградою. Теперь дѣло литературы — преслѣдовать остатки крѣпостного права въ общественной жизни и добивать порожденныя имъ понятія, [возводя ихъ къ коренному ихъ началу]. Марко Вовчокъ, въ своихъ простыхъ и правдивыхъ разсказахъ, является почти первымъ и весьма искуснымъ борцомъ на этомъ поприщѣ. Въ послѣднихъ своихъ разсказахъ онъ даже не старается, какъ въ прежнихъ, выставлять передъ нами преимущественно то, что называется обыкновенно «злоупотребленіемъ помѣщичьей власти». Что ужъ толковать о злоупотребленіи того, что само по себѣ дурно [—о злоупотребленіи пьянства или воровства, напримѣръ]! Что ужъ говорить о такихъ явленіяхъ, къ которымъ подавало поводъ крѣпостное право, но безъ которыхъ оно могло иногда и обходиться! Нѣтъ, авторъ беретъ теперь нормальное положеніе крестьянина у помѣщика, *не* злоупотребляющаго своимъ правомъ, и кротко, безъ гнѣва, безъ горечи рисуетъ намъ это [грустное, безотрадное] положеніе. И изъ этихъ очерковъ, — въ которыхъ каждый, кто хоть немного имѣлъ дѣло съ русскимъ народомъ, узнаетъ знакомыя черты,— изъ этихъ очерковъ возстаетъ передъ нами характеръ русскаго простолюдина, сохранившій основныя черты свои посреди всѣхъ обезличивающихъ, давящихъ, [убивающихъ] отношеній, которымъ онъ былъ подчиненъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. На нѣкоторыя черты этого характера мы и хотимъ теперь обратить вниманіе.

Извѣстно, что о русскомъ народѣ существуютъ два мнѣнія, противоположныя другъ другу въ самомъ корнѣ. Одни полагаютъ, что русскій человѣкъ ни на что самъ по себѣ не годится и представляетъ не болѣе, какъ нуль: если подставить къ нему какія-нибудь [иностранныя] цифры, то выйдетъ что-нибудь, а если нѣтъ, такъ онъ и останется въ полнѣйшемъ ничтожествѣ. Другіе, напротивъ, имѣютъ о русскихъ то же понятіе, какое имѣютъ насчетъ обезьянъ нѣкоторые простолюдины, увѣряющіе, что обезьяна все понимаетъ и говоритъ умѣетъ, только изъ хитрости скрываетъ свои дарованія. У насъ, видите ли, что ни мужикъ, то геній; мы не учены, да намъ и науки никакой не нужно,—русскій мужикъ топоромъ больше сдѣлаетъ, чѣмъ англичане со всѣми ихъ машинами; все онъ умѣетъ и

---

[1]) Псевдонимъ А. В. Дружинина.
[2]) существовавшіе
[3]) крѣпостного права?

на все способенъ, да только,—не знаю ужъ почему,—не показываетъ своихъ способностей. Эти два мнѣнія многими распространяются не только на Великую, но и на Малую и Бѣлую Россію и на все славянское племя. Первое мнѣніе, какъ извѣстно, теперь уже отстало: оно процвѣтало до 1812 г. Отечественная война показала намъ, что̀ мы такое есть на свѣтѣ, и мы до того прониклись славою двѣнадцатаго года, что наконецъ сдѣлали-таки его смѣшнымъ — и у себя, и передъ иностранцами. [Такимъ образомъ, въ одной карикатурной исторіи Россіи, изданной во Франціи во время восточной войны, Олегъ идетъ на Константинополь съ крикомъ: «не посрамимъ русской земли, умремъ за вѣру и отечество! *Мы тѣ же герои, что и въ 1812 году!*» То же кричитъ и Игорь, и Святославъ, и т. д.]. Дѣйствительно, двѣнадцатый годъ сдѣлался для насъ неисчерпаемымъ источникомъ самохвальства и замѣною всѣхъ добродѣтелей. Толкуютъ намъ о взяткахъ, а мы вспоминаемъ двѣнадцатый годъ, [указываютъ на коммиссаріатъ—мы обращаемся къ двѣнадцатому году], говорятъ о движеніи идей—мы сейчасъ же къ двѣнадцатому году и къ Пушкину... Такъ было до 1857 г., въ концѣ котораго появились первыя оффиціальныя распоряженія объ освобожденіи крестьянъ. Тутъ общество осмотрѣлось и, все продолжая восхищаться Пушкинымъ и двѣнадцатымъ годомъ, сдѣлало однакоже болѣе точное опредѣленіе своихъ мнѣній. Оно нашло, что двѣнадцатый годъ, какъ и Пушкинъ, не принадлежитъ всему народу безъ исключенія, что не всякая голь перекатная способна понимать прелесть «Евгенія Онѣгина», да не всѣмъ поголовно принадлежитъ и заслуга [вымораживанія] [1]) французовъ. Рѣшено было, что въ Россіи движеніе идей и движеніе доблестей совершалось въ одной извѣстной части народа, о высокомъ значеніи этой части въ судьбахъ всей Россіи, именно въ этомъ отношеніи «Московскій Вѣстникъ» уже обѣщалъ намъ представить статью одного знаменитаго русскаго писателя. Будемъ ждать обѣщанной статьи, и тогда, если позволятъ обстоятельства, попробуемъ вникнуть въ подробности дѣла, защищаемаго знаменитымъ писателемъ, а теперь будемъ продолжать изложеніе того, какъ въ образованной части общества сформировалось въ послѣднее время нѣсколько болѣе опредѣленное понятіе о доблестяхъ русскаго народа. Доблести эти, по новѣйшей редакціи, принадлежатъ собственно «извѣстной части» общества, масса же народа, хотя тоже, конечно, имѣетъ ихъ, но еще не можетъ быть вполнѣ признана ихъ обладательницею, ибо еще не начала жить «сознательной жизнью». Это мнѣніе такъ было хорошо выдумано, что къ нему пристали всѣ — и тѣ, которые увѣряли, что русскій человѣкъ—нуль, и тѣ, которые давали понять, что онъ — хитрая обезьяна. Первые говорили: «ну да, когда кто-нибудь возьмется за дѣло и внушитъ русскому человѣку, что̀ и какъ надо дѣлать, такъ и онъ сдѣлаетъ... Мы вѣдь о томъ именно и говорили, что онъ *самъ по себѣ, безъ руководителя*, никуда не годится». Другіе тоже восклицали: «ну да, и мы вѣдь стояли на томъ, что русскій человѣкъ способенъ ко всему; а само собой разумѣется, что надо эту способность направить, надо умѣть его вести хорошенько». Такимъ образомъ всѣ согласились, что русскій человѣкъ есть существо удобо-руководимое и неотлагаемо нуждающееся въ руководительствѣ, въ мирномъ, такъ сказать, и отеческомъ попеченіи о развитіи и направленіи его рукъ, ума и воли. [Читатель, конечно, безъ комментаріевъ понимаетъ, что̀ значитъ такое соединеніе противоположныхъ мнѣній, и гдѣ тутъ главный жизненный пунктъ... Замѣтимъ еще, что] здѣсь-то и спеціализировалось понятіе о русскомъ человѣкѣ, какъ о великорусскомъ крестьянинѣ по преимуществу. Славянское племя было вызываемо на сцену только въ разговорахъ уже весьма выспренняго свойства, и то преимущественно людьми, любящими толковать о гніеніи Европы [1]). Но что же касается до общепринятыхъ толковъ, то въ нихъ великорусскій крестьянинъ явно отдѣлялся даже отъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ своихъ собратій.

Относительно бѣлорусскаго крестьянина дѣло давно рѣшенное: [забитъ] [2]) окончательно, такъ что даже лишился употребленія человѣческихъ способностей. Не знаемъ, въ какой степени ложно это мнѣніе, потому что не изучали спеціально бѣлорусскаго края; но вѣрить ему, разумѣется, не можемъ. [Цѣлый край такъ вотъ взяли да и забили,—какъ бы не такъ! Это такъ же, какъ итальянцевъ забили, разслабили, лишили любви къ родинѣ и свободѣ!.. Посмотрите-ка теперь на нихъ... Во всякомъ случаѣ, вопросъ о характеристикѣ бѣлорусовъ долженъ скоро быть разъясненъ трудами мѣстныхъ писателей] [3]). Кстати—мы уже слышали, что съ будущаго года пред-

[1]) изгнанія

[1]) Славянофилами.

[2]) загнанъ

[3]) Посмотримъ, что еще скажутъ сами бѣлоруссы.

положено изданіе «Бѣлорусскаго Вѣстника», редакцію котораго принимаетъ на себя нѣкто г. А. Крейцъ, человѣкъ, на усердіе и благородство направленія котораго можно надѣяться.

Что касается до малорусскихъ крестьянъ, то они заслужили отзывы, гораздо болѣе благопріятные. Наше образованное общество училось исторіи; а извѣстно, что въ исторіи говорится о [кровавой], смертельной борьбѣ Украйны за свою народность. Кромѣ того, наше образованное общество отличается вкусомъ къ изящнымъ искусствамъ и поэзіи; а извѣстно, что Малороссія изобилуетъ прелестными пѣснями, прославляющими козацкую удаль и нѣжныя семейныя чувства. Все это, въ соединеніи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что крѣпостное право водворено въ Малороссіи очень недавно (это тоже извѣстно изъ исторіи), и поставило нашихъ образованныхъ людей въ необходимость нѣсколько выгородить малороссовъ изъ того повальнаго осужденія на [удоборуководимость] [1]), которымъ характеризовали русскаго человѣка. «Малороссъ лѣнивъ, упрямъ, но гордъ и независимъ по характеру; у него тотчасъ слагается протестъ противъ всякаго нарушенія его правъ, и хотя протестъ этотъ остается недѣятельнымъ, но все же онъ заявляется». Такъ благоволили отзываться о малороссахъ весьма умные люди, [такіе, которые даже перестали гордиться тѣмъ, что они малороссовъ лишь изрѣдка, да и то въ шутку, называютъ хохлами]. Разумѣется, къ своему разсужденію они все-таки прибавляли, что руководительство необходимо и малороссу, потому что и онъ тоже необразованъ и грубъ, но что, во всякомъ случаѣ, надо стараться, чтобы не было поводовъ къ такимъ попеченіямъ о немъ, какія изображены въ «Народныхъ Оповіданняхъ» Марка Вовчка.

[Къ великоруссамъ вообще были гораздо суровѣе] [2]). Не то, чтобы ихъ считали достойными такого обращенія, какое выставлено въ малороссійскихъ разсказахъ, а такъ, знаете, находили, что для великорусса это бы ничего: онъ, дескать, привыкъ, и не очень чувствителенъ къ подобному обхожденію. Тонкія и деликатныя чувства въ немъ заглохли; сознанія собственнаго достоинства и чувства чести для него не существуетъ, правъ собственной личности и личности другого онъ не понимаетъ, и потому весьма многія вещи, которыя [возмущаютъ насъ до глубины души] [3]), не возбуждаютъ въ немъ ни малѣйшаго негодованія, не вызываютъ даже слабаго протеста. Мало того: русскій мужикъ даже не понимаетъ иныхъ мѣръ, кромѣ строгости. Напрасно будете вы взывать къ его человѣческому достоинству, къ святымъ чувствамъ долга и права: онъ не пойметъ васъ, потому что эти чувства ему незнакомы. Для него нужны иныя побужденія; нужно, чтобы требованія долга олицетворялись въ извѣстномъ начальствѣ, съ строгою карою за каждое преступленіе ихъ. Оттого-то необходимо удержать еще на долгое время тѣлесное наказаніе въ крестьянскихъ общинахъ, оттого-то опасно выводить ихъ изъ-подъ благодѣтельнаго отеческаго надзора помѣщиковъ.

Такъ толкуютъ многіе умные люди, даже печатно. Раскройте любую книжку «Журнала Землевладѣльцевъ», изъ котораго недавно перепечатаны великолѣпные «Вечера съ разговоромъ», извѣстные, вѣроятно, нашимъ читателямъ по выпискѣ изъ нихъ въ «Свисткѣ» [1]). Да обратитесь и къ «Сельскому Благоустройству»,— и тамъ найдете то же самое, и ежели захотите поискать, то отыщете нѣчто подобное и въ другихъ журналахъ, только, разумѣется, нѣсколько въ иныхъ формахъ. Мы выставили самую грубую, т.-е. самую простую форму мнѣнія о томъ, что, вслѣдствіе чего бы то ни было, мужикъ русскій имѣетъ теперь низшую природу, нежели прочіе люди, принадлежащіе къ [привилегированнымъ] [2]) классамъ. А бываетъ форма гораздо болѣе замысловатая. Напримѣръ: «Удивительно созданъ русскій человѣкъ! Какая сила терпѣнія, какое величіе самоотверженія! Мы кричимъ и хлопочемъ, едва насъ пальцемъ тронетъ кто-нибудь, а русскій мужичекъ безропотно переноситъ всевозможныя тягости и обремененія и, въ надеждѣ на милость Божію, спокойно идетъ своею сѣренькой полоской, неустанно работая и зная, что не ему будутъ принадлежать плоды трудовъ его. Мы эгоистически разсчитываемъ каждый свой шагъ, принесетъ ли онъ намъ пользу, а простого русскаго человѣка пошлите на вѣрную смерть — онъ пойдетъ безпрекословно, даже не спрашивая, зачѣмъ его посылаютъ»... и т. д., и т. д. Вы видите, что сущность мнѣнія та же самая: мужикъ, дескать, грубъ и необразованъ, и потому не имѣетъ ни сознанія правъ своей личности, ни собственнаго разума и воли. Но форма здѣсь, очевидно, дипломатическая, и

---

[1]) пассивность

[2]) О великоруссахъ вообще отзывались гораздо безусловнѣе.

[3]) кажутся намъ тяжелы

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ въ крѣпостническомъ журналѣ за 1859 годъ печатались мечты и вожделѣнія плантаторовъ, наглыя по своей откровенности.

[2]) другимъ

потому въ подобныхъ формахъ высказываются обыкновенно такіе образованные люди, которые готовятся къ ораторскимъ торжествамъ и въ ожиданіи ихъ даютъ обѣды знаменитымъ иностранцамъ и предъ *онѣми* расточаютъ свое краснорѣчіе [1]).

Но справедливы ли въ сущности мнѣнія образованныхъ и краснорѣчивыхъ людей? Точно ли существенная и отличительная черта русскаго простого человѣка—«недостатокъ иниціативы», необходимость посторонняго понуканья? «Громъ не грянетъ, — мужикъ не перекрестится», говорятъ въ свое подкрѣпленіе краснорѣчивые знатоки русской народности, выдавая этотъ пошлый афоризмъ какого-то грамотея за *народную* русскую пословицу. Но что̀ они подъ громомъ-то разумѣютъ? Не *аплодисменты* ли» [2]), о которыхъ говоритъ Щедринъ въ началѣ своихъ «Губернскихъ очерковъ»? Не душеспасительное ли русское слово, убѣждающее русскаго человѣка работать не впрокъ себѣ? Да, если [взять юридическую точку зрѣнія и] трактовать крестьянина, какъ вещь [себѣ не принадлежащую], то, конечно, выйдетъ, что у него и не должно быть никакой иниціативы, что она была бы преступленіемъ, и что, такъ какъ за преступленіе наказываютъ, то онъ очень хорошо дѣлаетъ, что ее не обнаруживаетъ. Но оставьте крѣпостное воззрѣніе, да оставьте не въ формальностяхъ только, а совсѣмъ, въ самой сущности оставьте, и постарайтесь представить себѣ русскаго мужичка, какъ обыкновеннаго независимаго человѣка, какъ гражданина, [пользующагося всѣми правами и преимуществами свободнаго государства]. Если у васъ достанетъ на это воображенія, и если вы хоть немножко знаете основаніе характера и быта русскаго простонародья, то въ вашемъ воображеніи тотчасъ явится картина людей, очень хорошо и умно умѣющихъ располагать своими поступками. А чтобы помочь вамъ въ подобномъ представленіи, мы беремъ книжку Марка Вовчка и напомнимъ вамъ нѣсколько русскихъ характеровъ, въ ней изображенныхъ.

Надо замѣтить, прежде всего, что характеры эти не воспроизведены со всей художественною полнотою, а только лишь намѣчены въ коротенькихъ разсказцахъ Марка Вовчка. Мы не можемъ искать у него эпопеи нашей народной жизни,—это было бъ ужъ слишкомъ много. Такой эпопеи мы можемъ ожидать въ будущемъ, а теперь покамѣстъ нечего еще и думать о ней. [Самосознаніе народныхъ массъ] [1]) далеко еще не вошло у насъ въ тотъ періодъ, въ которомъ оно должно выразить всего себя поэтическимъ образомъ; писатели изъ образованнаго класса до сихъ поръ почти всѣ занимались народомъ, какъ любопытной игрушкой, вовсе не думая смотрѣть на него серьезно. [Сознаніе великой роли народныхъ массъ въ экономіи человѣческихъ обществъ] [2]) едва начинается у насъ, и рядомъ съ этимъ смутнымъ сознаніемъ появляются серьезныя, искренно и съ любовью сдѣланныя наблюденія народнаго быта и характера. Въ числѣ этихъ наблюденій едва ли не самое почетное мѣсто принадлежитъ очеркамъ Марка Вовчка. Въ нихъ много отрывочнаго, недосказаннаго, иногда фактъ берется случайный, частный, разсказывается безъ поясненія его внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ, не связывается необходимымъ образомъ съ обычнымъ строемъ жизни. Но строгой оконченности и всесторонности, повторяемъ, невозможно еще требовать отъ нашихъ разсказовъ изъ крестьянской жизни: она еще не открываетъ намъ себя во всей полнотѣ, да и то, что̀ открыто намъ, мы не всегда умѣемъ или не всегда можемъ хорошо выразить. Для насъ довольно и того, что въ разсказахъ Марка Вовчка мы видимъ желаніе и умѣнье прислушиваться къ [этому еще отдаленному для насъ, но сильному въ самомъ себѣ, гулу] народной жизни; мы чуемъ въ нихъ присутствіе русскаго духа, встрѣчаемъ знакомые образы, узнаемъ ту логику, [тѣ требованія и наклонности] [3]), которыя мы и сами замѣчали когда-то, но пропускали безъ вниманія. Вотъ чѣмъ и дороги для насъ эти разсказы; вотъ почему и цѣнимъ мы такъ высоко ихъ автора. Въ немъ видимъ мы глубокое вниманіе и живое сочувствіе, въ немъ находимъ мы широкое пониманіе той жизни, на которую смотрятъ такъ легко и которую понимаютъ такъ узко и убого многіе изъ образованнѣйшихъ нашихъ экономистовъ, славянистовъ, юристовъ, [либераловъ], нувеллистовъ и пр. и пр.

Въ книжкѣ Марка Вовчка шесть разсказовъ, и каждый изъ нихъ представляетъ намъ женскіе типы изъ простонародья. Рядомъ съ женскими лицами рисуются, большею частью нѣсколько въ тѣни, и мужскія личности. Это обстоятельство ближайшимъ образомъ объясняется, конечно, тѣмъ, что авторъ разсказовъ Марка Вовчка — женщина. Но мы увидимъ, что выборъ женскихъ лицъ для этихъ разсказовъ оправ-

[1]) Намекъ на обѣдъ, устроенный *либералами* въ Москвѣ пріѣхавшему туда Г. де-Молинари, экономисту манчестерской школы.

[2]) пощечины

[1]) Сознаніе народа

[2]) Сознаніе значенія народа

[3]) чувства

дывается и самою сущностью дѣла. Возьмемъ прежде всего разсказъ «Маша», въ которомъ это выказывается съ особенной ясностью.

Мы помнимъ первое появленіе этого разсказа. Люди, еще вѣрующіе въ [святость и] неприкосновенность крѣпостного права, пришли отъ него въ ужасъ [и съ негодованіемъ упрекали вольнодумную цензуру, осмѣлившуюся пропустить такой разсказъ]. А въ разсказѣ раскрывается естественное и ничѣмъ незаглушимое развитіе въ крестьянской дѣвочкѣ любви къ [свободѣ] [1]) и отвращенія къ рабству. Ничего преступнаго тутъ нѣтъ, какъ видите; но на приверженцевъ крѣпостныхъ отношеній подобный разсказъ дѣйствительно долженъ былъ произвести потрясающее дѣйствіе. Онъ залеталъ въ ихъ послѣднее убѣжище, [сбивалъ съ послѣдней позиціи, въ которой они считали себя неприступными] [2]). Видите ли, они, какъ люди гуманные и просвѣщенные, согласились, что крѣпостное право въ основаніи своемъ [противно правамъ человѣчества. Они вполнѣ понимаютъ, что принадлежность человѣка другому такому же человѣку есть нелѣпость, несообразная съ успѣхами современнаго просвѣщенія. Все это такъ] [3]). Но, вслѣдъ за тѣмъ, они говорили, что вѣдь мужикъ еще не созрѣлъ до настоящей [свободы] [4]), что онъ о ней и не думаетъ, и не желаетъ ея, и вовсе не тяготится своимъ положеніемъ,—развѣ ужъ только гдѣ барщина очень тяжела, и приказчикъ крутъ... «Да и помилуйте, откуда заберется мужику въ голову мысль о свободѣ? Книгъ онъ не читаетъ, [не только запрещенныхъ, а и] вовсе никакихъ, [(а вѣдь извѣстно, что все это вольнодумство не отъ чего другого, какъ отъ книгъ происходитъ)]; съ литераторами незнакомъ; дѣла у него довольно, такъ что утопій сочинять и недосугъ... Живетъ онъ себѣ, какъ жили отцы и дѣды, и если его теперь хотятъ освобождать, такъ это чисто по милости, по великодушію... И повѣрьте, что мужикъ не скоро еще очнется, не скоро въ толкъ возьметъ, что̀ такое и зачѣмъ даютъ ему... Многіе, очень многіе еще всплачутся по прежней жизни». Такъ увѣряли умные и просвѣщенные [землевладѣльцы и ихъ единомышленники] [5]) и считали невозможнымъ всякое возраженіе. И вдругъ, представьте себѣ—[имъ не возражаютъ даже, а прямо уличаютъ ихъ во лжи] [1]), оспариваютъ дѣйствительность факта, на который они ссылаются. Имъ разсказываютъ случай, доказывающій, что и въ крестьянскомъ сословіи [возможна и] естественна любовь къ свободному труду и независимой жизни, и что развитіе этого чувства не нуждается даже въ пособіи литературы. Вотъ какой *простой случай* имъ разсказываютъ.

У крестьянской старушки воспитываются двѣ сироты: племянница ея Маша и племянникъ Ѳедя. Ѳедя — какъ быть мальчикъ, веселый, смирный, покорный; а Маша съ малолѣтства выказываетъ большую своеобычливость. Она не довольствуется тѣмъ, чтобы выслушать приказаніе, а непремѣнно требуетъ, чтобы сказали ей, зачѣмъ и почему; ко всему она прислушивается и присматривается и чрезвычайно рано обнаруживаетъ наклонность имѣть свое сужденіе. Будь бы дѣвочка у строгаго отца съ матерью, у нея эту дурь, разумѣется, мигомъ бы выбили изъ головы, какъ обыкновенно и дѣлается у насъ съ сотнями и тысячами дѣвочекъ и мальчиковъ, обнаруживающихъ въ дѣтствѣ излишнюю пытливость и неумѣстную претензію на преждевременную дѣятельность разсудка. Но, къ счастью или несчастью Маши, тетка ея была добрая и простая женщина, которая не только не карала Машу за ея юркость, но даже и сама-то ей поддавалась и очень конфузилась, когда не могла удовлетворить разспросамъ племянницы или переспорить ее. Такимъ образомъ Маша получила убѣжденіе, что она имѣетъ право думать, спрашивать, возражать. Этого ужъ было довольно. На седьмомъ году случилось съ ней происшествіе, которое дало особенный оборотъ всѣмъ ея мыслямъ. Тетка съ Ѳедей поѣхала въ городъ; Маша осталась одна караулить избу. Сидитъ она на завалинкѣ и играетъ съ ребятишками. Вдругъ проходитъ мимо барыня; остановилась, посмотрѣла и говоритъ Машѣ: «что это такъ расшумѣлась? Свою барыню знаешь? А? чья ты?» Маша оробѣла, что ли, не отвѣтила, а барыня-то ее и выбранила: «дура ростешь, не умѣешь говорить». Маша въ слезы. Барынѣ жалко стало. «Ну, поди,—говоритъ,—ко мнѣ, дурочка». Маша нейдетъ; барыня приказываетъ ребятишкамъ подвести къ ней Машу. Маша ударилась бѣжать, да такъ и не пришла дюмой. Воротилась тетка съ Ѳедей изъ города, — нѣтъ Маши; пошли искать, искали-искали, не нашли; ужъ на возвратномъ пути она сама къ нимъ вышла изъ чьего-то коноплянника. Тетка хотѣла ее домой вести, — нейдетъ. «Меня, — гово-

---

[1]) самодѣятельности
[2]) которое они считали неприступнымъ.
[3]) несообразно съ успѣхами современнаго просвѣщенія.
[4]) самостоятельности
[5]) люди

[1]) прямо

ритъ,—барыня возьметъ, не пойду я». Коекакъ тетка ее успокоила и тутъ же ей наставленіе дала, что надо барыню слушаться, хоть она и сурово прикажетъ...

«— А если не послушаешься? — промолвила Маша.

«— Тогда горя не оберешься, голубчикъ, говорю [1]).—Любо развѣ кару-то принимать?..

«Ѳедя даже смутился, смотритъ на сестру во всѣ глаза.

«— Убѣжать можно, — говоритъ Маша,—убѣжать далеко... Вотъ Тростянскіе лѣтось бѣгали.

«— Ну, и поймали ихъ, Маша... А которые на дорогѣ померли.

«— А пойманныхъ-то въ острогъ посадили, распинали всячески,—говоритъ Ѳедя.

«— Натерпѣлись они и стыда, и горя, дитятко,—я говорю; а Маша все свое: «да чего всѣ за барыню такъ стоятъ»?

«— Она барыня, — толкуемъ ей: — ей права даны, у ней казна есть... такъ ужъ ведется.

«— Вотъ что, — сказала дѣвочка. — А за насъ-то кто жъ стоитъ?

«Мы съ Ѳедей переглянулись; что это на нее нашло?

«— Неразумная ты головка, дитятко, говорю.

«— Да кто жъ за насъ?—твердитъ.

«— Сами мы за себя, да Богъ за насъ,—отвѣчаю ей» (стр. 29).

И съ той поры у Маши только и рѣчей, что про барыню. «И кто ей отдалъ насъ? и какъ? и зачѣмъ? и когда? Барыня одна,—говоритъ,—а насъ-то сколько! Пошли бы себѣ отъ нея, куда захотѣли: что она сдѣлаетъ?» Старушка-тетка, разумѣется, не могла удовлетворить Машу, и дѣвочка должна была сама доходить до разрѣшенія своихъ вопросовъ. Между тѣмъ, скоро пришлось ей примѣнить и на практикѣ свой [радикальный] образъ мыслей. Барыня вспомнила про Машу и велѣла старостѣ посылать ее на работу въ барскій садъ. Маша уперлась: «не пойду»,—говоритъ да и только. Теткѣ стало жалко дѣвочку: сказала старостѣ, что больна Маша. За эту отговорку и ухватилась дѣвчонка: какъ только господская работа, она больна. Ужъ барыня и къ себѣ ее требовала и допрашивала: «чѣмъ больна?»—«Все болитъ», отвѣчаетъ Маша. Барыня побранитъ, погрозитъ и прогонитъ ее. А на другой разъ опять то же.

Сколько ни уговаривалъ Машу братъ ея, сколько ни просила тетка, [на которую барыня тоже гнѣвалась за племянницу],—ничто не помогало. Маша не только не хотѣла работать, да еще при этомъ и держала себя такъ, какъ будто бы она была въ полномъ правѣ, какъ будто бы то, что она дѣлала, такъ и должно было дѣлать ей. Она не хотѣла, напримѣръ, попросить у барыни, чтобъ освободила ее отъ работы. Стоило только поклониться, попроситься,—разсуждаетъ [простодушная] тетка,— барыня ее отпустила бы сама; да не такая была Маша наша. Она, бывало, и глазъ-то на барыню не подниметъ, и голосъ-то глухо звучитъ... А вѣдь извѣстенъ нравъ барскій: ты обмани—да поклонись низко, ты злой человѣкъ — да почтителенъ будь, просися, молися: ваша, молъ, власть казнить и миловать — простите! и все тебѣ простится; а чуть возмутился сердцемъ, слово горькое сорвалось,—будь ты и правдивъ, и честенъ— милости надъ тобой не будетъ: ты грубіянъ! Барыня наша за добрую, за жалостливую слыла, а вѣдь какъ она Машу донимала! «Погодите, — бывало, на насъ грозится,—я васъ всѣхъ проучу!» Хоть она и не карала еще, да съ такими посулками время не весело шло».

А въ Машѣ отвращеніе отъ барской работы дошло до какого-то ожесточенія, вызывало ее на безсознательный, безумный героизмъ. Разъ братъ упрекнулъ ее, что она отъ работы отговаривается болѣзнью, а въ пляскахъ да играхъ передъ всей деревней отличается. «Развѣ, — говоритъ, — ты думаешь, до барыни не дойдетъ? Нехорошо, что ты насъ подъ барскій гнѣвъ подводишь». Послѣ этого Маша перестала ходить на улицу. Скучно ей, тоскливо смотритъ она изъ окошка на игры подругъ, слеза бѣжитъ у ней по щекѣ, а не выйдетъ изъ избы. Тетка стала посылать ее къ подругамъ, братъ сталъ упрашивать, чтобы она перестала сердиться на его попрекъ: «я,—говоритъ, — Ѳедя, не сердита, а только ты не упрашивай меня понапрасну,—не пойду». Такъ и не ходила, а по ночамъ не спала да по огороду все гуляла одна одинешенька, и никому того не сказывала,—да разъ невзначай тетка ее подстерегла... «Богъ съ тобой, Маша,—говоритъ ей тетка.—Жить бы тебѣ, какъ люди живутъ. Отбыла барщину, да и не боишься ничего... А то вотъ по ночамъ бродишь, а днемъ показаться за ворота не смѣешь».—«Не могу,—шепчетъ,—не могу! Вы хоть убейте меня—не хочу». Такъ и оставили ее...

Между тѣмъ Маша выросла, стала невѣстой, красавицей. Старуха-тетка начинаетъ ей загадывать о замужней жизни и пророчить счастье замужемъ. Но Машѣ и то не по нраву: «что же замужемъ-то, одинаково, — говоритъ. — Какое счастье!..» Тетка толкуетъ, что не все горе на свѣтѣ,

[1]) Разсказъ веденъ отъ лица тетки. *Прим. Д.*

есть и счастье. «Есть, да не про нашу честь», отвѣчаетъ Маша съ горькой усмѣшкой... Слушая такія рѣчи, и Ѳедя начинаетъ задумываться [и пригорюниваться]. Но Ѳедя не можетъ предаваться своимъ думамъ: онъ отбываетъ барщину. Маша же продолжаетъ упорно отказываться отъ всякой работы. Всѣ на деревнѣ стали дивиться и роптать на бездѣлье Маши, а барыня однажды такъ разсердилась, что велѣла немедленно силою привести къ себѣ Машу. Привели ее. Барыня бросилась къ ней, бранится и серпъ ей въ руки суетъ: «выжни мнѣ траву въ цвѣтникѣ». Да и стала надъ нею: «жни!» Маша какъ взмахнула серпомъ — прямо себѣ по рукѣ угодила. Кровь брызнула, барыня перепугалась: «ведите ее домой скорѣе! вотъ платочекъ — руку перевязать!» Тѣмъ дѣло и кончилось! Маша не оцѣнила даже барской милости: какъ пришла домой, такъ сорвала съ руки барынинъ платочекъ и далеко отъ себя бросила...

Упрямое сопротивленіе Маши всякому наряду на работу, ея тоска, ея странные запросы дурно подѣйствовали на ея брата. И онъ закручинился, и отъ работы отбился. Старуха-тетушка нашла, что парня пора женить, и говоритъ ему разъ о невѣстахъ. «Коли свои,—говоритъ,—не по нраву, такъ бы въ Дерновку съѣздилъ, тамъ есть дѣвушки хорошія».—«Дерновскія всѣ вольныя», отозвалась Маша.—«Что жъ что вольныя,— вразумляетъ тетка... Развѣ вольныя не выходятъ за барскихъ? Лишь бы имъ женихъ нашъ приглянулся».—«Если бы я вольная была,—заговорила Маша, а сама такъ и задрожала,—я бы, говоритъ, лучше на плаху головою». Ѳедя очень огорчился этимъ отзывомъ. «Ужъ очень ты барскихъ-то обижаешь, Маша,—проговорилъ онъ, и на лицѣ измѣнился:—они тоже вѣдь люди Божіи, только что безсчастные». Да и вышелъ съ тѣмъ словомъ... Тетка начала по обычаю уговаривать Машу, говоря, что кручиной да слезами своей судьбѣ не поможешь, а развѣ-что вѣку не доживешь. А Маша отвѣчаетъ, что оно и лучше умереть-то скорѣе. «Что̀ мнѣ тутъ-то—говоритъ,—насвѣтѣ-то?»

Такъ живетъ бѣдная семья, страдая отъ неумѣстно-поднятыхъ и беззаконно разросшихся вопросовъ и требованій дѣвочки. У дурной помѣщицы, у сердитаго управляющаго подобная блажь имѣла бы, конечно, очень дурной конецъ. Но разсказъ представляетъ намъ добрую, кроткую помѣщицу, да еще съ либеральными наклонностями. Она рѣшилась дать позволеніе своимъ крестьянамъ выкупаться на волю. Можно представить себѣ, какъ подѣйствовало это извѣстіе на Машу и Ѳедю. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать здѣсь вполнѣ двухъ маленькихъ главъ, составляющихъ заключеніе этого разсказа Марка Вовчка.

«А Ѳедя все сумрачнѣй да угрюмѣй, а Маша въ глазахъ у меня таетъ... Слегла. Одинъ разъ я сижу подлѣ нея—она задумалась крѣпко; вдругъ входитъ Ѳедя—бодро такъ, весело... «здравствуйте», — говоритъ. Я-то обрадовалась: «здравствуй, здравствуй, голубчикъ!» Маша только взглянула: чего, молъ, веселье такое?

«— Маша! — говоритъ Ѳедя:—ты умирать собиралась, — молода еще, видно, ты умирать-то.

«Самъ посмѣивается. Маша молчитъ.

«— Да ты очнись, сестрица, да прислушайся: я тебѣ вѣсточку принесъ.

«— Богъ съ тобой и съ вѣсточкой, — отвѣтила.— Ты себѣ веселись, Ѳедя, а мнѣ покой дай.

«Какая вѣсточка, Ѳедя, скажи мнѣ?» спрашиваю.

«— Услышь, тетушка, милая! — и обнялъ меня крѣпко-крѣпко и поцѣловалъ.— Очнись, Маша!—за руку Машу схватилъ и приподнялъ ее.—Барыня объявила намъ: кто хочетъ откупаться на волю — откупайся...

«Какъ вскрикнетъ Маша, какъ бросится брату въ ноги! Цѣлуетъ и слезами обливаетъ, дрожитъ вся, голосъ у ней обрывается: «откупи меня, родной, откупи! Благослови тебя Господи! Милый мой! откупи меня! Господи, помоги же намъ, помоги!..

«Ѳедя-то самъ рѣкою разливается, а у меня сердце покатилось,—стою, смотрю на нихъ.

«— Погоди жъ, Маша, — проговорилъ Ѳедя,—дай опомниться-то! Обсудить, обдумать надо хорошенько.

«— Не надо, Ѳедя! Откупайся скорѣй... скорѣй, братецъ милый!

«— Помѣхи еще есть, Маша, — я вступилася:—придется продать почитай послѣднее. Какъ, чѣмъ кормиться-то будемъ?

«— Я буду работать... Братецъ! безустанно буду работать. Я выпрошу, выплачу у людей... Я закабалюсь, куда хочешь, только выкупи ты меня! Родной мой, выкупи... Я вѣдь изныла вся! Я дня веселаго, сна спокойнаго не знала. Пожалѣй ты моей юности! Я вѣдь не живу—я томлюсь... Охъ, выкупи меня, выкупи! Иди *къ ней*...

«Одѣваетъ его, торопитъ, сама молитъ-рыдаетъ... Я и не опомнилась, какъ она его выпроводила... Сама по избѣ ходитъ, руки ломаетъ... И мое сердце трепещетъ, словно въ молодости,—вотъ что̀ затѣвается! Трудно мнѣ было сообразиться, еще труднѣй успокоиться...

«Ждемъ мы Ѳедю, ждемъ, не дождемся! Какъ завидѣла его Маша, горько заплакала,

а онъ намъ еще издали кричитъ: «слава Богу!». Маша такъ и упала на лавку, долго еще плакала... Мы унимать: «пускай поплачу, — говоритъ, не тревожьте, сладко мнѣ и любо, словно я на свѣтъ Божій нарождаюсь съизнову! Теперь мнѣ работу давайте. Я здорова... я сильная какая, если бъ вы знали!..»

«Вотъ и откупились мы. Избу, все продали... Жалко мнѣ было покидать, и Ѳедѣ сгрустнулось: садилъ, растилъ,—все прощай! Только Маша, веселая и бодрая — слезки она не выронила. Какое! Словно она съ живой воды вышла,—въ глазахъ блескъ, на лицѣ румянецъ; кажется, что каждая жилка радостью дрожитъ... Дѣло такъ и кипитъ у нея... Отдохни, Маша!» — «Отдыхать? я работать хочу!»—и засмѣется весело! Тогда я впервые узнала, что за смѣхъ у нея звонкій! Тогда Маша бѣлоручкой слыла, а теперь Машу первой рукодѣльницей, первой работницей величаютъ... И женихи къ намъ толпой... А барыня-то гнѣвалась—Боже мой! Сосѣди смѣются: «Холопка глупая васъ отуманила! Она нарочно больною притворилась... Вѣдь вы, небось, даромъ почти ее отпустили?» Барыня и вправду Машей не дорожилась...

«Пэселились мы въ избушкѣ ветхой, въ городѣ, да трудиться стали. Богъ намъ помогалъ, мы новую избу срубили... Ѳедя женился. Маша замужъ пошла... Свекровь въ ней души не слышитъ: «она меня словно дочь родная утѣшаетъ; что это за веселая! что это за работящая!» Больна съ той поры не бывала».

«Фантазія! Идиллія [въ соціальномъ вкусѣ]! Мечты [будущаго] золотого вѣка!» закричали послѣ этого разсказа практическіе люди съ гуманными взглядами, но съ тайною симпатіею къ крѣпостнымъ отношеніямъ. «Гдѣ это видано, чтобы въ простой мужицкой натурѣ могла въ такой степени развиться [любовь къ свободѣ и] сознаніе правъ своей личности? Если когда-нибудь и бывало что-нибудь подобное, такъ это [чрезвычайный] эксцентрическій случай, обязанный своимъ происхожденіемъ какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствамъ... Разсказъ о Машѣ вовсе не представляетъ картины изъ русскаго быта; онъ есть просто заоблачная выдумка, [нравоучительная притча, которая такъ же точно прилична Испаніи, Бразиліи, какъ и Россіи]. Авторъ взялъ не типъ русской простой женщины, а явленіе исключительное, и потому разсказъ его фальшивъ и лишенъ художественнаго достоинства. Требованіе художественности состоитъ въ томъ, чтобы воплощать», и пр...

Тутъ почтенные ораторы пускались въ разсужденіе о художественности и чувствовали себя совершенно въ своей тарелкѣ.

Но [они могли разсуждать, сколько имъ угодно, а разсказъ сдѣлалъ впечатлѣніе на публику]. Людямъ, не заинтересованнымъ въ дѣлѣ, и въ голову не пришло возражать противъ [возможности и] естественности такого факта, какой разсказанъ въ «Машѣ». Напротивъ, онъ казался [вполнѣ] нормальнымъ [и понятнымъ] для всякаго, знакомаго съ крестьянской жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, неужели, [даже разсуждая a priori], возможно отвергать въ крестьянинѣ присутствіе того, что̀ мы считаемъ необходимой принадлежностью человѣческаго смысла у каждаго изъ людей? [Сознаніе своей личности уже непремѣнно предполагаетъ и сознаніе о ея неприкосновенности, о ея правахъ. А неужели мы рѣшимся поставить русскихъ мужиковъ на степень существъ, даже не сознающихъ своей личности?] Это ужъ было бы слишкомъ...

Но, пожалуй, [ставьте ихъ куда][1]) угодно, факты докажутъ вамъ, что такія лица, какъ Маша и Ѳедя, далеко не составляютъ исключенія въ массѣ русскаго народа. Такихъ проявленій самостоятельности, какія выказались въ Машѣ, конечно, нельзя встрѣтить часто. Но это ничего не значитъ. Форма можетъ быть та или другая — это зависитъ отъ обстоятельствъ, — но сущность дѣла остается та же. [Люди говорятъ разными языками; одинъ бываетъ разговорчивъ, другой нѣтъ, одинъ имѣетъ громкій голосъ, а другой — слабый, — бываютъ даже и совсѣмъ нѣмые, но все-таки остается неподлежащею сомнѣнію та истина, что человѣкъ имѣетъ даръ слова. Такъ что, при всемъ разнообразіи степеней, въ какихъ проявляется въ русскомъ простолюдинѣ мысль о своихъ естественныхъ правахъ и стремленіе освободиться отъ обязаннаго, барщиннаго труда, — никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что эта мысль и стремленіе существуютъ]. Что крѣпостной крестьянинъ нашъ находится въ такомъ положеніи, въ которомъ подобныя стремленія встрѣчаютъ [обыкновенно] препятствія [почти неодолимыя], — это опять [несомнѣнно и] извѣстно [всѣмъ и каждому]. Но именно сила-то этихъ препятствій и даетъ намъ мѣру того, какъ сильны внутреннія стремленія простолюдина, которыя сохраняютъ свою жизненность даже посреди [самыхъ неблагопріятныхъ][2]) обстоятельствъ. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на положеніе крестьянскаго мальчика или дѣвочки, и подивитесь, какъ у нихъ могутъ сохраниться [человѣческія] [3]) стремленія.

---

[1]) разсуждайте какъ
[2]) такихъ
[3]) живыя

Отецъ, мать, всѣ родные, подчиненные крѣпостной власти, свыкшіеся съ своимъ положеніемъ и извѣдавшіе, можетъ быть, собственнымъ [горькимъ] опытомъ все неудобство самостоятельныхъ проявленій своей личности, — всѣ стараются, изъ желанія добра мальчику, съ малыхъ лѣтъ внушить ему [безпрекословную покорность чужому приказу], отреченіе отъ собственнаго разума и воли. Умственныя способности раскрываются въ ребенкѣ какъ бы для того только, чтобы понять [весь ужасъ], всѣ бѣдствія, какія можетъ навлечь на человѣка наклонность къ разсужденіямъ, вопросамъ и требованіямъ. [Всякая свободная], естественная логика замѣняется житейскими правилами, примѣненными къ [рабскому] положенію ребенка, въ родѣ тѣхъ увѣщаній, какія тетка дѣлала Машѣ, говоря, что «извѣстенъ нравъ барскій: будь негодяй, да поклонись—и все ничего; будь и чистъ, и святъ, да скажи слово поперекъ—и нѣтъ тебя хуже». Исходный пунктъ всѣхъ этихъ разсужденій — отрицаніе личности въ подчиненномъ существѣ, [признаніе его за тварь, за вещь, для которой нѣтъ другого закона бытія, кромѣ произвола того, кому она подчинена]... Къ такимъ понятіямъ приходятъ люди послѣ долгаго ряда страданій, униженій, убѣдившись въ своемъ безсиліи противъ судьбы: и для того только, чтобы предохранить близкихъ людей отъ подобныхъ же страданій и безплодныхъ попытокъ, стараются они внушить и имъ эти понятія. Многое и принимается слабымъ разсудкомъ и слабою волею ребенка, тамъ, гдѣ подобныя внушенія поддерживаются еще практически—пинками да кулаками за всякій вопросъ, за каждое возраженіе—тамъ и выростаютъ робкія, безотвѣтныя, тупыя существа, ни на что не годныя, кромѣ какъ на то, чтобы всякому подставлять свою спину: кто хочетъ—побей, а кто хочетъ—садись да поѣзжай... Но это исключенія; въ общей массѣ людей невозможно исказить человѣческую природу до такой степени, чтобы въ ней не осталось и слѣда естественныхъ инстинктовъ и здраваго смысла. [Одинъ изъ знаменитыхъ современныхъ публицистовъ Европы [1]) замѣтилъ недавно, что если бъ деспотизмъ могъ только надъ двумя поколѣніями въ мірѣ процарствовать спокойно, безъ протестовъ противъ него, онъ бы могъ навѣки считать обезпеченнымъ свое господство: двухъ поколѣній ему достаточно было бы, чтобы исказить въ свою пользу смыслъ и совѣсть народа. Но въ томъ-то и дѣло, что деспотизмъ и рабство, противные природѣ человѣка, никогда не могли достигнуть *нормальности*, никогда не могли покорить себѣ вполнѣ и умъ, и совѣсть человѣка. Подчиняясь силѣ, даже заставляя себя строить силлогизмы въ пользу этого подчиненія, человѣкъ, однакоже, невольно чувствовалъ, что силлогизмы эти условны и случайны, и что естественныя, истинныя, гораздо высшія требованія справедливости— совершенно имъ противоположны. Отсюда постоянно напряженное, неспокойное, недовольное положеніе массъ, даже безропотно, повидимому, подчинившихся наложенному на нихъ закону рабства. Въ исторіи всѣхъ обществъ, гдѣ существовало рабство, вы видите родъ спиральной пружинки: пока она придавлена— держится неподвижно, но чуть давленіе ослаблено или снято—она немедленно выскакиваетъ кверху. По прямому закону ея устройства она естественно стремится къ расширенію, и только посторонняя сила можетъ ее сдерживать. Такъ и людская воля и мысль могутъ сдерживаться въ положеніи рабства посторонними силами; но какъ бы эти силы ни были громадны, онѣ не въ состояніи, не сломавши, не уничтоживши спиральной пружинки, отнять у нея способность къ расширенію, точно такъ же, какъ не въ состояніи, не истребивши народа, уничтожить въ немъ наклонность къ самостоятельной дѣятельности и свободному разсужденію.

Къ счастью, не отнимается эта наклонность и у нашихъ простолюдиновъ. Между крестьянскими дѣтьми вы встрѣтите нерѣдко такихъ же наивныхъ радикаловъ, какъ и между дѣтьми другихъ сословій] [1]). Вѣроятно, каждому изъ нашихъ читателей не разъ случалось ловить дѣтей въ ихъ мечтахъ и воздушныхъ замкахъ, провозглашаемыхъ ими во всеуслышаніе. Случалось, вѣроятно, входить и въ разсужденія съ дѣтьми по этому поводу, съ цѣлью довести ихъ ad absurdum. Вспомните же, какъ трудно обыкновенно достигалась подобная задача. Для ребенка не существуетъ наша условная житейская логика, [наши приличія, наше положительное законодательство. Тамъ, гдѣ взрослаго человѣка можно остановить однимъ словомъ: «не велѣно, не принято», и т. п., — съ ребенкомъ нѣтъ возможности справиться. Маша никакъ не можетъ понять, отчего всѣ такъ стоятъ за барыню, и почему ее всѣ боятся: «она вѣдь одна, а насъ много; пошли бы всѣ, куда захотѣли,—что она сдѣлаетъ?..» Такія дѣтскія разсужденія, ставящія въ тупикъ взрослаго человѣка, чрезвычайно часто слу-

[1]) Прудонъ.

[1]) Эти инстинкты проявляются въ человѣкѣ съ самаго дѣтства.

чается слышать; они общи всѣмъ дѣтямъ, [которыхъ не совсѣмъ забили при самомъ началѣ развитія]. Въ крестьянскихъ дѣтяхъ они встрѣчаются не только не меньше, чѣмъ въ дѣтяхъ другихъ сословій, но даже еще чаще. Причина понятна: крестьянскія дѣти, говоря вообще, свободнѣе воспитываются, отношенія между младшими и старшими тамъ проще и ближе, ребенокъ раньше дѣлается дѣятельнымъ членомъ семьи и участникомъ общихъ трудовъ ея. А съ другой стороны, и то много значитъ, что естественный, здравый смыслъ ребенка тамъ меньше [искажается] [1]) искусственными, [повидимому, удовлетворительными] отвѣтами, какіе находитъ мальчикъ или дѣвочка образованнаго сословія. Мы вѣдь съ раннихъ лѣтъ изучаемъ множество наукъ въ родѣ миѳологіи и геральдики и съ малолѣтства [искажаемъ] [2]) свой разсудокъ разными казуистическими тонкостями и софизмами. Крестьянскій ребенокъ въ своей необразованной семьѣ не можетъ слышать ничего подобнаго, и потому долго остается вѣренъ природѣ [и здравому смыслу, пока, наконецъ, не угомонитъ его тяготѣніе внѣшней силы, вооруженной всѣми пособіями новѣйшей цивилизаціи и опирающейся на всѣ силлогизмы и хріи, изобрѣтенныя просвѣщенными и краснорѣчивыми людьми...

Вотъ эта-то сила, тяготѣющая надъ простолюдиномъ и] [3]) останавливающая нормальный ходъ его мысли, оставляетъ обыкновенно болѣе свободы женщинѣ, нежели мужчинѣ; и вотъ почему сказали мы выше, что самая сущность дѣла оправдываетъ выборъ женскаго лица для изображенія [живыхъ], свободныхъ стремленій мысли и воли въ крестьянскомъ сословіи. Крестьянскій мальчикъ рано [надѣваетъ на себя тягу], испытываетъ на дѣлѣ несостоятельность всѣхъ своихъ думъ [и мечтаній] и пріучается регулярно [убивать] [4]) свою мысль [и заглушать свои высшія стремленія]. Дѣвушка, какъ ни много раздѣляетъ она общіе труды съ мужчинами, все-таки имѣетъ нѣсколько болѣе свободы предаться своимъ мыслямъ. Самый родъ многихъ занятій благопріятствуетъ этому: за пряжей, тканьемъ, шитьемъ и вязаньемъ гораздо удобнѣе думать и мечтать, нежели при сѣяньи, паханьи, жнитвѣ, молотьбѣ, рубкѣ дровъ, и пр. При томъ же, можно предполагать, что и у крестьянъ, какъ вообще во всѣхъ сословіяхъ, воспріимчивость и воображеніе сильнѣе у женщинъ, нежели у мужчинъ. И дѣйствительно, припомнивъ многія наблюденія надъ жизнью простонародья, мы находимъ, что женщины здѣсь вообще болѣе мужчинъ наклонны къ разсужденіямъ о предметахъ возвышенныхъ—о душѣ, о будущей жизни, о началѣ міра, и т. п. Знахарство, врачебное искусство, знаніе травъ и наговоровъ принадлежитъ преимущественно женщинамъ. Сказки, легенды [и всякаго рода преданія] хранятся въ устахъ старушекъ; разсказы о святыхъ мѣстахъ и чужихъ земляхъ также разносятся по Руси странницами и богомолками. На разговоръ о томъ, какъ на свѣтѣ правды не стало, и какъ всѣ въ мірѣ беззаконствуютъ, можно въ нѣсколько минутъ навести всякую бабу. Правда, заключеніе разговора будетъ неотрадное: «все, дескать, это по грѣхамъ нашимъ, и видно ужъ такъ намъ на роду написано, судьба наша такая несчастная, и ничего съ нею не подѣлаешь»... Но говорится это больше по привычкѣ и по безсилію; [а когда станешь продолжать разговоръ и предлагать средства для выхода изъ настоящаго положенія, то и окажется, что самая фаталистическая старуха не прочь бы ими воспользоваться, да только боится и не довѣряетъ].

У мужчинъ замѣчается тотъ же видимый фатализмъ; но это опять [не фатализмъ вѣры, а] фатализмъ [отчаянія] [1]): такъ, больной, убѣжденный въ неизбѣжной близкой смерти и потерявшій довѣренность къ лѣкарямъ, не хочетъ принимать лѣкарства. Такъ и мужикъ, [отчаявшись въ] [2]) возможности выйти изъ своего положенія, не хочетъ и говорить о немъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы больному хотѣлось умереть, и чтобы мужику было сладко его положеніе. И тотъ, и другой приняли бы съ радостью всякое средство, которое могло бы послужить къ ихъ дѣйствительному облегченію. Мало того, — врачи-психологи говорятъ—и нельзя не вѣрить этому,—что всякій больной, самый отчаянный, до послѣдней [рѣшительной] минуты не теряетъ надежды на возможность такого средства, не перестаетъ въ глубинѣ души ждать его, хотя, повидимому, уже совершенно покорился своей участи [и готовится къ смерти]. То же самое и съ людьми, находящимися въ стѣсненномъ положеніи и, повидимому, примирившимися съ нимъ: [они отчаялись и смирились только видимо, а] внутри ихъ непремѣнно бродитъ желаніе и надежда выйти изъ этого положенія. Первые слухи объ освобожденіи были встрѣчены крестьянами очень недовѣрчиво. Намъ не разъ случалось, въ отвѣтъ на эту новость, слышать отъ мужика: «давно ужъ объ этомъ тол-

[1]) подавляется
[2]) упражняемъ
[3]) Внѣшняя сила
[4]) подавлять

[1]) безсиліе:
[2]) не видя

куютъ; да гдѣ ужъ тому быть? И такъ вѣкъ изживемъ». Но, при всемъ своемъ недовѣріи и наружномъ равнодушіи, тотъ же крестьянинъ съ любопытствомъ разспрашивалъ о подробностяхъ разныхъ правительственныхъ распоряженій, относящихся къ дѣлу освобожденія. [А потомъ, когда стало ясно, что съ нимъ не шутятъ, вопросъ объ освобожденіи сталъ для крестьянъ нашихъ рѣшительно на первомъ планѣ, какъ самое важное и жизненное дѣло. Теперь нѣтъ уголка во всей Россіи, гдѣ бы не разсказывали о томъ, какъ при началѣ дѣла освобожденія помѣщичьи крестьяне собирали сходки и отправляли депутаціи — или къ помѣщику, или къ священнику, или даже къ земскимъ властямъ, чтобы разузнать, что̀ и какъ намѣрены рѣшить насчетъ ихъ... Памятенъ также и тотъ азартъ, съ которымъ народъ, въ Петербургѣ, бросился къ сенатской книжной лавкѣ, когда однажды, въ началѣ 1856 г., разнесся слухъ, что вышелъ и продается указъ объ освобожденіи крестьянъ.

Да и безъ этихъ демонстрацій] [1]), есть одинъ фактъ, безмолвный, но убѣдительно свидѣтельствующій въ пользу того, что отвращеніе къ крѣпостному состоянію, [къ крѣпостному труду] сильно развито въ массѣ. Совсѣмъ отказаться отъ работы, [протестовать прямо] крестьянинъ не можетъ. Отдѣлываться отъ барскихъ приказовъ такъ, какъ Маша въ разсказѣ Марка Вовчка, возможно очень рѣдко, да и то въ одиночку, а не скопомъ, не цѣлой гурьбою. Какъ скоро подобная наклонность отказаться отъ барской работы обнаруживалась по мѣстамъ, то послѣдствія, [какъ извѣстно], бывали для крестьянъ [очень] непріятныя [2]). Поэтому, [волей-неволей], надо было работать. Но что̀ же однако? Во всей Россіи, во всѣхъ крѣпостныхъ имѣніяхъ, безъ всякаго, конечно, соглашенія и уговора, крестьяне заявляютъ свой протестъ противъ обязательнаго труда особымъ способомъ: они работаютъ плохо. Большею частью они даже сами не умѣютъ формулировать объясненія для своихъ поступковъ, но фактъ, что барщинская работа очень неспорна, — повсемѣстенъ. Кромѣ профессора Горлова [и (вѣроятно) его усердныхъ слушателей и поклонниковъ въ университетѣ], всѣ согласны въ томъ, что вольнонаемный трудъ несравненно спорѣе и выгоднѣе обязательнаго. Объ этомъ даже многіе землевладѣльцы писали въ своемъ журналѣ [3]). Чего же вамъ еще? Отъ чего происходитъ это явленіе, какъ не отъ безсознательнаго присутствія въ каждомъ мужикѣ, въ каждой бабѣ крестьянской того же чувства, которое такъ ясно и сознательно выразилось въ Машѣ Марка Вовчка? Разница въ степени развитія и въ формѣ проявленія, а основа и здѣсь, и тамъ одна и та же.

Да, мы находимъ, что въ «Машѣ» разсказанъ не исключительный случай, [чуждый нашей жизни и могущій произойти развѣ съ одною изъ ста тысячъ крестьянскихъ душъ],—какъ претендуютъ [плантаторы] [1]) и художественные критики. Напротивъ, [мы смѣло говоримъ, что] въ личности Маши схвачено и воплощено [высокое] стремленіе, общее всей массѣ русскаго народа, [терпѣливо, но неотступно ожидающей свѣтлаго праздника освобожденія]. Мы никогда не согласимся съ тѣми, кто хочетъ отрицать въ народѣ даже это ожиданіе, утверждая, что онъ еще не получилъ вкуса къ самостоятельной жизни, къ свободному распоряженію своими поступками. Благодаря историческимъ трудамъ послѣдняго времени и еще болѣе новѣйшимъ событіямъ въ Европѣ, мы начинаемъ немножко понимать внутренній смыслъ исторіи народовъ, и теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь, можемъ отвергать постоянно во всѣхъ народахъ стремленія, — болѣе или менѣе сознательнаго, но всегда проявляющагося въ фактахъ,—къ возстановленію своихъ естественныхъ правъ на нравственную и матеріальную независимость отъ чужого произвола. Въ русскомъ народѣ это стремленіе не только существуетъ наравнѣ съ другими народами, но, вѣроятно, еще сильнѣе, нежели у другихъ. Говоримъ это вовсе не потому, чтобы раздѣляли хоть малѣйшую долю мнѣнія о превосходствѣ славянскаго племени надъ всѣми прочими и о данномъ ему свыше призваніи—

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ,
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ,—

и всѣ подобныя прелести, о которыхъ такъ звучно умѣетъ пѣть господинъ Хомяковъ. Нѣтъ, безъ всякихъ тонкихъ соображеній о племенныхъ различіяхъ, мы просто смотримъ на предшествующія событія и на результатъ ихъ — современное положеніе народа. Всякому ясно, что человѣкъ совсѣмъ голодный съ бо̀льшимъ аппетитомъ будетъ ѣсть свой обѣдъ, нежели тотъ, кто передъ обѣдомъ успѣлъ позавтракать; тотъ,

[1]) Да и кромѣ этихъ признаковъ

[2]) Дѣло кончалось часто стрѣльбой со стороны войска.

[3]) Т.-е. въ крѣпостническомъ «Журналѣ Землевладѣльцевъ».

[1]) землевладѣльцы

у кого вовсе нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, будетъ ихъ отыскивать энергичнѣе и упорнѣе, нежели тотъ, у кого есть хоть плохая возможность прожить кое-какъ. Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ самый консервативный, самый преданный установившимся законамъ и преданіямъ, конечно, англичане; и это какъ нельзя болѣе понятно. Они имѣли время внутренняго броженія, время, когда они должны были дорогою цѣною покупать себѣ самыя ничтожныя права; но, купивши ихъ, они успокоились, если не вполнѣ удовлетворенные, то, по крайней мѣрѣ, обезпеченные въ самыхъ первыхъ, необходимыхъ своихъ требованіяхъ. При этой обезпеченности дальнѣйшія стремленія сами собою получаютъ характеръ спокойный, умѣренный, чуждый всякой порывистости и лихорадочности. Человѣкъ, запасшійся зонтикомъ, хотя и чувствуетъ непріятность подъ дождемъ, но все-таки онъ прикрытъ хоть нѣсколько, и потому не имѣетъ надобности бѣжать къ дому такъ торопливо, какъ тѣ, у которыхъ нечѣмъ прикрыться... Вотъ этого-то зонтика, подъ которымъ переноситъ дождь большая часть европейскихъ народовъ, и не успѣла дать намъ наша предшествующая исторія. Мы еще только готовимся вступить на тотъ путь, которымъ прошла Европа: мы еще недавно и глядѣть-то стали на ея путешествіе и едва начинаемъ различать дорогу. Отъ этого идемъ мы робко, неровно, какъ бы ощупью: отъ этого и кажется, что у насъ нѣтъ иниціативы. Но мы чувствуемъ надобность идти, хотя бы до первой станціи; намъ нельзя оставаться на одномъ мѣстѣ, нельзя и остановиться на дорогѣ. Ясно, что начало нашего пути должно быть совершаемо съ большею рѣшимостью, спѣшностью и твердостью, нежели продолженіе пути, которое мы видимъ теперь у другихъ народовъ. Наши нужды настоятельнѣе, безъ удовлетворенія ихъ труднѣе прожить, нежели безъ удовлетворенія того, къ чему стремятся теперь европейскіе народы. Брайтовская реформа въ Англіи, свобода прессы во Франціи, требуемая какимъ-нибудь Фавромъ или Оливье, безъ сомнѣнія, вещи нужныя, и, современемъ, онѣ будутъ достигнуты; но для нихъ еще время терпитъ, онѣ далеко не такъ существенны и настоятельны, какъ законное обезпеченіе гражданскихъ правъ и матеріальнаго быта милліоновъ народа, до сихъ поръ болѣе или менѣе терпѣвшихъ отъ тяжелаго вліянія произвола. Для этихъ милліоновъ дѣло идетъ не о какой-нибудь прибавкѣ къ правамъ, которыя они уже пріобрѣли прежде, а чисто-на-чисто о созданіи хоть какихъ-нибудь правъ, потому что подъ вліяніемъ крѣпостного принципа они, если не de jure, то de facto, не имѣли вовсе никакихъ. Ясно, что жажда пріобрѣтенія этихъ правъ, если ужъ она разъ почувствована, должна быть сильнѣе, нежели всякое стремленіе къ расширенію правъ уже существующихъ; ясно, что здѣсь именно всего сильнѣе можетъ обнаружиться дѣятельность народнаго духа, и потому этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія всѣхъ людей, истинно любящихъ народное благо. Многіе до сихъ поръ полагаютъ, что народъ, еще не получившій свободы, не долженъ заслуживать и серьезнаго вниманія, такъ какъ онъ живетъ и дѣйствуетъ не самъ по себѣ, а какъ ему велятъ. И это разсужденіе было бы справедливо, если бы оно относилось къ массѣ окончательно обезличенной и совершенно лишенной всѣхъ человѣческихъ стремленій. Но мы уже сказали, что не вѣримъ даже въ возможность подобнаго обезличенія цѣлаго народа и ни въ какомъ случаѣ не можемъ навязать его народу русскому]. А если потребность возстановить независимость своей личности существуетъ, то [намъ нѣтъ надобности знать, получила ли она формальное разрѣшеніе или нѣтъ: будетъ ли она освящена формальнымъ образомъ, или нѣтъ], — во всякомъ случаѣ она проявится въ фактахъ народной жизни, [рѣшительно и неотлагаемо. Заслужить эту потребность или повернуть ее по-своему никто не въ состояніи; это рѣка, пробивающаяся черезъ всѣ преграды и не могущая остановиться въ своемъ теченіи, потому что подобная остановка была бы противна ея естественнымъ свойствамъ].

Но какое же именно направленіе можетъ принять на практикѣ это стремленіе къ пріобрѣтенію самостоятельности и свободы? Извѣстно, что эти понятія самыя неопредѣленныя, и, можетъ быть, ни одно изъ словъ, обращающихся въ разговорномъ обиходѣ человѣчества, не возбуждало столько споровъ, какъ слово «свобода». Ученые и философствующіе люди доселѣ не могутъ окончательно согласиться въ опредѣленіи этого понятія; какъ же пойметъ его нашъ простолюдинъ? Многіе увѣряютъ, что, по глупости и необразованности своей, подъ свободой онъ будетъ разумѣть возможность ничего не дѣлать, [никого не слушаться], каждый день напиваться и буянить; [читатели наши уже знаютъ, къ какому разряду принадлежатъ люди, провозглашающіе такое мнѣніе [1]). Поэтому] мы

[1]) Это было разъяснено Чернышевскимъ въ статьѣ «Лѣность грубаго простонародья» («Современ.», 1860, II).

[о нихъ не станемъ распространяться, а] скажемъ только, что эти люди, отзываясь подобнымъ образомъ о крестьянахъ, судятъ по себѣ, не принимая въ соображеніе разницы условій, подъ которыми выростаютъ они и простолюдины. Для изученія этой разницы имъ опять надо обратиться къ Марку Вовчку: у него найдутъ они поучительный разсказъ въ этомъ смыслѣ, подъ названіемъ «Игрушечка».

Въ «Игрушечкѣ» разсказывается исторія развитія прекрасной дѣтской натуры, подобной Машѣ, но только натуры барской. Сравните оба разсказа, и вы увидите, какъ несравненно больше залоговъ правильнаго, здороваго развитія заключаетъ въ себѣ жизнь простолюдина, нежели жизнь барченка или барышни. Тамъ и требованія проще, и цѣль ближе и опредѣленнѣе, и самый способъ разсужденія не такъ искаженъ. Самое печальное [и гибельное] искаженіе мысли простолюдина состоитъ въ томъ, что онъ теряетъ ясное сознаніе [своихъ человѣческихъ правъ], своей личной самобытности и непринадлежности никому другому. [На этомъ пути онъ, дѣйствительно, доходитъ до величайшихъ нелѣпостей, насильственно убивая въ себѣ самыя законныя требованія и стремленія своей природы]. Но такъ какъ природныя требованія всегда сохраняютъ извѣстную долю силы надъ человѣкомъ, то всегда есть надежда навести бѣдняка на правильную точку зрѣнія. А какъ скоро ужъ онъ на эту точку станетъ, — онъ ее примѣнитъ и къ дѣлу; въ этой практичности состоитъ особенность крестьянской мысли, [и въ этомъ заключается ея сила]. Мы обыкновенно философствуемъ для препровожденія времени, [иногда для пищеваренія], и большею частью о предметахъ, до которыхъ намъ дѣла нѣтъ, [и которыхъ мы никакимъ образомъ измѣнить не въ состояніи, да и не намѣрены]. Крестьянину вовсе не до такой умственной роскоши; онъ человѣкъ рабочій, онъ задумывается надъ тѣмъ, что̀ можетъ имѣть отношеніе къ его жизни, и задумывается именно для того, чтобы въ душѣ своей найти основаніе для практической дѣятельности. Припомните, о чемъ разсуждала, чего допытывалась Маша, и къ чему ее привели всѣ ея размышленія. [Намъ кажется, что въ ея лицѣ авторъ весьма удачно выставилъ главнѣйшіе вопросы, съ которыхъ должна начинаться работа мысли въ цѣломъ сословіи. Первый вопросъ, разумѣется, долженъ касаться личной неприкосновенности: «что̀ же это такое? Я не хочу, а меня тащатъ; зачѣмъ—неизвѣстно по какому праву — непонятно; этого не должно быть». Въ этомъ простомъ разсужденіи заключается уже зародышъ всѣхъ возможныхъ правъ и гарантій общественныхъ. Извѣстенъ процессъ мышленія: когда я хочу объяснить чей-нибудь поступокъ со мной, я ставлю самого себя на мѣсто другого и стараюсь придумать, что̀ могло бы заставить меня на этомъ мѣстѣ поступить такимъ образомъ; если никакихъ достаточныхъ мотивовъ не оказывается, я признаю поступокъ несправедливымъ. Поэтому], если ребенокъ задумывается надъ тѣмъ, по какому праву другіе посягаютъ на его личность, и кончаетъ тѣмъ, что не находитъ тутъ никакого права, то ужъ въ этомъ разсужденіи вы находите гарантію того, что въ ребенкѣ нѣтъ наклонности посягать самому на чужую личность. [Такимъ образомъ люди, возстающіе противъ насилія и произвола, тѣмъ самымъ даютъ уже намъ нѣкоторое ручательство въ томъ, что они сами не будутъ прибѣгать къ насилію и не дадутъ простора своему произволу]; желаніе неприкосновенности для своей личности заставитъ ихъ уважать и личность другихъ. Конечно, и въ людяхъ, дѣйствующихъ произвольно и насильственно, надобно тоже предполагать присутствіе нѣкотораго желанія, чтобы съ ними не поступали такъ, какъ они съ другими; но, позволительно думать, что, вслѣдствіе совершенно уродливаго развитія, даже это желаніе въ нихъ не довольно сильно и при томъ подвержено множеству ограниченій. [Замѣчено, что люди, гордые, деспотичные съ низшими, почти всегда являются подлыми ласкателями и безпрекословными овечками передъ высшими. Замѣчено также, что самые неумолимые, самые несносные управляющіе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ бываютъ изъ лакеевъ, и что вообще лакеи себя держатъ предъ мужиками гораздо высокомѣрнѣе, чѣмъ ихъ господа. Читатель можетъ самъ дополнить эти наблюденія еще нѣсколькими примѣрами изъ болѣе обширнаго круга, и онъ непремѣнно придетъ къ заключенію, что употребленіе насилія надъ другими заглушаетъ или, по крайней мѣрѣ, очень ослабляетъ въ человѣкѣ способность истинно и глубоко возмущаться противъ насилія надъ нимъ самимъ. Въ послѣднее время мы видѣли, правда, что люди, весь свой вѣкъ не знавшіе другого закона, кромѣ произвола, вдругъ начали кричать противъ произвола, когда онъ задѣвалъ ихъ интересы. Но зато эти люди обыкновенно покричатъ, пошумятъ, да и отстанутъ: энергически, дѣятельно защищать то, что̀ они считаютъ своимъ правомъ, они не могутъ, потому что сознаніе права вообще у нихъ очень потускнѣло и стерлось.

Итакъ, первое, что̀ является непрере-

каемой истиной для простого смысла есть *неприкосновенность личности*]. Рядомъ съ этимъ неизбѣжно является и понятіе объ обязанности и правахъ труда. «Я не имѣю права на стѣсненіе чужой личности, такъ какъ никто не имѣетъ права стѣснять меня самого; значитъ, я не могу разсчитывать жить на чужой счетъ: это значило бы отнимать у другихъ плоды ихъ трудовъ, т.-е. насиловать, порабощать ихъ личность. Стало быть, я необходимо долженъ заботиться самъ объ обезпеченіи своей жизни, долженъ работать: живя своимъ трудомъ, я не буду имѣть надобности отнимать чужое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя матеріальное обезпеченіе, буду имѣть средства постоянно сохранять свою собственную независимость». Таковы простѣйшія соображенія, изъ которыхъ вытекаетъ обязанность трудиться, ясная, какъ день, для всякаго простого человѣка. И эти соображенія невыдуманы нами теоретически: они [прочно и глубоко] лежатъ въ душѣ [каждаго] простолюдина. Ему обыкновенно даже и въ голову не приходитъ, чтобы можно было жить на свѣтѣ, ничего не дѣлая: такъ онъ далеко отъ этого на практикѣ. Скажите любому крестьянину въ рабочую пору, чтобъ онъ отдохнулъ, бросилъ работу, вы получите простой отвѣтъ: а гдѣ жъ мы хлѣба-то возьмемъ? Не поработаешь, такъ и не поѣшь.

Стоитъ только обернуть разсужденіе, приводящее къ мысли объ обязанности работать, и мы получимъ выводъ о правахъ труда. «Если я долженъ работать для своего обезпеченія, потому что не могу и не долженъ пользоваться плодами трудовъ моего сосѣда, то очевидно, что и сосѣдъ долженъ имѣть въ виду то же самое соображеніе. Онъ долженъ работать для себя, и я никакъ не хочу и не считаю справедливымъ отдавать ему то, что̀ я заработалъ». И вотъ мы прямо приходимъ къ требованіямъ и рѣшеніямъ, къ которымъ пришла Маша у Марка Вовчка, и которыя, въ [гораздо меньшей, едва замѣтной] [1]) степени, проявляются во всемъ крѣпостномъ населеніи русскомъ. «Что мнѣ работать на другихъ? Лучше я ничего не буду дѣлать»,—такъ разсуждаютъ люди, лишенные полныхъ правъ на свой трудъ, и—или вовсе отказываются отъ труда, гдѣ можно, какъ Маша, напримѣръ, или стараются употреблять *какъ можно меньше усилій* и усердія для чужой работы, какъ дѣлаютъ помѣщичьи крестьяне [по всей Россіи] [2]). Отсюда мы можемъ сдѣлать простой выводъ о томъ, куда направятся крестьянскія силы, какъ скоро они получатъ право свободно располагать своимъ трудомъ: какъ Маша при первой вѣсти о возможности свободы закричала, что она работать будетъ, хоть закабалитъ себя, только бы заработать свой выкупъ, такъ точно и цѣлая масса *послѣ освобожденія* обратится къ усиленному труду, къ заботамъ объ улучшеніи своего положенія. Теперь вѣдь ужъ *весь* трудъ освобожденнаго работника—*его*, ему принадлежитъ [неотъемлемо], значитъ, чѣмъ больше онъ потрудится, тѣмъ больше и пріобрѣтетъ, тѣмъ лучше будетъ и *его положеніе*. При такихъ условіяхъ даже и временное лишеніе личной свободы не такъ тяжело. Замѣчательно, что Маша для пріобрѣтенія свободы хочетъ *закабалить* себя: это значитъ, что для нея главнымъ образомъ не то тяжело, что она не можетъ дѣлать всего, что̀ хочетъ, а то горько, что она должна отречься отъ правъ на свой трудъ безъ всякаго резона, Богъвѣсть зачѣмъ. Отдавая себя въ кабалу, она знаетъ, что тутъ условія дѣлаются обязательными съ обѣихъ сторонъ; она будетъ въ кабальной работѣ, а за нее зато выплатятъ выкупъ. [Такимъ образомъ, для нея видно здѣсь *начало и основаніе ея* рабства; да виденъ и конецъ, и при томъ конецъ до нѣкоторой степени все-таки сообразный со смысломъ, такъ какъ кабальный терминъ разсчитывается пропорціонально величинѣ уплаты и стоимости работы закабаленнаго. Ничего подобнаго не было въ томъ состояніи, подъ которымъ жила Маша у своей барыни: тамъ ни конца, ни входа, ни выхода, ни смысла, ни разсчета,—одинъ только произволъ и, вслѣдствіе того, полное отсутствіе всякихъ личныхъ гарантій и опредѣленныхъ правъ; что захотятъ, то съ тобой и сдѣлаютъ, безъ резона, безъ отчета, безъ отвѣта... Это-то всего болѣе и невыносимо для человѣка, у котораго хоть чуть-чуть начинаетъ просыпаться требованіе справедливости, отъ природы присущее всѣмъ людямъ, но во многихъ заглушаемое приниженіемъ и придушеніемъ ихъ личности].

Такимъ образомъ, предполагая, что крестьяне получаютъ свободу, мы видимъ вслѣдъ за этимъ, какъ прямой результатъ—увеличеніе количества и возвышеніе качества ихъ труда. Само собою разумѣется, что мы не смѣемъ прилагать всѣхъ вышеизложенныхъ разсужденій, какъ непремѣнаго условія, къ правительственнымъ мѣрамъ освобожденія, приводимымъ теперь къ концу въ редакціонной коммиссіи. Мы говорили только о томъ, что̀ должно быть вообще, по требованію логики и наблюденій надъ крестьянскимъ бытомъ и характеромъ;

[1]) извѣстной
[2]) вообще.

но мы нимало не хотимъ касаться спеціально хозяйственныхъ и административныхъ вопросовъ, подлежащихъ разсужденію коммиссіи, [и заранѣе опредѣлять возможныя послѣдствія тѣхъ мѣръ, какія будутъ приняты правительствомъ. Мѣры эти весьма естественно могутъ произвести свои особыя дѣйствія, весьма различныя отъ тѣхъ, какія мы можемъ предвидѣть, разсуждая о дѣлѣ въ общихъ чертахъ и представляя только логическія его опредѣленія. Но наша задача состоитъ только въ указаніи на нѣкоторыя черты народнаго характера, а вовсе не въ опредѣленіи способа дѣйствій крестьянскихъ комитетовъ и коммиссій, до которыхъ намъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ дѣла. Поэтому, останавливаясь на самыхъ общихъ намекахъ на то, какимъ образомъ должна быть принята и употреблена свобода каждымъ простолюдиномъ нашимъ] [1]), мы теперь возвратимся къ той параллели, къ которой, какъ мы сказали, подаетъ поводъ разсказъ «Игрушечка».

«Игрушечка» [есть не болѣе, какъ] искаженіе имени Аграфены: Груша, Грушечка, [но искаженіе], полное грустнаго и тяжелаго значенія. Эта Груша, крестьянская дѣвочка, въ самомъ дѣлѣ была весь свой вѣкъ игрушечкой своей барышни и барыни, а барышня и барыня, [загубившія ея вѣкъ], были въ сущности совершенно невинныя, добрыя созданія, которыя никогда бы не согласились мучить, губить людей: онѣ могли только *играть*, забавляться ими. Вся барская жизнь, изображенная въ «Игрушечкѣ», полна такой идилліи, что становится совѣстно сказать жесткое слово объ этихъ господахъ. Ни малѣйшаго слѣда какого-нибудь разсчета, преднамѣренности, злобы или хитрости не видно во всей ихъ жизни, во всѣхъ ихъ, даже самыхъ дурныхъ, поступкахъ. Какъ они живутъ и что ихъ занимаетъ, это намъ всего лучше разскажетъ сама «Игрушечка» (стр. 132—135).

«Господа наши были молоды. Нашу барыню всѣ красавицей величали. Такая была высокая да статная, чернобровая, бѣлая,— только лѣнивая... Господи, какая она ужъ лѣнивая-то уродилась! И глянетъ-то она на тебя въ полъ-глаза. Всей работы у нея было, всего дѣла, что изъ горницы въ горницу плаваетъ, склонивши головку на бокъ, и длиннымъ своимъ платьемъ шелковымъ шуршитъ. Оживится немножко она развѣ, какъ гостьи наѣдутъ, говорливыя, да веселыя, да осудливыя. Поднимутъ на зубки и чепчики разные, и генеральшу московскую, поахаютъ о городѣ Парижѣ, да побранятъ свой уѣздъ,—тогда и наша барыня головку подниметъ и заговоритъ себѣ громче... Баринъ поживѣе ея былъ, веселыя пѣсенки все пѣвалъ, да насвистывалъ. Говорили, что *не башковатъ онъ, ну да за то смиренъ былъ. Съ барынею они жили согласно. И она была барыня добрая.* Никого они не карали, не казнили, *они и сердиться-то рѣдко сердились.* Приди кто изъ людей съ какой просьбой къ нимъ—*ничего не выонятъ, развѣ только пускать не велятъ, коли докучило, или пообѣщаютъ, да не сдѣлаютъ—забудутъ.* Жили да поживали наши господа довольны, да веселы, мирны да спокойны. Вотъ это *сидятъ бывало въ гостиной; баринъ свиститъ, а барыня глазками по горницѣ поводитъ,* и вдругъ ей въ голову пришло: «мой другъ—говоритъ барину, — а вѣдь голубые-то обои были бы лучше въ гостиной!»—Баринъ такъ и вскоритъ горошкомъ.—«Душечка, какая мысль тебѣ хорошая пришла! *Гдѣ у меня разсудокъ до сихъ поръ былъ?*» И давай себя по лбу ляскать... «Ну, такого дѣла откладывать нечего, сегодня же въ городъ пошлемъ, а къ воскресенью чтобы все готово было».— «Да, да! — подхватитъ барыня, — пріѣдутъ Анна Петровна и Клавдія Ивановна,—вотъ удивятся-то! А ужъ Анна Ѳедоровна такъ разсердится, что за обѣдомъ ничего ѣсть не станетъ. Непремѣнно къ воскресенью, мой дружокъ!» И примутся хлопотать, примутся суетиться. *Въ страхъ эти дни живутъ:* все имъ чудится, что карета во дворъ въѣзжаетъ. «Охъ, кто-то пріѣхалъ, кажется», говорятъ, а сами въ лицѣ мѣняются. Удивить хотятъ, видите, и вдругъ—если бъ застали, что стѣны ободраны! *А иныхъ тревогъ, другихъ заботъ у нихъ, кажись, и не бывало. Никогда я не видала, чтобы баринъ нашъ призадумался, чтобы барыня всплакнула,—нешто безденежье, или барыня захвораетъ.* А безденежье ихъ часто пристукивало. Любили они оба и жить роскошно, и наряжаться богато. Барыня все шелковыя разныя платья носила да въ тонкихъ кружевахъ ходила. Баринъ тоже щеголь великій былъ: *шейный платочекъ все голубинымъ крылышкомъ завязывалъ, да бывало иной разъ съ утра до самаго обѣда бьется и не сладитъ. «Вотъ день-то несчастный выдался»,—вздохнетъ:—«никакъ не слажу!..»* И барыня къ нему тутъ на помочь придетъ, и Арину Ивановну кликнутъ, да словно къ вѣнцу прибираютъ,—*вся около него въ заботѣ такой, хлопотахъ...* А ужъ какъ вырядится онъ—такимъ брындикомъ выйдетъ, передъ зеркалами останавливается, да такъ пріятно на себя поглядываетъ и рукой все себя по щекѣ поглаживаетъ.

«Это еще все бы не раззоръ былъ, если бъ

[1]) Оставляя этотъ предметъ безъ особеннаго изслѣдованія.

только не мѣняли они всего до ниточки каждый годъ по скольку разъ. Мало ли на одинъ домъ шло? И къ Рождеству, и къ Святой, бывало, все обновляютъ. И какъ ужъ весело тогда баринъ хлопочетъ! Самъ картины прибиваетъ... *Вѣдь чудно покажется, какъ сказать, а скажу правду: до страсти любилъ онъ ѣвоздики вбивать, и случись, что по усердію кто ему услужить поспѣшитъ, то такъ огорчится... Потомъ ужъ всѣ такъ и знали, сами не брались никогда, а ему приготовятъ молотокъ. И правду тоже надо сказать, что ужъ никто такъ ѣвоздика не вобьетъ: такъ онъ наловчился, что только глянетъ—и потрафитъ, куда надо ѣвоздику...*

«Поѣдутъ ли въ городъ господа — чего они не накупятъ! И самоваровъ навезутъ, и сушенаго горошку, а дома подъ самоварами въ кладовой полки ломятся, горошку садовники на цѣлый годъ запасаютъ; понавезутъ они обои штофные, какихъ-то рыбокъ горькихъ въ банкахъ, табакерки съ музыкой... Разносчики ли наѣдутъ — купцы хитрые, зоркіе—сколько они денегъ оберутъ! «Не берите, батюшка,—говорятъ барину, — это оченно дорогое, вы вотъ себѣ подешевле возьмите». *Барина словно подожжетъ: «подавай мнѣ самое дорогое!» Да и купитъ такое же самое въ три дорога. Еще, бывало, и сдачи не возьметъ.* И поглядываетъ на купцовъ бородатыхъ: вотъ я вамъ пустилъ пыли въ глаза! А купцы отъ радости даже вздыхать почнутъ... А какъ именины справляютъ или рожденіе! Пойдутъ тутъ сборы да приборы такіе, — сохрани Боже! И вина выписываютъ, и конфекты выписываютъ, и шаль, и чепчикъ барынѣ, и шейный платочекъ, и желтыя перчатки барину... «Да ужъ, кстати, будутъ посылать,—говорятъ,—то выписать и то, и вотъ это бъ выписать», и пятое-десятое... Да такъ наберется, что на почту телѣгу надо посылать... Хоть много имъ утѣхи на именинахъ бывало, да много жъ и хлопотъ, и тревогъ не мало: вѣдь совсѣмъ измучатся, пока отбудутъ, ходючи да думаючи тяжко: что лучше къ обѣду подать? да какъ цвѣты уставить? да чѣмъ генеральшу бы удивить и покойнаго сна ее лишить? *Изморятся, бывало, словно на барщинѣ*».

Это [изображеніе барской жизни] [1]) надо причислить къ лучшимъ страницамъ послѣдней книги Марка Вовчка. [Въ добродушномъ тонѣ разсказчицы намъ слышится уже не раздраженный, озлобленный памфлетизмъ, не страстная борьба, а спокойный, нелицепріятный, торжественный судъ исторіи надъ самой сущностью, надъ принципомъ крѣпостного права]. Въ этомъ разсказѣ видны намъ не только пустота и ничтожество добрыхъ господъ, выросшихъ въ крѣпостныхъ понятіяхъ, но ясно просвѣчиваютъ самыя основныя причины этой пустоты и ничтожества. Вы видите, что этихъ людей [забили и] обезличили хуже, чѣмъ всякаго крестьянина; ихъ лишили сознанія своего достоинства и обязанностей, у нихъ отняли всякую возможность серьезно взглянуть на себя, у нихъ вынули душу и замѣнили ее нѣсколькими условными требованіями и сентенціями житейской цивилизаціи. Вмѣсто всѣхъ велѣній здраваго смысла, имъ съ малолѣтства вбито въ голову и срослось съ ними понятіе, что они должны жить [на чужой счетъ], сами ничего не дѣлая, что это [ихъ право]; ихъ призваніе на землѣ, [все умственное и нравственное развитіе]. Сообразно съ этимъ призваніемъ ведено было все ихъ воспитаніе. Оттого они ничему не выучены, ничего не умѣютъ, [ни къ чему не наклонны особенно], оттого они не знаютъ, чѣмъ наполнить пустоту своего времени, оттого они не умѣютъ даже разсчитать своихъ расходовъ, предвидѣть свое безденежье, сообразить, что̀ имъ нужно купить и чего не нужно. [У нихъ не можетъ быть подобнаго разсчета, потому что имъ сказано: «ты имѣешь то-то и можешь наслаждаться тѣмъ-то», но никогда не дано даже и мысли о томъ, что они собственными трудами должны пріобрѣсти право на пользованіе благами жизни. Мысль о трудѣ, какъ необходимомъ условіи жизни и основаніи общественной нравственности, столько же недоступна имъ, какъ и мысль объ уваженіи въ каждомъ человѣкѣ его естественныхъ, неотъемлемыхъ правъ]. Имъ никогда не придетъ въ голову взглянуть на себя серьезно, задать себѣ вопросъ—зачѣмъ они живутъ на свѣтѣ, и что такое составляютъ они среди общества, отъ котораго требуютъ и получаютъ всякаго рода блага и услуги. Вотъ объ нихъ-то можно [съ полнымъ правомъ] сказать, что въ нихъ нѣтъ никакой иниціативы, и что жизнь ихъ лишена всякаго внутренняго смысла. Сами по себѣ они — ничто; они живутъ животною, почти автоматическою жизнью, покамѣстъ не истощены средства, доставшіяся имъ по милости судьбы; какъ скоро этихъ средствъ нѣтъ, они—несчастнѣйшія, безпомощнѣйшія существа. Лишенные всякихъ рессурсовъ къ обезпеченію своего существованія, лишенные всякой опоры въ себѣ самихъ, [не понимая даже того, что̀ значитъ уваженіе къ самому себѣ], они готовы на всевозможныя униженія [и пошлости], чтобы только перебиться какъ-нибудь. Игрушечкины господа, промотавши

[1]) мѣсто

Вологод. жел. дор. Библиотека „КОР"

безъ толку все свое имѣнье, переѣзжаютъ на житье къ тетенькѣ, старой [ханжѣ и] скрягѣ, которая каждый день попрекаетъ ихъ [и читаетъ имъ наставленія]. И они принуждены безмолвно [и покорно] сносить ея обращеніе: имъ ничего болѣе не остается, какъ жить у кого-нибудь изъ милости, предаваясь совершенно капризамъ того, кто ихъ кормитъ. Зато у нихъ остается привилегія дармоѣдства и ничегонедѣланья...

А между тѣмъ ничегонедѣланье-то привито къ нимъ искусственно! Естественная, ничѣмъ и никогда незаглушаемая потребность дѣятельности не теряетъ и надъ ними своего вліянія. Бѣда только въ томъ, что, по своему уродливому воспитанію, [ни баринъ, ни барыня] [1]) не только взяться ни за что не умѣютъ, но даже не могутъ и придумать для себя какой-нибудь дѣльной работы: такъ ограниченъ кругъ ихъ знаній и стремленій! И пріискиваютъ они для себя спеціальности въ родѣ вбиванія гвоздиковъ да подвязыванія галстука голубинымъ крылышкомъ, и придумываютъ труды и заботы въ родѣ перемѣны обоевъ и мебели... Вѣдь вотъ пристрастился же этотъ господинъ къ вбиванію гвоздиковъ и сдѣлался весьма искуснымъ мастеромъ своего дѣла: почему же не быть бы ему искуснымъ плотникомъ, саложникомъ, обойщикомъ? И конечно, будь бы онъ иначе воспитанъ и находись въ другихъ обстоятельствахъ—такъ онъ бы и нашелъ какое-нибудь полезное занятіе для себя и не былъ бы такимъ паразитнымъ существомъ, [способнымъ только заѣдать чужой вѣкъ и чужіе труды]. Тогда бы онъ былъ и гораздо самостоятельнѣе, тверже, независимѣе, не зналъ бы этихъ маленькихъ, но для него тяжкихъ огорченій, которыя онъ испытывалъ при неудачной повязкѣ галстука или въ то время, какъ въ гостиной стѣны ободраны. Тогда естественно получилъ бы онъ наклонность и разсчитывать, и обдумывать свою жизнь и не впадалъ бы въ такое положеніе, которое описываетъ «Игрушечка»: «Пиры у господъ за пирами, а тутъ глядь — денегъ нѣтъ. Вотъ, сядутъ тогда они въ гостиной и сидятъ — пріуныли. Одинъ въ окошко глядитъ, другой въ другое; ахъ-ахъ, ха-ахъ»,— ахаютъ. А прошла бѣда, продали или заложили деревеньку, денежки зазвенѣли опять, и опять обѣды званые, гости нахлынули, пиръ горой, и весело живется, и хорошо имъ» (разумѣется, опять до перваго безденежья). Ничего нельзя представить глупѣе такого положенія, и только съ малолѣтства къ нему пріученные въ состояніи переварить его. Зато какую же и скуку-то они испытываютъ: не даромъ ходятъ изъ угла въ уголъ, да смотрятъ въ-полглаза, точно сонные; недаромъ убиваютъ время надъ подвязываніемъ галстука голубинымъ крылышкомъ. Да и обѣды-то, и вечера-то они больше затѣмъ даютъ, чтобы чѣмъ-нибудь занять и развлечь себя: тоска ихъ одолѣваетъ смертная, а помочь не знаютъ чѣмъ и даже не думаютъ, что тутъ [серьезная] помощь нужна...

И у такихъ-то родителей, въ такой жизни хочетъ развиться живая, пытливая натура дѣвочки, ихъ дочери! Нечего и говорить, что стремленія ея не получаютъ удовлетворенія, и всѣ попытки остаются совершенно безуспѣшными. Но исторія ея развитія, такъ знакомая во многихъ подробностяхъ каждому изъ насъ, свидѣтельствуетъ съ одной стороны, — какъ сильны и незаглушимы въ человѣкѣ естественныя, природныя требованія мысли и сердца, и съ другой стороны, — какое безчисленное множество препятствій противопоставляется имъ въ барской жизни и въ нашемъ [уродливомъ] воспитаніи.

Откуда, въ самомъ дѣлѣ, у дочери такихъ родителей, видящей вокругъ себя все то, что̀ выше описано, можетъ родиться наклонность къ [самымъ радикальнымъ вопросамъ, къ] пытливой, не дѣтски-серьезной думѣ о жизни и ея условіяхъ? Откуда въ ней уваженіе къ требованіямъ справедливости, [презрѣніе къ самоуниженію и рабству]? Никто ей не внушаетъ ничего подобнаго, ничто кругомъ не располагаетъ къ такимъ мыслямъ... Но достаточно одного: чтобы [милые родители] [1]) избавили ее отъ своего надзора и не заботились объ ея нравственномъ воспитаніи, достаточно этого, чтобы естественныя стремленія человѣческой природы явственно выразились въ ней и получили свою силу. Достаточно было самаго легкаго соприкосновенія съ бѣдной дѣвочкой, [съ «Игрушечкой», которой она помыкала], чтобы расшевелить въ ней природныя требованія добра и правды... Но все это ни къ чему не могло повести: естественно человѣку дышать, но не можетъ же онъ дышать безъ воздуха; естественно зерну прозябать, но не взойдетъ же сѣмя, брошенное на голую каменную плиту; такъ не разовьется и живой организмъ человѣческій, попавши въ среду такого бездушнаго, автоматическаго, [барскаго] существованія, какое мы видимъ у Игрушечкиныхъ господъ. Вотъ исторія барышни, большею частью вертящаяся около ея отношеній къ «Игрушечкѣ».

Барышня увидала на улицѣ въ деревнѣ

[1]) они

[1]) испорченные люди

дѣвочку: «дай мнѣ эту дѣвочку!»—Привели ее въ барскій домъ, заставили играть съ барышней. На другой день послѣ того господа собирались выѣзжать въ другую вотчину, и дѣвочку надо было отпустить. Но барышня заупрямилась: «хочу дѣвочку съ собой взять». Такъ и сякъ ее уговаривали,—нѣтъ, слушать ничего не хочетъ, плачетъ. Дѣлать нечего, барыня велѣла снарядить дѣвочку въ дорогу. Мать ея бѣдная приходитъ, съ горькими слезами упрашиваетъ: «отдайте дочку». Барыня отвѣчаетъ кротко и резонно: «Я бы тебѣ отдала, да барышня не пускаетъ,—очень ей твоя дочка понравилась; *ты не плачь, пожалуйста: она вѣдь скоро барышнѣ прискучитъ,—дѣтямъ забава не надолго—тогда сейчасъ твою дочку мы перешлемъ къ тебѣ*». И не подозрѣвая, сколько [людоѣдства] [1]) заключается въ этомъ добродушномъ отвѣтѣ, барыня довершаетъ его, говоря своей ключницѣ и приживалкѣ, Аринѣ Ивановнѣ: «Ахъ, *какъ жалко мнѣ эту женщину*, — просто, я на нее смотрѣть не могу! Идите, душечка Арина Ивановна, скажите ей что-нибудь, *дайте ей вотъ денегъ*... ну, отдайте что-нибудь изъ моихъ вещей похуже... только поскорѣе, чтобъ она шла себѣ, *чтобъ тутъ не плакала*». Видите ли, какое положеніе [безвыходное]: барыня здѣсь сама точно на барщинѣ, [точно чиновникъ, исполняющій свой долгъ: «по совѣсти, какъ человѣкъ, я вамъ сочувствую, но по точному смыслу законовъ я долженъ васъ посадить въ тюрьму». Такъ и она]: у ней доброе сердце, она сама мать, ей жалко бѣдную женщину; но noblesse oblige, и помѣщичье право тоже oblige, — противъ своей воли она должна отнять дочь у матери... А чтобъ утѣшить мать, она хочетъ дать ей за дочь нѣсколько *денегъ*, [какъ будто не отъ этой самой женщины и подобныхъ ей получила она свои деньги: дешевое великодушіе?..] И цѣль этого великодушія главная та, чтобы избавить себя отъ зрѣлища слезъ и отчаянія матери: чтобъ она шла себѣ, чтобы только *тутъ* не плакала...

Барышня, требуя себѣ Грушу, которую тутъ же и назвали Игрушечкой, разумѣется, и не подозрѣваетъ [всей безнравственности] [2]) своихъ требованій, потому что она еще не имѣетъ понятія о юридическихъ отношеніяхъ, существующихъ между нею и крестьянской дѣвочкой. Ей просто хочется имѣть подругу, и она не отпускаетъ отъ себя ту, которая ей понравилась. Но въ ея положеніи нельзя безнаказанно имѣть никакихъ требованій: окружающая жизнь немедленно обращаетъ самое простое ея желаніе въ [деспотическое] насиліе и [безчеловѣчный] произволъ. Вотъ, напр., сцена, показывающая намъ, какъ ребенокъ [развращается гнуснѣйшимъ образомъ] [1]) въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ.

Игрушечку любитъ барышня, и за то терпѣть не можетъ Арина Ивановна. Разъ приходитъ въ барскія хоромы мужичекъ, съ поклономъ и гостинцемъ отъ матери къ Игрушечкѣ; Арина Ивановна не пускаетъ его, онъ упрашиваетъ, она бранится. Игрушечка, играя съ барышней недалеко отъ дѣвичьей, услыхала ихъ споръ и зарыдала. Барышня тотчасъ пристала: «о чемъ плачешь?» Та сказала. Тогда, несмотря на увѣщанія Арины Ивановны, барышня настоятельно потребовала, чтобы мужичка пустили и гостинецъ Игрушечкѣ отдали; даже сама дверь растворила мужичку. Поговорила съ мужичкомъ дѣвочка, разумѣется, припомнила свою мать, родной домъ, и принялась плакать, разсматривая свой гостинецъ—двѣ рубашечки, да глиняную уточку, да пряничекъ медовый. Арина Ивановна принялась насмѣхаться надъ рубашечками и хотѣла ихъ взять да «зашвырнуть куда-нибудь подальше». Но барышня не позволила и Арину Ивановну прогнала изъ комнаты. Между тѣмъ Игрушечка все плачетъ, и барышня все подлѣ нея сидитъ да поглядываетъ на нее, призадумавшись. Богъ-вѣсть, что она думала; можетъ, приходила къ мысли, зачѣмъ же это она такое горе дѣлаетъ бѣдной дѣвочкѣ, разлучая ее съ матерью. Но въ комнату, переждавши немного, опять входитъ Арина Ивановна. Происходитъ слѣдующая сцена (стр. 127):

«— Что вы, Зинаида Петровна, такъ заскучали?—спрашиваетъ барышню Арина Ивановна.

«Барышня вздохнула и на меня пальчичикомъ показала...

«— Она все плачетъ по своей мамѣ, она къ своей мамѣ хочетъ.

«— Да пусть себѣ хочетъ! Чего жъ вамъ-то безпокоиться? Не хотите—не пустимъ, мой ангелъ, вы не безпокойтесь!

«— А плачетъ?

«— Мало чего нѣтъ? Да вы вѣдь ее взяли себѣ въ забаву, вы ея госпожа, мое сокровище, — что съ ней захотите, то и сдѣлаете: плакать прикажете—плачь! прикажете веселиться—веселись!

«— А какъ она не станетъ?

«— Не станетъ? Да мы ее такъ проучимъ, что она у насъ шелковая будетъ!

«— Мнѣ жалко Игрушечку...

«— Вотъ то-то и есть, что вы все жа-

---

[1]) нечеловѣчности
[2]) настоящаго характера

[1]) портится

лѣете! И проку изъ нея не будетъ. Вы не жалѣйте!

«— Жалко Игрушечку, — твердитъ барышня,—жалко Игрушечку!

«— Говорю, перестаньте жалѣть, перестанетъ она и плакать, и всю ея блажь какъ рукой сниметъ».

Такъ въ самомъ зародышѣ подавляются добрыя и справедливыя стремленія барышни. У ней есть не только доброта, по которой она жалѣетъ плачущую дѣвочку, но и зачатки уваженія къ человѣческимъ правамъ и недовѣріе къ [насильственному] праву собственнаго произвола: когда ей говорятъ, что можно заставить Игрушечку дѣлать, что̀ угодно, она возражаетъ: «а какъ она не станетъ?» Въ этомъ возраженіи уже видно инстинктивное проявленіе сознанія о томъ, что каждый имѣетъ свою волю, [и что насиліе чужой личности можетъ встрѣтить противодѣйствіе совершенно законное]. Но всѣ эти зародыши [здравой мысли] тотчасъ же уничтожаются [рабскимъ] внушеніемъ [подлой] ключницы и приживалки, а главное — самое положеніе барышни очень благопріятствуетъ заглушенію [здравыхъ][1]) тенденцій. Между тѣмъ какъ Маша и ей подобныя упорно идутъ дальше и дальше въ своихъ разсужденіяхъ и запросахъ, однажды проявившихся, Зиночка рада, напротивъ, усыпить все, что̀ поднимается изъ глубины ея сознанія. Дѣло понятное: для Маши, кромѣ естественнаго влеченія, и самый интересъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы добиться теоретическаго и практическаго торжества здравыхъ понятій: вѣдь искаженіе человѣческаго смысла и господство произвола обрушивается на нее [всякаго рода] стѣсненіями [и насиліями]. Барышня находится совершенно въ обратномъ отношеніи къ вопросу. Производя въ ней сначала нѣкоторое замѣшательство и неловкость, какъ все противное естественнымъ требованіямъ организма, принципъ произвола и насилія принимается ею, однако же, довольно легко и скоро проникаетъ въ ея существо. Онъ убиваетъ въ ней нравственную жизнь, онъ ядовитъ для нея, такъ же точно, какъ и для тѣхъ, которымъ приходится страдать отъ нея; но способъ его дѣйствія на нее и другихъ чрезвычайно различенъ: тѣхъ онъ отравляетъ, какъ обыкновенный ядъ, производящій мучительныя конвульсіи; на нее онъ дѣйствуетъ какъ опіумъ, дающій ей плѣнительные призраки, [но чрезъ то самое притупляющій и медленно губящій здоровыя силы организма]. Трудно отказаться отъ отравы хашиша тому, кто разъ допустилъ себя ею увлечься; еще труднѣе отказаться отъ [нравственнаго яда] произвола [и господства, когда они] приносятъ намъ, хотя тоже призрачныя, но [для человѣка, стоящаго еще на низшихъ ступеняхъ развитія], весьма привлекательныя удобства. Основаніе уваженія къ чужимъ правамъ заключается, какъ мы говорили, прежде всего въ инстинктѣ самосохраненія, въ желаніи оградить неприкосновенность и своихъ собственныхъ правъ; а если постоянные примѣры показываютъ ребенку, что онъ можетъ нарушать чужія права безнаказанно, то гдѣ жъ его слабой мысли найти достаточную опору противъ соблазна? Первоначальнымъ побужденіемъ къ труду служитъ также естественная необходимость упражнять свои силы и, слѣдовательно, охота трудиться должна находиться въ прямой пропорціи съ количествомъ силъ человѣка, которое опять зависитъ во многомъ отъ упражненія. Поэтому естественно, что пока силъ мало, то и охота къ труду слаба, и ежели никакихъ другихъ побужденій къ работѣ нѣтъ, то ребенокъ очень охотно привыкаетъ лѣниться, отчего силы его, оставаясь безъ упражненія, такъ и не получаютъ надлежащаго развитія. Это мы видимъ не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ развитіи: при началѣ ученья дѣти очень неохотно принимаются за всякій урокъ, гдѣ имъ нужно много соображать и добиваться толку; они предпочитаютъ, чтобъ имъ все было растолковано, и чтобъ съ ихъ стороны требовалось только пассивное воспріятіе. Многіе родители и заботятся объ этомъ: цѣлую толпу учителей, гувернеровъ и репетиторовъ приглашаютъ, чтобъ разжевать и положить въ ротъ ихъ дѣтямъ всякое знаніе; зато такія дѣти и остаются на весь вѣкъ обезьянами, иногда очень учеными и вообще понятливыми, но неспособными возвыситься до самобытной человѣческой мысли.

И не одними матеріальными удобствами способствуетъ положеніе барышни искаженію ея мысли и чувства: неестественное само въ себѣ положеніе это вызываетъ такіе уродливые факты, которые еще болѣе сбиваютъ ее съ толку. Возьмемъ для примѣра хоть продолженіе той же сцены Зиночки съ Игрушечкою.

Выслушавши совѣты Арины Ивановны, барышня приступаетъ къ дѣвочкѣ съ приказаніемъ, чтобъ та веселилась, при чемъ Арина Ивановна покатывается со смѣху.

«— Веселись, Игрушечка, — приказываетъ барышня; — веселись и маму свою сейчасъ забудь. Слышишь, что̀ я тебѣ приказываю? Ну, забыла свою маму?

«— Нѣтъ,—говорю,—не забыла!

[1]) такихъ

«Арина Ивановна ко мнѣ:

«— Да ты смѣешь ли такъ отвѣчать барышнѣ, а? что? Ахъ, ты, грубіянка! Велятъ тебѣ смѣяться—сейчасъ смѣйся!

«*Смѣюсь я передъ ней, слезы свои горькія глотаючи.*

«— Ну, вотъ видите, мой ангелъ, она и смѣется,—утѣшаетъ барышню Арина Ивановна. *А барышня глядитъ на меня такими-то пытливыми глазенками.*

«— Игрушечка,—говоритъ,—какъ же ты и плачешь, и смѣешься? *А я вотъ не стала-бъ.*

«— И, голубчикъ, равняетесь съ кѣмъ!— ей на это Арина Ивановна.— Ей что̀ прикажутъ, то она и можетъ.

«— Вотъ, Игрушечка, ты какая! — проговорила барышня: — вотъ какая?..» (стр. 128).

Совѣты и увѣренія Арины Ивановны, какъ видите, подтверждаются фактами, которые производятъ на барышню непріятное, но неотразимое впечатлѣніе. Она *пробуетъ* себя и Игрушечку, приказываетъ ей веселиться, она еще не довѣряетъ, чтобы подобныя истязанія надъ подобнымъ же ей человѣкомъ могли быть дѣйствительны. И что̀ же? Бѣдный ребенокъ, запуганный и безпомощный, поддается: это озадачиваетъ и даже какъ будто огорчаетъ барышню: она чувствуетъ, что тутъ что-то неладно. «Я бы этого не сдѣлала», говоритъ она, переходя отсюда къ мысли, что и Игрушечка, какъ такой же человѣкъ, не должна была бы этого дѣлать. Но тутъ сейчасъ готово объясненіе, что Игрушечка вовсе не «такой же человѣкъ», а холопка, которая «что ей прикажутъ, то и можетъ»... Фактъ налицо: отчего же и не повѣрить такому объясненію, тѣмъ болѣе, что оно усыпляетъ инстинктивное безпокойство [барышни на этотъ счетъ, снимаетъ съ нея нравственную отвѣтственность и льститъ ея тщеславію, поднимая ее] [1]) на степень существа высшаго, по праву могущаго распоряжаться волею и личностью другихъ людей!.. Такимъ образомъ, мысль о своемъ родствѣ со всѣми людьми и о полноправности каждаго человѣка, мысль о солидарности человѣческихъ отношеній быстро заглушается въ ней при самомъ зарожденіи. Остается только на первыхъ порахъ какое-то обидное сожалѣніе, какъ будто разочарованіе, въ надеждахъ на друга: «вотъ, Игрушечка, ты какая!» восклицаетъ барышня въ первую минуту. Но потомъ и это проходитъ: она сама, уже безъ подстреканій Арины Ивановны, начинаетъ впослѣдствіи стращать Игрушечку: «не скучай! ты знаешь, я все съ тобой могу сдѣлать: я вѣдь тебя баловать не буду» и пр...

Такія сцены, повторяясь каждый день и каждый часъ, способны убить всякій здравый смыслъ [и человѣческое чувство уже] прежде, нежели они успѣютъ проявиться. Такъ и бываетъ со многими. Но Зиночка, какъ мы сказали, оставлена родителями на произволъ судьбы въ обществѣ Игрушечки, и никто, кромѣ Арины Ивановны, не внушаетъ ей барской теоріи. Это спасаетъ ея нравственныя силы и даетъ имъ возможность развиться хоть до степени пытливаго и упорнаго желанія и исканія, если не настоящей самодѣятельности. Нѣкоторые вопросы преслѣдуютъ ее очень серьезно: ей все хочется знать, отчего и какъ? Она разспрашиваетъ Игрушечку о ея прежней жизни, о деревенскихъ работахъ; та разсказываетъ. Послѣ этихъ разсказовъ,—говоритъ Игрушечка,—«случалось, что такъ меня обниметъ она крѣпко да и говоритъ мнѣ:— Игрушечка, я бъ сама не дошла, какъ все это дѣлается. Кто жъ у васъ додумался, Игрушечка?»—«Я не знаю,—говорю ей,— кто додумался, а всѣ у насъ умѣютъ».— «Можетъ, твоя мама, Игрушечка?» — «Можетъ,—говорю». Тѣмъ, разумѣется, и ограничились объясненія съ Игрушечкой, да это еще было лучшее, что̀ барышня могла слышать. Съ отцомъ и матерью дѣло уже вовсе не шло на ладъ. Разъ, напр., Игрушечка расплакалась, услыхавши, что продано ея родное село, и, стало быть, она ужъ туда больше не вернется. Барышня потолковала съ ней, посмотрѣла на нее, да и задумалась: «Какъ,—говоритъ,—это все на свѣтѣ дѣлается?» — Да что? — спрашиваетъ Игрушечка. — «Да какъ же, — говоритъ Зиночка,—ты замѣчаешь ли, что когда одни плачутъ, другіе смѣются; одни говорятъ одно, а другіе опять совсѣмъ другое. Вотъ ты плачешь, что Тростино продали, а мама и папа всегда въ радости, когда деньги получаютъ». И вдругъ, въ тревогѣ, она бросается къ Игрушечкѣ: «Да нельзя развѣ, чтобъ всѣ веселы были? Нельзя, Игрушечка?» — Видно нельзя, говоритъ. — «Отчего-жъ?»—Да не бываетъ такъ,—говоритъ та:—вотъ вѣдь и мы съ вами, все мы вмѣстѣ, а мысли у насъ разныя приходятъ. — «Да отчего жъ такъ? Отчего?» На этомъ разговорѣ застаетъ дѣвочекъ Арина Ивановна и допрашиваетъ, о чемъ такъ горячо разсуждаютъ. Но барышня уже не довѣряетъ ей и не хочетъ сказывать; тогда Арина Ивановна напускается на Игрушечку, дѣлаетъ тревогу и докладываетъ господамъ, что Игрушечка барышню пугаетъ и въ слезы вводитъ. Тѣ приходятъ и начинаютъ допросъ. Эта сцена тоже очень характерна и пока-

[1]) поднимаетъ Зиночку

зываетъ, какое участіе въ воспитаніи дочери принимаютъ добрые господа, не лишенные, впрочемъ, привычекъ образованнаго общества. Мать спрашиваетъ:

«— Зиночка, что́ такое было? О чемъ ты съ Игрушечкой говорила? Поди ближе и скажи мамѣ.

«— Говорили, что одни люди плачутъ, а другіе люди веселы...

«— Что, дружочекъ?

«Удивилась очень барыня, и баринъ во всѣ глаза глядитъ; а барышня опять:

«— Что одни люди смѣются, а другіе въ слезахъ.

«Барыня съ бариномъ переглянулись, и оба на барышню посмотрѣли.

«— Ну, скажи, мама, — заговорила барышня:—скажи мнѣ, отчего это такъ на свѣтѣ?

«Вскочила она къ барынѣ на колѣни, обнимаетъ и прижимается къ ней, и въ глаза глядитъ—ждетъ слова отъ нея завѣтнаго, а барыня ей въ отвѣтъ:

«— Умныя дѣти, мой дружочекъ, никогда не плачутъ.

«— А бываетъ же скучно, мама, и умнымъ, бываетъ чего-то больно, будто и скучно...

«А барыня: «умныя дѣти, дружочекъ мой, всегда веселы».

«— Ахъ, Боже мой, какая ты, мама! Ну, глупыя скучаютъ, плачутъ—развѣ ужъ тебѣ ихъ совсѣмъ не жалко?

«— Глупыхъ дѣтей наказываютъ, Зиночка,—отозвался баринъ, взявши себя за подбородокъ—и они сейчасъ умнѣютъ.

«— Да Зиночка у насъ умница, — говоритъ барыня: — она никогда у насъ не скучаетъ, никогда не плачетъ. Это какой-то мужичокъ иногда приходитъ, подъ окномъ у нея плачетъ, а Зиночка умница.

«Поднялись и пошли себѣ. Выходя, говоритъ барыня Аринѣ Ивановнѣ:

«— Вы напугали меня, Арина Ивановна; я думала — Богъ-знаетъ что такое, а вышло пустяки такіе, что даже и понять-то трудно».

Тѣмъ и кончилась исторія: барыня только вздохнула тяжело, и слезы у ней къ глазамъ подступили...

Въ такихъ-то условіяхъ томится живая душа, жаждущая знанія, правды, порывающаяся разрѣшить себѣ загадку жизни. Когда она подросла немножно, ей и гувернантокъ выписывали: одна была тихая, добрая, но педантическая въ своемъ дѣлѣ и вовсе неумѣлая нѣмочка; она все дѣлала по пунктамъ и никакъ не хотѣла удовлетворить любознательность ученицы, любившей забѣгать и впередъ, и въ сторону. Не сошлись онѣ, и видя, что дѣло нейдетъ на ладъ, нѣмочка сама просила, чтобъ ее отпустили. Пріѣхала на ея мѣсто вертлявая француженка; та принялась болтать и разсказывать, и сначала совершенно околдовала Зиночку и прибрала къ рукамъ весь домъ. Но и француженка не удовлетворила пытливую дѣвочку: ей надо было знать корень и причину всего, надо было серьезно разобрать и понять каждую вещь, а у Матильды Яковлевны все было, разумѣется, легко, мило, поверхностно и—пусто. Черезъ нѣсколько времени барышня сама это замѣтила, охладѣла къ француженкѣ, перестала ее разспрашивать, а все сама задумывалась. Анна Ивановна приписывала ея скуку тому, что мамзель ее ученьемъ замучила; но Зиночка отвѣчала печально: «да я ничего не знаю и ничему не выучилась,— какъ же замучила?» И стала она все больше и больше задумываться, да и кончила тѣмъ, что на пятнадцатомъ году стала умомъ мѣшаться. Грустное и тихое было ея помѣшательство,—все она задумывалась да плакала, особенно когда видѣла чужія слезы. Игрушечка хотѣла утѣшать ее: полноте, говоритъ, — со всѣми плакать не станетъ васъ. «Игрушечка, — отвѣчала помѣшанная: — когда плачетъ человѣкъ, ты знаешь ли, какъ ему больно! А я знаю, Я знаю, какъ больно!» Вскорѣ въ этомъ помѣшательствѣ она и умерла.

Мы нарочно остановились на нѣкоторыхъ чертахъ характера и развитія этой дѣвушки, чтобы яснѣе указать разницу условій, отъ которыхъ зависитъ направленіе мысли и воли—въ образованномъ обществѣ и въ простыхъ классахъ. Каждый согласится, что въ нашемъ воспитаніи, даже самомъ лучшемъ, очень мало серьезности, мало пищи для пытливаго ума, гораздо больше ненужныхъ и непонятныхъ формальностей и отвлеченностей, нежели отвѣтовъ на живые вопросы о мірѣ и людяхъ, весьма рано возникающіе въ дѣтской душѣ. Слѣдовательно, всѣ мы, считающіе себя образованными, подвергались болѣе или менѣе той нравственной порчѣ и тому медленному умерщвленію силъ духа, которое такъ ярко рисуется намъ въ сценахъ Зиночки съ Ариной Ивановной и съ [милыми] родителями. Къ тому прибавимъ еще, что внѣшнее положеніе [весьма многихъ] [1]) людей въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ совершенно схоже съ положеніемъ Зиночки: нѣтъ надобности самому трудиться, есть возможность распоряжаться другими и употреблять ихъ для своихъ капризовъ, [есть поводъ считать себя чѣмъ-то высшимъ, чѣмъ эта масса людей, какъ будто

[1]) нѣкоторыхъ

созданныхъ только для службы намъ]. Все это чрезвычайно деморализируетъ и разслабляетъ человѣка, и вотъ гдѣ истинная причина той общей вялости, мелочности и пустоты, на которую такъ много и такъ давно жалуются серьезные люди въ нашемъ образованномъ обществѣ. Рѣшимся выговорить слово правды: цѣлыя поколѣнія жили и прожили у насъ, не сдѣлавъ ничего путнаго и показавъ только, что они негодны къ настоящему дѣлу, потому именно, что въ ихъ понятіяхъ и привычкахъ всегда бродила закваска крѣпостныхъ воззрѣній, и вся жизнь ихъ слагалась, съ самаго начала, подъ вліяніемъ крѣпостного устройства. [Пригнетая и сдавливая однихъ внѣшнимъ образомъ, оно, въ то же время, еще рѣшительнѣе, внутренно и существенно, губило и тѣхъ самыхъ, которые хотѣли жить угнетеніемъ другихъ. Оно ихъ разслабило, опошлило, развратило, обездушило и сдѣлало гораздо жалче, гораздо ничтожнѣе и негоднѣе тѣхъ, которыхъ они эксплуатировали своимъ произволомъ... Хорошо, что теперь уже прекратилась возможность такой эксплуатаціи; а то Богъ знаетъ, до чего бы она довела и ту, и другую сторону]...

Послѣ смерти барышни еще продолжается грустная исторія Игрушечки, но мы уже не будемъ на ней останавливаться:— Игрушечка такъ и осталась до конца жизни игрушечкою судьбы и добрыхъ господъ своихъ. Хотѣла-было она хорошо, счастливо пристроиться: полюбился ей Андрей, барскій столяръ, и она ему понравилась. Да пришли они просить барскаго разрѣшенія на свадьбу въ то время, какъ господа послѣднюю свою вотчину, и Андрея съ Игрушечкою въ томъ числѣ, продали. Приходъ ихъ только напомнилъ барынѣ, что ей жалко разстаться съ Игрушечкой, и она принялась упрашивать новаго владѣльца, чтобъ онъ уступилъ ей эту дѣвушку. Тотъ согласился. Игрушечка заикнулась-было, что любитъ Андрея, но барыня жалостливо возразила: «ахъ, ахъ, Игрушечка! Не стыдно ли тебѣ, и ты могла бы меня оставить? Ахъ, какъ же это можно! Боже мой! Все насъ покидаетъ!» И заплакала. Повели ее подъ руки въ карету, посадили, и Игрушечку втолкнули тоже, и помчались онѣ... Андрей только издали смотрѣлъ на это, блѣдный, какъ смерть. Новый баринъ его былъ очень крутъ, не какъ прежніе господа. Черезъ два мѣсяца Игрушечка узнала, что въ селѣ ихъ «несчастье случилось... Шесть человѣкъ на поселенье пошло... Андрей шестымъ»... (стр. 171). Такъ погибла ея послѣдняя надежда на счастье, на возможность быть, наконецъ, чѣмъ-то побольше «игрушечки».

Въ «Игрушечкѣ» видимъ мы лицо совершенно пассивное: постоянно тоскливое, грустное расположеніе—вотъ ея единственный протестъ [на свою несчастную судьбу]. И немудрено: вспомнимъ, что она оторвана отъ своихъ, выхвачена насильно изъ простой народной жизни и брошена въ [этотъ тихій омутъ] [1]), гдѣ ее держатъ для забавы, [насильно заставляютъ веселиться и] безпрестанно запугиваютъ и придавливаютъ. Простотѣ и свѣжести первыхъ лѣтъ жизни, первыхъ впечатлѣній дѣтства, надо приписать еще и то, что она въ этой обстановкѣ не сдѣлалась подлой и льстивой [холопкой, доносчицей] [2]) и смутьянкой, [подобной тѣмъ «благороднымъ» приживалкамъ, типъ которыхъ находимъ мы въ Василисѣ Перегриновнѣ, въ «Воспитанницѣ» Островскаго].

Но въ самой покорности несчастныхъ, вынужденныхъ покориться поневолѣ, мы видимъ часто гораздо болѣе рѣшимости и энергіи, нежели въ суетливыхъ исканіяхъ и метаньяхъ изъ стороны въ сторону, въ которыхъ такъ часто изживаютъ у насъ цѣлый вѣкъ даже очень хорошіе люди. Для дополненія параллели, которую мы проводили выше, мы укажемъ теперь на коротенькій разсказъ Марка Вовчка «Саша».

Исторія простая: Саша привезена изъ деревни въ горничныя къ барынѣ; барынинъ племянникъ соблазнилъ ее, да потомъ такъ привязался къ ней, что хотѣлъ на ней жениться. Какъ только онъ о женитьбѣ заикнулся, Сашѣ сейчасъ косы обрѣзали и заперли ее въ темную... Онъ ходилъ, плакалъ, клянчилъ, бился, какъ рыба объ ледъ, наконецъ, выпросилъ Сашѣ свободу, поклявшись, что не будетъ пытаться жениться на ней. И пошло все своимъ чередомъ, только Сашѣ такъ горько было, что все опостылѣло, и она вымолила у господъ позволенія въ монастырь идти, гдѣ и умерла вскорѣ. А онъ—«и до сей поры ходитъ на ея могилу и все молится тамъ». Жениться не захотѣлъ; всегда ходитъ печальный такой: «нѣтъ,—говоритъ,—никто ужъ меня не повеселитъ такъ, какъ моя Саша покойница! Богъ судья дяденькѣ и тетенькѣ!..»

Изъ остова разсказа уже видно отчасти, какая разница между этими двумя людьми. Но вотъ нѣсколько частныхъ чертъ, еще яснѣе рисующихъ оба характера.

Саша отдалась молодому человѣку вполнѣ, беззавѣтно; она исчезла въ немъ, заключила всѣ чувства и стремленія въ любви къ нему. Когда узнали объ ихъ любви и стали надъ ней издѣваться, она

---

[1]) среду
[2]) наушницею

говорила: «что жъ, люди смѣются, пускай себѣ! Я люблю его, я *его!* Что жъ мнѣ о себѣ думать-то? Думай онъ. Хорошо ему—весело, что смѣются — смѣйтесь; а обидно ему покажется—самъ онъ знаетъ, что̀ сдѣлать. А я послушаюсь его слова, его приказу». Это разсужденіе какъ нельзя болѣе сообразно съ положеніемъ Саши и показываетъ въ ней очень умный взглядъ на свои отношенія къ молодому барину. Полюбивши ее и воспользовавшись ея расположеніемъ, онъ дѣлался естественно ея заступникомъ, покровителемъ, связывался съ нею единствомъ интересовъ, и онъ первый долженъ былъ бы понимать это, если бы былъ человѣкъ здраво и честно развитый. Саша считала его такимъ и понимала за него то, до чего онъ еще не сумѣлъ возвыситься съ своимъ образованіемъ. Онъ былъ человѣкъ добрый и честный въ душѣ, хотя и легкомысленный; онъ очень полюбилъ Сашу, и самъ признавался ей: «я вѣдь тебя обмануть сбирался, Саша, обмануть хотѣлъ и потомъ бросить,—ты прости меня! Не бросилъ—силъ не было, потому что полюбилъ крѣпко». И онъ точно не бросилъ ее: до конца жизни любилъ и по смерти любилъ. Но его воспитаніе и положеніе были таковы, что не давали ему никакой возможности серьезно вникнуть въ свои обязанности и поступить такъ, какъ предписывало̀ и требованіе честности, и даже его собственное сердце. Саша покорна своей судьбѣ; что̀ же ей, въ самомъ дѣдѣ, предпринять можно въ ея положеніи? Она тутъ ни при чемъ; у ней нѣтъ ни силы, ни воли; *онъ* долженъ все устроить, и будь бы у него сердце и смыслъ Саши—онъ бы не призадумался надъ ничтожными препятствіями, представлявшимися ему, и не сталъ бы потомъ плакаться на дяденьку и тетеньку. Но въ томъ-то и дѣло, что *такой* смыслъ, *такой* характеръ не даются людямъ его положенія. Саша порабощена внѣшнимъ образомъ, а снимите съ нея этотъ гнетъ,—она способна подняться до какихъ угодно нравственныхъ и умственныхъ высотъ. А любимый ею юноша лишенъ внутренно всякой самостоятельности, всякой опоры въ себѣ самомъ, и порабощенъ всѣмъ существомъ своимъ забавнымъ ничтожностямъ, которыя такъ цѣнятся въ свѣтѣ. Онъ жалуется, что отецъ съ дѣтства забилъ и запугалъ его; но отецъ отцомъ, а главное-то все-таки въ томъ, что ему не хочется потерять нѣкоторыхъ преимуществъ своего положенія, хотя и ничтожныхъ, но уже привычныхъ ему и льстящихъ его тщеславію. Онъ настолько образованъ, что понимаетъ отчасти ихъ ничтожность, но понимаетъ лишь теоретически, холоднымъ соображеніемъ, безъ участія сердца. Оттого-то онъ и для борьбы не находитъ въ себѣ силъ, да и покориться-то не можетъ съ достоинствомъ и твердостью. Вотъ, напримѣръ, разговоръ его съ Сашей: «Скажи, Саша, скажи, что̀ дѣлать? — спрашиваетъ онъ ее въ тоскѣ. — Мучусь я, и голова кругомъ идетъ... Охъ, Саша, если бъ можно мнѣ было жениться на тебѣ». — «*Женись*», — говоритъ Саша очень просто, понимая, что тутъ никакой невозможности нѣтъ. — А люди-то что̀ скажутъ? — возражаетъ онъ. Подумай-ка, Саша, какъ люди-то напустятся,—дядя, жена его злая еще пуще,—всѣ, всѣ родные! Заклюютъ они насъ, Саша! Умеръ бы я теперь съ радостью». И заплакалъ. А Саша опять говоритъ ему простой отвѣтъ: *ну, умремъ, коли хочешь*». Она на все готова; по ней, если съ нимъ нельзя жить, то и умереть нипочемъ... Но онъ поплакалъ, поплакалъ и рѣшилъ: «нѣтъ,—говоритъ, — *грѣхъ* умереть отъ своей руки [(благочестіе тутъ напало!)]; лучше я женюсь на тебѣ, Саша, — *будь что будетъ*». И храбро прибавляетъ: «что̀ мнѣ они? что̀ мнѣ ихъ бояться?..» И точно, ему отъ нихъ даже наслѣдства получать не приходится, а между тѣмъ онъ выговариваетъ свое рѣшеніе, точно геройскій подвигъ совершаетъ, и придаетъ ему несравненно больше значенія, чѣмъ Саша своей готовности умереть, высказанной ею совершенно искренно и съ прямою рѣшимостью исполнить ее на дѣлѣ. И чѣмъ же разрѣшается его геройство? тѣмъ, что онъ проситъ у тетеньки съ дяденькой позволенія жениться на Сашѣ, съ приговоромъ, что вѣдь «всѣ мы равны передъ Богомъ, тетенька», а потомъ слезливо смотритъ, какъ барыня тутъ же, при немъ, его возлюбленной косы обрѣзываетъ... Тутъ и поняла его Саша, и когда онъ потомъ пришелъ къ ней въ ея чуланчикъ, она «не обрадовалась и не опечалилась при видѣ его, а такъ, будто скучнѣе ей стало». Въ другой разъ собрался онъ какъ-то къ тетенькѣ съ требованіемъ, и такъ бодро пошелъ; подруга Саши обрадовалась и испугалась, а Саша говоритъ ей: «ахъ, милая, сядь да утишься; не изъ тучи громъ... Пошелъ онъ къ господамъ, — и храбръ онъ, пока идетъ; а лицомъ къ лицу станетъ, руки у него опустятся—оробѣетъ. Я знаю его; повѣрь моему слову». И точно, такъ и вышло: храбрость героя нашего кончилась тѣмъ, что онъ обѣщалъ теткѣ оставить мысль о женитьбѣ на Сашѣ... Зато Сашѣ свободу дали; подруга ея опять стала выражать надежду, что «можетъ послѣ»... Но Саша уже совершенно осмотрѣлась въ своемъ положеніи и поняла его во всѣхъ частяхъ. Вотъ что̀ она отвѣчаетъ: «попусту

не надѣйся; онъ пугливъ больно. Не всякую вѣдь любовь въ люди показать хочется, милая! Какъ не цвѣтно наряжена, не красно убрана, то дома, въ уголкѣ подъ лавку хоронятъ: «сиди, любовь, утѣшай меня, а въ люди не выходи; осудятъ люди и хозяина пристыдятъ». И на возраженіе подруги, что «онъ вѣдь любитъ ее», она прибавляетъ: «ахъ, себя-то самого еще больше любитъ, скажу тебѣ». Въ другой разъ, когда подруга совѣтуетъ ей: «да прямо скажи ему, научи его»,—Саша отвѣчаетъ: «на цѣлый вѣкъ не научишь, голубушка. Эта грамотка не дается ученьемъ». И, такимъ образомъ, понявши, что ей нечего ждать и надѣяться, Саша точно не долго ждала: пошла въ монастырь, да и тамъ немного пожила: исчезло то, что̀ ее привязывало къ жизни, исчезли и ея жизненныя силы... А *онъ* ничего — живетъ, и все къ ней на могилку ходитъ... [И зачѣмъ шляется]?..

Подобное же явленіе, но нѣсколько съ другой развязкою съ мужской стороны, раскрывается передъ нами въ разсказѣ «Надёжа». Вникнувши въ этотъ разсказъ, мы еще яснѣе понимаемъ ту разницу, которая отличаетъ чувства и поступки простого человѣка отъ чувствъ и поступковъ людей, [развращенныхъ] [1]) неестественнымъ своимъ воспитаніемъ и положеніемъ. Общее разслабленіе, болѣзненность, неспособность къ сосредоточенной и глубокой страсти характеризуетъ если не всѣхъ, то большинство нашихъ «цивилизованныхъ» собратій. Оттого-то они и мечутся безпрестанно то туда, то сюда, сами не зная, чего имъ нужно и чего имъ жалко. Желаютъ они такъ, что жить безъ того не могутъ, и все-таки ничего не дѣлаютъ для осуществленія своихъ желаній; страдаютъ они такъ, что умереть лучше, — а живутъ себѣ, ничего, только меланхолическій видъ принимаютъ. Не то у простого человѣка: онъ *или неглижируетъ, вниманія не обращаетъ* на предметъ, и уже не толкуетъ о своихъ желаніяхъ; или, ужъ если привяжется, если рѣшится, то привяжется и рѣшится энергически, сосредоточенно, неотступно. Страсть его глубока и упорна, и препятствія не страшатъ его, когда ихъ нужно одолѣть для достиженія страстно-желаннаго и глубоко-задуманнаго. Если же нельзя достигнуть, простой человѣкъ не останется, сложа руки; по малой мѣрѣ, онъ измѣнитъ все свое положеніе, весь образъ своей жизни: убѣжитъ, въ солдаты наймется, въ монастырь пойдетъ; часто онъ просто, естественнымъ образомъ не переживаетъ неудачи въ достиженіи цѣли, которая уже проникла все существо его и сдѣлалась ему необходима для жизни; если же физическое сложеніе его слишкомъ крѣпко и можетъ вынести больше, нежели сколько нужно для крайняго раздраженія нервовъ и фантазіи, — онъ не церемонится покончить съ собою насильственнымъ образомъ. И это тоже служитъ для насъ свидѣтельствомъ, какъ для простого, здороваго человѣка, разъ почувствовавшаго свою личность [и ея права], несносна жизнь безплодная, безполезная, автоматическая, [безъ принциповъ и стремленій], безъ смысла и правды, жизнь, подобная той, какую проводятъ, напримѣръ, Игрушечкины господа и многіе другіе въ томъ же родѣ.

Въ «Надёжѣ» мы видимъ дѣвушку, полюбившую крестьянскаго парня и ожидающую, что онъ къ ней посватается. Тутъ то же положеніе: надъ ней смѣются, ей колютъ глаза ея женихомъ, потому что завидуютъ ей дѣвушки:—женихъ ея Иванъ лучше всѣхъ парней на селѣ,—она сноситъ все и ждетъ, пока онъ порѣшитъ дѣло. А онъ поѣхалъ въ другое село, тамъ у него пріятель завелся, фабричный, — подпоили тамъ его, сосватали да и женили на роднѣ этого фабричнаго. Воротился онъ къ себѣ въ село, очнулся, увидѣлъ, что̀ надѣлалъ, да ужъ поздно было. Тутъ начинаются страданія бѣдной Надёжи, которую на смѣхъ подымаютъ многіе, а пуще всѣхъ жена Ивана, баба бойкая и безстыжая. Горько Надёжѣ: и любовь ея была сильна, такъ что ей тошно жить безъ милаго, да и натура у ней нѣжная, деликатная, что называется, — такъ что попреки и насмѣшки глубоко язвятъ ее и заставляютъ тяжко страдать. Ивану тоже не легко; онъ горячо любитъ Надёжу, да и совѣсть его неспокойна,—чувствуетъ онъ, что виноватъ передъ бѣдной дѣвушкой, что загубилъ ея вѣкъ. Оба страдаютъ, но страдаютъ внутренно, сосредоточенно, молча: ни она никому не пожаловалась, ни онъ никому ни слова не сказалъ, и между собой они ничего не говорили, да и видѣлись издали. Разъ онъ хотѣлъ остановить ее и высказать свое горе, но она отъ него убѣжала; онъ издалека слѣдилъ за ней, и самъ изсохъ, пожелтѣлъ, измѣнился весь. Наконецъ, не выдержалъ онъ, зашелъ разъ въ избу къ Надёжиной теткѣ, горько заплакалъ передъ Надёжей, а она только и могла сказать ему: «ты забудь, что я на свѣтѣ живу, не томи, не мучь меня, желанный!..» Тутъ вломилась вдругъ въ избу жена Ивана, слѣдившая за мужемъ, началась горячая перебранка; Надёжа бросилась вонъ изъ избы... Вечеръ былъ холодный, дождливый; она, сама не своя, простояла, прижавшись у

[1]) подавленныхъ

плетня, пока тетка выпроводила ссорившихся и отыскала ее. Этого вечера было довольно, чтобы окончательно ее сгубить. Слегла она въ этотъ же вечеръ и больше не встала. Иванъ какъ безумный ходилъ въ это время; передъ смертью Надёжи, когда она ужъ лежала безъ памяти, прибѣжалъ онъ къ ней, посмотрѣлъ, поплакалъ, да потомъ и самъ слегъ. «Въ четвергъ схоронили Надёжу, а въ среду на другой недѣлѣ и Ивана на погостъ отнесли»...

Разсказъ этотъ болѣе, нежели какой-нибудь другой изъ разсказовъ Марка Вовчка, можно заподозрить въ идеализаціи: мы такъ привыкли смотрѣть на крестьянъ, какъ на существо грубое, недоступное *тонкимъ* ощущеніямъ любви, нѣжности, совѣстливости и т. п. Но едва ли мы можемъ вполнѣ довѣрять нашимъ наблюденіямъ на этотъ счетъ: чувства простолюдина не многорѣчивы вообще, а мы такъ привыкли къ краснорѣчію, что легко можемъ не замѣтить самаго сильнаго чувства, если оно не украшено риторикой. При томъ же, простолюдинъ передъ нами постарается затаить даже и то немногое, что̀ передъ своимъ братомъ онъ бы и могъ высказать. Судить намъ о нѣжныхъ чувствахъ крестьянъ по ихъ поведенію передъ нами — будетъ столько же основательно, какъ судить о кротости и сострадательности воиновъ по ихъ дѣйствіямъ во время сраженія. Мы, [къ несчастію], должны признать справедливость наблюденія, — давно, впрочемъ, сдѣлавшагося общимъ мѣстомъ, — что [мундиръ и] сюртукъ не внушаютъ особеннаго довѣрія крестьянамъ.

Но, сколько можно судить по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ и по отрицательнымъ признакамъ, мы готовы утверждать, что такого рода нѣжныя, деликатныя натуры существуютъ и въ простомъ классѣ, по крайней мѣрѣ въ той же мѣрѣ, какъ въ другихъ сословіяхъ. Надо замѣтить, что подобныя натуры вообще встрѣчаются рѣже, чѣмъ намъ кажется. Мы часто восхищаемся нѣжною прелестью дѣвицы, плачущей о смерти собачки и приходящей въ восторгъ отъ искусства какого-нибудь художника, въ родѣ павловскаго Штраусса [1]). Но вѣдь не въ этомъ состоитъ истинная нѣжность и деликатность души. Не въ безплодныхъ сожалѣніяхъ и восторгахъ надо искать ее, а въ дѣйствительной чуткости души къ страданіямъ и радостямъ другихъ. Прежде чѣмъ разсудокъ успѣетъ опредѣлить образъ поведенія, требуемый въ извѣстномъ случаѣ, человѣкъ деликатный, по первому внушенію сердца, уже старается расположить свои дѣйствія такъ, чтобы они принесли какъ можно болѣе добра и удовольствія для другихъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы никому не причинили непріятностей. Сущность деликатнаго характера состоитъ въ томъ, что ему въ тысячу разъ легче самому перенести какое-нибудь неудобство, даже несчастіе, нежели заставлять другихъ переносить его. Если онъ потеряетъ вашу вещь, онъ продастъ послѣднее, останется безъ гроша самъ, но, во что бы то ни стало, постарается вознаградить васъ за потерю. Если онъ далъ вамъ денегъ взаймы и видитъ, что вы нуждаетесь, онъ самъ будетъ переносить нужду, но не спроситъ своего долга. Если онъ самъ занялъ, онъ не успокоится, пока не расквитается съ вами. Главная его мысль, главная забота — о томъ, чтобы не стѣснить кого-нибудь, не быть кому-нибудь въ тягость. И точно, можетъ быть такой человѣкъ не доставитъ вамъ особеннаго удовольствія (и даже навѣрное не доставитъ, если вы его къ тому не вызовете), но зато и никакой непріятности онъ вамъ не сдѣлаетъ. Онъ постоянно и чутко смотритъ, не помѣшалъ ли онъ вамъ, не скучно ли вамъ съ нимъ, не стѣсняетесь ли вы его присутствіемъ или обращеніемъ съ вами и т. п. Въ нормальномъ своемъ положеніи, т.-е. въ соединеніи съ энергіей характера и правильно развитымъ сознаніемъ своего достоинства, такая деликатность составляетъ одно изъ высшихъ достоинствъ человѣка. Въ ней соединяются тогда и честность, и справедливость, и дѣятельное участіе въ судьбѣ ближняго... Но, вслѣдствіе ложнаго направленія воспитанія [и вообще извращеннаго общественнаго устройства], врожденная деликатность нѣжныхъ натуръ большею частью принимаетъ неправильное развитіе. Извѣстно, что у насъ въ воспитаніи господствуетъ начало [слѣпого] авторитета, способное убить дѣятельную силу въ самыхъ энергическихъ и гордыхъ натурахъ. Но если тѣ еще способны къ борьбѣ и нерѣдко выбиваются изъ-подъ нравственнаго гнета, налагаемаго на нихъ, то натуры нѣжныя и тонкія всегда склоняются подъ этимъ гнетомъ, и очень рѣдко въ состояніи бываютъ подняться. Онѣ обыкновенно бываютъ богато одарены отъ природы; чуткая воспріимчивость очень рано обогащаетъ ихъ множествомъ разнообразныхъ наблюденій и, такимъ образомъ, облегчаетъ имъ широкое развитіе разсудка и воображенія и даетъ пищу для сердечныхъ стремленій. Но ничего нѣтъ легче, какъ *забить* такія натуры: для нихъ упрекъ хуже, чѣмъ строгое наказаніе для другого, насмѣшка тяжелѣе, чѣмъ для другого брань;

[1]) Штраусъ—дирижеръ оркестра въ Павловскѣ, подъ Петербургомъ.

неудачная и строго осужденная попытка повергаетъ ихъ въ унынiе и заставляетъ опустить руки. Имъ можно съ дѣтства натвердить, что они глупы, — и они не станутъ разсуждать при другихъ. И не то, чтобъ они повѣрили въ свою глупость, нѣтъ: они убѣждены въ глубинѣ души, что они умнѣе многихъ, даже, можетъ быть, всѣхъ окружающихъ, но природная деликатность не позволяетъ имъ высказывать при другихъ сужденiй, которыя могутъ показаться и кажутся глупыми. «Что же за охота людямъ слушать то, что̀ имъ представляется глупымъ», думаютъ они, и хранятъ свои мысли при себѣ. Позже, вышедши на практическую дѣятельность, волей-неволей показавши себя, попавши въ другой кругъ, въ которомъ замѣчаютъ уже не пренебреженiе, а уваженiе къ себѣ, они все-таки не могутъ освободиться изъ-подъ вліянiя прежнихъ впечатлѣнiй и остаются молчаливы, скромны и переносливы гораздо болѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало. Разсудокъ заставляетъ ихъ знать себѣ цѣну, но онъ рѣдко бываетъ въ силахъ побѣдить ихъ закоренѣлое недовѣрiе къ себѣ, во многихъ случаяхъ превращающееся въ чистое малодушiе. У нихъ нѣтъ предпрiимчивости, потому что они постоянно опасаются взяться за что-нибудь выше своихъ силъ; они сторонятся отъ управленiя всякимъ дѣломъ, боясь, чтобы своимъ вліянiемъ не стѣснить другихъ; они не хотятъ даже правильно оцѣнить результатовъ своей дѣятельности, изъ опасенiя поставить себя слишкомъ высоко и заслонить чью-нибудь чужую заслугу. Такимъ образомъ, они постоянно въ борьбѣ и противорѣчiи съ собственнымъ разсудкомъ, вѣчно недовольны собой, вѣчно страдаютъ отъ самоосужденiя, и нерѣдко дѣйствительно отказываются отъ роли, въ которой могли бы быть полезнѣе всякаго другого. Нужно уже слишкомъ сильно возбудить въ нихъ страсть къ чему-нибудь, чтобы вызвать ихъ на энергическую, рискованную дѣятельность, въ которой нужно доставлять не только удовольствiя, но и непрiятности другимъ, и идти наперекоръ многому. И надо прибавить, однако, что и самая страстность у подобныхъ людей принимаетъ обыкновенно оттѣнокъ нѣкоторой робости: далекая отъ порывистости, страсть имѣетъ у нихъ хронической, продолжительный, но тихiй, сдержанный характеръ. Для дѣла это бываетъ даже хорошо, но для нихъ и тутъ мало радости: они все боятся компрометтировать и себя, и свое дѣло и сдѣлаться смѣшными, сожалѣютъ о недостаткѣ энергiи въ себѣ, сокрушаются о своей апатичности и т. п. Спокойное разсужденiе доказываетъ имъ, что у нихъ и энергiя есть, и страстности достаточно, и что апатiя далека отъ нихъ; но — спокойный разсудокъ гораздо менѣе имѣетъ на нихъ вліянiя, нежели они сами думаютъ. Недовѣрiе къ себѣ, проникшее въ ихъ натуру, заставляетъ ихъ недовѣрять и разсудку, а чуткая, болѣзненная воспрiимчивость беретъ свое.

Такимъ образомъ, неблагопрiятныя обстоятельства могутъ весьма несчастно направить врожденную нѣжность и деликатность души: они могутъ лишить ее энергiи и привести къ отчаянiю въ самомъ себѣ. Обратимся же теперь къ крестьянскому міру: кто не согласится, что тамъ развѣ въ видѣ рѣдкаго исключенiя могутъ встрѣтиться обстоятельства, которыя бы лелѣяли правильное и полное развитiе нѣжной, доброй натуры! Напротивъ, вся обстановка жизни тамъ ведетъ къ тому, чтобы натура твердая огрубѣла и ожесточилась, а слабая, нѣжная—запугалась, сжалась и пропала въ покорномъ отчаяніи. Такъ зачастую и бываетъ, и вотъ гдѣ, намъ кажется, можно найти объясненiе двухъ противоположныхъ мнѣнiй о русскомъ народѣ, одного — что онъ звѣрь дикiй, а другого—что онъ [скотина] [1]) безгласная. И къ тому, и къ другому можетъ приближаться не одинъ русскiй мужикъ, а всякiй человѣкъ, какого бы то ни было сословiя и народа. Полной гармонiи чувствъ, такъ называемыхъ въ психологiи—симпатическихъ и эгоистическихъ, т.-е. полнаго и неразрывнаго сліянiя самопожертвованiя съ самосохраненiемъ, мы еще не достигли въ человѣческихъ обществахъ. Поэтому, вездѣ встрѣчаются два разряда натуръ: однѣ съ преобладанiемъ эгоизма, стремящагося наложить свое вліяніе на другихъ, а другiя съ избыткомъ преданности, побуждающимъ отрекаться отъ своихъ интересовъ въ пользу другихъ. При несчастномъ развитiи натуры перваго рода дѣлаются враждебными всему, что̀ *не ихъ,* забываютъ всѣ права и становятся способными ко всевозможнымъ насиліямъ; а натуры послѣдняго разряда теряютъ всякое уваженiе къ своему человѣческому достоинству и допускаютъ другихъ помыкать собою, [дѣлаясь дѣйствительно чѣмъ-то въ родѣ укрощеннаго домашняго животнаго...]

Къ несчастью, надо признаться, что обѣ крайности въ крестьянскомъ нашемъ сословiи выказываются несравненно ярче, нежели въ другихъ классахъ общества. Но обратилось ли это въ природу простолюдина? Точно ли надо вѣрить, что [вкусъ къ рабству,] привычка возить кого-нибудь на своихъ плечахъ и быть погоняемымъ

[1]) существо

сдѣлались второю натурою мужика? И точно ли надо, съ другой стороны, серьезно опасаться, что [тѣ] мужики, [которые желаютъ свободы, непремѣнно распорядятся съ нею звѣрски, принявшись] [1]) буйствовать, какъ только ихъ предоставятъ самимъ себѣ? Мы не думаемъ, именно потому, что, при всѣхъ искаженіяхъ крестьянскаго развитія, мы видимъ въ народныхъ массахъ нашихъ много того, что мы назвали «деликатностью». [Мы знаемъ, что это слово многимъ покажется очень страннымъ въ примѣненіи къ крестьянству, но мы не умѣемъ найти лучшаго выраженія. Смиреніе, покорность, терпѣніе, самопожертвованіе и прочія свойства, воспѣваемыя въ нашемъ народѣ профессоромъ Шевыревымъ, Тертіемъ Филиповымъ и другими славянофилами того же закала, составляютъ жалкое и безобразное искаженіе этого прекраснаго свойства деликатности. Но, произведенное насильственно, это искаженіе и поддерживается постоянно искусственными комбинаціями разнаго рода. А какъ скоро жизнь получитъ свой естественный ходъ, тогда и внутреннія свойства человѣка скоро примутъ свое прямое направленіе]. Звѣрства человѣкъ не станетъ показывать, если его къ тому не вынудятъ, — это ужъ всякому понятно: нынче ужъ перестали вѣрить даже и въ то, что змѣя стремится непремѣнно ужалить человѣка безъ всякой причины, просто по ненависти къ человѣческому роду; тѣмъ менѣе вѣрятъ въ существованіе подобныхъ миѳически-змѣиныхъ натуръ между людьми. [Точно также нельзя вѣрить и существованію овецъ, которыя бы за честь считали попасть на зубы льву, или людей, отъ природы имѣющихъ наклонность къ тому, чтобы ихъ таскали за носъ и плевали имъ въ физіономію. Если мы видимъ, что множество людей позволяютъ подвергать себя подобнымъ экспериментамъ, то повѣрьте, что это дѣлается не иначе, какъ по необходимости. Съ этой стороны, значитъ, бояться нечего: искаженная, убитая и обращенная во вредъ простолюдину «деликатность» его приметъ свое естественное направленіе при первой возможности].

Но и въ теперешнемъ [искаженномъ] состояніи крестьянскаго быта и мысли, мы видимъ слѣды живого, хорошаго направленія этой деликатности. Сюда причисляемъ мы прежде всего сознаніе, о которомъ мы говорили выше, и которое въ простомъ классѣ несравненно развитѣе, нежели въ сословіяхъ, обезпеченныхъ постояннымъ доходомъ, — сознаніе, что надо жить своимъ трудомъ и не дармоѣдствовать. Извѣстно, что «міроѣдъ» на всей Руси составляетъ одно изъ самыхъ позорныхъ названій, а этимъ именемъ величаютъ не только какого-нибудь старосту, земскаго или сотскаго, но и всякаго мужика, разжирѣвшаго на мірской счетъ. Въ крестьянскомъ сословіи почти невообразимъ тотъ разрядъ людей, къ которому принадлежитъ такое множество прекрасныхъ, образованныхъ, молодыхъ и старыхъ господъ въ большихъ городахъ,—господъ, многіе годы очень недурно проживающихъ «на шарамыжку», безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ и съ вѣчными, тоже неопредѣленными, долгами. Между крестьянами сохраняется обыкновенно очень вѣрный и умный взглядъ на людей, вышедшихъ изъ среды ихъ и нажившихъ себѣ большое состояніе разными темными путями. Намъ самимъ случалось говорить съ мужиками, помнившими карьеру нѣкоторыхъ извѣстныхъ богачей, вышедшихъ изъ простонародья: не только преклоненія предъ богатствомъ, такъ обыкновеннаго между нашими просвѣщенными и «учеными» людьми, мы не замѣтили здѣсь, но даже встрѣтили очень суровое сужденіе о средствахъ необычайнаго обогащенія милліонеровъ, о которыхъ шла рѣчь. Изъ словъ крестьянина видно было, что онъ очень хорошо понимаетъ эти средства, но что душа его отвращается отъ нихъ, и что ежели бы ему даже представился случай ими воспользоваться, то онъ не рѣшился бы. Говорятъ, наши мужики лукавы и при случаѣ надуютъ васъ самымъ мошенническимъ образомъ, чтобы зашибить себѣ лишнюю копѣйку. Да, бываетъ и это, хотя не такъ часто, какъ разсказываютъ, и при томъ болѣе въ городахъ и придорожныхъ или торговыхъ селахъ, [имѣющихъ много случаевъ позаимствоваться моралью отъ высшихъ классовъ общества]. Но надо замѣтить, во-первыхъ, что нужда чего не заставитъ дѣлать; а во-вторыхъ, что обманъ и надувательство крестьяне позволяютъ себѣ по большей части относительно другихъ классовъ общества, съ которыми они не только не чувствуютъ никакого родства и солидарности, но даже, напротивъ, находятъ себя въ правѣ быть недовѣрчивыми и враждебными. Съ своимъ же братомъ, въ своемъ обществѣ они, по общимъ отзывамъ, бываютъ очень честны. И это не удивительно: съ одной стороны — надобность трудиться для своего обезпеченія понимается простыми людьми гораздо живѣе и осуществляется легче, нежели въ высшихъ классахъ общества, которыхъ члены надѣляются достаточнымъ запасомъ матеріальныхъ удобствъ еще прежде своего рожденія; объ этомъ мы говорили много, разбирая разсказъ «Маша». Съ другой стороны, ува-

[1]) начнутъ

женіе къ личности и правамъ другихъ, и, вслѣдствіе того, внимательность къ общему мнѣнію также гораздо сильнѣе въ людяхъ простыхъ, [нежели въ тѣхъ, кто поставленъ судьбою въ положеніе, болѣе благопріятное для лѣни и капризовъ]. Какимъ образомъ въ людяхъ [послѣдняго] [1]) разряда развивается пренебреженіе къ чужимъ правамъ, и на мѣсто всякаго закона ставится вздорный, самолюбивый произволъ, это мы видѣли въ воспитаніи барышни, описанной намъ «Игрушечкою». Что дѣлается у нихъ изъ общественнаго мнѣнія, показываетъ намъ баринъ, отказывающійся жениться на Сашѣ изъ опасенія, «что̀ скажутъ»?... Основаніе этого опасенія, конечно, можетъ быть выведено изъ добраго источника — уваженія къ общественному мнѣнію; присутствіе того же начала мы видимъ, напримѣръ, и въ Надёжѣ. Но, всматриваясь ближе въ тотъ и другой случай, мы находимъ между ними большую разницу. Скажемъ здѣсь объ этой разницѣ нѣсколько словъ, чтобы еще дополнить сдѣланную уже нами прежде параллель между простолюдинами и людьми «образованными» въ нашемъ обществѣ.

Наше [образованное] общество, какъ извѣстно, не имѣетъ себѣ подобнаго въ безразличности, съ которою оно смотритъ на общественную мораль. Люди, завѣдомо негодные, уличенные, осужденные, принимаются у насъ въ хорошемъ обществѣ, какъ будто бы за ними ничего дурного сроду не бывало. Являясь въ домъ къ человѣку, извѣстному своей честностью, вы никакъ не можете быть поэтому увѣрены, что не встрѣтитесь у него съ людьми, очень и очень нечистыми. Въ другихъ земляхъ, даже не пользующихся особенной славою гражданскаго героизма, бывали примѣры, что люди, уличенные, напримѣръ, въ казнокрадствѣ, видѣли вдругъ, что съ ними вмѣстѣ никто обѣдать не хочетъ, а другіе, при одномъ подозрѣніи ихъ въ такомъ же дѣлѣ, приходили въ такое волненіе, что лишали себя жизни. У насъ нѣтъ надобности въ такой крутой мѣрѣ, [и невозможно ожидать подобныхъ манифестацій]: общественное сознаніе нейдетъ дальше сплетенъ. На какомъ вамъ угодно балу или [великосвѣтскомъ] вечерѣ, за званымъ обѣдомъ, въ какомъ хотите собраніи, гдѣ довольно много публики, разговоритесь съ первымъ попавшимся на глаза болтуномъ о другихъ господахъ, которые будутъ подвертываться вамъ на глаза: Боже мой, сколько грязныхъ исторій, [отвратительныхъ анекдотовъ], безобразныхъ сценъ передадутъ вамъ чуть не о половинѣ присутствующихъ!.. Этотъ вышелъ въ люди наушничествомъ [и шпіонствомъ], тотъ залѣзъ въ казенный сундукъ, тотъ находится на содержаніи у такой-то старухи, чрезъ которую и сдѣлалъ карьеру; одинъ занимался контрабандой, [другой сводничествомъ], третій [тиранитъ] [1]) крестьянъ, четвертый — отъявленный взяточникъ, пятый — шуллеръ... Болтунъ вамъ, можетъ быть, и прибавитъ, и перевретъ многое, но замѣчательно, что все собравшееся общество не разъ уже слышало подобныхъ болтуновъ, знаетъ все, что̀ говорятъ о каждомъ изъ присутствующихъ, и нимало не заботится даже о томъ, чтобы хоть удостовѣриться въ справедливости или ложности слуховъ. «Говорятъ, что онъ наворовалъ все, что̀ теперь имѣетъ; да и точно, откуда бы вдругъ взяться безъ того его богатству? Но, впрочемъ, что намъ за дѣло? Обѣды у него хорошіе; князь такой-то и генералъ такой-то къ нему ходятъ, и по службѣ онъ хорошо идетъ; стало быть, и намъ не стать предъ нимъ спесивиться [и гнушаться его знакомствомъ]». Такъ [обыкновенно] [2]) разсуждаютъ у насъ, и жмутъ руку негодяямъ, которыхъ въ душѣ готовы презирать, [да не смѣютъ]. Мы не хотимъ пускаться здѣсь въ разборъ причинъ такого состоянія [образованнаго] нашего общества, предоставляя себѣ разсмотрѣть это при другомъ случаѣ. Здѣсь же отмѣтимъ только фактъ, что общественный судъ о нравственномъ достоинствѣ людей если и существуетъ у насъ, то лишь въ видѣ сплетенъ и разговоровъ, ничего незначащихъ для практики; вся же строгость общественнаго мнѣнія обращена на принятыя формы и приличія. Несоблюденіе ихъ карается безпощадно; съ людьми «неприличными» не знакомятся; людей, не умѣющихъ держать себя, не пускаютъ въ порядочное общество, — развѣ если они ужъ очень богаты... Такимъ образомъ, забота о всякаго рода щепетильностяхъ наполняетъ всю нашу жизнь, опредѣляетъ всѣ наши дѣйствія, отъ повязки галстука и часа обѣда, отъ подбора мягкихъ словъ въ разговорѣ и ловкаго поклона—до выбора себѣ рода занятій, предмета дружбы и любви, развитія въ себѣ тѣхъ и другихъ вкусовъ и наклонностей. Не сущность дѣла, а лишь принятая и условленная форма обращаетъ на себя общее вниманіе. А чѣмъ условливается принятая форма, по чему судятъ о ея достоинствѣ? [По тому, насколько въ ней выражается барство въ дурномъ его смыслѣ, т.-е. съ произволомъ и тунеядствомъ]. Неприлично быть актеромъ—не потому, что это пустое

[1]) высшаго

[1]) обиралъ
[2]) нерѣдко

занятіе, а потому, что актеръ, видите ли, наемникъ, за деньги выдѣлывающій всякія штуки передъ публикой, т.-е. человѣкъ, все-таки хоть какимъ-нибудь трудомъ достающій себѣ хлѣбъ. Это ужъ не годится: порядочный человѣкъ долженъ не нуждаться въ трудѣ для поддержки своего существованія: онъ долженъ быть бѣлоручкою [и бездѣльникомъ], а трудъ — это плебейское дѣло... [Не такъ лестно служить въ арміи, какъ въ гвардіи. Почему? Не потому, чтобы въ гвардіи представлялось болѣе возможности принести пользу службѣ, а всего болѣе потому, что тамъ форма лучше, и что гвардейская экипировка и содержаніе, будучи гораздо дороже, съ перваго же взгляда обличаютъ человѣка, который можетъ тратить много денегъ. Неприлично шутить съ прислугою, — не изъ опасенія, чтобы своею шуткою случайно не оскорбить человѣка, который, по своему положенію, не можетъ отвѣтить на нее обратно, а напротивъ, изъ боязни, чтобы на наши шутки слуга и самъ не вздумалъ отвѣтить шуткою и, такимъ образомъ, не сталъ бы съ нами за панибрата...] Нельзя жениться на простой дѣвушкѣ — не потому, чтобы она не могла удовлетворить стремленіямъ образованнаго человѣка и понять его интересы, а просто потому, что она нашихъ пріемовъ не знаетъ, и манерами и разговоромъ будетъ насъ компрометтировать. Вотъ къ чему сводится вся боязнь барина, который не смѣетъ жениться на Сашѣ, хотя онъ любитъ ее, находитъ въ ней полное удовлетвореніе и не можетъ не видѣть, что она умнѣе и чище его самого и всѣхъ его родныхъ [и знакомыхъ], которыхъ мнѣнія онъ боится...

Не тотъ характеръ имѣетъ страхъ общественнаго суда въ простомъ быту. Есть, правда, и тамъ свои привычки, которыя всѣмъ слѣдуетъ соблюдать; но и несоблюденіе ихъ не возстановляетъ всего общества противъ виновнаго. Молодой парень можетъ, напр., брить себѣ бороду, нуждающійся бѣднякъ можетъ въ воскресенье, вмѣсто храма Божія, отправиться работать на свою полосу,—это не вызоветъ преслѣдованій со стороны односельцевъ. Зато дѣйствительные нравственные грѣхи судятся очень строго, и если общее мнѣніе не имѣетъ часто серьезныхъ практическихъ послѣдствій, такъ это отъ [рѣшительной] невозможности привести въ дѣйствіе общее желаніе. При въѣздѣ въ деревню вашъ ямщикъ встрѣчается съ мужичонкомъ, котораго онъ не преминетъ обругать и которому вслѣдъ пошлетъ еще нѣсколько недобрыхъ словъ, называя его, между прочимъ, Ванькою-воромъ. Вы спрашиваете, что̀ это значитъ, и ямщикъ объясняетъ вамъ похожденія Ваньки, изъ которыхъ видно, что онъ дѣйствительно воръ всесвѣтный и отъявленный. «Такъ зачѣмъ же вы его у себя держите и даете ему шляться на волѣ?»—«Да что же намъ съ нимъ дѣлать-то?—возражаетъ крестьянинъ. — Въ солдаты сдать его хотѣли — не годится, дескать, не приняли... Колотили сколько разъ — неймется... Что жъ тутъ будешь дѣлать? Вѣдь не судиться же съ нимъ».—«А отчего жъ бы и не судиться?»—«Э!» — съ досадой крикнетъ ямщикъ въ отвѣтъ, и только рукой махнетъ, не желая словъ тратить. [Изъ его восклицанія и жеста поймите его положеніе и сообразите, сколько ему надо нравственной чистоты и твердости, чтобы не развратиться въ конецъ подъ вліяніемъ тяготѣющихъ надъ нимъ обстоятельствъ разнаго рода]. Немудрено, что и въ крестьянскомъ быту общее мнѣніе часто бываетъ нелѣпо, иногда нечестно по неискренности, иногда совсѣмъ скрыто по малодушію. Противъ всего этого мы не думаемъ спорить; мы даже готовы прибавить, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно собирать голоса и по нимъ узнавать общее мнѣніе, въ крестьянскомъ сословіи, вслѣдствіе его непривычки вести собственныя дѣла по своему собственному желанію, оказывается гораздо больше безтолковщины, чѣмъ гдѣ-либо. Но мы утверждаемъ одно, что тамъ болѣе внимательности къ достоинству человѣка, менѣе безразличія къ тому, каковъ мой сосѣдъ, и какимъ я кажусь моему сосѣду. Забота *о доброй славѣ* тамъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, и въ видѣ болѣе нормальномъ. [Извѣстно, что естественная потребность заслужить доброе расположеніе людей переходитъ нерѣдко въ болѣзненное исканіе репутаціи, для которой нерѣдко и совершаются всевозможныя гадости. Но это именно бываетъ у людей «образованнаго» общества, которые, обогащаясь всякаго рода познаніями, открываютъ для себя множество цѣлей и путей, но чтобы достигнуть этихъ цѣлей, не имѣютъ достаточно силъ, да и на счетъ пути-то оказываются очень лѣнивы... Видя, что существеннаго-то не могутъ достигнуть, они начинаютъ гоняться за видимостью: «пусть, дескать, я не богатъ, да другіе будутъ говорить, что богатъ — все пріятнѣе». Такое исканіе репутаціи въ простомъ языкѣ называется просто надувательствомъ и шелыганствомъ, и стремленія къ доброй славѣ никакъ нельзя съ нимъ смѣшивать. Это послѣднее есть прямое послѣдствіе благожелательства къ людямъ и уваженія къ ихъ личности. Въ своемъ крайнемъ развитіи оно переходитъ опять въ излишнюю угодливость, робость, боязнь

общественнаго мнѣнія,—и это мы нерѣдко видимъ въ нашихъ крестьянахъ, которыхъ вообще всѣ обстоятельства жизни такъ и ведутъ къ пресловутому *смиренномудрію* славянофиловъ. Но, во всякомъ случаѣ, по своему основанію и существеннымъ свойствамъ], эта чуткость народа къ общественному мнѣнію, [къ доброй славѣ] служитъ однимъ изъ доказательствъ способности его къ высокому [гражданскому] развитію [на началахъ живыхъ и справедливыхъ].

Мы отдалились отъ разсказа о Надёжѣ, по поводу котораго заговорили о деликатности, объ уваженіи къ личности другого и о доброй славѣ, какъ выраженіи того, довольны или недовольны нами наши ближніе. Но мы опять приходимъ именно къ этому разсказу, и въ немъ хотимъ показать разницу воззрѣній на то, что̀ постыдно и что̀ не постыдно въ простомъ и въ такъ называемомъ цивилизованномъ обществѣ. Надёжа страдаетъ отъ намековъ и насмѣшекъ подругъ. Надёжа считаетъ себя обезславленною; а между тѣмъ, какъ видно изъ разсказа, Иванъ не соблазнилъ ее, не сдѣлалъ ей того, что̀ на житейскомъ языкѣ нашемъ называется «безчестьемъ» дѣвушки. Страдаетъ и Иванъ, и всѣ дѣйствующія лица этой исторіи признаютъ его глубоко виновнымъ, хотя онъ и не воспользовался любовью дѣвушки. Отчего жъ они оба страдаютъ и сокрушаются? Чего имъ стыдно и тяжело? По нашимъ житейскимъ понятіямъ, онъ ничѣмъ не обязанъ передъ ней, она ничѣмъ не осрамила себя передъ нимъ и передъ людьми, потому что не дала ему ничего сдѣлать надъ *собою неприличнаго*... Да, но понятія простыхъ людей не таковы. Мы знаемъ, что на счетъ физической чистоты они не очень даже и заботятся, и мы говоримъ поэтому, что деревенскіе нравы очень развратны. Пожалуй, смотрите на это, какъ хотите, но согласитесь, что въ отчаяніи Надёжы и Ивана нравственная сторона дѣла понята гораздо выше и чище, нежели въ нашихъ житейскихъ сужденіяхъ и привычкахъ. Надёжа знаетъ, что она хоть и сохранила свое физическое цѣломудріе, но поругана въ самыхъ святыхъ, въ самыхъ задушевныхъ своихъ чувствахъ; онъ тоже знаетъ, что нарушилъ внутренній миръ дѣвушки, отравилъ ея душевное спокойствіе и осквернилъ святыню ея сердца уже тѣмъ, что привлекъ на ея тайну нескромное и насмѣшливое вниманіе постороннихъ людей. Припомнимъ же и сравнимъ съ этой тонкостью и гуманностью чувства грубость какого-нибудь Андрея Колосова, котораго гуманные друзья его считаютъ еще лучшимъ изъ многихъ!.. И точно, онъ лучше другихъ: вѣдь другіе-то поступаютъ, большею частью, какъ князь Н., описанный въ «Лишнемъ человѣкѣ»...

Но отчего же Надёжа стыдится своего чувства, если оно такъ чисто? Да она и не то, чтобы стыдилась, а ей просто чего-то неловко. Она живетъ какъ будто подъ вліяніемъ той мысли, что на нее всѣ подруги сердятся за предпочтеніе, оказанное ей Иваномъ, думаютъ, что она его завлекла, и потомъ насмѣхаются надъ нею за неудачу... Болѣзненное развитіе ея тонкой и нѣжной организаціи дѣлаетъ ее слишкомъ робкою и подозрительною: она сама себя считаетъ отверженной обществомъ. При томъ же, въ ней дѣйствительно страдаетъ ея достоинство: она вдругъ очутилась въ положеніи человѣка, которому ни съ того, ни съ сего дали въ обществѣ пощечину. Конечно, если разсудить хладнокровно, такъ это само по себѣ вздоръ: при обсужденіи нравственнаго достоинства человѣка надо смотрѣть на то, заслуживалъ ли онъ быть битымъ; а тамъ—битъ ли онъ былъ въ дѣйствительности или нѣтъ, — это уже другой вопросъ, вопросы силы, а не права. Но спрашиваемъ: много ли въ образованномъ обществѣ найдется людей, которые могли бы возвыситься надъ фактомъ пощечины и не сконфузиться — не только если самимъ придется незаслуженно получить ее, но даже если случится быть хоть свидѣтелями при подобномъ казусѣ?..

Здравостью и основательностью общественнаго мнѣнія едва-ли какое-нибудь сословіе въ общемъ составѣ своемъ можетъ особенно похвалиться. Не могутъ ими похвалиться и простолюдины: тотъ же разсказъ «Надёжа», рисуя намъ отношенія къ ней подругъ ея, показываетъ намъ всю грубость и ошибочность ихъ сужденій. Это обстоятельство не осталось для насъ незамѣченнымъ, и мы не намѣрены его оправдывать, хотя и должны оговорить, что подобнаго рода ложныя и невѣжественныя понятія гораздо простительнѣе крестьянамъ, нежели другимъ, высшимъ классамъ общества, имѣющимъ претензію на образованность. Мы уже говорили выше о томъ, какъ много препятствій въ своемъ развитіи встрѣчаетъ крестьянинъ, и какъ много внутренней силы нужно ему имѣть для того, чтобы уберечься отъ полнаго [искаженія] [1]) въ себѣ здраваго смысла и чистой совѣсти. И при этомъ-то положеніи все еще мы видимъ здѣсь существованіе такихъ натуръ, въ которыхъ хоть слабо и неровно, но неугасимо горятъ живые человѣческіе инстинкты, такъ что оскорбленіе и неудовлетвореніе ихъ влечетъ за

[1]) подавленія

собою смерть самого организма. Такія лица, какъ Надёжа, съ перваго взгляда представляющіяся исключительными, оказываются, при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ и характера, вовсе не такъ рѣдкими въ крестьянскомъ сословіи, какъ мы привыкли думать. Повторяемъ, если не чаще, чѣмъ въ средѣ благовоспитанныхъ юношей и барышень, то, по крайней мѣрѣ столько же часто, встрѣчаются деликатныя натуры, подобныя Надёжѣ, и въ простонародьи.

Да еще это пассивная сторона, пассивная роль подобныхъ натуръ. Сама по себѣ Надёжа прекрасная личность; но ее надо покоить и лелѣять, и отъ нея за то дожидаться нѣжности и ласки. А чуть на нее невзгода, она и сожмется вся, и спрячется въ самое себя, и ничего, кромѣ горькихъ слезъ, отъ нея не добьешься... Бываютъ въ простонародьи натуры столь же нѣжныя и благожелательныя, но поэнергичнѣе, подѣятельнѣе. Такія натуры тоже не покажутся совсѣмъ непонятными тому, для кого не совсѣмъ чуждо изученіе нашего простонародья. Одну изъ такихъ личностей видимъ мы въ «Катеринѣ» Марка Вовчка.

Катерина тоже очень чутка къ насмѣшкамъ, упрекамъ и даже простымъ шуткамъ, имѣющимъ самый невинный характеръ. Еще маленькой дѣвочкой привезла ее барыня изъ Малороссіи въ великорусскую деревню; здѣсь показались странными — и ея языкъ, и рубашка вышитая, и взглядъ томный и задумчивый... Стали ее тормошить дѣвчонки и смѣяться надъ ней. Само собою разумѣется, что у маленькой дѣвочки не могло быть твердаго разумнаго сознанія о смыслѣ и достоинствѣ всего, что̀ она дѣлаетъ; она не могла, подобно философу какому-нибудь, продолжать дѣлать свое, презирая крики толпы; она должна была принимать къ сердцу выходки подругъ. Если бъ она была сварлива, она стала бы со всѣми ссориться и защищать себя силою; но ея деликатность, инстинктивное уваженіе къ себѣ и къ другимъ не допускали ее до этого. Потому она просто переставала дѣлать то, что̀ другимъ казалось страннымъ или смѣшнымъ. Осмѣяли разъ ея рукавчики шитые на рубашкѣ — она больше ни разу не надѣла своей вышитой рубашки. Подкараулили ее разъ у курганчика, къ которому она одна уходила, и подслушали малорусскую пѣсню, которую она тамъ пѣла, да стали приставать къ ней и разспрашивать — она перестала ходить къ кургану и никогда больше не пѣла той пѣсни... Но вмѣстѣ съ этой чуткостью ко всякому внѣшнему впечатлѣнію Катерина обладала внутреннею силою, которая непремѣнно требовала себѣ исхода, непремѣнно должна была выразиться въ какой-нибудь дѣятельности. Долго обстоятельства жизни шли наперекоръ стремленіямъ Катерины: ее увезли съ собой господа въ другую вотчину, незнакомую; ее выдали замужъ за человѣка, котораго она не могла любить. Она никому не пожаловалась на свою судьбу, слова не сказала о своемъ житьѣ-бытьѣ, никого не допустила даже пожалѣть ее въ глаза, и съ мужемъ не ссорилась, а «*только опуститъ глаза и неподвижная такая станетъ, строгая и суровая передъ нимъ*»... Хотѣлось ей найти себѣ какое-нибудь дѣло въ жизни, да не находилось такого дѣла. Выучилась она пѣть хорошо, такъ что душа рвалась и томилась отъ ея пѣсенъ. На всѣ свадьбы ее первую приглашали, и она пѣла тамъ грустныя пѣсни, и душу отводила себѣ. Да не довольно ей было этого, тяжко ей было до того, что она было пить пріучилась. Разъ ей сказала подружка: «Катерина, голубушка! не пей много: тутъ чужіе люди есть—осудятъ тебя; лучше ты спой намъ!» Тогда она отвѣтила вотъ что̀: «ахъ, вы, люди безжалостные! Все вамъ пой да пой,—отдохнуть не дадите! Дайте отдохнуть, дайте выпить вина забывчиваго!» Горько, видно, казалось ей жить на свѣтѣ безъ дѣла, безъ пользы. Такъ бы, можетъ, и загубила она свою душу, да, къ счастью, отыскалось ей дѣло: прослышала она про знахарку въ околоткѣ и рѣшилась выучиться у нея лѣчить болѣзни; она же съ малолѣтства имѣла страсть разсматривать да узнавать *всякіе цвѣты и травы*. Вотъ какъ разсказываетъ сама знахарка о приходѣ къ ней Катерины (стр. 57).

«Приходитъ ко мнѣ, спрашиваетъ: — «какъ мнѣ на свѣтѣ жить?» — А сама во всѣ глаза глядитъ на меня, — перепугала. «Живи, касатка, какъ люди», говорю. — «Нѣтъ, скажи, какъ мнѣ жить, мнѣ!» — «Сядь-ка, да перекрестись, да молитву прочитай: на тебя напущено». Она сѣла, перекрестилась и заплакала. А тутъ у меня травы висятъ по стѣнамъ, и на окнѣ на солнышкѣ сушились.—«На что тебѣ травы столько?»—спрашиваетъ.—«Людямъ помогаю».— «Помоги же и мнѣ, родная!» — «Да что у тебя болитъ-то? скажи». — «Душа моя болитъ!» —проговорила тихо, а у самой слезы потекли. — «А голова не болитъ? — «И голова болитъ, и вся я больна!»—Вотъ я ей травку даю; она поклонилась и пошла. Я-было вздремнула, слышу—опять стучатся, опять она. — «Что тебѣ? — «Научи меня, родная, какими ты зельями лѣчишь?» — Я разсердилась и гоню ее, а она ужъ такъ-то плачетъ, разливается. — «Не научишь, то

убей меня тутъ! Все равно я пропаду... *Я вотъ,—говоритъ,—ужъ сколько маялась на свѣтѣ—все пусто да пусто, никого не радую, и ничто меня не веселитъ, и дѣла у меня душевнаго никакого*».—Я думаю—дурѣетъ она, а жалко мнѣ ее. Я тамъ и показала ей кое-что, больше для утѣхи ей. «Гдѣ жъ, думаю, ей запомнить!» А она вѣдь запомнила все. Начала, слышу, ужъ сама лѣчить. Досадно мнѣ и обидно было, что она у меня кусокъ хлѣба отбиваетъ. Разъ она пришла, и полны руки травъ. Я ее не ласково встрѣчаю, а она словно не видитъ. — «Знаешь эти травы, бабушка?» — «Не знаю, говорю, да и знать не хочу».— «Нѣтъ, говоритъ, ты возьми. Я тебѣ это принесла полезныя травы, цѣлющія!» «Ты на чемъ ихъ испробовала-то, что ручаешься?»—«Да на себѣ, бабушка».—«Какъ на себѣ?» — А такъ, говоритъ: вѣдь я прежде-то всегда сама попью: не свалитъ—тогда и людямъ даю».—Удивила она меня, ей-Богу! А говоритъ-то вѣдь такъ, что сердце ей вѣритъ... И вотъ *съ той поры она мнѣ травы-то всякія носитъ. Спасибо ей, не обидѣла меня за мою науку*».

И какъ только нашла себѣ Катерина «дѣло душевное», тотчасъ она и пить бросила, и ласковая такая стала, привѣтная. Сама за себя стала спокойна, только чужая печаль все крушила ее и не давала ей покою. У всякаго больного разспрашивала она прежде, нѣтъ ли у него печали какой. Одна больная сказала ей: «что разсказывать-то? Чужая бѣда никому не разумна». «Ужъ мнѣ ли не разумна!—отвѣтила Катерина: — мнѣ ли не горька! Нѣту на свѣтѣ бѣломъ, нѣту мнѣ чужой печали,—все моя печаль. Пожила бы ты съ мое—узнала бы!» Больная удивилась и, вспомнивъ про мужа Катерины, котораго та не хотѣла утѣшить и полюбить, какъ онъ ни любилъ ее, проговорила въ видѣ возраженія: а мужъ-то твой? Катерина не разсердилась, а только подумала немного и сказала: «и его печаль—моя печаль, да не мое дѣло помочь ему!.. Не своей волей за бѣду я ему стала; а у него воля была неразумная». Какъ ярко высказывается въ этихъ простыхъ словахъ сознательная, самобытная энергія характера Катерины!.. Она далеко выше, напримѣръ, Игрушечки или Саши: она не дастъ распоряжаться своей душою, не предастся тому, съ кѣмъ связала ее судьба противъ воли; она хочетъ всѣхъ любить, всѣхъ видѣть счастливыми, но она ищетъ свободнаго простора для своей дѣятельности и любви. Если ее приведутъ насильно и скажутъ: «осчастливь вотъ этого, а не того», вся натура ея возмутится противъ такого насилія и при всей ея любвеобильности у нея недостанетъ силъ для выполненія приказанія. Мягкость и нѣжность ея натуры призываютъ ее посвятить себя на пользу ближнихъ; но отъ этого вольнаго служенія далеко до отреченія отъ своей личности, до допущенія себя сдѣлаться игрушкой чужого произвола. Нѣтъ, въ ней сознаніе своего достоинства, своей самостоятельности настолько же сильно, какъ и сознаніе кровнаго родства ея съ людьми и взаимной обязанности людей — поддерживать другъ другъ въ общихъ трудахъ и заботахъ жизни. [Только благопріятныхъ обстоятельствъ развитія до болѣе обширнаго круга дѣятельности недостаетъ ей для того, чтобы занять высокое мѣсто въ ряду лучшихъ дѣятелей, которыхъ память сохраняется въ исторіи и въ преданіяхъ народныхъ].

Рѣдко встрѣчаются лица, до такой степени чисто сохранившіяся отъ двухъ противоположныхъ крайностей—отъ доведенія благодушія до потери собственной свободы и отъ эгоистическаго возвышенія собственной личности до забвенія правъ другихъ. Но надо замѣтить, что рѣдки они не въ одномъ простонародіи; во всѣхъ классахъ общества мы видимъ, къ сожалѣнію, что если въ человѣкѣ преобладаетъ доброта, то ужъ она до того доходитъ, что имъ всѣ помыкаютъ, а если въ немъ самолюбіе сильно, то онъ надъ другими озорничаетъ, сколько можетъ. При такомъ ходѣ дѣлъ мы нерѣдко еще удивляемся нравственнымъ качествамъ иныхъ людей за то только, что они не столько подличаютъ, или не столько вольничаютъ надъ другими, сколько могли бы по своему положенію. Такъ, мы восхваляемъ добраго помѣщика, берущаго не слишкомъ обременительный оброкъ съ крестьянъ, честнаго откупщика, у котораго въ откупѣ продается сносная водка, [чиновника, хотя и кривящаго душою по приказу начальства, но умѣющаго держать себя не слишкомъ по-лакейски], и пр., и пр. Принужденные имѣть такую мѣрку для оцѣнки нравственнаго достоинства людей среди нашего общества, мы должны быть очень довольны, когда видимъ хоть возможность появленія въ крестьянскомъ сословіи такихъ личностей, какъ Катерина. Если бы изъ такихъ людей состояло большинство, то, конечно, исторія, не только наша, но и всего человѣчества имѣла бы совсѣмъ иной характеръ. Намъ важно ужъ и то, что подъ грудою [всякой дряни] [1]), нанесенной съ разныхъ сторонъ на наше простонародье, мы въ немъ еще находимъ довольно жизненной силы, чтобы хранить и заставлять пробиваться наружу добрые

[1]) неблагопріятныхъ обстоятельствъ,

человѣческіе инстинкты и здравыя требованія мысли. Часто эти обнаруживанія природныхъ силъ бываютъ слабы, едва примѣтны, часто замираютъ, едва пробившись на свѣтъ Божій: рѣдко сохраняются они такъ упорно противъ всѣхъ невзгодъ, какъ мы видѣли въ Машѣ и Катеринѣ. Но и то уже много, если мы замѣтимъ хоть въ слабой степени присутствіе въ народѣ тѣхъ началъ, которыя такъ ярко выразились въ этихъ двухъ женщинахъ. А что мы ихъ замѣтимъ, если будемъ внимательно и съ *любовью* наблюдать бытъ простонародья, — за это можно смѣло ручаться. Затѣмъ уже не трудно намъ будетъ сообразить, отчего развитіе этихъ началъ въ народѣ по большей части останавливается такъ рано и нерѣдко совсѣмъ заглушается; не хитро также будетъ понять и то, въ какой степени самъ простолюдинъ бываетъ виновенъ въ неполнотѣ или совершенной остановкѣ своего развитія, и въ какой степени виноваты въ этомъ мы всѣ, причисляющіе себя къ людямъ образованнымъ. Удостоивши же подумать объ этомъ, мы должны придти къ вопросу о томъ: что̀ намъ дѣлать, чтобы устранить по возможности все, что̀ такъ [страшно] мѣшаетъ развитію хорошихъ качествъ народа?

Вопроса этого мы не станемъ рѣшать здѣсь; рѣшеніе это несравненно легче вывести, нежели [понятнымъ образомъ] написать [въ русской книгѣ: длинная и трудная можетъ изъ этого выйти исторія!] [1]) Но мы можемъ здѣсь еще разъ обратить вниманіе читателей на мысль, развитіе которой составляетъ главную задачу этой статьи,—мысль о томъ, что народъ способенъ ко всевозможнымъ возвышеннымъ чувствамъ и поступкамъ наравнѣ съ людьми всякаго другого сословія, если еще не больше, и что слѣдуетъ строго различать въ немъ послѣдствія внѣшняго гнета отъ его внутреннихъ и естественныхъ стремленій, которыя совсѣмъ не заглохли, какъ многіе думаютъ. Кто серьезно проникнется этой мыслью, тотъ почувствуетъ въ себѣ болѣе довѣрія къ народу, больше охоты сблизиться съ нимъ, въ полной надеждѣ, что онъ поймется, въ чемъ заключается его благо, и не откажется отъ него по лѣни или малодушію. Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и съ надеждою на его добрыя расположенія можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, [чтобы вызвать на живое дѣло крѣпкія, свѣжія силы и предохранить ихъ отъ того искаженія, какому онѣ такъ часто подвергаются при настоящемъ порядкѣ вещей.

Искаженіе это доставляетъ много страданій несчастнымъ, но служитъ, бо̀льшею частью, къ выгодѣ тѣхъ, кто поставленъ выше ихъ, кто владѣетъ ими. Но не надо забывать, что бываетъ оборотъ и въ противную сторону:] [1]) не все натуры мягкія и податливыя, какъ Саша или Надёжа, не все твердыя и благоразумныя, какъ Катерина, не все отрицательно-упорныя противъ зла, какъ Маша;—встрѣчаются и другія суровыя и безпощадныя натуры, въ которыхъ внутренняя реакція всякому посягательству на ихъ личность развивается до размѣровъ поистинѣ сокрушительныхъ и получаетъ наступательный характеръ. Насъ заставилъ подумать объ этомъ обстоятельствѣ (котораго, впрочемъ, упускать изъ виду ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ) характеръ Ефима, въ разсказѣ Марка Вовчка «Купеческая дочка». Мы ничего еще не говорили объ этомъ разсказѣ; обратимся же кстати къ нему и закончимъ нашу статью, растянувшуюся такъ неимовѣрно и неожиданно для насъ самихъ.

Ефимъ—мужикъ, кучеръ барскій, высокій бородачъ, смуглый, румяный; глаза у него такъ и сверкаютъ, лицо такое удалое, гордое, улыбка веселая да насмѣшливая. Барыня его горничную наняла, купеческую дочку бѣдную, Анну Акимовну. Съ перваго раза понравилась ему она, и съ перваго же раза *обидѣла: прошла мимо него—не взглянула*, на первый вопросъ его — едва слово молвила. Задѣла она его за живое своей спесью, и пошелъ онъ ее неотступно преслѣдовать, рѣшившись во что бы то ни стало смирить ее, овладѣть ею. Множество дѣлалъ онъ ей всяческихъ маленькихъ непріятностей; ссорились они постоянно, и, между тѣмъ, все больше другъ другомъ интересовались. Прошелъ годъ; дворня замѣчаетъ, что у Анны Акимовны разговоръ все какъ-то на Ефима сводится. «Вотъ Ефимъ поѣхалъ лошадей ковать; Ефимъ пѣсни хорошо поетъ; вотъ Ефиму бы жениться; и на комъ это ему Богъ приведетъ?»—такъ разсуждаютъ дворовые при Аннѣ Акимовнѣ, а она сама ничего, только слушаетъ да старается похитрѣе на эту рѣчь навести. Догадался про ея хитрость поваренокъ Миша и пересказалъ Ефиму; замѣтила Анна Акимовна, что Ефимъ что-то знаетъ, и вышла у нихъ ссора нешуточная; Анна Акимовна попрекнула Ефима мужичествомъ.

«— Зазнался, зазнался ты очень,—накинулась на него Анна Акимовна. — Вотъ ужъ посади за столъ... Забылъ, кто ты такой... Что за вельможа?.. Что ты о себѣ думаешь?

[1]) Ясное указаніе на цензурныя преграды.

[1]) къ выгодѣ тѣхъ, кто поставленъ выше. Но

«Ефимъ сталъ передъ нею, головой покачиваетъ:

«— Ты-то отъ какихъ князей родъ ведешь?

«— Да какъ ты смѣешь равняться-то? Безсовѣстный ты такой! Мой батюшка купецъ былъ, свою торговлю велъ...

«— Да-съ, да-съ! Намъ не безызвѣстно-съ! Ну, что вы, купцы? Вѣдь одинъ обманъ отъ васъ только. Я вотъ хоть бы вчера платокъ купилъ; божилось лихое твое племя: износу нѣтъ,—а вотъ посмотри-ко, — весь свѣтится!

«И покойно такъ разсказываетъ, платокъ развертываетъ; а она-то дрожитъ вся блѣдная.

«— Я барынѣ жаловаться буду!—крикнула.—Ты не смѣй издѣваться, мужикъ безтолковый.

«— Постой, постой,—заговорилъ Ефимъ, словно изумился.

«— Да, — мужикъ безтолковый, — кричитъ Анна Акимовна.

«Ефима словно кто противъ шерсти повелъ; кудрями онъ тряхнулъ и бороду погладилъ.

«— Погоди, погоди!—началъ онъ, сдерживая свой голосъ звучный.—Говоришь ты: мужикъ... Ну признаюсь тебѣ самъ, точно, я мужикъ... И изъ деревни я недавно—тоже признаюсь. Жилъ я, пахалъ, сѣялъ, кормился самъ и продавалъ, и съ людьми чисто поступалъ, дружно жилъ. Я нраву веселаго. А ты купеческая дочка, Анна Акимовна, чѣмъ ты взяла? Чтò изъ себя-то ты взглядна? Это сущій пустякъ. Первое дѣло — душа, нравъ. Ты задорна, строптива больно...

«— Какъ ты смѣешь?—запищала она. А онъ свое:

«— Лѣтъ ты хоть не молодыхъ, а уваженія тебѣ ни отъ кого нѣту... Какъ ты себѣ ни величайся, какъ ни кичись,—идутъ люди, а сами и не спросятъ: чтò это за Анна Акимовна на свѣтѣ живетъ?.. Мой-то батюшка землю пахалъ, и всякъ скажетъ: «добрый мужичокъ былъ покойникъ!» А твой, хоть и въ лисьихъ шубахъ ходилъ, да слава-то нехороша».

Размолвились они шибко, и говорить другъ съ другомъ перестали, только за столомъ одинъ другому все шпильки разныя подпускаютъ. А между тѣмъ оба похудѣли, поблѣднѣли, оба задумываются и пригорюниваются, когда одни. Наконецъ, Ефимъ пошелъ рѣшительно. Разъ, послѣ долгихъ насмѣшекъ Анны Акимовны надъ мужиками и мужицкими привычками, Ефимъ выговорилъ: «эхъ, матушка Анна Акимовна! А я, мужикъ, вѣдь за васъ посвататься хотѣлъ. Что?—думаю,—дѣвушка она хоть нетолковая, хоть вздорная, ерошливая, да за обозомъ сбредетъ». Она вспыхнула и вздрогнула; а онъ продолжалъ: «полноте, матушка, не извольте гнѣваться: нездоровье приключится. Опаски насчетъ сватовства не имѣйте. Пришла-было дурь въ голову, и прошла. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Мы себѣ ровню повысмотримъ». И точно, Ефимъ сталъ почти каждый день уходить со двора, принарядившись; приходилъ съ пѣснею, и весь повеселѣлъ. Анна Акимовна притихла; ждетъ, чтò будетъ. Разъ вечеромъ приходитъ Ефимъ и объявляетъ въ людской, что хочетъ идти къ барынѣ — позволенья просить жениться; потомъ обращается къ купеческой дочкѣ: «ужъ вы, Анна Акимовна, стараго гнѣва не помните, не обидьте мою суженую. Дѣвочка славная!» Анна Акимовна побѣлѣла вся, и губы у ней задрожали. Побѣлѣла вся и вышла. Спряталась въ уголку на лѣстницѣ и принялась горько плакать; долго плакала и къ ужину не пришла... Какъ сказали объ этомъ Ефиму, онъ прямо къ ней бросился, обнялъ ее крѣпко и цѣловать сталъ... Она такъ и ахнула, глянула на него, узнала да такъ и обвилась руками около его шеи, а сама плачетъ-плачетъ...

«Онъ ее на рукахъ вынесъ изъ того уголка. Она вырываться,—не пускаетъ; поставилъ противъ мѣсяца-свѣта:

«— Ага, купеческая дочка, Анна Акимовна!—промолвилъ;—теперь ты моя!

«И такъ вымолвилъ, словно онъ врага своего лютаго полонилъ; и у самого слезы двѣ скатились, и такая усмѣшка злобная! Страшно и чудно на него смотрѣть тогда было».

Женились они. Съ перваго же дня свадьбы Ефимъ началъ чудить надъ женою, смирять ее. Попросилъ онъ ее, чтобы на дѣвичникъ и на свадьбу позвала своихъ знакомыхъ и родню дальнюю — купчихъ; она позвала. Ефимъ никого отъ себя на дѣвичникъ не пригласилъ, и Анна Акимовна была очень рада: она очень боялась убогихъ гостей,— чуть дверь отворится, она въ лицѣ измѣнится; но никто не пришелъ изъ убогихъ, купчихи однѣ сидѣли и орѣхи щелкали. Зато на другой день, только что изъ-подъ вѣнца, въ дверяхъ уже молодые были встрѣчены съ хлѣбомъ-солью мужиченкомъ въ лаптишкахъ и въ зипунишкѣ ветхонькомъ. Отворили дверь, вся изба полна мужиками въ лаптяхъ. Анна Акимовна зашаталась и могла только прошептать: «злодѣй!» Купчихи попятились назадъ, надулись; Ефимъ попросилъ ихъ не спесивиться, погулять на свадьбѣ; онѣ отъ него къ стѣнѣ отвернулись; тогда Ефимъ имъ и двери настежь... Анна Акимовна такъ была убита, что на другой же день захворала серьезно. Ефимъ

затужилъ, закручинился, цѣлыя ночи надъ нею просиживалъ и все глядѣлъ на нее; но и тутъ былъ суровъ съ нею, и только разъ нѣжными словами упрашивалъ ее, чтобъ лѣчилась. Она только отвернулась. Послѣ того онъ сталъ еще суровѣе; а когда она выздоровѣла, то житья ей не давалъ,—все за прежнюю гордость отплачивалъ. «Утеряли, — говоритъ, — вы, Анна Акимовна, свое-то княжество за мною! Вотъ вѣдь маху-то дали,—просто бѣда!» Она молчитъ, а онъ все глядитъ на нее, какъ на своего врага жестокаго, да приговариваетъ иной разъ съ усмѣшкою: «жгуча крапива родится, да уварится!» Она сохла и чахла отъ его попрековъ; да ему и самому не легко было жить такъ; постарѣлъ онъ, сморщился, веселость свою потерялъ, усмѣшка стала у него язвительная да слова такія ѣдкія и злобныя... Недолго выдержала Анна Акимовна; умерла она осенью, тихо, безъ мученій. Ефима не было дома въ это время: усланъ былъ куда-то барынею. Какъ воротился, увидѣлъ ее на столѣ — сталъ тутъ, ни слова не сказавши, и «простоялъ цѣлую ночь, не шевельнулся, не вздохнулъ. На утро пошелъ, гробъ купилъ, къ священнику зашелъ, попросилъ, и могилу вырылъ ей самъ. Сзывалъ на похороны. Совсѣмъ спокоенъ человѣкъ былъ, кажись, а все чего-то страшно было; все сердце недоброе чуяло, вѣщало...» И точно, вышло недоброе.

«Отнесли на погостъ Анну Акимовну, и въ сырую землю схоронили. Заходили съ кладбища люди; поминальный обѣдъ былъ, и Ефимъ самъ распоряжался. Какъ разошлись всѣ, онъ лошадей на водопой повелъ и говоритъ Мишѣ:

«— Миша, слушай да помни! Коли я пропаду, все мое добро отказываю женихой теткѣ; пусть ей все отдадутъ. Слышалъ?

«Перепугался до смерти Миша.

«— Слышу, говоритъ.

«— Ну, помни!.. И поскакалъ.

«Вбѣжалъ Миша въ людскую, дрожитъ всѣмъ тѣломъ.

«— Ефимъ хочетъ руки на себя наложить!

«Всполошилъ всѣхъ: побѣжали къ водопою. Всѣ лошади подъ горою къ ракитѣ привязаны, а Ефима нѣтъ нигдѣ... Окликать, искать, и нашли его шапку около колодца, стараго, заброшеннаго... А въ колодцѣ томъ давно еще дѣвочка утонула,—и дна въ немъ не было. Около этого самаго колодца шапку его нашли, скликали людей съ баграми и крюками, да съ говоромъ шумнымъ Ефима мертваго выволокли» (стр. 113).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ефимѣ всякій признаетъ черты чисто русскаго характера, и при томъ характера, не сглаженнаго образованностью, т.-е. обычнаго именно въ простонародьи. Это дуроломство, эта неспособность къ мирному забвенію и прощенію, эта безсмысленная охота неотступно и безконечно пилить человѣка попреками, въ то же время чувствуя къ нему сильную привязанность,—это все такія черты, какія любятъ приписывать русскому человѣку и сонмъ его порицателей, и партія его quasi-защитниковъ. Послѣдніе видятъ здѣсь, конечно, величіе духа, находятъ прототипы подобныхъ характеровъ въ Иванѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ и даже иногда, для параллели, тревожатъ суровыя добродѣтели спартанцевъ и древнихъ римлянъ. Мы признаемся, что почтенные защитники русскаго народа хватаютъ немножко далеко. Восхищаться такимъ характеромъ, какъ у Ефима, довольно трудно для человѣка, не лишеннаго сердца. Но одного нельзя отнять у него—силы; одного нельзя не признать, что опасно шутить съ этой силой.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какимъ страшнымъ мщеніемъ отплатилъ онъ за оскорбленіе своего самолюбія Аннѣ Акимовнѣ! И какой фатальный, неотразимый характеръ имѣетъ его мщеніе! Если бъ онъ просто задумалъ и холодно исполнилъ свой планъ — довести дѣвушку до замужества съ нимъ, — это была бы жалкая интрига, свидѣтельствующая только о черствости и злости его. Но тутъ дѣло шло не такъ; онъ самъ полюбилъ ее, оттого-то онъ и обидѣлся такъ глубоко ея пренебреженіемъ; добиваясь ея любви, онъ удовлетворялъ скорѣе потребности сердца, нежели голосу мести; онъ не могъ хотѣть загубить ее,— доказательство въ томъ, что онъ не перенесъ ея гибели. Но какая-то сила подталкиваетъ его на безпрестанныя и жестокія оскорбленія ея. Сила эта дика и неразумна, гибельна для него самого; но онъ не силенъ преодолѣть ея влеченіе, потому что враждебныя обстоятельства не дали въ немъ достаточно развиться гуманнымъ и разумнымъ требованіямъ природы. Побѣда надъ гордой женщиной доставила ему двойное наслажденіе — и удовлетвореніе самолюбія, и достиженіе взаимности, которой онъ добивался. Но злоба его была сильнѣе любви: онъ былъ столько гордъ и самонадѣянъ, что не могъ слишкомъ дорого цѣнить полученную взаимность женщины; а оскорбленія, ею нанесенныя, запали глубоко въ его сердце, и онъ не могъ забыть и простить ихъ. Никакой покорностью, никакимъ пожертвованіемъ нельзя было умилостивить его; ему самому было тяжело, его гнела какая-то тоска, онъ становился все мрачнѣе, по мѣрѣ того, какъ испол-

нялъ свое мщеніе надъ любимой женой; но остановиться не могъ. Въ немъ проснулось какое-то ненасытное, безконечное желаніе унижать ее, вымещать надъ ней свою тоску и свое терпѣніе, надругаться надъ нею, какъ будто въ намѣреніи возстановить такимъ образомъ свои собственныя попранныя права, свое достоинство, которое видѣлъ униженнымъ и презрѣннымъ. Все его поведеніе объясняется тѣмъ общимъ закономъ реакціи, по которому крайность вызываетъ всегда другую крайность. Много лѣтъ прожилъ Ефимъ, не думая о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и вынося, по своему положенію, множество унизительныхъ условій. Но представился случай, гдѣ его достоинство особенно больно было поражено— въ столкновеніи съ женщиной, которая ему нравилась, и которой положеніе онъ считалъ равнымъ своему; горечь обиды пробудила въ немъ сознаніе; а разъ подумавши о своемъ униженіи, почувствовавъ его, онъ со всей энергіей своей натуры устремился къ тому, чтобы поднять свое достоинство. Женитьба на Аннѣ Акимовнѣ была для него недостаточна; онъ не могъ ясно сознавать всю великость того шага, который дѣлала «купеческая дочка», выходя за него, мужика; для того, чтобы вполнѣ чувствовать свою побѣду, ему нужно было постоянное напоминаніе о ней, непрерывное упражненіе правъ побѣдителя надъ своею жертвою. Сколько онъ ни обижалъ ее, сколько ни смирялъ, сколько ни издѣвался надъ нею, все ему казалось мало. Она покорно и молча сознавала свое безсиліе, признала его права надъ ней, а ему все казалось, что онъ еще недостаточно доказалъ и возстановилъ предъ нею свое достоинство. Оттого его мщеніе было безсмысленно, невольно, мучительно для него самого, и ничѣмъ не могло удовлетвориться, сдѣлалось условіемъ жизни. Умирая, Ефимъ думалъ, вѣроятно, что онъ еще не довольно показалъ себя, и если бы его жена воскресла, нѣтъ сомнѣнія, что онъ началъ бы съ ней опять ту же исторію при первомъ удобномъ случаѣ. Вѣдь онъ было пришелъ въ разумъ во время ея болѣзни — сталъ ее уговаривать нѣжными словами; но она отвернулась тогда отъ него, и онъ сдѣлался еще суровѣе, еще безпощаднѣе.

Величія духа тутъ, конечно, мало; но въ натурѣ, дѣйствующей такимъ образомъ, нельзя отрицать присутствіе силы, которая, будучи иначе воспитана и направлена, могла бы получить болѣе разумный человѣческій характеръ. Прибавимъ еще, что сила эта вовсе не есть исключительная принадлежность немногихъ натуръ, а составляетъ явленіе довольно обыкновенное въ нашемъ простонародьи. Обстоятельства не благопріятствуютъ правильному ея развитію и упражненію; оттого она проявляется большею частью въ дѣйствіяхъ уродливыхъ, беззаконныхъ, даже преступныхъ. Нельзя хвалить этого, но можно все-таки въ самыхъ недостаткахъ и преступленіяхъ различать то, что̀ производится внѣшнимъ гнетомъ обстоятельствъ, отъ того, что̀ даетъ сама натура человѣка. Къ чему ведутъ наше простонародье всѣ внѣшнія обстоятельства, его окружающія? Какой характеръ долженъ сообщаться всѣмъ его наклонностямъ отъ того положенія, въ которомъ оно находится? Едва ли кто-нибудь [изъ самыхъ заклятыхъ поборниковъ плантаторства] станетъ утверждать, что положеніе нашихъ крестьянъ могло способствовать развитію въ нихъ прямоты, силы, [гражданскаго героизма] и т. п. Не нужно доказывать, что все, окружающее бытъ и воспитаніе нашего простонародья, вело его, въ бо̀льшей или меньшей степени, къ развитію пороковъ и слабостей, [неизбѣжно] соединенныхъ съ [рабскимъ или крѣпостнымъ, вообще] угнетеннымъ состояніемъ,— лести, обмана, подличанья, продажности, лѣни, воровства и пр., вообще, всѣхъ тѣхъ пороковъ, въ которыхъ надо дѣйствовать тайкомъ, исподтишка, а не употреблять открытую силу, не идти прямо, глядя въ лицо опасности... И при всемъ томъ посмотрите, какъ много сохранилось въ народѣ именно этого энергическаго, отважнаго элемента. Мы не станемъ здѣсь указывать на доблестные подвиги нашихъ крестьянъ для спасенія погибающихъ въ огнѣ и водѣ, не будемъ припоминать ихъ храбрости въ охотѣ на медвѣдя или хоть бы въ послѣдней войнѣ. Что бы ни доказывали всѣ подобные факты, мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ; мы заговорили о порокахъ и преступленіяхъ, и потому, не выходя изъ этой колеи, укажемъ только на уголовную статистику низшихъ классовъ нашего народа. Прочтите хоть рядъ извѣстій въ этомъ родѣ, въ бывшемъ «Русскомъ Дневникѣ» или въ нынѣшней «Сѣверной Пчелѣ», и постарайтесь дать себѣ отчетъ о преобладающемъ характерѣ преступленій. Вы придете въ удивленіе, если привыкли считать русскій народъ только плутоватымъ, а впрочемъ, слабымъ и апатичнымъ: южныя страсти встрѣчаете вы на каждомъ шагу, кровавыя сцены изъ-за любви и ревности, отравленія, зарѣзыванья, зажигательства; примѣры мщенія, самаго звѣрскаго, попадаются вамъ безпрестанно въ этихъ извѣстіяхъ; [а извѣстно, любятъ ли у насъ все дѣлать извѣстнымъ, и какъ много, вслѣдствіе того, доходитъ до публики изъ того, что̀ дѣлается...]

Что вывести изъ этого? Намъ кажется возможнымъ одно заключеніе: народъ не замеръ, не опустился, источникъ жизни не изсякъ въ немъ; но силы, живущія въ немъ, не находятъ себѣ правильнаго и свободнаго выхода, принуждены пробивать себѣ неестественный путь и поневолѣ обнаруживаться шумно, сокрушительно, часто къ собственной погибели. Какъ это дурно, нечего и говорить; какъ желательно, чтобы силы народа направились лучше и служили въ пользу, а не во вредъ ему самому,—этого тоже объяснять не нужно. Но, къ сожалѣнію, еще очень многимъ нужно доказывать, что эти силы существуютъ въ народѣ, и что дурное или хорошее направленіе ихъ зависитъ отъ обстоятельствъ народной жизни, а не отъ того, чтобы масса народа нашего принадлежала къ какой-нибудь особенной породѣ, способной только либо къ апатіи, либо къ звѣрству. Еще не мало у насъ, въ образованномъ обществѣ, такихъ господъ, которымъ ничего не стоитъ обвинить повально цѣлый народъ въ неспособности къ [гражданской жизни и] всякому самостоятельному устройству, равно какъ не мало и такихъ, которые готовы такъ защищать народъ и приписать ему такія возвышенныя чувствованія, что, слушая ихъ, слѣдуетъ только оплакивать совершенную гибель народнаго достоинства. Для тѣхъ и другихъ господъ мы считаемъ весьма полезнымъ внимательное размышленіе надъ книжкою разсказовъ Марка Вовчка. Чтобы облегчить имъ этотъ трудный процессъ, мы попробовали въ этой статьѣ анализировать нѣкоторыя наиболѣе любопытныя черты народной жизни, представленныя въ «Народныхъ разсказахъ» очень живо и ярко, но, при бѣгломъ и поверхностномъ чтеніи, могшія не возбудить въ читателяхъ того вниманія, какого онѣ заслуживаютъ. Чтобы расширить кругъ сужденія о качествахъ нашего народа, мы старались также привести нѣсколько параллелей между людьми простого званія и между лицами того общества, которое называетъ себя образованнымъ, на томъ основаніи, что, одолѣвши пять-шесть головоломныхъ наукъ, въ размѣрахъ германскихъ гимназическихъ курсовъ, но съ грѣхомъ пополамъ, и ударившись въ ранній космополитизмъ, оно разорвало связь съ народомъ и потеряло способность даже понимать основныя черты его характера. Не много преимуществъ, въ отношеніи къ нравственнымъ качествамъ, нашли мы въ этомъ обществѣ; немного оказалось въ немъ правъ на особенное возвышеніе его предъ простонародьемъ. Не заходя далеко, а только раскрывая подробнѣе смыслъ немногихъ разсказовъ Марка Вовчка, такъ вѣрныхъ русской дѣйствительности, мы нашли, что неестественныя, крѣпостныя отношенія, существовавшія до сихъ поръ между народомъ и высшими классами, будучи матеріально и нравственно вредны для крестьянъ, были еще болѣе гибельны для самихъ владѣльцевъ. Людямъ въ положеніи Игрушечкиныхъ господъ они приносили, повидимому, нѣкоторую выгоду внѣшнюю; но черезъ это самое они, во всей своей нелѣпости и безчеловѣчіи, впивались въ душу этихъ господъ, дѣлались основаніемъ ихъ морали, изгоняли изъ нихъ здравыя понятія и дѣлали ихъ никуда негодными,—между тѣмъ какъ на Машу, Катерину, Надёжу и всѣхъ, находившихся въ ихъ положеніи, тѣ же отношенія дѣйствовали болѣе внѣшнимъ образомъ, не проникая внутрь ихъ уже и потому, что были всегда тяжелы и непріятны. Правда, и въ этомъ классѣ людей крѣпостное устройство произвело значительное искаженіе понятій и стремленій: въ Надёжѣ и ея подругахъ, въ безотвѣтной Игрушечкѣ, въ свирѣпомъ Ефимѣ мы видѣли, какъ ложно развиваются въ нихъ нерѣдко самыя добрыя начала, самыя естественныя требованія. Но это, во всякомъ случаѣ, дѣйствіе не прямое, а посредственное, не положительное, а отрицательное, и главное,—это ложное развитіе естественныхъ началъ вовсе не доставляетъ бѣднякамъ выгоды, даже внѣшней. Ихъ можно сравнить съ людьми, которые вынуждены ѣсть хлѣбъ пополамъ съ мякиной: долгое употребленіе такой пищи, конечно, имѣетъ вліяніе на организмъ и искажаетъ его здоровье; но едва ли кто-нибудь станетъ утверждать, что, поѣвши нѣсколько лѣтъ мякиннаго хлѣба, человѣкъ дѣлается неспособнымъ ѣсть чистый хлѣбъ. [Напротивъ, тѣхъ людей, которымъ бывшее крѣпостное устройство и всѣ общественныя отношенія, бывшія слѣдствіемъ его, шли въ прокъ, можно уподобить гастрономамъ, разслабившимъ и изнѣжившимъ свой желудокъ тончайшими изобрѣтеніями поварского искусства: ясно, что они, во-первыхъ, будутъ гораздо крѣпче держаться за свой изящный столъ, нежели бѣдняки за свою мякину, а во-вторыхъ, если ужъ принуждены будутъ сѣсть на грубую пищу, то гораздо скорѣе погибнутъ отъ нея, нежели тѣ же бѣдняки, переведенные съ мякины на чистый хлѣбъ...]

Прочитавъ наши отрывочныя и несвязныя замѣчанія [(которыя въ печати представляются еще болѣе несвязными, нежели какъ были въ рукописи)] [1]), одни, конечно, найдутъ ихъ давно знакомыми и излишними, а другіе—неосновательными, преуве-

[1]) Очень ясное указаніе на цензуру.

личенными и неправдоподобными. Бо̀льшая часть людей, любящихъ литературу, замѣтитъ при этомъ, что въ статьѣ нашей вовсе нѣтъ *критики* Марка Вовчка. Мы привыкли къ подобнымъ замѣчаніямъ и, кажется, уже не одинъ разъ объясняли, какъ мы понимаемъ задачи критики русскихъ беллетристическихъ произведеній. Но теперь кстати будетъ сказать еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, въ заключеніе нашей статьи.

Мы сказали въ началѣ, что Марко Вовчокъ не даетъ намъ поэмы народной жизни, что у него видимъ мы только намеки, абрисы, а не полныя, отдѣланныя картины. Слѣдовательно, нечего намъ было и пускаться въ опредѣленіе абсолютно-эстетическихъ достоинствъ «Разсказовъ». Нужно было показать, въ какой степени ясны, живы и вѣрны эти намеки, и въ какой мѣрѣ важны тѣ явленія жизни, къ которымъ они относятся. Мы и обратились къ этому пути: мы анализировали характеры, изображенные Маркомъ Вовчкомъ, приводили обстоятельства, способствовавшія правильному или ложному ходу ихъ развитія, припоминали русскую дѣйствительность и говорили, насколько, по нашему мнѣнію, вѣрно и живо воспроизведены авторомъ русскіе характеры, насколько обширно значеніе тѣхъ явленій, которыхъ онъ коснулся. По нашимъ соображеніямъ вышло, что книжка Марка Вовчка вѣрна русской дѣйствительности, что разсказы его касаются чрезвычайно важныхъ сторонъ народной жизни, и что въ легкихъ наброскахъ его мы встрѣчаемъ штрихи, обнаружившіе руку искуснаго мастера и глубокое, серьезное изученіе предмета. Для подтвержденія этихъ выводовъ мы пускались въ довольно пространныя разсужденія о свойствахъ нашего простонародья и о разныхъ условіяхъ нашей общественной жизни. Теперь читателю предоставляется рѣшить, вѣрно ли, во-первыхъ, поняли мы смыслъ разсказовъ Марка Вовчка и, во-вторыхъ, справедливы ли и насколько справедливы наши замѣчанія о русскомъ народѣ. Рѣшая эти два вопроса, читатель тутъ же рѣшитъ для себя и вопросъ о степени достоинства книги Марка Вовчка. Если мы исказили ея смыслъ, или наговорили небывальщины о народной жизни, т.-е. если явленія и лица, изображенныя Вовчкомъ, вовсе не рисуютъ намъ нашего народа, какъ мы старались доказать, — а просто разсказываютъ исключительные, курьезные случаи, не имѣющіе никакого значенія, то очевидно, что и литературное достоинство «Народныхъ разсказовъ» совершенно ничтожно. Если же читатель согласится съ нами во взглядѣ на смыслъ разобранной нами книги, если онъ признаетъ общность и великое значеніе тѣхъ чертъ, какія нами указаны въ книгѣ Марка Вовчка, то, разумѣется, онъ не можетъ не признать высокаго достоинства въ литературномъ явленіи, такъ разносторонне, живо и вѣрно изображающемъ нашу народную жизнь, такъ глубоко заглядывающемъ въ душу народа. Такимъ образомъ, литературно-критическая цѣль наша будетъ достигнута безъ помощи эстетическихъ туманностей, всегда очень скучныхъ и безплодныхъ.

Что касается до другой цѣли, которую мы имѣли въ виду въ этой статьѣ, — она также не чужда литературѣ. Именно, пользуясь книгою Марка Вовчка, мы хотѣли привлечь вниманіе людей пишущихъ на вопросъ о внѣшнемъ положеніи и внутреннихъ свойствахъ народа, [готоваго теперь вступить въ новый періодъ своей жизни]. До сихъ поръ мы слышали самые разнорѣчивые отзывы о нашемъ простонародьи, и—нечего скрывать—всего громче высказывались самыя невѣжественныя и враждебныя мнѣнія. Литература, по своему существу долженствующая быть проводникомъ идей просвѣщенныхъ, а не невѣжественныхъ, сдѣлала, однако, очень мало по этому вопросу, который теперь для насъ несравненно важнѣе не только піитическаго описанія разныхъ видовъ розы, или лекцій о санскритскомъ эпосѣ, но даже и всѣхъ достоинствъ г-жи Свѣчиной [1]). Мы можемъ насчитать въ нашей литературѣ рядъ именъ—въ родѣ статскаго совѣтника Григорія Бланка, магистра Николая Безобразова, графа Н. Толстого, Орлова-Давыдова [2]) и т.п., можемъ припомнить мнѣнія въ родѣ того, что грамота портитъ мужика, что палка необходима для порядка въ народѣ и т. д. Но мало наберемъ мы людей, которые бы съ любовью и знаніемъ дѣла старались возстановить предъ публикой достоинство народа и защитить его полное право на [участіе во всѣхъ преимуществахъ гражданской жизни] [3]). Противъ мракобѣсія и палки возставали много; но и тутъ самыя блестящія статьи были написаны съ точки зрѣнія отвлеченнаго права и общихъ требованій цивилизаціи, [и едва ли была хоть одна статья, въ которой бы толково разбиралось, до какой степени и при какихъ усло-

---

[1]) С. П. Свѣчина, писательница (1782—1859), перешедшая въ католицизмъ; о ней тогда велась безконечная полемика въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Московск. Вѣд.», «Нашемъ Времени» и пр.

[2]) Это все имена выдающихся крѣпостниковъ, не чуждыхъ желанія выступать печатно съ своими взглядами.

[3]) самостоятельный бытъ.

віяхъ *нашв народв* можетъ обойтись безъ палки и не получить вреда отъ грамоты]. Видно, къ сожалѣнію, что литература наша еще мало имѣетъ общаго съ народомъ. Участь разсказовъ Марка Вовчка служитъ новымъ тому доказательствомъ; уже около двухъ лѣтъ они извѣстны публикѣ изъ «Русскаго Вѣстника»; въ началѣ нынѣшняго года вышли они отдѣльной книжкой, а журналы наши до сихъ поръ едва сказали о нихъ «нѣсколько теплыхъ словъ», по журнальной рутинѣ. А наполнялись они въ это время важными разсужденіями о первой любви [1]), о художественности г. Никитина, о нравственности Елены въ «Наканунѣ» и тому подобныхъ художествахъ. Одинъ критикъ взялся-было сказать свое слово о Маркѣ Вовчкѣ, да и то доказалъ только полную несостоятельность свою — говорить о предметѣ, такъ далеко превосходящемъ его разумѣніе... [Неужели же такъ и суждено нашей литературѣ навсегда остаться въ узенькой сферѣ пошленькаго общества, волнуемаго карточными страстишками, любовью къ звѣздамъ и боязнью пожелать чего-нибудь страстно и твердо?] Неужели только эта грошовая «образованность», дѣлающая изъ человѣка ученаго попугая и подставляющая ему, вмѣсто живыхъ требованій природы, рутинныя сентенціи отжившихъ авторитетовъ всякаго рода, — неужели она только будетъ всегда красоваться передъ нами въ лучшихъ произведеніяхъ нашей литературы, занимать собою нашихъ талантливыхъ публицистовъ, критиковъ, поэтовъ? Не пора ли ужъ намъ отъ этихъ тощихъ и чахлыхъ выводковъ неудавшейся цивилизаціи обратиться къ свѣжимъ, здоровымъ росткамъ народной жизни, помочь ихъ правильному успѣшному росту и цвѣту, предохранить отъ порчи ихъ прекрасные и обильные плоды? [События зовутъ насъ къ этому] [1]), говоръ народной жизни доходитъ до насъ, и мы не должны пренебрегать никакимъ случаемъ прислушаться къ этому говору.

Читатели, признающіе истину этихъ соображеній,—надѣемся,—[поймутъ и] извинятъ намъ длинноту нашей статьи.

---

403. Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.

(**Гроза.** Драма въ 5 дѣйствіяхъ *Н. А. Островскаго.* Спб. 1860).

Напечатано въ X кн. «Современника» 1860 г. (ценз. 10 октября) за подписью «Н. —бовъ».

Эта статья является прямымъ дополненіемъ № 317. Катерина въ «Грозѣ» — и есть лучъ свѣта, которому посвящена обширная статья, окончательно дорисовывающая произведенія Островскаго. Конструированы обѣ статьи одинаково. Въ началѣ здѣсь идетъ также оцѣнка критиковъ Островскаго, очень злая и насмѣшливая. Потомъ авторъ снова повторяетъ, что̀ признаетъ основами своихъ критическихъ оцѣнокъ. «Мѣрою достоинства писателя или отдѣльнаго произведенія мы принимаемъ то, насколько служатъ они выраженіемъ естественныхъ стремленій извѣстнаго времени и народа». Естественныя же стремленія человѣчества формулируются критикомъ необычайно просто: «чтобы всѣмъ было хорошо». Въ этой простотѣ и вся сложность, и вся ширь, и вся глубина убѣжденія Добролюбова именно въ полной естественности этого стремленія человѣчеству вообще. Въ однихъ оно говоритъ чрезвычайно громко, незаглушаемо, въ другихъ—слабѣе, будучи подавляемо нелѣпыми понятіями о мірѣ и человѣкѣ, но во всѣхъ оно есть и живо, не замерло навсегда. Конечно, писатели не исключеніе, и потому у нихъ тоже разная степень силы и напряженности стремленія ко всеобщему благу. Геніи не идутъ въ счетъ, когда приходится имѣть дѣло съ повседневной литературой даннаго времени, а не геніи, таланты обыкновенные должны нести службу по укрѣпленію и распространенію этого стремленія въ массѣ. «Не представляя міру ничего новаго и невѣдомаго, не намѣчая новыхъ путей въ развитіи всего человѣчества, не двигая его даже и на принятомъ пути, они должны ограничиваться болѣе частнымъ, спеціальнымъ служеніемъ: они проводятъ въ сознаніе массъ то, что̀ открыто передовыми дѣятелями человѣчества, раскрываютъ и проясняютъ людямъ то, что̀ въ нихъ живетъ еще смутно и неопредѣленно. Обыкновенно это происходитъ не такъ, впрочемъ, чтобы литераторъ за-

[1]) Намекъ на «Первую любовь» Тургенева.

[1]) Время идетъ,

имствовалъ у философа его идеи, потомъ проводилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Нѣтъ, оба они дѣйствуютъ самостоятельно, оба выходятъ изъ одного начала—дѣйствительной жизни, но только различнымъ образомъ принимаются за дѣло». Литература ближе къ понятіямъ массы и больше имѣетъ успѣха у нея, а потому ея главная задача—пропаганда, а разъ такъ — то отъ нея надо требовать одного непремѣннаго условія — правды. «Въ произведеніяхъ историческаго характера правда должна быть фактическая; въ беллетристикѣ, гдѣ происшествія вымышлены, она замѣняется логическою правдою, т.-е. разумною вѣроятностью и сообразностью съ существующимъ ходомъ дѣлъ». И правда именно — необходимое *условіе*, а не *качество*, не достоинство произведенія. «О достоинствѣ мы судимъ по широтѣ взгляда автора, вѣрности пониманія и живости изображенія тѣхъ явленій, которыхъ онъ коснулся. И прежде всего, по принятому нами критерію, мы различаемъ авторовъ, служащихъ представителями естественныхъ, правильныхъ стремленій народа, отъ авторовъ, служащихъ органами разныхъ искусственныхъ тенденцій и требованій».

Еще и до Достоевскаго, выступившаго съ своей статьей черезъ три мѣсяца послѣ этой статьи Добролюбова (см. № 402), послѣднему не одинъ разъ выносились обвиненія въ навязываніи художникамъ утилитарныхъ темъ. На это Добролюбовъ, вообще не придававшій значенія своимъ заурядным противникамъ и почти никогда имъ не отвѣчавшій, говоритъ: «Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ создавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи не потому, что авторъ задался этой идеей при его созданіи, а потому, то автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собою». Съ этими взглядами Добролюбовъ подходилъ всегда къ беллетристикѣ, ими руководился и при оцѣнкѣ «Грозы», которую призналъ самымъ рѣшительнымъ произведеніемъ Островскаго, гдѣ взаимныя отношенія самодурства и безгласности доведены до самыхъ трагическихъ послѣдствій. Въ Катеринѣ онъ видитъ «возмужалое, изъ глубины всего организма возникающее требованіе права и простора жизни». Она служитъ выразительницею великой народной идеи, не нося «великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неравной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на высокое самоотверженіе». Катерина воплощаетъ въ себѣ народное стремленіе, твердое по рѣшенію, но, правда, пока пассивное въ смыслѣ общественномъ. Пока только; человѣкъ, имѣющій силу воли броситься въ воду отъ невыносимыхъ страданій подъ внѣшнимъ произволомъ, уже на половинѣ пути; еще немного, еще нѣкоторое просвѣтленіе—и онъ не отдастъ свою жизнь безъ борьбы и сопротивленія... Это лучъ свѣта, не освѣщающій всю ужасную мглу темнаго царства, но указывающій на близкій восходъ громаднаго свѣтила...

Въ другомъ мѣстѣ Добролюбовъ говоритъ о причинѣ нѣкоторыхъ облегченій, которыя дѣлались за послѣдніе годы въ Россіи. Причина эта не желаніе сдѣлать благодѣяніе и т. п. Нѣтъ—это сила «прямыхъ и неотступныхъ требованій народной жизни, неотразимо дѣйствующихъ на привилегированное меньшинство, даже вопреки его личнымъ, непосредственнымъ выгодамъ». И, какъ бы возвращаясь къ поясненію недоговоренной, какъ я уже указывалъ раньше,—мысли, продолжаетъ: «Что заставило предоставить нѣкоторыя права гласности, которой прежде такъ боялись, — что какъ не сознаніе силы того общаго протеста противъ безправія и произвола, который въ теченіе многихъ лѣтъ сложился въ общественномъ мнѣніи и, наконецъ, не могъ себя сдерживать?» И всѣ уступки дѣлаются по той же причинѣ...

Связавъ все только-что сказанное о народномъ стремленіи и мѣрахъ извнѣ, получимъ выводъ весьма простой и не требующій никакихъ поясненій...

Писаревъ, *признававшій себя расходившимся* съ Добролюбовымъ чуть ли не по всѣмъ пунктамъ его міросозерцанія, нашелъ, что Добролюбовъ поддался порыву эстетическаго чувства и потому увидѣлъ въ Катеринѣ то, чего въ ней нѣтъ и не могло быть. «Эта статья была ошибкой со стороны Добролюбова; онъ увлекся симпатіей къ характеру Катерины и принялъ ея личность за свѣтлое явленіе». Анализъ ея привелъ Писарева къ заключенію, что и въ ней все то же ужасное «темное царство», но надо сказать, что писаревскій анализъ такъ разложилъ живую душу Катерины, какъ это только и могъ сдѣлать Писаревъ въ извѣстную пору своей дѣятельности. («Сочиненія», III, «Мотивы русской драмы»). По моему мнѣнію, взглядъ его на «Грозу» глубоко ошибоченъ.

Наконецъ, намъ еще необходимо подчеркнуть полное несочувствіе Добролюбова къ анархіи, что̀, разумѣется, очень суще-

ственно. «Это не анархія, — говоритъ онъ объ укладѣ убѣжденій и дѣйствій Дикого,— но нѣчто еще гораздо худшее (хотя воображеніе образованнаго европейца и не умѣетъ представить себѣ ничего хуже анархіи). Въ анархіи такъ ужъ и нѣтъ никакого начала: всякъ молодецъ на свой образецъ, никто никому не указъ, всякій на приказаніе другого можетъ отвѣчать, что я, молъ, тебя знать не хочу, и, такимъ образомъ, всѣ озорничаютъ и ни въ чемъ согласиться не могутъ... Анархія (повторимъ, если только она возможна вообще) можетъ служить только переходнымъ моментомъ, который самъ себя съ каждымъ шагомъ долженъ образумливать и приводить къ чему-нибудь болѣе здравому».

М. Л.

Незадолго до появленія на сценѣ «Грозы» мы разбирали очень подробно всѣ произведенія Островскаго [1]). Желая представить характеристику таланта автора, мы обратили тогда вниманіе на явленія русской жизни, воспроизводимыя въ его пьесахъ, старались уловить ихъ общій характеръ и допытаться, таковъ ли смыслъ этихъ явленій въ дѣйствительности, какимъ онъ представляется намъ въ произведеніяхъ нашего драматурга. Если читатели не забыли,—мы пришли тогда къ тому результату, что Островскій обладаетъ глубокимъ пониманіемъ русской жизни и великимъ умѣньемъ изображать рѣзко и живо самыя существенныя ея стороны. «Гроза» вскорѣ послужила новымъ доказательствомъ справедливости нашего заключенія. Мы хотѣли тогда же говорить о ней, но почувствовали, что намъ необходимо пришлось бы при этомъ повторить многія изъ прежнихъ нашихъ соображеній, и потому рѣшились молчать о «Грозѣ», предоставивъ читателямъ, которые поинтересовались нашимъ мнѣніемъ, провѣрить на ней тѣ общія замѣчанія, какія мы высказали объ Островскомъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія этой пьесы. Наше рѣшеніе утвердилось въ насъ еще болѣе, когда мы увидѣли, что по поводу «Грозы» появляется во всѣхъ журналахъ и газетахъ цѣлый рядъ большихъ и маленькихъ рецензій, трактовавшихъ дѣло съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Мы думали, что въ этой массѣ статеекъ скажется, наконецъ, объ Островскомъ и о значеніи его пьесъ что-нибудь побольше того, нежели что мы видѣли въ критикахъ, о которыхъ упоминали въ началѣ первой статьи нашей о «Темномъ царствѣ». Въ этой надеждѣ и сознаніи того, что наше собственное мнѣніе о смыслѣ и характерѣ произведеній Островскаго высказано уже довольно опредѣленно, мы и сочли за лучшее оставить разборъ «Грозы».

Но теперь, снова встрѣчая пьесу Островскаго въ отдѣльномъ изданіи и припоминая все, что было о ней писано, мы находимъ, что сказать о ней нѣсколько словъ съ нашей стороны будетъ совсѣмъ не лишнее. Она даетъ намъ поводъ дополнить кое-что въ нашихъ замѣткахъ о «Темномъ царствѣ», провести далѣе нѣкоторыя изъ мыслей, высказанныхъ нами тогда и — кстати — объясниться въ короткихъ словахъ съ нѣкоторыми изъ критиковъ, удостоившихъ насъ прямою или косвенною бранью.

Надо отдать справедливость нѣкоторымъ изъ критиковъ: они умѣли понять различіе, которое раздѣляетъ насъ съ ними. Они упрекаютъ насъ въ томъ, что мы приняли другую методу—разсматривать произведеніе автора и затѣмъ, какъ результатъ этого разсмотрѣнія, говорить, что въ немъ содержится, и каково это содержимое. У нихъ совсѣмъ другая метода: они прежде говорятъ себѣ — что *должно* содержаться въ произведеніи (по ихъ понятіяхъ, разумѣется) и въ какой мѣрѣ все *должное* дѣйствительно въ немъ находится (опять сообразно ихъ понятіямъ). Понятно, что, при такомъ различіи воззрѣній, они съ негодованіемъ смотрятъ на наши разборы, уподобляемые однимъ изъ нихъ «пріисканію морали къ баснѣ». Но мы очень рады тому, что, наконецъ, разница открыта, и готовы выдержать какія угодно сравненія. Да, если угодно, нашъ способъ критики походитъ и на пріисканіе нравственнаго вывода въ баснѣ: разница, — напримѣръ, въ приложеніи къ критикѣ комедій Островскаго, — и будетъ лишь настолько велика, насколько комедія отличается отъ басни, и насколько человѣческая жизнь, изображаемая въ комедіяхъ, важнѣе и ближе для насъ, нежели жизньословъ, лисицъ, тростинокъ и прочихъ персонажей, изображаемыхъ въ басняхъ. Во всякомъ случаѣ, гораздо лучше, по нашему мнѣнію, разобрать басню и сказать: «вотъ какая мораль въ ней содержится, и эта мораль кажется намъ хороша или дурна, и вотъ почему», — нежели рѣшить съ самаго начала: въ этой баснѣ должна быть такая-то мораль (напр., почтеніе къ родителямъ), и вотъ какъ должна она быть выражена (напр., въ видѣ птенца, ослушавшагося матери и выпавшаго изъ гнѣзда); но эти условія не соблюдены, мораль не та (напр., небрежность родителей о дѣтяхъ),

[1]) См. № 317.

или высказана не такъ (напр., въ примѣрѣ кукушки, оставляющей свои яйца въ чужихъ гнѣздахъ), значитъ басня не годится. Этотъ способъ критики мы видѣли не разъ въ приложеніи къ Островскому, хотя никто, разумѣется, и не захочетъ въ томъ признаться, а еще на насъ же, съ больной головы на здоровую, свалятъ обвиненіе, что мы приступаемъ къ разбору литературныхъ произведеній съ заранѣе принятыми идеями и требованіями. А между тѣмъ, чего же яснѣе, — развѣ не говорили славянофилы: слѣдуетъ изображать русскаго человѣка добродѣтельнымъ и доказывать, что корень всякаго добра—жизнь по старинѣ; въ первыхъ пьесахъ своихъ Островскій этого не соблюлъ, и потому «Семейная картина» и «Свои люди» недостойны его и объясняются только тѣмъ, что онъ еще подражалъ тогда Гоголю. А западники развѣ не кричали: слѣдуетъ научать въ комедіи, что суевѣріе вредно, а Островскій колокольнымъ звономъ спасаетъ отъ погибели одного изъ своихъ героевъ; слѣдуетъ вразумлять всѣхъ, что истинное благо состоитъ въ образованности, а Островскій въ своей комедіи позоритъ образованнаго Вихорева передъ неучемъ Бородкинымъ; ясно, что «Не въ свои сани не садись» и «Не такъ живи, какъ хочется» — плохія пьесы. [А приверженцы художественности развѣ не провозглашали: искусство должно служить вѣчнымъ и всеобщимъ требованіямъ эстетики, а Островскій, въ «Доходномъ мыслѣ», низвелъ искусство до служенія жалкимъ интересамъ минуты; потому «Доходное мѣсто» недостойно искусства и должно быть причислено къ обличительной литературѣ!..] А г. Некрасовъ, изъ Москвы, развѣ не утверждалъ: Большовъ не долженъ въ насъ возбуждать сочувствія, а между тѣмъ 4-й актъ «Своихъ людей» написанъ для того, чтобы возбудить въ насъ сочувствіе къ Большову; стало быть, четвертый актъ лишній!.. А г. Павловъ (Н. Ф.) развѣ не извивался, давая разумѣть такія положенія: русская народная жизнь можетъ дать матеріалъ только для балаганныхъ представленій, въ ней нѣтъ элементовъ для того, чтобы изъ нея состроить что-нибудь сообразное «вѣчнымъ» требованіямъ искусства, очевидно поэтому, что Островскій, берущій сюжетъ изъ простонародной жизни, есть не болѣе, какъ балаганный сочинитель... А еще одинъ московскій критикъ [1]) развѣ не строилъ такихъ заключеній: драма должна представлять намъ героя, проникнутаго высокими идеями: героиня «Грозы», напротивъ, вся проникнута мистицизмомъ, слѣдовательно, не годится для драмы, ибо не можетъ возбуждать нашего сочувствія, слѣдовательно, «Гроза» имѣетъ только значеніе сатиры, да и то не важной, и пр., и пр...

Кто слѣдилъ за тѣмъ, что̀ писалось у насъ по поводу «Грозы», тотъ легко припомнитъ и еще нѣсколько подобныхъ критикъ. Нельзя сказать, чтобъ всѣ онѣ были написаны людьми совершенно убогими въ умственномъ отношеніи; чѣмъ же объяснить то отсутствіе прямого взгляда на вещи, которое во всѣхъ нихъ поражаетъ безпристрастнаго читателя? Безъ всякаго сомнѣнія, его надо приписать старой критической рутинѣ, которая осталась во многихъ головахъ отъ изученія художественной схоластики въ курсахъ Кошанскаго [Ивана Давыдова], Чистякова и Зеленецкаго. Извѣстно, что, по мнѣнію сихъ почтенныхъ теоретиковъ, критика есть приложеніе къ извѣстному произведенію общихъ законовъ, излагаемыхъ въ курсахъ тѣхъ же теоретиковъ: подходитъ подъ законы—отлично; не подходитъ — плохо. Какъ видите, придумано не дурно для отживающихъ стариковъ: покамѣстъ такое начало живетъ въ критикѣ, они могутъ быть увѣрены, что не будутъ считаться совсѣмъ отсталыми, что бы ни происходило въ литературномъ мірѣ. Вѣдь законы прекрасно установлены ими въ ихъ учебникахъ, на основаніи тѣхъ произведеній, въ красоту которыхъ они вѣруютъ; пока все новое будутъ судить на основаніи утвержденныхъ ими законовъ, до тѣхъ поръ изящнымъ и будетъ признаваться только то, что̀ съ ними сообразно, ничто новое не посмѣетъ предъявить своихъ правъ; старички будутъ правы, вѣруя въ Карамзина и не признавая Гоголя, какъ думали быть правыми почтенные люди, восхищавшіеся подражателями Расина и ругавшіе Шекспира пьянымъ дикаремъ, вслѣдъ за Вольтеромъ, или преклонявшіеся предъ «Мессіадой» и на этомъ основаніи отвергавшіе «Фауста». Рутинерамъ, даже самымъ бездарнымъ, нечего бояться критики, служащей пассивною повѣркою неподвижныхъ правилъ тупыхъ школяровъ, и въ то же время — нечего надѣяться отъ нея самымъ даровитымъ писателямъ, если они вносятъ въ искусство нѣчто новое и оригинальное. Они должны идти наперекоръ всѣмъ нареканіямъ «правильной» критики, на зло ей составить себѣ имя, на зло ей основать школу и добиться того, чтобы съ ними сталъ соображаться какой-нибудь новый теоретикъ, при составленіи новаго кодекса искусства. Тогда и критика смиренно признаетъ ихъ достоинства; [а до тѣхъ поръ она должна находиться въ положеніи

[1]) Пальховскій.

несчастныхъ неаполитанцевъ, въ началѣ нынѣшняго сентября, — которые, хоть и знаютъ, что не нынче, такъ завтра къ нимъ Гарибальди пріидетъ, а все-таки должны признавать Франциска своимъ королемъ, пока его королевскому величеству не угодно будетъ оставить свою столицу].

Мы удивляемся, какъ почтенные люди рѣшаются признавать за критикою такую ничтожную, такую унизительную роль. Вѣдь, ограничивая ее приложеніемъ «вѣчныхъ и общихъ» законовъ искусства къ частнымъ и временнымъ явленіямъ, черезъ это самое осуждаютъ искусство на неподвижность, а критикѣ даютъ совершенно приказное и полицейское значеніе. И это дѣлаютъ многіе отъ чистаго сердца! Одинъ изъ авторовъ [1]), *о которомъ* мы высказали свое мнѣніе нѣсколько непочтительно, напомнилъ намъ, что неуважительное обращеніе судьи съ подсудимымъ есть преступленіе. О, наивный авторъ! Какъ онъ преисполненъ теоріями Кошанскаго [и Давыдова]! Онъ совершенно серьезно принимаетъ пошлую метафору, что критика есть трибуналъ, предъ который авторы являются въ качествѣ подсудимыхъ! Вѣроятно, онъ принимаетъ также за чистую монету и мнѣніе, что плохіе стихи составляютъ грѣхъ предъ Аполлономъ, и что плохихъ писателей въ наказаніе топятъ въ рѣкѣ Летѣ!.. Иначе—какъ же не видѣть разницы между критикомъ и судьею? Въ судъ тянутъ людей по подозрѣнію въ проступкѣ или преступленіи, и дѣло судьи рѣшить—правъ или виноватъ обвиненный: а писатель развѣ обвиняется въ чемъ-нибудь, когда подвергается критикѣ? Кажется, тѣ времена, когда занятіе книжнымъ дѣломъ считалось ересью и преступленіемъ, давно уже прошли. Критикъ говоритъ свое мнѣніе, нравится или не нравится ему вещь; и такъ какъ предполагается, что онъ не пустозвонъ, а человѣкъ разсудительный, то онъ и старается представить резоны, почему онъ считаетъ одно хорошимъ, а другое дурнымъ. Онъ не считаетъ своего мнѣнія рѣшительнымъ приговоромъ, обязательнымъ для всѣхъ; если ужъ брать сравненіе изъ юридической сферы, то онъ скорѣе адвокатъ, нежели судья. Ставши на извѣстную точку зрѣнія, которая ему кажется наиболѣе справедливою, онъ излагаетъ читателямъ подробности дѣла, какъ онъ его понимаетъ, и старается имъ внушить свое убѣжденіе въ пользу или противъ разбираемаго автора. Само собою разумѣется, что онъ при этомъ можетъ пользоваться всѣми средствами, какія найдетъ пригодными, лишь бы они не искажали сущности дѣла: онъ можетъ васъ приводить въ ужасъ или въ умиленіе, въ смѣхъ или въ слезы, заставлять автора дѣлать невыгодныя для него признанія или доводить его до невозможности отвѣчать. [Изъ критики, исполненной такимъ образомъ, можетъ произойти вотъ какой результатъ: теоретики, справясь съ своими учебниками, могутъ все-таки увидѣть, согласуется ли разобранное произведеніе съ ихъ неподвижными законами, и, исполняя роль судей, порѣшатъ, правъ или виноватъ авторъ. Но извѣстно, что въ гласномъ производствѣ нерѣдки случаи, когда присутствующіе въ судѣ далеко не сочувствуютъ тому рѣшенію, какое произносится судьею сообразно съ такими-то статьями кодекса; общественная совѣсть обнаруживаетъ въ этихъ случаяхъ полный разладъ со статьями закона. То же самое еще чаще можетъ случаться и при обсужденіи литературныхъ произведеній] [1]): когда критикъ-адвокатъ надлежащимъ образомъ поставитъ вопросъ, сгруппируетъ факты и броситъ на нихъ свѣтъ извѣстнаго убѣжденія,—общественное мнѣніе, не обращая внимавія на кодексы піитики, будетъ уже знать, чего ему держаться.

Если внимательно присмотрѣться къ опредѣленію критики «судомъ» надъ авторами, то мы найдемъ, что онъ очень напоминаетъ то понятіе, какое соединяютъ съ словомъ «*критика*» наши провинціальныя барыни и барышни, и надъ которымъ такъ остроумно подсмѣивались, бывало, наши романисты. Еще и нынѣ не рѣдкость встрѣтить такія семейства, которыя съ нѣкоторымъ страхомъ смотрятъ на писателя, потому что онъ «на нихъ критику напишетъ». Несчастные провинціалы, которымъ разъ забрела въ голову такая мысль, дѣйствительно представляютъ изъ себя жалкое зрѣлище подсудимыхъ, которыхъ участь зависитъ отъ почерка пера литератора. Они смотрятъ ему въ глаза, конфузятся, извиняются, оговариваются, какъ будто въ самомъ дѣлѣ виноватые, ожидающіе казни или милости. Но надо сказать, что такіе наивные люди начинаютъ выводиться теперь и въ самыхъ далекихъ захолустьяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ право «смѣть свое сужденіе имѣть» [перестаетъ быть достояніемъ только извѣстнаго ранга или положенія, а] дѣлается доступно всѣмъ и каждому, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ частной жизни появляется болѣе солидности и самостоятельности и менѣе трепета предъ всякимъ постороннимъ судомъ. Теперь уже выска-

[1]) Кн. А. И. Долгорукій въ «Москов. Вѣдомостяхъ».

[1]) И

зываютъ свое мнѣніе просто затѣмъ, что лучше его объявить, нежели скрывать, высказываютъ потому, что считаютъ полезнымъ обмѣнъ мыслей, признаютъ за каждымъ право заявлять свой взглядъ и свои требованія, наконецъ, считаютъ даже обязанностью каждаго участвовать въ общемъ движеніи, сообщая свои наблюденія и соображенія, какія кому по силамъ. Отсюда далеко до роли судьи. Если я вамъ скажу, что вы по дорогѣ платокъ потеряли, или что вы идете не въ ту сторону, куда вамъ нужно, и т. п.,—это еще не значитъ, что вы идете не въ ту сторону, куда вамъ нужно, и т. п.,—это еще не значитъ, что вы мой подсудимый. Точно такъ же не буду я вашимъ подсудимымъ и въ томъ случаѣ, когда вы начнете описывать меня, желая дать обо мнѣ понятіе вашимъ знакомымъ. Входя въ первый разъ въ новое общество, я очень хорошо знаю, что надо мною дѣлаютъ наблюденія и составляютъ мнѣнія обо мнѣ; но неужели мнѣ поэтому слѣдуетъ воображать себя передъ какимъ-то ареопагомъ и заранѣе трепетать, ожидая приговора? Безъ всякаго сомнѣнія, замѣчанія обо мнѣ будутъ сдѣланы: одинъ найдетъ, что у меня носъ великъ, другой—что борода рыжая, третій — что галстукъ дурно повязанъ, четвертый—что я угрюмъ, и т. д. Ну, и пусть ихъ замѣчаютъ, мнѣ-то что за дѣло до этого? Вѣдь моя рыжая борода — не преступленіе, и никто не можетъ спросить у меня отчета, какъ я смѣю имѣть такой большой носъ. Значитъ, тутъ мнѣ и думать не о чемъ; нравится или нѣтъ моя фигура, это дѣло вкуса, и высказывать мнѣнія о ней я никому запретить не могу; а съ другой стороны, меня и не убудетъ отъ того, что замѣтятъ мою неразговорчивость, ежели я дѣйствительно молчаливъ. Такимъ образомъ, первая критическая работа (въ нашемъ смыслѣ)—подмѣчаніе и указаніе фактовъ — совершается совершенно свободно и безобидно. Затѣмъ другая работа—сужденіе на основаніи фактовъ—продолжаетъ точно также держать того, кто судитъ, совершенно въ равныхъ шансахъ съ тѣмъ, о комъ онъ судитъ. Это потому, что, высказывая свой выводъ изъ извѣстныхъ данныхъ, человѣкъ всегда и самого себя подвергаетъ суду и повѣркѣ другихъ относительно справедливости и основательности его мнѣнія. Если, напримѣръ, кто-нибудь, на основаніи того, что мой галстукъ повязанъ не совсѣмъ изящно, рѣшитъ, что я дурно воспитанъ, то такой судья рискуетъ дать окружающимъ не совсѣмъ высокое понятіе о его логикѣ. Точно такъ, если какой-нибудь критикъ упрекаетъ Островскаго за то, что лицо Катерины въ «Грозѣ» отвратительно и безнравственно, то онъ не внушаетъ особеннаго довѣрія къ чистотѣ собственнаго нравственнаго чувства. Такимъ образомъ, пока критикъ указываетъ факты, разбираетъ ихъ и дѣлаетъ свои выводы, авторъ безопасенъ, и самое дѣло безопасно. Тутъ можно претендовать только на то, когда критикъ искажаетъ факты, лжетъ. А если онъ представляетъ дѣло вѣрно, то какимъ бы тономъ онъ ни говорилъ, къ какимъ бы выводамъ онъ ни приходилъ, отъ его критики, какъ отъ всякаго свободнаго и фактами подтверждаемаго разсужденія, всегда будетъ болѣе пользы, нежели вреда — для самого автора, если онъ хорошъ, и во всякомъ случаѣ для литературы — даже если авторъ окажется и дуренъ. Критика — не судейская, а обыкновенная, какъ мы ее понимаемъ, — хороша уже и тѣмъ, что людямъ, не привыкшимъ сосредоточивать своихъ мыслей на литературѣ, даетъ, такъ сказать, экстрактъ писателя и тѣмъ облегчаетъ возможность понимать характеръ и значеніе его произведеній. А какъ скоро писатель понятъ надлежащимъ образомъ, мнѣніе о немъ не замедлитъ составиться, и справедливость будетъ ему отдана, безъ всякихъ разрѣшеній со стороны почтенныхъ составителей кодексовъ.

Правда, [иногда], объясняя характеръ извѣстнаго автора или произведенія, критикъ самъ можетъ найти въ произведеніи то, чего въ немъ вовсе нѣтъ. Но въ такихъ случаяхъ критикъ всегда самъ выдаетъ себя. Если онъ вздумаетъ придать разбираемому творенію мысль болѣе живую и широкую, нежели какая дѣйствительно положена въ основаніе его авторомъ, то, очевидно, онъ не въ состояніи будетъ достаточно подтвердить свою мысль указаніями на самое сочиненіе, и, такимъ образомъ, критика, показавши, чѣмъ бы могло быть разбираемое произведеніе, чрезъ то самое только яснѣе выкажетъ бѣдность его замысла и недостаточность исполненія. Въ примѣръ подобной критики можно указать, напримѣръ, на разборъ Бѣлинскимъ «Тарантаса», написанный съ самой злой и тонкой ироніей; разборъ этотъ многими принимаемъ былъ за чистую монету, но и эти многіе находили, что смыслъ, приданный «Тарантасу» Бѣлинскимъ, очень хорошо проводится въ его критикѣ, но съ самымъ сочиненіемъ графа Соллогуба ладится плохо [1]). Впрочемъ, такого рода критическія утрировки встрѣчаются очень

[1]) Правда, Бѣлинскій воспользовался «Тарантасомъ» какъ поводомъ для осмѣянія славянофиловъ, а по пути и самого Соллогуба.

рѣдко. Гораздо чаще другой случай — что критикъ, дѣйствительно, не пойметъ разбираемаго автора и выведетъ изъ его сочиненія то, чего совсѣмъ и не слѣдуетъ. Такъ и тутъ бѣда не велика: способъ разсужденій критика сейчасъ покажетъ читателю, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и будь только факты налицо въ критикѣ,—фальшивыя умствованія не надуютъ читателя. Напримѣръ, одинъ г. П — ій, разбирая «Грозу», рѣшился послѣдовать той же методѣ, какой мы слѣдовали въ статьяхъ о «Темномъ царствѣ», и, изложивши сущность содержанія пьесы, принялся за выводы. Оказалось, по его соображеніямъ, что Островскій въ «Грозѣ» вывелъ на смѣхъ Катерину, желая въ ея лицѣ опозорить русскій мистицизмъ. Ну, разумѣется, прочитавши такой выводъ, сейчасъ и видишь, къ какому разряду умовъ принадлежитъ г. Пальховскій, и можно ли полагаться на его соображенія. Никого такая критика не собьетъ съ толку, никому она не опасна...

Совсѣмъ другое дѣло та критика, которая приступаетъ къ авторамъ, точно къ мужикамъ, приведеннымъ въ рекрутское присутствіе, съ форменною маркою и кричитъ то «лобъ!», то «затылокъ!» смотря по тому, подходитъ новобранецъ подъ мѣрку или нѣтъ. Тамъ расправа короткая и рѣшительная; и если вы вѣрите въ вѣчные законы искусства, напечатанные въ учебникѣ, то вы отъ такой критики не отвертитесь. Она по пальцамъ докажетъ вамъ, что то, чѣмъ вы восхищаетесь, никуда не годится, а отъ чего вы дремлете, зѣваете или получаете мигрень, это-то и есть настоящее сокровище. Возьмите, напримѣръ, хоть «Грозу»: что̀ это такое? Дерзкое оскорбленіе искусства, ничего больше, — и это очень легко доказать. Раскройте «Чтенія о словесности» [заслуженнаго профессора и академика Ивана Давыдова], составленныя [имъ] съ помощью перевода лекцій Блэра, или загляните хоть въ [кадетскій] курсъ словесности г. Плаксина,—тамъ ясно опредѣлены условія образцовой драмы. Предметомъ драмы непремѣнно должно быть событіе, гдѣ мы видимъ борьбу страсти и долга, съ несчастными послѣдствіями побѣды страсти, или съ счастливыми, когда побѣждаетъ долгъ. Въ развитіи драмы должно быть соблюдаемо строгое единство и послѣдовательность; развязка должна естественно и необходимо вытекать изъ завязки; каждая сцена должна непремѣнно способствовать движенію дѣйствія и подвигать его къ развязкѣ; поэтому, въ пьесѣ не должно быть ни одного лица, которое прямо и необходимо не участвовало бы въ развитіи драмы, не должно быть ни одного разговора, не относящагося къ сущности пьесы. Характеры дѣйствующихъ лицъ должны быть ярко обозначены, и въ обнаруженіи ихъ должна быть необходима постепенность, сообразно съ развитіемъ дѣйствія. Языкъ долженъ быть сообразенъ съ положеніемъ каждаго лица, но не удаляться отъ чистоты литературной и не переходить въ вульгарность.

Вотъ, кажется, всѣ главныя правила драмы. Приложимъ ихъ къ «Грозѣ».

«Предметъ драмы дѣйствительно представляетъ борьбу въ Катеринѣ между чувствомъ долга супружеской вѣрности и страсти къ молодому Борису Григорьевичу. Значитъ, первое требованіе найдено. Но затѣмъ, отправляясь отъ этого требованія, мы находимъ, что другія условія образцовой драмы нарушены въ «Грозѣ» самымъ жестокимъ образомъ.

«И, во-первыхъ, — «Гроза» не удовлетворяетъ самой существенной внутренней цѣли драмы — внушить уваженіе къ нравственному долгу и показать пагубныя послѣдствія увлеченья страстью. Катерина, эта безнравственная, безстыжая (по мѣткому выраженію Н. Ф. Павлова) женщина, выбѣжавшая ночью къ любовнику, какъ только мужъ уѣхалъ изъ дому, эта преступница представляется намъ въ драмѣ не [только не въ достаточно мрачномъ] [1]) свѣтѣ, [но даже съ какимъ-то сіяніемъ мученичества вокругъ чела]. Она говоритъ такъ хорошо, страдаетъ такъ жалобно, вокругъ нея все такъ дурно, что противъ нея у васъ нѣтъ негодованія: вы ее сожалѣете, вы вооружаетесь противъ ея притѣснителей, [и, такимъ образомъ, въ ея лицѣ оправдываете порокъ]. Слѣдовательно, драма не выполняетъ своего высокаго назначенія и дѣлается, если не вреднымъ примѣромъ, то, по крайней мѣрѣ, праздною игрушкой.

«Далѣе, съ чисто художественной точки зрѣнія находимъ также недостатки весьма важные. Развитіе страсти представлено недостаточно: мы не видимъ, какъ началась и усилилась любовь Катерины къ Борису, и чѣмъ именно была она мотивирована; поэтому, и самая борьба страсти и долга обозначается для насъ не вполнѣ ясно и сильно.

«Единство впечатлѣнія также не соблюдено: ему вредитъ примѣсь посторонняго элемента — отношеній Катерины къ свекрови. Вмѣшательство свекрови постоянно препятствуетъ намъ сосредочивать наше вниманіе на той внутренней борьбѣ, которая должна происходить въ душѣ Катерины.

---

[1]) дурномъ

«Кромѣ того, въ пьесѣ Островскаго замѣчаемъ ошибку противъ первыхъ и основныхъ правилъ всякаго поэтическаго произведенія, непростительную даже начинающему автору. Эта ошибка спеціально называется въ драмѣ — «двойственностью интриги»: здѣсь мы видимъ не одну любовь, а двѣ,— любовь Катерины къ Борису и любовь Варвары къ Кудряшу. Это хорошо только въ легкихъ французскихъ водевиляхъ, а не въ серьезной драмѣ, гдѣ вниманіе зрителей никакъ не должно быть развлекаемо по сторонамъ.

«Завязка и развязка также грѣшатъ противъ требованій искусства. Завязка заключается въ простомъ случаѣ—въ отъѣздѣ мужа; развязка также совершенно случайна и произвольна: эта гроза, испугавшая Катерину и заставившая ее все разсказать мужу, есть не что иное, какъ deus ex machina, не хуже водевильнаго дядюшки изъ Америки.

«Все дѣйствіе идетъ вяло и медленно, потому что загромождено сценами и лицами, совершенно ненужными. Кудряшъ и Шапкинъ, Кулигинъ, Феклуша, барыня съ двумя лакеями, самъ Дикой,—все это лица, существенно не связанныя съ основою пьесы. На сцену безпрестанно входятъ ненужныя лица, говорятъ вещи, неидущія къ дѣлу, и уходятъ, опять неизвѣстно зачѣмъ и куда. Всѣ декламаціи Кулигина, всѣ выходки Кудряша и Дикого, не говоря уже о полусумасшедшей барынѣ и о разговорахъ городскихъ жителей во время грозы, могли бы быть выпущены безъ всякаго ущерба для сущности дѣла.

«Строго опредѣленныхъ и отдѣланныхъ характеровъ въ этой толпѣ ненужныхъ лицъ мы почти не находимъ, а о постепенности въ ихъ обнаруженіи нечего и спрашивать. Они являются намъ прямо ex abrupto, съ ярлычками. Занавѣсъ открывается: Кудряшъ съ Кулигинымъ говорятъ о томъ, какой ругатель Дикой; вслѣдъ затѣмъ является и Дикой и еще за кулисами ругается... Тоже и Кабанова. Такъ же точно и Кудряшъ съ перваго слова даетъ знать себя, что онъ «лихъ на дѣвокъ»; и Кулигинъ при самомъ появленіи рекомендуется, какъ самоучка-механикъ, восхищающійся природою. Да такъ съ этимъ они и остаются до самаго конца: Дикой ругается, Кабановъ ворчитъ, Кудряшъ гуляетъ ночью съ Варварой... А полнаго всесторонняго развитія ихъ характеровъ мы не видимъ по всей пьесѣ. Сама героиня изображается весьма неудачно: какъ видно, самъ авторъ не совсѣмъ опредѣленно понималъ этотъ характеръ, потому что, не выставляя Катерину лицемѣркою, заставляетъ ее, однакоже, произносить чувствительные монологи, а на дѣлѣ показываетъ ее намъ, какъ женщину безстыжую, увлекаемую одною чувственностью. О героѣ нечего и говорить,—такъ онъ безцвѣтенъ. Сами Дикой и Кабанова, характеры наиболѣе въ genre'ѣ г. Островскаго, представляютъ (по счастливому заключенію г. Ахшарумова или кого-то другого въ этомъ родѣ) намѣренную утрировку, близкую къ пасквилю, и даютъ намъ не живыя лица, а «квинтъ-эссенцію уродствъ» русской жизни.

«Наконецъ и языкъ, какимъ говорятъ дѣйствующія лица, превосходитъ всякое терпѣніе благовоспитаннаго человѣка. Конечно, купцы и мѣщане не могутъ говорить изящнымъ литературнымъ языкомъ; но вѣдь нельзя же согласиться и съ тѣмъ, что драматическій авторъ, ради вѣрности, можетъ вносить въ литературу всѣ площадныя выраженія, которыми такъ богатъ русскій народъ. Языкъ драматическихъ персонажей, кто бы они ни были, можетъ быть простъ, но всегда благороденъ и не долженъ оскорблять образованнаго вкуса. А въ «Грозѣ» послушайте, какъ говорятъ всѣ лица: «Пронзительный мужикъ! что ты съ рыломъ-то лѣзешь!» «Всю нутренную разжигаетъ!» «Женщины себѣ тѣла никакъ нагулять не могутъ»!.. Что это за фразы, что за слова? Поневолѣ повторишь съ Лермонтовымъ:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слушать не хотимъ.

«Можетъ быть, «въ городѣ Калиновѣ, на берегу Волги», и есть люди, которые говорятъ такимъ образомъ, но что же намъ-то за дѣло до этого?»

Читатель понимаетъ, что мы не употребляли особенныхъ стараній, чтобы сдѣлать убѣдительною эту критику; оттого въ ней легко примѣтить въ иныхъ мѣстахъ живыя нитки, которыми она сшита. Но увѣряемъ, что ее можно сдѣлать чрезвычайно убѣдительною и побѣдоносною; можно ею уничтожить автора, разъ ставши на точку зрѣнія [школьныхъ] учебниковъ. И если читатель согласится дать намъ право приступить къ пьесѣ съ заранѣе приготовленными требованіями относительно того, что и какъ въ ней *должно* быть,—больше намъ ничего не нужно: все, что несогласно съ принятыми у насъ правилами, мы сумѣемъ уничтожить. Выписки изъ комедіи явятся весьма добросовѣстно для подтвержденія нашихъ сужденій; цитаты изъ разныхъ ученыхъ книгъ, начиная съ Аристотеля и кончая Фишеромъ, составляющимъ, какъ извѣстно, послѣдній, окончательный мо-

ментъ эстетической теоріи, докажутъ вамъ солидность нашего образованія; легкость изложенія и остроуміе помогутъ намъ увлечь ваше вниманіе, и вы, сами не замѣчая, придете къ полному согласію съ нами. Только пусть ни на минуту не заходитъ въ вашу голову сомнѣніе въ нашемъ полномъ правѣ предписывать автору обязанности и затѣмъ *судить* его, вѣренъ ли онъ этимъ обязанностямъ, или провинился передъ ними?..

Но вотъ въ этомъ-то и горе, что отъ подобнаго сомнѣнія не убережется теперь ни одинъ читатель. Презрѣнная толпа, прежде благоговѣйно разинувъ ротъ, внимавшая нашимъ вѣщаніямъ, теперь представляетъ плачевное и опасное для нашего авторитета зрѣлище массы, вооруженной, по прекрасному выраженію г. Тургенева, «обоюдо-острымъ мечомъ анализа». Всякій говоритъ, читая нашу громоносную критику: «вы предлагаете намъ свою «бурю», увѣряя, что въ «Грозѣ» то, что̀ есть,— лишнее, а чего нужно, того недостаетъ. Но вѣдь автору «Грозы», вѣроятно, кажется совсѣмъ противное; позвольте намъ разобрать васъ. Разскажите, анализируйте намъ пьесу, покажите ее, какъ она есть, и дайте намъ ваше мнѣніе о ней на основаніи ея же самой, а не по какимъ-то устарѣлымъ соображеніямъ, совсѣмъ ненужнымъ и постороннимъ. По вашему, того-то и того-то не должно быть; а, можетъ быть, оно въ пьесѣ-то и хорошо приходится, такъ тогда почему жъ не должно?» Такъ осмѣливается резонировать теперь всякій читатель, и этому обидному обстоятельству надо приписать то, что, напримѣръ, великолѣпныя критическія упражненія Н. Ф. Павлова по поводу «Грозы» потерпѣли такое рѣшительное фіаско. Въ самомъ дѣлѣ, на критика «Грозы» въ «Нашемъ Времени» поднялись всѣ — и литераторы, и публика, и, конечно, не за то, что онъ осмѣлился показать недостатокъ уваженія къ Островскому, а за то, что въ своей критикѣ онъ выразилъ неуваженіе къ здравому смыслу и доброй волѣ русской публики. Давно уже всѣ видятъ, что Островскій во многомъ удалился отъ старой сценической рутины, что въ самомъ замыслѣ каждой изъ его пьесъ есть условія, необходимо увлекающія его за предѣлы извѣстной теоріи, на которую указали мы выше. Критикъ, которому эти уклоненія не нравятся, долженъ былъ начать съ того, чтобъ ихъ отмѣтить, охарактеризовать, обобщить, и затѣмъ прямо и откровенно поставить вопросъ между ними и старой теоріей. Это была обязанность критика не только передъ разбираемымъ авторомъ, но еще больше передъ публикой, которая такъ постоянно одобряетъ Островскаго, со всѣми его вольностями и уклоненіями, и съ каждой новой пьесой все больше къ нему привязывается. Если критикъ находитъ, что публика заблуждается въ своей симпатіи къ автору, который оказывается преступникомъ противъ его теоріи, то онъ долженъ былъ начать съ защиты этой теоріи и съ серьезныхъ доказательствъ того, что уклоненія отъ нея не могутъ быть хороши. Тогда онъ, можетъ быть, и успѣлъ бы убѣдить нѣкоторыхъ и даже многихъ, такъ какъ у Н. Ф. Павлова нельзя отнять того, что онъ владѣетъ фразою довольно ловко. А теперь—что̀ онъ сдѣлалъ? Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на тотъ фактъ, что старые законы искусства, [продолжая существовать въ учебникахъ и преподаваться съ гимназическихъ и университетскихъ каѳедръ], давно ужъ, [однако], потеряли святыню неприкосновенности въ литературѣ и въ публикѣ. Онъ отважно принялся разбивать Островскаго по пунктамъ своей теоріи, насильно заставляя читателя считать ее неприкосновенною. Онъ счелъ удобнымъ только поиронизировать на счетъ господина, который, будучи «ближнимъ и братомъ» г. Павлова по мѣсту въ первомъ ряду креселъ и по «свѣжимъ» перчаткамъ, осмѣлился, однако, восхищаться пьесою, которая была такъ противна Н. Ф. Павлову. Такое пренебрежительное обращеніе съ публикою, да и съ самымъ вопросомъ, за рѣшеніе котораго критикъ взялся, естественно должно было возбудить большинство читателей скорѣе противъ него, нежели въ его пользу. Читатели дали замѣтить критику, что онъ съ своей теоріей вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, и потребовали, чтобъ онъ вышелъ изъ колеса на прямую дорогу. Округленная фраза и ловкій силлогизмъ показались имъ недостаточными: они потребовали серьезныхъ подтвержденій для самыхъ посылокъ, изъ которыхъ г. Павловъ дѣлалъ свои заключенія и которыя выдавалъ, какъ аксіомы. Онъ говорилъ: это дурно, потому что много лицъ въ пьесѣ, не содѣйствующихъ прямому развитію хода дѣйствія. А ему упорно возражали: да почему же въ пьесѣ не можетъ быть лицъ, не участвующихъ прямо въ развитіи драмы? [Критикъ увѣрялъ, что драма потому уже лишена значенія, что ея героиня безнравственна; читатели останавливали его и задавали вопросъ: съ чего же вы берете, что она безнравственна? и на чемъ основаны ваши нравственныя понятія?] Критикъ считалъ пошлостью и сальностью, недостойною искусства, — и ночное свиданіе, и удалой свистъ Кудряша, и самую сцену признанія Катерины передъ мужемъ; его опять спра-

шивали: отчего именно находитъ онъ это пошлымъ, и почему свѣтскія интрижки и [аристократическія]страсти достойнѣе искусства, нежели мѣщанскія увлеченія? Почему свистъ молодого парня болѣе пошлъ, нежели раздирательное пѣніе итальянскихъ арій [какимъ-нибудь] свѣтскимъ юношей? Н. Ф. Павловъ, какъ верхъ своихъ доводовъ, рѣшилъ свысока, что пьеса, подобная «Грозѣ», есть не драма, а балаганное представленіе. Ему и тутъ отвѣтили: а почему же вы такъ презрительно относитесь о балаганѣ? Еще это вопросъ, точно ли всякая прилизанная драма, даже хоть бы въ ней всѣ три единства соблюдены были, лучше всякаго балаганнаго представленія. Относительно роли балагана въ исторіи театра и въ дѣлѣ народнаго развитія мы еще съ вами поспоримъ. Послѣднее возраженіе было довольно подробно развито печатно. И гдѣ же раздалось оно? Добро бы въ «Современникѣ», который, какъ извѣстно, самъ имѣетъ при себѣ «Свистокъ», слѣдовательно, не можетъ скандализироваться свистомъ Кудряша, и вообще долженъ быть наклоненъ ко всякому балаганству. Нѣтъ, мысли о балаганѣ высказаны были въ «Библіотекѣ для Чтенія», извѣстной поборницѣ всѣхъ правъ «искусства», высказаны г. Анненковымъ, котораго никто не упрекнетъ въ излишней приверженности къ [«вульгарнымъ» началамъ] [1]). Если мы вѣрно поняли мысль г. Анненкова [(за что, конечно, никто поручиться не можетъ)] [2]), онъ находитъ, что современная драма съ своей теоріей дальше отклонилась отъ жизненной правды и красоты, нежели первоначальные балаганы, и что для возрожденія театра необходимо прежде возвратиться къ балагану и сызнова начинать путь драматическаго развитія. Вотъ съ какими мнѣніями столкнулся г. Павловъ даже въ почтенныхъ представителяхъ русской критики, не говоря уже о тѣхъ, которые благомыслящими людьми обвиняются въ презрѣніи къ наукѣ и въ отрицаніи всего высокаго! Понятно, что здѣсь уже нельзя было отдѣлаться болѣе или менѣе блестящими репликами, а надо было приступить къ серьезному пересмотру основаній, на которыхъ утверждался критикъ въ своихъ приговорахъ. Но, какъ скоро вопросъ перешелъ на эту почву, критикъ «Нашего Времени» оказался несостоятельнымъ и долженъ былъ замять свои критическія разглагольствованія.

Очевидно, что критика, дѣлающаяся союзницей школяровъ и принимающая на себя ревизовку литературныхъ произведеній по параграфамъ учебниковъ, должна очень часто ставить себя въ такое жалкое положеніе: осудивъ себя на рабство предъ господствующей теоріей, она обрекаетъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на постоянную, безплодную вражду ко всякому прогрессу, ко всему новому и оригинальному въ литературѣ. И чѣмъ сильнѣе новое литературное движеніе, тѣмъ болѣе она противъ него ожесточается и тѣмъ яснѣе выказываетъ свое беззубое безсиліе. Отыскивая какого-то мертваго совершенства, выставляя намъ отжившіе, индифферентные для насъ идеалы, швыряя въ васъ обломками, оторванными отъ прекраснаго цѣлаго, адепты подобной критики постоянно остаются въ сторонѣ отъ живого движенія, закрываютъ глаза отъ новой, живущей красоты, не хотятъ понять новой истины, результата новаго хода жизни. Они смотрятъ свысока на все, судятъ строго, готовы обвинять всякаго автора за то, что онъ не равняется съ ихъ chefs-d'oeuvre'ами, и нахально пренебрегаютъ живыми отношеніями автора къ своей публикѣ и своей эпохѣ. Это все видите ли, «интересы минуты»,—можно ли серьезнымъ критикамъ компрометтировать искусство, увлекаясь такими интересами! Бѣдные, бездушные люди, какъ они жалки въ глазахъ человѣка, умѣющаго дорожить дѣломъ жизни, ея трудами и благами! Человѣкъ обыкновенный, здравомыслящій, беретъ отъ жизни, что она даетъ ему, и отдаетъ ей, что можетъ; но педанты всегда забираютъ свысока и парализируютъ жизнь мертвыми идеалами и отвлеченіями. Скажите, что подумать о человѣкѣ, который при видѣ хорошенькой женщины начинаетъ вдругъ резонировать, что у нея станъ не таковъ, какъ у Венеры Милосской, очертаніе рта не такъ хорошо, какъ у Венеры Медицейской, взглядъ не имѣетъ того выраженія, какое находимъ мы у рафаэлевскихъ мадоннъ и т. д., и т. д. Всѣ разсужденія и сравненія подобнаго господина могутъ быть очень справедливы и остроумны, но къ чему могутъ привести они? Докажутъ ли они вамъ, что женщина, о которой идетъ рѣчь, не хороша собой? Въ состояніи ли они убѣдить васъ даже въ томъ, что эта женщина менѣе хороша, чѣмъ та или другая Венера? Конечно, нѣтъ, потому что красота заключается не въ отдѣльныхъ чертахъ и линіяхъ, а въ общемъ выраженіи лица, въ томъ жизненномъ смыслѣ, который въ немъ проявляется. Когда это выраженіе симпатично мнѣ, когда этотъ смыслъ доступенъ и удовлетворителенъ для меня, тогда я просто отдаюсь красотѣ всѣмъ сердцемъ и смысломъ, не дѣлая ни-

[1]) вульгарнымъ началамъ.
[2]) Намекъ на ужасную запутанность его мыслей вообще.

какихъ мертвыхъ сравненій, не предъявляя претензій, освященныхъ преданіями искусства. И если вы хотите живымъ образомъ дѣйствовать на меня, хотите заставить меня полюбить красоту, то умѣйте уловить въ ней этотъ общій смыслъ, это вѣяніе жизни, умѣйте указать и растолковать его мнѣ: тогда только вы достигнете вашей цѣли. То же самое и съ истиною: она не въ діалектическихъ тонкостяхъ, не въ вѣрности отдѣльныхъ умозаключеній, а въ живой правдѣ того, о чемъ разсуждаете. Дайте мнѣ понять характеръ явленія, его мѣсто въ ряду другихъ, его смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни, и повѣрьте, что этимъ путемъ вы приведете меня къ правильному сужденію о дѣлѣ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ посредствомъ всевозможныхъ силлогизмовъ, подобранныхъ для доказательства вашей мысли. Если до сихъ поръ невѣжество и легковѣріе такъ еще сильны въ людяхъ, это поддерживается именно тѣмъ способомъ критическихъ разсужденій, на который мы нападаемъ. Вездѣ и во всемъ преобладаетъ синтезъ; говорятъ заранѣе: это полезно, и бросаются во всѣ стороны, чтобы прибрать доводы, почему полезно; оглушаютъ васъ сентенціей: [вотъ какова должна быть нравственность],—и затѣмъ осуждаютъ [какъ безнравственное] все, что̀ не подходитъ подъ сентенцію. Такимъ образомъ постоянно искажается человѣческій смыслъ, и отнимается охота и возможность разсуждать каждому самому. Совсѣмъ не то выходило бы, когда люди пріучились бы къ аналитическому способу сужденій: вотъ какое дѣло, вотъ его послѣдствія, вотъ его выгоды и невыгоды; взвѣсьте и разсудите, въ какой мѣрѣ оно будетъ полезно. Тогда люди постоянно имѣли бы передъ собою данныя, и въ своихъ сужденіяхъ исходили бы изъ фактовъ, не блуждая въ синтетическихъ туманахъ, не связывая себя отвлеченными теоріями и идеалами, [когда-то и кѣмъ-то составленными]. Чтобы достигнуть этого, надобно, чтобы всѣ люди получили охоту жить своимъ умомъ, [а не полагаться на чужую опеку]. Этого, конечно, еще не скоро дождемся мы въ человѣчествѣ. Но та небольшая часть людей, которую мы называемъ «читающей публикой», даетъ намъ право думать, что въ ней эта охота къ самостоятельной умственной жизни уже пробудилась. Поэтому, мы считаемъ весьма неудобнымъ третировать ее свысока и надменно бросать ей сентенціи и приговоры, основанные Богъ знаетъ на какихъ теоріяхъ. Самымъ лучшимъ способомъ критики мы считаемъ изложеніе самого дѣла такъ, чтобы читатель самъ, на основаніи выставленныхъ фактовъ, могъ сдѣлать свое заключеніе. Мы группируемъ данныя, дѣлаемъ соображенія объ общемъ смыслѣ произведенія, указываемъ на отношеніе его къ дѣйствительности, въ которой мы живемъ, выводимъ свое заключеніе и пытаемся обставить его возможно лучшимъ образомъ, но при этомъ всегда стараемся держаться такъ, чтобы читатель могъ совершенно удобно произнести свой судъ между нами и авторомъ. Намъ не разъ случалось принимать упреки за нѣкоторые ироническіе разборы: «изъ вашихъ же выписокъ и изложенія содержанія видно, что этотъ авторъ плохъ или вреденъ,—говорили намъ,—а вы его хвалите,—какъ вамъ не стыдно». Признаемся, подобные упреки нимало насъ не огорчали: читатель получалъ не совсѣмъ лестное мнѣніе о нашей критической способности,—правда; но [главная] цѣль была все-таки достигнута,—негодная книга [(которую иногда мы и не могли прямо осудить)] такъ и показалась читателю негодною, благодаря фактамъ, выставленнымъ передъ его глазами. И мы всегда были того мнѣнія, что только фактическая, реальная критика и можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ для читателя. Если въ произведеніи есть что-нибудь, то покажите намъ, что̀ въ немъ есть; это гораздо лучше, чѣмъ пускаться въ соображенія о томъ, чего въ немъ нѣтъ, и что̀ должно было бы въ немъ находиться.

Разумѣется, есть общія понятія и законы, которые всякій человѣкъ непремѣнно имѣетъ въ виду, разсуждая о какомъ бы то ни было предметѣ. Но нужно различать между этими естественными законами, вытекающими изъ самой сущности дѣла, и между положеніями и правилами, установленными въ какой-нибудь системѣ. Есть извѣстныя аксіомы, безъ которыхъ мышленіе невозможно, и ихъ всякій авторъ предполагаетъ въ своемъ читателѣ, такъ же, какъ всякій разговаривающій — въ своемъ собесѣдникѣ. Довольно сказать о человѣкѣ, что онъ горбатъ или косъ, чтобы всякій увидѣлъ въ этомъ недостатокъ, а не преимущество его организаціи. Такъ точно достаточно замѣтить, что такое-то литературное произведеніе безграмотно или исполнено лжи, чтобы этого никто не счелъ достоинствомъ. Но когда вы скажете, что человѣкъ ходитъ въ фуражкѣ, а не въ шляпѣ, этого еще недостаточно для того, чтобы я получилъ о немъ дурное мнѣніе, хотя въ извѣстномъ кругу и принято, что порядочный человѣкъ не долженъ фуражку носить. Такъ и въ литературномъ произведеніи — если вы находите несоблюденіе какихъ-нибудь единствъ, или видите лица не необходимыя для развитія интриги, такъ

это еще ничего не говоритъ для читателя, не предубѣжденнаго въ пользу вашей теоріи. [Только][1]) то, что̀ каждому читателю должно показаться нарушеніемъ естественнаго порядка вещей и оскорбленіемъ простого здраваго смысла, могу я считать не требующимъ отъ меня опроверженій, предполагая, что эти опроверженія сами собою явятся въ умѣ читателя, при одномъ моемъ указаніи на фактъ. Но никогда не нужно слишкомъ далеко простирать подобное предположеніе. Критики, подобные Н. Ф. Павлову, г. Некрасову изъ Москвы, г. Пальховскому и пр., тѣмъ и грѣшатъ особенно, что предполагаютъ безусловное согласіе между собою и общимъ мнѣніемъ гораздо въ бо̀льшемъ количествѣ пунктовъ, чѣмъ слѣдуетъ. Иначе сказать, — они считаютъ непреложными, очевидными для всѣхъ аксіомами множество такихъ мнѣній, которыя только имъ кажутся абсолютными истинами, а для большинства людей представляютъ даже противорѣчіе съ нѣкоторыми общепринятыми понятіями. Напримѣръ, всякому понятно, что авторъ, желающій сдѣлать что-нибудь порядочное, не долженъ искажать дѣйствительность; въ этомъ требованіи согласны и теоретики, и общее мнѣніе. Но теоретики въ то же время требуютъ и тоже полагаютъ, какъ аксіому,— что авторъ долженъ совершенствовать дѣйствительность, отбрасывая изъ нея все ненужное и выбирая только то, что̀ спеціально требуется для развитія интриги и для развязки произведенія. Сообразно съ этимъ вторымъ требованіемъ на Островскаго напускались много разъ съ великою яростью; а между тѣмъ оно не только не аксіома, но даже находится въ явномъ противорѣчіи съ требованіемъ относительно вѣрности дѣйствительной жизни, которое всѣми признано, какъ необходимое. Какъ вы, въ самомъ дѣлѣ, заставите меня вѣрить, что въ теченіе какого-нибудь получаса въ одну комнату, или одно мѣсто на площади, приходятъ одинъ за другимъ десять человѣкъ, именно тѣ, кого нужно, именно въ то время, какъ ихъ тутъ нужно, встрѣчаютъ, кого имъ нужно, начинаютъ ex abrupto разговоръ о томъ, что̀ нужно, уходятъ и дѣлаютъ что̀ нужно, потомъ опять являются, когда имъ нужно. Дѣлается ли это такъ въ жизни, похоже ли это на истину? Кто не знаетъ, что въ жизни самое трудное дѣло подогнать одно къ другому благопріятныя обстоятельства, устроить теченіе дѣлъ сообразно съ логической надобностью. Обыкновенно человѣкъ знаетъ, что̀ ему дѣлать, да не можетъ такъ потрафить, чтобы направить на свое дѣло всѣ средства, которыми такъ легко распоряжается писатель. Нужныя лица не приходятъ, письма не получаются, разговоры идутъ не такъ, чтобъ подвинуть дѣло... У всякаго въ жизни много своихъ дѣлъ, и рѣдко кто служитъ, какъ въ нашихъ драмахъ, машиною, которою двигаетъ авторъ, какъ ему удобнѣе, для дѣйствія его пьесы. То же надо сказать и о завязкѣ съ развязкою. Много ли мы видимъ случаевъ, которые бы въ своемъ концѣ представляли чистое, логическое развитіе начала? Въ исторіи мы еще можемъ примѣтить это въ теченіе вѣковъ; но въ частной жизни не то. Правда, что историческіе законы и здѣсь тѣ же самые, но разница въ разстояніи и размѣрѣ. Говоря абсолютно и принимая въ соображеніе безконечно малыя величины, конечно, мы найдемъ, что шаръ тотъ же многоугольникъ; но попробуйте играть на бильярдѣ многоугольниками,—совсѣмъ не то выйдетъ. Такъ точно и историческіе законы о логическомъ развитіи [и необходимомъ возмездіи —] представляются въ происшествіяхъ частной жизни далеко не такъ ясно и полно, какъ въ исторіи народовъ. Придавать имъ нарочно эту ясность значитъ насиловать и искажать существующую дѣйствительность. Будто бы въ самомъ дѣлѣ всякое преступленіе носитъ въ себѣ самомъ свое наказаніе? Будто оно всегда сопровождается мученіями совѣсти, если не внѣшнею казнью? Будто бережливость всегда ведетъ къ достатку, честность награждается общимъ уваженіемъ, сомнѣніе находитъ свое разрѣшеніе, добродѣтель доставляетъ внутреннее довольство? [Не чаще ли видимъ противное, хотя, съ другой стороны, и противное не можетъ быть утверждаемо, какъ общее правило... Нельзя сказать, чтобы люди были злы по природѣ, и потому нельзя принимать для литературныхъ произведеній принциповъ въ родѣ того, что, напримѣръ, порокъ всегда торжествуетъ, а добродѣтель наказывается. Но невозможно, даже смѣшно сдѣлалось строить драмы и на торжествѣ добродѣтели!] Дѣло въ томъ, что отношенія человѣческія рѣдко устраиваются на основаніи разумнаго разсчета, а слагаются большею частью случайно, и затѣмъ значительная доля поступковъ однихъ съ другими совершается какъ бы безсознательно, по рутинѣ, по минутному расположенію, по вліянію множества постороннихъ причинъ. Авторъ, рѣшающійся отбросить въ сторону всѣ эти случайности въ угоду логическимъ требованіямъ развитія сюжета, обыкновенно теряетъ среднюю мѣру и дѣлается похожъ на человѣка, который все измѣряетъ на maximum. Онъ, напримѣръ,

[1]) Напротивъ,

нашелъ, что человѣкъ можетъ безъ непосредственнаго вреда для себя работать пятнадцать часовъ въ сутки, и на этомъ разсчетѣ основываетъ свои требованія отъ людей, которые у него работаютъ. Само собою разумѣется, что разсчетъ этотъ, возможный для экстренныхъ случаевъ, для двухъ-трехъ дней, оказывается совершенно нелѣпымъ, какъ норма постоянной работы. Таковымъ же нерѣдко оказывается и логическое развитіе житейскихъ отношеній, требуемое теоріею отъ драмы.

Намъ скажутъ, что мы впадаемъ въ отрицаніе всякаго творчества и не признаемъ искусства иначе, какъ въ видѣ дагерротипа. Еще больше, — насъ попросятъ провести дальше наши мнѣнія и дойти до крайнихъ ихъ результатовъ, то-есть, что драматическій авторъ, не имѣя права ничего отбрасывать и ничего подгонять нарочно для своей цѣли, оказывается въ необходимости просто записывать всѣ ненужные разговоры всѣхъ встрѣчныхъ лицъ, такъ что дѣйствіе, продолжавшееся недѣлю, потребуетъ и въ драмѣ ту же самую недѣлю для своего представленія на театрѣ, а для иного происшествія потребуется присутствіе всѣхъ тысячъ людей, прогуливающихся по Невскому проспекту или по Англійской набережной. Да, оно такъ и придется, если оставить высшимъ критеріумомъ въ литературѣ все-таки ту теорію, которой положенія мы сейчасъ оспаривали. Но мы вовсе не къ тому идемъ; не два-три пункта теоріи хотимъ мы исправить; нѣтъ, съ такими исправленіями она будетъ еще хуже, запутаннѣе и противорѣчивѣе; мы просто не хотимъ ее вовсе. У насъ есть для сужденія о достоинствѣ авторовъ и произведеній другія основанія, держась которыхъ мы надѣемся не придти ни къ какимъ нелѣпостямъ и не разойтись съ здравымъ смысломъ массы публики. Объ этихъ основаніяхъ мы уже говорили и въ первыхъ статьяхъ объ Островскомъ, [и потомъ въ статьѣ о «Наканунѣ»], но, можетъ быть, нужно еще разъ вкратцѣ изложить ихъ.

Мѣрою достоинства писателя или отдѣльнаго произведенія мы принимаемъ то, насколько служатъ они выраженіемъ естественныхъ стремленій извѣстнаго времени и народа. [Естественныя стремленія человѣчества, приведенныя къ самому простому знаменателю, могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: «чтобъ всѣмъ было хорошо». Понятно, что, стремясь къ этой цѣли, люди, по самой сущности дѣла, сначала должны были отъ нея удалиться: каждый хотѣлъ, чтобъ ему было хорошо, и, утверждая свое благо, мѣшалъ другимъ; устроиться же такъ, чтобъ одинъ другому не мѣшалъ, еще не умѣли. Такъ неопытные танцоры не умѣютъ распорядиться своими движеніями и безпрестанно сталкиваются съ другими парами, даже въ довольно пространной залѣ. Послѣ, попривыкши, они станутъ лучше расходиться даже и въ залѣ меньшаго объема и при большемъ количествѣ танцующихъ. Но пока они не пріобрѣли ловкости, до тѣхъ поръ, разумѣется, и невозможно допустить, чтобы въ залѣ пускались въ вальсъ многія пары; чтобы не переколотиться другъ объ друга, необходимо многимъ переждать, а самымъ неловкимъ и вовсе отказаться отъ танцевъ и, можетъ быть, сѣсть за карты, проиграть, и даже много... Такъ было и въ устройствѣ жизни: болѣе ловкіе продолжали отыскивать свое благо, другіе сидѣли, принимались за то, за что̀ не слѣдовало, проигрывали; общій праздникъ жизни нарушался съ самаго начала, многимъ стало не до веселья; многіе пришли къ убѣжденію, что къ веселью только тѣ и призваны, кто ловко танцуетъ. А ловкіе танцоры, устроившіе свое благосостояніе, продолжали слѣдовать естественному влеченію и забирали себѣ все больше простора, все больше средствъ для веселья. Наконецъ, они теряли мѣру; остальнымъ становилось отъ нихъ очень тѣсно, и они вскакивали съ своихъ мѣстъ и подпрыгивали — уже не за тѣмъ, чтобы танцовать хотѣли, а просто потому, что имъ даже сидѣть-то стало неловко. А между тѣмъ въ этомъ движеніи оказалось, что и между ними есть люди, не лишенные нѣкоторой легкости — и тѣ пробовали вступить въ кругъ веселящихся. Но привилегированные, первоначальные танцоры смотрѣли на нихъ уже очень непріязненно, какъ на непризванныхъ, и не пускали ихъ въ кругъ. Начиналась борьба, разнообразная, долгая, большею частью неблагопріятная для новичковъ: ихъ осмѣивали, отталкивали, ихъ осуждали платить издержки праздника, у нихъ отнимали ихъ дамъ, а у дамъ кавалеровъ, ихъ совсѣмъ прогоняли съ праздника. Но чѣмъ хуже становится людямъ, тѣмъ они сильнѣе чувствуютъ нужду, чтобъ было хорошо. Лишеніями не остановишь требованій, а только раздражишь; только принятіе пищи можетъ утолить голодъ. До сихъ поръ, поэтому, борьба не кончена; естественныя стремленія, то какъ будто заглушаясь, то появляясь сильнѣе, все ищутъ своего удовлетворенія. Въ этомъ состоитъ сущность исторіи].

Во всѣ времена и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности появлялись люди, настолько здоровые и одаренные натурою, что естественныя стремленія говорили въ нихъ чрезвычайно сильно, незаглушаемо. Въ практической дѣятельности они [часто

дѣлались мучениками своихъ стремленій, но никогда] не проходили безслѣдно, никогда не оставались одинокими; въ общественной дѣятельности они пріобрѣтали партію, въ чистой наукѣ дѣлали открытія, въ искусствахъ, въ литературѣ образовали школу. Не говоримъ о дѣятеляхъ общественныхъ [которыхъ роль въ исторіи всякому должна быть понятна послѣ того, что̀ мы сказали на предыдущей страницѣ]. Но замѣтимъ, что и въ дѣлѣ науки и литературы за великими личностями всегда сохранился тотъ характеръ, который мы обозначили выше, — сила естественныхъ, живыхъ стремленій. Съ искаженіемъ этихъ стремленій въ массѣ совпадаетъ водвореніе многихъ нелѣпыхъ понятій о мірѣ и человѣкѣ; эти понятія, въ свою очередь, мѣшали общему благу. [Чтобы не заходить далеко, вспомнимъ, сколько зла причинили человѣчеству нелѣпости фетишизма и всякаго рода космогоническія бредни, а потомъ астрологическія и кабалистическія мистеріи на разные лады]. Люди чистой науки, дѣлавшіе астрономическія и физическія открытія, или установлявшіе новыя философскія начала, умѣли слушать голосъ естественныхъ, здравыхъ требованій ума и помогали человѣчеству избавляться отъ тѣхъ или другихъ [искусственныхъ комбинацій] [1]), вредившихъ устройству общаго благоденствія. Съ каждымъ изъ этихъ людей человѣчество дѣлало новый шагъ въ развитіи правильныхъ, естественныхъ понятій, и по важности этихъ шаговъ можемъ мы опредѣлять личное достоинство каждаго дѣятеля. То же самое прилагается и къ людямъ прикладныхъ знаній: техникамъ, механикамъ, агрономамъ, врачамъ и пр... То же видимъ и въ области искусствъ, и въ литературѣ.

Литературу до сихъ поръ предоставлена была небольшая роль въ этомъ движеніи человѣчества къ естественнымъ началамъ, [отъ которыхъ оно отклонилось]. По существу своему литература не имѣетъ дѣятельнаго значенія: она только или предполагаетъ то, что̀ нужно сдѣлать, или изображаетъ то, что̀ уже дѣлается и сдѣлано. Въ первомъ случаѣ, то-есть, въ предположеніяхъ будущей дѣятельности, она беретъ свои матеріалы и основанія изъ чистой науки; во второмъ—изъ самыхъ фактовъ жизни. Такимъ образомъ, вообще говоря, литература представляетъ собою силу служебную, [которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что̀ и какъ она пропагандируетъ] [2]). Въ литературѣ, впрочемъ, являлось до сихъ поръ нѣсколько дѣятелей, которые [въ своей пропагандѣ] стоятъ такъ высоко, что ихъ не превзойдутъ ни практическіе дѣятели [для блага человѣчества], ни люди чистой науки. [Эти писатели были одарены такъ богато природою, что умѣли, какъ бы по инстинкту, приблизиться къ естественнымъ понятіямъ и стремленіямъ, которыхъ еще только искали современные имъ философы съ помощью строгой науки]. Мало того: истины, которыя философы только предугадывали въ теоріи, геніальные писатели умѣли схватывать въ жизни и изображать въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, служа полнѣйшими представителями высшей степени человѣческаго сознанія въ извѣстную эпоху, и съ этой высоты обозрѣвая жизнь людей и природы и рисуя ее передъ нами, они возвышались надъ служебною ролью литературы и становились въ рядъ историческихъ дѣятелей, способствовавшихъ человѣчеству въ яснѣйшемъ сознаніи его живыхъ силъ и естественныхъ наклонностей. Таковъ былъ Шекспиръ. Многія изъ его пьесъ могутъ быть названы открытіями въ области человѣческаго сердца; его литературная дѣятельность подвинула общее сознаніе людей на нѣсколько ступеней, на которыя до него никто не поднимался и которыя только были издали указываемы нѣкоторыми философами. И вотъ почему Шекспиръ имѣетъ такое всемірное значеніе: имъ обозначается нѣсколько новыхъ ступеней человѣческаго развитія. Но зато Шекспиръ и стоитъ внѣ обычнаго ряда писателей; имена Данте, Гёте, Байрона часто присоединяются къ его имени, но трудно сказать, чтобъ въ каждомъ изъ нихъ такъ полно обозначалась цѣлая новая фаза общечеловѣческаго развитія, какъ въ Шекспирѣ. Что же касается до обыкновенныхъ талантовъ, то для нихъ именно остается та служебная роль, о которой мы говорили. Не представляя міру ничего новаго и невѣдомаго, не намѣчая новыхъ путей въ развитіи всего человѣчества, не двигая его даже и на принятомъ пути, они должны ограничиваться болѣе частнымъ, спеціальнымъ служеніемъ: они проводятъ въ сознаніе массъ то, что̀ открыто передовыми дѣятелями человѣчества, раскрываютъ и проясняютъ людямъ то, что̀ въ нихъ живетъ еще смутно и неопредѣленно. Обыкновенно это происходитъ не такъ, впрочемъ, чтобы литераторъ заимствовалъ у философа его идеи, потомъ проводилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Нѣтъ, оба они дѣйствуютъ самостоятельно, оба исходятъ изъ одного начала — дѣйствительной жизни, [но только различнымъ образомъ принимаются за дѣло. Мыслитель, замѣчая

[1]) вещей

[2]) разъясняющую для большинства или научные выводы, или житейскіе факты.

въ людяхъ, напримѣръ, недовольство настоящимъ ихъ положеніемъ, соображаетъ всѣ факты и старается отыскать новыя начала, которыя бы могли удовлетворить возникающія требованія. Литераторъ-поэтъ, замѣчая то же недовольство, рисуетъ его картину такъ живо, что общее вниманіе, остановленное на ней, само собою наводитъ людей на мысль о томъ, что̀ же именно имъ нужно. Результатъ одинъ, и значеніе двухъ дѣятелей было бы одно и то же]; но исторія литературы показываетъ намъ, что, за немногими исключеніями, литераторы обыкновенно опаздываютъ. Тогда какъ мыслители, привязываясь къ самымъ незначительнымъ признакамъ и неотступно преслѣдуя попавшуюся мысль до самыхъ послѣднихъ ея основаній, нерѣдко подмѣчаютъ новое движеніе въ самомъ еще ничтожномъ его зародышѣ,—литераторы по большей части оказываются менѣе чуткими: они подмѣчаютъ явленіе [возникающее] тогда уже, когда оно довольно явственно и сильно. Зато, впрочемъ, они ближе къ понятіямъ массы и больше имѣютъ въ ней успѣха; [они подобны барометру, съ которымъ всякій справляется, между тѣмъ какъ метеорологo-астрономическихъ выкладокъ и предвѣщаній никто не хочетъ знать]. Такимъ образомъ, признавая за литературою главное значеніе [пропаганды] [1]), мы требуемъ отъ нея одного качества, безъ котораго въ ней не можетъ быть никакихъ достоинствъ, именно—*правды*. Надо, чтобы факты, изъ которыхъ исходитъ авторъ, и которые онъ представляетъ намъ, были переданы вѣрно. Какъ скоро этого нѣтъ, литературное произведеніе теряетъ всякое значеніе; оно становится даже вреднымъ, потому что служитъ не къ просвѣтленію человѣческаго сознанія, а, напротивъ, еще къ большему помраченію. И тутъ уже напрасно стали бы мы отыскивать въ авторѣ какой-нибудь талантъ, кромѣ развѣ таланта враля. Въ произведеніяхъ историческаго характера правда должна быть фактическая; въ беллетристикѣ, гдѣ происшествія вымышлены, она замѣняется логическою правдою, то-есть разумною вѣроятностью и сообразностью съ существующимъ ходомъ дѣлъ.

Но правда есть необходимое условіе, а еще *не достоинство произведенія*. О достоинствѣ мы судимъ по широтѣ взгляда автора, вѣрности пониманія и живости изображенія тѣхъ явленій, которыхъ онъ коснулся. [И прежде всего, по принятому нами критерію, мы различаемъ авторовъ, служащихъ представителями естественныхъ, правильныхъ стремленій народа, отъ авторовъ, служащихъ органами разныхъ искусственныхъ тенденцій и требованій. Мы уже видѣли, что искусственныя общественныя комбинаціи, бывшія слѣдствіемъ первоначальной неумѣлости людей въ устройствѣ своего благосостоянія, во многихъ заглушили сознаніе естественныхъ потребностей]. Въ литературахъ всѣхъ народовъ мы находимъ множество писателей, совершенно преданныхъ искусственнымъ интересамъ и нимало не заботящихся о нормальныхъ [требованіяхъ] [1]) человѣческой природы. Эти писатели могутъ быть и не лжецы, но произведенія ихъ, тѣмъ не менѣе, ложны, и въ нихъ мы не можемъ признать достоинствъ, развѣ только относительно формы. Всѣ, напримѣръ, пѣвцы иллюминацій, [военныхъ торжествъ, рѣзни и грабежа по приказу какого-нибудь честолюбца, сочинители льстивыхъ диѳирамбовъ], надписей [и мадригаловъ] не могутъ имѣть въ нашихъ глазахъ никакого значенія, потому что они весьма далеки отъ естественныхъ стремленій [и потребностей народныхъ]. Въ литературѣ они то же въ сравненіи съ истинными писателями, что̀ въ наукѣ астрологи и алхимики предъ истинными натуралистами, что̀ сонники предъ курсомъ физіологіи, гадательныя книжки предъ теоріей вѣроятностей. Между авторами, не удаляющимися отъ естественныхъ понятій, мы различаемъ людей, болѣе или менѣе глубоко проникнутыхъ насущными [требованіями] [2]) эпохи, болѣе или менѣе [широко обнимающихъ движеніе, совершающееся въ человѣчествѣ, и болѣе или менѣе] сильно [ему] [3]) сочувствующихъ. Тутъ степени могутъ быть безчисленны. Одинъ авторъ можетъ исчерпать одинъ вопросъ, другой десять, третій можетъ всѣ ихъ подвести подъ одинъ высшій вопросъ [и его поставить на разрѣшеніе], четвертый можетъ указать на вопросы, которые поднимаются еще за разрѣшеніемъ этого высшаго вопроса и т. д. Одинъ можетъ холодно, эпически излагать факты, другой съ лирической силой ополчиться на ложь и воспѣвать добро и правду. Одинъ можетъ брать дѣло съ поверхности и указывать надобность внѣшнихъ и частныхъ поправокъ; другой можетъ забирать все съ корня [и выставлять на видъ внутреннее безобразіе и несостоятельность предмета, или внутреннюю силу и красоту новаго зданія, воздвигаемаго при новомъ движеніи человѣчества. Сообразно съ широтою взгляда и силою чувства авторовъ будетъ разниться и способъ изображенія предметовъ, и самое

[1]) разъясненія жизненныхъ явленій,

[1]) качествахъ
[2]) идеями
[3]) имъ

изложеніе у каждаго изъ нихъ. Разобрать это отношеніе внѣшней формы къ внутренней силѣ уже нетрудно; самое главное для критики—опредѣлить, стоитъ ли авторъ въ уровень съ тѣми естественными стремленіями, которыя уже пробудились въ народѣ или должны скоро пробудиться по требованію современнаго порядка дѣлъ; затѣмъ—въ какой мѣрѣ умѣлъ онъ ихъ понять и выразить, и взялъ ли онъ существо дѣла, корень его, или только внѣшность, обнялъ ли общность предмета, или только нѣкоторыя его стороны].

Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, что мы здѣсь разумѣемъ не теоретическое обсужденіе, а поэтическое представленіе фактовъ жизни. Въ прежнихъ статьяхъ объ Островскомъ мы достаточно говорили о различіи отвлеченнаго мышленія отъ художническаго способа представленія. Повторимъ здѣсь только одно замѣчаніе, необходимое для того, чтобы поборники чистаго искусства не обвинили насъ опять въ навязываньи художнику «утилитарныхъ темъ». Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ создавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи, не потому, что авторъ задался этой идеей при его созданіи, а потому, что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собою. Такимъ образомъ, напр., философія Сократа и комедія Аристофана, въ отношеніи къ религіозному ученію грековъ, служатъ выраженіемъ одной и той же общей идеи—[разрушенія] [1]) древнихъ вѣрованій; но вовсе нѣтъ надобности думать, что Аристофанъ задавалъ себѣ именно эту цѣль для своихъ комедій: она достигается у него просто картиною греческихъ нравовъ того времени. Изъ его комедій мы рѣшительно убѣждаемся, что въ то время, когда онъ писалъ, царство греческой миѳологіи уже прошло, т.-е. онъ практически приводитъ насъ къ тому, что̀ Сократъ и Платонъ доказываютъ философскимъ образомъ. Такова и вообще бываетъ разница въ способѣ дѣйствія произведеній поэтическихъ и собственно теоретическихъ. Она соотвѣтствуетъ разницѣ въ самомъ способѣ мышленія художника и мыслителя: одинъ мыслитъ конкретнымъ образомъ, никогда не теряя изъ виду частныхъ явленій и образовъ, а другой стремится все обобщить, слить частные признаки въ общей формулѣ. Но существенной разницы между истиннымъ знаніемъ и истинной поэзіей быть не можетъ: талантъ есть принадлежность натуры человѣка, и потому онъ несомнѣнно гарантируетъ намъ извѣстную силу и широту естественныхъ стремленій въ томъ, кого мы признаемъ талантливымъ. Слѣдовательно, и произведенія его должны создаваться подъ вліяніемъ этихъ естественныхъ, правильныхъ потребностей натуры; сознаніе [нормальнаго порядка вещей] [1]) должно быть въ немъ ясно и живо, идеалъ его простъ и разуменъ, и онъ не отдастъ себя на служеніе неправдѣ и безсмыслицѣ, не потому, чтобы не хотѣлъ, а просто потому, что не можетъ,—не выйдетъ у него ничего хорошаго, если онъ и вздумаетъ понасиловать свой талантъ. [Подобно Валааму, захочетъ онъ проклинать Израиля, и, противъ его воли, въ торжественную минуту вдохновенія въ его устахъ явятся благословенія вмѣсто проклятій. А если и удастся ему выговорить слово проклятія, то оно лишено будетъ внутренняго жара, будетъ слабо и невразумительно. Намъ нечего ходить далеко за примѣрами: наша литература изобилуетъ ими едва ли не болѣе всякой другой. Возьмите хоть Пушкина и Гоголя: какъ бѣдны и трескучи заказныя стихотворенія Пушкина; какъ жалки аскетическія попытки Гоголя въ литературѣ! Доброй воли было у нихъ много, но воображеніе и чувство не давали достаточно матеріала для того, чтобы сдѣлать истинно поэтическую вещь на заказныя, искусственныя темы]. Да и не мудрено: дѣйствительность, изъ которой почерпаетъ поэтъ свои матеріалы и свои вдохновенія, имѣетъ свой натуральный смыслъ, при нарушеніи котораго уничтожается самая жизнь предмета, и остается только мертвый остовъ его. Съ этимъ-то остовомъ и принуждены были всегда оставаться писатели, хотѣвшіе, вмѣсто естественнаго смысла, придать явленіямъ другой, противный ихъ сущности.

Но, какъ мы уже сказали, естественныя стремленія человѣка и здравыя, простыя понятія о вещахъ искажены [и почти заглушены] во многихъ. Вслѣдствіе неправильнаго развитія, часто людямъ представляется совершенно нормальнымъ и естественнымъ то, что̀ въ сущности составляетъ [нелѣпѣйшее] насиліе природы. Съ теченіемъ времени человѣчество все болѣе и болѣе освобождается отъ искусственныхъ искаженій и приближается къ естественнымъ требованіямъ и воззрѣніямъ: мы уже не видимъ таинственныхъ силъ въ каждомъ лѣсѣ и озерѣ, въ громѣ и молніи, въ солнцѣ и

[1]) несостоятельности

[1]) правды

звѣздахъ; [мы уже не имѣемъ въ образованныхъ странахъ кастъ и паріевъ]; мы не перемѣшиваемъ отношеній двухъ половъ, подобно народамъ Востока; [мы не признаемъ класса рабовъ существенной принадлежностью государства, какъ было у грековъ и римлянъ]; мы отрицаемся отъ инквизиціонныхъ началъ, господствовавшихъ въ средневѣковой Европѣ. Если все это еще и встрѣчается нынѣ по мѣстамъ, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; общее же положеніе измѣнилось [къ лучшему]. Но все-таки и теперь еще люди далеко не пришли къ ясному сознанію всѣхъ естественныхъ потребностей, и даже не могутъ еще согласиться въ томъ, что для человѣка *естественно, что нѣтъ*. Общую формулу,— что человѣку естественно стремиться къ лучшему,—всѣ принимаютъ; но разногласія возникаютъ изъ-за того, что̀ же должно считать благомъ для человѣчества. Мы полагаемъ, напримѣръ, что благо въ трудѣ, и потому трудъ считаемъ естественнымъ для человѣка; а «Экономическій Указатель» увѣряетъ, что людямъ естественно лѣниться, ибо благо состоитъ въ пользованіи капиталомъ. Мы думаемъ, что воровство есть искусственная форма пріобрѣтенія, къ которой человѣкъ вынуждается крайностью; а Крыловъ говоритъ, что это есть естественное качество иныхъ людей, и что —

Вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

А между тѣмъ Крыловъ—знаменитый баснописецъ, а «Экономическій Указатель» издается г. Вернадскимъ, [докторомъ и статскимъ совѣтникомъ]: мнѣніями ихъ пренебрегать невозможно. Что̀ тутъ дѣлать, какъ рѣшить? Намъ кажется, что окончательнаго рѣшенія тутъ никто не можетъ брать на себя; всякій можетъ считать свое мнѣніе самымъ справедливымъ, но рѣшеніе въ этомъ случаѣ болѣе, нежели когда-нибудь, надо предоставить публикѣ. Это дѣло до нея касается, и только во имя ея можемъ мы утверждать наши положенія. Мы говоримъ обществу: «намъ кажется, что вы вотъ [къ чему способны, вотъ] что чувствуете, [вотъ чѣмъ недовольны, вотъ чего желаете»]. Дѣло общества сказать намъ, ошибаемся мы или нѣтъ. Тѣмъ болѣе, въ такомъ случаѣ, какъ разборъ комедій Островскаго, мы прямо можемъ положиться на общій судъ. Мы говоримъ: «вотъ что̀ авторъ изобразилъ; вотъ что̀ означаютъ, по нашему мнѣнію, воспроизведенные имъ образы, вотъ ихъ происхожденіе, вотъ смыслъ; мы находимъ, что все это имѣетъ живое отношеніе къ вашей жизни и нравамъ [и объясняетъ вотъ какія потребности, которыхъ удовлетвореніе необходимо для вашего блага»]. Скажите, кому же иначе судить о справедливости нашихъ словъ, какъ не тому самому обществу, о которомъ идетъ рѣчь, и къ которому она обращается? Его рѣшеніе должно быть одинаково важно и окончательно—и для насъ, и для разбираемаго автора.

Авторъ нашъ принимается публикою очень хорошо; значитъ, одна половина вопроса рѣшается положительнымъ образомъ: публика признаетъ, что онъ вѣрно понимаетъ и изображаетъ ее. Остается другой вопросъ: вѣрно ли мы понимаемъ Островскаго, приписывая его произведеніямъ извѣстный смыслъ? Нѣкоторую надежду на благопріятный отвѣтъ подаетъ намъ, во-первыхъ, то обстоятельство, что критики, противоположныя нашему воззрѣнію, не были особенно одобряемы публикой, и, во-вторыхъ, то, что самъ авторъ оказывается согласнымъ съ нами, такъ какъ въ «Грозѣ» мы находимъ новое подтвержденіе многихъ изъ нашихъ мыслей о талантѣ Островскаго и о значеніи его произведеній. Впрочемъ, еще разъ,—наши статьи и самыя основанія, на которыхъ мы утверждаемъ свои сужденія, у всѣхъ предъ глазами. Кто не захочетъ согласиться съ нами, тотъ, читая и повѣряя наши статьи по своимъ наблюденіямъ, можетъ придти къ собственному заключенію. Мы и тѣмъ будемъ довольны.

Теперь, объяснившись относительно основаній нашей критики, [просимъ читателей извинить намъ длинноту нашихъ объясненій. Ихъ бы, конечно, можно было изложить на двухъ-трехъ страницахъ, но тогда бы этимъ страницамъ долго не пришлось увидѣть свѣта. Длиннота происходитъ оттого, что часто безконечнымъ перифразомъ объясняется то, что̀ можно бы обозначить просто однимъ словомъ; но въ томъ-то и бѣда, что эти слова, весьма обыкновенныя въ другихъ европейскихъ языкахъ, русской статьѣ даютъ обыкновенно такой видъ, въ которомъ она не можетъ явиться передъ публикой. И приходится поневолѣ перевертываться всячески съ фразой, чтобы ввести какъ-нибудь читателя въ сущность излагаемой мысли.

Но] обратимся [же] къ настоящему предмету нашему—къ автору «Грозы».

Читатели «Современника» помнятъ, можетъ быть, что мы поставили Островскаго очень высоко, находя, что онъ очень полно и многосторонне умѣлъ изобразить существенныя стороны и требованія русской жизни. [Другіе авторы] [1]) брали частныя

[1]) Не говоримъ о тѣхъ авторахъ, которые

явленія, временныя, внѣшнія требованія общества, и изображали ихъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, [какъ, напр., требованіе правосудія, вѣротерпимости, здравой администраціи, уничтоженія откуповъ, отмѣненія крѣпостного права, и пр. Иные авторы] [1]) брали болѣе внутреннюю сторону жизни, [но] ограничивались очень тѣснымъ кругомъ и подмѣчали такія явленія, которыя далеко не имѣли общенароднаго значенія. Таково, напр., изображеніе въ безчисленномъ множествѣ повѣстей людей, ставшихъ по развитію выше окружающей ихъ среды, но лишенныхъ энергіи воли и погибающихъ въ бездѣйствіи [2]). [Повѣсти эти имѣли значеніе, потому что ясно выражали собою негодность среды, мѣшающей хорошей дѣятельности, и хотя смутно-сознаваемое требованіе энергическаго примѣненія на дѣлѣ началъ, признаваемыхъ нами за истину въ теоріи]. Смотря по различію талантовъ, и повѣсти этого рода имѣли больше или меньше значенія; но всѣ онѣ заключали въ себѣ тотъ недостатокъ, что попадали лишь въ небольшую (сравнительно) часть общества и не имѣли почти никакого отношенія къ большинству. Не говоря о массѣ народа, даже въ среднихъ слояхъ нашего общества мы видимъ гораздо больше людей, которымъ еще нужно пріобрѣтеніе и уясненіе правильныхъ понятій, нежели такихъ, которые съ пріобрѣтенными идеями не знаютъ куда дѣваться. Поэтому значеніе указанныхъ повѣстей и романовъ остается весьма спеціальнымъ и чувствуется болѣе для кружка извѣстнаго сорта, нежели для большинства. Нельзя не сознаться, что дѣло Островскаго гораздо плодотворнѣе: онъ захватилъ такія общія стремленія и потребности, которыми проникнуто все русское общество, которыхъ голосъ слышится во всѣхъ явленіяхъ нашей жизни, которыхъ удовлетвореніе составляетъ необходимое условіе нашего дальнѣйшаго развитія. Мы не станемъ теперь повторять того, о чемъ говорили подробно въ нашихъ первыхъ статьяхъ; но кстати замѣтимъ здѣсь странное недоумѣніе, происшедшее относительно нашихъ статей у одного изъ критиковъ «Грозы» — г. Аполлона Григорьева. Нужно замѣтить, что г. А. Григорьевъ одинъ изъ восторженныхъ почитателей таланта Островскаго; но, должно быть, отъ избытка восторга, ему никогда не удается высказать съ нѣкоторой ясностью, за что же именно онъ цѣнитъ Островскаго. Мы читали его статьи и никакъ не могли добиться толку. Между тѣмъ, разбирая «Грозу», г. Григорьевъ посвящаетъ намъ нѣсколько страничекъ и обвиняетъ насъ въ томъ, что мы прицѣпили ярлычки къ лицамъ комедій Островскаго, раздѣлили всѣ ихъ на два разряда: *самодуровъ* и *забитыхъ личностей*, и, въ развитіи отношеній между ними, обычныхъ въ купеческомъ быту, заключили все дѣло нашего комика. Высказавъ это обвиненіе, г. Григорьевъ восклицаетъ, что нѣтъ, не въ этомъ состоитъ особенность и заслуга Островскаго, а въ *народности*. Но въ чемъ же состоитъ народность, — г. Григорьевъ не объясняетъ, и потому его реплика показалась намъ очень забавною. Какъ будто мы не признавали народности у Островскаго! Да мы именно съ нея начали, ею продолжали и кончили. Мы искали, какъ и насколько произведенія Островскаго служатъ выраженіемъ народной жизни, народныхъ стремленій: что̀ это, какъ не народность? [Только что] [1]) мы не кричали про нее съ восклицательными знаками черезъ каждыя двѣ строки, а постарались опредѣлить ея содержаніе, чего г. Григорьеву не заблагоразсудилось ни разу сдѣлать. А если бъ онъ это попробовалъ, то, можетъ быть, пришелъ бы къ тѣмъ же результатамъ, которые осуждаетъ у насъ, и не сталъ бы попусту обвинять насъ, будто мы заслугу Островскаго заключаемъ въ вѣрномъ изображеніи семейныхъ отношеній купцовъ, живущихъ по-старинѣ. [Всякій, кто читалъ наши статьи, могъ видѣть, что мы вовсе не купцовъ только имѣли въ виду, указывая на основныя черты отношеній, господствующихъ въ нашемъ бытѣ, и такъ хорошо воспроизведенныхъ въ комедіяхъ Островскаго. Современныя стремленія русской жизни, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, находятъ свое выраженіе въ Островскомъ, какъ комикѣ, съ отрицательной стороны. Рисуя намъ въ яркой картинѣ ложныя отношенія, со всѣми ихъ послѣдствіями, онъ черезъ то самое служитъ отголоскомъ стремленій, требующихъ лучшаго устройства. Произволъ съ одной стороны и недостатокъ сознанія правъ своей личности съ другой, — вотъ основанія, на которыхъ держится все безобразіе взаимныхъ отношеній, развиваемыхъ въ большей части комедій Островскаго; требованія права, законности, уваженія къ человѣку — вотъ что̀ слышится каждому внимательному читателю изъ глубины этого безобразія. Что же, развѣ вы станете отрицать обширное значеніе этихъ требованій въ русской жизни? Развѣ вы не сознаетесь, что подобный фонъ комедій соотвѣтствуетъ состоянію русскаго

[1]) Но тѣ писатели, которые

[2]) Герои эти оцѣнены Добролюбовымъ въ № 400.

[1]) Но

общества болѣе, нежели какого бы то ни было другого въ Европѣ? Возьмите исторію, вспомните свою жизнь, оглянитесь вокругъ себя,—вы вездѣ найдете оправданіе нашихъ словъ. Не мѣсто здѣсь пускаться намъ въ историческія изысканія; довольно замѣтить, что наша исторія до новѣйшихъ временъ не способствовала у насъ развитію чувства законности (съ чѣмъ и Пироговъ согласенъ; зри — Положеніе о наказаніяхъ въ Кіевскомъ округѣ) [1]), не создавала прочныхъ гарантій для личности и давала обширное поле произволу. Такого рода историческое развитіе, разумѣется, имѣло слѣдствіемъ упадокъ нравственности общественной: уваженіе къ собственному достоинству потерялось, вѣра въ право, а слѣдовательно, и сознаніе долга — ослабли, произволъ попиралъ право, подъ произволъ подтачивалась хитрость]. Нѣкоторые писатели, [лишенные чутья нормальныхъ потребностей и] сбитые съ толку искусственными комбинаціями, признавая [эти несомнѣнные] [2]) факты нашей жизни, хотѣли ихъ узаконить, прославить, какъ норму жизни, а не какъ искаженіе естественныхъ стремленій, произведенное неблагопріятнымъ историческимъ развитіемъ. Такъ, напримѣръ, произволъ хотѣли присвоить русскому человѣку, какъ особенное, естественное качество его природы—подъ названіемъ «широты натуры»; плутовство и хитрость тоже хотѣли узаконить въ русскомъ народѣ подъ названіемъ смѣтливости и лукавства. Нѣкоторые критики хотѣли даже въ Островскомъ видѣть пѣвца широкихъ русскихъ натуръ; оттого-то и поднято было однажды такое бѣснованіе изъ-за Любима Торцова, выше котораго ничего не находили у нашего автора. Но Островскій, какъ человѣкъ съ сильнымъ талантомъ и, слѣдовательно, съ чутьемъ истины, съ инстинктивною наклонностью къ естественнымъ, здравымъ требованіямъ, не могъ поддаться искушенію, и произволъ, даже самый широкій, всегда выходилъ у него, сообразно дѣйствительности, произволомъ, тяжелымъ, безобразнымъ, беззаконнымъ, — и въ сущности пьесы всегда слышался протестъ противъ него. Онъ умѣлъ почувствовать, что такое значитъ подобная широта натуры, и заклеймилъ, ошельмовалъ ее нѣсколькими типами и названіемъ самодурства.

Но не онъ сочинилъ эти типы, такъ точно, какъ не онъ выдумалъ и слово «самодуръ». То и другое взялъ онъ въ самой жизни. Ясно, что жизнь, давшая матеріалы для такихъ комическихъ положеній, въ какія ставятся часто самодуры Островскаго, жизнь, давшая имъ и приличное названіе, не поглощена уже вся ихъ вліяніемъ, а заключаетъ въ себѣ задатки болѣе разумнаго, законнаго, правильнаго порядка дѣлъ. И дѣйствительно, послѣ каждой пьесы Островскаго каждый чувствуетъ внутри себя это сознаніе, и, оглядываясь кругомъ себя, замѣчаетъ то же въ другихъ. Слѣдя пристальнѣе за этой мыслью, всматриваясь въ нее дольше и глубже, замѣчаешь, что это стремленіе къ [новому,] болѣе естественному устройству отношеній заключаетъ въ себѣ сущность всего, что̀ мы называемъ прогрессомъ, составляетъ прямую задачу нашего развитія, [поглощаетъ всю работу новыхъ поколѣній]. Куда вы ни оглянитесь, вездѣ вы видите пробужденіе личности, [представленіе ею своихъ законныхъ правъ], протестъ противъ насилія и произвола, [большею частью еще робкій, неопредѣленный, готовый спрятаться, но все-таки] уже дающій замѣтить свое существованіе. [Возьмите хоть законодательную и административную сторону, которая хотя въ частныхъ своихъ проявленіяхъ всегда имѣетъ много случайнаго, но въ общемъ своемъ характерѣ все-таки служитъ указателемъ положенія народа. Особенно этотъ указатель вѣренъ тогда, когда законодательныя мѣры запечатлѣны характеромъ льготъ, уступокъ и расширенія правъ. Мѣры обременительныя, стѣсняющія народъ въ его правахъ, могутъ быть вызваны, вопреки требованію народной жизни, просто дѣйствіемъ произвола, сообразно выгодамъ привилегированнаго меньшинства, которое пользуется стѣсненіемъ другихъ; но мѣры, которыми уменьшаются привилегіи, и расширяются общія права, не могутъ имѣть свое начало ни въ чемъ иномъ, какъ въ прямыхъ и неотступныхъ требованіяхъ народной жизни, неотразимо дѣйствующихъ на привилегированное меньшинство, даже вопреки его личнымъ, непосредственнымъ выгодамъ. Взгляните же, что̀ у насъ дѣлается въ этомъ отношеніи: крестьяне освобождаются, и сами помѣщики, утверждавшіе прежде, что еще рано давать свободу мужику, теперь убѣждаются и сознаются, что пора развязаться съ этимъ вопросомъ, что онъ дѣйствительно созрѣлъ въ народномъ сознаніи... А что̀ же иное лежитъ въ основаніи этого вопроса, какъ не уменьшеніе произвола и не возвышеніе правъ человѣческой личности? То же самое и во всѣхъ другихъ реформахъ и улучшеніяхъ. Въ финансовыхъ реформахъ, во всѣхъ этихъ коммиссіяхъ и комитетахъ, разсуждавшихъ о банкахъ, о податяхъ и пр., что̀ видѣло общественное мнѣніе, чего отъ нихъ на-

[1]) См. № 369.
[2]) извѣстные

дѣялось, какъ не опредѣленія болѣе правильной, отчетливой системы финансоваго управленія, и, слѣдовательно, введенія законности вмѣсто всякаго произвола? Что̀ заставило предоставить нѣкоторыя права гласности, которой прежде такъ боялись,— что̀, какъ не сознаніе силы того общаго протеста противъ безправія и произвола, который въ теченіе многихъ лѣтъ сложился въ общественномъ мнѣніи и, наконецъ, не могъ себя сдерживать? Что̀ сказалось въ полицейскихъ и административныхъ преобразованіяхъ, въ заботахъ о правосудіи, въ предположеніяхъ гласнаго судопроизводства, въ уменьшеніи строгостей къ раскольникамъ, въ самомъ уничтоженіи откуповъ?.. Мы не говоримъ о практическомъ значеніи всѣхъ этихъ мѣръ, мы только утверждаемъ, что самая попытка приступить къ нимъ доказываетъ сильное развитіе той общей идеи, на которую мы указали: хотя бы всѣ онѣ рушились или остались безуспѣшными, это бы могло показать только недостаточность или ложность средствъ, принятыхъ для ихъ исполненія, но не могло бы свидѣтельствовать противъ потребностей, ихъ вызвавшихъ]. Существованіе этихъ [требованій] [1]) такъ ясно, что въ литературѣ нашей они выразились [немедленно, какъ только оказалась фактическая возможность ихъ проявленія]. Сказались они и въ комедіяхъ Островскаго, съ полнотою и силою, какую мы встрѣчали у немногихъ авторовъ. Но не въ одной только степени силы достоинство комедій его: для насъ важно и то, что онъ нашелъ сущность общихъ требованій жизни еще въ то время, когда они были скрыты и высказывались весьма немногими и весьма слабо. Первая его пьеса появилась въ 1847 году; [извѣстно, что съ того времени до послѣднихъ годовъ, даже лучшіе наши авторы почти потеряли слѣдъ естественныхъ стремленій народныхъ и даже стали сомнѣваться въ ихъ существованіи, а если иногда и чувствовали ихъ вѣяніе, то очень слабо, неопредѣленно, только въ какихъ-нибудь частныхъ случаяхъ, и, за немногими исключеніями, почти никогда не умѣли найти для нихъ истиннаго и приличнаго выраженія. Общее положеніе] [2]) отразилось, разумѣется, отчасти и на Островскомъ; оно, можетъ быть, во многомъ объясняетъ ту долю неопредѣленности нѣкоторыхъ слѣдующихъ его пьесъ, которая подала поводъ къ такимъ нападкамъ на него въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Но теперь, внимательно соображая совокупность его произведеній, мы находимъ, что чутье истинныхъ [потребностей и] стремленій русской жизни никогда не оставляло его; оно иногда и не показывалось на первый взглядъ, но всегда находилось въ корнѣ его произведеній. Зато — кто хотѣлъ безпристрастно доискаться коренного ихъ смысла, тотъ всегда могъ найти, что дѣло въ нихъ представляется не съ поверхности, а съ самаго корня. Эта черта удерживаетъ произведенія Островскаго на ихъ высотѣ и теперь, когда уже всѣ стараются выражать [тѣ же стремленія, которыя] [1]) мы находимъ въ его пьесахъ. Чтобы не распространяться объ этомъ, замѣтимъ одно: [требованіе права], уваженіе личности, протестъ противъ насилія и произвола вы находите во множествѣ нашихъ литературныхъ произведеній послѣднихъ лѣтъ; но въ нихъ, большею частью, дѣло не проведено жизненнымъ, практическимъ образомъ, [почувствована отвлеченная, философская сторона вопроса, и изъ нея все выведено: указывается *право,* а оставляется безъ вниманія реальная *возможность].* У Островскаго не то: у него вы находите не только нравственную, но и житейскую, экономическую сторону вопроса, а въ этомъ-то и сущность дѣла. У него вы ясно видите, какъ самодурство опирается на толстой мошнѣ, [которую называетъ «Божіимъ благословеніемъ», и] какъ безотвѣтность людей [передъ нимъ] опредѣляется матеріальною [отъ него] зависимостью. Мало того, вы видите, какъ эта матеріальная сторона во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ господствуетъ надъ отвлеченною, и какъ люди, лишенные матеріальнаго обезпеченія, мало цѣнятъ отвлеченныя права и даже теряютъ ясное сознаніе о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сытый человѣкъ можетъ разсуждать хладнокровно и умно, слѣдуетъ ли ему ѣсть такое-то кушанье; но голодный рвется къ пищѣ, гдѣ ни завидитъ ее, и какова бы она ни была. Это явленіе, повторяющееся во всѣхъ сферахъ общественной жизни, хорошо замѣчено и понято Островскимъ, и его пьесы яснѣе всякихъ разсужденій показываютъ внимательному читателю, какъ система безправія и грубаго, мелочного эгоизма, водворенная самодурствомъ, прививается и къ тѣмъ самымъ, которые отъ него страдаютъ; какъ они, если мало-мальски сохраняютъ въ себѣ остатки энергіи, стараются употребить ее на пріобрѣтеніе возможности жить самостоятельно, и уже не разбираютъ при этомъ ни средствъ, ни правъ. Мы слишкомъ подробно развивали эту тему въ прежъ-

[1]) требованій

[2]) Послѣдовавшее затѣмъ положеніе литературы

[1]) то, что

нихъ статьяхъ нашихъ, чтобы опять къ ней возвращаться; при томъ же, мы, припомнивши стороны таланта Островскаго, которыя повторялись въ «Грозѣ», какъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ, должны все-таки сдѣлать коротенькій обзоръ самой пьесы и показать, какъ мы ее понимаемъ.

По настоящему, этого бы и не нужно; но критики, до сихъ поръ написанныя на «Грозу», показываютъ намъ, что наши замѣчанія не будутъ *лишни*.

Уже и въ прежнихъ пьесахъ Островскаго мы замѣчали, что это не комедіи интригъ и не комедіи характеровъ собственно, а нѣчто новое, чему мы дали бы названіе «пьесъ жизни», если бы это не было слишкомъ обширно и потому не совсѣмъ опредѣленно. Мы хотимъ сказать, что у него на первомъ планѣ является всегда общая, независящая ни отъ кого изъ дѣйствующихъ лицъ обстановка жизни. Онъ не караетъ ни злодѣя, ни жертву; оба они жалки вамъ, нерѣдко оба смѣшны, но не на нихъ непосредственно обращается чувство, возбуждаемое въ васъ пьесою. Вы видите, что ихъ положеніе господствуетъ надъ ними, и вы вините ихъ только въ томъ, что они не выказываютъ достаточно энергіи для того, чтобы выйти изъ этого положенія. Сами самодуры, противъ которыхъ естественно должно возмущаться ваше чувство, по внимательномъ разсмотрѣніи оказываются болѣе достойны сожалѣнія, нежели вашей злости: они и добродѣтельны, и даже умны по-своему, въ предѣлахъ, предписанныхъ имъ рутиною и поддерживаемыхъ ихъ положеніемъ; но положеніе это таково, что въ немъ невозможно полное, здоровое человѣческое развитіе. Мы видѣли это особенно въ анализѣ характера Русакова.

Такимъ образомъ, борьба, требуемая теоріей отъ драмы, совершается въ пьесахъ Островскаго не въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ, а въ фактахъ, господствующихъ надъ ними. Часто сами персонажи комедіи не имѣютъ яснаго или и вовсе никакого сознанія о смыслѣ своего положенія и своей борьбы; но зато борьба весьма отчетливо и сознательно совершается въ душѣ зрителя, который невольно возмущается противъ положенія, порождающаго такіе факты. И вотъ почему мы никакъ не рѣшаемся считать ненужными и лишними тѣхъ лицъ пьесъ Островскаго, которыя не участвуютъ прямо въ интригѣ. Съ нашей точки зрѣнія, эти лица столько же необходимы для пьесы, какъ и главныя: они показываютъ намъ ту обстановку, въ которой совершается дѣйствіе, рисуютъ положеніе, которымъ опредѣляется смыслъ дѣятельности главныхъ персонажей пьесы. Чтобы хорошо узнать свойства жизни растенія, надо изучать его на той почвѣ, на которой оно растетъ; оторвавши его отъ почвы, вы будете имѣть форму растенія, но не узнаете вполнѣ его жизни. Точно такъ не узнаете вы жизни общества, если вы будете разсматривать ее только въ непосредственныхъ отношеніяхъ нѣсколькихъ лицъ, пришедшихъ почему-нибудь въ столкновеніе другъ съ другомъ: тутъ будетъ только дѣловая, оффиціальная сторона жизни, между тѣмъ какъ намъ нужна будничная ея обстановка. Посторонніе, недѣятельные участники жизненной драмы, повидимому занятые только своимъ дѣломъ каждый, — имѣютъ часто однимъ своимъ существованіемъ такое вліяніе на ходъ дѣла, что его ничѣмъ и отразить нельзя. Сколько горячихъ идей, сколько обширныхъ плановъ, сколько восторженныхъ порывовъ рушится при одномъ взглядѣ на равнодушную, прозаическую толпу, съ презрительнымъ индифферентизмомъ проходящую мимо насъ! Сколько чистыхъ и добрыхъ чувствъ замираетъ въ насъ, изъ боязни, чтобы не быть осмѣяннымъ и поруганнымъ этой толпой! А съ другой стороны, и сколько преступленій, сколько порывовъ произвола и насилія останавливается предъ рѣшеніемъ этой толпы, всегда какъ будто равнодушной и податливой, но въ сущности весьма неуступчивой въ томъ, что̀ разъ ею признано. Поэтому, чрезвычайно важно для насъ знать, каковы понятія этой толпы о добрѣ и злѣ, что̀ у ней считается за истину и что̀ за ложь. Этимъ опредѣляется нашъ взглядъ на положеніе, въ какомъ находятся главныя лица пьесы, а, слѣдовательно, и степень нашего участія къ нимъ.

Въ «Грозѣ» особенно видна необходимость такъ называемыхъ «ненужныхъ» лицъ: безъ нихъ мы не можемъ понять лица героини и легко можемъ исказить смыслъ всей пьесы, что̀ и случилось съ бо̀льшею частью критиковъ. Можетъ быть, намъ скажутъ, что все-таки авторъ виноватъ, если его такъ легко не понять; но мы замѣтимъ на это, что авторъ пишетъ для публики, а публика, если не сразу овладѣваетъ вполнѣ сущностью его пьесъ, то и не искажаетъ ихъ смысла. Что же касается до того, что нѣкоторыя подробности могли быть отдѣланы лучше,—мы за это не стоимъ. Безъ сомнѣнія, могильщики въ «Гамлетѣ» болѣе кстати и ближе связаны съ ходомъ дѣйствія, нежели, напримѣръ, полусумасшедшая барыня въ «Грозѣ»; но мы вѣдь не то толкуемъ, что нашъ авторъ — Шекспиръ, а только то, что его постороннія лица имѣютъ резонъ своего появленія и оказываются даже

необходимыми для полноты пьесы, разсматриваемой, какъ она есть, а не въ смыслѣ абсолютнаго совершенства.

«Гроза», какъ вы знаете, представляетъ намъ идиллію «темнаго царства», которое мало-по-малу освѣщаетъ намъ Островскій своимъ талантомъ. Люди, которыхъ вы здѣсь видите, живутъ въ благословенныхъ мѣстахъ: городъ стоитъ на берегу Волги, весь въ зелени; съ крутыхъ береговъ видны далекія пространства, покрытыя селеньями и нивами; лѣтній благодатный день такъ и манитъ на берегъ, на воздухъ, подъ открытое небо, подъ этотъ вѣтерокъ, освѣжительно вѣющій съ Волги... И жители, точно, гуляютъ иногда по бульвару надъ рѣкой, хоть ужъ и приглядѣлись къ красотамъ волжскихъ видовъ; вечеромъ сидятъ на завалинкахъ у воротъ и занимаются благочестивыми разговорами; но больше проводятъ время у себя дома, занимаются хозяйствомъ, кушаютъ, спятъ, — спать ложатся очень рано, такъ что непривычному человѣку трудно и выдержать такую сонную ночь, какую они задаютъ себѣ. Но что же имъ дѣлать, какъ не спать, когда они сыты? Ихъ жизнь течетъ такъ ровно и мирно, никакіе интересы міра ихъ не тревожатъ, потому что не доходятъ до нихъ; царства могутъ рушиться, новыя страны открываться, лицо земли можетъ измѣняться, какъ ему угодно, міръ можетъ начать новую жизнь на новыхъ началахъ, — обитатели городка Калинова будутъ себѣ существовать попрежнему въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ остальномъ мірѣ. Изрѣдка забѣжитъ къ нимъ неопредѣленный слухъ, что Наполеонъ съ дванадесятью языкъ опять подымается, [или что антихристъ народился] но и это они принимаютъ болѣе какъ курьезную штуку, въ родѣ вѣсти о томъ, что есть страны, гдѣ всѣ люди съ песьими головами: покачаютъ головой, выразятъ удивленіе къ чудесамъ природы, и пойдутъ себѣ закусить... Смолоду еще показываютъ нѣкоторую любознательность, но пищи взять ей неоткуда: свѣдѣнія заходятъ къ нимъ, точно въ дневней Руси временъ Даніила Паломника, только отъ странницъ, да и тѣхъ ужъ нынче немного настоящихъ-то, приходится довольствоваться такими, которыя «сами, по немощи своей, далеко не ходили, а слыхать много слыхали», какъ Ѳеклуша въ «Грозѣ». Отъ нихъ только и узнаютъ жители Калинова о томъ, что на свѣтѣ дѣлается; иначе они думали бы, что весь свѣтъ таковъ же, какъ и ихъ Калиновъ, [и что иначе жить, чѣмъ они, совершенно невозможно]. Но и свѣдѣнія, сообщаемыя Ѳеклушею, таковы, что неспособны внушить большого желанія [промѣнять свою жизнь на иную] [1]). [Ѳеклуша принадлежитъ къ партіи патріотической и въ высшей степени консервативной]; ей хорошо среди [благочестивыхъ и наивныхъ] калиновцевъ: ее и почитаютъ, и угощаютъ, и снабжаютъ всѣмъ нужнымъ; она пресерьезно можетъ увѣрять, что самые грѣшки ея происходятъ отъ того, что она выше прочихъ смертныхъ: «простыхъ людей,—говоритъ,— каждаго одинъ врагъ смущаетъ, а къ намъ, страннымъ людямъ, къ кому шесть, къ кому двѣнадцать приставлено, вотъ и надо ихъ всѣхъ побороть». И ей вѣрятъ. [Ясно, что простой инстинктъ самосохраненія долженъ заставить ее не сказать хорошаго слова о томъ, что̀ въ другихъ земляхъ дѣлается. И въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ разговорамъ купечества, мѣщанства, мелкаго чиновничества въ уѣздной глуши,—сколько удивительныхъ свѣдѣній о невѣрныхъ и поганыхъ царствахъ, сколько разсказовъ о тѣхъ временахъ, когда люди жгли и мучили, когда разбойники города грабили и т. п.,—и какъ мало свѣдѣній о европейской жизни, о лучшемъ устройствѣ быта! Даже въ такъ называемомъ, образованномъ обществѣ, въ объевропеившихся людяхъ, на множество энтузіастовъ, восхищающихся новыми парижскими улицами и мобилемъ, развѣ вы не найдете почти такое же множество солидныхъ цѣнителей, которые запугиваютъ своихъ слушателей тѣмъ, что нигдѣ кромѣ Австріи, во всей Европѣ порядка нѣтъ, и никокой управы найти нельзя]!.. Все это и ведетъ къ тому, что Ѳеклуша высказываетъ такъ положительно: «бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе, красота дивная! Да что ужъ и говорить, — въ обѣтованной землѣ живете!» Оно несомнѣнно такъ и выходитъ, [какъ сообразить, что̀ въ другихъ-то земляхъ дѣлается]. Послушайте-ка Ѳеклушу:

«Говорятъ, такія страны есть, милая дѣвушка, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а салтаны землей правятъ. Въ одной землѣ сидитъ на тронѣ салтанъ Махнутъ турецкій, а въ другой — салтанъ Махнутъ персидскій; и судъ творятъ они, милая дѣвушка, надъ всѣми людьми, и что ни судятъ они, все неправильно. И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить праведно,—такой ужъ имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что̀ по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все напротивъ. И всѣ судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедные; такъ имъ, милая дѣвушка, и въ просьбахъ пишутъ: «суди меня, судья неправедный!» А то есть

[1]) взглянуть иначе на свою жизнь.

еще земля, гдѣ всѣ люди съ песьими головами».

«За что же такъ съ песьими? спрашиваетъ Глаша. «За невѣрность», коротко отвѣчаетъ Ѳеклуша, считая всякія дальнѣйшія объясненія излишними. Но Глаша и тому рада: въ томительномъ однообразіи ея жизни и мысли, ей пріятно услышать сколько-нибудь новое и оригинальное. Въ ея душѣ смутно пробуждается уже мысль, «что вотъ, однакоже, живутъ люди и не такъ, какъ мы; оно, конечно, у насъ лучше, а впрочемъ, кто ихъ знаетъ! Вѣдь и у насъ нехорошо; а про тѣ земли-то мы еще и не знаемъ хорошенько; кое-что только услышишь отъ добрыхъ людей»... И желаніе знать побольше да поосновательнѣе закрадывается въ душу. Это для насъ ясно изъ словъ Глаши, по уходѣ странницы: «вотъ еще какія земли есть! Какихъ-то, какихъ-то чудесъ на свѣтѣ нѣтъ! А мы тутъ сидимъ, ничего не знаемъ. Еще хорошо, что добрые люди есть: нѣтъ, нѣтъ, да и услышишь, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается; а то бы такъ дураками и померли». Какъ видите, неправедность и невѣрность чужихъ земель не возбуждаетъ въ Глашѣ ужаса и негодованія; ее занимаетъ только новое свѣдѣніе, которое представляется ей чѣмъ-то загадочнымъ,—«чудесами», какъ она выражается. Вы видите, что она не довольствуется объясненіями Ѳеклуши, которыя возбуждаютъ въ ней только сожалѣніе о своемъ невѣжествѣ. Она, очевидно, на полдорогѣ къ скептицизму. Но гдѣ же ей сохранить свое недовѣріе, когда оно безпрестанно подрывается разсказами, подобными Ѳеклушинымъ? Какъ ей дойти до правильныхъ понятій, даже просто до разумныхъ вопросовъ, когда ея любознательность заперта въ такомъ кругѣ, который очерченъ около нея въ городѣ Калиновѣ? Да еще мало того, какъ бы она осмѣлилась не вѣрить да допытываться, когда старшіе и лучшіе люди такъ положительно успокаиваются въ убѣжденіи, что принятыя ими понятія и образъ жизни — наилучшіе въ мірѣ, и что все новое происходитъ отъ нечистой силы? Страшна и тяжела для каждаго новичка попытка идти наперекоръ требованіямъ и убѣжденіямъ этой темной массы, ужасной въ своей наивности и искренности. Вѣдь она проклянетъ насъ, будетъ бѣгать, какъ зачумленныхъ,—не по злобѣ, не по разсчетамъ, а по глубокому убѣжденію въ томъ, что мы сродни антихристу; хорошо еще, если только полоумнымъ сочтетъ и будетъ подсмѣиваться... Она ищетъ знанія, любитъ разсуждать, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ, предписанныхъ ей основными понятіями, въ которыхъ путается разсудокъ. Вы можете сообщить калиновскимъ жителямъ нѣкоторыя географическія знанія; но не касайтесь того, что земля на трехъ китахъ стоитъ, [и что въ Іерусалимѣ есть пупъ земли]—этого они вамъ не уступятъ, хотя о [пупѣ [1]) земли] имѣютъ такое же ясное понятіе, какъ о Литвѣ, въ «Грозѣ». «Это, братецъ ты мой, что такое?» спрашиваетъ одинъ мирный гражданинъ у другого, показывая на картину. — «А это литовское разореніе, отвѣчаетъ тотъ. Битва! видишь! Какъ наши съ Литвой бились».— Что жъ это такое Литва?—«Такъ она Литва и есть», отвѣчаетъ объясняющій. — «А говорятъ, братецъ ты мой, она на насъ съ неба упала», продолжаетъ первый; но собесѣднику его мало до того нужды: «ну, съ неба, такъ съ неба», отвѣчаетъ онъ... Тутъ женщина вмѣшивается въ разговоръ: «толкуй еще! Всѣ знаютъ, что съ неба; и гдѣ былъ какой бой съ ней, тамъ для памяти курганы насыпаны». — «А что, братецъ ты мой! Вѣдь это такъ точно!» восклицаетъ вопрошатель, вполнѣ удовлетворенный. И послѣ этого спросите его, что онъ думаетъ о Литвѣ! Подобный исходъ имѣютъ всѣ вопросы, задаваемые здѣсь людямъ естественной любознательностью. И это вовсе не оттого, чтобы люди эти были глупѣе, безтолковѣе многихъ другихъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ академіяхъ и ученыхъ обществахъ. Нѣтъ, все дѣло въ томъ, что они [своимъ положеніемъ, своею жизнью подъ гнетомъ произвола всѣ пріучены уже видѣть безотчетность и безсмысленность, и потому] находятъ неловкимъ [и даже дерзкимъ] настойчиво доискиваться разумныхъ основаній въ чемъ бы то ни было. Задать вопросъ,—на это ихъ еще станетъ; но если отвѣтъ будетъ таковъ, что «пушка сама по себѣ, а мортира сама по себѣ», то они уже не смѣютъ пытать дальше и смиренно довольствуются даннымъ объясненіемъ. Секретъ подобнаго равнодушія къ логикѣ заключается прежде всего въ отсутствіи всякой логичности въ жизненныхъ отношеніяхъ. Ключъ этой тайны даетъ намъ, напримѣръ, слѣдующая реплика Дикаго, въ «Грозѣ». Кулигинъ, въ отвѣтъ на его грубости, говоритъ: «за что, сударь, Савелъ Прокофьичъ, честнаго человѣка обижать изволите?» Дикой отвѣчаетъ вотъ что:

«Отчетъ, что ли, я стану тебѣ давать? Я и поважнѣе тебя никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю! Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ,—вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и

[1]) китахъ

конецъ! Что жъ ты судиться, что ли, со мной будешь? Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу—помилую, захочу—раздавлю».

[Какое теоретическое разсужденіе можетъ устоять тамъ, гдѣ жизнь основана на такихъ началахъ! Отсутствіе всякаго закона, всякой логики — вотъ законъ и логика этой жизни. Это не анархія, но нѣчто еще гораздо худшее (хотя воображеніе образованнаго европейца и не умѣетъ представить себѣ ничего хуже анархіи). Въ анархіи такъ ужъ и нѣтъ никакого начала: всякъ молодецъ на свой образецъ, никто никому не указъ, всякій на приказаніе другого можетъ отвѣчать, что я, молъ, тебя знать не хочу, и, такимъ образомъ, всѣ озорничаютъ и ни въ чемъ согласиться не могутъ. Положеніе общества, подверженнаго такой анархіи (если только она возможна), дѣйствительно ужасно. Но вообразите, что это самое анархическое общество раздѣлилось на двѣ части: — одна оставила за собою право озорничать и не знать никакого закона, а другая принуждена признавать закономъ всякую претензію первой и безропотно сносить всѣ ея капризы, всѣ безобразія... Не правда ли, что это было бы еще ужаснѣе? Анархія осталась бы та же, потому что въ обществѣ все-таки разумныхъ началъ не было бы, озорничества продолжались бы попрежнему, но половина людей принуждена была бы страдать отъ нихъ и постоянно питать ихъ собою, своимъ смиреніемъ и угодливостью. Ясно, что при такихъ условіяхъ озорничество и беззаконіе приняли бы такіе размѣры, какихъ никогда не могли бы они имѣть при всеобщей анархіи. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ни говорите, а человѣкъ одинъ, предоставленный самому себѣ, немного надуритъ въ обществѣ и очень скоро почувствуетъ необходимость согласиться и сговориться съ другими въ видахъ общей пользы. Но никогда этой необходимости не почувствуетъ человѣкъ, если онъ во множествѣ подобныхъ себѣ находитъ обширное поле для упражненія своихъ капризовъ, и если въ ихъ зависимомъ, униженномъ положеніи видитъ постоянное подкрѣпленіе своего самодурства. Такимъ образомъ, имѣя общимъ съ анархіею отсутствіе всякаго закона и права, обязательнаго для всѣхъ, самодурство въ сущности несравненно ужаснѣе анархіи, потому что даетъ озорничеству больше средствъ и простора и заставляетъ страдать большее число людей, — и опаснѣе ея еще въ томъ отношеніи, что можетъ держаться гораздо дольше. Анархія (повторимъ, если только она возможна вообще) можетъ служить только переходнымъ моментомъ, который самъ себя съ каждымъ шагомъ долженъ образумливать и приводить къ чему-нибудь болѣе здравому; самодурство, напротивъ, стремится узаконить себя и установить, какъ незыблемую систему. Оттого оно, вмѣстѣ съ такимъ широкимъ понятіемъ о своей собственной свободѣ, старается, однакоже, принять всѣ возможныя мѣры, чтобы оставить эту свободу навсегда только за собой, чтобы оградить себя отъ всякихъ дерзкихъ попытокъ. Для достиженія этой цѣли оно признаетъ какъ будто нѣкоторыя высшія требованія, и хотя само противъ нихъ тоже поступается, но предъ другими стоитъ за нихъ твердо]. Нѣсколько минутъ спустя послѣ реплики, въ которой Дикòй такъ рѣшительно отвергалъ, въ пользу собственнаго каприза, всѣ нравственныя и логическія основанія для сужденія о человѣкѣ,— этотъ же самый Дикòй напускается на Кулигина, когда тотъ, для объясненія грозы, выговорилъ слово электричество. «Ну, какъ же ты не разбойникъ, — кричитъ онъ: — гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться! Что ты, татаринъ, что ли? Татаринъ ты? А, говори: татаринъ?» И ужъ тутъ Кулигинъ не смѣетъ отвѣтить ему: «хочу такъ думать и думаю, и никто мнѣ не указъ». — Куда тебѣ, — онъ и объясненій-то своихъ представить не можетъ: принимаютъ съ ругательствами, да и говорить-то не даютъ. [Поневолѣ тутъ резонировать перестанешь, когда на всякій резонъ кулакъ отвѣчаетъ, и всегда въ концѣ концовъ кулакъ остается правымъ...]

Но—чудное дѣло?—въ своемъ непререкаемомъ, безотвѣтственномъ темномъ владычествѣ, давая полную свободу своимъ прихотямъ, ставя ни во что всякіе законы и логику, самодуры русской жизни начинаютъ, однакоже, ощущать какое-то недовольство и страхъ, сами не зная, передъ чѣмъ и почему. Все, кажется, попрежнему, все хорошо: Дикòй ругаетъ кого хочетъ: когда ему говорятъ: «какъ это на тебя никто въ цѣломъ домѣ угодить не можетъ!»— онъ самодовольно отвѣчаетъ: «вотъ поди жъ ты!» Кабанова держитъ попрежнему въ страхѣ своихъ дѣтей, заставляетъ невѣстку соблюдать всѣ этикеты старины, ѣстъ ее, какъ ржа желѣзо, считаетъ себя вполнѣ непогрѣшимой [и убѣждается разными Ѳеклушами]. А все какъ-то неспокойно, нехорошо имъ. Помимо ихъ, не спросясь ихъ, выросла другая жизнь, съ другими началами, и хоть далеко она, еще и не видна хорошенько, но уже даетъ себя предчувствовать [и посылаетъ нехорошія видѣнія темному произволу самодуровъ. Они ожесточенно

ищутъ своего врага, готовы напуститься на самаго невиннаго, на какого-нибудь Кулигина; но нѣтъ ни врага, ни виновнаго, котораго могли бы они уничтожить: законъ времени, законъ природы и исторіи беретъ свое, и тяжело дышутъ старые Кабановы, чувствуя, что есть сила выше ихъ, которой они одолѣть не могутъ, съ которой даже и поступить не знаютъ какъ. Они не хотятъ уступать (да никто покамѣстъ и не требуетъ отъ нихъ уступокъ), но съёживаются, сокращаются; прежде они хотѣли утвердить свою систему жизни навѣки нерушимую, и теперь тоже стараются проповѣдывать; но уже надежда измѣняетъ имъ, и они въ сущности хлопочутъ только о томъ, какъ бы на ихъ вѣкъ стало...] Кабанова разсуждаетъ о томъ, что «послѣднія времена приходятъ», и когда Ѳеклуша разсказываетъ ей о разныхъ ужасахъ настоящаго времени—о желѣзныхъ дорогахъ и т. п., — она пророчески замѣчаетъ: «и хуже, милая, будетъ».—Намъ бы только не дожить до этого, со вздохомъ отвѣчаетъ Ѳеклуша.—«Можетъ и доживемъ», фаталистически, говоритъ опять Кабанова, обнаруживая свои сомнѣнія и неувѣренность. А отчего она тревожится? Народъ по желѣзнымъ дорогамъ ѣздитъ, — да ей-то что отъ этого? А вотъ видите ли: она, «хоть ты ее всю золотомъ осыпь», не поѣдетъ по дьявольскому изобрѣтенію; а народъ ѣздитъ все больше и больше, не обращая вниманія на ея проклятія; развѣ это не грустно, развѣ не служитъ свидѣтельствомъ ея безсилія? Объ электричествѣ провѣдали люди,— кажется, что тутъ обиднаго [для Дикихъ и Кабановыхъ]? Но видите ли, Дикой говоритъ, что «гроза въ наказанье намъ посылается, чтобъ мы чувствовали», а Кулигинъ не чувствуетъ или чувствуетъ совсѣмъ не то, и толкуетъ объ электричествѣ. Развѣ это не своеволіе, не пренебреженіе [власти и] значенія Дикаго? Не хотятъ вѣрить тому, чему онъ вѣритъ,—значитъ, и ему не вѣрятъ, считаютъ себя умнѣе его; разсудите, къ чему же это поведетъ? Не даромъ Кабанова замѣчаетъ о Кулигинѣ: «вотъ времена-то пришли, какіе учители проявились! Коли старикъ такъ разсуждаетъ, чего жъ отъ молодыхъ-то требовать!» и Кабанова очень серьезно огорчается будущностью старыхъ порядковъ, съ которыми она вѣкъ изжила. Она предвидитъ конецъ ихъ, старается поддержать ихъ значеніе, но уже чувствуетъ, что нѣтъ къ нимъ прежняго почтенія, [что ихъ сохраняютъ уже неохотно, только поневолѣ, и что при первой возможности ихъ бросятъ]. Она уже и сама какъ-то потеряла часть своего [рыцарскаго] жара; уже не съ прежней энергіей забо-

тится она о соблюденіи старыхъ обычаевъ, во многихъ случаяхъ она ужъ махнула рукой, [поникла предъ невозможностью остановить потокъ], и только съ отчаяніемъ смотритъ, какъ онъ затопляетъ мало-помалу пестрые цвѣтники ея прихотливыхъ суевѣрій. Точно послѣдніе язычники предъ силою христіанства, такъ поникаютъ и стираются порожденія самодуровъ, застигнутыя ходомъ новой жизни. Даже рѣшимости выступить на прямую открытую борьбу въ нихъ нѣтъ; они только стараются какъ-нибудь обмануть время, да разливаются въ безплодныхъ жалобахъ на новое движеніе. Жалобы эти всегда слышались отъ стариковъ, потому что всегда новыя поколѣнія вносили въ жизнь что-нибудь новое, противное прежнимъ порядкамъ; но теперь жалобы самодуровъ принимаютъ какой-то особенно мрачный, [похоронный] тонъ. Кабанова только тѣмъ и утѣшается, что еще какъ-нибудь, съ ея помощью, простоятъ старые порядки до ея смерти; а тамъ, пусть будетъ, какъ угодно,—она уже не увидитъ. Провожая сына въ дорогу, она замѣчаетъ, что все дѣлается не такъ, какъ нужно по ея: сынъ ей и въ ноги не кланяется,—надо этого именно потребовать отъ него, а самъ не догадался; и женѣ своей онъ не «приказываетъ», какъ жить безъ него, да и не умѣетъ приказать, и при прощаніи не требуетъ отъ нея земного поклона, и невѣстка, проводивши мужа, не воетъ и не лежитъ на крыльцѣ, чтобы показать свою любовь. По возможности, Кабанова старается водворить порядокъ, но уже чувствуетъ, что невозможно вести дѣло совершенно по-старинѣ; напримѣръ, относительно вытья на крыльцѣ она уже только замѣчаетъ невѣсткѣ въ видѣ совѣта, но не рѣшается настоятельно требовать... Зато проводы сына внушаютъ ей такія грустныя размышленія:

«Молодость-то что значитъ! Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ. Кабы не свои, насмѣялась бы досыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка! Проститься-то путемъ не умѣютъ. *Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть,* — ими домъ-то и держится, пока живы. *А вѣдь тоже, глупые, на свою волю хотятъ:* а выйдутъ на волю-то, такъ и путаются на позоръ, на смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются. Да не смѣяться-то нельзя: гостей позовутъ — посадить не умѣютъ, да еще, гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ да и только! *Такъ-то вотъ старина-то и выводится.* Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. *Что будетъ, какъ старики-то перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ я и не*

знаю. Ну, да ужъ то хорошо, что не увижу ничего».

Пока старики перемрутъ, до тѣхъ поръ молодые успѣютъ состарѣться, — на этотъ счетъ старуха могла бы и не безпокоиться. Но ей, видите ли, важно не то, собственно, чтобы всегда было кому смотрѣть за порядкомъ и научить неопытныхъ; ей нужно, чтобы всегда нерушимо сохранялись именно тѣ порядки, остались неприкосновенными именно тѣ понятія, которыя она признаетъ хорошими. [Въ узости и грубости своего эгоизма, она не можетъ возвыситься даже до того, чтобы помириться на торжествѣ принципа, хотя бы и съ пожертвованіемъ существующихъ формъ; да и нельзя отъ нея ожидать этого, такъ какъ у нея собственно нѣтъ никакого принципа, нѣтъ никакого общаго убѣжденія, которое бы управляло ея жизнью. Она въ этомъ случаѣ гораздо ниже того сорта людей, которыхъ принято называть просвѣщенными консерваторами. Тѣ расширили нѣсколько свой эгоизмъ, слившись съ нимъ требованіе порядка общаго, такъ что для сохраненія порядка они способны даже жертвовать нѣкоторыми личными вкусами и выгодами. На мѣстѣ Кабановой они бы, напримѣръ, не стали предъявлять уродливыхъ и унизительныхъ требованій земныхъ поклоновъ и оскорбительныхъ «наказовъ» отъ мужа женѣ, а озаботились бы только о сохраненіи общей идеи—что жена должна бояться своего мужа и покорствовать свекрови. Невѣстка не испытывала бы такихъ тяжелыхъ сценъ, хотя и была бы точно такъ же въ полной зависимости отъ старухи. И результатъ былъ бы тотъ, что какъ бы ни плохо было молодой женщинѣ, но терпѣніе ея продолжалось бы несравненно дольше, будучи испытываемо медленнымъ и ровнымъ гнетомъ, нежели когда оно раздражалось рѣзкими и жестокими выходками. Отсюда ясно, разумѣется, что для самой Кабановой и для той страны, которую она защищаетъ, гораздо выгоднѣе было бы отказаться отъ нѣкоторыхъ пустыхъ формъ и сдѣлать частныя уступки, чтобы удержать сущность дѣла. Но порода Кабановыхъ не понимаетъ этого: они не дошли даже до того, чтобы представлять или защищать какой-нибудь принципъ внѣ себя,—они сами принципъ, и потому все, касающееся ихъ, они признаютъ абсолютно важнымъ. Имъ нужно не только, чтобы ихъ уважали, но чтобы уваженіе это выражалось именно въ извѣстныхъ формахъ: вотъ еще на какой степени стоятъ они! Оттого, разумѣется, внѣшній видъ всего, на что̀ простирается ихъ вліяніе, болѣе сохраняетъ въ себѣ старины и кажется болѣе неподвижнымъ, чѣмъ тамъ, гдѣ люди, отказавшись отъ самодурства, стараются уже только о сохраненіи сущности своихъ интересовъ и значенія; но въ самомъ-то дѣлѣ внутреннее значеніе самодуровъ гораздо ближе къ своему концу, нежели вліяніе людей, умѣющихъ поддерживать себя и свой принципъ внѣшними уступками]. Оттого-то такъ и печальна Кабанова, оттого-то такъ и бѣшенъ Дикòй: они до послѣдняго момента не хотѣли укоротить своихъ широкихъ замашекъ [и теперь находятся въ положеніи богатаго купца наканунѣ банкротства]. Все у него попрежнему, [и праздникъ онъ задаетъ сегодня, и милліонный оборотъ порѣшилъ поутру, и кредитъ еще не подорванъ; но уже ходятъ какіе-то темные слухи, что у него нѣтъ наличнаго капитала, что его аферы не надежны, и завтра нѣсколько кредиторовъ намѣрены предъявить свои требованія; денегъ нѣтъ, отсрочки не будетъ, и все зданіе шарлатанскаго призрака богатства будетъ завтра опрокинуто. — Дѣло плохо... Разумѣется, въ подобныхъ случаяхъ купецъ устремляетъ всю свою заботу на то, чтобы надуть своихъ кредиторовъ и заставить ихъ вѣрить въ его богатство: такъ точно Кабановы и Дикіе хлопочутъ теперь о томъ, чтобы только продолжилась вѣра въ ихъ силу. Поправить свои дѣла они ужъ и не разсчитываютъ; но они знаютъ, что ихъ своевольство еще будетъ имѣть довольно простора до тѣхъ поръ, пока всѣ будутъ робѣть передъ ними; и вотъ почему они такъ упорны, такъ высокомѣрны, такъ грозны даже въ послѣднія минуты, которыхъ уже немного осталось имъ, какъ они сами чувствуютъ. Чѣмъ менѣе чувствуютъ они дѣйствительной силы, чѣмъ сильнѣе поражаетъ ихъ вліяніе свободнаго, здраваго смысла, доказывающее имъ, что они лишены всякой разумной опоры, тѣмъ наглѣе и безумнѣе отрицаютъ они всякія требованія разума, ставя себя и свой произволъ на ихъ мѣсто] [1]). Наивность, съ которой Дикòй говоритъ Кулигину: «хочу считать тебя мошенникомъ, такъ и считаю: и дѣла мнѣ нѣтъ до того, что ты честный человѣкъ, и отчета никому не даю, почему такъ думаю»,—эта наивность не могла бы высказаться во всей своей [самодурной] нелѣпости, если бы Кулигинъ не вызвалъ ее скромнымъ запросомъ: «да за чтò же вы обижаете честнаго человѣка?..» Дикòй хочетъ, видите, съ перваго же раза оборвать всякую попытку требовать отъ него отчета, хочетъ показать, что онъ выше не только

[1]), но онъ чувствуетъ, что его время проходитъ: вѣдь Кулигинъ уже пытается спрашивать у него объясненій.

отчетности, но и обыкновенной логики человѣческой. Ему кажется, что если онъ признаетъ надъ собою законы здраваго смысла, общаго всѣмъ людямъ, то его важность сильно пострадаетъ отъ этого. И вѣдь въ большей части случаевъ такъ дѣйствительно и выходитъ, — потому что его претензіи бываютъ противны здравому смыслу]. Отсюда и развиваются въ немъ вѣчное недовольство и раздражительность. Онъ самъ объясняетъ свое положеніе, когда говоритъ о томъ, какъ ему тяжело деньги выдавать. «Что ты мнѣ прикажешь дѣлать, когда у меня сердце такое! Вѣдь ужъ знаю, что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдать— отдамъ, а обругаю. Потому, только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю нутреную разжигать станетъ; всю нутреную разжигаетъ, да и только... Ну, и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка». Отдача денегъ, какъ фактъ матеріальный и наглядный, даже въ сознаніи самого Дикòго пробуждаетъ нѣкоторое размышленіе: онъ сознаетъ, какъ онъ нелѣпъ, и сваливаетъ вину на то, «что сердце у него такое»! Въ другихъ случаяхъ онъ даже и не сознаетъ хорошенько своей нелѣпости; но, по сущности своего характера, непремѣнно долженъ при всякомъ торжествѣ здраваго смысла чувствовать такое же раздраженіе, какъ и тогда, когда приходитъ необходимость выдавать деньги. Ему тяжело расплачиваться вотъ почему: по естественному эгоизму онъ желаетъ, чтобы ему было хорошо; все окружающее его убѣждаетъ, что это хорошее достается деньгами; отсюда прямая привязанность къ деньгамъ. Но тутъ его развитіе останавливается, эгоизмъ его остается въ предѣлахъ отдѣльной личности и знать не хочетъ ея отношеній къ обществу, къ своимъ ближнимъ. Ему надо побольше денегъ,—это онъ знаетъ, и потому желалъ бы ихъ только получать, а не отдавать. Когда же, по естественному ходу дѣлъ, доходитъ до отдачи, то онъ сердится и ругается: онъ принимаетъ это какъ несчастіе, наказаніе, въ родѣ пожара, наводненія, штрафа, а не какъ должную, законную расплату за то, что́ для него дѣлаютъ другіе. Такъ и во всемъ: по желанію себѣ добра, онъ хочетъ простора, независимости; но знать не хочетъ закона, опредѣляющаго пріобрѣтеніе и пользованіе всякими правами въ обществѣ. [Онъ только хочетъ больше, какъ можно больше правъ для себя; когда же нужно признать ихъ и за другими, онъ считаетъ это посягательствомъ на его личное достоинство, и сердится, и старается всячески оттянуть дѣло и воспрепятствовать ему. Даже когда онъ и знаетъ, что ужъ непремѣнно надо уступить и уступитъ потомъ, а все-таки прежде постарается напакостить. «Я отдать—отдамъ, а обругаю!» И надо полагать, что чѣмъ значительнѣе выдача денегъ, и чѣмъ настоятельнѣе необходимость ея, тѣмъ сильнѣе ругается Дикóй... Изъ этого слѣдуетъ, что, во-первыхъ, ругательство и все бѣшенство его хотя и непріятны, но не особенно страшны; и кто, убоявшись ихъ, отступился бы отъ денегъ и подумалъ, что ихъ ужъ и получить нельзя, тотъ поступилъ бы очень глупо; во-вторыхъ, что напрасно было бы надѣяться на исправленіе Дикóго посредствомъ какихъ-нибудь вразумленій: привычка дурить ужъ въ немъ такъ сильна, что онъ подчиняется ей даже вопреки голосу собственнаго здраваго смысла. Ясно, что его никакія разумныя убѣжденія не остановятъ до тѣхъ поръ, пока съ ними не соединяется осязательная для него, внѣшняя сила: Кулигина онъ ругаетъ, не внимая никакимъ резонамъ; а когда его самого однажды на перевозѣ, на Волгѣ, гусаръ обругалъ, такъ онъ съ гусаромъ не посмѣлъ связаться, а опять-таки выместилъ свою обиду дома: двѣ недѣли послѣ этого всѣ прятались отъ него по чердакамъ да по чуланамъ...

Всѣ подобныя отношенія] [1]) даютъ вамъ чувствовать, что положеніе Дикихъ, Кабановыхъ и всѣхъ подобныхъ имъ [самодуровъ] далеко уже не такъ спокойно и твердо, какъ было нѣкогда, въ блаженныя времена патріархальныхъ нравовъ. Тогда, если вѣрить сказаніямъ старыхъ людей, [Дикòй могъ держаться въ своей высокомѣрной прихотливости, не силою, а всеобщимъ согласіемъ. Онъ дурилъ, не думая встрѣтить противодѣйствія, и не встрѣчалъ его: все окружающее было проникнуто одной мыслью, однимъ желаніемъ—угодить ему: никто не представлялъ другой цѣли своего существованія, кромѣ исполненія его прихотей]. Чѣмъ больше сумасбродствовалъ какой-нибудь дармоѣдъ, [чѣмъ наглѣе попиралъ онъ права человѣчества], тѣмъ довольнѣе были тѣ, [которые своимъ трудомъ кормили его, и] которыхъ онъ дѣлалъ жертвами своихъ фантазій. Благоговѣйные разсказы старыхъ лакеевъ о томъ, какъ ихъ [вельможные] бары травили мелкихъ помѣщиковъ, [надругались надъ чужими женами и невинными дѣвушками, сѣкли на конюшнѣ присланныхъ къ нимъ чиновниковъ], и т. п.,—[разсказы военныхъ историковъ о величіи какого-нибудь Наполеона, безстрашно жертвовавшаго сотнями тысячъ людей для забавы своего генія] воспоминанія галантныхъ стариковъ

[1]) Но факты

о какомъ-нибудь Донъ-Жуанѣ ихъ времени, который «никому спуску не давалъ» и умѣлъ [опозорить всякую дѣвушку и] перессорить всякое семейство,—всѣ подобные разсказы доказываютъ, что еще и не очень далеко отъ насъ это патріархальное время. [Но, къ великому огорченію самодурныхъ дармоѣдовъ,—оно быстро отъ насъ удаляется, и теперь положеніе Дикихъ и Кабановыхъ далеко не такъ пріятно: они должны заботиться о томъ, чтобы укрѣпить и оградить себя, потому что отвсюду возникаютъ требованія, враждебныя ихъ произволу и грозящія имъ борьбою съ пробуждающимся здравымъ смысломъ огромнаго большинства человѣчества. — Отсюда возникаетъ постоянная подозрительность, щепетильность и придирчивость самодуровъ: сознавая внутренно, что ихъ не за что уважать, но не признаваясь въ этомъ даже самимъ себѣ, они обнаруживаютъ недостатокъ увѣренности въ себѣ мелочностью своихъ требованій и постоянными, кстати и некстати, напоминаніями и внушеніями о томъ, что ихъ должно уважать. Эта черта чрезвычайно выразительно проявляется въ «Грозѣ», въ сценѣ Кабановой съ дѣтьми, когда она, въ отвѣтъ на покорное замѣчаніе сына: «могу ли я, маменька, васъ ослушаться» возражаетъ: «не очень-то нынче старшихъ-то уважаютъ! — и затѣмъ начинаетъ пилить сына и невѣстку, такъ что душу вытягиваетъ у посторонняго зрителя] [1]).

«Кабановъ. Я, кажется, маменька, изъ вашей воли ни на шагъ.

«Кабанова. Повѣрила бы я тебѣ, мой другъ, кабы своими глазами не видала, да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтеніе родителямъ отъ дѣтей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болѣзней отъ дѣтей переносятъ.

«Кабановъ. Я, маменька...

«Кабанова. Если родительница когда и обидное, по вашей гордости, скажетъ, такъ, я думаю, можно бы перенести! — А, какъ ты думаешь?

«Кабановъ. Да когда же я, маменька, не переносилъ отъ васъ?

«Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны съ насъ, дураковъ, и взыскивать.

«Кабановъ (вздыхая, — въ сторону), Ахъ ты Господи! (матери). Да смѣемъ ли мы, маменька, подумать!

[1]) А все-таки теперь уже не то: нужно привязчивостью добиваться послушанія, которое прежде давалось добровольно и самыя увѣренія въ послушности уже кажутся сомнительными. Кабанова, напримѣръ, считаетъ нужнымъ ежеминутно твердить сыну о своей волѣ, хотя повидимому сынъ и ни въ чемъ не выходитъ изъ- подъ ея воли.

«Кабанова. Вѣдь отъ любви родители и строги-то къ вамъ бываютъ, отъ любви васъ и бранятъ-то, все думаютъ добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдутъ дѣтки-то по людямъ славить, что мать ворчунья, что мать проходу не даетъ, со свѣту сживаетъ... А, сохрани, Господи, какимъ-нибудь словомъ снохѣ не угодить,— ну, и пошелъ разговоръ, что свекровь заѣла совсѣмъ.

«Кабановъ. Нешто, маменька, кто говоритъ про васъ?

«Кабанова. *Не слыхала, мой другъ, не слыхала, лгать не хочу. Ужъ кабы я слышала, я бы съ тобой, мой милый, тогда не такъ заговорила*».

И послѣ этого сознанія старуха все-таки продолжаетъ на цѣлыхъ двухъ страницахъ пилить сына. Она не имѣетъ на это никакихъ резоновъ, но у ней сердце неспокойно: сердце у нея вѣщунъ, оно даетъ ей чувствовать, что что-то неладно, что внутренняя, живая связь между нею и младшими членами семьи [давно] рушилась, и теперь они только механически связаны съ нею и рады были бы всякому случаю развязаться.

Мы очень долго останавливались на господствующихъ лицахъ «Грозы», потому что, по нашему мнѣнію, исторія, разыгравшаяся съ Катериною, рѣшительно зависитъ отъ того положенія, какое неизбѣжно выпадаетъ на ея долю между этими лицами, въ томъ бытѣ, который установился подъ ихъ вліяніемъ. «Гроза» есть, безъ сомнѣнія, самое рѣшительное произведеніе Островскаго; взаимныя отношенія самодурства и безгласности доведеды въ ней до самыхъ трагическихъ послѣдствій; и при всемъ томъ большая часть читавшихъ и видѣвшихъ эту пьесу соглашается, что она производитъ впечатлѣніе менѣе тяжкое и грустное, нежели другія пьесы Островскаго (не говоря, разумѣется, объ его этюдахъ чисто-комическаго характера). Въ «Грозѣ» есть даже что-то освѣжающее и ободряющее. Это «что-то» и есть, по нашему мнѣнію, фонъ пьесы, указанный нами и обнаруживающій шаткость [и близкій конецъ] самодурства. Затѣмъ, самый характеръ Катерины, рисующійся на этомъ фонѣ, тоже вѣетъ на насъ новою жизнью, которая открывается намъ въ самой ея гибели.

Дѣло въ томъ, что характеръ Катерины, какъ онъ исполненъ въ «Грозѣ», составляетъ шагъ впередъ, не только въ драматической дѣятельности Островскаго, но и во всей нашей литературѣ. Онъ соотвѣтствуетъ новой фазѣ нашей народной жизни, онъ давно требовалъ своего осуществленія въ литературѣ, около него вертѣлись наши

лучшіе писатели; но они умѣли только понять его надобность и не могли уразумѣть и почувствовать его сущности; это сумѣлъ сдѣлать Островскій. Ни одна изъ критикъ на «Грозу» не хотѣла или не умѣла представить надлежащей оцѣнки этого характера; поэтому мы рѣшаемся еще продлить нашу статью, чтобы съ нѣкоторой обстоятельностью изложить, какъ мы понимаемъ характеръ Катерины, [и почему созданіе его считаемъ такъ важнымъ для нашей литературы].

[Русская жизнь дошла, наконецъ, до того, что добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безразличныя существа не удовлетворяютъ общественнаго сознанія и признаются никуда негодными. Почувствовалась неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ. Иначе и невозможно] какъ скоро сознаніе правды [и права], здравый смыслъ проснулись въ людяхъ, они непремѣнно требуютъ не только отвлеченнаго съ ними согласія [(которымъ такъ блистали всегда добродѣтельные герои прежняго времени)], но и внесенія ихъ въ жизнь и въ дѣятельность. Но, чтобы внести ихъ въ жизнь, надо побороть много препятствій, [подставляемыхъ Дикими, Кабановыми, и т. п.]; для преодолѣнія препятствій нужны характеры [предпріимчивые], рѣшительные, настойчивые. Нужно, чтобы въ нихъ воплотилось, съ ними слилось [то общее] требованіе правды [и права], которое [наконецъ], прорывается [въ людяхъ] сквозь всѣ преграды, [поставленныя Дикими-самодурами]. Теперь большая задача представлялась въ томъ, какъ же долженъ образоваться и проявиться характеръ, требуемый [у насъ новымъ поворотомъ общественной жизни. Задачу эту пытались разрѣшать наши писатели, но всегда болѣе или менѣе неудачно. Намъ кажется, что всѣ ихъ неудачи происходили оттого, что они просто логическимъ процессомъ доходили до убѣжденія, что такого характера ищетъ русская жизнь, и затѣмъ кроили его сообразно съ своими понятіями о требованіяхъ доблести вообще и русской въ особенности. Такимъ образомъ и явился, напримѣръ, Калиновичъ [1]), чуть не таскающій купца за бороду, чтобъ тотъ пожертвовалъ десять тысячъ на пользу общества, и истязающій въ тюрьмѣ стараго князя, на любовницѣ котораго женился, чтобъ составить себѣ карьеру. Такъ явился и Штольцъ [2]), отлично управляющій имѣніями [и умѣющій живо уничтожать фальшивые векселя, при помощи благодѣтельнаго начальства]. Явился Инсаровъ [1]), [бросающій нѣмца въ воду], не соглашающійся жить даромъ въ гостяхъ на дачѣ у пріятеля и даже рѣшающійся жениться на любимой дѣвушкѣ!! Явилась и княжна Зинаида [2]), нѣчто среднее между Печоринымъ и Ноздревымъ въ юбкѣ... Все это были претензіи на сильные, цѣльные характеры. Но верхъ ихъ представлялъ въ прошломъ году Ананій Яковлевъ [3]), по поводу котораго московскій господинъ Аполлонъ Майковъ напечаталъ такую удивительную статейку въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», что я не постигаю, какъ Кузьма Прутковъ до сихъ поръ не составилъ изъ нея новой серіи афоризмовъ. Вамъ извѣстно, можетъ быть, что Ананій Яковлевъ, извѣстясь о младенцѣ, котораго въ его отсутствіе прижила жена его съ помѣщикомъ, воспаляется гнѣвомъ и, весьма почтительно объясняясь съ помѣщикомъ, грубитъ, однакоже, бурмистру, колотитъ свою жену и, наконецъ разъярившись донельзя, хватаетъ младенца объ уголъ головой, послѣ чего бѣжитъ въ лѣсъ, но, проголодавшись, предаетъ себя въ руки правосудія. Лицо, очевидно, сильное, хотя болѣе въ физическомъ, нежели въ нравственномъ и литературномъ смыслѣ. Но не эта сила рвется наружу изъ тайниковъ русской жизни, [и не таково должно быть ея проявленіе]. Оттого-то мы вовсе не понимаемъ, какимъ образомъ можно «Горькую судьбину» возвышать надъ уровнемъ безчисленнаго множества повѣстей, комедій и драмъ, обличающихъ крѣпостное право [тупость чиновничества] и грубость русскаго мужика. Если вы даете ее намъ, какъ пьесу безъ особенныхъ претензій, просто мелодраматическій случай, въ родѣ жестокихъ произведеній Сю, то мы ничего не говоримъ и останемся даже довольны: все-таки это лучше, нежели, напр., [умильныя] представленія г. Н. Львова [4]) и графа Соллогуба [5]), [поражающія васъ полнымъ искаженіемъ понятій о долгѣ и чести]. Но если вы претендуете на какое-то болѣе высокое и общее значеніе этой пьесы, то мы рѣшительно не видимъ никакой возможности согласиться съ вами. Ананій Яковлевъ, взятый [не какъ малодушное исключеніе, а] какъ типъ, представляется намъ клеветою на русскую натуру [и русскую жизнь, которая такъ же мало способна развивать характеры, подобные Ананію, какъ и помѣщиковъ, подобныхъ Чеглову]. Одно изъ

[1]) Герой «Тысячи душъ» Писемскаго.
[2]) Въ «Обломовѣ» Гончарова.

[1]) Герой въ «Наканунѣ» Тургенева.
[2]) Въ «Первой любви» Тургенева.
[3]) Герой «Горькой судьбины» Писемскаго.
[4]) См. № 174.
[5]) См. № 95.

двухъ: если Ананій точно сильная натура, какъ его и хочетъ представить авторъ,— тогда онъ [гнѣвъ свой долженъ обратить прямо на причину своего несчастія] [1]), либо совсѣмъ преодолѣть себя по соображенію, что тутъ никто не виноватъ; такія развязки постоянно мы и видимъ въ русской жизни, когда сильные характеры сталкиваются съ враждебными обстоятельствами. Если же онъ просто малодушный и безтолковый озорникъ, какъ выходитъ по сущности дѣла, то нужно признаться, что положеніе, взятое для него въ пьесѣ, вовсе нейдетъ къ этому типу, да и развито совсѣмъ не такъ, чтобы ярко обозначить его существенныя черты. Впрочемъ, — Богъ съ ней съ этой пьесой: она уже забыта теперь, какъ забыты «Князь Луповицкій» [2]) и другія благонамѣренныя, но фальшивыя произведенія, имѣвшія претензію на представленіе характеристическихъ народныхъ типовъ. Мы остановились на минуту передъ нею потому только, что многіе принимали Ананія за чисто-русскій типъ. А намъ, напротивъ, показалось, что въ немъ просто дается намъ утрировка того, что у нѣкоторыхъ писателей называется «широтою русской натуры». Авторъ «Горькой судьбины», по нашему мнѣнію, ненамѣренно достигаетъ результата, подобнаго тому, какой достигался комедіями, писанными по повелѣнію Петра Великаго противъ раскольниковъ. Извѣстно, что въ тѣхъ комедіяхъ раскольникъ всегда выставлялся какимъ-то дикимъ и безсмысленнымъ чудовищемъ, и, такимъ образомъ, комедія говорила: «смотрите, вотъ они каковы; можно ли довѣряться ихъ ученію и соглашаться на ихъ требованія?» Такъ точно и «Горькая судьбина», рисуя намъ Ананія Яковлева, говоритъ: «вотъ каковъ русскій человѣкъ, когда онъ [почувствуетъ немножко свое личное достоинство и, вслѣдствіе того] расходится!» И критики, признающіе за «Горькой судьбиной» общее значеніе и видящіе въ Ананіи типъ, дѣлаются соучастниками этой клеветы, конечно, ненамѣренной со стороны автора.

Не такъ понятъ и выраженъ русскій сильный характеръ въ «Грозѣ». Онъ прежде всего поражаетъ насъ своею противоположностью всякимъ самодурнымъ началамъ. Не съ инстинктомъ буйства [и разрушенія], но и не съ практической ловкостью уладживать [для высокихъ цѣлей] свои собственныя дѣлишки, не съ безсмысленнымъ, трескучимъ паѳосомъ, но и не съ дипломатическимъ, педантскимъ разсчетомъ является онъ передъ нами. Нѣтъ, онъ сосредоточенно-рѣшителенъ, неуклонно вѣренъ чутью [естественной] правды, исполненъ вѣры въ [новые идеалы] и [1]) самоотверженъ, [въ томъ смыслѣ, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тѣхъ началахъ, которыя ему противны]. Онъ водится не отвлеченными принципами, не практическими соображеніями, не мгновеннымъ паѳосомъ, а просто *натурою*, всѣмъ существомъ своимъ. Въ этой цѣльности и гармоніи характера заключается его сила [и существенная необходимость его въ то время, когда старыя, дикія отношенія, потерявъ всякую внутреннюю силу, продолжаютъ держаться внѣшнею механическою связью]. Человѣкъ, только логически понимающій нелѣпость самодурства Дикихъ и Кабановыхъ, ничего не сдѣлаетъ противъ нихъ уже потому, что предъ ними всякая логика исчезаетъ; [никакими силлогизмами вы не убѣдите цѣпь, чтобы она распалась на узникѣ, кулакъ, чтобы отъ него не было больно прибитому; такъ не убѣдите вы и Дикòго поступать разумнѣе, да не убѣдите и его домашнихъ—не слушать его прихотей: приколотитъ онъ ихъ всѣхъ, да и только, что съ этимъ дѣлать будешь?] Очевидно, что характеры, сильные одной логической стороной, должны развиваться очень убого и имѣть весьма слабое вліяніе на [общую] [2]) дѣятельность тамъ, гдѣ всею жизнью управляетъ не логика, а [чистѣйшій] произволъ. Не очень благопріятно господство Дикихъ и для развитія людей, сильныхъ такъ называемымъ практическимъ смысломъ. Что ни говорите объ этомъ смыслѣ, но въ сущности онъ есть не что иное, какъ умѣнье пользоваться обстоятельствами и располагать ихъ въ свою пользу. Значитъ, практическій смыслъ можетъ вести человѣка къ прямой и честной дѣятельности только тогда, когда обстоятельства располагаются сообразно съ здравой логикой и, слѣдовательно, съ естественными требованіями человѣческой нравственности. Но тамъ, гдѣ все зависитъ отъ грубой силы, гдѣ неразумная прихоть нѣсколькихъ Дикихъ или суевѣрное упрямство какой-нибудь Кабановой разрушаетъ самые вѣрные логическіе разсчеты и нагло презираетъ самыя первыя основанія взаимныхъ правъ, тамъ умѣнье пользоваться обстоятельствами, очевидно, превращается въ умѣнье примѣняться къ прихотямъ самодуровъ и поддѣлываться подъ всѣ ихъ нелѣпости, чтобы и себѣ проложить дорожку къ ихъ выгодному положенію. Подхалюзины и Чичиковы—вотъ сильные практическіе характеры [«темнаго царства»] [3]):

[1]) долженъ дать иное направленіе своему гнѣву,
[2]) Драма Конст. Аксакова.

[1]) нее
[2]) жизненную
[3]) такой обстановки:

другихъ не развивается между людьми чисто-практическаго закала, подъ вліяніемъ господства Дикихъ. Самое лучшее, о чемъ можно мечтать для этихъ практиковъ, это уподобленіе Штольцу, т.-е. умѣнье обдѣлывать кругленько свои дѣлишки безъ подлостей; но [общественнаго] живого дѣятеля изъ нихъ не явится. Не [больше надеждъ можно полагать и на] [1]) характеры патетическіе, живущіе минутою и вспышкою. Ихъ порывы случайны и кратковременны; [ихъ практическое значеніе опредѣляется удачей]. Пока все идетъ согласно ихъ надеждамъ, они бодры, предпріимчивы; какъ скоро противодѣйствіе сильно, они падаютъ духомъ, охладѣваютъ, отступаются отъ дѣла и ограничиваются безплодными, хотя и громкими восклицаніями. [И такъ какъ Дикòй и ему подобные вовсе неспособны отдать свое значеніе и свою силу безъ сопротивленія, такъ какъ ихъ вліяніе врѣзало уже глубокіе слѣды въ самомъ бытѣ и потому не можетъ быть уничтожено однимъ разомъ, то на патетическіе характеры нечего и смотрѣть, какъ на что-нибудь серьезное. Даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда бы видимый успѣхъ ободрялъ ихъ, т.-е., когда бы самодуры могли понять шаткость своего положенія и стали дѣлать уступки,—и тогда патетическіе люди не очень бы много сдѣлали! Они отличаются тѣмъ, что], [2]) увлекаясь внѣшнимъ видомъ [и ближайшими послѣдствіями дѣла], никогда почти не умѣютъ заглянуть въ глубину, въ самую сущность дѣла. [Оттого они очень легко удовлетворяются, обманутые какими-нибудь частными, ничтожными признаками успѣха ихъ началъ]. Когда же ошибка ихъ станетъ ясною для нихъ самихъ, тогда они дѣлаются разочарованными, впадаютъ въ апатію и ничего-недѣланье. [Дикòй и Кабанова продолжаютъ торжествовать].

Такимъ образомъ, перебирая разнообразные типы, являвшіеся въ нашей жизни и воспроизведенные литературою, мы постоянно приходили къ убѣжденію, что они не могутъ служить представителями [того общественнаго движенія, которое чувствуется у насъ теперь и о которомъ мы,—по возможности подробно,—говорили выше] [3]). Видя это, мы спрашивали себя: какъ же, однако, опредѣлятся [новыя стремленія] [4]) въ отдѣльной личности? [какими чертами долженъ отличаться характеръ, которымъ совершится рѣшительный разрывъ съ старыми, нелѣпыми и насильственными отношеніями жизнв?] Въ дѣйствительной жизни [пробуждающагося] общества мы видѣли лишь намеки на рѣшеніе нашихъ вопросовъ, въ литературѣ — слабое повтореніе этихъ намековъ; но въ «Грозѣ» составлено изъ нихъ цѣлое, уже съ довольно ясными очертаніями; здѣсь является передъ нами лицо, взятое прямо изъ жизни, но выясненное въ сознаніи художника и поставленное въ такія положенія, которыя даютъ ему обнаруживаться полнѣе и рѣшительнѣе, нежели какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ обыкновенной жизни. Такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ дагерротипной точности, въ которой нѣкоторые критики обвиняли Островскаго, но есть именно художественное соединеніе однородныхъ чертъ, проявлявшихся въ разныхъ положеніяхъ русской жизни, но служащихъ выраженіемъ одной идеи.

Рѣшительный, цѣльный русскій характеръ, [дѣйствующій въ средѣ Дикихъ и Кабановыхъ], является у Островскаго въ женскомъ типѣ, и это не лишено своего серьезнаго значенія. Извѣстно, что крайности отражаются крайностями, и что самый сильный протестъ бываетъ тотъ, который поднимается, наконецъ, изъ груди самыхъ слабыхъ и терпѣливыхъ. Поприще, на которомъ Островскій наблюдаетъ и показываетъ намъ русскую жизнь, [не касается отношеній чисто общественныхъ и государственныхъ, а] ограничивается семействомъ; въ семействѣ же кто болѣе всего выдерживаетъ на себѣ весь гнетъ самодурства, какъ не женщина? Какой приказчикъ, работникъ, слуга Дикòго можетъ быть столько загнанъ, забитъ, отрѣшенъ отъ своей личности, какъ его жена? У кого можетъ накипѣть столько горя и негодованія противъ нелѣпыхъ фантазій самодура? И, въ то же время, кто менѣе ея имѣетъ возможности высказать свой ропотъ, отказаться отъ исполненія того, что̀ ей противно? Слуги и приказчики связаны только матеріально, [людскимъ образомъ]; они могутъ оставить самодура тотчасъ, какъ найдутъ себѣ другое мѣсто. Жена, [по господствующимъ понятіямъ], связана съ нимъ неразрывно, духовно, посредствомъ таинства; что̀ бы мужъ ни дѣлалъ, она должна ему повиноваться и раздѣлять съ нимъ его [безсмысленную] жизнь. Да если бъ, наконецъ, она и могла уйти, то куда она дѣнется, за что̀ примется? Кудряшъ говоритъ: «я нуженъ Дикому, поэтому я не боюсь его и вольничать ему надъ собою не дамъ». Легко человѣку, который пришелъ къ сознанію того, что онъ дѣйствительно нуженъ для другихъ; но женщина, жена? Къ чему нужна она? Не сама ли она, напротивъ, все беретъ отъ мужа? Мужъ

---

[1]) лучше
[2]) при томъ же,
[3]) положительной стороны нашей жизни.
[4]) эта положительная сторона

ей даетъ жилище, поитъ, кормитъ, одѣваетъ, защищаетъ ее, даетъ ей положеніе въ обществѣ... Не считается ли она, обыкновенно, обремененіемъ для мужчины? [Не говорятъ ли благоразумные люди, удерживая молодыхъ людей отъ женитьбы: «жена-то вѣдь не лапоть, съ ноги не сбросишь!» И въ общемъ мнѣніи самая главная разница жены отъ лаптя въ томъ и состоитъ, что она приноситъ съ собою цѣлую обузу заботъ, отъ которыхъ мужъ не можетъ избавиться, тогда какъ лапоть даетъ только удобство, а если неудобенъ будетъ, то легко можетъ быть сброшенъ...] Находясь въ подобномъ положеніи, женщина, разумѣется, должна позабыть, что и она такой же человѣкъ, [съ такими же самыми правами], какъ и мужчина. Она можетъ только деморализоваться, и если личность въ ней сильна, то получитъ наклонность къ тому же самодурству, отъ котораго она столько страдала. Это мы и видимъ, напримѣръ, въ Кабанихѣ, точно такъ, какъ видѣли въ Уланбековой. Ея самодурство только уже и мельче и оттого, можетъ быть, еще безсмысленнѣе мужского: размѣры его меньше, но зато въ своихъ предѣлахъ, на тѣхъ, кто ужъ ему попался, оно дѣйствуетъ еще несноснѣе. Дикой ругается, Кабанова ворчитъ; тотъ прибьетъ да и кончено, а эта грызетъ свою жертву долго и неотступно; тотъ шумитъ изъ-за своихъ фантазій и довольно равнодушенъ къ вашему поведенію, покамѣстъ оно до него не коснется; Кабаниха создала себѣ цѣлый мірокъ особенныхъ правилъ и [суевѣрныхъ] обычаевъ, за которые стоитъ со всѣмъ тупоуміемъ самодурства. Вообще—въ женщинѣ, даже достигшей положенія независимаго и con amore упражняющейся въ самодурствѣ, видно всегда ея сравнительное безсиліе, слѣдствіе вѣкового ея угнетенія: она тяжеле, подозрительнѣй, бездушнѣй въ своихъ требованіяхъ; здравому разсужденію она не поддается уже не потому, что презираетъ его, а скорѣе потому, что боится съ нимъ не справиться: «начнешь, дескать, разсуждать, а еще что̀ изъ этого выйдетъ,—оплетутъ какъ разъ»—и, вслѣдствіе того, она строго держится старины и различныхъ наставленій, сообщенныхъ ей какою-нибудь Ѳеклушею...

Ясно изъ этого, что если ужъ женщина захочетъ высвободиться изъ подобнаго положенія, то ея дѣло будетъ серьезно и рѣшительно. Какому-нибудь Кудряшу ничего не стоитъ поругаться съ Дикимъ; оба они нужны другъ другу, и, стало быть, со стороны Кудряша не нужно особеннаго героизма для предъявленія своихъ требованій. Зато его выходка и не поведетъ ни къ чему серьезному; поругается онъ, Дикой погрозитъ [отдать его въ солдаты, да не отдастъ]; [1]) Кудряшъ будетъ доволенъ тѣмъ, что отгрызся, а дѣла опять пойдутъ попрежнему. Не то съ женщиной: она должна имѣть много силы характера уже и для того, чтобы заявить свое недовольство, свои требованія. При первой же попыткѣ ей дадутъ почувствовать, что она ничто, [что ее раздавить могутъ]. Она знаетъ, что это дѣйствительно такъ, и должна смириться; иначе, надъ нею исполнятъ угрозу — прибьютъ, запрутъ, [оставятъ на покаяніи, на хлѣбѣ и на водѣ], лишатъ свѣта дневного, испытаютъ всѣ домашнія исправительныя средства добраго стараго времени, и приведутъ-таки къ покорности. Женщина, которая хочетъ идти до конца въ своемъ [возстаніи] [2]) противъ угнетенія и произвола старшихъ въ русской семьѣ, должна быть исполнена героическаго самоотверженія, должна на все рѣшиться и ко всему быть готова. Какимъ образомъ можетъ она выдержать себя? Гдѣ взять ей столько характера? [На это только и можно отвѣчать тѣмъ, что естественныхъ стремленій человѣческой природы совсѣмъ уничтожить нельзя. Можно ихъ наклонять въ сторону, давить, сжимать, но все это только до извѣстной степени. Торжество ложныхъ положеній показываетъ только, до какой степени можетъ доходить упругость человѣческой натуры; но чѣмъ положеніе неестественнѣе, тѣмъ ближе и необходимѣе выходъ изъ него. И значитъ, ужъ одно очень неестественно, когда его не выдерживаютъ даже самыя гибкія натуры, наиболѣе подчинившіяся вліянію силы, производившей такія положенія. Если ужъ и гибкое тѣло дитяти не поддается какому-нибудь гимнастическому фокусу, то очевидно, что онъ невозможенъ для взрослыхъ, которыхъ члены болѣе тверды. Взрослые, конечно, и не допустятъ съ собою такого фокуса; но надъ дитятею легко могутъ его попробовать]. Гдѣ беретъ дитя характеръ для того, чтобы ему воспротивиться всѣми силами, хотя бы за сопротивленіе обѣщано было самое страшное наказаніе? Отвѣтъ одинъ: въ невозможности выдержать то, къ чему его принуждаютъ... То же самое надо сказать и о слабой женщинѣ, рѣшающейся на борьбу за свои права; дѣло дошло до того, что ей ужъ невозможно дальше выдерживать свое униженіе, вотъ она и рвется изъ него, ужъ не по соображенію того, что̀ лучше и что̀ хуже, а только по инстинктивному стремленію къ тому, что̀ выносимо и возможно. *Натура* замѣняетъ здѣсь и соображенія разсудка, и требованія

[1]) да ничего не сдѣлаетъ съ нимъ;
[2]) протестъ

чувства и воображенія: все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха, [пищи, свободы]. Здѣсь-то и заключается тайна цѣльности характеровъ, появляющихся въ обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы видѣли въ «Грозѣ», въ обстановкѣ, окружающей Катерину.

Такимъ образомъ, возникновеніе женскаго энергическаго характера вполнѣ соотвѣтствуетъ тому положенію, до какого доведено самодурство въ драмѣ Островскаго. Въ положеніи, представленномъ «Грозою», оно дошло до крайности, до отрицанія всякаго здраваго смысла; оно болѣе, чѣмъ когда-нибудь, враждебно естественнымъ требованіямъ человѣчества и ожесточеннѣе прежняго силится остановить ихъ развитіе, потому что въ торжествѣ ихъ видитъ приближеніе своей неминуемой гибели. Черезъ это оно еще болѣе вызываетъ ропотъ и протестъ даже въ существахъ самыхъ слабыхъ. [А вмѣстѣ съ тѣмъ, самодурство, какъ мы видѣли, потеряло свою самоувѣренность, лишилось и твердости въ дѣйствіяхъ, утратило и значительную долю той силы, которая заключалась для него въ наведеніи страха на всѣхъ. Поэтому, протестъ противъ него не заглушается уже въ самомъ началѣ, а можетъ превратиться въ упорную борьбу. Тѣ, которымъ еще сносно жить, не хотятъ теперь рисковать на подобную борьбу, въ надеждѣ, что и такъ недолго прожить самодурству] [1]). Мужъ Катерины, молодой Кабановъ, хоть и много терпитъ отъ старой Кабанихи, но все же онъ [свободнѣе] [2]): онъ можетъ и къ Савелу Прокофьичу выпить сбѣгать, онъ и въ Москву съѣздитъ отъ матери и тамъ развернется на волѣ, а коли плохо ему ужъ очень придется отъ старухи, такъ есть на комъ вылить свое сердце — онъ на жену вскинется... Такъ и живетъ себѣ, и воспитываетъ свой характеръ, ни на что не годный, [все въ тайной надеждѣ, что вырвется какъ-нибудь на волю]. Женѣ его нѣтъ никакой надежды, никакой отрады, передышаться ей нельзя; если можетъ, то пусть живетъ безъ дыханія, [забудетъ, что есть вольный воздухъ на свѣтѣ], пусть отречется отъ своей природы и сольется съ капризнымъ [деспотизмомъ] [3]) старой Кабанихи. Но [вольный] воздухъ и свѣтъ, [вопреки всѣмъ предосторожностямъ погибающаго самодурства], врываются въ келью Катерины; она чувствуетъ возможность удовлетворить [естественной] жаждѣ своей души, и не можетъ долѣе оставаться неподвижною: она рвется къ новой жизни, хотя бы пришлось умереть въ этомъ порывѣ. [Что ей смерть? Все равно — она не считаетъ жизнью и то прозябаніе, которое выпало ей на долю въ семьѣ Кабановыхъ].

Такова основа всѣхъ дѣйствій характера, изображеннаго въ «Грозѣ». [Основа эта надежнѣе всѣхъ возможныхъ теорій и пафосовъ, потому что она лежитъ въ самой сущности даннаго положенія, влечетъ человѣка къ дѣлу неотразимо, не зависитъ отъ той или другой способности или впечатлѣнія въ частности, а опирается на всей сложности требованій организма, на выработкѣ всей натуры человѣка]. Теперь любопытно, какъ развивается и проявляется подобный характеръ въ частныхъ случаяхъ. Мы можемъ прослѣдить его развитіе по личности Катерины.

Прежде всего, васъ поражаетъ необыкновенная своеобразность этого характера. Ничего нѣтъ въ немъ внѣшняго, чужого, а все выходитъ какъ-то изнутри его; всякое впечатлѣніе перерабатывается въ немъ и затѣмъ сростается съ нимъ органически. Это мы видимъ, напримѣръ, въ простодушномъ разсказѣ Катерины о своемъ дѣтскомъ возрастѣ и о жизни въ домѣ у матери. Оказывается, что воспитаніе и молодая жизнь ничего не дали ей: въ домѣ ея матери было то же, что у Кабановыхъ,— ходили въ церковь, шили золотомъ по бархату, слушали разсказы странницъ, обѣдали, гуляли по саду, опять бесѣдовали съ богомолками и сами молились... Выслушавъ разсказъ Катерины, Варвара, сестра ея мужа, съ удивленіемъ замѣчаетъ: «да вѣдь и у насъ то же самое». Но разница опредѣляется Катериною очень быстро въ пяти словахъ: «да здѣсь все какъ будто изъподъ неволи!» И дальнѣйшій характеръ показываетъ, что во всей этой внѣшности, которая такъ обыденна у насъ повсюду, Катерина умѣла находить свой особенный смыслъ, примѣнять ее къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ, пока не налегла на нее тяжелая рука Кабанихи. Катерина вовсе не принадлежитъ къ буйнымъ характерамъ, никогда не довольнымъ, любящимъ [разрушать, во что бы то ни стало] [1]). Напротивъ, это характеръ по преимуществу [созидающій], любящій, идеальный. Вотъ почему она старается все осмыслить и облагородить въ своемъ воображеніи; то настроеніе, при которомъ, по выраженію поэта,

Весь міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и омытъ,—

[1]) Лица, сохраняющія нѣкоторую самостоятельность, еще не видятъ невозможности ужиться съ нимъ.

[2]) независимѣе

[3]) прихотями

[1]) ссориться.

это настроеніе до послѣдней крайности не покидаетъ Катерину. Всякій внѣшній диссонансъ она старается согласить съ гармоніей своей души, всякій недостатокъ покрываетъ изъ полноты своихъ внутреннихъ силъ. Грубые, суевѣрные разсказы [и безсмысленныя бредни] странницъ превращаются у ней въ золотые, поэтическіе сны воображенія, не устрашающіе, а ясные, добрые. Бѣдны ея образы, потому что матеріалы, представляемые ей дѣйствительностью, такъ однообразны; но и съ этими скудными средствами ея воображеніе работаетъ неутомимо и уноситъ ее въ новый міръ, тихій и свѣтлый. [Не обряды занимаютъ ее въ церкви: она совсѣмъ и не слышитъ, что̀ тамъ поютъ и читаютъ; у нея въ душѣ иная музыка, иныя видѣнія, для нея служба кончается непримѣтно, какъ будто въ одну секунду. Ее занимаютъ] [1]) деревья, странно нарисованныя [на образахъ] и [она] воображаетъ себѣ цѣлую страну садовъ, гдѣ все такія деревья, и все это цвѣтетъ, благоухаетъ, все полно райскаго пѣнія. А то увидитъ она въ солнечный день, какъ «изъ купола свѣтлый такой столбъ внизъ идетъ, и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака», — и вотъ она уже видитъ, «будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ». Иногда представится ей,—отчего бы и ей не летать? и когда на горѣ стоитъ, то такъ ее и тянетъ летѣть: вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки да и полетѣла. Она странная, сумасбродная съ точки зрѣнія окружающихъ; но это потому, что она никакъ не можетъ принять въ себя ихъ воззрѣній и наклонностей. Она беретъ отъ нихъ матеріалы, потому что иначе взять ихъ неоткуда; но не беретъ выводовъ, а ищетъ ихъ сама, и часто приходитъ вовсе не къ тому, на чемъ успокоиваются они. Подобное отношеніе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ мы замѣчаемъ и въ другой средѣ, въ людяхъ, по своему воспитанію привыкшихъ къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и умѣющихъ анализировать свои чувства. Вся разница въ томъ, что у Катерины, какъ личности непосредственной, живой, все дѣлается по влеченію натуры, безъ отчетливаго сознанія, а у людей развитыхъ теоретически и сильныхъ умомъ — главную роль играетъ логика и анализъ. Сильные умы именно и отличаются той внутренней силой, которая даетъ имъ возможность не поддаваться готовымъ воззрѣніямъ и системамъ, а самимъ создавать свои взгляды и выводы, на основаніи живыхъ впечатлѣній. Они ничего не отвергаютъ сначала, но ни на чемъ не останавливаются, а только все принимаютъ къ свѣдѣнію и перерабатываютъ по своему. Аналогическіе результаты представляетъ намъ и Катерина, хотя она и не резонируетъ и даже не понимаетъ сама своихъ ощущеній, а водится прямо натурою. Въ сухой, однообразной жизни своей юности, въ грубыхъ и суевѣрныхъ понятіяхъ окружающей среды, она постоянно умѣла брать то, что̀ соглашалось съ ея естественными стремленіями къ красотѣ, гармоніи, довольству, счастью. Въ разговорахъ странницъ, въ земныхъ поклонахъ и причитаніяхъ она видѣла [не мертвую форму, а что-то] другое, къ чему постоянно стремилось ея сердце. На основаніи ихъ она строила себѣ свой идеальный міръ, безъ страстей, безъ нужды, безъ горя, міръ, весь посвященный добру и наслажденію. Но въ чемъ настоящее добро и истинное наслажденіе для человѣка, она не могла опредѣлить себѣ; вотъ отчего эти внезапные порывы какихъ-то безотчетныхъ, неясныхъ стремленій, о которыхъ она вспоминаетъ: «Иной разъ, бывало, рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко всходитъ,—упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно». Бѣдная дѣвочка, не получившая широкаго теоретическаго образованія, не знающая всего, что̀ на свѣтѣ дѣлается, не понимающая хорошенько даже своихъ собственныхъ потребностей, не можетъ, разумѣется, дать себѣ отчета въ томъ, что̀ ей нужно. Покамѣстъ она живетъ у матери, на полной свободѣ, безъ всякой житейской заботы, пока еще не обозначились въ ней потребности и страсти взрослаго человѣка, она не умѣетъ даже отличить своихъ собственныхъ мечтаній, своего внутренняго міра—отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Забываясь [среди богомолокъ] въ своихъ радужныхъ думахъ и гуляя въ своемъ свѣтломъ царствѣ, она [все думаетъ, что ея довольство происходитъ именно отъ этихъ богомолокъ, отъ лампадокъ, зажженныхъ по всѣмъ угламъ въ домѣ, отъ причитаній, раздающихся вокругъ нея]; своими чувствами [она] одушевляетъ мертвую обстановку, въ которой живетъ, и сливаетъ съ ней внутренній міръ души своей. Это періодъ дѣтства, для многихъ тянущійся долго, очень долго, но все-таки имѣющій свой конецъ. Если конецъ приходитъ очень поздно, если человѣкъ начинаетъ понимать, чего ему нужно, тогда уже, когда большая часть жизни изжита,—въ такомъ случаѣ ему ничего почти не остается, кромѣ сожалѣнія

[1]) Она смотритъ на

о томъ, что такъ долго принималъ онъ собственныя мечты за дѣйствительность. Онъ находится тогда въ печальномъ положеніи человѣка, который, надѣливъ въ своей фантазіи всѣми возможными совершенствами свою красавицу и связавъ съ нею жизнь свою, вдругъ замѣчаетъ, что всѣ совершенства существовали только въ его воображеніи, а въ ней самой нѣтъ и слѣда ихъ. Но характеры сильные рѣдко поддаются такому рѣшительному заблужденію: въ нихъ очень сильно требованіе ясности и реальности, и оттого они не останавливаются на неопредѣленностяхъ и стараются выбраться изъ нихъ во что бы то ни стало. Замѣтивъ въ себѣ недовольство, они стараются прогнать его; но, видя, что оно не проходитъ, кончаютъ тѣмъ, что даютъ полную свободу высказаться новымъ требованіямъ, возникающимъ въ душѣ, и затѣмъ уже не успокоятся, пока не достигнутъ ихъ удовлетворенія. А тутъ и сама жизнь приходитъ на помощь—для однихъ благопріятно, расширеніемъ круга впечатлѣній, для другихъ трудно и горько—стѣсненіями и заботами, разрушающими гармоническую стройность юныхъ фантазій. Послѣдній путь выпалъ на долю Катеринѣ, [какъ выпадаетъ онъ на долю большей части людей въ «темномъ царствѣ» Дикихъ и Кабановыхъ].

Въ сумрачной обстановкѣ новой семьи начала чувствовать Катерина недостаточность внѣшности, которою думала довольствоваться прежде. Подъ тяжелой рукой бездушной Кабанихи нѣтъ простора ея свѣтлымъ видѣніямъ, какъ нѣтъ свободы ея чувствамъ. Въ порывѣ нѣжности къ мужу, она хочетъ обнять его, — старуха кричитъ: «что на шею виснешь, безстыдница? Въ ноги кланяйся!» Ей хочется остаться одной и погрустить тихонько, какъ бывало, а свекровь говоритъ: «отчего не воешь?» Она ищетъ свѣта, воздуха, хочетъ помечтать и порѣзвиться, полить свои цвѣты, посмотрѣть на солнце, на Волгу, послать свой привѣтъ всему живому,—а ее держатъ въ неволѣ, въ ней постоянно подозрѣваютъ нечистые развратные замыслы. Она ищетъ прибѣжища по прежнему [въ религіозной практикѣ, въ посѣщеніи церкви], въ душеспасительныхъ разговорахъ, но и здѣсь не находитъ уже прежнихъ впечатлѣній. Убитая дневной работой и вѣчной неволей, она уже не можетъ съ прежней ясностью [мечтать объ ангелахъ, поющихъ въ пыльномъ столбѣ, освѣщенномъ солнцемъ, не можетъ] вообразить себѣ райскихъ садовъ съ ихъ невозмущаемымъ миромъ и радостью. Все мрачно, страшно вокругъ нея, все вѣетъ холодомъ и какой-то неотразимой угрозой: и [лики святыхъ такъ строги, и церковныя чтенія такъ грозны, и разсказы странницъ такъ чудовищны... Они все тѣ же въ сущности, они ни мало не измѣнились, но измѣнилась она сама]: въ ней уже нѣтъ охоты строить воздушныя видѣнія, да ужъ и не удовлетворяетъ ее то неопредѣленное воображеніе блаженства, которымъ она наслаждалась прежде. Она возмужала, въ ней проснулись другія желанія, болѣе реальныя; не зная иного поприща, кромѣ семьи, иного міра, кромѣ того, какой сложился для нея въ обществѣ ея городка, она, разумѣется, и начинаетъ сознавать изъ всѣхъ человѣческихъ стремленій то, которое всего неизбѣжнѣе и всего ближе къ ней,—стремленіе любви и преданности. Въ прежнее время ея сердце было слишкомъ полно мечтами, она не обращала вниманія на молодыхъ людей, которые на нее заглядывались, а только смѣялась. Выходя замужъ за Тихона Кабанова, она и его не любила, она еще и не понимала этого чувства; сказали ей, что всякой дѣвушкѣ надо замужъ выходить, показали Тихона, какъ будущаго мужа, она и пошла за него, оставаясь совершенно индифферентною къ этому шагу. И здѣсь тоже проявляется особенность характера: по обычнымъ нашимъ понятіямъ, ей бы слѣдовало противиться, если у ней рѣшительный характеръ; но она и не думаетъ о сопротивленіи, потому что не имѣетъ достаточно основаній для этого. Ей нѣтъ особенной охоты выходить замужъ, но нѣтъ и отвращенія отъ замужества; нѣтъ въ ней любви къ Тихону, но нѣтъ любви и ни къ кому другому. Ей все равно покамѣстъ, вотъ почему она и позволяетъ дѣлать съ собою что̀ угодно. Въ этомъ нельзя видѣть ни безсилія, ни апатіи, а можно находить только недостатокъ опытности, да еще слишкомъ большую готовность дѣлать все для другихъ, мало заботясь о себѣ. У нея мало знанія и много довѣрчивости, вотъ отчего до времени она не выказываетъ противодѣйствія окружающимъ и рѣшается лучше терпѣть, нежели дѣлать на зло имъ. [Но когда она пойметъ, что̀ ей нужно, и захочетъ чего-нибудь достигнуть, то добьется своего, во что бы то ни стало; тутъ-то и проявится вполнѣ сила ея характера, не растраченная въ мелочныхъ выходкахъ. Сначала, по врожденной добротѣ и благородству души своей, она будетъ дѣлать всѣ возможныя усилія, чтобы не нарушить мира и правъ другихъ, чтобы получить желаемое съ возможно-большимъ соблюденіемъ всѣхъ требованій, какія на нее налагаются людьми, чѣмъ-нибудь связанными съ ней; и если они сумѣютъ воспользоваться этимъ первона-

чальнымъ настроеніемъ и рѣшатся дать ей полное удовлетвореніе, — хорошо тогда и ей, и имъ. Но если нѣтъ,—она ни передъ чѣмъ не остановится, — законъ, родство, обычай, людской судъ, правила благоразумія,—все исчезаетъ для нея передъ силою внутренняго влеченія, она не щадитъ себя и не думаетъ о другихъ. Такой именно выходъ представился Катеринѣ, и другого нельзя было ожидать среди той обстановки, среди которой она находится].

Но чувство любви къ человѣку, желаніе найти родственный отзывъ въ другомъ сердцѣ, потребность нѣжныхъ наслажденій естественнымъ образомъ открылись въ молодой женщинѣ и измѣнили ея прежнія, неопредѣленныя и безплодныя мечты. «Ночью, Варя, не спится мнѣ,—разсказываетъ она,— все мерещится шепотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубь воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья да горы; а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо, горячо, или ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду»... Она сознала и уловила эти мечты уже довольно поздно; но, разумѣется, онѣ преслѣдовали и томили ее задолго прежде, чѣмъ она сама могла дать себѣ отчетъ въ нихъ. При первомъ ихъ проявленіи, она тотчасъ же обратила свое чувство на то, что̀ всего ближе къ ней было, — на мужа. Она долго усиливалась сроднить съ нимъ свою душу, увѣрить себя, что съ нимъ ей ничего не нужно, что въ немъ-то и есть блаженство, котораго она такъ тревожно ищетъ. Она со страхомъ и недоумѣніемъ смотрѣла на возможность искать взаимной любви къ кому-нибудь, кромѣ него. Въ пьесѣ, которая застаетъ Катерину уже съ началомъ любви къ Борису Григорьевичу, все еще видны послѣднія, отчаянныя усилія Катерины — сдѣлать себѣ милымъ своего мужа. Сцена ея прощанія съ нимъ даетъ намъ чувствовать, что и тутъ еще не все потеряно для Тихона, что онъ еще можетъ сохранить права свои на любовь этой женщины; но эта же сцена въ короткихъ, но рѣзкихъ очеркахъ передаетъ намъ цѣлую исторію истязаній, которыя заставили вытерпѣть Катерину, чтобы оттолкнуть ея первое чувство отъ мужа. Тихонъ является здѣсь простодушнымъ и пошловатымъ, совсѣмъ не злымъ, но до крайности безхарактернымъ существомъ, не смѣющимъ ничего сдѣлать вопреки матери. А мать — существо бездушное, кулакъ-баба, заключающая въ китайскихъ церемоніяхъ и любовь, и религію, и нравственность. [Между нею и между своей женой Тихонъ представляетъ одинъ изъ множества тѣхъ жалкихъ типовъ, которые обыкновенно называются безвредными, хотя они въ общемъ-то смыслѣ столь же вредны, какъ и сами самодуры, потому что служатъ ихъ вѣрными помощниками]. Тихонъ самъ по себѣ любитъ жену и готовъ бы все для нея сдѣлать, но гнетъ, подъ которымъ онъ выросъ, такъ его изуродовалъ, что въ немъ никакого сильнаго чувства, никакого рѣшительнаго стремленія развиться не можетъ. Въ немъ есть совѣсть, есть желаніе добра, но онъ постоянно дѣйствуетъ противъ себя, и служитъ покорнымъ орудіемъ матери, даже въ отношеніяхъ своихъ къ женѣ. Еще въ первой сценѣ появленія семейства Кабановыхъ на бульварѣ мы видимъ, каково положеніе Катерины между мужемъ и свекровью. Кабаниха ругаетъ сына, что жена его не боится; онъ рѣшается возражать, «да зачѣмъ же ей бояться? Съ меня и того довольно, что она меня любитъ». Старуха тотчасъ же вскидывается на него: «какъ, зачѣмъ бояться? Какъ зачѣмъ бояться? Да ты рехнулся, что ли? *Тебя не станетъ бояться, меня и подавно:* какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ! Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али, по вашему, законъ ничего не значитъ?» Подъ такими началами, разумѣется, чувство любви къ Катеринѣ не находитъ простора и прячется внутрь ея, сказываясь только по временамъ судорожными порывами. Но и этими порывами мужъ не умѣетъ пользоваться: онъ слишкомъ забитъ, чтобы понять силу ея страстнаго томленія. «Не разберу я тебя, Катя,—говоритъ онъ ей:—то отъ тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то такъ сама лѣзешь». Такъ обыкновенно дюжинныя и испорченныя натуры судятъ о натурѣ сильной и свѣжей: они, судя по себѣ, не понимаютъ чувства, которое схоронилось въ глубинѣ души, и всякую сосредоточенность принимаютъ за апатію; когда же, наконецъ, не будучи въ состояніи скрываться долѣе, внутренняя сила хлынетъ изъ души широкимъ и быстрымъ потокомъ, — они удивляются и считаютъ это какимъ-то фокусомъ, причудою, въ родѣ того, какъ имъ самимъ приходитъ иногда фантазія впасть въ пафосъ или кутнуть. А между тѣмъ, эти порывы составляютъ необходимость въ натурѣ сильной и бываютъ тѣмъ разительнѣе, чѣмъ они дольше не находятъ себѣ выхода. Они неумышленны, не соображены, а вызваны естественной необходимостью. Сила натуры, которой нѣтъ возможности развиваться дѣятельно, выражается и пассивно, — терпѣніемъ, сдержанностью. Но только не смѣшивайте *этого* терпѣнія съ тѣмъ, которое происходитъ отъ слабаго развитія личности въ человѣкѣ, и которое кончаетъ тѣмъ, что привыкаетъ къ оскор-

бленіямъ и тягостямъ всякаго рода. Нѣтъ, Катерина не привыкнетъ къ нимъ никогда; она еще не знаетъ, на что̀ и какъ она рѣшится, она ничѣмъ не нарушаетъ своихъ обязанностей къ свекрови, дѣлаетъ все возможное, чтобы хорошо уладиться съ мужемъ, но по всему видно, что она чувствуетъ свое положеніе, и что ее тянетъ вырваться изъ него. Никогда она не жалуется, не бранитъ свекрови; сама старуха не можетъ на нее взвести этого; и однако же свекровь чувствуетъ, что Катерина составляетъ для нея что-то неподходящее, враждебное; Тихонъ, который, какъ огня, боится матери и при томъ не отличается особенною деликатностью и нѣжностью, совѣстится, однако, передъ женою, когда, по повелѣнію матери, долженъ ей наказывать, чтобы она безъ него «въ окна глазъ не пялила» и «на молодыхъ парней не заглядывалась». Онъ видитъ, что горько оскорбляетъ ее такими рѣчами, хотя хорошенько и не можетъ понять ея состоянія. По выходѣ матери изъ комнаты, онъ утѣшаетъ жену такимъ образомъ: «все къ сердцу-то принимать, такъ въ чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей вѣдь что-нибудь надо же говорить. Ну и пущай она говоритъ, а ты мимо ушей пропущай!» [Вотъ этотъ индифферентизмъ точно плохъ и безнадеженъ; но] Катерина никогда не можетъ дойти до [него] [1]), хотя по наружности она даже меньше огорчается, нежели Тихонъ, меньше жалуется, но въ сущности она страдаетъ гораздо больше. Тихонъ тоже чувствуетъ, что онъ не имѣетъ чего-то нужнаго; въ немъ тоже есть недовольство; [но оно находится въ немъ на такой степени, на какой, напримѣръ, можетъ быть влеченіе къ женщинѣ у десятилѣтняго мальчика съ развращеннымъ воображеніемъ]. Онъ не можетъ очень рѣшительно добиваться независимости и своихъ правъ — уже и потому, что онъ не знаетъ, что̀ съ ними дѣлать; желаніе его больше [головное], внѣшнее, [а собственно натура его, поддавшись гнету воспитанія, такъ и осталась почти глухою къ естественнымъ стремленіямъ]. Поэтому, самое исканіе [свободы] [2]) въ немъ получаетъ характеръ уродливый [и дѣлается противнымъ, какъ противенъ цинизмъ десятилѣтняго мальчика, безъ смысла и внутренней потребности повторяющаго гадости, слышанныя отъ большихъ]. Тихонъ, видите, наслышанъ отъ кого-то, что онъ «тоже мужчина», и потому долженъ въ семьѣ имѣть извѣстную долю власти и значенія; поэтому онъ себя ставитъ гораздо выше жены и, полагая, что ей ужъ такъ и Богъ судилъ терпѣть и смиряться,—на свое положеніе подъ началомъ у матери смотритъ, какъ на горькое и унизительное. Затѣмъ, онъ наклоненъ къ разгулу, и въ немъ-то, главнымъ образомъ, и ставитъ свободу: [точно какъ тотъ же мальчикъ, не умѣющій постигнуть настоящей сути, отчего такъ сладка женская любовь, и знающій только внѣшнюю сторону дѣла, которая у него и превращается въ сальности! Тихонъ], собираясь уѣзжать, съ безстыднѣйшимъ цинизмомъ говоритъ женѣ, упрашивающей его взять ее съ собою: «съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы жены убѣжишь! Ты подумай то: *какой ни на есть, а я все-таки мужчина*, — всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ я знаю теперича, что недѣли двѣ никакой грозы на меня не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены ли мнѣ?» Катерина только и можетъ отвѣтить ему на это: «какъ же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь?» Но Тихонъ не понимаетъ всей важности этого мрачнаго и рѣшительнаго упрека; какъ человѣкъ, уже махнувшій рукою на свой разсудокъ, онъ отвѣчаетъ небрежно: «слова — какъ слова! Какія же мнѣ еще слова говорить!» — и торопится отдѣлаться отъ жены. А зачѣмъ? Что онъ хочетъ дѣлать, на чемъ отвести душу, вырвавшись на волю? Онъ объ этомъ самъ разсказываетъ потомъ Кулигину: «на дорогу-то маменька читала-читала мнѣ наставленія-то, а я какъ выѣхалъ, такъ загулялъ. *Ужъ очень радъ, что на волю-то вырвался.* И всю дорогу пилъ, и въ Москвѣ все пилъ, такъ это кучу, что на-поди. *Такъ, чтобы ужъ на цѣлый годъ отгулять!..*» Вотъ и все! И надо сказать, что въ прежнее время, когда еще сознаніе личности [и ея правъ] не поднялось въ большинствѣ, почти только подобными выходками и ограничивались [протесты противъ самодурнаго гнета. Да и нынче еще можно встрѣтить множество Тихоновъ, упивающихся если не виномъ, то какими-нибудь разсужденіями и спичами, и отводящихъ душу въ шумѣ словесныхъ оргій. Это именно люди, которые постоянно жалуются на свое стѣсненное положеніе, а между тѣмъ заражены гордою мыслью о своихъ привилегіяхъ и о своемъ превосходствѣ надъ другими: «какой ни на есть, а все-таки я мужчина,— такъ каково мнѣ терпѣть-то». То-есть: «ты терпи, потому что ты баба и, стало быть, дрянь, а мнѣ надо волю,—не потому, чтобъ это было человѣческое, естественное требованіе, а потому, что таковы права

[1]) этого
[2]) самостоятельности

моей привилегированной особы»... Ясно, что изъ подобныхъ людей и замашекъ никогда и не могло, и не можетъ ничего выйти.

Но не похоже на нихъ новое движеніе народной жизни, о которомъ мы говорили выше и отраженіе котораго нашли въ характерѣ Катерины. Въ этой личности][1]) мы видимъ уже [возмужалое] [2]), изъ глубины всего организма возникающее требованіе [права и] простора жизни. Здѣсь уже не воображеніе, не наслышка, не искусственно возбужденный порывъ является намъ, а жизненная необходимость натуры]. Катерина не капризничаетъ, не кокетничаетъ своимъ недовольствомъ и гнѣвомъ,— это не въ ея натурѣ; она не хочетъ импонировать на другихъ, выставиться и похвалиться. Напротивъ, живетъ она очень мирно и готова всему подчиниться, что только не противно ея натурѣ; принципъ ея, если бъ она могла сознать и опредѣлить его, былъ бы тотъ, чтобы какъ можно менѣе своей личностью стѣснять другихъ [и тревожить общее теченіе дѣлъ]. Но зато, признавая и уважая [стремленія] другихъ, она требуетъ того же уваженія и къ себѣ, и всякое насиліе, всякое стѣсненіе возмущаетъ ее кровно, глубоко. Если бъ она могла, она прогнала бы далеко отъ себя все, что живетъ неправо и вредитъ другимъ; но не будучи въ состояніи сдѣлать этого, она идетъ обратнымъ путемъ—сама бѣжитъ отъ губителей и обидчиковъ. Только бы не подчиниться ихъ началамъ, вопреки своей натурѣ, только бы не помириться съ ихъ неестественными требованіями, а тамъ что выйдетъ—лучшая ли доля для нея или гибель,—на это она ужъ не смотритъ: [въ томъ и другомъ случаѣ для нея избавленіе]... О своемъ характерѣ Катерина сообщаетъ Варѣ одну черту еще изъ воспоминаній дѣтства: «такая ужъ я зародилась горячая! Я еще лѣтъ шести была, не больше—такъ что сдѣлала! Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужъ темно—я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужъ нашли, верстъ за десять»... Эта дѣтская горячность сохранилась въ Катеринѣ; только, вмѣстѣ съ общей возмужалостью, прибавилась въ ней и сила выдерживать впечатлѣнія и господствовать надъ ними. Взрослая Катерина, поставленная въ необходимость терпѣть обиды, находитъ въ себѣ силу долго переносить ихъ, безъ [напрасныхъ] жалобъ, [полу]сопротивленій и всякихъ шумныхъ выходокъ. Она терпитъ до тѣхъ поръ, пока не заговоритъ въ ней какой-нибудь интересъ, особенно близкій ея сердцу [и законный въ ея глазахъ], пока не оскорблено въ ней [будетъ] такое требованіе ея натуры, безъ удовлетворенія котораго она не можетъ оставаться спокойною. Тогда она ужъ ни на что не посмотритъ. Она не прибѣгаетъ къ дипломатическимъ уловкамъ, къ обманамъ и плутнямъ, — не такова она. Если ужъ нужно непремѣнно обманывать, такъ она лучше старается перемочь себя. Варя совѣтуетъ Катеринѣ скрывать свою любовь къ Борису; она говоритъ: «обманывать-то я не умѣю, скрыть-то ничего не могу», и вслѣдъ затѣмъ дѣлаетъ усиліе надъ своимъ сердцемъ, и опять обращается къ Варѣ съ такой рѣчью: «не говори мнѣ про него, сдѣлай милость, не говори! Я его и знать не хочу! *Я буду мужа любить. Тиша, голубчикъ мой, ни на кого тебя не промѣняю!*». Но усиліе уже выше ея возможности; черезъ минуту она чувствуетъ, что ей не отдѣлаться отъ возникшей любви: «развѣ я хочу о немъ думать,—говоритъ она:—да что дѣлать, коли изъ головы нейдетъ?» Въ этихъ простыхъ словахъ очень ясно выражается, какъ сила [естественныхъ стремленій] [1]), непримѣтно для самой Катерины, одерживаетъ въ ней побѣду надъ всѣми внѣшними требованіями, [предразсудками и искусственными комбинаціями, въ которыхъ запутана жизнь ея]. Замѣтимъ, что теоретическимъ образомъ Катерина не могла отвергнуть ни одной изъ этихъ комбинацій, [не могла освободиться ни отъ какихъ отсталыхъ мнѣній]; она пошла противъ всѣхъ нихъ, вооруженная единственно силою своего чувства, инстинктивнымъ [сознаніемъ своего прямого, неотъемлемаго права на жизнь, счастье и любовь] [2])... Она нимало не резонируетъ, но съ удивительною легкостью разрѣшаетъ всѣ трудности своего положенія. Вотъ ея разговоръ съ Варварой.

«Варвара. Ты какая-то мудреная, Богъ съ тобой! А по моему—дѣлай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

«Катерина. Не хочу я такъ, да и что хорошаго! *Ужъ я лучше буду терпѣть, пока терпится.*

«Варвара. А не стерпится, что жъ ты сдѣлаешь?

«Катерина. Что я сдѣлаю?

«Варвара. Да, что сдѣлаешь?

«Катерина. *Что мнѣ только захочется, то и сдѣлаю.*

«Варвара. Сдѣлай, попробуй, такъ тебя здѣсь заѣдятъ.

---

[1]) все. Но въ Катеринѣ
[2]) не то,—въ ней мы видимъ

[1]) натуры
[2]) влеченіемъ

«Катерина. А что̀ мнѣ! Я уйду, такъ и была такова.

«Варвара. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

«Катерина. Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характеру! *Конечно, не дай Богъ этому случиться, а ужъ коли очень мнѣ здѣсь опостылитъ, такъ не удержатъ меня никакой силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь*».

Вотъ [истинная] сила [характера, на которую во всякомъ случаѣ можно положиться! Вотъ высота], до которой доходитъ наша народная жизнь въ своемъ развитіи, но до которой въ литературѣ нашей умѣли подниматься весьма немногіе, и никто не умѣлъ на ней такъ хорошо держаться, какъ Островскій. Онъ почувствовалъ, что [не отвлеченныя вѣрованія, а] жизненные факты управляютъ человѣкомъ, что не образъ мыслей, [не принципы], а натура нужна для образованія и проявленія крѣпкаго характера; и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое [служитъ представителемъ великой народной идеи], не нося [великихъ] идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неравной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на [высокое] самоотверженіе. Ея поступки находятся въ гармоніи съ ея натурой, они для нея естественны, необходимы, она не можетъ отъ нихъ отказаться, хотя бы это имѣло самыя гибельныя послѣдствія. [Претендованные] въ другихъ твореніяхъ нашей литературы, сильные характеры похожи на фонтанчики, бьющіе довольно красиво и бойко, но зависящіе въ своихъ проявленіяхъ отъ посторонняго механизма, подведеннаго къ нимъ; Катерина, напротивъ, можетъ быть уподоблена большой, многоводной рѣкѣ: она течетъ, какъ требуетъ ея природное свойство; характеръ ея теченія измѣняется сообразно съ мѣстностью, черезъ которую она проходитъ, но теченіе не останавливается; ровное дно, [хорошее]—она течетъ спокойно, камни большіе встрѣтились — она черезъ нихъ перескакиваетъ, обрывъ—льется каскадомъ, запружаютъ ее — она бушуетъ и прорывается въ другомъ мѣстѣ. [Не потому бурлитъ она, чтобы водѣ вдругъ захотѣлось пошумѣть или разсердиться на препятствія, а просто] потому, что это ей необходимо для выполненія ея естественныхъ требованій, для дальнѣйшаго теченія. [Такъ и въ томъ характерѣ, который воспроизведенъ намъ Островскимъ: мы знаемъ, что онъ выдержитъ себя, несмотря ни на какія препятствія; а когда силъ не хватитъ, то погибнетъ, но не измѣнитъ себѣ. Высокіе ораторы правды, претендующіе на «отреченіе отъ себя для великой идеи», весьма часто оканчиваютъ тѣмъ, что отступаются отъ своего служенія, говоря, что борьба со зломъ еще слишкомъ безнадежна, что повела бы только къ напрасной гибели и пр. Они справедливы, и нельзя ихъ упрекать въ малодушіи; но, во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть въ этомъ, что «идея», которой они хотятъ служить, составляетъ для нихъ что-то внѣшнее, безъ чего они могутъ обойтись, что они умѣютъ очень хорошо отдѣлить отъ своихъ личныхъ, прямыхъ потребностей. Ясно, что какъ бы ни былъ великъ ихъ азартъ въ пользу идеи, онъ всегда будетъ гораздо слабѣе и ниже того простого, инстинктивнаго, неотразимаго влеченія, которое управляетъ поступками личностей въ родѣ Катерины, даже и не думающихъ ни о какихъ высокихъ «идеяхъ»].

Въ положеніи Катерины мы видимъ, что [напротивъ], всѣ «идеи», внушенныя ей съ дѣтства, всѣ принципы окружающей среды—возстаютъ *противъ* ея [естественныхъ стремленій и] поступковъ. Страшная борьба, на которую осуждена молодая женщина, совершается въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи драмы, и вотъ гдѣ оказывается вся важность вводныхъ лицъ, за которыхъ такъ упрекаютъ Островскаго. Всмотритесь хорошенько: вы видите, что Катерина воспитана въ понятіяхъ одинаковыхъ съ понятіями среды, въ которой живетъ, и не можетъ отъ нихъ отрѣшиться, не имѣя никакого теоретическаго образованія. Разсказы странницъ и внушенія домашнихъ хоть и переработывались ею по своему, но не могли не оставить безобразнаго слѣда въ ея душѣ: и дѣйствительно, мы видимъ въ пьесѣ, что Катерина, потерявъ свои радужныя мечты и идеальныя, выспреннія стремленія, сохранила отъ своего воспитанія [одно] сильное чувство[—*страхъ* какихъ-то темныхъ силъ], чего-то невѣдомаго, чего она не могла ни объяснить себѣ хорошенько, ни отвергнуть. [За каждую мысль свою она боится, за самое простое чувство она ждетъ себѣ кары; ей кажется, что гроза ее убьетъ, потому что она грѣшница, картины геены огненной на стѣнѣ церковной представляются ей уже предвѣстіемъ ея вѣчной муки... [1]) А] [2]) все окружающее поддерживаетъ и развиваетъ въ ней [этотъ страхъ]: Ѳеклуша ходитъ къ Кабанихѣ толковать о послѣднихъ временахъ; Дикòй твердитъ, что гроза въ наказаніе намъ посылается, чтобъ мы чувствовали; [пришедшая барыня, наводящая страхъ на всѣхъ

---

[1]) это чувство:
[2]) и

въ городѣ, показывается нѣсколько разъ съ тѣмъ, чтобы зловѣщимъ голосомъ прокричать надъ Катериною: «Всѣ въ огнѣ горѣть будете въ неугасимомъ»]. Всѣ окружающіе полны суевѣрнаго страха, и всѣ окружающіе, согласно съ понятіями и самой Катерины, должны смотрѣть на ея чувство къ Борису, какъ на величайшее преступленіе. Даже удалой Кудряшъ, [esprit-fort этой среды], и тотъ находитъ, что дѣвкамъ можно гулять съ парнями, сколько хочешь,—это ничего, а бабамъ надо ужъ въ заперти сидѣть. Это убѣжденіе такъ въ немъ сильно, что, узнавъ о любви Бориса къ Катеринѣ, онъ, несмотря на свое удальство и нѣкотораго рода безчинство, говоритъ, что «это дѣло бросить надо». Все противъ Катерины, даже и ея собственныя понятія о добрѣ и злѣ; все должно заставить ее—заглушить свои порывы и завянуть въ холодномъ и мрачномъ формализмѣ семейной безгласности и покорности, [безъ всякихъ живыхъ стремленій], безъ воли, безъ любви,—или же научиться обманывать людей и совѣсть. [Но не бойтесь за нее, не бойтесь даже тогда, когда она сама говоритъ противъ себя: она можетъ на время или покориться повидимому, или даже пойти на обманъ, какъ рѣчка можетъ скрыться подъ землею или удалиться отъ своего русла; но текучая вода не остановится и не пойдетъ назадъ, а все-таки дойдетъ до своего конца, до того мѣста, гдѣ можетъ она слиться съ другими водами и вмѣстѣ бѣжать къ водамъ океана]. Обстановка, въ которой живетъ Катерина, требуетъ, чтобы она лгала и обманывала: «безъ этого нельзя,—говоритъ ей Варвара,—ты вспомни, гдѣ ты живешь; у насъ на этомъ весь домъ держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало». Катерина поддается своему положенію, выходитъ къ Борису ночью, прячетъ отъ свекрови свои чувства въ теченіе десяти дней... Можно подумать: [вотъ и еще] женщина [сбилась съ пути], выучилась обманывать домашнихъ и будетъ развратничать втихомолку, притворно лаская мужа и нося отвратительную маску смиренницы! [Нельзя было бы строго винить ее и за это: положеніе ея такъ тяжело!] Но тогда она была бы однимъ изъ дюжинныхъ лицъ того типа, который такъ уже изношенъ въ повѣстяхъ, [показывавшихъ, какъ «среда заѣдаетъ хорошихъ людей»]. Катерина не такова: развязка ея любви, при всей домашней обстановкѣ,— видна заранѣе, еще тогда, какъ она только подходитъ къ дѣлу. Она не занимается психологическимъ анализомъ, и потому не можетъ высказывать тонкихъ наблюденій надъ собою; что она о себѣ говоритъ, такъ ужъ это, значитъ, сильно даетъ ей знать себя. А она, при первомъ предложеніи Варвары о свиданіи ея съ Борисомъ, вскрикиваетъ: «нѣтъ, нѣтъ, не надо, что ты, сохрани Господи: *если я съ нимъ хоть разъ увижусь, я убѣгу изъ дому, я ужъ не пойду домой ни за что на свѣтѣ!*» [Это въ ней не разумная предосторожность говоритъ,— это страсть; и ужъ] видно, что какъ она себя ни сдерживала, а страсть выше ея, выше всѣхъ [ея предразсудковъ и страховъ, выше всѣхъ] внушеній, слышанныхъ ею съ дѣтства. Въ этой страсти заключается для нея вся жизнь; вся сила ея натуры, всѣ ея живыя стремленія сливаются здѣсь. Къ Борису влечетъ ее не одно то, что онъ ей нравится, что онъ и съ виду и по рѣчамъ не похожъ на остальныхъ, окружающихъ ее; къ нему влечетъ ее и потребность любви, не нашедшая себѣ отзыва въ мужѣ, и оскорбленное чувство жены и женщины, и стремительная тоска ея однообразной жизни и желаніе воли, простора, [горячей, беззапретной] свободы. Она все мечтаетъ, какъ бы ей «полетѣть невидимо, куда бы захотѣла»; а то такая мысль приходитъ: «кабы моя воля, каталась бы я теперь на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись»... «Только не съ мужемъ», подсказываетъ ей Варя, и Катерина не можетъ скрыть своего чувства и сразу ей открывается, вопросомъ: «а ты почемъ знаешь?» Видно, что замѣчаніе Варвары для нея самой объяснило многое: разсказывая такъ наивно свои мечты, она еще не понимала хорошенько ихъ значенія. Но одного слова достаточно, чтобы сообщить ея мыслямъ ту опредѣленность, которую она сама боялась имъ дать. До сихъ поръ она еще могла сомнѣваться, точно ли въ этомъ новомъ чувствѣ то блаженство, котораго она такъ томительно ищетъ. Но разъ произнесши слово тайны, она уже и въ мысляхъ своихъ отъ нея не отступится. Страхъ сомнѣнія, мысль о грѣхѣ и о людскомъ судѣ,— все это приходитъ ей въ голову, но уже не имѣетъ надъ нею силы; [это ужъ такъ, формальности, для очистки совѣсти]. Въ монологѣ съ ключемъ (послѣднемъ во второмъ актѣ) мы видимъ женщину, въ душѣ которой опасный шагъ уже сдѣланъ, но которая хочетъ только какъ-нибудь «заговорить» себя. Она дѣлаетъ попытку стать нѣсколько въ сторону отъ себя и судить поступокъ, на который она рѣшилась, какъ дѣло постороннее; но мысли ея всѣ направлены къ оправданію этого поступка. «Вотъ,—говоритъ,—долго ли погибнуть-то... Въ неволѣ-то кому весело... Вотъ хоть я теперь — живу, маюсь, просвѣту себѣ не вижу... свекровь сокрушила меня»... и т. д.—

все оправдательныя статьи. А потомъ еще облегчительныя соображенія: «видно ужъ судьба такъ хочетъ... Да какой же и грѣхъ въ этомъ, если я на него взгляну разъ... Да хоть и поговорю-то, такъ все не бѣда. А можетъ такого случая-то еще во всю жизнь не выйдетъ»... Этотъ монологъ возбудилъ въ нѣкоторыхъ критикахъ охоту иронизировать надъ Катериною, какъ надъ безстыжею ипокриткою; но мы не знаемъ бо̀льшаго безстыдства, какъ увѣрять, будто бы мы, или кто-[нибудь изъ нашихъ идеальныхъ друзей], не причастны такимъ сдѣлкакъ съ совѣстью... [Въ этихъ сдѣлкахъ не личности виноваты, а тѣ понятія, которыя имъ вбиты въ голову съ малолѣтства, и которыя такъ часто противны бываютъ естественному ходу живыхъ стремленій души. Пока эти понятія не выгнаны изъ общества, пока полная гармонія идей и потребностей природы не возстановлена въ человѣческомъ существѣ, до тѣхъ поръ подобныя сдѣлки неизбѣжны. Хорошо еще и то, если, дѣлая ихъ, приходятъ къ тому, что̀ представляется натурою и здравымъ смысломъ, и не падаютъ подъ гнетомъ условныхъ наставленій искусственной морали. Именно на это и стало силы у Катерины, и чѣмъ сильнѣе говоритъ въ ней натура, тѣмъ спокойнѣе смотритъ она въ лицо дѣтскимъ бреднямъ, которыхъ бояться пріучили ее окружающіе]. Поэтому намъ кажется [даже], что артистка, исполняющая роль Катерины на петербургской сценѣ, дѣлаетъ маленькую ошибку, придавая монологу, о которомъ мы говоримъ, слишкомъ много жара и трагичности. Она, очевидно, хочетъ выразить борьбу, совершающуюся въ душѣ Катерины, и съ этой точки зрѣнія она передаетъ трудный монологъ превосходно. Но намъ кажется, что сообразнѣе съ характеромъ и положеніемъ Катерины въ этомъ случаѣ—придавать ея словамъ больше спокойствія и легкости. Борьба собственно уже кончена, остается лишь небольшое раздумье, [старая ветошь покрываетъ еще Катерину, и она мало-по-малу сбрасываетъ ее съ себя...] Окончаніе монолога выдаетъ ея сердце: «будь, что̀ будетъ, а я Бориса увижу», заключаетъ она, и въ забытьи предчувствія восклицаетъ: «ахъ, кабы ночь поскорѣй!»

Такая любовь, такое чувство не уживется въ̀ стѣнахъ кабановскаго дома съ притворствомъ и обманомъ. Катерина хоть и рѣшилась на тайное свиданіе, но въ первый же разъ, въ восторгѣ любви, говоритъ Борису, увѣряющему, что никто ничего не узнаетъ: «Э, что̀ меня жалѣть, никто не виноватъ, — сама на то пошла. Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что̀ я дѣлаю... Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?»

И точно, она ничего не боится, кромѣ лишенія возможности видѣть ея избраннаго, говорить съ нимъ, наслаждаться съ нимъ этими лѣтними ночами, этими новыми для нея чувствами. Пріѣхалъ мужъ, и жизнь ей стала не въ жизнь. Надо было таиться, хитрить; она этого не хотѣла и не умѣла: надо было опять воротиться къ своей черствой, тоскливой жизни, — это ей показалось горче прежняго. Да еще надо было бояться каждую минуту за себя, за каждое свое слово, [особенно передъ свекровью; надо было бояться еще и страшной кары для души...] Такое положеніе невыносимо было для Катерины: дни и ночи она все думала, страдала, экзальтировала свое воображеніе, и безъ того горячее, и конецъ былъ тотъ, что она не могла вытерпѣть— при всемъ народѣ, столпившемся въ галлереѣ старинной церкви, покаялась во всемъ мужу. Первое движеніе его было страхъ, что̀ скажетъ мать. «Не надо, не говори, матушка здѣсь», шепчетъ онъ, растерявшись. Но мать уже прислушалась и требуетъ полной исповѣди, въ заключеніе которой выводитъ свою моралъ: «что̀, сынокъ, *куда воля-то ведетъ?*»

[Трудно, конечно, болѣе насмѣяться надъ здравымъ смысломъ, чѣмъ какъ дѣлаетъ это Кабаниха въ своемъ восклицаніи. Но, въ «темномъ царствѣ», здравый смыслъ ничего не значитъ:] съ «преступницею» приняли мѣры, [совершенно ему противныя], но обычныя въ томъ быту: мужъ, по повелѣнію матери, побилъ маленько свою жену, свекровь заперла ее на замокъ и начала ѣсть поѣдомъ... Кончены воля и покой [бѣдной женщины]: прежде хоть ее попрекнуть не могли, хоть могла она чувствовать свою полную правоту передъ этими людьми. А теперь, вѣдь, такъ или иначе она передъ ними виновата, она нарушила свои обязанности къ нимъ, принесла горе и позоръ въ семью; теперь самое жестокое обращеніе съ ней имѣетъ уже поводы и оправданіе. Что̀ остается ей? Пожалѣть о неудачной попыткѣ вырваться на волю и оставить свои мечты о любви и счастьи, какъ уже покинула она радужныя грезы о чудныхъ садахъ съ райскимъ пѣніемъ. Остается ей покориться, отречься отъ самостоятельной жизни и сдѣлаться безпрекословной угодницей свекрови, кроткою рабою своего мужа и никогда уже не дерзать на какія-нибудь попытки опять обнаружить свои [требованія] [1])... Но нѣтъ, не таковъ харак-

[1]) чувства.

теръ Катерины; [не за тѣмъ отразился въ ней новый типъ, создаваемый русской жизнью,—чтобы сказаться только безплодной попыткой и погибнуть послѣ первой неудачи]. Нѣтъ, она уже не возвратится къ прежней жизни: если ей нельзя наслаждаться своимъ чувствомъ, своей волей [вполнѣ законно и свято], при свѣтѣ бѣлаго дня, передъ всѣмъ народомъ, если у нея вырываютъ то, что̀ нашла она и что̀ ей такъ дорого, она ничего тогда не хочетъ въ жизни, она и жизни не хочетъ. Пятый актъ «Грозы» составляетъ апоѳеозъ этого характера, столь простого, глубокаго [и такъ близкаго къ положенію и къ сердцу каждаго порядочнаго человѣка въ нашемъ обществѣ]. Никакихъ ходуль не подставилъ художникъ своей героинѣ, онъ не далъ ей даже героизма, а оставилъ ее той же простой наивной женщиной, какой она являлась передъ нами и до «грѣха» своего. Въ пятомъ актѣ у ней всего два монолога, да разговоръ съ Борисомъ: но они полны, въ своей сжатости, такой силы, такихъ многозначительныхъ откровеній, что, принявшись за нихъ, мы боимся закомментироваться еще на цѣлую статью. Постараемся ограничиться нѣсколькими словами.

Въ монологахъ Катерины видно, что у ней и теперь нѣтъ ничего формулированнаго; она до конца водится своей натурой, а не заданными рѣшеніями, потому что для рѣшеній ей бы надо было имѣть логическія, твердыя основанія, а между тѣмъ всѣ начала, которыя ей даны для теоретическихъ разсужденій, рѣшительно противны ея натуральнымъ влеченіямъ. Оттого она не только не принимаетъ геройскихъ позъ и не произноситъ изреченій, доказывающихъ твердость характера, а даже, напротивъ — является въ видѣ слабой женщины, не умѣющей противиться своимъ влеченіямъ, и старается *оправдывать* тотъ героизмъ, какой проявляется въ ея поступкахъ. Она рѣшилась умереть, но ее страшитъ мысль, что это грѣхъ, и она какъ бы старается доказать намъ и себѣ, что ее можно и простить, такъ какъ ей ужъ очень тяжело. Ей хотѣлось бы пользоваться жизнью и любовью; но она знаетъ, что это — преступленіе, и потому говоритъ въ оправданіе свое: «что̀ жъ, ужъ все равно, ужъ душу свою я вѣдь погубила!» Ни на кого она не жалуется, никого не винитъ, и даже на мысль ей не приходитъ ничего подобнаго, напротивъ, она предъ всѣми виновата, даже Бориса она спрашиваетъ, не сердится ли онъ на нее, не проклинаетъ ли... Нѣтъ въ ней ни злобы, ни презрѣнія, ничего, чѣмъ такъ красуются обыкновенно разочарованные герои, самовольно покидающіе свѣтъ. Но не можетъ она жить больше, не можетъ, да и только; отъ полноты сердца говоритъ она: «ужъ измучилась я... Долго ль мнѣ еще мучиться? Для чего мнѣ теперь жить,—ну, для чего? Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило, и свѣтъ Божій не милъ!—а смерть не приходитъ? [Ты ее кличешь, а она не приходитъ]. Что̀ ни увижу, что̀ ни услышу, только тутъ (показывая на сердце) больно». При мысли о могилѣ ей дѣлается легче,—спокойствіе какъ будто проливается ей въ душу. «Такъ тихо, такъ хорошо... А объ жизни и думать не хочется... Опять жить?.. Нѣтъ, нѣтъ, не надо... не хорошо. И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду... Придешь къ нимъ — они ходятъ, говорятъ, — а на что̀ мнѣ это?..» И мысль о горечи жизни, какую надо будетъ терпѣть, до того терзаетъ Катерину, что повергаетъ ее въ какое-то полугорячечное состояніе. Въ послѣдній моментъ особенно живо мелькаютъ въ ея воображеніи всѣ домашніе ужасы. Она вскрикиваетъ: «а поймаютъ меня и воротятъ домой насильно!.. Скорѣй, скорѣй...» И дѣло кончено: она не будетъ болѣе жертвою бездушной свекрови, не будетъ болѣе томиться взаперти, съ безхарактернымъ и противнымъ ей мужемъ. [Она освобождена!..]

Грустно, горько такое освобожденіе; но что̀ же дѣлать, когда другого выхода нѣтъ... [Хорошо, что нашлась въ бѣдной женщинѣ рѣшимость хоть на этотъ страшный выходъ. Въ томъ и сила ея характера, оттого-то «Гроза» и производитъ на насъ впечатлѣніе освѣжающее, какъ мы сказали выше]. Безъ сомнѣнія, лучше бы было, если бъ возможно было Катеринѣ избавиться другимъ образомъ [отъ своихъ мучителей], или ежели бы [эти мучители] [1]) могли измѣниться и примирить ее съ собою и съ жизнью. Но ни то, ни другое — не въ порядкѣ вещей. Кабанова не можетъ оставить того, съ чѣмъ она воспитана и прожила цѣлый вѣкъ; безхарактерный сынъ ея не можетъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пріобрѣсти твердость и самостоятельность до такой степени, чтобы отречься отъ всѣхъ нелѣпостей, внушаемыхъ ему старухой; все окружающее не можетъ перевернуться вдругъ такъ, чтобы сдѣлать сладкою жизнь молодой женщины. Самое большее, что̀ они могутъ сдѣлать, — это простить ее, [облегчить нѣсколько тягость ея домашняго заключенія, сказать ей нѣсколько милостивыхъ словъ, можетъ быть подарить право имѣть голосъ въ хозяйствѣ, когда спросятъ ея мнѣнія]. Можетъ быть,

[1]) окружающіе ее

этого и достаточно было бы для другой женщины, забитой, безсильной, [и въ другое время, когда самодурство Кабановыхъ покоилось на общемъ безгласіи и не имѣло столько поводовъ высказывать свое наглое презрѣніе къ здравому смыслу и всякому праву]. Но мы видимъ, что Катерина не убила въ себѣ человѣческую природу, и что она находится только внѣшнимъ образомъ, по положенію своему, подъ гнетомъ самодурной жизни; внутренно же, сердцемъ [и смысломъ—]сознаетъ всю ея нелѣпость, [которая теперь еще увеличивается тѣмъ, что Дикіе и Кабановы, встрѣчая себѣ противорѣчіе и не будучи въ силахъ побѣдить его, но желая поставить на своемъ, прямо объявляютъ себя противъ логики, то-есть, ставятъ себя дураками предъ большинствомъ людей]. При такомъ положеніи дѣлъ, само собою разумѣется, что Катерина не можетъ удовлетвориться великодушнымъ прощеніемъ [отъ самодуровъ и возвращеніемъ ей прежнихъ правъ въ семьѣ]: она знаетъ, что̀ значитъ милость Кабановой, и каковы могутъ быть права невѣстки при такой свекрови... [Нѣтъ, ей бы нужно было не то, чтобъ ей что-нибудь уступили и облегчили, а то, чтобы свекровь, мужъ, всѣ окружающіе — сдѣлались способны удовлетворить тѣмъ живымъ стремленіямъ, которыми она проникнута, признать законность ея природныхъ требованій, отречься отъ всякихъ принудительныхъ правъ на нее и переродиться до того, чтобы сдѣлаться достойными ея любви и довѣрія. Нечего и говорить о томъ, въ какой мѣрѣ возможно для нихъ такое перерожденіе...]

Менѣе невозможности представляло бы другое рѣшеніе—бѣжать съ Борисомъ отъ произвола и насилія домашнихъ. [Несмотря на строгость формальнаго закона, несмотря на ожесточенность грубаго самодурства], подобные шаги не представляютъ невозможности сами-по-себѣ, особенно для такихъ характеровъ, какъ Катерина. И она не пренебрегаетъ этимъ выходомъ, потому что она не отвлеченная героиня, которой хочется смерти по принципу. Убѣжавши изъ дому, чтобы свидѣться съ Борисомъ, и уже задумывая о смерти, она, однако, вовсе не прочь отъ побѣга; узнавши, что Борисъ ѣдетъ далеко, въ Сибирь, она очень просто говоритъ ему: «возьми меня съ собою отсюда». Но тутъ-то и всплываетъ передъ нами на минуту камень, который держитъ людей [въ глубинѣ омута, названнаго нами «темнымъ царствомъ»] [1]). Камень этотъ— матеріальная зависимость. Борисъ ничего не имѣетъ и вполнѣ зависитъ отъ дяди — Дикòго, Дикòй съ Кабановыми уладили, чтобъ его отправить въ Кяхту, и, конечно, не дадутъ ему взять съ собой Катерину. Оттого онъ и отвѣчаетъ ей: «нельзя, Катя; не по своей я волѣ ѣду, дядя посылаетъ, ужъ и лошади готовы» и пр. Борисъ — не герой, онъ далеко не стóитъ Катерины, она и полюбила-то его больше на безлюдьи. Онъ хватилъ «образованія», и никакъ не справится ни съ старымъ бытомъ, ни съ сердцемъ своимъ, ни съ здравымъ смысломъ,—ходитъ, точно потерянный. Живетъ онъ у дяди потому, что тотъ ему и сестрѣ его долженъ часть бабушкина наслѣдства отдать, «если они будутъ къ нему почтительны». Борисъ хорошо понимаетъ, что Дикòй никогда не признаетъ его почтительнымъ и, слѣдовательно, ничего не дастъ ему; да этого мало, Борисъ такъ разсуждаетъ: «нѣтъ, онъ прежде наломается надъ нами, наругается всячески, какъ его душѣ угодно, а кончитъ все-таки тѣмъ, что не дастъ ничего, или такъ какую-нибудь малость, да еще станетъ разсказывать, что изъ милости далъ, что и этого бы не слѣдовало». А все-таки онъ живетъ у дяди и сноситъ его ругательства; зачѣмъ? — неизвѣстно. При первомъ свиданіи съ Катериной, когда она говоритъ о томъ, что̀ ее ждетъ за это, Борисъ прерываетъ ее словами: «ну, что̀ объ этомъ думать, благо намъ теперь хорошо». А при послѣднемъ свиданіи плачется: «кто жъ это зналъ, что намъ за нашу любовь такъ мучиться съ тобой! Лучше бы мнѣ бѣжать тогда!» Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ весьма нерѣдкихъ людей, которые не умѣютъ дѣлать того, что̀ понимаютъ, и не понимаютъ того, что̀ дѣлаютъ. Типъ ихъ много разъ изображался въ нашей беллетристикѣ—то съ преувеличеннымъ состраданіемъ къ нимъ, то съ излишнимъ ожесточеніемъ противъ нихъ. Островскій даетъ ихъ намъ такъ, какъ они есть, и съ особеннымъ, свойственнымъ ему умѣньемъ рисуетъ двумя-тремя чертами ихъ полную незначительность, хотя, впрочемъ, не лишенную извѣстной степени душевнаго благородства. О Борисѣ нечего распространяться; онъ, собственно, долженъ быть отнесенъ тоже къ *обстановкѣ*, въ которую попадаетъ героиня пьесы. Онъ представляетъ одно изъ обстоятельствъ, дѣлающихъ необходимымъ фатальный конецъ ея. Будь это другой человѣкъ и въ другомъ положеніи, тогда бы и въ воду бросаться не надо. Но въ томъ-то и дѣло, что среда, подчиненная силѣ Дикихъ и Кабановыхъ, производитъ обыкновенно Тихоновъ и Борисовъ, не способныхъ воспрянуть и принять свою человѣческую природу, даже при столкновеніи съ такими характерами,

[1]) подъ водою.

какъ Катерина. Мы сказали выше нѣсколько словъ о Тихонѣ; Борисъ — такой же въ сущности, только «образованный». Образованіе отняло у него силу дѣлать пакости,— правда; но оно не дало ему силы противиться пакостямъ, которыя дѣлаютъ другіе; оно не развило даже въ немъ способности такъ вести себя, чтобы оставаться чуждымъ всему гадкому, что̀ кишитъ вокругъ него. Нѣтъ, мало того, что не противодѣйствуетъ,—онъ подчиняется чужимъ гадостямъ, онъ волей-неволей участвуетъ въ нихъ и долженъ принять всѣ ихъ послѣдствія. Но онъ понимаетъ свое положеніе, толкуетъ о немъ и нерѣдко даже обманываетъ, на первый разъ, истинно-живыя и крѣпкія натуры, которыя, судя по себѣ, думаютъ, что если человѣкъ такъ думаетъ, такъ понимаетъ, то такъ долженъ и дѣлать. [Смотря съ своей точки, этакія натуры не затруднятся сказать «образованнымъ» страдальцамъ, удаляющимся отъ горестныхъ обстоятельствъ жизни: «возьми и меня съ собой, я пойду за тобою всюду». Но тутъ-то и окажется безсиліе страдальцевъ; окажется, что они и не предвидѣли, и что они проклинаютъ себя, и что они рады бы, да нельзя, и что воли у нихъ нѣтъ, а главное—что у нихъ нѣтъ ничего за душою, и что для продолженія своего существованія они должны служить тому же самому Дико̀му, отъ котораго вмѣстѣ съ нами хотѣли бы избавиться].

Ни хвалить, ни бранить этихъ людей нечего: [но нужно обратить вниманіе на ту практическую почву, на которую переходитъ вопросъ]; надо признать, что человѣку, ожидающему наслѣдства отъ дяди, трудно сбросить съ себя зависимость отъ этого дяди, [и затѣмъ надо отказаться отъ излишнихъ надеждъ на племянниковъ, ожидающихъ наслѣдства, хотя бы они и были «образованы» по самое нельзя. Если тутъ разбирать виноватаго, то виноваты окажутся не столько племянники, сколько дяди, или, лучше сказать, ихъ наслѣдство].

Впрочемъ, о значеніи матеріальной зависимости, [какъ главной основы всей силы самодуровъ въ «темномъ царствѣ»], мы пространно говорили въ нашихъ прежнихъ статьяхъ. Поэтому здѣсь только напоминаемъ объ этомъ, чтобы указать рѣшительную необходимость того фатальнаго конца, какой имѣетъ Катерина въ «Грозѣ» и, слѣдовательно, рѣшительную необходимость характера, который бы, при данномъ положеніи, готовъ былъ къ такому концу.

[Мы уже сказали, что конецъ этотъ кажется намъ отраднымъ; легко понять, почему; въ немъ данъ страшный вызовъ самодурной силѣ, онъ говоритъ ей, что уже нельзя идти дальше, нельзя долѣе жить съ ея насильственными, мертвящими началами]. Въ Катеринѣ видимъ мы протестъ противъ кабановскихъ понятій о нравственности, протестъ, доведенный до конца, провозглашенный и подъ домашней пыткой, и надъ бездной, въ которую бросилась бѣдная женщина. Она не хочетъ мириться, не хочетъ пользоваться жалкимъ прозябаніемъ, которое ей даютъ въ обмѣнъ за ея живую душу. [Ея погибель — это осуществленная пѣсня плѣна вавилонскаго: играйте и пойте намъ пѣсни сіонскія,—говорили іудеямъ ихъ побѣдители; но печальный пророкъ отозвался, что не въ рабствѣ можно пѣть священныя пѣсни родины, что лучше пусть языкъ ихъ прилипнетъ къ гортани, и руки отсохнутъ, нежели примутся они за гусли и запоютъ сіонскія пѣсни на потѣху владыкъ своихъ. Несмотря на все свое отчаяніе, эта пѣсня производитъ высоко отрадное, мужественное впечатлѣніе: чувствуешь, что не погибъ бы народъ еврейскій, если бъ весь и всегда одушевленъ былъ такими чувствами...]

Но и безъ всякихъ возвышенныхъ соображеній, просто по человѣчеству, намъ отрадно видѣть [избавленіе][1]) Катерины[— хоть черезъ смерть, коли нельзя иначе. На этотъ счетъ мы имѣемъ въ самой драмѣ страшное свидѣтельство, говорящее намъ, что жить въ «темномъ царствѣ» хуже смерти[2]). Тихонъ, бросаясь на трупъ жены, вытащенный изъ воды, кричитъ въ самозабвеніи: «хорошо тебѣ, Катя! А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ да мучиться!» Этимъ восклицаніемъ заканчивается пьеса, и намъ кажется, что ничего нельзя было придумать сильнѣе и правдивѣе такого окончанія. Слова Тихона даютъ ключъ къ уразумѣнію пьесы для тѣхъ, кто бы даже и не понялъ ея сущности ранѣе; они заставляютъ зрителя подумать уже не о любовной интригѣ, а обо всей этой жизни, [гдѣ живые завидуютъ умершимъ, да еще какимъ—самоубійцамъ!][3]). Собственно говоря, восклицаніе Тихона глупо: Волга близко, кто же мѣшаетъ и ему броситься, если жить тошно? Но въ томъ-то и горе его, то-то ему и тяжко, что онъ ничего, рѣшительно ничего сдѣлать не можетъ, [даже и того, въ чемъ признаетъ свое благо и спасеніе. Это нравственное растлѣніе, это уничтоженіе человѣка дѣйствуетъ на насъ тяжелѣе всякаго, самаго трагическаго происшествія: тамъ видишь гибель одновременную, конецъ страданій, часто избавленіе отъ необходимости служить жалкимъ ору-

[1]) конецъ

[2]) Такъ думаемъ объ этомъ концѣ не мы одни.

[3]) въ которой прозябаетъ Тихонъ!

діемъ какихъ-нибудь гнусностей; а здѣсь—постоянную, гнетущую боль, разслабленіе, полутрупъ, въ теченіе многихъ лѣтъ согнивающій заживо... И думать, что этотъ живой трупъ—не одинъ, не исключеніе, а цѣлая масса людей, подверженныхъ тлетворному вліянію Дикихъ и Кабановыхъ! И не чаять для нихъ избавленія — это, согласитесь, ужасно! Зато какою же отрадною, свѣжею жизнью вѣетъ на насъ здоровая личность, находящая въ себѣ рѣшимость покончить съ этой гнилою жизнью, во что бы то ни стало!..]

На этомъ мы и кончаемъ. Мы не говорили о многомъ — о сценѣ ночного свиданія, о личности Кулигина, не лишенной тоже значенія въ пьесѣ, о Варварѣ и Кудряшѣ, о разговорѣ Дикаго съ Кабановой и пр., и пр. Это оттого, что наша цѣль была указать общій смыслъ пьесы, и, увлекаясь общимъ, мы не могли достаточно входить въ разборъ всѣхъ подробностей. Литературные судьи останутся опять недовольны: мѣра художественнаго достоинства пьесы недостаточно опредѣлена и выяснена, лучшія мѣста не указаны, характеры второстепенные и главные не отдѣлены строго, [а всего луще — искусство опять сдѣлано орудіемъ какой-то посторонней идеи!..] Все это мы знаемъ, и имѣемъ только одинъ отвѣтъ: [пусть читатели разсудятъ сами (предполагаемъ, что всѣ читали или видѣли «Грозу»),— *точно ли идея, указанная нами, совсѣмъ посторонняя «Грозѣ»*, навязанная нами насильно, *или же она дѣйствительно вытекаетъ изъ самой пьесы*, составляетъ ея сущность и опредѣляетъ прямой ея смыслъ?.. Если мы ошиблись, пусть намъ это докажутъ, дадутъ другой смыслъ пьесѣ, болѣе къ ней подходящій. Если же наши мысли сообразны съ пьесою, то мы просимъ отвѣтить еще на одинъ вопросъ: *точно ли русская живая натура выразилась въ Катеринѣ, точно ли русская обстановка во всемъ, ее окружающемъ, точно ли потребность возникающаго движенія русской жизни сказались въ смыслѣ пьесы, какъ она понята нами?* Если «нѣтъ», если читатели не признаютъ здѣсь ничего знакомаго, роднаго ихъ сердцу, близкаго къ ихъ насущнымъ потребностямъ, тогда, конечно, нашъ трудъ потерянъ. Но ежели «да»], ежели наши читатели, сообразивъ наши замѣтки, найдутъ, что точно русская жизнь и русская сила вызваны художникомъ въ «Грозѣ» [на рѣшительное дѣло, и если они почувствуютъ законность и важность этого дѣла], тогда мы довольны, что бы ни говорили наши ученые и литературные судьи.

---

404. Что о насъ думаютъ въ Парижѣ.

(Письмо русскаго).

Найдено мною въ рукописяхъ Добролюбова, хранящихся въ Литературномъ Фондѣ. Это начало статьи для «Свистка», никогда не напечатанной. Гдѣ конецъ ея—неизвѣстно. Но и напечатаннаго достаточно, чтобы видѣть взглядъ Добролюбова на нашъ престижъ въ Европѣ.

М. Л.

Передъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ.

А. Хомяковъ.

Сожалѣнія обыкновенно приходятъ слишкомъ поздно: въ Парижѣ я пожалѣлъ, что не читалъ прекрасной статьи покойнаго Хомякова «Мнѣніе иностранцевъ о русскихъ», но поправить дѣло не было уже никакой возможности, — въ Парижѣ, я думаю, легче отыскать подлинникъ философскихъ правилъ Конфуція, писанный рукою самого китайскаго философа, нежели найти «Москвитянинъ», въ которомъ блисталъ покойный философъ и поэтъ россійскій. А между тѣмъ меня одолѣла страшная охота узнать мнѣніе иностранцевъ о нашихъ соотечественникахъ. Дѣлать нечего, пришлось самому заняться собраніемъ необходимыхъ свѣдѣній. Не знаю, сходятся ли они съ тѣмъ, что говорилъ г. Хомяковъ, но полагаю, что большого разнорѣчія между нами быть не можетъ, ибо все, что узналъ я, совершенно подходитъ подъ эпиграфъ, выставленный мною въ началѣ письма.

Прежде, чѣмъ я примусь излагать результаты моихъ наблюденій, я долженъ, впрочемъ, сдѣлать небольшое объясненіе относительно того, кого я разумѣю подъ *нами*. Симъ мѣстоименіемъ я обозначаю, читатель, тѣхъ, къ кому не постыдимся

принадлежать мы съ вами, кого мы смѣло можетъ назвать *нашими*. Теперь разсудите сами, кто же долженъ быть главнымъ предметомъ моихъ разысканій. Безъ всякаго сомнѣнія, это должны быть тѣ люди, которыхъ самъ Николай Филлипычъ Павловъ не постыдился бы назвать своими «ближними и братьями», люди хорошаго общества и возвышенныхъ стремленій, люди, украшенные всѣми дарами европейской цивилизаціи и наклонные къ тому, чтобы самимъ внести что-нибудь въ сокровищницу человѣческой мысли. Словомъ, говоря безъ обиняковъ, подъ *нами* я разумѣю избранниковъ Россіи, свѣтила, озаряющія ее свѣтомъ своихъ возвышенныхъ идей и согрѣвающія пламенемъ благородныхъ чувствъ. Сюда входятъ ученые [исключая г. Лайбова][1]), литераторы [только не тѣ, которые участвуютъ въ «Свисткѣ»], великіе дѣятели общественной жизни, какъ, напр., г. Кокоревъ, Зоркинъ, и другіе, столь же самоотверженно изучавшіе зло и мошенничество, чтобы повѣдать о немъ міру, et coet., et coet.[2]).

Съ самаго выѣзда моего за границу я на каждомъ шагу убѣждался въ справедливости того, что передъ державнымъ нашимъ блескомъ народы робко клонятъ взоръ, иначе сказать, что на насъ никто не смотритъ прямо, а всегда исподлобья. Въ Берлинѣ многіе изъ нашихъ соотечественниковъ уже жаловались на грубость прусскаго народа, который узнали они по кельнерамъ своихъ отелей. Кельнеры эти смотрѣли на насъ большею частью косо и обращеніе ихъ съ нами было исполнено всяческихъ резервовъ и натянутаго достоинства. Мнѣ случилось слышать объясненіе этого явленія въ разговорѣ кельнера съ портье. Портье жаловался, что какой-то русскій баринъ оказался скрягою и совершенно забылъ при отъѣздѣ исполнить свою обязанность относительно старика, который хлопоталъ для него много: и письма его отправлялъ и ночью для него безпокоился (такъ какъ помянутый русскій любилъ ночныя прогулки), и безпрестанно возился съ звонкомъ его, непереставшимъ заливаться цѣлое утро то за тѣмъ, то за другимъ... Я ему никогда виду не подалъ, что онъ мнѣ такъ надоѣлъ, говорилъ старикъ:—всегда ему въ глаза глядѣлъ, думалъ, что онъ долженъ чувствовать, а онъ вотъ какъ!» — «Да, какъ же, чувствуютъ они—возразилъ кельнеръ, какъ видно, болѣе опытный и считавшій себя въ правѣ давать наставленія,— русскій, это извѣстно, что за человѣкъ: смотри ему въ глаза, онъ на тебя плюнетъ и всякую твою услугу за ничто считаетъ, а сдѣлай ему такую рожу, что обругать его хочешь сейчасъ же, да вниманія-то на него не обращай большого, — сейчасъ же укротится и просить станетъ вѣжливо и trinkeld дастъ хорошее».

Впослѣдствіи я замѣтилъ, что такое мнѣніе особенно распространено только въ городахъ, ближайшихъ къ нашей границѣ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе русскіе теряютъ, какъ видно, ихъ національный характеръ или перестаютъ его обнаруживать. Я объясняю это тѣмъ, что русскій человѣкъ чрезвычайно смышленъ и понятливъ: выѣхавъ за границу и видя, что на него смотрятъ искоса и что чѣмъ онъ себя грознѣе держитъ, тѣмъ менѣе встрѣчаетъ угодливости, онъ съ неимовѣрною быстротою измѣняетъ свои принципы, — да такъ, что, напримѣръ, въ Дрезденѣ нравы русскихъ уже совсѣмъ другіе, нежели въ Берлинѣ.

Не проѣзжалъ я польскихъ и австрійскихъ земель, сопредѣльныхъ съ нашими. Въ прежнее время тамъ, говорятъ, было обыкновеніе опредѣлять цѣну комнатъ и всякаго продовольствія русскихъ путешественниковъ сообразно съ возвышенностью ихъ характера. Разумѣется, на каждаго русскаго набавляли уже за то олно, что онъ русскій; слѣдовательно, человѣкъ, по преимуществу назначенный, по выраженію поэта «хранить для европейскаго міра достоянье высокихъ жертвъ». Но и между русскими находили различіе въ степени, до которой могутъ простираться ихъ *жертвы:* кто кричалъ громче, звонилъ чаще, бросалъ на столъ карту обѣда, съ большимъ презрѣніемъ, тыкалъ кельнеру свое платье и сапоги съ большей энергіей, тому путешествіе и обходилось дороже, въ соразмѣрности. Натурально, что русскіе путешественники, выѣзжавшіе въ Европу черезъ австрійскую границу, приходили тоже къ грустной необходимости измѣнить свои обычаи, но нѣсколько позже и при томъ другимъ путемъ: они были «биты рублемъ», по нашей родной пословицѣ... Само собою разумѣется, что, такъ какъ русскіе народъ молодой, а Россія — полнощный исполинъ, то между русскими путешественниками находились весьма много такихъ, которые совершенно не понимаютъ, что̀ такое боль отъ рубля, и потому во все время путешествія оставались совершенно нечувствительными къ рублевымъ ударамъ европейскихъ пигмеевъ. Этимъ и объясняется, что нѣкоторые успѣвали доѣхать до Италіи

---

[1]) Псевдонимъ Добролюбова; см. № 38 и 45.

[2]) Читатель припомнитъ, что г. Зоркинъ предался всѣмъ продѣлкамъ шулерства съ благородною цѣлью научить Россію плутнямъ карточной игры.

Примѣчаніе редактора «Свистка».

[а иные, говорятъ, даже до Константинополя и Іерусалима], сохранивъ въ совершенствѣ первобытную чистоту русскихъ нравовъ и не понимая другихъ ударовъ, кромѣ тѣхъ, которые считаются у кіевскихъ педагоговъ необходимыми для вперенія чувства законности въ дѣтскія сердца [1]). Вспомните письмо изъ Италіи г. Пауловича...

Но я не намѣренъ занимать васъ, читатель, изложеніемъ нѣмецкихъ воззрѣній на русскихъ путешественниковъ. Что намъ нѣмцы! Чья репутація можетъ выиграть или пострадать оттого, что о насъ станутъ говорить не только нѣмецкіе кельнеры, но даже гегеймраты и великіе ученые. Извѣстно, что, во-первыхъ, нѣмецъ неторопливъ на сужденія: человѣкъ можетъ пожить, нажиться, умереть, оставить наслѣдство и быть позабытымъ не только наслѣдниками, но даже и своими бывшими кредиторами прежде, нежели нѣмецъ рѣшится высказать о немъ свое основательное сужденіе. Во-вторыхъ, извѣстно, что нѣмцы у насъ считаются по преимуществу музыкантами, булочниками и сапожниками, слѣдовательно, въ общественной жизни нашей представляютъ часть служебную. Не то французъ: онъ заправляетъ нашимъ обществомъ, онъ всегда танцмейстеръ, кондитеръ и парикмахеръ. Нѣмецъ, обращаясь къ нашему слуху, повергаетъ насъ въ неподвижное умиленіе своей музыкой, а французъ краснорѣчиво заставляетъ насъ прыгать и плясать подъ его команду; нѣмецъ насъ кормитъ, а французъ услаждаетъ; нѣмецъ устраиваетъ наши ноги, французъ — голову. Понятно, поэтому, почему въ обществѣ живомъ и двигающемся, между людьми, любящими услаждать свою жизнь и заботящимися объ обработкѣ головы своей, французъ имѣетъ такое неизмѣримое преимущество предъ нѣмцемъ. Понятно, почему всякая репутація составляется въ Парижѣ, почему, вопреки древнему изреченію, быть и вторымъ въ Парижѣ для насъ всегда лестнѣе, нежели быть первымъ въ Петербургѣ или даже въ Москвѣ.

Какую же репутацію имѣетъ въ Парижѣ полнощный исполинъ и въ особенности тѣ его представители, которые принадлежатъ къ избранникамъ нашего общества? Какое впечатлѣніе производятъ на французовъ наши ученыя открытія, наши философскія воззрѣнія, наши художественныя созданія? Что думаютъ они о роли русской цивилизаціи въ судьбахъ Западной Европы, находящейся (какъ извѣстно всякому, кто читалъ нашихъ философовъ) въ послѣднемъ періодѣ гніенія? Обо всѣхъ этихъ интересныхъ вопросахъ я надѣюсь сообщить вамъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

Нужно вамъ сказать, впрочемъ, что въ Парижѣ я не былъ такъ разборчивъ въ выборѣ общества для себя, какъ въ Россіи; признаюсь даже, что я болѣе толкался между людьми «средняго рода», нежели между первостепенными знаменитостями во всѣхъ родахъ. На это было много причинъ: во-первыхъ, въ Парижѣ великихъ знаменитостей больше, чѣмъ зубныхъ врачей въ Петербургѣ, и для человѣка непривычнаго нѣтъ ни малѣйшей возможности запомнить ихъ и отличить отъ простыхъ смертныхъ. Вы идете въ оперу, слушаете посредственныхъ пѣвцовъ, забываете ихъ фамиліи, а потомъ оказывается, что это все знаменитости: и г. Мишо — знаменитый теноръ, и г-жа Дюпрэ — знаменитая примадонна, и г. Барріель — такой баритонъ, какого въ свѣтѣ нѣтъ. То же самое и съ актерами: на васъ сыплются имена такихъ господъ, какъ Дюмень, Прадтъ, Феликсъ, Брессанъ и пр., и пр., — все это громкія репутаціи, всѣ ихъ вы обязаны знать и помнить! Читаете вы газету — новый разрядъ знаменитостей встрѣчаетъ васъ — Поль Сенъ Викторъ Фіорентино, Магіасъ, Форкодъ, и пр., и пр. — безчисленное множество фельетонистовъ. Современемъ, конечно, всѣ они будутъ славны и у насъ, такъ какъ и каждый изъ нихъ въ сущности не хуже всѣхъ этихъ Бертоновъ, Бандуа, Молинари, Жюль-Жаненовъ, Филаретовъ и Теофиловъ Готье, которые такъ хорошо извѣстны каждому изъ *насъ*, порядочныхъ русскихъ. Но покамѣстъ всѣ эти славы долетятъ до насъ, ихъ различать ужасно трудно, и вотъ почему я старался всячески избѣгать парижскихъ знаменитостей: пожалуй, попадешь, какъ нарочно, на такую, которой не суждено прославиться въ Россіи, — напрасно только время потеряешь! А всемірныя знаменитости, въ родѣ, напримѣръ, Вильмена или Жозефа Гарнье, не занимали меня потому, что мы ихъ и такъ знаемъ хорошо и даже имѣемъ сами нѣчто подобное имъ въ лицѣ, напримѣръ, А. Д. Галахова [1]), В. П. Безобразова [2]) и т. д. Кромѣ этихъ причинъ, я руководился еще тѣмъ соображеніемъ, что всѣ избранники парижскаго общества, всѣ знаменитости науки, литературы и искусствъ не могутъ быть откровенны и безпристрастны въ отзывахъ о насъ: они наши *учителя*, слѣдовательно, всегда должны сохранять часть наставнической благосклонности,

[1]) См. № 369.

[1]) Составитель пресловутой хрестоматіи, библіографъ, котораго разъ навсегда проучилъ «Лайбовъ».

[2]) Публицистъ типичнаго либеральнаго склада.

говоря о своихъ понятливыхъ и послушныхъ ученикахъ. Чтобы найти полное безпристрастіе, надо было обратиться къ тѣмъ, кто менѣе принималъ участія въ нашемъ образованіи. Наконецъ, это не составляло никакого неудобства въ Парижѣ: всѣ парижане, какъ извѣстно въ Россіи, народъ образованный, очень хорошо говорятъ по-французски, читаютъ газеты, не воняютъ ни чеснокомъ, ни саломъ, не носятъ дубленыхъ полушубковъ, а одѣваются (кромѣ блузниковъ, разумѣется, о которыхъ и рѣчи нѣтъ) очень прилично, какъ мы съ вами и какъ всѣ французскіе танцмейстеры и парикмахеры въ Петербургѣ. Поэтому съ ними очень пріятно было имѣть дѣло и смѣло можно было положиться на ихъ сужденіе. И я полагаю, что изъ разговоровъ съ разными комми, хозяевами-ремесленниками, содержателями отелей и меблированныхъ квартиръ, армейскими офицерами, студентами и всякимъ народомъ, съ которымъ встрѣчался въ ресторанахъ, въ омнибусахъ, на публичныхъ балахъ, въ театрахъ и т. п., я полагаю, что изъ разговоровъ съ ними я вынесъ довольно полное и вѣрное заключеніе о томъ, что̀ думаютъ о насъ въ Парижѣ. Но во всякомъ случаѣ предупреждаю васъ, что мнѣнія, сообщаемыя мною, вовсе не принадлежатъ какому-нибудь изъ «величайшихъ современныхъ мыслителей»; изъ подобныхъ мыслителей я никого не видалъ, да ихъ, говорятъ, и не водится теперь въ Парижѣ.

---

405. Непостижимая странность.

(Изъ неаполитанской жизни).

Начало напечатано въ XI кн. «Современника» 1860 г. (ценз. 12 ноября) за подписью «Н. Т — новъ»; остальное должно было, повидимому, появиться въ слѣдующей книжкѣ, но не появилось, неразрѣшенное цензурой, а потому и не было докончено авторомъ, вѣроятно, ожидавшимъ извѣщенія изъ редакціи. Въ такомъ видѣ, какъ приводится здѣсь, напечатано въ первомъ изданіи сочиненій. Начало даетъ очень мало; въ цѣломъ же, даже безъ конца, статья имѣетъ очень важное значеніе. Прочитавши ее внимательно, дѣлается ясна мысль Добролюбова, не договорившаго ее, но безспорно намѣтившаго: угнетенный рабствомъ и произволомъ народъ, какъ бы ни рисовался онъ стороннимъ наблюдателямъ покорнымъ, тихимъ и преданнымъ династіи, какъ бы его ни давили съ помощью духовенства, какъ бы ни калѣчили казарменной и схоластической школой, какъ бы ни затыкали ротъ литературѣ и журналистикѣ, какъ бы ни способствовали его разъединенію и ни преслѣдовали всѣ проблески общественности, какъ бы ни гнали тайныя общества и сколько бы ни гноили людей въ тюрьмахъ, словомъ, что бы съ нимъ ни дѣлали правители, поставившіе своей цѣлью продолженіе своего владычества, — найдетъ въ себѣ достаточно силъ на борьбу съ ужаснымъ временемъ... Аналогичная мысль, въ меньшемъ лишь масштабѣ, высказывалась Добролюбовымъ не въ первый разъ; здѣсь онъ только развернулъ ее и — отдать справедливость — развернулъ блестяще и въ отношеніи логической убѣдительности, и въ отношеніи критическихъ доказательствъ и, наконецъ, въ отношеніи тонкой ироніи и яда, разлитыхъ въ каждой строчкѣ, которая говоритъ объ историкахъ и публицистахъ, полагавшихъ, что неаполитанцы могутъ быть вѣчными рабами Бурбоновъ. Цензура поняла настоящее значеніе статьи именно въ моментъ остраго интереса къ итальянскимъ дѣламъ въ Россіи и преклоненія общества передъ Гарибальди, и разрѣшила напечатать ее черезъ два года, уже послѣ смерти Добролюбова, правду сказать, сдѣлавшаго все, чтобы приблизить сообщаемые имъ факты къ пониманію публики... Необходимо указать, что эта статья, а также №№ 418 и 432 настолько содержательны въ смыслѣ историческомъ, что спеціалисты по исторіи Европы XIX столѣтія указываютъ на нихъ, какъ на обращающія на себя вниманіе даже и въ данное время (напр., проф. Карѣевъ, — «Исторія Зап. Европы въ новое время», V, 569, 673; статья о Кавурѣ въ «Энциклопед. Словарѣ» Брокгауза и Ефрона»).

М. Л.

[«Ахъ, какой репримандъ неожиданный»].
(«Ревизоръ»).

I.

Всѣ благомыслящіе люди въ Европѣ посвящаютъ теперь свои досуги справедливому изумленію—какъ это такъ неожиданно неаполитанскій народъ порѣшилъ съ [бурбонской династіей?! [1]) Не то удивительно, что возстаніе произошло: въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій возстанія ни по чемъ; всѣмъ извѣстно, что Италія, по крайней мѣрѣ со временъ Тарквинія Гордаго, всегда была страною заговоровъ, тайныхъ обществъ и тому подобныхъ ужасовъ... [Надобно что-нибудь дѣлать заговорщикамъ, — вотъ они и пошаливаютъ; и тамъ ужъ всѣ къ этому привыкли, такъ точно, какъ у насъ въ старые годы ямщики были пріучены къ тому, что «пошаливали» извѣстные люди на большихъ дорогахъ] [2]). Извѣстно, что при Фердинандѣ II, напримѣръ, для знаменитаго начальника полиціи, Делькаретто, составляло немалое удовольствіе—слѣдить втихомолку за постепеннымъ развитіемъ заговоровъ, въ которыхъ принимали участіе его агенты, дождаться, пока австрійская полиція получитъ неопредѣленныя свѣдѣнія о заговорѣ и [съ испугомъ] увѣдомить о немъ неаполитанское правительство, — и потомъ [накрыть] [3]) заговорщиковъ [и доказать австрійцамъ, что они въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслятъ]. Всѣ подобныя шалости оканчивались обыкновенно, ко всеобщему удовольствію, домашнимъ образомъ, и законное правительство ни мало оттого не страдало. Поэтому и въ нынѣшнемъ году, когда началось возстаніе въ Сициліи, благомыслящіе люди надъ нимъ смѣялись; когда Гарибальди явился въ Палермо, надъ его дерзостью тоже подсмѣивались. Когда Сицилія была очищена отъ королевскихъ войскъ, и Гарибальди готовился перенести войну на материкъ Италіи, легитимисты потирали руки, приговаривая не безъ язвительности: «милости просимъ! вотъ теперь-то мы и посмотримъ вашу храбрость, благородный кондотьери!» Даже когда онъ появился въ Калабріи, и тутъ благоразумные люди хотѣли выразить полное пренебреженіе къ его предпріятію, но, къ сожалѣнію, не успѣли: Гарибальди такъ быстро добрался до Неаполя, что за нимъ не поспѣло даже перо Александра Дюма, безспорно величайшаго борзописца нашего времени. Зато благомыслящіе граждане съ избыткомъ вознаградили себя, когда защита Капуи обѣщала обратиться во что-то серьезное: они [положительно] объявили, что Францискъ II [только по великодушію] удалился изъ Неаполя, чтобы не подвергать свою столицу ужасамъ войны, но что онъ отстоитъ свои права, и что народъ, опомнившись отъ своего безумія, повсюду уже призываетъ законное правительство. И вдругъ—всѣ надежды рушатся: на этотъ разъ возстаніе оканчивается совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно; оно принимаетъ нестерпимо серьезный характеръ, такой серьезный, что даже политика Кавура, при всей своей [трусости] [1]) рѣшается открыто вмѣшаться въ дѣло... А тутъ является еще [новое изобрѣтеніе—] suffrage universel 1.300,000 голосовъ противъ 10.000 опредѣляетъ присоединеніе къ Пьемонту; послѣдній изъ Бурбоновъ истощается въ послѣднихъ воззваніяхъ къ [меттерниховскимъ] трактатамъ и къ [вѣрноподданническимъ] чувствамъ своего народа; но ничто не помогаетъ: онъ теряетъ Капую и видитъ себя въ необходимости оставить свое послѣднее убѣжище, свою [милую] Гаэту, 12 лѣтъ тому назадъ воспріявшую въ свои стѣны святѣйшаго отца и счастливую столькими благородными воспоминаніями... «Шаривари» и «Кладдерадачъ» [2]) изо всѣхъ силъ издѣваются надъ проницательностью благомыслящихъ людей, и они уже ничего не находятъ лучшаго, какъ сказать, что это англичанинъ нагадилъ...

Конечно, читатели, англичанинъ—такой человѣкъ, что всюду носъ суетъ и вездѣ гадитъ по возможности; но если вы припомните единодушные отзывы всей европейской прессы о неаполитанцахъ, то согласитесь, что по всѣмъ видимостямъ это былъ такой народъ, котораго и изгладить-то не было никакого средства. Кто и какъ могъ дойти до того, чтобы развратить его до такой степени? [3]) — это вопросъ чрезвычайно курьезный. Конечно, онъ практическаго значенія, можетъ быть, и не имѣетъ, и вы скажете, что не стоитъ имъ теперь заниматься, когда дѣло порѣшено окончательно. Но что прикажете дѣлать, если «Современникъ» страдаетъ нѣкоторой слабостью упражняться на поприщѣ мышленія почтеннаго Кифы Мокіевича! Онъ печатаетъ стихи на взятіе Парижа, [если бы оно слу-

[1]) старымъ порядкомъ и измѣнилъ судьбу своей земли!?

[2]) А если ужъ растутъ на тамошней землѣ заговорщики, то, разумѣется, заговорщики составляютъ и возстанія; тамъ ужъ всѣ къ этому привыкли.

[3]) захватывалъ

[1]) уклончивости

[2]) Англійскіе сатирическіе журналы.

[3]) Какъ объяснить такую неожиданную исторію? Кто такъ направилъ неаполитанцевъ?

чилось (хотя всякій знаетъ, что оно случиться не можетъ)], дѣлаетъ невозможныя выкладки относительно выкупа и сельской общины, толкуетъ объ антропологическомъ принципѣ въ философіи и т. д. Конечно, все это непрактично и безплодно; но что же дѣлать? Надо съ этимъ примириться, хотя въ уваженіе того, что въ «Современникѣ» же печатаются иногда капитальные труды, въ родѣ, напр., «Поземельнаго кредита», г. Безобразова [1]). При томъ же извѣстно, что кто хочетъ практичности, дѣльности, кто желаетъ всегда быть на высотѣ самыхъ насущныхъ и настоятельныхъ требованій общественной жизни, тотъ долженъ читать «Русскій Вѣстникъ»; тамъ онъ найдетъ и прекрасныя письма г. Молинари о русскомъ обществѣ, и мысли г. Герсеванова «о жалованіи предводителямъ дворянства», и статьи объ устройствѣ черкесовъ, обитающихъ на берегу Чернаго моря, и замѣтки г. Сальникова о паспортахъ, и тьму замѣтокъ по вопросамъ еще болѣе капитальнымъ. «Современникъ», [какъ всякому понятно], преклоняется предъ мудростью «Вѣстника» и ограничиваетъ свои претензіи гораздо болѣе скромною ролью: занимать иногда досужее любопытство празднаго читателя какими-либо курьезными размышленіями. [Помните, какъ въ одной комедіи Островскаго, Устенька или Капочка предлагаетъ, для развлеченія общества, поддерживать занимательный разговоръ о томъ, «что лучше — ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?»]. Такъ и теперь мы для вашего развлеченія, читатель, задаемся вопросомъ: что за странность такая, что неаполитанскій народъ обманулъ самыя справедливыя надежды всѣхъ благомыслящихъ людей? Гдѣ объясненіе этой странности?..

Надѣемся, что мы не снискали еще права на особенное благоговѣніе читателей предъ нашими мнѣніями, и потому можемъ, не опасаясь никого, повергнуть въ горькое разочарованіе, признаться, что рѣшить заданнаго вопроса мы не умѣемъ. Но зато мы обѣщаемъ добросовѣстно передать читателямъ мнѣнія [благомыслящихъ] людей, имѣвшихъ всю возможность знать положеніе дѣлъ въ Неаполѣ. На эти-то мнѣнія мы и просимъ обратить вниманіе, постоянно имѣя въ виду, что мы собственнаго мнѣнія на этотъ счетъ не имѣемъ [2]).

Чтобы сказать что-нибудь положительное о причинѣ странной неожиданности, поразившей Неаполь, надо бы знать народъ неаполитанскій; а мы его не знаемъ, да и кто его знаетъ? Ужъ, конечно, не иностранные туристы, разсказывающіе Богъ знаетъ что и о народѣ, и о правительствѣ; конечно, и не журналисты, печатающіе объ иныхъ странахъ такія корреспонденціи, что, пожалуй, имъ и любой туристъ могъ бы позавидовать... На мнѣнія и разсказы такихъ людей положиться нельзя, тѣмъ болѣе, что, по увѣренію весьма почтенныхъ людей, неаполитанскій народъ чрезвычайно сдержанъ, недовѣрчивъ и не любитъ высказываться предъ чужими. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, виконтъ Анатоль Лемерсье, въ началѣ *брошюры, изданной* имъ въ началѣ нынѣшняго года: «несмотря на частныя сношенія Неаполя съ Франціей, несмотря на легкость сообщеній, менѣе чѣмъ въ два дня переносящихъ васъ изъ Марселя въ столицу королевства Обѣихъ Сицилій, рѣдкій народъ такъ мало извѣстенъ французамъ, какъ неаполитанцы. Правда, туристы печатаютъ множество разсказовъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, въ картинахъ и гравюрахъ воспроизводятся во всѣхъ видахъ мѣстные пейзажи и костюмы; журналисты не упускаютъ случая обсудить по своему—и положеніе дѣлъ, и людей, и политику королевства; но неаполитанцевъ нельзя узнать ни по путевымъ впечатлѣніямъ, ни по рисункамъ артистовъ, ни по журнальнымъ оцѣнкамъ; нужно много времени, много особенныхъ случаевъ и средствъ, чтобы добраться до истины относительно этого народа, который, при легкомъ наблюденіи, всегда останется непостижимымъ. Нуженъ постоянный и долгій навыкъ для того, чтобы, среди [обдуманнаго] притворства, открыть истинное состояніе этого народа. Писатели всѣхъ странъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ клеветали на Неаполь, что неаполитанецъ теперь питаетъ крайнее недовѣріе къ иностранцамъ. Только съ большимъ трудомъ, поэтому, можно достигнуть до открытія истины; и если особенныя благопріятныя обстоятельства не помогутъ вамъ, вы никогда въ этомъ не успѣете» [1]).

Слова почтеннаго виконта мы привели затѣмъ, чтобы оправдать наше собственное незнаніе народа неаполитанскаго. Но

---

[1]) Насмѣшка надъ уступчивостью редакціи мнѣніямъ либераловъ, сдѣланная уже не первый разъ.

[2]) Чтобъ очевиднѣе доказать это читателю, мы, какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, обогащаемъ статью свою множествомъ ученыхъ цитатъ на разныхъ языкахъ. Статья отъ этого пріобрѣтаетъ нѣсколько мрачную наружность, но мы совѣтуемъ «не судить по наружности» [а «поглядѣть въ корень», какъ выражается Кузьма Прутковъ. Корень же, увѣряемъ васъ, вовсе не горекъ]. *Прим. Д.*

[1]) Quelques mots de vérité sur Naples, par le v-te Anatole Lemercier. Paris. 1860, p. 5. *Прим. Д.*

мы не можемъ утаить, что виконтъ написалъ ихъ съ цѣлью [гораздо болѣе благородною]: онъ хотѣлъ доказать, что не слѣдуетъ вѣрить писателямъ, увѣряющимъ, будто въ неаполитанцахъ шевелится любовь къ свободѣ и недовольство ихъ положеніемъ. Дѣйствительно, были и такіе писатели; но всѣ они заражены были, какъ оказывается, духомъ партій и не имѣли [ни тѣни того] безстрастія, которое, если припомнятъ читатели, считаетъ первымъ долгомъ публициста г. Чичеринъ [1]). Къ счастію, количество такихъ писателей невелико. Вообще же, относительно Италіи давно принято мнѣніе людей почтенныхъ, безстрастно изслѣдовавшихъ родъ человѣческій и распредѣлившихъ разнымъ племенамъ тѣ или другія способности: французамъ — остроуміе, славянамъ — гостепріимство, англичанамъ — практичность и т. д., и рѣшившихъ, кто къ чему способенъ въ исторіи. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что нѣмцы должны вырабатывать теоретическія начала общественной жизни, а французы пускать ихъ въ ходъ на практикѣ; [извѣстно, что] мехиканцы должны производить въ годъ [столько же] [2]) революцій, [сколько г. Семевскій пишетъ историческихъ изслѣдованій [3]), а австрійцы время отъ времени перемѣнять режимъ, подобно «Русскому Инвалиду» [4]); извѣстно, что] славяне лишены [иниціативы] [5]), и потому должны играть великую роль въ будущемъ, какъ представители эклектической народности [6]) и пр., и пр. Въ этой международной табели о рангахъ положено, что итальянцы вообще—народъ лѣнивый, изнѣженный, лишенный всякой стойкости, неспособный къ самостоятельной политической жизни и не имѣющій ни малѣйшаго поползновенія къ гражданской свободѣ. Только бы не мѣшали его «ничего-недѣланью», итальянецъ ничего больше не желаетъ; своимъ farniente онъ не пожертвуетъ ни для какого благополучія. По временамъ онъ разгорячится (нельзя же и безъ этого: южный житель,—стало быть, долженъ горячиться), но это лишь на минуту: волненіе его такъ же легко успокаивается, какъ легко приходитъ. Таково было общее мнѣніе объ итальянцахъ, принятое всѣми учеными и добропорядочными людьми. Относительно неаполитанцевъ прибавляли обыкновенно, что они лѣнивѣе и безпечнѣе всѣхъ остальныхъ итальянцевъ, разслаблены климатомъ гораздо больше, а страстности имѣютъ меньше, вслѣдствіе вліянія религіи и постоянно соблюдаемаго правительственнаго порядка. Это мнѣніе, за исключеніемъ немногихъ писателей [(которыхъ порицаемъ мы выше)], принято было всѣми партіями, какъ тѣми, которыя защищали неаполитанское правительство, такъ равно и тѣми, которыя нападали на него. Само собою разумѣется, что образъ выраженія у тѣхъ и другихъ былъ различенъ, и даже въ нѣкоторой степени противоположенъ: одни, напримѣръ, хвалили кротость и почтительность народа, другіе сожалѣли о его уничиженіи и рабскихъ свойствахъ характера; одни говорили, что онъ доволенъ малымъ и возлагаетъ упованіе во всемъ на тѣхъ, кто имъ управляетъ; а другіе выражались, что онъ невѣжественъ, лишенъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ порывовъ души, потерялъ сознаніе собственнаго достоинства и т. п. Но лучше приведемъ нѣсколько отзывовъ изъ разныхъ книжекъ объ Италіи, которыми теперь наводнены всѣ книжныя лавки въ Европѣ. [Жаль, что не имѣемъ подъ рукою путевыхъ писемъ гг. Греча и Пауловича; но все равно, мы дадимъ вамъ выдержки изъ такихъ книжекъ, лучше которыхъ едва ли писали что-нибудь наши почтенные соотечественники].

Не подумайте, что мы думаемъ посмѣяться надъ проницательностью людей, которыхъ цитируемъ; [не думайте, что мы совершенно отрицаемъ ихъ показанія]. Мы уже сказали, что не знаемъ сами неаполитанскаго народа, слѣдовательно, не имѣемъ права отвергать и осмѣивать чужія свидѣтельства о немъ. А согласіе противныхъ партій въ отзывахъ о характерѣ неаполитанскомъ даетъ имъ большую гарантію достовѣрности. Но тѣмъ изумительнѣе опроверженіе, которое противъ нихъ сдѣлано фактами послѣдняго времени. Послушайте, что̀ повторялось о неаполитанцахъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ и повторялось основательно: можно ли было ожидать такого [грустнаго] конца послѣ такихъ [свѣтлыхъ] увѣреній!

Чтобы не начинать слишкомъ издалека, мы возьмемъ только послѣднее тридцатилѣтіе, которое, какъ извѣстно, весьма много способствовало къ утвержденію въ Неаполѣ характера бездѣятельности и равнодушія къ политической жизни. До восшествія на престолъ Фердинанда II, неаполитанцы могли считаться народомъ, [имѣющимъ тѣ же наклонности и требованія въ политикѣ], какъ и другіе народы Западной Европы. Вотъ почему Луи-Филиппъ, вскорѣ по своемъ

---

[1]) См. «Очерки Англіи и Франціи» или «Отеч. Записки», 1857 г. N 12. s. v. p. *Прим. Д.*

[2]) нѣсколько

[3]) См. № 122.

[4]) См. № 305.

[5]) самостоятельности

[6]) Мнѣніе Н. Ф. Павлова, относящееся, впрочемъ, ко времени споровъ «Русскаго Вѣстника» съ «Русскою Бесѣдою», то-есть, къ эпохѣ, предшествующей «Нашему Времени». *Прим. Д.*

воцареніи, писалъ къ Фердинанду, уговаривая его сдѣлать нѣкоторыя уступки правамъ народнымъ. «Мы живемъ, — писалъ Луи-Филиппъ,—въ переходную эпоху, когда часто нужно бываетъ уступить кое-что, [чтобы не отняли у насъ всего]. Признаки броженія такъ ясны и сильны въ Италіи, что необходимо ожидать взрыва, болѣе или менѣе близкаго, смотря по тому, ускорятъ или замедлятъ его мѣры князя Меттерниха, слишкомъ уже крутыя. Ваше Величество будете увлечены потокомъ, если вы вò-время не сдѣлаете своего выбора». Фердинандъ отвѣчалъ письмомъ, [котораго многія фразы сдѣлались знамениты] [1]): тутъ-то онъ дѣлалъ признаніе, что «свобода гибельна для фамиліи Бурбоновъ», [«что они не нынѣшняго вѣка»], что онъ «преклоняется» предъ идеями, «которыя признала вѣрными и спасительными многолѣтняя опытность Меттерниха» и пр. Тутъ же находилось и свидѣтельство о неспособности неаполитанскаго народа къ гражданской самостоятельности, — свидѣтельство, едва ли не самое важное и положительное изъ всѣхъ, какія мы приведемъ далѣе. «Мой народъ повинуется [силѣ] [2]) и склоняется подъ ней [se courbe), — писалъ онъ,— но горе, если онъ вздумалъ бы выпрямиться подъ вліяніемъ этихъ мечтаній, которыя такъ хороши въ разсужденіяхъ философовъ и невозможны на практикѣ! [Съ Божьею помощью, я дамъ моему народу благословеніе и честное управленіе, на которое онъ имѣетъ право; но] я буду королемъ, [буду имъ] одинъ и всегда... [Мой народъ не имѣетъ надобности мыслить: я забочусь о его благоденствіи и достоинствѣ»] [3]).

Выражаясь такимъ образомъ о своемъ народѣ, Фердинандъ долженъ былъ хорошо знать его характеръ и быть вполнѣ увѣреннымъ въ истинѣ своихъ понятій о немъ. И мы видимъ, что увѣренность эта никогда не покидала его: все его царствованіе служило осуществленіемъ принциповъ, высказанныхъ въ приведенныхъ нами строкахъ.

Къ нѣкоторымъ фактамъ этого царствованія мы еще возвратимся; а теперь, послѣ свидѣтельства самого короля, приведемъ нѣсколько отзывовъ всѣхъ партій о неаполитанскомъ народѣ. Возьмемъ рядъ извѣстій за послѣднія десять лѣтъ.

Въ 1851 году лордъ Гладстонъ напечаталъ знаменитыя свои письма о неаполитанскомъ правительствѣ. Все въ нихъ было проникнуто сочувствіемъ къ [страданіямъ] [1]) народа и [энергическимъ] негодованіемъ противъ правительства Обѣихъ Сицилій. Письма эти произвели полемику, вслѣдствіе которой лордъ Гладстонъ издалъ новую брошюру «Examenation», пересмотръ нѣкоторыхъ фактовъ, упомянутыхъ имъ прежде и оспаривавшихся защитниками Фердинанда. Въ этой же брошюрѣ пришлось лорду Гладстону высказаться и о самомъ народѣ неаполитанскомъ. Вотъ его слова: «*во всей Европѣ нельзя найти народа болѣе кроткаго, преданнаго и послушливаго, какъ народъ неаполитанскій* [2]). Подобное же понятіе о народѣ видно и въ самыхъ письмахъ Гладстона.

Одинъ изъ самыхъ яростныхъ антагонистовъ лорда Гладстона, французъ Гондонъ, одинъ изъ бывшихъ редакторовъ газеты «L'Univers», написалъ нѣсколько книгъ въ защиту бурбонскаго правительства въ Неаполѣ, и въ одной изъ нихъ, въ 1855 году, говоря о разныхъ либеральныхъ претензіяхъ, утверждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ невозможность и ненужность [конституціи] [3]) для неаполитанскаго народа. Между прочимъ, вотъ что онъ пишетъ:

«Трудно, можетъ быть, не зная страны, составить себѣ отчетливое убѣжденіе относительно невозможности организовать представительное правленіе въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій; но всякій добросовѣстный человѣкъ, который захочетъ серьезно вникнуть въ дѣло, непремѣнно убѣдится въ этой невозможности.

«Низшіе классы во всемъ королевствѣ исполнены энтузіазма къ своему правительству и вполнѣ довольны своимъ положеніемъ; они никогда и не помышляли о пріобрѣтеніи того, что называютъ политическими правами. Все, что ни говорила и ни писала противъ этого мнимая парламентская партія, — все это ложно въ высшей степени. Народъ неаполитанскій вѣруетъ въ своего короля, ибо знаетъ, что Фердинандъ вѣруетъ въ Бога, и что въ своей просвѣщенной совѣсти онъ понимаетъ и

---

[1]) очень твердымъ:
[2]) власти
[3]) Письмо Луи-Филиппа и отвѣтъ Фердинанда въ первый разъ обнародованы были Петручелли де-ла-Гаттуна, въ Revue de Paris, 1856 г. livr. 15 oct. [Они такъ поразили многихъ, что] возникли сомнѣнія въ ихъ подлинности. Эти сомнѣнія были, между прочимъ, выражены парижскимъ корреспондентомъ Indépendance Belge, 20 ноября 1856 г. Но г. Петручелли де-ла-Гаттуна отвѣчалъ, въ Revue de Paris, 1 декабря того же года, что онъ ручается за подлинность писемъ, и объяснялъ при этомъ, что они открыты были въ Тюльери, въ февралѣ 1848 г., и достались автору изъ рукъ весьма надежныхъ. Никто не опровергалъ потомъ показаній г. Петручелли. *Прим. Д.*

[1]) положенію
[2]) Examinat. p. 39. *Прим. Д.*
[3]) реформъ

исполняетъ обязанности католическаго монарха въ отношеніи къ народу, надъ которымъ онъ царствуетъ. Какого еще болѣе вѣрнаго ручательства можетъ религіозный народъ желать отъ своего повелителя? Какая писанная конституція можетъ имѣть для совѣсти короля такое значеніе, какъ законы религіи? Всѣ политическіе безпорядки, волновавшіе Европу, не происходили ли, главнымъ образомъ, отъ того, что новѣйшая политика оставила въ сторонѣ религію, желая разрѣшить задачу своего запутаннаго и ненормальнаго положенія? Но въ такомъ королевствѣ, какъ Неаполитанское, гдѣ король и подданные одушевлены единою вѣрою и единымъ желаніемъ добра, — всѣ вопросы, неразрѣшимо запутанные въ другихъ мѣстахъ, находятъ себѣ разрѣшеніе самое простое и легкое. Народъ неаполитанскій, т.-е. масса населенія, не желаетъ ничего лучшаго, какъ оставаться подъ тѣмъ же управленіемъ короля, такъ достойно возсѣдающаго на тронѣ Обѣихъ Сицилій. Народъ прямо и вполнѣ разсчитываетъ на него во всемъ, что̀ касается національныхъ интересовъ и улучшеній, какія возможны въ его участи. Двадцатипятилѣтнее царствованіе достаточно объясняетъ и оправдываетъ эту довѣренность!

«Кто же, при нежеланіи народа, можетъ желать въ Неаполѣ новыхъ опытовъ этого представительнаго правленія, которымъ кичится Англія, и которое мы знаемъ по печальнымъ опытамъ Франціи? Конечно, уже не аристократія! Надо очень худо знать ее, чтобы предполагать, что ея члены (отличные люди, впрочемъ, весьма преданные королю) достаточно воспитаны для того, чтобы засѣдать въ сенатѣ или въ законодательномъ корпусѣ. Вообще—плохую услугу оказалъ бы имъ тотъ, кто захотѣлъ бы превратить ихъ въ законодателей... Нѣтъ, ужъ лучше оставить ихъ служить мечемъ королю и приносить пользу отечеству безчисленными способами, которыми могутъ располагать умные и богатые аристократы!

«Есть, правда, разрядъ людей, который съ удовольствіемъ толкуетъ о [конституціи] [1]): это — часть буржуазіи, преимущественно адвокаты и медики, которые, какъ мы видѣли, и во Франціи, и въ Пьемонтѣ выказываютъ особенную жадность къ политическимъ реформамъ и особенный энтузіазмъ къ парламентскому правленію, ибо они умѣютъ извлекать изъ него свои выгоды [2]). Но въ Неаполѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, этотъ классъ людей потерялъ свой престижъ и никому не внушаетъ довѣрія. Они составляютъ здѣсь маленькую секту, которой главою до сихъ поръ считается Поэріо. Къ великому счастью народа, размѣры этой секты дѣлаютъ ее вовсе не опасною. Ее составляютъ невѣрующіе философы и революціонные теоретики, въ родѣ тѣхъ, которые вызвали недавніе ужасы во Франціи. Эта-то ничтожная частичка средняго класса, далеко, впрочемъ, не такъ сильная, какъ во Франціи, — одна только и питаетъ нелѣпыя мечты, которыхъ осуществленія — увы!—ей не суждено увидѣть!

«И какимъ образомъ правительство съ преніями и публичностью могло бы быть введено у народа, который, къ счастью для него, не получилъ отъ своей исторіи такъ называемаго политическаго воспитанія? Да, ему не надо этого воспитанія, за которое другіе народы поплатились такъ дорого, и которое однако же все-таки не помогло имъ удержать у себя эту форму правленія... При томъ же, не нужно забывать народнаго темперамента и характера. Извѣстно, что̀ такое представляли въ Парижѣ нѣкоторыя засѣданія республиканскія; въ Неаполѣ парламентскія разсужденія не замедлили бы произвести безпорядки, гораздо болѣе ужасные» [1]).

Свидѣтельство г. Жюля Гондона, [можетъ быть, не] удовлетворитъ читателя: [ясно, скажутъ намъ, что г. Гондонъ одинъ изъ самыхъ завзятыхъ католиковъ и въ политическомъ отношеніи человѣкъ, что называется, ретроградный. Пожалуй, думайте о немъ, какъ хотите: мы считаемъ нужнымъ замѣтить только, что г. Гондонъ самъ путешествовалъ по неаполитанскимъ владѣніямъ, имѣлъ тамъ сношенія съ лицами высокопоставленными, обласканъ былъ іезуитами, которые, какъ извѣстно, отлично знаютъ всегда душу народа, и спеціально занимался бурбонско-неаполитанскимъ вопросомъ въ теченіе многихъ лѣтъ]. Впрочемъ, мы имѣемъ и другія свидѣтельства, нѣсколько въ другомъ тонѣ, но рѣшительно такія же въ сущности. Напримѣръ, не хотите ли прочесть размышленія аббата Мишона? Не пугайтесь имени аббата: это — аббатъ весьма либеральный; довольно сказать, что года четыре назадъ онъ напечаталъ брошюру, въ которой отсылалъ папу въ Іерусалимъ, чтобы онъ не мѣшалъ ходу дѣла въ Италіи. Брошюра заслужила нѣ-

---

[1]) реформѣ

[2]) [Какая выгода отъ парламентскаго правленія для медиковъ, — догадаться, конечно, трудно; но, безпрестанно призывая «les lois de l'ordre surnaturel», нашъ авторъ нерѣдко бываетъ недоступенъ для обыкновеннаго пониманія. Это не мѣшаетъ имѣть въ виду. — Впрочемъ, по нашему мнѣнію, это нимало не вредитъ истинѣ его воззрѣній]. *Прим. Д.*

[1]) De l'état des choses à Naples, p. Jules Gondon, Paris, 1855, p. 158—160. *Прим. Д.*

сколько похвальныхъ словъ отъ Манина, и аббатъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, не боится похвалиться его одобреніемъ. [Въ отношеніи къ Бурбонамъ, аббатъ ни мало не куртизанитъ; надъ чудомъ святого Дженнаро подсмѣивается]. А между тѣмъ, относительно политическаго воспитанія народа неаполитанскаго, онъ говоритъ вещи столько же отчаянныя, какъ и г. Гондонъ. Правда, аббатъ Мишонъ увѣряетъ, что и нѣкоторые аристократы, сколько-нибудь просвѣщенные, тоже питаютъ — если не либеральные проекты, то, по крайней мѣрѣ, недовольство. Но онъ сознается, что число ихъ крайне ограничено. Относительно же народа вотъ что онъ пишетъ:

«Политическое воспитаніе низшихъ классовъ въ Неаполѣ ушло не дальше того, какъ въ глуши нашей Бретани. То, что называется собственно народомъ, т.-е. люди нужды и работы,—всѣ они вполнѣ преданы предразсудкамъ и привычкамъ, [соединеннымъ съ абсолютизмомъ]. Они не понимаютъ, что такое политическая [свобода] [1]), не имѣютъ понятія даже и объ улучшеніяхъ общественныхъ. [Это волъ, который не можетъ ѣсть въ свое удовольствіе, если не чувствуетъ на себѣ ярма; или, употребимъ сравненіе менѣе горькое: это рабъ] [2]), привыкшій къ своей ежедневной работѣ и не мечтающій о свободной жизни, о правѣ располагать самимъ собой, потому что теперь господинъ заботится о его пищѣ и одеждѣ, а человѣкъ свободный долженъ думать о нихъ самъ.

«Во Франціи, [въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, народъ самъ, хотя призванный къ покорности властямъ, каковы бы онѣ ни были, представляетъ себѣ однако же извѣстный идеалъ свободы. Онъ понимаетъ, что могло бы быть лучше; онъ по инстинкту сознаетъ, что извѣстныя общественныя формы благопріятны болѣе другихъ для умственнаго и нравственнаго развитія массъ и для матеріальнаго ихъ благосостоянія. Такимъ образомъ, у насъ] есть инстинктивный либерализмъ въ народѣ, и вотъ почему онъ далъ свою [непреодолимую] опору революціи, [разрушившей режимъ привилегій и старой монархіи]; вотъ почему привѣтствовалъ онъ движеніе 1830 года, [которое остановило неловкія попытки возвратить старое]; вотъ почему выказалъ онъ свою симпатію къ [республикѣ] [3]) 1848 г., [надѣясь отъ нея улучшеній, въ которыхъ чувствуетъ нужду].

«Ничего подобнаго у неаполитанскаго народа. Напротивъ, онъ имѣетъ стремленія совершенно противоположныя. Виноватъ ли въ этомъ опытъ прежнихъ поколѣній, [которыя, мѣняя правителей, постоянно оставались подъ тѣмъ же игомъ]? Или это оппозиція высшимъ классамъ, которыхъ интересы, въ понятіяхъ народа, противны его собственнымъ? Или это вліяніе религіознаго воспитанія, [которымъ духовенство католическое пользовалось, чтобы представлять короля, какъ образъ Бога на землѣ, какъ органъ Божьей силы въ отношеніи къ матеріальной жизни народа, такъ какъ само духовенство есть органъ силы Божьей, духовной жизни]?.. Какъ бы то ни было, но фактъ несомнѣненъ: этотъ народъ любитъ [абсолютную власть] своихъ королей. Онъ съ удовольствіемъ ихъ привѣтствуетъ, тѣснится около нихъ, проситъ у нихъ иллюминацій, парадовъ, въ случаѣ надобности—хлѣба. Чтобы быть вполнѣ справедливымъ, надо сказать, что [дѣйствительно] короли освободили народъ отъ [феодальнаго ига, разумѣется, не по расположенію къ этимъ людямъ, вѣчно осужденнымъ платить и работать, а по необходимости самимъ освободиться отъ] феодальныхъ путъ, которыя, связывая народъ, стѣсняли и просторъ королевской власти. Народъ и король боролись вмѣстѣ противъ гидры феодализма и вмѣстѣ побѣдили ее. [Теперь нужно еще много времени, чтобы народъ ясно понялъ, что, давая свою поддержку аристократамъ по рожденію, по богатству и образованію, противъ абсолютизма, онъ не рискуетъ возстановить вновь гибельную и тяжкую, какъ прежде, феодальную систему... И покамѣстъ это время не прошло], онъ остается вѣренъ старой [дружбѣ] [1]) и кричитъ «vive le roi» [2]).

Аббатъ Мишонъ подтверждаетъ свой отзывъ фактами и, затѣмъ, переходитъ къ вопросу: что же надо сдѣлать, чтобы *[возвысить]* [3]) состояніе народа? [(нынѣшнее положеніе онъ считаетъ очень низкимъ!)]. Онъ находитъ, что всего лучше было бы, если бы правительство Бурбоновъ шло рука-объ-руку съ просвѣщенными либералами и исподволь подготовляло народъ къ сознательной политической жизни. [«Таковъ, по крайней мѣрѣ, прямой логическій выводъ», замѣчаетъ онъ, и] изъ этого вы видите, что идеалъ аббата вовсе не тотъ, какъ у г. Гондона. [Онъ, какъ видно, полагаетъ, что всякая страна непремѣнно должна стремиться къ заведенію у себя парламентскихъ преній, которыя, какъ мы видѣли выше,

[1]) жизнь
[2]) Это поденщикъ
[3]) перевороту

[1]) привязанности
[2]) L'Italie politique et religieuse, p. l'abbé J. H. Michon. Brux. 1859, p. 81.—*Прим. Д.*
[3]) измѣнить

г. Гондону рѣшительно противны]. Мы не будемъ разбирать разногласія этихъ [почтенныхъ] личностей, [хотя и находимъ, что логика г. Гондона гораздо проще аббатской.] намъ важно то, что оба признаютъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, совершенное отсутствіе политическаго воспитанія у неаполитанскаго народа. Мало того, аббатъ Мишонъ находитъ, что даже либеральныя реформы правительства въ Неаполѣ почти невозможны, и причину этого открываетъ какъ въ правительственныхъ лицахъ, такъ и въ настроеніи самого народа. [Онъ очень объ этомъ сокрушается, видя, что идеалъ его не удается; но такъ какъ у насъ подобныхъ идеаловъ нѣтъ, то мы можемъ привести слова его совершенно хладнокровно. Сказавши, что постепенное водвореніе конституціонной формы правленія было бы для Неаполя всего лучше, по чистой логикѣ, онъ продолжаетъ:

«Но] [1]) зная людей и политическія страсти, мы должны понять всю безконечную трудность подобнаго преобразованія, или, правильнѣе сказать, этой революціи, произведенной въ нѣдрахъ [монархіи самою же монархіею] [2]) соглашающеюся отдать себя подъ опеку конституціонныхъ установленій.

«Первая трудность, [и, можетъ быть, самая страшная,] заключается въ бурбонской династіи, для которой уступки своему народу всегда кажутся пораженіемъ или, по крайней мѣрѣ, [унизительнымъ] ослабленіемъ ея вѣковыхъ правъ. [Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, какимъ образомъ властелинъ, уже въ полной зрѣлости своихъ лѣтъ [3]), человѣкъ, жившій, какъ Фердинандъ, въ убѣжденіяхъ и привычкахъ неограниченнаго владыки, поддерживавшій свое полновластіе, худо ли, хорошо ли, но съ постоянной энергіей, — трудно понять, какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ бы вдругъ отказаться отъ убѣжденій всей своей жизни, отъ всѣхъ привычекъ самовластія, для того, чтобы подчинить себя трудному испытанію конституціоннаго правленія!.. Развѣ хотятъ, чтобъ онъ (чего, впрочемъ, никто не посмѣлъ бы ему посовѣтовать) вдругъ прикинулся либераломъ и провозгласилъ: «Пора пришла! Перемѣнить нашу правительственную систему! Вотъ вамъ хартія!» Но вѣдь это нелѣпо, и можно ли требовать отъ короля такого малодушія!]

«Съ династической точки зрѣнія возможна только одна гипотеза: это—если бы будущій наслѣдникъ престола воспитанъ былъ нѣсколькими людьми, которымъ дана была бы полная свобода слова, въ принципахъ представительнаго правленія. Онъ [только одинъ, по смерти или вслѣдствіе отреченія отца], сдѣлавшись королемъ, могъ бы [безъ подлости (sans bassesse)] примѣнить эти теоріи и произвести политическую перемѣну, не подвергаясь за нее упреку [ни въ позорной трусости, ни въ лицемѣрствѣ].

«Но, кажется, ни настоящій король, ни будущій его наслѣдникъ не имѣютъ ни малѣйшаго расположенія къ началамъ [конституціонной] [1]) политики.

[«И вотъ вамъ первая невозможность!]

«Но это не все. Рядомъ съ прогрессивной партіей, [за которой, пожалуй, можно считать и большинство въ классахъ образованныхъ], существуетъ партія ретроградная, еще могущественная, имѣющая своихъ важныхъ представителей, свои органы, свои преданія. Она тотчасъ же образуетъ [отчаянную и] грозную оппозицію либеральнымъ учрежденіямъ; она будетъ опираться на духовенство, столь многочисленное и вліятельное въ Неаполѣ, и столь мало еще доступное либеральнымъ идеямъ; она воспользовалась бы самой свободою прессы, чтобы вывести изъ себя короля своими жалобами, подорвать уваженіе къ новымъ учрежденіямъ, чтобы напугать опасностями, неизбѣжными, когда порядокъ и нравственность ввѣрены попеченію людей, которые для этой партіи въ сущности тѣ же революціонеры...

[«И вотъ другая невозможность!»] [2]).

Изъ этихъ указаній ясно видно одно: что бурбонское правительство, несмотря на крики его недоброжелателей, было самое сообразное съ потребностями страны, и что если кто-нибудь и могъ быть имъ недоволенъ, зато никто не могъ надѣяться измѣнить его. Преслѣдуя свой либеральный идеалъ, аббатъ Мишонъ описываетъ безвыходное положеніе, въ которомъ находился Неаполь, и даже предвѣщаетъ, что дѣло кончится худо. Но предвѣщанія его не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ, и если они оправдались теперь, такъ это еще нисколько не доказываетъ, что они именно и должны были оправдаться. Напротивъ, изъ приведенныхъ нами отзывовъ самого аббата ясно всякому внимательному читателю, что въ Неаполѣ не было ровно никакихъ элементовъ, изъ которыхъ могла бы родиться какая-нибудь опасность для бурбонской системы правительства. Народъ обожалъ Фердинанда, о политической свободѣ не имѣлъ понятія, былъ совершенно доволенъ; недовольство проглядывало только

---

[1]) Онъ говоритъ:
[2]) правительства самимъ же правительствомъ
[3]) [Фердинанду было тогда 47 лѣтъ].—*Прим. Д.*

[1]) такой
[2]) L'Italie pol. et rel., 84, 85.—*Прим. Д.*

въ высшихъ классахъ, да и тамъ была могущественная партія, готовая [съ остервенѣніемъ] напасть на всякое проявленіе либерализма. И король, и наслѣдникъ его были воспитаны и утверждены въ понятіяхъ, совершенно сообразныхъ съ такимъ положеніемъ дѣлъ; [чего же лучше?] Казалось бы, что Фердинандъ II долженъ царить многіе годы такъ же спокойно и твердо, какъ его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, [оставшіеся до конца жизни полными владыками въ своемъ царствѣ, несмотря на маленькія невзгоды, къ несчастію, слишкомъ часто тревожившія каждаго изъ нихъ]. А между тѣмъ вышло не то... Что же за причина? Ужъ не пришло ли, въ самомъ дѣлѣ, то время, о которомъ мечтаетъ аббатъ Мишонъ, — когда неаполитанскій народъ долженъ соединить свои интересы съ интересами аристократіи [, противъ абсолютизма]? Но нѣтъ, напрасно вы будете доискиваться этого замысловатаго соединенія въ неаполитанскомъ движеніи послѣднихъ мѣсяцевъ; вы видите, напротивъ, что въ то время, какъ народъ бѣжалъ навстрѣчу Гарибальди и провозглашалъ Виктора-Эммануила, неаполитанская аристократія продолжала заниматься придворными интригами [около Фердинанда]. Да при томъ, само мнѣніе аббата Мишона о томъ, что народъ привязанъ къ своимъ королямъ за избавленіе его отъ феодальнаго ига и что вслѣдствіе того онъ поддерживаетъ верховную власть противъ вліянія мѣстныхъ магнатовъ,—это мнѣніе требуетъ подтвержденія. Мы, съ своей стороны, не видимъ никакой надобности предполагать въ неаполитанскомъ народѣ такое глубокое посвященіе въ тайны историческаго прогресса, въ смыслѣ г. Гизо. [Мы болѣе довѣряемъ] [1]) другимъ свидѣтельствамъ [, по которымъ] выходитъ, что неаполитанецъ природой и положеніемъ своимъ сдѣланъ кроткимъ и послушнымъ, и потому уважаетъ всякаго, кто выше его, и чѣмъ выше, тѣмъ больше уважаетъ [,—значитъ, короля долженъ уважать всѣхъ больше, потому что онъ всѣхъ выше, недосягаемо выше]. Вотъ самое простое объясненіе общепризнаваемаго факта привязанности неаполитанцевъ къ [абсолютизму] [2]). Объясненіе это не придумано [нами] à priori, а основано тоже на свидѣтельствахъ весьма почтенныхъ. Одно изъ нихъ мы приведемъ здѣсь, въ уваженіе того, что оно принадлежитъ лицу несомнѣнно компетентному, виконту Лемерсье, тому самому, который говоритъ, что нельзя узнать неаполитанцевъ безъ пособія особенно-благопріятныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ. Благородный виконтъ именно находился въ этихъ исключительныхъ обстоятельствахъ: онъ долго былъ при французскомъ посольствѣ въ Неаполѣ, имѣлъ тамъ дѣла и обширныя знакомства, имѣлъ доступъ къ оффиціальнымъ документамъ разнаго рода и ко всѣмъ учрежденіямъ, куда рѣдко допускаются иностранцы, стало быть, имѣлъ всѣ средства узнать истину въ самомъ ея источникѣ. Мало того, онъ, какъ самъ признается, самъ сроднился съ духомъ этой страны и только извиняется (въ посвященіи своей книги князю Алессендріа), что «какъ сынъ своей милой Франціи, не могъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ либеральныхъ идей, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ». [Замѣтимъ, стало быть, что въ благородномъ виконтѣ, противъ его желанія, сидятъ начала неисправимаго либерализма, и постараемся не забыть объ этомъ, читая его отзывъ о характерѣ неаполитанцевъ и о положеніи страны]. Вотъ какъ онъ отзывается о народѣ:

«Дурные инстинкты гордости и зависти вовсе не развиты въ неаполитанцахъ. Исполненные уваженія къ высшимъ состояніямъ, они безропотно принимаютъ общественную іерархію. Нѣтъ въ Европѣ народа, которымъ бы такъ удобно было управлять, какъ неаполитанцами, которыхъ постоянно сдерживаетъ религія, дѣлающая ихъ смиренными безъ низости, и воспитаніе, научающее ихъ благоговѣть предъ вещами и людьми, предъ которыми благоговѣли ихъ отцы. Намъ не повѣрятъ, если мы скажемъ, что никогда никакой повелитель не былъ такъ любимъ своимъ народомъ, какъ король неаполитанскій, — и между тѣмъ это строжайшая истина. Нельзя сказать, чтобы аристократія, буржуазія и народъ, каждый по-своему, не позволяли себѣ [многочисленныхъ и часто горькихъ] порицаній; но эти порицанія относятся всегда къ частностямъ, и никогда, несмотря на всѣ усилія иностранныхъ революціонеровъ, мысль о низверженіи законнаго владыки не заходила въ голову истинныхъ неаполитанцевъ. Уваженіе къ установленному порядку составляетъ одну изъ отличительнѣйшихъ чертъ этого народа и даетъ ему его ярко опредѣленную оригинальность среди другихъ народовъ Европы. Мы не скажемъ, что зависть не закрадывалась ни въ одну неаполитанскую душу, но мы утверждаемъ, что ея не существуетъ тамъ у одного класса противъ другого. Несмотря на введеніе французскаго гражданскаго кодекса, несмотря на почти шестидесятилѣтнее обращеніе съ этими законами, такъ быстро уравнивающими всѣ состоянія, неаполитан-

[1]) По
[2]) тогдашнему правительству.

скій синьоръ, хотя и сдѣлался менѣе богатымъ, чѣмъ прежде, но остался совершенно такъ же уважаемъ и такъ же могущественъ. Вѣрный стариннымъ обычаямъ, народъ довольствуется малымъ; можно сказать, что онъ вовсе не имѣетъ нуждъ въ этой странѣ, гдѣ живутъ на открытомъ воздухѣ и почти не ѣдятъ; онъ наслаждается благорастворенностью своего климата, красотою своего залива, прелестью своего беззаботнаго существованія, и ни мало не желаетъ измѣненія своего общественнаго положенія. Напрасно толковали добрымъ неаполитанскимъ простолюдинамъ о бѣдствіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ: они не хотѣли ни понимать, ни вѣрить, потому что сами никогда не чувствовали ничего подобнаго. Конечно, если посмотрѣть на внѣшность неаполитанскаго простонародья, если войти въ ихъ жилища, то легко подумать, что нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы нищета была ужаснѣе. Они мало заботятся о своей личности и о своихъ домахъ, одѣты часто въ лохмотья, жилища ихъ наполнены грязью [и разными гадами, самыя грязныя домашнія животныя обитаютъ вмѣстѣ съ семьею простолюдина]. Сравнивая эту наружность съ жизнью нашихъ парижскихъ работниковъ, тотчасъ же, разумѣется, принимаются сожалѣть объ участи несчастныхъ обитателей Неаполя и превозносить достоинства нашей цивилизаціи. Но тутъ-то и впадаютъ въ самую грубую ошибку: счастіе чаще обитаетъ въ жалкомъ пріютѣ неаполитанца, нежели въ почти-изящномъ жилищѣ парижанина. Въ самомъ дѣлѣ — у одного встрѣчаемъ мы вѣру, которая услаждаетъ ему всѣ горести, и довольство своимъ жребіемъ, которое дѣлаетъ жизнь его счастливою; у другого, напротивъ, совѣсть возмущена нечестіемъ или, по крайней мѣрѣ, индифферентностью, а стремленіе къ обогащенію и зависть къ тѣмъ, кто чѣмъ-нибудь владѣетъ, поселяютъ недовольство и ненависть въ его сердцѣ...

«Совершенная ложь, будто народъ неаполитанскій страдаетъ и жалуется на свое состояніе общественное; но еще болѣе ложно — увѣрять, будто онъ съ трудомъ выноситъ свое положеніе политическое. Народъ сумѣлъ противостоять странствующимъ труппамъ возмутителей, являвшихся къ нему проповѣдывать противъ богатыхъ, духовенства и дворянства [,не больше успѣха имѣли эти апостолы зла и въ стараніяхъ своихъ увѣрить народъ, что онъ живетъ подъ желѣзнымъ скипетромъ тирана] [1]). Понятно, почему простолюдинъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій чрезвычайно мало занятъ политикою и охотно предается руководству своего приходскаго священника или стараго синьора. Онъ знаетъ, что платитъ подати очень небольшія, видитъ, что дороги его содержатся хорошо, что конскрипція не такъ ужасна, какъ онъ опасался; этого ему довольно для того, чтобы не желать перемѣнъ, изъ которыхъ еще неизвѣстно, что выйдетъ...

«Средній классъ, правда, менѣе доволенъ, и многіе въ немъ желаютъ политической [свободы] [1]); но надо замѣтить, что большая часть изъ нихъ не простираетъ своихъ видовъ дальше пріобрѣтенія коммунальныхъ правъ, которыя убиты въ Неаполѣ введеніемъ французской цивилизаціи. И нельзя не сознаться, что для народа, такъ мало приготовленнаго къ политическимъ правамъ, пріобрѣтеніе ихъ было бы скорѣе бѣдствіемъ, нежели благомъ. Развѣ мы не видѣли, что происходило въ 1848 году, когда Фердинандъ, однимъ разомъ опередивши и статутъ сардинскій, и новыя постановленія папскія, издалъ хартію, составленную почти совершенно по хартіи 1830 г.? По своей неопытности въ конституціонной игрѣ, парламентъ оказался неспособнымъ вотировать ни одного закона, и палъ среди волненія, которое вызвалъ, самъ того не желая и не вѣдая» [2])...

Переходя къ аристократіи, виконтъ Лемерсье объявляетъ, что она, несмотря на все уваженіе, которымъ пользуется, не составляетъ нынѣ корпораціи въ королевствѣ, и что во всякомъ случаѣ — если ее можно упрекнуть въ чемъ-нибудь, то развѣ въ излишнемъ удаленіи отъ дѣлъ, а ужъ никакъ не въ либеральныхъ замыслахъ. Очеркъ свой онъ заключаетъ слѣдующими рѣшительными строками: «пусть знаетъ Европа, что недовольство и нерасположеніе неаполитанцевъ къ своему правительству суть нелѣпыя басни, и что наилучшая политика для другихъ державъ, относительно Неаполя, должна состоять въ томъ, чтобы поддерживать и укрѣплять его правительство, а не ослаблять его [и не подкапывать]».

Не увлекся ли благородный виконтъ чувствами преданности къ Бурбонамъ и дружбою къ высокимъ придворнымъ и духовнымъ особамъ, съ которыми постоянно былъ близокъ, какъ видно изъ его брошюры? Не обманулся ли онъ ихъ показаніями, не представилъ ли вещи умышленно въ ложномъ свѣтѣ? Но нѣтъ, мы не имѣемъ

---

[1]) и законнаго правительства.

[1]) перемѣны;

[2]) Quelques mots de vérité sur Naples, p. 6—7. *Прим. Д.*

никакого права подозрѣвать что-нибудь подобное. Все, что̀ мы можемъ предполагать не безъ основанія, это одно: что виконтъ, [по своему либерализму, въ которомъ самъ признается], нѣсколько преувеличилъ еще значеніе либеральныхъ тенденцій въ Неаполѣ. Впрочемъ, если намъ нужно безпристрастія, ничѣмъ не заподозрѣннаго, то обратимся къ туристамъ: ихъ упрекаютъ часто въ легкомыслiи, но рѣдко кто изъ нихъ подвергался упреку въ умышленномъ искаженіи фактовъ. Возьмемъ же первыхъ попавшихся: всѣ говорятъ одно и то же.

«Мы были очень изумлены, — пишетъ одинъ изъ нихъ въ самомъ началѣ своихъ замѣтокъ,—нашедши въ Неаполѣ совсѣмъ противное тому, что̀ воображали по журнальнымъ тревогамъ. Такъ это-то терроръ, который, какъ насъ увѣряли, свирѣпствуетъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій! Да помилуйте, намъ бы ничего не надо было лучше, если бы народъ во Франціи былъ такъ спокоенъ и благополученъ!.. Дѣло въ томъ, что народъ здѣсь не томится стремленіемъ обогатиться и завистью, не ищетъ политическихъ правъ, а умѣетъ наслаждаться тѣмъ, что̀ въ избыткѣ даетъ ему природа. Лаццарони валяются на улицахъ и преспокойно смотрятъ на блестящіе экипажи, [подвозящіе богачей и знатныхъ къ Cafe de l'Europe]; они совершенно довольны своими лохмотьями, плодами и водой, и не чувствуютъ ни малѣйшей надобности въ перемѣнѣ своей участи» [1]).

Эти слова брошены мимоходомъ; а вотъ отзывъ, служащій результатомъ долгихъ размышленій автора, спеціально писавшаго о неаполитанцахъ, г. Теодора Верна.

«Что касается собственно Неаполя, нельзя сомнѣваться въ томъ, что климатъ его способствовалъ разслабленію и упадку нравственной силы народа. Чтобы убѣдиться въ разслабляющемъ свойствѣ этого климата, достаточно прожить въ немъ нѣсколько времени... Правда, въ итальянскомъ климатѣ образовались древніе римляне; правда, въ Неаполитанскомъ королевствѣ процвѣтали сикулы, самниты, норманны; но эти великія воспоминанія только еще рельефнѣе даютъ видѣть, до какой степени эти воинственныя и сильныя племена выродились въ нынѣшнихъ изнѣженныхъ и лишенныхъ всякой энергіи обитателяхъ.

«Другая причина уничиженія Неаполя заключается въ долговременномъ [гнетѣ, подъ которымъ она страдала и еще страдаетъ до сихъ поръ. Этотъ гнетъ сдѣлалъ] [1]) неаполитанцевъ неспособными къ возвышеннымъ стремленіямъ [и погасилъ въ нихъ даже самыя первыя понятія о свободѣ и о долгѣ]. Для того, чтобы дать ходъ натуральнымъ способностямъ и создать національную доблесть, нужно было, чтобы каждый находилъ себѣ широкую дорогу, по которой могъ бы онъ идти съ сознаніемъ своей цѣли и своего достоинства. Но [бурбонское] правительство [,по своимъ преданіямъ и привычкамъ], вовсе не было приспособлено къ такому воспитанію народа. Теперь всѣ кричатъ, что спасеніемъ для страны можетъ служить лишь уничтоженіе существующихъ постановленій. Но, по нашему мнѣнію, много преувеличиваютъ значеніе этого общественнаго лѣкарства; развѣ мы не видимъ, что неаполитанскія постановленія сами по себѣ очень хороши, а между тѣмъ приносятъ плоды, полные отравы?.. [Можетъ быть, революція была бы дѣйствительнѣе простой перемѣны системы? Но печальные опыты 1848 г. доказали всѣмъ еще разъ, что всякая новая революція только сильнѣе стягиваетъ цѣпи Италіи, потому что послѣ каждаго кризиса на сценѣ остаются тѣ же элементы, только обезсиленные болѣе прежняго»] [2]).

Ставя [такимъ образомъ] Италію, и Неаполь особенно, въ безвыходное положеніе, г. Вернъ находитъ для нея одно спасеніе: отказаться отъ католицизма, чтобы принять [реформу]! [3]) Изъ этого видно, до какой степени безнадежнымъ казалось положеніе неаполитанскихъ дѣлъ французскому туристу, посѣтившему Неаполь въ прошломъ году...

Г. Шарль де-ла Варенн, въ 1858 г., такъ отзывался о правительствѣ неаполитанскомъ: [«можно сказать, что] въ Неаполѣ господствуетъ [восточный деспотизмъ] [4]), основанный на союзѣ двора съ простымъ народомъ и половиною буржуазіи, готовою все сдѣлать и все допустить для сохраненія тѣхъ положеній, къ которымъ она привыкла. Этотъ союзъ направленъ преимущественно противъ высшихъ классовъ, питающихъ либеральныя тенденціи, — за исключеніемъ, разумѣется, нѣкоторыхъ лицъ, состоящихъ при дворѣ» [5]).

Можетъ быть, вы не вполнѣ довѣряете французскимъ отзывамъ? Извѣстно, что у насъ привыкли считать французовъ народомъ легкомысленнымъ. Но мы приводили

---

[1]) насиліе, которое сдѣлало

[2]) Naples et les Napolitains, p. Théodore Vernes. Brux. 1859, p. 298—300.—*Прим. Д.*

[3]) протестантское исповѣданіе!

[4]) власть

[5]) Lettres Italiennes, p. Charles de la Varenne. Paris, 1858, p. 284.—*Прим. Д.*

[1]) Quelques lettres sur l'Italie par E. Paris, 1858, p. 2.—*Прим. Д.*

выше свидѣтельство лорда Гладстона; можемъ, если хотите, привести отзывъ г. Теодора Мундта, нѣмца: вы знаете, что нѣмцы народъ основательный.

Г. Мундтъ, бывшій въ Неаполѣ въ началѣ нынѣшняго года, замѣчаетъ, что положеніе дѣлъ въ Неаполѣ не обѣщаетъ ничего хорошаго, но что измѣнить его едва ли возможно, [такъ какъ народъ и духовенство служатъ постоянной поддержкой бурбонскаго правительства]. «Простой народъ въ Неаполѣ,—говоритъ онъ,—не хочетъ и не знаетъ политической свободы; онъ совершенно не понялъ бы того, кто бы сталъ обѣщать ему государственныя и общественныя улучшенія, чтобы чрезъ то улучшить состояніе самого народа. Король и народъ въ Неаполѣ держатся крѣпко другъ за друга, потому что они давно уже вмѣстѣ боролись противъ общаго врага — могущества феодаловъ, бывшихъ опасными для нихъ обоихъ, и потомъ—противъ дворянства, [образованности] и самостоятельности буржуазіи. [Такимъ образомъ, абсолютная власть, поддерживаемая лаццарони, составляетъ препятствіе всякому высшему развитію страны]. Въ дворянской и прогрессивной части буржуазіи существуютъ либеральныя наклонности; но у нихъ, кажется, никогда не было никакой опредѣленной программы. Это либерализмъ надеждъ и желаній, который охотно примирился бы со всякимъ правительствомъ, лишь бы оно не было [такъ безнравственно и позорно] [1]), какъ нынѣшнее. Въ теоріи, этотъ либерализмъ имѣетъ много приверженцевъ [въ образованныхъ классахъ], но сомнительно, чтобъ онъ встрѣтилъ серьезную поддержку [въ случаѣ дѣйствительнаго взрыва. Самая трудная задача либерализма въ Неаполѣ состоитъ въ томъ, чтобы привлечь народъ къ его дѣлу] [2]).

Наконецъ, можно привести свидѣтельство самихъ итальянцевъ. Довольно вамъ указать, напримѣръ, на Монтанелли, который говоритъ, что есть двѣ Италіи: одна—ученыхъ, литераторовъ, адвокатовъ, медиковъ, студентовъ, и другая—священниковъ, монаховъ, простого народа, [придворныхъ, и всѣхъ, кому выгодно невѣжество и суевѣріе]. Въ разныхъ мѣстностяхъ есть оттѣнки въ отношеніяхъ той и другой партіи, но въ Неаполѣ Монтанелли, какъ и другіе, признаетъ рѣшительное преобладаніе послѣдней [3]).

Мы размножили наши цитаты, разумѣется, отчасти для того, чтобы показать нашу начитанность по неаполитанскому вопросу, но отчасти и съ другою, менѣе тщеславною цѣлью: намъ хотѣлось показать читателю, что за годъ—за два, даже за нѣсколько мѣсяцевъ до гарибальдійскаго движенія никому, дѣйствительно, не приходило въ голову, чтобы бурбонское правительство и его система могли быть такъ легко уничтожены въ Неаполѣ. Многіе у насъ наслышаны о томъ, что итальянцы вообще ужасные головорѣзы, и потому революціи на Аппенинскомъ полуостровѣ считаются чѣмъ-то весьма обыкновеннымъ; [народъ, дескать, такой!] Но изъ совокупности свидѣтельствъ всѣхъ партій выходитъ, что неаполитанцы, по крайней мѣрѣ, вовсе не были такимъ народомъ. Общій выводъ изъ всѣхъ отзывовъ долженъ быть таковъ: народъ въ Неаполѣ былъ вполнѣ равнодушенъ ко всѣмъ либеральнымъ тенденціямъ и скорѣе расположенъ былъ всѣми силами защищать Бурбоновъ, нежели возстать противъ нихъ; духовенство, чрезвычайно многочисленное и пользующееся огромнымъ вліяніемъ въ Неаполѣ, постоянно дѣйствовало въ пользу существующей системы; король былъ весьма почитаемъ народомъ и, кромѣ того, опирался на сильную армію, которой посвящалъ свое особенное вниманіе. Если бывалъ когда ропотъ, то лишь противъ частныхъ распоряженій и второстепенныхъ чиновниковъ. Либеральныя стремленія обнаруживались лишь въ незначительной части средняго сословія; нѣкоторые увѣряютъ, что и въ высшемъ тоже было недовольство, но очень вѣроятно, что это было въ значительной части случаевъ не болѣе, какъ досада людей, обойденныхъ чиномъ, или не умѣвшихъ попасть ко двору. По инымъ—весь неаполитанскій либерализмъ сводится къ ничтожной горсти адвокатовъ и медиковъ, по другимъ—онъ представляется болѣе распространеннымъ; но всѣ согласны, что въ либерализмѣ этомъ не было ничего дѣятельнаго, ничего серьезнаго, даже почти ничего политическаго: общимъ и опредѣленнымъ у всѣхъ было одно только желаніе, чтобы какъ-нибудь дѣла пошли получше [въ государствѣ]. Самыя смѣлыя надежды въ послѣдніе годы не простирались далѣе того, что правительство сдѣлаетъ какія-нибудь уступки соединеннымъ настояніемъ Англіи и Франціи. Что же касается до дѣятельной роли народа, о ней не мечтали самые горячіе либералы. Разсказываютъ (можетъ быть и несправедливо), что передъ экспедиціею Гарибальди, нѣсколько человѣкъ изъ самыхъ [почтенныхъ] патріотовъ, въ числѣ которыхъ называютъ Джузеппе Феррари, на-

---

[1]) таково

[2]) Italienische Zustande, v. Th. Mundt, Berl. 1860, T. IV, S. 285, 286.—*Прим. Д.*

[3]) Le parti national italien, p. Montanelli,—dans «Revue de Paris», 1856, livr. de 15 juillet, p. 481 sq. *Прим. Д.*

рочно отправлялись зондировать расположеніе неаполитанскаго населенія, и результатъ ихъ наблюденій былъ тотъ, что на неаполитанскомъ материкѣ невозможно было ожидать никакой поддержки [дѣлу свободы]. За истину этого слуха нельзя ручаться; но онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что̀ писалось о походѣ Гарибальди въ Неаполѣ до самой высадки его въ Реджо. Не говоря о насмѣшкахъ легитимистскихъ газетъ и предостереженіяхъ пьемонтскихъ органовъ Кавуровой партіи, вспомнимъ, что самъ Викторъ-Эммануилъ, на-дняхъ такъ торжественно собравшій плоды отваги Гарибальди, въ іюлѣ мѣсяцѣ писалъ ему дружеское запрещеніе идти въ Неаполь... До того всѣ увѣрены были въ прочности бурбонскаго правительства [и въ невозможности привлечь неаполитанскій народъ къ дѣлу итальянскаго единства и національной свободы]!

Противъ этого мнѣнія, равно принятаго и врагами, и защитниками бурбонскаго правительства, могутъ, повидимому, свидѣтельствовать безпрестанные возстанія и заговоры въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Дѣйствительно, въ 200 лѣтъ, прошедшихъ со времени Мазаніелло, было, конечно, по крайней мѣрѣ 100 большихъ и малыхъ волненій въ Неаполѣ и Сициліи. Если взять одно царствованіе Фердинанда, такъ и тутъ попытки противъ его правленія надо считать десятками.

Въ 1830 году, 8 ноября вошелъ на престолъ Фердинандъ II. Немедленно по его воцареніи, по свѣдѣніямъ полиціи, оказалось, что въ королевствѣ до 800.000 карбонаріевъ, несмотря на [страшныя] преслѣдованія ихъ въ предшествующія царствованія. Вслѣдъ затѣмъ, дѣятельность либераловъ обнаружилась громкими криками о [конституціи] [1]), и для ея полученія устроенъ былъ въ 1831 голу даже заговоръ, которымъ заправлялъ министръ юстиціи, Интонти. Заговоръ этотъ открытъ былъ, благодаря зоркости австрійскихъ тайныхъ агентовъ.

Въ теченіе 1833 года было открыто, одинъ за другимъ, три заговора; одинъ Нирико, другой Россароля и Романо, третій Леопарди и Поэріо,—всѣ [въ конституціонномъ смыслѣ, всѣ] въ довольно широкихъ размѣрахъ и всѣ открытые предъ самымъ моментомъ исполненія. [О послѣднемъ доносъ сдѣланъ былъ однимъ изъ участниковъ, Орацію Мацца, который потомъ былъ начальникомъ полиціи въ Неаполѣ и прославился своими безчинствами].

Въ 1834 году, по поводу путешествія короля, обнаружились неудовольствія въ Сициліи.

Въ 1837 году, во время холеры, произошли частныя возстанія въ Абруццахъ и въ Калабріи. Въ то же время вспыхнуло возстаніе въ Сициліи: въ Катану принуждены были послать войска.

Въ 1839 году началось движеніе въ Чивитта ди Пенна.

Въ 1842 году произошла попытка въ Аквилѣ.

Въ 1844 году открытъ заговоръ въ Козенцѣ.

Въ томъ же году — попытка братьевъ Бендьера, съ семью товарищами.

Въ 1846 г. обнародованъ мятежный «протестъ народа Обѣихъ Сицилій», написанный Сеттембрини, но послужившій къ арестаціямъ и ссылкамъ и множества другихъ подозрѣвавшихся въ либерализмѣ.

Въ 1847 году произошло волненіе въ Реджо и въ Мессинѣ.

Въ 1848 году—общая революція, въ нѣсколько пріемовъ.

Въ 1849 году — продолженіе революціи въ Сициліи.

Въ 1850 году—новая попытка возстанія въ Палермо.

Въ 1851 году—продолжалось укрощеніе мятежныхъ сициліанцевъ; [считаютъ, что съ іюля 1848 года до августа 1851 въ Сициліи произведено около 1.600 казней политическихъ преступниковъ].

Въ 1856 году — волненія въ Козенцѣ и въ же время въ Сициліи, въ Чефалу.

Въ концѣ того же года—покушеніе Агезилая Милано на жизнь Фердинанда.

Въ 1857 году—экспедиція Пизакане.

Въ 1858 году—дѣло Луиджи Пеллегрини и его сообщниковъ.

Въ 1859 году—возмущеніе въ швейцарскихъ полкахъ и потомъ начало волненій въ Сициліи, которыя разразились наконецъ революціею четвертаго апрѣля 1860 года, имѣвшею такое рѣшительное продолженіе во всемъ королевствѣ.

Въ этомъ перечнѣ мы, конечно, еще пропустили довольно много мелкихъ политическихъ процессовъ, которые въ Неаполѣ никогда не переводились, и много исторій, раздутыхъ полиціею или интригами придворныхъ партій. Такъ, напр., въ концѣ царствованія Фердинанда, въ сентябрѣ 1858 г., по поводу какого-то найденнаго трупа съ подозрительными бумагами, производилось дѣло, по которому арестовано было 1.200 человѣкъ; предъ самой смертью Фердинанда готовы были вспыхнуть безпорядки по интригамъ камарильи, желавшей доставить престолъ графу Трани. Такими явленіями полна вся неаполитанская исторія [не только]

[1]) реформѣ

во всѣ годы, [но во всякое время года, всякій день, если хотите].

Все это, повидимому, служитъ опроверженіемъ общихъ отзывовъ о томъ, что народъ неаполитанскій чрезвычайно спокоенъ и доволенъ, что онъ не стремится къ измѣненію своего положенія и къ пріобрѣтенію политическихъ правъ. Но это только повидимому; въ самомъ же дѣлѣ, при внимательномъ взглядѣ, мы находимъ, что всѣ частныя возстанія, происходившія въ Неаполѣ, только могли убѣждать въ ничтожности и рѣшительной несостоятельности партій, стремившихся къ измѣненію существующаго порядка вещей. Народъ не только не поддерживалъ этихъ партій, но еще на нихъ же опрокидывался. Такъ, въ революцію 1848 года, замѣченъ былъ всѣми фактъ, на который, между прочимъ, ссылается аббатъ Мишонъ. «Фердинандъ, видя, что либералы [образованныхъ классовъ сильно пристаютъ къ нему] [1]), ничего не нашелъ лучшаго для себя, какъ обратиться къ [черни] [2]). Онъ вооружилъ изъ нея десять тысячъ, которыя ринулись на Неаполь, вторгались въ дома, заставляли трепетать всѣхъ [и предавались всѣмъ возможнымъ буйствамъ и насиліямъ»... [3]). Даже тѣ изъ народа, которые присоединились къ возстанію, вовсе не понимали, что̀ и зачѣмъ они дѣлаютъ]. Г. Гондонъ, опровергая Гладстона и доказывая, что народъ въ Неаполѣ не только не желаетъ, но и знать не хочетъ конституціи, приводитъ слѣдующій фактъ. «Въ провинціяхъ, и даже въ самомъ Неаполѣ, когда возмутители кричали: «viva la constituzione!» — въ народѣ слышались насмѣшливые крики: «viva la construzione! viva la costipazione! viva la contrizione!» [4]). Вслѣдъ за усмиреніемъ волненій, къ королю, по свидѣтельству того же г. Гондона и др. благонамѣренныхъ людей, посыпались адресы, говорившіе, что не нужно созывать новаго парламента; и большая часть провинціальныхъ совѣтовъ выразила желаніе, чтобы конституція была уничтожена. [Писатели либеральной партіи доказываютъ, что адресы были вытребованы правительствомъ, и что совѣты ничего не значили послѣ побѣды короля надъ оппозиціей въ печальный день 15 мая. Это, конечно, справедливо; но дѣло оттого нисколько не измѣняется въ своей сущности]: значитъ, [все-таки] элементы [свободы] [5]) такъ были ничтожны въ Неаполѣ, что не могли противостоять [абсолютизму Фердинанда] [1]), даже въ 1848, во время всеобщаго волненія [и торжества революціонныхъ замысловъ] во всей западной Европѣ. [Безпристрастный] историкъ итальянскаго движенія 1848 года, Перренсъ, указываетъ много фактовъ, [объясняющихъ это торжество абсолютизма и] доказывающихъ, что народъ, духовенство и армія дѣйствительно не были въ Неаполѣ расположены къ поддержкѣ новыхъ, конституціонныхъ началъ правленія. «3 августа, толпы солдатъ, сбировъ и лаццарони бѣгали по городу съ криками: долой статутъ! Да здравствуетъ король!»—«5-го сентября, депутаты, направляясь въ палату, были оскорбляемы на улицахъ». Въ этотъ же день, одинъ священникъ Санта-Лучіанской церкви воспламенилъ толпу противъ либераловъ, какъ враговъ короля [и Бога], и повелъ противъ нихъ ватаги народа, съ криками: «долой свободу! да здравствуетъ король!» [2]).

Довольно вспомнить, что уничтоженіе неаполитанскаго парламента въ 1849 году было простою полицейскою мѣрою, [и что депутаты и вообще либеральные патріоты четыре года содержались въ тюрьмахъ, пока не были осуждены на каторгу,] чтобы видѣть, какъ мало дѣйствительнаго участія принималъ народъ въ поддержкѣ революцій. Подобные же факты обнаруживались и послѣ: напр., въ 1857 году, въ Сапри, сельское населеніе рѣшительно напало на отрядъ инсургентовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Пизакане, и клерикальные журналы не мало кричали тогда по этому случаю о преданности неаполитанцевъ Бурбонамъ. Наконецъ, кто слѣдилъ за событіями въ Неаполѣ по газетнымъ извѣстіямъ послѣднихъ мѣсяцевъ, тотъ могъ замѣтить, что и нынѣ масса неаполитанскаго народа не очень много измѣнилась въ своихъ расположеніяхъ. Въ томъ же Санта-Лучіанскомъ приходѣ, который игралъ такую роль въ сентябрѣ 1848 года, происходило въ началѣ нынѣшняго сентября тоже волненіе, по [тому] поводу, [что Санта-Лучіанская мадонна плакала объ] отъѣздѣ короля изъ Неаполя. Реакціонныя попытки [арміи и лаццарони] противъ конституціи были и въ нынѣшнемъ году. Даже послѣ вступленія Гарибальди въ Неаполь, до самаго послѣдняго времени не переставали приходить извѣстія о заговорахъ, то тамъ, то здѣсь въ смыслѣ возстановленія Бурбоновъ. Казалось бы, что невзгода, постигшая Франциска II, не должна считаться серьезною,

---

[1]) становятся сильны,
[2]) народу.
[3]) Michon, l'Italie pol. et rel. p. 83 *Прим. Д.*
[4]) La terreur dans le royaume de Naples, p. Jules Gondon, Paris, 1851, p. 145. *Прим. Д.*
[5]) либерализма

[1]) правительству
[2]) Deux ans de révolution en Italie, p. J. T. и Perrens, Paris, 1857, p. 468—470. *Прим. Д.*

что его пребываніе въ Гаэтѣ еще не совсѣмъ безнадежно, что народъ можетъ возвратиться къ нему...

Но всѣ видятъ, что на этотъ разъ бурбонская династія въ Неаполѣ получила ударъ рѣшительный [,отъ котораго ей не оправиться]. Всѣ видятъ, что хотя народъ неаполитанскій и оказался [все еще] не очень энергичнымъ сподвижникомъ [своихъ освободителей] [1]), но встрѣчалъ ихъ съ энтузіазмомъ и пассивнымъ образомъ содѣйствовалъ низверженію [абсолютистскаго] [2]) правленія. Попытки реакціи не были уже сильны, какъ прежде, [новыя начала восторжествовали прочно]...

II.

Что значитъ такая перемѣна, и какъ она могла произойти? Мы видѣли, что народъ неаполитанскій, по своему характеру, вовсе не склоненъ къ политическимъ [шалостямъ] и къ ослушанію законной власти, [Какъ бы ни плохо управляли имъ, онъ все терпѣлъ и прощалъ. Нужно было много работать надъ нимъ, чтобы, наконецъ, заставить его провозгласить себя противъ законной монархіи, уже не въ отдѣльныхъ личностяхъ, не въ частныхъ выходкахъ, а цѣлой массою населенія]. Не было ли], въ самомъ дѣлѣ, этой] работы злоумышленниковъ надъ умами народа въ Неаполѣ, и не дано ли имъ было слишкомъ много простора для ихъ гибельныхъ замысловъ? Если бы мы успѣли открыть это, все бы объяснилось, и странность внезапнаго паденія неаполитанскаго [трона] [3]) не была бы болѣе странностью. [Попробуемъ, насколько возможно, заглянуть въ тайники революціонной силы, работавшей въ Неаполѣ въ новѣйшее время.

Въ западной Европѣ проводниками либеральныхъ и революціонныхъ идей считаются обыкновенно — религія, воспитаніе, литература, общественныя сходбища, тайныя общества. Всѣмъ этимъ пользуются] [4]) злонамѣренные люди, для распространенія своихъ идей и для возбужденія народа къ возстанію противъ установленныхъ порядковъ. [Посмотримъ же, въ какомъ положеніи всѣ эти средства революціонныхъ замысловъ находились въ Неаполѣ].

Религіозные споры много разъ служили въ разныхъ странахъ Европы прикрытіемъ политическихъ требованій. Исторія реформаціи особенно полна такими фактами. Вотъ почему одинъ писатель, котораго приводили мы выше, находитъ даже, что свобода Италіи невозможна, пока протестантство туда не проникнетъ. «Нравственное первенство Италіи, равно какъ и ея независимость — говоритъ онъ — погибли такъ быстро потому, что Италія осталась чуждою реформѣ» [1]). Г. Вернъ разсуждаетъ такъ съ своей точки зрѣнія, а г. Гондонъ, напримѣръ, съ ужасомъ и отвращеніемъ высказываетъ опасеніе, что англійская политика въ Италіи можетъ повести къ учрежденію тамъ библейскихъ обществъ и введенію ереси [2]). Взглянемъ же, во-первыхъ, какъ силенъ *еретическій* элементъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Раскроемъ хоть статистику Кольба, 1860 г. [3]).

Населеніе	9.117,000
Въ томъ числѣ—протестантовъ .	800
евреевъ . . .	2,200

Остальные всѣ—католики.

Оказывается, что [опасные] [4]) элементы [«свободнаго разсужденія» и «чистаго евангелія»] вовсе не такъ сильны въ Неаполѣ, чтобы могли волновать умы народа и направлять его къ исканію реформъ. Католическая церковь всегда была поборницею [авторитетовъ всякаго рода] [5]) противъ стремленій кичливаго разума человѣческаго, всегда укрощала гордыя страсти и поощряла терпѣніе и смиреніе. Очевидно, что религіозныя вліянія въ Неаполѣ должны были всегда дѣйствовать самымъ благопріятнымъ образомъ для сохраненія порядка [и покорности Бурбонамъ].

Но форма вѣроисповѣданія сама-по-себѣ еще не составляетъ всего. И католическій народъ можетъ быть непокорнымъ и буйнымъ, если онъ холоденъ къ своей религіи, если онъ зараженъ скептическими началами, столь распространенными въ Европѣ съ конца прошлаго вѣка. Примѣръ вамъ—Франція: французы тоже почти всѣ католики, [а между тѣмъ отношеніе ихъ къ церкви—самое легкомысленное] [6]). Поэтому, надо знать не то, къ какому исповѣданію причисляются неаполитанцы, а то, въ какой мѣрѣ проникнуты они духомъ своей религіи. На этотъ счетъ мы имѣемъ самыя удовлетворительныя свѣдѣнія. Общій отзывъ тотъ, что нѣтъ народа, болѣе преданнаго католицизму, какъ неаполитанцы. Тонъ

[1]) предводителей движенія,
[2]) существовавшаго
[3]) правительства
[4]) Посмотримъ, какими средствами могли располагать

[1]) Naples et les Napolitains, p. Th. Vernes, p. 306. *Прим. Д.*
[2]) De l'état des choses à Naples, p. 4. *Прим. Д.*
[3]) G. Fr. Kolb, Handbuch der vergleich. Statistik. p. 288. *Прим. Д.*
[4]) еретическіе
[5]) преданій
[6]) , но плохіе католики.

отзывовъ, разумѣется, различается, сообразно личнымъ воззрѣніямъ каждаго автора: одни сожалѣютъ о суевѣріи [и невѣжествѣ] народа, другіе превозносятъ его набожность и религіозность. Мы приведемъ, для большаго безпристрастія, свидѣтельства тѣхъ и другихъ.

Изъ всего, что было писано о религіозности неаполитанцевъ, намъ особенно нравятся краснорѣчивыя страницы благочестиваго Жюля Гондона, въ которыхъ онъ показываетъ мелкіе недостатки, замѣчаемые въ общественной жизни и въ самыхъ постановленіяхъ. Мы считаемъ необходимымъ перевести эти страницы.

«Неаполь не избѣгъ общей участи человѣческихъ обществъ, — пишетъ г. Гондонъ:—его установленія не совсѣмъ изъяты отъ критики; они могли бы, конечно, быть на болѣе высокой степени совершенства. Я долженъ согласиться, что иностранецъ, пріѣзжающій въ Неаполь, испытываетъ тотчасъ же нѣсколько непріятныхъ впечатлѣній, которыя часто имѣютъ большое вліяніе на его сужденіе о странѣ.

«Такъ, не безъ основанія жалуются на медленность, съ которою полиція исполняетъ всѣ формальности, необходимыя для впуска путешественниковъ въ страну. Впрочемъ, это должно быть отнесено только къ манерѣ исполненія своихъ обязанностей низшими чиновниками, потому что, въ сущности, мѣры относительно пріѣзжающихъ чрезвычайно благоразумны и необходимы для предохраненія страны отъ золъ политическихъ, нравственныхъ и даже религіозныхъ, которыя могли бы вкрасться въ нее извнѣ.

«Таможенный осмотръ при въѣздѣ даетъ очень грустное понятіе о продажности низшихъ чиновниковъ по этой части, [которые осматриваютъ или, лучше сказать, не осматриваютъ вашъ багажъ, только и думая о томъ, чтобы получить отъ васъ что-нибудь].

«То же зрѣлище продажности поражаетъ путешественника, когда онъ проникаетъ во внутренность страны. Въ кажномъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ—не только необходимо представлять свой паспортъ, но эта формальность исполняется такимъ образомъ, что она кажется не мѣрою общественной безопасности, а просто предлогомъ вытянуть у путешественниковъ нѣсколько денегъ.

«Надо однако же сказать, что эти злоупотребленія, повсюду распространенныя въ Италіи, имѣютъ свой корень въ обычаяхъ, которые ихъ оправдываютъ. Но путешественникъ, пріѣзжающій въ чужую страну, обыкновенно не старается поставить себя на точку зрѣнія своихъ хозяевъ; онъ судитъ обо всемъ по своимъ понятіямъ, сравнивая то, что̀ видитъ, съ постановленіями, обычаями и правами своихъ соотечественниковъ...

«Но какое блестящее вознагражденіе за эти непріятности! Едва вы вступите въ Неаполь, какъ передъ вами открывается истинный характеръ обитателей! На каждомъ шагу возстаютъ передъ вами свидѣтельства религіозной вѣры. Статуи Пресвятой Дѣвы или святыхъ украшаютъ всѣ площади. Нѣтъ ни одного памятника, пирамиды, фонтана, на верху котораго не стояло бы изображеніе мадонны или почитаемаго святого, вызывая прохожихъ на благочестивыя размышленія. На углу каждой улицы вы находите нишу, гдѣ помѣщена статуя святого, подъ покровительство котораго отдали себя жители этой улицы. Это нѣчто въ родѣ маленькихъ часовенъ, поддерживаемыхъ съ благочестивымъ тщаніемъ, благолѣпно украшенныхъ; въ теченіе всей ночи предъ ними неугасимо горитъ лампада. Въ улицахъ, болѣе длинныхъ, число этихъ нишей увеличивается. Но, что̀ еще болѣе замѣчательно,—независимо отъ этихъ общихъ выраженій благочестія,—въ каждомъ магазинѣ, самомъ богатомъ, равно какъ и въ самой бѣдной лавченкѣ, противъ входа всегда находится образъ св. Дѣвы или святого, украшенный цвѣтами, а вечеромъ озаренный свѣчами. [Это—домашніе алтари, воздвигаемые во славу высшихъ силъ, замѣнившихъ, въ нѣдрахъ христіанской семьи, домашнихъ ларъ, которыхъ почитали язычники].

«Эта религіозность физіономіи большого города составляетъ одну изъ самыхъ поразительныхъ сторонъ неаполитанской столицы. Я былъ ею тронутъ гораздо болѣе, нежели красотою залива, живописностью мѣстоположенія, блескомъ артистическихъ богатствъ и драгоцѣннѣйшихъ коллекцій древности. Свидѣтельства живой религіозной вѣры народа, со всѣхъ сторонъ возстающія передъ очами, были для меня полнѣйшимъ ручательствомъ за него противъ клеветъ, которыя такъ упорно и безсовѣстно расточаются насчетъ этого добраго племени.

«Кто вздумалъ бы приписывать суевѣрію и невѣжеству эти внѣшніе знаки народнаго благочестія, тому стоило бы только, для уничтоженія своихъ сомнѣній, заняться изученіемъ простыхъ, истинно-христіанскихъ нравовъ народа. Достаточно войти, въ воскресенье или въ праздникъ, въ церковь, чтобы убѣдиться въ искренности и чистотѣ религіозныхъ чувствъ, которыя такъ ярко выражаются на каждомъ шагу въ Неаполѣ.

«Не менѣе поразительно для иностранца то уваженіе, которымъ окружаетъ народъ представителей церкви. Благоговѣніе неаполитанцевъ предъ служителями Божіими совершенно напоминаетъ время первобытной церкви Христовой: безпрестанно встрѣчаете вы лица разныхъ сословій, останавливающіяся на улицахъ предъ монахомъ или священникомъ, чтобы поцѣловать у него руку, въ знакъ благоговѣйнаго уваженія.

«Нѣтъ, чтобы ни говорили апологисты протестантской Англіи, — народъ, у котораго религія образуетъ сердце, очищаетъ и возвышаетъ стремленія, не можетъ быть ниже націи, которая напоминаетъ религіозную истину лишь подъ призмою ереси. И если даже смотрѣть со стороны матеріальнаго благосостоянія (которая одна только и занимаетъ извѣстные умы!), то какъ не признать, что рабочіе классы въ Италіи, и въ Неаполѣ особенно, несравненно счастливѣе работниковъ въ какой бы то ни было части Соединеннаго королевства!

«Если бы манчестерскій или бирмингэмскій работникъ захотѣлъ справлять въ теченіе года всѣ религіозныя торжества, строго соблюдаемыя въ Италіи, то его семья принуждена была бы умереть съ голоду. Въ Неаполѣ же, несмотря на чрезвычайно частые праздники, которые, освящая душу, содѣйствуютъ чрезъ то и благосостоянію тѣла, работникъ удовлетворяетъ весьма легко всѣмъ своимъ нуждамъ, съ семьею и дѣтьми. Англійскій работникъ, въ обыкновенныхъ условіяхъ, работаетъ больше, питается не лучше, семью свою содержитъ съ большимъ трудомъ и доходитъ до конца года съ большимъ истощеніемъ тѣла, не испытавъ ни одного изъ тѣхъ нравственныхъ услажденій, которыя католическая религія даетъ вкушать неаполитанскому простолюдину, находящемуся въ тѣхъ же условіяхъ. Такъ, широкое значеніе, предоставленное у католическихъ націй жизни духовной, не только не уменьшаетъ, а напротивъ, возвышаетъ матеріальное благосостояніе!» [1]).

Въ этомъ описаніи вы видите, правда, только внѣшнюю сторону,—обряды и образа; вы не видите, до какой степени *духъ* христіанской религіи проникъ въ сердце народа. Г. Гондонъ не говоритъ объ этомъ ни слова, а другіе увѣряютъ, что сущность христіанства вовсе непонятна для массъ и даже для многихъ изъ самихъ духовныхъ лицъ. Такъ, напр., у г. Верна находимъ увѣренія и факты, доказывающіе, что [«самая отвратительная] безнравственность легко уживается у неаполитанскаго простонародья съ величайшею набожностью». Въ Калабріи и Абруццахъ безпрерывно происходятъ грабежи, но часть награбленнаго всегда идетъ на дѣла церковныя, на украшеніе иконъ, статуй и т. п. [«Это очень милый способъ преклонять небо на милость, дѣлая его своимъ сообщникомъ!» — восклицаетъ остроумный туристъ]. Само духовенство хлопочетъ только о томъ, чтобы народъ больше дѣлалъ приношеній въ церковь, больше крестился и клалъ поклоны передъ образами, а затѣмъ—духовное возвышеніе народа ни мало не интересуетъ его пастырей. Священники и монахи [торгуютъ исповѣдью, проповѣдью, мессами: такъ, они] не даютъ безъ денегъ разрѣшенія на бракъ, требуютъ платы за позволеніе ѣсть скоромное въ постные дни, продаютъ четки и [частички мощей], молитвы за умершихъ, находящихся въ чистилищѣ, [торгуютъ мессами], собирая по мелочи деньги съ сотни персонъ, заказывающихъ службу, отправляя ее для всѣхъ заодно. Наконецъ, они придумываютъ необыкновенныя явленія [и чудеса], чтобы привлечь въ свои церкви больше народа, и, слѣдовательно, больше приношеній. [Такъ, напримѣръ, тотчасъ послѣ послѣдняго землетрясенія въ Неаполѣ, публиковалось avviso sacro, утверждавшее, что городъ спасенъ отъ конечной гибели единственно чудеснымъ заступленіемъ святого Эмидіо и, вслѣдствіе того, приглашавшее народъ устремиться въ церковь его, для принесенія ему благодарности. Священники собора св. Дженнаро обидѣлись за своего святого и весьма энергически объявили, что, напротивъ, дѣло спасенія города принадлежитъ вовсе не Эмидіо и никому другому, а святому Дженнаро, который всегда былъ особенно популяренъ въ Неаполѣ. Подобнаго рода разногласіе между членами духовенства произошло по поводу вопроса о новомъ догматѣ безпорочнаго зачатія св. Дѣвы. Скоттисты, поддерживавшіе догматъ, опирались, между прочимъ, на откровеніе св. Бригитты, которая почти положительно рѣшала вопросъ въ ихъ пользу. Но, къ несчастію, св. Катерина, по увѣренію томистовъ, объявила совершенно противное! Подобныя разногласія, разумѣется, не обходятся безъ маленькаго скандала, о которомъ г. Вернъ довольно лукаво сожалѣетъ. Вообще же онъ находитъ, что у неаполитанцевъ «живая вѣра Христова и истинное религіозное чувство превратились въ жалкій фетишизмъ»] [1]).

Не приводя другихъ свидѣтельствъ, за-

[1]) De l'état des choses à Naples, p. J. Gondon, p. 173—176. *Прим. Д.*

[1]) Naples et les Napol., chap. V — VI, Religion miracles. *Прим. Д.*

подозривающихъ цѣну неаполитанской религіозности, не можемъ умолчать однако, что г. Мишонъ, хотя и аббатъ, къ сожалѣнію, совершенно сходится въ своихъ отзывахъ съ людьми либеральнаго образа мыслей. Аббатъ очень [остроумно подсмѣивается, напримѣръ, надъ] [1]) неаполитанскими проповѣдниками, приводя въ примѣръ анализъ одной проповѣди какого-то отца Джузеппе Фуріа на тему, [что «цѣломудріе равняетъ человѣка съ ангелами»] [2]). Вся проповѣдь, говоритъ аббатъ Мишонъ, была чисто въ аскетическомъ духѣ; отецъ Фуріа не дѣлалъ ни малѣйшаго примѣненія къ общественной жизни, ни малѣйшей уступки даже супружескимъ отношеніямъ,— онъ требовалъ [чистѣйшаго] цѣломудрія и разсыпался для него въ самыхъ яркихъ метафорахъ и благоуханныхъ фразахъ, съ весьма патетическими жестами, по обыкновенію. «Разумѣется, такія проповѣди не могутъ [оживлять добрыя стремленія въ душѣ и] укрѣплять человѣка въ практической жизни,—замѣчаетъ аббатъ Мишонъ;— а между тѣмъ всѣ почти проповѣдники въ Неаполѣ берутъ темы столько же безплодныя и отвлеченныя, слѣдуютъ той же рутинѣ и схоластикѣ». Вообще онъ замѣчаетъ, что духовенство въ Неаполѣ плохо образовано, грубо и часто не понимаетъ даже своихъ обязанностей. Служителями церкви дѣлаются отъ некуда-дѣваться. Къ одному изъ аристократовъ Неаполя явился молодой дюжій парень, съ грубыми замашками, одѣтый клеркомъ; священникъ, который привелъ его, просилъ синьора внести за него плату, необходимую для того, чтобы молодой человѣкъ могъ получить священство. Синьоръ былъ непріятно удивленъ и замѣтилъ: «помилуйте, да ему бы лучше въ солдаты идти!» — «Это правда, — замѣтилъ священникъ:—но онъ очень трусливъ!» [Въ этомъ и состояло его призваніе къ священству,— ядовито замѣчаетъ аббатъ Мишонъ] [3]).

Мы не имѣемъ особеннаго интереса защищать католическое духовенство бывшихъ неаполитанскихъ владѣній; мы не рѣшаемся на это тѣмъ болѣе, что въ недостаткахъ его сознаются сами его защитники. Такъ, напр., виконтъ Лемерсье соглашается, что «духовенство неаполитанское далеко не такъ безукоризненно, какъ французское; количество его, слишкомъ значительное въ сравненіи съ народонаселеніемъ, заставляетъ его, болѣе чѣмъ нужно, соприкасаться съ теченіемъ дѣлъ житейскихъ; оно входитъ въ семейства болѣе въ качествѣ знакомыхъ, нежели духовныхъ отцовъ. Уваженіе къ священному званію ничуть не страдаетъ отъ этого, но самая личность уже не внушаетъ духовнаго благоговѣнія. У народа, менѣе религіознаго, такія отношенія скоро породили бы ссоры [и даже скандалы], но у неаполитанцевъ, не вредя нимало ихъ вѣрѣ, [они только уменьшаютъ престижъ священнической рясы»] [1]). Впрочемъ, благородный виконтъ кончаетъ тѣмъ, что [все это—пустяки, и что] «никакимъ образомъ не должно вѣрить баснямъ относительно клира, вымышленнымъ людьми, которые желали бы уменьшить спасительное вліяніе духовенства на массы». Вотъ это [то намъ и нужно, это для насъ] главное. [Пусть] духовенство [будетъ и грубо, и небезукоризненно въ своемъ поведеніи, и необразованно; мы спорить не станемъ. Но оно] имѣетъ огромное вліяніе на массы — вотъ фактъ, котораго никто не отрицаетъ. Фактъ этотъ указывается уже самымъ количествомъ духовенства въ Неаполѣ. Аббатъ Мишонъ говоритъ, что количество духовныхъ считаютъ въ Неаполѣ равнымъ около трети всего мужскаго населенія. Эту цифру онъ считаетъ очень преувеличенною; но, чтобы дать понятіе о многочисленности клира, даетъ слѣдующую мѣрку: «однажды,— говоритъ онъ, — идя по улицѣ Толедо, я изъ любопытства вздумалъ считать священниковъ, которые мнѣ встрѣчались: въ теченіе получаса я насчиталъ ихъ 120, [и бросилъ считать»]. Ясно, что если даже не нравственнымъ вліяніемъ, то однимъ своимъ присутствіемъ духовенство должно составлять въ Неаполѣ значительную силу. Но и вліяніе его велико; объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ всего лучше люди, враждебные къ нему. Такъ, г. Теодоръ Вернъ пишетъ: «если законы въ Неаполѣ вообще мало оказываютъ вліянія на нравы, зато совершенно противное надо сказать о религіи, дѣйствующей различными средствами и на личность, и на семейство, и на цѣлое общество. Духъ католическій и клерикальный здѣсь господствуетъ и управляетъ, и на немъ-то лежитъ почти вся отвѣтственность за настоящее положеніе вещей. Онъ, въ теченіе вѣковъ, упорно работалъ надъ тѣмъ, чтобы понизить нравственный и умственный уровень народнаго характера. [Теперь онъ отказался, правда, отъ ужасныхъ мѣръ среднихъ вѣковъ: онъ не убиваетъ тѣла, но зато вынимаетъ изъ него душу» [2]).

Мы знаемъ, что̀ значатъ эти выраженія

---

[1]) очень недоволенъ, напримѣръ,
[2]) о цѣломудріи.
[3]) L'Italie pol. et rel., p. 110, 113.—*Прим. Д.*

[1]) Quelques mots de vér. s. Naples, p. 18. *Прим. Д.*
[2]) Naples et les Napol., p. 165. *Прим. Д.*

въ устахъ Верна, и изъ его словъ мы дѣлаемъ простое заключеніе, что вліяніе клира въ Неаполѣ — огромно, и что оно всегда было направлено къ тому, чтобы смирить кичливое недовольство, успокоить страсти и внушить народу послушаніе и самоотверженіе. Этого было бы довольно намъ для вывода, что церковь въ Неаполѣ [всегда была помощницею] [1]) законной власти [Бурбоновъ, а никакъ] не возбуждала народъ къ волненіямъ и недовольству. Но, чтобы окончательно разрушить всякое сомнѣніе по этой части, мы должны коснуться еще одного подозрѣнія, которое въ послѣдніе годы распространено было нѣкоторыми людьми насчетъ непріятностей, возникшихъ, будто бы, между Фердинандомъ II и святѣйшимъ отцомъ. Трудно было бы повѣрить этому, зная, какъ благочестивъ былъ король неаполитанскій, и какъ много дѣлалъ онъ для церкви. Извѣстно, [напр., что онъ назначилъ святого Игнатія Лойолу маршаломъ всей арміи и опредѣлилъ ему огромное жалованье, которое выплачивалось обществу іезуитовъ [2]). Извѣстно], что духовный отецъ Фердинанда, монсиньоръ Коклѣ, имѣлъ на него такое сильное вліяніе, [что его считали даже превышающимъ вліяніе начальника полиціи, Делькаретто]. Извѣстно, что король строго выполнялъ всѣ религіозные обряды; аккуратно являлся въ церковь, [когда должно было совершаться чудо съ кровью св. Дженнаро, просилъ о совершеніи этого чуда даже тогда, когда рѣшился освѣтить газомъ свою столицу [3]). Извѣстно, что по его желанію въ Римѣ, въ послѣдніе годы его жизни, наряжена была коммиссія о причисленіи къ лику святыхъ первой жены его, Маріи-Христины, умершей въ 1836 году [4])].

[1]) никогда не была противницею

[2]) L'Italie moderne p. Ch. Mazade, p. 270. *Прим. Д.*

[3]) Когда что-нибудь противное небесамъ совершится въ Неаполѣ, тогда чудо не дѣлается — кровь св. Дженнаро не растворяется. Вотъ почему, для успокоенія народа, боявшагося газоваго освѣщенія, должны были прибѣгнуть къ св. Дженнаро: чудо совершилось, и народъ успокоился, видя, что газъ не противенъ святому. Въ послѣднее время писали, что клерикальная партія хотѣла устроить, чтобы чудо не совершилось послѣ вступленія Гарибальди въ Неаполь; но Гарибальди устроилъ дѣло по-своему].—*Прим. Д.*

[4]) Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить нашимъ читателямъ назидательный разсказъ г. Жюля Гондона (De l'état des choses à Naples, p. 201—202) объ открытіи мощей королевы, 1853 г., 31 января, въ день годовщины ея смерти. «Гробъ, заключавшій останки ея, былъ открытъ, по нарочитому повелѣнію его святѣйшества, въ присутствіи кардинала-архіепископа неаполитанскаго, всѣхъ членовъ епископіи, придворнаго священника, папскаго нунція, шести придворныхъ особъ и другихъ лицъ, *трехъ первыхъ хирурговъ* столицы и двухъ придворныхъ дамъ, принявшихъ послѣдніе вздохи королевы. Гробъ былъ открытъ очень осторожно, и каково же было всеобщее изумленіе, когда тѣло было нетлѣннымъ, во всѣхъ своихъ членахъ, и мягкимъ, какъ у человѣка заснувшаго. У умершей поднимали руки, и пр., и онѣ безъ всякаго затрудненія принимали или прежнее свое положеніе, или всякое другое, какое хотѣли дать имъ. При этомъ не замѣчено въ тѣлѣ ни одного изъ признаковъ тлѣнія: зубы были всѣ на своемъ мѣстѣ, вѣки и рѣсницы не потерпѣли никакого измѣненія, зрачки остались полны блеска, волосы держались какъ при жизни! Замѣтна была только во всемъ тѣлѣ худоба и темный цвѣтъ кожи. Въ минуту раскрытія гроба всѣ присутствующіе ощутили благоуханіе. А между тѣмъ, передъ смертью тѣло королевы было все сожжено антоновымъ огнемъ, почернѣло и смердѣло такъ, что никто не могъ выносить запаха, и въ теченіе трехъ дней должны были держать окна открытыми. Не нужно забывать и того, что такъ какъ королева не хотѣла, чтобы ея тѣло анатомировали, то при бальзамированіи внутренности изъ нея не были вынуты.— По окончаніи различныхъ испытаній, произнесли торжественную клятву надъ святымъ евангеліемъ и, написавъ на пергаментѣ протоколъ событія, положили его въ вазѣ къ ногамъ трупа; потомъ запечатали гробъ двѣнадцатью печатями и опустили въ мраморную гробницу, заранѣе для того приготовленную въ такомъ мѣстѣ церкви, гдѣ всякій можетъ удобно приближаться къ ней. Несмѣтныя толпы приходятъ на поклоненіе къ гробницѣ той, которая при жизни была обожаема своими подданными. Состояніе, въ какомъ найдено ея тѣло, служитъ залогомъ, что послѣ своей смерти она будетъ расточать благодѣянія еще болѣе многочисленныя и великія, нежели какія разливала во время своего странствованія въ семъ мірѣ. Уже разсказывали многія чудеса!.. О, могущество милосердія Божія, воздвигающаго святыхъ на всѣхъ степеняхъ и во всѣхъ состояніяхъ!..»]—*Прим. Д.*

Все это уже свидѣтельствуетъ въ пользу полнѣйшаго согласія бурбонскаго правительства съ папскимъ. Но, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было между ними маленькое недоразумѣніе по поводу іезуитовъ. Враги порядка и добраго согласія хотѣли воспользоваться этимъ, чтобы прокричать о несогласіяхъ между Римомъ и Неаполемъ. Но вотъ что говоритъ по этому поводу благочестивый Жюль Гондонъ. «Будьте увѣрены, что чувства короля въ отношеніи къ сынамъ св. Игнатія совершенно таковы же, какъ и самой церкви, и доказательствомъ этому служитъ неограниченное довѣріе, которымъ пользуются члены этого [славнаго] общества во всемъ королевствѣ. Свобода дѣйствій, предоставленная іезуитамъ, не имѣетъ предѣловъ; можно сказать, что имъ ввѣрилъ король воспитаніе всѣхъ классовъ общества. Недавно поручено имъ было управленіе церковною школою, куда приходили отличнѣйшіе члены клира изъ разныхъ діоцезовъ; они и теперь воспитываютъ дѣтей аристократовъ, въ благородныхъ коллегіумахъ, и дѣтей средняго класса, въ лицеяхъ; они

имѣютъ своихъ профессоровъ въ военной школѣ; духовное направленіе арміи поручено ихъ усердію; тюрьмы отданы въ ихъ полное распоряженіе; госпитали открыты для ихъ отеческихъ попеченій. Такимъ образомъ, за исключеніемъ нормальной церковной школы, іезуиты управляютъ всѣми учрежденіями, и непріятности, происшедшія недавно и направленныя болѣе противъ нѣкоторыхъ личностей, хотя и опечаливаютъ всѣ католическія сердца, но не должны подавать повода къ сомнѣніямъ въ продолженіи наилучшихъ отношеній между королемъ и святѣйшимъ отцомъ» [1]).

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ рѣшительному заключенію, что одна изъ самыхъ важныхъ силъ, управляющихъ жизнью народа, религія — была въ Неаполѣ постоянно въ союзѣ съ королевской властью, и что служители религіи, имѣя огромное вліяніе, располагали народъ не къ нововведеніямъ и самовольству, а къ послушанію, самоотверженію и сохраненію утвержденныхъ порядковъ и обычаевъ. Консерватизмъ религіозный неразлучно связывался съ консерватизмомъ политическимъ.

III.

Теперь перейдемъ къ другой силѣ—воспитанію. Мы знаемъ, что идеи, внушаемыя въ первые годы ученья, очень глубоко западаютъ въ душу, и что отъ направленія общественнаго воспитанія въ данный періодъ много зависитъ политическое состояніе народа и государства, иногда въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Въ Неаполѣ и эта сторона представляется намъ въ самомъ удовлетворительномъ видѣ. Нѣсколькими строками выше, изъ свидѣтельства г. Гондона мы узнали, что воспитаніе всѣхъ классовъ общества въ Неаполѣ ввѣрено было іезуитамъ. Этого уже довольно, чтобы не подозрѣвать въ неаполитанскомъ воспитаніи даже и тѣни какого-нибудь либерализма. Стоитъ вспомнить нападки на іезуитовъ, хоть, напр., во Франціи, въ 1844 и 1845 годахъ. Тогда гг. Мишле и Кине читали публичныя лекціи о зловредности іезуитовъ, и вся сущность обвиненій, направленныхъ этими либералами противъ почтеннаго ордена, состояла въ томъ, что «іезуиты задерживаютъ дѣло свободы, іезуиты препятствуютъ успѣху новыхъ идей, іезуиты составляютъ контръреволюцію». Понятно, слѣдовательно, въ какомъ направленіи должно было совершаться, подъ ихъ руководствомъ, воспитаніе неаполитанскаго народа! Недаромъ Гарибальди, какъ только овладѣлъ королевствомъ, такъ и выгналъ ихъ — и изъ Сициліи, и изъ Неаполя — и даже конфисковалъ ихъ имѣнія. Понятно, что для революціонеровъ это были самые опасные люди.

Чтобы не останавливаться на простыхъ соображеніяхъ a priori, мы, однако, и здѣсь приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ и фактовъ. Вотъ слова Монтанелли, изъ которыхъ видно, что дѣйствіе воспитанія систематически было направляемо къ цѣлямъ, сообразно съ волею правительства, и что въ этомъ случаѣ само духовенство, при всемъ просторѣ своихъ дѣйствій, было подвержено строгому контролю. «Независимо отъ своихъ прямыхъ средствъ, которыми католическое духовенство сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы, оно владѣло въ Неаполѣ еще средствами особыми, данными ему прямо отъ правительства, и между прочимъ — неограниченной властью въ дѣлѣ народнаго образованія. Изъ четырехъ университетовъ,—въ Неаполѣ, Палермо, Мессинѣ и Катанѣ, — только въ одномъ послѣднемъ начальникъ не былъ духовный. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были заведены школы, утверждался комитетъ изъ четырехъ священниковъ и полицейскаго коммиссара для наблюденія за воспитанниками. Комитетъ этотъ давалъ позволеніе вступить въ школу только тѣмъ, которые предварительно приписывались къ какому-нибудь религіозному обществу. Лицеи, семинаріи, коллегіумы и всѣ вообще учебныя заведенія были въ рукахъ іезуитовъ. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ считалось (въ началѣ царствованія Фердинанда) болѣе 60.000 духовныхъ, въ томъ числѣ 30.000 монаховъ. Правительство заботилось, чтобы начальники этой арміи — архіепископы, епископы, приходскіе священники, настоятели монастырей, игумены— избираемы были изъ самыхъ раболѣпныхъ и низкихъ, для того, чтобъ всякій священникъ или монахъ, сохранившій подъ полукафтаньемъ или клобукомъ чувства гражданина (а въ такихъ тоже не было недостатка у неаполитанской демократіи), были подвержены строгой инквизиціи въ своей же кастѣ» [1]).

Но, не довольствуясь усердіемъ іезуитовъ, бурбонское правительство чрезвычайно тщательно слѣдило само за всѣмъ, что могло казаться подозрительнымъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Такъ, напримѣръ, университетъ неаполитанскій, котораго профессора въ прежнее время особенно славились и имѣли вліяніе на молодежь,

[1]) Jules Gondon, De l'état des choses à Naples, p. 198. *Прим. Д.*

[1]) Montanelli, Mémoires sur l'Italie, Paris, 1857, t. II p. 80. *Прим. Д.*

былъ постоянно стѣсняемъ очень суровымъ контролемъ. Въ 1848 году многіе изъ профессоровъ принуждены были удалиться или брошены въ тюрьму, и съ тѣхъ поръ университетъ начинаетъ падать. Лучшіе изъ профессоровъ, успѣвшіе избѣжать тюрьмы и ссылки, поселились въ Туринѣ, въ Парижѣ, и тамъ читали лекціи. Оставшіеся были такъ стѣснены и матеріально, и нравственно, что не могли высказывать и того немногаго, что̀ имѣли на душѣ. Несмотря на то, увеличеніе студентовъ въ университетѣ показалось Фердинанду опаснымъ признакомъ умничанья молодежи, и потому, въ 1854 году, изданъ былъ указъ, запрещающій поступать въ неаполитанскій университетъ молодымъ людямъ, кромѣ только тѣхъ, которые по происхожденію принадлежали къ провинціи Неаполитанской или Лабурской. Въ другихъ провинціяхъ предполагались *академіи* для молодыхъ людей, и указъ редижированъ былъ въ смыслѣ заботливости правительства о семейной нравственности и экономіи: мѣстныя академіи назначены были къ тому, чтобы предохранить семейства отъ напрасныхъ тратъ, а молодежь— отъ нравственныхъ опасностей, неизбѣжно грозящихъ юношѣ, оставляющему родительскій кровъ. Само собою разумѣется при этомъ, что провинціальныя академіи никакимъ образомъ не могли равняться съ неаполитанскимъ университетомъ въ размѣрахъ и достоинствѣ своихъ курсовъ.

Что касается до самыхъ университетовъ, то программы и правила ихъ всегда были очень хорошо составлены и давали широкую свободу преподаванію. Но это вовсе не значило, чтобы правительство отвращало отъ нихъ свое бдительное око. Напротивъ, оно зорко слѣдило за всѣмъ, что̀ дѣлалось въ университетахъ, и при первомъ подозрѣніи принимало благоразумныя мѣры. Монтанелли говоритъ о двухъ профессорахъ неаполитанскаго университета, Саличетти и Саварезе, которыхъ оставляли на ихъ каѳедрахъ съ тѣмъ только, чтобы они не читали своихъ курсовъ [1]). Вообще, открытіе каждаго курса должно было сначала получить разрѣшеніе правительства, черезъ посредство полиціи. Случилось такъ, что позволеніе давалось, но потомъ, послѣ новыхъ соображеній, отмѣнялось наканунѣ открытія курсовъ. Г. Вернъ разсказываетъ такой случай объ одномъ профессорѣ права, человѣкѣ самаго скромнаго характера и извѣстномъ преданностью королю; единственная причина запрещенія его курса состояла въ томъ, что его чтенія могли возбудить толки о разныхъ формахъ правленія и о правительственныхъ мѣрахъ [1]). Впрочемъ, иногда даже и этихъ соображеній не нужно было, чтобы затруднять курсы: такъ, по свидѣтельству Монтанелли, полиція вмѣшивалась даже въ курсы физики Меллони [2]). Только изученіе древнихъ языковъ поощрялось необыкновенно, разумѣется, исключительно съ филологической точки. Чтеніе древнихъ писателей, въ родѣ Аристофана, Демосѳена, Тацита и проч., было даже запрещено, но многіе годы усиленнаго труда употребляемы были для изученія всѣхъ лингвистическихъ трудностей и филологическихъ тонкостей. Кончалось тѣмъ, что молодые люди, отлично выучивши всѣ грамматики и половину лексиконовъ греческихъ и латинскихъ, получали отвращеніе къ чтенію древнихъ писателей и употребляли свое знаніе лишь на сочиненіе казенныхъ разсужденій на заданныя темы. Но нельзя не сознаться, что занятіе древними языками много спасало ихъ отъ вольнодумныхъ разсужденій о настоящемъ порядкѣ вещей и отъ опасныхъ мечтаній о будущемъ.

Кромѣ прямыхъ запрещеній, дѣйствовали на ходъ образованія и мѣры посредственныя, состоявшія, напримѣръ, въ томъ, что послушаніе и хорошее поведеніе награждались вниманіемъ и поощреніемъ предпочтительно предъ всѣмъ остальнымъ. И это примѣнялось не только къ личностямъ, но даже къ цѣлымъ заведеніямъ. Такъ, напримѣръ, музыкальная консерваторія въ Неаполѣ постоянно пользовалась нерасположеніемъ Фердинанда и лишена была всякой правительственной поддержки въ послѣднее время, за неблаговидное поведеніе ея воспитанниковъ въ 1848 году. Двое отличнѣйшихъ итальянскихъ астрономовъ, Нобиле и Капоччи, одинъ за другимъ бывшіе директорами обсерваторіи Capo di-Monte, оба были отставлены за либеральныя идеи. Профессора сицилійскихъ университетовъ получали за свои уроки плату, составлявшую содержаніе по 2½ франка (около 60 коп.) въ день,—это почти равнялось жалованью швейцарскихъ солдатъ и жандармовъ въ Неаполѣ [3]). Указываютъ также не одинъ примѣръ, что ученые или профессора, не получая никакихъ пособій отъ правительства и имѣя весьма скудное содержаніе, разорялись на научные опыты и принуждены были отказываться отъ своихъ занятій. Даже въ отношеніи къ прошедшему было то же самое. Въ Бурбонскомъ музеѣ никогда не хотѣли позаботиться о пріобрѣ-

[1]) Mont. Mém. s. l'Italie, t. II, p. 110. *Прим. Д.*

[1]) Naples et les Napol., p. 60. *Прим. Д.*

[2]) Mont. Mém. s. l'Italie, p. 82. *Прим. Д.*

[3]) Hist. de l'Italie, p. J. Ricciardi, p. 69. *Прим. Д.*

тенiи картинъ Сальватора Розы, хотя это былъ лучшiй изъ художниковъ, рожденныхъ въ Неаполѣ, но его политическiя убѣжденiя были не хороши, и потому картины его считались, даже и по прошествiи двухъ столѣтiй, недостойными Бурбонскаго музея...

По этимъ даннымъ нетрудно составить себѣ понятiе о томъ, до какой степени могло возмущать неаполитанскихъ юношей направленiе, вредное правительству. Ясно, что ему прокрасться не было почти никакой возможности. Но мы знаемъ еще болѣе: мы имѣемъ въ рукахъ подлинное указанiе на то, какъ священники и iезуиты старались проводить направленiе, сообразное съ видами правительства. Въ письмахъ Гладстона цитирована одна книга, сочиненная для употребленiя въ школахъ въ Неаполѣ. Тамъ, между прочимъ, есть наставленiя и объ отношенiи подданныхъ къ правительству. Гладстонъ, въ качествѣ англичанина, думаетъ, что наставленiя эти ужасны и неимовѣрны, и потому опасается даже, чтобъ его цитацiи не заподозрили въ невѣрности и преувеличенiи. Оттого онъ съ забавной подробностью и описываетъ удивительную для него книгу и приводитъ полное ея заглавiе. Вотъ оно: «Catechismo philosofico per uso delle scuole inferiori. Napoli, presso Raffaele Mirondo. 1850». Въ другомъ изданiи, катехизисъ этотъ составляетъ, по словамъ Гладстона, часть коллекцiи, называемой: «Collezione di buoni libri a favore della veritá e della virtù». Имени автора на ней нѣтъ, но приписывали ее канонику Аппуцци, бывшему во главѣ комитета народнаго просвѣщенiя. Катехизисъ этотъ имѣетъ латинскiй эпиграфъ: «videte, ne quis vos decipiat per philosophiam» (смотрите, чтобы кто-нибудь не обманулъ васъ философiей), и посвященъ «государямъ, епископамъ, начальникамъ, наставникамъ юношества и всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ». Въ предисловiи авторъ говоритъ, что «правительство желаетъ ввести во всѣ школы преподаванiе практической философiи по этой книгѣ, и что за преподавателями постоянно будутъ невидимо слѣдить, точно ли они исполняютъ свои обязанности относительно внушенiя юношамъ здравыхъ понятiй, заключающихся въ катехизисѣ» и пр. и пр. [1]).

Все это Гладстонъ приводитъ за тѣмъ, чтобы внушить болѣе ужаса къ режиму, при которомъ могутъ быть въ ходу такiя книги. Но мы, зная «Катехизисъ» только по его цитатамъ, вовсе не находимъ его такъ безнравственнымъ и потому не намѣрены приходить отъ него въ ужасъ. Мы приводимъ его цитаты единственно за тѣмъ, что онѣ показываютъ, какъ усердно и основательно съ самыхъ малыхъ лѣтъ внушались подданнымъ Фердинанда и Франциска начала долга и повиновенiя законной власти.

«Катехизисъ» написанъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, по обыкновенной манерѣ катехизисовъ. Но напрасно было бы искать въ немъ какого-нибудь сходства съ тѣми катехизисами, какiе мы знаемъ, и по которымъ каждый изъ насъ учился. У насъ обыкновенно учитель спрашиваетъ, а ученикъ отвѣчаетъ; здѣсь же совершенно наоборотъ—учитель отвѣчаетъ на вопросы ученика. Такимъ образомъ книга, цитируемая Гладстономъ, не представляетъ ни малѣйшаго подобiя съ обычными катехизисами, употребляемыми въ нашихъ школахъ. Учитель объясняетъ ученику, между прочимъ, значенiе королевской власти, говоря, что власть эта не только божественнаго происхожденiя, но, сверхъ того, по самой своей сущности, должна быть неограниченна. Ученикъ спрашиваетъ:

«— А можетъ ли самъ народъ установить основные законы въ государствѣ?

«— Нѣтъ, отвѣчаетъ учитель;—потому что конституцiя или основные законы необходимо составили бы ограниченiе верховной власти. А эта власть не можетъ подчиняться никакой мѣрѣ, никакому предѣлу, развѣ только по собственному желанiю государя: иначе она и не была бы властью верховною и высшею, учрежденною самимъ Богомъ для блага обществъ.

«Ученикъ. А если народъ, избирая государя, предложитъ ему извѣстныя условiя и ограниченiя, могутъ ли они составлять конституцiю или основные законы для государства?

«Учитель. Да, если только государь *самъ свободно* ихъ принялъ и утвердилъ. Въ противномъ случаѣ,—нѣтъ, потому что народъ созданъ для того, чтобы повиноваться, а не приказывать, и, слѣдовательно, не можетъ предписывать законовъ властителю, который власть свою получаетъ не отъ народа, а отъ Бога.

«Ученикъ. Предполагая, что владѣтель, принимая управленiе государствомъ, принялъ и утвердилъ конституцiю и обѣщалъ или поклялся хранить ее—обязанъ ли онъ содержать свое обѣщанiе и соблюдать эту конституцiю или основные законы?

«Учитель. Да, если только это не разрушаетъ основанiй верховной власти и не противно общимъ интересамъ государства.

«Ученикъ. Почему же вы находите, что государь не обязанъ соблюдать конституцiю, какъ скоро она посягаетъ на права его верховной власти?

«Учитель. Мы уже рѣшили, что верхов-

[1]) Two letters to the Earl of Aberdeen, on the State Prosecutions of the Neapolitan government., стр. 50, 51 и сл. *Прим. Д.*

ная власть есть высочайшая и неограниченная, установленная Богомъ для блага общества, и эта власть, ниспосланная отъ Бога, какъ необходимая, должна быть сохраняема ненарушимо и неприкосновенно; она не можетъ быть органичена или уменьшена человѣкомъ, безъ противленія законамъ природы и божественной волѣ. Поэтому, во всѣхъ случаяхъ, когда народъ захочетъ постановить правила, ограничивающія верховную власть, и когда государь обѣщаетъ соблюдать эти правила,—подобная претензія народа есть нелѣпость, и обѣщаніе недѣйствительно, и государь вовсе не обязанъ сохранять конституцію, которая противна велѣніямъ Божіимъ; напротивъ, онъ обязанъ сохранять вполнѣ и ненарушимо верховную власть, отъ Бога установленную и отъ Бога ему ввѣренную.

«Ученикъ. Кому же принадлежитъ право рѣшать, нарушаетъ ли конституція права верховной власти, и противна ли она благу народа?

«Учитель. Это дѣло самого властителя, потому что въ немъ обитаетъ высшая и абсолютная власть, установленная Богомъ въ государствѣ, для сохраненія въ немъ добраго порядка и благосостоянія.

«Ученикъ. Нѣтъ ли опасности, что властелинъ можетъ нарушить конституцію безъ законной причины, введенный въ заблужденіе или увлеченный страстью?

«Учитель. Ошибки и страсти—это болѣзни человѣческаго рода; но благо здоровья не слѣдуетъ отвергать изъ опасенія болѣзни.

«Ученикъ. Почему же вы полагаете, что государь можетъ нарушить конституцію, если находитъ ее противною интересамъ государства?

«Учитель. Богъ ввѣрилъ властителямъ верховную власть для того, чтобъ они устраивали благо общества; въ этомъ, значитъ, и состоитъ первая обязанность государства. Поэтому, если данная конституція или основной законъ оказываются вредны, то они теряютъ свою обязательную силу для государства. Предположите, что докторъ обѣщался и поклялся больному, что онъ ему пуститъ кровь, а потомъ убѣдился, что кровопусканіе будетъ гибельно больному; ясно, что онъ долженъ преступить свою клятву, потому что выше всѣхъ клятвъ и обѣщаній для медика стоитъ обязанность заботиться объ излѣченіи больного. Такъ точно и для государя высшая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о благѣ своихъ подданныхъ: никакая клятва не можетъ обязывать человѣка дѣлать зло, и, слѣдовательно, никакой клятвой властитель не можетъ быть принужденъ дѣлать то, что онъ признаетъ вреднымъ для своихъ подданныхъ. Сверхъ того, наконецъ, глава католической церкви имѣетъ дарованное ему отъ Бога право разрѣшать совѣсть отъ данной клятвы, когда онъ находитъ для того достаточныя основанія».

Какъ протестантъ, Гладстонъ возмущается послѣднимъ пунктомъ; какъ англичанинъ,—онъ считаетъ «безнравственными и отвратительными» всѣ понятія, внушаемыя ученику искуснымъ учителемъ. Гладстонъ такъ крѣпокъ въ противныхъ убѣжденіяхъ, что не считаетъ нужнымъ даже доказывать своей мысли о «вредѣ и низости» принциповъ «Философскаго Катехизиса». Но нашлись благоразумные люди, которые сказали: «да что же тутъ безнравственнаго? Это очень справедливо, это превосходно! Честь и слава клиру неаполитанскому, бодрствующему надъ спасеніемъ душъ и охраненіемъ порядка общественнаго! Слава и мудрому правительству, такимъ образомъ споспѣшествующему вѣчной истинѣ проникать въ сознаніе народа», и пр. [1]). Мы, съ своей стороны, не имѣемъ надобности распространяться предъ нашими читателями о томъ, что не можемъ выразить согласія съ понятіями Гладстона и должны скорѣе принять мнѣнія г. Гондона, нежели его. Если что мы можемъ не одобрить въ «Катехизисѣ», такъ это одно — излишнее распространеніе съ юношами о такихъ вещахъ, которыя не относятся къ ихъ прямому назначенію и которыя должны быть ими приняты безпрекословно, безъ всякихъ разсужденій. Юноша, принадлежащій къ неаполитанскому обществу, долженъ былъ знать, безъ всякихъ катехизисовъ, что въ Неаполѣ царствуютъ Бурбоны, и что они должны издавать законы, отмѣнять или улучшать ихъ, а онъ долженъ только повиноваться всѣмъ распоряженіямъ власти. Стараясь ему доказывать это, «Катехизисъ» могъ внушить ему кичливое мнѣніе, будто онъ можетъ всегда требовать резоновъ для своего послушанія и разсуждать о томъ, согласна ли, наконецъ, власть Бурбоновъ съ самимъ Божественнымъ правомъ! Это ужъ было бы очень дурно. Но мы находимъ извиненіе для автора «Катехизиса» въ обстоятельствахъ, при которыхъ была написана его книга: это было въ 1850 году, когда революція только что еще укрощалась въ Неаполѣ, когда противъ короля повсюду слышались обвиненія, что онъ измѣнилъ конституціи, которой присягалъ торжественно, и пр. Въ виду такихъ толковъ и въ надеждѣ на силу своего убѣжденія, каноникъ Аппуцци и

[1]) Jules Gondon. Terreur à Naples, p. 156. *Прим. Д.*

рѣшился поставить вопросъ довольно прямо. По нашему мнѣнію, его «Катехизисъ» весьма хорошо приспособленъ для своей цѣли, тѣмъ болѣе, что къ этой цѣли, какъ мы видѣли, вело и все остальное въ воспитаніи неаполитанскаго юношества.

Такимъ образомъ, вторая сила, образующая общества и опредѣляющая ихъ характеръ, вовсе не была направлена въ Неаполѣ къ возбужденію умовъ противъ правительства Бурбоновъ, а, напротивъ, всячески содѣйствовала его укрѣпленію.

Собственно говоря, этого и довольно было для полнаго убѣжденія, что все неаполитанское общество и народъ были направляемы наилучшимъ образомъ, въ смыслѣ постоянной покорности и сохраненія власти Бурбоновъ. Три остальныя явленія, названныя нами выше,—литература, общественныя собранія и тайныя общества,—составляютъ уже не болѣе, какъ частности, далеко не имѣющія надъ умами такой силы, какъ религія и воспитаніе. Но весьма много есть людей, придающихъ имъ преувеличенное значеніе и даже имъ однимъ приписывающихъ часто не только народныя волненія, но и всякаго рода неприличности. Недавно, напримѣръ, въ Парижѣ полиція закрыла балы въ залѣ Бартелеми, гдѣ канканировали ужъ слишкомъ откровенно: одинъ изъ ультрамонтанскихъ журналовъ вошелъ по этому поводу въ нравственныя разсужденія, которыхъ смыслъ былъ тотъ: вотъ что значитъ читать дурные журналы, въ родѣ «Siècle» и «Opinion Nationale», отвергающіе и свѣтскую власть папы, и все святое!.. Мы помнимъ также инспектора одного учебнаго заведенія, гдѣ мы воспитывались,—который, поймавши воспитанниковъ съ папироскою, входилъ въ страшный азартъ и принимался увѣрять, что все это вліяніе Гоголя и натуральной школы!.. Для подобныхъ людей необходимо разсмотрѣть и то, не подкапывался ли тронъ Бурбоновъ посредствомъ литературы и прочихъ второстепенныхъ средствъ.

Относительно литературы, читатели знаютъ, конечно, наше мнѣніе. Не разъ говорили мы, что признаемъ ея значеніе только въ смыслѣ разъясненія вопросовъ, которые уже задаетъ себѣ само общество, а никакъ не въ смыслѣ созданія новыхъ стремленій и элементовъ общественной жизни, независимо отъ самыхъ жизненныхъ фактовъ. Въ прошломъ году мы даже успѣли возбудить противъ себя негодованіе многихъ почтенныхъ литераторовъ, рѣшившись приложить эту мысль къ русской литературѣ [1]). Можетъ быть, мы и заслужили тогда это негодованіе, потому что, говоря о предметѣ, столь близкомъ для всѣхъ насъ, какъ родная литература, естественно не могли высказывать сужденій вполнѣ опредѣленныхъ и рѣшительныхъ, и чрезъ то давали поводъ толковать наши слова въ противность ихъ истинному смыслу. Но, тѣмъ не менѣе, мы не отказываемся отъ своихъ словъ, ни въ отношеніи къ русской, и ни къ какой другой литературѣ, и всего менѣе къ неаполитанской, которая, какъ увидимъ, находилась при Бурбонахъ въ положеніи почти исключительномъ, о которомъ,—надо полагать,—читатели наши не имѣютъ ни малѣйшаго понятія.

Есть положенія, въ которыхъ литература, журналистика—замѣняютъ школы и лекціи и служатъ къ образованію взглядовъ и стремленій молодого поколѣнія. Это тогда, когда воспитаніе школьное слишкомъ уже мертво, слишкомъ противно естественнымъ требованіямъ мысли, когда оно стремится не развивать, а убивать духъ, и внушаетъ такія начала, которыхъ нелѣпость чувствуется даже ребенкомъ. Тогда школы падаютъ въ общемъ мнѣніи, наставленія учителей презираются, и школьники, подсмѣиваясь надъ своими уроками, бѣгутъ искать истины и удовлетворять свою любознательность въ постороннемъ источникѣ. Образъ мыслей молодежи складывается уже не по урокамъ въ школѣ, а по прочитаннымъ книжкамъ...

«Ну, вотъ въ этомъ-то положеніи и находилось неаполитанское общество при Бурбонахъ», восклицаютъ либеральные господа, подобные Шарлю Мазаду, Теодору Верну, и пр. «Оттого-то литература и важна была въ Неаполѣ, что въ ней одной могли искать истины и здраваго смысла молодые люди, убиваемые въ школахъ наставленіями въ родѣ силлогизмовъ «Философскаго Катехизиса». — Не станемъ спорить съ горячими противниками бурбонской системы; положимъ, что «Философскій Катехизисъ» и сообразное съ нимъ воспитаніе казались неаполитанскимъ отрокамъ отвратительными въ той же мѣрѣ, какъ самому Гладстону. Этого не могло быть, но предположимъ, что такъ; предположимъ, что вслѣдствіе этого молодые люди искали иныхъ воззрѣній, иныхъ понятій о литературѣ. Что же могли они находить въ ней?

Что ничего противнаго власти и общественному порядку не могла давать юношамъ литература въ Неаполѣ, за это ручается намъ учрежденіе, спеціально назначавшееся тамъ для наблюденія за печатью и весьма строго исполнявшее свои обязанности — цензура. Нужно быть слишкомъ наивнымъ, чтобы предполагать, что бурбон-

[1]) Въ статьѣ «Литературныя мелочи». *Прим. Д.*

ское правительство могло допускать что-нибудь противное его желаніямъ и интересамъ въ книгахъ и журналахъ, издававшихся не иначе, какъ съ одобренія назначенной имъ цензуры. То же надо сказать и объ иностранныхъ книгахъ: для нихъ существовалъ строгій таможенный осмотръ, и запрещенныя книги въ Неаполѣ составляли одну изъ самыхъ трудныхъ и опасныхъ отраслей контрабанды. Прибавимъ, что цензура книгъ поручена была іезуитамъ, которые, какъ извѣстно, особенно искусны проникать всѣ ухищренія разума и разрушать ихъ. Что они показывали даже слишкомъ много усердія, на это жалуются сами защитники бурбонской системы. Такъ, виконтъ Лемерсье пишетъ: «Порученіе іезуитамъ цензуры было ошибкою, потому что если они лучше всякаго могутъ оцѣнить нападки на религію, за то, не зная жизни общественной, часто считаютъ вредными такія книги, которыя не только нимало не опасны, но еще въ извѣстныхъ отношеніяхъ могли бы принести пользу людямъ, живущимъ въ обществѣ» [1]). Въ этой жалобѣ виконта виденъ, конечно, остатокъ того французскаго либерализма, въ которомъ онъ сознается и извиняется въ посвященіи своей книги; но изъ нея же видно, въ какой степени строго было цензурное наблюденіе іезуитовъ, соединенное съ контролемъ полиціи. То же видно и изъ горячихъ отзывовъ всѣхъ либераловъ, которые естественно не могли быть довольны тѣмъ, что въ Неаполѣ нельзя имъ печатать всего, что̀ вздумается. Жалобы неаполитанцевъ на цензуру сообщены были, разумѣется, французскимъ путешественникамъ, посѣщавшимъ страну, а тѣ разнесли по всему свѣту множество анекдотовъ и горькихъ выходокъ относительно положенія литературы въ Неаполѣ. Разсуждая благоразумно и спокойно, мы находимъ, что все это въ сущности вздоръ, что жалобы были напрасны, и что правительство Бурбоновъ въ своихъ видахъ поступало очень основательно. Ему нужно было утвердить народъ въ довѣріи и послушаніи, а писатели хотѣли критиковать мѣры правительства, и вообще пріучать народъ къ разсужденію объ общественныхъ дѣлахъ. Очевидно, что правительство Бурбоновъ должно было устранять изъ литературы все, что̀ ему казалось противнымъ его интересамъ. При этомъ случались, конечно, ошибки, иногда отъ излишней предусмотрительности, иногда по какимъ-нибудь частнымъ отношеніямъ: считалось опаснымъ то, чего никакъ нельзя было заподозрить во враждебности государственному порядку; запрещались фразы, имена, упоминанія о фактахъ, всѣмъ извѣстныхъ, и т. п. Но какое же учрежденіе человѣческое можетъ похвалиться совершенствомъ? Дѣйствительно, были недостатки и въ неаполитанской цензурѣ, но были они какъ въ ту, такъ и въ другую сторону: запрещались часто книги безвредныя, зато иногда пропускались (хотя и рѣдко) вещи довольно смѣлыя. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ жалобъ и анекдотовъ, распространенныхъ въ Европѣ про неаполитанскую цензуру, мы не выводимъ ничего для нея предосудительнаго. Но намъ нуженъ фактъ, нужно подтвержденіе факта, для того, чтобы безпристрастно повѣрить, въ какой мѣрѣ литература въ Неаполѣ могла возбуждать умы къ возстанію противъ законнаго порядка. Мы находимъ, что вовсе не могла, и для подтвержденія нашего мнѣнія приведемъ свидѣтельства разныхъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ. Ожесточеніе либераловъ, хотя и непріятное по ихъ тону, тѣмъ не менѣе можетъ служить намъ наилучшимъ ручательствомъ въ бдительности и строгости, съ которою неаполитанская цензура исполняла свою обязанность. Надѣемся, что читатель самъ пойметъ, какъ ему слѣдуетъ цѣнить и понимать горячія выходки либераловъ, и потому приводимъ ихъ, не смягчая ихъ тона.

«Эта страна, гдѣ мысль подчинена цензурѣ, естественно обречена на молчаніе,—провозглашаетъ аббатъ Мишонъ.—Кто захочетъ подвергаться изувѣченью отъ пристрастнаго или глупаго цензора? Больше,—кто осмѣлится писать, зная, что одна фраза, одинъ намекъ, одно слово могутъ быть гибельны? Я никогда не предполагалъ, чтобы цензурная суровость доходила до такой степени въ Неаполѣ. Мнѣ было извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторые труды по естественной исторіи были изданы въ Палермо; но въ Неаполѣ ихъ невозможно было найти. Я напрасно искалъ даже путеводителей и нѣкоторыхъ сочиненій о Святой Землѣ... Книгъ мало пишется въ Неаполѣ, какъ мало читается. Если заходятъ сюда книги, то онѣ прячутся на полкахъ библіотекъ и никогда не обращаются въ книжной торговлѣ. Жалко видѣть на выставкахъ въ книжныхъ лавкахъ, что это за литература, которой дозволено свободное обращеніе въ публикѣ... И это вовсе не значитъ, что неаполитанскій умъ лишенъ самобытности и огня: нѣтъ, его убиваетъ гнетъ; это свѣтильникъ, гаснущій подъ спудомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ лучшихъ, свободныхъ стремленій неаполитанскихъ образованныхъ классовъ надо замѣтить стремленіе—получить право выражать свои мысли о всѣхъ вопросахъ,

[1]) Quelques mots de vérité sur Naples, 17. *Прим. Д.*

интересующихъ человѣчество. Этотъ народъ, униженный своимъ правительствомъ до степени скотовъ, въ отношеніи къ философскому и литературному движенію человѣчества, тяжко страдаетъ отъ этого униженія. Это — бѣдное дитя, неимѣющее возможности развить своихъ способностей ученьемъ и съ грустью взирающее на дѣтей богатыхъ, имѣющихъ всѣ способы учиться» [1]).

Оставляя въ сторонѣ желчныя выходки аббата, мы находимъ въ его отзывѣ полнѣйшее подтвержденіе того, что со стороны литературы бурбонское правительство было вполнѣ обезпечено. О его заботливости въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, упоминаемый не безъ горечи въ «Запискахъ» Монтанелли, что іезуитская цензура все еще казалась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не вполнѣ предусмотрительною, и потому впослѣдствіи отдана была въ непосредственное вѣдѣніе Делькаррето, бывшаго начальника жандармовъ и потомъ министра полиціи [2]).

Подобныя распоряженія приводили въ отчаяніе либераловъ. Безплодная ярость ихъ передана была въ ядовитыхъ выходкахъ французскихъ и англійскихъ журналовъ и въ замѣткахъ туристовъ. Иногда они доходили до большого неприличія въ тонѣ, но именно при этомъ-то и высказывалось наиболѣе искренно все безсиліе оппозиціонной и либеральной литературы въ Неаполѣ, вся ничтожность писателей, желавшихъ что-нибудь непозволительное провести черезъ эту цензуру. Они только осуждали себя на напрасныя муки и принуждены были искажать свою мысль, такъ что она всегда выходила ни то, ни се, и лишалась даже достоинства строгой логичности. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ одинъ изъ французовъ, довольно серьезно познакомившійся съ Италіей,—Маркъ Монье:

«Никогда и нигдѣ человѣческая мысль не была жертвою деспотизма болѣе произвольнаго и дѣтски-мелочнаго, не угнеталась и не терзалась съ большимъ невѣжествомъ и упорствомъ, какъ въ Неаполѣ, особенно передъ 1848 годомъ и послѣ того.

«Всякій журналъ, книга, газета, всякій листокъ печатной бумаги подверженъ былъ предварительному просмотру и исправленіямъ цензора. Такимъ образомъ, онъ читалъ около 40 газетъ и журналовъ, издававшихся въ Неаполѣ, и все, что печаталось отдѣльными книгами. Онъ изнемогалъ подъ тяжестью этой работы, подобной работѣ школьнаго учителя и вмѣстѣ мудраго Ментора литературы, и за это былъ награждаемъ всеобщимъ презрѣніемъ.

«Я, впрочемъ, ошибаюсь, говоря объ одномъ цензорѣ; ихъ два въ Неаполѣ: одинъ духовный, другой—отъ полиціи; первый ловитъ контрабанду вольнодумства религіознаго, второй стоитъ на стражѣ, чтобы не пропустить въ печать идей или фразъ, противныхъ такъ-называемому общественному порядку.

«Положеніе писателя, имѣющаго что-нибудь сказать и видящаго надъ собою эту двоякую грозу, невыносимо. Одинъ итальянецъ говорилъ объ этомъ: у насъ авторъ волей-неволей всегда имѣетъ своимъ сотрудникомъ цензора. Пусть онъ и не коснется моей книги, — тѣмъ не менѣе онъ виденъ будетъ во всякомъ оборотѣ моей фразы, въ развитіи всякаго моего сужденія, въ выраженіи всякаго чувства. Это потому, что я вижу моего цензора предъ собою, когда обдумываю мой предметъ, помню о немъ, когда берусь за перо. Онъ какъ будто стоитъ за мною, когда я пишу, и читаетъ написанныя строчки. Какъ часто развитіе мысли останавливается на половинѣ, чувство заглушается отъ увѣренности, что они не могутъ быть пропущены бурбонскою цензурою въ томъ видѣ, какъ бы я хотѣлъ. Я начинаю фразу и чувствую, что цензоръ не даетъ мнѣ кончить ее. Такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность писать, я раздвояюсь, думаю за себя и за своего цензора, обрѣзываю мои мысли его ножницами и кончаю тѣмъ, что дѣйствительно выражаю уже не то, что я хочу и думаю, а то, что считаю согласнымъ съ понятіями цензора и его инструкціей, то, что мнѣ *позволено* думать и выражать» [1]).

Эти признанія должны быть искренни; судите же по нимъ, въ какой мѣрѣ возможны были въ Неаполѣ сочиненія, опасныя для господствовавшаго порядка вещей! Сами писатели сознаются, что они принуждены были искажать свои мысли, сообразно съ понятіями цензора (т.-е., разумѣется, не того или другого *человѣка*, въ частности, но вообще *цензора*, какъ представителя правительственныхъ инструкцій относительно литературы); но если сами авторы и не успѣвали иногда удержать себя или усвоить себѣ настоящій тонъ, какой слѣдовало, то въ этихъ случаяхъ цензура принималась за свое дѣло и исправляла ихъ ошибку. У разныхъ писателей мы находимъ множество фактовъ и анекдотовъ на этотъ счетъ; они большею частію имѣютъ въ виду —

[1]) L'Italie pol. et rel. p. 93.—*Прим. Д.*

[2]) Montan., Memoires s. l'Italie. II, p. 101. *Прим. Д.*

[1]) L'Italie est-elle la terre des morts? p. Marc Monnier, Paris. 1860, chap. XVI, p. 265.—*Прим. Д.*

пристыдить неаполитанскую цензуру, и потому касаются такихъ случаевъ, которые дѣйствительно представляютъ цензуру нѣсколько привязчивою и мелочною. Но, въ своей совокупности, всѣ эти анекдоты рисуютъ, однако же, общее направленіе этой части неаполитанской администраціи при Бурбонахъ и свидѣтельствуютъ все-таки въ пользу ея бдительности, а никакъ не слабости. Поэтому мы приведемъ нѣкоторые изъ разсказовъ, оставляя отвѣтственность за нихъ на тѣхъ авторахъ, у которыхъ мы ихъ заимствуемъ.

Одинъ авторъ представилъ въ цензуру французскую грамматику, составленную имъ «*для итальянцевъ*». Цензору показалось возмутительнымъ это слово (какъ признакъ унитарныхъ стремленій, быть можетъ), и онъ его вычеркнулъ.

Въ одной комической пьесѣ кто-то изъ дѣйствующихъ лицъ жалуется на «разстройство своей *конституціи*»... Представленіе пьесы было запрещено на основаніи этой фразы, въ которой нашли каламбуръ, напоминающій уничтоженіе конституціи 1848 года» [1]).

Имена Лютера, Кальвина, Кампанеллы, Вольтера, Джоберти и многихъ другихъ было запрещено даже упоминать, развѣ только изрѣдка съ бранными прилагательными. Вѣроятно, по этому поводу разсказываютъ, будто цензура не хотѣла однажды пропустить трактатъ о гальванизмѣ, потому что это напоминаетъ кальвинизмъ.

Всякая философія строго запрещена. Г. Монье разсказываетъ, что ему однажды попалась въ Неаполѣ книга съ заглавіемъ «Логика Гегеля». Онъ былъ удивленъ, какимъ образомъ такая страшная ересь могла явиться въ Неаполѣ; но оказалось, что Гегель служилъ только предлогомъ для первыхъ страницъ, а въ сущности это было изложеніе мыслей св. Ѳомы Аквинатскаго.

Въ заботахъ о нравственности запрещены были дуэли на театрѣ; поэтому множество пьесъ, переводныхъ или оставшихся отъ прежняго времени, должны быть перестать играть, или же какъ-нибудь коверкать.

Въ образецъ передѣлокъ, какимъ подвергаются книги, приводятъ романъ Дюмасына «La dame aux Camélias». Въ неаполитанскомъ переводѣ изъ нея сдѣлана дочь честныхъ, но не благородныхъ родителей, на которой хочетъ жениться молодой человѣкъ. Такимъ образомъ, вмѣшательство его отца и все, что изъ него происходитъ, дѣлается уже единственно за тѣмъ, чтобы избѣжать неравной партіи.

Замѣчаютъ, что литературныя произведенія послѣднихъ лѣтъ, изданныя въ Неаполѣ, безцвѣтны и казенны въ своихъ выраженіяхъ до послѣдней степени; въ этомъ тоже винятъ цензуру. Разсказываютъ, что въ одномъ сочиненіи о школѣ реалистовъ цензоръ никакъ не хотѣлъ согласиться на часто встрѣчавшіяся слова: «бездушная природа», находя, что въ нихъ скрывается нѣчто похожее на атеизмъ. У другого автора вычеркнули слово eziandio (которое значитъ *еще* или *даже*), потому что оно кончается на «Dio» (Богъ), а между тѣмъ попалась въ фразѣ довольно низкаго смысла. Наконецъ, просто всякая смѣлость или новизна выраженія, всякое остроуміе пугаетъ цензуру. Одна комедія запрещена была, какъ двусмысленная; авторъ, послѣ долгихъ переговоровъ, заставилъ цензора согласиться, что во всей пьесѣ нѣтъ ни одного политическаго намека и ни малѣйшаго оскорбленія нравственности. Но все-таки кончилось тѣмъ, что цензоръ объявилъ ему: «но во всякомъ случаѣ, въ пьесѣ слишкомъ много остроумія и рѣзкости; сгладьте и смягчите ее, и тогда мы посмотримъ» [1]).

Иногда, правда, цензура дѣлала промахи и пропускала книги и статьи, которыя оказывались впослѣдствіи не совсѣмъ невинными въ отношеніи къ системѣ бурбонскаго правительства. Такъ, напр., разъ была пропущена статья, въ которой доказывалось, что «упадокъ литературы свидѣтельствуетъ о стѣсненіи свободы мысли въ государствѣ». Хотя мысль эта развивалась въ примѣненіи къ римлянамъ, кажется, но читатели и прежде ихъ само правительство, увидѣли тутъ прямое отношеніе къ порядкамъ, заведеннымъ въ Неаполѣ Бурбонами... Такъ точно былъ другой случай, гораздо важнѣе: Микеле Амари, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ сицилійскихъ писателей, издалъ книгу,

---

[1]) Это напоминаетъ одинъ анекдотъ съ туринской цензурою ранѣе 1848 года. Въ одной оперѣ Беллини театральная цензура запретила слово «свобода» — libertà — и велѣла пѣть вмѣсто него lealtà—честь. Ронкони, отличавшійся всегда буффонствомъ, еще болѣе, чѣмъ талантомъ пѣвца, положилъ, что вмѣсто libertà всегда будетъ пѣть lealtà, какъ болѣе приличное. Вскорѣ затѣмъ, дѣйствительно, въ «Любовномъ напиткѣ» вмѣсто стиха — Vendè la libertà, si fè soldato (т.-е. онъ продалъ свою свободу—сдѣлался солдатомъ) Ронкони пропѣлъ: vendè la lealtà—т.-е. «онъ продалъ свою честь—сдѣлался солдатомъ». Театръ задрожалъ отъ всеобщаго хохота.—*Прим. Д.*

[1]) Эти факты и нѣкоторые изъ приведенныхъ ниже упоминаются: у г. Монье, «L'Italie est-elle la terre des morts»?; у г. Шарля Мазада, въ статьѣ «Ferdinand II»; въ «Revue des deux Mondes», 1859 года; у г. Верна, въ книгѣ «Naples et les napolitains; у Монтанелли въ «Mémoires sur l'Italie»; у Шарля Пейа, въ «Naples, 1830 — 1857» и въ статьѣ Петручелли-де-ла-Гаттуна «Ferdinand II, roi de Naples», въ «Revue de Paris», 1856 г. 15 октября и 15 ноября. *Прим. Д.*

подъ заглавіемъ: «Эпизодъ изъ Сицилійской исторіи XIII столѣтія». Такъ какъ XIII столѣтіе было уже очень давно, то книга и была пропущена, какъ неопасная. Но вдругъ потомъ оказалось, что Амари толкуетъ въ ней о Сицилійскихъ Вечерняхъ совершенно съ новой точки зрѣнія, обнаруживавшей демократическій образъ мыслей. Книга была запрещена, разумѣется, но множество экземпляровъ успѣло разойтись въ публикѣ, и «Эпизодъ» былъ пожираемъ съ жадностью. Впрочемъ, подобные промахи цензуры были очень рѣдки въ Неаполѣ и обходились не дешево самимъ авторамъ. Собственно говоря, въ образованныхъ государствахъ Европы, имѣвшихъ цензуру, вообще не принято было карать авторовъ за книги, дозволенныя къ печати, хотя бы онѣ и оказались не вполнѣ кроткими. Авторъ отвѣчаетъ за себя тогда, когда онъ самъ распоряжается своими мыслями и ихъ публикаціей; но когда правительство беретъ эту обязанность на себя, то оно тѣмъ самымъ избавляетъ писателя отъ отвѣтственности за послѣдствія публикаціи. Книга дозволена; если она производитъ вредное дѣйствіе, правительство сознаетъ свой промахъ и ворочаетъ назадъ свое дозволеніе, но не сваливаетъ отвѣтственности на автора. Такъ дѣлалось вездѣ; но въ Неаполѣ, для большей безопасности общественной, правительство заставляло самого автора отвѣчать за то, что̀ оно же ему дозволило. Для пресѣченія зла въ самомъ корнѣ, думало неаполитанское правительство, нужно не только не давать ходу вреднымъ книгамъ, но уничтожать и людей, способныхъ писать такія книги. И въ силу этого разсужденія, бурбонское правительство никогда не стыдилось сознаться въ опрометчивости, не считало несообразнымъ съ своимъ достоинствомъ сказать, что оно, какъ малое дитя, было обмануто и обольщено авторомъ, не въ состояніи будучи понять его ухищреній, и что поэтому намѣрено примѣрно наказать его, какъ человѣка, злонамѣренно воспользовавшагося правительственнымъ простодушіемъ. Такъ случилось и съ Амари. Когда читатели нашли, что Карлъ д'Анжу похожъ на Фердинанда, правительство рѣшило, что Амари виноватъ въ этомъ, лишило его должности, которую онъ имѣлъ въ Сициліи, и приказало явиться къ отвѣту въ Неаполь, предъ Делькаррето. Амари, вмѣсто Неаполя, отправился въ Парижъ и тамъ остался. Но за него отставленъ былъ цензоръ, пропустившій книгу, сосланъ на островъ Понца издатель Бризолезе, и запрещено пять или шесть журналовъ, которые похвалили ее, вовсе не предвидя, что сходство Фердинанда съ Карломъ д'Анжу окажется столь несчастнымъ для литературы.

Можетъ быть, эти мѣры были нѣсколько строги; либералы навѣрное найдутъ, что онѣ были даже очень круты, даже ужасны и несправедливы. Но мы прежде всего находимъ, что онѣ внушены были бурбонскому правительству чувствомъ самосохраненія и, слѣдовательно, были весьма благоразумны; ибо что же можетъ быть благоразумнѣе самосохраненія? Тутъ правительство дѣйствовало уже не по соображеніямъ отвлеченной справедливости, а единственно, соразмѣряя свои мѣры съ величиною скандала, произведеннаго въ публикѣ. Въ 1847 году, напримѣръ, когда умы были очень возбуждены, оно запретило даже перепечатывать либеральныя буллы Пія IX и преслѣдовало его портреты—не по недостатку уваженія къ святому отцу, а единственно потому, что тогда въ почитаніи Пія IX высказывался либерализмъ безпокойныхъ людей [1]). Это умѣнье соображаться съ обстоятельствами въ своихъ отношеніяхъ къ литературѣ никогда не покидало бурбонское правительство. Вотъ чѣмъ объясняются, между прочимъ, *мѣстныя* запрещенія, которыя такъ удивляли многихъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Аббатъ Мишонъ упоминаетъ, что не могъ найти въ Неаполѣ нѣкоторыхъ сочиненій, изданныхъ въ Палермо: можетъ быть, они потому и появились въ Палермо, что въ Неаполѣ ихъ бы не пропустили. Впрочемъ, впослѣдствіи времени издано было повелѣніе, по которому всякое сочиненіе, заключавшее въ себѣ болѣе печатнаго листа, должно было изъ Сициліи присылаться въ главную цензуру въ Неаполь. Вообще, когда было замѣчено, что сицильянцы отличаются нѣсколько вольнымъ духомъ, то на нихъ стали смотрѣть гораздо строже. Напримѣръ, сочиненія Макіавелли и Альфіери, допущенныя свободно въ Неаполѣ, для Сициліи были запрещены. Даже и въ городахъ самой Сициліи была разница: напримѣръ, «Исторія Италіи», Ботты, напечатанныя въ Палермо, была запрещена въ Мессинѣ [2]).

Во всѣхъ подобныхъ мѣрахъ не одна мысль о поддержкѣ своего значенія управляла Фердинандомъ, но также и стремленіе удержать свой принципъ. Онъ зналъ, что его личное значеніе нисколько не уменьшится отъ разрѣшенія той или другой книги, допущенія въ публикѣ тѣхъ или иныхъ сужденій; но онъ былъ убѣжденъ, что, по его собственнымъ словамъ, «народъ его не

[1]) Ch. Mazade, L'Italie moderne, p. 293. *Прим. Д.*

[2]) См. Montanelli, Mém, II, 107;—Perrens, Deux ans de rév. 486, 487; — Joseph Picciardi, Hist. de l'Italie, p. 69. *Прим. Д.*

имѣлъ надобности думать»; онъ самъ хотѣлъ управлять всѣмъ безотвѣтственно, не соображаясь ни съ чѣмъ, кромѣ своей воли. Этимъ объясняются, между прочимъ, даже его непріятности съ іезуитами, которыхъ онъ очень уважалъ, но не хотѣлъ допустить, какъ силу, противодѣйствующую ему. Впрочемъ, какъ бы то ни было, главное для насъ то, что въ неаполитанской наукѣ, литературѣ, искусствахъ не могло быть, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ поколѣній, ничего противнаго правительству Бурбоновъ и ихъ принципамъ. Духовенство, цензура, полиція, самъ король — заботились совокупно о томъ, чтобы содержать народъ въ строжайшемъ порядкѣ и чистѣйшей нравственности. Извѣстно, что Фердинандъ входилъ во всѣ мелочи управленія, и цензурная часть въ самомъ обширномъ смыслѣ была не послѣднею его заботою. Много разъ приводили анекдоты о его стараніяхъ относительно нравственности въ искусствахъ: онъ, напримѣръ, велѣлъ закрыть въ Бурбонскомъ музеѣ картины и статуи, изображавшія нагое тѣло; онъ приказалъ помѣстить Венеру Каллипигію въ особомъ кабинетѣ, куда запрещенъ былъ входъ публикѣ; онъ самъ опредѣлилъ длину юбокъ театральныхъ танцовщицъ и издалъ повелѣніе, чтобы трико, въ которое онѣ одѣваются, было зеленаго цвѣта, такъ какъ это менѣе можетъ раздражать воображеніе... Все это собственно не имѣло ни малѣйшаго политическаго значенія; но, понятно, что, привыкши къ такому режиму, общество и ни въ чемъ другомъ уже не осмѣливалось вольничать и предъявлять тѣ или другія требованія, а терпѣливо ожидало, что̀ ему прикажутъ. Такимъ образомъ, Фердинандъ постоянно сохранялъ полный произволъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и въ теченіе своего царствованія успѣлъ привести къ молчанію даже смѣлыхъ и говорливыхъ; остальные же, повидимому, потеряли даже и мысль о томъ, чтобы затѣвать что-нибудь въ противность существующему порядку.

Да и напрасно было бы затѣвать: затѣи эти всегда кончались плохо. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, чѣмъ кончилась исторія книги Амари. Вотъ еще одинъ подобный фактъ: Антоніо Раньери издалъ романъ «Ginevra, l'orfana dell'Annunziata», въ которомъ изобразилъ нѣкоторые ужасы, совершившіеся въ этомъ благотворительномъ учрежденіи. Книгу конфисковали, автора засадили на три мѣсяца въ тюрьму. Одинъ изъ министровъ, нашедшій въ романѣ свой портретъ, предлагалъ, что Раньери надо непремѣнно сослать или посадить въ сумасшедшій домъ. Но предложеніе это застало короля въ хорошую минуту: онъ отвѣтилъ со смѣхомъ: «да, конечно,—для того, чтобъ онъ еще написалъ романъ объ этомъ заведеніи и о суммахъ, которыя тамъ крадутъ». Начальникомъ этого заведенія былъ тотъ самый министръ, который требовалъ заключенія Раньери, и въ отвѣтѣ короля увидѣли намекъ, вслѣдствіе котораго нашли нужнымъ освободить автора. Но эта исторія отозвалась ему впослѣдствіи: его постоянно преслѣдовали цензурою. Онъ написалъ небольшую книжку нравственныхъ размышленій, подъ названіемъ «Frate Rocco»; ее стали-было пропускать, но какъ только узнали имя автора, всю оборвали и даже потребовали для новаго пересмотра листы, уже пропущенные. Онъ сталъ издавать «Исторію Неаполя»—ее остановили на десятомъ выпускѣ. Его призывали во Флоренцію въ профессора: Тосканскому правительству тайно посовѣтовали отказаться отъ этого человѣка, котораго лекціи ничего не могли принести молодежи, кромѣ вреда... И между тѣмъ, Раньери—человѣкъ вовсе не крайнихъ мнѣній; онъ всегда старался держаться въ сторонѣ отъ политики; въ 1848 г. онъ не захотѣлъ даже позволить новаго изданія «Джиневры».

Также поступали съ журналами. Феррора со своими друзьями издавалъ въ Сициліи журналъ статистическій: въ 1845 году его запретили по какому-то ничтожному поводу. Въ Неаполѣ, ранѣе 1848 года, Риччарди издавалъ журналъ «Progresso». Журналъ составилъ себѣ очень быстро хорошую репутацію, и правительство, изгнавши Риччарди, рѣшилось удержать журналъ, поручивши его редакцію господину Біанкини, который былъ министромъ полиціи. Подъ новой редакціей журналъ всѣ стали называть «Regresso».

Приводя всѣ эти факты, мы просимъ не забывать, что большая часть ихъ совершилась съ изданіями, дозволенными цензурою. Изъ этого ясно видно, что правительство вовсе не довольствовалось мертвымъ исполненіемъ однажды установленныхъ правилъ, но неусыпно слѣдило за литературными явленіями даже и послѣ ихъ пересмотра въ цензурѣ. До какой степени постоянно подозрительны и чутки были въ Неаполѣ ко всѣмъ журнальнымъ толкамъ, это видно, напр., изъ Исторіи заговора Нирико, въ 1831 году. Г. Петручелли де-ла-Гаттуна, подробно разсказывая эту исторію, говоритъ, что Нирико съ своими друзьями постоянно собирались въ одномъ кафе, которое выписывало «Gasette de Milan» и за то было на замѣчаніи у полиціи. «Gasette de Milan» издавалась по инструкціямъ князя Меттерниха, изъ которыхъ выдержка при-

водится г-мъ Петручелли. «Что касается до направленія газеты, писалъ Меттернихъ въ тайной инструкціи г. Бомболю, 23 сент. 1830 г., то мнѣ не нужно прибавлять, что она должна быть составляема *въ извѣстномъ вамъ духѣ*, т.-е. безъ малѣйшаго преувеличенія вещей, съ общимъ стремленіемъ къ сохраненію тишины и порядка и со стараніемъ передавать читателямъ извѣстія какъ можно скорѣе». Для неаполитанскихъ либераловъ и этого уже было много, и они считались опасными за то, что съ особеннымъ усердіемъ читали эту газету; относительно же другихъ газетъ, какъ, напр., «Débats», тогдашняго «Constitutionnel», и пр., они могли только собирать свѣдѣнія изъ третьихъ рукъ: въ кафе приходилъ одинъ господинъ Витале, который слышалъ о томъ, что̀ пишутъ въ этихъ газетахъ—большею частью отъ кассира Ротшильда—и потомъ пересказывалъ своимъ друзьямъ!.. Такъ бѣдна была въ Неаполѣ литературная пища для либерализма! И положеніе дѣлъ по этой части не сдѣлалось благопріятнѣе для либераловъ въ теченіе царствованія Фердинанда, а развѣ стало еще непріятнѣе.

По части литературы было, правда, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій два средства проводить либеральныя идеи, но средства чрезвычайно жалкія, ненадежныя и только свидѣтельствующія объ окончательной невозможности либерализма въ обыкновенной литературѣ при Бурбонахъ. Эти средства были: тайное печатаніе и контрабанда книгъ заграничныхъ. Тайное печатаніе было всего значительнѣе въ Сициліи; но и тамъ, разумѣется, оно не могло быть очень значительно. Надо помнить, что полиція Фердинанда была всегда очень бдительна, и преступленія печати наказывались весьма строго. Нерѣдко одно подозрѣніе стоило дорого обвиненнымъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ царствованія Фердинанда были, напр., схвачены два типографщика, обвиненные въ печатаніи мюратистскихъ прокламацій. Они отвергли обвиненіе; ихъ подвергли пыткѣ; подъ пыткой они сознались. Между тѣмъ оказалось, что прокламаціи пришли изъ-за границы. Типографщиковъ оставили въ покоѣ, но не выпустили изъ тюрьмы [1]). При этихъ условіяхъ удивительно еще и то, что находились смѣльчаки, рѣшавшіеся печатать и пускать въ ходъ тайно-напечатанныя книги. Нужно было дойти до крайности, чтобы на это рѣшиться. И мы видимъ, что дѣйствительно тайное печатаніе принимало нѣсколько значительный видъ только уже въ рѣшительныя минуты, при приближеніи возстанія. Да и тутъ полиція, среди заботъ болѣе важныхъ, не теряла изъ виду цензурныхъ обязанностей и, когда считала нужнымъ, находила преступника и умѣла принять свои мѣры противъ возмутительныхъ сочиненій. Такъ, напр., въ 1847 году появился написанный Сеттембрини «Протестъ народа Обѣихъ Сицилій». Фердинандъ приказалъ отыскать автора. Извѣстно, что народъ неаполитанскій (какъ и всякій народъ, впрочемъ, въ этихъ случаяхъ) умѣетъ хранить тайну. Но полиція тѣмъ не менѣе принялась за свое дѣло и вскорѣ засадила въ тюрьму или сослала множество гражданъ, считавшихся почему-нибудь подозрительными: Карла Поэріе, Маріано д'Айала, Доминико Мавро, Джузеппе дель-Ре и пр. Въ числѣ захваченныхъ былъ и самъ Сеттембрини, который, разумѣется, чтобы освободить другихъ, самъ признался въ своемъ преступленіи. Но прокламаціи, подобныя «Протесту», не были явленіемъ обыкновеннымъ. Большею частью тайная пресса производила изданія гораздо болѣе невинныя; они принуждены были печататься тайно потому только, что обычная цензура была ужъ слишкомъ строга. Пансіонерки прячутъ (или прятали прежде) подъ подушки и подъ скамьи въ классахъ даже Пушкина; это, конечно, вовсе не значитъ, чтобы Пушкинъ былъ вреденъ общественному порядку и нравственности, а доказываетъ только, что его не позволяютъ (или не позволяли) читать пансіонеркамъ. Такъ и въ Неаполѣ, по свидѣтельству Леопарди, «летучіе листки, тайно напечатанные, отводили душу публикѣ, *восхваляя правительства, стремившіяся къ реформамъ, и порицая правительства ретроградныя*» [1]). Изъ этого видно, что въ большей части даже этихъ тайныхъ листковъ не могло быть ничего собственно-революціоннаго. А если что оказывалось, то немедленно же вызывало розыски полиціи.

Контрабанда была легче, но продажность чиновниковъ таможни и защитники бурбонской системы указываютъ на это обстоятельство, какъ на прямое опроверженіе жалобъ, будто неаполитанское правительство вовсе не допускаетъ въ свои предѣлы свѣта образованія изъ другихъ земель. «Вѣдь, несмотря ни на какія предосторожности,— говоритъ виконтъ Лемерсье, — всякая иностранная книга, какъ бы она дурна ни была, доходитъ же всегда до людей, достаточно богатыхъ для того, чтобы заплатить за нее вчетверо или впятеро противъ обыкновенной цѣны [2]). И дѣйствительно, изъ отзы-

[1]) См. Paya, Naples, p. 547. *Прим. Д.*

[1]) P. Leopardi, Narrazioni storiche del 1848, p. 66. *Прим. Д.*

[2]) Quelques mots vér. s. Naples., p. 17. *Прим. Д.*

вовъ путешественниковъ видно, что многіе неаполитанскіе аристократы и богатые люди находили средства постоянно слѣдить за политикой и читать все замѣчательное, что появлялось въ иностранныхъ литературахъ. Но могъ ли этимъ пользоваться народъ и большинство общества, не бывшаго въ состояніи платить за книги впятеро? Велико ли могло быть обращеніе книгъ, которыя проникали въ страну, только благодаря подкупности таможеннаго чиновника? Во всякомъ случаѣ — это были книги запрещенныя; слѣдовательно, онѣ осуждены были оставаться на полкахъ библіотекъ (да и то гдѣ-нибудь подальше) у тѣхъ, кто ихъ купилъ, и могли быть сообщаемы развѣ самымъ близкимъ друзьямъ. Очевидно, что подобнымъ образомъ не могла по всей странѣ разлиться пропаганда, опасная трону Бурбоновъ!..

Но, можетъ быть, тѣ немногіе, которые читали все запрещенное, разносили либеральныя идеи въ обществѣ и волновали умы? Разговоръ не требуетъ такихъ хлопотъ и приготовленій, какъ писанье, и извѣстно, что одна запрещенная книга производитъ всегда болѣе толковъ, нежели сотни не запрещенныхъ. Когда текущая литература не даетъ никакой пищи уму, этой пищи стараются искать въ чемъ-нибудь другомъ, и чаще всего ее находятъ въ устныхъ разсужденіяхъ, которыя занимаютъ все время въ общественныхъ собраніяхъ всякаго рода. Не шла ли революціонная пропаганда въ Неаполѣ этимъ путемъ?

По всему, что мы знаемъ о Неаполѣ, ничего подобнаго въ немъ не бывало при Бурбонахъ. Нечего и говорить о томъ, что всякіе клубы, митинги и т. п. были тамъ невозможны; но мы знаемъ, что тамъ чрезвычайно затруднительны были всякія общественныя собранія, какого бы то ни были рода, для какой бы то ни было цѣли. Предусмотрительность правительства была такъ велика, что оно запрещало все, въ чемъ находило хоть малѣйшую тѣнь намека на то, что оно можетъ подать поводъ къ подозрительнымъ разсужденіямъ. Такъ, однажды, хотѣли-было основать «общество поощренія художниковъ», подъ предсѣдательствомъ брата Фердинанда, графа Сиракузскаго. Король нашелъ это подозрительнымъ и не согласился, замѣтивъ, что для поощренія художниковъ есть королевская академія, и что никакого тутъ общества не нужно [1]). Въ 1854 г. большое стеченіе публики произошло по случаю похоронъ адвоката Чезаре, «одного изъ самыхъ темныхъ членовъ палаты депутатовъ 1848 года», по словамъ ревностнаго защитника Бурбоновъ, г. Гондона. Передъ гробомъ его произнесено было нѣсколько рѣчей; самъ г. Гондонъ, желающій выставить ихъ какъ уголовное преступленіе, характеризуетъ ихъ содержаніе лишь слѣдующими словами: «въ этихъ рѣчахъ, подъ предлогомъ похвалы умершему, произносили апологію режима, который уже не существуетъ болѣе [1]). За это, говорившіе и даже многіе изъ присутствовавшихъ поплатились тюрьмою или ссылкою... Множество арестацій дѣлалось единственно на основаніи вольныхъ словъ, произнесенныхъ въ публичныхъ мѣстахъ. Чтобы отнять предлогъ къ собраніямъ въ кафе, Фердинандъ запретилъ въ нихъ всякаго рода игры, даже домино, бывшее въ особенномъ употребленіи. Чтобы предохранить своихъ подданныхъ отъ иноземнаго разврата, онъ затруднялъ путешествія за границу и даже запретилъ своимъ подданнымъ принять участіе во французской всемірной выставкѣ 1855 года. Относительно словеснаго выраженія политическихъ мнѣній въ Неаполѣ существуютъ два закона, 1826 и 1828 года, не отмѣненные до конца бурбонскаго царствованія, а напротивъ, еще дополненные Фердинандомъ. Одинъ касается *хулы*, въ церкви или въ какомъ бы то ни было публичномъ мѣстѣ, противъ религіозныхъ предметовъ, за что полагается заключеніе въ тюрьму отъ 6 до 10 лѣтъ. Въ дополненіе къ этому закону, Фердинандъ повелѣлъ указомъ, 7 февраля 1835 года, устранять въ подобныхъ случаяхъ всякій вопросъ о намѣренности или ненамѣренности хулы и не принимать въ оправданіе хмѣльное состояніе хулившаго». Другой законъ, сентября 1828 года, дѣйствовавшій все время при Фердинандѣ, говоритъ, что всѣ начальствующія лица «должны поощрять всѣми средствами приверженцевъ трона и алтаря и объявить смертельную войну всѣмъ, кто, въ прошедшихъ безпорядкахъ, *дѣломъ или словомъ* показалъ враждебность правительству». Въ противномъ случаѣ, чиновникамъ грозило изгнаніе изъ службы и преслѣдованіе ихъ самихъ, какъ враговъ короля [2]). Духовенство также, по общему убѣжденію, было замѣшано въ полицейскія дѣла и пользовалось даже тайною исповѣди для открытія правительству опасныхъ для него секретовъ. Гладстонъ въ своихъ письмахъ упоминаетъ объ этомъ, какъ о вещи, которую многіе утверждаютъ, но достовѣрность которой, натурально, не могла быть имъ изслѣдована. Пользуясь этимъ, г. Жюль Гандонъ, въ своихъ опроверженіяхъ, при-

[1]) Th. Vernes, Naples et les Nap., 289. *Прим. Д.*

[1]) De l'état des choses à Naples, p. 69. *Прим. Д.*

[2]) Leopardi, Narrazioni storiche, p. 26. *Прим. Д.*

шелъ въ страшное негодованіе и объявилъ, что это — клевета, за которую гнѣвъ небесный поразитъ Гладстона и всѣхъ, кто ему повѣритъ. «Впрочемъ, — замѣчалъ г. Гондонъ, — ни одинъ добрый католикъ не повѣритъ, чтобы въ католическомъ духовенствѣ нашелся хоть кто-нибудь, способный къ такому позорному вѣроломству и низости». — Однако, лордъ Гладстонъ впослѣдствіи объявилъ, что онъ знаетъ два случая такихъ доносовъ черезъ посредство исповѣди. Съ другой стороны, недавно сдѣлалось извѣстно, что въ самомъ Римѣ секретъ исповѣди нарушался въ пользу политическихъ соображеній, и это одобрялось правительствомъ. Недавно въ одной книгѣ объ Италіи, публикованы были подлинные документы на этотъ счетъ [1]). Наконецъ, Монтанелли приводитъ формулу клятвы, которую должны были давать епископы королевства при ихъ посвященіи. «Если въ моемъ діоцезѣ, или гдѣ бы то ни было, узнаю я какой-нибудь замыселъ ко вреду государства, я обязуюсь предварить о томъ его королевское величество» [2]). Послѣ этого ужасы и отреченіе г. Гондона кажутся намъ уже не совсѣмъ основательными; фактъ нарушенія секрета исповѣди вовсе не представляется такимъ чудовищнымъ, и довольно вѣроятно, что общая молва о немъ въ Неаполѣ была справедлива.

При такомъ положеніи вещей, разумѣется, публичныя собранія если и бывали, то никогда не допускали въ Неаполѣ политическихъ или какихъ бы то ни было вольныхъ разговоровъ. До чего въ Неаполѣ доведена была боязнь высказать лишнее, то, чего не слѣдуетъ, можно видѣть по нѣсколькимъ примѣрамъ, приводимымъ разными писателями. Г. Вернъ, напримѣръ, говоритъ, что онъ былъ въ Неаполѣ, когда пришло туда извѣстіе о взятіи Севастополя. По отношеніямъ Фердинанда къ нашему двору и по участію въ войнѣ части итальянцевъ, крымскія дѣла очень занимали неаполитанское общество; но никто не смѣлъ высказать никакого мнѣнія, не рѣшился сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія, пока черезъ день не узнали изъ оффиціальнаго журнала, какъ слѣдуетъ смотрѣть на событіе [3]). Виконтъ Лемерсье, защищая неаполитанское дворянство отъ упрековъ въ невѣжествѣ, говоритъ, что, напротивъ, оно очень хорошо понимаетъ даже политику, только не высказывается; но мы были удивлены просвѣщеннымъ либерализмомъ знатнаго общества, — прибавляетъ онъ, — за однимъ обѣдомъ, «гдѣ говорили по-французски, чтобы служители не могли вслушаться въ разговоръ» [1]). Аббатъ Мишонъ тоже разсказываетъ случай въ этомъ родѣ. «Однажды, — говоритъ онъ, — зашелъ я въ кафе и услышалъ тамъ французскій разговоръ. Мнѣ нужно было узнать адресы нѣсколькихъ лицъ въ Неаполѣ и, полагая, что мои соотечественники должны знать ихъ, я обратился къ одному изъ собесѣдниковъ и показалъ ему на записочку съ именами лицъ, которыхъ я желалъ видѣть. «О! будьте осторожнѣе, — испуганно сказалъ онъ, посмотрѣвъ на мой листокъ:—тутъ есть имена, заподозрѣнныя полиціей! Вотъ такой-то умеръ, а этотъ въ тюрьмѣ: пожалуйста не упоминайте ихъ именъ. Повѣрьте мнѣ, я 14 лѣтъ живу въ Неаполѣ,—говоритъ о лицахъ, компрометтированныхъ въ политикѣ, а еще болѣе — отыскивать ихъ адреса — здѣсь очень опасно» [2]).

По этимъ образчикамъ можно судить, въ какой степени вредныя для бурбонскаго правительства идеи могли распространяться въ обществѣ посредствомъ устной пропаганды. Можно сказать положительно, что со стороны печати и слова Бурбоны могли быть совершенно благонадежны.

Но величайшее зло итальянскихъ государствъ, говорятъ, составляли тайныя общества. Чѣмъ болѣе правительство бодрствовало надъ умами и воспрещало публичное проявленіе общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе работали и преуспѣвали тайныя общества. Они-то, можетъ быть, и устроили паденіе Бурбоновъ?..

Нужно сознаться, что неаполитанцы, точно, имѣли всегда маленькую слабость къ тайнымъ обществамъ и заговорамъ. Но извѣстно, что ихъ процвѣтаніе относится къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія; послѣ же этого времени они все болѣе и болѣе упадали. Отчасти они теряли свой кредитъ въ неудачныхъ попыткахъ, отчасти же парализованы были благоразумными мѣрами бурбонской полиціи. Карбонары были обезсилены уже революціею 1820 года, и хотя по свѣдѣніямъ, собраннымъ Интонти, при началѣ царствованія Фердинанда, ихъ было въ королевствѣ 800.000 [3]), но въ этомъ числѣ было, конечно, сосчитано много такихъ, которые вовсе не принимали дѣятельнаго участія въ обществѣ, а просто принадлежали къ недовольнымъ. Легкость, съ которою карбонары были разогнаны и почти уничтожены послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ заговоровъ, доказываетъ,

[1]) L' Italie et la maison Savoie, p. Ernest Rasetti, Paris. 1860, p. 281—285. *Прим. Д.*
[2]) Mém. s. l'Italie, t. II, p. 71. *Прим. Д.*
[3]) Naples et les Napol., 38. *Прим. Д.*

[1]) Quelques mots de vér. s. Naples, p. 15. *Прим. Д.*
[2]) L'Italie dol. et rel., p. 92. *Прим. Д.*
[3]) Ch. Pay, Naples, p. 418. *Прим. Д.*

что эта секта уже не имѣла той силы, какъ за десять лѣтъ предъ тѣмъ. Новая секта «Юной Италіи», основанная Мозолино (и не имѣвшая ничего общаго съ «Юной Италіей» Марсельской), также была почти разсѣяна послѣ открытія заговора Россароля и Романо. Послѣ того, около 1839 года, опять возродился карбонаризмъ; каково было его значеніе, можно судить потому, что двигателемъ и главою общества былъ на этотъ разъ Боцелли, тотъ самый Боцелли, который въ 1848 году, увидавъ актъ конституціи, подписанный Фердинандомъ, бросился къ ногамъ его и воскликнулъ: «О, государь! если бъ я зналъ васъ ранѣе, никогда бы я не думалъ о заговорахъ!» [1]). Такое общество не могло быть особенно опасно для бурбонскаго правительства даже по своимъ тенденціямъ. Да и вообще, мнѣніе итальянскихъ патріотовъ въ послѣднее время стало далеко не въ пользу тайныхъ обществъ, каковы бы ни были ихъ намѣренія. Мы приведемъ два сужденія—Монтанелли и Чезаре Бальбо.

«Трудно сказать, — говоритъ Монтанелли,—не сдѣлали ли больше зла, нежели добра для своего дѣла тайныя общества, къ которымъ неаполитанцы имѣютъ такую исключительную слабость. Ихъ приверженцы говорятъ, что они сохранили священный огонь свободы подъ могильнымъ камнемъ деспотизма и произвели революцію 1820 года. Но можно возразить, что, для поддержанія этого огня и для приготовленія умовъ къ возстановленію свободы и къ борьбѣ за нее, довольно братскихъ соединеній, которыя бы образовались повсюду сами собою, безъ всякихъ іерархическихъ связей между собою, безъ повиновенія какой-то подземной власти, какъ это принято въ собственно такъ называемыхъ тайныхъ обществахъ. Можно также возразить, что соединеніе людей въ тайное общество заглушаетъ всякую личную иниціативу, всякій самобытный порывъ и мѣшаетъ тѣмъ могучимъ соединеніямъ, которыя происходятъ отъ свободнаго движенія сердецъ и отъ естественныхъ симпатій. Можно сказать, что всякое тайное общество представляетъ въ себѣ забавное воспроизведеніе кастъ, таинствъ и авторитета, что оно налагаетъ рабство, какъ время искуса для полученія свободы. Можно замѣтить, что секта карбонаровъ не могла бы произвести движенія 1820 года, безъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ толчковъ, если бъ ему не содѣйствовали жестокости и притѣсненія, совершенныя самой монархіей, и что, напротивъ, эта секта, болѣе нежели что-нибудь другое, была вредна для революціи, сдѣлавши невозможнымъ всякое правильное устройство дѣлъ и разрушивъ военную дисциплину» [1]).

Монтанелли однако еще щадитъ нѣсколько тайныя общества, говоря, что онъ не хочетъ пускаться въ слишкомъ подробное развитіе всѣхъ этихъ обвиненій, которыя, можетъ быть, и не вполнѣ уничтожаютъ значеніе обществъ. Бальбо говоритъ еще рѣшительнѣе:

«Новыя тайныя общества (дѣло идетъ о карбонарахъ), какъ и старыя, были самымъ дурнымъ средствомъ, какое только возможно, для произведенія революціи. Это было самое дурное средство въ нравственномъ отношеніи, потому что самая сущность тайныхъ обществъ и заговоровъ состоитъ въ секретѣ, обманѣ и вѣроломствѣ; самое дурное и въ отношеніи къ успѣху, потому что непрямота такихъ обществъ отвращаетъ отъ нихъ адептовъ и не внушаетъ довѣрія тѣмъ, которые входятъ въ нихъ, такъ что изъ нихъ никогда не выходитъ общаго, единодушнаго движенія, и, слѣдовательно, не выйдетъ никакого великаго дѣла. Сверхъ того, въ этихъ тайныхъ соединеніяхъ, часто возобновляемыхъ и составляемыхъ изъ разнообразныхъ элементовъ, обыкновенно больше толкуютъ, нежели дѣлаютъ, и пріобрѣтаютъ порокъ разсуждать безъ всякой пользы. Тутъ строютъ проекты, основанные не на практикѣ обычнаго теченія дѣлъ, которая неизвѣстна сектаторамъ, а на теоріяхъ, и даже не на солидныхъ соображеніяхъ возможности, а просто по диктовкѣ горячихъ ихъ стремленій. Вообще заговоры и секты составляютъ такое средство революціи, которое противно всѣмъ требованіямъ новой цивилизаціи: все стремится къ публичности—въ нихъ господствуетъ секретъ; мы ищемъ всеобщаго согласія общественнаго мнѣнія — они дѣйствуютъ меньшинствомъ; наконецъ, самыя средства ихъ дѣйствій противны требованіямъ человѣчества, болѣе и болѣе развивающимся въ европейскихъ народахъ» [2]).

Мы привели эти мнѣнія не для чего-нибудь иного, какъ для того, чтобы видѣть, какъ потеряли свой кредитъ тайныя общества даже въ глазахъ итальянцевъ. Графа Бальбо нельзя, конечно, причислить къ особеннымъ авторитетамъ въ этомъ случаѣ; но мы видѣли, что даже Монтанелли говоритъ почти то же самое, что и Бальбо. Такимъ образомъ, если бы бурбонское правительство даже гораздо менѣе страшилось тайныхъ обществъ и слабѣе преслѣдовало

[1]) Montanelli, Mém. II, 118. *Прим. Д.*

[1]) Mém. L II, p. 100, 101. *Прим. Д.*

[2]) César Balbo, Hist. d'Italie, t. II, p. 213. *Прим. Д.*

Вологод. жел. дор.
Библиотека

ихъ, и тогда бы они не могли имѣть достаточной силы для произведенія общаго возстанія въ государствѣ. Но мы видимъ во все время, отъ усмиренія революціи 1820 года до послѣднихъ мѣсяцевъ бурбонской династіи, непрестанныя и неусыпныя преслѣдованія всего, что̀ могло казаться хоть желаніемъ имѣть намѣреніе покуситься на заговоръ или тайное общество. Извѣстенъ указъ Франциска I, отъ 24 іюня 1828 года, по которому «соединеніе двухъ лицъ уже достаточно для составленія тайнаго общества». Можно сказать, что полиція Фердинанда, въ своей подозрительности, постоянно руководилась этимъ правиломъ. Пришлось бы написать нѣсколько десятковъ страницъ, если бы мы захотѣли дать краткое résumé всѣхъ политическихъ процессовъ, происходившихъ въ царствованіе Фердинанда, для доказательства бдительности полиціи и строгости наказаній, какимъ подвергались противники власти Бурбоновъ. Довольно сказать, что, по вычисленіямъ Колетты и Леопарди, въ теченіе времени отъ 1794 до 1824 года, погибло разными смертями, за любовь къ свободѣ, до 100.000 человѣкъ, а въ царствованіе Франциска I и Фердинанда до 1850 года къ нимъ прибавилось еще 50.000.

Отъ подозрѣнія ничто не спасало, и подозрѣваемый никакъ не могъ избѣжать преслѣдованій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ англійскомъ парламентѣ возбужденъ былъ общій смѣхъ разсказомъ лорда Пальмерстона объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который въ какомъ-то изъ провинціальныхъ неаполитанскихъ городовъ былъ арестованъ Богъ знаетъ за что. Друзья его обратились къ префекту полиціи, увѣряя его, что другъ ихъ не можетъ быть виновенъ, что его арестъ—вѣроятно, недоразумѣніе. Префектъ отвѣтилъ, что никакого тутъ недоразумѣнія нѣтъ, что онъ очень хорошо знаетъ невинность молодого человѣка и никакого обвиненія противъ него не имѣетъ.—«Такъ зачѣмъ же вы его арестовали?»—«А вотъ видите,—отвѣчалъ добродушный префектъ:—я только-что получилъ строгій выговоръ отъ правительства за небрежность, потому что я давно уже никого не арестовалъ; теперь мнѣ надо показать свою дѣятельность; вашъ другъ попался мнѣ на глаза, я его и засадилъ, какъ засадилъ бы всякаго другого. Надо же мнѣ показать свою бдительность» [1]).

[1]) Анекдотъ этотъ повторенъ былъ многими писавшими о Неаполѣ; г. Гондонъ отказывается, впрочемъ, вѣрить ему на томъ основаніи, что лордъ Пальмерстонъ не сказалъ, когда и съ кѣмъ былъ именно этотъ случай. «De l'état des choses à Naples», p. 65. *Прим. Д.*

Въ 1855 году много также говорили въ Европѣ о войнѣ, которую объявила неаполитанская полиція бородамъ и шляпамъ извѣстнаго рода, какъ признакъ вреднаго образа мыслей и даже принадлежанія къ тайнымъ сектамъ. Не мало шума было также изъ-за процесса маркиза Тальява, который былъ обвиненъ, какъ участникъ въ какой-то сектѣ убійцъ, и подъ пыткою не только себя призналъ виновнымъ, но еще оговорилъ англійскаго и сардинскаго посланниковъ! Можете себѣ представить, что̀ тогда писали по этому случаю англійскіе журналы. Вообще, когда дѣло касалось подозрѣнія въ сектаторствѣ и вообще въ опасномъ образѣ мыслей,—полиція неаполитанская не знала мѣръ своему усердію и не разбирала ни лицъ, ни средствъ. Иностранцы, епископы, посланники, члены королевской фамиліи—никто не былъ оставляемъ въ покоѣ. Женщины, дѣти, дряхлые старики — всѣ казались подозрительными, всѣхъ допрашивали, обыскивали, запирали въ тюрьму, пытали. Домашніе обыски производились безпрестанно, и всякій слѣдъ сношеній съ лицами подозрительными влекъ за собою тюремное заключеніе и ссылку. Мы не хотимъ приводить частныхъ фактовъ, потому что они слишкомъ извѣстны, и никто не заподозритъ насъ въ выдумкѣ или преувеличеніи. Укажемъ только нѣсколько цыфръ: въ 1851 году, по словамъ Гладстона, число политическихъ преступниковъ, содержавшихся въ неаполитанскихъ тюрьмахъ (исключая Сициліи), общимъ мнѣніемъ признавалось около 15—20 тысячъ. Апологистъ Бурбоновъ, г. Гондонъ, опровергая лорда Гладстона оффиціальными данными, утверждалъ, что число это равняется всего 2.024. Но, во-первыхъ, г. Гондонъ не считалъ, какъ кажется, тѣхъ, которые содержались по прикосновенности и по подозрѣнію; во-вторыхъ, извѣстно, что, при огромномъ количествѣ дѣлъ, полиція не всегда соблюдала строгую точность въ цыфрахъ своихъ отчетовъ; въ-третьихъ, наконецъ, по безчисленному разнообразію проступковъ, подлежащихъ при Бурбонахъ вѣдѣнію полиціи, она не всегда ясно могла классифицировать преступленія, и потому легко можетъ быть, что политическіе преступники содержались иногда подъ другими названіями и въ другихъ разрядахъ. Во всякомъ случаѣ, даже по оффиціальнымъ даннымъ извѣстно, что въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій было въ 1851 году 530 тюремъ, что въ нихъ содержалось въ это время двумя третями болѣе положеннаго комплекта, и что, наконецъ, мѣста не оставалось для новыхъ узниковъ. Весь этотъ избытокъ надо приписать множеству политическихъ преступниковъ, оказавшихся

послѣ 1848 года. Столь же оффиціально высчитано, что съ 1848 по 1857 годъ, Фердинандъ въ разныхъ манифестахъ, по случаю рожденія сына и другихъ фамильныхъ радостей, далъ амнистіи 16.000 человѣкъ. Правда, амнистіи эти оказались ничтожными, какъ и амнистіи Франческо, напримѣръ, данныя имъ по вступленіи на престолъ. Но все-таки цыфры эти даютъ понятіе о томъ множествѣ людей, у которыхъ заботливостью полиціи отнималась возможность вредить порядку, существующему въ государствѣ. А сверхъ того, надо еще принять въ соображеніе число людей сосланныхъ, изгнанныхъ и просто выѣхавшихъ изъ королевства Обѣихъ Сицилій. Можно сказать, что все, стремившееся къ низверженію бурбонскаго правительства, все, отличавшееся непокорнымъ и безпокойнымъ духомъ,—все это было, къ концу царствованія Фердинанда, или казнено, или заточено, или удалено изъ королевства. «Неаполь теперь не въ Неаполѣ, а въ Туринѣ», — писали путешественники, находившіе въ піемонтской столицѣ все, что̀ нѣкогда блистало въ Неаполѣ; и изъ перечня именъ, приводимаго ими, видно было, что, дѣйствительно, почти всѣ неаполитанцы, еще оставшіеся въ живыхъ и на свободѣ и могшіе быть сколько-нибудь опасными господству бурбонской системы, спокойно проживали въ Туринѣ; нѣкоторые оставались и въ другихъ мѣстахъ за границей, но въ Неаполѣ никого не было. Даже послѣ амнистіи Франческо, въ прошломъ году, никто почти не возвратился; стали пріѣзжать въ Неаполь только въ іюлѣ нынѣшняго года, послѣ провозглашенія конституціи и второй амнистіи, болѣе рѣшительной. Но мы знаемъ, что въ это время уже паденіе бурбонскаго трона было рѣшено. Зловредные люди, поѣхавшіе въ Неаполь въ іюлѣ и августѣ, были уже болѣе зрителями, нежели актерами.

Вотъ мы написали уже довольно много, даже, можетъ быть, слишкомъ много страницъ, а между тѣмъ ни мало не подвинулись въ рѣшеніи заданнаго самимъ себѣ вопроса: отчего же это Бурбоны такъ внезапно и съ такой неимовѣрною быстротою утратили свое королевство? Мы не лѣнились на изысканія: мы заглядывали и въ творенія либераловъ, и въ апологіи людей благочестивыхъ и добропорядочныхъ; мы пересматривали одно за другимъ всѣ условія, какимъ обыкновенно приписываются всѣ безпорядки и смятенія въ государствахъ западной Европы; мы взвѣшивали силу оппозиціи, которая могла существовать въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, сравнивали ее съ силою правительства Бурбоновъ, и постоянно находили, что для торжества этой оппозиціи не было никакихъ элементовъ. Повторимъ еще разъ результаты изложенныхъ нами фактовъ. Народъ неаполитанскій въ своей массѣ не понималъ политическихъ правъ и желалъ одного: оставаться постоянно подъ отеческимъ управленіемъ Бурбоновъ. По своему характеру — народъ этотъ кротокъ, безпеченъ, доволенъ малымъ, религіозенъ и въ высшей степени покоренъ. Ясно, что управлять такимъ народомъ дѣло самое легкое; а чтобы возстановить его противъ существующаго порядка, для этого надо употреблять неимовѣрныя усилія, и возиться съ нимъ много и долго, можетъ быть больше, чѣмъ со всякимъ другимъ народомъ на свѣтѣ, да и то безъ особенныхъ надеждъ на успѣхъ. Но, положимъ, злоумышленники хитры и сильны, они всѣмъ пользуются, все пускаютъ въ оборотъ... Какія же средства они имѣли въ Неаполѣ? Мы видѣли, что никакихъ; напротивъ, всѣ обычныя революціонныя орудія обращены были здѣсь противъ нихъ же самихъ. Они не могли ничего сдѣлать посредствомъ религіи: въ Неаполѣ не было разницы вѣроисповѣданій, не было религіозныхъ сектъ, совѣсть народа находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ католическаго духовенства и особенно іезуитовъ, бывшихъ всегда сильными и дѣятельными союзниками бурбонской системы управленія. Религіозное чувство народа постоянно пріучаемо было къ тому, чтобы смотрѣть на враговъ королевскаго абсолютизма, какъ на враговъ самого Бога и его церкви. Это же воззрѣніе проводилось постоянно и въ воспитаніи, которое находилось тоже въ рукахъ іезуитовъ. Такимъ образомъ, злоумышленники не могли проводить своихъ идей и въ школьномъ образованіи молодого поколѣнія. Возмущать умы общества и раздражать страсти посредствомъ книгъ и статей—тоже не было никакой возможности: литература вся была въ рукахъ правительства, за нею смотрѣла полиція и іезуиты, и въ ней натурально не могло появляться ничего, что̀ бы хотѣли высказывать люди, злоумышлявшіе противъ установленнаго порядка. Напротивъ, вся литература была направляема, по возможности, къ утвержденію въ умахъ убѣжденія въ превосходствѣ и благодѣтельности этого порядка. Іезуиты не только цензировали книги, они и сами сочиняли ихъ; полиція не только слѣдила за журналами, она сама издавала свою газету; Біанкини замѣнилъ Риччарди въ изданіи «Progresso»... Безпокойные люди печатали дурныя книги тайно и за границей, ввозили ихъ контрабандой; но мы видѣли, что и это средство было очень слабо: запрещенныя книги были доступны лишь немногимъ, а какъ только ихъ распростра-

неніе принимало характеръ сколько-нибудь значительный, полиція тотчасъ принимала свои мѣры, и тутъ и авторы, и читатели, и продавцы, и владѣльцы такихъ книгъ были строго наказываемы за обманъ, ослушаніе и безнравственность. Столько же трудно было злоумышленникамъ дѣйствовать посредствомъ живого слова: имъ не было случаевъ къ тому, по недостатку большихъ публичныхъ собраній, да и при томъ же за каждымъ словомъ ихъ слѣдила полиція, и они могли по первому подозрѣнію попасть въ тюрьму. Что могли еще дѣлать они въ такихъ обстоятельствахъ? Послѣднее убѣжище—заговоръ, тайное общество. Но мы уже знаемъ, что людей злонамѣренныхъ и безпокойныхъ было въ Неаполѣ самое ничтожное количество: адвокаты, медики и еще кое-кто въ этомъ родѣ... Остальное все было спокойно и довольно, не желало ничего лучшаго. Кого же могли буйные либералы привлечь къ своему обществу? Двухъ-трехъ юношей, сбившихся съ пути и позабывшихъ наставленія религіи и своихъ учителей! Недаромъ же и были такъ жалки и безплодны многочисленныя попытки заговоръ при Фердинандѣ... Одинъ разъ (1848 г.), пользуясь всеобщимъ волненіемъ въ Европѣ, либерали успѣли было взять перевѣсъ; но и то надолго ли? Народъ самъ показалъ себя враждебнымъ къ нимъ (по крайней мѣрѣ, такъ думаютъ благоразумные люди), и власть короля была возстановлена во всей своей силѣ. А чтобъ зловредные люди не продолжали возмущать умовъ, ихъ вслѣдъ затѣмъ захватили повсюду, гдѣ могли захватить, и предали суду. Иные изъ нихъ погибли въ темницѣ, другіе сосланы на галеры, третьи изгнаны; нѣкоторые успѣли бѣжать сами, а оставшіеся и найденные невинными, но все-таки подозрительными на счетъ образа мыслей, отданы подъ строжайшій присмотръ полиціи. Могли ли они послѣ этого продолжать свои коварные замыслы и волновать умы? Могли ли даже мечтать о торжествѣ своихъ беззаконныхъ идей надъ законною властью Бурбоновъ? Не были ли они обезсилены, поражены, уничтожены? Не поражались ли, не придавливались ли они всякій день, всякій разъ, какъ только осмѣливались обнаруживать свое существованіе?

Да, при концѣ царствованія Фердинанда, сила бурбонскаго правительства представляется намъ прочно-утвержденною, торжествующею надъ всѣми противными началами, непоколебимою въ своемъ могуществѣ. Ни одинъ изъ элементовъ, считающихся вообще благопріятными волненіямъ и непокорству, не только не былъ развитъ, но даже прямо можно сказать — не существовалъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій.

И между тѣмъ, революція такъ быстро, такъ легко сокрушила тронъ Бурбоновъ, хотя новый король ни въ чемъ не измѣнилъ режиму своего отца! Чѣмъ же объяснить эту странность? Должна же быть какая-нибудь причина этого удивительнаго явленія?

Причинъ этихъ, читатель, приводятъ даже двѣ: соглашаясь въ томъ, что не либералы и злоумышленники, что не характеръ народа произвелъ паденіе Бурбоновъ, ихъ противники говорятъ, что причиною революціи были сами же Бурбоны съ своей системою; защитники же ихъ, и самъ Франческо, тоже признавая, что народъ тутъ нимало не виноватъ, и что либералы непричастны, увѣряютъ, что вся исторія была дѣломъ иностраннаго вмѣшательства.

Читатель можетъ принять ту или другую причину; но мы просимъ у него позволенія разсмотрѣть ихъ въ слѣдующей статьѣ.

IV.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ писателей нашего времени есть безспорно синьоръ Казелла, первый, послѣдній и единственный министръ бывшаго короля неаполитанскаго, Франческо II. Вся Европа читала его ноты и протесты, которымъ, конечно, позавидовалъ бы самъ Меттернихъ, если бы могъ теперь чему-нибудь завидовать. При чтеніи этихъ нотъ мы всегда воображали себѣ синьора Казеллу въ видѣ вдохновеннаго Архимеда, говорящимъ: «дайте мнѣ точку опоры внѣ Гаэты, и я всю Италію переверну по-своему». Но, къ несчастью, желанной опоры онъ не нашелъ нигдѣ, ни даже въ императорѣ Луи-Наполеонѣ, котораго такъ трогательно благодарилъ въ одной изъ своихъ нотъ, справедливо получившей названіе «интродукціи къ лебединой пѣснѣ». Все краснорѣчіе гаэтскаго министра было безсильно противъ *вещественной* силы «Пьемонтскихъ величьишекъ», по счастливому выраженію графа Монталамбера. Пьемонтъ вѣроятно напалъ на своихъ собратій, покорилъ ихъ и отнялъ всѣ права у законнаго ихъ короля... Очевидно, что съ такими разбойниками дѣлать нечего: они не послушаютъ ни Казеллы, ни Монталамбера, ни самого святѣйшаго папы. Но если съ Пьемонтомъ нельзя сговорить, то въ Европѣ никогда не бываетъ недостатка въ людяхъ степенныхъ и благомыслящихъ, готовыхъ съ полнымъ довѣріемъ прислушиваться къ назидательнымъ рѣчамъ синьора Казеллы. Такимъ образомъ, мнѣнія, имъ излагаемыя, нашли себѣ отголо-

сокъ во всѣхъ легитимистскихъ и въ нѣкоторой части либеральныхъ журналовъ Европы. Съ половины сентября мы каждый день читали на разные лады повторяемыя сужденія о томъ, что неаполитанская революція и низверженіе Бурбоновъ есть дѣло ни кого другого, какъ пьемонтскаго правительства... Вопросъ, надъ которымъ мы столько бились въ нашей прошедшей статьѣ, рѣшался, такимъ образомъ, весьма легко и въ то же время основательно. Всевозможныя соображенія, всѣ факты прямо указывали на это рѣшеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните ходъ событій. Политика Пьемонта всегда была весьма честолюбива. Изъ честолюбія, и только изъ одного честолюбія, чтобы показать, что «и она тоже сильна», Сардинія сунула носъ въ Крымъ. Ея армія остроумно была названа у насъ «сардинкою», но это не помѣшало Пьемонту играть извѣстную роль на парижскомъ конгрессѣ. Еще тутъ онъ заявилъ свои человѣколюбивые замыслы, сдѣлавъ доносъ на прочихъ итальянскихъ властителей, и между прочимъ на короля неаполитанскаго и на папу. Затѣмъ, Пьемонтское правительство пользовалось всѣми случаями погубить остальныя итальянскія династіи: вопреки настояніямъ Австріи, развило у себя либеральныя нововведенія и дозволяло безпорядки, давало пріютъ людямъ, изгнаннымъ изъ Неаполя, Флоренціи, Рима и пр., совалось съ своими совѣтами и къ папскому правительству, и къ герцогамъ, и не упустило случая дать наставленіе даже юному королю Обѣихъ Сицилій, при самомъ вступленіи его на престолъ. Словомъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ Пьемонта издавна замѣтно было желаніе поставить въ Италіи свое вліяніе на мѣсто австрійскаго. Сначала сардинское правительство (т.-е. правильнѣе—министерство, ибо Викторъ-Эммануилъ тутъ остается ни при чемъ: вся сила въ Кавурѣ) думало успѣть легко, и потому дѣйствовало только убѣжденіемъ, сохраняя личину законности. Но видя, что никто изъ законныхъ властителей не поддается на лукавыя внушенія и не располагаетъ быть вассаломъ Пьемонта, видя, что Австрія не думаетъ отказываться отъ своей системы, туринское министерство не поцеремонилось прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, гораздо менѣе благовиднымъ. Сначала призвало оно на помощь другую державу: здѣсь была хоть тѣнь законности. Но, вслѣдъ затѣмъ, неразборчивость къ средствамъ дошла у Пьемонта до того, что онъ рѣшился дѣйствовать посредствомъ революціи!.. Такимъ образомъ произведена была революція въ герцогствахъ въ Романьѣ и, наконецъ, въ Неаполѣ. И если кто виноватъ во всей пролитой крови, такъ это Пьемонтское честолюбіе...

Все это повторялось не только журналами, но даже нѣкоторыми государственными людьми. Мы бы могли указать здѣсь, напримѣръ, на графа Буоля, на генерала Ламорисьера и другихъ; но они были заинтересованы въ дѣлѣ, подобно самому синьору Казеллѣ, и потому могли быть не вполнѣ безпристрастны. Но вотъ человѣкъ рѣшительно посторонній, принадлежащій къ странѣ либеральной, очевидецъ дѣла—лордъ Нормэнби, извѣстный своими открытіями относительно событій 1848 года во Франціи и вообще въ политической мудрости уступающій развѣ нашему господину Горяинову: *спросите его хоть о тосканскихъ событіяхъ 1859 года!* Кто произвелъ и поддержалъ революцію во Франціи? Господинъ Бонкомпаньи, сардинскій уполномоченный. Онъ могъ отрекаться отъ участія въ возстаніи, могъ доказывать лорду Нормэнди, что онъ, говоря объ итальянскихъ дѣлахъ, высказываетъ только полное ихъ непониманіе. Можетъ быть, и точно. Лордъ Нормэнби имѣетъ объ Италіи понятіе нѣсколько одностороннее (какъ и о Франціи 1848 года)... Но это нисколько не прикрываетъ Сардинію: генералъ Уллоа былъ изъ Турина присланъ въ Тоскану и отъ графа Кавура получилъ приказанія и жалованье... Въ Моденѣ и Пармѣ то же самое: Фарини — пьемонтецъ, Фарини — кавуристъ, какъ извѣстно, и между тѣмъ онъ велъ все дѣло въ этихъ герцогствахъ. Тоже и въ Неаполѣ и Сициліи Гарибальди былъ орудіемъ Кавура; все ихъ видимое разногласіе было просто маской... А между тѣмъ, сицилійская экспедиція была приготовлена самимъ пьемонтскимъ правительствомъ, всѣ дѣйствія Гарибальди были направляемы изъ Турина, съ разрѣшенія Луи-Наполеона. И когда у Гарибальди не стало силъ одному съ своими скопищами бороться противъ вѣрныхъ войскъ короля Франческо, тогда Пьемонтъ сбросилъ маску и открыто пошелъ войною на сосѣднее правительство, съ которымъ до тѣхъ поръ не прерывалъ даже дружественныхъ сношеній...

Таковъ смыслъ послѣднихъ нотъ министра Казеллы, таково мнѣніе всѣхъ ультрамонтанскихъ и части полуоффиціальныхъ газетъ во Франціи, таковы, кажется, мысли самой «Аугсбургской Газеты», а можетъ быть даже и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Послѣ этого всѣ означенныя газеты имѣютъ, разумѣется, полное право жестоко осмѣять насъ за то, что мы ищемъ вчерашняго дня, добиваясь, отчего могла произойти такая быстрая и такая успѣш-

ная революція въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій.

Но при всемъ нашемъ уваженіи къ проницательности благомыслящихъ газетъ, мы на этотъ разъ не очень спѣшимъ удовлетвориться ихъ мнѣніемъ. Намъ кажется, что какъ ни сильно честолюбіе пьемонтскаго министерства, но боязнь революціонныхъ безпорядковъ въ немъ еще сильнѣе. Оно желаетъ владѣть Италіей, но съ помощью средствъ благоразумныхъ и законныхъ. Оно понимаетъ, что въ союзѣ съ революціонерами оно, можетъ быть, и достигнетъ единства Италіи, но ничего не выиграетъ для своего собственнаго значенія. Поэтому положительно можно утверждать, что если графъ Кавуръ не упускаетъ случая воспользоваться даже и революціей для расширенія своего значенія, то ни въ какомъ случаѣ не рискнетъ онъ самъ на революцію. Это дѣло другихъ людей, въ отношеніи къ которымъ графъ Кавуръ играетъ ту же роль, какъ Меттернихъ въ отношеніи къ либераламъ времени реставраціи. Еще 25 лѣтъ тому назадъ Маццини писалъ, что Пьемонтъ долженъ быть увлеченъ на путь реформъ «идеею о коронѣ всей Италіи» [1]), такъ точно какъ Неаполь долженъ быть приведенъ къ этому силою. До сихъ поръ событія служили постояннымъ подтвержденіемъ этихъ предвѣщаній; но въ нихъ же самихъ не трудно видѣть и полное оправданіе Пьемонта отъ сообщничества съ революціонерами... Впрочемъ, мы на этотъ счетъ распространяться здѣсь не будемъ, потому что объ отношеніяхъ сардинскаго министерства къ итальянской революціи «Современникъ» уже нѣсколько разъ говорилъ въ «Политическомъ Обозрѣніи». Здѣсь мы прибавимъ лишь нѣсколько фактовъ, преимущественно для тѣхъ тонкихъ политиковъ, которые видятъ во всемъ двойныя и тройныя интриги и, не довольствуясь тѣмъ, что актеры играютъ комедію, увѣряютъ часто, что они только представляютъ, будто играютъ комедію, а въ самомъ-то дѣлѣ совершаютъ что-то другое.

Дипломатическая комедія, разыгрываемая Сардиніей на тему уваженія къ международному праву, трактатамъ и династической законности, совершенно ясна; не менѣе ясна и другая комедія, исполняемая Пьемонтомъ противъ людей, которымъ онъ долженъ своимъ теперешнимъ могуществомъ, и противъ надеждъ народа, прибѣгшаго къ покровительству Пьемонта. Но тонкіе политики этимъ не довольствуются: имъ непремѣнно нужно, чтобы дѣло было запутано такъ, какъ во второй части «Мертвыхъ душъ» русскій юристъ запуталъ дѣло Чичикова. Они довольны, повидимому, только тогда, когда ужъ разобрать ничего нельзя и смыслъ человѣческій рѣшительно теряется. Но мы, хотя и представляемъ изъ себя нѣкоторое подобіе Кифы Мокіевича, однакоже никакъ не желаемъ имѣть подобный результатъ для своихъ размышленій. Отъ этого мы никакъ не хотимъ и не можемъ допустить, чтобы пьемонтское правительство руководило неаполитанской революціей и для прикрытія дѣлало всякія пакости Гарибальди и его сподвижникамъ. Это можно было говорить еще, когда въ кавуровскихъ журналахъ уничтожали Гарибальди при самомъ началѣ его экспедиціи, когда задерживали его отправленіе, не выдавали принадлежащихъ ему денегъ, велѣли стрѣлять въ его волонтеровъ; можно было настаивать, когда въ Сицилію посланъ былъ Ла-Фарина, когда Викторъ-Эммануилъ писалъ къ Гарибальди настоятельныя письма, чтобъ онъ не ходилъ на Неаполь, когда Кавуръ спрашивался у Луи-Наполеона, можно ли ему отвергнуть поздній союзъ съ Неаполемъ, когда Гарибальди изъявлялъ желаніе, чтобъ Кавуръ оставилъ министерство, а Кавуръ въ парламентѣ возбуждалъ вопросъ, можно ли вотировать адресъ Гарибальди, какъ человѣку, заслужившему признательность отечества... Все это могло считаться комедіей, пока была возможность утверждать, что въ видимомъ нерасположеніи министерства къ дѣятелямъ неаполитанской революціи нѣтъ ничего существеннаго, что это только такъ — личина. Но вотъ прошло еще два мѣсяца слишкомъ, и комедія зашла уже слишкомъ далеко. Гарибальди остановленъ въ своихъ замыслахъ на Римъ и Венецію, Неаполемъ управляетъ Фарини, Сициліей — Ла-Фарина, Кавуръ объявляетъ Европѣ, что онъ хочетъ водворить порядокъ, съ Римомъ заводятся сношенія, Австрію разсчитываютъ заставить, съ помощью императора Луи-Наполеона, продать Венецію. Неужели и послѣ этого еще можно упрекать сардинское правительство въ революціонныхъ наклонностяхъ? А съ другой стороны — партія, руководившая революціей въ Сициліи и Неаполѣ, со дня на день становится болѣе недовольною Пьемонтомъ. Ея журналы и брошюры чуть не каждый день открываютъ новые факты, бросающіе на сардинское министерство очень невыгодную тѣнь. Относительно экспедиціи Гарибальди они публикуютъ подробности, ясно доказывающія, что пьемонтское правительство всѣми мѣрами старалось задержать и не допустить

[1]) Delle presenti condizioni d'Italia, p. duc de Venhignano.—*Прим. Д.*

ее [1]). Въ самыхъ популярныхъ изданіяхъ, въ календаряхъ, въ каррикатурныхъ листкахъ стараются объяснять народу, какъ вредны были и продолжаютъ быть люди кавуровской компаніи—i moderati, какъ ихъ называютъ въ насмѣшку,—для дѣла освобожденія. Самое вторженіе Пьемонта въ папскія владѣнія объясняютъ безъ всякихъ околичностей желаніемъ Кавура поддержать *свою популярность*, которая начала сильно шататься отъ его вражды съ Гарибальди [2]). Въ оправданіе себя, Кавуръ тоже печатаетъ статейки и пускаетъ въ ходъ брошюры, иногда составленныя довольно искусно. Но онѣ не остаются безъ отвѣта. Такъ, напр., одинъ адвокатъ (т.-е. человѣкъ изъ сословія по преимуществу революціоннаго, по увѣренію г. Гондона и подобныхъ), по имени Карло Боджіо издалъ брошюрку «Cavour o Garibaldi?» и, выхваляя какъ будто бы Гарибальди, въ то же время очень ласково даетъ понять, что это храбрый безумецъ, который ничего прочнаго сдѣлать не можетъ, и что если ужъ выбирать между нимъ и Кавуромъ, то необходимо довѣриться политической мудрости графа. Въ отвѣтъ на это, тотчасъ явилась брошюра Анджело Брофферіо, не безъ ѣдкости доказывающая, что «политическая мудрость» графа можетъ увеличить значеніе Пьемонта какими-нибудь новыми сдѣлками, въ родѣ продажи Ниццы и Савойи, но никогда не устроитъ единства Италіи [3]). Это же каждый день повторяется въ журналахъ партіи, искренно приверженной къ Гарибальди. Они всѣми силами стараются исправить ошибку общаго мнѣнія, приписывавшаго пьемонтскому министерству большое участіе въ проектахъ и дѣйствіяхъ Гарибальди. Въ началѣ декабря «Il Diritto» говорилъ по поводу книги Піанчини: «Всѣ помнятъ отправленіе Гарибальди въ Сицилію. Кто не утверждалъ, кто не клялся тогда въ Пьемонтѣ, что экспедиція Гарибальди замышлена по согласію съ Кавуромъ, что Ла-Фарина доставлялъ въ Геную оружіе и деньги, что Кавуръ далъ великому человѣку (т.-е. Гарибальди) самыя существенныя пособія? Немногіе, знавшіе и осмѣлившіеся утверждать противное, были осмѣяны, обвиняемы во лжи, оскорбляемы,—какъ случается всегда съ тѣми, кто рѣшается говорить истину передъ обманутою толпою. Но теперь истина извѣстна», и пр... Затѣмъ слѣдуютъ факты и выдержки изъ книги Піанчини, которыхъ мы не станемъ касаться. Но изъ приведенныхъ словъ очевидно, что если теперь Кавуръ желаетъ распространить слухъ о своемъ участіи въ дѣлѣ освободителей Италіи, то они сами всячески хлопочутъ, чтобы раскрыть глаза заблуждающимся, которыхъ, какъ видно, не мало въ самой Италіи... Все это ужъ не походитъ на комедію. Наконецъ, всего убѣдительнѣе противъ мнѣнія о томъ, будто неаполитанская революція была организована Пьемонтомъ, говоритъ положеніе, принятое теперь самимъ Гарибальди. Не говоря обо всѣхъ послѣднихъ событіяхъ, укажемъ слѣдующій фактъ: почти во всѣхъ городахъ Италіи (исключая можетъ быть Турина).

---

[1]) Въ декабрѣ вышла въ Миланѣ книга полковника Піанчини «Dell'andamento delle cose in Italia», на каждой страницѣ доказывающая, что вмѣшательство пьемонтскаго правительства, со времени первой экспедиціи Гарибальди, постоянно служило ко вреду общаго дѣла единства и независимости Италіи. Мы, можетъ быть, еще возвратимся къ этой замѣчательной книгѣ.

Прим. Д.

[2]) Въ Генуѣ, къ концу года, появился, наприм., между прочимъ, демократическій альманахъ, подъ названіемъ «Cavour», являющійся уже не въ первый разъ. Нынѣ помѣщены въ немъ лирическія сцены: «Cavour nell'imbarazzo». Затруднительное положеніе Кавура изображается здѣсь весьма комически, особенно обманутыя надежды его на Ратацци; но въ самую критическую минуту, когда Кавуру приходится бѣжать изъ министерства, онъ вдохновляется и принимаетъ видъ необыкновенно воинственный и *смѣлый* (audace напечатано курсивомъ) и поетъ:

«Impertinenti! Lo vedrete or ora!
Un pensier m'e' venuto!
Occuperô le Marche. Non importa,
Lô faccio ora e riprendo
La popolarità che avea perduta», и пр.

Затѣмъ i moderati разражаются воинственнымъ хоромъ:

«Fratelli d'Italia,
Cavour si ridesta», и пр.

Альманахъ украшенъ плохими каррикатурами и продается *по два сольдо*, т.-е. $2^1/_2$ коп. сер.

Прим. Д.

[3]) Заглавіе брошюры: «Garibaldi o Cavour?» Ея смыслъ виденъ ужъ изъ одного эпиграфа: «Гарибальди—Палермо и Неаполь; Кавуръ—Ницца и Савойя». Въ брошюрѣ 32 страницы, — обыкновенный размѣръ политическихъ брошюръ, принятый во Франціи; форматъ меньше, но печать несравненно убористѣе, и между тѣмъ цѣна брошюры 3 сольдо, т.-е. 15 сантимовъ, тогда какъ французскія брошюры продаются по франку.

Прим. Д.

406. Confession d'un poète, par Nicolas Sémènow.

Paris. 1860. (**Исповѣдь поэта,** сочин. *Николая Семенова.* Парижъ).

Напечатано въ XII кн. «Современника» 1860 г. (ценз. 20 декабря). Николай Никол. Семеновъ написалъ много французскихъ повѣстей, романовъ и стихотвореній, никогда не перейдя грани, отдѣляющей бездарность отъ сколько-нибудь талантливаго беллетриста. Добролюбовъ написалъ о немъ, вѣроятно, чтобы имѣть поводъ высказаться съ *большею подробностью*, чѣмъ дѣлалъ до того, по основѣ «женскаго вопроса», тогда бывшаго однимъ изъ очередныхъ общественныхъ вопросовъ. Разумѣется, Н. А. явился сторонникомъ полной свободы женщины, даже не понимая, въ силу своей убѣжденности въ естественномъ правѣ, какъ можно создавать изъ этого *вопроса*. Крѣпостныя отношенія половъ въ области чувствъ также глубоко возмущали его, какъ и дальнѣйшее крѣпостничество на почвѣ соціальной, экономической и политической.

М. Л.

Все, что̀ написано по-французски, принадлежитъ собственно къ французской литературѣ и потому, по настоящему, не должно бы имѣть мѣста въ *русской* библіографіи. Но мы питаемъ большую нѣжность къ нашимъ соотечественникамъ, на какомъ бы языкѣ они ни говорили, и никакъ не хотимъ уступить ихъ иноземцамъ. Г. Кокоревъ, графъ Соллогубъ, Наркисъ Отрѣшковъ, Николай - де - Жеребцовъ [1]), инженеръ-полковникъ Комаровъ и другіе французскіе литераторы изъ русскихъ остаются постоянно близки нашему сердцу не менѣе тѣхъ русскихъ писателей, которые простираютъ свое презрѣніе къ иностраннымъ языкамъ до того, что Blinde Kuh переводятъ «слѣпая корова»... Нашъ патріотизмъ такъ великъ, что никакой языкъ, даже языкъ статей г. Аполлона Григорьева, не помѣшаетъ намъ тотчасъ признать нашего соотечественника, гдѣ бы мы его ни встрѣтили, не только въ Парижѣ, но даже въ первомъ и третьемъ отдѣленіи Санктпетербургской Академіи Наукъ. Не упрекайте же насъ за намѣреніе разбирать въ числѣ русскихъ книгъ французское сочиненіе г. Семенова.

Въ отношеніи къ этому автору мы имѣемъ, впрочемъ, и другія причины, почему обращаемъ на него вниманіе. Главная причина та, что намъ жаль юный (можетъ, онъ и старый, но изъ учтивости всегда говорится — юный) талантъ, до сихъ поръ не нашедшій себѣ достойной оцѣнки. Представьте себѣ, младой россійскій юноша ощутилъ вдругъ призваніе къ творчеству и неразлучное съ нимъ стремленіе къ славѣ. Онъ горитъ желаніемъ раскрыть свою душу предъ цѣлымъ міромъ. Россія, какъ ни огромно ея протяженіе, тѣсна для него, удивленіе семидесяти милліоновъ, говорящихъ по-русски, мало ему... Онъ хочетъ заявить себя предъ Европой, онъ желаетъ поразить блескомъ своего генія весь образованный міръ. И вотъ онъ прибѣгаетъ къ всемірному языку — сочиняетъ книжку по-французски, спѣшитъ въ Парижъ, печатаетъ свою рукопись въ великолѣпной типографіи Дюбюиссона въ Rue Coq-Héron, можетъ быть самой литературной изъ парижскихъ улицъ, нѣчто въ родѣ Армянскаго переулка въ Москвѣ [1]), — отдаетъ свою книжку на попеченіе г. Amyot, раздѣляющаго съ Франкомъ любовь нашихъ соотечественниковъ [2]), и ждетъ, что заговоритъ о немъ Европа. Онъ имѣетъ всѣ шансы для прославленія своего имени: лучшіе изъ соотечественникомъ прочтутъ его по-французски скорѣе, чѣмъ если бы онъ писалъ по-русски; въ мнѣніи каждаго порядочнаго русскаго, романъ его будетъ заранѣе выигрывать 50 процентовъ уже потому, что онъ идетъ изъ Парижа; кромѣ того, сокровища таланта русскаго автора доступны теперь для удивленія всѣхъ образованныхъ людей Европы; но особенно важно то, что новое французское твореніе должно вызвать похвалы парижской прессы; а такъ какъ извѣстно, что журналистика всего міра повторяетъ то, что̀ говорится въ Парижѣ, то, безъ всякаго сомнѣнія, имя г. Семенова скоро разнесется во всѣ концы вселенной и прогремитъ въ обоихъ полушаріяхъ.

Такъ, конечно, разсчитывалъ юный романистъ и, можетъ быть, въ мечтахъ своихъ возносился уже выше Вандомской колонны, противъ которой помѣщается книжный магазинъ г. Амьо, его издателя. Судите же, каково должно быть его разоча-

---

[1]) См. № 204.

[1]) Мѣсто изданія «Рус. Вѣстника».

[2]) Издатели русскихъ книгъ за границею.

рованіе: прошло около года послѣ изданія его романа, и никто не заикнулся о немъ. Парижская пресса прошла его молчаніемъ, и онъ можетъ разсчитывать развѣ попасть въ будущій Annuaire des deux Mondes, который съ особенной любовью занимается состояніемъ русской науки и литературы, считая въ числѣ главныхъ ея представителей гг. Лешкова и Луганскаго [1]), или, какъ онъ выражается, Leschkoff и Louganski. Г. Семеновъ ждалъ всемірной славы, а ея-то и нѣтъ... Мало того, и сама Россія осталась до сихъ поръ въ невѣдѣніи о твореніи, давшемъ Европѣ новое доказательство русскаго генія. Русскіе журналы заняты были поздними сожалѣніями о томъ, что Россія потеряла г-жу Свѣчину, столь благодѣтельно дѣйствовавшую на развитіе истинной цивилизаціи за границей [2]), но никто не пожалѣлъ о томъ, что русскіе читатели, не знающіе по-французски, лишены счастья познакомиться съ талантомъ г. Семенова... Мало того, даже въ петербургскіе салоны не проникъ розовый томикъ г. Семенова, несмотря на то, что онъ многократно и съ особенной настоятельностью обращается къ свѣтскимъ дамамъ и молодымъ джентльменамъ. Правда, онъ пепелитъ ихъ молніями своего гнѣва, но тѣмъ интереснѣе долженъ бы онъ казаться: поэтъ во гнѣвѣ!.. Вѣдь это море въ бурю! И если вы стоите на берегу, въ полной безопасности, какъ же не полюбоваться на величественное явленіе природы!.. Но habent sua fata libelli — глубокомысленно замѣтили бы мы, если бы назначали свою рецензію для «Отечественныхъ Записокъ». Несмотря на всѣ шансы успѣха, книжка г. Семенова прошла незамѣченною, и уже перешла теперь на толкучіе рынки Латинскаго квартала, гдѣ продается за четверть цѣны. По всему видно, что нашего романиста постигла участь Матрены, которую обезсмертилъ Крыловъ въ одномъ изъ своихъ комментаріевъ на собственныя басни:

И сдѣлалась Матрена
Ни пава, ни ворона.

Отъ русской литературы г. Семеновъ бѣжалъ, а французская не признала его.

Такъ не будетъ же этого,—сказали мы сами себѣ: — мы не допустимъ погибнуть въ безвѣстности нашего соотечественника, не оставимъ его ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ! Если французскія павы не хотятъ признать его, то мы будемъ благороднѣе ихъ и убѣдимъ русскую литературу принять г. Семенова въ свою среду, [какъ настоящую кровную ворону!..]

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ пробѣжать романъ, чтобы увидѣть, что авторъ его, хотя и пишетъ по-французски, но, по своимъ понятіямъ, стремленіямъ и сочувствіямъ, остался истинно-русскимъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ нашему лучшему обществу. Чтобы убѣдить васъ въ этомъ, мы разскажемъ вкратцѣ содержаніе «Исповѣди поэта», предполагая, что вы имѣете несчастіе до сихъ поръ еще не знать ея.

Надо замѣтить прежде всего, что г. Семеновъ говоритъ не отъ своего имени, а отъ имени нѣкотораго поэта, по имени Евгенія. Сужденіе самого автора о его героѣ можно находить въ заключительномъ письмѣ его друга, графа N. По мнѣнію графа, «сердце Евгенія заключало въ себѣ сокровища доброты и благородства, горячую любовь къ истинѣ и справедливости; онъ былъ страстенъ и порывистъ; ненависть его, если онъ ненавидѣлъ, доходила до изступленія; но этотъ недостатокъ искупался въ немъ тысячами достоинствъ: онъ былъ прямодушенъ, мужественъ, какъ его предки, безкорыстенъ, преданъ тѣмъ, кого любитъ, до того, что готовъ былъ жертвовать для нихъ всѣмъ, даже жизнью. Но, что̀ особенно отличало его, это духъ изумительной правоты, свободной отъ всякихъ предразсудковъ, и поэтическій ароматъ, исходившій изъ его души» (стр. 214). Итакъ, вотъ съ кѣмъ вы имѣете дѣло: этотъ изумительный Евгеній, это совершенство въ нѣкоторомъ родѣ — разсказываетъ намъ исторію своего сердца.

На балѣ mademoiselle Евлаліи, содержанки вышеупомянутаго графа N* [(какъ видно, г. Семеновъ хотѣлъ дать Европѣ понятіе о нашей гласности, и потому многія лица въ своемъ романѣ не означаетъ иначе, какъ только буквами)], — Евгеній влюбился въ прелестную испанку, Инесу, которую содержалъ баронъ Ризенштейнъ. Вы не пугайтесь, что дѣло начинается такъ прозаически: сейчасъ же дойдетъ и до поэзіи. Испанка дала Евгенію свой альбомъ, чтобы онъ импровизировалъ въ него стишки. Онъ сначала-было окрысился, потому что «смѣшно же воспѣвать прелестные глазки d'une courtisane» — какъ это приличнѣе сказать по-русски—мы уже не знаемъ. Но такъ какъ Евгеній — человѣкъ bien élevé, то онъ и не могъ сдѣлать невѣжливости— даже куртизанкѣ—и взялъ альбомъ съ намѣреніемъ, однакоже, написать испанкѣ quelque bonne méchanceté. Эта bonne méchanceté весьма удачно импровизирована была имъ изъ нѣсколькихъ общихъ мѣстъ, до сихъ поръ, впрочемъ, принимаемыхъ за

[1]) Псевдонимъ В. И. Даля.
[2]) Полемика въ «Рус. Вѣстникѣ» и др. изданіяхъ.

остроуміе въ извѣстномъ кругѣ общества. Чтобы дать вамъ понятіе о томъ, какъ нашъ поэтъ (или г. Семеновъ—на сей разъ все равно) мастерски владѣетъ французскимъ языкомъ и стихомъ, мы выписываемъ его импровизацію.

L'amour est cher à Pétersbourg.
Aux yeux de plus d'une siréne
Bourse vide est preuve certaine
D'un manque de coeur et d'amour.

Or, je suis un trop pauvre hère,
Et pour qui t'aime, ange malin,
La bourse a tort d'être légére
Alors que le coeur est trop plein.

Je dissimule en vain ma plaie
Sous les replis d'un madrigal.
C'est pour l'amour triste monnaie,
Quand il demande un capital.

Отдавши испанкѣ альбомъ, поэтъ удалился и пошелъ играть въ карты. Но черезъ часъ пошелъ ее отыскивать. Онъ ее нашелъ въ дальней, слабо освѣщенной комнатѣ, читающею его стихи и плачущею. Произошло, разумѣется, объясненіе, изъ котораго оказалось, что испанка имѣетъ возвышенныя чувства, [вовсе не торгуетъ собою], любитъ Евгенія, но только не хочетъ обманывать своего любовника... Объясненіе было прервано на самомъ интересномъ мѣстѣ; но, тѣмъ не менѣе, дѣло было кончено. Испанки, какъ извѣстно всѣмъ, даже не читавшимъ писемъ В. П. Боткина [1]), страстны и рѣшительны; слѣдовательно, ничего нѣтъ удивительнаго, что Инеса на другое же утро бросила свою великолѣпную квартиру, продала мебель, отослала вырученныя деньги къ Ризенштейну, своему бывшему любовнику, наняла маленькую квартиру и, къ вечеру, прибѣжала къ Евгенію съ объявленіемъ, что она его навѣки. Вотъ что̀ значитъ поэзія, особенно такая, въ которой поэтъ называетъ себя «un pauvre hère», избѣгая такимъ образомъ вульгарнаго pauvre diable и въ то же время счастливо приближаясь къ языку Шиллера и Гёте!..

Все было прекрасно, несмотря на то, что pauvre hère былъ дѣйствительно не богатъ: онъ получалъ сто цѣлковыхъ въ мѣсяцъ отъ своихъ родителей, а остальное приходило ему случайно—то при счастливой игрѣ, то за удачные стишки. Испанка, однакоже, не тяготилась своимъ положеніемъ, потому что безъ ума была отъ Евгенія и его талантовъ. Но поэтъ всегда найдетъ себѣ причину печали: [онъ вздумалъ тосковать о томъ, что Инеса досталась ему не дѣвою!..] Надо сказать, что онъ самъ, какъ «jeune homme élégant et distingué», по его собственному признанію, имѣлъ-таки на своему вѣку не одну интрижку, и даже незадолго до встрѣчи съ Инесою только-что бросилъ какую-то княгиню С*. Связь его съ этой княгиней не была тайною, и Инеса знала про нее, но (по своей испорченности, очевидно) и не думала оскорбляться этимъ и ревновать прошедшее своего Евгенія. Но поэтъ нашъ не изъ такихъ: нося въ сердцѣ своемъ «горячую любовь къ истинѣ и справедливости», [онъ питаетъ, какъ видно, не менѣе горячую любовь и къ кое-чему другому],—онъ не можетъ никакъ примириться съ мыслью, что «другой владѣлъ его Инесою, другой [покрывалъ это прекрасное тѣло] [1]) своими ласками». Вслѣдствіе того, «одно утро, держа ее въ своихъ объятіяхъ, онъ былъ охваченъ холоднымъ бѣшенствомъ, безумнымъ желаніемъ задушить ее»... Къ счастью, на этотъ разъ смертоубійственное намѣреніе не исполнилось, и мысли поэта приняли другой оборотъ, хотя въ томъ же разрушительномъ направленіи: ему захотѣлось во что бы то ни стало убить Ризенштейна. Онъ не могъ только придумать приличнаго предлога для дуэли... Но, къ счастью, оказалось, что баронъ одержанъ былъ той же истинно-нѣмецкой страстью—убивать своихъ ближнихъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Евгеній обдумывалъ проектъ ссоры съ бароном, предупредительный нѣмецъ самъ къ нему явился и безъ всякихъ предисловій освѣдомился, не желаетъ ли поэтъ драться съ нимъ. Поэтъ отвѣчаетъ: «съ величайшимъ удовольствіемъ», и на другой день они дрались, и, разумѣется, Евгеній убилъ Ризенштейна (иначе бы и романа продолжать нельзя было). Послѣ дуэли произошла прелестная сцена. Ночь передъ дуэлью Евгеній провелъ съ Инесой; въ семь часовъ утра, когда она еще спала, онъ отправился; покончивъ дѣло, онъ вернулся къ ней и засталъ ее за чаемъ. «Зачѣмъ ты сегодня такъ рано поднялся и ушелъ?» спросила она его.—«Я дрался съ Ризенштейномъ и убилъ его», отвѣчалъ онъ.—«Правда?» спросила она.—«Честное слово!» отвѣчалъ онъ.—«О, благодарю», воскликнула она и бросилась ему на шею... Потомъ они принялись, конечно, за чай...

Послѣ этого происшествія поэтъ съ испанкою стали жить спокойнѣе, только поэтъ надѣлалъ долговъ. Чтобы заплатить ихъ, онъ написалъ романъ; романъ не годился. Но редакторъ журнала, куда Евгеній адресовался, былъ человѣкъ, какихъ мало даже между журналистами, благороднѣйшими людьми въ мірѣ, какъ извѣстно. Онъ сказалъ поэту: «вашъ романъ плохъ, и, надо думать, что вы очень стѣснены въ дѣлахъ,

[1]) «Письма объ Испаніи».

[1]) осыпалъ ее

если рѣшились подписать ваше имя подъ такимъ произведеніемъ: вотъ же вамъ тысяча рублей, которые вы желали получить за вашъ романъ. Мы съ вами сочтемся, когда вы напишете что-нибудь достойное васъ». Подобный героизмъ, рисковавшій быть принятымъ за самую оскорбительную иронію,—исполнилъ радостью и признательностью сердце поэта. Онъ взялъ деньги,—разумѣется, съ твердымъ намѣреніемъ немедленно отплатить за нихъ геніальнымъ твореніемъ, и жилъ нѣсколько времени спокойно съ своей Инесой. Проживши деньги и не написавши ничего, онъ рѣшился вступить въ службу, съ жалованіемъ въ 500 рублей въ годъ. Это было немного, но все-таки... Неизвѣстно, сколько бы времени продлилось счастье поэта, если бъ не помѣшали его родители. Они пріѣхали изъ провинціи въ Петербургъ, узнали, разумѣется, исторію своего сына, и въ одинъ день, когда поэтъ попросилъ у отца денегъ впередъ, отецъ принялся убѣждать его — оставить Инесу. Поэтъ сказалъ, что лучше пусть возьмутъ жизнь его. Послѣ отца, принялась мать за дѣло; поэтъ былъ непоколебимъ. Правда, что резоны родителей не отличались особенной убѣдительностью. «Мы увѣрены, что она превосходная женщина, потому что ты не полюбилъ бы такъ сильно женщину обыкновенную. Но повѣрь, что ея любовь не стоитъ любви твоихъ родителей; а мы принуждены будемъ отвратить отъ тебя наше сердце, если ты не разорвешь этой связи»... Вотъ что говорили они своему сыну. Онъ бы могъ, конечно, спросить ихъ: въ силу какихъ же соображеній отвращается отъ него ихъ сердце за то, что онъ любитъ прекрасную женщину? Но ему не пришло этого въ голову, или, лучше сказать, онъ въ глубинѣ души совершенно понималъ и даже одобрялъ соображенія своихъ родителей; единственный аргументъ его противъ нихъ состоялъ въ томъ, что онъ съ Инесою достойны были составить исключеніе изъ общаго правила... Такимъ образомъ, онъ довелъ своихъ родителей до того, что они отказались давать ему его жалованье—100 цѣлковыхъ и обѣщали лишить наслѣдства. Онъ побѣжалъ къ Инесѣ разсказать ей все. Она посовѣтовала ему обмануть родителей, сказавши, что онъ ее бросилъ; онъ тотчасъ ощутилъ благородное негодованіе, на которое она отвѣчала, что не могутъ же они жить вдвоемъ на 500 рублей, которые онъ получаетъ въ департаментѣ, и что если онъ не умѣетъ для нея достать больше, то она не хочетъ для него жить на чердакѣ. Само собой разумѣется, что эти слова обнаружили поэту всю ничтожность и гнусность своей возлюбленной; онъ бросился отъ нея къ своимъ родителямъ и объявилъ, что покончилъ съ нею. Родители заплатили его долги, благословили его и уѣхали изъ Петербурга съ облегченнымъ сердцемъ. Но сынъ не могъ утѣшиться, и, черезъ мѣсяцъ, когда Инеса явилась къ нему просить прощенія и соглашалась переносить съ нимъ бѣдность,—онъ не могъ устоять. Онъ написалъ родителямъ, что отказывается отъ ихъ денегъ,—конечно, не отъ тѣхъ, которыя пошли на уплату долговъ его, а на будущее время,—и рѣшился жить съ Инесой на 500 рублей въ годъ. Лѣто они прожили отлично, къ осени пришли нужды и долги,—Инеса захворала, къ поэту пріѣхала тетушка и во что бы то ни стало задумала женить его на богатой невѣстѣ—дѣвицѣ Даровой. Евгеній сначала уперся, но потомъ, имѣя въ виду свое стѣсненное положеніе, нашелъ, что это наилучшій возможный выходъ. Свои мысли на этотъ счетъ сообщилъ онъ Инесѣ, объяснивъ, конечно, что все это дѣлается для ея счастья. Она отвѣчала: «что дѣлать, если нѣтъ другого выхода; но только это очень тяжело. Не лучше ли, если я наймусь въ какой-нибудь магазинъ? Тогда я тебѣ не буду стоить такъ много». Поэтъ нашелъ средство, предлагаемое Инесою, неудовлетворительнымъ, и рѣшился обдѣлать свои дѣла съ дѣвицею Даровой. Для этого онъ немедленно нашелъ денегъ взаймы, на обновленіе своего гардероба, и нанялъ квартиру уже отдѣльно отъ Инесы. Несмотря на то, слухи о связи его дошли до дѣвицы Даровой черезъ нѣкоего господина Ревенфельса; узнавъ объ этомъ, поэтъ написалъ къ нему письмо, начинавшееся словами: «вы подло оклеветали меня», и оканчивавшееся требованіемъ, чтобы онъ отказался отъ клеветы, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, получить публичную пощечину. Ревенфельсъ отрекся, и все обдѣлалось благополучно. Къ довершенію своего удовольствія, поэтъ нашелъ возможность доставлять развлеченія Инесѣ: графъ N., его другъ, предложилъ ей ложу въ театрѣ и всякія увеселенія вмѣстѣ съ его любовницею. Все шло, стало быть, какъ нельзя лучше. Одно только безпокоило поэта: онъ сталъ замѣчать, что Инеса уже не такъ радостно встрѣчаетъ его, не такъ пламенно ласкаетъ, какъ прежде. Къ тому же, онъ однажды встрѣтилъ у нея князя N* (не смѣшивайте съ вышереченнымъ графомъ N*), молодого красавца и богача, великолѣпнѣйшаго изъ петербургскихъ Донъ-Жуановъ. Вы, безъ сомнѣнія, предчувствуете, что случилось?.. Да, читатели, трагическая развязка явилась: однажды, поздно вечеромъ, пришелъ поэтъ къ своей Инесѣ,

ждалъ ея возвращенія съ бала, ждалъ цѣлую ночь—и дождался только въ десять часовъ утра... Сдерживая свое бѣшенство, онъ спросилъ ее, зачѣмъ она такъ рано вышла сегодня утромъ; она отвѣтила, что выходила на минуту къ кому-то возлѣ; тогда онъ уличилъ ее въ вѣроломствѣ и проклялъ! Она умоляла, она плакала, она объясняла, что князь N* напоилъ ее и заставилъ потерять сознаніе. Поэтъ былъ непреклоненъ въ своемъ гнѣвѣ! Инеса внушала ему неодолимое отвращеніе... Да и какъ иначе! Помилуйте, онъ, поэтъ Евгеній, съ своею чистою душою, со всѣми сокровищами своего сердца, удостоилъ полюбить ее,—[ее, «чье тѣло другой покрывалъ уже прежде него своими ласками»]; онъ столько сдѣлалъ для ея счастія—убилъ другого, написалъ плохой романъ, поссорился съ благоразумными родителями, даже... даже рѣшился жениться на дѣвицѣ Даровой, которую не любилъ... А она, — вѣроломная, безсовѣстная Инеса! — она позволила себѣ слушать любезности красавца Донъ-Жуана, рѣшилась съ нимъ ужинать, рѣшилась... впрочемъ, правда, послѣ ужина она ужъ ни на что не рѣшалась: она потеряла сознаніе... Но все равно: тѣмъ хуже для нея. Поэтъ никогда не проститъ ей подобнаго цинизма, ибо любитъ истину и справедливость и отличается отъ простыхъ смертныхъ поэтическимъ ароматомъ, истекающимъ изъ души его. На этотъ разъ ароматъ былъ силенъ: поэтъ далъ Инесѣ coup de pied такой энергическій, что она alla rouler à l'autre bout də la chambre. Затѣмъ написалъ покаянное письмо къ любезнымъ родителямъ и сдѣлался боленъ: родители пріѣхали къ покаявшемуся блудному сыну. Инеса тоже раскаялась и написала къ поэту письмо, съ мольбами — не проклинать и простить ее. Но онъ не смягчился: преступленіе ея было ужъ слишкомъ велико! Поэтому онъ отвѣчалъ ей: «я васъ не прощаю и не проклинаю, потому что я слишкомъ презираю васъ». Восхищенный такимъ отвѣтомъ, отецъ поэта увезъ его къ себѣ въ провинцію.

Затѣмъ идетъ не очень интересный для насъ разсказъ о жизни поэта въ провинціи и за границей. Въ провинціи онъ завелъ было интрижку съ madame R., въ Москвѣ имѣлъ связь съ княгиней О., которую бросилъ черезъ мѣсяцъ, чтобы ѣхать за границу. Путь лежалъ черезъ Петербургъ. Здѣсь Евгеній узналъ, что Инеса на содержаніи у князя N., и получилъ уже къ ней совершенное омерзѣніе. Она поймала его въ маскарадѣ, начала-было просить прощеніе, но онъ не далъ ей выговорить слова, обругалъ самымъ отчаяннымъ манеромъ и ушелъ, задыхаясь отъ гнѣва. Исполнивъ этотъ долгъ совѣсти, онъ отправился за границу. Здѣсь онъ продолжалъ грустить объ Инесѣ, хотя уже нерѣдко, «увлеченный красотою какой-нибудь римлянки или венеціанки, забывалъ Инесу въ ихъ объятіяхъ». Но настоящій праздникъ сердца былъ для него въ Испаніи: андалузянки, одна другой плѣнительнѣе, заставляли его забывать одну для другой; онъ переѣзжалъ изъ Гренады въ Малагу, изъ Малаги въ Севилью и пр., утопалъ въ наслажденіяхъ любви съ новыми избранницами... Но въ Севильѣ онъ былъ обезпокоенъ письмомъ Инесы, которая, какъ оказалось, вразумлена была строгими рѣчами поэта и искупила свою вину: она бросила князя N., принялась содержать себя работой, разстроила свое здоровье и давно бы умерла съ голоду, если бы не нашла помощи у графа N., друга Евгенія. Теперь графъ и Инеса просили Евгенія пріѣхать и простить преступницу передъ ея смертью. Поэтъ немедленно явился, простилъ, и Инеса умерла съ спокойной совѣстью. Затѣмъ поэтъ перевезъ ея бренные останки въ свою деревню, наслѣдованную имъ отъ дяди, и черезъ годъ съ небольшимъ самъ тихо угасъ отъ грусти по своей Инесѣ, которую въ глубинѣ своего сердца не переставалъ любить, несмотря на всѣ ея преступленія. Передъ смертью онъ почувствовалъ вдохновеніе и сочинилъ французскіе стишки, отъ которыхъ мы избавляемъ читателей.

Романъ на этомъ кончается; но у него есть мораль, въ видѣ письма графа N. къ одному изъ общихъ друзей о смерти Евгенія. Здѣсь-то находимъ мы описаніе высокихъ качествъ поэта, приведенное нами выше, здѣсь же передаются и окончательныя, зрѣлыя сужденія поэта о людяхъ, о добродѣтеляхъ и порокахъ, и въ особенности о женщинахъ. Сущность этихъ сужденій состоитъ въ томъ, что не слѣдуетъ быть слишкомъ жестокимъ къ потерянымъ женщинамъ, ибо онѣ по большей части не получили возвышенныхъ идей при своемъ воспитаніи и впадаютъ въ порокъ по невѣдѣнію или по необходимости. Прочитавъ это, мы нашли, такъ сказать, ключъ къ нравственному смыслу, сокрытому въ романѣ. Мы увидѣли, что въ примѣрѣ Инесы представляется намъ возможность добрыхъ чувствъ даже въ такомъ глубокомъ омутѣ развращенія, въ какой неоднократно впадала прекрасная испанка. Такая идея показалась намъ истинно-гуманною, благородною и возвышенною. Мы, признаемся, порадовались за то, что нашъ соотечественникъ выступаетъ передъ Европою представителемъ такихъ прогрессивныхъ поня-

тій... «Вотъ, молъ, каковы наши! Смотрите и поучайтесь! Многіе ли у васъ дошли до такой высоты цивилизаціи, которая выражается въ романѣ г. Николая Семенова?.. Послѣ этого и говорите, что русскіе—варвары, что мы отстали въ цивилизаціи! Извините, мы перегнали васъ!..»

Полные справедливой патріотической гордости вслѣдствіе такихъ мыслей, мы дали прочитать романъ г. Семенова одной француженкѣ, въ надеждѣ возбудить ея удивленіе къ нашей цивилизаціи вообще, и къ поэту г. Семенова въ особенности. Надежды наши оправдались, только не совсѣмъ такъ, какъ мы ожидали. Француженка, прочитавъ «Исповѣдь поэта», точно почувствовала удивленіе и, отдавая намъ книгу, сказала:

— Я не знаю русскаго общества; но никогда не думала, чтобъ въ немъ до сихъ поръ господствовали такіе варварскіе нравы и понятія...

— Какъ такъ?—воскликнули мы, и тотчасъ предположили: вѣрно наша цивилизація зашла ужъ такъ далеко, что европейцы не въ состояніи даже понять ее! Но оказалось, что и тутъ наше предположеніе было не вполнѣ вѣрно.

— Какъ же иначе думать о васъ,—продолжала француженка. — Вы мнѣ даете автора, который пишетъ русскую повѣсть по-французски, значитъ, хочетъ сказать что-нибудь любопытное и новое—не только для русскихъ, но и для другихъ націй, напримѣръ и для насъ, бѣдныхъ французовъ. Что же онъ намъ говоритъ? Онъ показываетъ намъ, какъ диковинку, что въ женщинѣ, [бывшей нѣсколько разъ на содержаніи у разныхъ лицъ] [1]), могутъ сохраниться добрыя расположенія. Онъ бы лучше принялся доказывать, что человѣкъ, обѣдавшій каждый день въ теченіе тридцати лѣтъ, тѣмъ не менѣе сохраняетъ и на тридцать первомъ году потребность ѣсть, и умретъ съ голоду, если не поѣстъ какихъ-нибудь дней десять. Это было бы столько же ново и умно!.. Повѣрьте, что у насъ вы не найдете человѣка, который бы сомнѣвался въ истинѣ, съ такимъ трудомъ открытой вашимъ авторомъ... У насъ уже никто не говоритъ объ этомъ, такъ какъ никто не хочетъ прослыть пошлякомъ. Но еще это куда бы ни шло: у васъ цивилизація такъ нова, что вамъ простительно говорить съ эмфазомъ всякія пошлости, которыя у насъ всякій понимаетъ безъ словъ (можете представить, какъ меня коробило при такихъ комплиментахъ!)... Но я никакъ не думала, чтобъ вы до сихъ поръ стояли на такихъ отсталыхъ пошлостяхъ, да и тѣхъ хорошенько не понимали... Никогда я не думала, чтобъ допотопные азіатскіе взгляды на женщину до сихъ поръ были въ такомъ ходу у васъ, какъ мнѣ показалъ вашъ прелестный романистъ...

— Однако, — возразилъ я, — гдѣ же вы нашли слѣды азіатскихъ взглядовъ? По моему мнѣнію, поэтъ г. Семенова — человѣкъ образованный, прогрессивный, передовой, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ...

Француженка принялась хохотать; я принялъ обиженную физіономію, какъ человѣкъ, обиженный въ святѣйшихъ своихъ интересахъ. Тогда француженка вошла въ азартъ и съ чрезвычайной живостью стала мнѣ говорить слѣдующее:

— Ну, не права ли жъ я была, сказавъ, что азіатскія понятія у васъ господствуютъ? Если вы называете поэта г. Семенова передовымъ человѣкомъ, то что жъ другіе-то? По-вашему, стало быть, ужъ и этого много, что онъ, послѣ всего, что сдѣлала и вытерпѣла для него любимая женщина, рѣшился простить ее? Можетъ быть, у васъ нашлись бы такіе, которые бы и этого не сдѣлали? Да, судя по роману и по вашимъ словамъ, можно думать, что дѣйствительно такъ. [Вѣдь родители Евгенія требовали же, чтобъ ихъ сынъ бросилъ Инесу, хотя она и прекрасная женщина... Какой резонъ, какое право имѣли они для такого требованія? Они говорили, что такая женщина скоро утѣшится съ другимъ, а Евгеній увѣрялъ, что нѣтъ, но всѣ были согласны, что если утѣшится, то будетъ недостойной и преступной женщиной... О, какая мораль, какой нравственный кодексъ!.. Да понимаете ли вы, сколько дикости самой свирѣпой заключается въ такихъ разсужденіяхъ?.. Вѣдь это турецкіе паши, — ваши благовоспитанные люди, — «передовые», какъ вы говорите!..] Мало того, что они требуютъ любви и вѣрности въ настоящемъ, сами позволяя себѣ всевозможныя уклоненія, въ родѣ женитьбы вашего поэта,—нѣтъ, они простираютъ свои посягательства и на прошедшее, и на будущее любимой женщины,—все-таки не принимая зато никакихъ обязательствъ на себя... [Нѣтъ, это хуже, чѣмъ турки... Турокъ покупаетъ женщину, какъ вещь, и имѣетъ логичность—продолжать смотрѣть на нее, какъ на вещь. Если продавецъ надулъ его и продалъ вещь не въ томъ видѣ, какъ говорилъ, — турокъ не вымещаетъ этого на самой вещи, а винитъ продавца; если женщина надоѣла ему, онъ ее бросаетъ или перепродаетъ; онъ ее ужъ, по крайней мѣрѣ, и не считаетъ преступницей за то, что она

[1]) потерянной

будетъ принадлежать другому. У васъ турецкія понятія, какъ я вижу, вполнѣ сохранились]: вы смотрите на женщину, какъ на вещь, которая должна *принадлежать* мужчинѣ; вы находите, что мужчина есть властелинъ, имѣющій полное право для своей забавы купить, похитить, обольстить и потомъ бросить женщину... Это все у васъ называется «шалостями», немножко побольше сбиванія цвѣтныхъ головокъ тросточкою въ саду, немножко поменьше раззоренія птичьихъ гнѣздъ... Ну, что̀ же, — если женщины позволяютъ до сихъ поръ такъ поступать съ собой, такъ и пользуйтесь ихъ слабостью: [на то вы турки, на то вы азіаты... Но зачѣмъ же вы къ этому примѣшиваете какія-то высшія требованія?] Какъ вы можете быть столько нелѣпы, чтобы считать, напримѣръ, для женщины обязательною любовь къ вамъ, послѣ того, какъ вы ее бросите? Да если бъ Евгеній вашъ былъ человѣкъ сколько-нибудь развитой и порядочный, онъ бы сказалъ своимъ родителямъ и себѣ самому прежде всего: «конечно, если я Инесу брошу, то она [*должна утѣшиться съ кѣмъ-нибудь другимъ*] [1]); глупо и смѣшно было бы требовать, чтобы она вѣчно обо мнѣ плакала, и если бъ это случилось, то не имѣло бы даже особенной заслуги, а только показало бы нѣкоторую особенность ея характера. Но изъ того, что она утѣшится, вовсе не слѣдуетъ, что ея чувства не истинны и не прочны, что ими можно играть по моей прихоти». Зеркала, вазы, статуэтки и другія вещи, украшающія наши комнаты, конечно, разлетятся въ дребезги, если въ нихъ пускать каменьями; но кто же въ этомъ виноватъ? Зеркало сдѣлано, чтобы смотрѣться въ него, а не за тѣмъ, чтобъ въ него камни бросать. Такъ и женщина, и любовь,—онѣ вѣдь существуютъ вовсе не за тѣмъ, чтобъ вы производили надъ ними свои свирѣпые опыты... Если мужчина, для испытанія вѣрности своей возлюбленной, станетъ ее бить, морить голодомъ, ухаживать за другой, а къ ней подпуститъ одного изъ своихъ друзей— богача и красавца, умнаго и ловкаго Ловеласа, и будетъ потомъ въ претензіи, что она ему измѣнила,—я назову такого мужчину сумасшедшимъ... Нѣтъ, мало того, въ цивилизованномъ народѣ и сумасшествія такого не можетъ быть,—надо прибавить, что это сумасшедшій изъ варваровъ, изъ дикихъ... Чтобы удостовѣриться въ достоинствѣ своихъ часовъ, онъ ихъ хлопъ изо всей силы о камень, и увѣряетъ, что они никуда не годятся, потому что скомкались и разбились отъ удара... И какъ же это вы до сихъ поръ еще не понимаете и не знаете, что любовь, какъ дружба, какъ жалованье, какъ слова, какъ все на свѣтѣ, должна быть заслуживаема и поддерживаема. Вы ничего не дѣлаете, бьете баклуши и вините родъ человѣческій за то, что онъ вамъ не собираетъ національной подписки, не строитъ великолѣпныхъ дворцовъ и виллъ, не задаетъ вамъ каждый день праздниковъ, а просто-на-просто оставляетъ васъ едва съ кускомъ хлѣба. Да помилуйте, вы должны еще и за этотъ кусокъ быть благодарны: — и его вы не заслужили... [Вѣроятно, у васъ есть люди, которые, ничего не дѣлая, считаютъ себя въ правѣ пользоваться всѣмъ, чѣмъ другіе, и даже больше? Это должно быть такъ, судя по вашимъ воззрѣніямъ на любовь]. Вы все хотите получить и сохранить, не обязывая себя ни къ чему. Вы не храните себя въ юности для первой избранницы вашего сердца, [вы очень свободно удовлетворяете первому физическому желанію, даже часто прежде, чѣмъ оно сдѣлается очень настоятельнымъ]. Но отъ женщины вы требуете, чтобы она себя хранила для васъ отъ начала до конца своей жизни. Если она созрѣла, желанія проснулись, она встрѣчаетъ человѣка, который [*имъ способенъ удовлетворить, который*] ей нравится, она должна, по-вашему, или бѣжать отъ этого человѣка (созерцая въ туманѣ васъ, ея будущаго обладателя), или же отдать ему всю свою жизнь, навѣки, несмотря на все, что̀ потомъ случится. Онъ ее броситъ, она почувствуетъ новыя расположенія, ея понятія выростутъ и расширятся,—все равно: она должна оставаться вѣрна своему первому увлеченію, своему первому господину,—иначе вы ее обвините въ измѣнѣ, въ непостоянствѣ, въ дурномъ поведеніи, вы на нее смотрите, какъ на преступницу... Ну, скажите пожалуйста, на что это похоже. Гдѣ же тутъ взаимность, гдѣ тутъ равенство отношеній между двумя любящими существами, давно признанное у насъ въ Европѣ и извѣстное также и вамъ, какъ вы говорите? Поэтъ вашъ мѣсяца не можетъ прожить, чтобы не завести интрижки, и отъ этого вовсе не считаетъ себя недостойнымъ обладать Инесой. Напротивъ, онъ полагаетъ, что дѣлаетъ ей милость, возвращаясь къ ней... А она... для нея онъ не находитъ достаточно обидныхъ словъ, чтобъ выразить всю ея гнусность, когда она сошлась съ другимъ послѣ того, какъ онъ ее бросилъ!.. Безсовѣстный человѣкъ! Да онъ долженъ былъ бы сгорѣть отъ стыда, когда она стала со слезами просить у него прощенья за одинъ такой проступокъ, какихъ онъ зналъ за собою десятки! Если ужъ человѣческое сознаніе такъ глу-

[1]) свободна;

боко спало въ немъ прежде, такъ хоть бы оно проснулось!.. [Но нѣтъ, вѣрно ужъ это не его вина, а вина вашихъ нравовъ]: онъ не только имѣлъ безстыдство смотрѣть ей прямо въ глаза при этомъ, — онъ нашелъ въ себѣ дикую силу обругать ее!.. О, какая гадость, какая гнусность!.. И послѣ этого, по мнѣнію вашего автора, Инеса могла продолжать любить его!.. Нѣтъ, извините меня,[—если бъ это была русская барышня, я бы ничего не могла вамъ говорить, но] Инеса [не русская, она] не могла не почувствовать величайшаго отвращенія къ безстыдству и безсердечію вашего поэта... [Вѣроятно, г. Семеновъ изобразилъ всю эту исторію въ такомъ видѣ потому, что такое развитіе всего сообразнѣе съ вашими нравами. Но] повѣрьте мнѣ, что для насъ, французовъ, тутъ есть нравственная невозможность: никогда французъ не позволитъ себѣ такого турецкаго суда надъ женщиной, и никогда француженка не протянетъ руки человѣку, имѣвшему несчастіе показаться предъ нею такимъ безсмысленнымъ и безнравственнымъ [животнымъ]. Мы имѣемъ, конечно, свои недостатки [относительно семейнаго устройства], но, по крайней мѣрѣ, у насъ нѣтъ такихъ дикихъ взглядовъ на женщину, какими отличаются у васъ [«передовые»] люди, подобные поэту г. Семенова. У насъ женщина не собственность, а въ настоящемъ смыслѣ подруга мужчины, и потому о прошедшемъ ея онъ заботится лишь настолько, насколько оно касается настоящаго. Конечно, женщину, еще сохранившую любовь къ другому, мужчина можетъ упрекать, зачѣмъ она сошлась съ нимъ, не оставивъ прежняго чувства. Но далѣе этого мы нейдемъ; ревности къ прошедшему, страсти обладать женщиной исключительно во всѣ времена, у насъ уже нѣтъ. Мы умѣемъ пользоваться настоящимъ. Бывало, препятствіемъ къ счастью влюбленныхъ служило даже прошедшее ихъ отцовъ и дѣдовъ: если у него былъ дѣдъ маркизъ, а у нея мѣщанинъ, или наоборотъ, то считалось для нихъ безчестнымъ сходиться. Теперь это осталось только какъ рѣдкое исключеніе у нѣкоторыхъ глупыхъ фамилій. Потомъ, прошедшее самой женщины было большимъ препятствіемъ для счастья, но французы могутъ гордиться тѣмъ, что они вышли и изъ этого предразсудка раньше и рѣшительнѣе другихъ. [Теперь, впрочемъ, только у васъ, я думаю, эта нелѣпость и осталась...] Скажите, какъ вы сходитесь съ мужчинами? Вы имѣете, напримѣръ, прогрессивныя мнѣнія; сходясь съ человѣкомъ тѣхъ же мнѣній, вы требуете, чтобъ онъ непремѣнно съ дѣтства имѣлъ ихъ, или нѣтъ? Если онъ воспитанъ былъ въ отсталыхъ, жалкихъ понятіяхъ и перешелъ черезъ множество разныхъ системъ, чтобы дойти до истины, — вы отвергаете его? Вы ревнуете, зачѣмъ онъ первый жаръ своей юной души посвятилъ на защиту мнѣній недостойныхъ, и вслѣдствіе того считаете его преступнымъ, отказываете ему въ вашемъ уваженіи?.. Вѣроятно, нѣтъ... Отчего же вы не хотите приложить того же къ женщинѣ? Вѣдь вы признаете, что молодая дѣвушка можетъ имѣть чувства и желанія? [Если она имъ удовлетворяетъ, но неудачно, такъ что потомъ должна искать другихъ удовлетвореній, — дѣлаетъ ли она преступленіе? Вы говорите, что эта перемѣна удовлетворенія всегда ведетъ къ развращенію; я не понимаю этого]. Есть дѣвушки, которыя такъ воспитаны, что уже съ десяти лѣтъ думаютъ о томъ, какъ бы повыгоднѣе продать себя, — однѣ въ замужество, другія — такъ. Если онѣ съ этимъ разсчетомъ и остаются на всю жизнь, то, конечно, это женщины безъ сердца, женщины развратныя, съ которыми сходиться нехорошо и опасно. Но вы знаете, конечно, какъ дѣлается большая часть первыхъ «паденій» женщины. Ловкость, лукавство и наглость мужчины приходятъ на подмогу къ естественной потребности любви въ дѣвушкѣ, и она отдается, — чисто, искренно, довѣрчиво... Ничего нѣтъ легче, какъ обольстить дѣвушку, для человѣка наглаго; но что же тутъ позорнаго для нея-то? И какой же мужчина, знающій эти дѣла, захочетъ тиранить бѣдную женщину за то, что онъ ее встрѣтилъ не раньше, а позже другого? [Если она ему нравится своей личностью и характеромъ, то какая же ему надобность до того, что къ ней прежде него прикасался кто-нибудь? Неужели вы до сихъ поръ такъ скотски-чувственны, что для васъ всего дороже маленькая особенность физическаго акта?.. У насъ это вывелось...] У насъ умѣютъ уважать чувства женщины, и самолюбіе мужчины удовлетворяется [не] тѣмъ, [что онъ сумѣлъ воспользоваться первой неопытностью, а тѣмъ], если онъ умѣетъ внушить серьезное чувство женщинѣ, уже узнавшей жизнь и мужчинъ, и потому гораздо болѣе осмотрительной и разборчивой. Впрочемъ, что жъ я вамъ это толкую? Вы должны знать это хоть по французской литературѣ. Право женщины на ея чувства [и полная законность ихъ], обязанность мужчины давать любовь за любовь и не придавать увлеченіямъ женщины громадныхъ размѣровъ въ сравненіи съ его собственными — все это было темою сотни романовъ. Послѣ Манонъ Леско, я думаю, произведенія въ этомъ смыслѣ не прерывались до послѣдняго вре-

мени... И послѣ этого, на томъ же самомъ языкѣ, вашъ г. Семеновъ разсказываетъ намъ безстыдное поведеніе своего поэта, выставляя его еще благороднымъ... Да, вѣрно, онъ не читалъ толкомъ ни одной французской книги! Онъ хоть бы въ Беранже заглянулъ: изъ однѣхъ его пѣсенъ онъ понялъ бы, куда ушли наши взгляды, и постыдился бы писать свою козацкую чепуху!..»

Въ безсвязныхъ и порывистыхъ, отчасти обидныхъ для насъ, но вовсе безвредныхъ словахъ француженки я понялъ ясно только слѣдующее: что Европа гніетъ, француская нація развращена до мозга костей, француженки потеряли всякое нравственное чувство, и г. Семеновъ напрасно потратилъ свой талантъ на вразумленіе такихъ глубоко падшихъ народовъ, какъ всѣ европейцы, знающіе по-французски и, слѣдовательно, напитанные идеями аббата Прево и Беранже. Послѣ этого я надѣюсь, что если г. Семеновъ еще не издалъ своего новаго романа «Profil de Don Juan moderne», возвѣщеннаго на оберткѣ «Исповѣди поэта», то онъ и не издастъ его по-французски, а переведетъ на родной языкъ, для назиданія отечественной публики.

407—412. Свистокъ № 6.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

Какъ видно изъ письма дяди отъ 22 августа 1860 г., Некрасовъ просилъ Н. А. прислать непремѣнно что-нибудь для «Свистка». 13 октября Добролюбовъ отвѣчаетъ дядѣ: «Скоро я буду писать Некрасову. А пока скажите, что вѣдь «Свистокъ» зависитъ весь отъ матеріаловъ, которыхъ у меня рѣшительно нѣтъ. О Европѣ я сочинилъ коечто для октября, хоть и плоховато вышло, но сойдетъ, можетъ, коли цензура пропуститъ; а для Россіи пусть мнѣ пришлютъ что-нибудь достойное вниманія,—я и обработаю. А то вѣдь ничего-таки нѣтъ, рѣшительно ничего! Объ Европѣ я и для ноября пришлю непремѣнно» («Матеріалы», 592, 607).

Вступленіе (№ 407) въ «Современникѣ» было напечатано совсѣмъ не то, которое приводится мною вначалѣ, а слѣдующее за нимъ (№ 408)—«Причины долгаго молчанія Свистка».

Статья «Два графа» (№ 409) была написана для № 7-го «Свистка», но помѣщена въ № 6 за подписью «Кондратій Шелухинъ». Она очень ядовита и любопытна, какъ проявленіе такого отношенія къ Кавуру, какое являлось совершенною новостью въ русской журналистикѣ, цѣнившей его очень высоко, разумѣется, съ голоса иностранной прессы извѣстнаго оттѣнка, и не встрѣчавшей препятствій въ нашей иностранной цензурѣ, тогда особенно не скупившейся на совершенное кастрированіе европейскихъ газетъ и журналовъ. Читателю, недостаточно знакомому съ положеніемъ тогдашнихъ европейскихъ событій и лицъ, эта статья, конечно, не будетъ понятна, но я не вижу возможности дѣлать къ ней теперь сколько-нибудь обширный комментарій.

«Неаполитанскія стихотворенія» (№ 410) потому, вѣроятно, и были написаны, что не появилось окончаніе статьи «Непостижимая странность»; читатель ясно видитъ, что всѣ эти стихотворенія въ сущности говорятъ (поскольку это вообще было возможно) то, что̀ сказано въ недопущенной цензурой части № 405.

«Письмо благонамѣреннаго француза» (№ 411) совсѣмъ не было напечатано въ «Современникѣ» вслѣдствіе цензурнаго запрещенія и появилось только въ первомъ изданіи собранія сочиненій. Это очень злая насмѣшка надъ императорской Франціей, дѣлавшей себѣ свое дѣло въ перипетіяхъ итальянской междоусобицы. Отъ другихъ комментаріевъ предпочитаю воздержаться.

Стихотвореніе Аполлона Капелькина (№ 412) — новая пародія на Случевскаго; на этотъ разъ рѣчь идетъ о стихотвореніи поэта подъ тѣмъ же заглавіемъ, напечатаннымъ въ III кн. «Современника» 1860 года; слѣдовательно, это новая насмѣшка надъ редакціей, въ частности надъ Некрасовымъ, завѣдывавшимъ отдѣломъ поэзіи.

Несмотря на привычку читателя видѣть въ «Свисткѣ» свое родное, этотъ номеръ тоже имѣлъ свой успѣхъ, что̀ видно изъ переписки Добролюбова съ его друзьями въ Россіи. Даже сейчасъ все это читается съ большимъ интересомъ, благодаря постоянному остроумію и ѣдкой ироніи.

Сообщу одну курьезную (если вообще нелѣпости цензурной практики допускаютъ это мягкое выраженіе) деталь. Читатель,

можетъ быть, обратитъ вниманіе на то, что, несмотря на большую чистку цензоромъ этихъ статей Добролюбова, въ нихъ не замѣчается попадающагося раньше довольно часто многоточія. На это была своя причина. 6 сентября 1860 года по цензурѣ было объявлено слѣдующее распоряженіе: «Главное Управленіе цензуры неоднократно замѣчало, что въ періодическихъ изданіяхъ, вопреки цензурнымъ правиламъ (таковыхъ въ законѣ не было—*М. Л.*) и предложенію отъ 26 апрѣля сего года за № 547 (таковое не было опубликовано оффиціально по вѣдомству — *М. Л.*), часто появляются ряды точекъ, выставляемые безъ особенной надобности по содержанію статей и имѣющіе очевидно цѣлью или выказать пропуски, требуемые цензурою, или обратить на статьи особенное вниманіе читателей. Вслѣдствіе сего Главное Управленіе цензуры подтверждаетъ строго руководствоваться правиломъ, чтобы въ печатаемыхъ статьяхъ и сочиненіяхъ не допускаемы были ряды точекъ, могущіе указывать на цензурныя исключенія» («Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г.», 456—457). Знакомство съ исторіей цензуры въ Россіи и способомъ писанія Главнымъ Управленіемъ своихъ первоначальныхъ предложеній подсказываетъ мнѣ, что въ неизвѣстномъ до сихъ поръ предложеніи 26 апрѣля не было сказано о точкахъ ясно и опредѣленно, а, вѣроятно, вообще говорилось о принятіи мѣръ къ маскированію отъ публики работы цензоровъ...

М. Л.

---

407. [НОВОЕ НАЗНАЧЕНІЕ „СВИСТКА“.

Вся Россія согласна, что «Свистокъ» принадлежитъ нашему времени. «Наше Время» недавно послало въ Италію г. Берга, чтобы точнѣе удостовѣриться въ храбрости Гарибальди и въ невѣроятномъ фактѣ паденія Неаполитанскаго королевства. «Свистокъ», какъ извѣстно, въ скептицизмѣ никому не уступитъ, особенно когда дѣло идетъ о вещахъ для него непріятныхъ. Поэтому и онъ пожелалъ пріобрѣсти болѣе точныя свѣдѣнія о безчинствахъ, происходящихъ въ Европѣ. Но онъ не любитъ останавливаться на полдорогѣ. Онъ, конечно, могъ бы попросить съѣздить въ Европу—г. Погодина, уже оказавшаго ему столько неоцѣненныхъ услугъ [1]), г. Забѣлина, такъ неутомимо разъѣзжающаго между Тверью и Москвою и бичующаго мужиковъ за то, что они ѣдятъ тухлую рыбу... Могъ бы «Свистокъ» адресоваться къ профессору Сухомлинову, отправленному за границу, по словамъ «Отчета» Санктпетербургскаго университета, «для пріобрѣтенія *необходимыхъ для него* новыхъ свѣдѣній по его наукѣ»; могъ бы просить корреспонденціи г. Стасюлевича, который, изображая такъ хорошо, въ своемъ курсѣ исторіи, генеалогію всѣхъ испанскихъ Альфонсовъ, конечно, не менѣе г. Берга долженъ знать толкъ въ современныхъ происшествіяхъ. Наконецъ, если не къ этимъ почетнымъ профессорамъ и академикамъ, то, во всякомъ случаѣ, «Свистокъ» могъ съ полной довѣренностью обратиться къ одному изъ прославленныхъ имъ братьевъ Милеантовъ, который еще въ началѣ года публиковался въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъѣзжающимъ за границу [2]). Конечно, спеціальность братьевъ Милеантовъ до сихъ поръ извѣстна публикѣ довольно мало; но не подлежитъ сомнѣнію, что, во-первыхъ, оба они, въ качествѣ протестантовъ, отличаются благородствомъ души и признаютъ гнусность клеветы, во-вторыхъ—что одинъ изъ нихъ (неизвѣстно только, тотъ ли, который поѣхалъ за границу) помѣстилъ въ «Подснѣжникѣ» статью о египтянахъ и тѣмъ въ признательныхъ сердцахъ юныхъ читателей журнала г. Майкова воздвигъ себѣ памятникъ «металловъ тверже и выше пирамидъ»... Кажется, чего бы лучше такого корреспондента, если ужъ «Свистокъ» и не хотѣлъ обратиться къ вышеназваннымъ профессорамъ, и если другіе, какъ, напримѣръ, господа Вернадскій и Серно-Соловьевичъ [1]), были отвлечены своими учеными занятіями на европейскихъ конгрессахъ!.. Но «Свистокъ» разсудилъ такъ: «если я не вѣрю свѣдѣніямъ «собственныхъ» корреспондентовъ «Сѣверной Пчелы» (хотя, не въ примѣръ «Московскимъ Вѣдомостямъ», и вѣрю, что она имѣетъ «собственныхъ корреспондентовъ»), если я не вѣрю телеграфу (который въ послѣднее время изоврался совершенно), не вѣрю ни Таймсу, ни Аугсбургской Газетѣ, не вѣрю даже русскимъ—«Инвалиду» и «Вѣстнику», то какой резонъ имѣю я довѣрять болѣе г. Бергу или г. Милеанту? Конечно, одинъ изъ нихъ переводилъ со всевозможныхъ языковъ индѣйскія пѣсни, другой писалъ о египтянахъ; но все это не даетъ еще мнѣ достаточныхъ гарантій, что они представятъ мнѣ событія именно въ такомъ видѣ, какъ мнѣ хочется. Для достиженія благопріятнаго результата, для успокоенія сердца моего, остается одно средство: отправиться

[1]) См. «Свистокъ» № 4.
[2]) См. «Свистокъ» № 1.

[1]) Николай Александровичъ.

самому на мѣсто преступленій европейскихъ! Тогда я—что́ захочу, то и увижу; ка́къ захочу, такъ и пойму событія. И никто тогда ужъ не спорь со мною: всякому ротъ зажму! Я скажу: «нѣтъ-съ, нѣтъ, милостивый государь,—объ этихъ вещахъ по наслышкѣ нельзя судить; надо знать ихъ, надо видѣть, самому видѣть, на мѣстѣ быть,—тогда только можно судить правильно. Я тамъ былъ, я видѣлъ, ужъ вы со мною не спорьте!»

Такъ разсудилъ «Свистокъ» и отправился en personne за границу, какъ только дошелъ до него слухъ объ экспедиціи Гарибальди въ Сицилію. Намѣреніе его было—свистнуть на всю Италію; но, вообразите, по всей Европѣ англичане (больше никому!) насажали клакёровъ, которые такъ апплодировали всѣмъ итальянскимъ беззаконіямъ, что развѣ только Илья Муромецъ или г. Бородa могъ бы заглушить ихъ апплодисменты [1]). «Свистокъ», съ перваго же своего появленія, рекомендовалъ себя благонравнымъ юношею, свистящимъ весьма умѣренно, подъ благодѣтельнымъ покровомъ существующихъ законовъ; поэтому онъ вынужденнымъ нашелся замолчать на время, среди такой сумятицы, и вотъ почему «Наше Время», гораздо послѣ его возымѣвшее счастливую идею собственныхъ рекогносцировокъ въ Европѣ, успѣло прежде его возвѣстить о томъ публикѣ [2]).

Но «Свистокъ» теперь ободрился. Онъ видитъ, какъ англійскіе клакёры утомились, какъ вся Европа начинаетъ отдыхать отъ ихъ хлопанья и выражать полнѣйшее неодобреніе сумасшедшимъ итальянцамъ. Отозваніе французскаго посланника изъ Турина и послѣдній протестъ неаполитанскаго короля въ Гаетѣ особенно ободрили его. Теперь «Свистокъ» ставитъ себя, такъ сказать, на европейскую ногу и обѣщаетъ заниматься по преимуществу судьбами царствъ и народовъ. Русской литературы дается отпускъ. Хотя «Свистокъ» и называется попрежнему «собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ»; но мало ли что какъ называется! Въ «Современникѣ», вонъ, каждый мѣсяцъ печатаются «Замѣтки *Новаго* поэта»; а какъ же онъ *новый?* Для большинства читателей онъ не можетъ оправдать свое названіе даже тѣмъ афоризмомъ, что «ново то, что́ хорошо забыто»: сколько мы знаемъ, онъ, къ чести русской публики, никогда забытъ не былъ! А слыветъ-себѣ *новымъ* да и только! Такъ и «Свистокъ» пусть зовется по-прежнему, хотя собственно теперь онъ занятъ уже болѣе *другими,* нежели «литературными и журнальными» замѣтками. О, онъ теперь дѣлается важною персоною, почти государственнымъ мужемъ, и литературныя мелочи далеко отъ него! Господинъ Ржевскій можетъ теперь, отдѣлавши кадастровыхъ чиновниковъ, обрабатывать профессоровъ и экзаминаторовъ и, указавши способы развитія пролетаріата, можетъ хлопотать о способахъ сокращать университетскіе штаты; г. Краевскій можетъ издавать или не издавать «Энциклопедическій Лексиконъ»; г-жа Каролина Павлова и г. Н. Грековъ могутъ сколько угодно перепечатывать въ журналахъ свои старыя стихотворенія; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» могутъ распускаться новые цвѣты съ старымъ запахомъ экономической дѣятельности; г. Летгола можетъ увѣрять г. Костомарова, что онъ не смыслитъ ни слова по-литовски; г. Страховъ можетъ переносить изъ «Свѣточа» въ «Русскій Вѣстникъ» свои трансцендентальныя теоріи о веществѣ; «Полицейскія Вѣдомости» могутъ украшаться краткими, но капитальными статьями именитыхъ сотрудниковъ; новый «Вѣкъ» съ новыми «Основами» можетъ водворяться въ русской литературѣ: «Свистокъ», собственной персоною, погруженъ теперь въ государственныя соображенія—о папѣ, Неаполѣ, Сиріи, Монтемолинѣ, принципѣ невмѣшательства, графѣ Боррисѣ и Кавурѣ, трактатахъ 1815 года, и главное — о будущемъ всеобщемъ конгрессѣ, который, надо полагать, не уступитъ даже конгрессамъ, удостоеннымъ присутствія гг. Вернадскаго и Серно-Соловьевича... Внимайте же мудрымъ разсужденіямъ «Свистка», получающаго на сей разъ такое широкое назначеніе! Правда, онъ отъ себя будетъ говорить не много; но зато онъ вамъ представитъ нѣкоторыя выдержки изъ обширной корреспонденціи, которую завелъ онъ съ людьми, близкими ему по сердцу и духу; зато онъ дастъ вамъ подлинные документы о состояніи умовъ въ Европѣ,—ему только извѣстные и доставшіеся ему изъ первыхъ рукъ; наконецъ, онъ сообщитъ вамъ и о томъ, съ какимъ достоинствомъ держатъ себя въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ наши любезные соотечественники, путешествующіе по Европѣ. Читайте же и утѣшьтесь въ отсутствіи литературнаго и журнальнаго элемента!]

[1]) См. № 405.

[2]) Ясный намекъ на цензуру и на угодность ей освѣщенія европейскихъ дѣлъ «Нашимъ Временемъ».

408. ПРИЧИНЫ ДОЛГАГО МОЛЧАНІЯ „СВИСТКА".

Всякій разъ, когда «Свистку» случалось замолчать на долгое время, объ немъ распространялся въ публикѣ одинъ и тотъ же

слухъ, повторяемый очень многими съ сердечнымъ удовольствіемъ, иными съ искреннимъ соболѣзнованіемъ, что «Свистокъ» умеръ! Такъ было и нынѣ,—даже придумали очень правдоподобную причину его смерти: говорили, что «Свистокъ» скончался, убитый находчивостью г. Краевскаго, который отвлекъ будто бы (именно съ этимъ намѣреніемъ) всѣ рабочія литературныя силы къ составленію статей для «Энциклопедическаго Словаря». Какъ ни остроумно это предположеніе, наступило время увѣдомить публику, что оно не вѣрно. «Свистокъ» живъ, и для объясненія долгаго своего молчанія имѣетъ достаточно причинъ. Мы могли бы и умолчать о нихъ, потому что, если, по словамъ гг. Кокорева и Бенардаки [1]), «въ дѣлахъ коммерческихъ должна быть неизбѣжная часть тайны», то почему же не быть ей и въ дѣлахъ литературныхъ—особенно, если при этомъ не спрашивается съ подписчиковъ никакихъ добавочныхъ суммъ? Но мы не хотимъ тайны, и объявляемъ, что главнѣйшею причиною молчанья «Свистка» были скромность и благонравіе, свойственныя его юному возрасту. Онъ молчалъ, потому что не хотѣлъ говорить о самомъ себѣ. Назвавшись собраніемъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ, онъ, естественно, долженъ былъ касаться литературы и журналистики, а журналистика послѣдняго времени, какъ извѣстно читателямъ, только и занималась «Свисткомъ». Уже одного страха, чтобъ не показалось кому-нибудь, что «Свистокъ» нисходитъ до оправданій противъ такихъ личностей и талантовъ, какіе почтили его своимъ вниманіемъ—достаточно было бы, чтобъ заставить его молчать; но къ этому присоединилось обстоятельство, болѣе важное и прискорбное—разочарованіе начинаетъ чувствовать «Свистокъ»! Такъ скоро? спроситъ читатель. Увы! такъ скоро. Давно ли, полный юныхъ силъ, надежды и стремленій, считалъ онъ дѣятельность свою чѣмъ-то необходимымъ и благотворнымъ? давно ли все его занимало, —

Все волновало юный умъ?

на что только онъ не отзывался своимъ свистомъ, то кроткимъ и умиленнымъ, то негодующимъ? А теперь? Теперь слава его не занимаетъ; полезность дѣятельности своей считаетъ онъ сомнительною, важность обличенія разныхъ литературныхъ глупостей и низостей отрицаетъ; капитальный трудъ свой «о Вредѣ Людоѣдства», которымъ занимался онъ въ часы досуга, надѣясь упрочить имъ свое имя въ литературѣ и благотворно подѣйствовать на убѣжденія современниковъ, — онъ бросилъ на половинѣ! Увы! увы! съ нимъ случилось то же, что случается со всѣми юношами нашего поколѣнія...

Въ началѣ жизни гордо мы глядимъ
Въ широкій путь, открытый передъ нами,
И первыми горячими трудами
Блестящія надежды подадимъ...

А потомъ? Потомъ слѣдуетъ то, что произошло со мною въ сію минуту. Началъ я свою мысль стихами (и читатели отдадутъ справедливость, что они не дурны), но силъ у меня не хватаетъ, или, вѣрнѣе, не хватаетъ энергіи потрудиться лишніе полчаса, и я доканчиваю ее прозой. Нѣтъ, я и прозой доканчивать ея не буду, потому что она и такъ понятна, а если и непонятна кому, то что за бѣда: кто отъ этого проиграетъ? Никто. А я выиграю — выиграю полчаса времени, которое употреблю хоть на чищеніе ногтей. Горе, когда человѣка начинаютъ посѣщать такія соображенія,—не свищется ему. Даже такой фактъ, какъ появленіе статейки г. Беллюстина о вредѣ грамотности—не задираетъ его за живое [1]); а ужъ г. Дзюбинъ, объясняющій побѣгъ рабочихъ съ Волжско-Донской желѣзной дороги «привлекательностью высокой платы за уборку хлѣба и сѣна», тогда какъ г. Смирновъ объясняетъ тотъ же фактъ продѣлками и притѣсненіями приказчиковъ подрядчика,—г. Дзюбинъ такъ даже и впечатлѣнія малѣйшаго не производитъ. Что жъ ему послѣ того полтавскіе дворяне; что споры—о томъ, должно ли назначить жалованье предводителямъ или не должно? Что ему объявленіе г-жи Евгеніи Туръ объ изданіи «Русской Рѣчи» и «замѣтка» «Русскаго Вѣстника» на это объявленіе, и отвѣтъ г-жи Туръ, и новая замѣтка «Русскаго Вѣстника»? Господинъ Ржевскій можетъ теперь, отдѣлавши кадастровыхъ чиновниковъ, профессоровъ и экзаминаторовъ, и указавши способы развитія пролетаріата, можетъ хлопотать о способахъ сокращать университетскіе штаты; г. Краевскій можетъ издавать или не издавать «Энциклопедическій Лексиконъ»; г-жа Каролина Павлова и г. Н. Грековъ могутъ, сколько угодно, перепечатывать въ журналахъ свои старыя стихотворенія; г. Козляниновъ можетъ бить или не бить, по своему усмотрѣнію, особъ прекраснаго пола, подвертывающихся ему подъ руку; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» могутъ распускаться новые цвѣты съ старымъ запахомъ экономической дѣятельности; г. Лет-

[1]) Откупщики.

[1]) Другой Беллюстинъ, не авторъ «Описанія сельскаго духовенства въ Россіи»; см. № 382.

гола можетъ увѣрять г. Костомарова, что онъ не знаетъ ни слова по-литовски; г. Страховъ можетъ переносить изъ «Свѣточа» въ «Русскій Вѣстникъ» свои трансцендентальныя теоріи о веществѣ; новый «Вѣкъ» съ новыми «Основами» можетъ водворяться въ русской литературѣ: «Свистокъ» даже губами не пошевельнетъ, чтобы ихъ привѣтствовать... Постигнутый разочарованіемъ, онъ сдѣлалъ то, что̀ обыкновенно дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ русскіе смертные: онъ (и вотъ третья и послѣдняя причина долгаго молчанья «Свистка») отправился за границу, конечно, не безъ надежды набраться новыхъ впечатлѣній и не безъ намѣренія подѣлиться ими съ читателями. Можетъ быть, онъ отъ себя будетъ говорить немного; но зато онъ вамъ представитъ нѣкоторыя выдержки изъ обширной корреспонденціи, которую завелъ онъ съ людьми, близкими ему по сердцу и духу; зато онъ дастъ вамъ подлинные документы о состояніи умовъ въ Европѣ,—ему только извѣстные и доставшіеся ему изъ первыхъ рукъ; наконецъ, онъ сообщитъ вамъ и о томъ, съ какимъ достоинствомъ держатъ себя въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ наши любезные соотечественники, путешествующіе по Европѣ. Читайте же и поучайтесь плодами новой дѣятельности «Свистка»!

I.

409. ДВА ГРАФА.

> Ищи паче въ разнообразіи единства, нежели въ единообразіи раздѣленія.
> *(Афоризмъ Кузьмы Пруткова).*

Читатель долженъ знать, что въ русской литературѣ настаетъ теперь время плутарховскихъ параллелей. Первыя попытки, хотя еще робкія и неопредѣленныя, уже показались: г. Вагнеръ въ двухъ превосходныхъ статьяхъ проводитъ параллель между «природою и Мильнемъ Эдварсомъ» (см. «Отеч. Записки»), а г. Благовѣщенскій — между «Петроніемъ и пермскими сказочниками» (см. «Русское Слово»). Новая эра параллелей, такъ сказать, возрожденіе Плутарха совершится тогда, когда появится знаменитая статья г. Тургенева: «Бёрнсъ и Кольцовъ». Но такъ какъ появленіе этой статьи скрывается въ туманѣ болѣе или менѣе отдаленнаго грядущаго, то мы намѣрены подготовить къ ней публику нѣсколькими этюдами, не имѣющими такой капитальной важности, какъ [знаменитое твореніе] [1]) г. Тургенева, но тѣмъ не менѣе долженствующими знакомить публику съ плутарховскою манерою [2]). Такъ, наши даровитые сотрудники обѣщали намъ параллели: «Вилльменъ и А. Д. Галаховъ», «В. А. Кокоревъ и Лафитъ», «Жоржъ Зандъ и Евгенія Туръ», «Битва Гораціевъ и Куріаціевъ и бой 13 декабря 1859 года въ петербургскомъ пассажѣ» [3]), «Ламорисьеръ и Н. Ф. Павловъ», и пр., пр. Но читатели понимаютъ, что подобные труды требуютъ долгихъ и тщательныхъ соображеній, а между тѣмъ мы любимъ очень быстро переходить отъ мысли къ дѣлу. Вотъ почему, за недостаткомъ покамѣстъ отечественныхъ трудовъ по этой части, радостно привѣтствуемъ плутарховскую пару, недавно возвѣщенную во французской литературѣ. Пара эта имѣетъ тѣмъ болѣе правъ на наше вниманіе, что она отличается весьма возвышеннымъ характеромъ.

Двѣ единицы, составляющія интересную пару, которая рекомендуется вашему вниманію, обѣ благороднаго происхожденія. Правда, одна изъ нихъ была недавно заподозрѣна какимъ-то нѣмецкимъ журналомъ въ томъ, что она — изъ нѣмцевъ, и даже, кажется, изъ баварцевъ; но, по всей вѣроятности, это подозрѣніе неосновательно. Во всякомъ случаѣ, намъ извѣстно, что обѣ единицы—не только благородныя, но даже графы. Одинъ изъ графовъ называется *Кавуръ*, другой *Монталамберъ*.

Если вы слѣдите за политикой не для пустого препровожденія времени, а для того, чтобы почерпать изъ нея мудрые уроки, возвышенныя идеи и убѣдительный слогъ, то вы, конечно, не спросите насъ, по какому случаю соединили мы два имени, для профановъ не имѣющія между собою ничего общаго. Вамъ должно быть извѣстно, что оба графа взаимно очень заняты собою (т.-е. другъ другомъ: простите невольный галлицизмъ), что графъ Кавуръ, среди тяжкой борьбы съ Гарибальди и затруднительныхъ разсужденій въ парламентѣ, не упускаетъ случая затронуть графа Монталамбера, и что графъ Монталамберъ, въ свою очередь, какъ ни опечаленъ горестями святѣйшаго отца и неудачами Ламорисьера, не оставляетъ однако же устремлять свои помыслы къ графу Кавуру и дѣлать выгодныя для себя сравненія. Этому благородному и полезному занятію своему они придали не-

---

[1]) будущее произведеніе

[2]) 7 января 1861 г. Тургеневъ писалъ Анненкову: «Потѣшаніе надо мною «Свистка» не удивляетъ меня и могу прибавить, не обинуясь—нисколько меня не оскорбляетъ. Все это въ порядкѣ вещей». (Анненковъ, «Литературныя воспоминанія», 567).

[3]) См. № 368.

давно гласность, которою мы и пользуемся для своего этюда.

12 октября сего года было въ туринскомъ парламентѣ чрезвычайное засѣданіе, имѣвшее цѣлью доказать, что графъ Камиллъ Кавуръ любитъ Италію и свободу, но не любитъ Гарибальди, ибо Гарибальди слишкомъ зазнался и сдѣлался съ нѣкотораго времени безпокойнымъ человѣкомъ. Въ краснорѣчивой рѣчи (которую можно посовѣтовать выучить наизусть редакціи «Русскаго Вѣстника») графъ Кавуръ доказалъ, что Италія своимъ возрожденіемъ обязана его дипломатическимъ способностямъ, что при немъ никакого Гарибальди ей не нужно, что пусть только подождутъ, а онъ «подумаетъ», и все уладится какъ нельзя лучше. Всѣ остались довольны рѣчью, и никто не замѣтилъ въ ней маленькой шпильки, направленной очень далеко. Да и какъ было замѣтить? Рѣчь вся была составлена, такъ сказать, изъ мечей обоюдоострыхъ, такъ до шпилекъ ли тутъ! Но такова сила дипломатическаго генія, что среди мечей одинъ графъ отлично умѣлъ помѣстить шпильку другому графу, и другой графъ немедленно успѣлъ замѣтить царапину и поспѣшилъ даже почувствовать благородное негодованіе... Дѣло въ томъ, что, говоря о Римѣ и папѣ, графъ Кавуръ произнесъ, между прочимъ, слѣдующую тираду:

«Я думаю, разрѣшеніе римскаго вопроса придетъ вслѣдствіе болѣе и болѣе распространяющагося въ современномъ обществѣ и въ средѣ самихъ католиковъ убѣжденія, что свобода какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ развитію истиннаго религіознаго чувства.

«Я убѣжденъ, что истина скоро восторжествуетъ. Мы уже видѣли ея признаніе самыми горячими защитниками католическихъ идей; мы видѣли, какъ одинъ знаменитый писатель, въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ своихъ, доказывалъ Европѣ, въ книгѣ, надѣлавшей большого шума,—что свобода была весьма полезна для возвышенія религіознаго духа».

Кто слѣдитъ за успѣхами европейской мысли, хоть по отдѣлу иностранной литературы въ «Отечественныхъ Запискахъ», тотъ долженъ понять, что намекъ графа Кавура относился къ графу Монталамберу. Очевидность была такъ велика, что графъ Монталамберъ счелъ нужнымъ тотчасъ же принять его на свой счетъ, обидѣться и обнародовать отвѣтъ графу Кавуру, писанный, можно сказать, молніями! Онъ появился въ октябрьской книжкѣ журнала «Correspondant», который, къ сожалѣнію, мало извѣстенъ въ русской публикѣ, хотя занимается Россіею съ особенной любовью: онъ хочетъ обратить ее въ католичество!.. Впрочемъ, объ этомъ мы еще скоро поговоримъ особо, а теперь обратимся къ нашимъ графамъ.

«Говорятъ, что вы это на меня хотѣли намекнуть въ вашей рѣчи, — пишетъ обиженный графъ къ графу-обидчику.—Если бы въ вашихъ словахъ заключалась только похвала, я бы не позволилъ себѣ принять ихъ на свой счетъ; но въ нихъ есть также оскорбленіе; значитъ, моя скромность можетъ успокоиться».

Это вступленіе имѣетъ отношеніе къ прошедшему французскаго графа. Надо вспомнить, что около 1856 года, въ нѣдрахъ «католической партіи», основанной графомъ Монталамберомъ, произошелъ расколъ. Господинъ Вёльо забѣжалъ слишкомъ далеко, графъ Монталамберъ слишкомъ отсталъ, а графъ Фаллу оставался между ними, не зная, что̀ ему дѣлать,—прибавить шагу или остановиться вовсе. Въ это время г. Вёльо, съ свойственной ему безцеремонностью, разсказалъ въ «L'Univers» нѣкоторые интимные факты поведенія графа Монталамбера *во время «coup d'état»*. Графъ смолчалъ. Тогда другіе журналы, сначала боявшіеся вѣрить газетѣ г. Вёльо, рѣшились принять серьезно разсказъ бывшаго друга о его союзникѣ. Послѣ этого, графъ Монталамберъ въ общихъ выраженіяхъ протестовалъ, объявивъ, что прежде онъ не хотѣлъ отвѣчать, ибо зналъ, что «общественный дѣятель долженъ благодушно переносить критики, даже самыя грубыя и обидныя». Въ отвѣтъ на это признаніе, одинъ журналъ не безъ ядовитости замѣтилъ тогда, [что, конечно, графъ въ совершенствѣ исполнилъ правило, по которому, получивъ пощечину, слѣдуетъ представить для удара другую щеку, но] что молчать, когда наши же друзья и единомышленники выставляютъ противъ насъ малоизвѣстные факты, обличающіе насъ въ недостаткѣ убѣжденій [и въ подлости],—это уже значитъ слишкомъ далеко простирать христіанское смиреніе...

Несмотря на свои почтенныя лѣта и званіе академика, графъ Монталамберъ, какъ видимъ, не погнушался воспользоваться журнальнымъ урокомъ. Теперь онъ оставляетъ смиреніе въ сторонѣ и спѣшитъ протестовать противъ подозрѣнія въ желтухѣ или куриной слѣпотѣ, которую ему явно приписываетъ графъ Кавуръ, осмѣливаясь провозглашать, будто «знаменитый писатель» только «въ свѣтлыя минуты» можетъ видѣть вещи, какъ слѣдуетъ. «Знаменитый писатель» тѣмъ же слогомъ, какимъ онъ ратовалъ въ 1831 году противъ жандармовъ, пришедшихъ разогнать осно-

ванную имъ школу,—гремитъ теперь противъ графа Кавура, стараясь доказать, что если кто изъ нихъ двоихъ находится въ бѣлой горячкѣ, такъ это, конечно, ужъ самъ графъ Кавуръ. Для полнѣйшаго доказательства этой истины, обиженный графъ собралъ всѣ свои силы, припомнилъ всѣ свои лучшія изученія и изложилъ результаты своихъ долгихъ соображеній относительно пьемонтскаго графа — въ разительной параллели, которую мы и переводимъ для удовлетворенія читателей. Само собою разумѣется, что слогъ перевода не можетъ равняться въ энергіи съ подлинникомъ; но и слабаго понятія о немъ уже достаточно для того, чтобы возбудить умиленіе читателей.

«Вы меня вызываете передъ публикой»,— пишетъ графъ Монталамберъ, — «значитъ, даете мнѣ право и отвѣчать вамъ публично.

«Я чувствую къ этому отвращеніе, которое едва могу превозмочь. Французская кровь была пролита по вашимъ приказамъ; католическая честь оскорблена была вашими помощниками; теперь ваши слова угрожаютъ вѣковой обители, послѣднему убѣжищу общаго отца всѣхъ вѣрныхъ. Нѣтъ ни одного изъ вашихъ дѣйствій, которое бы меня не оскорбляло и не возмущало... И вотъ вы наносите новый ударъ всему, что̀ мнѣ дорого, прикрывая ваши злые умыслы покровомъ обманчиваго соглашенія между религіей и свободой. И для подтвержденія вашихъ словъ вы призываете мое свидѣтельство!..

«Я считаю своею обязанностью объявить, что ни въ какомъ отношеніи, господинъ графъ, я не схожусь съ вами!

«Благодареніе Богу, ваша политика — не моя!

«Вы стоите за большія централизованныя государства; я—за маленькія самостоятельныя владѣнія.

«Вы презираете мѣстныя преданія въ Италіи; я люблю ихъ повсюду.

«Вы хотите Италіи единой; я хочу союзной.

«Вы нарушаете трактаты и международное право; я ихъ уважаю, потому что между государствами это то же самое, что̀ контракты и честность между частными людьми.

«Вы для вашей цѣли жертвуете обязательствами, обѣщаніями, клятвами. Я отвѣчаю вамъ словами благороднаго Манина: «средства, неодобряемыя нравственнымъ чувствомъ — даже если бы они были полезны матеріально — убиваютъ нравственно. Никакою побѣдою нельзя искупить презрѣнія къ самому себѣ».

«Вы разрушаете свѣтскую власть святого владыки; я ее защищаю со всей энергіей моего разума и любви (de ma raison et de ma tendresse).

«Вы не одобряете политику, которая снарядила римскую экспедицію 1849 года, а я горжусь тѣмъ, что ее поддерживалъ. Несмотря на ужасныя и непростительныя противорѣчія, встрѣченныя ею послѣ того, я благодаренъ ей, потому что и теперь, если Франція и Пьемонтъ принуждены встрѣтиться лицомъ къ лицу передъ Капитоліемъ, — такъ это есть послѣднее слабое послѣдствіе той экспедиціи.

«Вы отдаете *героямъ* Гарибальди хвалы, которыя я берегу для *наемниковъ* безсмертнаго Пимодана.

«Вы — съ Чальдини, я — съ Ламорисьеромъ; вы—съ отцомъ Гавацци, я—съ епископами Орлеанскимъ, Пуатьерскимъ, Турскимъ, Нантскимъ, со всѣми католическими голосами, которые въ обоихъ полушаріяхъ протестовали и будутъ протестовать противъ васъ.

«Но особенно я—съ Піемъ IX, который былъ первымъ другомъ итальянской независимости до тѣхъ поръ, пока это великое дѣло не попало въ руки неблагодарности, насилія и обмана.

«На нашей сторонѣ,—я могу это сказать,—совѣсть; на вашей—я вѣрю этому,— успѣхъ. Пьемонтъ рѣшается на все, Франція все позволяетъ, Италія все принимаетъ, Европа все терпитъ... вашъ успѣхъ, повторяю, кажется мнѣ вѣрнымъ».

Не правда ли, какая рѣзкая параллель! Какое богатство мыслей, благородство тона и въ то же время какая яркость контрастовъ, какое остроуміе сближеній! И, при всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы выборъ между двумя графами-противниками былъ очень легокъ даже для приверженцевъ графа Кавура. Они не могутъ указать на графа Монталамбера, какъ на обскурантиста, какъ на врага Италіи, какъ на человѣка ретроградного или революціонера. Нѣтъ, онъ также любитъ Италію, любитъ свободу, любитъ прогрессъ и ненавидитъ революцію. Онъ, правда, толкуетъ все о католической религіи; да вѣдь и графъ Кавуръ тоже не отвергаетъ католицизма. Изъ той самой рѣчи, которая подала поводъ къ громоноснымъ нападеніямъ графа Монталамбера, видно, что графъ Кавуръ самъ хлопочетъ о процвѣтаніи католической религіи и смотритъ на свободу именно съ той точки, что она благопріятствуетъ развитію и возвышенію религіознаго чувства. Выходитъ, что въ основныхъ пунктахъ между ними нѣтъ существенной разницы. Если мы соберемъ свои воспоминанія, то найдемъ, что даже и въ подробностяхъ оба графа болѣе

имѣютъ общаго, нежели противоположнаго. Продолжимъ параллель, начатую графомъ Монталамберомъ.

Мы уже не хотимъ говорить, что наши герои оба графы, оба ровесники по годамъ, оба знамениты умомъ и краснорѣчіемъ, и пр., и пр. Кто изъ государственныхъ людей Европы не имѣетъ всего этого? Морни, Валевскій, Тунъ, Рехбергъ, Борриссъ—всѣ графы, всѣ отличаются высокими видами, имѣютъ почтенныя лѣта и всѣ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, отличались бы краснорѣчіемъ, если бы только всѣ имѣли къ этому случай... Значитъ, объ этой статьѣ и толковать нечего.

Но есть другія стороны, болѣе спеціально сближающія нашихъ графовъ между собой. Напримѣръ:

Графъ Кавуръ наученъ осторожности и благоразумію тѣми испытаніями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ (хотя и не участникомъ) въ родной землѣ до 1848 года; еще болѣе наученъ онъ политической мудрости неудачею самыхъ возстаній 1848 года, въ которыхъ онъ, можно сказать, *почти* принималъ личное участіе: извѣстно, что онъ, около времени Наварской битвы, записался даже въ волонтеры, только не успѣлъ выступить на поле чести, по случаю слишкомъ быстраго окончанія войны. Съ той поры онъ войны боится, а къ революціи питаетъ справедливое отвращеніе, и всего болѣе за то, что она бросается на все очертя голову. Онъ любитъ выступить на борьбу, оградивши себя справа и слѣва, и сзади и спереди, или выждавши такое время, когда ужъ и ограждать себя не отъ кого. Тогда онъ становится храбръ, упоренъ, предпріимчивъ, тогда онъ готовъ презирать всѣ преграды... Эту черту его характера рельефно выставляетъ графъ Монталамберъ въ продолженіи своего письма. «Два препятствія теперь возвышаются передъ вами, — говоритъ онъ, — Римъ и Венеція; въ Римѣ — Франція, въ Венеціи — Германія. Это-то и есть, правда, настоящіе иноземцы; но они сильны!.. Въ Неаполѣ вы не остановились передъ итальянцами, при Кастельфидардо васъ было десять противъ одного; конечно, вамъ нужно было попрать право, трактаты, обязательства, честь, справедливость, слабость, но вѣдь это все вещи отвлеченныя, которыя не могутъ противостоять картечи. Въ Римѣ же стоятъ французскіе батальоны, въ Венеціи и Веронѣ—нарѣзныя пушки! Вы легко преступили право, но передъ силою колеблетесь».

По нашему мнѣнію, это очень хорошо сказано, но хорошо вышло именно потому, что, рисуя графа Кавура, графъ Монталамберъ какъ бы раскрывалъ свою собственную душу. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что и онъ былъ приготовленъ къ политической дѣятельности такими же точно событіями, въ какихъ прошла молодость графа Кавура. Монталамберъ только, можетъ быть, рѣзче обозначился въ своей теоріи, потому что партія и мнѣнія во Франціи давно уже опредѣлились гораздо яснѣе, чѣмъ въ Италіи. Но что касается до дѣятельности, она всегда была такова, что ей нельзя отказать въ благоразуміи. До 1830 года, хотя и находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ Ламеннэ, Викторомъ Гюго и другими горячими людьми, онъ однако же велъ себя очень скромно. Послѣ 1830 года онъ шумѣлъ и ратовалъ на словахъ, особенно послѣ того, какъ по смерти отца сдѣлался пэромъ Франціи; но не далѣе какъ въ январѣ 1848 года онъ проклиналъ республику. Послѣ февраля это, однако, не помѣшало ему объявить, что онъ любитъ свободу, и быть представителемъ Дубскаго департамента въ Asemblée nationale. Вскорѣ онъ нашелъ, впрочемъ, что «анархія убиваетъ свободу», и потому сталъ защищать разныя ретроградныя мѣры. Послѣ 2 декабря онъ протестовалъ, но, тѣмъ не менѣе, назначенъ былъ членомъ «совѣщательной коммиссіи» и успокоился. Попавши потомъ въ «законодательный корпусъ», онъ опять принялся за оппозицію (которая, какъ извѣстно, тамъ даже поощряется) и находилъ, что coup d'état не далъ достаточно свободы. Но всегда старался онъ держаться въ предѣлахъ умѣренности, находя, что «опасно плыть противъ теченія». Въ 1852 году, говоря о боязливомъ молчаніи, наложенномъ на Францію вслѣдствіе coup d'état, онъ выразился даже такимъ образомъ: «это, безъ сомнѣнія, полезная и даже необходимая гигіена, и, конечно, *я не захочу быть первымъ* въ отрицаніи ея законовъ». Въ этомъ нежеланіи быть первымъ, когда нужно бороться съ чѣмъ-нибудь, — гораздо болѣе сходства съ постоянной политикой графа Кавура, нежели думаетъ графъ Монталамберъ.

Нашедши это первое сходство, мы можемъ продолжать нашу параллель уже гораздо рѣшительнѣе. Всѣ частности, какъ бы онѣ ни представлялись противоположными на первый взглядъ, сглаживаются предъ родовымъ, типическимъ сходствомъ, которое представляетъ интересныя личности обоихъ графовъ. Положеніе ихъ нѣсколько различно: въ большей части случаевъ пьемонтскій графъ оканчиваетъ тѣмъ, чѣмъ началъ французскій, а французскій отстаетъ отъ того, къ чему приходитъ пьемонтскій; но это — дѣло обстоятельствъ, независящихъ отъ ихъ воли. Что же дѣлать, если французское правительство въ началѣ дѣя-

тельности Монталамбера походило на нынѣшнее сардинское, а тогдашнее сардинское имѣло большую аналогію съ теперешнимъ французскимъ! Для оцѣнки личности обоихъ графовъ это вещь совершенно постороннняя; она только съ большей рельефностью выставляетъ передъ нами, такъ сказать, «сродство душъ» обоихъ графовъ, и даетъ видѣть, съ какимъ бы умилительнымъ согласіемъ дѣйствовали они, ежели бы находились въ одинаковыхъ обстоятельствахъ.

Оба они, напримѣръ, до безумія любятъ трибуну. Но, до 1848 года въ Италіи нечего было и думать о трибунѣ. Что же дѣлалъ графъ Кавуръ? Онъ нашелъ для упражненія своего краснорѣчія довольно изрядный суррогатъ въ изданіи журнала «Risorgimento». — Во Франціи, послѣ 1852 года, трибуна тоже смолкла; что дѣлаетъ графъ Монталамберъ? Онъ издаетъ съ 1852 года журналъ «Le Correspondant», въ которомъ находитъ пріютъ для своего изящнаго слога. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при первомъ удобномъ случаѣ (и даже теперь, послѣ великихъ реформъ 24 ноября во Франціи, можно надѣяться, что очень скоро) графъ Монталамберъ не преминетъ выступить на ораторское поприще. Равнымъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, въ случаѣ невозможности дѣйствовать живымъ голосомъ, графъ Кавуръ пуститъ въ ходъ журналистику. Для этого и существуетъ у него подъ руками «Opinione», «Gazetta di Turino» и пр.

Но что дѣлалъ графъ Кавуръ съ своимъ журналомъ въ горячее время, которое переживала вся Италія предъ 1848 годомъ? Проникся ли общимъ настроеніемъ умовъ, волновался ли патріотическими замыслами, содѣйствовалъ ли поднимавшемуся революціонному движенію? Помилуйте, какъ это можно! Графъ Кавуръ былъ всегда слишкомъ солиденъ для этого: онъ всегда преданъ былъ просвѣщенному либерализму, но всякое шумное движеніе повергало его въ ужасъ. Онъ не могъ выносить другихъ формъ свободы, кромѣ свободы парламентскихъ преній. Поэтому и въ 1847 году «Risorgimento» съ замѣчательнымъ упорствомъ держался въ сторонѣ отъ настоящаго народнаго движенія, не хотѣлъ угождать вкусу грубой черни и постоянно держался на высотѣ своей идеи, толкуя о конституціонныхъ постановленіяхъ и о преимуществахъ, въ числѣ которыхъ главнымъ, конечно, стояло наслажденіе парламентскимъ краснорѣчіемъ...

Удивительное сходство представляетъ намъ въ этомъ случаѣ «Le Correspondant» графа Монталамбера съ журналомъ графа Кавура. Возьмите какой угодно нумеръ:— нѣтъ плебейскихъ выходокъ, нѣтъ разсужденій дурного тона, нѣтъ даже упоминаній о предметахъ, занимающихъ грубую массу, но не принадлежащихъ области «высшихъ» интересовъ; все благопристойно, возвышенно—и по содержанію, и по тону. Но въ то же время это не напудренный приверженецъ старины, не отсталый консерваторъ, — о, нѣтъ! далеко, нѣтъ! Онъ составляетъ оппозицію, но оппозицію благоразумную, направленную къ практическимъ и высокимъ результатамъ, а не къ какимъ-нибудь мечтательнымъ замысламъ. Онъ не шумитъ изъ-за «минутныхъ» интересовъ, не одушевляется «преходящими» фактами; нѣтъ, у него есть глубокія, *вѣчныя* идеи и требованія, отъ которыхъ онъ ни на шагъ не отступитъ. Канвою для нихъ служитъ всегда одна общая идея — права католицизма; но такъ какъ эта идея уже слишкомъ обща и блѣдна сама по себѣ, то по ея фону всегда и разрисовываются другія, болѣе спеціальныя: права аристократіи, сладость парламентаризма, отвратительность быстрыхъ переворотовъ, умѣренная свобода, ограниченная законностью, законность, поддерживаемая союзомъ аристократіи и духовенства, и т. д.

Какъ видите, по сущности своихъ идей, французскій графъ никакъ не отстаетъ отъ пьемонтскаго, и потому оба они должны быть довольны другъ другомъ. Но они хотятъ увѣрить насъ, что въ средствахъ не сходятся. Намъ кажется, что и это напрасно. Приведемъ на память нѣсколько фактовъ.

Графъ Кавуръ, напримѣръ, находя себя ужъ очень смѣлымъ и стремительнымъ, одно время употреблялъ вмѣсто себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ графа Чезаре Бальбо. Такъ, онъ издавалъ «Risorgimento» вмѣстѣ съ Бальбо. Графъ Бальбо извѣстенъ своею книгою «*Надежды Италіи*», которую итальянцы называютъ часто «*Надежды безнадежнаго*». Въ книгѣ этой достойный графъ увѣряетъ Италію, что собственно она ничего сдѣлать не можетъ, но что нужно надѣяться на перемѣны къ лучшему въ австрійскомъ правительствѣ. Все, видите ли, идетъ къ прогрессу: идеи развиваются, права народовъ опредѣляются яснѣе; кому же лучше устроить ихъ, какъ не тѣмъ, кто управляетъ народомъ? [Стало быть, нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно Австрія пойметъ необходимость возвратить Италіи независимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ герцоги и короли, находящіеся подъ австрійскимъ вліяніемъ, сдѣлаются либеральны и произведутъ возрожденіе Италіи. Главное только то, чтобы не раздражать ихъ и ни-

чего у нихъ не вынуждать силою]. Такого-то философа выбралъ графъ Кавуръ себѣ въ товарищи по журналу, и въ сравненіи съ нимъ дѣйствительно казался отважнымъ... Точь-въ-точь такая же исторія произошла и съ графомъ Монталамберомъ: онъ издаетъ «Correspondant» вмѣстѣ съ графомъ Фаллу. Мы знаемъ, что графъ Фаллу бросилъ яблоко раздора между г-жею Туръ и редакціею «Русскаго Вѣстника»; но о немъ нельзя судить по этому обстоятельству. Если бы онъ могъ предвидѣть прискорбныя послѣдствія публикаціи его книги «M-me Swetchine», то, безъ всякаго сомнѣнія, не сталъ бы публиковать ее, а благоразумно подождалъ бы, пока величіе M-me Свѣчиной будетъ признано всѣми и не въ состояніи будетъ поселять раздоровъ даже между московскими журналистами. Такъ можно думать, судя по характеру всей жизни и дѣятельности графа Фаллу, о которомъ одинъ изъ его біографовъ съ восхищеніемъ отзывается, что онъ могъ въ одно время — быть другомъ свободы, находиться въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Персиньи, питать нѣжность къ Ламеннэ и оставаться въ дружбѣ съ Вёльо. Біографъ находитъ въ этомъ глубокій жизненный тактъ, [«нѣчто истинно-аристократическое»]. И біографъ не ошибается, повидимому: друзья нашихъ графовъ — тоже графы, слѣдовательно, ничего нѣтъ удивительнаго, если эти двѣ черты насквозь пропитаны аристократизмомъ. Въ довершеніе сходства двухъ графовъ, 2-го порядка, мы имѣемъ сочиненіе графа Фаллу: «Житіе Пія VII», гдѣ онъ съ такимъ же незлобивымъ упованіемъ относится къ прошедшему, какъ графъ Бальбо къ грядущему. Графъ Фаллу находитъ, видите ли, слишкомъ обиднымъ отзывы историковъ объ инквизиціи и слишкомъ неосновательными мѣры, послужившія къ ея уничтоженію. По его мнѣнію, это установленіе было отлично приноровлено къ нравамъ своего времени, вовсе не имѣло въ себѣ ничего ужаснаго, и слѣдовало подождать совершеннаго измѣненія нравовъ и понятій, для того, чтобы оно могло прекратиться или смягчиться само собою, [motu proprio тѣхъ, въ чьихъ рукахъ оно находилось]... Спрашиваемъ васъ, читатели, чѣмъ эта философія хуже философіи графа Бальбо, и кто изъ четырехъ графовъ можетъ похвалиться своимъ другомъ предпочтительно предъ остальными.

Если выборъ друзей у нашихъ графовъ одинаково удаченъ, то ихъ тактика поражаетъ насъ совершеннѣйшимъ единствомъ, которое можно даже заподозрить въ подражаніи. Дѣло въ томъ, что для достиженія цѣлей графовъ нужно было восхвалять парламентскую форму правленія, а между тѣмъ это было не совсѣмъ удобно. И графъ Кавуръ могъ имѣть за это коекакія непріятности въ 1847 г., а графъ Монталамберъ уже прямо находился въ положеніи, крайне затруднительномъ послѣ 1852 года. Что дѣлать? Къ счастью, у графа Монталамбера была мать англичанка, которая его, говорятъ, и воспитывала съ нѣкоторыми педагогическими манерами старой Англіи, довольно суровыми въ физическомъ отношеніи; графъ же Кавуръ въ молодыхъ лѣтахъ долго жилъ въ Англіи. Послѣ этого ясно, что они принялись эксплоатировать британское управленіе безъ всякаго милосердія... «Risorgimento» полонъ былъ восторженныхъ замѣтокъ о государственныхъ ораторахъ Англіи и объ умѣ, красотѣ и величіи ея лордовъ; графъ Монталамберъ, какъ извѣстно, тоже не далъ спуску англійскимъ парламентскимъ преніямъ... И, конечно, когда подумаешь, что на англійскихъ учрежденіяхъ ѣздятъ иногда люди, гораздо менѣе имѣющіе на то права, чѣмъ наши графы, то находишь образъ дѣйствій обоихъ графовъ какъ нельзя болѣе естественнымъ. Одно только нехорошо: разъ графъ Монталамберъ до того увлекся, что наговорилъ лишняго и отданъ былъ подъ судъ. Два года тому назадъ процессъ его за слишкомъ усердную похвалу англійскимъ преніямъ въ парламентѣ надѣлалъ порядочнаго скандала. Правда, впрочемъ, что тотъ же графъ сочинилъ около того же времени «Pie IX et lord Palmerston», гдѣ и Пальмерстонъ, и Англія, за исключеніемъ, конечно, парламентскихъ формъ, уничтожаются въ пользу Пія IX.

Полные восторженнаго благоговѣнія предъ трибуною, оба графа, можно сказать, превосходятъ другъ друга въ постоянныхъ надеждахъ на силу словеснаго убѣжденія. Такъ какъ французскій графъ находится теперь «не у дѣлъ», то онъ, естественно, разсчитываетъ болѣе на статейки и письма; въ прежнее время возлагалъ упованіе на свои краснорѣчивые «дискурсы». Пьемонтскій графъ теперь смотритъ нѣсколько свысока на статейки и даже на рѣчи: это ужъ для него пустяки; но онъ твердо надѣется измѣнить лицо міра посредствомъ своихъ дипломатическихъ нотъ. «Письмо» графа Монталамбера даетъ намъ одинъ образчикъ того, какъ оба графа, наперерывъ другъ передъ другомъ, рвутся показать свою приверженность къ «убѣжденію». Графъ Кавуръ (вспоминая, безъ сомнѣнія, своего бывшаго сотрудника, благонадежнаго графа Бальбо) увѣряетъ въ своей рѣчи, что вопросъ Рима и Венеціи не можетъ быть

рѣшенъ силою, что надо подождать, пока мнѣніе европейскихъ державъ сформируется въ пользу Италіи, когда святой отецъ убѣдится, что надо отдать Римъ Пьемонту, а Австрія почувствуетъ моральную невозможность держаться въ Венеціи. «Для этого надо дѣйствовать на общественное мнѣніе Европы, надо убѣжденіе, переговоры, убѣжденіе, дипломатическія ноты, меморандумы, убѣжденіе, убѣжденіе... И ужъ положитесь на меня, — мои ноты будутъ убѣдительны!» Такъ провозглашалъ графъ Кавуръ. Кажется, достаточно сильно?.. Но графъ Монталамберъ [точно Бобчинскій въ «Ревизорѣ», находитъ, что у пьемонтскаго дипломата «зубъ со свистомъ», и] старается перекричать его, повторяя «да, убѣжденіе, убѣжденіе, все надо дѣлать убѣжденіемъ, а не силой, именно убѣжденіемъ, и вы должны были дѣйствовать убѣжденіемъ, не другимъ чѣмъ, какъ убѣжденіемъ... прогрессъ совершается идеей, а не силой, убѣжденіемъ, а не оружіемъ»... и пр. Относительно Венеціи, напримѣръ, графъ Монталамберъ до того согласенъ съ графомъ Кавуромъ и графомъ Бальбо, что, даже при всемъ желаніи возражать пьемонтскому дипломату, не находитъ сказать ничего лучшаго, какъ только заподозрить его въ неискренности. «Вы хотите получить Венецію, — пишетъ онъ,—дѣйствуя убѣжденіемъ на Австрію и Европу. Увидимъ... Я искренно желаю вамъ успѣха. Да, именно такимъ способомъ, посредствомъ убѣжденія, примѣромъ собственнаго благоденствія [подъ покровомъ свободныхъ учрежденій], Пьемонтъ, послѣ 1847 года, долженъ былъ бы и могъ бы обезпечить торжество и честь своей политики. И вотъ почему изъ всѣхъ виновныхъ въ томъ злѣ, которое совершается теперь въ Италіи, — вы (т.-е. Кавуръ) можетъ быть всѣхъ виновнѣе. Вы имѣли все, что̀ нужно для того, чтобы привести ко благу дѣло столь прекрасное, сохранивъ симпатію всѣхъ честныхъ людей въ цѣломъ мірѣ. Ни въ патріотизмѣ, *ни въ краснорѣчіи* (!), ни въ отвагѣ, ни въ настойчивости, ни въ ловкости у васъ не было недостатка; вамъ недоставало одного— совѣсти (conscience) и уваженія къ совѣсти другихъ».

Какъ видите, графъ Монталамберъ не только убѣжденіе любитъ, но и свободу: онъ одобряетъ сардинскія постановленія (да и нельзя иначе: они даютъ просторъ *краснорѣчію!)* и желаетъ освобожденія Венеціи не меньше самого графа Кавура. Они оба [не любятъ только «излишка свободы»,] страшатся, когда люди заходятъ очень далеко... И въ этомъ отношеніи сходство между двумя графами не менѣе поразительно, какъ во всѣхъ другихъ. Графъ Монталамберъ, напримѣръ, еще въ ранней молодости, тотчасъ же воспользовался на трибунѣ плодами іюльской революціи, но извѣстно, что въ безпорядкахъ, произведшихъ ее, онъ былъ совершенно неповиненъ. То же самое надо сказать и о 1848 годѣ... Если обратимся къ графу Кавуру, то увидимъ то же благоразуміе: въ самой ранней молодости онъ умѣлъ сохранить себя — не попалъ ни въ секту карбонаровъ, ни въ «Юную Италію», а либеральничалъ весьма умѣренно и благородно въ аристократическихъ салонахъ, и, между прочимъ, въ салонѣ своего отца; а потомъ, послѣ переворота, сдѣлался руководителемъ новой политики Пьемонта. Онъ успѣлъ лучше, чѣмъ графъ Монталамберъ, и вотъ чего французскій графъ никакъ не можетъ простить ему! Бѣднякъ думаетъ, что это произошло отъ существенной разницы ихъ идей и характеровъ, и его самолюбіе страдаетъ... А дѣло просто въ томъ, что Пьемонтъ — не Франція: благодаря ничтожеству политической жизни, Кавуръ оказался тамъ одинъ, а во Франціи Монталамберъ потерялъ между десятками людей половчѣе его...

Для того, чтобы свобода не была ужъ слишкомъ свободна, оба графа готовы на все. И, во-первыхъ, они любятъ, чтобы она была [не взята, а] дарована, пожалована, [такъ сказать. Они соображаютъ, что когда люди получаютъ свободу свою «по милости», по великодушію другихъ, то они будутъ всегда скромнѣе и спокойнѣе, нежели когда они вообразятъ, что свобода — это ихъ право, и что полученіемъ этого права они обязаны самимъ себѣ]. Вотъ почему графъ Кавуръ, съ графомъ Бальбо и еще нѣсколькими графами и маркизами, еще въ 1848 году печатали въ «Risorgimento» прошеніе къ королю Фердинанду, чтобъ онъ сдѣлался либераломъ... Вотъ почему графъ Кавуръ хотѣлъ, чтобы освобожденіе Италіи совершилось непремѣнно Наполеономъ III. Вотъ почему графъ Монталамберъ неоднократно взывалъ къ разнымъ державамъ и властителямъ, чтобы они отказались отъ своихъ правъ на нѣкоторыя области, преимущественно католическія, какъ, напр., Англія—на Ирландію, Пруссія—на Познань, и пр. Надо признаться, что въ этомъ случаѣ трудно рѣшить, кто изъ двухъ графовъ имѣлъ болѣе успѣха въ своихъ воззваніяхъ.

Зато, если судьба имъ улыбается, наши близнецы-графы немедленно возлетаютъ на седьмое небо и трубятъ о спасеніи свободы отъ анархіи. Выше мы привели то мѣсто письма графа Монталамбера, гдѣ онъ такъ восторженно говоритъ о Піѣ IX, какъ творцѣ итальянской независимости, и увѣряетъ, что неуспѣхъ дѣла свободы оттого только

и произошелъ, что оно исторгнуто было изъ рукъ святѣйшаго отца и попало въ руки «неблагодарности, насилія и обмана». Можно было думать, что этакого рода воззрѣніе нѣсколько отдаляетъ французскаго оратора отъ пьемонтскаго дипломата. Ничего не бывало! Вся Европа имѣла случай убѣдиться, что графъ Кавуръ одушевлялся совершенно такими же идеями и чувствами. Въ нотѣ прусскому правительству, онъ говоритъ о себѣ почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ графъ Монталамберъ отзывается о Піѣ IX, какъ въ письмѣ къ графу Кавуру, такъ и въ своей статьѣ о Піѣ IX и Пальмерстонѣ. По увѣренію ноты,— если вы припомните, — Пьемонтъ затѣмъ именно и вмѣшался въ чужія дѣла, что дѣло свободы попало въ руки [мошенниковъ и] головорѣзовъ, что надо было смирить и уничтожить духъ революціи въ Италіи. Говорятъ, будто все это дипломатическая вѣжливость въ отношеніи къ Пруссіи; но мы, съ своей стороны, не имѣемъ на этотъ разъ никакихъ причинъ подозрѣвать искренность графа Кавура.

Дѣла говорятъ лучше словъ, а мы не разъ видѣли, какъ пьемонтскій графъ, не хуже французскаго, на дѣлѣ показывалъ свое отвращеніе ко всякимъ безпорядкамъ и даже ко всѣмъ, кто только способенъ возбудить ихъ. Если онъ иногда и принужденъ былъ казаться сочувствующимъ безпокойнымъ людямъ, то всегда неутомимо старался выйти изъ такого ложнаго положенія, хотя бы для этого нужно было пуститься въ другую крайность... Такъ видѣли мы, что онъ, едва только увидѣлъ, что Гарибальди — человѣкъ безпокойный, какъ немедленно направилъ противъ него всѣ усилія своего проницательнаго генія и еще въ Сициліи хотѣлъ покончить диктатора посредствомъ Лафарины, а потомъ объявилъ его въ своемъ журналѣ «безумцемъ» и «препятствіемъ итальянской независимости», и предпочелъ лучше войти въ интимность съ генераломъ Нунціанте, нежели идти рука объ руку съ такимъ [сорванцемъ] [1]), какъ Гарибальди. Вся эта исторія такъ недавня, что о ней толковать нечего: всякій самъ сумѣетъ отдать справедливость графу Кавуру. Но мы, въ качествѣ Плутарха, должны здѣсь замѣтить, что точно такія черты благоразумія существуютъ и въ жизни графа Монталамбера. Такъ, въ началѣ своей карьеры онъ былъ участникомъ журнала «L'avenir», основаннаго Ламеннэ, но единственно по недоразумѣнію: онъ считалъ, что Ламеннэ — просвѣщенный либеральный аббатъ, и потому естественно сошелся съ нимъ, а какъ увидѣлъ, куда идетъ Ламеннэ, такъ и отрекся отъ его «Avenir». Впослѣдствіи и самъ Ламеннэ отрекся отъ доктринъ своего журнала, нашедши ихъ недостаточно рѣшительными; но для графа Монталамбера онѣ, напротивъ, были слишкомъ рѣшительны и повергли его въ такой ужасъ, что онъ впослѣдствіи предпочелъ короткость съ г. Луи Вёлье сближенію съ Ламеннэ. Эта черта французскаго графа, по нашему мнѣнію, стоитъ быть замѣченною. Она рисуетъ его и сближаетъ съ графомъ Кавуромъ столько же, какъ и его дѣятельность во время 1848 и 1849 года, о которой мы не хотимъ распространяться.

Найдутся, можетъ быть, [безразсудные] люди, которые припишутъ подобные факты слабости и нерѣшительности [графскаго] характера и ума. Но только [безразсудные] [1]) люди и могутъ такъ разсудить. Мы же съ вами, читатель, напротивъ, видимъ въ дѣяніяхъ обоихъ графовъ героизмъ, твердо противящійся всѣмъ увлеченіямъ и сохраняющій все благоразуміе въ обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ. Не такъ ли?

Чтобы не подозрѣвать графовъ въ недостаткѣ характера, стоитъ припомнить всѣ аналогическія черты изъ ихъ жизни, тѣмъ болѣе близкія, что въ нихъ участвуетъ одно и то же лицо — императоръ французовъ. Помните, какъ императоръ хотѣлъ простить графа Монталамбера, послѣ процесса за неумѣренную похвалу Англіи, а графъ отказался отъ прощенія и подалъ рѣшеніе суда на апелляцію? Это было высоко, превосходно,—не правда ли? Припомните же теперь и то, какъ графъ Кавуръ вышелъ въ отставку послѣ Виллафранкскаго мира: согласитесь, что оба поступка не уступаютъ другъ другу въ благородствѣ и придаютъ характеру обоихъ графовъ оттѣнокъ античной доблести!.. И послѣ этого не признавать въ нихъ высочайшей силы духа—да это непонятное ослѣпленіе!

Впрочемъ, будемъ надѣяться, что людей до такой степени слѣпыхъ не найдется между нашими читателями!

Графъ Монталамберъ, съ своей стороны, имѣетъ другое обвиненіе противъ графа Кавура, — обвиненіе въ безсовѣстности, въ нарушеніи трактатовъ и обязательствъ, въ презрѣніи международныхъ правъ. Но если бы это обвиненіе было серьезно, то на него уже готовъ заранѣе отвѣтъ въ словахъ графа Кавура, утверждающаго, что «знаменитый писатель» нуждается въ *«свѣтлыхъ минутахъ»* для здраваго пониманія вещей. Впрочемъ, надо надѣяться, что всѣ

[1]) господиномъ,

[1]) недальновидные

контроверсіи о совѣсти со стороны графа Монталамбера составляютъ не болѣе, какъ пріятную игру словъ, внушенную ему желаніемъ рельефнѣе выставить собственное благородство и рыцарство. Въ этомъ онъ опять сходится съ своимъ противникомъ, который тоже издалъ въ свѣтъ не мало краснорѣчивыхъ страницъ объ уваженіи трактатовъ, о совѣсти политической, о порядкѣ и пр. Довольно вспомнить его ноты предъ началомъ войны 1859 года. Въ одной изъ нихъ онъ написалъ: «несмотря на всѣ опасности, угрожающія Сардиніи, поведеніе ея правительства всегда было управляемо духомъ благоприличія и умѣренности (de convenance et de réserve), которыя не откажутся признать за нимъ всѣ честные люди... Сардинія старалась внести надежду, терпѣніе и спокойствіе въ среду отчаянія, нетерпѣнія и ажитаціи, и величайшимъ тщаніемъ воздерживалась отъ роли возбудителя (provocateur) безпорядковъ; и если публичное право пострадало въ Италіи, то, конечно, не Сардинію можно обвинять въ какомъ-нибудь, даже самомалѣйшемъ, уклоненіи отъ существующихъ трактатовъ. Этотъ духъ умѣренности, которымъ исполнены всѣ дѣйствія сардинскаго правительства, признанъ и оцѣненъ всѣми безпристрастными людьми и общественнымъ мнѣніемъ Европы».

Какъ видите, графъ Кавуръ,
Когда о честности высокой говоритъ,—

нисколько не уступаетъ графу Монталамберу. И мы полагаемъ, что если бы французскому графу пришлось [ворочать] [1]) дѣлами государства, то онъ, сохраняя постоянно тотъ же благородный слогъ, дѣйствовалъ бы не менѣе искусно и благоразумно, какъ и графъ Кавуръ. Въ маломъ участіи, какое имѣлъ графъ Монталамберъ въ дѣлахъ своей страны, мы имѣемъ, однако, достаточно ручательствъ за основательность нашихъ надеждъ... Правда, графъ Кавуръ объясняетъ и оправдываетъ пьемонтскую политику относительно Гарибальди и всей Италіи очень, очень искусно... Но признаемся, что когда мы припомнимъ, какъ резюмируетъ и защищаетъ графъ Монталамберъ всю дѣятельность Пія IX, мы затрудняемся, кому отдать преимущество... Мы только думаемъ: Боже, что, если бы власть въ руки этому человѣку! Что, если бы онъ управлялъ дѣлами хоть бы республики Санъ-Марино! Всю Европу бы, кажется, поднялъ на ноги. Да, это истинное несчастіе для него, что онъ [родился французомъ и] осужденъ дѣйствовать въ такомъ кругѣ, каковъ кругъ французскихъ общественныхъ дѣятелей... [Для этого круга, онъ, дѣйствительно, слишкомъ наивенъ и совѣстливъ, что, впрочемъ, нисколько не унижаетъ его передъ графомъ Кавуромъ: вся Европа очень недавно была свидѣтельницею, какъ передъ французской политикой и пьемонтскій графъ оказался наивнымъ ребенкомъ].

Правда, графъ Кавуръ нѣсколько свысока смотритъ «на знаменитаго писателя», въ *свѣтлыя минуты* не говорящаго глупостей, по его мнѣнію. Но повѣрьте, что это обстоятельство служитъ только къ довершенію параллели между двумя графами. Графъ Монталамберъ нисколько не смущается ироніею графа Кавура, потому что самъ нисколько не уступаетъ ему въ высокомъ понятіи о собственномъ достоинствѣ и въ презрѣніи къ своимъ противникамъ. Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ уничтожающимъ пренебреженіемъ, съ какой язвительной ироніей трактуетъ онъ проекты графа Кавура относительно Рима. «Въ Римѣ ваше дѣло неправо со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, и даже, какъ вы сами хорошо знаете, съ точки зрѣнія итальянской. Мы, французы, мы, католики всего міра, дѣлаемъ большое пожертвованіе для независимости папской власти, допуская, чтобы, оставаясь въ Италіи, она принимала обычную службу отъ рукъ итальянцевъ... Но вамъ, итальянцамъ, сто разъ уже повторяли: что будетъ ваше отечество безъ папства? Какую фигуру [будутъ представлять наши пьемонтскія величьишки—vos petites majestés piémontaises — переводите лучше, коли умѣете] въ этомъ средоточіи католическаго міра, которое вы хотите превратить въ помѣщеніе для канцелярій вашихъ министерствъ? Не воображаете ли вы, что человѣчество будетъ продолжать свой пелеринажъ къ подножію трона вашихъ властителей? Вамъ дана несравненная слава имѣть у себя столицу двухсотъ милліоновъ душъ, и все ваше честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы низвести ее на степень главнаго города самаго недавняго (du dernier venu) изъ царствъ земли!!!»

Вы видите, что даже въ презрительномъ обращеніи другъ съ другомъ оба графа сходятся между собою!

Однакожъ отчего это взаимное нерасположеніе? Отчего эта видимая разница воззрѣній и цѣлей? Отчего оба графа въ общемъ мнѣніи считаются представителями двухъ противоположныхъ партій — іезуитской и анти-католической, застоя и прогресса, средневѣковой и современной? Что

[1]) править

ни говорите, но сущность разномыслія двухъ графовъ заключается въ различіи ихъ отношеній къ католицизму. Графъ Кавуръ постоянно вооружался противъ іезуитовъ, конфисковалъ церковныя имущества, держалъ въ заключеніи непокорныхъ епископовъ, возставалъ противъ папы. Относительно церкви католической онъ сдѣлалъ вотъ что̀, по краснорѣчивому изображенію графа Монталамбера:

«Въ теченіе десяти лѣтъ вы, безъ всякаго права, кромѣ права сильнаго, нарушали всѣ трактаты, всѣ обязательства, торжественно заключенныя между Пьемонтомъ и папскимъ престоломъ. Мало того, вы доносили на святѣйшаго отца на парижскомъ конгрессѣ, вы оклеветали его намѣренія, исказили его дѣйствія, вы изгнали его епископовъ, презрѣли его приговоры, перешли его границы, вторглись въ его владѣнія, вы бросили въ тюрьму его защитниковъ, вы оскорбили, подавили (insulté, écrasé), бомбардировали его солдатъ, вы назначаете Гарибальди свиданіе черезъ шесть мѣсяцевъ на гробѣ апостоловъ!.. И послѣ этого вы говорите католикамъ: «я—свобода, и я протягиваю къ вамъ руки!»

Вотъ, что̀ надѣлалъ и что̀ дѣлаетъ еще графъ Кавуръ! Такіе поступки справедливо вызываютъ у графа Монталамбера вопль негодованія: «нѣтъ, нѣтъ, вы не свобода,—кричитъ онъ,—вы не болѣе, какъ насиліе!.. Не заставляйте насъ прибавить, что вы—ложь!» На что̀, конечно, графъ Кавуръ могъ бы отвѣчать русской пословицей, что «всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ»,—и опять равенство его съ графомъ Монталамберомъ возстановилось бы. Но, къ сожалѣнію, графъ Кавуръ русскихъ пословицъ не знаетъ, и при томъ, если послушать графа Монталамбера, то онъ, т.-е. Монталамберъ, составляетъ на сей разъ исключеніе изъ людей: онъ никогда не зналъ лжи, всегда былъ вѣренъ себѣ, ни разу не уклонился отъ прямого своего назначенія... По крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ говоритъ; а кому же лучше знать это дѣло, какъ не ему? Въ 1852 г., въ книжкѣ своей «Des intérêts catoliques au XIX siècle», онъ отзывался о себѣ въ слѣдующихъ словахъ: «узнаютъ въ будущемъ, что былъ по крайней мѣрѣ одинъ старый боецъ католицизма и свободы, который до 1830 года умѣлъ отдѣлить дѣло католицизма отъ дѣла королевской власти; который подъ режимомъ іюльской монархіи, стоялъ за независимость церкви противъ свѣтской власти; который, въ 1848 году, боролся всѣми своими силами противъ мнимаго тожества христіанства и демократіи, и который въ 1852 г. протестовалъ противъ пожертвованія свободы силѣ, подъ предлогомъ религіи»... А послѣ 1852 г. сколько новыхъ заслугъ оказалъ еще графъ Монталамберъ дѣлу католицизма! Примирилъ всѣ противорѣчія въ дѣятельности Пія IX; [доказалъ въ своей вступительной академической рѣчи, что все хорошее, что̀ приписываютъ вліянію французской революціи, сдѣлалось бы безъ нея гораздо лучше]; открылъ, что спасеніе Англіи—въ католицизмѣ; наконецъ, онъ протестуетъ противъ графа Кавура, и говоритъ ему въ заключеніе своего грознаго письма: «вы можете присоединить къ Пьемонту королевства и имперіи, но я не вѣрю, чтобъ вы успѣли привлечь къ вашимъ дѣйствіямъ согласіе хотя одной честной души!» Вотъ гдѣ, стало быть, надобно искать настоящаго различія между графами!..

Несмотря на видимое упорство, съ которымъ г. Монталамберъ силится выставить эту разницу, мы осмѣливаемся утверждать, что она вовсе не важна и болѣе относится къ формѣ, нежели къ сущности дѣла. Какимъ образомъ можно быть въ нѣкоторомъ смыслѣ Кавуромъ и въ то же время преклоняться передъ всѣми аттрибутами католицизма,—насчетъ этого нечего давать объясненія нашимъ читателямъ. Исторія изъ-за г-жи Свѣчиной еще не такъ давно разыгралась предъ нашими глазами, и воспоминаніе о ней можетъ навести на весьма полезныя мысли... Но, кромѣ этого, замѣтимъ еще вотъ что̀: защита папства и католицизма естественно вытекаетъ для графа Монталамбера изъ его положенія, и едва ли мы ошибаемся, полагая, что всякій [графъ, даже и пьемонтскій] на его мѣстѣ принялся бы за то же самое. Онъ, видите ли, хочетъ самостоятельной и видной дѣятельности и полагаетъ навѣрное, что онъ къ ней способенъ. Но онъ попалъ какъ разъ въ такое время, когда самостоятельная дѣятельность могла быть добыта лишь въ борьбѣ [противъ существующаго порядка]. Между тѣмъ онъ—другъ порядка, слуга законности, онъ не выскочка, а человѣкъ съ родомъ и именемъ, человѣкъ преданій, человѣкъ хорошихъ правилъ. Онъ никакъ не могъ броситься на какую-нибудь новую теорію и во имя ея приняться за работу. Ему нужно было отыскать для себя какое-нибудь начало, которое бы само въ себѣ было столь же законно и освящено вѣковыми преданіями, какъ и та сила, противъ которой хотѣлъ онъ идти, для того, чтобы «себя показать». Такое начало и нашелъ онъ въ католицизмѣ... и успокоился... Онъ боролся за католицизмъ, когда его притѣсняли, боролся, когда его никто не трогалъ, боролся, когда ему придавали болѣе широкое толкованіе, чѣмъ прежде, боролся, когда суживали его значеніе... Когда не съ кѣмъ

было бороться въ своихъ предѣлахъ, онъ дѣлалъ набѣги на чужія области—на протестантовъ, на греко-славянъ, даже на невинныхъ китайцевъ. Его одинъ изъ біографовъ называетъ «министромъ иностранныхъ дѣлъ католицизма»; надо прибавить, что этотъ министръ иностранныхъ дѣлъ постоянно одушевленъ воинственными наклонностями... Никто не тревожитъ политики католицизма, скучно «министру», вотъ онъ и начинаетъ [возню] [1]). Какое участіе принимаетъ тутъ истинная вѣра,—объ этомъ, конечно, мы судить не станемъ, [такъ какъ это дѣло духовника графскаго].

Обратите же мысленный взоръ вашъ на графа Кавура и скажите, не ограничивается ли одной внѣшнею формою разногласіе *между обоими графами?* Побужденія, образъ мыслей, основанія и цѣли дѣйствій—тѣ же самыя; разница только въ томъ, что графъ Кавуръ нашелъ [другую штуку] [2]), на которой онъ могъ упражнять свою дѣятельность шумно и самостоятельно, ни мало не безпокоя своего благоговѣйнаго чувства къ законности и преданіямъ. [*Эта штука*] [3]) и была — защита итальянской національности и свободы противъ иноземцевъ. Это было и законно, и популярно, и не противно старымъ преданіямъ, и не враждебно новымъ теоріямъ: вотъ положеніе графа Кавура и оказалось несравненно выгоднѣе... Но будемъ же благоразумны, не будемъ судить о ростѣ человѣка по степени высоты мѣста, на которомъ онъ стоитъ... Дѣло во внутреннемъ достоинствѣ человѣка, и золото—всегда золото, куда бы оно ни было закинуто... А мы, кажется, достаточно показали, что оба [графа]—чистѣйшее золото; что графъ Кавуръ во Франціи не хуже Монталамбера умѣлъ бы «бороться» и «протестовать» за попранныя права, напримѣръ, іезуитскаго ордена, и что графъ Монталамберъ, въ свою очередь, не хуже графа Кавура сумѣлъ бы «смирить и задушить» революціонный духъ итальянцевъ и привести въ порядокъ все, что̀ такъ безразсудно разстроилъ Гарибальди съ своими единомышленниками...

Остается пожалѣть, что достойные [графы] [4]) не признаютъ другъ друга, и что каждый изъ нихъ старается бросить тѣнь на заслуги другого. Но такъ какъ это обстоятельство равно относится къ обоимъ, то и оно нисколько не уменьшаетъ поразительной вѣрности нашей параллели—напротивъ, оно даже довершаетъ ее, какъ необходимое условіе. Если бы графы наши могли сойтись, то параллель была бы невозможна,—это извѣстно изъ геометріи. Да и безъ геометріи понятно, что если бъ который-нибудь изъ графовъ уразумѣлъ свое ближайшее сходство съ другимъ, то ужъ этимъ самымъ сходство-то и нарушилось бы... [А если бы оба поняли въ одно время единство своихъ стремленій, идей и значенія въ исторіи, то и въ этомъ случаѣ оба не могли бы и не захотѣли бы болѣе оставаться прежними графами...]

При томъ же—это ужъ дѣло рѣшенное, что великіе общественные дѣятели, равно какъ и великіе поэты, никогда не должны знать истиннаго смысла того, что̀ они дѣлаютъ. Въ противномъ случаѣ, что̀ же осталось бы критикамъ, историкамъ и біографамъ?.. Тогда, значитъ, не было бы ни Ѳукидида, ни Плутарха, и главное—не было бы настоящаго этюда! [Надѣемся, что читатели примутъ это въ соображеніе и пожелаютъ, вмѣстѣ съ нами, чтобы великіе общественные дѣятели, въ родѣ Кавура и Монталамбера, и на будущее время какъ можно меньше понимали, что̀ они дѣлаютъ].

Пусть же они хлопочутъ о томъ, чтобы выставлять разницу между собою, мы имѣемъ достаточно данныхъ, по которымъ всегда можемъ возстановить ихъ типическое сходство. Припомнимъ вкратцѣ:

Оба—графы не только по титулу, но и по уму и сердцу; оба дружны съ такими же графами, какъ они, но въ случаѣ нужды дружатся даже и съ людьми менѣе высокаго благородства, лишь бы то были не враги порядка.

Оба любятъ законность и умѣренную свободу, съ сохраненіемъ благотворнаго вліянія аристократіи; но оба ненавидятъ безумную анархію, стремящуюся попрать историческія преданія и измѣнить начала, на которыхъ уже столько вѣковъ покоится благоденствіе человѣческихъ обществъ.

Оба—приверженцы англійской конституціи, до безумія любятъ парламентскія пренія, въ случаѣ нужды замѣняютъ ихъ статейками и нотами; вообще стараются шумѣть какъ можно больше, но никогда не увлекаются за предѣлы, предписываемые благоразуміемъ и солидностью, никогда не служатъ вздорнымъ и опаснымъ утопіямъ...

Оба полны вѣры въ свое краснорѣчіе и въ благодушіе тѣхъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло; оба пишутъ воззванія, адресы, письма, въ полной увѣренности [доставить такимъ образомъ свободу народамъ] [1]).

Оба одушевлены прекраснѣйшими намѣреніями, оба весьма патетически говорятъ о совѣсти и соблюденіи международ-

---

[1]) исторію...
[2]) другой предметъ
[3]) Этотъ предметъ
[4]) люди

[1]) достигнуть такимъ образомъ высокой цѣли.

ныхъ правъ, оба изъ всѣхъ силъ хлопочутъ о союзѣ свободы, религіи и порядка, оба соединяются въ уваженіи къ «убѣжденію» и въ нелюбви къ Гарибальди... Наконецъ—оба почтены «Русскимъ Вѣстникомъ», въ статьяхъ г. Чичерина, и, если не ошибаемся, г. Ѳеоктистова!

[Правда, есть одно обстоятельство... Графъ Кавуръ не писалъ «Житія святой Елизаветы Венгерской»... Но зато графъ Монталамберъ, съ своей стороны,—не продавалъ Савойи и Ниццы... Словомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, мы считаемъ себя въ правѣ повторить еще разъ: оба—графы не только по титулу, но и по уму и сердцу!]

Теперь мораль:

Изъ сего сравненія научитесь, читатели, не судить о людяхъ по наружности, а цѣнить истинное достоинство вездѣ, гдѣ бы оно ни оказалось. Вы часто возвеличивали пьемонтскаго графа въ ущербъ французскому; теперь вы видите, что поступали въ отношеніи къ послѣднему несправедливо. Отдайте же ему должную честь, и если блескъ заслугъ его не столь ярокъ, какъ его собрата, припишите это единственно различію положеній, а никакъ не недостатку внутренняго достоинства. Знайте, что жемчужина—всегда жемчужина, [хотя бы она была даже въ такомъ положеніи, какъ въ извѣстной баснѣ: «Пѣтухъ и жемчужное зерно»]. Обстановка можетъ измѣниться, но внутреннее достоинство и истинное значеніе жемчужины останутся всегда тѣ же. [Если съ того мѣста, гдѣ нашелъ ее пѣтухъ, она будетъ взята, принесена въ даръ китайскому богдыхану и содѣлается лучшимъ украшеніемъ его короны,—обстановка его улучшится, но, какъ прежде, она будетъ удивлять истинныхъ знатоковъ своею внутреннею цѣною, и, какъ прежде, будетъ пренебрегаема глупымъ и нахальнымъ пѣтухомъ, который въ своемъ невѣжествѣ всегда будетъ предпочитать ей простое ячменное зерно!]

4.

410. НЕАПОЛИТАНСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

написанныя на австрійскомъ языкѣ Яковомъ Хамомъ и переведенныя Конрадомъ Лиліеншвагеромъ.

Неаполитанскія дѣла занимаютъ теперь первое мѣсто между всѣми вопросами, увлекающими вниманіе Европы; можно даже сказать, что предъ ними кажется ничтожнымъ все остальное, исключая развѣ новаго журнала, который собирается издавать г-жа Евгенія Туръ, и новой газеты, обѣщаемой «Русскимъ Вѣстникомъ». Но понятія наши о неаполитанскихъ событіяхъ очень односторонни, потому что всѣ наши свѣдѣнія приходятъ отъ враговъ стараго порядка, которые, очевидно, стараются представить дѣло въ свою пользу. Вотъ почему намъ показалось необходимымъ представить нашимъ читателямъ нѣсколько неаполитанскихъ стихотвореній извѣстнаго австрійскаго поэта, Якова Хама, рисующихъ положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ совершенно не такъ, какъ обыкновенныя журнальныя извѣстія. Яковъ Хамъ — прежде всего поэтъ; онъ постоянно находится подъ вліяніемъ минуты и, слѣдовательно, чуждъ всякихъ политическихъ предубѣжденій. Онъ — то хвалитъ упорство короля неаполитанскаго въ режимѣ его отца, то превозноситъ его за конституцію, то [ругаетъ] [1]) освободителей Италіи, то предается неумѣренному энтузіазму къ нимъ, то въ восторгѣ отъ жестокой бомбардировки, то въ настроеніи нѣжныхъ чувствъ... Во всѣхъ этихъ видимыхъ противорѣчіяхъ сказывается весьма сильно художественность его натуры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дается полное ручательство въ его искренности. И такъ какъ литература вообще и поэзія въ особенности служатъ выраженіемъ народной жизни, а Яковъ Хамъ—поэтъ австрійскій, то въ стихотвореніяхъ его мы можемъ видѣть, въ какомъ настроеніи находился народъ австрійскій въ послѣдній годъ, и какими чувствами преисполненъ онъ къ династіи Бурбоновъ. Не выводя никакихъ политическихъ результатовъ изъ представленныхъ нами политическихъ документовъ, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на ихъ литературное значеніе: во всей современной итальянской литературѣ нѣтъ ничего подходящаго по благонамѣренности къ твореніямъ австрійскаго поэта. [Въ нынѣшнемъ году какой-то человѣкъ съ итальянской фамиліей сочинилъ оду на именины австрійскаго императора — такъ на это указывали съ ужасомъ, какъ на нѣчто чудовищное!] Изъ этого [одного уже достаточно] видно, какъ много стѣсняется художественность, когда разыгрываются народныя страсти, и какъ много выигрываетъ она при отеческомъ режимѣ, подобномъ австрійскому. Надѣемся, что любители литературы, даже несогласные съ г. Яковомъ Хамомъ въ большей части его тенденцій, оправдаютъ насъ въ помѣщеніи его стихотвореній уже въ силу того одного, что они блистательно разрѣшаютъ одну изъ великихъ литературныхъ проблемъ о чистой художественности,—разрѣшеніемъ которой такъ ревностно занималась наша критика

[1]) бранитъ

въ послѣдніе годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы надѣемся доставить читателямъ удовольствіе и самыми звуками перевода, надъ которымъ такъ добросовѣстно потрудился г. Лиліеншвагеръ. Мы должны сказать откровенно: со времени патріотическихъ твореній Пушкина, Майкова и Хомякова мы не читывали ничего столь громкаго, какъ стихотворенія г. Якова Хама, въ переводѣ Конрада Лиліеншвагера.

1.

НАДЕЖДЫ ПАТРІОТА.

(При началѣ итальянскихъ волненій).

Опять волнуются народы,
И царства вновь потрясены.
Во имя братства и свободы
Опять мечи обнажены!
Скатились тихо съ горизонта
Три солнца чудной красоты [1]);
Честолюбиваго Пьемонта
Осуществляются мечты!

Царитъ въ Италіи измѣна
И торжествуетъ въ ней порокъ:
Тоскана, Парма и Модена
Безумно ринулись въ потокъ;
И силой вражьяго возстанья
Изъ рукъ святѣйшаго отца
Отъята бѣдная Романья—
Стадъ папскихъ лучшая овца!

Но противъ дьявольскихъ усилій
Есть намъ незыблемый оплотъ:
То королевство Двухъ Сицилій,
Бурбонамъ преданный народъ.
Возсѣвъ на праотческомъ тронѣ,
Какъ въ небѣ солнца свѣтлый дискъ,
Тамъ въ Фердинандовой коронѣ
Сіяетъ царственный Францискъ.

Не поддается онъ лукавымъ
Рѣчамъ политики чужой
И твердо правитъ по уставамъ
Отцовской мудрости святой:
Карать умѣетъ недовольныхъ
Въ тиши полиціи своей
И въ бой пойдетъ за своевольныхъ
Противъ законныхъ ихъ властей...

Вкругъ трона вьется тамъ гирлянда
Мужей испытанныхъ, сѣдыхъ,
Хранящихъ память Фердинанда
Въ сердцахъ признательныхъ своихъ.
Къ Франциску имъ открыты двери,
Страною правитъ ихъ совѣтъ,
И вольнодумству Филанджьери
Нѣтъ входа въ царскій кабинетъ!

И вѣримъ мы: Кавуръ съ Маццини
Обманутъ бѣдный ихъ народъ,
И онъ придетъ, придетъ въ кручинѣ—
Просить Франциковыхъ щедротъ;
Министръ полиціи, Айосса,
Умовъ волненье укротитъ
И итальянскаго вопроса
Всѣ затрудненья разрѣшитъ!..

2.

НЕАПОЛЮ.

(По поводу нѣкоторыхъ манифестацій въ Сициліи).

«Гордись!»—стихъ каждаго поэта
На всѣхъ нарѣчіяхъ земныхъ
Гласитъ тебѣ:—«ты чудо свѣта!»
Гордись красою водъ твоихъ,
Гордись полуденнымъ сіяньемъ
Твоихъ безоблачныхъ небесъ
И вѣковѣчнымъ достояньемъ
Искусства мирнаго чудесъ!
«Гордись!»..

Но лестію лукавой,
Неаполь мой, не возносись:
Всѣмъ этимъ блескомъ, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ—не гордись!
Пески сахарскіе южнѣе,
Стоитъ красивѣе Царьградъ,
И Эрмитажа галлереи
Твоихъ богаче во сто кратъ!
Не въ этомъ блескѣ суетливомъ
Народовъ мощь заключена,
Но въ сердцѣ кроткомъ, терпѣливомъ
Въ смиренномудріи она!..

И вотъ за то, что ты смиренно,
Въ молчаньи жребій свой несешь,
Во слѣдъ мятежникамъ надменно
Противъ владыкъ своихъ нейдешь
И воли гибельнаго дара
Не просишь отъ враждебныхъ силъ,—
Зато тебя святой Дженнаро
Своею кровью подарилъ!
Зато высокое призванье
Тебѣ въ вѣкахъ сохранено—
Хранить порядка основанья,
Народной вѣрности зерно!
Ты невредимо сохранишься
Въ переворотѣ роковомъ,
И безмятяжно насладишься
Законной правды торжествомъ.
И жизнь твоя пройдетъ счастливо
Во всѣ вѣка, не зная бурь,
Какъ въ тихій день волна залива
И какъ небесъ твоихъ лазурь!

15 декабря
1859 г.

[1]) Великій герцогъ Тосканскій, 2) герцогъ Моденскій, и 3) герцогиня Пармская.

3.

БРАТЬЯМЪ-ВОИНАМЪ.

(Послѣ апрѣльскихъ происшествій въ Сициліи).

Межъ тѣмъ какъ вы, въ рядахъ родныхъ полковъ,
Готовитесь карать отечества враговъ, —
Я, мирный гражданинъ риѳмованнаго слова,
Я тоже полонъ весь стремленія святого!
Возвышеннымъ стихомъ напутствую я васъ
И вѣрю — онъ придастъ вамъ силы въ грозный часъ,
Когда съ крамольникомъ помчитесь вы на битву!
Я положилъ въ него народную молитву —
Чтобъ возстановленъ былъ порядокъ и законъ,
Чтобъ вѣчно царствовалъ въ Неаполѣ Бурбонъ!
Народной мыслію и чувствомъ вдохновенный,
Мой стихъ могущественъ, съ нимъ смѣло киньтесь въ бой:
Въ презрѣньи радостномъ поэта отраженный,
Въ немъ блещетъ идеалъ Италіи святой,—
Тотъ вѣчный идеалъ законнаго порядка,
При коемъ граждане покоятся такъ сладко,
Который водворить старался Фердинандъ,
Котораго достичь—рѣшительно и рѣзко—
Предначерталъ себѣ и новый нашъ Атлантъ—
Средь бѣдъ отечества незыблемый Франческо!..

1 мая
1860 г.

4.

ЗАКОННАЯ КАРА!

(На бомбардированіе Палермо).

Исчадье ада, другъ геены,
Сынъ Вельзевула во плоти,
Коварство бунта и измѣны
Успѣлъ и къ намъ было внести!..
Какъ воры, въ тьмѣ ночной, къ Марсалѣ,
На двухъ украденныхъ судахъ,
Ватаги буйныя пристали
И—мирный островъ ввергли въ страхъ!..

Угрозой, подкупомъ, обманомъ,
Приманкой воли, грабежа,
Успѣвъ увлечь за атаманомъ
Толпы подъ знамя мятежа,
Дыша огнемъ и разрушеньемъ
И дерзкой ярости полны, —
Они пошли съ остервенѣньемъ
На обладателей страны!

Но прогремѣлъ уже надъ ними
Всевышней воли приговоръ:
Запечатлѣнъ въ Калата-Фими
И въ Партенико ихъ позоръ;
И на ослушникахъ Палермо,
Дерзнувшихъ власти презирать,
Рѣшились показать примѣръ мы,
Какъ бунтъ умѣемъ укрощать!

О, не забудутъ сицильянцы,
Пока не рушится земля,
Именъ Летиціи и Ланцы,
Слугъ неподкупныхъ короля!
Ихъ мѣры не остались тщетны:
Весь градъ развалиною сталъ...
Ни разу кратеръ грозной Этны
Такъ безпощаденъ не бывалъ!!

Зато погибнутъ флибустьеры,
И успокоятся умы!
И съ чувствомъ радости и вѣры
Сынамъ и внукамъ скажемъ мы —
Какъ Ланца въ сѣчѣ и въ пожарѣ
Толпы мятежныя каралъ,
Какъ громъ мортиръ съ Кастелламаре
Имъ крѣпость трона возвѣщалъ!

30 мая
1860 г.

5.

ПЛАЧЪ И УТѢШЕНІЕ.

(По поводу нѣкоторыхъ дипломатическихъ совѣтовъ неаполитанскому правительству).

Ужасной бурей безначалія
Съ конца въ конецъ потрясена,
Томится бѣдная Италія,
Во власть злодѣевъ предана:

Повсюду слышны крики шумные,—
Народъ измѣной упоенъ...
Свободы требуютъ безумные
И рушатъ власти и законъ!..

И, къ уваженью человѣчества
Проникъ неблагородный страхъ
Въ самихъ блюстителей отечества,
Держащихъ власть въ своихъ рукахъ

Принципомъ страннымъ невмѣшательства
Прикрывъ безсиліе свое,
Европа спитъ, когда предательство
Пожрать готовится ее;

А итальянскіе властители—
Одни бѣгутъ изъ ихъ державъ,
А тѣ—становятся ревнители
Безумной черни мнимыхъ правъ!

Даютъ статуты либеральные,
Страстямъ толпы безстыдно льстятъ
И дни отечества печальные
Презрѣнной трусостью сквернятъ!..

Одинъ, средь общаго волненія,
Какъ нѣкій рыцарь на скалѣ,
Стоитъ безъ страха, безъ сомнѣнія,
Король Францискъ въ своей землѣ...

Утѣшься, бѣдная Италія!
Законъ и правду возлюбя,
Францискъ не дастъ разлиться далѣе
Злу, охватившему тебя.

[Онъ понимаетъ всѣ опасности
Льстить черни прихотямъ слѣпымъ:
Ни конституціи, ни гласности
Не дастъ онъ подданнымъ своимъ!

Не перемѣнитъ онъ юстицію,
Не подаритъ ненужныхъ льготъ,
Не обезсилитъ онъ полицію—
Свой нерушимѣйшій оплотъ];

Не дастъ права свои священныя
Толпѣ безсмысленной судить,
И своевольства дерзновенныя
Не поколеблется казнить!

И знаю я, онъ не обманется
Въ благоразуміи своемъ:
Пьемонтъ падетъ, а онъ останется
Италіанскимъ королемъ!

26 іюня
1860 г.

6.

НЕИСПОВѢДИМОСТЬ СУДЕБЪ.

(На обнародованіе неаполитанской конституціи).

Не видать ни тучки въ небѣ знойномъ...
Солнце блещетъ, сушитъ и палитъ,
И въ теченьи царственно-спокойномъ
На поля засохшія глядитъ.

Все томится, все горитъ и вянетъ...
Надо влаги жаждущей землѣ!..
На работу пахарь завтра встанетъ,
Съ безотрадной думой на челѣ.

И, взглянувъ на солнце и на небо,
Не прельстится свѣтлой ихъ красой:
Безъ дождя ему не будетъ хлѣба,
Онъ погибнетъ съ бѣдною семьей!

И, томясь ужасной перспективой,
Дастъ онъ волю жалобнымъ рѣчамъ,
И пошлетъ упрекъ нетерпѣливый
Безмятежно яснымъ небесамъ...

Но давно ужъ въ области эѳирной
Собрались и ходятъ облака,
Часъ насталъ, и надъ равниной мирной
Пролилась обильная рѣка.

Поднялись поникшія растенья,
Освѣжился воздухъ и земля,
И глядятъ съ слезою умиленья
Земледѣльцы на свои поля.

А вверху по-прежнему спокойно;
Надъ землей простертъ небесный сводъ,
И какъ прежде, весело и стройно
Въ яркомъ блескѣ солнышко плыветъ...

Такъ сгоралъ Неаполь жаждой знойной,
Такъ искалъ воды себѣ живой;
А Францискъ свершалъ свой путь спокойный,
Разливая блескъ свой надъ страной...

И народъ сдержать сердечной боли
Не умѣлъ и горько возропталъ...
Но давно готовъ былъ въ вышней волѣ
Для него цѣлительный фіалъ!

Недоступенъ былъ Францискъ народу;
Но пришла законная пора—
Даровалъ разумную свободу
Онъ единымъ почеркомъ пера...

Ожилъ край. Все встало въ блескѣ новомъ...
Правосудье царствуетъ въ судахъ;
Всякъ спокоенъ подъ домашнимъ кровомъ,
Всякъ воленъ въ мысляхъ и рѣчахъ,

[Отъ шпіоновъ кончилась опасность,
Въ мракъ архивовъ пролитъ новый свѣтъ,
И въ три дня уврачевала гласность
Край больной, страдавшій столько лѣтъ!]

Радъ народъ!.. Съ молитвой благодарной
Новый воздухъ онъ вливаетъ въ грудь...
А король, какъ прежде, лучезарный,
Продолжаетъ царственный свой путь!..

4 іюля.

7.

ПОБѢДИТЕЛЮ [1]).

(На вшествіе Гарибальди въ Неаполь).

Демонъ отваги, грозный воитель,
Сильныхъ и храбрыхъ всѣхъ побѣдитель,
Въ быстрыхъ походахъ подобный стрѣлѣ,
Тотъ, кому равнаго нѣтъ на землѣ,
Мощный защитникъ народной свободы,
Тотъ, кого чтутъ справедливо народы,
Неотразимый, подобно судьбѣ,—
Нынѣ подходитъ, Неаполь, къ тебѣ!

---

[1]) Стихотвореніе это весьма замѣчательно: во-первыхъ, какъ новое доказательство той истины, что errare humanum est (человѣку свойственно ошибаться!); во-вторыхъ, какъ свидѣтельство о томъ, до какой степени всѣ умы и сердца, [даже самаго австрійскаго склада] были поражены вступленіемъ Гарибальди въ Неаполь.

Кромѣ того, просимъ читателей обратить вниманіе на психологическую подробность, касаю-

Гордъ и всесиленъ—на чуждые грады
Взглянетъ онъ гнѣвно, — и нѣтъ имъ пощады!
Сядетъ въ корабль онъ — и море смиритъ!
Дунетъ на пушку — она задрожитъ!
Камень подъ тяжестью стопъ его стонетъ!
Тысячи вражьи одинъ онъ прогонитъ!
Онъ на плечахъ своихъ можетъ одинъ
Гордую массу поднять Аппенинъ!..

Встрѣть же, Неаполь, воителя съ честью!
Радуйся: онъ не грозитъ тебѣ местью...
Съ тихой мольбою склонись передъ нимъ,
Какъ передъ новымъ владыкой твоимъ!
Предъ королемъ ты не будешь въ отвѣтѣ:
Онъ малодушно укрылся въ Гаэте,
И безъ защиты столицу свою
Отдалъ герою, кого я пою!

О, Гарибальди! И я, какъ другіе,
Злобныя чувства и мысли дурныя
Противъ тебя на душѣ хоронилъ...
Нынѣ все кончено: *ты побѣдилъ!*..
Ты заслужилъ удивленіе міра!
Славитъ тебя моя скромная лира,
И благодатнымъ восторгомъ согрѣтъ,
Ницъ предъ тобою поверженъ поэтъ!

7 сентября 1860 г.

щуюся личности поэта. 26 іюня онъ произвелъ мужественный дивирамбъ правительству, не соглашавшемуся на либеральныя уступки; чрезъ день послѣ того дана была конституція, а черезъ недѣлю поэтъ нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы создать плѣнительную пьесу въ похвалу новаго конституціоннаго монарха, совершенно съ новой точки зрѣнія. Но это чрезвычайное усиліе, какъ видно, дорого ему стоило и на нѣкоторое время истощило его плодовитый геній. Такимъ образомъ, въ іюлѣ и августѣ, столь полныхъ поводами для стихотвореній, онъ не создалъ рѣшительно ничего: повидимому, онъ былъ пораженъ до того, что не могъ собраться съ мыслями и вдохновеніемъ. Только вступленіе Гарибальди въ Неаполь, какъ явленіе слишкомъ уже сильное и неожиданное для поэта, могло разбудить его. Подъ вліяніемъ минуты, отчаявшись [въ бурбонской династіи] *), онъ написалъ стихотвореніе, прославляющее военный геній и какую-то сверхъестественную силу Гарибальди. Но скоро онъ раскаялся въ своей оплошности, и плодомъ раскаянія было стихотвореніе, которое читатели прочтутъ далѣе. Тутъ уже видно, что мысли и чувства поэта опять возвратились на старый путь... Это—послѣднее изъ доставленныхъ намъ стихотвореній; но весьма вѣроятно, что теперь, послѣ новыхъ побѣдъ Гарибальди, опять произошла перемѣна и въ расположеніи поэта. Въ скоромъ времени мы узнаемъ это, потому что г. Лиліеншваегъ обѣщалъ намъ перевести также *Римскія* и *Венеціанскія* стихотворенія г. Хама, долженствующія служить отчасти продолженіемъ неаполитанскихъ.

*) въ прежнемъ порядкѣ

Прим. ред. «Свистка».

8.

ПѢСНЬ ИЗБАВЛЕНІЯ.

(На тріумфы королевскихъ войскъ подъ Капуей).

Тріумфомъ вражьимъ ослѣпленный,
Поддавшись власти темныхъ силъ,
Недавно пѣснью беззаконной
Я санъ поэта осквернилъ!!!
Но звонъ струны моей лукавой
Я безпощадно оборвалъ,
Когда мнѣ голосъ мысли здравой
Мое паденье указалъ...
Я флибустьеромъ безпощаднымъ
Былъ отуманенъ, ослѣпленъ,
И думалъ, съ горемъ безотраднымъ,
Что тронъ законный упраздненъ...
Не зналъ я твердости Франциска,
И въ тайнѣ сердца моего —
Не ожидалъ такого риска
Отъ юной доблести его...
Но нынѣ Капуи защита
Вновь образумила меня:
Побѣда правды мнѣ раскрыта
Теперь яснѣй Господня дня!
Пусть бунтъ шумитъ и льется бурно,
Пусть шлетъ Пьемонтъ за ратью рать:
Но съ Каятелло и Вольтурно
Мы всѣхъ ихъ можемъ презирать...
Теперь намъ страшенъ Гарибальди
Такъ, какъ въ то время страшенъ былъ,
Когда скитался онъ въ Шварцвальдѣ,
Когда въ Тунисѣ онъ служилъ,
Когда въ Нью-Іоркѣ дѣлалъ свѣчи,
Когда съ Китаемъ торговалъ,
Когда, жену взваливъ на плечи,
Отъ войскъ австрійскихъ онъ бѣжалъ!..
И нынѣ въ бѣгство обратился
Непобѣдимый сей герой,
И вновь съ Франциском воцарился
Вездѣ порядокъ и покой!..
[Но, наученъ своей невзгодой,
Онъ узелъ власти закрѣпитъ
И преждевременной свободой
Ужъ свой народъ не подаритъ!]

Съ австрійскаго *К. Лиліеншваегъ.*

27 сентября 1860.

411. ПИСЬМО БЛАГОНАМѢРЕННАГО ФРАНЦУЗА О НЕОБХОДИМОСТИ ПОСЫЛКИ ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ РИМЪ И ДАЛѢЕ, ДЛЯ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ПОРЯДКА ВЪ ИТАЛІИ.

(Переводъ съ французскаго).

Милостивые Государи!

Извините, что, не имѣя чести быть вашимъ соотечественникомъ и единовѣрцемъ, осмѣливаюсь просить васъ о помѣщеніи въ

«Свисткѣ» моего письма. На это имѣю я важныя причины. Во-первыхъ, вашъ образъ мыслей подходитъ къ моему гораздо болѣе, нежели всѣ остальные журналы Европы и Америки. Во-вторыхъ — «Свистокъ» пользуется огромнымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе и даже на умы многихъ государственныхъ людей Европы. Я знаю изъ вѣрнаго источника (de bonne source), что самъ кардиналъ Антонелли, послѣ того, какъ у васъ было о немъ упомянуто, любопытствовалъ прочесть «Свистокъ», и, конечно, этому обстоятельству надо приписать то, что послѣднія ноты его значительно веселѣе прежнихъ. Въ-третьихъ, вы болѣе, нежели кто-нибудь, имѣете свободы въ разсужденіи о политикѣ: вы не связаны тиранніею общественнаго мнѣнія, которое у насъ такъ страшно тяготѣетъ надъ журналистикой. Можете себѣ представить, что у насъ ни одинъ журналъ не рѣшился бы помѣстить мое письмо,—не потому, чтобъ оно несогласно было съ видами правительства (напротивъ, я надѣюсь, что оно очень съ ними согласно), а просто потому, что это значило бы раздражать общественное мнѣніе! Вы, какъ я по всему вижу, еще не дошли до такого печальнаго положенія; у васъ журналистъ — учитель и господинъ своей публики, и потому можетъ говорить ей, что̀ ему угодно, а она должна только слушать, вѣрить и преклоняться предъ его авторитетомъ... Для меня и для моихъ предположеній именно это и нужно.

Предъ *вашей* публикой я могу открыто и прямо сказать, что рѣшительно не одобряю итальянское движеніе и считаю Гарибальди разбойникомъ (brigand). Нѣкоторые корреспонденты французскихъ газетъ увѣряютъ, что русская публика исполнена энтузіазма къ «освободителю Италіи», и ждетъ окончательнаго водворенія итальянскаго единства, точно большого праздника. Можетъ быть это и правда; но такъ какъ ваша публика находится еще въ младенчествѣ и не доросла до собственнаго мнѣнія, то я думаю, что мнѣ церемониться съ нею нечего. Итакъ, я признаю Гарибальди разбойникомъ (brigand) и формально протестую противъ всякаго государственнаго акта, который совершится на основаніи его беззаконныхъ выходокъ. Но этого мало: я предлагаю вѣрныя средства для уничтоженія всего, что̀ имъ надѣлано, и думаю, что вашъ «Свистокъ» окажетъ услугу русской и европейской публикѣ напечатаніемъ моихъ предположеній.

Дѣло въ томъ, что теперь священная обязанность наблюденія за порядкомъ въ Европѣ принадлежитъ Франціи. Не обижайтесь: говоря это, я вовсе не думаю исключать изъ числа великихъ державъ ваше отечество. Я читалъ сочиненія господъ де-Жеребцова, Головина [1]) и Чичерина (въ «Le Nord»), и вполнѣ съ ними согласенъ, что Россіи предназначено великое будущее. Но надѣюсь, что и они не станутъ спорить, если я скажу, что вы еще весьма молоды въ исторической жизни и потому никакъ не можете претендовать на первенство передъ французами въ опытности и благоразуміи. Вы еще, такъ сказать, отроки, безмятежно совершающіе свой курсъ въ тишинѣ благороднаго пансіона, а мы — уже взрослые люди, перенесшіе много горя и видѣвшіе много бурь на океанѣ, простирающемся отъ Бастиліи до Люксембурга... Вотъ почему теперь, какъ опытные пловцы, мы должны первые предвидѣть бурю и останавливать новичковъ. Надѣюсь, вы меня поняли и, слѣдовательно, согласились со мною [2]).

Франція вотъ уже 11 лѣтъ весьма усердно очищаетъ свою репутацію отъ нареканій, заслуженныхъ ею въ бѣдственное время насильственныхъ переворотовъ. Она уже давно перестала быть очагомъ (foyer) анархическихъ движеній; всѣ ея желанія направлены теперь къ тишинѣ, порядку и законному благоденствію подъ покровительствомъ религіи и нравственности. Конечно, большинство людей, считающихъ себя образованными, вопіетъ еще о какой-то солидарности императорской Франціи съ принципами 1789 года; но, къ счастію, голоса этихъ людей годъ отъ года слабѣютъ и смѣло можно надѣяться, что скоро совсѣмъ заглохнутъ. Благодаря благоразумію правительства, они лишены теперь возможности пропагандировать свои мнѣнія въ печати, и хотя по временамъ прорывается въ журналистикѣ духъ — не то что непокорства, а какъ будто бы нѣкотораго недовольства, но общій тонъ журналовъ, можно сказать, въ высшей степени успокоителенъ (rassurant). Я не говорю уже о первыхъ звѣздахъ нашей журналистики «L'ami de religion», «Gazette de France», «L'Union», «Le Monde», преисполненныхъ до мозга костей религіозными и нравственными началами; не говорю о «Constitutionell», въ которомъ г. Грангильо изображаетъ почти каждый день настоящее блаженство и величіе Франціи такими яркими чертами, что иногда

---

[1]) Иванъ Головинъ, эмигрантъ, человѣкъ совершенно ненормальный.

[2]) Это мѣсто въ русскомъ переводѣ вышло нѣсколько грубо; но смѣемъ увѣрить, что въ подлинникѣ оно исполнено тончайшей граціи и самой благоуханной прелести, такъ что ни мало не представляется оскорбительнымъ.

Прим. ред. «Свистка».

самъ «Moniteur» блѣднѣетъ передъ нимъ; не говорю о «Patrie» и «Pays», которыя ужъ, конечно, и потому должны быть благородны (généreux), что поддерживаются (subventionnés) правительствомъ. Но я укажу вамъ на «Journal des Débats», на «Presse», прежде столь задорныя: радостно читать ихъ нынѣ!.. Вы знаете, что въ «Journal des Débats», напримѣръ, отличался весьма ѣдкимъ (caustique) стилемъ г. Прево-Парадоль. Надо полагать, что это происходило въ немъ не столько отъ серьезнаго политическаго недовольства, сколько отъ разстройства печени. Въ началѣ нынѣшняго лѣта разстройство это усилилось до того, что г. Прево-Парадоль издалъ брошюру «Les anciens partis», въ которой весьма много желчи. Но само собою разумѣется, что это ни къ чему не повело. Правда, пять тысячъ экземпляровъ брошюры были расхвачены въ нѣсколько дней, благодаря разнесшемуся слуху, что ее будутъ отбирать, и когда дѣйствительно стали отбирать, то нашли всего нѣсколько десятковъ экземпляровъ; но авторъ, какъ и слѣдуетъ, былъ осужденъ къ тюремному заключенію и штрафу, издатель тоже заплатилъ штрафъ весьма значительный; въ отвѣтъ на брошюру явилось прекрасное сочиненіе «Le parti de la providence», и кончилось тѣмъ, что только «Journal des Débats» избавился отъ выходокъ г. Прево-Парадоля и украшается нынѣ вполнѣ благонамѣренными premier-Paris, гг. Аллури и Вейса. Вообще, во всей журналистикѣ нашей только и можно быть недовольнымъ двумя журналами: «Siècle» и «L'Opinion Nationale». Ноони оба, сколько я знаю, уже имѣютъ по авертисману за выходки противъ святѣйшаго отца и потому не очень могутъ храбриться. При томъ, нельзя не замѣтить, что и они тоже не лишены патріотизма,—только въ нихъ замѣтна еще нѣкоторая игра крови. Вообще же говоря, журналистика, да и вся литература наша представляетъ умилительное зрѣлище: какъ горячо, напримѣръ, отзывались они на превосходныя рѣчи объ императорской политикѣ, произносившіяся недавно нашими государственными мужами, при открытіи выборовъ! Съ какимъ восторгомъ перепечатывали они извѣстія о путешествіи императорской четы и диѳирамбы по этому случаю, произнесенные разными оффиціальными лицами! Только «Opinion Nationale» пожалѣло довольно ядовито, что декораціи для тріумфальныхъ арокъ и прочихъ выраженій народнаго энтузіазма перевозятся изъ города въ городъ, однѣ и тѣ же, — компаніей спекуляторовъ, составившейся для этого случая! «Opinion» не получило за это даже авертисмана: это одно уже доказываетъ вамъ, какъ ничтожны у насъ всѣ подобныя выходки предъ силою правительства, опирающагося на энтузіазмъ народа... Словомъ, Франція сознала теперь, что она сильна централизаціей и, если позволите выразиться, политическимъ благонравіемъ. Преданія первой революціи еще нѣсколько сбиваютъ ее съ толку своею грандіозностью; но теперь появляются уже смѣлые борцы, которые смѣло топчутъ въ грязь и эти преданія. Такъ, напримѣръ, вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстна (всѣ благородныя книги наши такъ быстро получаются въ Россіи!) недавно вышедшая «Исторія Жирондистовъ» г. Гранье-де-Кассаньяка, политическаго редактора «Pays». Невозможно лучше разоблачить все ничтожество и звѣрство дѣятелей революціи. Г. Гюаде, внукъ извѣстнаго депутата, старался было возражать, журналы сдѣлали нѣсколько двусмысленныхъ выходокъ; но противъ истины стоять невозможно, и книга г. Гранье-де-Кассаньяка заставила даже г. Ламартина рѣшиться исключить «Исторію Жирондистовъ» изъ полнаго собранія его сочиненій, или, по крайней мѣрѣ, назвать ее «Историческими бреднями», Rêveries historiques.

Вы понимаете, что, находясь на такомъ хорошемъ пути, Франція должна всѣми силами заботиться, чтобы ничто не могло свернуть ее въ сторону. Съ этой точки зрѣнія итальянское движеніе давно должно было возбудить ея негодованіе и противодѣйствіе. Но, къ несчастію, наше правительство, привыкнувъ къ законности и къ безпрекословному исполненію своихъ справедливыхъ требованій, думало, что дѣло можетъ быть устроено путемъ здравыхъ внушеній и дипломатическихъ переговоровъ. Вотъ отчего такъ много времени потеряно; вотъ отчего до сихъ поръ, по рыцарскому великодушію, императоръ старается сдерживать негодованіе Франціи противъ неблагодарныхъ итальянцевъ. Еще на-дняхъ одна изъ провинціальныхъ газетъ получила авертисманъ за то, что непригоже отозвалась о Викторѣ-Эммануилѣ, хотя дипломатическія отношенія наши съ Пьемонтомъ уже прерваны. Мы не могли себѣ представить, чтобы итальянцы могли ослушаться правительства великой націи, которая уже столько разъ давала имъ чувствовать свою силу; мы хотѣли дѣйствовать на нихъ мѣрами кротости и благоразумія. Но годъ испытанія прошелъ, и мы должны были убѣдиться, что съ непокорнымъ народомъ надо дѣйствовать не словами, а оружіемъ. Вѣрно ужъ когда дѣло пошло на вооруженное и гласное возстаніе, то тутъ никакія депеши, никакія конференціи, никакія дипломатическія мѣры не

помогутъ. Поможетъ одно: армія. А ежели нѣтъ намѣренія или недостаетъ рѣшимости послать армію, то и говорить ни о чемъ не стоитъ: всякія разсужденія, не имѣющія за собою опредѣленнаго плана военныхъ дѣйствій, будутъ забавнымъ пустословіемъ, годнымъ только въ качествѣ матеріала для какихъ-нибудь парламентскихъ преній.

Кажется, дѣло просто. И однако же до сихъ поръ мы не видимъ дѣятельныхъ мѣръ правительства для укрощенія итальянцевъ. Что же мѣшаетъ ему? Гдѣ препятствія для рѣшительныхъ дѣйствій? Гдѣ основанія для бездѣйствія? Объ этомъ я и намѣренъ объясниться съ Европою черезъ «Свистокъ».

Главнымъ препятствіемъ служитъ мнимая законность и, будто бы, благородство дѣла итальянцевъ. «Какъ, говорятъ, остановить движеніе, въ которомъ выражается національное стремленіе, и которое направлено противъ чуждаго владычества, беззаконій и злоупотребленія, превосходящихъ всякое терпѣніе? Какъ идти противъ воли націи, когда само императорское правительство возникло изъ всеобщаго народнаго избранія?» Все это, по здравомъ разсужденіи, оказывается чистѣйшими пустяками (futilités). Прежде всего—оставимъ въ сторонѣ «волю народа»: она признала себя несостоятельною въ тотъ самый день, какъ избрала Людовика-Наполеона. Избранъ онъ, конечно, не для того, чтобы быть на посылкахъ у народа, а за тѣмъ, чтобы предписывать ему, какъ держать себя, потому что самъ народъ не умѣлъ распоряжаться собою. И какъ скоро французы поставили у себя человѣка, въ руки котораго отдали свою волю, такъ они и должны его слушаться безпрекословно. Такимъ образомъ, для императора обязательна одна воля народа: желаніе, выраженное 2-го декабря 1851 г.,—чтобы онъ владѣлъ Франціей. Сообразно съ этимъ желаніемъ, онъ и долженъ дѣлать все возможное, чтобы продолжать свое владычество, въ которомъ Франція нашла свое блаженство. Слѣдовательно, всѣ свои дѣйствія онъ долженъ располагать сообразно тому, благопріятно это будетъ для продолженія его управленія во Франціи или нѣтъ. Ему нечего стѣсняться дѣтскимъ лепетомъ народа,—ни французскаго, ни итальянскаго, и никакого другого. Кажется это ясно какъ солнце (clair, comme le soleil).

Такимъ образомъ, Франція должна смотрѣть на итальянское движеніе единственно съ той точки, благопріятно оно для правительства императора или нѣтъ? Если оно не благопріятно, то очевидно противно волѣ французской націи, избравшей Наполеона, и, слѣдовательно, должно быть признано враждебнымъ Франціи. Это опять ясно.

Теперь—нужно ли говорить о томъ, что революціонный духъ нашихъ сосѣдей не можетъ не произвести вреднаго вліянія на расположеніе духа и во французскомъ народѣ? Надо признаться, что народъ еще очень глупъ у насъ. То, что̀ вы знаете подъ именемъ французской націи,—это, собственно говоря, не народъ,—это сливки его, благородные избранники, которыхъ интересы и понятія совершенно противоположны народнымъ. Эти-то люди и господствуютъ надъ міромъ посредствомъ своего вкуса, остроумія, изящества и блеска своихъ благородныхъ идей. Они господствуютъ и надъ собственно называемымъ народомъ; но, разумѣется, только до тѣхъ поръ, пока нѣтъ серьезныхъ столкновеній. А какъ скоро дѣло дойдетъ до ссоры, то какъ же хотите вы, чтобы горсть людей благородныхъ, изящныхъ и образованныхъ, но зато весьма деликатныхъ въ физическомъ отношеніи, могла противостоять грубой силѣ цѣлой массы? Да еще надо прибавить къ этому, что и въ образованномъ-то классѣ большинство готово, при первомъ удобномъ случаѣ, шумѣть о свободѣ и объ интересахъ народныхъ. Даже теперь, несмотря на всю бдительномъ имперскаго правительства, безпрестанно прорываются безпокойныя идеи. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее путешествіе императора какой-то сумасшедшій, говорятъ, пробовалъ въ него выстрѣлить въ Тулонѣ; фактъ еще не подтвержденъ рѣшительно, а уже кое-кто пытался-было сдѣлать его поводомъ разныхъ вольныхъ разсужденій. Къ счастію, газетамъ запрещено было упоминать о немъ. Недавно тоже—отставные революціонеры затѣяли было подписку въ память г. Флота, убитаго въ рядахъ гарибальдіевскихъ скопищъ (bandes). Правительство имѣло благоразуміе запретить и эту подписку; но ея затѣя уже показываетъ вамъ настроеніе нѣкоторыхъ господъ. Они молчатъ теперь, но нѣтъ сомнѣнія, что при первой возможности они заговорятъ и найдутъ тысячи послѣдователей. Пусть только ослабится, напримѣръ, хоть бдительность надзора за прессою: завтра же явятся десятки журналовъ съ самыми гибельными тенденціями и увлекутъ всеобщее вниманіе. До какой степени падокъ народъ на нелѣпости подобнаго рода, вы можете судить, напримѣръ, по «Courrier du Dimanche»,—еженедѣльной газеткѣ, которая имѣетъ огромный успѣхъ, а беретъ только тѣмъ, что въ ней какой-то валахъ или молдаванинъ, Ганеско, дѣлаетъ безпрестанно выходки противъ императорскаго правительства. Еще

на-дняхъ, напримѣръ, онъ осмѣлился требовать отмѣны закона de la sûreté générale!..

При такомъ положеніи дѣлъ, когда съ одной стороны угрожаетъ г. Ганеско, а съ другой—цѣлый народъ шумитъ и волнуется,—не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что̀ надобно дѣлать правительству. На неразумнаго валаха претендовать нечего: онъ затѣмъ и существуетъ, чтобы привлекать общее вниманіе, поддѣлываться подъ общій вкусъ; бѣда въ томъ, что вкусъ-то общества получаетъ такое вредное направленіе. Слѣдовательно, надо уничтожить то, что̀ подаетъ поводъ къ искаженію нравственныхъ понятій и чувствъ французовъ—надо, во что бы то ни стало, укротить движеніе на полуостровѣ. Въ прошломъ году императоръ принялъ весьма хорошую мѣру, взявши итальянское дѣло въ свои руки и порѣшивши его раздѣломъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства между Австріей и Сардиніей. Но затѣмъ, Франція сдѣлала нѣсколько важныхъ ошибокъ, допустивши соединеніе герцогствъ и Романьи и не придумавши съ самаго начала экспедицію Гарибальди. Конечно, кто же могъ этого ожидать? Никому въ голову не могло придти, чтобы въ какихъ-нибудь три мѣсяца Неаполитанское королевство могло исчезнуть съ политической карты Европы, и чтобы самому святѣйшему отцу стали угрожать въ его резиденціи, охраняемой французскими штыками... Но въ томъ-то и дѣло, что подобными вещами никогда не должно пренебрегать. Съ такимъ народомъ, какъ итальянцы, и при такомъ правительствѣ, какъ неаполитанское, всегда слѣдовало ожидать, что не нынче, такъ завтра послѣдуетъ катастрофа. Всегда слѣдовало поступать такъ, какъ поступаемъ мы съ Римомъ. Недавно кто-то распустилъ слухъ, что французскій отрядъ изъ Рима двинулся къ Анконѣ; «Patrie» опровергла этотъ слухъ такимъ образомъ: «извѣстіе это нелѣпо уже само по себѣ; всякому извѣстно, что французскій отрядъ, находящійся въ Римѣ, никакъ не можетъ оставить папской столицы: если бы онъ сегодня вышелъ изъ Рима, то завтра же римляне возмутились бы и прогнали папу; а между тѣмъ охраненіе папскаго престола и составляетъ настоящую цѣль пребыванія французскихъ войскъ въ Римѣ». Вотъ это политика, смѣлая, откровенная и благородная! Тутъ нѣтъ никакихъ церемоній съ народной волей, а прямо объявляется, что армія поставлена противъ народа для того, чтобы онъ не надѣлалъ глупостей... Если такъ ведетъ себя Франція въ Римѣ, почему ей не дѣлать того же и во всей остальной Италіи? Почему не послать войскъ въ Сицилію, почему не поставить гарнизона въ Неаполѣ, почему не занять Анконы, почему, наконецъ, въ согласіи съ Австріею не содержать нѣсколькихъ полковъ въ Венеціи? Все это чрезвычайно легко было сдѣлать нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; теперь труднѣе, но возможность еще не потеряна, благодаря твердости нашего правительства, умѣвшаго сохранить честь націи (l'honneur de la nation) удержаніемъ и даже усиленіемъ римскаго отряда. Теперь можно дѣйствовать черезъ Римъ: посылать туда подкрѣпленіе за подкрѣпленіемъ, а оттуда вводить войска въ Гаэту, покамѣстъ король Францискъ еще тамъ держится; изъ Гаэты же идти на Неаполь. Никто съ нами, разумѣется, драться не будетъ, потому что Пьемонтъ не осмѣлится оскорбить знамя великой націи (drapeau de la grande nation), въ особенности когда еще Австрія угрожаетъ Италіи. Такимъ образомъ, мы занимаемъ Неаполь, возстановляемъ Франциска, посылаемъ войска въ Сицилію, требуемъ отъ Сардиніи очищенія Марокъ и Умбріи и объявляемъ Австріи необходимость содержанія французскихъ войскъ въ Венеціи: Австрія ничего не можетъ возразить, потому что, во-первыхъ, мы возстановленіемъ Франциска дадимъ ей достаточное ручательство въ нашей благонамѣренности, а во-вторыхъ, и потому, что Габсбургское правительство находится при послѣднемъ издыханіи, и если бы Франція двинула на него свои легіоны, то уже никакія силы въ мірѣ не спасли бы его...

Устроивши такимъ образомъ положеніе дѣлъ, то-есть разставивши вездѣ свои войска, Франція созываетъ конгрессъ. Нѣтъ надобности говорить, что на немъ рѣшено будетъ возстановленіе герцогствъ, и кромѣ того пересмотрится цюрихскій трактатъ, при чемъ Франція сдѣлаетъ новыя пріобрѣтенія какъ по лигурійскому берегу, такъ и по направленію къ Рейну.

Никто не назоветъ, надѣюсь, моего плана неудобоисполнимымъ. Но представляются возраженія относительно его достоинства. Я всѣ ихъ предвидѣлъ и сейчасъ намѣренъ ихъ побѣдоносно опровергнуть.

Люди, мало свѣдущіе въ политикѣ, кричатъ прежде всего, что Франція ничего не выиграетъ отъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Италіи; увѣряютъ, что ей не нужно увеличенія территоріи, что она и безъ того довольно хорошо округлена, что новыя провинціи доставятъ ей только новыя хлопоты, что благоденствіе націи заключается не въ численности ея, а въ хорошемъ устройствѣ, и пр., въ томъ

же родѣ. Противъ частностей этого мнѣнія я возражать не стану. Мало того, я прибавлю, что всякое вмѣшательство на полуостровѣ принесетъ Франціи временно весьма чувствительное отягощеніе и разстройство. Финансы Франціи находятся въ положеніи весьма не блестящемъ; въ нынѣшнихъ преніяхъ о бюджетѣ мы видѣли, до какой огромной цифры дошелъ государственный долгъ въ послѣднія восемь лѣтъ; налоги весьма чувствительны для населенія, конскрипція представляетъ одно изъ самыхъ ужасныхъ золъ въ глазахъ всей націи. Вести войну—значитъ дѣлать новыя траты людей и денегъ, не видя впереди даже вознагражденія, потому что — ни съ папы, ни съ Неаполитанскаго короля взять нечего, съ Австріи тоже, а Пьемонтъ еще представляетъ статью очень сомнительную. Все это такъ; но что̀ значатъ всѣ мелочныя затрудненія предъ величіемъ общаго пріобрѣтенія нравственнаго! Здѣсь замѣшана наша національная гордость, наша честь и наше существенное благо. Хотя бы Франція и разорилась въ итальянской войнѣ, во всякомъ случаѣ, мы выйдемъ изъ нея съ лучшими обезпеченіями своей будущности, нежели какія можемъ имѣть при водвореніи въ Италіи нынѣшняго порядка вещей. Побѣдивъ гидру итальянской революціи, правительство надолго упрочитъ существованіе нынѣшней системы, водворивъ спокойствіе въ Европѣ, и будетъ имѣть возможность въ мирѣ и тишинѣ наверстать все потерянное. Мы видимъ, что теперь налоги далеко еще не дошли во Франціи до своей крайней возможности; между тѣмъ, всякое увеличеніе ихъ встрѣчается ропотомъ, который нельзя оставлять безъ вниманія, въ виду того, что̀ дѣлается въ Неаполѣ и римскихъ провинціяхъ. Но когда все будетъ успокоено и усмирено, что̀ тогда помѣшаетъ удвоить подати и, такимъ образомъ, поправить финансы? Что̀ помѣшаетъ возвысить значеніе войскъ, увеличивъ имъ жалованье, улучшивъ содержаніе, вообще—создавши изъ нихъ особую силу, совершенно отдѣленную отъ народа и всегда готовую наказать всякое ослушаніе и недовольство? Франція будетъ тогда наслаждаться совершеннѣйшимъ, образцовымъ порядкомъ, которому сами австрійцы позавидуютъ. и вотъ главное основаніе, заставляющее пренебречь временныя невыгоды и затрудненія, соединенныя съ посылкою войскъ въ Италію!

Есть и другія соображенія высшаго разряда, опредѣляющія роль Франціи въ настоящихъ обстоятельствамъ. Лукавые друзья свободы обыкновенно стараются увѣрять, что нынѣшнее правительство Франціи продолжаетъ наполеоновское направленіе и, такимъ образомъ, необходимо связано съ преданіями первой революціи. Мнѣніе это такъ сильно, что само правительство не рѣшается опровергать его положительно. Но въ «Свисткѣ» можно высказать всю правду, и потому я не колеблюсь объявить это мнѣніе лишеннымъ всякаго основанія. Что ни говорите, но императоръ принялъ въ свои руки не Францію первой революціи и имперіи, а Францію реставрацій, Францію Бурбоновъ,—и онъ естественно долженъ быть представителемъ бурбонской политики, хранителемъ трактатовъ 1815 г. Это условіе само собою подразумѣвалось, когда Европа признала его императоромъ. Говорить, что онъ продолжаетъ наполеоновскую политику, значитъ возбуждать противъ него европейскую коалицію и даже мнѣніе всѣхъ благонамѣренныхъ французовъ. Мы очень хорошо знаемъ, чѣмъ мы обязаны Священному Союзу, этому высокому созданію свѣтлаго ума Меттерниха. Мы понимаемъ, что онъ былъ созданъ для охраненія порядка и тишины въ Европѣ, а кто же болѣе нынѣшнихъ французовъ можетъ дорожить порядкомъ и тишиною? Кто болѣе Людовика-Наполеона сдѣлалъ для ихъ водворенія и огражденія? «Имперія есть миръ», сказалъ онъ; а «если хочешь мира, то готовь войну» (si vis pacem, para bellum), и, въ силу этого двоякаго соображенія, онъ неутомимо воюетъ и мирится, съ самаго своего избранія,—и все въ интересахъ продолженія своего управленія, въ которомъ одномъ только нашла Франція миръ и блаженство.

Увѣряютъ, будто война противъ освобожденной Италіи создастъ намъ враговъ въ нашихъ сосѣдяхъ, оттолкнетъ отъ насъ сердца народовъ, поставитъ насъ въ рядъ противниковъ европейскаго прогресса. На все это я отвѣчу въ короткихъ словахъ. Итальянцы и всѣ угнетенныя національности будутъ враждебны къ намъ, правда; швейцарцы и бельгійцы будутъ насъ презирать; Пруссія и Англія останутся недовольны. Но что̀ же намъ до этого? Итальянцы будутъ приведены въ такое положеніе, что пикнуть не посмѣютъ: вездѣ будутъ стоять французскія войска для защиты правительствъ отъ ихъ подданныхъ. Противъ Пруссіи мы всегда имѣемъ Австрію и Баварію. Швейцарцы и бельгійцы сами-то ничего не стоятъ, кромѣ презрѣнія: если на то пойдетъ, то ихъ всѣхъ можно будетъ присоединить къ Франціи... Остается Англія: но Англія не начнетъ наступательной войны, а ежели вздумаетъ съ нами помѣряться, такъ мы лучшаго не требуемъ (nous ne démandons pas mieux). Давно ужъ она

намъ поперекъ горла встала съ своею торговлею, интригами, а всего пуще—съ своими либеральными принципами, которые, въ сущности, только и годятся для того, чтобы поощрять безпорядки всякаго рода.

Да и какое законное основаніе могутъ имѣть другія державы для противодѣйствія нашему вмѣшательству въ Италіи? Трактаты всѣ въ нашу пользу. Развѣ только поставятъ на видъ этотъ несчастный принципъ невмѣшательства (non intervention), нами же провозглашенный? Но, во-первыхъ, онъ былъ провозглашенъ въ другихъ обстоятельствахъ; во-вторыхъ, онъ теперь уже нарушенъ самимъ Пьемонтомъ; въ-третьихъ, онъ не освященъ конгрессомъ; въ четвертыхъ, онъ долженъ быть подчиненъ другому высшему принципу, который мы давно уже провозгласили въ Римѣ, и который нарушенъ итальянскимъ движеніемъ и требуетъ мщенія. За рѣшительнымъ ослабленіемъ Австріи и за недопущеніемъ Испаніи въ число великихъ державъ (несмотря на наше ходатайство!), мы остались одни теперь хранителями католическаго принципа въ Европѣ, защитниками свѣтской власти святѣйшаго отца. Здѣсь уже политика переходитъ въ высшую область, и всѣ дипломатическія соображенія должны преклониться предъ святынею нравственныхъ началъ. Кричите, пожалуй (on a beau crier), объ отдѣленіи свѣтскаго отъ духовнаго,—вы насъ не заставите думать, что папа можетъ обойтись безъ двора, совѣта, арміи, безъ владѣній, собственно ему принадлежащихъ. Существованіе *Папской области* столь же необходимо въ сферѣ католическихъ началъ, какъ существованіе Австрійской имперіи въ дипломатической сферѣ... Собственно говоря, можно, пожалуй, утверждать, что и Австрія ненужна для народовъ Европы; но она создана трактатами 1815 года; она вотъ уже въ теченіе полувѣка доблестно исполняетъ свое назначеніе—сдерживать народное своевольство и служить оплотомъ порядка для всѣхъ странъ Европы, — и она стоитъ, и будетъ стоять, несмотря на заносчивость венгерцевъ, враждебность итальянцевъ, тайный ропотъ славянъ, неудовольствіе самихъ нѣмцевъ, разстройство своей администраціи и почти — банкротство въ финансахъ. Она будетъ стоять, потому что служитъ представителемъ живого принципа, того самаго, къ которому пришла теперь и Франція, послѣ столькихъ волненій и испытаній,—къ которому должна быть приведена и Италія, во что бы то ни стало (coûte que coûte)!.. Такъ и Папская область останется за папою, несмотря на всѣ безумныя фанфаронады Гарибальди, ибо святѣйшій отецъ служитъ высочайшимъ представителемъ католическаго единства, непогрѣшимаго авторитета и безукоризненной централизаціи, — то-есть всего, въ чемъ нашла свое спасеніе Франція!

Говорятъ, что папское правительство очень дурно. Я не стану утверждать противнаго, потому что для меня этотъ сюжетъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Положимъ, что оно дурно до послѣдней степени; что же изъ этого? Abusus non tollit usum— злоупотребленіе вещью не доказываетъ ея негодности; тѣмъ болѣе надо стараться поддерживать папское правительство, чтобы дать ему возможность уничтожить у себя злоупотребленія. Это постоянно и дѣлаетъ французское правительство, подавая папѣ благіе совѣты. Но въ сущности — не злоупотребленія вооружаютъ вольнодумцевъ противъ папскаго управленія, а самый принципъ его, стремящійся къ благу духовному и потому естественно требующій отъ подданныхъ отреченія отъ многихъ матеріальныхъ удобствъ и смиряющій порывы кичливаго ума. Людямъ легкомысленнымъ, не думающимъ о принципахъ духовныхъ, кажется возмутительнымъ, когда имъ не даютъ свободы болтать всякій вздоръ, когда ихъ судятъ по особымъ соображеніямъ, а не по общимъ законамъ, дѣла ведутъ въ святилищѣ судебныхъ мѣстъ, а не на площади, требуютъ съ нихъ, для поддержанія духовнаго блеска намѣстника святого Петра, болѣе, чѣмъ бы они считали нужнымъ, и пр. Но для всякаго благомыслящаго католика ясно, какъ нелѣпы всѣ подобныя претензіи. Во-первыхъ, онѣ доказываютъ только развращеніе нравовъ и равнодушіе къ религіи; во-вторыхъ, свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ невѣжествѣ претендующихъ. Если бъ они понимали хотя самыя первыя основанія государственной жизни, то перестали бы жаловаться на папское правительство, потому что, въ сущности, принципъ его вовсе не отличается отъ другихъ, и, напримѣръ, во Франціи мы представляемъ то же самое, что и подданные папы. Соединяясь въ государства, мы пользуемся покровительствомъ общихъ законовъ и защитою отъ всякихъ нападеній на насъ. Мы сами не можемъ составлять законы для своей жизни, не можемъ и знать всѣхъ бѣдствій, какія намъ грозятъ. Очевидно поэтому, что забота объ общественной безопасности должна быть сосредоточена въ рукахъ избранныхъ, для которыхъ всѣ мы и должны жертвовать нашими личными интересами. Во Франціи мы признаемъ право разсуждать за насъ и располагать нашими дѣйствіями за Людовикомъ-Наполеономъ; въ Римѣ то же право принадле-

житъ Пію IX. Такимъ образомъ, интересы французскаго и римскаго правительствъ въ этомъ вопросѣ одни и тѣ же, и всякій, кто имъ противится, долженъ быть наказанъ общими силами. Если бы Франція оставила папу, гнѣвъ Божій постигъ бы ее, и она бы пала подъ собственною тяжестью. Нашъ вѣкъ не признаетъ силы духовнаго слова; пусть же онъ повѣритъ хоть исторіи. «Мои пушки заглушатъ громъ папскихъ проклятій!» гордо писалъ Наполеонъ I, во всемъ блескѣ своего могущества. И что же? Прошло какихъ-нибудь два года послѣ преступнаго восклицанія,—и звѣзда Наполеона закатилась!..

Если находится много людей, не придающихъ значенія подобнымъ урокамъ, то тѣмъ хуже для нихъ, и тѣмъ менѣе смысла имѣютъ тѣ господа, которые на каждомъ шагу толкуютъ намъ о невмѣшательствѣ. Истинные католики и благомыслящіе люди всѣхъ націй не могли, конечно, безъ особеннаго умиленія читать прелестныя слова (des belles paroles) святѣйшаго отца о томъ, что онъ называетъ «какимъ-то новымъ и страннымъ принципомъ нонъ-интервенціи». Поистинѣ новый и странный принципъ, особенно въ виду народовъ, потерявшихъ всякое сознаніе законности и благоразумія! «Любите и защищайте другъ друга», заповѣдуетъ намъ правило нравственности; а мы что дѣлаемъ? Разбойникъ, флибустьеръ врывается въ домъ къ нашему брату, законному королю, грабитъ его, отнимаетъ его владѣнія и даритъ ихъ другому королю, въ которомъ своевольство надѣется найти себѣ болѣе потачки; а мы въ это время провозглашаемъ принципъ невмѣшательства! Не жалко ли, не безчеловѣчно ли это? Не гибельно ли это для самихъ народовъ, которые, по неразумію своему перешедши къ Пьемонту, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ захватятъ себѣ разныя льготы и вольности и позабудутъ должное смиреніе и дисциплину? Оставлять ихъ на произволъ судьбы не то же ли самое значитъ, какъ если бы въ школѣ начальники и учителя предоставили учениковъ самихъ себѣ, провозгласивъ тоже принципъ невмѣшательства? Если такъ, то уже лучше и школы ненужно, и ученья ненужно, и наградъ и наказаній ненужно; пусть все идетъ само собой и на міръ снова нисходитъ мрачная ночь варварства и беззаконія!..

Послѣ всего, что я сказалъ, нужно ли распространяться еще о послѣднемъ возраженіи противъ посылки французскихъ войскъ въ Италію,—о томъ, будто бы подобнымъ распоряженіемъ императоръ потеряетъ свою популярность между французами? Кто говоритъ это и о комъ? Люди съ неудавшимся честолюбіемъ, потерянные въ блескѣ того, кто съ такою славою держитъ въ рукахъ своихъ судьбы Франціи и господствуетъ надъ политикою Европы! Ему нѣтъ надобности добиваться популярности между подобными людьми и ихъ партіями. Популярность, состоящая изъ благосклонности всѣхъ партій, нужна, можетъ быть, Виктору-Эммануилу, только что занесшему ногу на тронъ предполагаемаго Итальянскаго королевства; но за кого 8.000,000 избирательныхъ голосовъ, за кого имя Наполеона, политическая мудрость и армія, которой подобной нѣтъ въ мірѣ, тотъ спокойно можетъ обойтись безъ этой эфемерной популярности! Что же до народа, — то когда же онъ не былъ съ тѣмъ, кто указываетъ ему путь къ славѣ? А кто же усомнится, что новые лавры ожидаютъ наши войска, если только придется имъ вынуть мечъ изъ ноженъ? Итальянцы знаютъ насъ какъ союзниковъ, и они не захотятъ имѣть насъ врагами! Они сумѣютъ почтить французское имя (ils sauront respecter le nom français) и волю того, кто избранъ великою націею въ повелители судебъ ея! Если же нѣтъ... о, тогда... неужели думаете вы, что великій народъ въ 35 милліоновъ позволитъ оскорблять себя безнаказанно? Неужели вы полагаете, что онъ самъ не побѣжитъ просить оружія противъ оскорбителей, и что жены и дѣти не захотятъ отпраздновать тріумфъ ихъ мужьевъ, братьевъ и отцовъ? О, если можно въ чемъ-нибудь упрекать нашъ народъ, то ужъ, конечно, не въ недостаткѣ военнаго энтузіазма! Онъ съ радостью останется безъ пищи, безъ крова, если духъ его будетъ оживленъ сознаніемъ національной славы, пріобрѣтенной драгоцѣнною кровью (sang précieux) сыновъ его!

И за какое дѣло будетъ проливаться теперь эта кровь? За дѣло порядка, за торжество законности, за герцоговъ, короля неаполитанскаго, противъ Австріи, за святѣйшаго отца! Со стороны Франціи это будетъ дѣло безкорыстное, святое, вызываемое единственно рыцарскими ея чувствами (sentiments chevaleresques). Никто не упрекнетъ насъ въ честолюбіи, а между тѣмъ за Франціею освятится право наблюденія за порядкомъ въ Европѣ и охраненія законныхъ правительствъ всѣхъ странъ противъ мятежныхъ подданныхъ. Понятно, какой обширный горизонтъ (quel vaste horison) открывается, такимъ образомъ, для политической мудрости нашего правительства.

Въ видахъ блага человѣчества, желая оказать услугу моей прелестной родинѣ (à ma belle patrie) и дѣлу законнаго порядка въ Европѣ, изложилъ я вамъ въ

бѣгломъ очеркѣ мои идеи о роли, которую должна теперь принять Франція. Я оставилъ въ сторонѣ всѣ военно-техническія и дипломатическія подробности, потому что это письмо есть не что иное, какъ введеніе въ большой мемуаръ, надъ которымъ я теперь работаю и который скоро сообщу публикѣ. Я поспѣшилъ изложить мои общія идеи, потому что время не терпитъ: быстрый ходъ событій требуетъ и быстроты рѣшеній. Надѣюсь, что важность моихъ соображеній будетъ понята всѣми, и желаю, чтобы они нашли искренній отголосокъ, какъ у васъ въ Россіи, такъ и во всей Европѣ, особенно же въ моемъ отечествѣ въ сердцѣ того, отъ кого зависитъ осуществить мои идеи. Да будетъ Франція, уже давшая міру столько великихъ и благородныхъ толчковъ (tant d'initiatives grandes et généreuses), и на этотъ разъ руководительницею святого дѣла законности и порядка. Да совершится! (Ainsi soit-il).

Парижъ $^{8}/_{20}$ дек.

412. НОВОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ АПОЛЛОНА КАПЕЛЬКИНА.

Дарованіе г. Капелькина, котораго стихотвореніе и краткая біографія представлены въ № 5 «Свистка», замѣтно развивается. Жаль только, что онъ не можетъ выйти пока на самостоятельную дорогу: подражательность то тому, то другому поэту замѣтна въ его произведеніяхъ. Но кто намъ мѣшаетъ утѣшаться мыслію, что это только *пока*, и наслаждаться его музою?

МОИ ЖЕЛАНІЯ.

Дики желанья мои, и въ стихахъ всю ихъ дичь изложу я.
Прежде всего я хочу себѣ женщину съ длинной косою.
Умъ и краса мнѣ ненужны: пусть только цѣлуется чаще.
Съ этакой женщиной вмѣстѣ мнѣ друга философа надо.
Съ ней цѣловаться я буду, а мудрый мой другъ въ это время
Будетъ науки мнѣ всѣ изъяснять, чтобъ не надо мнѣ было
Время и зрѣніе тратить надъ мертвою рѣчью печати.
Въ этихъ условіяхъ древней исторіей я бы занялся.
Нравятся мнѣ пирамиды, развалины, сфинксы, колонны,
Море Евбейское съ Желтой рѣкою и съ Гангомъ священнымъ...
Въ этомъ послѣднемъ омылся бъ я, съ женщиной вмѣстѣ и съ другомъ.
Вымывшись, я бы отеръ себя длинной косою подруги;
Все, что̀ отъ друга услышать успѣлъ посреди поцѣлуевъ,
Все это тутъ бы я вспомнить хотѣлъ, чтобы книжечку тиснуть,
Съ нею проникнуть въ народъ, уяснить ходъ общественной жизни,
Добрыхъ утѣшить, а злыхъ покарать и разлить въ мірѣ счастье...
Все бы хотѣлъ я извѣдать: не только искусствомъ заняться,
Но насладиться хотѣлъ бы я даже грѣхомъ преступленья,
Только чтобъ нравственнымъ правиламъ было оно не противно...
Все, что̀ отъ друга я слышалъ, весь скарбъ своихъ силъ и познаній,
Все бы хотѣлъ перелить, черезъ женщину съ длинной косою,
Въ новое я существо,—и въ сей сладкой работѣ скончаться:
Пусть существо молодое начнетъ съ того, чѣмъ я окончилъ...
Послѣ же смерти хотѣлъ бы я зрителемъ быть его дѣйствій,
Чувствовать мыслью и сладко дремать въ созерцаньи глубокомъ...

Аполлонъ Капелькинъ.

413. Свистокъ № 7.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

Напечатано въ I кн. «Современника» 1861 г. (ценз. 29 декабря 1860 года) за подписью «Конрадъ Лиліеншвагеръ», въ № 7 «Свистка», — первомъ номерѣ, гдѣ участіе Добролюбова очень и очень незначительно. Читатели поймутъ, конечно, что это стихотвореніе написано такъ, что въ немъ надо понять все наоборотъ, кромѣ конца, непропущеннаго цензурой. «Чего указываете пальцемъ на Сирію?»—хотѣлъ сказать Н. А. «А у насъ-то въ Крыму развѣ лучше!»

За отсутствіемъ Добролюбова въ «Свисткѣ» сотрудничали всѣ понемногу, но дѣло не налаживалось такъ, какъ стояло при Н. А. «Безъ Добролюбова — говорилъ Некрасовъ М. А. Антоновичу,—мы никакъ не можемъ соорудить ни одного выпуска «Свистка» [1]); вотъ бы вы попробовали помочь намъ въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ. Но его нужно сдѣлать какъ слѣдуетъ, серьезно, а то Добролюбовъ разсердится и забранитъ насъ; вѣдь вы знаете, какой онъ строгій и суровый». Затѣмъ онъ распространялся о томъ, что въ «Свисткѣ» «необходимо строго выдерживать тотъ тонъ, который заданъ въ немъ Добролюбовымъ, т.-е. тонъ серьезный, важный, ученый, даже слегка педантичный, выражающій самоувѣренность и гордое самомнѣніе, а чтобы сатира, юморъ и иронія заключались въ самомъ содержаніи» (М. А. Антоновичъ, «Изъ воспоминаній о Н. А. Некрасовѣ»], «Журналъ для Всѣхъ» 1903, 205 — 206 стр.). Нужно сказать, что ближе всѣхъ копировали Добролюбова въ «Свисткѣ» Чернышевскій и Салтыковъ.

М. Л.

СИРІЯ И КРЫМЪ [2]).

(Поэтическій контрастъ).

[Мы считаемъ себя счастливыми, что и начало новаго своего поприща можемъ огласить лирою г. Лиліеншвагера, который съ глубиною своего патріотизма и высотою таланта соединяетъ, какъ увидитъ каждый изъ читателей, и широту политическихъ воззрѣній. Столь счастливое соединеніе этихъ трехъ качествъ даетъ намъ право надѣяться, что въ скоромъ времени г. Лиліеншвагеръ, оставивъ мелочи общественныхъ злоупотребленій, которыя воспѣвать можетъ и г. Розенгеймъ, обратитъ весь свой талантъ на предметы возвышенные и, такимъ образомъ, поравняется съ г. Майковымъ и г-жею Павловою. Новое стихотвореніе его вызвано послѣдними событіями въ Сиріи; но мысль поэта придала имъ, такъ сказать, новый смыслъ и новую прелесть смѣлымъ сопоставленіемъ ихъ съ недавнимъ движеніемъ крымскихъ татаръ. Но вотъ само стихотвореніе:]

Межъ тѣмъ, какъ въ Сиріи чудовищные друзы
Свирѣпствуютъ надъ горстью христіанъ,
Межъ тѣмъ, какъ изъ-за нихъ волнуются французы,
И ничего не дѣлаетъ султанъ;
Межъ тѣмъ, какъ Англія оспариваетъ право
Посылки войскъ французскихъ на Востокъ,
И разливается, какъ огненная лава,
Неистовства безумнаго потокъ,—
Иное зрѣлище, отрадное для взора,
Я нахожу въ отечествѣ моемъ.

Не очень далеко отъ славнаго Босфора,
Есть уголокъ не меньше славный въ немъ.
То—Крымъ! Пять лѣтъ назадъ онъ пламенемъ военнымъ
Объятъ былъ весь—за благо христіанъ,
Тамъ наша кровь лилась, тамъ въ бой съ врагомъ надменнымъ
Стремились мы, какъ грозный ураганъ.
Но кончилась война, и съ братскою любовью
Спѣшили мы враговъ своихъ простить
И на землѣ святой, политой нашей кровью,
Поклонникамъ Пророка дали жить!
И водворясь на ней, счастливые безъ мѣры,
Они безпечно дни свои вели:
Никто не принуждалъ ихъ къ перемѣнѣ вѣры,
Не отнималъ ни хлѣба, ни земли.
Но, обольщенные невѣжествомъ и лѣнью,
Татары самовольству предались,
И вдругъ, покорствуя какому-то внушенью,
Всѣ на утекъ изъ Крыма поднялись!!.
Что жъ мы? Послали ль, исполненные гнѣва,
Огонь и мечъ въ догонку бѣглецамъ?
Побиты ль старцы ихъ? Поругана ли дѣва?
Пронесся ли пожаръ по ихъ домамъ?
Нѣтъ, вѣрны были мы гражданственности узамъ:
Мы дали имъ спокойно уходить;
Мы жалкой сей толпѣ, единовѣрной друзамъ,
Хотѣли лишь любовью отомстить!

---

[1]) Здѣсь почтенный публицистъ дѣлаетъ ошибку: въ отсутствіе Добролюбова вышли къ тому времени №№ 6 и 7 «Свистка».

[2]) Въ «Современникѣ» 1861 г. I озаглавлено: «Ода на выселеніе татаръ изъ Крыма» съ выноскою отъ автора: «Это стихотвореніе писано три мѣсяца тому назадъ».

[То мало: видя ихъ упорное стремленье,
Рѣшились мы оставшихся спасти
И дать имъ ясное и строгое внушенье,
Чтобъ вслѣдъ другихъ не думали идти!
И послѣ этихъ поръ поклонники Пророка
Счастливо вновь живутъ у насъ въ Крыму,
Гдѣ звѣрскій фанатизмъ безумнаго Востока
Рѣшительно невѣдомъ никому...

О, пусть волнуются въ Европѣ дипломаты,
Чтобъ христіанъ сирійскихъ защитить:
Смѣшны ихъ пренія, смѣшны мнѣ ихъ палаты
И хлопоты, какъ друзамъ отомстить.
Въ содомѣ криковъ ихъ Россія позабыта!
А то бъ они давно понять должны,
Что русской доблестью страданья маронита
Въ Крыму давно отомщены!..] [1])

---

414. Отецъ Александръ Гавацци и его проповѣди.

Напечатано въ первомъ собраніи сочиненій. Написана статья весною 1861 г. и предназначалась Добролюбовымъ, какъ видно изъ рукописи, на одну изъ великопостныхъ книжекъ журнала, но не была пропущена цензурою въ «Современникѣ». Больной, полуумирающій, Добролюбовъ все еще находилъ въ себѣ силы писать съ такой ясностью, опредѣленностью и съ такимъ подъемомъ. Свѣрено съ рукописью въ Импер. Публичной Библіотекѣ и дополнено сравнительно съ текстомъ, даннымъ Чернышевскимъ.

М. Л.

Въ половинѣ сентября 1860 года европейскія газеты много говорили о Гавацци, эксцентрическомъ проповѣдникѣ, возбуждавшемъ народъ въ Неаполѣ—обезглавить статуи Карла III и Фердинанда I и посадить на ихъ туловища головы Гарибальди и Виктора-Эммануила. Большая часть газетъ подсмѣивались надъ нимъ, нѣкоторыя упоминали о немъ безъ насмѣшекъ, но совершенно незначительнымъ образомъ, всѣ знали его почти единственно по оригинальной бутадѣ относительно статуй. Послѣднимъ упоминаніемъ о немъ была едва ли не сплетня одного корреспондента которой-то изъ ультрамонтанскихъ газетъ о томъ, какъ Гавацци, принявшись проповѣдывать въ Неаполѣ протестантизмъ, долженъ былъ бѣжать отъ своихъ слушателей, потому что они начали пускать въ него каменьями. Если бы подобный фактъ и случился, то, конечно, для Гавацци тутъ не было бы ничего позорнаго: извѣстно, на какія выходки способны неаполитанскіе изувѣры. Но дѣло въ томъ, что извѣстіе, безъ всякаго сомнѣнія, преувеличено и перепутано, такъ какъ Гавацци вовсе и не думалъ проповѣдывать протестантизма и вообще неспособенъ посвящать свои рѣчи сектаторской схоластикѣ. Онъ говорилъ противъ свѣтской власти папы, противъ излишней привязанности народа къ обрядамъ, противъ злоупотребленій духовенства; но все это, какъ увидимъ, совершенно независимо отъ какихъ-нибудь лютеранскихъ воззрѣній, просто по внушенію здраваго смысла и любви къ народу. И народъ умѣлъ оцѣнить талантъ и усердіе оригинальнаго проповѣдника: успѣхъ его проповѣдей былъ таковъ, что съ нимъ не поравняется самъ монсеньйоръ Дюпанлу, какъ извѣстно, совмѣщающій теперь въ своей особѣ все краснорѣчіе Фенелоновъ, Боссюэтовъ, Флешье и другихъ великихъ ораторовъ французской церкви и двора.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нѣкоторыя проповѣди Гавацци напечатаны, по стенографической записи. Просматривая ихъ, мы нашли въ нихъ истинное живое краснорѣчіе, соединенное съ жизненностью и дѣльностью самаго содержанія рѣчей и съ простотою и здравостью воззрѣній проповѣдника. По этимъ качествамъ, равно какъ и по самой своей оригинальности, проповѣди Гавацци показались намъ достойными вниманія нѣкоторой части русской публики, и мы рѣшились сдѣлать анализъ главнѣйшихъ изъ нихъ и представить нѣкоторыя мѣста въ переводѣ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о личности Гавацци и о внѣшней обстановкѣ его проповѣднической дѣятельности.

Для людей, слѣдившихъ за итальянскимъ движеніемъ, имя Гавацци извѣстно не со вчерашняго дня. Онъ принималъ участіе еще въ событіяхъ 1848 и 1849 года. Передъ этимъ временемъ онъ, подобно многимъ итальянскимъ патріотамъ, скитался по разнымъ мѣстамъ, не находя себѣ спокойствія въ Болоньѣ, къ которой принадлежалъ по своему монашескому чину. Въ 1848 году мы находимъ его въ Венеціи,

---

[1]) Вмѣсто послѣднихъ 16 стиховъ въ «Современникѣ» было напечатано:
И зрѣлище единственное нынѣ
Являетъ Крымъ: куда ни оглянись,
Въ немъ рѣдокъ человѣкъ, какъ посреди пустыни
Цвѣтущій оазисъ!

одушевляющимъ народъ на борьбу съ австрійцами. Въ короткое время популярность его сдѣлалась огромна. Въ доказательство можно привести слѣдующій случай. Въ маѣ 1848 года Фердинандъ II, находя, что уже довольно полибералничалъ, послалъ приказаніе возвратиться своимъ войскамъ, посланнымъ, будто бы, противъ австрійцевъ; генералъ Пепе не хотѣлъ повиноваться, но едва могъ удержать при себѣ два или три баталіона; остальное войско рѣшилось возвратиться съ генераломъ Стателлою. Гавацци, находившійся тогда въ Тревизо, бросился въ погоню за неаполитанцами, едва узналъ объ ихъ отступленіи. Онъ настигъ ихъ во время большого привала, который они расположились сдѣлать послѣ совершоннаго перехода. Немедленно бросился горячій монахъ къ генералу, чтобы убѣдить его воротиться и вести свой отрядъ, состоявшій изъ 15.000 человѣкъ, на защиту свободы Италіи. Но Стателла и его помощники не дали отцу Гавацци времени развить его убѣжденія: едва онъ появился, какъ солдатамъ отданъ былъ приказъ немедленно собраться и продолжать походъ. Генералы боялись, чтобы Гавацци въ самомъ дѣлѣ не увлекъ солдатъ, если дать имъ время слушать его... Вѣроятно, Стателла и его помощники не столько уважали ораторскій талантъ проповѣдника, сколько его популярность, давшую ему сильный авторитетъ надъ умами солдатъ... Но какъ бы то ни было, 15.000 человѣкъ, побуждаемые своимъ начальствомъ, бросили свою стоянку и побѣжали скорымъ маршемъ отъ опаснаго монаха.

Возвратясь въ Венецію, Гавацци продолжалъ свои убѣжденія народу въ самомъ рѣшительномъ духѣ. Онъ служилъ тамъ одно время органомъ радикальной партіи, образовавшейся подъ названіемъ «народнаго клуба». Но умѣренные люди, все еще надѣявшіеся на легальныя мѣры, нашли проповѣди Гавацци слишкомъ дерзкими, и «комитетъ благоустройства» не только запретилъ ему проповѣдывать, но даже попросилъ его удалиться изъ Венеціи. Это было уже въ концѣ 1848 г. Гавацци удалился, написавъ Манину очень горькое письмо. Манинъ отвѣчалъ, что сожалѣетъ обо всемъ случившемся, но что отецъ Гавацци долженъ былъ временно пожертвовать своими убѣжденіями и стремленіями для того, чтобы не вносить разногласія въ общество патріотовъ въ такое время, когда всеобщее единодушіе было всего нужнѣе для защиты противъ врага иноземнаго. «Впрочемъ,—оканчивалъ Манинъ,—каковы бы ни были на будущее время ваши расположенія ко мнѣ, я никогда не перестану уважать въ васъ одного изъ самыхъ ревностныхъ апостоловъ итальянской свободы и независимости».

Между тѣмъ, какъ Венеція изнемогала среди ужасовъ безнадежной борьбы, въ Римѣ торжествовала крайняя партія патріотовъ. Гавацци бросился туда. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о его дѣятельности въ Римѣ. Знаемъ только, что онъ былъ неразлучнымъ другомъ Уго Басси и находился въ числѣ немногихъ послѣдовавшихъ за Гарибальди, въ его знаменитомъ отступленіи, и спасшихся отъ рукъ австрійцевъ. Онъ успѣлъ пробраться въ Англію, и тамъ, благодаря содѣйствію «независимаго» проповѣдника Гинтона, получилъ возможность продолжать свою ораторскую дѣятельность. Въ поученіяхъ его оказалась въ это время, дѣйствительно, нѣкоторая разница съ обычными воззрѣніями римской церкви; онъ придерживался болѣе библіи, нежели преданій католицизма, и изъяснялъ духъ писанія въ смыслѣ, болѣе благопріятномъ для народа, нежели для римскаго клира. За это онъ нѣсколько разъ подвергался оскорбительнымъ выходкамъ со стороны изувѣровъ, преимущественно изъ ирландцевъ. Не знаемъ, вслѣдствіе ли ихъ демонстрацій или по собственному желанію,—онъ удалился потомъ въ Америку, и здѣсь очень долго проповѣдывалъ. Тутъ тоже нерѣдко встрѣчали его вопли ожесточенія, свистки и угрозы; но онъ продолжалъ свое дѣло, и масса его приверженцевъ всегда оказывались сильнѣе партіи недовольныхъ.

Въ 1860 году мы находимъ Гавацци въ Палермо, въ Мессинѣ, въ Неаполѣ, неразлучно съ Гарибальди и съ его волонтерами. Онъ принимаетъ участіе въ битвахъ, когда нужно; онъ одушевляетъ бойцовъ въ походѣ; онъ обращаетъ рѣчь къ народу, когда патріоты вступаютъ въ городъ. Такъ, онъ нѣсколько времени убѣждалъ и ободрялъ народъ въ Палермо и Мессинѣ; такъ, онъ сдѣлался истолкователемъ новыхъ потребностей и обязанностей народа въ Неаполѣ.

Дѣятельность Гавацци въ Неаполѣ продолжалась все время, пока тамъ былъ Гарибальди. Послѣ того не слышно было о немъ, и, по всей вѣроятности, ему не совсѣмъ удобно сдѣлалось оставаться и поучать народъ въ Неаполѣ, когда тамъ даже «гарибальдіевскій гимнъ» сталъ считаться запрещенной вещью и признакомъ демонстраціи противъ правительства [1]).

---

[1]) Мы читали въ одной журнальной корреспонденціи, что Гавацци былъ, однако же, въ Неаполѣ во время рождественскихъ народныхъ торжествъ, въ которыхъ изображеніе мадонны наряжено было въ національные цвѣта, младенецъ Іисусъ—въ красную гарибальдіевскую рубашку;

Въ послѣднее время онъ занимался болѣе литературными трудами. Мѣсяца два тому назадъ появилось новое сочиненіе его противъ свѣтской власти папы: Roma tutta dell' Italia.

Обращаясь къ поученіямъ Гавацци, скажемъ, что въ области словесныхъ разсужденій едва ли что-нибудь могло быть полезнѣе проповѣдей его для упроченія новаго правительства, если бъ оно умѣло хорошо понимать свои истинныя обязанности и отношенія къ народу. Гавацци ни однимъ словомъ не отступалъ никогда отъ гарибальдіевской программы: «Италія и Викторъ-Эммануилъ»; онъ служилъ отличнымъ посредникомъ между желаніями народа и требованіями новаго правительства: онъ могъ, по своему вліянію, чрезвычайно много сдѣлать для того, чтобы популяризировать въ южной Италіи новый порядокъ вещей. Анализъ проповѣдей Гавацци покажетъ намъ сущность его стремленій и требованій; о силѣ же его вліянія свидѣтельствуетъ то, какъ принимались его проповѣди въ Неаполѣ.

Гавацци, подобно первымъ христіанскимъ проповѣдникамъ, не стѣсняется выборомъ мѣста для проповѣдыванія. Храмъ, улица, площадь, даже театръ, всякое мѣсто, гдѣ только есть собраніе слушателей,—кажется ему удобнымъ и благопріятнымъ. Въ Неаполѣ любимое мѣсто его было Largo del Palazzo, передъ церковью San Francesco di Paolo, въ виду дворца и статуй Карла III и Фердинанда I, выходка противъ которыхъ такъ неожиданно послужила къ прославленію имени проповѣдника. Проповѣди его возвѣщались заранѣе, и всегда на слушаніе ихъ собиралась огромная толпа. Апплодисменты, крики: браво! Да! Нѣтъ! Viva Italia! Viva Garibaldi и пр., и пр.—часто прерывали проповѣдника. Иногда его рѣчь принимала характеръ какъ бы разговорный, иногда онъ замѣнялъ слова выразительной мимикой, которая возбуждала всеобщую веселость въ собраніи. Все это чрезвычайно рѣзко противорѣчитъ тому, что мы привыкли разумѣть подъ именемъ проповѣди, т.-е. слова, обращаемаго духовнымъ лицомъ къ мірянамъ. Но для тѣхъ, кому не нравится подобная «профанація духовной каѳедры», замѣтимъ здѣсь, что такой характеръ проповѣдей въ Италіи, и особенно въ Неаполѣ, не только вообще не кажется страннымъ, но даже господствуетъ. Далѣе мы скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ, а теперь только предупреждаемъ, что внѣшнюю форму рѣчей Гавацци, какъ ни оригинальна кажется она для насъ, нельзя приписывать ему исключительно. Главная разница Гавацци отъ другихъ проповѣдниковъ его страны состоитъ въ содержаніи его проповѣдей. Сущность же содержанія была такова, что къ ней шло всякое мѣсто и всякое время, лишь были бы слушатели. Когда подъ открытымъ небомъ было неудобно собираться народу по причинѣ дурной погоды, Гавацци входилъ въ церковь: такъ, нѣсколько рѣчей произнесены имъ въ церкви del Carmine. Когда нужно было обратить рѣчь къ такимъ людямъ, которые не приходили на Largo del Palazzo, Гавацци шелъ туда, гдѣ ихъ можно найти въ сборѣ: такъ, онъ ходилъ на piazza Mercatello, чтобы убѣждать baraccani, лаццарони одного многолюднаго квартала въ Неаполѣ, долѣе другихъ колебавшихся отступиться отъ Бурбоновъ. Когда народъ собирался на какое-нибудь зрѣлище, Гавацци и туда шелъ съ своимъ словомъ: такъ, онъ не разъ проповѣдывалъ въ театрѣ...

Разъ это было въ театрѣ Санъ-Карло. Давали какой-то балетъ. Кончился первый актъ. Вдругъ въ одной изъ ложъ появился приземистый, плотный монахъ, съ красноватою бородою, въ полувоенномъ, полумонашескомъ нарядѣ, — это былъ Гавацци. Онъ сообщилъ какое-то извѣстіе о гарибальдійцахъ и началъ толковать собравшейся публикѣ объ Италіи, о ея требованіяхъ, объ обязанностяхъ каждаго къ отечеству и т. д. Всѣ принялись слушать, даже танцовщицы и актеры просили поднять занавѣсъ, и столпились у самаго края сцены, чтобы выслушать интересную проповѣдь.

Въ другой разъ явился Гавацци во французскій театръ въ Неаполѣ, только-что возвратившись изъ отряда, дравшагося подъ Капуей. Красная рубашка подъ рясой, *кепи* вмѣсто монашескаго капюшона на головѣ, сабля на боку и револьверъ за поясомъ— не были особенной чрезвычайностью въ Неаполѣ въ это время. Но появленіе Гавацци возбудило въ театрѣ общее вниманіе потому, что онъ только-что прибылъ съ мѣста битвы. Такимъ образомъ, едва кончился первый актъ пьесы Скриба и Легуве «Bataille de dames», которую давали въ этотъ вечеръ, Гавацци поднялся въ своей ложѣ, и звучная, твердая, восторженная рѣчь проповѣдника замѣнила декламацію актеровъ. Говорилъ онъ о стычкахъ подъ Капуей, о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Гари-

---

Іосифу придѣланы усы à la Викторъ-Эммануилъ, волхвы имѣли нарядъ полковника Биксіо, Франческо II представлялъ собою Ирода. Корреспондентъ (очень благомыслящій) замѣчаетъ, разумѣется, съ ужасомъ, что революціонерство проникло такимъ образомъ въ Неаполь до предметовъ самыхъ священныхъ и, конечно, подозрѣваетъ тутъ сильное участіе Гавацци и «прочаго гарибальдіевскаго сброда».

Примѣч. Д.

бальди, о положеніи войскъ, объ отечествѣ и свободѣ. Говорилъ долго, и нетерпѣливая публика Неаполя слушала терпѣливо, жадно, восторженно, до того, что забыла пьесу... Когда Гавацци кончилъ, импрессаріо вышелъ на сцену и предложилъ, что такъ какъ для окончанія комедіи осталось мало времени, то не хочетъ ли публика замѣнить ее на этотъ разъ гарибальдіевскимъ гимномъ. Раздались оглушительные апплодисменты и evviva! Гарибальдіевскій гимнъ спѣтъ былъ при выраженіяхъ изступленнаго энтузіазма всей публики.

И энтузіазмъ этотъ не потерялся въ безплодныхъ крикахъ. Гавацци умѣлъ его возбудить и умѣлъ имъ воспользоваться: *кепи* проповѣдника обошелъ театръ и возвратился къ нему, наполненный посильными пожертвованіями въ пользу арміи. Мало того: онъ, изобразивъ положеніе войска, сказалъ, что раненые нуждаются въ корпіи, и обратился къ дамамъ съ просьбою о ея доставленіи. На утро ему натащили цѣлые вороха корпіи.

Подобныхъ результатовъ достигалъ онъ очень часто. Разъ, послѣ его воззванія на площади, къ его каѳедрѣ немедленно полетѣли платки и узелки съ бѣльемъ всякаго рода; *кепи* его много разъ наполнялся монетою въ пользу волонтеровъ, сражающихся за свободу Италіи.

Гавацци былъ въ числѣ тѣхъ восьми или десяти человѣкъ, которые въѣхали въ Неаполь, 7-го сентября, вмѣстѣ съ Гарибальди. Тотчасъ по прибытіи, Гарибальди отправился въ соборъ св. Дженнаро, — только не за тѣмъ, чтобы, по желанію «Times»'а, взять и подвергнуть химическому разложенію знаменитую «кровь св. Дженнаро», хранящуюся въ этой церкви, а просто для того, чтобы совершить торжественное благодареніе Богу за освобожденіе Неаполя. Сынъ и другъ народа, Гарибальди не могъ дебютировать оскорбленіемъ его религіозныхъ вѣрованій и прежде всего хотѣлъ показать, что онъ вовсе не посланникъ сатаны и не предшественникъ антихриста, какъ его пытались представить аббаты и монахи, преданные Риму и Бурбонамъ. Но, пришедши къ церкви, Гарибальди нашелъ ее запертою; мало того, входъ былъ даже заваленъ, а клиръ, принадлежащій къ собору, весь скрылся вслѣдъ за архіепископомъ. Тогда отецъ Гавацци явился представителемъ всего духовенства: входъ былъ открытъ усиліями народа и національной гвардіи, и Гавацци совершилъ божественную службу и привѣтствовалъ въ церкви освободителя Италіи. Толпа была необыкновенно довольна.

Вслѣдъ затѣмъ, Гавацци является неутомимымъ миссіонеромъ итальянской свободы и единства. Съ 12-го сентября, въ теченіе всего этого мѣсяца и большую половину октября онъ почти каждый день произносилъ длинныя рѣчи къ народу, при всякомъ удобномъ случаѣ. Невозможно было *сочинять* эти рѣчи: онѣ всѣ были импровизаціей. Принимая это въ соображеніе, надо сознаться, что Гавацци — ораторъ весьма замѣчательный. Правда, онъ иногда уклоняется отъ своего главнаго предмета, дѣлаетъ повторенія, не договариваетъ или излишне распространяется. Въ каждой проповѣди очень замѣтенъ недостатокъ строгаго единства въ построеніи и скачки, не допускаемые въ глубоко-обдуманной рѣчи. Но зато въ его проповѣди, даже напечатанной, вы видите слѣдъ живой рѣчи, какъ будто слышите голосъ человѣка, разговаривающаго съ вами, а не читающаго деревяннымъ голосомъ заранѣе приготовленную тетрадку. Независимо отъ этого, вы находите въ проповѣдяхъ Гавацци свѣтлый взглядъ на положеніе дѣлъ и умѣніе примѣнить къ нему требованія общей нравственности, обязательныя для всякаго гражданина.

Есть въ рѣчахъ Гавацци много рѣзкаго, даже дерзкаго; но не забудемъ, что онъ говорилъ въ первые дни освобожденія, предъ народомъ, только-что опомнившимся отъ мрачнаго деспотизма, который столько лѣтъ давилъ его. При томъ же надо замѣтить, что, несмотря на крайнюю безцеремонность нѣкоторыхъ фразъ о Бурбонахъ, Австріи, папѣ и герцогахъ, Гавацци вовсе не является въ своихъ рѣчахъ такимъ яростнымъ алармистомъ, какъ хотѣли представить его нѣкоторые клерикальные журналы. Напротивъ, у него находимъ даже слова прощенія и мира, убѣжденіе народа къ спокойствію и благоразумію. Впрочемъ, обратимся лучше къ самымъ рѣчамъ его.

12-го сентября Гавацци явился на площади San-Francesco di Paolo. Многочисленная толпа уже ожидала его и встрѣтила громкими рукоплесканіями. Гавацци постоялъ нѣсколько времени молча, обвелъ презрительныхъ взглядомъ дворецъ Бурбоновъ и статуи, стоящія на площади, потомъ прочелъ своимъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ надпись на перистилѣ церкви: «D. O. M. Francesco di Paolo Ferdinandus I ex voto A. D. MDCCCXVI». Это и послужило ему *текстомъ* для проповѣди. Онъ началъ:

«Эта надпись, эти статуи, этотъ дворецъ—все мнѣ говоритъ о Бурбонахъ. Гдѣ же они, наши Бурбоны? Что сдѣлалось съ этимъ надменнымъ родомъ, въ которомъ отъ отца къ сыну заслуженно переходило прозвище *Бомбы!* Все полно памятью о

нихъ на этой площади, которую, несмотря на ея неудобство для слушанія, я нарочно выбралъ, именно потому, что она сама громко говоритъ о Бурбонахъ. Гдѣ же они, эти властители? Они были на высотѣ... одно дуновеніе... одно только... и они низвергнуты *(апплодисменты)*, они низвергнуты навсегда... *(восторженные апплодисменты)*. Никогда больше не будетъ царствовать это проклятое племя!...

«Изъ всѣхъ деспотовъ Европы самое жалкое племя—это племя Бурбоновъ; изъ всего племени Бурбоновъ самая негодная отрасль—испанская; и самая гнилая вѣтвь испанской отрасли—это неаполитанскіе Бурбоны! Долой Бурбоновъ! *(вся толпа разражается крикомъ: браво! Долой Бурбоновъ!)*. На этотъ разъ они насъ покинули ужъ рѣшительно *(въ толпѣ веселость)*. Теперь ужъ не будетъ для нихъ ни вѣнскихъ, ни веронскихъ трактатовъ, и ни вѣроломство, ни прощеніе не возвратятъ ихъ въ Неаполь... Народъ и герои народа прогнали Бурбоновъ! Долой же Бурбоновъ... *(Толпа, какъ одинъ человѣкъ, въ нѣсколько пріемовъ, гремитъ: долой, долой, прочь Бурбоновъ!)*... Мы начали дѣло, мы доведемъ его и до конца... Но еще надо сдѣлать кое-что, чтобы окончить его...

«Я не считаю нужнымъ для довершенія дѣла истребить память этого рода даже въ самыхъ его монументахъ и излить наше мщеніе на его статуи. Въ Сициліи, гдѣ эти статуи никакого достоинства артистическаго не имѣли, сицильянцы, разумѣется, очень хорошо сдѣлали, что не оставили ни одной изъ нихъ на ея пьедесталѣ *(въ толпѣ крики одобренія)*... Но, не желая быть вандалами XIX вѣка, мы пощадимъ эти статуи въ уваженіе того, что онѣ — твореніе величайшаго нашего скульптора—Кановы. Вотъ эта (указывая на статую Карла III) представляетъ негоднаго человѣка, который, однако, случайно сдѣлалъ, можетъ быть, кое-что хорошаго для Неаполя, и который, оставляя ребенкомъ вотъ эту гнусную тварь (показываетъ на статую Фердинанда I), сказалъ, говорятъ, своимъ министрамъ: «онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ вы его сдѣлаете». Статую этого послѣдняго, если бъ только не Канова ее работалъ, я бы хотѣлъ въ порошокъ истолочь,—потому что онъ былъ злѣйшій мучитель неаполитанскій въ прошломъ вѣкѣ. Сказать, что человѣкъ могъ послать на висѣлицу такихъ гражданъ, какъ Карачолло, Маріо, Пагано и Чирилло, значитъ сказать, что онъ стоитъ сотни висѣлицъ, и статуя его—сотни оскорбленій *(продолжительныя рукоплесканія)*... Но тѣмъ не меньше—и эта статуя пусть останется въ уваженіе Антоніо Кановы...

«Но, не будучи вандалами, древніе римляне оставили намъ хорошій примѣръ: желая пощадить искусство въ статуяхъ, представлявшихъ Нерона, Калигулу, Эліогабала, они ихъ обезглавливали и приставляли другія головы на туловища этихъ чудовищъ. Господи! *(Гавацци молчитъ нѣсколько времени, стоя неподвижно, скрестивши руки на груди)*... если бы снять головы съ этихъ статуй,—вѣдь созданіе Кановы оттого не погибло бы? И если бы вмѣсто этихъ двухъ головъ, которыя представляютъ черты двухъ ненавистныхъ тирановъ, наряженныхъ героями, что имъ вовсе не къ лицу,—что, если бы на ихъ плечи вы поставили головы короля—благороднаго человѣка (galantuoma) Виктора-Эммануила и героя революціи и нашего освобожденія—Іосифа Гарибальди? *(Оглушительныя рукоплесканія)*. Какое лучше украшеніе можно дать этой площади, которая отнынѣ должна называться площадью итальянской народности!

«Итальянская народность создается, господа, но она еще не создана! Я знаю, что кто хорошо началъ, тотъ сдѣлалъ уже половину дѣла; но я помню также слово нашего божественнаго Учителя,—что положившій руку свою на плугъ и смотрящій вспять и прерывающій дѣло свое—недостоинъ царствія небеснаго... Для насъ это значитъ вотъ что: если мы удовольствуемся освобожденіемъ Сициліи и Неаполя, не думая объ остальной Италіи, остающейся въ рабствѣ,—и Неаполь, и Сицилія опять впадутъ въ рабство... Надо кончить, надо совершить возрожденіе Италіи. Отъ Альповъ до Лилибея, отъ Сициліи до Тридента мы должны быть одной семьею или ничѣмъ» *(громкія рукоплесканія)* [1]).

---

[1]) Мы нарочно перевели начало первой проповѣди Гавацци, чтобы показать, какое значеніе имѣла въ ней выходка противъ статуй. Какъ видите, она не связана ничѣмъ съ сущностью рѣчи и составляетъ эпизодъ во вступленіи, не болѣе. Видно, что ораторъ самъ не придавалъ большого значенія тому, что сдѣлается со статуями: иначе онъ не оставилъ бы этого предмета такъ легко, тѣмъ болѣе, что толпа была, какъ видно, очень расположена исполнить совѣтъ Гавацци. Мало того,—можно думать даже, что вся выходка противъ статуй вызвана была предыдущими толками и расположеніями, распространенными въ народѣ. Народу нуженъ непремѣнно если не самъ врагъ, то хоть статуя, портретъ его, какой-нибудь вещественный предметъ, надъ которымъ можно излить свою злобу, утолить мщеніе... Въ Сициліи памятники Бурбоновъ были разрушены; въ Неаполѣ народный энтузіазмъ могъ стремиться къ тому же. Гавацци не былъ, разумѣется, наклоненъ порицать это движеніе: но, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, конечно, и то, что изъ подобныхъ подвиговъ не выйдетъ ничего особенно благодѣтельнаго для итальянской свободы. Вотъ почему онъ такъ

Вологод. жел. дор. Библиотека „КОР"

Анализируя существенную часть первой проповѣди Гавацци, мы находимъ въ ней необыкновенное и практическое умѣнье говорить о томъ именно, что̀ нужно, и такъ, ка́къ нужно, въ данное время и при данныхъ обстоятельствамъ. Въ первые дни освобожденія неаполитанцы естественно преданы были чувству радости и уже наклонны были думать, что все кончено, что имъ остается только наслаждаться свободой, пришедшей къ нимъ такъ легко, такимъ чудеснымъ образомъ. Самъ Гарибальди считалъ чрезвычайно важнымъ внушать имъ, что дѣло еще не кончено, и что отъ нихъ требуются новыя усилія для прочнаго утвержденія свободы Италіи. Къ этому же самому внушенію прежде всего обращается и Гавацци. Онъ очень искусно затрагиваетъ чувство своихъ слушателей, указывая имъ на братскую помощь, полученную ими самими отъ прочихъ сыновъ Италіи, и затѣмъ убѣждаетъ ихъ въ необходимости продолжать до конца борьбу за свободу, помогая освободиться тѣмъ, которые еще остаются въ порабощеніи. Но такъ какъ неаполитанцы, вслѣдствіе долговременнаго угнетенія, сдѣлались очень недовѣрчивыми къ самимъ себѣ и вслѣдствіе того, какъ всегда бываетъ, довольно равнодушными къ тому, что̀ не прямо ихъ касается, то Гавацци съ особенною настойчивостью толкуетъ имъ о томъ, какая великая сила заключается въ единствѣ, какимъ образомъ раздѣленіе можетъ сдѣлаться препятствіемъ къ успѣху и погубить даже то, что̀ пріобрѣтено. Ораторъ заклинаетъ своихъ слушателей приняться за дѣло самимъ, не надѣясь на помощь со стороны, и считать за свое дѣло—дѣло всей Италіи, а не одного Неаполя или Сициліи. Наконецъ, онъ указываетъ даже на средства, которыми можно постоянно поддерживать въ народѣ бодрость и дѣятельную любовь къ свободѣ; говоря объ этихъ средствахъ, Гавацци обращается къ женщинамъ, къ священникамъ, къ газетамъ. Заключеніе его рѣчи составляетъ нѣчто въ родѣ славословія единству Италіи, Гарибальди и Виктору-Эммануилу.

Таковъ составъ первой рѣчи Гавацци, которой начало перевели мы выше. Увѣщанія его нерѣдко переходятъ въ обличенія, и тутъ онъ возстаетъ всего болѣе противъ недостойнаго духовенства и противъ папы-короля: предметъ, какъ видимъ, опять-таки первой важности, вполнѣ заслуживающій, чтобы имъ заняться въ самой первой проповѣди, обращенной къ освобожденному народу въ Неаполѣ. Но, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ, Гавацци отличается удивительнымъ искусствомъ говорить народу истинную правду, не раздражая его страстей. Стоитъ почесть, напримѣръ, какъ онъ доказываетъ неаполитанцамъ, что они ничего не могли бы сдѣлать однѣми собственными силами, безъ другихъ итальянцевъ, и что потому опытъ, справедливость и благодарность требуютъ, чтобы и они въ отношеніи къ другимъ дѣйствовали такъ же, какъ другіе для нихъ. Сказавши, что «единство мысли и дѣйствій составляетъ для нихъ долгъ благодарности, и что его требуютъ какъ ихъ интересы, такъ и необходимость», ораторъ продолжаетъ:

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я слышалъ уже о революціонномъ движеніи, возникавшемъ въ Неаполѣ; потомъ возстаніе явно произошло въ Сициліи. Скажемъ откровенно: Сицилія восторжествовала ли однѣми собственными силами? Ясно, что нѣтъ. Движеніе сицилійское было горячо, благородно, сильно, готово на все, до изліянія послѣдней капли крови; но, будучи одни, герои сицилійскіе изнемогли бы предъ организованной силой ненавистнаго Бурбона! И вы сами, дѣти Везувія, хотя вы выстрадали все, что̀ только душа, сердце и тѣло человѣческое могутъ выстрадать, при гнусномъ правительствѣ, справедливо названномъ «*отрицаніемъ Бога*», т.-е. правительствомъ сатаны, воплощеніемъ самой геены въ образѣ Фердинанда и Франциска,—вы сами могли ли бы одни совершить ваше законное мщеніе? Могли ли бы вы одни низвергнуть престолъ этого демона и избавиться отъ ненавистнаго ига разбойниковъ и палачей? Нѣтъ. Кто принесъ торжество сицилійскому возстанію? Кто увѣнчалъ тріумфомъ неаполитанскую революцію? Человѣкъ... нѣтъ—ангелъ, посланный отъ Бога, герой Гарибальди (въ толпѣ: viva Garibaldi). Безъ Гарибальди страна Обѣихъ Сицилій до сихъ поръ еще находилась бы въ цѣпяхъ. Къ нему, къ нему обращается признательность сердецъ.

легко коснулся этого предмета, и такъ же быстро и даже неловко отошелъ отъ него, какъ и приступилъ къ нему. Не такъ поступалъ онъ въ другихъ случаяхъ,—когда, напримѣръ, говорилъ о фортѣ Сентъ-Эльмѣ: тамъ онъ умѣлъ добиться положительныхъ результатовъ. Здѣсь же только что, привлекши вниманіе толпы рѣзкими возгласами противъ Бурбоновъ и предложеніемъ о статуяхъ, онъ тотчасъ же перешелъ къ энергическому убѣжденію народа не покидать борьбы, стремиться къ единству, помнить общее родство всѣхъ итальянцевъ. Здѣсь ораторъ дѣлается серьезенъ, хотя и не педантиченъ; краснорѣчіе его живо, просто и благородно. Всѣ, кричавшіе о *чудакѣ*, убѣждавшемъ народъ разбить головы статуямъ, не знали, повидимому, что чудакъ этотъ имѣетъ болѣе серьезныя стремленія и вовсе не столько занятъ статуями, какъ его журнальные порицатели. *Прим. Д.*

Да здравствуетъ Гарибальди! *(толпа нѣсколько разъ повторяетъ тотъ же крикъ).* А кто сопутствовалъ Гарибальди въ его сицилійской экспедиціи? Кто сопровождалъ его черезъ Калабрію до самаго Неаполя? Молодежь итальянская... изъ *всѣхъ* итальянскихъ провинцій, не исключая ни одной... Они услышали, — эти храбрые юноши, — стоны страдальцевъ, клики возстающихъ, и они пожертвовали, по большей части, своимъ спокойствіемъ, своими удовольствіями, цвѣтомъ своей юности, богатствомъ, удобствами, роскошью, развлеченіями... Они бросились на призывъ Гарибальди, имѣя въ виду не награды, не почести, не мѣста, а страданія, изнуренія, недостатки... И они восторжествовали! Отъ высадки въ Марсалѣ до въѣзда въ Неаполь, походъ нашего Гарибальди былъ постояннымъ тріумфомъ... И онъ всегда будетъ торжествовать, потому что въ его лицѣ выходитъ на битву сама храбрость, честь, справедливость, однимъ словомъ,—дѣло Божіе,—такъ какъ дѣло народа есть дѣло Божіе! Да, Богъ всегда даетъ побѣду своему посланнику! *(Рукоплесканія).*

«Ну, такъ вы видите,—всѣ части итальянскаго нашего отечества выслали вамъ избавителей, и съ ихъ помощью ваши либеральные люди и ваша національная гвардія могли произвести чудеса храбрости... Это освобожденіе, пришедшее для васъ изъ другихъ итальянскихъ земель, налагаетъ на васъ священнѣйшій долгъ благодарности. Вы не можете отплатить этотъ долгъ ни стихами, ни пѣснями, ни музыкой, ни спектаклями, ни балами, ни праздниками, ни обѣдами... Нѣтъ, вы его выплатите—легіонами, ружьями, лошадьми и пушками, выплатите, сражаясь сами въ свою очередь за остальныя итальянскія земли, еще находящіяся въ порабощеніи. (*Брависсимо!*... Viva Italia!)... Кто сражался за васъ—требуетъ теперь, чтобы и вы сражались за него! Прислушайтесь къ выговору волонтеровъ, которыми полонъ теперь вашъ прекрасный городъ; вы безъ труда узнаете въ нихъ пьемонтцевъ, генуэзцевъ, дѣтей этихъ счастливыхъ провинцій, свободныхъ со дня конституціи Карла-Альберта. Если бы они сказали себѣ: «вотъ ужъ 12 лѣтъ, какъ мы наслаждаемся свободой; что намъ за надобность жертвовать собою для сицилійцевъ и неаполитанцевъ?»—вотъ у васъ бы и не было помощи пьемонтцевъ и генуэзцевъ!.. А вы слышите ихъ выговоръ... Вы слышите также этихъ ломбардцевъ, романьоловъ, тосканцевъ, сдѣлавшихся свободными послѣ присоединенія ихъ провинцій къ новому Итальянскому королевству. Если бъ они сказали себѣ: «мы теперь соединены съ Пьемонтомъ, мы пользуемся итальянской свободой, намъ нечего хлопотать объ освобожденіи Неаполя и Сициліи»,—тогда имѣли ль бы вы ихъ помощь?.. А венеціанцы? Прислушайтесь къ ихъ акценту, или, лучше—къ нѣсколькимъ акцентамъ волонтеровъ этой бѣдной, злосчастной, измученной, умирающей, но всегда благородной и великодушной Венеціи. «О, я еще до сихъ поръ въ цѣпяхъ,—взываетъ она къ вамъ,—я терзаюсь подъ игомъ австрійца... но при всемъ томъ, я посылаю цвѣтъ моей молодежи на освобожденіе Неаполя и Сициліи, чтобы Сицилія и Неаполь, въ свою очередь, пришли освободить во мнѣ бѣдную мученицу, нѣкогда царицу Адріатики». (*Въ толпѣ восторженные клики за Венецію).*

«Итакъ, по чувству признательности необходимо соединиться всѣмъ въ одномъ національномъ чувствѣ... А наше національное чувство заключается въ этомъ лозунгѣ: Италія—свободная отъ Альпъ... не до Адріатики, но отъ Альпъ до Лилибея... Вся, вся, вся... независимо отъ иноземцевъ, кто бы они ни были... (*Рукоплесканія*).

«Впрочемъ, если бы признательность и не говорила въ сердцахъ всѣхъ, то интересъ намъ скажетъ то же самое. Интересъ-то ужъ всякій соблюдаетъ... Ѳома Аквинскій говоритъ, что безъ интереса мы даже и Бога не любили бы. «Почему мы ему служимъ и его любимъ?»—спрашиваетъ великій учитель.—«Потому, что ждемъ отъ него царства небеснаго». Такимъ образомъ, даже въ отношеніяхъ нашихъ къ Богу замѣшивается въ дѣло интересъ. И такъ какъ на счетъ этого пункта намъ всѣмъ легко согласиться, то я скажу, что мы теперь должны быть всѣ итальянцами, даже просто для нашего интереса. Итальянцы открыли, наконецъ, великую истину, что чѣмъ тѣснѣе связь между націями, тѣмъ крѣпче и связи между гражданами каждой отдѣльной страны, и что ежели народы не соглашаются между собой, такъ и выходитъ то, что было въ 1848 году, когда кроаты были противъ венгровъ, венгры отчасти противъ итальянцевъ, а кончилось тѣмъ, что Австрія опять все положила себѣ подъ ноги... Да, горе тому, кто не знаетъ своего долга и своей доли въ общемъ дѣлѣ... А общее дѣло у насъ у всѣхъ одно. Мы хотимъ создать Италію. Будемъ же всѣ заодно, составимъ одинъ народъ! Апостолъ Павелъ говоритъ намъ, что когда одинъ членъ тѣла боленъ, то и всѣ другіе страдаютъ за него. Не трудно же намъ понять, что если Венеція остается въ рабствѣ, если часть римскихъ земель въ угнетеніи, то Италія еще не есть Италія, и что намъ необходимо нынѣ же разорвать послѣднія цѣпи, которыя ее

сдавливаютъ. Дѣло идетъ о нашихъ интересахъ: ежели оставить антоновъ огонь въ какомъ-нибудь членѣ тѣла, хоть бы въ мизинцѣ, онъ, мало-по-малу, охватываетъ кисть, руку, плечо, все тѣло—и человѣкъ умираетъ. Такъ и тутъ: оставьте Венецію порабощенною,—вся Италія снова впадетъ въ порабощеніе!.. Итакъ, наша же польза требуетъ, чтобы мы сдѣлались свободными *всѣ*, и мы будемъ свободны *всѣ!*

«Ждать, чтобы другіе устроили Италію,—это было бы слишкомъ многаго ждать, друзья мои! Италія слишкомъ страшна для дипломаціи, чтобы дипломація стала хлопотать для нея. Надо устроить ее самимъ намъ, ужъ *не по вилла-франкски, а по-итальянски*, друзья мои... Это значитъ, что намъ не нужно Итальянскаго Союза, а нужно единство,—единство, а не союзъ. Подъ союзомъ надо разумѣть конфедерацію—съ папой, Франческино, великимъ герцогомъ тосканскимъ, императоромъ австрійскимъ и Викторомъ-Эммануиломъ,—все вмѣстѣ... Милое соединеніе, не правда ли, друзья мои? Въ старину отцеубійцъ зашивали въ мѣшокъ съ пѣтухомъ, собакой, обезьяной и змѣей... Славное собраніе!.. Викторъ-Эммануилъ никого не убилъ, и между тѣмъ его хотѣли усадить гораздо хуже, чѣмъ съ пѣтухомъ, собакой, змѣей и обезьяной.

«Мы не хотимъ для нашего добраго Виктора-Эммануила подобной компаніи,—не правда ли, друзья мои? Значитъ, мы не хотимъ союза... Союзъ—никогда, никогда, никогда!.. Единство, единство, Италія единая — всегда! (*громкія* evviva! *единству Италіи, Виктору-Эммануилу и Гарибальди*). Вы не забудете этой разницы? И знайте, что ежели вы хорошенько захотите того, что̀ вамъ нужно, такъ непремѣнно это получите. Мнѣ достаточно, по-моему, чтобы итальянцы захотѣли,—и то, что̀ захотятъ они, сдѣлается. Иноземцы много распускали дурного про насъ: они говорили, что мы не умѣемъ драться,—а мы дрались; говорили, что мы не способны возвратить нашу свободу, а вотъ мы ее возвратили; увѣряли, что мы не сумѣемъ разумно и умѣренно воспользоваться побѣдой, и однако же мы остались при ней спокойными и совладали съ собою; утверждали, что если мы и получимъ конституціонное устройство, такъ не сумѣемъ его удержать,—а мы вотъ хранимъ его; наконецъ, кричали, что мы не способны отречься отъ муниципальныхъ стремленій, отъ соперничества и зависти между городами, а мы вотъ оставили и всякій муниципализмъ, всѣ мелкія, мѣстныя вражды... Значитъ, мы показали иноземцамъ, что мы можемъ быть итальянцами, и что итальянцы—Боже мой!—по этому чудному небу, по этому солнцу, свѣтящему надъ ихъ головами, по своей душѣ, по сердцу и по мышцамъ—первый,—да первый, первый народъ въ мірѣ (*Страшныя* evviva!).

«Теперь, надо намъ хорошенько вкоренить въ себѣ національное чувство; надо намъ начать быть и сознавать себя итальянцами. Когда вы спрашиваете какого-нибудь француза, откуда онъ?—онъ вамъ отвѣчаетъ: *изъ Франціи*. Какое ваше отечество? *Франція*. Кто вы? *Французъ*. Отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же, будетъ ли это гасконецъ, провансалецъ или уроженецъ какой бы то ни было другой провинціи французской. То же и съ англичаниномъ. Спросите его, изъ какой онъ страны, онъ отвѣчаетъ: *изъ Англіи*. Кто вы? *Англичанинъ*. Онъ не говоритъ: я изъ Глазгова, изъ Манчестера, а просто: я англичанинъ...

«Такъ и съ нами должно быть. Мы больше не пьемонтцы, генуэзцы, ломбардцы, романьолы, тосканцы, неаполитанцы, сицильянцы, мы всѣ — итальянцы! (*Одушевленныя рукоплесканія*).

«Какое же ваше отечество?»

Послѣ этого вопроса ораторъ останавливается. Вся толпа въ голосъ кричитъ восторженно: *Италія! Италія!* Проповѣдникъ, давши утихнуть толпѣ, гордо выпрямляется и восклицаетъ тоже съ энтузіазмомъ: *Италія!* Потомъ продолжаетъ развивать идею о томъ, какъ почетно и славно для итальянцевъ принадлежать къ Италіи, какъ легко имъ, если только они всѣ будутъ соединены, снискать уваженіе и дружбу всѣхъ народовъ. «Увидѣвъ, что мы соединены, говоритъ онъ, начнутъ больше уважать насъ, станутъ насъ бояться, потомъ стремиться къ дружбѣ съ нами, потомъ искать нашей помощи». Возбудивши дружныя рукоплесканія этими словами, проповѣдникъ рисуетъ слушателямъ близкое будущее, въ которомъ Италія представляется освободительницей и защитницей всѣхъ угнетенныхъ національностей. Новыя рукоплесканія въ толпѣ, и новое обращеніе оратора къ національному чувству итальянцевъ, требующему, чтобы они всѣ соединились и изгнали Бурбоновъ, австрійцевъ и короля-папу. Упомянувъ о папѣ и замѣтивъ, вѣроятно, признаки готоваго неодобренія въ толпѣ, Гавацци дѣлаетъ слѣдующія объясненія:

«Господа! я не забылъ, что говорю въ Неаполѣ, и знаю очень хорошо, что многихъ изъ васъ можетъ возмутить идея—удалить папу изъ Рима.

«Разувѣрьтесь же и успокойте вашу совѣсть. Рѣшительно никто не намѣренъ трогать папу. Папа! Никто не хочетъ коснуться

даже волоска его священной особы! Пусть папа остается въ Римѣ, если онъ хочетъ,—только пусть будетъ онъ римскимъ епископомъ, никто ни слова не скажетъ противъ этого. Но королемъ? королемъ? *(въ толпѣ: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!)*. Мы больше не хотимъ имѣть его королемъ! Пусть священникъ остается священникомъ и будетъ Пій IX; и пусть король сдѣлается королемъ и будетъ Викторъ-Эммануилъ!..

«Впрочемъ, чтобы окончательно успокоить мнительныхъ людей *(слышно)*, я коснусь вопроса по смыслу Писанія, съ христіанской точки зрѣнія, которую имъ, кажется, не позаботились сообщить ихъ духовники и ихъ добродѣтельные архіепископы. Говорятъ, что папа—замѣтьте это—есть намѣстникъ Іисуса Христа, преемникъ св. Петра, глава церкви, преемникъ первыхъ епископовъ римскихъ. Хорошо, очень хорошо! Но скажите мнѣ,—Христосъ былъ королемъ? Христосъ имѣлъ свѣтскую власть? Нѣтъ. Христосъ завѣщалъ своему намѣстнику королевскую корону? *(въ толпѣ: нѣтъ!)* Нѣтъ! Такъ значитъ, если папа дѣйствительно есть намѣстникъ Христа,—онъ не можетъ быть королемъ *(Рукоплесканія)*.

«А святой Петръ? Былъ онъ королемъ? Нѣтъ. Святой Петръ!.. Нѣтъ, онъ былъ рыбакъ, жилъ рыбакомъ и умеръ рыбакомъ; только, вмѣсто того, чтобы ловить однѣхъ рыбъ, онъ помогалъ Спасителю въ ловитвѣ душъ человѣческихъ... Но никогда не былъ онъ королемъ. Значитъ, ежели папа — точно преемникъ св. Петра, такъ онъ не долженъ быть королемъ.

«Павелъ, истинный основатель римской церкви, истинный основатель христіанства въ Италіи, Павелъ не былъ королемъ и называлъ себя служителемъ апостоловъ. Поэтому и папа, если онъ есть глава церкви, не можетъ и не долженъ быть королемъ.

«Первые епископы римскіе до Сильвестра, даже до Гильдебранда — Григорія VII, не были свѣтскими владѣтелями, не были королями. Какъ же папа, если онъ хочетъ быть ихъ истиннымъ преемникомъ, можетъ имѣть свѣтскую власть?

«Итакъ, папа, для чести своего служенія, для чести своего священнаго сана, для чести христіанства, церкви, религіи, для чести вѣры и евангелія, для чести Христа-Бога, не можетъ больше, не долженъ больше быть, и не будетъ больше королемъ. И когда мы уничтожимъ его свѣтскую власть, тогда только дадимъ мы религіи въ Италіи этотъ свѣтлый и лучезарный вѣнецъ, котораго она только и можетъ ждать отъ итальянской свободы.

«Но папа хочетъ быть королемъ?.. Онъ имѣетъ покровителей, которые хотятъ, чтобы онъ оставался королемъ?!. А мы этого не хотимъ *(продолжительныя рукоплесканія)*. И такъ какъ онъ не можетъ оставаться королемъ, то найдется и средство какое-нибудь для того, чтобы онъ оставилъ престолъ Виктору-Эммануилу! И когда Викторъ-Эммануилъ будетъ на высотахъ Капитолія, и вся Италія соберется вокругъ него, тогда оправдается слово великаго Макіавелли: «пока въ Италіи будутъ папы, она не будетъ единою; но въ тотъ день, когда папа перестанетъ быть королемъ, Италія сдѣлается великой націей,—она создастся». *(Рукоплесканія)*.

Въ заключеніе рѣчи, ораторъ указываетъ на средства, которыми можетъ «создаться» Италія. Эти средства: женщины, журналы, духовенство.

«Женщины! О нихъ я больше буду говорить въ другой разъ. А теперь обращусь къ нимъ лишь съ нѣсколькими словами. Когда наши итальянки поровняются въ героизмѣ сердца съ женщинами Спарты, у насъ будетъ нація! Молитвы, которыя наши матери бормочатъ по-латыни и которыхъ ни онѣ, ни мы не понимаемъ,—къ чему служатъ эти молитвы? Не значитъ ли это терять время и усилія? Апостолъ Павелъ не сказалъ ли, что, молясь на языкѣ невѣдомомъ, непонятномъ,—не только теряютъ напрасно время, но и Бога не почитаютъ? Лучше, во сто разъ лучше, попросту, по-итальянски сказать одинъ разъ «Padre nostro che sei in cieli», нежели 150 разъ, на всю длину вашихъ четокъ, пролепетать «Ave, Maria», т.-е. 150 ненужностей каждый день. Теперь нашимъ юношамъ лучше взять ружье и идти защищать отечество, нежели учиться прислуживать при мессѣ. Матери! Не тѣмъ вы можете теперь увѣнчать и украсить себя, чтобы сдѣлать изъ своихъ дѣтей ипокритовъ и ханжей, но тѣмъ, если вы можете сказать: мой сынъ помогалъ возрожденію Италіи! *(Сильныя рукоплесканія)*. Матери! Пусть рукоплесканія этого народа ободрятъ васъ къ тому, чтобы воспитывать отнынѣ не служекъ церковныхъ, а солдатъ, патріотовъ... Да здравствуетъ же добродѣтельная мать-итальянка! *(Новыя рукоплесканія)*.

«Журналы! Ихъ много въ Неаполѣ, а Неаполь первенствуетъ во всей Италіи по сокровищамъ своего генія, своей философіи и поэзіи. Журналистика должна пользоваться этимъ прекраснымъ оружіемъ для пользы отечества. Журналисты! Ваше призваніе велико, благородно и возвышенно... Совершайте его, какъ народную святыню! Оставьте упреки, сплетни, личности, которыми ежедневно унижаютъ себя такъ мно-

гіе иностранные журналы... Рѣшитесь, однажды навсегда, посвятить себя воспитанію, вразумленію, образованію народа, въ видахъ итальянской народности, итальянскаго единства, надеждъ Италіи, ея будущаго, ея короны!

«Духовенство... Одно слово теперь, потому что я обращусь къ нему въ другой разъ... Теперь скажу только: я благодарю Бога, что въ средѣ его нашлись въ Неаполѣ добрые патріоты, хотя, по правдѣ сказать, они далеко не составляютъ большинства... Большинство неаполитанскаго клира,—по своимъ ли интересамъ, по ханжеству ли, по алчности ли, по дурно ли понятой покорности своему отсталому и австрійскому архіепископу,—показало себя враждебнымъ итальянскому единству... Поэтому клиръ долженствуетъ искупить, возстановить себя предъ лицомъ Италіи, и вотъ что̀ скажу я ему теперь: клиръ, клиръ неаполитанскій! Употребляй теперь въ пользу Италіи то вліяніе, которымъ ты до сихъ поръ столько злоупотреблялъ въ пользу Бурбоновъ и тиранства *(Рукоплесканія)*. Клиръ, клиръ неаполитанскій! Ты злоупотреблялъ алтаремъ, священствомъ, каѳедрой и особенно исповѣдью *(рукоплесканія, особенно въ женской половинѣ слушателей)*... Клиръ,—чтобы угодить безчестнымъ обитателямъ этого дворца, ты унизился даже до ремесла шпіона и полицейскаго доносчика... Клиръ! Изъ-за твоихъ многочисленныхъ доносовъ, множество неаполитанскихъ патріотовъ подверглись тюрьмѣ, каторгѣ, ссылкѣ, казни... Клиръ, клиръ! Возстань же передъ лицомъ Италіи и Неаполя! Научись отъ твоихъ либеральныхъ священниковъ, отъ немногихъ членовъ твоихъ, умѣющихъ быть истинными патріотами,—научись служить отечеству, служить Италіи, — и мы перестанемъ проклинать клиръ тиранніи, чтобы хвалить, возвеличивать, благословлять клиръ свободы и народности итальянской» *(Рукоплесканія)*. Послѣ этого, безъ всякихъ искусственныхъ переходовъ, Гавацци говоритъ: «Неаполитанцы, я кончаю, потому что я уже достаточно говорилъ сегодня». Затѣмъ онъ обѣщаетъ имъ новую проповѣдь, на томъ же мѣстѣ, на послѣ-завтра, и провозглашаетъ въ заключеніе «виваты» Италіи, Гарибальди и Виктору-Эммануилу... Разумѣется, толпа разражается изступленными evviva! и далеко провожаетъ проповѣдника своими криками...

Не прибавляя никакихъ сужденій о достоинствахъ и значеніи переданной нами рѣчи, мы приведемъ еще вторую проповѣдь Гавацци, можетъ быть, самую замѣчательную изъ сказанныхъ имъ. Она направлена противъ нетерпѣливыхъ либераловъ, хотѣвшихъ свободы болѣе для своихъ выгодъ и мало понимавшихъ истинныя стремленія и нужды народа. Отъ нихъ, тотчасъ же по прибытіи Гарибальди въ Неаполь, пошли жалобы: отчего дурно то и другое, отчего тамъ и здѣсь недостатки и неустройства. Одни кричали по глупости, потому что дѣйствительно ожидали мгновеннаго, чудеснаго исчезновенія всего вѣкового зла, едва только Гарибальди явится въ Неаполь, другіе же пользовались людской наивностью для своихъ цѣлей. Такъ, еще до сихъ поръ клерикальныя французскія газеты не могутъ пропустить ни одного безпорядка въ Неаполѣ, чтобы не сказать: «вотъ вамъ и свобода, вотъ и либеральное управленіе, вотъ и Гарибальди. При Бурбонахъ не только ничего хуже не было, но еще, напротивъ, было гораздо больше спокойствія и порядка»... Гавацци, еще въ первые дни послѣ вступленія Гарибальди въ Неаполь, поймалъ подобныя сужденія и понялъ ихъ опасность. Потому во второй своей проповѣди онъ старается уничтожить ихъ, вооружаясь на нихъ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, онъ показываетъ ихъ нелѣпость; во-вторыхъ, убѣждаетъ народъ держать себя такъ, чтобы не мѣшать утвержденію свободы и не подавать повода упрекамъ отъ людей, враждебныхъ дѣлу Италіи. Проповѣдь эта стоила бы того, чтобы ее перевести всю сполна, если бы на русскомъ языкѣ удобно было передать всѣ громы, обрушенные проповѣдникомъ на бурбонскую тираннію и всѣ выходки его противъ ложныхъ либераловъ. Мы попытаемся, впрочемъ, представить эту рѣчь такъ, чтобы читатели могли составить о ней нѣкоторое понятіе. Вотъ начало.

«Во всѣхъ странахъ и во всякомъ дѣлѣ бываютъ недовольные. У насъ недовольные, особенно тѣ, которые проиграли свою партію, шепчутъ на ухо: «ну, вотъ и Гарибальди пришелъ; вотъ ужъ онъ восемь дней въ Неаполѣ; что̀ же мы выиграли?» (Здѣсь ораторъ сопровождаетъ слова свои выразительнымъ и сильнымъ жестомъ; потомъ начинаетъ съ живостью)... Что мы отъ этого выиграли? То, что̀ Бурбоновъ здѣсь нѣтъ больше... Что нѣтъ Франциска II и свиты его шпіоновъ (*Апплодисменты*)... Вотъ что̀ мы выиграли!.. Что̀ хорошаго мы пріобрѣли? А что̀ хорошаго имѣли вы при Бурбонахъ? (*въ толпѣ: ничего! ничего!*) Ничего... Нѣтъ, хуже, чѣмъ ничего, у васъ былъ адъ кромѣшный... У васъ было царство интригановъ, разбойниковъ, шпіоновъ, палачей, царство политическихъ убійцъ... вотъ ваши выгоды при Бурбонахъ! (*Одобреніе*)... Что̀ вы имѣли при Бурбонахъ, такъ это—лишеніе всякой свободы мысли, всякой свободы слова, пе-

чати, собраній, всякой свободы быть человѣкомъ!.. Бурбонъ поставилъ надъ вашей жизнью полицію, благодаря которой вы боялись даже вашихъ родственниковъ, вашей семьи... Вотъ какія преимущества имѣли вы при Бурбонахъ! (*Сильныя рукоплесканія*). Бурбонъ оцѣпилъ васъ полками сбирровъ, которымъ поручено было слѣдить за вашими мыслями, словами и дѣйствіями, и которые все искажали, чтобы жить на вашъ счетъ и чтобы, сверхъ того, опозорить васъ и ваше итальянское имя и повергнуть въ горе и нищету ваши семейства. Вотъ какія выгоды имѣли вы при Бурбонахъ! (*Новыя рукоплесканія*). Вы осчастливлены были полиціею мошенниковъ, въ противность ея настоящему смыслу, потому что она должна защищать честныхъ гражданъ противъ воровъ, мошенниковъ и убійцъ, а полиція Бурбоновъ, напротивъ, покровительствовала ворамъ, мошенникамъ и убійцамъ противъ честныхъ гражданъ. (*Живыя рукоплесканія*). Бурбонъ даровалъ вамъ суды, которые, когда не находили преступленій въ народѣ, нарочно выдумывали ихъ, чтобы ограбить этотъ народъ... Иначе—Викарія, Низида [1])... каторга, ссылка, висѣлица... вотъ ваши выгоды при Бурбонахъ!.. Словомъ, при Бурбонахъ никакой свободы, никакихъ гарантій... Вы не могли тогда даже ночью на вашей постели быть хоть сколько-нибудь спокойными: *домашній обыскъ* каждую минуту могъ возмутить ваше спокойствіе... могъ, — какъ не разъ было доказано, — стоить жизни честнымъ женщинамъ, которыя, страшась позора для ихъ домовъ и мужей, имѣли отвагу бросаться съ высокихъ балконовъ, своею кровью смывая безчестье, которое... (*Взрывъ страшныхъ рукоплесканій заглушаетъ конецъ фразы*). Словомъ, Бурбоны хотѣли изъ перваго итальянскаго народа, перваго по уму, по поэзіи, по силѣ философской мысли, по художественнымъ наклонностямъ, по стремленіямъ сердца и по любви къ свободѣ, — хотѣли сдѣлать послѣдній изъ народовъ Италіи, угнетая и сдавливая неаполитанцевъ до того, чтобы они не только не были итальянцами, но вовсе перестали быть людьми. Вотъ что даровалъ вамъ Бурбонъ! (*Въ толпѣ крики ругательства на Бурбоновъ*)...

«А что вамъ далъ Гарибальди? Свободу, свободу, свободу! (*Взрывъ апплодисментовъ и* evviva *Гарибальди*). И когда онъ далъ намъ свободу... (*радостный шумъ народа не даетъ оратору кончить фразы*). Дайте мнѣ этотъ Везувій, дайте мнѣ этотъ заливъ, дайте всѣ тѣ красоты природы, которыя дѣлаютъ изъ Неаполя земной рай,—дайте мнѣ ихъ безъ свободы — вы мнѣ дадите пустыню, ночь, адъ! (Въ толпѣ: *отлично, отлично!*). И дайте мнѣ пустыню, голую скалу, дайте клочекъ земли, самый дикій, безплодный, заброшенный,—дайте мнѣ ихъ съ свободой, и я сумѣю сдѣлать изъ нихъ рай! (*Рукоплесканія*). Народъ, не имѣющій свободы, ходитъ во тьмѣ; имѣя свободу, онъ ходитъ въ свѣтѣ. Благословенъ же свѣтъ, и благословенъ тотъ, кто намъ принесъ его!»

Вызвавъ затѣмъ въ слушателяхъ еще нѣсколько восторженныхъ восклицаній въ честь Гарибальди и нѣсколько новыхъ проклятій Бурбонамъ, Гавацци приступаетъ къ главному предмету своей рѣчи — къ опроверженію несправедливыхъ претензій тѣхъ, которые хотѣли бы отъ единаго присутствія Гарибальди въ Неаполѣ чудеснаго и мгновеннаго исцѣленія всѣхъ прежнихъ золъ.

«Легче завоевать страну,—говоритъ ораторъ,—нежели устроить ее; легче произвести революцію, нежели хорошо направить ее; легче одержать побѣду, нежели хорошо воспользоваться тріумфомъ. Берите вещи какъ онѣ есть, а не такъ, какъ мы желали бы въ нашихъ мѣстахъ, и согласитесь, что нельзя сдѣлать всего вдругъ. Требовать, чтобы Гарибальди въ восемь дней прогналъ Бурбоновъ, утвердилъ свободу, организовалъ армію, перестроилъ управленіе, — это значитъ требовать больше, чѣмъ сколько можетъ сдѣлать Гарибальди или какой бы то ни было человѣкъ. Надо итти послѣдовательно, и для того, чтобы достигнуть торжества итальянскаго единства, надо теперь гражданское единодушіе, какъ вѣнецъ нашихъ пожертвованій».

«Съ тѣми, кто хочетъ всего вдругъ,— говоритъ ораторъ, — я объяснюсь просто. Представьте себѣ болото, обширную топь близъ берега моря; вода тамъ стоячая, изъ тины поднимаются гнилые, смертоносные міазмы; нуженъ токъ воды, чтобы очистить это болото. Знающій человѣкъ заготовилъ этотъ токъ воды въ особомъ резервуарѣ; онъ поднимаетъ шлюзы, потокъ устремляется впередъ, падаетъ на болото и бѣжитъ къ морю, унося съ собою міазмы и гниль... Но когда вода сбѣжала, вы находите на землѣ камни, песокъ, всякую дрянь, которую нанесла съ собою вода въ своемъ стремленіи... Тогда является искусный инженеръ, гидравликъ, человѣкъ, который велитъ очистить пространство отъ всего лишняго и устраиваетъ для потока постоянное ложе, уничтожая такимъ образомъ болото и избавляя мѣстность отъ зловредныхъ міазмовъ. Приложите это къ Неаполю. Подъ правленіемъ, заслужившимъ названіе «отрицаніе Бога»,—Неаполь представлялъ болото, гряз-

[1]) Тюрьмы въ Неаполѣ. *Прим. Д.*

ную топь, полную гнили, зловонія, удушья, смерти... Нуженъ былъ потокъ оживляющій; онъ былъ готовъ въ итальянской идеѣ... Пришелъ человѣкъ Варезе и Калатафими и поднялъ шлюзы; потокъ устремился на болото,—и съ того самаго мѣста, гдѣ плѣсневѣлъ бурбонизмъ, къ намъ явилась свобода. (*Рукоплесканія*). Но свободный потокъ оставилъ и здѣсь послѣ себя песокъ, камни, всякую дрянь, — это вчерашніе и утрешніе либералы, либералы для своего чрева! *(Хорошо!)*.. Теперь придетъ гидравликъ, который все это устроитъ»...

Но, чтобы устройство это было возможно и удобно, Гавацци требуетъ отъ всѣхъ неаполитанцевъ истиннаго содѣйствія общему дѣлу. «Знайте, — говоритъ онъ,— что отечество не создается пѣснями, гимнами, стихами, праздниками, иллюминаціями, но основывается самоотверженіемъ, совокупностью самоотверженій всѣхъ и каждаго, потому что тогда каждый способствуетъ осуществленію того, чего желаютъ всѣ». Далѣе, развивая свою мысль, Гавацци сильно и язвительно нападаетъ на тѣхъ либераловъ, которые только и хлопочутъ о томъ, какъ бы получить мѣсто при новомъ правительствѣ, и, не получая ничего, вдругъ оказываются недовольны новымъ порядкомъ и сбиваютъ съ толку даже патріотовъ искреннихъ. Пространно доказываетъ онъ всю естественность того, что вѣковое зло не могло быть совершенно уничтожено въ нѣсколько дней, но что уже самая возможность приступить къ реформамъ, данная Неаполю вмѣстѣ съ избавленіемъ отъ Бурбоновъ, составляетъ великое пріобрѣтеніе. Далѣе онъ переходитъ къ тѣмъ, которые недовольны оставленіемъ на мѣстахъ многихъ изъ прежнихъ чиновниковъ-бурбонистовъ. Здѣсь Гавацци различаетъ бурбонистовъ на три разряда: бурбонистовъ-палачей, какъ онъ называетъ,—которыхъ нужно непремѣнно притянуть къ общественному суду, и которые не заслуживаютъ никакой пощады; умѣренныхъ, которые были усердными исполнителями бурбонскихъ приказовъ и которыхъ нужно отстранить, если они занимали видныя мѣста, но не преслѣдовать, и бурбонистовъ равнодушныхъ, которыхъ вовсе не нужно трогать. Мысль свою Гавацци объясняетъ такимъ образомъ: «они служили въ канцеляріяхъ и судахъ, на низшихъ должностяхъ, писали, что имъ прикажутъ, но не были ни въ чемъ виноваты, потому что перо переписчика вѣдь не разсуждаетъ: оно принадлежитъ тому, кто платитъ; если это Бурбоны, оно пишетъ: «да здравствуютъ Бурбоны», если Гарибальди,—«да здравствуетъ Гарибальди!» Поэтому нечего и заниматься ими; такихъ людей множество во всѣхъ странахъ, и если бы всѣхъ ихъ мѣнять при каждой перемѣнѣ правительства, такъ пришлось бы дѣлать множество несчастныхъ и, сверхъ того, производить каждый разъ остановку и путаницу въ ходѣ дѣлъ... Вонъ въ Америкѣ каждые четыре года мѣняютъ правительство; какъ же сдѣлываются съ чиновниками? Ставятъ на всѣ самостоятельныя и важныя мѣста людей, преданныхъ новому правительству, а остальныхъ не трогаютъ: они будутъ дѣлать, что имъ прикажутъ»... Но тѣмъ съ большею силою возстаетъ Гавацци на людей, которые «5-го сентября бѣгали за Бомбичелло въ Пьедигрота, — плакать тамъ съ нимъ передъ Мадонною; а при вступленіи Гарибальди въ Неаполь бѣгали съ криками: «viva Garibaldi»... Противъ этихъ господъ возбуждаетъ онъ общественное негодованіе, ихъ считаетъ однимъ изъ главнѣйшихъ неудобствъ, оставшихся послѣ «очищенія болота». «Я не могу довѣрять,— говоритъ онъ, — когда вижу украшенную національными знаменами вотъ эту церковь, или когда встрѣчаю на улицѣ человѣка съ извѣстнаго рода усами, за версту обличающими стариннаго сбирра, и въ то же время съ трехцвѣтной кокардой... *(Народъ апплодируетъ)*. Настоящему либералу не надо выставляться, не надо показывать кокарды, потому что его и такъ узнаютъ, и повѣрьте—чѣмъ больше у человѣка кокарда, тѣмъ меньше любви къ свободѣ».

Далѣе, согласно съ видами всѣхъ передовыхъ людей Италіи, Гавацци говоритъ въ пользу соединенія съ Пьемонтомъ, совѣтуя для этого оставить всѣ мечты объ автономіи и пожертвовать на этотъ разъ даже республиканскими тенденціями. «Республика!» восклицаетъ онъ: «а гдѣ же республиканцы? Вѣдь не республика республиканцевъ дѣлаетъ, а они должны образовать республику... Ну, а республиканца истиннаго, по сердцу, по душѣ, подвигамъ и жертвамъ, республиканца по строгой добродѣтели и по скромнымъ требованіямъ, — я знаю въ Италіи одного, это Іосифа Гарибальди... И Іосифъ Гарибальди не хочетъ республики!»... Продолжая затѣмъ убѣждать всѣхъ въ необходимости единства для безопасности и силы Италіи, Гавацци заключаетъ рѣчь обѣщаніемъ поговорить на другой день подробнѣе о самой формѣ присоединенія къ королевству Италіи, и оканчиваетъ виватами Гарибальди и возгласами противъ Бурбоновъ. Народъ, увлеченный его словами, разражается неистовыми криками, которые продолжаются еще долго спустя послѣ того, какъ проповѣдникъ сошелъ съ своей каѳедры.

Третья проповѣдь Гавацци посвящена

разсужденію о немедленномъ и безусловномъ присоединеніи къ Пьемонту и о томъ, какъ народъ долженъ всегда быть на-сторожѣ противъ реакціи. Въ этой рѣчи видно большое недовѣріе проповѣдника къ туринскому министерству (которое дѣйствительно въ эти самые дни хлопотало о томъ, какъ бы остановить Гарибальди) и увѣренность, что правленіе Гарибальди въ Неаполѣ должно какъ можно дольше остаться независимымъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Это особенно выражаетъ онъ, характеризуя поведеніе дипломатовъ и говоря о разрушеніи форта Сентъ-Эльмо. Эти два мѣста мы и приведемъ изъ третьей проповѣди, такъ какъ характеръ и манера проповѣдника намъ уже извѣстны, а сами по себѣ остальныя мѣста представляютъ чисто мѣстный и случайный интересъ.

«Надобно очень желать, друзья мои,—говоритъ Гавацци,—чтобы никто не явился портить наши дѣла. Успѣхи Гарибальди слишкомъ велики для того, чтобы дипломація не пришла отъ нихъ въ безпокойство... а я боюсь этой беззубой, старой дуэньи, которую называютъ дипломаціей. Я боюсь, чтобы она всего здѣсь не изгадила. Судите сами, какъ она злонамѣренна: въ прошломъ году въ Средней Италіи мы хотѣли присоединенія *тотчасъ же*, потому что боялись потерять время и не успѣть получить въ короли Виктора-Эммануила. Видя это, дипломація водила и волочила насъ одиннадцать мѣсяцевъ и заставила ждать присоединенія отъ 27 апрѣля 1859 до 18 марта 1860 года. Вотъ какъ она работала для насъ, эта старушка дипломація!.. Она надѣялась, что мы соскучимся, что сдѣлаемъ какое-нибудь яркое преступленіе, какой-нибудь промахъ, способный возмутить общественный порядокъ и дать ей поводъ *вмѣшаться* и привести дѣла къ старому положенію.

«Но, по счастію, мы уже знакомы съ этой старушкой. И мы сказали ей: «прочь! Мы ничего знать не хотимъ изъ твоихъ готическихъ ухищреній!» И мы создавали Италію и присоединеніе—въ терпѣніи, спокойствіи и порядкѣ... А здѣсь и въ Сициліи дипломація дѣйствуетъ наоборотъ: она хлопочетъ, чтобы привести народъ къ *безотлагательному* присоединенію, — потому что она знаетъ, что ежели народъ на это согласится, и согласится сейчасъ же, то революція не пойдетъ дальше теперешней черты, и, слѣдовательно, Италія не будетъ *единою*...

«Друзья мои! Только революція можетъ «создать Италію», а дипломація никогда ее не создастъ. Если революція создастъ Италію, дипломація принуждена будетъ признать ее, какъ совершившійся фактъ; но если мы сами не создадимъ Италію, дипломація раздѣлитъ насъ еще разъ и не допуститъ *единой Италіи*, потому что слишкомъ боится ея... (*Хорошо! Браво!*) Итакъ, между Гарибальди и дипломаціей — цѣлая пропасть... Гарибальди представляетъ собою нашу побѣдоносную революцію, которая означаетъ—возстановленіе правъ народа противъ злоупотребленій властителей. А дипломація означаетъ—возстановленіе правъ герцоговъ и короля противъ правъ народа... (*Единодушные крики одобренія въ толпѣ*).

«Вотъ почему, — замѣтьте, до чего я простираю революціонную щекотливость,— вотъ почему для меня подозрителенъ теперь даже приходъ къ намъ пьемонтскихъ отрядовъ. Эти отряды, вездѣ желанные и принимаемые съ радостью, здѣсь, въ эту минуту, представляютъ странное противорѣчіе самой же пьемонтской политикѣ, обнаруженной относительно Средней Италіи. Тамъ, какъ скоро пошло дѣло о присоединеніи, Викторъ-Эммануилъ отозвалъ своихъ королевскихъ коммиссаровъ изъ Флоренціи, Болоньи, Пармы, чтобы не сказали, что присоединеніе было присовѣтовано, вызвано, вытребовано королевскими коммиссарами... Теперь—возможно ли, чтобы дипломація не сказала: «Неаполитанцы вотировали присоединеніе, потому что въ Неаполѣ было много пьемонтскихъ полковъ!» — Это, конечно, дало бы право думать, что тутъ было принужденіе и насиліе, между тѣмъ какъ мы хотимъ быть свободными, и мы дѣйствительно свободны, такъ какъ желаніе присоединенія никѣмъ не было намъ навязано, — неаполитанцы хотѣли его еще до прихода Гарибальди и теперь хотятъ его своей царственной народной волей».

Въ этой-то проповѣди, предостерегая народъ отъ реакціи, Гавацци требовалъ разрушенія форта Сентъ-Эльмо, Castello dell Carmine и Castello dell'Vovo. Доказавъ, что они не могутъ служить достаточной защитой для города и указавъ на примѣръ Англіи, оборону свою полагающей не въ укрѣпленіяхъ, а въ корабляхъ, Гавацци совѣтуетъ немедленно представить диктатору адресъ, требующій очищенія фортовъ и дозволенія разрушить ихъ. Побуждая народъ къ исполненію этого совѣта, Гавацци говоритъ:

«Не забудьте того, что говоритъ вамъ болонскій монахъ, только-что возвратившійся послѣ изгнанія и потому обращающій къ вамъ рѣчи простыя, но практическія,— безъ краснорѣчія, безъ поэзіи, безъ силы, но практическія... Если вы не разрушите этихъ фортовъ во время диктатуры Гарибальди,—вы ихъ *никогда* не разрушите. И знаете—почему? Потому что послѣ присо-

единенія овладѣетъ ими воинское начальство и, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, сохранитъ ихъ, такъ что вы вѣчно будете имѣть надъ собою эту угрозу, этотъ кошмаръ. Для военной силы укрѣпленіе, — это то же, что̀ въ анекдотѣ курица, зашедшая въ пятницу на дворъ деревенскаго кюре (попа). Увидавъ ее, онъ воскликнулъ: «она жирна, она превосходна, изъ нея будетъ мнѣ славное блюдо сегодня». — Но, отецъ святой, сегодня пятница. — «Пятница?» и попъ начинаетъ трепать свою теологію (*слѣхъ*) и говоритъ себѣ: — «если Господь послалъ мнѣ на дворъ курицу, значитъ — онъ хочетъ, чтобы я ее съѣлъ; если послалъ ее *сегодня, когда у меня* страшный аппетитъ, — знакъ, что я долженъ съѣсть ее сегодня; но сегодня пятница — значитъ, Господь хочетъ, чтобъ я съѣлъ курицу въ пятницу. Да будетъ воля Господня!» Такъ точно разсуждаетъ и воинское начальство объ укрѣпленіяхъ».

Приведши далѣе нѣсколько примѣровъ разрушенія укрѣпленій въ Брешіи, Феррарѣ, Перуджіи и Генуѣ, Гавацци, къ концу проповѣди, вызываетъ неистовыя рукоплесканія народа — и кажется, что непосредственно послѣ этой рѣчи неаполитанцы дѣйствительно бросились къ Гарибальди съ просьбою о разрушеніи замка. Къ сожалѣнію, Гарибальди нашелъ это почему-то неудобнымъ и успокоилъ народъ тѣмъ обѣщаніемъ, что отнынѣ навсегда Сентъ-Эльмо будетъ предоставленъ національной гвардіи Неаполя. Послѣ того, когда совершилось присоединеніе, какъ предвидѣлъ Гавацци, уже не было для народа благопріятнаго случая *возобновить свое требованіе*, и Сентъ-Эльмо, памятникъ столькихъ ужасовъ, тюрьма и мѣсто казни столькихъ итальянскихъ мучениковъ, *до сихъ поръ стоитъ* надъ Неаполемъ, какъ будто грозя его новорожденной свободѣ.

Четвертая изъ напечатанныхъ рѣчей Гавацци отличается болѣе всѣхъ своимъ народнымъ складомъ, котораго никакъ нельзя передать въ переводѣ. Въ ней, впрочемъ, онъ повторяетъ большею частью прежнія темы, только останавливаясь на нѣкоторыхъ предметахъ долѣе, чѣмъ въ другихъ рѣчахъ. Началъ онъ довольно оригинально. Это было вечеромъ, на площади dell Palazzo, какъ разъ между двухъ статуй — Карла III и Фердинанда I, поставленныхъ передъ церковью San Francesco di Paolo. Толпа уже ожидала Гавацци и привѣтствовала его появленіе рукоплесканіями. Онъ взошелъ на возвышеніе, посмотрѣлъ направо и налѣво, покивалъ на статуи, блестѣвшія въ лунномъ свѣтѣ, и — захохоталъ, потомъ, мало-по-малу, сталъ болѣе серьезнымъ и принялся убѣждать неаполитанцевъ къ сохраненію внутренняго согласія и къ бодрому отпору всѣхъ попытокъ старой реакціи. Въ числѣ средствъ для утвержденія добрыхъ началъ въ народѣ, Гавацци главнѣе всего признаетъ участіе женщинъ, и потому страшно возстаетъ на монастырское, мертвое и ханжеское воспитаніе, какое онѣ обыкновенно получали въ Неаполѣ. Наконецъ, обращается и къ самому духовенству.

«Что касается до клира, пусть онъ видитъ *во мнѣ друга, скорѣе по тѣмъ* суровымъ, но честнымъ упрекамъ, которое я ему дѣлаю, — нежели, какъ если бы я льстилъ ему... Я уже сказалъ, что неаполитанское духовенство въ большей части должно измѣниться совершенно. Прилагая къ нему слова патмосскаго старца, я скажу ему: клиръ! тебѣ должно возстать изъ глубины твоего уничиженія. Клиръ! Не забудь, что на службѣ твоимъ Бурбонамъ ты допустилъ себя пасть въ самыя смрадныя пропасти позора, безчестья и проклятья! Выдь изъ этой тины, возстань, возстань отъ дыханія новой Италіи и увѣнчайся ореоломъ итальянскаго либерализма! (*Рукоплесканія*). Да, такъ возстанетъ клиръ нашъ!..

«Но, клиръ, чтобы себя не скомпрометтировать и чтобы избѣжать труда, говоритъ теперь: «я не вмѣшиваюсь въ политическіе вопросы; я не могу входить въ эти свѣтскія дѣла»... Но до сихъ поръ вы *слишкомъ* занимались ими; не сумѣете ли тоже *немножко* заняться и теперь? Но нѣтъ, — я даже и не требую, чтобъ вы ими занимались; я не говорю: всходите на каѳедру съ тѣмъ, чтобы говорить о политической экономіи, о дипломаціи, о средствахъ создать Италію. Нѣтъ, я этого не требую; но зато я говорю: клиръ! прежде чѣмъ составлять эту реакцію, по милости которой сидитъ теперь въ тюрьмѣ столько поповъ и монаховъ, прежде чѣмъ проповѣдывать въ пользу Бурбоновъ, — не вмѣшиваясь въ политику, говорите о согласіи, о братствѣ, о любви, говорите о евангеліи! (*Рукоплесканія*). Евангеліе за насъ и съ нами; евангеліе за Италію, а не противъ нея; говорите же о евангеліи. И если вамъ нечего больше сказать, говорите о любви къ отечеству: это любовь, освященная Христомъ, имъ прославленная и благословенная... Такимъ образомъ можно загладить дурную репутацію и расположить къ себѣ общественное мнѣніе. И пусть на будущее время при встрѣчѣ съ священникомъ не открещиваются, какъ будто увидавъ сатану, а улыбаются ему, какъ другу».

Въ заключеніе рѣчи Гавацци назначаетъ время слѣдующей проповѣди — въ день св. Януарія, послѣ совершенія чуда.

Это опять даетъ ему поводъ обратиться къ духовенству.

«Кстати, въ Неаполѣ распускаютъ слухи,—я это знаю,—да, распускаютъ слухи, что св. Януарій чуда не сотворитъ [1]). Но святой Дженнаро сотворитъ его, потому что св. Дженнаро, бывшій добрымъ якобинцемъ въ 1799 году, будетъ славнымъ гарибальдійцемъ въ 1860 (*рукоплесканія*). Я увѣренъ, что св. Дженнаро лучше умѣетъ вести дѣла, чѣмъ неаполитанскій архіепископъ (*слѣхъ*) [2]). Однакоже распускаютъ слухъ, что чуда не будетъ. А если и нѣтъ,—надѣюсь, что небо оттого не разрушится, и что мы сами и безъ чуда останемся сынами Божіими, искупленными Христомъ. Я надѣюсь... Но—вы, свѣтскіе, не слушайте, я говорю только духовнымъ, — смотрите, чтобы въ случаѣ неудачи чуда Гарибальди не послѣдовалъ примѣру одного извѣстнаго французскаго генерала, который заставилъ святого сдѣлать свое чудо въ пятнадцать минутъ... и чтобы Италія и Европа не вывели изъ этого, что св. Дженнаро творитъ чудеса, когда это угодно духовенству (*рукоплесканія*). Я очень льщу себя тѣмъ, что какой-нибудь шпіонъ донесетъ мои слова его эминенціи—кардиналу, и что вслѣдствіе того его эминенція соизволитъ даровать намъ чудо св. Дженнаро (*слѣхъ*)... Шуты!.. Трижды шуты!.. Народъ хочетъ религіи, а не поповскихъ обмановъ! Возьмите же совѣсть, господа, и не увѣряйте насъ, что Богъ творитъ чудеса по вашей командѣ!»

19-го сентября, вечеромъ, Гавацци дѣйствительно проповѣдывалъ опять на томъ же мѣстѣ, и очень хвалилъ св. Дженнаро, даже назвалъ его «galantuomo» за то, что онъ пунктуально совершилъ свое обычное чудо... Затѣмъ онъ дѣлалъ очеркъ борьбы за свободу въ Италіи, увѣщевалъ продолжать ее неутомимо, возставалъ опять противъ дурныхъ священниковъ, противъ церковныхъ судовъ и тюремъ, установленныхъ въ Неаполѣ вслѣдствіе конкордата, и возбуждалъ къ учрежденію въ Неаполѣ домовъ призрѣнія и дѣтскихъ пріютовъ.

Затѣмъ, еще нѣсколько разъ проповѣдывалъ онъ: противъ іезуитовъ, когда было рѣшено ихъ изгнаніе, въ пользу присоединенія, передъ самымъ вотированіемъ, и пр. Каждый разъ онъ былъ принимаемъ съ восторгомъ и каждый разъ темы его проповѣдей были жизненны и близки къ положенію народа и сопровождались болѣе или менѣе ощутительными практическими послѣдствіями.

Отецъ Гавацци былъ поставленъ въ совершенно исключительное положеніе въ своей проповѣднической дѣятельности въ Неаполѣ, часть которой мы сообщили читателямъ. Его нелѣпо было бы ставить общимъ образцомъ для другихъ католическихъ проповѣдниковъ. Но, съ другой стороны, нельзя не согласиться съ справедливостью упрековъ, которые онъ дѣлаетъ неаполитанскому духовенству. Оно дѣйствительно унижало себя и вооружало противъ себя общее мнѣніе тѣмъ, что не хотѣло понять новое движеніе и принять въ немъ участіе. Духовенство въ южной Италіи—въ неаполитанскихъ и римскихъ владѣніяхъ—вообще отличается невѣжествомъ и самыми порочными наклонностями. Вслѣдствіе безбрачія, рѣдкій изъ духовенства не замѣшивается здѣсь въ какой-нибудь женской скандальной исторіи... и даже не только женской... Кромѣ того, ихъ всѣхъ, а нѣкоторые монашескіе ордена въ особенности, обвиняютъ въ страшной жадности къ деньгамъ; бѣлое же духовенство подвергается повсемѣстно упреку въ сластолюбіи и чрезмѣрной прожорливости... Анекдоты о кардиналахъ, монахахъ, кюре, отцахъ духовныхъ (padre confessore) неисчислимы по всей Италіи; самыя рѣзкія примѣненія, самыя обидныя остроты и пословицы про нихъ приходится слышать на каждомъ шагу. Трудно повѣрить, чтобы народъ столь суевѣрный, такъ боящійся своего духовенства, въ то же время такъ издѣвался надъ нимъ. И однако же духовные въ Италіи сумѣли довести себя до этого. Въ Римѣ ихъ ненавидятъ, но, конечно, боятся, потому что они вмѣстѣ съ тѣмъ и властители страны. Въ Неаполѣ тоже боялись, потому что духовенство всегда пользовалось покровительствомъ Бурбоновъ и нерѣдко, какъ утверждаютъ, помогало полиціи въ ея розыскахъ, выдавая тайну исповѣди. Слѣдовательно, и здѣсь духовенство было въ нѣкоторомъ родѣ *властію*, начальствомъ, могло погрозить тюрьмою и исполнить угрозу, могло и открыть путь къ почестямъ. Но любви народной оно не успѣло заслужить чрезъ это и еще болѣе потеряло въ общемъ мнѣніи въ послѣднее время владычества Бурбоновъ: оно не поняло своего положенія и не перевернулось вѣ-время...

Либеральное направленіе въ Неаполѣ невидимо возростало и усиливалось за долго

---

[1]) Несовершеніе чуда (разжиженіе крови св. Дженнаро) принято было бы за гнѣвъ небесный и могло произвести значительные безпорядки. Еще въ 1799 г. духовенство хотѣло не дѣлать чуда, когда въ Неаполь вошелъ Шампіоннэ; но Шампіоннэ обѣщалъ повѣсить архіепископа, если черезъ четверть часа чуда не будетъ,—и оно было. *Прим. Д.*

[2]) Тономъ Гавацци нечего соблазняться—неаполитанцы вообще любятъ обходиться со своими святыми за панибрата. *Прим. Д.*

до прихола Гарибальди. Но правительство Франческо не хотѣло придавать ему рѣшительнаго значенія и полагало, что можно порѣшить съ нимъ нѣсколькими арестами и казнями. Эту увѣренность вполнѣ раздѣляло и духовенство неаполитанское. Не ожидая торжества новыхъ идей, оно продолжало льнуть къ бурбонскому правительству и выказывать ему свое усердіе. Правда, что съ Бурбонами связывало клиръ единство началъ и стремленій, а противники Бурбоновъ были уже, по самому существу дѣла, врагами духовенства, въ особенности монашескихъ орденовъ. Но все же, вѣроятно, всѣ эти кардиналы и аббаты оказали бы менѣе усердія, если бы предвидѣли рѣшительное паденіе Бурбоновъ: тогда бы они, вѣроятно, не занимались *слишкомъ* политикой, какъ говоритъ Гавацци. А то теперь они, вѣрные своимъ покровителямъ, принялись за самую непопулярную проповѣдь. Прежде ихъ проповѣди просто были безплодны и мертвы, толковали о святости католической церкви въ отвлеченіи, о духовномъ совершенствѣ, достижимомъ для однихъ избранныхъ, о догматѣ иммакулатнаго зачатія, и пр. т. п. Но теперь принялись наполнять свои бесѣды намеками и прямыми выходками противъ итальянскаго движенія, Гарибальди, Виктора-Эммануила и пр. Само собою разумѣется, что это былъ плохой разсчетъ: заказныя увѣщеванія ни на кого не дѣйствовали, а только развѣ раздражали умы противъ проповѣдниковъ. Тутъ-то особенно они въ общемъ мнѣніи и наложили на себя то позорное пятно, которое смыть истиннымъ патріотизмомъ убѣждаетъ ихъ Гавацци.

Противъ Гавацци сильно возставали клерикальныя газеты, не говоря о запрещеніяхъ и преслѣдованіяхъ со стороны римскаго двора. Проповѣдническую дѣятельность отца Гавацци честили именемъ анархическаго агитаторства, признавали ее противною не только христіанству, но и всякой религіи. Изъ довольно полнаго очерка проповѣдей его, сдѣланнаго нами, видно, до какой степени справедливы эти обвиненія. Правда, Гавацци отличается отъ истыхъ проповѣдниковъ католической церкви въ содержаніи своихъ бесѣдъ съ народомъ: онъ рѣзко нападаетъ на бурбонское правительство, нападаетъ на раболѣпство и эгоизмъ духовенства, на монастырское воспитаніе дѣвицъ, даже на свѣтскую власть папы; онъ смѣется надъ мнимымъ чудомъ крови св. Дженнаро, восхваляетъ отлученнаго отъ церкви Гарибальди и его волонтеровъ, и т. д. Но если взять христіанство въ истинномъ его смыслѣ, безъ тѣхъ прибавокъ и искаженій, которымъ оно подверглось въ римско-католической церкви, то едва ли Гавацци будетъ къ нему не ближе, чѣмъ кардиналы и аббаты какъ относительно догматовъ, такъ и въ самомъ духѣ своего ученія. Гавацци, напримѣръ, не признаетъ обязательнымъ безбрачія духовенства; на обвиненія, что онъ женатъ, онъ отвѣчалъ публично, въ одной бесѣдѣ съ народомъ: «я бы не счелъ этого грѣхомъ и не побоялся бы сказать, если бы это было правда: но я не женатъ, потому что у меня одна любовь, одна жена—это Италія». Мы знаемъ, что въ этомъ вопросѣ онъ правѣе римскаго двора. Тоже и въ отношеніи къ вопросу о свѣтской власти папы. Но главное—то, что по самому духу своей проповѣди онъ гораздо ближе къ смыслу евангелія, нежели римскій дворъ и его клевреты. Въ стремленіяхъ къ расширенію своей свѣтской власти римское духовенство вошло въ тѣсныя обязательства съ правительствами и теперь поставлено въ такое положеніе, что должно употреблять всѣ свои силы не на пользу народа, а противъ него, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является столкновеніе интересовъ народа съ правительственными. А это было и бываетъ въ католическихъ земляхъ очень нерѣдко. Въ Неаполѣ, напримѣръ, народъ былъ угнетаемъ, подвергался безпрестанно самымъ жестокимъ несправедливостямъ, страдалъ подъ тяжестью произвола и подкупности чиновниковъ, жадности землевладѣльцевъ и свирѣпой подозрительной полиціи. Дѣло духовенства было, разумѣется, по закону Христову,—защитить угнетенныхъ, сказать слово правды за праваго, обличить обидчика; но объ этомъ духовенство и не думало. Напротивъ, основывая всю свою силу на покровительствѣ Бурбоновъ и знатныхъ лицъ, оно дѣлалось по необходимости поборникомъ неправосудія, произвола, насилія; оно помогало священными средствами полицейскимъ розыскамъ, оно извращало народный смыслъ, толкуя ему только о его презрѣнности, ничтожности, и убѣждая въ законности и правдѣ всякихъ гадостей, выдумывавшихся какимъ-нибудь Делькаррето, Манискалько, Айоссою и другими безсовѣстными и свирѣпыми сановниками Обѣихъ Сицилій. Такимъ образомъ, церковь, въ своихъ неаполитанскихъ представителяхъ, рѣшительно уклонилась отъ смысла Христова ученія и сдѣлалась не поборницею правды и братской любви, а рабою сильныхъ міра сего, предательницею и обманщицей меньшихъ братій. И это вовсе не было удивительно послѣ того, какъ римское духовенство уже разъ разошлось съ народомъ и нашло себѣ опору въ тѣхъ, чьи интересы были прямо

противоположны народнымъ. Нельзя было ему начать говорить правду, потому что тогда всѣ власти Обѣихъ Сицилій, да и самъ римскій дворъ, возстали бы противъ него, а народъ вовсе не расположенъ былъ его поддерживать. Поэтому и тянулась между бурбонскимъ правительствомъ и католическимъ духовенствомъ та круговая порука, при которой они, подкрѣпляя другъ друга, смѣло шли къ большему и большему отягченію судьбы народа... Но странно одно: что католическое духовенство, весьма хитрое и ловкое, при всемъ своемъ теоретическомъ невѣжествѣ, не поняло своего положенія и не разсчитало своихъ шансовъ въ послѣдніе годы. Теперь большая часть поповъ и въ Неаполѣ стала либеральна, то-есть, расположена къ конституціи, дурно говоритъ объ Австріи и Бурбонахъ и даже порою произноситъ трогательныя тирады въ честь ревнителей свободы и мучениковъ итальянской идеи. Но, какъ видно, обращеніе ихъ не придало имъ особеннаго вѣса въ общественномъ мнѣніи: въ Неаполѣ нерѣдко съ насмѣшливой улыбкой выслушиваютъ этихъ либеральныхъ проповѣдниковъ, съ небольшимъ за годъ призывавшихъ громы небесные на главы вольнодумцевъ, противящихся законному порядку, установленному бурбонскими начальниками полиціи. Можетъ быть, этихъ улыбокъ было бы и меньше или совсѣмъ не было, если бы священники и монахи католическіе — ужъ не говоримъ, прониклись истиннымъ евангельскимъ духомъ, а хоть бы сдѣлали вѣрный разсчетъ о томъ, въ какомъ они находятся положеніи, и что̀ ихъ ожидаетъ въ скоромъ времени. Имъ виднѣе другихъ было бы расположеніе умовъ въ Неаполѣ и въ Сициліи: вѣдь они завѣдывали воспитаніемъ и исповѣдью. Они знали и видѣли, что̀ терпитъ народъ, въ какой мѣрѣ онъ озлобленъ, хотя и молчаливо, внутренно озлобленъ. Имъ была извѣстна частная жизнь, семейныя и гражданскія отношенія всѣхъ и каждаго; они могли скорѣй всѣхъ другихъ сообразить, насколько тяжелъ для неаполитанцевъ существующій порядокъ, и надолго ли еще станетъ ихъ терпѣнія... Зная же все это, они могли и должны были во всякомъ случаѣ, даже въ качествѣ друзей Бурбоновъ, заговорить другимъ языкомъ, принять другой образъ дѣйствій; не подлольстивыя восхваленія сильныхъ лицъ, а правдивыя обличенія и угрозы должны были говорить они, даже хоть бы въ тѣхъ видахъ, чтобы спасти правительственную партію отъ окончательно гибельныхъ безумствъ и открыть ей глаза на настоящее положеніе дѣлъ. Да и народу они должны были бы внушать здравыя понятія о его правахъ, объ общественныхъ отношеніяхъ, о значеніи его въ государствѣ, — затѣмъ, чтобы разумно и послѣдовательно провести его къ практикѣ благоустроенной гражданской жизни,—а не разглагольствовать о его презрѣнности и низости, чтобы тѣмъ все болѣе раздражать его и заставить прямо броситься изъ-подъ полицейской палки въ пламя революціи.

Такъ, говоримъ, должны бы дѣйствовать католическіе проповѣдники и вообще духовные, даже въ качествѣ друзей бурбонской партіи, если бы они только сдѣлали вѣрный разсчетъ о положеніи дѣлъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Очень можетъ быть, впрочемъ, что многіе изъ нихъ и дѣлали подобный разсчетъ; умнѣйшіе изъ клира понимали давно, что бурбонскій порядокъ непроченъ, но у нихъ недоставало характера перевести свой разсчетъ въ практику. Да при томъ же и римскій дворъ много мѣшалъ: рѣшиться противодѣйствовать нелѣпому произволу бурбонскихъ сановниковъ, значило навлечь на себя негодованіе не только свѣтской власти, но и своей духовной, всегда требовавшей отъ низшаго клира полнаго угожденія тѣмъ правительствамъ, которыя хорошо себя ведутъ въ отношеніи къ римскому двору. Такимъ образомъ, съ одной стороны, малодушная боязнь лишиться нѣкоторыхъ привилегій матеріальныхъ, а съ другой— не менѣе малодушный страхъ предъ осужденіемъ даже, пожалуй, отлученіемъ папскимъ, — удерживали даже умнѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ, и неаполитанское духовенство продолжало раболѣпствовать неправой власти и предавать народъ произволу его угнетателей.

Немногіе, самые смѣлые, презрѣли матеріальныя выгоды и обрекли себя на изгнаніе, преслѣдованія, скитальческую жизнь, чтобы возвѣщать народу слово правды, чтобы громить сильныхъ угнетателей. Въ числѣ ихъ особенно выдается Гавацци. Можно ли осуждать его за выходки противъ Бурбоновъ и ихъ клевретовъ? Можно ли утверждать, что онъ въ проповѣдяхъ своихъ далѣе отъ духа Христова ученія, нежели раболѣпный клиръ, благословлявшій и защищавшій столько неправдъ и жестокостей при Бурбонахъ? Говорятъ, слово Христово—есть слово мира и любви, а не мщенья и проклятія... Но вѣдь къ любви и согласію постоянно призываетъ Гавацци въ своихъ проповѣдяхъ; онъ даже съ особеннымъ стараніемъ сдерживаетъ народное негодованіе противъ бурбонскихъ приверженцевъ, онъ считаетъ необходимымъ сдѣлать различіе между ними и самыхъ худшихъ «палачей» совѣтуетъ призвать къ обще-

ственному суду, но не оскорблять напрасно... А что онъ рѣзко выражается противъ самихъ Бурбоновъ, такъ вѣдь не надо забывать, что онъ говорилъ въ первыя минуты по ихъ изгнаніи, когда еще у Франческо было войско, когда онъ еще каждый день грозилъ вернуться въ Неаполь. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, Гавацци являлся обличителемъ сильнаго, а примѣры подобныхъ обличеній завѣщали христіанству еще израильскіе пророки. Если онъ непочтительно говорилъ о папѣ и кардиналахъ, то вѣдь они этого заслуживали, и въ этомъ случаѣ мягкость съ ними была неумѣстна: самъ Христосъ изгонялъ бичемъ изъ храма Іерусалимскаго продающихъ и купующихъ.

Другіе нападаютъ на Гавацци болѣе умѣреннымъ образомъ за то, что онъ позволилъ себѣ профанировать священный санъ свой и церковную каѳедру разсужденіями о вещахъ, нисколько не относящихся къ религіи. На это опять можно отвѣчать сравненіемъ его проповѣдей съ поученіями тѣхъ, кто его обвиняетъ. Трудно вообразить себѣ что-нибудь мертвѣе и отвлеченнѣе обычныхъ поученій католическихъ священниковъ. Они, правда, говорятъ о предметахъ возвышенныхъ и святыхъ, напримѣръ, нерѣдко о догматахъ католической церкви: о таинствѣ св. Троицы, объ иммакулатномъ зачатіи св. Дѣвы, о святости римской церкви—противъ лютеранскихъ ересей о заступничествѣ святыхъ за грѣшниковъ, и т. п. Но все это большею частью пропадаетъ даромъ для слушателей, не имѣя къ нимъ никакого приложенія, не расшевеливая въ нихъ никакой доброй мысли, никакого благороднаго чувства. Чаще же католическіе проповѣдники толкуютъ о предметахъ нравственности; здѣсь, казалось бы, и они должны коснуться дѣйствительной жизни, заговорить о предметахъ «свѣтскихъ», для того, чтобы подѣйствовать хоть на вниманіе своихъ слушателей. Но они держатся другой системы; берутъ каждый предметъ отвлеченно отъ жизни, говорятъ такъ, какъ говорили бы тысячу лѣтъ назадъ, нисколько не обращая вниманія на новыя потребности жизни. Разсуждая, напримѣръ, объ одеждѣ или пищѣ, приводятъ мнѣнія св. Августина или Ѳомы Кемпійскаго, какъ послѣдніе доводы, и затѣмъ повторяютъ рутинныя, всѣмъ прискучившія и всѣми пятьдесятъ разъ слышанныя сентенціи о скромности, умѣренности и т. п. Вообще—постъ, молитва, покаяніе предъ духовникомъ, смиреніе, терпѣніе—вотъ любимыя темы католическихъ проповѣдниковъ. Иногда берутъ предметы позатѣйливѣе; напримѣръ, захочетъ проповѣдникъ поговорить о цѣломудріи, и начнетъ доказывать, какъ оно равняетъ человѣка съ ангелами, какъ приводитъ прямо къ Богу, мимо даже чистилища, какъ передъ нимъ меркнутъ всѣ добродѣтели, и—въ результатѣ проповѣди чуть ли не проклятіе на супружескія отношенія, которыя только и честятся «бѣсовскимъ соблазномъ», «животными поползновеніями», «грѣхомъ нечистой и мерзкой плоти нашей» и т. п. Спрашивается, можно ли ожидать нравственной пользы для слушателей отъ подобныхъ поученій, которыя сами у себя отнимаютъ всякій практическій смыслъ и если перестаютъ быть скучными и пошлыми, то лишь за тѣмъ, чтобы оказаться вздорно-эксцентричными?

Одно, чего проповѣдники не выпускаютъ изъ виду въ жизненныхъ отношеніяхъ, это—свои собственныя выгоды. Рѣдкая проповѣдь не ведетъ—прямо или косвенно—къ пожертвованіямъ въ пользу церкви, т.-е. ея служителей. Тутъ проповѣдники не боятся профанировать своей каѳедры. Иногда, правда, они не говорятъ прямо о деньгахъ, но толкуютъ, напримѣръ, о спасительности нѣсколькихъ мессъ, отслуженныхъ для какой-то цѣли, или о необходимости исповѣди и индульгенціи... А тамъ ужъ торгъ совершается за кулисами... Впрочемъ, въ послѣдніе годы цѣлыя проповѣди говорились единственно для возбужденія христіанъ на пожертвованіе въ сборъ «Лепты св. Петра». При этомъ объяснялось, разумѣется, великое достоинство пожертвованія въ ряду добродѣтелей христіанскихъ, говорилось о скорбяхъ святого отца, призывалась кара небесная на главу его враговъ и пр... Все это, по мнѣнію римскихъ теологовъ, не профанировало церковной каѳедры. А рѣчи Гавацци профанировали!..

Но почему же? Потому ли, что Гавацци говорилъ несогласно съ инструкціями римскаго двора? Или потому, что бесѣдовалъ съ народомъ простымъ языкомъ, не уснащеннымъ латинскими текстами, непонятными для народа? Кажется, и то и другое говоритъ не въ пользу порицателей нашего проповѣдника.

Къ счастью, можно надѣяться, что взглядамъ католическихъ мудрецовъ недолго остается торжествовать надъ здравыми убѣжденіями. Въ Италіи, вмѣстѣ съ ея политическимъ возрожденіемъ, развивается также и истинное понятіе о духѣ Христова ученія; уже многіе понимаютъ, что представителя его вовсе не нужно искать въ корпораціи римскихъ епископовъ и аббатовъ со всѣми ихъ подраздѣленіями, и прерываютъ съ ними всякія духовныя отношенія. Съ водвореніемъ итальянской національности въ Римѣ падаетъ послѣдній оплотъ католическаго обскурантизма, и духовенство,

потерявъ свои феодальныя, несправедливыя привилегіи и увидѣвъ невозможность долѣе обманывать народъ, вѣроятно, уменьшится въ числѣ, но зато возвысится нравственно, вступивъ на путь полезной гражданской дѣятельности для проведенія въ народъ идей здравыхъ и истинно полезныхъ.

---

415. Изъ Турина.

Напечатано въ III кн. «Современника» 1861 года (ценз. 15 марта) за подписью «Н. Т—новъ». Статья имѣетъ важное значеніе, какъ опредѣленный взглядъ Добролюбова на *политику во благо правительству* династіи и буржуазіи и во вредъ народу,—на либеральное самоуслажденіе въ устраиваемыхъ самимъ правительствомъ парламентахъ,—на значеніе радикаловъ, не умѣющихъ стать рядомъ съ народомъ. Въ ней разлито много намековъ и на то, что̀ было очень хорошо понятно русскому обществу.

Насколько для русской журналистики было ново и необычно такое освѣщеніе западно-европейской жизни, такое правдивое слово по адресу либераловъ кавуровскаго типа, видно изъ воплей и ужаса «Отечественныхъ Записокъ», этого типичнаго органа постепеновщины и вѣры въ дѣйствительность внѣшнихъ формъ конституціонализма. Поэтому мы остановимся на этомъ литературномъ эпизодѣ съ тою подробностью, какой онъ заслуживаетъ со стороны всякаго, желающаго понять роль политическихъ статей Добролюбова и впечатлѣніе, произведенное ими на тогдашнее либеральное большинство.

Уже въ мартовскомъ политическомъ обозрѣніи 1861 года Н. В. Альбертини (не подписывавшій своихъ обозрѣній, а на это и слѣдующее получившій, разумѣется, особую редакціонную санкцію) какъ бы приготовлялъ публику къ страшному грому своего гнѣва въ апрѣлѣ. «Въ писаніяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ мы находимъ много такого, съ чѣмъ не только не можемъ согласиться, но что̀ должны преслѣдовать и что́ будемъ преслѣдовать по мѣрѣ нашихъ силъ. Мы ненавидимъ всякое легкомысленное отношеніе къ жизненному или научному вопросу, и не только къ самому вопросу, къ началу, къ идеѣ, но также и къ тѣмъ людямъ, которые служатъ ихъ представителями, которые для нихъ работаютъ. Мы ненавидимъ наглыя глумленія надъ тѣмъ, что̀ достойно, что̀ благотворно, во что̀ мы вѣруемъ, во что̀—мы позволяемъ себѣ думать—вѣруютъ и всѣ, у кого душевная пустота не уничтожила всякой потребности живой вѣры... Съ тою безразборчивостью, которая характеризуетъ бездушнаго эгоиста, человѣка безъ убѣжденій, или *несчастнаго желчевика* (слово, употребленное раньше Герценомъ по адресу «Современника»—*М. Л.*), они относятся безразлично и къ великому и къ низкому, и къ достойному и къ наглому. Для всего готово у нихъ одно и то же мнѣніе, одинъ и тотъ же критерій. Въ воззрѣніяхъ этихъ публицистовъ все, кромѣ ихъ собственныхъ чревовѣщаній, а можетъ быть и эти самыя чревовѣщанія (только этого не доставало), возводятся къ одному высшему вздору; у нихъ одна непреложная теорія—теорія вздора, одно неоспоримое убѣжденіе—убѣжденіе въ томъ, что все на свѣтѣ вздоръ. Мы не обращали до сихъ поръ вниманія на этихъ публицистовъ, потому что считали ихъ дѣятельность если безполезною, то и безвредною... Но вышло не такъ: бываетъ возрастъ, когда гаерство и скоморошничанье не просто забавляютъ, но увлекаютъ, заражаютъ своимъ примѣромъ. Ребята въ извѣстномъ возрастѣ, насмотрѣвшись на ломанье балаганныхъ паяцовъ (тоже изъ прозвищъ, брошенныхъ «Современнику» Герценомъ въ статьѣ Very dangerus!!! — *М. Л.*), начинаютъ сами ухищряться въ подобныхъ же штукахъ... Съ легкой руки «Современника» легкомысленное отношеніе къ вопросамъ науки, жизни, ко всему тому, что̀ мы считаемъ общественнымъ дѣломъ, находитъ себѣ болѣе и болѣе подражателей. (Дальше идетъ рѣчь о подражаніи «Современнику» Благосвѣтлова въ «Русскомъ Словѣ»—*М. Л.*). Неужели же русской публицистикѣ суждено быть гаерствомъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Вѣря въ будущность русскаго общества, мы этого крѣпко ожидаемъ, но до тѣхъ поръ, пока наши надежды не исполнятся, мы не перестанемъ называть праздныя забавы нашихъ публицистовъ простымъ гаерствомъ, будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на непозволительныя шалости баловливыхъ ребятъ».

Такова, повторяю, была интродукція

къ шумному, бравурному маршу, подъ звуки котораго либеральная часть общества встрѣчала окрѣпшую уже радикальную часть русской печати, съ «Современникомъ» во главѣ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Отеч. Записокъ», опять въ политическомъ обозрѣніи, и опять тотъ же Альбертини, съ благословенія всей редакціи, состоявшей изъ Дудышкина, Громеки, Бестужева-Рюмина, Розенгейма и др., выступилъ уже прямо противъ Добролюбова.

«*Письмо изъ Турина* своимъ изяществомъ превосходитъ все, до сихъ поръ напечатанное въ «Современникѣ». Видите ли, въ чемъ состояла задача этого письма. Есть въ Европѣ одинъ уголокъ, о которомъ существуетъ въ народѣ доброе мнѣніе: тамъ, въ этомъ уголкѣ божьяго міра люди вѣрятъ, имѣютъ убѣжденія, увлекаются, и силою своей вѣры, своихъ убѣжденій, своего увлеченія творятъ великія дѣла, такія дѣла, какихъ въ наше время не творятъ нигдѣ, потому что въ другихъ мѣстахъ нѣтъ той вѣры, того увлеченія, той страстной преданности общественному дѣлу, какъ въ этомъ счастливомъ уголкѣ. Тамъ существуетъ самая тѣсная связь между правительствомъ и народомъ: правительство поступаетъ совершенно въ духѣ народа, искренно старается объ удовлетвореніи его потребностей, а народъ, съ своей стороны, любитъ свое правительство, которое считаетъ лучшимъ въ мірѣ, гордится имъ, искренно ему преданъ. Во главѣ правительства въ этомъ уголкѣ божьяго міра стоитъ великій государственный человѣкъ, которому равнаго, по общему убѣжденію, нѣтъ въ настоящее время въ Европѣ. «Современнику» нужно, чтобъ ничего этого не было, чтобъ все это было не болѣе, какъ чистымъ вздоромъ, порожденіемъ тупого идіотизма или младенческаго легковѣрія. Какъ можетъ быть на свѣтѣ такой уголокъ, гдѣ люди вѣрятъ, гдѣ живутъ въ самомъ дѣлѣ хорошіе люди, достойные полнаго уваженія, гдѣ у людей есть твердыя, сознательныя убѣжденія, благородныя намѣренія, гдѣ люди дѣйствуютъ во имя великихъ идей, высокихъ стремленій, гдѣ эти люди, съ своими стремленіями, съ своими увлеченіями творятъ великія дѣла?! Какъ можетъ быть на свѣтѣ умный народъ! Можетъ ли человѣкъ, стоящій на такой высотѣ въ общественномъ мнѣніи, какъ, напримѣръ, графъ Кавуръ, быть великимъ человѣкомъ, благороднымъ дѣятелемъ? Надобно разбить всѣ эти нелѣпости. И вотъ является «Письмо изъ Турина», въ которомъ уже не помоями—нѣтъ, этого мало, а растворомъ ассафетиды, какою-то такою гадостью, которой уже нѣтъ названія, облито все, что составляетъ славу, величіе современной Италіи, чѣмъ она гордится, на что съ удивленіемъ, съ восторгомъ, съ уваженіемъ смотрятъ добрые люди во всѣхъ частяхъ свѣта. «Высокія стремленія въ итальянскомъ народѣ!.» Гдѣ они? Ихъ нѣтъ, говоритъ корреспондентъ «Современника», есть только одно громадное мошенничество. «Великіе, благородные люди освободили Италію!». Гдѣ они? Все мошенники или ихъ кабальные; я все видѣлъ такихъ господъ, говоритъ корреспондентъ, а порядочныхъ людей не видалъ. Мошенничаетъ нынѣшнее итальянское правительство, великій мошенникъ—его глава, графъ Кавуръ, а всѣ остальные его кабальные. Самъ онъ не мошенничаетъ и держитъ всѣхъ въ кабалѣ ни для чего иного, какъ, такъ себѣ, для удовольствія: у него ужъ натура такая, чтобъ обманывать да держать всѣхъ въ кабалѣ. «Народъ итальянскій вѣритъ въ свои силы, въ свою будущность, увлеченъ сильнымъ движеніемъ жизни, полонъ свѣжихъ силъ!» Вздоръ все это! Народъ въ Италіи глупъ, какъ и вездѣ, онъ ничего не смыслитъ въ томъ, что дѣлается; его кругомъ обманываютъ Кавуръ и его кабальные и дѣлаютъ изъ него, что имъ хочется. Ничего хорошаго не нашелъ корреспондентъ «Современника» въ Италіи, видѣлъ въ ней однѣ гадости, однихъ гадкихъ людей и объ этомъ онъ докладываетъ русскимъ читателямъ.

«Таковъ смыслъ статьи, а господствующій тонъ въ ней, ея манеру передать невозможно. Это такой верхъ умственнаго и нравственнаго безобразія и цинизма, о которомъ трудно составить себѣ понятіе, не понюхавъ одуряющаго смраднаго запаха самой статьи..... Мы понимаемъ голосъ истиннаго негодованія, крикъ отчаянія, крикъ боли, когда въ самомъ дѣлѣ наросло въ насъ негодованіе, когда мы настрадались отъ боли; мы понимаемъ насмѣшку, иронію, сатиру, каррикатуру,—все это законныя средства выраженія мысли, но на что негодуетъ, за что отчаевается, о чемъ болѣзнуетъ «Современникъ»? Что скрывается за его словами? Для чего ему нужно, чтобъ все на свѣтѣ, все великое и смѣшное, подводилось подъ общій уровень вздора, гадости, мерзости? Никакого дѣла нельзя дѣлать безъ вѣры, безъ убѣжденій, безъ любви, безъ увлеченій. Читатели «Современника» узнаютъ теперь, что величайшее изъ явленій XIX вѣка совершилось, благодаря единственно продѣлкамъ графа Кавура, да и самъ-то Кавуръ не что иное, какъ слабоумный господинъ, въ родѣ того поручика, о которомъ разсказываетъ Жевакинъ въ комедіи Гоголя».

Таковъ былъ побѣдный маршъ «Отечественныхъ Записокъ», шедшихъ на бастіоны «Современника»... Такъ понимались мысли нарождавшагося радикализма... Въ резервѣ либеральныхъ силъ журналистики стояла, между прочимъ, «Русская Рѣчь», издававшаяся съ января 1861 года въ Москвѣ подъ редакціей графини Е. В. Саліасъ де-Турнемиръ (Ев. Туръ) при сотрудничествѣ Е. М. Ѳеоктистова (потомъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати), Буслаева, Тихонравова, К. К. Герда, Афанасьева, А. Головачева, Забѣлина, Кохановской, Лѣскова, С. Соловьева, Суворина и др. Въ 28 номерѣ этого журнала была напечатана не менѣе громоносная статья подъ заглавіемъ: «Нѣчто о невѣжествѣ въ нашей литературѣ». Вотъ выдержка изъ нея:

«Невѣжество проявлялось и прежде, но оно было застѣнчиво, пряталось при первомъ щелчкѣ, который случалось ему получить, оно не забывало еще о существованіи на землѣ чувства стыда и приличія. Невѣжество въ текущей литературѣ выступаетъ впередъ безъ зазору, съ наглостью, съ полнымъ сознаніемъ непонятныхъ для другихъ правъ; мало того — оно гордится самимъ собою, какъ бы чувствуетъ, что чѣмъ рѣзче будетъ говорить оно, тѣмъ сильнѣе пробудятся къ нему симпатіи публики... Не разъ, но тщетно старались мы найти разгадку слѣдующему явленію. Въ Европѣ существуетъ несравненно болѣе партій, чѣмъ у насъ, и каждая изъ этихъ партій имѣетъ несравненно болѣе raison d'être, чѣмъ многія изъ нашихъ. Всѣ онѣ отстаиваютъ не призрачные, а самые существенные, самые жизненные интересы общества; торжество или паденіе какой-либо изъ нихъ отзывается нерѣдко на всемъ благосостояніи ея приверженцевъ. При такой борьбѣ, проявляющейся не на бумагѣ только, а во всѣхъ сферахъ общественной жизни, полемикѣ слѣдовало бы отличаться, казалось, особенно рѣзкимъ и запальчивымъ характеромъ. Несмотря на это, мы убѣждены, что едва-ли въ европейской литературѣ найдется нѣсколько образчиковъ того безобразнаго тона въ приговорахъ и сужденіяхъ, которыми отличаются наши такъ называемые *публицисты*...» Какъ примѣръ беззастѣнчиваго невѣжества, «Русская Рѣчь» указываетъ на статью Добролюбова.

«Въ какой степени прилично литературнымъ дѣятелямъ хвататься за подобный способъ просвѣщенія публики и вслѣдствіе того разыгрывать роль, въ которой отличался прежде Ѳ. В. Булгаринъ. Почтенный писатель этотъ, если бъ дни его не сочтены были слишкомъ рано, опередилъ бы теперь, вѣроятно, многихъ въ нападкахъ на Кавура, Росселя [статья Благосвѣтлова въ «Русскомъ Словѣ»—*М. Л.*], Пальмерстона, Маколея, Токвиля и другихъ. Но подъ писаніями его всегда стояло его имя — ecce homo! и служило такимъ образомъ нѣкоторымъ предохраненіемъ отъ его увлеченій. Что же приходится сказать о писателяхъ, не долженствовавшихъ бы имѣть ничего съ нимъ общаго, которые прикрываются гуманными, либеральными идеями и въ то же время, не считая нужнымъ излагать подробно своихъ теорій, безъ объясненій и бездоказательно предаютъ позору и поруганію все то, противъ чего ратовалъ знаменитый ветеранъ нашей журналистики. Гдѣ болѣе вреда для общества?»

«Отечественныя Записки» заявили о своемъ полномъ присоединеніи къ этой «блестящей» статьѣ...

Очень близокъ къ ихъ взгляду былъ и такой столпъ либерализма, какъ Тургеневъ. Его отношеніе къ этой статьѣ Добролюбова и къ № 419 мы ясно видимъ въ «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ», написанныхъ въ 1868 году, когда, слѣдовательно, многое изъ событій 1861 года уже улеглось въ памяти и чувствахъ.

«Не въ пору гость хуже татарина», гласитъ пословица; не въ пору возвѣщенная истина хуже лжи, не въ пору поднятый вопросъ только путаетъ и мѣшаетъ. Бѣлинскій никогда бы не позволилъ себѣ той ошибки, въ которую впалъ даровитый Добролюбовъ: онъ не сталъ бы, напримѣръ, съ ожесточеніемъ бранить Кавура [1]), Пальмерстона, вообще парламентаризмъ, какъ неполную и потому невѣрную форму правленія. Даже допустивъ справедливость упрековъ, заслуженныхъ Кавуромъ, онъ бы понялъ всю несвоевременность (у насъ, въ Россіи, въ 1861 г.) подобныхъ нападеній; онъ бы понялъ, какой бы партіи онъ долженъ былъ оказать услугу, кто бы порадовался имъ!» («Сочиненія», т. XII, 30).

Могъ ли написать что-нибудь другое типичнѣйшій изъ либераловъ, Тургеневъ? Могъ ли также кто-нибудь другой, кромѣ личнаго врага, привести это примѣчаніе, воображая, что молодой салонный картежникъ являлся дѣйствительнымъ ученикомъ Добролюбова?! Никому изъ крѣпостниковъ, угнетателей и реакціонеровъ статья эта, конечно, не была любезна и пріятна, по-

---

[1]) «Пишущій эти строки своими ушами слышалъ, какъ одинъ молодой почитатель Добролюбова, за карточнымъ столомъ, желая упрекнуть своего партнера въ сдѣланной имъ грубой ошибкѣ, воскликнулъ: «Ну, братъ, какой же ты Кавуръ!» Признаюсь, мнѣ стало грустно: не за Кавура, разумѣется!» *Прим. Тургенева.*

тому что понять ее можно только въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ, а извѣстно, какъ они «сочувствовали» такому строю политическихъ убѣжденій. См. замѣтку въ № 405.

Кромѣ того, не могу не указать и на массу цензурныхъ искаженій въ статьѣ, иногда очень существенныхъ для усвоенія мысли Добролюбова. Они были вызваны и вообще духомъ нашей «свободы» печати и особымъ циркуляромъ по цензурѣ отъ 21 апрѣля 1861 года. Циркуляръ настолько любопытенъ, что я приведу его полностью:

«Въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ весьма часто появляются подробныя описанія политическихъ переворотовъ, сопровождаемыя иногда (особенно въ переводныхъ сочиненіяхъ) оправданіями ихъ общими теоретическими ученіями и ходомъ государственнаго управленія, неотразимо влекущимъ къ реформамъ. Примѣромъ подобнаго рода статей могутъ служить восторженныя описанія итальянскаго возстанія, заключающіяся въ политическихъ обозрѣніяхъ разныхъ журналовъ: переводъ сочиненія Токвиля «Старый порядокъ и революція», приложенный къ январьской книгѣ «Библіотеки для Чтенія» за 1861 годъ, и статья «Предисловіе къ нынѣшнимъ австрійскимъ дѣламъ» (Чернышевскаго — *М. Л.*), помѣщенная въ февральской книжкѣ «Современника» за 1861 годъ. При настоящемъ взволнованномъ положеніи умовъ въ европейскихъ государствахъ нельзя не признать вреднымъ распространенія сочиненій, въ которыхъ выставляются яркія описанія революцій, необходимыхъ, будто бы, для оживленія организма государства. Неопытный читатель легко можетъ примѣнять къ положенію своей страны тѣ дѣйствительные или мнимые недостатки управленія, которые вызвали въ другихъ странахъ событія, описанныя съ желаніемъ сдѣлать изъ нихъ фактъ всеобщаго значенія. Вслѣдствіе сего Главное управленіе цензуры нужнымъ считаетъ предложить допускать къ печати съ особою осмотрительностью вышеозначеннаго рода сочиненія, и переводныя изъ нихъ дозволять единственно въ томъ случаѣ, когда они, представляя описаніе событій въ какомъ-либо государствѣ, не выводятъ изъ нихъ общихъ началъ для примѣненія въ другихъ государствахъ» («Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ», 459).

М. Л.

Европа, какъ вы знаете, превратилась теперь въ «говорильню», какъ перевелъ бы покойный Шишковъ слово «парламентъ». Не говоря объ Испаніи и Греціи, даже во Франціи устроилась маленькая говорильня. А ужъ на что, кажется, молчаливѣе нынѣшней Франціи: вотъ уже десять лѣтъ только тѣмъ и занимается, что ищетъ разгадки судебъ своихъ въ «Монитерѣ», заслужившемъ отъ самихъ же французовъ прозваніе *нѣмого* [(правильнѣе бы: *косноязычнаго*)].

Но какъ ни занимательны греческія, испанскія, прусскія и французскія рѣчи, — всѣхъ ихъ любопытнѣе представляется для просвѣщенной Европы, а слѣдовательно и для меня,—вновь устроенная говорильня въ Туринѣ. «Идея *итальянскаго* парламента,— говорилъ мнѣ одинъ нашъ соотечественникъ благороднѣйшаго образа мыслей, — имѣетъ въ себѣ что-то великое и симпатичное. Въ немъ осуществляется мысль единства Италіи, залогъ солидарности и братства народовъ, забвеніе старинной вражды и городовыхъ раздоровъ, столько вѣковъ губившихъ жизнь и свободу этой чудной страны. Мнѣ кажется, даже иностранцу невозможно будетъ безъ особеннаго сердечнаго волненія видѣть это величавое собраніе мужей совѣта, которые приходятъ со всѣхъ концовъ новаго царства, представляя въ лицѣ своемъ интересы народа, еще такъ недавно не смѣвшаго и думать о своихъ интересахъ. Подумайте»...

Впрочемъ, я вамъ пишу письмо изъ Турина, а краснорѣчивый соотечественникъ мой говорилъ мнѣ все это во Флоренціи. Слѣдовательно, оставимъ его въ сторонѣ, тѣмъ больше, что онъ не обладалъ достоинствомъ краткости. Скажу только, что отчасти по его внушеніямъ, а отчасти и по влеченію собственнаго сердца, я оставилъ градъ Медичисовъ, Леопольдовъ и Риказоли и поспѣшилъ въ Туринъ, какъ разъ къ открытію парламента.

Самаго открытія я не видалъ; отправился поздно, прождалъ парохода въ Ливорно и опоздалъ къ поѣзду желѣзной дороги въ Генуѣ. Но тѣмъ не меньше я засталъ Туринъ въ полной «парадной формѣ»: на piazza Castello, передъ «дворцомъ» Мадата, было воткнуто множество шестовъ, мѣшавшихъ свободному проѣзду экипажей и украшенныхъ трехцвѣтными знаменами; между этими шестами и между портиками, составляющими гордость улицы По, были протянуты какія-то гирлянды; по всѣмъ улицамъ торчали изъ оконъ національныя знамена съ савойскимъ крестомъ посрединѣ; стѣны тамъ и сямъ были покрыты каракулями, «хотѣвшими сказать» (по итальянскому выраженію) viva Vittorio Emmanuele, re d'Italia! Словомъ, видно было, что городъ торжествуетъ...

Было это въ воскресенье. Отправился я на piazza Castello и вижу—народъ валомъ валитъ ко дворцу. Пошелъ и я. Дошелъ до воротъ внутренняго двора, просился-было и во внутренность, но не пустили: часовые стоятъ съ ружьями и пропускаютъ только кареты. Въ первый проѣздъ мой черезъ Туринъ я не только на дворѣ былъ, но и дворецъ осматривалъ; поэтому такая строгость нѣсколько удивила меня. Спрашиваю о причинѣ; говорятъ, что дворецъ осматривать можно было, когда его величество былъ въ Неаполѣ, а теперь и на дворъ нельзя войти простому человѣку, ибо у его величества торжественная аудіенція, по случаю поднесенія ему новой короны гражданами Турина. Понялъ я тогда свое неразуміе и смиренно остановился передъ воротами — смотрѣть на генераловъ, выходившихъ изъ каретъ. Генераловъ было много, народъ глядѣлъ съ любопытствомъ на ихъ мундиры и время отъ времени произносилъ извѣстныя имена, только, кажется, не всегда впопадъ. По крайней мѣрѣ, возлѣ меня слышалось два раза: Чальдини, Чальдини,— хотя, разумѣется, Чальдини былъ въ это время подъ Мессиной, обдумывая свое знаменитое письмо къ генералу Фергола... Но народу, повидимому, не было никакого дѣла до Мессины, равно какъ и до Чивитиллы дель Тронто: ему просто хотѣлось посмотрѣть, каковъ-то, молъ, долженъ быть изъ себя Чальдини, о которомъ говорятъ такъ много и которому даже лавровый вѣнокъ изъ золота дѣлаютъ... Нѣсколько дней спустя любопытство народа насчетъ Чальдини было возбуждено и удовлетворено другимъ образомъ: въ окнѣ одного магазина золотыхъ вещей выставленъ былъ пресловутый вѣнокъ. Въ теченіе цѣлой недѣли, разъ по шести въ день, приходилось мнѣ проходить мимо этого магазина въ различные часы, но только одинъ разъ, раннимъ утромъ, удалось, читая газету, дождаться возможности пробраться къ окну и взглянуть на этотъ, довольно жиденькій презентикъ. Человѣкъ пятьдесятъ постоянно находилось у окна, во все время, пока вѣнокъ былъ выставленъ. [Подобное стеченіе любопытныхъ зрителей я помню только передъ балаганомъ Юліи Пастраны, въ Петербургѣ, въ послѣднюю масляницу ея жизни]. Говорятъ, впрочемъ, что то же самое, и даже въ бо̀льшихъ размѣрахъ, было передъ зданіемъ Инвалидовъ, въ первое время послѣ того, какъ привезли туда тѣло Наполеона.

Но я отвлекаюсь отъ разсказа о коронѣ, поднесенной Виктору-Эммануилу. Оказалось, что это было вовсе не торжественное освященіе новаго царства, какъ я думалъ съ перваго раза, а просто частная любезность туринскихъ гражданъ. Вслѣдствіе того, все дѣло и устроено было такимъ домашнимъ образомъ. Я постоялъ, послушалъ, что̀ говорятъ, половины не понялъ, и вышелъ опять на piazza Castello. Тамъ тоже кружокъ народа: слѣпой старикъ поетъ и играетъ, маленькая дѣвочка пляшетъ, по временамъ и старикъ подплясываетъ; простонародье наслаждается этимъ, какъ истиннымъ представленіемъ, и въ заключеніе, бросаетъ нѣсколько сольди; люди хорошо одѣтые и, какъ по всему видно, образованные — тоже останавливаются на нѣсколько минутъ, смотрятъ въ средину кружка съ улыбкой презрительнаго сожалѣнія и спѣшатъ удалиться, прежде чѣмъ дѣвочка начнетъ обходить кружокъ съ своей чашечкой.

Нѣсколько дальше показываются разные райки,—разумѣется, Палестро, Сольферино, Кастельфидардо и другія пьемонтскія торжества; Гарибальди, впрочемъ, тоже не исключенъ, хотя его исторія какъ-то и не совсѣмъ легко входитъ въ картину, гдѣ надо непремѣнно представить рѣзню.

Въ другомъ углу обширной площади еще кружокъ: пьемонтскій Леогаръ забавляетъ публику своими прыжками: съ нимъ прыгаетъ, возится и прибаутничаетъ вертлявая женщина, въ короткомъ платьѣ. Подошедши ближе, вы видите, что прыгунъ — пожилой, истощенный человѣкъ, а женщина — старуха съ поврежденными слезящимися глазами. Сдѣлавъ игривое движеніе, она раскрываетъ ротъ, чтобы засмѣяться; оттуда выглядываютъ нѣсколько черныхъ зубовъ, а по щекѣ катится гной, накопившійся подъ глазами. Другая женщина, тоже пожилая и очень уродливая, стоитъ и бьетъ въ барабанъ. Представленіе идетъ не очень усердно; замѣтно, что фокусники стараются протянуть время, пока народъ наглядится на великолѣпныя кареты и золоченые мундиры и отхлынетъ отъ дворцоваго подъѣзда на площадь.

Но еще прежде, чѣмъ кончилась дворцовая аудіенція, черезъ площадь начинается какое-то новое движеніе: площадь пересѣкаютъ люди, проходящіе черезъ нее очевидно не для забавы, а за дѣломъ. По количеству женщинъ, проходящихъ мимо меня съ книжечками въ рукахъ, догадываюсь, что все шествіе направляется къ полдневной мессѣ. Оборачиваюсь, чтобы спросить, въ какую церковь все это стремится; мнѣ надъ самымъ ухомъ раздается: «спички, спички скоро-воспалительныя!..» Смотрю: дѣтина въ красной рубахѣ, совершенно уже вытертой. «Вы гарибальдинецъ?»—Да, сударь.— «Что же это вы такъ теперь?..»—Что же, сударь, дѣлать! Надо ѣсть что-нибудь...

правительство не хочетъ давать намъ никакого пособія... Хочетъ, чтобы мы въ регулярные солдаты перешли... — «Такъ что же?»—Помилуйте...

Насъ прервалъ господинъ, потребовавшій спичекъ. Я спросилъ о церкви. Господинъ очень любезно объяснилъ мнѣ, что всѣ стремятся въ соборъ San Giovanni послушать одного монсиньора, проповѣдника, знаменитаго своимъ либерализмомъ и навлекшаго на себя даже негодованіе клерикальной партіи за крайнюю смѣлость своихъ идей. Захотѣлось мнѣ послушать либеральнаго монсиньора: я этакихъ никогда не слыхивалъ и не видывалъ. Пошелъ и я въ соборъ. Народу, точно, было множество, но проповѣдникъ имѣлъ сильный голосъ, и мнѣ не было надобности пробиваться слишкомъ впередъ, чтобы слышать его. — Первыя слова, дошедшія до моего слуха, были слѣдующія: «Мы — черви ничтожные, мы — пыль и грязь, и мы смѣемъ надѣяться на свои силы! Мы во грѣхахъ зачаты, во грѣхахъ рождены, мы слѣпы, и наги, и нищи, и безпомощны»... и проч. Вся проповѣдь была въ этомъ родѣ. Я задалъ себѣ вопросъ: почему же считаютъ его либеральнымъ? И рѣшилъ такъ: вѣрно всѣ думаютъ, что онъ говоритъ такъ о слѣпыхъ, нищихъ, распѣвающихъ веселыя пѣсни, и о гарибальдинцахъ, лишенныхъ пособія отъ правительства.

Вечеромъ пришлось мнѣ познакомиться ближе съ либеральнымъ монсиньоромъ; прихожу въ свою гостиницу обѣдать, гляжу: монсиньоръ какъ разъ противъ меня. Я его сейчасъ же насчетъ либерализма: оказывается точно, что Австрію не любитъ, надъ Бомбичелло смѣется, очищенія Рима французами ожидаетъ спокойно, и противъ Гарибальди ничего не имѣетъ. Но Гарибальдинцевъ не любитъ. Это, говоритъ, народъ непокорный, буйный, хотятъ получать пособіе и ничего не дѣлать. — Отчего же вы думаете, что они не хотятъ ничего дѣлать? — «Разумѣется, не хотятъ; потому что имъ предлагаютъ вступить въ регулярные полки,—не хотятъ».—Да вѣдь ихъ тамъ трактуютъ очень плохо.—«Не вѣрьте, не вѣрьте!.. Это они говорятъ, чтобы оправдать себя; а имъ просто не нравится дисциплина».—Но всѣ говорятъ, что дисциплина, какой требуетъ Фанти, и безполезна, и обременительна въ высшей степени; и при томъ волонтеры все еще надѣются идти съ Гарибальди на дѣло, а въ пьемонтскомъ войскѣ, кромѣ дисциплины, имъ и дѣла-то нѣтъ никакого. А разъ поступивши въ войско, вѣдь ужъ нельзя будетъ его оставить: будутъ судить, какъ дезертира... Каково же было бы, напр., хоть бы венеціанскимъ волонтерамъ сидѣть гдѣ-нибудь въ пьемонтскомъ гарнизонѣ, между тѣмъ какъ снаряжалась бы новая экспедиція Гарибальди? — «О, не говорите мнѣ про Венецію: я самъ венеціанецъ и всей душой желаю освобожденія моей родины. Но именно для этого-то и нужна дисциплина; безъ нея ничего не сдѣлаешь... Только безпорядки одни, анархія».—Да помилуйте, служили же они при Гарибальди: какой же онъ анархистъ?..— «О Гарибальди кто говоритъ: онъ человѣкъ честный и преданный королю... Но его именемъ пользуются — знаете для какихъ цѣлей?.. Знаете ли вы, — добавилъ монсиньоръ-венеціанецъ, понизивъ голосъ и принявъ таинственный видъ, — знаете ли, что между этими волонтерами есть... мацинисты?...» Тонъ, какимъ произнесъ проповѣдникъ послѣднее слово, способенъ былъ устрашить и не такого робкаго человѣка, какъ я... Поэтому я осмѣлился сдѣлать только одно замѣчаніе: «но вѣдь самъ Мацини отказался на этотъ разъ отъ противодѣйствія пьемонтскому правительству и даже напротивъ—хотѣлъ помогать ему»... «—О, избави Богъ отъ этой помощи: это бы значило отдать власть въ *ихъ* руки, а *они* только этого и добиваются»...

Вообще, изъ разговора съ проповѣдникомъ я убѣдился, что онъ, дѣйствительно, либералъ въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

На другой день отправился я въ парламентъ. Депутаты помѣщаются въ новой залѣ, нарочно устроенной въ Кариньянскомъ дворцѣ по случаю непредвидѣннаго прирашенія парламентской семьи. Зала, впрочемъ, не столько величественна, какъ можно бы ожидать. Амфитеатръ на 500 человѣкъ, затѣмъ галлереи: прямо за верхними скамьями—для дипломатическаго корпуса, администраціи и журналистовъ; повыше — для особъ съ билетами, и отдѣльно—для женщинъ! еще выше—tribuna publica,—иди, кто хочешь, никому не воспрещается, ибо тамъ ужъ ничего не видно и не слышно. Зала, само собою разумѣется, украшена гербами всѣхъ итальянскихъ провинцій и портретомъ Виктора-Эммануила во всей его величавой граціи, такъ хорошо извѣстной всей Европѣ. [Здѣсь сдѣлаю кстати одно замѣчаніе: въ этомъ портретѣ, который, какъ оффиціальный, долженъ быть вѣренъ, усы Виктора-Эммануила имѣютъ не такой большой загибъ кверху, какъ изображаютъ обыкновенно на другихъ портретахъ]. По сторонамъ портрета двѣ подписи: направо— «4 марта 1848 года», налѣво—«18 февраля 1861 года». Кратко, но точно, краснорѣчиво и многозначительно!.. Въ срединѣ залы устроена лавочка бумаги, перьевъ, конверъ-

товъ и прочихъ канцелярскихъ принадлежностей. Я съ нѣкоторымъ изумленіемъ спросилъ, зачѣмъ же тутъ эта лавочка; но сосѣдъ мой довольно сурово объяснилъ мнѣ, что это вовсе не bottega, а мѣсто для министровъ, президента, вице-президентовъ и секретарей. Передъ ними-то и стоятъ столы съ грудами бумаги, конвертовъ, перьевъ, облатокъ, печатей и всего, что составляетъ принадлежность всякой благоустроенной канцеляріи.

Мнѣ пришлось сѣсть на лѣвой сторонѣ, слѣдовательно, видны были преимущественно депутаты правой и центра. Еще до начала засѣданія я принялся разсматривать физіономіи: одна изъ нихъ показалась мнѣ знакомою, смотрю — точно Кавуръ, какъ его рисуютъ на портретахъ, только молодой. Спрашиваю: неужели это Кавуръ такой молодой?.. Сосѣдъ усмѣхается и говоритъ: «онъ точно похожъ на Кавура посадкой, и его иногда въ насмѣшку называютъ сыномъ Кавура... Это адвокатъ Боджіо... Говоритъ онъ очень хорошо»... И я вспомнилъ, что Боджіо былъ одинъ изъ людей, наиболѣе оскорбившихъ Гарибальди во время парламентскихъ разсужденій о Ниццѣ; потомъ— что Боджіо есть авторъ одного ловкаго памфлета «Cavour o Garibaldi?»—въ которомъ, подъ предлогомъ восхваленія героизма Гарибальди, онъ объявляетъ его неспособнымъ къ дѣламъ и нестоющимъ мизинца графа Кавура. Таковъ былъ первый представитель итальянскаго народа, съ личностью котораго я познакомился. Личность, надо сказать правду, непривлекательная: маленькій, толстенькій, оплывшее лицо, вѣчное выраженіе безстыжаго, циничнаго самодовольства и эта безцеремонность манеръ, взглядовъ и усмѣшекъ, которая такъ вызываетъ на [оплеуху]... [1]) Впрочемъ, по всей вѣроятности, онъ будетъ играть роли—если не въ судьбахъ Италіи, то въ министерскихъ и дипломатическихъ переднихъ.

Второе лицо, привлекшее мое вниманіе, было, какъ вы догадываетесь, — самъ Кавуръ, настоящій. Этого описывать нечего: г. Капустинъ или г. Бергъ, г. Ѳеоктистовъ или князь Д—ой навѣрное уже познакомили съ нимъ русскую публику въ своихъ писаніяхъ, которыхъ я, къ величайшему прискорбію моему, не читалъ. Но не могу не замѣтить одного обстоятельства, всѣмъ извѣстнаго: и мнѣ самому показалось сначала, что Кавуръ имѣетъ привычку безпрестанно потирать себѣ руки въ знакъ удовольствія. А между тѣмъ, это несправедливо: большею частью онъ держитъ руки въ карманѣ, а то перебираетъ ими конверты и бумажки, лежащіе передъ нимъ... Но у него фигура такая, что каждому, кто только взглянетъ на него, сейчасъ же и представляется потираніе рукъ въ знакъ удовольствія. Видно, что весельчакъ и фортуною взысканъ!..

Я, признаюсь, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, что будетъ дѣлать почтенное собраніе «мужей совѣта». Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Италіи затруднительно: внутри и внѣ столько вопросовъ и требованій, что есть о чемъ потолковать,—была бы охота! Къ парламенту же имѣютъ довѣріе, отъ него ждутъ рѣшенія... Что-то онъ скажетъ?..

Вышелъ какой-то господинъ и началъ читать: община такая-то, состоитъ... вотировало столько-то, за г. такого-то столько-то и т. д. Передъ господиномъ ворохъ бумагъ, а когда онъ всѣ ихъ перебралъ, вышелъ другой, и передъ нимъ положили ворохъ еще больше... Затѣмъ третій, четвертый и т. д. Это — повѣрка выборовъ... «Да вѣдь ужъ парламентъ открытъ цѣлую недѣлю (это было 25-го), — замѣтилъ я сосѣду:— что же они дѣлали все это время?» — «А много было приготовительныхъ работъ, да и повѣрка-то вѣдь не легка. Сами посудите—400 депутатовъ, по 50 въ день, такъ и то восемь засѣданій. А вотъ какъ спорные выборы будутъ докладываться, такъ и съ десяткомъ дай Богъ справиться въ одно-то засѣданіе»... Вотъ оно что! подумалъ я. А мы-то волнуемся: вотъ парламентъ открытъ, на-дняхъ будутъ о судьбахъ Италіи разсуждать... Нѣкоторые даже мечтали, что отъ оборота парламентскихъ преній будетъ зависѣть рѣшеніе или отсрочка обѣщаннаго Гарибальди похода въ мартѣ мѣсяцѣ. А представители народа, какъ видно, вовсе не торопятся приниматься не только за дѣло, а даже и за разсужденія-то... Ходятъ себѣ каждый день въ камеру и выслушиваютъ докладъ о томъ, что графъ Камиллъ Кавуръ избранъ тамъ-то и тѣми-то, маркизъ Густавъ Кавуръ—тамъ-то и столькими-то, и т. д. — Меня тоска взяла, и я принялся разсматривать «почтенныхъ (onorevoli). Въ частности мало фигуръ замѣчательныхъ, но въ совокупности своей камера представляла дѣйствительно нѣчто внушающее: [никогда я не видывалъ такого собранія плѣшивыхъ и сѣдыхъ волосъ! Для развлеченія я принялся считать лысины и на одной правой насчиталъ 63, а между тѣмъ] въ сборѣ было всего около 200 человѣкъ въ это засѣданіе... [Да еще я не считалъ въ числѣ лысыхъ такихъ, какъ Кавуръ, напримѣръ, а бралъ въ разсчетъ только лысины настоящія, открытыя, или такія, которыхъ ужъ и закрыть нельзя иначе, какъ парикомъ]...

[1]) скандалъ.

Повѣрка спорныхъ выборовъ въ слѣдующія засѣданія представляла для меня еще болѣе интереса въ физіологическомъ отношеніи. Но чтобы разсказать о нихъ, можетъ быть, нелишними будутъ нѣкоторыя замѣчанія относительно нынѣшнихъ выборовъ въ Италіи.

По увѣренію благомыслящихъ журналовъ Италіи и Франціи, — «страна дала великое доказательство своего довѣрія къ министерству, выбравъ въ парламентъ почти повсюду министерскихъ кандидатовъ и одобривъ едва десятую долю кандидатовъ оппозиціи. Ни ораторскіе таланты, ни смѣлость идей, ни ловкость поведенія, ни даже вліяніе Гарибальди не могли спасти оппозицію; Гверрацци и Монтанелли, столько лѣтъ удивлявшіе камеру своимъ краснорѣчіемъ, Мордини, такъ искусно державшій себя въ Сициліи, Бертани — ближайшій другъ Гарибальди,—всѣ провалились, потому что народъ чувствуетъ потребность не въ этой сумасбродной партіи, а въ людяхъ благоразумныхъ, умѣющихъ твердо и прочно основать единство и свободу Италіи, способныхъ выдержать себя передъ лицомъ Европы». Такъ говоритъ «Constitutionnel» и «Patrie», такъ пишутъ «Opinione», «Gazetta di Torino», «Perseveranza» и другія благородныя и умѣренныя (moderate) газеты.

Журналы оппозиціи кричатъ, напротивъ, о подкупѣ, обманѣ, устрашеніи и прочихъ административныхъ мѣрахъ, употреблявшихся при выборахъ... Я, разумѣется, оппозиціи никогда не вѣрю: она всегда дѣлаетъ изъ мухи слона и бѣснуется изъ-за такихъ вещей, которыя совершенно натуральны, какъ неизбѣжная принадлежность извѣстнаго порядка дѣлъ. Напримѣръ, до сихъ поръ не проходитъ трехъ дней, чтобы въ оппозиціонныхъ журналахъ не было выходки противъ продажи Ниццы и Савойи: но, во-первыхъ—одна брошюра, сочиненная кѣмъ-то въ родѣ Боджіо (le ministro Cavour dinanzi al parlamento), весьма справедливо возражаетъ, что Ницца и Савойя «не проданы, *а сами уступили себя*»; во-вторыхъ, что за необыкновенная вещь — дипломатическая сдѣлка объ уступкѣ одной области взамѣнъ другой?.. Такъ и здѣсь: что̀ удивительнаго, что министерство старалось подобрать депутатовъ, которые бы поддерживали его политику? Вопросъ можетъ быть въ томъ: въ какой мѣрѣ народъ былъ расположенъ къ кандидатамъ той и другой стороны, и вотъ здѣсь-то оппозиція сама впадаетъ въ иллюзію, простительную ей только по ея младенчеству. Она воображаетъ, что народъ къ ней расположенъ болѣе, чѣмъ къ министерству! Въ декабрѣ прошлаго года, и даже въ началѣ января, печатно высказывались надежды оппозиціи имѣть большинство въ парламентѣ. Въ концѣ января приверженцы оппозиціи говорили, что еще есть надежда на южныя провинціи, и только уже въ февралѣ, по окончаніи выборовъ, убѣдились, что они уничтожены окончательно, и тутъ-то принялись кричать о нечестномъ поведеніи министерства. А министерство дѣйствовало совершенно такъ, какъ ему и слѣдовало: хлопотало о своихъ кандидатахъ, которые и сами за себя хлопотали, и предупреждало народъ противъ людей, казавшихся ему опасными. Правда, было нѣсколько мѣстностей, гдѣ чиновники (uffizio) увлеклись неразумнымъ усердіемъ. Напримѣръ, въ Аччеренцѣ большинство получилъ Саффи, бывшій тріумвиръ римскій, а uffizio провозгласили избраннымъ его противника. Но зато парламентъ и призналъ выборы недѣйствительными и велѣлъ произвести новые. Правда, что въ нѣкоторыхъ общинахъ или коллегіяхъ (collegio) меньшинство избирателей протестовало, свидѣтельствуя о подкупѣ. Но и тутъ парламентъ поправлялъ по возможности неловкость своихъ агентовъ: когда дѣло было ужъ очень скандалезно, то онъ наряжалъ слѣдствіе. Такъ было съ банкиромъ Дженеро (во французскихъ журналахъ окрещеннымъ Гверрерою), который обѣщалъ 40.000 франковъ на благотворительныя учрежденія, разносилъ избирателямъ визитныя карточки съ какими-то великолѣпными титулами и письмо Кавура, благопріятное для его избранія, не говоря, разумѣется, объ обѣдахъ и другихъ обыкновенныхъ средствахъ. Хотя и это дѣло можно было запутать, но парламентъ предложилъ судебное изслѣдованіе, которое теперь и производится. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ вина министерства состояла въ томъ, что мѣстныя власти обыкновенно затягивали или вовсе отказывали въ позволеніи прибивать на улицахъ и раздавать афиши, рекомендующія противныхъ депутатовъ, тогда какъ афиши въ пользу министерскихъ распространялись всѣми мѣрами совершенно безпрепятственно. Такъ случилось, напримѣръ, въ коллегіи Ланчирано, съ Биксіо, которому правительство противопоставило какого-то Антонія Галленгу. Такъ, говорятъ, было съ Гверрацци и Медичи. Но въ этомъ-то фактѣ, кажется, и могла бы оппозиція увидѣть, какъ она ничтожна: ея кандидатовъ, даже такихъ, какъ Биксіо, Медичи, Гверрацци— народъ не знаетъ безъ рекомендаціи!.. Когда приходится выразить свою довѣренность, то большинство больше вѣритъ своему мѣстному чиновнику, нежели этимъ людямъ, имена которыхъ такъ знакомы Италіи и

Европѣ—по нашему мнѣнію!.. И оппозиція, не позаботившаяся прежде о популярности своей партіи въ народѣ, теперь плачетъ о томъ, что ей не даютъ свободно прибивать къ стѣнамъ похвальныя афиши на счетъ ея кандидатовъ! Какова наивность!

Все дѣло въ томъ, что партія оппозиціи и въ Италіи, какъ вездѣ, не связана съ народомъ практически. Когда народъ знаетъ, что̀ ему дѣлать, то принуждать его дѣлать противное—безполезно и даже опасно. Никому и въ голову не могло придти противодѣйствовать выбору Гарибальди, напримѣръ. Такъ точно мы видимъ, что, несмотря на всѣ нежеланія министерства, въ Сициліи избранъ былъ Криспи; въ Генуѣ не могли помѣшать выбору Биксіо. Правда, что въ Сициліи также были избраны Ла-Фарина и Кордова, два раза оттуда выгнанные — въ первый разъ Гарибальди, а потомъ народомъ, и эти выборы очень подозрительны; но, съ другой стороны, никто не отвергаетъ, что Ла-Фарина человѣкъ очень ловкій: раза три послѣдовательно надувалъ онъ Гарибальди и опять заставлялъ его мириться съ собою. Гарибальди очень добръ, но кто же не знаетъ, что народъ вездѣ бываетъ добрѣе всякаго Гарибальди?

Если бы оппозиціонная партія итальянцевъ могла читать мое письмо, то, вѣроятно, осердились бы на меня; но я долженъ сказать, что въ объясненіяхъ нынѣшнихъ выборовъ министерство, мнѣ кажется, ближе къ истинѣ, нежели его противники. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что народъ не съ ними, не знаетъ ихъ и не понимаетъ. Можетъ быть, это для кого-нибудь и покажется прискорбнымъ, но что̀ же дѣлать? Таковы факты. Если гдѣ и казалось вѣроятнымъ избраніе какого-нибудь радикала, то стоило министерской партіи описать его, какъ *краснаго* террориста, жаждущаго крови и раздоровъ, всѣ отъ него отказывались. Такъ и случилось, напримѣръ, сколько я знаю по журнальнымъ протестамъ, съ Альберто Маріо и Маврицію Квадріо. Насчетъ другихъ брошены были сильныя сомнѣнія въ честности, и этому обстоятельству обязаны своей неудачей — Бертани, Мордини, Монтанелли. Но главное то, что народъ привыкъ уже считать свою судьбу зависящей отъ тѣхъ, кто тамъ, повыше, занимаетъ министерскія, губернаторскія и другія мѣста. Ему страннымъ кажется вдругъ, ни съ того, ни съ сего отвергнуть человѣка, который пріятенъ властямъ, или даже самъ былъ властью. Да это кажется страннымъ часто не только большинству, всегда очень скромному и консервативному, а даже и самой оппозиціи, подчасъ такой безпокойной. Во Флоренціи, напримѣръ, радикалы кричали противъ деспотизма Риказоли, противъ его реакціонныхъ мѣръ, непотизма, введеннаго имъ, и пр., и пр. А когда пришло время выборовъ,—не могли ему противника выставить!.. Точно такъ же не мало было криковъ въ Неаполѣ противъ Либоріо Романо, и несмотря на то, онъ успѣлъ устроить свое избраніе въ восьми коллегіяхъ!.. Какъ же въ самомъ дѣлѣ забраковать человѣка, бывшаго въ нѣкоторомъ родѣ нашимъ правителемъ?.. [Для это нужно, чтобы правитель былъ по крайней мѣрѣ Бурбономъ...]

До какой степени правительство или, правильнѣе, министерство пользуется вліяніемъ, видно изъ исторіи Дженнеро, о которомъ я говорилъ выше: письмо Кавура, о которомъ упоминается въ процессѣ, было отъ маркиза Густава Кавура, брата министра, но Дженнеро воспользовался просто именемъ Кавура, и одинъ изъ депутатовъ въ камерѣ серьезно допрашивалъ, было ли письмо подписано: Густавъ Кавуръ или просто Кавуръ. Какъ видите,—простое объясненіе, что «Кавуръ желаетъ такого-то», имѣло при выборахъ значеніе въ томъ же родѣ, какъ и денежное пожертвованіе. Радикалы утверждаютъ, что для свободы выборовъ нужно было министерству совсѣмъ не вмѣшиваться, оставляя неизвѣстнымъ, кого оно желаетъ, кого нѣтъ. Но нелѣпость подобнаго требованія очевидна: если бы и министерство, и оппозиція (какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ по справедливости) воздержались отъ всякаго участія въ выборахъ, то выборы и состояться бы не могли,—это ясно. А что министерство вышло на борьбу съ бо̀льшими силами, нежели оппозиція, и что употребило свои силы въ дѣло, — въ этомъ винить его трудно. Говорятъ, что въ этомъ случаѣ правительство унизило себя, дѣйствуя, какъ партія, а не какъ правительство; но вѣдь это игра словъ, да и игра-то, основанная больше на азіатскихъ понятіяхъ о правительствѣ, нежели на тѣхъ, какія прилично было бы имѣть передовой партіи освобождающейся Италіи.

Полезно ли для итальянцевъ такое довѣріе къ Кавуру и министерству—это другой вопросъ; но что оно полезно для Кавура, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Оно удерживаетъ за нимъ власть, а власть даетъ ему не только почетъ, но и замѣчательныя матеріальныя выгоды. Какъ враги, такъ и друзья его въ Пьемонтѣ говорятъ откровенно, что онъ никогда не упускаетъ случая извлечь все возможное изъ своего положенія. Чтобы не повторять сплетенъ, приведу два маленькихъ образчика, получившіе оффиціальную гласность.

Въ новомъ тарифѣ, изданномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Пьемонтѣ, наложена

была необычайно высокая пошлина на ввозъ фосфора. Всѣмъ это казалось непонятнымъ, пока не узнали, что графъ Кавуръ находится въ долѣ въ одной фабрикѣ химическихъ составовъ и въ особенности фосфора. Тогда одинъ депутатъ потребовалъ объясненій въ парламентѣ. Кавуръ отказался, прикинувшись обиженнымъ. Дѣло кончилось ничѣмъ.

Другой случай лучше. Во время неурожая и страшной дороговизны хлѣба въ Пьемонтѣ, вдругъ узнается, что Кавуръ—главный акціонеръ Колленьской мельницы, извѣстной тѣмъ, что она постоянно барышничала, скупая хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ. Журналы закричали, говоръ распространился; въ одинъ вечеръ толпы собрались подъ окнами великолѣпнаго дома Кавура, прося хлѣба. Кавуръ велѣлъ разогнать ихъ вооруженной силѣ; произведено было, говорятъ, и нѣсколько арестацій.

На дняхъ мнѣ случилось говорить съ однимъ почтеннымъ туринцемъ, добродушно восхищавшимся тѣмъ, что графъ Кавуръ—человѣкъ очень ловкій. Желая слышать объясненіе съ этой стороны насчетъ приведенныхъ фактовъ, я напомнилъ ихъ моему собесѣднику... «О, это что! — возразилъ онъ, — это бездѣлица... Онъ дѣлаетъ обороты гораздо больше. Посмотрите, теперь Пьемонтъ совершенно на дорогѣ второй имперіи: у насъ есть свои маленькіе Миресы и Перейры, въ нѣсколько лѣтъ сдѣлавшіеся милліонерами, и всѣ они пріятели графа Кавура и безъ него положительно не могутъ шага ступить. На 20 или 25 милліоновъ, извѣстныхъ за Кавуромъ, навѣрное надо считать еще больше — скрытыхъ въ туманѣ»... «Но вѣдь это съ его стороны злоупотребленіе?..»—«Какъ вамъ сказать? Если быть уже слишкомъ щепетильнымъ и деликатнымъ, то, пожалуй, и можно [назвать это мошенничествомъ] [1]). Но человѣкъ финансовый и государственный всегда видитъ въ этомъ не болѣе, какъ ловкость и оборотливость».

Ту же ловкость и оборотливость выказалъ Кавуръ и въ составленіи парламента, такъ какъ и тутъ дѣло касалось его личныхъ интересовъ. Не говоря о частныхъ случаяхъ, надо указать вообще на поведеніе министерства во время выборовъ. Передъ выборами за нѣсколько мѣсяцевъ, надежды радикаловъ основывались на разладѣ Кавура съ Гарибальди: съ конца декабря пошли слухи о сближеніи министерства съ Гарибальди. Тюрръ ѣздилъ на Капреру съ какимъ-то (будто бы) порученіемъ отъ Кавура, самъ Гарибальди собирался (будто бы) въ Туринъ, разъ даже написали, что онъ пріѣхалъ туда и имѣлъ свиданіе съ королемъ и съ министромъ. Потомъ, разумѣется, все это оказалось вздоромъ; но добрые люди вѣрили.—Въ южныхъ провинціяхъ ожидалось большое сопротивленіе; но число избирателей было тамъ страшно сокращено, потому что къ выборамъ допускались ужъ не на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ вотировали присоединеніе, а на правахъ пьемонтскаго ценза, внѣ котораго, разумѣется, по бѣдности неаполитанскихъ провинцій, осталась огромная масса... Къ этому прибавляютъ еще, что самую осаду Гаэты тянули нарочно затѣмъ, чтобы подъ страхомъ бурбонской реакціи народъ съ бо́льшимъ усердіемъ обращалъ взоры свои къ Пьемонту и бросался въ объятія министерства. Въ то же время сильно поддерживался слухъ и о переговорахъ съ Римомъ. Все это, конечно, не осталось безъ вліянія на выборы, тѣмъ болѣе, что въ началѣ января всѣ проекты Гарибальди относительно мартовскаго похода считались уже окончательно оставленными, а Франція была въ положеніи болѣе двусмысленномъ, нежели когда-нибудь.

Такимъ образомъ и составилась камера депутатовъ, смирная, покорная, мало того—экзальтированная поклонница графа Кавура. Писали, что на 440 депутатовъ до 80 оппозиціонныхъ, но это развѣ съ третьей партіей, которая съ президентомъ Ратацци тоже отошла къ правой. Теперь настоящую оппозицію представляютъ собою, можетъ быть, только два человѣка въ парламентѣ: Риччарди и Криспи. Но Риччарди до того практиченъ и простъ въ своихъ возраженіяхъ, что кажется утопистомъ; надъ нимъ смѣются и называютъ его «eccentrico». А Криспи, какъ человѣкъ разсудительный, видитъ, что толку тутъ не добьешься, и молчитъ, не желая играть изъ себя Чацкаго. Затѣмъ, всѣ остальные, какъ Депретисъ, Биксіо, Брофферіо (единственный ораторъ нынѣшняго парламента), Мавро Макки, Меллана, Раньери и еще нѣсколько человѣкъ — могутъ нападать на частности, но не въ состояніи ухватить дѣло съ корня: иные сообразить не могутъ, а у большей части духа не хватаетъ. Да и какъ тутъ быть смѣлымъ: ихъ человѣкъ 30, да и то съ натяжкой, а противъ нихъ 300 (присутствующихъ въ парламентѣ).

Мнѣ любо было видѣть, какъ графъ Кавуръ расхаживаетъ по парламенту, пересаживаясь съ одной скамьи на другую и удостаивая нѣсколькими минутами разговора то того, то другого депутата (разумѣется, всегда правой стороны и центра). Мнѣ вспомнился гостепріимный знатный баринъ, назвавшій къ себѣ въ деревню мел-

[1]) согласиться съ этимъ.

копомѣстныхъ гостей. Какъ торопливо наклоняется впередъ, а иногда даже приподымается на своемъ мѣстѣ депутатъ, если Кавуръ, проходя возлѣ него, мимоходомъ протянетъ ему руку! Какъ заботливо сдвигаются «почтенные», къ которымъ на край скамьи Кавуръ присядетъ на минуту, чтобы сказать нѣсколько словъ одному изъ нихъ! Какъ просвѣтлѣетъ чело того счастливца, съ которымъ графъ поговоритъ милостиво! Какимъ вниманіемъ, какими рукоплесканіями награждается каждое его слово! Другіе члены парламента, послѣ обычной формулы: demando la parola, — ждутъ звонка президента, чтобы не начинать рѣчь среди общаго шума. А Кавуръ едва только сдѣлаетъ видъ, что хочетъ подняться,—въ камерѣ воцаряется молчаніе, и «demando la parola» графа всегда сливается съ началомъ его рѣчи... Говоритъ онъ плохо, очень плохо, и итальянцы говорятъ, что даже не совсѣмъ чисто по-итальянски,—но слушаютъ его съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ, и мнѣ не разъ казалось, что во время его рѣчи уши большинства депутатовъ дѣлаются замѣтно длиннѣе. При внимательномъ разсмотрѣніи, этотъ удивительный феноменъ объяснился тѣмъ, что очень многіе, для лучшаго слушанія драгоцѣнныхъ словъ, прикладываютъ къ уху ладонь въ видѣ трубочки. Общая тишина прерывается иногда только какимъ-нибудь Массари, Кордова или Бонги, которые крикнутъ: «benissimo bravo», — и затѣмъ раздадутся рукоплесканія. По окончаніи рѣчи обыкновенно взрывъ апплодисментовъ. Графъ опускается на свое мѣсто и хохочетъ, обхватывая руками одну изъ собственныхъ ногъ, положенныхъ одна на другую.

Есть фигуры, не внушающія никому особенной симпатіи, но и непротивныя,— такъ себѣ, ни то, ни се. Такихъ множество встрѣчаешь на каждомъ шагу. Есть другія, для всѣхъ симпатичныя, несмотря на разницу понятій и характеровъ: этакихъ, конечно, не всякому и встрѣтить удавалось... Но есть еще сортъ личностей—симпатичныхъ для своей партіи, но несносныхъ для противниковъ. Таковъ представляется мнѣ графъ Камилло Бензо Кавуръ. Для меня собственно онъ—что̀ такое? Я съ нимъ дѣла не имѣлъ, ни разу не говорилъ и, по всей вѣроятности, никогда говорить не буду, слѣдовательно, судить о немъ могу, какъ человѣкъ совершенно посторонній. Но видѣвши и слышавши его нѣсколько разъ, я понимаю, что этакой человѣкъ можетъ, несмотря на свое видимое добродушіе и мягкость, довести до бѣшенства своихъ противниковъ. Каждый взглядъ, каждый жестъ его, будучи пріятнымъ для друзей, какъ свидѣтельство фамильярности, въ высшей степени обиденъ для противной партіи. Когда онъ, держа въ рукахъ собственныя ноги, или, заложивъ руки въ карманы и выпятивъ свой тучный животъ, обводитъ насмѣшливымъ взглядомъ всю камеру, для пріятелей его и эта поза, и этотъ взглядъ очень симпатичны; но каково должно быть впечатлѣніе оратора «лѣвой», который въ это самое время выбивается изъ силъ, чтобы оспорить какой-нибудь шагъ министерства!.. И этого еще мало: Кавуръ послушаетъ-послушаетъ, посмотритъ на оратора этакъ, какъ будто говоритъ ему: «ты, дескать, что?—стѣну лбомъ прошибить хочешь?»— потомъ мигнетъ своимъ пріятелямъ или министрамъ, сидящимъ рядомъ, да какъ прыснетъ со смѣху. Въ первый разъ увидавъ это, я подумалъ, не показалъ ли ему кто пальца, какъ тому поручику, которому, по словамъ лейтенанта Жевакина, подобнаго жеста достаточно было для смѣха на цѣлый день. Но мнѣ объяснили, что такова «система» графа Камилла.

Однакожъ я слишкомъ много говорю о графѣ, забывая, что его уже изобразилъ не такъ давно другъ мой Кондратій Шелухинъ [1]). Признаюсь, что другъ мой былъ во многомъ правъ, хотя и заврался, приписавъ радикальному журналу «Il Diritto» кавуровскія тенденціи, и хотя позабылъ нѣкоторыя черты сходства двухъ графовъ. Такъ, напр., не сказалъ онъ, что оба графа отличаются отсутствіемъ ораторскаго таланта, что Кавуръ началъ свое поприще въ «Armonia», ультрамонтанскомъ журналѣ, съ которымъ ведетъ теперь страшную войну; что въ началѣ 1848 года графъ Кавуръ вошелъ въ демократическое общество «Circolo Politico», членовъ которыхъ считаетъ теперь, если не разбойниками, то чѣмъ-то гораздо хуже... и пр., и пр.

Обращаясь опять къ парламенту, надо сказать о томъ, какъ производилась провѣрка выборовъ. Главный предметъ споровъ былъ — избираемость или неизбираемость извѣстнаго лица. По принципу, видите, не можетъ быть избираемъ чиновникъ, получающій жалованье отъ правительства: съ одной стороны, многіе изъ такихъ чиновниковъ находятся въ такомъ положеніи, что имѣютъ средства стѣснять выборы; съ другой—они всѣ зависятъ отъ правительства и, слѣдовательно, не могутъ совершенно свободно и самостоятельно защищать предъ нимъ интересы гражданъ, — собственные интересы заставятъ ихъ въ большинствѣ случаевъ склоняться на сторону правительства. Эти резоны всѣмъ въ камерѣ были хорошо

[1]) См. «Свистокъ» № 6, «Два графа».

извѣстны; но нельзя было безъ смѣха слушать разсужденій, раздававшихся по этому поводу въ парламентѣ. Самые горячіе споры возбуждены были выборами Либоріо Романо. Нѣкоторые предлагали уничтожить всѣ его выборы, потому что онъ—чиновникъ правительства, совѣтникъ въ luogotenenta, нѣчто въ родѣ намѣстничества въ Неаполѣ, слѣдовательно, и по закону, и по здравому смыслу исключается изъ *свободныхъ* выборовъ. Но до здраваго смысла никому дѣла не было въ камерѣ, а съ закономъ справились вотъ какъ: учрежденіе luogotenenta—временное и въ законѣ не поименовано; жалованья Либоріо Романо не получаетъ, а получаетъ вознагражденіе — indennita; слѣдовательно, ясно, что можетъ быть выбранъ. Боджіо къ этому присовокупилъ, что, впрочемъ, если бы Либоріо Романо очень дорожилъ депутатствомъ, то подалъ бы передъ выборами въ отставку, какъ другіе это сдѣлали. Камера зашумѣла немножко, какъ будто обидѣлась такимъ презрительнымъ обращеніемъ съ ней. Можно было ожидать, что она рѣшитъ: а такъ какъ Либоріо не подалъ въ отставку, и значитъ — депутатства не желаетъ, то и утверждать его нечего. Но рѣшить такъ—значило бы сказать, что и камера въ Либоріо Романо не нуждается, а на это, разумѣется, ни у кого не хватило духу, и выборы были утверждены въ семи коллегіяхъ; въ осьмой только оказалась какая-то неправильность. И никто не хотѣлъ или не могъ сказать простой вещи,—что вознагражденіе и жалованье—равно плата, выдаваемая правительствомъ, и что по принципу временная-то должность еще болѣе должна быть препятствіемъ къ выборамъ, нежели постоянная: постоянный чиновникъ болѣе проченъ на своемъ мѣстѣ, а временный вполнѣ зависитъ съ своею должностью отъ желанія министерства, онъ долженъ заботиться о возможно дольшемъ сохраненіи своего мѣста и затѣмъ обезпечить себѣ выходъ изъ него, иначе завтра его должность будетъ уничтожена, и тогда куда онъ дѣнется, если скомпрометтируетъ себя предъ министерствомъ?

Одобривъ выборъ совѣтника намѣстничества, должны были, разумѣется, одобрить и выборы всѣхъ служащихъ въ совѣтѣ намѣстничества или какимъ бы то ни было образомъ принадлежащихъ къ этому учрежденію. Такимъ образомъ вошли безпрепятственно и Ла-Фарина, и Патерностро, и другъ.

Кажется, впрочемъ, что повѣрка выборовъ нужна была болѣе для того, чтобы протянуть время, нежели для настоящей правильности состава парламента. Камеру вообще повѣрка эта занимала очень мало; половина членовъ не являлась вовсе; изъ присутствующихъ большая часть занималась разговорами, чтеніемъ газетъ, и т. п., Одинъ изъ членовъ, Меллана, отличился особеннымъ усердіемъ и безпрестанно останавливалъ докладчика замѣчаніями, что такой-то служитъ тамъ-то, получаетъ то-то, и, слѣдовательно, не долженъ бы быть избираемъ. Одинъ изъ докладчиковъ, котораго избраніе тоже было сомнительно по закону, но несомнѣнно по милости къ нему Кавура, нѣкто Патерностро, служившій беемъ въ Египтѣ, нахально замѣтилъ разъ, что г. Меллана, кажется, спеціально занимается біографіей каждаго изъ депутатовъ. Камера захохотала при этомъ замѣчаніи!.. Меллана всталъ и объяснилъ, что такъ какъ они сидятъ здѣсь для провѣрки выборовъ, то онъ считалъ своимъ долгомъ слѣдить по возможности за правильностью каждаго изъ докладываемыхъ выборовъ. На эту реплику тоже отвѣчали усмѣшкой...

Видя, что повѣрка выборовъ нескончаема, я сталъ помышлять, какъ бы удрать изъ Турина, потому что этотъ городъ рѣшительно безъ рессурсовъ для иностранца. Улицы ровныя, безъ малѣйшаго загиба, такъ что въ каждый перекрестокъ глядятся четыре конца города; дома—всѣ похожіе одинъ на другой, точно казармы, огромныя четырехугольныя пустыя площади,—все это наводитъ тоску, которую и разогнать нечѣмъ. Ни замѣчательныхъ галлерей, ни зданій, ни окрестностей, ни мѣстъ публичныхъ собраній, ни даже кабинета для чтенія—ничего нѣтъ. То-есть, если хотите, есть все; но въ одинъ день вы исчерпаете всѣ удовольствія Турина, и на завтра ужъ не захотите къ нимъ возвратиться. Васъ поведутъ, пожалуй, и въ картинную галлерею, гдѣ стражъ ея съ благоговѣйнымъ замираніемъ голоса скажетъ вамъ, остановясь передъ картиною какого-нибудь Гавденціо Феррари: «Piemontese!» Покажутъ и музей древностей, въ которомъ есть диковинки въ родѣ сфинксовъ, мумій и этрусскихъ вазъ. Потащутъ посмотрѣть и вооруженія разныхъ принцевъ савойскаго дома, и святое полотенце, и Аронскій манускриптъ творенія: «О подражаніи Христу», замѣчательный ужъ не знаю чѣмъ. Но мало такихъ счастливыхъ характеровъ, для которыхъ могли бы усладить жизнь подобныя достопримѣчательности. Я не принадлежу къ ихъ числу. Поэтому, промаявшись въ Туринѣ дней пять, я рѣшился съѣздить, пока идетъ повѣрка выборовъ, въ Миланъ и Венецію.

Не знаю, что̀ было въ парламентѣ отъ 12-го до 14-го марта: все это время я имѣлъ слабыя свѣдѣнія о туринскихъ дѣ-

лахъ. Въ Венеціи даже совсѣмъ ничего не зналъ, потому что туда не пропускается ни одного итальянскаго журнала — ни министерскихъ, ни либеральной оппозиціи, ни даже клерикальныхъ. Изъ французскихъ допущены «Débats» и «Indépendance», но съ нѣкоторыми ограниченіями: считаютъ, что доходитъ до читателей въ Венеціи изъ трехъ нумеровъ два, круглымъ счетомъ. При мнѣ какъ разъ два дня сряду «Débats» не появлялось, кажется, по причинѣ рѣчи принца Наполеона. Послѣ читалъ я въ одномъ журналѣ, что въ парламентѣ, между прочимъ, былъ вопросъ о томъ, считать ли избираемымъ такого члена, который имѣетъ два мѣста: одно, исключающее его изъ выборовъ, а другое, допускающее избираемость? Писали даже, что вопросъ рѣшенъ былъ утвердительно, но я этому не совсѣмъ довѣряю,—не потому, что это совершенно [безсмысленно (это бы ничего)][1]), а потому, что въ «Opinion» была статья въ противномъ духѣ. Въ этой же статьѣ, впрочемъ, упоминается, что прежде такъ именно и рѣшалось: если по одной должности человѣкъ получаетъ жалованье и не можетъ быть избранъ, но по другой—можетъ (въ законѣ есть оговорка для нѣкоторыхъ, напр., профессоровъ, министровъ и пр.), то избраніе утверждалось.

Пропустивъ интересныя пренія объ этомъ предметѣ, я, конечно, много потерялъ: за то вознагражденъ былъ съ избыткомъ въ засѣданіи 14-го марта.

Я былъ въ Миланѣ, и такъ мнѣ было тамъ хорошо, что хоть бы вѣкъ остаться. На этотъ разъ я нарочно пропускаю разсказъ о моей поѣздкѣ въ Миланъ и Венецію, чтобы не увлечься свѣжими впечатлѣніями и не сбиться съ толку. Скажу одно—что Миланъ, какъ чисто провинціальный городъ, съ ума сходилъ отъ торжества, которое приготовлялось для Италіи 14-го марта, день рожденія Виктора-Эммануила и провозглашенія новаго Итальянскаго королевства. Дума сочиняла воззваніе къ гражданамъ, швеи были заняты приготовленіемъ новыхъ трехцвѣтныхъ знаменъ, соборъ былъ драпированъ внутри все тѣми же цвѣтами, а снаружи поднимались на вышину 250 футовъ газовыя трубы—для иллюминаціи... Но всѣ говорили: «что-то въ Туринѣ будетъ? Вотъ тамъ-то настоящій праздникъ! Тамъ король, тамъ большой военный парадъ будетъ, тамъ парламентъ, иностранцы наѣхали, принца Наполеона ждутъ»... Соблазнился я и поѣхалъ въ Туринъ.

Пріѣзжаю; въ шести гостиницахъ не нашелъ себѣ комнаты, едва ужъ въ седьмой кое-какую досталъ втридорога. Это было поздно вечеромъ 13-го. Ну, думаю, вѣрно большое будетъ торжество... На другой день выхожу прямо ко дворцу—ничего; на улицу По—хоть бы одно знамя торчало гдѣ-нибудь; къ парламенту — засѣданіе въ полдень. Догадался я, что, вѣрно, торжество будетъ послѣ парламентскаго вотированія, и пошелъ къ одному пріятелю, съ которымъ могъ удобнѣе достать себѣ мѣсто.

Пріятель объяснилъ мнѣ, что торжества никакого не будетъ, разводъ отложенъ, празднованіе будетъ на пасхѣ, а то, можетъ, еще позже—въ маѣ мѣсяцѣ. Дѣло, видите, въ томъ, что изъ Парижа получены важныя сообщенія: принцъ Наполеонъ не ѣдетъ въ Туринъ, и провозглашенію Итальянскаго королевства стараются дать какъ можно менѣе шума и, съ позволенія сказать, гласности. Въ парламентѣ ужъ дѣло рѣшено, провинціи поздно останавливать: но, по крайней мѣрѣ, столица-то сама воздержится отъ всякихъ манифестацій и проведетъ этотъ день прилично... Все-таки *тамъ* будутъ не такъ раздражены...

Сообразивъ полученныя мною объясненія, я невольно подумалъ: да что жъ они въ самомъ дѣлѣ такъ торопятся съ своимъ Итальянскимъ королевствомъ? Или боятся, что немножко позже ужъ нельзя будетъ его провозгласить? Или въ самомъ дѣлѣ хотятъ непремѣнно презентъ устроить Виктору-Эммануилу въ день его рожденія? Такая любезность въ конституціонномъ государствѣ, конечно, очень похвальна; но тогда бы ужъ надо было развернуться и сочинить настоящее торжество.

Я вошелъ въ камеру, полный горестнаго предчувствія, что все предстоящее зрѣлище будетъ очень невинною комедіей. Но общій видъ собранія ободрилъ меня. Депутаты на этотъ разъ собрались во множествѣ, такъ что немного было мѣстъ незанятыхъ. Галлереи, назначенныя для зрителей, всѣ полны... Въ Туринѣ вообще парламентскими преніями интересуются мало; народъ не толпится у входа, и никто не посылаетъ депутацій за билетами къ вліятельнымъ членамъ, не какъ въ Парижѣ. Но на этотъ разъ, видно, слухъ разошелся въ народѣ, что готовится важная штука, и толпа набралась въ парламентъ несмѣтная. Даже tribuna delle signore—была переполнена. Кавуръ не путешествовалъ по разнымъ скамьямъ, а сидѣлъ на своемъ министерскомъ креслѣ: ясно было, что дѣло идетъ не на шутку.

Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ формальностей, чтенія протокола предыдущаго засѣданія, писемъ объ отпускѣ нѣкоторыхъ депутатовъ и пр., — вышелъ на трибуну

[1]) неосновательно

рослый господинъ, по имени Джорджини, и началъ по тетрадкѣ декламировать, что, дескать, Италія теперь—нація, и что права савойскаго дома на нее неопровержимы. Это было донесеніе коммиссіи, назначенной для разсмотрѣнія проекта закона о провозглашеніи Виктора-Эммануила королемъ Италіи. Г. Джорджини удачно выразился, что тутъ представляется не простой законъ, а «крикъ энтузіазма, обращенный въ законъ». И чтобы показать это на дѣлѣ, онъ точно кричалъ съ большимъ энтузіазмомъ. Я пожалѣлъ только объ одномъ: зачѣмъ не выучилъ онъ наизусть своего донесенія. Если бъ онъ читалъ не по тетрадкѣ, то его декламація и біеніе себя въ грудь имѣли бы гораздо больше эффекта.

Однакожъ, чтеніе кончилось благополучно и покрыто было рукоплесканіями. Пришла пора преній. Президентъ предложилъ для преній проектъ закона, состоявшій изъ единственной статьи: «Викторъ-Эммануилъ II принимаетъ (assume) для себя и для своихъ преемниковъ титулъ короля Италіи». О чемъ тутъ препираться, думаете вы? Принимаетъ, такъ принимаетъ,—тѣмъ лучше. Рано немножко; лучше бы подумать о Римѣ и Венеціи, да объ управленіи южныхъ провинцій, да объ устройствѣ судьбы волонтеровъ, объ улучшеніи участи работниковъ, о сложеніи подати на военныя издержки съ Ломбардіи, о выработкѣ общаго кодекса для всѣхъ провинцій, и пр., и пр. Я и думалъ, что ораторы станутъ говорить въ этомъ родѣ: «царство, молъ, Итальянское пусть будетъ царствомъ, только подумаемъ же, какъ его устроить»...

Но я очень ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: ораторы и государственные люди тѣмъ и отличаются, что умѣютъ находить въ предметахъ такія стороны, на которыя мы, грѣшные, не обращаемъ надлежащаго вниманія. Оказалось, что новый титулъ былъ предметомъ долгихъ мучительныхъ споровъ, сначала въ частныхъ совѣщаніяхъ, потомъ въ сенатѣ, потомъ въ журналахъ, потомъ между вліятельными депутатами, прежде чѣмъ дошелъ до публичныхъ преній въ парламентѣ. Во-вторыхъ, вмѣсто преемниковъ (successori) хотѣли поставить потомковъ (descendenti), и одинъ журналъ даже написалъ доносъ на тѣхъ, кто возражалъ противъ «потомковъ»: это, говоритъ, они все хлопочутъ объ ослабленіи принципа наслѣдственной монархіи... Потомъ заспорили о томъ, какъ лучше сказать: король Италіи, или король итальянцевъ? Пробовали рѣшать «отъ разума»: одни говорили, что «король Италіи»—предоставляетъ большую свободу личности, ибо относится только къ странѣ, а не къ обитателямъ; другіе возражали, что, напротивъ, «король Италіи» значитъ какъ будто страна—его собственность, между тѣмъ, какъ «король итальянцевъ» — говоритъ только, что онъ управлялъ итальянцами, будучи же ими избранъ къ тому... Не успѣвъ на поприщѣ «разума», принялись рѣшать «отъ политики»: что итальянцы есть на свѣтѣ, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался, говорили одни;—но намъ нужно теперь заявить передъ Европою существованіе *Италіи*, какъ націи, какъ государства; вотъ почему слѣдуетъ сказать: «король Италіи».—Но, возражали имъ,—дѣло не въ территоріи, а въ людяхъ; когда мы скажемъ «король итальянцевъ», то этимъ самимъ и покажемъ Европѣ, что мы сформировались въ одну націю, подъ однимъ королемъ, безъ всякихъ подраздѣленій между собою... Видя, что и тутъ резоны равносильны, вздумали рѣшить «отъ примѣра»: во Франціи императоръ французовъ, слѣдовательно, и мы скажемъ: «король итальянцевъ»... Но тутъ Англія подошла: Викторія называется королевою Британіи, а не британцевъ... Вопросъ запутывается все болѣе и болѣе...

И странное дѣло—толки о формулѣ: «Италіи» или «итальянцевъ», да еще о первомъ или второмъ,—занимали туринцевъ не только въ совѣщаніяхъ государственныхъ людей [тѣмъ, разумѣется, что же и дѣлать больше?], но и въ простыхъ бесѣдахъ обыкновенныхъ смертныхъ. Отъ-нечего-дѣлать, шляясь цѣлый день по кафе, я имѣлъ случай замѣтить, что о формулѣ этой спорили всѣ съ особенной охотой. И не то, чтобы придавали ей важность, нѣтъ,—начинали почти всегда насмѣшливымъ тономъ, и при концѣ легко мирились на остротѣ; но какъ-то не чувствительно разговоръ дѣлался живѣе, и черезъ минуту нѣсколько господъ—глядишь—ужъ разсуждаютъ и спорятъ, точно кому-нибудь изъ нихъ банкротство угрожаетъ. Одинъ разъ я замѣтилъ на смѣхъ: нельзя назвать «король итальянцевъ», потому что тогда надо будетъ передѣлать и другіе титулы: «Іерусалима и Кипра» на «іерусалимлянъ» и «кипрянъ», а захочетъ ли еще Викторъ-Эммануилъ быть королемъ іерусалимлянъ?—Итальянецъ принялъ замѣчаніе серьезно. И въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ,—какъ же съ Іерусалимомъ-то?.. Товарищъ его замѣтилъ, что Іерусалимъ надо бросить; но въ итальянцѣ моемъ возникло сомнѣніе, можно ли бросить, и поднялся споръ объ Іерусалимѣ...

Толки о первомъ и второмъ тоже были въ ходу, но не могли имѣть такой продолжительности, потому что дѣло—надо отдать честь туринцамъ—склонялось очень

легко въ пользу перваго. Находили, что просто смѣшно сказать: Викторъ-Эммануилъ *второй*, *первый* король Италіи; прибавляли, что съ сохраненіемъ *второго* связываются феодальныя преданія, и какъ будто высказывается маленькое поползновеніе пьемонтизировать новое царство Италіи, притягивая его къ прошедшему Пьемонта. Находились защитники Пьемонта, прямо говорившіе: «такъ и нужно»; но они были въ значительномъ меньшинствѣ... Говорятъ, что Риказоли нарочно пріѣхалъ изъ Флоренціи, чтобы возставать противъ «второго». Викторъ-Эммануилъ могъ бы отвѣтить ему стихомъ русскаго поэта: «что въ имени тебѣ моемъ?»..

Хорошъ однако и я: цѣлую страницу написалъ о новомъ титулѣ короля Италіи! Ну, да ужъ что же дѣлать, если написалась. Пусть остается, тѣмъ болѣе, что и продолжать приходится о томъ же, съ очень небольшимъ измѣненіемъ.

Противъ проекта закона говорили трое: Брофферіо, Риччарди и Биксіо. Записался было наканунѣ Криспи, но не хотѣлъ говорить, сейчасъ увидимъ почему.

Оппозиція, не имѣя силъ или умѣнья возстать противъ самого закона, ухватилась за форму представленія его, и съ этой стороны точно могла бы озадачить министерство, если бы оно не было такъ полно сознаніемъ собственной силы и презрѣніемъ къ своимъ противникамъ. Брофферіо, начавши свою рѣчь немножко декламаторскимъ изображеніемъ того, какъ всѣ, всѣ итальянцы участвовали въ созданіи новаго царства и въ избраніи короля своего,—вдругъ переходитъ къ тому, зачѣмъ же министерство въ этомъ дѣлѣ отнимаетъ инціативу у націи и беретъ ее себѣ? Первый, кто провозгласилъ Виктора-Эммануила королемъ Италіи,—былъ Гарибальди (здѣсь ораторъ вставилъ шпильку Кавуру); кличъ его былъ потомъ освященъ народнымъ голосомъ въ избраніи Виктора-Эммануила. Теперь то же самое должно быть освящено парламентомъ, какъ законнымъ представителемъ народа. Ясно, что министерство тутъ ни при чемъ, и потому не имѣетъ права формулировать законъ такъ, какъ оно сдѣлало: непринятіе новаго титула королемъ долженъ одобрить парламентъ, а освятить законнымъ и форменнымъ образомъ народное провозглашеніе. Между тѣмъ въ министерской формулѣ закона народъ, въ лицѣ парламента, призывается—не предложить королю корону, а лишь одобрить предложеніе, сдѣланное министерствомъ. Поэтому ораторъ предлагаетъ вмѣсто: «принимаетъ титулъ» сказать «провозглашенъ народомъ итальянскимъ». Для нашего короля,—замѣчаетъ онъ,—сохраненъ былъ великій жребій — получить корону отъ народа, и для народа великое призваніе—предложить ее, и теперь со стороны министерства и то и другое пренебрегается.

При этихъ словахъ Кавуръ вдругъ расхохотался, за нимъ и всѣ министры. Я посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Брофферіо; но тотъ, какъ видно, уже привыкъ къ пріемамъ графа и продолжалъ свою рѣчь, нимало не смущаясь.

Въ продолженіе рѣчи было нѣсколько замѣчаній и рѣзкихъ выходокъ. Напримѣръ, по поводу прибавки къ титулу слова «per Divina Providenza» Брофферіо говоритъ:

«Я не изъ тѣхъ, которые, вслѣдствіе справедливаго негодованія противъ [церковнаго безпутства] [1]) гонятъ прочь самое религіозное чувство и чуждаются слова, нисходящаго съ неба; но я не принадлежу и къ тѣмъ, которые хотятъ дать Провидѣнію обязательное участіе во всѣхъ нашихъ житейскихъ хлопотахъ. Кто не знаетъ, что и въ добрѣ и въ худѣ, и при счастливыхъ и при несчастныхъ случаяхъ всегда указываютъ на Бога? Какая же необходимость объявлять, что возстаніе Италіи увѣнчано волею Провидѣнія? Къ чему [эти плеоназмы?] [2]) Богъ посылаетъ и росу на поля, и бурю на море, не будемъ же призывать имя Божіе всуе; склонимся предъ нимъ и будемъ молчать.

[«Вспомнимъ къ тому же, что такую же фразу старое «священное право» дѣлало орудіемъ столькихъ нелѣпостей, несправедливостей и угнетенія. Короли per grazia di Dio были почти всегда per disgrazia del popolo. Не забывайте этого].

«Но, [совѣтуя умолчаніе о Провидѣніи божественномъ], я въ то же время горячо убѣждаю васъ упомянуть о волѣ народа: пусть съ основаніемъ новаго Итальянскаго царства положено будетъ основаніе и тому праву, которымъ создано самое царство,—[державному] праву народной воли.

[«Какое въ самомъ дѣлѣ право и законность болѣе славны, болѣе благородны, болѣе велики, нежели тѣ, какія исходятъ изъ воли народа? Не право ли завоеванія? Но это есть не что иное, какъ освященіе силы, слишкомъ часто грубой и преступной. Право рожденія? Но это боготвореніе случая, самаго слѣпого и безсмысленнаго божества, какое только существуетъ въ мірѣ. Право, основанное на трактатахъ? Но когда сильные міра собирались у насъ на свои конгрессы, чтобы разсуждать о судьбахъ народовъ, мнѣ часто приходили

---

[1]) церковной неурядицы
[2]) это?

на мысль волки, собирающіеся на совѣтъ объ участи овецъ»]...

Въ такомъ родѣ была вся рѣчь. Брофферіо говоритъ очень хорошо: густой и звучный голосъ, декламація довольно умѣренная и выразительная, умѣнье сдѣлать кстати ловкій намёкъ или колкость—заставляютъ всю камеру слушать его. При томъ же и репутацію онъ имѣетъ большую: когда онъ поднимается, не только на скамьяхъ депутатовъ, но и во всѣхъ галлереяхъ пробѣгаетъ шопотъ: «Брофферіо, Брофферіо»!.. Вотъ почему избранію его, говорятъ, очень сильно старались противиться, но ничего не могли сдѣлать.

Впрочемъ, противиться не стоило: если бы въ камерѣ было двадцать Брофферіо, и то бы ничего не сдѣлали. Несмотря на то, что Брофферіо умѣлъ очень хорошо удержаться на той бѣдной и мелкой формальной точкѣ, съ которой онъ поднялъ вопросъ, никто и не думалъ соглашаться съ нимъ. Напротивъ, тотчасъ послѣ него встали нѣсколько кавуріанцевъ, ни слова не отвѣчая на возраженія оратора, но требуя немедленнаго вотированія министерскаго предложенія, подъ видомъ политической необходимости: «отвѣтимъ,—говорятъ,—единодушно и торжественно тѣмъ, которые дерзаютъ сомнѣваться, что итальянская нація соединена теперь неразрывно и свято съ своимъ королемъ»... Большинство сейчасъ же готово было вотировать, но Кавуръ счелъ нужнымъ дать отвѣтъ Брофферіо, потому что не могъ простить нѣсколькихъ намековъ, сдѣланныхъ на его счетъ. Отвѣтъ состоялъ въ слѣдующемъ:

«Я не стану разбирать, чье предложеніе лучше—наше или Брофферіо. Сдѣлаю юридическое замѣчаніе: депутатъ хотя и можетъ предлагать измѣненія въ законѣ, но не смѣетъ отвергать предложенный законъ и предлагать свой на его мѣсто, не смѣетъ отнимать у короны право иниціативы. Поэтому я никакъ не могу признать за нимъ право отвергать предложенный проектъ закона.

«А впрочемъ, я надѣюсь, что камера не раздѣляетъ намѣреній «почтеннаго» адвоката Брофферіо. Да позволено будетъ мнѣ сказать, что въ послѣднихъ событіяхъ иниціатива дана была не народомъ, а правительствомъ.

(При этихъ словахъ нѣкто Массари кричитъ: benissimo! Большинство подхватываетъ: браво! Депретисъ и Криспи вспыхнули; нѣкоторые члены лѣвой переглянулись и сдѣлали нетерпѣливое движеніе. Но Кавуръ, входя въ азартъ, продолжаетъ въ томъ же тонѣ, заложивъ руки въ карманы).

«Правительство послало войско въ Крымъ, оно же громко провозгласило права Италіи на парижскомъ конгрессѣ, имъ же заключены трактаты 1859 года. Политикѣ, принятой имъ, обязана Италія своимъ спасеніемъ».

Опять—bene, bravo и рукоплесканія. Довольный, что похвалилъ себя, графъ переходитъ къ устрашенію и даетъ разумѣть, что надо понимать дѣла дипломаціи, чтобы судить о всей важности формулы, предложенной министерствомъ. Вы, дескать, смотрите только у себя подъ носомъ, а я смотрю дальше: какъ-то Европа приметъ провозглашеніе Итальянскаго царства? «И вотъ почему нужно было, чтобы оно произошло не изъ вспышки страстей народныхъ, а изъ иниціативы самого правительства. При этомъ только условіи Итальянское королевство и можетъ получить надежную законность и важность».

Довольно было видѣть въ этотъ день графа Кавура, чтобы убѣдиться, до какихъ крайностей можетъ доводить его мелочное самолюбіе, съѣдающее его. Замѣчаніе, что царство Италіи провозглашено Гарибальди, вопреки министерству, и сдѣлано народомъ, опять-таки безъ участія министерства,—вывело его изъ себя. Онъ хохоталъ во время рѣчи Брофферіо; но когда всталъ говорить, то не могъ скрыть своего раздраженія. Хриплымъ, разсерженнымъ голосомъ началъ онъ свою рѣчь, захлебывался, обрывалъ слова и явно старался обидѣть противника. Но искусства и остроумія не хватило, и потому онъ пустилъ въ дѣло силу. Отвѣтъ резюмировался такъ: «вы не смѣете разсуждать; вы—ничего, *мы* все сдѣлали; и мы знаемъ, что̀ дѣлаемъ, получше васъ». Раздраженіе заставило Кавура двумя словами уничтожить все итальянское движеніе и для возвеличенія своего управленія напомнить участіе Сардиніи въ крымской войнѣ, надъ которымъ сами пьемонтцы смѣются. Но большинство крикнуло: «браво!» и Кавуръ не поколебался еще рѣзче выразить свое отвращеніе ко всему, что̀ могло дѣлаться волею народа, или, по словамъ его, «вспышкою страстей народныхъ». Наконецъ, какъ бы осердившись и на себя, что низошелъ до объясненія, онъ заключилъ въ такомъ родѣ: «да что̀ тутъ толковать еще,—во имя согласія и для интереса самого дѣла,—вотируйте нашъ законъ, а onorevole Брофферіо пусть возьметъ назадъ свое предложеніе»...

И Брофферіо, во имя согласія, отказывается отъ своего предложенія; большинство апплодируетъ и кричитъ: «на голоса, на голоса! Не нужно больше разсужденій!» Президентъ камеры читаетъ снова проектъ закона. Большинство вскакиваетъ и пле-

щетъ руками. Но, среди общаго шума, Биксіо, весь красный, кричитъ отчаяннымъ голосомъ, что онъ немедленно проситъ уволить его отъ депутатства, если не хотятъ давать говорить всѣмъ, кто хотѣлъ. Шумъ немножко стихаетъ, и Биксіо прибавляетъ: «что вы такъ торопитесь? Что за крайность? Чѣмъ важнѣе для насъ это дѣло, тѣмъ внимательнѣй надо обсудить его». Несмотря на то, многіе на правой сторонѣ требуютъ прекращенія преній; президентъ въ затрудненіи; но Кавуръ всталъ и великодушно позволилъ говорить: нѣтъ,—говоритъ—пусть потолкуютъ, зачѣмъ же лишать ихъ этого удовольствія... И президентъ объявляетъ, что, по порядку записавшихся, рѣчь принадлежитъ г. Риччарди.

Риччарди удивилъ меня: какъ этакій человѣкъ могъ попасть въ парламентъ? Онъ всталъ и прочелъ маленькую страничку такого содержанія:

«Рѣшаюсь признаться, что вопросъ, о которомъ мы призваны толковать, кажется мнѣ совершенно преждевременнымъ. Королевство, главѣ котораго придумываемъ мы титулъ, еще не сдѣлано: Италія еще похожа на тѣло, которому недостаетъ головы и правой руки. Поэтому, по моему мнѣнію, министерство лучше бы сдѣлало, если бы представило парламенту проекты законовъ объ увеличеніи войска и о средствахъ достать денегъ. Это было бы единственное существенное и полезное занятіе для приведенія къ концу Итальянскаго королевства, которое безъ того рискуетъ быть провозглашеннымъ, не осуществляясь на дѣлѣ. Итакъ, я предлагаю разсуждать теперь—о деньгахъ и оружіи, а провозглашеніе королевства отложить до того времени, когда трехцвѣтное знамя будетъ развѣваться на высотахъ Капитолія, въ освобожденной Венеціи и на твердыняхъ Четырехугольника.

Хоть бы одинъ отзывъ на эти слова! Едва кончилъ Риччарди, Ратацци сказалъ хладнокровно: «теперь рѣчь за Биксіо»,— и Биксіо сталъ говорить — шумно, отрывисто, но бойко и здравомысленно. Онъ обратился опять къ тому же, о чемъ толковалъ Брофферіо, т.-е. что министерство должно бы уступить иниціативу парламенту. Аргументъ его состоялъ въ томъ, что это дало бы правительству болѣе довѣрія въ народѣ. «Итальянцы,—говорилъ онъ,—привыкли не довѣрять всякому правительству, бороться противъ него; кромѣ Пьемонта, во всѣхъ остальныхъ провинціяхъ это вошло въ характеръ народа. Революція, конечно, кончилась, но затрудненія для правительства всегда будутъ. И вотъ тутъ-то для министерства было бы крайне полезно имѣть вліятельный парламентъ, пользующійся довѣріемъ націи и служащій посредникомъ между ней и правительствомъ. Ослабляя значеніе парламента и прибирая все къ рукамъ, министерство не усиливаетъ, а, напротивъ, ослабляетъ себя».

Биксіо много разъ заслужилъ «браво!», много разъ возбуждалъ сенсацію оригинальностью своей простой рѣчи; но, разумѣется, и его доводы были потеряны. Прочіе ораторы, между прочимъ Криспи, отказались говорить. Проектъ закона, предложенный министерствомъ, принятъ съ единодушными восклицаніями: viva il re d'Italia.

Вслѣдъ затѣмъ Ратацци прочелъ депешу о сдачѣ Мессины. Новые восклицанія и аплодисменты.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, судьба благопріятствуетъ засѣданіямъ парламента: онъ, точно Поликратъ, взысканъ богами. Предъ самымъ открытіемъ его получено извѣстіе о взятіи Гаэты: первое важное засѣданіе его съ провозглашеніемъ короля Италіи ознаменовывается взятіемъ послѣдней крѣпости, бывшей во власти Бурбоновъ. Какъ все хорошо и кстати!

Среди всеобщей радости приступили къ вотированію. Когда по окончаніи стали считать черные и бѣлые шары [1]), вдругъ раздался голосъ возлѣ меня: «спряталъ одинъ бѣлый!» Я посмотрѣлъ: одинъ изъ секретарей, считавшихъ шары, держалъ одну руку въ карманѣ. Я не обратилъ на это большого вниманія; но, по окончаніи счета, президентъ объявилъ, что въ черной урнѣ нашелся одинъ бѣлый шаръ, а въ бѣлой два черныхъ, вслѣдствіе чего одинъ изъ двухъ противныхъ голосовъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Остается другой, но относительно его одинъ изъ депутатовъ объявилъ, что онъ смѣшалъ шары и по ошибкѣ положилъ одинъ вмѣсто другого. Такимъ образомъ законъ принятъ всѣми *единодушно*.

Разумѣется, нашлись невѣрующіе, объяснявшіе, что такъ какъ секретари оказались не довольно ловкими, то изъ наиболѣе страстныхъ патріотовъ нашелся человѣкъ, принявшій на себя черные шары. Но я нахожу подобныя объясненія слишкомъ дерзкими и даже удивляюсь, что оппозиція, столь кроткая въ парламентѣ, можетъ быть столь отважною исподтишка.

Выходя изъ парламента, я столкнулся съ однимъ изъ *лѣвыхъ* и началъ его допрашивать: «какимъ же образомъ всѣ во-

---

[1]) Кто вотируетъ *за*, кладетъ бѣлый шаръ въ бѣлую урну и черный въ черную; кто противъ—наоборотъ. *Прим. Д.*

тировали *за*, когда многіе говорили и думали: *противъ*?» — Увѣряетъ, что иначе нельзя.—Почему?—«Потому что въ этомъ вопросѣ должны были всѣ показать согласіе». — Да вѣдь дѣло шло не о созданіи Итальянскаго королевства; оно не вашими преніями и нотами создается, а событіями и народомъ; дѣло шло о формѣ закона, которую вы считаете дурною. Ну, и осудите ее. — «Невозможно: народъ не различаетъ формы отъ дѣла, и насъ бы камнями побили, если бы мы стали противиться».—А, это другое дѣло,—значитъ, вы сознаетесь, что народъ съ министерствомъ противъ васъ?—«Что дѣлать, народъ обманутъ».— Такъ отчего же вы не хлопочете о томъ, чтобы открыть ему глаза? — «Какъ же не хлопочемъ? Всю жизнь мою я ничего больше не дѣлалъ... Но вразумить массу не такъ легко. Это вы, можетъ быть, по молодости, думаете еще, что можно преобразовать человѣка въ 24 часа». — Я давно ужъ этого не думаю; но все-таки понять не могу, какимъ образомъ, вотируя въ пользу закона, считаемаго вами негоднымъ, раскрываете вы глаза народу. Не напротивъ ли? Не помогаете ли вы тѣмъ, кто его обманываетъ?—«Нѣтъ, потому что мы заявили свой протестъ въ преніяхъ». Да что же въ этомъ толку? Вашихъ протестовъ никто не слушаетъ; вамъ смѣются въ лицо; [передъ вами, не задумавшись, высказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ правамъ народа]. — «О, еще то ли вы увидите,—присмотритесь только къ нашей камерѣ!» — воскликнулъ мой собесѣдникъ съ такой непритворной горестью, что мнѣ стало жаль долѣе атаковать его... И это былъ еще одинъ изъ самыхъ отважныхъ и вліятельныхъ членовъ оппозиціи. Судите же послѣ этого, что̀ такое радикальная партія въ итальянскомъ парламентѣ.

Разставшись съ «почтеннымъ», употребившимъ всю жизнь на вразумленіе народа, я долго гулялъ по Турину: нигдѣ ни малѣйшаго признака тройного праздника. Все такъ занято своими хлопотами; и подозрѣвать нельзя, что народъ готовъ побить камнями радикаловъ, которые бы осмѣлились дать въ парламентѣ отзывы, противные министерству. Если бы я не зналъ, что великое событіе совершилось въ новой залѣ Кариньянскаго дворца, и что народъ такъ имъ заинтересованъ, я бы никогда не догадался объ этомъ, смотря на обитателей Турина, двигавшихся передо мною во всевозможныхъ направленіяхъ.

Я думалъ, что хоть по случаю взятія Мессины иллюминація будетъ: ничего!.. Только на улицахъ нашелъ я два раза на горящія свѣчки вокругъ портрета Гарибальди: на тротуарѣ разостланъ портретъ, вокругъ двѣ или три свѣчки, а подъ нимъ просьба: «не пожалуете ли чего отъ добраго сердца, господа». Возлѣ стоитъ оборванный старикъ. Прохожіе останавливаются, смотрятъ на портретъ и бросаютъ монету... Мнѣ говорили, что теперь этотъ способъ нищенства распространяется въ Туринѣ.

Другая иллюминація была — пожаръ вечеромъ, да такой, какихъ я въ Европѣ и не видывалъ: сгорѣла хлопчато-бумажная фабрика... Кавуръ долженъ былъ извлечь изъ этого худое предзнаменованіе: онъ, говорятъ, суевѣренъ, и никакъ не хотѣлъ, чтобы вотированье новаго царства произошло 13-го, хотя это было бы даже удобнѣе: 13-го произошло бы вотированіе въ парламентѣ, а 14-го, въ день рожденія Виктора-Эммануила, могло бы быть публиковано съ утра. Но все разстроили извѣстія изъ Парижа, [властелинъ котораго тоже, какъ извѣстно, боится тринадцати].

Забавно: въ самый день провозглашенія Итальянскаго царства пошли слухи о томъ, что Франція возобновляетъ свою старую претензію на основаніе двухъ королевствъ, Верхней и Нижней Италіи. Увѣряли даже, что въ этомъ смыслѣ уже готова брошюра Лагеронъера. Другіе слухи говорили, что идутъ опять торги съ Парижемъ о новой уступкѣ какой-то части новорожденнаго королевства. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали разсужденія въ парламентѣ о римскихъ дѣлахъ, чтобы узнать, наконецъ, хоть что-нибудь положительное. «Дискурсы» сената и законодательнаго корпуса мало кого успокаивали; каждый день ждали извѣстія о манифестаціяхъ въ Римѣ, о выводѣ французскихъ войскъ и замѣнѣ ихъ сардинскими; и между тѣмъ узнавали, что французы принимаютъ рѣшительныя мѣры противъ манифестаціи и занимаютъ новые пункты въ римскихъ владѣніяхъ. Либералы, причастные къ парламенту, рѣшили немедленно потребовать urgenza,—настоятельность немедленнаго разсужденія о римскихъ дѣлахъ. Но ихъ предупредилъ депутатъ крайней правой стороны, Массари, интимный служитель Кавура, сдѣлавшій interpellanza относительно положенія дѣлъ въ Неаполѣ; вслѣдъ за нимъ интерпеллировалъ Одино, тоже изъ *правыхъ*. Послѣ нихъ, 16-го, успѣлъ только Мавро Макки потребовать urgenza для разсужденія о прошеніи 8.500 итальянцевъ, требующихъ отъ парламента настоянія предъ французскимъ правительствомъ относительно вывода войскъ изъ Рима. Кавуръ принялъ всѣ требованія, и такимъ образомъ римскія дѣла должны были трактоваться вслѣдъ за неаполитанскими. Но въ это самое время Ли-

боріо Романо и весь совѣтъ намѣстничества въ Неаполѣ подали въ отставку, вслѣдствіе этого Кавуръ просилъ отсрочить на нѣсколько дней интерпелляцію Массари; никто, разумѣется, не вздумалъ попросить заняться, вмѣсто нея, интерпелляціею Одино о Римѣ. Но если бы и попросили, впрочемъ, то все равно — ничего бы не дождались. Кавуру необходимо было протянуть время до полученія рѣшительныхъ отвѣтовъ изъ Парижа, и онъ всегда сумѣлъ бы найти средства протянуть его.

Такимъ образомъ, 15-е и 16-е прошли ни въ чемъ; отъ 16-го до 19-го засѣданій не было; готовились держать отвѣтъ по неаполитанскимъ дѣламъ въ среду, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за окончаніемъ ихъ, въ четвергъ или пятницу (21 — 22), приступить къ разсужденіямъ о Римѣ. Думали, что, наконецъ, что-нибудь объяснится.

20-го зала была полнехонька, — мнѣ кажется, даже полнѣе 14-го. Обычныя формальности были всѣми прослушаны съ великимъ нетерпѣніемъ... Всѣ горѣли желаніемъ слышать толки о неаполитанскихъ дѣлахъ, которыя, говорятъ, дѣйствительно въ ужасномъ положеніи... Поднялся Кавуръ, всѣ навострили уши. Какъ школьникъ, плохо знающій урокъ, началъ онъ говорить, что отставка всего совѣта намѣстничества неаполитанскаго измѣняетъ ходъ дѣла, что министерство изыскивало средства помочь дѣлу, что считаетъ нужнымъ уничтожить совѣтъ намѣстничества и сосредоточить управленіе въ министерствѣ; но что теперешнее министерство не имѣетъ въ себѣ представителей всѣхъ провинцій Италій, что послѣ провозглашенія королевства Италіи надо водворить теперь «новую эру, эру составленія перваго министерства новаго королевства»... Словомъ, что вчера вечеромъ министерство все подало въ отставку и получило ее отъ короля.

Поднялся, разумѣется, шумъ; но Кавуръ продолжалъ: «замѣтьте, что эта отставка не была вызвана никакимъ несогласіемъ внутри министерства, ни относительно направленія политики вообще, ни относительно измѣненій въ управленіи южныхъ провинцій. Министерство и на этотъ счетъ единодушно, но находитъ, что въ теперешнемъ своемъ составѣ оно не въ правѣ рѣшать этотъ вопросъ окончательно».

Затѣмъ, Кавуръ проситъ камеру и Массари отложить интерпелляцію; Массари очень любезно соглашается. Риччарди говоритъ, что, несмотря на отставку министерства, желаетъ изложенія неаполитанскихъ дѣлъ; предложеніе его одобряется только четырьмя членами. Камера распущена.

Повѣрите ли? Нашлись члены оппозиціи, немедленно возымѣвшіе надежды, что поручатъ составить новый кабинетъ Ратацци, и что тогда войдутъ въ министерство либеральные люди. Идемъ мы съ однимъ изъ такихъ благородныхъ мечтателей, часа полтора спустя послѣ окончанія засѣданія, и радуемся своимъ надеждамъ; на встрѣчу — мальчикъ, продающій «Gazetta di Torino». Смотримъ — на кончикѣ уже припечатано: «министерство подало въ отставку; графу Кавуру поручено составить новый кабинетъ».

Что же можетъ значитъ эта новая продѣлка министерства, то-есть Кавура? До сихъ поръ сказать навѣрное трудно... Министерскіе журналы трубятъ о мудрости и честности министерства, доходящихъ до самоотверженія. И, пользуясь тупоуміемъ нѣкоторыхъ оппозиціонистовъ, кавуровскіе журналы пускаютъ пыль въ глаза добродушнымъ читателямъ, нимало не затрудняясь. Сегодня я читалъ, напримѣръ, полемику между «Monarchia Nazionale» «Gazetta di Torino». «Monarchia Nazionale» — журналъ жиденькаго либерализма и, кажется, ратацціевскаго оттѣнка. Въ глубокомысліи своемъ, журналецъ этотъ нашелъ, что Кавуръ подалъ въ отставку со всѣмъ министерствомъ—изъ страха быть побитымъ въ преніяхъ о неаполитанскихъ дѣлахъ. «Gazetta di Torino», конечно, и отвѣчаетъ на это въ такомъ родѣ: «чего же министерству было бояться пораженія, когда оно само признало, что дѣла шли очень худо и требовали поправки? Чего же было бояться, когда интерпелляція, по вашему же замѣчанію, сдѣлана была *друзьями* министерства, слѣдовательно, съ его согласія? Да при томъ же—развѣ вы не видите, что какъ Кавуръ, такъ и президентъ камеры объявили интерпелляціи вовсе не уничтоженными, а только отсроченными?.. Напротивъ, тутъ-то и высказывается честность министерства и полнѣйшая готовность его жертвовать всѣмъ, даже существованіемъ своимъ, для блага отечества, равно какъ и благоговѣйное уваженіе его къ священнымъ правамъ конституціоннаго порядка. Какъ скоро оно увидало необходимость измѣненія въ одной изъ важнѣйшихъ частей управленія, необходимость радикальной реформы, оно обязано было удалиться и предоставить коронѣ полную свободу выбрать, если захочетъ, новыхъ людей для введенія управленія въ новомъ духѣ... Не упорствуя въ защитѣ прежнихъ ошибокъ, а напротивъ— жертвуя своимъ постомъ для возможности ихъ исправленія, министерство дало доказательство высокой честности и благородства» и т. п.

Между людьми, нѣсколько болѣе серьезными, господствуютъ два предположенія:

во-первыхъ, Кавуръ хотѣлъ избавиться отъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, во-вторыхъ—дождаться чего-нибудь изъ Парижа относительно Рима.

Но опять-таки, какъ добры люди! Дѣлая первое предположеніе, очень многіе были увѣрены, что Кавуръ понялъ вредъ, происходящій отъ непопулярности нѣкоторыхъ министровъ, и потому постарается взять въ новый кабинетъ людей болѣе либеральныхъ и популярныхъ. Такъ, полагали, почти навѣрное, что Фанти, прославившійся преслѣдованіемъ гарибальдійцевъ, будетъ замѣненъ Ламарморою или даже Чальдини; говорили о приглашеніи Поэріо, Торреарсы и другихъ. Между тѣмъ вышло совсѣмъ напротивъ: выбылъ самый либеральный и порядочный изъ всѣхъ — министръ народнаго просвѣщенія Маміани, и вмѣсто него взять Десанктисъ, извѣстный болѣе своею приверженностью къ Кавуру, нежели другими заслугами. Фанти, Мингетти и Перуцци остались; Кавуръ сохранилъ за собою по-прежнему морское министерство, [на общее посмѣшище]. Новые министры, кромѣ Десанктиса, назначены: банкиръ Бастоджи— финансовъ, баронъ Натоли — земледѣлія и торговли, да прибавленъ еще, неизвѣстно зачѣмъ, министръ безъ портфеля, Ніутти, сициліанецъ.

О выходѣ нѣкоторыхъ министровъ поговаривали давно, и легко можетъ быть, что Кавуръ радъ былъ воспользоваться случаемъ избавиться отъ нихъ. Но главный мотивъ отставки, конечно, не въ этомъ, такъ какъ для прогнанія ненужныхъ министровъ существуетъ тысяча средствъ и предлоговъ, хорошо извѣстныхъ такимъ дипломатамъ, какъ Кавуръ. Главное все, разумѣется, во Франціи и въ римскихъ дѣлахъ. Отставка развязываетъ министерству руки на нѣсколько времени. Теперь пройдетъ нѣсколько дней въ рѣшительной организаціи новаго министерства; затѣмъ, если будетъ нужно, легко будетъ найти предлогъ отстрочить засѣданія. А тамъ — послѣдніе дни Страстной и Пасха...

«Но, спросятъ, что же выигрывается этими виляньями? Вѣдь придетъ время — надо же будетъ наконецъ высказаться?..»

Помилуйте, — а время-то выигрывается. Въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ находятся Наполеонъ, Кавуръ, папа, императоръ австрійскій — часто и день дорогъ, а тутъ—шутка—выигрывается двѣ недѣли! Кто знаетъ, что̀ можетъ случиться въ эти двѣ недѣли?

Да, присматриваясь ближе ко всей этой дипломатіи, претендующей управлять судьбами народовъ, невольно убѣждаешься, что вся ея задача, вся ея политика сводятся не болѣе, какъ къ искусству оттягивать время и выжидать обстоятельствъ. Нѣтъ опредѣленной мысли, нѣтъ строго и свято назначенной цѣли; сегодня неизвѣстно, что̀ придется дѣлать завтра; на завтра къ вечеру ожидаются вдохновенія для послѣзавтра. [Одна только мысль не теряется никогда изъ виду: какъ бы самому не слетѣть, какъ бы проскочить сквозь обстоятельства]. Тутъ не то, что Гарибальди; ему говорятъ: «безумство идти на Сицилію», а онъ идетъ; грозятъ: «не смѣй трогать Неаполь», а онъ беретъ; кричатъ: «не ходи на Римъ!», а онъ говоритъ: пойду! — и всѣ знаютъ, что онъ пойдетъ—и на Римъ, и на Венецію, если безъ него Римъ и Венеція не освободятся. Имѣя въ виду подобныхъ людей, движимыхъ идеей и твердыхъ въ ней, и дипломатія принимается за ту же идею; но не въ ея характерѣ твердо идти къ [благородной] цѣли... Въ Италіи, можетъ быть, нѣтъ человѣка, который бы менѣе Кавура зналъ, что̀ и какъ будетъ съ Римомъ. Всѣ въ Италіи увѣрены, что Римъ въ этомъ году, въ это лѣто, въ ближайшій мѣсяцъ будетъ итальянскимъ; а Кавуръ не увѣренъ. Онъ ждетъ приказаній и сообщеній изъ Франціи; а тамъ тоже не знаютъ, что̀ дѣлать, и гадаютъ, что̀ полезнѣе для утвержденія неаполитанской династіи — продолжать ли покровительствовать папскую власть, или склониться на требованіе либераловъ...

Надо, впрочемъ, сказать, что Кавуръ, судя по тону его журналовъ, сильно надѣется получить изъ Парижа благопріятныя вѣсти. Еще при началѣ парламента ходили слухи, что немедленно по окончаніи повѣрки выборовъ онъ сдѣлаетъ важное сообщеніе палатѣ о римскихъ дѣлахъ. Но, несмотря на то, что провѣрка затянута была почти на цѣлый мѣсяцъ, извѣстій никакихъ, какъ видно, не пришло, или пришли, да не тѣ, какихъ надѣялись. Переговоры съ Римомъ, черезъ посредство отца Пассалья, тоже не удались. Доходило дѣло, пожалуй, до того, что дѣйствительно приходилось принимать отъ парламента и представлять формальнымъ образомъ императору французовъ прошеніе итальянцевъ о выводѣ войскъ изъ Рима... Другой бы, конечно, съ радостью ухватился за это средство; но Кавуръ былъ бы несчастенъ, если бы пришлось по необходимости имъ воспользоваться. Это бы значило уступить своимъ врагамъ, сознаться, что дипломатія ничего не могла сдѣлать, выдвинуть на сцену народъ и—что̀ еще хуже—либеральную партію, черезъ посредство которой представлено прошеніе. Нѣтъ, Кавуръ употребитъ всевозможныя старанія, чтобы связать руки всѣмъ до тѣхъ поръ, пока не успѣетъ

притянуть какого-нибудь успѣха на свой пай. Теперь онъ будетъ указывать парижскому правительству на затруднительность положенія, на силу партіи, на требованія народа, и когда Наполеонъ, наконецъ, рѣшится уступить необходимости, Кавуръ скажетъ либеральной партіи: «ну, теперь говорите, чего же вы хотите для Рима?»— и засмѣется имъ подъ носъ: «это, молъ, ужъ я все сдѣлалъ, покамѣстъ вы собирались!..»

И потрубятъ трубы о мудрости Кавура и о томъ, что онъ единственный человѣкъ, умѣющій руководить судьбами Италіи...

Однакожъ, я, кажется, пишу вамъ такъ, какъ будто бы принадлежалъ къ оппозиціи въ итальянскомъ парламентѣ... и, можетъ быть, письмо мое окажется столько же ненужнымъ и пустословнымъ, какъ здѣшняя оппозиція. Но утѣшьтесь: я кончаю, и—мало того—заключаю похвальною чертою Кавура.

Сегодня открыли здѣсь памятникъ Манину, въ $4^1/_2$ часъ—день и часъ венеціанской революціи. Изображеніе памятника вы, вѣроятно, скоро найдете во Французской Иллюстраціи, потому что къ открытію его наѣхало сюда съ десятокъ французовъ и пустословили страшно. Передъ самымъ открытіемъ, во время музыки «Fratelli d'Italia», вдругъ раздались evviva, рукоплесканія, народъ замахалъ шляпами... Что такое, ужъ не самъ ли Викторъ-Эммануилъ пріѣхалъ?.. Нѣтъ, Кавуръ удостоилъ почтить торжество своимъ присутствіемъ. Не правда ли черта похвальная?

Когда церемонія кончилась, народъ столпился около памятника, и изъ устъ въ уста разносилось имя Кавура. Я думалъ, не бесѣдуетъ ли онъ съ народомъ. Но вышло не то: изображеніе Манина сдѣлано такъ, что сильно смахиваетъ на Кавура, и народъ немедленно схватилъ это сходство. Такъ теперь Манинъ, поставленный въ публичномъ саду въ Туринѣ, и пошелъ слыть за Кавура.

10 (22) марта 1861.

416-а. * * *

Напечатано въ первомъ собраніи сочиненій. Стихотвореніе относится ко времени пребыванія въ Римѣ, т.-е. къ апрѣлю 1861 г., и имѣетъ прямое отношеніе къ тогдашнимъ личнымъ переживаніямъ автора.

М. Л.

Не обманутъ я страстной мечтой,
Мы не любимъ, конечно, другъ друга.
Но не даромъ мы дышимъ съ тобой
Раздражающимъ воздухомъ юга;
Но не даромъ надъ нами волканъ,
Передъ взорами синее море
И въ умѣ память древнихъ римлянъ,
Наслаждавшихся здѣсь на просторѣ.
Въ тщетныхъ поискахъ чистой любви
Столько лѣтъ погубивши уныло,
Я доволенъ теперь, что въ крови
Ощутилъ хоть животную силу.
Для кого мнѣ ее сберегать?
Всю растрачу съ тобой, моя Нина,
Безъ надежды, чтобъ стала терзать
За погибшія силы кручина.

416-б. Первый день праздника.

(Сценка изъ купеческаго быта).

Найдено П. Н. Сакулинымъ въ Импер. Публичной Библіотекѣ, въ бумагахъ цензора Ѳ. Ѳ. Веселаго.

Писано рукой Добролюбова, и принадлежность сценки ему не подлежитъ никакому сомнѣнію. Подписано въ рукописи «А. Волгинъ». Такимъ образомъ, къ прежнему своему псевдониму Добролюбовъ для цензора прибавилъ иниціалъ вымышленнаго имени и даже для бо̀льшей правдоподобности сдѣлалъ отъ псевдонима росчеркъ; на опытный глазъ видно, что росчеркъ просто прибавленъ.

Такъ какъ Веселаго вступилъ въ цензурное вѣдомство въ 1860 году, то очевидно, что рукопись Н. А. могла попасть

къ нему не раньше. Но есть полное основаніе думать, что она попала къ нему передъ Пасхой 1861 года, когда Веселаго цензировалъ «Искру», не цензируя еще «Современника», что̀ случилось уже только въ концѣ 1861 года. Слѣдовательно, Н. А. написалъ сценку за границей и послалъ ее Курочкину въ «Искру», бумаги которой какъ разъ и найдены мною въ бумагахъ Веселаго.

Сценка не была допущена къ печати. Въ примѣчаніяхъ своихъ я указываю на нѣкоторые «кровавые слѣды» цензорскаго чтенія: они любопытны для современнаго читателя.

М. Л.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прохоръ Кузмичъ Забубёнистый — самодуръ-маклакъ апраксинскаго приходу [1]); любитъ яйца и дешовку; говоритъ басомъ.

Марья Авдѣевна—его супружница; баба, про которую только и можно сказать: «ишь, ее раздуло, анаѳему!..»

Севастьянъ Прохорычъ—ихъ сынокъ; двадцатилѣтній малый съ нѣжными наклонностями (какъ-то: цѣловаться, обниматься, и т. д.); родители именуютъ его—Савосей, а Прохоръ Кузмичъ—иногда и Савоськой.

Заиграевъ—молодой купчикъ, племянникъ Забубёнистаго; говоритъ постоянно, что ему безъ трактира и жизнь не мила!..

Осьмушкинъ, Косушкинъ, Полштофовъ } купцы-апраксинцы; такія постныя [2]) личности, что невольно хочется обратиться къ нимъ съ вопросомъ: «да вы, господа, не подписчики ли Домашней Бесѣды?»...

Madame Осьмушкина, М-me Косушкина, М-me Полштофова } ихъ супружницы; «оченно аппетитныя барыни», по выраженію Савоси.

Гаранька—мальчуганъ лѣтъ 12-ти.

(Гостиная у Забубёнистаго. Мебель синяя, бархатная; занавѣси на окнахъ—жолтыя, штофныя; обои по стѣнамъ—малиновыя съ золотыми цвѣтами; въ углу огромный кіотъ съ образами, крестами, крестиками и цѣлой лавочкой ладанокъ; передъ кіотомъ горитъ лампада, къ которой прицѣплено штукъ восемь фарфоровыхъ яицъ [3]). На диванѣ сидятъ рядкомъ: Осьмушкинъ, Косушкинъ и Полштофовъ, вздыхаютъ, чешутъ бородки и поглядываютъ на своихъ супружницъ, разсѣвшихся по стульямъ вдоль стѣнъ. Марья Авдѣевна, сложа руки на подобіе муміи египетской, сидитъ разомъ на двухъ стульяхъ и чинно смотритъ себѣ на подолъ платья, обшитый какими-то вавилонами изъ кружевъ и шнурковъ. Молчаніе).

Осьмушкинъ *(со вздохомъ)*. Истинно: праздникамъ праздникъ!.. Съ котораго боку ни посмотри—все праздникъ выходитъ!

Косушкинъ. Недаромъ въ писаніи сказано: другъ друга обымемъ... и сердцу-то таково радостно, не говори!

Полштофовъ. И поютъ-то еще: пріидите пиво піемъ новое. Прослезился я даже за заутреней... особливо, когда затянули: веселыми ногами...

Осьмушкинъ. Одно слово — благодать!

Косушкинъ. Радость безконечная... потому, значитъ, и торговать нельзя!

Полштофовъ. Конешно нельзя! Когда тутъ торговать — когда попы то и дѣло идутъ; то съ чернаго крыльца, то съ параднаго... И откуда ихъ берется?.. уму непостижимо!..

Осьмушкинъ. Нельзя безъ энтаго...

Косушкинъ. Всякое дыханіе хвалитъ Господа.

(*Всѣ вздыхаютъ*).

Марья Авдѣевна (*ни съ того, ни съ сего*). Согрѣшили мы, окаянныя!.. [1])

Всѣ (*вздыхая*). Именно, согрѣшили!..

Марья Авдѣевна. Свѣтопреставленіе, говорятъ, скоро будетъ... и Антихристъ скоро придетъ, говорятъ...

Косушкинъ. Это точно-съ, что свѣтопреставленіе скоро будетъ и Антихристъ народится, но когда то-ись эвто будетъ — доложить покедова не могу-съ. (*Задумывается*).

---

[1]) Это слово отмѣчено краснымъ карандашомъ цензора, очевидно, какъ неумѣстное.

[2]) Это слово отмѣчено краснымъ карандашомъ, такъ и фамиліи: Косушкинъ и Полштофовъ.

[3]) Описаніе кіота отчеркнуто красн. карандашомъ. Послѣ слова «яицъ» шли потомъ зачеркнутыя чернилами слова: «и стоитъ столикъ, покрытый бѣлой салфеткой; на столикѣ — серебряная чашка со святой водою».

[1]) Весь этотъ разговоръ отчеркнутъ краснымъ карандашомъ.

Марья Авдѣевна. И знаменія всякія будутъ?

Косушкинъ (*не разслышавъ*). Что-съ? у Знаменья-съ?.. Нѣтъ-съ, я былъ у Исакія-съ!..

(*Вбѣгаетъ Савося*).

Савося (*радостно, во все горло*). Маменька, а маменька!.. А я на дворѣ у насъ со всѣми дѣвками перехристосовался!.. По ошибкѣ даже, знаете, городового лизнулъ... (*увидя гостей, спохватывается живо*). Ахъ-съ!.. наше вамъ-съ!.. пардонъ-съ!.. Христосъ воскресе! (*цѣлуется съ мужчинами и лѣзетъ къ дамамъ*). Воистину воскресъ-се! (*цѣлуется*).

Осьмушкина. Ой, Севастьянъ Прохорычъ!.. пустите-съ... вы ужъ никакъ разовъ десять похристосовались!..

Савося. Никакъ нѣтъ-съ... еще покудова только девять-съ съ хвостикомъ! (*всѣ смѣются*).

Косушкина. Батюшки!... Нутренность выдавите!..

Савося. Ничего-съ!.. съѣдетъ-съ!.. (*всѣ смѣются*).

Полштофова. Пустите!.. стыдно... вы ужъ больно много...

Савося. Ничего-съ: не полиняете-съ!

Осьмушкинъ. Шутникъ—малый!.. хе, хе, хе!..

Косушкинъ. Въ васъ, Марья Авдѣевна-съ!..

Марья Авдѣевна. И что вы! Весь—въ отца!.. Тотъ ужъ тоже цѣловаться охочъ!.. [1])

Косушкинъ. Зато ужъ носъ вашъ... все едино-съ!..

Полштофовъ. Именно, все едино!..

Савося (*чешетъ затылокъ*). Эхъ!.. Праздникъ-то ужъ больно великъ!.. Ну-ка, развѣ сызнова!.. (*лѣзетъ къ дамамъ. Тѣ смѣются и отмахиваются. Савося беретъ приступомъ*).

Осьмушкина. Пустите! ай, стыдно!..

Косушкина. Отстаньте, грѣ(хо)водникъ эдакій!..

Савося. Помилуйте-съ!.. Гдѣ же грѣ(хо)водникъ? — первой гильдіи купеческій сынъ-съ Севастьянъ Забубённстый!.. (*лѣзетъ къ Полштофовой. Всѣ смѣются*).

Полштофова. Нѣтъ, ужъ я не буду-съ больше...

Савося. Это почему же-съ?..

Полштофова. Да потому, что ужъ вы больно въ засосъ христосуетесь!..

Савося. Можно и другимъ манеромъ-съ... я-съ манеровъ двадцать знаю!..

Полштофова. Ну, другимъ манеромъ—извольте!

Савося (*цѣлуясь*). Только эвтотъ дороже стоитъ-съ!.. (*всѣ смѣются*) [1]).

(*Входитъ Заиграевъ завитой и въ необыкновенно пестромъ галстукѣ*).

Заиграевъ (*расшаркивается, растопыривъ руки*). Здравствуйте-съ!.. Съ праздникомъ-съ!.. Христосъ Воскресе!.. вотъ и яичко захватилъ-съ, примѣрно сказать!.. (*христосуется со всѣми и обмѣнивается яйцами*). Съ васъ, Марья Авдѣевна, слѣдуетъ яичко получить! (*принимая яйцо*) точно такъ-съ, примѣрно сказать!.. (*считаетъ яйца въ карманахъ*) разъ... два... пять-съ... десять-съ... одиннадцать-съ... гдѣ же двѣнадцатое-съ?.. (*осматриваетъ всѣхъ*). Съ кого-то-съ я, примѣрно сказать, не дополучилъ-съ яйца...

(*Осьмушкинъ вытаскиваетъ изъ кармана яйцо и протягиваетъ Заиграеву*).

Осьмушкинъ. На, братъ, возьми!.. съ меня слѣдуетъ... (*про себя*) вотъ выжигато!.. стянулъ таки яйцо!..

Заиграевъ. Теперь такъ точно-съ!.. А гдѣ же, примѣрно сказать, Прохоръ Кузмичъ-съ?..

Марья Авдѣевна. А тамъ... на кухнѣ...

Заиграевъ. А для чего же-съ, примѣрно сказать, они на кухню забрались?..

Марья Авдѣевна. Яйца кушаетъ. Съ самаго утра напустился!.. Ничѣмъ не оторвешь: говоритъ — больно невтерпежь стало послѣ поста-то!..

Заиграевъ. Эвто точно-съ!.. Я самъ, примѣрно сказать, говѣлъ-съ на послѣдней недѣлѣ-съ... ну-съ, прихожу сегодня въ гостиницу, органъ, примѣрно сказать, играетъ-съ... я-съ спросилъ ветчинки... очень люблю, примѣрно сказать, ветчинку съ хрѣномъ! — ну-съ и очень весело стало-съ. Это точно-съ!

Савося (*обращаясь къ матери*). А тятенька не выпимши?

Марья Авдѣевна. Маненько покудова... еще только покачивается!..

Савося. Ну, значитъ, и ничего!.. А то—плохо!..

Заиграевъ. А то что же-съ, примѣрно сказать?..

Савося (*назидательно*) А то иногда и на четверенькахъ ходитъ... штуки разныя отпускаетъ!..

Заиграевъ. Какія же-съ?..

Савося. Всякія!.. Намедни поползъ этто самъ на четверенькахъ; маменьку заставилъ тоже ползти, и мнѣ велѣлъ слѣдомъ... тоже то-ись на карачкахъ... Я—говоритъ—торжественное шествіе хочу состроить!..

---

[1]) Вся сцена христосованья Савоси отчеркнута краснымъ карандашомъ.

[1]) Разговоръ со словъ Савоси: «Это почему же-съ» и до появленія Заиграева отчеркнутъ краснымъ карандашомъ.

Ну-съ, и состроили!.. Весь дворъ даже кругомъ оползли, хорошо что на улицѣ-то еще не побывали!..

Заиграевъ. Очинно жалко-съ!..

Марья Авдѣевна *(къ гостямъ)*. А срамоты-то, срамоты сколько было!.. Всѣ-то жильцы высунулись изъ оконъ, а мы-то и полземъ, и полземъ потихонечку. Ладно, что еще домъ-отъ свой, а то бы вслухъ смѣялись!.. *(дамы качаютъ головами, мужчины стыдливо опускаютъ глаза и теребятъ бородки)*.

Савося. А тутъ на бѣду, чортъ принесъ шарманку съ бубномъ... маршъ какой-то дернула, мы-то, значитъ, это подъ маршъ и шествуемъ... тятенька впереди за главнокомандующаго... а мы съ маменькой позади... [1])

Заиграевъ. Значитъ, примѣрно сказать, съ музыкой путешествовали-съ?..

(Входитъ Прохоръ Кузмичъ; онъ навеселѣ и растрепанъ).

Прохоръ Кузмичъ *(Заиграеву)*. Ты, лѣшій, никакъ тово... опять завился?..

Заиграевъ. Это точно-съ, дяденька!

Прохоръ Кузмичъ. А пошто?..

Заиграевъ. Извѣстно-съ... праздникъ, примѣрно сказать-съ!..

Прохоръ Кузмичъ. Я те дамъ праздникъ!.. Я те самъ примѣрно завью!..

Заиграевъ *(отступая)*. Да за что же-съ?..

Прохоръ Кузмичъ. А вотъ за то же, чортова голова!.. разсуждать не смѣй! *(тянется къ нему)*.

Заиграевъ. Да вы не троньте-съ!.. галстукъ изомнете-съ... *(отмахивается)*.

Прохоръ Кузмичъ. А вотъ я те самаго изомну!..

(Марья Авдѣевна бросается въ середину).

Марья Авдѣевна. Прохоръ Кузмичъ! а Прохоръ Кузмичъ!.. Для праздника-то!..

Прохоръ Кузмичъ. Пусти!.. Я его, шута завитаго!.. Вотъ я те!..

Заиграевъ *(хватаетъ шляпу)*. Не для чего-съ!.. Вы мнѣ, примѣрно сказать, не отецъ родной-съ, а такъ-съ—дядя, съ боку закорючка!.. *(пятится къ дверямъ)*.

Прохоръ Кузмичъ *(рвется къ нему)*. Ахъ, ты... тово... вонъ!..

Заиграевъ *(у дверей)*. И уйду-съ!..

Всѣ. Да полноте жъ, Прохоръ Кузмичъ!.. Для праздника-то!..

Заиграевъ *(въ дверяхъ)*. Очинно неучливо, дяденька, въ такой великій день-съ, примѣрно сказать-съ, за волосья драться!..

Прохоръ Кузмичъ. У! Разобью!.. *(топаетъ ногой)*.

Заиграевъ *(выглядываетъ изъ-за дверей)*. Не угодно ли-съ, примѣрно сказать? *(показываетъ языкъ)*. Наше вамъ-съ!.. А вотъ и еще-съ! *(плюетъ въ гостиную и ускользаетъ)*.

Прохоръ Кузмичъ. Да я... Прочь!..

Всѣ. Для праздника-то!.. Прохоръ Кузмичъ!.. Ну его!..

Прохоръ Кузмичъ. А вы-то откелева?.. Хотите скажу откелева?.. а?..

Марья Авдѣевна. Постыдись: дамы тутъ!.. Ну!..

Прохоръ Кузмичъ. Да я тово... *(вбѣгаетъ сломя голову Гаранька)*.

Гаранька *(во все горло)*. Монахи пришли славить! Монахи пришли!..

Прохоръ Кузмичъ *(ловитъ его за вихоръ и нѣсколько разъ наклоняетъ къ полу)*. Вотъ — тебѣ монахи!.. вотъ — тебѣ монахи! вотъ—тебѣ монахи!.. чертенокъ! *(отпускаетъ Гараньку и засучиваетъ рукава)*. Гдѣ они?.. Давай ихъ сюда! Я—ихъ!.. [1])

Марья Авдѣевна *(отчаяно)*. Батюшки, кормильцы мои!.. Никакъ опять онъ нализался!.. Вотъ тебѣ и свѣтлый праздничекъ!.. Горемы-ы-ычная-я?..

Савося. Уйти надо поскорѣе!.. А то опять шествіе какое-нибудь состроитъ, али потасовку!.. *(пробирается къ дверямъ)* Ахъ, ты чортъ!.. Съ Танькой-то я и позабылъ похристосоваться!.. *(исчезаетъ)*.

[1]) Весь разговоръ, касающійся „торжественнаго шествія“, отчеркнутъ краснымъ карандашомъ.

[1]) Слова Гараньки и Прохора Кузмича о монахахъ отчеркнуты краснымъ карандашомъ.

---

417. * * *

Напечатано въ первомъ собраніи сочиненій и относится ко времени пребыванія въ Неаполѣ — маю 1861 г. Значеніе стихотворенія исключительно съ точки зрѣнія личныхъ чувствъ автора.

М. Л.

Мы далеко. Неаполь цѣлый
Слился въ неясныя черты.
Одинъ Сентъ-Эльмо опустѣлый
Насъ провожаетъ съ высоты.

Безъ пушекъ, безъ солдатъ, свободный,
Пугать онъ городъ пересталъ

И въ праздникъ вольности народной
Трехцвѣтнымъ пламенемъ сіялъ.

Но подъ веселыми огнями,
Какъ будто демоновъ полна,
Качая длинными тѣнями,
Чернѣла грозная стѣна.
И въ этотъ мигъ, какъ полдень знойный
Стоитъ надъ городомъ живымъ,
Чернѣетъ замокъ безпокойный
Тиранства прежнимъ часовымъ
И говоритъ: «отсюда можно
Изъ штуцеровъ перестрѣлять
Всѣхъ, кто пойдетъ неосторожно
Свободы истинной искать».

418. * * *

Напечатано въ I кн. «Современника» 1862 г. и относится ко времени сборовъ въ Россію: іюню—іюлю 1861 г.

М. Л.

Нѣтъ, мнѣ не милъ и онъ, нашъ сѣверъ величавый.
Тоски души моей и онъ не исцѣлитъ...
Не вылѣчусь я тѣмъ, что было мнѣ отравой,
Покоя не найду, гдѣ мой челнокъ разбитъ.
Скучая и томясь бездѣйствіемъ тяжелымъ,
Одинъ, для всѣхъ чужой, съ унынъемъ молодымъ,
Брожу я, какъ мертвецъ, на праздникѣ веселомъ,
У моря теплаго, подъ небомъ голубымъ.
Брожу и думаю о родинѣ далекой,
Стараясь милое припомнить что-нибудь...
Но нѣтъ... и тамъ все то жъ... все тотъ же одинокій,
Безъ милой спутницы, безъ свѣтлой цѣли путь;
И тамъ я чуждъ всему, и тамъ ни съ чѣмъ не связанъ,
Для сердца ничего родного нѣтъ и тамъ...
Лишь выучилъ я тамъ, что строго я обязанъ,
Для блага родины, страдать по пустякамъ
Что ужъ таковъ удѣлъ у насъ разумной жизни,
Страдаю я и здѣсь, чего же мнѣ искать
Въ моей нерадостной, неласковой отчизнѣ?
Тамъ нѣтъ моей любви, давно въ могилѣ, мать.
Никто тамъ объ мнѣ съ любовью не вздыхаетъ,
Никто не ждетъ меня съ надеждой и тоской,
Никто, какъ ворочусь, меня не приласкаетъ,
И не къ кому на грудь усталой головой
Склониться мнѣ въ слезахъ отраднаго свиданья.
Одинъ, какъ прежде, я тамъ буду прозябать...
Лишь свѣтомъ и тепломъ, и роскошью созданья
Не станетъ сѣверъ мой мнѣ нервы раздражать.

419. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура.

Напечатано въ VI и VII кн. «Современника» 1861 г. (ценз. 24 іюня и 24 іюля) опять за подписью «Н. Т—новъ». Это была точка надъ і, какъ бы нарочно поставленная спеціально для либераловъ, ополчившихся за «Письмо изъ Турина».

Н. А. хорошо сознавалъ, насколько его оцѣнка Кавура будетъ исключительной въ Россіи. «Статейка о Кавурѣ—писалъ онъ Чернышевскому, — кажется, будетъ достаточно отличаться отъ «другихъ біографій» («Матеріалы», 627).

См. замѣтку къ №№ 415 и 405. Статья эта писалась еще въ Мессинѣ, а закончена была въ Одессѣ, 13 іюля. Добролюбовъ закончилъ ее при хлынувшей изъ горла крови. Сознавая, что за время своего составленія статья могла обнаружить нѣкоторыя несогласованности, Н. А. проситъ Чернышевскаго: «Статейку, пожалуйста, просмотрите: начало теперь не годится; надо бы измѣнить, а то выкинуть» («Матеріалы», 627, 628). Не извѣстно, исполнилъ ли Н. Г. просьбу Н. А—ча.

М. Л.

I.

Западная Европа въ переполохѣ; всего болѣе, разумѣется, французы: графъ Ка-

милло Бензо Кавуръ внезапно скончался, утромъ 6-го іюня, послѣ шести кровопусканій въ два дня. Доктора, видите, думали сначала, что болѣзнь Кавура есть обыкновенный приливъ крови, повторявшійся съ нимъ нерѣдко; но потомъ нашли, что у него перемежающаяся лихорадка и послѣ кровопусканій стали его пичкать хиной; вскорѣ однако примѣтили, что это—тифъ, и стали давать опять что-то другое... А когда уже не было никакого средства спасти человѣка, рѣшили, что это у него подагра бросилась на верхнюю часть груди и на мозгъ. Туринцы очень разсержены на докторовъ; французы [еще не знаютъ подробностей, но], безъ всякаго сомнѣнія, сердятся еще больше, вѣроятно, сердятся не меньше, чѣмъ на злодѣйства друзовъ въ Сиріи. Да и какъ не сердиться? Смерть Кавура, по выраженію кого-то изъ государственныхъ мужей Англіи, есть бѣдствіе для всего цивилизованнаго міра, слѣдовательно, тѣмъ болѣе для итальянцевъ, и тѣмъ болѣе для французовъ: извѣстно, что французы теперь привыкли смотрѣть на Италію не только какъ на свою собственность, но даже больше—какъ на имѣніе, находящееся у нихъ въ опекѣ. И вдругъ они теряютъ довѣреннаго человѣка, который велъ всѣ ихъ счеты и выносилъ на своихъ плечахъ большую долю отвѣтственности!.. Понятно, что для нихъ эта потеря гораздо ужаснѣе, чѣмъ для самихъ опекаемыхъ, пользовавшихся благодѣяніями довѣреннаго человѣка...

— Ah, je ne sais, quel parti l'empereur prendra-t-il à présent... Après la mort de Cavour il reste tout-à-fait dégagé,—таинственно говорилъ мнѣ вчера за обѣдомъ одинъ французъ, и, погруженный въ политическія соображенія, не взялъ даже слѣдующаго кушанья.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе французовъ теперь очень печально: ну что, какъ ихъ погонятъ вдругъ на-дняхъ драться съ итальянцами? И стыдъ, и горе, а дѣлать нечего—пойдешь, потому—сила, и противъ нея ничего не подѣлаешь... А все-таки не хорошо... И вотъ французы, какъ только прослышали о смерти Кавура, принялись убѣждать и заклинать итальянцевъ, чтобы онъ ужъ постарались вести себя хорошенько, какъ было при Кавурѣ, такъ-таки совершенно, какъ будто бы онъ и не умиралъ. Особеннымъ усердіемъ отличились журналы такъ-называемаго либеральнаго оттѣнка, служащіе выраженіемъ передовыхъ мнѣній французовъ. Они рѣшительно не уступили журналамъ оффиціальнымъ и даже отчасти превзошли ихъ въ благонамѣренности. Правда, «Pays» очень рѣшительно возвѣстилъ, что итальянцы и безъ Кавура должны остаться кавуріанскими, иначе могутъ потерять свою свободу; а «Constitutionnel», объяснивши то же въ другихъ словахъ, прибавилъ надежду, что «впрочемъ, народъ, *освобожденный Франціею*, сумѣетъ не попасть опять въ рабство». Это, какъ видите, очень сильно и хорошо. Но недурно въ своемъ родѣ разсудила и «Presse», увѣряя, что не только все, достигнутое Италіей, было дѣломъ Кавура, но что и въ будущемъ опять-таки надо полагаться на него же или на его политику, и вслѣдствіе этого, рекомендуя итальянцамъ заняться ни чѣмъ инымъ, какъ приготовленіемъ статуи Кавуру, которая должна быть ему поставлена въ залѣ итальянскаго парламента, *въ тотъ день, когда онъ соберется въ Капитоліи!*... Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ и «Siècle», главный редакторъ котораго самъ удостоился статуи отъ итальянцевъ за любовь къ итальянскому дѣлу: онъ заклинаетъ Италію «продолжать славное дѣло, которому Кавуръ далъ свое безсмертное имя». Словомъ, французы поютъ хоромъ: «будьте, милыя дѣти, умны и послушны, не вздумайте пошалить, пользуясь недостаткомъ надзора; повѣрьте,—гувернеръ умеръ, но розги остались... Не принуждайте же насъ прибѣгать къ розгамъ... Это было бы очень больно нашему опекунскому сердцу». И для лучшаго подтвержденія обязательныхъ увѣщаній, вслѣдъ за журнальными статьями летитъ изъ Парижа въ Туринъ телеграфическая депеша, предвѣщающая «неудовольствіе, если бы главою новаго министерства назначенъ былъ Ратацци». Ратацци, видите ли, хотя и совершенное политическое ничтожество, но считается честнымъ человѣкомъ и былъ противъ уступки Ниццы и Савойи...

Мѣсяца три тому назадъ, я описывалъ въ «Современникѣ» мое собственное впечатлѣніе отъ Кавура [1]). Оно не было благопріятно для покойника. По всей вѣроятности, я судилъ его даже слишкомъ строго, потому что это былъ первый государственный человѣкъ, котораго пришлось мнѣ видѣть вблизи на поприщѣ его общественной дѣятельности, разсуждающимъ о дѣлахъ, отчасти знакомыхъ мнѣ. Теперь я читаю во всевозможныхъ некрологахъ, и итальянскихъ, и иностранныхъ,—что это былъ если не самый лучшій, то ужъ, конечно, одинъ изъ немногихъ самыхъ лучшихъ государственныхъ мужей всего свѣта, настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ. Мнѣ лично, признаюсь, это не даетъ особенно лестнаго понятія о всѣхъ прочихъ-то герояхъ на

[1]) См. № 415.

томъ же поприщѣ; «если этотъ былъ чуть не лучше всѣхъ,—думаю я,—хороши же должны быть остальные-то!..» Но ясно, что читатель не долженъ раздѣлять моего образа мыслей, ибо въ сужденіяхъ о Кавурѣ меня, конечно, уже предупредили «С.-Петербургскія Вѣдомости», вѣроятно, не преминувшія *оплакать «великую потерю» всего цивилизованнаго міра* и пустить въ ходъ нѣсколько глубокомысленныхъ соображеній о томъ, что̀ теперь будетъ съ Италіей и съ Европой [1])...

Я, впрочемъ, и не намѣренъ излагать теперь своихъ сужденій, отчасти потому, что повторять ихъ слишкомъ много не стоитъ, отчасти же и потому, что хочу *подражать одному благородному итальянцу*. Итальянецъ этотъ долженъ былъ явиться въ судъ въ Неаполь по поводу одной статейки, оскорбительной для личности Кавура; какъ разъ наканунѣ дня, назначеннаго для суда, пришло извѣстіе о смерти министра; журналистъ немедленно объявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться какому угодно наказанію безъ суда, нежели *позволить себѣ представить въ свою защиту* резоны противъ человѣка, «тѣло котораго еще не остыло». Его объявленіе признано было резоннымъ, и—что̀ же сдѣлали? Сдѣлали то, что̀ слѣдовало: рѣшили подождать, пока тѣло остынетъ, и отложили засѣданіе суда до слѣдующей недѣли.

Я поступаю еще самоотверженнѣе; не отлагаю только, а совсѣмъ оставляю мои *непріязненныя размышленія о знаменитомъ* покойникѣ и, вмѣсто суда надъ нимъ, хочу изобразить теперь его біографію.

Можетъ быть, и въ этомъ предупредятъ меня «С.-Петербургскія» или «Московскія Вѣдомости», или, еще вѣроятнѣе, «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника»; но ихъ соперничества я не боюсь: мой трудъ долженъ взять верхъ въ благонамѣренности. *Я пишу по тремъ біографіямъ и по нѣсколькимъ брошюрамъ о министерствѣ Кавура, которыхъ иначе нельзя назвать, какъ самыми безсовѣстными панегириками.*

«Викторъ-Эммануилъ имѣлъ счастье встрѣтить человѣка съ убѣжденіемъ глубокимъ, холодно-страстнымъ, терпѣливымъ и смѣлымъ, человѣка, котораго ничто не *могло удалить отъ его цѣли, и который* прямо, безъ уклоненія, привелъ Пьемонтъ, короля и Италію къ освобожденію. Этотъ человѣкъ—Кавуръ. Въ Сардиніи только и есть два имени—Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ. Когда пьемонтцы произносятъ эти имена, ихъ сердце бьется сильнѣе, и слезы благоговѣнія и радости подступаютъ къ глазамъ. Они не говорятъ: графъ Кавуръ, а просто—*графъ*. Онъ для нихъ все. Все, что̀ сдѣлало изъ Пьемонта страну благородную, мудрую, славную, свободную,—все пришло отъ Кавура, и за то безпредѣльна *признательность къ этому министру* — великому и простому, простому, какъ дѣловой человѣкъ, великому, какъ благодѣтель».

Такъ начинаетъ жизнеописаніе Кавура одинъ французскій біографъ, писавшій въ 1859 г. Тогда еще не могло придти въ голову Итальянское королевство; но я несомнѣваюсь, что и теперь біографъ готовъ повторить то же самое, подставивъ, вмѣсто Пьемонта, слово: Италія. Тѣмъ не менѣе, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что графъ Кавуръ—личность пьемонтская, и что самымъ горячимъ его поклонникамъ, вплоть до итальянской войны, не вспадало на мысль дѣлать изъ него обще-итальянскаго героя, несмотря даже на подвиги его на парижскомъ конгрессѣ. И мы признаемся, что съ такой точки зрѣнія гораздо удобнѣе обозрѣвать *жизнь туринскаго министра*, почему мы и постараемся удержаться на ней сколько возможно долѣе.

Французскій біографъ претендуетъ, что предки Кавура вышли въ люди очень недавно, чуть-ли не при Карлѣ-Альбертѣ; но французъ въ этомъ случаѣ является жалкою жертвою своего легкомыслія. По тщательнѣйшимъ изслѣдованіямъ, родословное древо Кавуровъ теряется въ сумракѣ временъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ половинѣ XIII столѣтія одинъ изъ его предковъ владѣлъ помѣстьями въ маленькой республикѣ Кьери, существовавшей тогда въ Пьемонтѣ, и что папа Иннокентій IV далъ ему грамоту, исключавшую его изъ общаго церковнаго проклятія, которое постигло тогда бѣдную республику. Какъ видите, исторія застаетъ родъ Кавуровъ въ очень благородныхъ расположеніяхъ.

По матери Кавуръ происходилъ отъ рода савойскаго и умѣлъ цѣнить это. Однажды въ палатѣ, когда какой-то депутатъ сталъ говорить дурно о савойцахъ, Кавуръ прервалъ его восклицаніемъ: «сердце мое возмущается, когда обижаютъ савойцевъ, потому что въ жилахъ моихъ течетъ немножко *савойской крови*»... Мы замѣчаемъ это за тѣмъ, чтобы поставить на видъ читателю, каково должно быть самоотверженіе Кавура, рѣшившагося для пользы отечества уступить Савойю императору французовъ. Указывали на Гарибальди, огорчившагося уступкою его родного города — Ниццы; Кавуръ, въ свою очередь, могъ указать на себя. Правда, впрочемъ, что по-

[1]) И не однѣ онѣ: почти вся русская журналистика видѣла въ Кавурѣ положительныя достоинства.

нятія этихъ людей о спорномъ вопросѣ были нѣсколько различны: Гарибальди чувствовалъ себя итальянцемъ, и свой городъ принадлежащимъ Италіи; Кавуръ же находилъ, что, какъ Ницца, такъ и Савойя въ особенности — вовсе съ Италіей ничего общаго не имѣютъ, а естественнѣйшимъ образомъ принадлежатъ Франціи.

Впрочемъ въ то время, какъ Кавуръ родился (10 августа 1810 года, въ Туринѣ), весь Пьемонтъ былъ французской провинціей; только пять лѣтъ спустя получилъ онъ обратно свою независимость. По обыкновенному порядку вещей можно бы ожидать, что въ семейныхъ преданіяхъ и, слѣдовательно, въ воспитаніи мальчика останутся и какіе-нибудь враждебные слѣды противъ чужеземнаго занятія страны и противъ его виновниковъ. Но на дѣлѣ, какъ видимъ, не случилось ничего подобнаго. Зато, по словамъ итальянскаго біографа Кавура, профессора Бонги,—онъ наслѣдовалъ отъ своего рода вотъ что:

«Графъ Камилло получилъ отъ предковъ своихъ то чувство, которое принадлежитъ древнимъ и знаменитымъ породамъ, если только онѣ не выродятся; это—внутреннее, инстинктивное чувство отечественной исторіи, которой часть составляютъ они сами, чувство, въ которомъ сливаются для нихъ воспоминанія прошедшаго съ надеждами будущаго, и открывается основаніе, на которомъ государственный мужъ, призванный не только къ сохраненію, но и къ обновленію, строитъ свое зданіе и утверждаетъ свою политику. Это именно чувство и служитъ причиною, что люди, принадлежащіе къ фамиліямъ, уже прославленнымъ въ національной исторіи, оказываются болѣе способными продолжать ее, нежели тѣ, которые выходятъ изъ рода, долженствующаго въ первый разъ ознаменовать свое имя».

Замѣтимъ, что это писано въ началѣ 1860 г., слѣдовательно, едва-ли слѣдуетъ выписанныя слова принимать даже за пику противъ Гарибальди. Въ то время сторонники Кавура еще очень мало хлопотали о томъ, чтобъ не давать спуску Гарибальди, и потому высокія размышленія профессора Бонги могли быть высказаны безъ всякой задней мысли, просто, какъ искреннее убѣжденіе автора, вѣроятно тоже происходящаго изъ древней и знатной фамиліи.

Воспитаніе графа Камилло намъ почти неизвѣстно; надо только предполагать, что въ немъ преобладало французское вліяніе. Французъ біографъ, восхваляя неутомимую дѣятельность Кавура, говоритъ пренаивно: «графъ страшно работалъ всю свою жизнь,—усвоилъ французскій языкъ и французскія идеи, оставался нѣмымъ зрителемъ бѣдствій Италіи, давая себѣ клятву»... и проч. Болѣе глупой и нелогической рѣчи, конечно, мудрено придумать, но на это претендовать ничего; а дѣло въ томъ, что «énorme travail» изученія французскаго языка былъ поднятъ Кавуромъ, конечно, въ раннемъ дѣтствѣ. Съ французской аристократіей родъ Кавуровъ находился, кажется, въ наилучшихъ отношеніяхъ: крестной матерью графа Камилло была сестра Наполеона, княгиня Полина Боргезе; первоначальное его воспитаніе было поручено французскому аббату Фрезе, замѣчательному сочиненіемъ французской исторіи Савойскаго дома. Подъ руководствомъ почтеннаго аббата оставался графъ Камилло до четырнадцатаго года, а потомъ отданъ былъ отцомъ въ туринскую военную академію.

Что онъ дѣлалъ въ академіи, намъ опять неизвѣстно. Разсказываютъ только, что учился онъ прилежно, особенно успѣвалъ въ математикѣ и былъ нелюбимъ своими товарищами—за излишнюю наклонность къ сарказмамъ, соединенную съ натуральною гордостью, приличною его роду. Послѣднее обстоятельство можетъ быть важнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, для объясненія послѣдующей дѣятельности Кавура; кромѣ того, оно важно въ связи съ тѣми извѣстіями, какія мы имѣемъ о его родителяхъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что онъ съ ними разошелся въ мнѣніяхъ: но самое важное—первыя впечатлѣнія жизни были, какъ оказывается, въ соотвѣтствіи съ семейными началами. А семейство Кавуровъ не пользовалось отличной репутаціей въ Туринѣ: отецъ графа Камилло занималъ какое-то важное административно-полицейское мѣсто въ городѣ и умѣлъ отправлять свои обязанности къ всеобщему неудовольствію; кромѣ того, онъ занимался разными торговыми спекуляціями, очень выгодными для него, но положительно разорительными для массы потребителей. Все это не было тайной; но старикъ Кавуръ, исполненный сознанія своего дворянскаго достоинства и довольный барышами, относился самымъ презрительнымъ образомъ къ общественному мнѣнію. Гордый довѣріемъ Карла-Альберта, въ то время принца Кариньянскаго, онъ былъ врагомъ всякихъ льготъ, реформъ, перемѣнъ; о правахъ народа не хотѣлъ и слышать, и если цѣнилъ кого-нибудь, то лишь компанію важныхъ особъ, такихъ же аристократовъ и обскурантистовъ, какъ онъ, собиравшихся въ его салонѣ. Подъ такими вліяніями, приправленными моралью аббата Фрезе, росъ маленькій Камилло, и немудрено, что товарищи не любили его въ школѣ, особенно, когда вспомнимъ, что поступилъ онъ туда около 1823 г.

Само собою разумѣется, что если бъ онъ былъ и набитымъ дуракомъ, то былъ въ школѣ «отличенъ» начальствомъ: это требовалось его происхожденіемъ и положеніемъ его отца. Но при этомъ, Камилло былъ мальчикъ очень способный и прилежный. Нельзя думать, чтобъ онъ очень многому и очень хорошо научился въ семь лѣтъ, которыя пробылъ въ туринской военной школѣ; но по крайней мѣрѣ то, чему тамъ учили, онъ зналъ хорошо. Замѣчаютъ даже, что, сидя постоянно за занятіями, онъ не имѣлъ достаточно придворной ловкости и «манеръ»: въ награду за хорошее ученье и поведеніе, равно какъ и за службу отца, его-было назначили пажемъ къ Карлу-Альберту; но, въ качествѣ пажа, Камилло оказался никуда негоднымъ и вскорѣ былъ лишенъ этой чести. Тутъ всѣ біографы приводятъ сарказмъ, произнесенный имъ по этому случаю въ отвѣтъ на нѣкоторыя насмѣшки и сожалѣнія: [«я очень радъ,—сказалъ Кавуръ, — что сбросилъ съ себя это *ярмо*...] Біографы видятъ въ этомъ великое доказательство независимости характера, проявившагося уже въ столь раннемъ возрастѣ, глубокое отвращеніе ко всякаго рода [ливреѣ] [1]); но мы, боясь ошибиться, не станемъ рѣшать, были ль эти слова точно признакомъ независимости характера, или просто слѣдствіемъ ребяческой досады, очень понятной, при такомъ афронтѣ, въ воспитанникѣ туринской военной школы.

Въ 1829 году кончилъ графъ Камилло свой курсъ и вышелъ изъ школы съ чиномъ инженернаго лейтенанта. Отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ военную карьеру, и молодой Кавуръ остался въ военной службѣ, хотя и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго расположенія. Но служить пришлось ему недолго, — надежды благонамѣреннаго отца не оправдались: сынъ вдругъ оказался вольнодумцемъ, либераломъ и чуть ли не противникомъ власти. Это явленіе для насъ нисколько не представляется удивительнымъ, когда мы знаемъ, что̀ такое былъ и чѣмъ всегда оставался либерализмъ Кавура; но для родителей его и того уже было слишкомъ много. Много было и для тогдашняго правительства пьемонтскаго: на молодого Кавура уже обратили вниманіе очень зоркое. Въ 1831 году былъ онъ въ Генуѣ для надзора за устройствомъ новыхъ укрѣпленій, и тутъ началъ говорить до того либерально, что его невозможно было терпѣть болѣе на видныхъ мѣстахъ. Распорядились перевести его въ гарнизонъ маленькаго форта Барда... Кавуръ, конечно, осердился и сказалъ, что не хочетъ больше служить. Какъ видно, немилость къ нему была еще не очень грозна, потому что отставку онъ получилъ безъ особенныхъ затрудненій.

И очутился онъ на свободѣ, 22 лѣтъ, блестящій офицеръ, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей. Что ему дѣлать, въ чемъ убить свое время? Конечно, развлеченія всякаго рода были у него подъ рукою, и онъ никогда не пренебрегалъ ими, по замѣчанію его біографа. Но, какъ человѣкъ неглупый и честолюбивый, онъ не могъ на нихъ успокоиться. При томъ же, нѣкоторыя идеи, разъ запавшія ему въ голову, не могли ужъ быть изъ нея выброшены... И вотъ онъ предался тому образу жизни, который такъ обыкновененъ и такъ знакомъ многимъ «передовымъ» людямъ недавнихъ временъ въ разныхъ странахъ Европы... Это жизнь созерцательнаго, платоническаго либерализма, крошечнаго, умѣреннаго и не иначе переводящагося изъ словъ въ дѣло, какъ тогда, когда уже оставаться въ бездѣйствіи становится невыгодно и даже, пожалуй, опасно. Этихъ людей немного повсюду [можетъ быть, даже наши читатели припомнятъ нѣсколько знакомыхъ въ подобномъ родѣ]. Люди эти не настолько тупы, чтобы не понимать дикости нѣкоторыхъ дикихъ вещей, и потому охотно говорятъ противъ этой дичи, говорятъ обыкновенно тѣмъ охотнѣе, чѣмъ менѣе представляется имъ возможность перейти отъ словъ къ дѣлу... Но— или по темпераменту, или по своему внѣшнему положенію — они никакъ не могутъ дойти до послѣднихъ выводовъ, не въ состояніи принять рѣшительныхъ радикальныхъ воззрѣній, которыя честнаго человѣка обязываютъ уже прямо къ дѣятельности, къ пожертвованіямъ... Нѣтъ, девизъ этакихъ людей—не дѣлать зла (т.-е. какъ они понимаютъ опять) и даже по возможности дѣлать добро, когда это не представляетъ ни малѣйшаго риска. Дальше они нейдутъ.

Соображая все, что̀ представляетъ намъ жизнь Кавура, мы находимъ, что съ самаго начала своей самостоятельной жизни онъ шелъ именно этимъ путемъ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ сдѣлался распорядителемъ цѣлаго королевства,—да и послѣ-то не очень измѣнился. Двѣнадцать лѣтъ его жизни, съ отставки до возвращенія изъ Англіи, намъ почти неизвѣстны и не ознаменованы ничѣмъ особеннымъ. Но, пользуясь отсутствіемъ внѣшне-занимательныхъ событій, мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній о значеніи этого періода для внутренняго развитія и установленія характера и образа мыслей графа Кавура.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, Пьемонтъ былъ едва-ли не самою обску-

[1]) зависимости

рантскою и деспотическою частью Италіи. Дурныя стороны правительства не могли не бросаться въ глаза молодежи, получившей хоть начатки какого-нибудь образованія. Не могъ не видѣть этихъ дурныхъ сторонъ и Кавуръ, несмотря на вліяніе родительскаго кружка. Такимъ образомъ, недовольство, желаніе реформъ, ропотъ противъ нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій—невольно проявились въ немъ; это было совершенно въ порядкѣ вещей, и иначе даже и быть не могло. Неудовольствіе въ то время было въ Италіи общее, броженіе въ молодежи чрезвычайно сильно, а іюльская революція, только-что совершившаяся во Франціи, еще болѣе разгорячала и ободряла волновавшіеся умы. У молодого Кавура была, кромѣ того, еще личная причина къ неудовольствіямъ — неудача служебной карьеры. Всѣ отзывы о немъ согласны въ томъ, что онъ всегда былъ оченъ гордъ и терпѣть не могъ подчиняться чужимъ приказамъ. Поэтому, служить такъ, какъ тогда требовалось въ Пьемонтѣ, служить по-молчалински, выжидая милостиваго вниманія начальства, онъ рѣшительно не могъ. А между тѣмъ какую-нибудь роль надо было играть ему, хотя бы въ своемъ кружкѣ. Роль эта указывалась тогда прямо нѣкоторыми передовыми людьми: работать для единства и свободы Италіи. Начиная эту работу, многіе юноши, ровесники Кавура, уже насидѣлись и въ тюрьмахъ, и изгоняемы были, и за границей составляли общества и готовили великое дѣло единства Италіи, совершающееся теперь на нашихъ глазахъ. Но молодому Кавуру вовсе не по душѣ была такая дѣятельность: онъ окруженъ былъ комфортомъ, исполненъ разнаго рода наслѣдственныхъ претензій, связанъ былъ съ аристократическимъ кружкомъ, и поэтому никакъ не могъ поддаться радикальной пропагандѣ, которою тогда увлечена была молодежь въ Италіи. Не то, чтобы онъ не признавалъ святости цѣли этой пропаганды, но онъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ и отваги, чтобы вѣрить достиженію этой цѣли. Люди, подобные ему, смѣялись въ то время надъ «единствомъ свободной Италіи» и ограничивали свою программу желаніемъ какихъ-нибудь реформъ въ существующихъ правительствахъ. Да и относительно этихъ реформъ, они далеко расходились съ радикалами. Тѣ всегда хотѣли коренныхъ измѣненій, требовали новаго направленія; эти желали, чтобъ все улучшалось понемножку, ни мало не безпокоя установленнаго порядка. Тѣ требовали пособія и отъ министровъ, и отъ государей, но работали и сами неутомимо, говоря: если вы не хотите, мы и безъ васъ сдѣлаемъ. Въ 1831 году, Маццини, уже изгнанникъ, писалъ къ Карлу-Альберту письмо, чтобы убѣдить его вступить на либеральный путь, и оканчивалъ такимъ образомъ: «отъ васъ зависитъ — быть или *первымъ* между современниками, или *послѣднимъ* тираномъ Италіи». Люди кавуровскаго характера, напротивъ, ограничивались желаніями и надеждами на правительство и ничего не дѣлали для того, чтобы заставить его приступить къ реформамъ. Оттого Кавуръ и его друзья только въ 1847 году, 16 лѣтъ спустя послѣ письма Маццини, рѣшились выразить Карлу-Альберту то же желаніе, какое было въ [знаменитомъ] письмѣ, да и то высказывали въ формахъ, гораздо болѣе робкихъ. Кавуръ и тутъ находилъ, что еще опасно дѣйствовать слишкомъ рѣшительно... Для людей радикальной партіи идеи народной свободы и единства Италіи были потребностью жизни, какъ бы пищею ихъ, и они съ жадностью бросались на эту пищу, какъ голодные, не разбирая, пробилъ ли обычный часъ обѣда, и накрытъ ли столъ. Кавуръ же былъ сытъ собственнымъ благосостояніемъ и относительной свободой, которой пользовался все-таки, несмотря на всеобщее стѣсненіе; поэтому онъ и не очень рвался на предложенную пищу и выбиралъ изъ нея то, что̀ ему понравится, и очень заботился о томъ, чтобы покушать съ комфортомъ и не разстроить черезъ это ни одного изъ обычныхъ, ежедневныхъ занятій. Такимъ образомъ, въ то время, какъ люди болѣе рѣшительные и преданные своей идеѣ вызывали народъ на борьбу и, едва успѣвъ избѣжать тюрьмы, продолжали свою работу, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ изгнанія,—въ это время Кавуръ, такой же юноша, какъ они, изумлялъ своимъ либерализмомъ дряхлыхъ обскурантовъ, собиравшихся въ салонѣ его отца и въ другихъ

Богатоубранныхъ палатахъ.

Отецъ смотрѣлъ на это косо, и молодой Кавуръ скоро повелъ жизнь довольно отдѣльную. У него, въ его собственномъ салонѣ, собирались уже люди, близкіе ему по убѣжденіямъ. Они толковали, толковали очень умно, по всей вѣроятности, бранили правительство и еще болѣе бранили сумасбродовъ, распространявшихъ по Италіи разныя вредныя утопіи. «Умъ Кавура, разсчетливый и холодный, — говоритъ біографъ его,—взвѣшивалъ силы правительствъ, которыя стояли за себя, съ силами разныхъ сектъ, нападавшихъ на нихъ, и не находилъ возможности къ побѣдѣ сектаторовъ; при томъ же, онъ видѣлъ, что если правительства шли дурною дорогой, то секты слѣдовали, если возможно, еще худшимъ пу-

темъ». Вслѣдствіе этого, Кавуръ, несмотря на свое увѣреніе въ парламентѣ нынѣшняго года, будто онъ «18 лѣтъ былъ заговорщикомъ», никогда не былъ членомъ ни «Giovani Italia», ни другой подобной секты, не былъ замѣшанъ въ смутахъ 1833 года, и вообще, послѣ своей отставки, ничѣмъ не компрометтировалъ себя передъ правительствомъ. Не видя возможности отличиться и выиграть что-нибудь на государственномъ поприщѣ, онъ нашелъ, что надо заняться хоть гуано какимъ-нибудь, и точно—предался мирнымъ занятіямъ гуано и вообще сельскимъ хозяйствомъ. Говорятъ, что началомъ употребленія гуано въ земледѣліи Пьемонтъ обязанъ Кавуру, и, вѣроятно, это самая важная услуга, оказанная имъ отечеству въ этотъ довольно длинный періодъ.

Но и гуано не удовлетворило графа; не лучшій успѣхъ имѣло и пробковое дерево. Молодой графъ рѣшилъ, что отечество тѣсно для него, и отправился путешествовать. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ во Франціи и Англіи, постоянно находясь въ самомъ лучшемъ обществѣ, снискавъ уваженіе англійскихъ государственныхъ людей и обративъ на себя вниманіе французскихъ литературныхъ корифеевъ нѣсколькими статьями въ «Revue Nouvelle».

Изъ этихъ статей нѣкоторыя заслуживаютъ вниманіе именно въ томъ отношеніи, что показываютъ развитіе и направленіе идей Кавура въ это время. Читая ихъ, вы видите уже не юношу, безсознательно боящагося отказаться отъ выгодъ своего положенія для общаго дѣла, не наивнаго либерала, не знающаго, куда и во что ему броситься, чтобы прикрыть свое бездѣйствіе. Нѣтъ, здѣсь вы видите уже человѣка серьезнаго, съ пользою прочитавшаго многихъ экономистовъ, научившагося «благоговѣть предъ удивительнымъ зданіемъ англійской конституціи» и добывшаго строгія научныя основанія для оправданія своего поведенія. Такъ, многія изъ его понятій высказываются въ статьѣ: «Des idées communistes et des moyens d'en combattre le dévoleppement». По основнымъ началамъ, по строгости логики и широтѣ воззрѣній, статью эту можно сравнить только съ знаменитою статьею г. Ржевскаго «О средствахъ къ развитію пролетаріата» (хотя заглавія обѣихъ статей и кажутся противоположными). Конечные выводы Кавура тѣ же самые, если мы хорошо помнимъ, что и у г. Ржевскаго: идеи коммунизма (къ которому онъ, по обычаю, приплетаетъ и соціализмъ) суть слѣдствіе гнусной зависти низшихъ классовъ къ высшимъ, основаны на невѣжествѣ и въ особенности на отсутствіи здравыхъ экономическихъ понятій. Средства противъ нихъ — распространеніе началъ политической экономіи, и въ то же время благотворительность къ бѣднымъ со стороны богатыхъ. Вотъ его слова изъ заключенія: «Такимъ образомъ, каждому свое дѣло: философъ и экономистъ, въ тишинѣ своего кабинета, опровергнутъ заблужденія коммунизма; но ихъ дѣло не будетъ плодотворно, если въ то же время благородные люди, выполняя на дѣлѣ великій принципъ всеобщаго милосердія, не будутъ дѣйствовать на сердца, между тѣмъ какъ наука будетъ убѣждать разумъ».

Впрочемъ, біографъ Кавура, неизвѣстно почему, находитъ статью о средствахъ противодѣйствовать коммунизму не очень хорошею, и увѣряетъ, что «болѣе сообразно съ свойствомъ его генія» было другое произведеніе: «О положеніи Ирландіи и ея будущности». Здѣсь, какъ можно ожидать, онъ хвалитъ О'Коннеля за то, за что другіе бранятъ его, то-есть, за трусливую половинчатость его дѣйствій, и, напротивъ, бранитъ за всякій шагъ, нѣсколько рѣшительный. Гораздо любопытнѣе сужденія объ О'Коннелѣ показались намъ въ этой статьѣ мысли о Питтѣ. Рисуя портретъ Питта, Кавуръ какъ бы изображалъ самого себя,— по замѣчанію его біографовъ. Приведемъ же этотъ портретъ Питта, чтобы видѣть, каковъ Кавуръ, самъ себя изображающій.

«Объ этомъ знаменитомъ государственномъ мужѣ, — пишетъ Кавуръ, — господствуетъ мнѣніе, чрезвычайно ложное. Впадаютъ обыкновенно въ самую грубую ошибку, представляя его приверженцемъ всякихъ злоупотребленій и угнетенія, въ родѣ лорда Эльдона или князя Полиньяка. Совсѣмъ напротивъ... Питтъ имѣлъ идею своего времени: сынъ лорда Чатама не былъ ни другомъ деспотизма, ни поборникомъ религіозной нетерпимости. Съ умомъ могучимъ и обширнымъ, онъ любилъ власть, какъ средство, но не какъ цѣль. Онъ вступилъ въ политическую жизнь, ратоборствуя противъ ретроградной администраціи лорда Норта, и, едва сдѣлавшись министромъ, провозгласилъ необходимость парламентской реформы. Конечно, Питтъ не былъ изъ тѣхъ горячихъ людей, которые, въ энтузіазмѣ своемъ къ великимъ интересамъ человѣчества, идутъ на опасности, несмотря ни на препятствія, воздвигнутыя противъ нихъ, ни на вредъ, который можетъ произойти отъ ихъ усердія. Онъ не былъ изъ тѣхъ, которые хотятъ перестроить общество въ основаніяхъ, при помощи всеобщихъ началъ и гуманитарныхъ теорій. Умъ глубокій и холодный, свободный отъ предразсудковъ, онъ не былъ одушевляемъ ничѣмъ инымъ, какъ

любовью къ отечеству и къ славѣ. Въ началѣ своей карьеры онъ видѣлъ недостатки общественнаго устройства и хотѣлъ исправить ихъ. Если бы продолжалось его управленіе въ періодъ мира, то, конечно, онъ сдѣлался бы реформаторомъ въ родѣ Паля и Каннинга, соединяя смѣлость и обширность видовъ одного съ благоразуміемъ и искусствомъ другого. Но когда увидѣлъ онъ на горизонтѣ приближающійся ураганъ французской революціи, то съ проницательностью, свойственною умамъ высшимъ, предусмотрѣлъ гибельность демагогическихъ принциповъ и опасность, которою угрожали они Англіи. Разомъ остановился онъ въ своихъ предначертаніяхъ реформъ, чтобы обратить все вниманіе на приготовлявшійся кризисъ. Онъ понялъ, что въ виду движенія революціонныхъ идей, угрожавшаго проникнуть и въ Англію, было бы безразсудно касаться священнаго ковчега конституціи и ослаблять національное къ ней уваженіе, принимаясь за передѣлку дурныхъ частей общественнаго зданія, освященнаго временемъ. Съ того дня, какъ революція, перешедшая за предѣлы страны, въ которой родилась, стала грозить Европѣ, Питтъ не имѣлъ для себя другой цѣли, какъ бороться противъ Франціи, чтобы воспрепятствовать ультра-демократическимъ идеямъ вторгнуться въ Англію. Этому высочайшему интересу посвятилъ онъ всѣ свои силы, для него пожертвовалъ всѣми другими политическими соображеніями».

Характеръ Кавура и его воззрѣнія опредѣляются уже довольно ясно въ этихъ строкахъ, которыя, въ самомъ дѣлѣ, могутъ служить объясненіемъ его поведенія въ Италіи, когда онъ поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ Гарибальди и «передовой партіей» (partito avanzato). Какъ увидимъ, вся сущность его политики состояла въ томъ же, за что онъ превозноситъ Питта: сначала—желаніе кое-какихъ улучшеній, планы реформъ, а затѣмъ—реакція противъ тѣхъ, кто хотѣлъ вести эти реформы дальше, реакція, внушенная страхомъ, чтобы реформы не зашли слишкомъ далеко и не коснулись «основъ общественнаго зданія».

II.

Просвѣтивши свой умъ и сердце въ Англіи и Франціи, графъ Камилло вернулся въ любезное отечество, въ которомъ начинало пошевеливаться что-то новое. Кавуръ началъ проповѣдывать свои либеральныя воззрѣнія съ большей смѣлостью... Но все еще было не пора: 1842 г. онъ принялъ участіе въ обществѣ для основанія дѣтскихъ пріютовъ; но президентъ комитета, нѣкто Чезаре Салюццо, попросилъ его выйти изъ членовъ, *для блага общества*, которое могло подвергаться опасности изъза такого либеральнаго члена. Десять лѣтъ спустя, будучи уже министромъ, Кавуръ самъ вспомнилъ объ этомъ въ парламентѣ, не безъ юмора и не безъ гордости... Но въ 1842 году, приглашеніе г. Салюццо, вѣроятно, не осталось совершенно безъ дѣйствія: въ этомъ же году Кавуръ сдѣлался членомъ-основателемъ земледѣльческаго общества, и здѣсь уже былъ очень смиренъ. Весь либерализмъ его ограничивался здѣсь въ первое время тѣмъ, что онъ ратовалъ въ журналѣ общества противъ заведенія образцовыхъ фермъ въ Пьемонтѣ.

Но событія шли своимъ чередомъ. Партія «горячихъ людей», противъ которыхъ возстаетъ Кавуръ, работала неутомимо, проникая своей пропагандой чрезъ всѣ заторы, во всѣ государства Италіи. Открытыхъ возстаній не было, кромѣ несчастной попытки братьевъ Бандьера и еще нѣсколькихъ незначительныхъ вспышекъ, большею частью въ Обѣихъ Сициліяхъ; но броженіе умовъ было уже сильно и давало себя чувствовать повсюду. Слабый и подозрительный Карлъ-Альбертъ, постоянно воображавшій себя «между кинжаломъ сектаторовъ и шоколадомъ іезуитовъ», въ это время какъ будто яснѣе увидѣлъ передъ собою кинжалъ и началъ подумывать, что отъ шоколада можно и отказаться. Не разъ высказывалъ онъ свое желаніе стать защитникомъ итальянской независимости; патріотическія творенія, въ родѣ Джоберти и Азеліо, свободно обращались въ его владѣніяхъ... Въ половинѣ 1846 г., либеральныя мѣры новаго папы съ очевидностью доказывали всѣмъ, до какой степени стало невозможно итальянскимъ правительствамъ держаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ народу. Вслѣдъ за папою стали давать разныя льготы и усовершенствованія и другіе владѣтели Италіи, исключая короля неаполитанскаго; поддался немножко и Карлъ-Альбертъ. Было ясно, что наступаетъ время жатвы... Но сѣятели были далеко, и, вмѣсто ихъ, выступилъ теперь на работу графъ Кавуръ.

Почему же сами сѣятели не явились? А кто ихъ знаетъ! Одни говорятъ, что по страху, другіе,—что по глупости, третьи,—что по ехидству: зачѣмъ, дескать, взошло то, что ими посѣяно!.. [Они, видите, сѣяли будто бы для того только, чтобы руками махать, и никакъ не воображали, чтобы изъ ихъ маханья могло что-нибудь выйти].

Сами сѣятели, впрочемъ, имѣютъ претензію, что и жали-то собственно они же,

а только собирать въ житницу пришлось не имъ. Говоря безъ метафоръ, они увѣряютъ, что всѣ облегченія и либеральныя мѣры правительствъ Италіи предъ 1848 годомъ были слѣдствіемъ страха предъ тѣмъ рѣшительнымъ положеніемъ, какое было принято народомъ, подъ вліяніемъ революціонной пропаганды. Народныя возстанія 1848 года не только не привлекли участія Кавура, но даже были имъ неодобряемы; а между тѣмъ, вступленіе Пьемонта на конституціонную дорогу было прямымъ слѣдствіемъ событій, развившихся изъ этихъ возстаній. Такимъ образомъ, до власти и до возможности безопасно и громко либеральничать Кавуръ донесенъ былъ той самой партіей, въ которой ничего не хотѣлъ видѣть, кромѣ вредныхъ химеръ... Такъ говорятъ приверженцы «передовой» партіи, противной Кавуру. Кавуръ, конечно, съ ними не согласенъ, несогласны, какъ мы видѣли, и французскіе журналы, и англійскіе государственные мужи, — ergo несогласны и мы... А ежели читатель имѣетъ претензію на самостоятельность сужденія, то пусть самъ разберетъ, кто правъ, кто виноватъ. Мы же обратимся къ изложенію подвиговъ Кавура.

Закономъ 30 октября 1847 года дана была нѣкоторая свобода журналистикѣ въ Пьемонтѣ. Кавуръ немедленно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, соединившись съ графомъ Бальбо и графомъ Санта-Роза, основалъ журналъ «Risorgimento» (Воскресенье или Возстаніе), который и началъ выходить съ половины декабря, объявивъ слѣдующіе принципы: независимость Италіи, единеніе итальянскихъ властителей съ народомъ, прогрессы на пути реформъ, союзъ между итальянскими государями... Къ этому прибавлялось, что лучшимъ украшеніемъ и благороднѣйшею чертою итальянскаго движенія должны быть спокойствіе и умѣренность.

Программу эту «Risorgimento» исполнялъ постоянно и добросовѣстно. Какъ добавленіе къ ней, въ родѣ неоффиціальной части, надо замѣтить постоянное восхваленіе государственныхъ учрежденій Англіи, въ статейкахъ, писанныхъ самимъ Кавуромъ и утвердившихъ за нимъ на нѣкоторое время прозвище «лорда Кавура».

Съ конца 1847 года начинается самоотверженная дѣятельность графа на поприщѣ либерализма. 21-го декабря онъ, вмѣстѣ со многими другими патріотами, подписалъ смѣлое прошеніе къ королю неаполитанскому, который казался плохо расположеннымъ слѣдовать примѣру Пія IX на пути реформъ. Въ прошеніи умоляли короля «присоединиться къ политикѣ благоразумія, прощенія, цивилизаціи и любви христіанской». И дѣйствительно, мы знаемъ, что съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того (28 января 1848 г.) въ Неаполѣ обнародованы были основанія конституціи.

Впрочемъ, можетъ быть, на Фердинанда II подѣйствовало не столько прошеніе, подписанное, между прочимъ, Кавуромъ, сколько возстаніе, происшедшее 12-го января въ Сициліи и вслѣдъ затѣмъ въ Неаполѣ. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что Фердинандъ противился до послѣдней крайности и не уступилъ иначе, какъ по рѣшительной необходимости... Съ этимъ соглашается, въ своей «Исторіи Италіи», даже другъ и сотрудникъ Кавура, графъ Чезаре Бальбо (т. II, стр. 234).

Но, во всякомъ случаѣ, ясно одно, что графъ Кавуръ гораздо благовременнѣе умѣлъ заявлять свои требованія, нежели, напримѣръ, глава «Юной Италіи», обращавшійся съ своими совѣтами къ Карлу-Альберту еще въ 1831 году!..

Еще болѣе доказалъ свою политическую мудрость графъ Кавуръ въ дѣлѣ генуэзской депутаціи, 7-го января 1848 года. Біографъ его говоритъ, что тутъ графъ далъ «лучшее и величайшее доказательство проницательности своего разума и рѣшительности своего духа». Дѣло было такъ. Изъ Генуи явилась депутація — требовать отъ короля учрежденія въ городѣ національной гвардіи и изгнанія іезуитовъ. Редакторы разныхъ журналовъ и нѣкоторые ихъ сотрудники собрались съ тѣмъ, чтобы рѣшить общими силами поддерживать требованіе Генуи въ журналистикѣ. Кавуръ отличился передъ всѣми: онъ совѣтовалъ, вмѣсто тѣхъ или другихъ реформъ, прямо требовать конституціи. Столь смѣлое предложеніе испугало очень многихъ, и противъ него возстали, по свидѣтельству итальянскаго біографа, даже многіе люди демократической партіи. Послѣднее обстоятельство не вполнѣ объяснено; но оно дѣлается менѣе страннымъ, когда мы прочтемъ разсужденія Кавура по этому поводу. Такъ, онъ говорилъ, между прочимъ: «Къ чему служатъ требованія, которыя — будутъ ли отвергнуты или признаны—во всякомъ случаѣ, волнуютъ государство и уменьшаютъ нравственный авторитетъ правительства? Такъ какъ правительство не можетъ болѣе править на основаніяхъ, на которыхъ правило до сихъ поръ, то пусть приметъ другія, болѣе согласныя съ духомъ времени и съ успѣхами цивилизаціи, чтобы потомъ не было поздно, и чтобы всякая власть общественная не была низвергнута и уничтожена предъ криками народа».

Изъ этого видно, что положеніе было

уже очень натянуто, и что самъ Кавуръ заслышалъ уже приближавшуюся силу «народныхъ криковъ». Немудрено, что другіе слышали ихъ гораздо яснѣе и хотѣли предоставить имъ рѣшеніе вопроса, [не надѣясь получить добромъ отъ слабаго Карла-Альберта ничего, кромѣ половинныхъ и невѣрныхъ льготъ].

Тѣмъ не менѣе, Кавуръ вскорѣ писалъ въ своемъ журналѣ, что желательно, чтобъ король «перенесъ всякія общественныя разсужденія съ опасной арены неправильныхъ волненій въ сферу преній законныхъ, мирныхъ и правильныхъ». Это уже было довольно ясно и смѣло. Но Кавуръ съ друзьями пошли дальше: они редижировали прошеніе къ Карлу-Альберту о дарованіи конституціи, и графъ Санта-Роза (министръ) даже осмѣлился поднести его королю!.. Въ то же время англійскій посланникъ Эберкромби объявилъ, съ своей стороны, черезъ министра Санъ-Марцано, что уступить требованіямъ либераловъ—едва-ли не единственное средство спасенія для Карла-Альберта. И послѣ двухнедѣльныхъ колебаній, видя, что уже и въ Тосканѣ, и въ Неаполѣ дается конституція, король пьемонтскій рѣшился уступить, и 8-го февраля провозгласилъ основанія конституціи, а 4-го марта былъ объявленъ и самый статутъ...

Такимъ образомъ, ровно за мѣсяцъ впередъ графъ Кавуръ умѣлъ предусмотрѣть политическую необходимость, которой уступилъ потомъ Карлъ-Альбертъ!.. И именно въ это только время рѣшился онъ принять участіе въ дѣйствіи, доказывая тѣмъ свое превосходство предъ сумасбродами, предъявляющими требованія, [которыя исполняются развѣ только черезъ двадцать-тридцать лѣтъ] [1]).

Въ 1848 году графъ Кавуръ продолжалъ свое поприще въ журналѣ и сдѣлалъ первый дебютъ въ парламентѣ, куда выбранъ былъ депутатомъ. Успѣхи его на этотъ разъ были невелики. При началѣ войны, правда, онъ еще разъ показалъ свою политическую проницательность, доходившую до совершеннаго совпаденія съ событіями: 23 марта онъ восторженно писалъ въ «Risorgimento», что теперь необходима неотлагательная война съ Австріей, а 24-го Карлъ-Альбертъ издалъ прокламацію—что идетъ помогать возставшимъ ломбардцамъ, и 26-го точно выступилъ въ походъ. Но затѣмъ графъ Кавуръ разошелся нѣсколько съ общими желаніями, начавши (въ противность знаменитому «Italia farà da se») проповѣдывать необходимость чужеземной помощи. Тогда онъ не былъ, разумѣется, приверженцемъ французскаго союза—во Франціи была республика, и никто еще не предвидѣлъ Людовика-Наполеона,—но тѣмъ рѣшительнѣе настаивалъ Кавуръ на призваніи посредничества Англіи, ручаясь за ея благонамѣренность своимъ личнымъ знакомствомъ съ ея министрами. Такъ писалъ онъ въ журналѣ, такъ говорилъ и въ парламентѣ, и рѣчи его нерѣдко заглушались шумомъ крайней лѣвой и свистками въ галлереяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ это время нужно было ободрять итальянцевъ и всѣми силами возвышать ихъ довѣріе къ себѣ: только такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, можно было пріобрѣсти популярность. Но графъ Кавуръ гордился тѣмъ, что не дорожилъ популярностью, и смѣло толковалъ въ это время: «да гдѣ намъ? да что мы такое? Коли намъ другіе не помогутъ, такъ мы просто потерянные люди!». И событія оправдали его слова. Правда, дѣло итальянцевъ въ 1848—1849 гг. было потеряно именно оттого, что народное движеніе въ Верхней Италіи было возбуждено хоть и довольно сильно, но все-таки недостаточно; но, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, именно силы-то народнаго движенія всегда и опасался Кавуръ. Считая силы итальянцевъ, онъ бралъ въ разсчетъ единственно регулярныя силы правительства и арміи, нимало не думая о народѣ. И ему, конечно, казалось тогда, что если бъ Италія повела до конца все дѣло такъ, какъ начала его, т.-е. революціоннымъ путемъ, то она точно сама собою справилась бы съ своими врагами, но такому торжеству народа онъ едва-ли не предпочиталъ неаполитанскую и римскую реакціи и даже чуть ли не австрійское господство. Около этого времени онъ писалъ въ «Risorgimento»: «Люди энергическихъ мѣръ, люди, предъ которыми мы не болѣе какъ *умѣренные*, не новы въ мірѣ; каждая эпоха волненія имѣла своихъ, и исторія показываетъ, что они никогда не годились ни на что болѣе, какъ на то, чтобы произвести романъ или погубить важнѣйшія предпріятія человѣчества. Чѣмъ больше пренебрегаютъ они естественными путями, тѣмъ меньше успѣваютъ... И ежели нѣтъ прямо невозможности выполненія, то торжество всегда бываетъ мгновенно и призрачно. Толпа рукоплещетъ, но мудрый молчитъ; а событія оправдываютъ проницательность мудраго... Въ самомъ дѣлѣ, отчего погибло дѣло столькихъ революцій, самыхъ благородныхъ и справедливыхъ? Отъ безумства революціонныхъ средствъ, отъ людей, которые хотѣли сдѣлаться независимыми отъ общихъ законовъ и счи-

[1]) слишкомъ несвоевременныя.

тали себя достаточно сильными для того, чтобы все передѣлать въ основаніи».

И въ этихъ благоразумныхъ расположеніяхъ, Кавуръ возлагалъ свои надежды на правильный и мирный ходъ дѣлъ, на короля неаполитанскаго, тосканскаго великаго герцога, Пія IX и Карла-Альберта, полагая, что они «приведутъ къ счастливому концу свое славное и несравненное дѣло и оснуютъ на твердыхъ и глубокихъ основахъ блистательнѣйшее зданіе новѣйшихъ временъ—свободу Италіи».

И графъ Кавуръ до того былъ искренъ въ своихъ надеждахъ и сужденіяхъ, что послѣ извѣстія о кустоцскомъ пораженіи записался-было въ волонтеры и не отправился въ походъ только потому, что перемиріе помѣшало, а послѣ перемирія все-таки писалъ и говорилъ въ парламентѣ противъ возобновленія войны, продолжая настаивать на посредничествѣ Англіи. Продолженія войны, видите ли, требовала крайняя лѣвая, и депутатъ Брофферіо, за рѣчь о немедленномъ возобновленіи военныхъ дѣйствій, удостоился въ Туринѣ самой шумной народной овація: Кавуру показалось тогда, что опять революція готова обнять Италію, и онъ, несмотря на свой патріотизмъ, возобновилъ свою оппозицію противъ войны.

Впрочемъ, въ это время Кавуръ, сидя на крайней правой и всѣми силами поддерживая министерства Бальбо, Казатти и Пинелли,—одно хуже и непопулярнѣе другого,—вообще заслужилъ себѣ нехорошую репутацію. О немъ говорили, что «лорда Камилло можно сравнить только съ кавалеромъ Рельи, издателемъ «Пирата»: одинъ точно такъ же искусно и усердно защищаетъ безмозглыя министерства, какъ другой—безногихъ танцовщицъ»... Это было писано въ «Concordia», журналѣ демократовъ. Но надо думать, что Кавуръ дѣйствительно ужъ очень пересолилъ въ своемъ усердіи къ министерствамъ, потому что даже у Джоберти, человѣка довольно умѣреннаго, находимъ мы противъ него слѣдующую выходку: «Пинелли и его сотоварищи обязаны были продолженіемъ своей несчастной агоніи преимущественно Камилло Кавуру, который и рѣчью, и перомъ съ невѣроятнымъ задоромъ работалъ, чтобы дать кредитъ людямъ, очевидно бездарнѣйшимъ...» (Giob. Rinnov. I, p. 249). Изъ-за чего тутъ хлопоталъ графъ Кавуръ, рѣшить трудно: правда, что тутъ были его друзья и бывшіе сотрудники—графъ Санта-Роза, кавалеръ Бонкомпаньи и др. Но, кажется, у графа было ужъ врожденное пристрастіе къ министерствамъ; въ послѣднемъ парламентѣ онъ объявилъ, въ отвѣтъ на интерпелляціи Ламарморы, бывшаго военнаго министра, противъ Фанти: «въ восемь лѣтъ министерства г-на Ламарморы я всегда его поддерживалъ противъ всѣхъ интерпелляцій; теперь считаю нужнымъ сдѣлать то же въ отношеніи г. Фанти противъ г. Ламарморы; и если достопочтенный интерпеллянтъ не отступится отъ своихъ требованій и будетъ одобренъ палатою, то я дня не останусь въ министерствѣ». И интерпелляціи Ламарморы, какъ извѣстно, не были одобрены палатою, при всей силѣ общаго отвращенія къ Фанти.

Но въ 1848 и 49 гг. графъ Кавуръ не имѣлъ еще такой силы: оттого рѣчи его почти постоянно сопровождались свистками, Кавуръ выдерживалъ и даже иногда прибѣгалъ къ убогимъ общимъ мѣстамъ, одно изъ которыхъ было у насъ особенно въ ходу въ прошломъ году, по поводу овацій разнымъ литераторамъ. Говоря противъ проекта прогрессивнаго налога, предложеннаго однимъ изъ депутатовъ, Пескаторе, онъ пустился въ соображенія такого рода, которыя привлекли на него свистки... Тогда онъ возразилъ: эти свистки оскорбляютъ не меня, а достоинство палаты; я ихъ раздѣляю со всѣми моими сочленами»... Этой выходкой всѣ біографы восхищаются, а не знаютъ того, что наши литераторы то же говорили, одинъ за другимъ: эти рукоплесканія я не отношу лично къ себѣ, но ко всей русской литературѣ, которой я... и проч.

Иногда, впрочемъ, Кавуръ выходилъ изъ себя. Такъ, однажды, освистанный въ неудачной защитѣ противъ Брофферіо, онъ едва кончилъ свой отвѣтъ и, замѣтивъ, что въ галлереяхъ толпа продолжаетъ шумѣть и смѣяться и послѣ его рѣчи, когда уже началъ говорить что-то министръ внутреннихъ дѣлъ,—Кавуръ всталъ и, обратясь къ вице-президенту палаты, попросилъ его распорядиться о прогнаніи «державнаго народа» (popolo sovrano,—какъ говорятъ въ конституціонныхъ земляхъ Италіи) изъ его галлереи.

Къ довершенію своей дурной репутаціи, графъ Кавуръ имѣлъ нѣкоторыя обязательства съ клерикальной партіей: онъ былъ (по крайней мѣрѣ незадолго предъ тѣмъ) членомъ одного клерикальнаго клуба, дружилъ съ г. Марготти, однимъ изъ самыхъ видныхъ и ловкихъ обскурантовъ, до сихъ поръ отлично редижирующимъ клерикальный журналъ «L'Armonia», и даже попысывалъ въ «Armonia» статейки...

Все припомнилось графу Кавуру на слѣдующихъ выборахъ: онъ былъ забракованъ и могъ въ 1849 году подвизаться только въ журналистикѣ.

Министромъ былъ въ это время Джоберти: онъ былъ слишкомъ либераленъ для Кавура, но между ними могло быть много общаго. Такъ, въ «Risorgimento» заслужила одобренія программа Джоберти относительно Тосканы и Рима. Джоберти, какъ извѣстно, предполагалъ, для удаленія вмѣшательства австрійцевъ и возвышенія значенія Пьемонта, предложить услуги пьемонтцевъ для возстановленія папы и великаго герцога тосканскаго. Къ папѣ даже послы отправлялись въ Гаэту для переговоровъ, да тотъ самъ не захотѣлъ съ Пьемонтомъ возиться. О Тосканѣ, разумѣется, и говорить нечего... Но какъ бы то ни было, при всемъ своемъ ребячествѣ и даже нѣкоторой ретроградности, идея либеральнаго Джоберти очень понравилась тогда консервативному Кавуру... Черезъ десять лѣтъ возвратились-было къ ней, предлагая Пьемонту охраненіе правъ святѣйшаго отца; но и Кавуру, подобно Джоберти, не суждено было вкусить осуществленія этой плодотворной идеи.

1850 годъ былъ для Кавура счастливѣе: въ самомъ началѣ года его выбрали въ парламентъ. Министерство д'Азеліо, образовавшееся тотчасъ послѣ новарскаго пораженія, громко требовало поддержки страны; а кто же искуснѣе Кавура былъ въ поддержаніи всевозможныхъ министерствъ?... На этотъ разъ, впрочемъ, Кавуръ былъ осторожнѣе и даже явно сталъ склоняться на сторону болѣе либеральную. Говоря въ пользу проекта закона Сиккарди объ отмѣненіи церковнаго суда, онъ порвалъ связи не только съ клерикальной партіей, но и съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ умѣренныхъ друзей, какъ Бальбо, Ревель и др. Въ эту же парламентскую сессію онъ выгодно обратилъ на себя вниманіе однимъ длиннымъ дискурсомъ, по поводу вопроса о продажѣ государственныхъ имуществъ. Здѣсь изложилъ онъ свои экономическія теоріи, свой взглядъ на управленіе финансами и на средства къ ихъ процвѣтанію,— словомъ, произнесъ рѣчь о томъ, какъ бы онъ сталъ вести дѣла, если бы ему поручили министерство финансовъ. Этою рѣчью онъ рѣшительно поставилъ себя кандидатомъ въ министры, и дѣйствительно—ему не трудно было разсчитывать на министерское кресло въ кабинетѣ д'Азеліо: тутъ большею частью были люди его цвѣта. При томъ же въ этомъ году, когда палата, по всеобщему соглашенію, составлена была изъ людей самыхъ умѣренныхъ и министеріальныхъ, Кавуръ и въ палатѣ пріобрѣлъ себѣ единомышленниковъ, такъ что являлся даже представителемъ нѣкоторой партіи. До какой степени ничтожна была оппозиція, видно изъ того, что предводителемъ ея являлся Ратацци... Такимъ образомъ, для Кавура дорога была открыта и въ октябрѣ 1850 года, когда умеръ другъ его графъ Санта-Роза, министръ земледѣлія и торговли, д'Азеліо предложилъ портфель его Кавуру... Говорятъ, что король Викторъ-Эммануилъ, утверждая назначеніе новаго министра, замѣтилъ: «хорошо; но только смотрите—онъ всѣхъ васъ ссадитъ съ вашихъ мѣстъ».

Въ апрѣлѣ 1851 года Кавуръ получилъ и желанное имъ министерство финансовъ, не оставляя, однакожъ, прежняго—земледѣлія и торговли.

Въ 1852 году Кавуръ уже былъ душою министерства, которое даже и называть стали нерѣдко «кавуровскимъ». Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть вліянія Кавура въ распоряженіяхъ, особенно касательно внѣшней политики, принятыхъ въ это время въ Пьемонтѣ. Опасаясь за спокойствіе Пьемонта и, повидимому, не разсчитывая на его роль въ ближайшемъ будущемъ Италіи, министерство д'Азеліо сильно хлопотало о дружескихъ связяхъ съ сосѣдями, особенно съ Австріей и Франціей,—которой, послѣ 2-го декабря, графъ Кавуръ окончательно пересталъ бояться. Въ этихъ видахъ предложено было приступить къ дѣятельному окончанію торговаго трактата съ Австріей, о которомъ давно велись переговоры, и кромѣ того, особенно, заключить условіе о взаимной выдачѣ контрабандистовъ, практикующихъ на тичинской границѣ. Ораторы лѣвой называли это «новыми колѣнопреклоненіями предъ австрійской политикой»; но имъ отвѣчали, что Пьемонту зазнаваться особенно нечего, что благоволеніе сосѣдей для него необходимо... Для Франціи дѣлали еще больше—измѣняли постановленія пьемонтской конституціи. Послѣ 2-го декабря пьемонтская демократическая пресса не переставала осыпать упреками и насмѣшками новый порядокъ вещей во Франціи; это заставляло опасаться неудовольствія сильнаго сосѣда. Можетъ быть даже, что неудовольствіе и было уже высказано... Министерство рѣшилось предложить измѣненія въ законѣ о книгопечатаніи въ запретительномъ смыслѣ на счетъ оскорбленія чужихъ правительствъ. По поводу этого предложенія возникъ въ палатѣ шумъ, какого и не ожидали. Шумѣли не столько либералы, отвергавшіе измѣненіе, сколько крайніе правые, требовавшіе при сей удобной оказіи не только этого закона, но и вообще стѣсненія книгопечатанія, да и не только этого—а ограниченія закона о выборахъ, уничтоженія національной гвардіи, и т. п... да и этого мало—просто кричали о передѣлкѣ всего

пьемонтскаго статута въ смыслѣ новой наполеоновской конституціи. Кавуръ, разумѣется, не имѣлъ никакого резона желать такихъ перемѣнъ; министерство было въ затрудненіи и не знало, что́ дѣлать. Въ этихъ-то тяжелыхъ обстоятельствахъ Кавуръ показалъ въ первый разъ свою дипломатическую смышленость: онъ повернулся и, либеральнымъ образомъ объяснившись съ лѣвымъ центромъ, пошелъ съ нимъ заодно противъ ретроградныхъ требованій правой, удерживая въ то же время предложеніе министерства. Въ это время ему представился случай сблизиться еще болѣе съ лѣвыми: президентъ палаты депутатовъ, Пинелли, умеръ. Надо было выбрать новаго. Кавуръ съ своими друзьями принялся хлопотать о выборѣ Ратацци. Это соединеніе такъ и осталось въ парламентскихъ лѣтописяхъ Пьемонта подъ именемъ перваго connubio Кавура. Ратацци точно былъ выбранъ слабымъ большинствомъ,—74 противъ 52,—и Кавуръ могъ теперь разсчитывать на постоянное большинство въ камерѣ. Но сами министры не совсѣмъ-то одобрительно смотрѣли на подвиги своего товарища, совершонные имъ рѣшительно безъ ихъ полномочія... Возникли несогласія, министерство подало въ отставку; вмѣстѣ съ другими вышелъ и Кавуръ—и не возвратился. Король поручилъ составленіе новаго министерства опять тому же д'Азеліо, и д'Азеліо на этотъ разъ, возвративъ троихъ изъ прежнихъ министровъ, Кавура не пригласилъ... Вслѣдъ затѣмъ парламентъ былъ отсроченъ на четыре мѣсяца,—до ноября 1852 г.

Въ теченіе своего министерства, Кавуръ успѣлъ заключить торговый трактатъ съ Австріей, добиться отъ парламента полномочія на пересмотръ тарифа и привести въ удовлетворительный видъ финансовую отчетность. Ясность и опредѣлительность его отчета за 1851 годъ много облегчила, говорятъ, заключеніе въ 1852 году пьемонтскаго займа въ 75 милліоновъ франковъ.

Оставляя министерство, Кавуръ, разумѣется, зналъ, что оставляетъ его не надолго. Его удаленіе, въ которомъ всѣ невыгодныя видимости падали на министерство д'Азеліо, только усиливало начинавшееся въ публикѣ сочувствіе къ ловкому министру. Поэтому, не заботясь много о судьбѣ новаго министерства, графъ Кавуръ воспользовался своей свободой, чтобы съѣздить во Францію и въ Англію. Въ Парижѣ представился онъ императору и представилъ своего недавняго друга — Урбана Ратацци, тоже на сей разъ случившагося въ Парижѣ. Кажется, что Ратацци ничего не извлекъ изъ этого представленія; но Кавуръ вынесъ изъ свиданій съ императоромъ много поучительнаго для ума и сердца. Подробности свиданій неизвѣстны; но знаютъ, что Кавуръ уже заранѣе пользовался расположеніемъ императора за свои хлопоты о законѣ относительно книгопечатанія, что поэтому императоръ съ довѣрчивостью и благосклонностью выслушивалъ бывшаго сардинскаго министра, когда тотъ рисовалъ ему положеніе Пьемонта; что Кавуръ, поговоривъ съ Наполеономъ, убѣдился, что тотъ вовсе не врагъ здравой конституціи Пьемонта, пока она охраняется отъ разныхъ демократическихъ покушеній... Говорили тогда больше... говорили, что даже нѣкоторыя предположенія относительно Италіи были уже высказаны при тогдашнихъ свиданіяхъ... Но этого, разумѣется, никто съ достовѣрностью утверждать не можетъ...

Во всякомъ случаѣ, графъ Кавуръ возвратился въ Туринъ въ октябрѣ 1852 года, полный глубочайшаго уваженія къ мудрости императора французовъ, и съ этого времени сближеніе съ Франціей дѣлается для него еще болѣе необходимымъ, чѣмъ прежде казалась дружба съ Англіей.

Между тѣмъ, въ министерствѣ произошла комедія. Чтобы привлечь на свою сторону либеральное общественное мнѣніе, д'Азеліо пустилъ въ ходъ проектъ закона о гражданскомъ бракѣ. Желаемый эффектъ былъ полученъ, законъ прошелъ-было; но римскій дворъ вступился въ дѣло и завелъ весьма энергичную переписку непосредственно съ королемъ. Министерство струсило и вышло въ отставку. Отъ короля, черезъ посредство архіепископа, потребовали, чтобъ онъ назначилъ министерство, не противное римскому двору, и именно желали Бальбо. Но Бальбо былъ теперь невозможенъ, да ужъ и самъ не хотѣлъ. Король обратился къ Альфіери, — тотъ отказался; къ д'Азеліо — тотъ объяснилъ, что быть угоднымъ римскому двору никакъ не можетъ. Король призвалъ тогда Кавура; тотъ пошелъ на сдѣлку съ архіепископомъ, уполномоченнымъ отъ римскаго двора. Сдѣлка не удалась, и Кавуръ отказался. [Попы] [1]) продолжали требовать Бальбо [2])... Въ городѣ начали ходить слухи, что король подпадаетъ подъ [поповское] вліяніе, что іезуитское министерство должно скоро все повернуть на старинный ладъ, и пр. Въ то время случилась въ Парижѣ смерть Джоберти, извѣстнаго противника іезуитовъ, и по этому случаю произошла такая сильная манифестація, которая убѣдила короля, что вліянія клира ему нечего опасаться, и что

---

[1]) Римъ
[2]) клерикальное

Вологод. жел. дор. Библиотека

чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ лучше. Въ этихъ расположеніяхъ призвалъ онъ опять графа Кавура и поручилъ ему составить министерство по его усмотрѣнію. Кавуръ взялся, и 4 ноября 1852 года министерство было составлено.

Съ этого времени начинается блестящая эпоха жизни Кавура. Постараемся прослѣдить и ее съ прежнимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, т.-е. воздерживаясь по возможности отъ восторженныхъ дифирамбовъ.

III.

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, графъ Кавуръ не совершилъ еще ничего сверхъестественнаго; былъ недурнымъ министромъ въ двухъ министерствахъ, обнаружилъ стремленіе къ реформамъ и улучшеніямъ, но еще далеко не могъ претендовать на общеевропейскую или хотя бы общеитальянскую славу. Несмотря на то, вступленіе его въ министерство было встрѣчено вообще довольно благопріятно: знали, что при немъ, по крайней мѣрѣ, въ совершенную реакцію не бросится туринское правительство. А извѣстно, что большинство мирныхъ гражданъ, даже и въ мало благоустроенныхъ государствахъ, всегда находится между двумя противоположными страхами: какъ бы революція не вспыхнула и не привела съ собой анархіи, или какъ бы не придушила ихъ деспотическая реакція. Кто обѣщаетъ обезпечить ихъ отъ обѣихъ крайностей, тому и книги въ руки отдаются ими очень охотно.

Собственно, звѣзда Кавура загорѣлась своимъ яркимъ блескомъ только послѣ парижскаго конгресса. Но нельзя не видѣть, что на конгрессѣ обнаружились только результаты, подготовленные въ предыдущіе годы. Поэтому, нельзя оставить безъ вниманія и этихъ годовъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе ихъ произведено много перемѣнъ во внутреннемъ состояніи страны.

Разсказываютъ, что въ бытность свою въ Парижѣ, графъ Кавуръ излагалъ однажды свои экономическія теоріи въ присутствіи нѣсколькихъ знаменитыхъ экономистовъ. Мнѣнія его въ особенности понравились г. Леону Фоше,—тому самому знаменитому Фоше, съ которымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, россійская публика познакомилась въ изслѣдованіяхъ г. Чичерина. Фоше былъ такъ восхищенъ, что воскликнулъ: «вотъ превосходныя теоріи, но ихъ составляютъ передъ вступленіемъ въ министерство, а потомъ бросаютъ въ сторону» — Кавуръ съ чрезвычайной живостью возразилъ: «можетъ быть, такова ваша политика, но за себя я даю честное слово, что, достигши власти, я проведу мои идеи, или удалюсь отъ дѣлъ»... И дѣйствительно, графъ Кавуръ постоянно оставался вѣренъ своимъ экономическимъ и политическимъ взглядамъ, которые мы отчасти уже видѣли выше.

Главнѣйшія улучшенія, произведенныя имъ въ экономическомъ развитіи страны, были устроены въ принципѣ свободной торговли. Въ 1853 году сдѣланъ былъ въ тарифѣ рѣшительный переворотъ. Пошлина съ хлѣба отмѣнена, хотя казна теряла при этомъ около 4 милліоновъ франковъ; съ колоніальныхъ товаровъ пошлина понижена на 50%, съ желѣза—тоже. Вслѣдствіе этого, какъ утверждаютъ [1]), капиталы пришли въ движеніе въ Пьемонтѣ—завелись машинныя фабрики, которыхъ прежде не было вовсе, удвоилось въ нѣсколько лѣтъ шелковое производство, учетверилось хлопчато-бумажное, усилился вообще ввозъ и вывозъ, торговля оживилась, и, къ увѣнчанію всего дѣла, даже таможенные доходы, начиная съ 1856 г., получили приращеніе около 4 милліоновъ лиръ (франковъ) [2]). Правда, что народъ получилъ отъ этого какъ-то мало прибыли; но ужъ въ этомъ Кавуръ, разумѣется, не виноватъ: по всѣмъ экономическимъ теоріямъ, его мѣры должны были оказаться благодѣтельными для массъ. Усилилось производство, слѣдовательно, должна была возвыситься заработная плата, а произведенія должны были подешевѣть. Но вышло не такъ: заработная плата, возвысившись не надолго, вскорѣ упала; мало того, фабриканты стали обременять работниковъ, произвольно увеличивая число рабочихъ часовъ и т. п. Доходило до того, что работники разбѣгались съ пьемонтскихъ фабрикъ, точно у насъ съ Волжско-Донской дороги, — что̀ однако же не улучшало ихъ положенія... А между тѣмъ дороговизна и въ Пьемонтѣ шла своимъ чередомъ, и теперь на нее жалуются въ Туринѣ точно такъ же, какъ въ Парижѣ.

Все это, конечно, не уменьшаетъ заслуги графа Кавура, и мы упоминаемъ здѣсь о народныхъ тяжестяхъ только потому, что за блескомъ внѣшнихъ и общихъ выводовъ очень часто оставляютъ эту сторону дѣла безъ всякаго вниманія. А для насъ эта часть вопроса представляется настолько важною, что мы даже не рѣшаемся здѣсь говорить о ней мимоходомъ, а надѣемся современемъ представить читателямъ особую статью о томъ, въ какой мѣрѣ возвышеніе народнаго

---

[1]) Точныхъ статистическихъ свѣдѣній мы не могли достать, да едва-ли и существуютъ они за всѣ годы. *Прим. Д.*

[2]) Le Piemont et le ministère du comte de Covour, p. F. Verasis. Paris. 1857. *Прим. Д.*

благосостоянія соотвѣтствовало въ Пьемонтѣ тѣмъ или другимъ общимъ измѣненіямъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ Кавуромъ въ то же время, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ пониженіе почтовой и телеграфной таксы: въ короткое время корреспонденція въ Пьемонтѣ такъ усилилась, что, несмотря на пониженіе платы, доходы съ почты и телеграфовъ замѣтно возрасли.

Иниціативѣ Кавура надобно также приписать быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ въ Сардиніи. До 1858 года было ихъ построено 872 километра (около 800 верстъ), частью самимъ правительствомъ, частью же приватными компаніями. Послѣднее оказалось удобнѣе; правительству каждый километръ обходился, среднимъ числомъ, 500 т. лиръ, а частнымъ компаніямъ по 150—170. Правда, впрочемъ, что различіе мѣстности значило тутъ очень много... Въ управленіи дорогами тоже оказалось лучшимъ — переводъ ихъ въ частныя руки, и теперь около двухъ третей сардинскихъ дорогъ сданы на откупъ. За всѣми издержками, правительству очищается отъ желѣзныхъ дорогъ чистаго дохода до 6.000.000.

Весьма большую важность придаютъ также проекту Кавура перевести флотъ изъ Генуи въ Спецію. Планъ этотъ былъ задуманъ еще, когда Кавуръ былъ только министромъ коммерціи, но встрѣтилъ тогда сильную оппозицію, и только въ 1857 году Кавуръ добился одобренія своего проекта отъ парламента. На работы въ Спеціи по этому случаю ассигновано было 24 милліона, и считаютъ, что эта сумма весьма легко покрывается уже одною выгодою, которую, съ удаленіемъ флота, пріобрѣтаетъ торговля генуэзскаго порта.

Какъ видите, характеръ дѣятельности графа Кавура во внутреннемъ управленіи былъ по преимуществу строительный и коммерческій. Нельзя, конечно, сказать, чтобы и въ этой части онъ дѣйствовалъ безукоризненно-хорошо: одинъ изъ послѣднихъ его правительственныхъ актовъ, — разорительная уступка неаполитанскихъ дорогъ французской компаніи Талабо, возбудившая всеобщій протестъ въ неаполитанцахъ, доказываетъ,—въ какія крайнія ошибки могъ впадать сардинскій государственный мужъ и экономистъ... Но, чтобы судить о его дѣйствіяхъ въ этихъ случаяхъ строго, надо пускаться въ подробности, для которыхъ у насъ недостаетъ теперь ни терпѣнія, ни надежныхъ источниковъ. Поэтому намъ остается, по примѣру другихъ, похвалить Кавура за его дѣятельность, имѣя въ виду то, что другой на его мѣстѣ могъ бы и ровно ничего не дѣлать.

По части законодательной и административной, по части заботъ о правахъ и благѣ народа, о народномъ образованіи и пр., и пр., дѣятельность графа Кавура далеко не можетъ быть названа столь энергическою, и даже должна быть признана очень слабою и вялою. Въ этомъ сознаются даже тѣ изъ біографовъ, которые восхищаются, напр., тѣмъ, какъ онъ умѣлъ чуть ли не угоняться за второй имперіей въ развитіи государственнаго долга. До 1848 года у Сардиніи было долга около 100 милліоновъ; войны 1848—1849 гг. стоили ей до 200 мил.; а къ 1858 году, при всей мудрости финансоваго управленія, долгу было 725 милліоновъ фр. Затѣмъ займы пошли, въ перемежку съ новыми пріобрѣтеніями, такъ быстро, что ихъ и сосчитать трудно [1]). Теперь итальянцы, даже самого министерскаго оттѣнка, сознаются, что положеніе ихъ финансовъ можетъ быть сравнено съ австрійскимъ. (Прибавимъ, что хуже австрійскаго они ничего не знаютъ).

Но мы забѣгаемъ впередъ и между тѣмъ не оговариваемся, что хотя графъ Кавуръ и былъ душою министерства, но онъ все-таки былъ не одинъ, и, слѣдовательно, часть отвѣтственности должна быть снята съ него и передана его сотоварищамъ. Для этого мы перескажемъ въ нѣсколькихъ словахъ, съ кѣмъ раздѣлялъ онъ власть со времени своего водворенія въ министерствѣ. Самъ онъ постоянно былъ, разумѣется, президентомъ совѣта и, кромѣ того, въ 1852 г. взялъ министерство финансовъ и земледѣлія и торговли; въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Санъ-Мартино (нынѣшній намѣстникъ Неаполя), иностранныхъ дѣлъ — Дабормида, военныхъ—Ламармора, юстиціи — Бонкомпаньи, народнаго просвѣщенія — Чибраріо, общественныхъ работъ — Палеокапа. Въ октябрѣ 1853 года вмѣсто Бонкомпаньи вступилъ въ министерство Ратацци. Такой составъ министерства былъ встрѣченъ очень благопріятно, потому что большая часть министровъ извѣстна была или за хорошихъ спеціалистовъ, или за людей съ либеральнымъ направленіемъ. Но зато они

[1]) Кольбъ показываетъ въ 1860 году, еще безъ Тосканы и герцогствъ — 1.200 милліоновъ долгу на Пьемонтѣ и 50 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ по этому долгу (Allg. Stat. 272). Недавно въ парламентѣ Феррари высчиталъ, что *итальянскій* долгъ въ 1859 году былъ—1.815 милліоновъ, а теперь — 2.500 милліоновъ, да еще къ этому министръ финансовъ представляетъ 318 милліоновъ. Теперь рѣчь идетъ о займѣ въ 500 милліоновъ, и Феррари замѣчаетъ, что съ такой финансовой системой Италія непремѣнно въ пять лѣтъ наживетъ себѣ пять милліардовъ долгу. *Прим. Д.*

не отличались особенной энергіей характера и силою политическихъ убѣжденій,—исключая, можетъ быть, Ратацци, который всегда досаждалъ Кавуру тѣмъ, что градуса на полтора казался почему-то либеральнѣе его. Впрочемъ, онъ, при несогласіи товарищей, ничего значительнаго не могъ сдѣлать и былъ удерживаемъ въ министерствѣ собственно затѣмъ, чтобы его партія не мѣшала Кавуру въ парламентѣ. Въ январѣ 1855 г., въ самомъ разгарѣ переговоровъ съ Наполеономъ о крымскихъ дѣлахъ, Кавуръ принялъ на себя министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ апрѣлѣ того же года все министерство, вслѣдствіе новыхъ столкновеній съ римскимъ дворомъ, подало въ отставку. Это случилось въ то самое время, когда нужно было отправлять войско въ Крымъ. Никто не хотѣлъ на этотъ разъ довершать дѣло Кавура и брать на себя отвѣтственность. Король напрасно обращался къ нѣсколькимъ лицамъ и возвратился опять къ Кавуру. На этотъ разъ, взявъ себѣ финансы, Кавуръ пересадилъ на мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ Чибраріо, а на его мѣсто въ министры просвѣшенія пригласилъ Ланцу; Ратацци далъ министерство внутреннихъ дѣлъ, а на юстиціи посадилъ Дефореста; военнымъ и морскимъ министромъ сталъ Дурандо, Палеокапа остался въ министерствѣ публичныхъ работъ. Очень скоро Чибраріо оказался негоднымъ на своемъ мѣстѣ и вышелъ; Кавуръ принялъ министерство иностранныхъ дѣлъ въ свое вѣдѣніе; въ 1857 г., вмѣсто Дурандо, опять вошелъ въ министерство Ламармора, едва возвратившійся изъ Крыма. Въ 1857 году вышелъ Палеокапа и замѣненъ Бартоломеемъ Бона. Въ самомъ началѣ 1858 года Ратацци не выдержалъ и оставилъ министерство, бывшее теперь уже слишкомъ покорнымъ Кавуру. Тогда Кавуръ устроилъ слѣдующую комбинацію: онъ взялъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ свои руки, на финансы перемѣстилъ Ланцу, сначала оставивъ за нимъ и просвѣщеніе [1]), а потомъ на его мѣсто пригласилъ сенатора Кадорну. Это было сдѣлано для успокоенія лѣваго центра, который волновался изъ-за отставки Ратацци; Кадорна былъ другъ Ратацци, но въ то же время человѣкъ слишкомъ старый и больной, чтобы составлять въ министерствѣ серьезное противодѣйствіе Кавуру. Затѣмъ, какъ извѣстно, послѣ Виллафранкскаго мира министерство Кавура подало въ отставку, и на нѣкоторое время учредилось-было министерство Ратацци. Но оно, какъ противное отчасти видамъ Наполеона, отчасти же ненавистное клерикальной партіи, не могло долго удержаться, и въ началѣ 1860 года Кавуръ опять явился главою министерства, съ Фанти, Мингетти, Веджецци, Маміани, Ячини и т. п. личностями, не очень замѣчательными.

О всѣхъ этихъ министерскихъ измѣненіяхъ надо сдѣлать одно общее замѣчаніе: выборъ графа Кавура падалъ обыкновенно на тѣ или другія лица не столько во вниманіе способности ихъ къ дѣлу, сколько по соображенію ихъ сговорчивости. Нужно было, чтобы они были руководимы, maneggiabili, какъ выражаются итальянцы. Это свойство графа Кавура — не терпѣть вокругъ себя людей самостоятельныхъ и способныхъ — признаютъ за нимъ всѣ рѣшительно. Хвалебные отзывы отличаются отъ безпристрастныхъ и противныхъ только характеромъ выраженій. Напр., еще въ 1854 году Орсини писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Бѣдная Италія, если только отъ Ратацци или Кавура ожидаетъ своего спасенія и независимости! Одинъ — законоискусникъ и абсолютистъ, другой—смѣсь остраго ума и деспотическаго высокомѣрія. Онъ хлопочетъ о томъ, чтобы разжирѣть самому и обезкровить (dissanguare) націю. Шуты, которые охотятся за должностями, возносятъ его до небесъ и, льстя ему, портятъ и ту малую частичку добра, какую вложила въ него натура». Далѣе Орсини приводитъ два примѣра, которыхъ мы тоже не опустимъ здѣсь, такъ какъ они касаются личностей, слишкомъ близкихъ къ Кавуру. «Можетъ быть, вы знаете не хуже меня,— пишетъ Орсини, — что сициліянецъ Джузеппе Ла-Фарина, представлявшійся нѣкогда республиканцемъ, трется теперь въ переднихъ Кавура, и если бы тотъ сказалъ ему не знаю что, онъ бы все исполнилъ съ униженнѣйшею преданностью. Не говорю тебѣ, о Луиджи Фарини: это ужасъ! Какъ онъ подлъ душою—это знаетъ вся Романья, видѣвшая, какъ онъ въ кардинальскихъ покояхъ добивался благоволенія Пія IX; и теперь онъ въ Пьемонтѣ, безобразною лестью промышляя себѣ должности и, можетъ быть, со временемъ, отличія» [1])... Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ слишкомъ грустно оправдали жестокое сужденіе Орсини, хотя приверженцы «кавуріанизма» до сихъ поръ стараются придавать какой-то ангельски-непорочный оттѣнокъ грязь-

[1]) Одинъ французскій панегиристъ, говоря о министерствѣ туринскомъ того времени, нашелъ нужнымъ замѣтить въ характерѣ Ланцы ту похвальную черту, что онъ всегда «seconde m-r de Cavour avec zèle et dévouement» (Lettres italinnes p. Charles de la Varenne, стр. 37). *Прим. Д.*

[1]) Lettere intorno alle cose d'Italia. Vol. II, p. 138. *Прим. Д.*

нымъ отношеніямъ Фарини и особенно Лафарины къ Кавуру. Однако же, сами эти господа не могутъ не сознаться въ томъ, что Кавуръ точно наклоненъ былъ окружать себя личностями ничтожными и преклонявшимися предъ нимъ. Не будучи столько развитыми, чтобы понимать всю пошлость такого поведенія, эти господа и не стараются скрывать его, а напротивъ, выставляютъ даже съ нѣкоторою похвальбою: «вотъ, дескать, нашъ-то баринъ каковъ!» Такъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ панегиристовъ Кавура, профессоръ Роджеро Бонги, выражается слѣдующимъ образомъ: «Увѣренный въ своей цѣли и зная, что можетъ и сумѣетъ достичь ее, Кавуръ не знаетъ другихъ противниковъ, кромѣ тѣхъ, которые ему мѣшаютъ въ эту минуту; но онъ очень радъ сегодня воспользоваться тѣми, противъ кого возставалъ вчера,—если только они сегодня могутъ быть ему полезны... Въ товарищи по власти онъ, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, издавна привыкшими побѣждать и видѣть себя правыми, — предпочитаетъ людей, которые не могутъ заслонить его блескомъ своего имени, ни противиться ему энергіей своей воли или силою ума; точно такъ же въ исполнители своихъ рѣшеній онъ предпочтительно беретъ людей новыхъ, созданныхъ и управляемыхъ имъ самимъ» [1]). Не думайте, что профессоръ Бонги проговаривается, изъ желанія показаться безпристрастнымъ; нѣтъ, у приверженцевъ Кавура было принято хвалить его за то, что онъ *одинъ и самъ собою* управляетъ дѣлами; это было даже особымъ видомъ лести. Такъ, напримѣръ, сатирическій журналъ «Fischietto» (Свистокъ), усердный слуга Кавура и употреблявшій значительную долю своего остроумія на подличанье предъ нимъ, нерѣдко помѣщалъ каррикатуры въ этомъ смыслѣ. Нарисуетъ, напримѣръ, министерскую комнату: столъ заваленъ портфелями, Кавуръ сидитъ на стулѣ, положивъ ноги на столъ, и пишетъ обѣими руками и обѣими ногами; на бумагахъ видны сдѣланныя ими вычисленія, чертежи, ноты... подъ его стуломъ и подъ столомъ валяются прочіе министры, спящіе, — подпись: «Кавуръ дѣлаетъ все, а прочіе — остальное». Это значилось сатирою на министерство, и никому, повидимому, не приходило въ голову спросить: зачѣмъ же Кавуръ набираетъ себѣ такую дрянь?..

Приведемъ еще отзывъ человѣка, совершенно безпристрастнаго, принадлежащаго къ *лѣвой* въ парламентѣ, но вовсе не раздѣляющаго крайнихъ тенденцій и безконечно уважающаго Кавура, какъ дипломата. Этотъ отзывъ принадлежитъ г-ну Петручелли делла Гаттина. Въ своихъ очеркахъ парламентскихъ личностей, превознесши дипломатическіе таланты Кавура и назвавъ его гигантомъ, г. Петручелли делла Гаттина продолжаетъ: «Во внутренней политикѣ мы находимъ въ немъ человѣка менѣе полнаго, менѣе совершеннаго. Кавуръ имѣетъ общее понятіе о дѣлахъ; идеи его— широки, очень либеральны и незапутаны; но ему недостаетъ практическаго умѣнья вести дѣла. Сверхъ того, часто онъ бываетъ несчастливъ въ выборѣ людей: доказательство—рядъ агентовъ, которыхъ посылалъ онъ въ Южную Италію. Кавуръ чувствуетъ себя выше мелочей, которыя, однако же, бываютъ очень важны въ администраціи; въ этомъ-то и состоитъ слабая сторона его политики,—потому что въ иностранныхъ дѣлахъ никто не оспариваетъ его превосходства...

«Есть и другая сторона, непріятно поражающая въ Кавурѣ, это—его личность. Кавуръ понимаетъ себя и понимаетъ людей, его окружающихъ; онъ цѣнитъ ихъ очень мало, и дурно дѣлаетъ, что даетъ имъ это чувствовать. Онъ не терпитъ равныхъ себѣ, не привыкши встрѣчать ихъ много. Все, чего онъ касается, должно сгибаться передъ нимъ, должно согласиться быть окамененнымъ въ этой могучей рукѣ. Самъ король уступаетъ его магнетическому вліянію. А кто не хочетъ уничтожиться передъ Кавуромъ, тотъ рѣшительно становится его врагомъ, или, лучше сказать, противникомъ.

«Прибавьте къ этому его манеры — рѣзкія, тяжелыя, безъ всякаго вниманія къ чужой щепетильности; саркастическую улыбку, кристаллизованную на его губахъ, привычку давать приказанія, его мѣщанскую фигуру, которая не даетъ никакихъ шансовъ успѣха даже его комплиментамъ и вѣжливостямъ въ отношеніи къ тѣмъ, кого онъ хочетъ завлечь; его рѣчь, отрывистую или вялую, его голосъ, хриплый и металлическій (?), дурно дѣйствующій на васъ съ перваго раза, его жестъ, нетерпѣливый и неровный, — и вы довольно полно представите себѣ этого человѣка, который мало привлекаетъ васъ самъ по себѣ, если вы не привязаны къ нему другими отношеніями.

«Въ парламентѣ Кавуръ держитъ себя совершенно какъ будто бы лѣвой стороны не существовало, какъ будто бы онъ находился въ своемъ салонѣ, среди своихъ,— особенно, когда ему скучно. Онъ разговариваетъ, смѣется, оборачивается спиной къ своимъ сочленамъ, зѣваетъ, скоблитъ по столу своимъ купъ-папье, отпускаетъ эпи-

[1]) Bonghi, стр. 76. *Прим. Д.*

граммы; если бы онъ имѣлъ американскія привычки, онъ бы клалъ ноги на министерскій столъ... Онъ видитъ въ парламентѣ только большинство, то-есть, своихъ преданныхъ друзей».

А какъ онъ третируетъ этихъ друзей, на этотъ счетъ разсказываетъ забавный анекдотъ, между прочимъ, Брофферіо въ 16-мъ томѣ своихъ записокъ: «I miei tempi». Разъ пришлось ему идти изъ парламента вмѣстѣ съ Кавуромъ, который хотѣлъ его уломать на что-то. Несмотря на серьезность разговора, Кавуръ поминутно оставлялъ Брофферіо, встрѣчая другихъ депутатовъ, и дѣлалъ имъ какія-то внушенія. Послѣ седьмого раза Брофферіо замѣтилъ насмѣшливо: «какъ трудно повелѣвать, графъ!..» На это Кавуръ отвѣтилъ: «о, это такія животныя (sono cosi bestie), что имъ поминутно надо повторять ихъ урокъ»... Брофферіо преспокойно напечаталъ это при жизни Кавура, да еще съ нѣсколькими пикантными замѣчаніями...

Но пора перейти къ тому, что̀ составляетъ главнѣйшую заслугу и истинную славу Кавура — къ его дипломатической дѣятельности. Во внутреннемъ управленіи онъ былъ далеко не безукоризненъ, характеромъ тоже былъ не совсѣмъ ангелъ,— въ этомъ соглашаются всѣ безпристрастные люди. Согласимся и мы, скрѣпя сердце,— ибо не можемъ представить достаточно фактовъ, которые бы доказывали величіе и геніальность Кавура, какъ администратора, и выставляли бы его дѣятельность чистою отъ эгоистическихъ разсчетовъ и мелкаго честолюбія. Но намъ нужно во что бы то ни стало отыскать въ Кавурѣ великаго человѣка, о которомъ плачетъ цивилизація. Обратимся же къ Кавуру-дипломату и укажемъ его права на славу и на благодарность человѣчества.

Чтобы сдѣлать наши выводы болѣе прочными и, такъ сказать, нерушимыми, мы постараемся отдѣлить отъ истинныхъ заслугъ тѣ пустяки, которые имѣютъ важность въ глазахъ нѣкоторыхъ профановъ, но которые не могутъ служить серьезнымъ патентомъ на безсмертіе. Кавуръ — такой человѣкъ, что ему нѣтъ надобности въ мнимыхъ заслугахъ; у него и истинныхъ должно быть довольно, и «à un homme de cette taille l'admiration même doit la vérité», какъ прекрасно выразился г. Вильборъ [1]).

Вотъ, напримѣръ, люди, которымъ въ диковинку всякая самостоятельная мысль, восхваляютъ Кавура за ловкое усвоеніе англійскихъ *идей*. Французскій біографъ Кавура, г. Ипполитъ Кастиль выражается чрезвычайно наивно: «графа Кавура всегда поражала обширность видовъ англійскихъ министровъ, холодная и разумная отвага, съ которою они шли впередъ... Графъ Кавуръ, какъ человѣкъ рѣшительный, сталъ *подражать* ихъ примѣру (imita leur exemple) и началъ давать Пьемонту это движеніе, которое потомъ уже не останавливалось». Положимъ, что это правда; положимъ, что Кавуръ принялъ свою систему дѣйствій, позарившись на англійскихъ министровъ,— вотъ, молъ, они обширные виды имѣютъ, давай же и я буду имѣть обширные виды. Но, скажите на милость, можно ли такъ компрометтировать человѣка? Подражалъ обширности видовъ и холодной отвагѣ англійскихъ министровъ, — вѣдь это все равно, что сказать, что, напримѣръ, австрійскій поэтъ Яковъ Хамъ подражалъ возвышенности чувствъ и патріотизму русскаго поэта Аполлона Майкова!..

Или вотъ другіе, имѣя способность восхищаться ловкими оборотами рѣчи и тонкими фразами, возносятъ къ небесамъ графа Кавура за его великолѣпныя дипломатическія ноты. Намъ кажется, что эти господа смотрятъ на Кавура точно такъ же, какъ смотрѣлъ на русскихъ писателей тотъ чиновникъ, который объ авторахъ, особенно ему нравившихся, отзывался слѣдующимъ образомъ: «славно пишетъ, канашка, —бойкое перо!»

[Третьи восхваляютъ Кавура за либерализмъ его политики; объ этихъ ужъ и говорить нечего: имъ, какъ видно, и либерализмъ въ диковинку... Еще бы Кавуръ былъ реакціонеромъ, да его бы хотѣли возвести въ великіе люди! Довольно, кажется, и Меттерниха на этотъ случай].

Многіе, смотря на дѣло съ болѣе существенной стороны, увѣряютъ, что Кавуръ «создалъ Италію» и утвердилъ итальянское единство. Вотъ это другое дѣло, и если бы факты подтвердили это мнѣніе, тогда точно слѣдовало бы преклониться предъ геніемъ Кавура и предъ необъятностью его энергіи. Но и этой заслуги, конечно, самъ Кавуръ не могъ бы по справедливости приписать себѣ, какъ совершенно ему не принадлежащей... Зачѣмъ же брать чужое человѣку, у котораго есть такъ много своего! Впрочемъ, это дѣло серьезное, и отъ него нельзя отступиться безъ подробнаго разсмотрѣнія фактовъ. Поэтому мы и обратимся къ внѣшней политикѣ графа, чтобы видѣть, какую роль играло въ ней задуманное единство Италіи.

Мысль о единствѣ Италіи была благородною и отдаленною мечтою многихъ изъ лучшихъ людей ея. Выраженная еще Данте и Макіавелли, мечта эта не зате-

[1]) Cavour, p. Vilbort, p. 30. *Прим. Д.*

рялась въ теченіе вѣковъ; но дѣла Италіи шли такъ дурно, что ни у кого не хватало храбрости принять мечту единства, какъ что-нибудь серьезное и осуществимое. Разсудительные и ученые люди отвергли ее, какъ нелѣпѣйшую утопію, дипломаты смѣялись надъ нею, ревностнѣйшіе патріоты хлопотали только о союзѣ итальянскихъ властителей противъ иноземныхъ вторженій. Но въ самой Италіи, какъ видно, вовсе не было такого страшнаго разъединенія между народами,—какъ обыкновенно увѣряли. Въ народѣ мысль политическаго единства должна была бродить безсознательно; это мы видимъ изъ того, что около 1830 г. могъ уже явиться въ Италіи [человѣкъ, твердо и рѣшительно выразившій эту мысль и скоро привлекшій къ себѣ сильную партію. Этотъ человѣкъ былъ Джузеппе] Маццини. [О немъ у насъ разсказываютъ ужасы, благодаря тому, что всякая чепуха, разсказываемая о немъ и его партіи разными корреспондентами иностранныхъ журналовъ, у насъ подхватывается на-лету (ужъ не знаю—ради какихъ интересовъ) и предается гласности безъ дальнихъ справокъ. Кто-нибудь хватитъ, что маццинисты зовутъ Мюрата въ Неаполь—и у насъ это перепечатаютъ; другой возвѣститъ, что Маццини убійцъ разсылаетъ по Европѣ—противъ разныхъ королей,—у насъ и этого не пропустятъ. Однажды какой-то французскій журнальчикъ, помнится, отличился оригинальнымъ выраженіемъ, что въ какихъ-то безпорядкахъ участвовалъ одинъ «бурбонскій маццинистъ» (а можетъ быть и наоборотъ: «маццініевскій бурбонистъ»),—глядь, и это выраженіе какъ разъ въ русскихъ газетахъ!.. Поэтому у насъ Маццини считаютъ, кажется, какимъ-то кровожаднымъ чудовищемъ и знаютъ о немъ только то, что онъ всегда былъ неудачнымъ заговорщикомъ. Но,] всматриваясь ближе въ ходъ итальянскихъ дѣлъ послѣдняго времени, нельзя не видѣть въ нихъ отдаленной, но рѣшительной иниціативы Маццини. Человѣкъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно ошибался въ половинѣ своихъ идей, резюмированныхъ въ его девизѣ «Dio e popolo»; [можно не сочувствовать нѣкоторымъ его воззрѣніямъ;] но невозможно отказать ему [въ удивленіи] къ [1]) его неутомимой энергіи и неуклонной вѣрности своимъ идеямъ относительно созданія единой, независимой Италіи. Не мѣсто здѣсь разсказывать все, что имъ было дѣлано; замѣтимъ только, что его пропаганда была могущественнѣйшимъ двигателемъ итальянскаго общаго дѣла. Въ 1848 году Венеція и Миланъ уже хотѣли соединиться съ Пьемонтомъ, мысль эта не совершенно чужда была и Тосканѣ; въ Римѣ и Неаполѣ народъ требовалъ, чтобы посланы были войска на помощь Карлу-Альберту въ войнѣ *за Италію*... Графъ Кавуръ въ то время развивалъ въ своемъ «Risorgimento» идеи графа Бальбо о союзѣ властителей и о постепенномъ ослабленіи австрійскаго вліянія на полуостровѣ. [Когда было произнесено самонадѣянное, но благородно-энергическое изреченіе: Italia farà da se, — графъ] Кавуръ даже не понялъ, что̀ тутъ значитъ «*Италія*», — онъ принялся доказывать необходимость *для Пьемонта* союза съ Англіей. Онъ былъ, конечно, правъ по-своему... Прошло нѣсколько лѣтъ, онъ сдѣлался первымъ министромъ, и цѣлью его политики сдѣлалось возвышеніе Пьемонта на счетъ Австріи. Идея этой политики была не нова: антагонизмъ савойскаго дома съ габсбургскимъ, Сардиніи съ Австріей не былъ ни для кого тайной, по крайней мѣрѣ со времени вѣнскаго конгресса. Въ 1848 году антагонизмъ этотъ проявился въ войнѣ, кончившейся въ пользу Австріи; но послѣ войны всѣ очень хорошо понимали, что дѣло не кончено, а только отложено. Продолжать его было необходимо для здравой политики, и Кавуръ умѣлъ понять это. Но для достиженія цѣли были два средства, изъ которыхъ предстоялъ выборъ сардинскому министру, и въ своемъ выборѣ Кавуръ именно показалъ направленіе своихъ идей и степень обширности своихъ цѣлей.

Одно средство было національное, прямое, рѣшительное, разсчитывающее на силы и участіе народа всей Италіи. Это средство съ 1832 года постоянно было проповѣдуемо радикальной партіей. Въ немъ независимость Италіи не отдѣлялась отъ ея гражданской свободы и опиралась на политическое единство. Въ числѣ приверженцевъ этой политики были люди слишкомъ горячіе и опрометчивые, это правда. Напримѣръ, Брофферіо — тотчасъ послѣ наварскаго пораженія требовалъ поголовнаго ополченія для продолженія войны; онъ не могъ найти поддержки своему требованію, и, слѣдовательно, оно было, по крайней мѣрѣ, несвоевременно, и люди болѣе осторожные могли не принимать подобныхъ крайнихъ мѣръ. Но, тѣмъ не меньше, программа радикальной партіи могла быть принята сардинской политикой въ общихъ основаніяхъ. Основанія эти были: созданіе Италіи, какъ единой великой державы, освобожденіе ея не только отъ австрійскаго, но и отъ *всякаго* иностраннаго вліянія, организація государства съ предоста-

[1]) въ

вленіемъ самыхъ широкихъ правъ народу и съ устройствомъ самыхъ надежныхъ средствъ для дѣйствительнаго пользованія этими правами. Для достиженія этой цѣли требовалось слитіе Пьемонта съ Италіей, самоотверженіе правительства въ отношеніи къ своимъ старымъ привилегіямъ, довѣріе къ народу и предоставленіе ему иниціативы, которая, разумѣется, и не замедлила бы высказаться при пособіи радикальной пропаганды.

Программа эта имѣла для Кавура два неудобства: во-первыхъ, въ ней предлагались революціонныя средства, къ которымъ онъ всегда питалъ недовѣріе и отвращеніе. Правда, еще въ 1848 и 49 гг. выказалось самоотверженіе итальянскихъ республиканцевъ, которые жертвовали своими прямыми стремленіями для политическаго соединенія Италіи и признавали пьемонтскую монархію. Примѣръ Манина доселѣ всѣмъ памятенъ. Поэтому графъ Кавуръ могъ бы не опасаться «разрушенія порядка» отъ принятія радикальной программы. Но онъ никогда не хотѣлъ вѣрить искренности республиканцевъ; ему все казалось, что его хотятъ надуть. [Маццини] [1]) въ 1859 году писалъ о немъ: «Человѣкъ тактическихъ уловокъ, а не принциповъ, и способный осуществлять собственные планы посредствомъ обмана, онъ уже не вѣритъ искренности другихъ». Это намъ кажется очень вѣрно и нисколько не оскорбительно для Кавура, какъ дипломата. Второе затрудненіе для Кавура въ программѣ радикаловъ состояло именно въ томъ, что она обнимала *всю Италію*, тогда какъ онъ помышлялъ только о Пьемонтѣ. Прикладывая эту программу къ Пьемонту, онъ дѣйствительно имѣлъ право считать ее нелѣпою: Пьемонтъ никогда не могъ одинъ бороться съ Австріею, никогда не могъ претендовать *силою* вломиться въ семью великихъ европейскихъ державъ. Теперь уже было не то время, что, напримѣръ, при Фридрихѣ Великомъ—Пьемонтъ не могъ, оторвавшись отъ остальной Италіи, самостоятельно разыграть роль, подобную роли Пруссіи въ Германіи, хотя бы даже въ Туринѣ и явился свой Фридрихъ. Австрія сторожила движенія Пьемонта и окружала его со всѣхъ сторонъ своими приверженцами, да и Франція была въ положеніи двусмысленномъ. Пьемонтъ не могъ выдержать борьбы—въ этомъ Кавуръ былъ совершенно правъ, и въ приложеніи къ одному Пьемонту программа радикаловъ точно оказывалась нелѣпостью. Нужно было выбрать другую.

Другая программа была гораздо уже и бѣднѣе, но по этому самому осязательнѣе, легче для исполненія и менѣе стѣснительна для значенія и привилегій пьемонтскаго министра и всего правительства. Это былъ дипломатическій разсчетъ парализовать на полуостровѣ вліяніе Австріи другимъ вліяніемъ — французскимъ, съ надеждою отвоевать у Австріи, при помощи Франціи, Ломбардо-Венеціанское королевство. Извѣстно (объ этомъ г. Ѳеоктистовъ даже нѣсколько статей написалъ), что Франція—естественная противница Австріи, и что Италія была постоянно между ними яблокомъ раздора. Преобладающее вліяніе на полуостровѣ одной изъ этихъ державъ всегда возбуждало безпокойство другой, и онѣ сейчасъ же готовы были лѣзть въ драку другъ съ другомъ. Это знали всѣ; не могъ не знать и Кавуръ, и рѣшился этимъ воспользоваться. Сначала, какъ мы видѣли, онъ побаивался Франціи, когда тамъ была республика, и предлагалъ даже обратиться къ Англіи, [на томъ основаніи, что та вездѣ суется и, хоть вовсе не по пути, но могла бы заѣхать и въ Пьемонтъ...] Но вскорѣ во Франціи выяснилось значеніе Людовика Наполеона, а послѣ coup d'état невозможны стали уже никакія сомнѣнія... Мы видѣли, какъ Кавуръ, въ началѣ 1852 г., хлопоталъ о законѣ, чтобы преступленія печати противъ чужихъ правительствъ были преслѣдуемы произвольнымъ порядкомъ, а не отдавались суду присяжныхъ, какъ прежде. Это прямо и почти исключительно относилось къ новому правительству Франціи. Потомъ, воспользовавшись кратковременнымъ удаленіемъ отъ дѣлъ, въ томъ же году Кавуръ посѣтилъ Парижъ, представился императору, [и они очень понравились другъ другу.] Съ этихъ поръ вся дѣятельность Кавура въ иностранной политикѣ сосредоточена на возможно тѣснѣйшемъ сближеніи съ императоромъ французовъ и на снисканіи его пособія противъ Австріи.

Требовалось ли быть Колумбомъ, чтобы изобрѣсти такую политику и пуститься въ нее, закрывши глаза на послѣдствія,—это мы предоставляемъ разобрать читателямъ. А съ своей стороны приведемъ два мнѣнія объ этой политикѣ,—одно враждебное, другое похвальное.

Первое высказано [Маццини] [1]), и само собою разумѣется, что оно отзывается раздраженіемъ: «Упрямый больше, чѣмъ смѣлый, неспособный, по недостатку высоты сердца, высоты ума и вѣры, подняться до обширныхъ плановъ, Кавуръ приковалъ себя къ другому интересу — къ династиче-

[1]) Одинъ изъ нихъ

[1]) Однимъ изъ республиканцевъ

скому интересу савойскаго дома. Отнять власть у папы, основать національное единство—у него и въ мысляхъ не было. Объ этомъ *говорили*, потому что это казалось хорошимъ средствомъ прельстить нѣкоторыхъ легковѣрныхъ. Но настоящіе планы Кавура никогда не преступали за предѣлы программы, неудавшейся въ 1848 году,—о королевствѣ *Сѣверной Италіи*. Италія была для Кавура средствомъ, а не цѣлью... При такихъ расположеніяхъ путь, избранный имъ, былъ хоть и безнравственъ, но логиченъ. Пьемонтъ не могъ тогда, и никогда не можетъ *самъ собою* овладѣть всей Ломбардо-Венеціей. Нужно было, значитъ, искать союзника. Упорно отвергая союзъ народа, онъ долженъ былъ искать союзника тамъ, гдѣ существовали интересы, дѣлавшіе союзъ возможнымъ, и гдѣ можно было найти оружіе вмѣстѣ противъ Австріи и противъ революціи. Отсюда союзъ съ Франціею,—союзъ, который уже [стоитъ Италіи осмѣянія и позора] [1]) и еще будетъ стоить ей новой крови» [2]).

Другое сужденіе принадлежитъ г. Петруччели делла Гаттина. «Кавуръ, который, по несчастью, не всегда имѣетъ даръ угадывать людей, отличается способностью всегда угадывать *положеніе* и даже болѣе—*возможныя* стороны извѣстнаго положенія. Эта-то изумительная способность и помогла ему создать нынѣшнюю Италію. Министръ державы четвертаго порядка, онъ не могъ создавать положеній, подобно императору Наполеону, не могъ и опираться на великую національную силу, какъ лордъ Пальмерстонъ. Онъ долженъ былъ отыскать щель въ европейской политикѣ, проскользнуть туда, съежиться тамъ, устроить мину и произвести взрывъ. Такимъ-то образомъ онъ и побѣдилъ Австрію и обезпечилъ себѣ помощь Франціи и Англіи. Передъ чѣмъ отступили бы другіе государственные люди,—въ то Кавуръ бросился очертя голову, изслѣдовавши глубину и разсчитавши даже выгоду паденія. Крымская экспедиція, его поведеніе на парижскомъ конгрессѣ, уступки Ниццы, вторженіе въ Папскую область прошлой осенью—были послѣдствіями крѣпкой рѣшимости его духа».

Въ этихъ двухъ отзывахъ я не нахожу рѣзкой разницы; что касается до фактическихъ основаній, оба признаютъ, что Кавуръ думалъ только о Пьемонтѣ, что онъ не могъ опираться на народную силу, что онъ искалъ только побѣды надъ Австріей и въ результатѣ промѣнялъ одно иностранное вліяніе на другое... А кто изъ двухъ авторовъ справедливѣе смотритъ на дѣло,—пусть опять рѣшатъ читатели. А наше дѣло—лѣтописное.

Послѣ сдѣланныхъ общихъ замѣчаній, нѣтъ надобности распространяться объ общеизвѣстныхъ фактахъ, въ которыхъ выразилась политика графа Кавура. Прослѣдимъ ихъ коротко.

Въ 1853 году, опираясь на предложенное участіе Франціи, Кавуръ началъ дѣло съ австрійскимъ правительствомъ по поводу конфискаціи въ Ломбардіи, вслѣдствіе волненія 3-го февраля, имѣній нѣкоторыхъ пьемонтскихъ подданныхъ, большею частью ломбардскихъ же эмигрантовъ. Кавуръ писалъ очень рѣзкія ноты австрійскому кабинету, отозвалъ посланника, разсылалъ меморандумы ко всѣмъ державамъ, а въ парламентѣ вытребовалъ 400 тысячъ франковъ на вознагражденіе семействъ, пострадавшихъ отъ конфискаціи. Въ Ломбардіи и Пьемонтѣ это имѣло очень хорошій эффектъ. Австрія отчасти удивилась внезапной храбрости Пьемонта, но не сдавалась и принимала угрожающее положеніе. Пьемонтъ, съ своей стороны, принялся за укрѣпленіе Александріи и Казале и за увеличеніе военныхъ средствъ... Между тѣмъ, въ это самое время началась восточная война. Въ 1854 году Сардинія была приглашена принять участіе въ союзѣ державъ противъ Россіи, и въ 1855 году послала войско въ Крымъ. Этимъ фактически заявила она свое значеніе въ ряду европейскихъ государствъ.

Впрочемъ, здѣсь надо остановиться. Крымскую экспедицію сардинцевъ представляютъ многіе такимъ актомъ политической мудрости Кавура, такимъ геніальнымъ ударомъ, которому Италія рѣшительно одолжена чуть ли не всѣми благами, полученными ею съ тѣхъ поръ. Теперь мнѣ представляется очень дикимъ — считать единство Италіи слѣдствіемъ крымской экспедиціи сардинцевъ; но въ Италіи и во Франціи не проходило дня, чтобъ я не встрѣчалъ въ какой-нибудь газетѣ этого убѣжденія, выраженнаго совершенно какъ какая-нибудь аксіома. Самъ Кавуръ говорилъ въ парламентѣ то же, что̀ министерскіе журналы писали на этотъ счетъ въ своихъ статейкахъ... Довели меня до того, что я если и не вѣрилъ связи итальянскаго единства съ битвою при Черной, но и не считалъ уже слишкомъ дикими фразъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «При началѣ восточной войны графъ Кавуръ съ радостью увидѣлъ, что представляется давно желанный случай — войти Пьемонту въ совѣтъ великихъ державъ и тѣсно соединиться съ

[1]) дорого стоилъ Италіи

[2]) Это писано было въ концѣ 1859 года. [Mazz. La questione italiana e i republicani, p. 9]. *Прим. Д.*

ними. Пьемонтцы пришли сражаться въ Крымъ, *и съ этою дня* Кавуръ получилъ право громко и торжественно говорить Европѣ о бѣдствіяхъ Италіи и объ австрійскомъ угнетеніи. *Съ этою дня* надо считать эту независимость Италіи» [1]). Послѣ такихъ штукъ, повторяемыхъ ежедневно, мнѣ не показалось даже необычайнымъ и другое, тоже французское предположеніе: что такъ какъ армія есть самое прямое выраженіе правительства, то «пьемонтская армія въ Крыму своей образцовой дисциплиной осязательно опровергла клеветы на Пьемонтъ, увѣрявшія, будто бы это—государство, преданное въ жертву анархіи, не признающее ни законовъ, ни Бога [2]). Но я полагаю, что на человѣка свѣжаго всѣ подобныя выходки должны производить раздирающее впечатлѣніе, даже если онъ и не знаетъ хорошенько истиннаго хода тогдашнихъ дѣлъ.

А ходъ дѣлъ, по тогдашнимъ слухамъ, былъ таковъ. [Наполеонъ] [3]) хотѣлъ вовлечь Австрію въ войну съ Россіей. Австрія, ведя, по обычаю, двойную игру, отвѣчала, что она не можетъ согласиться на это въ виду угрожающаго положенія Пьемонта. Тогда [императоръ французовъ] [4]) взялся уладить дѣло и послалъ въ Туринъ такого рода депешу: «для успокоенія подозрѣній Австріи Пьемонтъ долженъ — или 1) распустить войско, или 2) допустить Австрію поставить гарнизонъ въ Александріи, или 3) послать 30.000 въ Крымъ». Изъ этихъ трехъ условій послѣднее было, разумѣется, наиболѣе благовиднымъ и наименѣе постыднымъ. Нечего дѣлать—сдѣлали заемъ въ 50 милліоновъ, снарядили 15.000 и послали [5]). Это было уже въ 1855 году; война скоро кончилась, но сардинцы успѣли потерять 4.000 человѣкъ. Зато при окончаніи войны «Европа читала», по выраженію одного француза, слѣдующія слова въ «Moniteur Universel»: «Сардинская армія приняла участіе въ опасностяхъ: она раздѣлитъ честь и славу успѣха. Союзники въ войнѣ, — правительства англійское, французское и пьемонтское, будутъ соединены и въ переговорахъ, когда миръ будетъ завоеванъ ихъ оружіемъ. Опасности, почести, выгоды — все будетъ раздѣлено».

И точно, въ 1856 году сардинскимъ уполномоченнымъ дозволено было участвовать въ парижскомъ конгрессѣ. Правда, Пьемонтъ ничего не получилъ себѣ за усердіе: *выгоды* не были раздѣлены. Но зато, при окончаніи конгресса, графъ Кавуръ изложилъ предъ дипломатами нужды Италіи, которыя имъ, вѣроятно, были до того не извѣстны. Нужды эти состояли въ томъ, чтобы уменьшено было австрійское вліяніе на полуостровѣ, произведены были реформы въ Папской области, и положенъ конецъ антагонизму, существующему между итальянскими властителями. Дипломаты выслушали, сказали, что не имѣютъ на этотъ счетъ никакихъ полномочій, и конгрессъ разъѣхался. Но графъ Кавуръ вручилъ-таки, на всякій случай, докладную записочку графу Валевскому. Тотъ ее принялъ къ свѣдѣнію, и тѣмъ дѣло кончилось.

Впрочемъ, кончилось оно не такъ скоро: въ теченіе всего 1856 года журналистика Европы шумѣла объ открытіяхъ графа Кавура по итальянскому вопросу. Имя Кавура засіяло новымъ блескомъ и пріобрѣло популярность по всей Европѣ, до «Русскаго Вѣстника» включительно. Кавуру присылались адресы, посвящались бюсты и медали съ надписью «colui, ché la difese con viso aperto» (тотъ, кто защищалъ ее (Италію) съ открытымъ челомъ), и пр. Говоря объ этомъ, Гверрацци замѣчаетъ, съ обычною неблагонамѣренностью: «Кажется, впрочемъ, что графъ не можетъ претендовать на brevet d'invention въ дѣлѣ открытія золъ Италіи. Дипломаты и властители, предъ которыми говорилъ онъ, сами прежде его и много разъ говорили то же самое: [дважды до этого державы увѣщевали папу править «по-христіански»; за нѣсколько лѣтъ раньше, въ англійскомъ парламентѣ неаполитанское правительство названо было отрицаніемъ Бога, не говоря уже объ Австріи и ея продѣлкахъ на полуостровѣ.] Кому же сообщалъ свои открытія графъ Кавуръ? Не итальянцамъ ли? [Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, слова Кавура дали знать итальянскимъ матерямъ объ ихъ казненныхъ сыновьяхъ; изъ словъ Кавура узнали мы о тысячахъ и тысячахъ родныхъ мучениковъ, пострадавшихъ отъ разныхъ тирановъ] [1]) безъ его словъ мы не знали бы, что мы терпимъ, не успѣли бы даже жаловаться!.. Но если такова заслуга графа, такъ поздно проигравшаго на флейтѣ предъ конгрессомъ мотивъ итальянскихъ бѣдствій, то какова же заслуга тѣхъ, которые [съ разсвѣта

---

[1]) Hipp. Castille, le comte de Cavour, p. 51. *Прим. Д.*

[2]) Le Piemont, p. Verosis, p. 23. *Прим. Д.*

[3]) Франція

[4]) французскій кабинетъ

[5]) [Свѣдѣніе о тайныхъ переговорахъ Наполеона съ Кавуромъ по этому предмету было публично высказано въ одной рѣчи Кошутомъ еще въ началѣ 1856 г., до собранія конгресса. Кошутъ говоритъ, что знаетъ это изъ частныхъ источниковъ, но беретъ на себя полную отвѣтственность за достовѣрность факта. Révélations sur la crise italienne, p. Louis Kossuth, p. 22]. *Прим. Д.*

[1]) Да,—

своей жизни, за столько лѣтъ прежде, изо дня въ день принялись громить утѣснителей Италіи и воплями истерзанной души призывали отмщеніе ея бѣдствій?..» [1] [2]). На всѣ подобныя замѣчанія графъ Кавуръ отвѣчалъ, впрочемъ, очень хорошо въ парламентѣ, отдавая отчетъ о конгрессѣ. «Правда,—говорилъ онъ,—мы еще не достигли никакихъ положительныхъ результатовъ, но тѣмъ не меньше мы сдѣлали двѣ вещи, по-моему, самыя существенныя: во-первыхъ, возвѣстили Европѣ о положеніи итальянскихъ дѣлъ, и главное—не въ революціонныхъ, сумасбродныхъ, журнальныхъ выходкахъ, а [съ приличной торжественностью, въ могучемъ собраніи высокихъ особъ] [3]); во-вторыхъ, Европѣ внушено убѣжденіе, что уврачевать язвы Италіи нужно не только для самой Италіи, но и для всей Европы». Видите, значитъ, въ чемъ дѣло: и прежде знали то, что̀ сообщилъ Кавуръ, но знали отъ [сумасбродныхъ] радикаловъ; [Наполеонъ и] Кавуръ не хотѣли, чтобы [полезныя] свѣдѣнія приходили такимъ [гнуснымъ] путемъ, и поэтому перехватили ихъ и представили отъ себя, хотя нѣсколько и поздно. Это—разъ. А другое—опять важное обстоятельство: итальянскіе патріоты, для поправки дѣлъ въ Италіи, требовали только, чтобы Европа не вмѣшивалась въ эти дѣла; по изложенію же графа Кавура выходило, что именно Европа-то и должна вмѣшаться. Это опять объясняется тѣмъ же: для патріотовъ существовала Италія, а для Кавура — Пьемонтъ; патріоты хотѣли прогнать *всякое* чужеземное вліяніе, а Кавуръ—только австрійское. «Если бы политика Кавура была не сардинская только, а въ самомъ дѣлѣ національная, хотя и чисто монархическая, — говоритъ одинъ изъ патріотовъ, — то онъ не сталъ бы толковать съ дипломатами о реформахъ, которыя надо вынудить у разныхъ правителей итальянскихъ, и не упорствовалъ бы въ постыдной и безпримѣрной въ Европѣ системѣ — предавать свою страну произволу чужого вмѣшательства, преграждая ей всякую возможность собственной иниціативы. Онъ сказалъ бы: въ Италіи готова и неизбѣжна общая революція; отвратить ее ничто не можетъ, но отъ васъ зависитъ сдѣлать ее болѣе или менѣе ужасною и гибельною для остальной Европы. Мы не вызываемъ революціи, мы — люди порядка; но, когда она вспыхнетъ, мы, какъ итальянскіе патріоты, должны принять и направить ее. Ваше вмѣшательство можетъ послужить электрической проволокой, черезъ которую движеніе сообщится остальной Европѣ; постарайтесь же изолировать это движеніе, удержитесь отъ всякаго вмѣшательства въ наши дѣла, предоставьте Италію самой себѣ. Пусть выйдутъ изъ Италіи и австрійцы, и французы, пусть сторожатъ только свои предѣлы. А если нѣтъ, то знайте, что Европа никогда не будетъ спокойна отъ Италіи; здѣсь всегда будетъ волненіе, возбуждающее къ безпокойствамъ и другія страны; здѣсь всегда найдетъ себѣ оружіе противъ другихъ державъ всякій честолюбецъ, обѣщающій Италіи помощь въ ея освобожденіи» [1]).

Но Кавуръ не могъ говорить подобнымъ образомъ, потому что у него не было вѣры *въ Италію*, а *Пьемонтъ* не могъ обойтись безъ Франціи. Вотъ почему, возставая противъ австрійскаго занятія, онъ ни слова не смѣлъ сказать противъ занятія Рима французами. Да, говорятъ, что и самая мысль объясниться съ конгрессомъ объ итальянскихъ дѣлахъ была внушена [Наполеономъ] [2]), которому нуженъ былъ очевидный предлогъ для вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Мнѣ разсказывалъ одинъ достовѣрный итальянецъ, что когда оказалась надобность объяснить на конгрессѣ положеніе легатствъ, то Кавуръ погналъ курьера къ Мингетти, чтобы тотъ прислалъ ему записку объ этомъ: такъ мало, отправляясь на конгрессъ, былъ подготовленъ сардинскій министръ къ своему блестящему и внезапному подвигу.

Со времени парижскаго конгресса протекторатъ Франціи надъ Пьемонтомъ былъ рѣшенъ. Австрія тотчасъ замѣтила это, и ея отношенія къ Франціи сдѣлались непріязненнѣй обыкновеннаго. Пьемонтъ слѣдилъ за этимъ, и по мѣрѣ возникновенія и разрѣшенія несогласій въ тянувшихся тогда окончательныхъ переговорахъ державъ, участвовавшихъ въ крымской войнѣ, усиливалъ или понижалъ тонъ своихъ нотъ съ Австріей. Въ началѣ 1857 года, по случаю путешествія Франца-Іосифа въ Ломбардію и одновременной съ нимъ манифестаціи миланцевъ въ пользу Пьемонта, возникла дипломатическая полемика, въ которой Кавуръ выражался очень рѣзко, но которую кончилъ довольно скромно. Въ томъ же году возникло знаменитое дѣло Кальяри: Пьемонтъ сначала сражался, требовалъ отъ Неаполя вознагражденія, въ

---

[1]) La Patria e le elezioni, p. Guerrazzi, p. 36] *Прим. Д.*

[2]) начали говорить объ этомъ за столько лѣтъ прежде.

[3]) въ торжественномъ собраніи дипломатовъ великихъ державъ;

---

[1]) La questione italiana e i republicani, p. 6] *Прим. Д.*

[2]) Франціею

надеждѣ, что его поддержатъ; но Англія добилась вознагражденія для себя, а за Пьемонтъ хлопотала не очень. Франція не видѣла никакого интереса разрывать дружбу съ Неаполемъ для Пьемонта, и въ 1858 году Кавуръ отступился отъ своихъ требованій. Зато онъ выказалъ свое значеніе, посылая сильныя ноты по вопросу о Дунайскихъ княжествахъ: въ этихъ нотахъ онъ рѣшительно вторилъ Франціи, и потому не боялся быть смѣлымъ. [Въ то же время онъ успѣлъ войти въ дружескія отношенія съ Россіей и уступалъ намъ портъ Виллафранки, —спросивъ, впрочемъ, предварительно позволенія у Людовика-Наполеона. Тотъ, конечно, позволилъ, потому что въ это время уже рѣшился взять Ниццу] [1]). Лѣтомъ 1858 года произошло знаменитое совѣщаніе въ Пломбьерѣ, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ итальянскую войну 1859 года.

Дальнѣйшихъ фактовъ мы не станемъ разсказывать: ихъ всѣ знаютъ, и въ Политическомъ обозрѣніи «Современника» постоянно указывалась надлежащая точка зрѣнія на эти факты. Сдѣлаемъ только общій выводъ, для связи.

Мысль объ основаніи единой Италіи даже и въ это время не была еще цѣлью политики Кавура. Странно,—но сомнѣваться въ этомъ невозможно, послѣ напечатанія дипломатическихъ документовъ относительно итальянскаго вопроса въ Англіи и Франціи и послѣ обнародованія нѣкоторыхъ интимныхъ фактовъ изъ того времени. Теперь ясно, что виллафранкскій миръ вовсе не былъ неожиданностью для Кавура, а неожиданностью было, напротивъ, упорное требованіе герцогствъ соединиться съ Пьемонтомъ. Первоначальной цѣлью войны было, съ одной стороны, укротить революціонное движеніе, сдѣлавшееся уже слишкомъ сильнымъ на полуостровѣ, а съ другой стороны, выполнить одну изъ «idées napoléonniennes» — основать королевство Центральной Италіи для принца Наполеона. Отсюда его женитьба на принцессѣ Клотильдѣ, отсюда французскіе агенты въ Тосканѣ, отсюда посылка Понятовскаго и Резе, запрещеніе Пьемонту принимать тосканское присоединеніе, запрещеніе даже принцу Кариньянскому принять предложенное ему регентство... Своимъ рѣшительнымъ требованіемъ національнаго единства, народъ въ герцогствахъ и въ Романьѣ парализовалъ всѣ усилія французской политики, и надо замѣтить, что твердость народа была сильно поддержана въ это время именно партіей радикаловъ [и самимъ Маццини]. Нѣкоторые даже были недовольны [Маццини] [1]) за то, что онъ [требовалъ—возбуждать] [2]) немедленное присоединеніе. А между тѣмъ онъ зналъ, что *союзники* только и хлопочутъ, чтобы какъ-нибудь избавиться [отъ его партіи... Видно, что онъ не всегда увлекался жалкими страстями, а подчасъ умѣлъ и жертвовать ими для общихъ цѣлей]. Вообще, радикальная партія вовсе не была обманута и громко говорила вслухъ всей Европѣ о томъ, чего она ожидаетъ отъ союза Пьемонта съ Франціей. Не разъ прилагали къ этому союзу выдержки изъ Макіавелли относительно вообще союзовъ маленькихъ государствъ съ большими, влекущихъ за собою, съ одной стороны, требованія, съ другой—уступки и превращающихся въ протекторатъ сильнаго надъ слабымъ. Самыя условія союза, какъ они ни тайно были заключены въ Пломбьерѣ, не укрылись совершенно отъ зоркаго вниманія радикаловъ и были ими указаны печатно. По ихъ словамъ, было положено: устроить войну такъ, чтобы обезсилить въ одно время и Австрію, и революціонныя партіи; заплатить за Ломбардію уступкою Савойи и Ниццы; помогать устроенію королевства Центральной Италіи для принца Наполеона; не противиться, если бы въ Неаполѣ произошло движеніе въ пользу Мюрата; заключить миръ съ Австріей, если послѣ первыхъ побѣдъ она возобновитъ предложенія Гуммелайера въ 1848, и въ такомъ случаѣ оставить Венецію...

[Изложивъ эти условія, одинъ изъ радикаловъ прибавляетъ: «хочу думать, что Кавуръ принялъ ихъ не искренно, а надѣялся обмануть Наполеона, но надѣяться обмануть человѣка, который мастерски возвелъ обманъ въ систему и государственную науку, и при томъ всегда имѣлъ силу заставить выполнить свои требованія—было слишкомъ нелѣпо»...]

Странно становится всеобщее ослѣпленіе на счетъ цѣлей итальянской войны, когда въ итальянскихъ журналахъ радикальной партіи читаешь предсказанія, исполнившіяся такъ буквально. Еще въ 1856 году «Italia del popolo» предостерегала отъ союза съ Наполеономъ, говоря, что онъ съ Кавуромъ только и хотятъ, чтобы имъ предались слѣпо, и будутъ этимъ пользоваться для искуснаго подавленія національнаго энтузіазма и требованій свободы, такъ какъ они о единствѣ Италіи вовсе не думаютъ, предполагая лишь королевство *Верхней Ита-*

---

[1]) , тѣмъ болѣе, что около этого времени уже рѣшался вопросъ объ уступкѣ Ниццы.

[1]) ею

[2]) побуждалъ къ

ліи, которое не заключаетъ въ себѣ даже всей Ломбардо-Венеціи [1]).

Вотъ еще нѣсколько цитатъ. Лондонскій журналъ той же партіи, [«Pensiero ed Azione»] въ тотъ самый день, когда Людовикъ Наполеонъ произнесъ свое знаменитое привѣтствіе на новый годъ австрійскому посланнику, писалъ: «Предпріятіе, опирающееся на Людовика Наполеона, не можетъ имѣть цѣлью единство Италіи; оно не можетъ простираться дальше какого-нибудь территоріальнаго измѣненія, дальше освобожденія отъ Австріи, для извѣстныхъ цѣлей, какого-нибудь небольшого клочка земли. И они знаютъ это... Зачѣмъ же они лгутъ? Зачѣмъ болтаютъ объ *Италіи* массамъ, наклоннымъ къ легковѣрію? Зачѣмъ волнуютъ *бѣдную Венецію, уже холодно, обдуманно оставленную во власть врага?*» [2])

Тогда же, обращаясь къ итальянскимъ патріотамъ, тотъ же журналъ говорилъ: «Вы будете въ какомъ-нибудь уголкѣ Ломбардіи, вѣроятно, между французами и королевскими войсками, когда заключенъ будетъ, безъ вашего вѣдома, миръ, которымъ предана будетъ Венеція» [3]).

И даже *прежде* знаменитыхъ словъ, предвѣстившихъ Европѣ войну, «Pensiero ed Azione» писалъ: «Для Италіи — миръ внезапный, разорительный, гибельный для возставшихъ, среди войны, новый Кампоформіо... Не успѣетъ Наполеонъ достигнуть того, что̀ задумалъ, какъ приметъ первое предложеніе Австріи... заставитъ короля сардинскаго отстать отъ дѣла, уступивъ ему частичку территоріи, и [предательски] отставитъ провинціи венеціанскія и часть ломбардскихъ» [4]].

Въ то время, какъ это писалось, никто не хотѣлъ вѣрить: сверху, отъ министерства, шло мнѣніе о рыцарствѣ и великодушіи Наполеона, и не мало было охотниковъ распространять это мнѣніе... Послѣ же, когда мрачныя предсказанія оправданы были событіями, никто не хотѣлъ вспомнить осмѣянныхъ пророковъ, и всѣ вѣрили, будто Наполеонъ остановился на Виллафранкѣ, потому что испугался коалиціи, будто бы составлявшейся противъ него за Австрію.

Ударъ былъ однакоже такъ внезапенъ и такъ противенъ общимъ надеждамъ, что самъ Кавуръ счелъ за лучшее показать себя недовольнымъ и на нѣкоторое время удалиться отъ дѣлъ, пока пройдетъ общее раздраженіе. Вскорѣ онъ возвратился опять къ управленію, выставляя на видъ, что виллафранкскія пораженія достаточно вознаграждены присоединеніемъ къ Пьемонту герцогствъ и Романьи. Здѣсь опять Кавуръ проговорился и былъ уличенъ въ недостаткѣ итальянизма. «Если говорить только о Пьемонтѣ,—замѣчаетъ Гверацци,—то въ этомъ резонѣ есть мысль; но ежели имѣть въ виду Италію, то здѣсь чистѣйшая безсмыслица, потому что Италія не увеличилась отъ соединенія герцогствъ съ Пьемонтомъ, а отъ уступки Ниццы и Савойи существенно уменьшилась, и отъ другихъ условій виллафранкскаго договора сильно пострадала въ своихъ стремленіяхъ и надеждахъ».

Въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Кавура трудно уже, казалось, предполагать продолженіе прежняго недовѣрія къ единству Италіи. И однакожъ это недовѣріе отзывается во всѣхъ его дѣйствіяхъ до половины прошлаго года. Вѣроятно, теоретически онъ уже понялъ по крайней мѣрѣ при самомъ началѣ экспедиціи Гарибальди,—что единство Италіи не только возможно, но и близко. Но въ какой степени близко—это онъ не умѣлъ сказать, и очевидно, что не вдругъ повѣрилъ его быстрому осуществленію. Онъ все боялся, что еще рано, и оттого старался не только не ввязываться въ предпріятіе Гарибальди, но даже всячески порицать его, даже препятствовать ему фактически. Извѣстно, какъ много затруднена была первая экспедиція въ Сицилію распоряженіями изъ Турина. Нѣкоторые изъ враговъ Кавура приписывали это личной его ненависти къ Гарибальди; но мы не предполагаемъ, чтобы Кавуръ былъ уже до такой степени низокъ душою. Другіе говорятъ, что онъ не хотѣлъ смутъ, а предполагалъ достигнуть всего путемъ дипломаціи; но опять трудно допустить, чтобы такой опытный государственный мужъ могъ питать столь нелѣпыя надежды. Нѣтъ, онъ зналъ, конечно, что пріобрѣтеніе Неаполя не обойдется безъ возстаній и крови, но это для него казалось дѣломъ очень отдаленнымъ и даже не совсѣмъ вѣрнымъ для Пьемонта. Во всякомъ случаѣ, иниціативы онъ не рѣшался имѣть въ этомъ дѣлѣ. Воспользоваться — другое дѣло, и тотчасъ по очищеніи Сициліи бурбонскими войсками туда явились агенты Кавура, съ требованіями немедленнаго присоединенія Сициліи къ Пьемонту. А между тѣмъ, въ то же самое время усиливались создать препятствія для перенесенія революціи на неаполитанскую территорію, и даже чуть не готовы были на союзъ съ Неаполемъ. [Спрашивались у тюильерійскаго кабинета, можно ли отвергнуть поздній и непопуляр-

[1]) [Italia del pop., 25 октября 1856 г.]. *Прим. Д.*
[2]) [Pensiero ed Azione, 1 января 1859 г.]. *Прим. Д.*
[3]) [Тамъ же.] *Прим. Д.*
[4]) [Pens. ed Az., 15 декабря 1858 г.] *Прим. Д.*

ный союзъ; оттуда разрѣшили, имѣя свои виды на Неаполь] [1]), и тогда у туринскаго министерства прибавилось храбрости. [Но] зато Римъ и Венеція были положительно запрещены Франціей для Пьемонта, и вслѣдствіе того въ Ливорно, въ концѣ августа, захватывается партія волонтеровъ на катерѣ, снаряженная, *съ согласія* тосканскаго губернатора Рикасоли, для вступленія въ папскія владѣнія, а въ сентябрѣ Франція предупреждалась, что революція преуспѣваетъ въ Италіи и что для ея обузданія надо отправить въ Марки и въ Умбрію королевскія войска. Фарини въ Шамбери, излагая императору французовъ положеніе дѣлъ, говорилъ, что положеніе сардинскаго правительства становится опаснымъ: Гарибальди, въ которомъ нѣкоторымъ образомъ олицетворена революція, готовъ продолжать свободно свой путь черезъ римскія области, возстановляя населеніе, и если бы онъ перешелъ границу, было бы рѣшительно невозможно воспрепятствовать ему въ атакѣ на Венецію. Туринскому кабинету остается одно средство: войти въ Марки и въ Умбрію, едва приходъ Гарибальди возбудитъ тамъ волненіе, и возстановить тамъ порядокъ, не касаясь авторитета папы,—дать, если бы понадобилось, битву противъ революціи на неаполитанской территоріи и требовать немедленно конгресса для установленія судебъ Италіи [2]).

Нѣкоторые хотятъ во всемъ этомъ видѣть уловку, для того, чтобъ получить отъ Наполеона разрѣшеніе дѣйствовать въ папскихъ владѣніяхъ. [Если бы это была правда, то слѣдовало бы пожалѣть о политикѣ, которая довела одну державу до такихъ безобразныхъ уловокъ и до такого унизительнаго положеніе предъ другой державой. Но дѣло въ томъ, что здѣсь] [3]) увѣренія туринскаго министерства были совершено искренни. Во-первыхъ, оно и не рѣшилось бы такъ обманывать [Наполеона] [4]), который тоже умѣлъ понимать положеніе дѣлъ; во-вторыхъ, прокламація къ народу южной Италіи, отъ 9-го сентября, говоритъ то же самое. По словамъ прокламаціи: «вся Италія устрашилась, чтобы, подъ покровомъ одного популярнаго и славнаго имени, не водворилась партія, готовая пожертвовать близкимъ торжествомъ національнымъ для химеръ своего честолюбиваго фанатизма». Поэтому король принялъ на себя надзоръ за національнымъ движеніемъ и послалъ войска: «Я послалъ моихъ солдатъ въ Марки и Умбрію для разсѣянія этого сборища людей всякихъ странъ и разныхъ языковъ, которое составилось здѣсь, представляя собою новый видъ иноземнаго вмѣшательства, и худшій всѣхъ прочихъ... Я провозгласилъ «Италію итальянцевъ» и не позволю, чтобы она сдѣлалась гнѣздомъ космополитическихъ сектъ, которыя собираются здѣсь, чтобы составлять планы—или реакціи, или всеобщей демагогіи».

И эта прокламація отъ имени короля была написана *черезъ два дня* послѣ вступленія въ Неаполь Гарибальди съ этими опасными космополитами и демагогами, завоевавшими цѣлое королевство для этого правительства. И прокламація говоритъ съ негодованіемъ объ иностранномъ вмѣшательствѣ, когда сама не могла явиться на свѣтъ безъ дозволенія чужеземнаго владѣтеля! Къ такимъ результатамъ привела политика графа Кавура.

Извѣстно, что̀ затѣмъ послѣдовало: Гарибальди былъ остановленъ въ походѣ на Римъ, оскорбленъ въ лицѣ своихъ друзей, лишенъ возможности дѣйствовать самостоятельно даже въ Неаполѣ, и принужденъ былъ удалиться на Капреру, призывая Италію къ оружію на весну. [Пьемонтцы тѣмъ временемъ занялись покореніемъ Гаэты, которому три мѣсяца мѣшалъ съ своей эскадрой Людовикъ-Наполеонъ, совѣтовавшій, однакоже, Франциску уступить]. Относительно Рима Кавуръ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, увѣрилъ публично, что дипломатически уладитъ дѣло въ шесть мѣсяцевъ,— т.-е. также къ веснѣ, и точно хлопоталъ много, но не съ блестящимъ успѣхомъ. О Венеціи не было и рѣчи, не считая праздныхъ толковъ о ея выкупѣ, возбужденныхъ одной французской брошюрой. Національное вооруженіе не только не было приготовляемо въ обширныхъ размѣрахъ, но было, напротивъ, всѣми мѣрами подавляемо. Не хотѣли даже устроить національныхъ тировъ, подъ предлогомъ, что нѣтъ въ казнѣ милліона франковъ, котораго требовалъ на это дѣло Биксіо. Преслѣдованіе и распущеніе гарибальдіевыхъ волонтеровъ получило печальную знаменитость во всей Италіи и въ Европѣ. Управленіе Неаполемъ и Сициліей было безсовѣстно-небрежно, и кромѣ того — враждебно всему, что̀ поддерживало въ народѣ энтузіазмъ свободы и дѣятельности. Національное движеніе было парализовано вездѣ, гдѣ только министерская партія могла подавить патріотовъ. Несмотря на кротость и покорность послѣдняго парламента, въ преніяхъ его было

---

[1]) Но тюльерійскій кабинетъ выразилъ свое согласіе на присоединеніе Неаполя

[2]) Это изложено буквально въ циркулярѣ Тувенеля, 18 октября 1860. Напечатано въ оффиціальномъ собраніи французскихъ дипломатическихъ документовъ. *Прим. Д.*

[3]) Но

[4]) Францію,

раскрыто, что положеніе южныхъ провинцій—ужасно, да и дѣла всей Италіи идутъ очень-очень нехорошо. И все-таки Кавуръ не хотѣлъ отстать отъ своей системы, все-таки Кавуръ не могъ выступить на путь болѣе либеральный. Преслѣдованіе гарибальдійцевъ онъ одобрялъ, въ министры бралъ по-прежнему всякаго рода ничтожности (какъ доказало составленіе мартовскаго министерства), противодѣйствовалъ или дозволялъ противодѣйствовать даже избранію въ парламентъ людей радикальнаго образа мыслей, уничтожалъ декреты Гарибальди въ южныхъ провинціяхъ (даже возстановилъ лотерею, уничтоженную декретомъ Гарибальди); о римскомъ вопросѣ отдѣлался въ парламентѣ фразами, почерпнутыми, очевидно, изъ статей книги Бальбо: «мы,—говоритъ,—войдемъ въ Римъ, когда успѣемъ убѣдить папу въ несовмѣстимости свѣтской власти съ духовнымъ саномъ» [1]); прошеніе или адресъ итальянцевъ о выводѣ изъ Рима французскихъ войскъ не допустилъ даже до обсужденія и вотированія въ парламентѣ, а просто проглотилъ его, употребивъ канцелярскую фразу: «примемъ къ свѣдѣнію». Наконецъ, національное вооруженіе, предложенное Гарибальди, встрѣтило въ немъ горячаго противника. Гарибальди холодно и спокойно бросилъ въ лицо первому министру кровавый упрекъ, что онъ хотѣлъ возжечь «братоубійственную войну» противъ тѣхъ, кого по справедливости слѣдуетъ назвать освободителями Италіи. Укоръ былъ тѣмъ болѣе жестокъ, что былъ справедливъ и очевиденъ для всѣхъ въ своей неумолимой правотѣ. Нечего было дѣлать — пришлось объясняться съ Гарибальди дружески и просить у него примиренія. Гарибальди, какъ всегда, поддался на хитрыи зовъ, снизошелъ до объясненій, и хотя послѣ нихъ не хотѣлъ дать руку Кавуру, но все-таки министерскіе журналы, а за ними и всѣ почти французскіе, имѣли поводъ прокричать, что примиреніе совершилось. Слабыя души были успокоены. А Кавуръ на другой же день объявлялъ, что онъ ничего не уступаетъ, ни отъ чего не отказывается и не намѣренъ продолжать совершенно такъ, какъ прежде... И, какъ бы въ насмѣшку надъ безсиліемъ противной партіи, въ это самое время приняли видъ совершенной достовѣрности давно ходившіе слухи о переговорахъ относительно уступки Франціи острова Сардиніи. Кавуръ отрекался, но уже находились многіе, припоминавшіе, что такія же торжественныя отреченія высказывались и предъ уступкой Ниццы... Смерть застала Кавура среди трехъ важныхъ предложеній, которыя онъ долженъ былъ провести въ парламентѣ: заемъ въ 500 милліоновъ, проектъ національнаго вооруженія Гарибальди, искаженный министерской коммиссіей такъ, что и тѣни его не осталось, и уступка неаполитанскихъ желѣзныхъ дорогъ французской компаніи Талабо. Всѣ эти предложенія по сущности своей не могли служить къ увеличенію его популярности, хотя, разумѣется, въ парламентѣ онъ и не могъ встрѣтить серьезной оппозиціи.

Умеръ онъ, какъ прилично истинному христіанину, напутствуемый утѣшеніями религіи. Это очень озлобило нѣкоторыхъ ярыхъ аббатовъ; «какъ, онъ былъ столько лѣтъ противъ церкви, противъ св. отца и вдругъ умираетъ съ напутствіемъ религіи. Да какой это священникъ смѣлъ пойти къ нему? Да онъ вѣрно хотѣлъ просто разыграть комедію, чтобы не быть лишеннымъ погребенія!..» Въ отвѣтъ на грозныя нападки братъ Кавура написалъ, что братъ его вовсе не игралъ комедіи, [ибо былъ въ безпамятствѣ, когда послали за священникомъ, а] что духовникомъ его былъ аббатъ такой-то, который и засвидѣтельствуетъ о благочестіи покойнаго. Гроза унялась.

Относительно послѣднихъ часовъ его жизни были уже различные разсказы, а подлинныхъ мнѣ не случилось видѣть. Извѣстно, что онъ былъ въ безпамятствѣ, и одни увѣряютъ, что онъ бредилъ все о

---

[1]) [Въ одномъ каррикатурномъ журналѣ «L'uomo di Pietra», была помѣщена пародія, составленная изъ разныхъ оперъ, подъ названіемъ: «Открытіе парламента». Тамъ, между прочимъ, довольно удачно примѣнена арія изъ «Нормы». Хоръ поетъ:

Casto occhiole, che i nargenti
Di Torin le antiche piante, и пр.

Кавуръ отвѣчаетъ, пародируя арію Нормы:

Sediziosi voci,
Voci di guerra strombettar non vale,
Dov' é il conte Cavour; nessuno presuma
Dettar responsi al mio veggente occhiole
E di Roma affrettare il fato arcano:
Ei non dipende da potere humano.
La nei volumi ascosi
Leggo der cielo; in pagine di morte
Del poter temporale è scritto il nome;
Esso un giorno morrà, ma non per noi,
Morrà pe vizi suoi,
Qual consunto morra; l'ora aspettiamo,
L'ora fatal, che compia il gran decreto.
Di Luigi e Cavour duesto è il segreto...

Приводимъ эту пародію, вѣрно рисующую отношенія графа къ римскому вопросу,—для любителей итальянской оперы, и потому не даемъ перевода стиховъ, кромѣ послѣднихъ, которые значатъ: «имя свѣтскаго владычества папы уже внесено въ книгу смерти; оно умретъ не отъ насъ, умретъ чрезъ свои собственные пороки, ими истощенное умретъ, а мы подождемъ того часа, рокового часа, въ который исполнится великое рѣшеніе; это есть секретъ Людовика и Кавура»].

Прим. Д.

славѣ Италіи и о южныхъ провинціяхъ; другіе сообщаютъ, что послѣднія слова его были tasse e bachi da seta (таксы и шелковичные черви).

Я припомнилъ главнѣйшіе факты послѣднихъ лѣтъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ выводъ о значеніи Кавура для Италіи. Но теперь мнѣ кажется, что и вывода нечего дѣлать: всякій его сдѣлаетъ для себя, сообразно съ своими воззрѣніями. Люди умѣренные, спокойные (съ которыми мнѣ всегда пріятно соглашаться) видятъ въ Кавурѣ идеалъ, [выше котораго едва-ли можетъ быть поставленъ самъ Людовикъ-Наполеонъ]. Они его восхваляютъ именно за ловкость его пользоваться для своихъ цѣлей національными движеніями, даже страстями партій и смутами народа, которыя онъ тотчасъ же умѣетъ укрощать и обуздывать. Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно нельзя не удивляться Кавуру; какъ блюститель порядка, какъ гонитель безпокойныхъ идей и поборникъ медленнаго прогресса, онъ долженъ быть поставленъ очень высоко. На этомъ пути его ничто не останавливаетъ: преданіе государства подъ покровительствомъ чужой державы, сотни милліоновъ ежегоднаго дефицита, безполезно пролитая кровь, связи съ людьми, подобными Ла-Фаринѣ и Нунціанте, борьба съ такими личностями, какъ Гарибальди, — ему все нипочемъ... Съ этой точки зрѣнія удивленіе талантамъ и рѣшимости Кавура можно считать очень основательнымъ.

Другіе считаютъ его великимъ дѣятелемъ, всю жизнь посвятившимъ одной громадной задачѣ—достиженію единства и свободы Италіи... Читатель, можетъ быть, послѣ нашего очерка не вполнѣ согласится съ такимъ мнѣніемъ.

Враги Кавура, напротивъ, находятъ, что онъ былъ человѣкъ, отлично видѣвшій у себя подъ носомъ, но вовсе не умѣвшій съ орлиной смѣлостью смотрѣть на солнце. Увѣряютъ, что итальянское движеніе совершилось мимо его, что онъ былъ ему скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ, потому что онъ замедлялъ и затруднялъ его, да и потомъ, принявъ его въ свои руки, не умѣлъ имъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ. Приводятъ множество фактовъ, когда народныя, радикальныя партіи брались за дѣло, обѣщая повторить 1848 годъ и требуя только, чтобы Викторъ-Эммануилъ послѣдовалъ примѣру Карла-Альберта. На этотъ разъ успѣхъ былъ разсчиталъ вѣрнѣе, движеніе подготовлено обширнѣе; но Кавуръ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить и даже старался повредить радикальной партіи, распуская про нее разные чудовищные слухи. Его обвиняютъ также въ томъ, что онъ не хотѣлъ дать большого простора дѣятельности волонтеровъ итальянскихъ въ 1859 году, и вообще, что поставилъ себя къ Наполеону въ такое положеніе, которое сдѣлало возможною [эту оскорбительную] [1]) депешу: «я заключилъ миръ съ императоромъ австрійскимъ; Австрія уступаетъ мнѣ Ломбардію, а я дарю ее Сардиніи». «Волнъ Адріатики и Средиземнаго моря мало, чтобы смыть позоръ этого подарка», восклицаетъ въ негодованіи одинъ изъ радикаловъ. Но это еще бы ничего, если бы одинъ только позоръ; а еще хуже то, что, съ помощью благодѣтельнаго союзника, Венеція до сихъ поръ стонетъ подъ австрійскимъ игомъ, между тѣмъ какъ южная и центральная Италія, которымъ только мѣшали, а не помогали, давно уже успѣли освободиться...

Вообще же путь, избранный Кавуромъ для его политики, привелъ Италію въ такое же положеніе передъ Франціей, въ какомъ до того была большая часть Италіи передъ Австріей. Въ Римѣ стоятъ на неопредѣленное время французскія войска, и подъ ихъ покровительствомъ работаетъ тамъ теперь реакція, постоянно возмущающая спокойствіе южныхъ провинцій, да нерѣдко забѣгающая и въ другія части полуострова. Въ Туринѣ же ничего не дѣлается безъ предварительнаго разрѣшенія тюильерійскаго кабинета. И выходитъ теперь, что вмѣсто того, чтобы идти дружно съ правительствомъ, народъ итальянскій долженъ употреблять свои силы на то, чтобы отречься противъ какого-нибудь предательства его интересовъ.

Можетъ быть, и враги Кавура, разсуждающіе такимъ образомъ, имѣютъ на своей сторонѣ долю правды. По крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ событіяхъ Кавуръ точно былъ слишкомъ остороженъ или, лучше, трусливъ. Его приверженцы говорятъ, напримѣръ, что онъ сдѣлалъ великое благодѣяніе для Италіи, остановивъ Гарибальди въ походѣ на Римъ. Тогда, говорятъ они, императоръ Наполеонъ прямо имѣлъ бы поводъ къ войнѣ съ Италіей; Австрія воспользовалась бы этимъ и вновь отняла Ломбардію,—герцоги и король неаполитанскій были бы возстановлены, и освобожденіе Италіи было бы замедлено опять на много лѣтъ... Всѣ эти выводы логичны, но основаніе ихъ невѣрно: можно положительно сказать, что приходъ Гарибальди въ Римъ не могъ повлечь за собою войны съ Франціей. Въ октябрѣ, когда этого событія еще ждали, я говорилъ съ французскими офицерами въ Парижѣ: они откровенно объявляли, что «императоръ не риск-

[1]) извѣстную

нетъ [на такое безразсудство» (folie)]—послать войско противъ Италіи, что подобная мѣра [его самого очень уронила бы и даже, пожалуй, подвергла опасности] [1]). Потомъ разспрашивалъ я французскихъ офицеровъ въ Римѣ: тѣ сознавались, что до самыхъ событій подъ Капуей, т.-е. до вмѣшательства пьемонтцевъ, [дѣло Гарибальди представлялось всѣмъ столько святымъ], энтузіазмъ къ нему былъ такъ силенъ, что для французскихъ войскъ въ Римѣ нравственно невозможно было идти съ нимъ на битву [«почти каждый изъ насъ счелъ бы для себя позоромъ легкую побѣду надъ волонтерами», говорили они]. Я повѣрялъ эти отзывы на многихъ, даже на журналахъ французскихъ,—и тамъ нашелъ, сквозь [казенную оболочку] [2]) проблескъ внутренняго отвращенія къ идеѣ войны французовъ съ Гарибальди. И это продолжалось именно до того времени, когда Гарибальди шелъ *только* съ народомъ [не связывая себя ни съ какимъ правительствомъ]. Такимъ образомъ, Кавуру нечего было опасаться съ этой стороны. Да, впрочемъ, изъ депеши, приведенной выше, видно, что онъ и боялся совсѣмъ не этого, а совершенно противнаго, т.-е. *успѣха* Гарибальди въ атакѣ на Римъ...

Но если такъ, то чѣмъ объяснить популярность Кавура во всей Европѣ и особенно въ народѣ Италіи? Смерть его показала, до какой степени дорожили имъ. Торжественныя панихиды по немъ во всѣхъ городахъ привлекали тысячи народа, облеченнаго въ трауръ; въ день его смерти заперты были всѣ лавки въ Туринѣ; въ другихъ городахъ во всѣхъ домахъ выставляли черные флаги; нѣсколько муниципій уже открыли подписку на памятникъ ему, и подписки всѣ идутъ очень успѣшно, и пр., и пр...

На все это надо сказать, что народъ вообще очень добръ, муниципіи очень щедры, выраженія горести не такъ общи и сильны, какъ о нихъ пишутъ въ газетахъ, и что при всемъ томъ графъ Кавуръ былъ человѣкъ замѣчательный и полезный для Пьемонта и вообще не лишенный многихъ достоинствъ; смерть же его приключилась именно въ тотъ моментъ, когда слава его достигла своего апогея, и затѣмъ скоро должна была идти къ упадку. Одинъ изъ итальянскихъ журналовъ въ некрологѣ Кавура прямо выразился: «графъ Кавуръ умеръ вѣ-время для своей славы и для блага Италіи; для своей славы, потому что она не могла уже болѣе возвышаться, а для блага Италіи—потому, что съ его смертью должна прекратиться эта система, сдѣлавшая изъ Италіи орудіе чужеземныхъ замысловъ и покупающая свободу однѣхъ провинцій продажею другихъ» [1]).

Довольно, впрочемъ, о Кавурѣ, какъ государственномъ человѣкѣ: судите о его заслугахъ, какъ хотите. Но, можетъ быть, вамъ любопытно также узнать его, какъ человѣка просто? На этотъ счетъ я вамъ не могу прибавить многаго. Развѣ обратиться къ «источникамъ»? Вотъ, напримѣръ, разсказы г. Марка Монье, о которомъ, помнится, г. Лыжинъ отзывается въ своихъ путевыхъ письмахъ такимъ образомъ: «весьма основательный писатель, тѣмъ болѣе, что съ самимъ Кавуромъ знакомъ». Г. Монье говоритъ, что когда онъ, въ передней Кавура, припомнилъ все, что̀ имъ сдѣлано, то спросилъ себя: «по какому праву хочу я, немощный и худой, войти въ это существованіе, столь обширное и полное» [2]), и пр. Задавъ этотъ вопросъ, г. Монье хотѣлъ даже отступить отъ передней; но ему сказали, что графъ будетъ очень радъ принять его, онъ вошелъ и—«я былъ успокоенъ тотчасъ же, и совершенно: если бы я имѣлъ, какъ г. Тэнъ, талантъ и надобность формулировать въ одномъ словѣ мое впечатлѣніе, я бы написалъ, нѣсколько удивляя даже самъ себя:

«Графъ Кавуръ—это улыбка» [3]).

Затѣмъ, г. Монье сообщаетъ любопытнѣйшія черты изъ своего разговора съ Кавуромъ, состоящія въ признаніи графа, что министерство въ Пьемонтѣ идетъ впереди страны, что оппозиція очень кротка и нимало ему не мѣшаетъ, что сектаторовъ онъ презираетъ, и т. п. Все это, по словамъ г. Монье, было произнесено съ граціей и любезностью восхитительною. Вотъ вамъ ужъ и есть одна черта Кавура, какъ частнаго человѣка, и вдобавокъ противорѣчащая всему, что̀ до сихъ поръ вы представляли, судя по отзывамъ о его парламентскомъ поведеніи. Впрочемъ, надо припомнить характеръ самого г. Монье, чуть не «отступившаго» изъ передней графа, отъ страха предъ его величіемъ.

Вотъ разсказы другого француза, котораго приводятъ вездѣ, даже въ Кельнской газетѣ—Плателя.

«Однажды показываютъ мнѣ на балконѣ одного дома человѣка въ красномъ халатѣ

---

[1]) могла повредить ему самому.
[2]) условныя фразы

[1]) [La Democrazia, 18 іюня 1861 года]. *Прим. Д.*
[2]) Moi, chétif, entrer dans cette existence si vaste et si pleine,—если г. Монье точно худощавъ, то онъ составилъ недурной каламбуръ.
[3]) Marc Monnier L'Italie est-elle la terre des morts, p. 418. *Прим. Д.*

и желтыхъ туфляхъ, курившаго прозаически сигару, и сказали мнѣ: вотъ графъ!... Онъ былъ тутъ, смотря на свой народъ, и народъ смотрѣлъ на него, въ лицѣ одного пьемонтскаго мальчишки... Въ палатѣ я тотчасъ узналъ моего балконнаго знакомца. Какъ онъ сидѣлъ—я этого не могъ понять; его манера сидѣть столь же неподражаема, какъ поэзія Данта: онъ скрещиваетъ одну ногу на другой. Можно бы сказать, что это воспоминаніе восточнаго вопроса. Весь Туринъ занятъ манерою сидѣнья своего перваго министра. Я видѣлъ, какъ люди очень почтенные, сотоварищи графа, пробовали подражать ему въ маленькомъ кружкѣ — невозможно!..» Далѣе Платель толкуетъ о томъ, какъ Кавуръ похожъ на Тьера grossi et grandi; что у него очень живое и тонкое выраженіе лица, и пр. Потомъ рисуетъ его манеру говорить и замѣчаетъ: «когда обстоятельства серьезны, онъ кладетъ обѣ руки въ карманы, и тогда приготовьтесь услышать такую фразу: «если вы не вотируете этого закона, signori deputati, я считаю себя неспособнымъ болѣе управлять дѣлами и желаю вамъ счастливо оставаться». Всѣ перепуганы, и законъ вотируется... Графъ увлекается гнѣвомъ, какъ женщина: онъ заносится, говоритъ то и это, и *то* бываетъ не всегда то же, что̀ *это*, но никто не заставитъ его выразиться опредѣленно, когда онъ этого не хочетъ. Иногда его интерпеллируютъ насчетъ національной гвардіи, а онъ отвѣчаетъ о Монъ-Сенисѣ, или наоборотъ. Онъ имѣетъ удивительное искусство не сказать того, чего не хочетъ, и заставить другихъ говорить то, что̀ онъ хочетъ... У него есть манія изъ всего дѣлать личности. Г. Маміани интерпеллируетъ насчетъ бюджета; аргументъ въ отвѣтѣ графа будетъ тотъ, что г. Маміани безобразенъ; иному онъ скажетъ, что тотъ слишкомъ старъ; г-на Боджіо попрекнетъ тѣмъ, что онъ молодъ, графу Ревелю скажетъ, что тотъ не носитъ подтяжекъ,—но скажетъ такъ, что бюджетъ будетъ вотированъ».

Если вы найдете этотъ разсказъ, при всей его видимой размашистости, еще болѣе холопскимъ, чѣмъ г. Монье,—такъ я въ этомъ не виноватъ. Мнѣ выбирать было не изъ чего: другихъ разсказовъ о частной жизни и свойствахъ графа не существуетъ—покамѣстъ.

Можно бы, правда, выбрать нѣсколько анекдотовъ изъ некрологовъ; но всѣ они такъ отзываются общимъ мѣстомъ, что скучно рыться въ нихъ.

Однажды представили ему протестъ, несогласный съ его взглядами,—для представленія королю,—и онъ былъ такъ честенъ, что не утаилъ, а передалъ; въ другой разъ пришелъ къ нему бѣдный человѣкъ, прося взять билетъ въ лотерею,—онъ взялъ всѣ билеты, а вещь оставилъ у владѣльца; одинъ авторъ клерикальной партіи прислалъ ему экземпляръ сочиненія, въ которомъ возставалъ противъ его политики,—онъ принялъ и отвѣтилъ автору очень любезнымъ письмомъ... Словомъ—анекдоты дешеваго, рутиннаго великодушія разсказываются въ изобиліи; не знаю, что̀ они могутъ прибавить къ чьей бы то ни было характеристикѣ...

Въ заключеніе, мнѣ хочется припомнить разговоръ съ однимъ сициліянцемъ, объяснившимъ мнѣ политику и успѣхъ графа Кавура въ аллегорической формѣ. Выходило почти такъ:

«Дорога прогресса для Италіи, [какъ и вообще для человѣчества], узка и трудна, и стерегутъ ее люди, заинтересованные въ томъ, чтобы народъ не шелъ по этой дорогѣ. Находится отважный человѣкъ, пробирается мимо сторожей, выбѣгаетъ на эту дорогу и зоветъ за собою другихъ. [Таковъ былъ въ Италіи, положимъ, основатель общества «Юной Италіи»]. Его начинаютъ преслѣдовать, его ловятъ, въ него стрѣляютъ; онъ не сходитъ съ дороги и все зоветъ. Голосъ его доходитъ до согражданъ. Болѣе смѣлые кидаются по тому же направленію; но дорога затруднена хуже прежняго, стража умножена, по сторонамъ стоятъ крѣпости и батареи. Самые пылкіе бросаются впередъ, несмотря ни на что, и погибаютъ... Таковы были у насъ Бандьера, Пизакане, и пр., и пр. За ними идутъ другіе, за другими третьи, всѣ сражаются, всѣ пролагаютъ дорогу, и послѣ многихъ неудачъ находятъ, наконецъ, своего Гарибальди, — рушатъ враждебныя крѣпости, овладѣваютъ батареями, прогоняютъ стражу и открываютъ всѣмъ дорогу. Тогда по ней идетъ толпа, предводимая Кавуромъ. Кавуръ—это благоразуміе. Покамѣстъ была опасность, онъ стоялъ въ сторонѣ и говорилъ: «не ходите—погибнете». Нѣкоторые не слушались, шли и погибали; толпа видѣла это и убѣждалась, что почтенный человѣкъ говоритъ правду. А онъ все больше и больше собираетъ около себя народу и увѣряетъ: «я знаю, когда надо будетъ идти; повѣрьте, что я васъ приведу во̀-время и безопасно: положитесь на меня». И точно, пришло время, онъ сказалъ: пора! Толпы прошли спокойно и разсудили: «вотъ это—такъ человѣкъ! Прежніе головорѣзы или погибали или терпѣли страшныя потери, чтобы пройти, а этотъ—умѣлъ выждать время и какъ отлично провелъ насъ». И человѣкъ этотъ дѣлается въ глазахъ толпы истин-

нымъ вождемъ и спасителемъ, единственнымъ мудрецомъ, на котораго можно положиться... [И многіе ли хотятъ подумать, что вѣдь онъ только воспользовался работою прежнихъ «сумасбродныхъ головорѣзовъ», мало того, что онъ затруднилъ путь прогресса, собирая около себя праздными зрителями тѣхъ, которые безъ его увѣщаній, можетъ быть, сами пошли бы на дѣло, увеличили силу пробивающихся тружениковъ и сдѣлали бой менѣе труднымъ, побѣду болѣе скорою и вѣрною... Если бы этотъ благоразумный господинъ не удерживалъ вокругъ себя толпы,—можетъ всѣ они бросились бы, и «безумное» предпріятіе головорѣзовъ оказалось бы не безумнымъ, и они сами не погибли бы, а увѣнчались успѣхомъ... Разсудите хорошенько и скажите: въ какой мѣрѣ нравственно и чисто добытъ успѣхъ этого воздерживателя горячихъ стремленій и рѣшительныхъ мѣръ]... Онъ окруженъ славою, почетомъ. о немъ кричитъ вся Европа, онъ создаетъ Италію (упрочивая себѣ въ то же время состояніе въ 40.000,000 франковъ), ему удивляются, что онъ работаетъ по 14 часовъ въ день надъ дипломатическими нотами въ своемъ роскошномъ кабинетѣ... И въ то же время забрасываютъ грязью, позорятъ и осмѣиваютъ людей, которые шли завѣдомо всѣмъ къ той же [великой] цѣли, терпя на своемъ пути и нищету [и одиночество, и клевету] и изгнаніе [и тюрьму, и при всемъ томъ сохраняя больше бодрости и вѣры, нежели могучій министръ, претендующій ворочать судьбами государствъ]... И онъ самъ не совѣстится бросать въ нихъ камнемъ,—въ нихъ, которыхъ труды и страданія выростили для него такіе сладкіе плоды!»

[Я ничего не отвѣчалъ моему сицильянцу. Да и стоитъ ли отвѣчать на подобныя аллегоріи].

---

420. * * *

Написано въ іюнѣ въ Аѳинахъ. Найдено мною въ письмахъ Добролюбова, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ, въ копіи, снятой Пыпинымъ.

М. Л.

Средь Акрополя разбитаго
Срисовали Парѳенонъ,
Да божка, плющемъ увитаго,
Да обломки трехъ колоннъ.
Вдругъ на родину далекую
Я душой перелетѣлъ
И судьбу ея высокую
Въ книгѣ музъ прочесть хотѣлъ.
Въ сколько лѣтъ цивилизаціи
Край нашъ будетъ доведенъ,
Чтобъ въ изяществѣ и граціи
Сталъ съ Элладой спорить онъ?
Сколько школъ академическихъ,
Сколько выставокъ пройдетъ,
Прежде, чѣмъ для позъ классическихъ
Будетъ годенъ нашъ народъ?
Скоро ль смѣнимъ мы котурнами
Безобразіе лаптей?
Станемъ воду черпать урнами
Вмѣсто ведеръ и бадей?

---

421. * * *

Напечатано въ 1 кн. «Современника» 1862 г. и относится ко времени пути отъ Одессы до Нижняго,—іюлю 1861 года.

М. Л.

Необозримой, ровной степью
Поспѣшно я держу мой путь.
Зачѣмъ? Чтобъ вновь короткой цѣпью
Тамъ въ тѣсный кругъ себя замкнуть!
Кругъ заколдованный! За мною
Онъ всюду слѣдовалъ, какъ тѣнь:
Въ Парижъ, блестящій суетою,
И въ тишь швейцарскихъ деревень.
Въ уѣздный русскій городъ, Ниццу,
По итальянскимъ берегамъ,
И въ мусульманскую столицу,
И по роднымъ моимъ полямъ;
На кораблѣ, средь океана,
Онъ отъ меня не отставалъ,
И въ высяхъ горняго тумана
Меня собою оцѣплялъ.

---

422. Изданія общества распространенія полезныхъ книгъ.

1) **Жизнеописанія замѣчательныхъ людей.** *Елизавета Фрей.* Соч. *Е. Турѣ.* Москва. 1861.
2) **Хрестоматія или избранныя статьи для народнаго чтенія.** Выпускъ первый. Москва. 1861.

Напечатано въ VIII кн. «Современника» 1861 г. (ценз. 31 августа). Могъ ли Добролюбовъ, тотъ Добролюбовъ, который написалъ хотя бы только № 402, не разбранить эту стряпню для народа? Могъ ли онъ, поскольку позволяла цензура, не возмущаться тенденціей успокоить народъ, только спустя нѣкоторое время послѣ 19 февраля 1861 года понявшій, *какую* волю ему дали, и призывать этотъ народъ къ терпѣнію!.. На этомъ терпѣніи строилась цѣлая теорія будущаго благоденствія Россіи, такъ великолѣпно разрабатывавшаяся, напримѣръ, «Русскимъ Вѣстникомъ»...

М. Л.

— Вотъ полезныя книги!

— Почему же непремѣнно полезныя?

— Во-первыхъ, потому, что всякая книга полезна, да и не только книга, а всякая вещь въ мірѣ, если только умѣть обращаться съ нею; а во-вторыхъ, книги эти признаны за полезныя цѣлымъ Обществомъ.

— Какимъ обществомъ?

— Да именно «Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ». Оно ужъ вѣрно знатокъ въ своемъ дѣлѣ, и на него положиться можно; а оно такъ и припечатало на лбу у обѣихъ книжекъ по ярлыку: «изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ».

— Но если бы мнѣ захотѣлось узнать, на какомъ основаніи, и въ какомъ именно смыслѣ, и для кого признаетъ Общество полезными изданныя имъ книги...

— Я вамъ за него отвѣчу: оно считаетъ ихъ полезными очевидно *потому*, что всякая книга полезна, и не только книга, но и всякая вещь, если только умѣть хорошо ею пользоваться; оно считаетъ ихъ полезными *въ томъ смыслѣ*, что всякая книга полезна, и не только книга... и пр.; наконецъ оно считаетъ ихъ полезными *для тѣхъ*, кто будетъ разумно ими пользоваться. Все это совершенно очевидно, и тутъ ровно не надъ чѣмъ ломать голову.

— Вы объясняетесь очень категорично, но я неудовлетворенъ: «общество» называетъ себя «Обществомъ распространенія *полезныхъ* книгъ»; уже въ этомъ самомъ названіи предполагаются книги *безполезныя*, которыхъ общество не намѣрено распространять ни подъ какимъ видомъ. Но, какъ вы справедливо замѣтили, книгъ абсолютно-безполезныхъ не бываетъ; какую бы чепуху и нескладицу ни набрехалъ человѣкъ, навѣрное найдется какой-нибудь другой человѣкъ, которому и чепуха эта въ пользу пойдетъ... Для нашего народа чего-чего не издаютъ: и «Бѣсъ въ полуштофѣ», и «Письмо»—какого-нибудь Пѣтухова, и «Гуакъ или непреоборимая вѣрность», и «Сердце человѣческое», и все читается и распространяется, и—повѣрьте мнѣ—приноситъ свою долю пользы для тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться всѣми подобными книжонками... И вѣдь иной разъ даже подивишься на результаты: посмотрите, напримѣръ, какое великолѣпное зданіе выходитъ у г. Буслаева изъ всей дряни, которую онъ наподбиралъ въ архивной пыли! [1]). Любо, да и только! Или почитайте, напримѣръ, г. Семевскаго: какъ онъ пользуется сухими и безграмотными «дѣлами» старыхъ лѣтъ! [2]) Словомъ,—еще Буало сказалъ:

Chaque sot trouve toujours un...

— Что вы! Что вы! Не оканчивайте, опомнитесь...

— Да я ничего.. вѣдь я по-французски. А впрочемъ все равно, дѣло не о томъ, а объ Обществѣ. Такъ какія же книги намѣрено брать Общество на свою долю и признавать полезными съ своей точки зрѣнія? Для какого пола и возраста, для какихъ классовъ общества намѣрено оно служить по преимуществу?

— Да никакихъ преимуществъ!... Общество не терпитъ привилегій, монополій и исключительности. Оно «не держится никакой исключительности по предметамъ сочиненій, но руководствуется направленіемъ православно-христіанскимъ». Оно трудится «для всѣхъ классовъ и возрастовъ русскихъ читателей». Такъ въ его программѣ заявлено:

— И для обоихъ половъ?

— Еще бы! Конечно,—когда Общество устроено московскими дамами и когда въ

---

[1]) «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства» (1861).

[2]) «Царица Прасковья», «Слово и дѣло» и др.

комитетѣ каждаго изъ его отдѣловъ полагается *дамъ* не менѣе 12 и не болѣе 22, и мужчинъ не менѣе 13 и не болѣе 23; когда предсѣдателемъ Общества всегда должна быть избираема особа женскаго пола, имѣющая при себѣ сотрудника, секретаря и казначея изъ мужчинъ... Ясно, что общество трудится для обоихъ половъ, и для женщинъ, какъ для мужчинъ.

— Да женщины-то, положимъ, все могутъ читать; имъ все благо, все добро. А я вотъ интересовался собственно о себѣ: и для меня полезны будутъ изданія Общества?

— Сказано вѣдь: для всякаго возраста и званія.

— Такъ вѣдь можетъ быть не каждая книга будетъ для всякаго?

— Ну, тогда, конечно, и будетъ объяснено, для кого она назначается.

— Хорошо; вотъ, напримѣръ, книга «для народнаго чтенія»—мнѣ нейдетъ, это сейчасъ и изъ заглавія видно. Ну, а вотъ Елизавета Фрей; при ней ничего не объяснено, и предисловія нѣтъ: для кого жъ она?

— Ну, ужъ это ясно, что для всякаго возраста и состоянія.

— Да на что же мнѣ, напримѣръ, эта Елизавета Фрей? Конечно, она была женщина хорошая, а все-таки я бы, безъ малѣйшаго вреда для моего развитія и нравственности, могъ подождать до того времени, когда выйдетъ «Энциклопедическій Словарь» на букву Ф—и тамъ прочитать ея біографію!

—Какъ,—такъ вы, значитъ, равнодушны къ эманципаціи женщинъ и ко всему женскому вопросу? И вы говорите это мнѣ, мнѣ, сотруднику «Современника», читавшему корректуры статей г. Михайлова о женщинахъ! Нѣтъ, ужъ извините, а я вамъ этого простить не могу... Развѣ загладите свои невѣжественныя выходки искреннимъ покаяніемъ и признаніемъ неизмѣримой пользы изданія «Елизаветы Фрей» «для всякаго званія и возраста»... Вѣдь вы не знаете, что это за книга! Гдѣ ни раскройте, вездѣ полезный примѣръ, полезное свѣдѣніе, полезный намекъ. Ну, возьмемъ наудачу. Вотъ стр. 14-я. Елизавета Фрей разсказываетъ о своемъ рѣшеніи посвятить себя на служеніе бѣдной и больной братіи. Ну, не полезно вамъ узнать, какъ произошло это рѣшеніе? Читайте же:

«Посидѣвъ немного, я почувствовала себя ободренною слѣдующими словами св. писанія: *когда врагъ придетъ подобно потоку, духъ Божій разсѣетъ его*. Я тутъ же испытала на себѣ истину этихъ словъ, ибо внутренняя буря утихла во мнѣ, и я даже почувствовала себя спокойною. Въ 11 часовъ пробудились во мнѣ слова, такъ сильно поразившія меня на сходкѣ въ Норвичѣ. Казавшееся невозможнымъ моей слабой природѣ сдѣлалось для меня не только возможнымъ, но и естественнымъ. Я желала только, чтобы въ этомъ великомъ предпріятіи не ослабѣла вѣра моя и чтобы Божія воля исполнилась на мнѣ. Въ этомъ-то настроеніи выразила я мои мысли, такъ какъ будто не имѣла возможности ихъ не выразить. Хотя, послѣ этого усилія, я сохраняла сознаніе, что поступила хорошо, на меня нашла минута великой слабости, но благодать Божія поддержала меня».

Видите, какъ это интересно; неужели вы не ощущаете пользы, какую пріобрѣли отъ этого разсказа?...

— Что мнѣ за дѣло до этихъ англичанокъ? Пусть ихъ чувствуютъ слабость, внутреннюю бурю, пусть къ нимъ враги приходятъ хоть не потокомъ, а цѣлымъ океаномъ, — что мнѣ? У насъ есть свои заботы...

— А вы думаете, что изданіе «Елизаветы Фрей» непричастно этимъ заботамъ? Грубо ошибаетесь. Изъ «Елизаветы Фрей» вы узнаете (въ первый разъ вѣроятно), что «Россія входитъ въ новую эру, новую фазу бытія своего; повсемѣстно готовятся въ ней преобразованія; вездѣ вѣетъ духъ новый, духъ живой» (стр. 56). Здѣсь вы прочтете, что «скромные подвиги, невѣдомые труды, незамѣтныя жертвы разсѣяны по великому простору земли русской» (стр. 57). Узнаете, что «въ продолженіе осады Севастополя сестры милосердія перенесли неслыханные труды и лишенія и видѣли всѣ ужасы войны» (стр. 58). Получите здѣсь свѣдѣніе и о томъ, «что жизнь въ губернскихъ городахъ нашихъ вяла, скучна и безцвѣтна; многія женщины живутъ скучая и старѣются, играя въ карты и сплетничая, не имѣя даже развлеченій столицы для пополненія длинныхъ досуговъ» (стр. 60).

— Господи, да какъ же всѣ эти, столь новыя, мысли вошли въ біографію Елизаветы Фрей?

— А-а, вотъ видите, вы и заинтересовались... Да вѣдь тамъ еще то ли найдете! Найдете даже извѣщеніе, что «В. П. Безобразовъ объѣхалъ недавно многія губерніи» (стр. 58). Вынимайте же скорѣе пятиалтынный и платите за книжку.

Вотъ «Хрестоматію для народнаго чтенія» предложить вамъ не могу, такъ какъ вы не хотите принадлежать къ народу. Эта книга, какъ по всему видно, для народа и назначена. Открываете вы ее и, безъ всякихъ предисловій, на первой страницѣ находите: «Притчи Соломоновы. Глава *четвер-*

тая». «Отчего же это начинается съ четвертой, спроситъ простолюдинъ:—ужъ не вышелъ ли новый счетъ?»—Нѣтъ, еще этого покамѣстъ Богъ миловалъ, а съ четвертой главы начато потому, что въ ней стоятъ *такія* наставленія:

«1) Послушайте дѣти наказанія отча и внемлите разумѣти помышленіе;

«2) Даръ бо благій дарую вамъ: моего закона не оставляйте;

«3) Сынъ бо быхъ и азъ отцу послушливый, любимый предъ лицемъ матери, и пр.».

Если можно опасаться, что славянскій языкъ затруднитъ многихъ простолюдиновъ въ пониманіи наставленій Соломона, то въ книжкѣ найдутся подобныя наставленія и на чистомъ русскомъ языкѣ. Вотъ, напримѣръ, прочтите, какимъ прекраснымъ языкомъ изложены драгоцѣнныя наставленія «*О терпѣніи*» (стр. 32), столь полезныя и необходимыя для народа.

«При всѣхъ непріятныхъ обстоятельствахъ жизни будь терпѣливъ. Терпи, что̀ бы съ тобой ни случилось; не досадуй, когда получишь оскорбленіе; не огорчайся, когда встрѣтишь неудачу; все терпи безъ ропота. Въ примѣръ терпѣнія возьми себѣ Пророковъ. *Пророки ли не были добры? Но и они* много терпѣли на землѣ; они терпѣніемъ и жили, терпѣніемъ и спаслись.

«Такъ, ты тогда только можешь жить спокойно на землѣ, когда будешь терпѣливъ; безъ терпѣнія настоящая жизнь будетъ не жизнь, а мученіе. На землѣ многое насъ безпокоитъ: одно только терпѣніе доставляетъ намъ покой. Словами въ этомъ убѣдить трудно: лучше испытай. Когда тебя горе тяготитъ, или люди оскорбляютъ, или болѣзнь изнуряетъ, и вообще какая-нибудь непріятность безпокоитъ, то возьми терпѣніе, крѣпись, и ты успокоишься. Терпѣніе—лѣкарство отъ всѣхъ безпокойствъ; умѣть терпѣть значитъ умѣть спокойно жить.

«Но не одно временное спокойствіе получаемъ мы отъ терпѣнія. Терпѣніе отворяетъ дверь къ вѣчному покою.

«Такъ, кто все переноситъ терпѣливо, тотъ этимъ спасетъ душу; чѣмъ мы больше терпимъ, тѣмъ меньше становится въ насъ грѣховъ. Отъ огня золото дѣлается свѣтлѣе; отъ терпѣнія наша душа дѣлается чище.

«Хотите ли на опытѣ видѣть, какъ спасительно для души терпѣніе? Выслушайте, что̀ разсказываетъ одинъ праведный мужъ, который сподобился видѣть тѣ мѣста, гдѣ *по смерти покоятся святые*. Въ одномъ славномъ мѣстѣ онъ увидѣлъ нѣкоего человѣка, и спросилъ его: что̀ ты дѣлалъ въ мірѣ, и чѣмъ заслужилъ такое мѣсто? Я былъ работникомъ у одного злого человѣка, отвѣчалъ тотъ, и много терпѣлъ отъ него до конца жизни.—Послѣ онъ увидѣлъ другого человѣка въ столь же славномъ мѣстѣ, и спросилъ его: ты чѣмъ занимался въ мірѣ?—Я долго былъ боленъ, и терпѣливо переносилъ свою болѣзнь.—Наконецъ, онъ увидѣлъ еще человѣка, но не въ столь славномъ мѣстѣ, какъ тѣ, и также спросилъ его: ты какъ жилъ въ мірѣ?—Я сначала былъ простымъ монахомъ, день и ночь трудился для спасенія души, послѣ произвели меня въ епископы...

«Итакъ, вотъ что̀ значитъ терпѣніе! Терпѣть такъ же спасительно для нашей души, какъ и заниматься спасеніемъ; переносить что-нибудь горестное такъ же полезно, какъ и дѣлать добрыя дѣла; удерживаться отъ словъ оскорбительныхъ для ближняго такъ же пріятно Богу, какъ и славословить его непрестанно. Терпѣніе даже иногда важнѣе иныхъ богоугодныхъ дѣлъ».

Вообще — главная идея «Хрестоматіи» состоитъ повидимому въ проповѣди терпѣнія для народа. Мысли о терпѣніи попадаются вездѣ. Въ нравственныхъ разсужденіяхъ мы встрѣчаемся не разъ съ мыслями, что «въ сей бѣдственной жизни миръ нашъ *состоитъ болѣе въ томъ, чтобы терпѣть* со смиреніемъ, нежели не чувствовать противности» (стр. 41). Это хоть и темно, но все же терпѣніе упомянуто. «Должно сносить съ терпѣніемъ, чего не можно исправить въ себѣ или другихъ, доколѣ Богу не будетъ угодно учредить иначе» (стр. 37). Въ избранныхъ стихотвореніяхъ также находимъ, напримѣръ, стихи Хомякова:

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Въ любви и мольбѣ.

Даже басня «Трудолюбивый медвѣдь» попала въ Хрестоматію, кажется, за то, что въ ней медвѣдю совѣтуется *терпѣнье*.

Выборъ статей, соотвѣтствующихъ тенденціи составителя, вообще удаченъ. Но нельзя сказать того же о нейтральныхъ, индифферентныхъ статьяхъ. Напримѣръ, изъ русской исторіи: «Славяне, первые, обитатели Россіи», разсказы о Святославѣ, Ольгѣ, Владимірѣ, Ярославѣ—по коротенькимъ обзорамъ учебниковъ,—вовсе народу неинтересны. Ему ужъ если разсказать о Святославѣ, такъ сказку или легенду надо сдѣлать, въ томъ родѣ, какъ сочинялъ ихъ Вельтманъ... А то что̀ толку,—миѳологическую-то древность да прагматическимъ тономъ разсказывать?

Выборъ біографій недуренъ: Филиппъ митрополитъ, Никонъ, Ломоносовъ, Кольцовъ. Изложеніе ихъ, впрочемъ, не совсѣмъ приспособлено къ народу.

Стихотворенія выбраны поразительно плохо: Бенедиктовъ («Благовѣщеніе»), Хомяковъ, Глинка, Майковъ («Нива») — это поэты для *народнаго* чтенія! Изъ Пушкина взяты—«Молитва» да «Пиръ Петра Великаго», изъ Крылова: «Трудолюбивый медвѣдь», «Пѣтухъ и жемчужное зерно» и «Откупщикъ и сапожникъ»... Послѣдняя, правда, въ своемъ родѣ очень полезна для народа, утѣшая его тѣмъ, что если ему иной разъ и приходится плохо, то богачамъ и въ особенности откупщикамъ житье на свѣтѣ еще не въ примѣръ хуже.

Въ прозѣ выбранъ отрывокъ изъ «Юрія Милославскаго», изъ Тургенева «О соловьяхъ»,—вещь первой необходимости для народа,—и еще нѣсколько разныхъ разсказовъ, большею частію подъ стать къ этому. Въ отдѣлѣ разсказовъ изъ естественной исторіи то же помѣщены свѣдѣнія о летучей мыши, о боа, сенъ-бернардской собакѣ, ласточкѣ. А изложены они вотъ какъ. Напримѣръ, въ статьѣ о ласточкѣ авторъ вдругъ умиляется своимъ предметомъ съ первой же строки, и начинаетъ такъ:

«Ласточка—самая неугомонная летунья. Кажется, летать для нея почти такъ же необходимо, какъ дышать воздухомъ: она ѣстъ, пьетъ, купается и даже иногда кормитъ дѣтей на-лету, съ какою-то непостижимою торопливостью, будто опасаясь присѣсть на миниту, чтобы не потерять времени вездѣ побывать, всюду завернуть и все высмотрѣть.

«Очевидно, въ этомъ она находитъ удовольствіе. И какъ не находить его въ этой быстротѣ, въ этой легкости крыльевъ, которая даетъ ей свободу вдругъ метнуться въ неизмѣримую высоту такой измѣнчивой, такой подвижной стихіи, какъ воздухъ, играть въ безграничномъ просторѣ, купаться въ океанѣ свѣта, носиться въ ничѣмъ неостанавливаемыхъ волнахъ бушующаго подоблачнаго вѣтра, нырять среди гремящихъ тучъ, и оттуда мгновенно спускаться на низменную землю и обѣгать ряды разнообразныхъ предметовъ, въ которыхъ, кажется, лучи свѣта и таинственной силы жизни разбиваются и дробятся на тысячи красотъ, на тысячи изящнѣйшихъ линій, формъ, цвѣтовъ и видовъ. Не безъ наслажденія же дѣлаетъ это ласточка. И она выражаетъ свою радость этимъ звонкимъ, восторженнымъ крикомъ, который такъ походитъ на крикъ дѣтей, вырвавшихся на широкое поле.

«И человѣкъ не можетъ безъ сочувствія смотрѣть на легкій и высокій полетъ птицы, какъ не можетъ безъ сочувствія слышать ея пѣсни.

Затѣмъ, что въ небѣ—вдохновенье,
И въ пѣсняхъ есть избытокъ силъ,
И горной воли упоенье
Въ надоблачномъ размахѣ крылъ;
Затѣмъ, что съ выси небосклона
Отрадно видѣть край земной
И робкихъ чадъ земного лона
Далеко, низко подъ собой.

Оказывается, что это взято изъ «Журнала для Дѣтей». Ну, а давно извѣстно, что простолюдины—тѣ же дѣти.

Вообще видно, что «Хрестоматія» составлена не для всѣхъ званій и возрастовъ, а именно для *народнаго* чтенія.

---

423. Отъ дождя да въ воду.

Напечатано вмѣстѣ съ № 422, за подписью «Н.—бовъ». Эта статья не требуетъ никакихъ поясненій, кромѣ указанія на необходимость ознакомиться предварительно съ № 369.

М. Л.

«Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ».
И. Дмитріевъ.

По случаю прощанья Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ, 4-го апрѣля нынѣшняго года, русская журналистика сочла нужнымъ вспомнить и меня съ моею статейкою: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», напечатанною въ первой книжкѣ «Современника» прошлаго года. Очищая прощальную дорогу знаменитому хирургу и педагогу, нашли, что минута тріумфальнаго удаленія его будетъ очень удобна для того, чтобы бросить нѣсколько комковъ грязи въ темнаго журналиста, осмѣлившагося когда-то жестоко отозваться объ одномъ изъ распоряженій г. Пирогова [1]).

---

[1]) Впрочемъ, какъ бы опасаясь не попасть въ такую маленькую цѣль, нѣкоторые господа придумали къ подписи моей статьи—*бовъ* прибавить еще три слога и такимъ образомъ обращались уже не къ имени, которымъ подписана статья, а къ г. *Добролюбову*. Такъ напримѣръ, сдѣлалъ г. Драгомановъ, въ 54 № «Русской Рѣчи». Г. Драгомановъ (какъ видно изъ брошюрки «Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ»)—студентъ одного изъ первыхъ курсовъ

Долгое время не бывши въ Петербургѣ, я только на дняхъ могъ прочитать нѣкоторыя изъ статей, написанныхъ противъ меня по поводу кіевскихъ «Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ». Не ради этихъ статей, слишкомъ легкихъ и бездоказательныхъ, и не ради самого г. Пирогова, навѣрное лучше другихъ понявшаго сущность моихъ возраженій,—но ради самаго дѣла, [которое теперь, по удаленіи г. Пирогова, остается въ бо́льшей опасности, чѣмъ какъ было при немъ]—я рѣшаюсь снова поднять старый вопросъ, пользуясь для своихъ объясненій полемическими статейками противъ меня.

Я не знаю, долженъ ли оправдываться противъ обвиненій, будто я написалъ свою статейку съ намѣреніемъ унизить и оскорбить г. Пирогова. Можетъ быть, и надо бы: вѣдь рѣдко кто захочетъ провѣрить обвиненія и для этого перечитать статейку, напечатанную полтора года тому назадъ,—въ этомъ положеніе мое передъ обвинителями очень невыгодно. При томъ же «Современникъ» вообще извѣстенъ тѣмъ, что находитъ ехидное наслажденіе въ попираніи всякихъ заслугъ, въ опозореніи всего [священнаго и] возвышеннаго, въ «облаяніи» всякой благородной личности! Объ этомъ такъ часто и такъ усердно кричали, что робкихъ людей можетъ быть и увѣрили... Поэтому неудивительно, что иные читатели весьма серьезно примутъ, напримѣръ, такія выходки: «Отечественныя Записки» говорятъ, что г. Пироговъ «былъ предметомъ *оскорбительной* статьи въ «Современникѣ», и затѣмъ даютъ мнѣ совѣтъ: «не торопитесь, не обращая вниманія на среду, въ которой они (люди подобные г. Пирогову) дѣйствуютъ, *бросать въ нихъ камнемъ и грязью*» («Отечественныя Записки» IV, стр. 62). Въ VI № тѣ же «Отечественныя Записки» «съ искреннею благодарностью» помѣщаютъ письмо какого-то Е. Суд., ко-

---

университета, и потому для будущей его дѣятельности въ литературѣ (къ которой онъ, повидимому, имѣетъ наклонность) не мѣшаетъ ему узнать кое-что о литературныхъ приличіяхъ. Видите что. Мы всѣ желаемъ, конечно, самой рѣшительной и полной гласности во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, и жаловаться на нее, въ этихъ случаяхъ, я считаю недостойнымъ человѣка, хоть сколько-нибудь уважающаго себя. Но въ отношеніяхъ частныхъ, семейныхъ и личныхъ—усердіе къ гласности должно, по-моему, быть сдерживаемо нѣкоторымъ чувствомъ деликатности. Если приверженцы г. Пирогова нашли въ моихъ словахъ уголовное преступленіе, пусть начинаютъ судебный искъ—я не спрячусь за свою полуподпись, я явлюсь къ суду и не буду противиться обнародованію процесса съ моимъ полнымъ именемъ. Если, по мнѣнію господъ, вооружающихся противъ меня, поступокъ мой не подходитъ подъ тѣ, которые караются закономъ, но тѣмъ не менѣе остается возмутительнымъ и невыносимымъ для нихъ,—пусть требуютъ отъ меня какихъ-угодно личныхъ удовлетвореній: я опять не откажусь объявить мое имя и адресъ. Но покамѣстъ дѣло остается въ предѣлахъ литературнаго спора, я не могу признать за моими возражателями права называть меня произвольными именами. Кромѣ того, что эта бретёрская привычка не хороша уже сама по себѣ, какъ свидѣтельство [полицейскаго] неуваженія къ инкогнито,—я нахожу въ ней слѣдующія два неудобства для моей личности. Во-первыхъ, разъ допустивши произвольную подстановку фамиліи писателя, нельзя уже будетъ остановить порывовъ журнальнаго остроумія... Вотъ, напримѣръ, г. Драгомановъ, припомнивъ, кажется, одну изъ комедій фонъ-Визина (Бригадиръ: *Добролюбовъ, любовникъ Софьи*), называетъ меня Добролюбовымъ, а какой-то другой господинъ (въ «Сынѣ Отечества», кажется, или, можетъ быть, въ «Иллюстраціи»), вдохновляясь, очевидно, другой комедіею фонъ-Визина (Недоросль: *Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы*)—увѣрялъ, что моя фамилія—*Крѣпколобовъ*. Третій послѣ этого скажетъ, что я—*Дерзубовъ*, четвертый—*Подлолюбовъ*, и т. д. Все это будетъ, конечно, ни мало не остроумно, но то-то и дурно... Второе обстоятельство вотъ какое: пока вы говорите о—*бовъ*, вы говорите о его статьѣ и о томъ, что можно заключить изъ статьи,—и только. Тутъ я васъ не боюсь: вы можете меня не понять, исказить, оклеветать — вамъ же хуже. Публика имѣетъ предъ глазами мою статью, мы судимся открыто и гласно, наши шансы равны. Но когда вы, вмѣсто моей подписи, называете полную фамилію (вѣрно или невѣрно—все равно), публика видитъ, что у насъ были какія-то частныя свѣдѣнія объ авторѣ, кромѣ того, что̀ извѣстно всѣмъ изъ печати. И если вы, говоря о статьѣ—*бова*, увѣряете, что г. *Добролюбовъ*—умный человѣкъ, но поборникъ либеральнаго деспотизма, и затѣмъ даете видѣть, что онъ легкомысленъ и неблагонамѣренъ, то вѣдь читатель, то въ правѣ подумать, что вы все это говорите—или по личному знакомству съ г. Добролюбовымъ, или по достовѣрнымъ частнымъ свѣдѣніямъ. И вслѣдствіе того читатель можетъ рѣшить: «конечно, изъ статьи—*бова* не видно того, что̀ выводитъ объ авторѣ г. Драгомановъ, но, какъ видно, онъ имѣетъ и другія данныя для характеристики г. Добролюбова,—надо ему повѣрить»... И вамъ не совѣстно было бы, г. Драгомановъ, подобнымъ путемъ пріобрѣсть довѣріе читателя, когда вы и сами-то, вѣроятно, имѣете обо мнѣ развѣ лишь самыя смутныя свѣдѣнія, перешедшія черезъ Богъ знаетъ сколько рукъ!.. Кстати, для предостереженія публики отъ подобныхъ вамъ господъ, я замѣчу здѣсь (преодолѣвая неохоту говорить о себѣ), что кромѣ трехъ или четырехъ литераторовъ, съ которыми одними я по моимъ занятіямъ веду постоянныя сношенія, хоть мнѣ и приходилось встрѣчаться со множествомъ другихъ, но разговоры наши обыкновенно ограничивались взаимными вѣжливостями, и въ разсужденія обо мнѣ и моихъ литературныхъ занятіяхъ я никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ не пускался. Изъ печатныхъ же отзывовъ обо мнѣ (въ послѣднее время довольно частыхъ) я вижу, что эти господа не имѣютъ понятія не только о моемъ характерѣ, но даже и объ образѣ мыслей. Поэтому мнѣ очень странно, что такъ безцеремонно поступилъ со мною г. Драгомановъ, о существованіи котораго узналъ я изъ его статейки, и «Русская Рѣчь», ни одного изъ редакторовъ которой я и въ глаза не видывалъ.—*Прим. Д.*

торый выражается такъ: *самымъ неделикатнымъ образомъ,* во имя либерализма и гуманности, г.—*бовъ* отнесся къ г. Пирогову» (стр. 138). «Не больно ли, когда какой-нибудь *журнальный крикунъ,* во имя либерализма и гуманности, *вздумаетъ посягать* на такую личность, какъ Пироговъ?» (стр. 142). Г. Драгомановъ также читаетъ мнѣ свысока назиданіе: «Не мѣшало бы *имѣть побольше дѣйствительнаго уваженія къ личности* и долго подумать, прежде, нежели окрестить человѣка *обиднымъ прозвищемъ плантатора*.. А то мы всѣ какъ-то много фразерствуемъ о гуманности, а между тѣмъ *слишкомъ торопимся негуманно обращаться съ лицами,* особенно во имя гуманной идеи. Это наконецъ начинаетъ надоѣдать. Пора отъ этого отдѣлаться» («Русская Рѣчь», № 54, стр. 29).

Ну, словомъ, я—обидчикъ, крикунъ, клеветникъ; мое призваніе состоитъ въ томъ, чтобы *посягать* на благородныя личности и бросать въ нихъ грязью и каменьями... Что жъ мнѣ съ этимъ дѣлать? Защищаться? Противно очень, да по всей вѣроятности и безполезно: вѣдь кого интересуетъ задѣтый вопросъ, тотъ можетъ и справиться съ моей прошлогодней статьей, а кто не интересуется, такъ для того что же и хлопотать? Меня же лично эти обвиненія нисколько не безпокоютъ: крики о страсти журнала, въ которомъ я пишу, къ поруганію всего высокаго сдѣлались уже такимъ неизбѣжнымъ общимъ мѣстомъ всякой полемики противъ насъ, что я бы очень удивился, если бы журнальная братія не воспользовалась такимъ великолѣпнымъ случаемъ, какъ моя статья о «Всероссійскихъ иллюзіяхъ».

Да, впрочемъ, что же и за дѣло публикѣ до моихъ тайныхъ намѣреній? Я могъ бы доказать, положимъ, что писалъ статью свою съ наилучшими расположеніями; но если она вышла несправедливо оскорбительна, все-таки мнѣ пришлось сознаться въ дурномъ поступкѣ и просить прощенія. Отсутствіе злонамѣренности могло бы служить только облегчающимъ обстоятельствомъ. Но я беру самый фактъ и утверждаю, что статья моя не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для честнаго и правдиваго дѣятеля, какимъ представляется намъ г. Пироговъ,—и, несмотря на всѣ противные крики, несмотря на послѣдующія объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, несмотря на охлажденіе первыхъ впечатлѣній,—я ничего не могу взять назадъ изъ этой статьи.

Часто случалось мнѣ слышать упреки, что я обращаюсь къ почтеннымъ лицамъ въ небрежномъ и насмѣшливомъ тонѣ: тонъ статейки о г. Пироговѣ не можетъ подвергнуться даже этому упреку. Въ серьезности и горячности тона именно и высказалось то глубокое уваженіе, которое питалъ я къ г. Пирогову, и то огорченіе, которое почувствовалъ я при видѣ жалкаго факта, допущеннаго и освященнаго его авторитетомъ. Незадолго до того, восхищаясь непреклонной логикой автора «Вопросовъ жизни» и свѣтлымъ его взглядомъ, я вмѣстѣ съ другими предавался, противъ моего обычая, безразсудной иллюзіи, что вотъ *этотъ-то* человѣкъ можетъ неуклонно провести свои взгляды на практикѣ и одолѣть сопротивленіе среды. Это я высказалъ тогда и печатно, въ назиданіе профессора Киттары, который, при всей своей гуманной репутаціи, показался мнѣ на практикѣ весьма несостоятельнымъ [1]). Но горькій опытъ разрушилъ восторженныя иллюзіи: и г. Пироговъ оказался слабымъ передъ средою, и онъ уступилъ, уступилъ не въ мелочи, а въ принципѣ, уступилъ въ томъ, противъ чего рѣшительно и ясно заявлялъ свое мнѣніе прежде. Я увидѣлъ, что, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, я преувеличивалъ свои надежды, увидѣлъ, что напрасно считалъ возможнымъ для одного человѣка побѣду надъ мрачною средою, окружающею всѣхъ насъ, и счелъ нужнымъ высказать это для заявленія своего мнѣнія предъ тѣми, которые, можетъ быть, мною же отчасти введены были въ ошибку, подобную моей. Поэтому смыслъ всей статьи вышелъ таковъ; вотъ мы бѣгаемъ за разными авторитетами, воображая получить отъ нихъ все, чего желаемъ: увлеченіе, достойное наивнаго дѣтства! Суровый опытъ говоритъ намъ постоянно, что подъ давленіемъ нашей среды не могутъ устоять самыя благородныя личности; посмотрите—вотъ одна изъ лучшихъ, Н. И. Пироговъ,—а между тѣмъ, съ своимъ комитетомъ онъ принужденъ постановлять закономъ то, что прежде самъ же объявлялъ несправедливымъ и дикимъ. Горько будетъ, если и въ этомъ несчастномъ уклоненіи послѣдуютъ за нимъ тѣ, которые шли за нимъ по прямой дорогѣ... И заключеніе статьи состояло въ предостереженіи, которое я позволю себѣ выписать здѣсь.

«Нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать дѣло сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками... Времена ска-

[1]) См. № 262.

зочныхъ богатырей давно прошли, общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью,—отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться даже самыя лучшія личности; стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы пріобрѣтемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самими собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллеръ-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ *самъ* г. Пироговъ».

Чѣмъ же могъ бы тутъ оскорбиться г. Пироговъ? Неужели тѣмъ, что изъ него не дѣлаютъ и не совѣтуютъ дѣлать кумира? Неужели тѣмъ, что убѣждаютъ принимать сознательно и съ критикою его мнѣнія? Неужели тѣмъ, что вызываютъ свѣжія силы—не откликнутся ли онѣ изъ той самой среды, мертвящему вліянію которой долженъ былъ уступить самъ г. Пироговъ, дѣйствительно пріобрѣвшій себѣ на Руси репутацію характера твердаго и непреклоннаго?

«Нѣтъ—говорятъ намъ наши противники,—не то было оскорбительно въ статьѣ, а вотъ что: въ ней нападали на Пирогова, какъ будто на измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, а между тѣмъ онъ имъ вовсе не измѣнялъ, а только уступилъ—во-первыхъ, большинству комитета, а во-вторыхъ—статьямъ училищнаго устава, которыхъ онъ не въ правѣ былъ отмѣнить». По мнѣнію г. Праздношатающагося, въ «Отечественныхъ Запискахъ», г. Пироговъ этимъ обстоятельствомъ совершенно оправдывается, а по увѣренію гг. Е. Суд. и М. Драгоманова, даже особенно возвышается. Г. Драгомановъ пространно разсуждаетъ, что «это подчиненіе коллегіи не отрицательно только хорошій фактъ, не порокъ только, но добродѣтель. Пироговъ не только подчинился рѣшенію коллегіи, которую создалъ,—*онъ не хотѣлъ иначе дѣйствовать, какъ посредствомъ коллегіи* [1]). На коллегіальномъ принципѣ основана была вся его дѣятельность, въ этомъ главная его заслуга»... и пр... То же говоритъ и г. Е. Суд.—«Пироговъ уступилъ большинству. За такія уступки его еще болѣе стали уважать люди, разумно слѣдившіе за ходомъ его общественной дѣятельности. Мы видѣли въ Пироговѣ начальника, который уважаетъ общее мнѣніе, никому не навязываетъ своего», и пр., и пр.

Изъ этого, разумѣется, и выходитъ, что я—поборникъ либеральнаго деспотизма, что, по-моему, Пироговъ долженъ былъ произвольно отвергнуть мнѣніе комитета и заставить всѣхъ насильно быть гуманными. Характеризуя мое направленіе, гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ доходятъ до удивительнаго и трогательнаго *единогласія*. Одинъ гласитъ:

«Пора намъ понять, что мало пользы приносятъ и возмутительны Калиновичи [1]), которые, считая себя «высшими организмами относительно всей этой массы», ломятъ ее съ озорниковскимъ pour leur bien, что недалеко ушли эти господа цивилизаторы отъ ремесленниковъ, которые бьютъ своихъ учениковъ, говоря: «тебя же, дурака, добру учатъ» («Русск. Рѣчь», стр. 30).

Такъ же точно и г. Е. Суд. провозглашаетъ, что, по-моему, Пироговъ долженъ былъ «оказаться либеральнымъ черезчуръ, или, пожалуй, щедринскимъ озорникомъ, высшимъ организмомъ относительно всей этой массы, благодаря неусыпному попечительству котораго мужикъ понимаетъ, что и онъ—ничего, и сходъ его—ничего... и только просвѣщенный взглядъ администратора можетъ освѣтить этотъ хаосъ» и пр. («От. Зап.», стр. 140). Все это почтенный г. Е. Суд., для большей убѣдительности, пропечаталъ даже курсивомъ.

«Мы много фразерствуемъ о гуманности, а сами торопимся слишкомъ негуманно обращаться съ лицами, особенно во имя гуманной идеи; пора отъ этого отдѣлаться»,—восклицаетъ г. Драгомановъ. Да, г. Драгомановъ, пора: вотъ хоть бы вамъ, или г. Суд. прежде чѣмъ бросать въ меня стрѣлы своего краснорѣчія, что бы хоть перелистовать мою статейку!.. Вы бы тогда и увидали, что краснорѣчіе ваше тратится по напрасну, мало того—что оно даже отзывается недобросовѣстностью. Кто васъ прочтетъ, тотъ, вѣдь, подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ обрушился на одного г. Пирогова, что о комитетѣ и коллегіальномъ принципѣ я, можетъ быть, и не зналъ, и не думалъ совсѣмъ... А между тѣмъ, въ статейкѣ моей нападенія вовсе не обращены исключительно на г. Пирогова: иной разъ говорится: «г. Пироговъ», а въ другой—«кіевскій комитетъ», «кіевскіе педагоги», или просто «правила», или же—«г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ». Мало того,—вѣдь весь смыслъ статейки состоялъ въ томъ, что «вотъ какъ подчиняется у насъ вліянію неблагопріятной среды дѣятельность даже самыхъ лучшихъ людей». Выходитъ, что ярые защитники благородной личности г. Пирогова совершенно напрасно потеро-

[1]) Курсивъ у автора.—*Прим. Д.*

[1]) Герой «Тысячи душъ» Писемскаго.

пились обозвать меня озорникомъ, Калиновичемъ (и дался же имъ этотъ Калиновичъ—точно безсмертный типъ какой!) и пр. Выходитъ, что я нападалъ не на личность, а на комитетъ, и на Пирогова, какъ на его предсѣдателя, слѣдовательно, какъ на одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ, да еще при томъ заявившаго себя незадолго передъ тѣмъ цѣлой Россіи отвращеніемъ отъ тѣхъ мѣръ, какія въ комитетѣ были допущены. Въ попыхахъ негодованія, мои жаркіе противники просмотрѣли это обстоятельство и не могли придумать для моей статьи лучшаго мотива, какъ «теорію либеральнаго деспотизма». Вотъ попали-то!..

А впрочемъ, я даю поводъ подозрѣвать, что я увертываюсь: вѣдь статья моя точно отзывается очень жестко о г. Пироговѣ, какъ будто о человѣкѣ, имѣвшемъ возможность поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ. А поступить иначе онъ могъ, только послѣдовавъ «теоріи либеральнаго деспотизма», или, что̀ все равно, «принципамъ г. Добролюбова», выведеннаго на свѣтъ божій г. Драгомановымъ. Ясно, стало быть, что я осердился на благородную личность именно за то, что она не оказалась такимъ «озорникомъ», какъ я...

На это я могъ бы возразить, что не всѣ такъ узко понимаютъ меня; «Отеч. Записки», напримѣръ, сообразили, что, по моимъ требованіямъ, г. Пироговъ долженъ былъ бы выдти въ отставку, видя невозможность провести на практикѣ свои убѣжденія. Поэтому онѣ возражаютъ: «что̀ будетъ съ нами, если честные дѣятели, изъза того, что имъ невозможно вдругъ, всецѣло осуществить своихъ благородныхъ стремленій, покинутъ дѣло и удалятся съ поприща дѣйствительной дѣятельности, на которомъ, къ сожалѣнію, они и безъ того долго не остаются?» Вотъ то-то и есть, что не остаются, — замѣчу я кстати [не оттого ли и не остаются, что уже слишкомъ податливы? Вѣдь если бы всѣ умные и честные дѣятели приняли за правило — вступать въ общественную дѣятельность не иначе, какъ съ условіемъ развивать свою программу, такъ ихъ программа скорѣе пошла бы въ ходъ, потому что, какъ хотите, а безъ честныхъ и умныхъ дѣятелей никакъ не обойдешься, ни въ какой отрасли общественной жизни. Самое ихъ удаленіе было бы, во-первыхъ живымъ протестомъ, во-вторыхъ, свидѣтельствомъ ихъ независимой силы и, въ-третьихъ, горькимъ урокомъ для тѣхъ, которые до сихъ поръ привыкли пользоваться ихъ услугами, въ то же время налагая различныя «уступки» на ихъ убѣжденія...]

Впрочемъ, рѣчь шла не объ этомъ. Радикальная теорія могла бы, конечно, доказать, что для г. Пирогова и для Россіи, или, по крайней мѣрѣ, для Кіевскаго учебнаго округа, было бы вовсе не безполезно, если бы г. Пироговъ рѣшился скорѣе отказаться отъ своей должности, нежели допускать водвореніе нелѣпости, противъ которой самъ же вооружался... Но я, признаюсь, даже и этого не имѣлъ въ виду: куда намъ до такихъ воззрѣній!.. Мотивъ моихъ нападеній, насколько они касались г. Пирогова, былъ гораздо проще и ближе къ обыкновенному житейскому пониманію. Онъ состоялъ вотъ въ чемъ:

Г. Пироговъ не просто уступилъ рѣшенію комитета, не просто склонился предъ необходимостью... Онъ не сталъ просто въ пассивное положеніе человѣка, которому связали руки; нѣтъ, онъ и со связанными руками бросился впередъ, чтобы заслонить собою тѣхъ, которые его связали... Ну, естественно, что сильнѣйшіе удары и пришлись по нему... Кто писалъ предисловіе и текстъ объясненій къ «таблицѣ наказаній»? Н. И. Пироговъ. — Отъ чьего лица пишетъ онъ? коллективно или нѣтъ?—Нѣтъ, онъ говоритъ: «*я* предполагаю», «*я* нахожу»... Значитъ, основанія «Правилъ»—его. Мало того, въ заключеніе предисловія онъ говоритъ: «я предлагаю дирекціямъ... слѣдующія положенія комитета, *вполнѣ раздѣляемыя и мною*» («Ж. для Восп.», 1859, № XI, стр. 112). И противъ этихъ словъ нигдѣ нѣтъ никакого протеста, никакой оговорки. Скажите, добрые люди,—такой образъ дѣйствій тоже необходимо требовался, чтобы не впасть въ «либеральный деспотизмъ», не сдѣлаться «озорникомъ», и пр.?... Кажется, никто, ни въ какихъ комитетахъ, никогда не обязывался мгновенно дѣлаться рыцаремъ противныхъ убѣжденій, какъ скоро они утверждены большинствомъ. Г. Пироговъ могъ уступить рѣшенію комитета, но могъ тутъ же, ясно и рѣшительно, заявить пункты своего несогласія съ нимъ. Тогда бы вышло совсѣмъ другое: отсталость кіевскаго комитета [и училищнаго устава] не покрывалась бы гуманнымъ авторитетомъ г. Пирогова, и не было бы намъ съ г. Е. Суд. никакой причины горячиться... Но г. Пироговъ этого не сдѣлалъ... Да что̀ же я говорю — не сдѣлалъ?.. Онъ, напротивъ, постарался мотивировать ненавистный параграфъ о розгахъ... Чѣмъ же? Тѣмъ ли, что комитетъ желаетъ ихъ удержать, и что попечитель не имѣетъ права измѣнять училищнаго устава? Нѣтъ, а тѣмъ, что 1) нельзя *вдругъ* вывести розгу изъ употребленія, 2) *трудно* придумать что-нибудь вмѣсто нея, 3) въ школу поступаютъ дѣти, *уже съченныя дома*, 4) въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ проступки требуютъ *сильнаго, мгновеннаго сотрясенія*.

Такимъ образомъ, г. Пироговъ дѣлается предъ судомъ публики (имѣющей полное право не знать интимностей комитета) не человѣкомъ «съ болью въ сердцѣ вырвавшимъ у самого себя уступку», а просто-на-просто сообщникомъ кіевскихъ педагоговъ (мудрость которыхъ мы еще увидимъ впереди,—по подлиннымъ свидѣтельствамъ самихъ кіевлянъ). И, послѣ этого, я виноватъ, что не отдѣлилъ тайныхъ убѣжденій г. Пирогова отъ того, что онъ редижировалъ для комитета? Да какое же мнѣ-то было дѣло до тѣхъ его убѣжденій, которыхъ онъ самъ знать не хотѣлъ? Вы можете кричать на меня, сколько вамъ угодно, а я, по совѣсти говоря, не раскаиваюсь теперь даже въ тѣхъ ироническихъ фразахъ, въ которыхъ говорилось, что, вѣроятно, среди кіевскаго комитета г. Пироговъ нашелъ какое-то удобство въ розгѣ и быстро убѣдился въ ея полезности...

Но если ужъ пошло на то, чтобы пристыдить васъ, господа противники «принциповъ г. Добролюбова», — я вамъ скажу, что я въ своей статейкѣ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ отъ меня требовалось: я проникъ въ то, во что могъ бы и не заглядывать. Видите ли, въ одномъ мѣстѣ моей статьи я говорилъ: «*только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно*, до нѣкоторой степени, *оправдать* тѣ *противорѣчія*, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ «Правилъ», тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи». Въ числѣ этихъ противорѣчій было указано мною слѣдующее: причиною допущенія розги выставлена, между прочимъ, потребность сильнаго, *мгновеннаго* сотрясенія, и потому оно должно слѣдовать *непосредственно, безотлагательно* за проступкомъ; а между тѣмъ, розга назначается не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта, послѣ разслѣдованія и обсужденія дѣла... Въ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія Правилъ» (рекомендуемомъ мнѣ г. Драгомановымъ, который даже сожалѣетъ, что я не читалъ его, когда писалъ свою статью!), г. Пироговъ самъ сознается въ слѣдующемъ: «Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что намъ указали нѣкоторые на противорѣчіе въ «Правилахъ», относящееся до тѣлеснаго наказанія. Мы приняли, что это наказаніе тогда только можетъ достигнуть цѣли, когда оно будетъ употребляться безотлагательно, и вслѣдъ за проступкомъ, а между тѣмъ опредѣленіе его предоставили педагогическому совѣту. *Это дѣйствительно противорѣчіе*, но такое, которое говоритъ само за себя. Мнѣ оно казалось необходимымъ. Когда большинство въ комитетѣ сочло невозможнымъ уничтожить совсѣмъ тѣлесное наказаніе, то *это противорѣчіе выразило мой личный протестъ, который долженъ былъ напомнить педагогическимъ совѣтамъ, какого я мнѣнія о розгѣ. Вотъ и все*» («Ж. для Восп.» 1861 г. № IV, стр. 216).

Прочли ли это мѣсто мои возражатели? Если прочли, то какъ же они не замѣтили, какъ оно для меня благопріятно! Вѣдь нельзя не согласиться, что *протестъ* г. Пирогова былъ уже слишкомъ тонокъ, такъ что кромѣ меня, дѣйствительно, едва-ли кто и замѣтилъ его. А я замѣтилъ и указалъ печатно—позвольте ужъ похвалиться этимъ... Или, напротивъ, и тутъ я виноватъ въ чемъ-нибудь?

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, что бы ни говорили о неприличіи моего обращенія съ г. Пироговымъ, — дѣло разъясняется въ мою пользу, или, лучше сказать, въ пользу самого дѣла: издавая свои «Правила», г. Пироговъ не только не протестовалъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ, но даже сказалъ, что *вполнѣ раздѣляетъ* мнѣнія комитета, даже принялся ихъ оправдывать; это многихъ могло ввести въ заблужденіе (и вводило) и заставить думать, что г. Пироговъ дѣйствительно оправдываетъ розгу, какъ полезную мѣру наказанія. Теперь г. Пироговъ уже положительно объявляетъ, что онъ питаетъ къ розгѣ прежнее отвращеніе и никогда не переставалъ питать его, но что ему дѣлать было нечего противъ комитета. Съ этой стороны, значитъ, можно быть спокойнымъ: педагоги розочныхъ принциповъ не имѣютъ за себя, по крайней мѣрѣ, авторитета г. Пирогова.

Вотъ я и покончилъ съ моими строгими судьями. Но дѣло мое только-что начинается. Вообразите,— вѣдь розгу все-таки отстаиваютъ!...

«Какъ же это, однако, — восклицаетъ читатель: — послѣ всего, что сказали сами поборники г. Пирогова, послѣ его собственныхъ признаній, — кто же еще можетъ осмѣливаться отстаивать розгу? Вѣдь они ужъ всѣ объяснились, что и рады бы, да нельзя, или, какъ говоритъ г. Сухаревъ (это тоже нашъ антагонистъ) въ «Русской Рѣчи»: «хотѣли бы, да Фатей не велитъ!»... Ну, послѣ этого ужъ и молчи»...

Читатель оказывается недогадливымъ: онъ забываетъ *среду*. *Среда* требуетъ, читатель: какъ же ея не послушаться?

Вы опять удивляетесь: «какъ, законодатель долженъ постановлять нелѣпые законы, если среда нелѣпа, долженъ освящать закономъ всякія гадости, если къ нимъ

среда привыкла!.. Да вѣдь онъ на то и законодатель, чтобы»...

Позвольте, читатель,—вы слишкомъ торопитесь. Я сейчасъ объясню вамъ, въ чемъ дѣло.

Въ моей статейкѣ было замѣчено, что остановить сѣченіе въ школахъ вовсе не такая ужъ невозможность, какъ многимъ кажется: «попечитель могъ положить, чтобъ не сѣкли,—и не стали бы сѣчь». Эта послѣдняя фраза, дѣйствительно, слишкомъ отважная и вызванная именно преувеличеннымъ довѣріемъ къ моральной силѣ и вліянію г. Пирогова,—послужила, кажется, однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ возстанію на меня. Разумѣется, если бы мнѣ просто сказали: «гдѣ же, дескать, попечителю усмотрѣть за всѣми въ одиннадцати гимназіяхъ округа»,—такъ мнѣ бы и возражать нечего было. Но нѣтъ, г. Драгомановъ, подхватившій мою фразу, не съ этой стороны напалъ на нее, а забралъ гораздо выше: «воспрещать сѣчь, это, видите ли, значитъ приказывать учителямъ насильно быть либералами», т.-е. опять-таки «дѣйствовать по принципамъ г. Добролюбова». А ужъ это—чего хуже!..

Мы съ вами, простосердечный читатель, думали до сихъ поръ, что есть разница между положительными и отрицательными фактами. Оказывается, что никакой. Вы не допускаете вора стянуть вашъ кошелекъ,—вы, значитъ, насильно заставляете его быть честнымъ человѣкомъ; вамъ запрещаютъ драться,—хотятъ изъ васъ насильно сдѣлать либерала... Если вы встрѣтите на улицѣ г. Козлянинова, тузящаго женщину или ребенка [1]),—вы, можетъ быть, почувствуете порывъ отнять у него беззащитную жертву? Удержите же вашъ порывъ, если не хотите заслужить обвиненія «въ послѣдованіи принципамъ г. Добролюбова». Вы разсудите, что вѣдь у насъ *среда такая*: дерутся, да и только... Ну, положимъ, вы и прекратите безобразіе на улицахъ: что же изъ того? Вѣдь дома—мужья женъ бьютъ, отцы—дочерей, разные франты—своихъ любовницъ; а ужъ если дома дерутся, то какъ же на улицѣ-то воспретить? Оно хорошо бы, слова нѣтъ,—очень бы хорошо, да еще никакъ нельзя: хоть и воспретишь на бумагѣ, а на дѣлѣ все будетъ продолжаться... Обратитесь къ городовымъ и спросите: есть ли возможность предупредить драки на улицахъ и оскорбленіе женщинъ?—«Никакой возможности,—отвѣтятъ вамъ городовые, по большинству голосовъ:—ибо, дескать, у насъ уже грубость нравовъ такая»... Что дѣлать въ этомъ случаѣ?.. Ясно что: разсмотрѣть различные случаи публичныхъ ссоръ и оскорбленій, подвести ихъ подъ рубрики и, по совѣщаніи съ городовыми, постановить правила, въ какихъ случаяхъ г. Козляниновъ имѣетъ право тузить публично женщинъ и дѣтей, въ какихъ нѣтъ.

Вы думаете, мы это на смѣхъ выдумали? Вовсе нѣтъ. Я думаю, что если бы спросить объ этотъ мнѣніе, напр., г. Драгоманова, такъ онъ разсудилъ бы именно такимъ образомъ. Посмотрите, напр., какъ онъ доказываетъ необходимость узаконенія розги.

«Намъ могутъ привесть еще одно возраженіе: какъ ни толкуй, а дѣтей все-таки сѣкутъ.—*Это, конечно, очень прискорбно.* Но (внимайте же!), во-первыхъ, сѣкутъ гораздо меньше (радость-то какая!). Во-вторыхъ, количество высѣченныхъ въ гимназіяхъ (27 гимназистовъ)—капля въ морѣ сравнительно съ высѣченными дома (ну да,—количество побитыхъ г. Козляниновымъ съ компаніею,—что же значитъ въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, кому дома задаютъ потасовку!): родители, все-таки, не перестаютъ сѣчь своихъ дѣтей. *Что дѣлать, если общество такъ неразвито* (конечно, другого нечего и дѣлать, какъ утвердить его закономъ въ его неразвитости!). Вотъ два примѣра (г. Левъ Камбекъ [1]) могъ бы насчитать и больше). Въ Полтавской губерніи говорилъ намъ человѣкъ, близко знакомый съ дѣломъ, многіе родители взяли своихъ дѣтей изъ одного уѣзднаго училища, заслышавъ, что тамъ ужъ не сѣкутъ; въ К—ѣ процвѣтаетъ *частный* пансіонъ, въ которомъ воспитываются мальчики довольно богатыхъ родителей, и въ которомъ ученикамъ дѣлается систематическая порка (ясно, что именно этотъ пансіонъ и долженъ служить образцомъ для кіевскихъ педагоговъ!). Въ-третьихъ—наказаніе розгами такъ ограничено «Правилами», назначается за такіе проступки, что оно достается только тому, кого дома любезные родители разъ по 5 въ годъ сѣкутъ (это *въ-третьихъ* рѣшительно совпадаетъ съ *первымъ* и *вторымъ*, но г. Драгомановъ въ жару защиты забываетъ требованія логики; не будемъ слишкомъ требовательны къ юношѣ). *Наконецъ*, скажемъ мы съ Пироговымъ, самые драконовскіе законы не будутъ страшны, если будутъ законно примѣняться» (т.-е. неудобство розги г. Драгомановъ видитъ только въ излишней строгости этого наказанія, а не въ моральномъ его безобразіи: вѣдь такъ надо понимать его, если только онъ изучалъ древнюю исторію и помнитъ, въ чемъ упрекали драконовскіе законы). («Русская Рѣчь», стр. 30).

---

[1]) О немъ тогда писалось въ газетахъ.

[1]) Бездарный публицистъ того времени, издававшій журналъ—«Спб. Вѣстникъ».

Я бы не привелъ отзыва г. Драгоманова, если бы не нашелъ подобной же мысли въ самомъ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ», писанномъ г. Пироговымъ. Онъ тоже оправдываетъ свой образъ дѣйствій тѣмъ обстоятельствомъ, что «нравы общества не приготовлены еще къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія». Предложивъ сначала эту отмѣну, но «не нашедъ сочувствія въ большинствѣ членовъ», г. Пироговъ «вскорѣ убѣдился, что безполезно было бы уничтожить на одной бумагѣ, подъ видомъ гуманности и современности, средство, которое и многіе воспитатели, и большая часть родителей признаютъ еще необходимымъ». Далѣе «Отчетъ» приводитъ, что еще въ прошломъ столѣтіи тѣлесныя наказанія въ училищахъ отмѣнялись, но это не удержалось именно потому, что убѣжденіе въ необходимости тѣлеснаго наказанія было еще слишкомъ сильно и у родителей, и у воспитателей». Въ «Уставъ» 1828 г. опять введены тѣлесныя наказанія, и какъ нельзя болѣе пришлись по вкусу общества: «отцы и теперь еще обращаются въ училища и гимназіи съ просьбами сѣчь дѣтей, и сами сѣкутъ дома; ученики 6-го и 7-го классовъ, не нынче, такъ завтра студенты, тайкомъ, безъ вѣдома гимназическаго начальства, за поступки противъ чести, сѣкутъ своихъ товарищей. Вотъ факты, обличающіе нравы общества.

Въ статейкѣ «Всероссійскія иллюзіи» я уже опровергалъ круговую поруку домашняго сѣченья съ гимназическимъ. Здѣсь повторю только, что именно потому и важно отмѣненіе тѣлеснаго наказанія въ школахъ, что оно сильно употребляется въ домашнемъ воспитаніи. Если бы общество все чувствовало отвращеніе къ этому роду наказаній, тогда не было бы особенной важности въ существованіи его гдѣ-нибудь на бумагѣ. Это говоритъ самъ г. Пироговъ: «Если, — говоритъ, — дѣйствительно общественное мнѣніе вопіетъ и громко требуетъ отмѣны тѣлеснаго наказанія, — чего же лучше, и о чемъ же тогда спорить? Мы будемъ рады уже вѣрно не менѣе другихъ, и *что за дѣло тогда, будутъ ли наши правила угрожать виновному розгой или нѣтъ, все равно: противъ общественнаго мнѣнія не устоятъ никакія правила, и розга, оставаясь на бумагѣ, исчезнетъ на дѣлѣ*, а это-то и есть именно то, о чемъ мы всѣ хлопочемъ». Эти соображенія были бы совершенно логичны и неопровержимы въ устахъ человѣка, отличающагося умѣньемъ искусно поддерживать старую рутину и даже дѣлать въ ней кое-какія починки. Но не такія слова хотѣли бы мы слышать отъ Н. И. Пирогова, человѣка, на котораго съ такой увѣренностью обращались общія надежды, какъ на человѣка, умѣющаго пролагать новые пути и проводить новыя начала въ общественной дѣятельности. Онъ могъ бы и не ожидать, пока общественное мнѣніе *не будетъ уже терпѣть розги*; онъ могъ дать толчекъ общественному мнѣнію, могъ и долженъ былъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы преобразовать его сообразно съ своими началами. Въ этомъ смыслѣ принятіе на себя тѣхъ пунктовъ «Правилъ», съ которыми онъ былъ самъ несогласенъ, составляетъ, на мой взглядъ, важную ошибку, которая и теперь едва искупается сдѣланными объясненіями.

Г. Пироговъ замѣчаетъ въ «Отчетѣ», что бороться противъ предразсудковъ и ложныхъ взглядовъ онъ предпочитаетъ въ жизни, а не на бумагѣ. «Мы боремся,—говоритъ онъ, — да и не съ одними предубѣжденіями общества, а и самой школы, еще не далеко опередившей общество. Мы боремся, твердо зная, что нравы и ложные взгляды нельзя перемѣнить предписаніями и письменными правилами. Потому мы возстаемъ противъ розги и выводимъ ее изъ нашихъ школъ не на письмѣ, а на дѣлѣ. Она должна исчезнуть не по приказанію начальства, а по общему единогласному убѣжденію воспитателей, когда они найдутъ въ себѣ довольно воли и искусства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ». Все это прекрасно, и общее мнѣніе уже успѣло воздать должное благородной и плодотворной практической дѣятельности г. Пирогова. Но какъ же *предписанія-то*? Развѣ ужъ онъ ихъ ни во что не ставитъ? А они иногда бываютъ важны. Вотъ, напримѣръ, хоть бы въ этомъ же вопросѣ: по положеніямъ 1794 г. отмѣнено было въ училищахъ тѣлесное наказаніе; въ «Уставѣ» 1828 г. возстановлено. Въ 1859 году г. Пироговъ снова находитъ это наказаніе излишнимъ, но отмѣнить его не можетъ,— и самое первое, высшее и непреклонное препятствіе находится въ статьяхъ «Устава». Онъ спрашиваетъ комитетъ: «не лучше ли отмѣнить розгу?»—но самъ тотчасъ же замѣчаетъ: «собственно я и не имѣлъ права объ этомъ спрашивать, потому что существующій Уставъ училищъ признаетъ еще ея необходимость». [Видите ли, все-таки, какъ существующія на бумагѣ правила связываютъ дальнѣйшій прогрессъ: вѣдь нельзя не сознаться, что, не будь въ «Уставѣ» положеній о тѣлесномъ наказаніи, г. Пироговъ могъ бы дѣйствовать по этому вопросу нѣсколько свободнѣе], да и комитету не было бы легальной опоры для отрицательнаго отвѣта.

Никто не споритъ, что при дурныхъ нравахъ искажаются самые лучшіе законы. Но все же нельзя узаконить дурныхъ нравовъ. Теперь, напримѣръ, никакими предписаніями нельзя въ конецъ искоренить по всей Россіи взяточничество; съ этимъ мы согласны. Но неужели поэтому нужно дать ему законную силу? Неужели возвратиться къ старинному порядку *кормленія*, на томъ основаніи, что сущность этого порядка до сихъ поръ не исчезла изъ нравовъ? И если бы гдѣ-нибудь въ уголкѣ Россіи уцѣлѣло еще установленіе кормленія, то неужели *новое* законодательство должно было бы поддерживать, его покамѣстъ сами *кормящіеся* отъ него не откажутся? Вѣдь, слѣдуя такой системѣ, пришлось бы, пожалуй, и *произволъ* оставить въ покоѣ, на томъ основаніи, что, по свидѣтельству самого же г. Пирогова, онъ слишкомъ сильно распространенъ былъ въ гимназіяхъ еще въ очень недавнее время. А между тѣмъ, г. Пироговъ смѣло пошелъ противъ производа, созвалъ комитетъ, постановилъ правила, несмотря даже на возгласы нѣкоторыхъ педагоговъ, что правила вовсе не нужны. Вотъ за это, разумѣется, честь и слава г. Пирогову...

Все это я говорю, возражая только противъ *мнѣнія* г. Пирогова, будто законодательство должно выжидать, пока жизнь предупредитъ законъ, то-есть, иначе говоря, — когда нарушенія прежняго закона сдѣлаются такъ сильны и повсемѣстны, что ужъ стараго закона нельзя будетъ удерживать. Мнѣ кажется, что если, напримѣръ, кто-нибудь, при составленіи проекта новаго училищнаго устава, будетъ руководствоваться этимъ мнѣніемъ, то поступитъ очень неосмотрительно. Конечно, при неразвитости общества часто не достигаютъ цѣли самые лучшіе законы; но, съ другой стороны, надо замѣтить, что [чѣмъ человѣкъ неразвитѣе, тѣмъ болѣе расположенъ (разумѣется, тамъ, гдѣ не мѣшаетъ личная выгода) въ своихъ дѣйствіяхъ соображаться съ тѣмъ, что̀ ему положено свыше] [1]). Поэтому, узаконьте розгу — это розочникамъ на много лѣтъ придастъ бодрости; отмѣните ее—и на дѣйствіяхъ ихъ все-таки хоть сколько-нибудь отразится сознаніе, что установленная надъ ними сила закона—не въ ихъ пользу.

«Но въ практической дѣятельности, — возражаютъ намъ,—г. Пироговъ достигъ самыхъ лучшихъ результатовъ, какихъ только возможно было желать. Вотъ доказательство, что всѣ теоретическія умствованія противъ его системы—совершенно несостоятельны».

Объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ.

Противъ практической дѣятельности г. Пирогова, противъ его личности мы рѣшительно ничего не имѣемъ. Во-первыхъ, мы знаемъ, что онъ былъ обязанъ въ своей дѣятельности сообразоваться съ существующимъ уставомъ и не имѣлъ никакой практической возможности явиться реформаторомъ. Во-вторыхъ, мы знаемъ теперь, что онъ употреблялъ усилія сдѣлать то, чего мы желаемъ, но встрѣтилъ препятствія въ большинствѣ. Въ третьихъ, мы видимъ, что, несмотря на всѣ препятствія, вліяніе его благородной личности было въ самомъ дѣлѣ сильнѣе, нежели, можетъ быть, самыя рѣшительныя и строгія запрещенія при другомъ начальникѣ.

Но, признавши все это и присоединивъ свой отдаленный голосъ къ благороднымъ голосамъ, раздавшимся вокругъ г. Пирогова при его проводахъ, я все-таки не могу отстать отъ своихъ нападеній на *систему* и на нѣкоторыя положенія, допущенныя въ «Правилахъ». Сначала скажу о частностяхъ; объ опасности, грозящей самому дѣлу отъ принятой системы, поговорю въ заключеніе.

Въ «Правилахъ» не одно *допущеніе* розги мною признано несправедливымъ, но и то, *за что̀* она допущена. Ею наказываются: *воровство* и *дерзость* или вообще—*оскорбленіе*. Судя по «Правиламъ», я заключалъ, что тѣлесное наказаніе положено также и за *фанатизмъ*, такъ какъ противъ него въ таблицѣ стоитъ то же наказаніе, какъ и за оскорбленіе постороннихъ лицъ, то-есть, розги, въ третьей степени, — для низшихъ классовъ, и исключеніе—для высшихъ. Это было бы уже слишкомъ нелѣпо, и теперь г. Пироговъ объясняетъ въ «Отчетѣ», что тутъ былъ «недостатокъ редакціи», а на самомъ дѣлѣ за фанатизмъ никогда не предполагалось сѣчь, такъ какъ въ низшихъ классахъ не считаются возможными серьезныя его проявленія [1]).

[1]) именно для человѣка неразвитого, часто дѣйствующаго безъ сознанія, по рутинѣ, и нужны правила, съ которыми могъ бы онъ въ своихъ дѣйствіяхъ соображаться.

[1]) Это, впрочемъ, тоже кажется мнѣ не вполнѣ основательнымъ. Г. Пироговъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отзывается о моей замѣткѣ по этому поводу. «Нѣкоторые рецензенты,—говоритъ онъ,—безъ дальнѣйшаго размышленія хотѣли заставить насъ думать, что мы наказываемъ также розгою и оскорбленія товарищей за вѣру, хотя въ нашихъ правилахъ нарочно прибавлено къ этому проступку слово «фанатизмъ», въ скобкахъ. Мнѣ кажется, что *ни одинъ воспитатель* не вздумаетъ искать фанатизма въ глупыхъ выходкахъ учениковъ низшихъ классовъ, *т.-е. дѣтей 10—12 лѣтъ*, противъ товарищей не одной съ ними вѣры, а тѣлесное

Но почему же за *воровство*—тѣлесное наказаніе? Какое соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ? Вотъ что̀ спрашивалъ я еще въ прошломъ году, и чего никто до сихъ поръ не объяснилъ хорошенько. Почему также и дерзость или оскорбленіе заслуживаетъ розгу по преимуществу? Да и какъ опредѣлить степени оскорбленія, какъ подвести подъ одинъ уровень взглядъ наставниковъ на дерзость? Если ужъ въ самомъ комитетѣ большинство отличалось такою мудростью, что, напр., за лихоимство постановило наказаніе меньше, чѣмъ за простое воровство (о чемъ я тоже замѣтилъ въ прошломъ году] [1]), то какихъ подчасъ премудрыхъ соображеній можно ожидать отъ иныхъ педагогическихъ совѣтовъ! И сколько тутъ можетъ быть произвола, объ уничтоженіи котораго такъ хлопочетъ г. Пироговъ.

На первый разъ, подъ управленіемъ Пирогова, при «Правилахъ» дѣйствительно умѣрились наказанія. Это видно изъ одной таблицы высѣченныхъ за 1858 (до кодекса) и за 1859—60 г. (послѣ кодекса). Вотъ эта таблица:

	Въ 1858		Въ 1859—60
Въ Кіевской 1-й гимназіи изъ	215— 3;	изъ	201— 1
» Кіевской 2-й » »	625— 44;	»	650— 2
» Бѣлоцерковской » »	220— 38;	»	266— 0
» Волынской » »	600—290;	»	635— 5
» Ровенской » »	300— 6;	»	354— 5
» Подольской » »	400— 37;	»	470— 7
» Немировской » »	600— 67;	»	568 —5
» Черниговской » »	240— 18;	»	276— 0
» Новгородсѣвер. » »	250— 8;	»	288 —0
» Нѣжинской » »	260— 2;	»	264— 2
» Полтавской » »	390— 39;	»	338— 0
Во всѣхъ »	изъ 4109—561;	изъ	4310—27

наказаніе дозволяется только въ этихъ классахъ. *Такъ можно исказить все, желая видѣть одно худое и не понимая смысла, или притворяясь, что не понимаемъ*» («Восп.» III, стр. 118). Въ самомъ дѣлѣ — я былъ злонамѣренъ и глупъ... *Ни одинъ воспитатель*, благодаря Бога, таковъ не будетъ... А впрочемъ — посмотримте, что̀ же это такое... Вотъ № IV того же «Воспитанія»; тутъ напечатано окончаніе «Отчета» г. Пирогова; на стр. 213 г. Пироговъ, самъ же г. Пироговъ пишетъ: «Недосмотръ въ редакціи сдѣлалъ то, что наказанія, опредѣленныя правилами за оскорбленіе за вѣру, *не только были перетолкованы воспитателями*, но вмѣнены намъ *даже* въ преступленіе нѣкоторыми журналами». Значитъ, не я одинъ подумалъ, что «Правила» велятъ сѣчь за фанатизмъ? И между *воспитателями* нашлись такіе? Какъ же послѣ этого г. Пирогову могло казаться, что «*ни одинъ воспитатель*», и пр. (см. выше)?.. Правда, впрочемъ, что воспитатели, предполагавшіе фанатизмъ въ дѣтяхъ *10 — 12 лѣтъ*, должны были быть ужъ очень плохи... Вѣдь въ гимназіяхъ Кіевскаго округа, въ первыхъ трехъ классахъ бываютъ *только* дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ... Однако — какъ же это... Мы помнимъ въ «Правилахъ» общую оговорку, что розга назначается только до 16 лѣтъ, а ученики старше 16 лѣтъ, хотя бы и въ низшихъ классахъ, наказываются уже не розгою, а увольненіемъ. Значитъ, въ низшихъ классахъ могутъ быть ученики и старше 16 лѣтъ? Въ нихъ вѣдь ужъ и фанатизмъ можетъ быть? Да, но это, вѣрно, сказано только на всякій случай, въ дѣйствительности же вовсе не бываетъ... Да, впрочемъ, вотъ, въ томъ же III № «Воспитанія», гдѣ такъ презрительно сказано о моемъ—либо тупоуміи, либо неблагонамѣренности,—тутъ же, на стр. 113, указаны самимъ г. Пироговымъ лѣта нѣкоторыхъ наказанныхъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ ученикъ Подольской гимназіи 19 лѣтъ... Что̀ же это?.. Онъ долженъ былъ находиться въ 3 классѣ 15 лѣтъ? Нѣтъ, онъ вѣроятно перешелъ изъ 3 въ 4 — 12, а потомъ въ каждомъ классѣ сидѣлъ по два года... Вотъ другой—ученикъ 5 класса, 18 лѣтъ... Это же какъ? Если онъ въ 4 и 5 сидѣлъ по два года, а все-таки въ 3-мъ-то былъ уже 14 лѣтъ... Ну, ужъ это я не знаю какъ... А вотъ еще—ученикъ Немировской гимназіи 1 класса, 13 лѣтъ... Значитъ, сколькихъ же лѣтъ будетъ онъ въ 3 классѣ, — 12 или 15? Нѣтъ, едва-ли не напрасно г. Пироговъ такъ свысока отзывается о непониманіи рецензентовъ... Просто признаться въ просмотрѣ — было бы, вѣроятно, благоразумнѣе, а то вѣдь я и не утерпѣлъ, чтобы не вывести новыхъ недосмотровъ — на этотъ разъ уже прямо самого г. Пирогова. Оскорблять я никого не хочу, но не могу выносить, когда сваливаютъ что-нибудь съ больной головы на здоровую.

Кстати здѣсь замѣчу еще о стихотвореніи, въ которомъ осмѣивалось сѣченье за фанатизмъ. Признаюсь, я принимаю на себя полнѣйшую за него отвѣтственность, потому что предметъ стоилъ такого осмѣянія, и въ этомъ случаѣ малодушно было бы удерживаться даже уваженіемъ къ такой личности, какъ г. Пироговъ. А кто̀ знаетъ, можетъ быть эти стихи, вмѣстѣ съ моими нападками, и послужили еще къ разъясненію дѣла для тѣхъ *воспитателей*, которые *перетолковали* положеніе «Правилъ». Г. Драгомановъ толкуетъ, будто стихи заключаютъ тотъ смыслъ, что «присужденіе розогъ совѣтомъ установлено Пироговымъ для большей торжественности церемоніи, а не для ограниченія произвола». Ну, такъ вѣдь вольно ему такъ толковать... *Прим. Д.*

[1]) Вообще моимъ обвинителямъ не мѣшаетъ замѣтить, что замѣчанія моей статьи не были серьезно опровергнуты никѣмъ, а подтвержденій, напротивъ, получили довольно много. Крича противъ моей непрактичности и легкомыслія, они забываютъ это. *Прим. Д.*

Одно сличенiе цифръ въ этой таблицѣ показываетъ, какъ несправедливы увѣренія, будто розгу нельзя вывести изъ воспитанія, будто общественное мнѣніе этому противится. Гимназіи не опустѣли. Пироговымъ оставались всѣ довольны, несмотря на то, что его дѣйствіями произведена была такая рѣзкая перемѣна, какъ, наприм., въ Волынской гимназіи, гдѣ число высѣченныхъ вдругъ вмѣсто 290 стало 5. Замѣчательно еще, что *вовсе перестали сѣчь* тѣ гимназіи, въ которыхъ до того *наиболѣе сѣкли*. Пропорція высѣченныхъ всѣхъ выше была (послѣ Волынской) въ Бѣлоцерковской и Полтавской гимназіяхъ,—а теперь тамъ не было ни одного случая. Мы не знаемъ, чему это приписать,—перемѣнѣ ли личностей начальственныхъ, «Правиламъ» ли,—но вѣрно одно: нравы населенія въ этихъ мѣстностяхъ и натура гимназистовъ не получили же мгновенно волшебнаго превращенія. А между тѣмъ, вѣдь начальство этихъ гимназій въ прежнее, еще столь недавнее, время имѣло, конечно, свои резоны для оправданія необходимости тѣлеснаго наказанія тамъ, гдѣ оно было употреблено... Вѣрьте же послѣ этого ихъ отзывамъ и основывайте на нихъ ваши законы!

Насъ спрашиваютъ: «да что же вы придумаете вмѣсто розги?» И видя, что мы ничего не придумываемъ, торжествуютъ... Но въ сущности это довольно забавно: мы—профаны, а вы—призванные во святилище педагогики; вы берете на себя руководить дѣтей нашихъ,—и руководите ихъ, между прочимъ, розгой. Мы говоримъ: «это намъ не нравится, этакъ-то и безъ васъ можно бы воспитывать; а вы придумайте что-нибудь другое, если ужъ взялись». А вы намъ отвѣчаете: «да что жъ придумать-то? Скажите намъ, мы тогда и придумаемъ»... И затѣмъ вы глумитесь надъ нами, что мы ничего не умѣемъ придумать, а туда же—смѣемъ быть недовольны... Почтенные педагоги! войдите же, наконецъ, въ ваше собственное положеніе и разсудите: кто къ кому долженъ обращаться съ требованіями въ вопросахъ о воспитаніи—вы къ намъ или мы къ вамъ?

Впрочемъ, вѣдь если нужна не радикальная перемѣна всей системы воспитанія, а только улучшеньица въ старой системѣ, такъ тутъ и мѣры нужно придумывать не особенно замысловатыя. А напримѣръ (если бы въ вашихъ рукахъ была власть отмѣнить розги,—разумѣется)—отчего бы прямо не замѣнить розги увольненіемъ? Жестоко, скажете?—Нѣтъ, не такъ жестоко, какъ кажется. Вѣдь вы только разъ допускаете розги, а потомъ увольняете; сѣчете за воровство, во-первыхъ. За воровство мальчика сѣчь вы сами присуждаете только тогда, когда оно имѣетъ не характеръ шалости, а обнаруживаетъ испорченность воли. Въ такихъ мальчикахъ, имѣющихъ серьезную наклонность къ чужому съ дѣтства, прокъ бываетъ рѣдко; держаться за нихъ нечего... Жаль, что въ «Отчетѣ» г. Пирогова не сказано, всѣ ли высѣченные за воровство исправились, и вообще какія послѣдствія имѣло сѣченіе на характеръ и поведеніе высѣченныхъ. Это было бы очень любопытно. Но даже если и замѣчены были исправленія, то здравый смыслъ не позволялъ отнести ихъ къ тѣлесной боли отъ розги, развѣ къ стыду... но стыда навѣрное было больше во время открытія и разслѣдованія поступка, нежели во время экзекуціи. При томъ же позволительно думать, что во многихъ случаяхъ наказаны были мальчики, не имѣвшіе положительной испорченности въ этомъ смыслѣ, а таскавшіе чужое просто по глупости... Этихъ можно бы унять и безъ розги.

Относительно дерзости тоже надо сказать: или это вспышка дитяти, и тогда не [безчеловѣчно] [1]) ли пороть за нее, какъ бы становиться самому ребенкомъ и вымещать свою обиду? Или же дерзость, или всякое другое оскорбленіе, имѣетъ серьезный видъ, происходя либо отъ испорченнаго нрава ученика, либо отъ его антагонизма съ начальникомъ. Въ этихъ случаяхъ увольненіе—самое лучшее, потому что если послѣ розги ученикъ и сдѣлается тише въ отношеніи къ нелюбимому наставнику, такъ вѣдь тайная-то ненависть загорится еще сильнѣе. Скрытность и лицемѣріе—самые прямые результаты употребленія розги въ подобномъ случаѣ.

Но, говорятъ, сами родители часто просятъ, чтобы ихъ дѣтей сѣкли... Ну, вотъ для этихъ случаевъ и сохраните вашу розгу, если ужъ вамъ такъ жалко съ нею разстаться. Можете даже положить, что если еще остается хоть какая-нибудь надежда на возможность исправленія мальчика, если онъ обнаружилъ полное раскаяніе при полученіи увольненія, и родители его упрашиваютъ лучше высѣчь, но оставить въ гимназіи,—то можно, уступая ихъ просьбѣ, дѣлать опытъ. Вотъ вамъ и требованія *среды* будутъ удовлетворены.

«Да такъ навѣрное придется больше сѣчь, чѣмъ теперь при «Правилахъ»—доносятся до меня восклицанія гг. Е. Суд., Драгоманова, Сухарева и мало ли еще кого... Но я не смущаюсь. Очень можетъ быть, говорю я; но только навѣрное количество

---

[1]) безразсудно

случаевъ сѣченья будетъ быстро уменьшаться, потому что отцы возымѣютъ же наконецъ амбицію, и потомъ всѣ эти случаи сѣченья будутъ походить на случаи самопроизвольнаго отравленія или голодной смерти преступниковъ. У насъ вѣдь не казнятъ ни ядомъ, ни голодной смертью,—а иной возьметъ да и отравится или уморитъ себя голодомъ въ тюрьмѣ. Ну, что же съ этимъ дѣлать? Такъ ужъ ему, стало быть, понравилось...

Что же касается до системы, принятой при Н. И. Пироговѣ—дѣйствовать лично, на дѣлѣ, а въ законъ допустить то, чего среда требуетъ,—за эту систему я очень боюсь. Пока г. Пироговъ былъ въ Кіевѣ, все шло отлично,—слова нѣтъ. И произвола было меньше, и сѣкли меньше, и учились лучше, и пр., и пр. Но что тутъ дѣйствовало,—«Правила» или личность? Вѣдь изъ самыхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову на прощанье, даже изъ выходокъ противъ насъ видно, что тутъ *личность* покрывала все. Дерзнули не согласиться съ «Правилами» Пирогова—и никто даже не вздумалъ вникнуть въ пункты несогласія, а всѣ увидѣли только то, что о Пироговѣ говорится какъ-то не чтобъ совсѣмъ неуважительно, а такъ,—не совсѣмъ въ обычномъ тонѣ. Въ разныхъ рѣчахъ безпрестанно говорится: «вы ограничили произволъ», «вы эманципировали дѣтей отъ безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія», «вы укрѣпляли приверженцевъ добра, увлекали ихъ теплотою чувствъ и закрѣпляли ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ», «вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность», и пр. и пр. Честь и слава Н. И. Пирогову, и горько, что онъ не остался дольше на своемъ мѣстѣ. Мы вполнѣ сочувствуемъ его и общему желанію, чтобъ его вліяніе продолжалось какъ можно дольше въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, и во всей Россіи, если можно. Но вѣдь вотъ его нѣтъ... и мы что имѣемъ предъ собою? Все-таки (ограничиваясь лишь нашимъ вопросомъ)—«Правила» весьма неудовлетворительныя, допускающія розгу и дающія широкій просторъ произволу воспитателей въ ихъ примѣненіи.

Произволъ высказывался уже и при г. Пироговѣ, какъ видно изъ «Отчета»: изъ 27 случаевъ тѣлеснаго наказанія, про двухъ еще неизвѣстно, наказаны ли они по опредѣленію педагогическаго совѣта; въ одномъ случаѣ наказаніе было опредѣлено несообразно «Правиламъ», а въ 4-хъ другихъ—директоръ поступилъ произвольно. Г. Пироговъ умѣлъ остановить эти безпорядки, и директоръ, поступившій произвольно, перешелъ уже въ 1860 г. (по замѣчанію «Отчета») въ другой округъ. Но всѣ ли сумѣютъ и захотятъ останавливать?

При Пироговѣ, разумѣется, гимназіи старались отличить себя малымъ количествомъ или отсутствіемъ экзекуціи. Но чѣмъ, кромѣ подобнаго гуманнаго вліянія начальства, обезпечено такое стремленіе на будущее время? Вѣдь только благодарною памятью о Пироговѣ. А «Правила»-то даютъ полную волю—пороть за дерзость, даже *вызванную* самимъ начальникомъ или наставникомъ. Кажется, въ этомъ случаѣ логичнѣе было бы постановить, положимъ, замѣчаніе... да нѣтъ, впрочемъ, и замѣчанія не нужно для ученика... но зато для учителя или гувернера непремѣнно строжайшій публичный выговоръ, а затѣмъ—при новомъ разѣ—прямо увольненіе. А вѣдь въ «Правилахъ» за оскорбленіе начальника на должности положено, въ самой низшей степени вины, т.-е. при всѣхъ облегчающихъ обстоятельствахъ, даже при вызовѣ со стороны самого начальника,—строгій арестъ съ угрозою розогъ, а во второй степени розги, а тамъ—исключеніе. Какую дисциплину можно завести въ гимназіи на основаніи одного этого правила, которое при Пироговѣ, конечно, не смѣли примѣнять къ дѣлу!..

«Но педагоги, бывшіе подъ вліяніемъ г. Пирогова, будутъ всегда вѣрны его началамъ. Вѣдь онъ самъ говорилъ имъ на прощанье: мои убѣжденія въ сущности—ваши убѣжденія; моя заслуга только въ томъ, что я угадалъ ваши взгляды», и пр.

Конечно, такъ, г. Пироговъ говорилъ это. А все бы вѣрнѣе, кабы «Правила»-то получше существовали... Вѣдь когда г. Пироговъ говоритъ не дружескія фразы, а самое дѣло, такъ и онъ тоже оказывается не слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ педагогахъ вообще, а слѣдовательно и о кіевскихъ. Говоря о журнальныхъ разборахъ «Правилъ», онъ именно упрекаетъ ихъ за слишкомъ высокія требованія. Слова его вовсе не утѣшительны.

«Въ правѣ ли мы требовать,—говоритъ г. Пироговъ,—отъ нашихъ педагоговъ высокаго призванія, опыта жизни, самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать? Откуда могутъ вдругъ взяться у насъ такія личности? Кто велъ, кто приготовлялъ ихъ этимъ путемъ? Гдѣ и у кого могли они заимствовать образецъ высокихъ качествъ? У прежнихъ ли ихъ наставниковъ, въ жизни ли общества, въ окружающей ли ихъ средѣ, въ семьѣ ли своей, въ воспитательныхъ ли заведеніяхъ?.. Требовательные идеологи, вовсе позабыли, что нашихъ учителей никто

до сихъ поръ не училъ трудному дѣлу педагогіи, нашихъ инспекторовъ и директоровъ никто не выбиралъ по ихъ педагогическимъ заслугамъ, которыхъ и доказать даже было имъ невозможно... Можно ли забыть, что наши надзиратели, инспекторы и директоры покуда все-таки остаются тѣми же чиновниками-воспитателями, какъ и прежде,—одни изъ нихъ завалены письменными дѣлами дирекціи, а другіе, исполняя неисполнимыя обязанности нравственнаго надзора за 500—600 учениками, поневолѣ ограничиваются одною оффиціальностью?.. Не ясно ли для всякаго, кто любитъ смотрѣть правдѣ въ глаза, что̀ мы вводили въ наши правила, убѣжденные опытомъ въ вопіющихъ недостаткахъ общественнаго воспитанія и воспитателей?»

Далѣе находимъ, что и на розгу г. Пироговъ согласился, главнымъ образомъ, въ уваженіе *неискусства* педагоговъ нашихъ: «тѣлесное наказаніе можно еще назначить безъ большого вреда и безъ большого искусства (!), соображаясь съ однимъ свойствомъ проступка; самый простой воспитатель можетъ безъ труда различить въ проступкѣ ребенка проявленіе дикой, животной чувственности, и прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, если не умѣетъ владѣть инымъ, лучшимъ средствомъ». Чтобы употребить съ успѣхомъ другія, нравственныя мѣры,—продолжаетъ «Отчетъ»,—нужно воспитателю гораздо болѣе развитія и искусства: а можно ли этого требовать отъ нашихъ педагоговъ?... Потому, конечно, и неудивительно замѣчаніе г. Пирогова: съ одной стороны, по журнальнымъ статьямъ, можно подумать, что всѣ передовые люди общества требуютъ, во что бы то ни стало, *отмѣнить розгу въ училищахъ;* но, съ другой стороны, судя по отзывамъ многихъ дирекцій и педагогическихъ совѣтовъ, и слѣдовательно также общества, да еще самаго правогласнаго въ дѣлѣ воспитанія, нужно заключить *совсѣмъ противное*» (стр. 62). Вообще г. Пироговъ сознается, что «какъ ни желательна гегемонія школы надъ жизнью, и какъ ни пошла еще наша жизнь, но она пересиливаетъ» (стр. 64).

Послѣ этихъ признаній я замѣчаю въ прошлогодней моей статьѣ ошибку, которой замѣчать никому не приходило въ голову. Правда, отъ г. Е. Суд. я уже заслужилъ что-то въ родѣ упрека за то, что «обрушился на *среду*, морально разслабляющую самыя лучшія личности»; но мнѣ именно слѣдовало въ десять разъ усилить ту часть статьи, гдѣ говорилось о гибельномъ вліяніи среды. Изъ признаній г. Пирогова вы видите, какъ она уже сама по себѣ, своей пошлостью, ограничиваетъ дѣятельность передовыхъ людей. Но не надо забывать, что она не всегда остается пассивною, она тоже принимаетъ порою участіе въ этой дѣятельности, и тогда происходятъ явленія до того странныя, до того нелѣпыя, что здравый смыслъ рѣшительно теряется въ ихъ путаницѣ. За примѣрами ходить недалеко—возьмемъ хоть нашу полемику съ поклонниками г. Пирогова и представимъ изъ нея главныя черты.

Человѣкъ въ теоріи отвергаетъ розгу и формализмъ, у него множество послѣдователей и поклонниковъ; онъ хочетъ провести свою теорію въ практикѣ, но, по несчастію, долженъ отказаться отъ этого намѣренія и уступить противнымъ вліяніямъ; вслѣдъ за этой уступкой раздаются рѣзкія возраженія и упреки за такой образъ дѣйствій, высказанные подъ вліяніемъ той же теоретической мысли, которой держится и самъ упрекаемый. Какъ вы полагаете, каково должно быть въ этомъ случаѣ впечатлѣніе людей, *сознательно* принимающихъ ту же теорію? Какъ эти возраженія должны быть приняты въ кругу людей,

Служащихъ дѣлу, а не лицамъ?

Перенесемтесь въ старое время, когда еще у насъ формально существовало крѣпостное право. Смѣлый эманципаторъ искренно и горячо говоритъ объ освобожденіи и увлекаетъ за собою толпу послѣдователей. Вдругъ ему достается наслѣдство; онъ, разумѣется, немедленно хочетъ отпустить крестьянъ на волю, но встрѣчаетъ сильныя препятствія, и *покамѣстъ* уступаетъ. Вдругъ, въ толпѣ ему сочувствовавшихъ раздается обличительный голосъ, изображающій крѣпостное право такъ, какъ оно стоитъ, провозглашающій святость свободныхъ принциповъ и укоряющій эманципатора за уступку. Какъ вы думаете, что̀ почувствуютъ при этомъ голосѣ искренніе, сознательные приверженцы эманципаціи? Осердятся на смѣльчака, сочтутъ слова его посягательствомъ, обидой? Нѣтъ, какъ бы они ни любили своего друга-эманципатора, но если они любятъ и понимаютъ также и самое дѣло, то не могутъ они не сообразить, что вѣдь въ этомъ голосѣ для нихъ помощь, новое средство обороны, что онъ увеличиваетъ ихъ силу, что съ нимъ они смѣлѣе могутъ идти противъ обскурантовъ, мѣшающихъ дѣлу эманципаціи. Что̀ за дѣло, если даже нѣсколько рѣзкихъ выходокъ и задѣнетъ ихъ друга и учителя, — но вѣдь зато самое дѣло выигрываетъ, зато обскуранты знаютъ, что вотъ какіе голоса подымаются даже за одну невольную и временную уступку ихъ требованіямъ. И разумные приверженцы эманципатора, равно

какъ и самъ онъ, радуются возраженіямъ, довольны упреками, желаютъ, чтобы какъ можно больше раздавалось подобныхъ голосовъ: вѣдь они выходятъ изъ тѣхъ же началъ, высказываютъ тѣ же идеи, которымъ служатъ и сами эти эманципаторы,— только высказываются рѣзче и прямѣе, раздаются громче и внятнѣе, не будучи заглушаемы противнымъ скрипомъ обоза практическихъ мелочей.

Чего бы естественнѣе, кажется, такое отношеніе либеральныхъ практическихъ педагоговъ къ полемикѣ о розгахъ? Но дѣло вышло совершенно не такъ.

О самомъ г. Пироговѣ я не говорю: онъ вездѣ трактуетъ журналистовъ свысока, и потому, конечно, и мою статью не удостоилъ счесть ни обидой, ни поддержкой для себя. Можетъ быть, онъ и ошибается въ своихъ понятіяхъ о журналистикѣ, но это другой вопросъ. Собственно же въ этой полемикѣ г. Пироговъ остается въ сторонѣ. Передъ нами одни его послѣдователи.

Они, какъ оказывается, поняли все дѣло совершенно *лично*. Какія могли быть, напримѣръ, хоть у г.—*бова* личности съ г. Пироговымъ, способенъ ли какой-то человѣкъ изъ-за личностей искажать дѣло, можетъ ли согласиться такой-то журналъ сдѣлаться органомъ чьихъ-нибудь антипатій, наконецъ, такой ли характеръ, такую ли цѣль имѣетъ статья, — объ этомъ разсудить никому какъ будто не пришло въ голову. Возраженій на мои замѣчанія, серьезнаго разбора статьи никто не напечаталъ, а напечатали только какія-то беззубыя выходки противъ моей *неуманности* (!) въ обращеніи съ г. Пироговымъ... Мнѣ и всей русской публикѣ сообщали за новость, что «онъ можетъ ошибаться и ошибается, какъ всякій человѣкъ, но ошибки *не отнимаютъ у него* высокаго ума, благородно-либеральныхъ стремленій и сильнаго характера для возможныхъ у насъ разумныхъ реформъ»... А я-то, видите ли, отнималъ у него всѣ прописанныя качества!

Таковы-то оказались господа, оскорбившіеся за Пирогова и *напечатавшіе* свои возраженія на мою статью...

А то были и другіе господа, тоже оскорбившіеся и написавшіе что-то такое, но нигдѣ не напечатавшіе своихъ писаній. Объ этомъ сообщаютъ намъ гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ. Нѣсколько статей и писемъ, по ихъ словамъ, послано было изъ Кіева въ столичные журналы для опроверженія «Всероссійскихъ иллюзій», но ни одна изъ нихъ не была напечатана. Читателей «Современника», вѣроятно, удивитъ это еще больше, чѣмъ самого г. Е. Суд., восклицающаго изъ глубины души: «чудныя дѣла дѣлаются на Руси! Одинъ журналъ взноситъ нелѣпости на человѣка *слишкомъ* (?) почтеннаго, а остальные журналы, какъ бы по взаимному уговору, не хотятъ принимать никакихъ опроверженій» («Отечественныя Записки», VI, стр. 138). Въ самомъ дѣлѣ чудно, — я этому удивляюсь едва-ли не больше всѣхъ. Извѣстно положеніе «Современника» въ нашей журналистикѣ, извѣстно, съ какимъ рвеніемъ всѣ журналы стремятся предохранить публику отъ его нелѣпыхъ тенденцій, въ особенности же отъ его посягательствъ на всевозможные авторитеты. Не довольствуясь собственнымъ трудолюбіемъ по этой части, разныя редакціи обогащаютъ русскую литературу этюдами гг. Цвѣтовъ [1]), Н. Ч. [2]), Воскобойниковыхъ [3]), подыскиваютъ даже волюминозные трактаты въ скромныхъ стѣнахъ Кіевской духовной академіи [4])... Ужъ отъ кіевскихъ ли педагоговъ не приняли бы статьи! «Положимъ, онѣ были дурно изложены,—скажемъ словами г. Драгоманова,—почему же гг. редакторы не обратили вниманія хоть на факты, которые были представлены въ нихъ вѣрно, и не отвѣчали г. Добролюбову (то-есть—*бову*) отъ себя?—Благородный общественный дѣятель былъ оскорбленъ, и въ защиту его было сказано только нѣсколько словъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и то мимоходомъ, въ письмѣ изъ Полтавы. Что̀ заключить изъ такого факта?» Для насъ возможно только одно заключеніе: вѣроятно, статьи были ужъ такъ плохи, что редакціи поняли, что выступать съ ними противъ «Современника» значило бы только срамить себя. Да вѣрно и факты-то въ нихъ были въ томъ родѣ, что Н. И. Пироговъ—благородный человѣкъ, что въ «Уставѣ» удержана розга, и что при Пироговѣ въ гимназіяхъ сѣкутъ меньше. А впрочемъ, нѣтъ, вѣрно и того не было... Вѣдь вотъ теперь напечатаны же статьи гг. Драгоманова и Е. Суд., а въ нихъ вѣдь тоже никакихъ другихъ фактовъ нѣтъ, да еще и логики недостаетъ... Должно быть, другія-то возраженія были ужъ еще хуже, хоть это и трудно себѣ представить.

А то нашлись еще такіе господа—тоже хороши! — которые возблагоговѣли предъ статейкою (тоже не понявъ ее) и внезапно почувствовали... потерю уваженія къ г. Пирогову!.. Такое открытіе дѣлаетъ г. Е. Суд.,

---

[1]) Цвѣтъ — авторъ нелѣпой статьи противъ Чернышевскаго въ «Рус. Вѣстникѣ» 1860, VII.

[2]) См. №№ 3 и 4 «Свистка».

[3]) Безталанный публицистъ — одинъ изъ муравьевскихъ усмирителей польскаго возстанія.

[4]) Намекъ на статью Юркевича въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи» 1860 г., перепечатанную въ 1861 г. въ «Рус. Вѣстникѣ».

и г. Драгомановъ подтверждаетъ его. Въ замѣткѣ г. Е. Суд. объясняется: «Бойкая статейка г.—*бова* производила свое *желанное* (?) вліяніе даже на кіевлянъ, на тѣхъ людей, которые могли бы, кажется, получше присмотрѣться къ характеру общественной дѣятельности своего попечителя».

Какое же это было *желанное* (вѣроятно, мною) вліяніе? А вотъ какое: «статейка, *по виду* весьма гуманная и либеральная, *соблазнительно* дѣйствовала на *неопытную* публику (бѣдняжка публика, точно бѣдная Лиза!), подрывая во многихъ уваженіе къ тому, котораго она уже привыкла уважать». *Неопытность* соблазненной публики дошла до того, что она «заподозрила въ отсутствіи *грамотности* (вѣроятно, надо читать *гуманности*) и истиннаго либерализма не г.—*бова* (какъ слѣдовало бы, разумѣется), а г. Пирогова, и *малодушно отвернулись отъ нею даже тѣ, которые уважали его, соотвѣтственно своей степени умственнаго и нравственнаго развитія*»... А въ статейкѣ-то, между тѣмъ, даже среди самыхъ горячихъ тирадъ, при выраженіяхъ, которыя могли бы показаться наиболѣе непріятными для самолюбія, — все-таки безпрестанно проглядываетъ мотивъ всей этой горячности, состоящій въ томъ, что авторъ чрезвычайно высоко цѣнитъ Пирогова, и что именно такого-то человѣка тяжело ему и видѣть слабѣющимъ и падающимъ подъ гнетомъ среды, въ которую онъ поставленъ. Да, *слабѣющимъ и падающимъ* — я не боюсь повторить это: въ отсутствіи яснаго протеста противныхъ его кореннымъ убѣжденіямъ пунктовъ комитетскихъ «Правилъ» видно уже послабленіе, а въ согласіи мотивировать, оправдывать ихъ и провозгласить, что вполнѣ ихъ «раздѣляетъ»,—было его паденіе въ этомъ случаѣ. Вотъ объ этомъ-то я и писалъ: «тутъ нейдите, господа, говорилъ я: — тутъ *самъ Пироговъ* упалъ... И вѣдь я писалъ не для идіотовъ, а для людей разсуждающихъ, которые могли бы понять, что въ статьѣ дѣло идетъ о дѣлѣ, о фактѣ, въ которомъ Пироговъ принялъ участіе, а вовсе не объ общей и окончательной оцѣнкѣ всѣхъ его общественныхъ заслугъ, талантовъ, характера, и пр. Я указалъ на его ошибку, положимъ, даже преувеличивъ ея значеніе; я надѣялся, что это выяснитъ дѣло и поможетъ торжеству новыхъ, разумныхъ началъ надъ рутиною; но, признаюсь,—никакъ не разсчитывалъ я на такой эффектъ, какой указывается г-мъ Е. Суд. И отчего это? Вѣдь не оттого же, въ самомъ дѣлѣ, что статейка была уже до невозможности соблазнительна, irrésistible, такъ сказать, а просто по причинѣ самихъ же господъ соблазненныхъ. Я ихъ никого не знаю, но г. Е. Суд., кіевлянинъ, рисуетъ ихъ характеристику вотъ какими лестными красками: «большинство сослуживцевъ его (Пирогова), *не сознавая самихъ принциповъ,* подчиняется вліянію личности, стремится къ общественной пользѣ *только потому,* что исполняетъ желанія попечителя, человѣка прославленнаго, знаменитаго, всѣми уважаемаго»... И какъ только оказался, видите ли, человѣкъ, который не преклоняется безусловно предъ «человѣкомъ прославленнымъ» и пр.,— эти господа сейчасъ же и перемѣнили свои расположенія и перестали «стремиться къ общественной пользѣ»... И все это — замѣтьте—отъ «раздражительныхъ выходокъ» журнальнаго крикуна, озорника, который и желалъ бы быть Калиновичемъ, да соотвѣтственнаго чина не имѣетъ, и потому принужденъ озорство все ограничивать литературою... Что же теперь будетъ, — спрашиваю я безпристрастныхъ читателей, не исключая и кіевлянъ, очень склонныхъ къ искреннимъ признаніямъ,—что же будетъ, если на нихъ насядетъ, уже не въ литературѣ, а въ дѣйствительной жизни, какой-нибудь Калиновичъ, если ихъ *соблазнятъ* станетъ уже не журнальный, а какой-нибудь другой крикунъ? Въ какой мѣрѣ и надолго ли удержится тогда благодѣтельное вліяніе благородной личности г. Пирогова? Что станется съ самими педагогическими совѣтами, если ихъ будутъ составлять такія личности, которыя, «не сознавая принциповъ, подчиняются личности» и стремятся къ общественной пользѣ *только потому,* да *только потому,* что этого желаетъ начальство... И вѣдь такихъ *большинство*... Можетъ быть, г. Е. Суд. судитъ слишкомъ строго, скажете вы; но вѣдь его слова согласны въ сущности съ тѣмъ, что̀ написано въ «Отчетѣ» самого г. Пирогова. А то вотъ еще отзывъ г. Драгоманова, «недавняго гимназиста», какъ о немъ было сказано въ одной изъ прощальныхъ рѣчей: «старое поколѣніе (воспитателей), — говоритъ онъ, — дѣйствуетъ по отсталымъ принципамъ, а молодое пока умѣетъ только говорить о новыхъ. Это, конечно, очень прискорбно, но тѣмъ не менѣе, это фактъ, фактъ... фактъ... (Видите, какъ сильно!).. Если все предоставить нравственному вліянію, то необходимо положиться исключительно на педагогическій смыслъ и любовь къ дѣлу воспитателей. Ну, а положитесь-ка на смыслъ и любовь къ начальству нашихъ воспитателей... *Мы не можемъ удержаться отъ улыбки*»... Въ началѣ письма г. Драгомановъ въ силлогизмѣ (котораго первая посылка, вслѣдствіе опечатки, потеряла, впрочемъ, всякій смыслъ) доказываетъ, что если бы г. Пироговъ хо-

тѣлъ заставить учителей дѣйствовать сообразно его началамъ, то «долженъ былъ бы выгнать *почти всѣхъ* учителей»... Таковы они были... Изъ этого г. Драгомановъ, со свойственной ему послѣдовательностью, выводитъ: «что сталось бы съ преобразованіями Пирогова, если бы онъ основывалъ ихъ на личномъ, а не на коллегіальномъ началѣ»... И разумѣетъ, конечно, что тогда преобразованіямъ пришлось бы плохо.

Но какую же прочность и достоинство имѣетъ это коллегіальное начало между воспитателями, не имѣющими ни педагогическаго смысла, ни любви къ дѣлу, или дѣйствующими по отсталымъ началамъ, или только умѣющими говорить о новыхъ, не сознающими здравыхъ принциповъ и только изъ угожденія начальству дѣлающими что-нибудь порядочное? Чѣмъ сдѣлаются пресловутыя «Правила» и «Таблицы» при отсутствіи личнаго вліянія г. Пирогова, [при сохраненіи административнаго начала въ воспитаніи], при неопредѣленности нѣкоторыхъ пунктовъ, при просторѣ, предоставленномъ воспитателямъ въ опредѣленіи проступковъ, при узаконеніи въ «Правилахъ» «безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія»? Смотря на «Правила» просто какъ на кодексъ, совершенно независимо отъ личности г. Пирогова, наблюдавшаго за ихъ исполненіемъ,—на нихъ нельзя возлагать большихъ надеждъ: г. Пироговъ сознается, что они «несовершенны»; я уже говорилъ и доказывалъ, что мнѣ они кажутся очень и очень несовершенными. Г. Пироговъ, однако, доказываетъ фактами, что они принесли пользу; но изъ фактовъ этихъ не видно одного: дѣйствовали-ли тутъ «Правила», или болѣе,—а можетъ быть *только*—и «желаніе угодить попечителю, человѣку прославленному», и пр... Подождемъ, что будетъ безъ г. Пирогова, дождемся слѣдующихъ двухъ-трехъ отчетовъ,—тогда и окажется, до какой степени полезны сами «Правила», безъ личнаго участія г. Пирогова въ примѣненіи ихъ...

Вотъ опасность, о которой я намекнулъ выше, что она грозитъ дѣлу, отъ системы, принятой г. Пироговымъ, т. е., отъ системы уступокъ большинству, которое, по словамъ его же поклонниковъ, ничего лучше не желало, какъ сдѣлать угодное начальнику... Положеніе должно было представляться тѣмъ болѣе комическимъ, что г. Пироговъ не могъ же предоставить большинству, или вообще коллегіямъ. всѣхъ правъ и всѣхъ условій, необходимыхъ для успѣшности ихъ дѣйствій: административное начало, учебная формалистика, прежніе уставы и законоположенія—все это оставалось и связывало свободную дѣятельность коллегій, если бы онѣ даже и оказались наклонны къ какимъ-нибудь свободнымъ нововведеніямъ... Я опять не осуждаю здѣсь г. Пирогова (считаю не лишнею эту оговорку); я вѣрю, что въ его положеніи онъ не могъ сдѣлать ничего лучше того, что сдѣлалъ... Но я опять не вѣрю и громадности тѣхъ послѣдствій отъ «Правилъ» и коллегіальнаго начала, которыя высчитаны въ дюжинѣ торжественныхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову. Если къ отмѣнѣ розги нельзя было вдругъ привести педагоговъ и общество, то можно ли въ два съ половиною года (время попечительства г. Пирогова) привести ихъ къ отмѣнѣ произвола и къ строгому уваженію законности.

«Вотъ мы и правы были,—кричатъ гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ:—вотъ г.—*бовъ* и самъ договорился до теоріи либеральнаго деспотизма, утверждая, что система уступокъ коллегіямъ со стороны г. Пирогова была нехороша и даже грозитъ какою-то опасностью дѣлу».

Нѣтъ, господа, вы все-таки не правы. Я уже сказалъ, что меня занимаютъ не личныя достоинства г. Пирогова, а самое дѣло. Г. Пироговъ дѣйствовалъ отлично, насколько могъ, но дѣло оттого мало подвинулось... Что оно мало подвинулось, это ужъ не отъ г. Пирогова зависѣло, а отъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ. Можетъ быть, если бъ онъ дѣйствовалъ иначе, было бы хуже, можетъ быть — вышло бы въ концѣ концовъ то же самое; но во всякомъ случаѣ, погодите кричать о великихъ прогрессахъ, о неизмѣримо-благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, о внезапномъ перерожденіи и пр... Этого, господа, не бываетъ... На торжественныхъ проводахъ можно говорить что угодно, особенно если это пріятно г. Пирогову: отчего же не воздать честь человѣку? Но честь честью, а дѣло дѣломъ. А дѣло могло бы пойти успѣшно только тогда, когда бы—Пироговъ ли или кто другой—направилъ всѣ свои усилія на рѣшительное и коренное измѣненіе того положенія, которое оказалось препятствіемъ для г. Пирогова на пути болѣе широкихъ реформъ. И въ этомъ-то состоитъ наше требованіе отъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей: въ сравненіи съ нимъ всѣ остальныя требованія,—весьма почтенныя сами по себѣ,—кажутся намъ слабы и мелки... Но мы сами ошибались, думая нѣкогда, что такое требованіе выполнимо хоть до нѣкоторой степени для единичной личности; теперь на примѣрѣ же г. Пирогова мы убѣдились, что оно рѣшительно невыполнимо даже для самыхъ лучшихъ личностей,

если онѣ дѣйствуютъ только сами собой... Нужно, чтобъ общество, чтобъ сама *среда* обратила вниманіе на свое положеніе и почувствовала необходимость измѣнить его. Среда же—это всѣ мы: и г. Пироговъ, и г. Е. Суд., и я, и г. Драгомановъ—всѣ принадлежимъ къ этой средѣ [и всѣ обязаны хлопотать, насколько есть силъ и умѣнья, о существенномъ измѣненіи нашего положенія, чтобы развязаны были намъ руки на проведеніе нашихъ задушевныхъ убѣжденій]. Вотъ смыслъ и цѣль—какъ предыдущей, такъ и настоящей моей статьи по поводу кіевскихъ «Правилъ».

Поймутъ ли меня г. Драгомановъ и компанія? Не очень надѣюсь, но желалъ бы, чтобъ поняли: въ людяхъ молодыхъ и свѣжихъ все же больше силы, даже для того, чтобъ, не стыдясь прежнихъ увлеченій, перейти къ новымъ требованіямъ.

Но зачѣмъ же я самъ составилъ такое жалкое изображеніе этой среды, къ которой еще разъ обращаюсь? Вѣдь, если прежде сказали, что я написалъ статью для оскорбленія г. Пирогова, такъ теперь рѣшатъ, пожалуй, что я писалъ для оскорбленія всѣхъ кіевскихъ педагоговъ, всего учебнаго округа... Пожалуй, что и рѣшатъ. Но вѣдь это не мое изобрѣтеніе,—я сгруппировалъ лишь нѣкоторыя черты, сообщенныя самими кіевлянами... А зачѣмъ я группировалъ ихъ?.. Да положимъ хоть за тѣмъ, чтобъ имѣть удовольствіе видѣть потомъ ошибочность своихъ мрачныхъ предположеній... Можетъ быть, на зло этой статейкѣ, кіевляне дѣйствительно проникнутся *истинными* началами г. Пирогова, будутъ смѣло, во имя ихъ, идти противъ всякаго крикуна, разумно и гуманно разбирать проступки гимназистовъ и совсѣмъ выведутъ изъ употребленія розгу. Когда наступитъ этотъ безмятежный вечеръ въ кіевской педагогикѣ (что̀ мы узнаемъ изъ будущихъ отчетовъ), тогда я съ радостью похвалю утро, принесенное въ Кіевъ г. Пироговымъ.

---

424. Внутреннее обозрѣніе.

Напечатано вмѣстѣ съ № 421.

Съ февраля 1861 года «внутреннее обозрѣніе» «Современника» велъ Г. З. Елисеевъ, сдѣлавшій себѣ имъ большое литературное имя, правда, не среди широкой публики, которая не видала его подписи, а среди литераторовъ и публики, близкой къ литературнымъ интересамъ. Въ апрѣльской книгѣ Елисеевъ далъ обозрѣніе, суть котораго ясна уже изъ его подзаголовка: «Мои весеннія воззрѣнія и стремленія. Какъ наслаждается природой и господствуетъ надъ нею человѣкъ. Весна въ мірѣ языческомъ. Вѣрованіе язычниковъ въ цѣлебную силу, приносимую весной. Водяной. Русалки и т. д.». Конечно, въ апрѣлѣ 1861 года (книга разрѣшена цензурой 21 апрѣля) и всякому внутреннему обозрѣвателю, а «Современника» въ особенности, было бы что̀ сказать, разъ мартъ прошелъ въ Россіи съ объявленіемъ акта 19 февраля, но—Елисееву пришлось говорить о природѣ, что̀ онъ дѣлалъ и потомъ иногда... Цензура вычеркнула все обозрѣніе, пришлось писать другое, чтобы только пріучить публику къ постоянству все еще новаго отдѣла... Добролюбовъ все это хорошо зналъ и когда, благодаря отсутствію Елисеева, ему самому пришлось написать за него обозрѣніе, онъ вышутилъ «весеннее» настроеніе своего товарища, будучи увѣреннымъ, что уже и его собственнаго обозрѣнія достаточно, чтобы публика поняла, что писать по внутреннимъ вопросамъ сколько-нибудь серьезно и дѣльно не даютъ... Хорошо знакомый съ біографіей своего друга, Елисеева, Н. К. Михайловскій зналъ о принадлежности этого обозрѣнія Добролюбову, но вылазку «противъ» Елисеева объяснилъ невѣрно. Онъ допускаетъ, что она произошла благодаря «тогдашней особой manière de parler» и потому, что Добролюбовъ «находилъ несвоевременнымъ въ апрѣлѣ 1861 г.» писать о нѣжностяхъ весны и пр.,—и кстати далъ нѣсколько страницъ (очень интересныхъ и содержательныхъ) о веденіи редакціонной работы въ «Современникѣ» («Литературныя воспоминанія и современная смута», I, 459—470). Михайловскій не обратилъ должнаго вниманія на важный фактъ—отсутствіе въ ближайшемъ къ 19 февраля «обозрѣніи» указаній на совершившуюся реформу, ея проведеніе и пр. Если бы онъ замѣтилъ это, то, конечно, даже не зная бумагъ Добролюбова, объяснилъ бы протестъ Н. А—ча такъ, какъ онъ объясненъ мною.

Н. А. написалъ много, но сдѣлалъ это такъ, что никто не могъ не понять, что дѣйствительно о замѣчательномъ, проис-

шедшемъ въ Россіи въ іюлѣ и августѣ, «такъ ничего и не будетъ». Я отнюдь не хочу сказать, что въ этомъ обозрѣніи нѣтъ ничего содержательнаго, но оно умышленно разбавлено ужасной водой. Конечно, каждый пойметъ, что, говоря о веснѣ и объ осени, Добролюбовъ говорилъ о томъ вѣяніи реакціи, которое, въ противовѣсъ ожиданіямъ либераловъ, началось съ лѣта 1861 года. Отсюда и боязнь что̀ бы то ни было сказать и пр. То мѣсто, гдѣ говорится о деньгахъ и пр., конечно, надо понимать такъ: «освобожденный» народъ нищъ и сиръ, у него ничего нѣтъ, что̀ же можетъ быть у Россіи?...

М. Л.

Случайный составитель обозрѣнія.—Его осеннія думы въ противоположность весеннимъ мечтамъ и увлеченіямъ.—Почему не любитъ онъ Петербургской весны.—Почему боится высказать вполнѣ свое мнѣніе.—Рѣшимость его отстаивать одну мысль—что пришла осень.—Зависимость провинціальнаго времени и погоды отъ Петербургскихъ.—Сообщенія Петербурга съ провинціями.—Осенніе симптомы при въѣздѣ въ Одессу.—Абазовскія деньги.—Горести отъ недостатка звонкой монеты; задержки на станціяхъ по недостатку сдачи.—Много ли золота увозится русскими путешественниками за границу и сколько прячутъ его наши мужики.—Нѣкоторыя свойства и условія нашего кредита.—Богатство нищихъ и ихъ обиліе по большимъ дорогамъ.—Улучшеніе нашихъ дорогъ.—Надежды Одессы на устройство въ ней хорошихъ мостовыхъ.—Еще о довѣрчивости и о разныхъ ея послѣдствіяхъ: отставной актеръ; случаи въ общественномъ саду и въ клубѣ.—Еще нѣсколько любопытныхъ фактовъ.

Читатели «Современника» плачутъ, не нашедши въ іюльской книжкѣ «Внутренняго Обозрѣнія». Такъ по крайней мѣрѣ навѣрное думаетъ его составитель, котораго я, впрочемъ, не одобряю—сколько по зависти къ его таланту [1]), столько же и за его весеннія мечты и стремленія. Весеннія мечты вообще мнѣ противны съ тѣхъ поръ еще, какъ я читалъ въ русскихъ журналахъ весенніе «звуки», «пѣсни», «гимны», «мечты».., да, именно, я помню, что читалъ и мечты, да еще—

Надъ весенней страницею Фета...

Но особенно опротивѣли мнѣ весеннія мечты и впечатлѣнія именно теперь: они меня заставляютъ писать для этой книжки «внутреннее обозрѣніе». Представьте, какъ это весело, особенно теперь (чуть было не сказалъ: *въ настоящее время*), когда непомѣрно развившаяся гласность въ нашемъ отечествѣ гоняется за всякими гадостями, такъ что отъ нея и на желѣзныхъ дорогахъ не ускачешь,—а составитель «внутренняго обозрѣнія» долженъ все это заносить въ свою хронику. Но что̀ же дѣлать станете? Составитель прежнихъ обозрѣній разнѣжилъ публику своей весенней теплотою, такъ что теперь читатели скорѣе безъ «Свистка» обойдутся, чѣмъ безъ «Обозрѣнія»,—а самъ, тоже вѣрно разнѣжившись, взялъ да и бросилъ писать на лѣтніе мѣсяцы: «лѣтомъ, говоритъ, я не могу... я пойду природой наслаждаться»... Вотъ и принужденъ теперь я бесѣдовать съ читателями въ этой книжкѣ... Ужъ вы не сердитесь, господа: у меня теплоты особенной не найдете, да и время теперь не такое подходитъ...

Говорятъ, весеннія мечты моего предшественника нравились; слѣдовательно, мои *осеннія* не понравятся? Но я хочу, чтобъ онѣ понравились: слѣдовательно, долженъ прежде всего добиться, чтобъ *весеннія* перестали нравиться. Съ этого и начну.

Не подумайте, что я въ самомъ дѣлѣ не люблю весны. Нѣтъ, я все люблю, что̀ хорошо само по себѣ и что̀ меня надуть не можетъ, по крайней мѣрѣ не желаетъ. Но ужъ если меня разъ надули,—извините, я не скоро опять поддамся, да еще и другихъ предостерегу... Весна! Знаю я, какая бываетъ хорошая-то весна, умѣю наизусть проговорить и первый куплетъ «Kennst du das Land?»—даже по-русски знаю стишки, описавшіе страну,—

Гдѣ въ вѣчно-пламенныхъ лучахъ
Весна лобзается съ весною,
Какъ лѣтомъ въ нашихъ небесахъ
Заря сливается съ зарею.

Отъ такой весны и я не прочь: знаю, что за ней будетъ горячее, долгое, предолгое лѣто, потомъ осень, чрезвычайно похожая на весну, только съ плодами,—та же красавица, только вполнѣ созрѣвшая... а тамъ по календарю и будетъ зима, а я ее не увижу [1])... Зима эта будетъ все равно, что моментъ перваго пробужденія любви у созрѣвшей красавицы; а вѣдь извѣстно, какая чудная весна и какъ быстро настаетъ за этимъ моментомъ... И это такъ изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Такую весну я люблю, обожаю, «стремлюсь» къ ней,—хоть бы она была такъ же бурна и сурова, какъ прошлогодняя, хоть бы она дѣйствовала вовсе не благодѣтельно на нервы и здоровье отживающихъ, дряхлыхъ стариковъ... Что жъ, пусть ихъ отживаютъ

---

[1]) Новое признаніе! Пища для полемики противъ «Современника». *Прим. Д.*

[1]) Предчувствіе не обмануло Добролюбова...

и не смущаютъ намъ нашей весны, не заслоняютъ намъ нашего солнца... А я еще не хочу отживать, и буду наслаждаться весною,—но *той* весною, а не нашей, наслаждаться у себя дома, и на улицѣ, и на всякомъ мѣстѣ, а не въ какомъ-нибудь дальнемъ Парголовѣ [1]) или въ иномъ какомъ, не менѣе укромномъ и неудобномъ уголкѣ.

Какъ видите, я «въ принципѣ» согласенъ съ моимъ товарищемъ по «Обозрѣнію»; но въ примѣненіяхъ мы расходимся. Онъ выдумалъ какую-то возможность наслаждаться весною у насъ даже въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. А я беру смѣлость утверждать, что это положительно невозможно. Во-первыхъ,—возьмите краткость, мимолетность, такъ сказать, нашей весны, доходящую поистинѣ до неуловимости...

За весной, красой природы,
Лѣто красное пройдетъ,—
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ.
Людямъ тяжко, людямъ горе,—

да на этомъ и остановимся... Что жъ вы,—поймали весну-то вашу? Вѣдь духъ перевести не успѣли, а она ужъ и прошла, да еще и вмѣстѣ съ лѣтомъ! Да мало этого: если вы сильны въ грамматическомъ разборѣ, то немедленно сообразите, что и весна и лѣто—оба они и явились-то предъ вами лишь въ *придаточномъ* предложеніи, а главное-то вамъ «осень поздняя несетъ».

Ну, скажите же на милость, чѣмъ тутъ восхищаться человѣку хоть мало-мальски положительному и имѣющему хоть самую малую толику практическаго смысла?... «Все-таки, говорятъ, природа во время весны оживляется». Велика важность,—вѣдь и чахоточный оживляется передъ смертью, обыкновенно такой бодрый становится да здоровый, да веселый, а посмотришь—на другой день и умретъ. Такъ и весна наша... Я на этотъ счетъ составилъ даже свою теорію относительно нашей, т.-е. преимущественно петербургской, природы: климатъ у насъ, особенно какъ хватитъ верховой вѣтеръ, съ Ладожскаго, таковъ, что природа наша по необходимости должна, бѣдняжка, быть вѣчно вялою и чахлою, вѣчно хмуриться и плакаться... Ну, и скрипитъ себѣ, закутавшись и съежившись, ничего не производя, никого не радуя,—скрипитъ долго, такъ отъ Ильина дня до Троицы (если пасха поздняя)... Тутъ блеснетъ солнышко, и рѣки раскуются, и вѣтеръ какъ будто помягче... Чахоточная наша начинаетъ пробовать, нельзя ли подышать пополнѣе, нельзя ли на свѣтъ выглянуть... Робко она выглядываетъ, потому что ужъ разъ поплатилась за неосторожность. Нева прошла и теплѣе стало, чахоточная и кинься на небережную въ легкой одеждѣ... А тутъ ее внезапно такой холодище захватилъ,—едва ноги домой дотащила... Умные люди и сказали ей послѣ: «вольно жъ, говорятъ, было выходить,—извѣстно, что послѣ вскрытія рѣки по ней всегда еще ладожскій ледъ идетъ, и холодъ бываетъ пуще прежняго...» Такъ вотъ, выглядываетъ чахоточная, видитъ, — точно, какъ будто легче дышать, и свѣтло все такъ, и ладожскій ледъ давно прошелъ... Выглянетъ... И Господи Боже мой, какая суматоха подымается между родными и знакомыми!..

Весна идетъ! Весна идетъ!
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней,

восклицаетъ одинъ, повидимому наклонный къ сельскимъ удовольствіямъ, забывая, что въ маѣ у насъ хороводъ свѣтлыхъ дней постоянно скрывается въ туманѣ и заносится снѣгомъ.

Весна! Выставляется зимняя рама,—

поетъ другой, съ болѣе городскимъ міросозерцаніемъ. Экая радость какая! Зимнія рамы выставляются... Надолго ли?

Ненадолго! Только что почувствуетъ больная надежду и силу оправиться, зарумянится цвѣтами, запоетъ прилетными птичками, подумаетъ о здоровой пищѣ осенних плодовъ, какъ снова хвать ее какой-нибудь морозецъ... Враждебная стихія сѣвера, чернобогъ нашей миѳологіи, не хочетъ остаться побѣжденнымъ, и такъ какъ онъ въ сущности трусъ,—передъ солнцемъ, напр., тающій и скрывающійся,—то онъ очень чутко и подозрительно сторожитъ тѣ слабыя проявленія силы, какія обнаруживаются въ бѣдной больной... И едва только ему покажется, что она ужъ очень раздышалась, что гулять много стала, ужъ о плодахъ задумала,—онъ ее сейчасъ же морозцемъ и закуетъ, и мракомъ прикроетъ... И слѣдуетъ смерть за этой вспышкой жизни, и не выходитъ ничего больше, какъ два стиха русскаго поэта:

Появилась она расцвѣтая
И въ расцвѣтѣ своемъ умерла...

И начинается холодъ, грязь, мелкій дождь, тихій, какъ будто нерѣшительный, но пробирающій васъ хуже всякой бури. «Людямъ скучно, людямъ горе», цвѣты поблекли, плодовъ нѣтъ, небо заволокло тучами,

И холодъ, чародѣй всесильный,
Во мракѣ властвуетъ вполнѣ...

[1]) Дачное мѣсто подъ Петербургомъ.

Нѣтъ, этимъ чахоточнымъ проявленіемъ жизни вы меня не заставите восхищаться: я знаю, что̀ за нимъ слѣдуетъ обыкновенно... Я знаю, что нашъ климатъ не таковъ, чтобы помочь чахоточному выздоровѣть; я знаю, что чернобогъ славянской зимы сильнѣе всѣхъ вашихъ добрыхъ домовыхъ, русалокъ и другихъ духовъ, вызванныхъ на смотръ безыменнымъ, хотя и даровитымъ моимъ товарищемъ... Да и помилуйте, что̀ тутъ могутъ значить домовые? Хорошее хозяйство утвердить и оградить они могутъ:

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ...

Вотъ и все. А чтобы мнѣ здоровья дать или охоты работать, или чтобы лишнія тучи съ неба скрасть—этого и не спрашивай. Тоже теперь русалки... Конечно, для того, кто спасается

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,—

и русалка соблазнительна, увлечь можетъ такъ, что только борода сѣдая всплыветъ, а мальчишки будутъ трунить надъ ней: «борода, дескать, выросла, а ума не вынесла». Но мы вѣдь не въ глухихъ дубровахъ живемъ, а въ благоустроенномъ государствѣ, въ городѣ, считающемся третьимъ въ Европѣ по своему великолѣпію... такъ что̀ намъ до русалокъ?... Мы ихъ въ балетѣ нерѣдко видимъ, и хоть увлекаемся подчасъ, но дѣла своего изъ-за нихъ не забываемъ.

Я, впрочемъ, это не въ осужденіе собственно нашей весны говорю,—спѣшу оговориться: человѣкъ я трусости непомѣрной, и мнѣ уже представляется, не наговорилъ я слишкомъ много, не впалъ ли въ тонъ свистуновъ, не вооружилъ ли противъ себя нѣкоторыхъ важныхъ особъ, которыя, говорятъ, проживая на дачахъ, не нахвалятся петербургскимъ благорастворенiемъ... Вѣдь какъ разъ—съ одной стороны накинется свирѣпый публицистъ и возопіетъ, что я «отвергаю природу», собственно по маніи уничтожать авторитеты. «Авторитеты, скажетъ онъ, не суть только что-нибудь личное, живое, но существуютъ и въ области отвлеченія, и въ сферѣ мертвыхъ явленій. Это авторитеты *общіе*; а *частные* будутъ уже вытекать изъ нихъ. Примѣръ: частный авторитетъ—Бѣлинскій, общій авторитетъ—критика; частный авторитетъ—г. Лавровъ (это я только къ примѣру говорю), общій авторитетъ — философія; частный авторитетъ — весна и наслажденія особъ, живущихъ на дачахъ около Петербурга, общій авторитетъ—природа. Слѣдовательно, отзываясь скептически о веснѣ, вы дѣлаете не что иное, какъ отвергаете природу!» И если бы я не умеръ отъ подобныхъ обличеній, то развѣ затѣмъ, чтобы сдѣлаться жертвою дачниковъ... Въ Петербургѣ, какъ разсказываютъ, есть любители природы весьма сильные. Когда-то я видѣлъ, напримѣръ, въ «Искрѣ» статейку, названную: «Бюрократъ-идилликъ», *бюрократъ* — видите: вѣдь это значитъ ужъ никакъ не помощникъ столоначальника, а по крайней мѣрѣ самъ столоначальникъ одного изъ департаментовъ, а можетъ быть даже и начальникъ отдѣленія... Такъ этотъ бюрократъ изображенъ былъ въ «Искрѣ» въ соломенной шляпѣ съ листами, съ сѣткою въ рукахъ для ловленія бабочекъ, бѣгущимъ по лугу за однимъ красивымъ мотылькомъ, т.-е. настоящимъ мотылькомъ, безъ всякой метафоры. Тутъ же, кажется, про этого петербургскаго аркадца разсказано, что онъ любитъ природу нашу вотъ до какой степени: одинъ изъ его подчиненныхъ, по настоянію докторовъ, долженъ былъ отправиться за границу для излѣченія трудной болѣзни; отъ идиллика зависѣло выхлопотать ему отпускъ съ сохраненіемъ жалованья; идилликъ пришелъ даже въ яростное негодованіе при одной мысли о томъ, что хотятъ бросить тѣнь на родной климатъ, и отказалъ подчиненному въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, объявилъ, что всѣ эти поѣздки—вздоръ и химеры... Такъ вотъ, если этотъ господинъ... виноватъ: эта особа... здравствуетъ и узнаетъ о моемъ либеральничаньи—что̀ тогда со мною будетъ? Я заранѣе прихожу въ ужасъ и отказываюсь отъ своихъ словъ, прошу васъ считать ихъ—comme nulles et non avenues.

Вы не очень надо мною смѣйтесь — вспомните пословицу: чему посмѣешься, тому и поработаешь. Я самъ прежде смѣялся надъ людской трусостью, да то времена были другія... Мы всѣ, какъ извѣстно, лѣтъ пять тому назадъ воспрянули отъ сна; и я тогда воспрянулъ. Ну, знаете, какъ человѣкъ послѣ хорошаго сна чувствуетъ себя бодрымъ и здоровымъ... Мы всѣ тогда думали, что города можемъ брать, людей и самый климатъ передѣлывать... А ужъ объ говореньи нечего и говорить: я воображалъ, что не заикнувшись могу порицать не только весну петербургскую, но даже мостовыя сѣверной столицы, даже обитателей ея, шагающихъ въ грязи, съ форменными пуговицами и портфельками подъ мышкой... Да чего... я дерзостно заглядывалъ даже въ иныя кареты и думалъ (правильнѣе—мечталъ) подчасъ: «а придетъ время, выведутъ на свѣжую воду и этого барина»... То была моя весна, моя собственная весна; она тоже умерла въ своемъ расцвѣтѣ, и вотъ

почему я теперь такъ грустно смотрю и на весну вообще (т.-е. на петербургскую весну)... Такъ вотъ, во времена моей весны одинъ остроумный фельетонистъ описывалъ дебютанта въ либерализмѣ, показывавшаго себя предъ какимъ-то провинціаломъ. Либералъ восхищался всѣмъ—и Лѣтнимъ садомъ, и Царицынымъ лугомъ, и Фонтанкою, и Щукинымъ дворомъ, и Адмиралтейскимъ бульваромъ, и площадью съ зданіями присутственныхъ мѣстъ; восхищался нашимъ прогрессомъ и ни слова не говорилъ даже противъ взяточничества и откуповъ, хотя въ то время уже начали появляться «Губернскіе Очерки». Но послѣ всѣхъ этихъ восхищеній либералъ, осмотрѣвшись вокругъ себя и наклонясь къ уху своего пріятеля, замѣчалъ, для большей безопасности по-французски: «mais le climat est détestable, mon ami!» И затѣмъ снова боязливо осматривался...

Боже мой, какъ мы тогда смѣялись надъ трусливымъ либераломъ,—и я больше всѣхъ!.. Я былъ тогда неопытенъ и юнъ, полонъ весеннихъ надеждъ и мечтаній. Я тогда и представить себѣ не могъ, чтобы можно было трусить такихъ пустяковъ. А теперь—много ли, кажется, прошло съ тѣхъ поръ времени?—а пришлось мнѣ самому попасть въ положеніе осмѣяннаго мною же либерала... Что̀ прикажете? Погода ли дурная дѣйствуетъ или ужъ у меня характеръ такой,—но трушу... трушу да и только. Отмолчаться, гдѣ можно, я считаю теперь въ нѣкоторомъ родѣ своею священнѣйшею обязанностью.

Слово «обязанность» напоминаетъ мнѣ однако, что я долженъ писать внутреннее обозрѣніе за іюль и августъ. Тяжкая обязанность при моей природной трусости, развитой еще болѣе неблагопріятными обстоятельствами. Дѣлать нечего,—я обозрѣвать буду, но только не ждите отъ меня, чтобы я вамъ сталъ высказывать мои мнѣнія: боюсь! Если вы смѣлѣе меня, то можете, впрочемъ, сами составлять выводы и сужденія изъ того, что̀ я вамъ разскажу.

Разсказывать я вамъ начну все-таки о томъ же,—что теперь у насъ осень. У васъ, гдѣ-нибудь въ Полтавской или Харьковской губерніи, можетъ быть, еще и нѣтъ ея; да мнѣ-то какое до того дѣло? Я пишу въ Петербургѣ, знаю себѣ только Петербургъ и убѣжденъ, что во всей Россіи погода должна соображаться съ петербургскою. Вамъ это можетъ показаться страннымъ, но я тутъ не вижу ничего, что̀ выходило бы изъ нормальнаго порядка вещей. Да если бы и выходило—и это можно! Для Петербурга и законы природы должна нарушать провинція, только чтобы быть съ нимъ въ гармоніи. И нарушаетъ! Поѣзжайте, напр., во Владиміръ на Клязьмѣ; вы знаете, что природа распорядилась поставить его подъ другимъ меридіаномъ, чѣмъ Петербургъ; оттого время тамъ не согласно съ часами Главнаго Штаба. Что жъ вы думаете—это ужъ такое дѣло, что съ нимъ и не справиться? Ничего не бывало: во Владимірѣ безъ всякихъ церемоній принялись считать по-петербургски, и дѣло съ концомъ. Объявлено, напр., что поѣздъ желѣзной дороги идетъ изъ Владиміра въ Москву въ два часа пополудни, вы пріѣзжаете на станцію безъ четверти въ два, а васъ увѣряютъ, что всего-то еще часъ пополудни, и заставляютъ цѣлый часъ дожидаться. Если же вы выразите неудовольствіе на такое, по вашему мнѣнію, извращеніе законовъ природы,—вамъ откровенно замѣтятъ, что это счетъ петербургскій, и что если ужъ въ Петербургѣ не гнушаются такъ время считать, то Владиміръ—не велика птица, чтобы пренебрегать такимъ счетомъ... «Вонъ Москва, прибавятъ,—не намъ чета, а и то по-петербургски свои часы ставитъ»... И вы должны удовлетвориться, находя новое подтвержденіе стиховъ поэта —

Что передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва...

Потому я и полагаю, что петербургская скверная погода и осеннія расположенія должны отражаться и на всей Россіи. Можетъ быть, отраженіе это произойдетъ не съ такой быстротою, какъ бы желательно было, но это только благодаря недостатку у насъ усовершенствованныхъ путей сообщенія... Россія наша велика и обширна; поэтъ совершенно правъ, сказавши:

Изъ конца ея въ конецъ
Не доскачетъ твой гонецъ
И въ три года съ половиной!

Еще бы доскакать по нашимъ дорогамъ, да еще какъ на станціяхъ будутъ задерживать!..

Но все-таки изъ Петербурга гонецъ доскакиваетъ во всѣ концы скорѣе, чѣмъ изъ другихъ пунктовъ Россіи. Напримѣръ, отъ Петербурга до Одессы считается по послѣднему изданію почтоваго Дорожника, 1705 верстъ, а отъ Москвы—1362, и несмотря на то, петербургская почта приходитъ въ Одессу цѣлыми сутками скорѣе, чѣмъ московская. Явное преимущество на сторонѣ сѣверной столицы...

А все-таки поздненько приходитъ почта даже и изъ Петербурга. Напримѣръ, 20-го іюля въ Одессѣ еще не было получено ни одного изъ іюньскихъ журналовъ петербургскихъ, да мало того—до Харькова, и то они не успѣли доскакать раньше 22-го.

Ну, да журналамъ еще простительно: они нынче съ тяжелой почтой ѣздятъ, а то газеты и письма—и тѣ приходятъ на одиннадцатый день, да еще съ оговоркою: если дороги исправны. А то бываетъ и такъ: я, напримѣръ, прихожу въ почтовый день на почту, спрашиваю,—нѣтъ ли мнѣ письма poste restante; мнѣ отвѣчаютъ: «не знаемъ еще». Отчего же не знаете? развѣ почта петербургская не пришла?—«Нѣтъ, пришла, да одного чемодана еще отыскать не могутъ»... Какъ не могутъ? — На меня смотрятъ съ удивленіемъ при этомъ вопросѣ и, наконецъ, отвѣчаютъ нехотя: «да вонъ дороги-то какія»... Я догадываюсь, что почту гдѣ-нибудь опрокинуло, и чемоданъ, въ которомъ хранится мое письмо, лежитъ гдѣ-нибудь въ канавѣ... Дѣлать нечего, успокаиваюсь и жду. Черезъ день чемоданъ оказывается отысканнымъ, и я получаю мое письмо.

Но иногда въ провинціяхъ, даже самыхъ отдаленныхъ отъ Петербурга, появляется петербургская новость одновременно, даже пожалуй раньше, чѣмъ въ самой столицѣ, просто по сочувствію и предчувствію. Такова, напримѣръ, и осень, которой, кажется, суждено составить единственный предметъ моего обозрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго пріѣзда въ Россію я встрѣтился съ осенью, хоть это и было еще въ концѣ іюня.

Возвращался я изъ тѣхъ странъ, гдѣ можно, не компрометтируя себя, наслаждаться весною, настоящею весною, гдѣ круглый годъ живутъ не взаперти, а на волѣ, —

Гдѣ воздухъ чище, солнце ярче,
Лазурь небесная свѣтлѣе,
Страстнѣе рѣчь, объятья жарче
И злоба глубже и вѣрнѣе.

Подъѣзжалъ я къ Одессѣ и думалъ: вотъ, хорошо, что не прямо въ Петербургъ попадаю я, все-таки переходъ будетъ не такъ рѣзокъ: я здѣсь еще встрѣчу лѣто... Подъѣхалъ: Господи Боже мой! Какое лѣто! Дождь ливмя, слякоть непомѣрная... Солнце, правда, горячо, да и отъ него скоро мы скрылись, ибо должны были по доброму часу провести въ таможнѣ...

«Вотъ тебѣ и переходъ», думалъ я, выходя изъ таможни и садясь на дрожки, едва виднѣвшіяся изъ-подъ грязи. И съ горя заговорилъ съ извозчикомъ; узнавъ, что онъ крѣпостной, я спросилъ:

— Что же, у васъ по крестьянству съ помѣщиками все хорошо?

— Все хорошо.

— А тутъ по сосѣдству, я слышалъ, какія-то были непріятности?

— Нѣтъ, кажись ничего... Вотъ на Ланжероновой дачѣ земля обвалилась, такъ это развѣ?—И онъ сдѣлалъ мнѣ описаніе обвала—такое толковое и ясное, что я получилъ о немъ совершенно отчетливое представленіе, которое нѣсколько затемнилось только тогда, когда я увидалъ рисунокъ обвала въ «Иллюстраціи».

Дорогою, вспомнивъ, что у меня русскихъ денегъ нѣтъ, мѣняю я французскій золотой: жидъ даетъ мнѣ за него 5 р. 50 к. Пріѣхавъ, даю рублевый билетикъ извозчику,—онъ мнѣ сдаетъ какими-то бумажками. Бумажка потерта и разорвана, вставлена въ рамки, какъ у насъ обыкновенно дѣлаютъ съ ветхими кредитными билетами; на ней можно разобрать: 10 копѣекъ, valable pour dix copecs, и четкую подпись: Абаза. «Что это такое?»—Чарочные, отвѣчаетъ извозчикъ.—Что за диковина!... Обращаюсь къ служителю гостиницы, тотъ подтверждаетъ, что эту сдачу можно брать безъ опасенія, что *абазовскія* деньги ходятъ отлично и что за нихъ даже промѣнъ платится.—«Какъ промѣнъ?»—Да-съ, теперь за серебро промѣну платится у насъ семь и восемь копѣекъ, а ежели хотите абазовскихъ получить, такъ четыре или пять заплатите... А ходятъ одинаково... Вотъ алексѣевскихъ не берите-съ: онѣ только у него въ гостиницѣ и берутся, а ходу настоящаго не имѣютъ.

Хорошо, думалъ я, это значитъ—опять безденежье. Вотъ тутъ, видно, Петербургъ безсиленъ: не шлетъ денегъ въ провинціи, хотя и необыкновенно богатъ самъ, какъ возвѣщалъ М. П. Погодинъ. А, впрочемъ, скорѣе надо полагать, что денегъ-то и вообще у насъ не очень много. Но по крайней мѣрѣ все же хоть для размѣна есть что-нибудь; а за Петербургомъ и въ этомъ недостатокъ. Я при проѣздѣ отъ Одессы до Петербурга *обозрѣлъ* и даже прочувствовалъ этотъ недостатокъ, и потому, пожалуй, распространюсь о немъ.

Въ Петербургѣ еще, кажется, въ маѣ мѣсяцѣ состоялся указъ о выпускѣ 6.000,000 размѣнной серебряной монеты, 72-й пробы, и 3.000,000 мѣдной, 32-хъ рублеваго въ пудѣ достоинства. Въ Петербургѣ, вслѣдствіе того, прежняя мука съ размѣномъ денегъ почти прекратилась. Но не далеко вышли новыя денежки за предѣлы Петербурга: до Москвы еще доѣхали, а до Казани ужъ никакъ... Даже во Владимірѣ ужъ начинается недостача мелкой монеты, а за Владиміромъ—на свои кредитные билеты—

Всякъ надежду кинь.

Спросите себѣ что-нибудь на станціи, хоть копѣекъ на 40, и дайте рубль: «по-

мельче нѣтъ ли-съ?»—стереотипный запросъ. Говорите, что нѣтъ, вамъ объясняютъ, что надо мѣнять посылать и, заставивъ васъ прождать минутъ десять, приносятъ вамъ 55 копѣекъ. Вы замѣчаете, что недостаетъ 5 коп., и узнаете, что это—*за промѣнъ*. «Да какой же промѣнъ?», возражаете вы.—Да что же намъ-то дѣлать,—получаете въ отвѣтъ:—мы сами платимъ.—И этимъ вы должны удовлетвориться.

Впрочемъ, вѣроятно, есть не мало господъ, которые не такъ легко удовлетворяются: нерѣдко вы встрѣчаете продавцовъ, которые предварительно спрашиваютъ васъ: есть ли мелочь?—а иначе не хотятъ отпускать товара. Имъ видно приходилось иной разъ жутко отъ покупателей, не хотѣвшихъ ни подъ какимъ видомъ платить промѣна.

По многимъ извѣстіямъ, безденежье особенно сильно чувствуется, и уже нѣсколько лѣтъ, въ западномъ краѣ. Но хорошо положеніе дѣлъ и въ южномъ: въ Полтавѣ, во время ярмарки, платили 12 копѣекъ промѣну на рубль; въ Харьковѣ платили 10 коп. Въ маленькихъ городахъ не знаешь, что̀ и дѣлать съ своими рублями. Я ѣхалъ на перекладныхъ отъ Николаева; на первыхъ станціяхъ принужденъ былъ отдать всю мелочь, какая была, на слѣдующихъ—рублевыя бумажки; съ этими еще кое-какъ ладилось, потому что платить все приходилось 85 да 90, такъ сдачи немного было нужно. Но вотъ станція, гдѣ я позавтракалъ,— за прогоны и завтракъ надо заплатить 1 р. 45 к., а у меня только трехъ-рублевый билетикъ. Станціонный смотритель рѣшительно отказывается дать сдачу и предлагаетъ подождать, пока подъѣдутъ другіе проѣзжіе. Я говорю, что запишу въ книгу: «промедлено столько-то, по неимѣнію у смотрителя сдачи на 3 рубля». Запишите, говоритъ:—что̀ же мнѣ дѣлать, когда нѣтъ?.. Къ счастью моему, дѣйствительно скоро подъѣхалъ новый проѣзжающій, и я получилъ сдачу. Такіе случаи повторялись со мною три или четыре раза... Тутъ-то я узналъ, какъ несправедливъ родъ людской; я ѣхалъ до Харькова отъ Николаева, по *собственной* надобности, съ подорожною на *пару* (ибо на бо̀льшее количество коней не имѣю права), ѣхалъ во время Полтавской ярмарки, и *ни разу* не былъ задержанъ неимѣніемъ лошадей, и только *два раза* имѣлъ непріятныя объясненія съ станціонными писарями. Одинъ высчиталъ мнѣ прогоны за три лошади; я сказалъ, что онъ ошибся, что слѣдуетъ меньше; онъ тотчасъ согласился, но прибавилъ, въ видѣ оправданія: «ужъ надо бы за троечку заплатить-съ». — Это отчего же?—«Да гонъ больно великъ-съ». Я сказалъ, что такой резонъ для меня неудовлетворителенъ, и писарь оставилъ меня въ покоѣ. На другой станціи писарь записалъ мнѣ три лошади. «Отчего же три? Я ѣду на парѣ».—Вы и платите за пару.—«Зачѣмъ же въ книгѣ стоитъ три?»—А это потому, что вамъ третью припрягутъ-съ: тутъ дорога плоха.—Я было успокоился и вступилъ въ разговоръ съ сидѣвшимъ тутъ же мѣстнымъ священникомъ. Но когда подали лошадей, я увидалъ, что запряжена пара. Я вернулся. «Гдѣ же третья лошадь?»—Да ужъ не запрягли, проговорилъ нехотя писарь. — «Ну, такъ поправьте же въ книгѣ».—Поправимъ-съ.—«Да ужъ вы пожалуйста сейчасъ же»,—и я раскрылъ книгу, скромно уложенную на окнѣ. Дѣлать нечего, писарь началъ выправлять счетъ. «Вотъ, батюшка, что вашъ сынъ-то духовный дѣлаетъ», обратился я къ священнику.—«Я въ эти дѣла не вмѣшиваюсь, мое дѣло сторона», съ какимъ-то испугомъ возразилъ священникъ... Я поспѣшилъ его успокоить на счетъ моей безвредности...

Вотъ и все. А то ѣзда по всему тракту была безъ задержекъ лошадьми. Зато деньги задерживали сильно... Кое-какъ доѣхалъ я до города Александріи; было часа два. У меня не осталось уже ничего мельче 25-рублевой бумажки. Смотритель, конечно, пришелъ въ ужасъ и послалъ меня въ казначейство. Я обрадовался и побѣжалъ. Прихожу—встрѣчаю дряхлаго солдата, спрашиваю, гдѣ чиновники?—Всѣ разошлись.—А присяжный? — «И присяжнаго нѣтъ».—Куда жъ онъ дѣвался?—«А кто жъ его знаетъ?»—А дежурный чиновникъ?—«Обѣдать пошелъ. Да вамъ что̀?»—Деньги размѣнять нужно.—«Ну, не размѣняете: деньги всѣ отослали сегодня».—Куда отослали?—«А кто жъ ихъ знаетъ?» Такъ съ тѣмъ я и остался. Ворочаюсь на станцію, разсказываю: что̀ же дѣлать?—«Подите въ гостиницу, напротивъ, — хорошій промѣнъ дадите трактирщику, такъ, *можетъ*, и размѣняютъ».—Пошелъ я въ трактиръ, спросилъ себѣ чего-то, хоть и ѣсть вовсе не хотѣлось, и завелъ рѣчь о деньгахъ. Трактирщикъ не мѣняетъ ни за какія благополучія,—видно въ самомъ дѣлѣ мелочи не имѣетъ.—Да какъ же вы не запасаетесь мелочью для сдачи?—«А гдѣ бы ее взять-то?»—А казначейство—небось далеко?—«То-то что далеко. Поди-ко туда, такъ онъ тебя такъ поворотитъ, что забудешь въ другой разъ придти. Намеднись на рубль мѣди получить—такъ и то часа два дожидался, да еще чуть по шеямъ не досталось...» Кто былъ таинственный *онъ*,—я не разспрашивалъ: можетъ быть дряхлый сол-

датъ, котораго я видѣлъ, а можетъ—и домовой какой-нибудь, обитающій въ зданіи александрійскаго уѣзднаго казначейства... Я бы, конечно, изслѣдовалъ этотъ вопросъ, но меня занимала тогда другая дума, болѣе практическая: гдѣ же достать мелочи? Послали было меня къ какому-то фабриканту, у котораго предполагались деньги; но я не умѣлъ найти и входа къ нему: ставни были заперты, на дворѣ рычали собаки, я сообразилъ, что почтенный человѣкъ уже почиваетъ послѣ обѣда, и безпокоить его безполезно... Вы не претендуйте на подробность моего разсказа; сообразите, что дѣло было вовсе не шуточное,—я долженъ былъ оставаться по крайней мѣрѣ на сутки въ Александріи, чтобы дождаться завтрашняго присутствія въ казначействѣ и умолить свирѣпаго *его* размѣнять мнѣ 25 цѣлковыхъ, четверть той суммы, которой немедленный размѣнъ *въ одни руки* обязателенъ для него по самой надписи на кредитныхъ билетахъ... Но перспектива цѣлыхъ сутокъ въ городишкѣ была плачевна; я уже посматривалъ, нѣтъ ли гдѣ магазина или просто лавки, гдѣ бы можно купить чего-нибудь въ-три-дорога, рубля на 4—5, чтобы получить вожделѣнную сдачу. Нѣтъ ничего!—Вдругъ вижу вывѣску: *акцизная контора*. Дай, думаю, попытаюсь, зайду въ акцизную контору. Вхожу; мнѣ на встрѣчу выходитъ почтенный господинъ, которому я и объясняю свою надобность. «Съ большимъ бы, говоритъ, удовольствіемъ...» Я такъ и похолодѣлъ, услышавъ это начало... И конецъ точно не обманулъ меня: «но вы пришли немножко поздно; я вотъ только-что сегодня внесъ въ казначейство 2000 рублей, и все мелочью». При этомъ на лицѣ моемъ выразилось, должно быть, что-то до того плачевное, что въ глазахъ самого почтеннаго господина показался нѣкотораго рода испугъ, и онъ поспѣшно спросилъ: «а вамъ сколько нужно?»—Ахъ, 25 рублей, выговорилъ я съ надеждой и рыданьемъ въ голосѣ:—я, кажется, сказалъ вамъ... «Посмотрю, не сыщется ли у меня», проговорилъ господинъ, и вышелъ. И вѣдь что бы вы думали?—размѣнялъ, размѣнялъ, не взявши даже ни копѣйки за промѣнъ! Я до сихъ поръ не могу объ этомъ вспомнить безъ восторга... И какъ же за то благодарилъ-то я моего спасителя! Хотѣлъ даже дать обѣщаніе—никогда послѣ этого не говорить ничего противъ откупа, да разсудилъ, что это безполезно,—вѣдь онъ самъ собою уничтожается, въ скоромъ времени. Потому я ограничился только тѣмъ, что добѣжалъ въ припрыжку до станціи и принялся торопить запряганье лошадей, какъ будто думая наверстать три или четыре часа, потерянные на станціи изъ-за этой 25-рублевой бумажки...

Изъ чувства человѣколюбія взываю ко всѣмъ моимъ соотечественникамъ, которые принуждены будутъ ѣхать на перекладныхъ по одному изъ россійскихъ трактовъ: запаситесь мелкою монетою по разсчету на все протяженіе вашего пути! Потеряйте 10%, 12%, даже 15%, не пугайтесь громадности пожертвованія, не надѣйтесь, что вамъ авось какъ-нибудь сойдетъ съ рукъ ваша лѣнь и безпечность, а отчасти и боязнь напрасной потери 15 копѣекъ на рубль... Вѣрьте, что иначе постигнутъ васъ въ пути столь великія затрудненія и будутъ повторяться столь часто (приблизительно черезъ каждыя 20 верстъ), что вы рады будете бросить не только вышепоименованные проценты, но и самый капиталъ, и рѣшительно станете оставлять ваши кредитные билеты, не пытаясь уже ожидать на нихъ сдачи.

И отчего, подумаешь, такой недостатокъ въ деньгахъ? Куда онѣ дѣвались? Отвѣтъ простой: ушли за границу, а тѣ, которыя не успѣли убѣжать туда, спрятаны въ онучкахъ, въ подпечкахъ, въ землѣ, въ ладанкахъ—у нашего простонародья... Первое не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію: сдѣланъ былъ даже разсчетъ, что если въ годъ поѣдетъ русскихъ всего только 100 тысячъ (цифра весьма умѣренная, — 275 на каждый день, — не больше), то уже одни золотые, выдававшіеся имъ до сихъ поръ на паспорты (по 60), составятъ—30 милліоновъ рублей сер. Но, разумѣется, каждый путешественникъ этимъ не ограничивается; мы будемъ очень умѣренны, если скажемъ, что каждый путешественникъ издержитъ на поѣздку, среднимъ счетомъ, впятеро болѣе взятой нами нормы. Итого, значитъ, 150 милліоновъ изъяты изъ обращенія, отняты у національной торговли, сдѣлались достояніемъ чуждымъ. Ужасно!.. Просто бы, кажется, запретилъ этимъ господамъ ѣздить за границу, транжирить родныя денежки! Право бы запретилъ, если бы отъ меня зависѣло... [1]).

Да вѣдь еще оправдываются. Одинъ господинъ мнѣ недавно расписывалъ. Говоритъ: «пословица идетъ: не въ деньгахъ счастье, а политико-экономы говорятъ: не въ деньгахъ богатство. Велика вамъ прибыль будетъ, ежели я здѣсь-то останусь, а у васъ ничего нѣтъ для моего продовольствія... Много ли я трачу здѣсь на отечественныя-то произведенія? Бѣлье на мнѣ—

[1]) Ясно, что это насмѣшка надъ такимъ объясненіемъ ухода монетъ за границу.

полотно изъ-за границы, а работали его во французскомъ магазинѣ, котораго хозяинъ во Франціи землю купить собирается. Платье — сукно и матерія изъ-за границы, а портной мой давно ужъ себѣ въ Берлинѣ домъ выстроилъ... Сапоги, правда, изъ русской кожи, да вѣдь зато я и въ Германіи требовалъ непремѣнно русской кожи на сапоги, и еще платилъ за нее въ три-дорога; стало быть, что̀ имѣетъ свое достоинство, такъ и не пропадаетъ... А что касается до моего сапожника, это, опять французъ, давно поговаривающій о возвращеніи въ Парижъ. Даже парикмахеръ, который меня стрижетъ и бреетъ, и тотъ повезетъ наши денежки къ себѣ—въ Безансонъ. Теперь возьмите содержаніе: пью ли я чай или кофе, ѣмъ устрицы или омаровъ, ставлю на столъ вино — вѣдь это все не наше, вѣдь деньги за бо̀льшую часть моего обѣда, все-таки, идутъ за границу. Войдите въ мою квартиру: эти обои изъ-за границы привезены, мебель обита заграничной матеріей, этотъ рояль, ноты, газеты, лампы, эти бездѣлушки на моемъ столѣ—все вѣдь заграничное. Мы выходимъ, я сажусь въ коляску, которая опять-таки не въ Россіи сдѣлана. Мы отправляемся въ театръ, но не пойду же я въ Александринскій... Иду я въ Михайловскій или въ Большой, а кому же я плачу деньги? Французамъ и итальянцамъ. А взгляните на этихъ дамъ въ ложахъ бель-этажа: отыщите на нихъ хоть ниточку, которая не была бы оплачена за границей. Шелкъ, бархатъ, кружева, бриллианты, вѣера, бинокли — откуда все это? Вычтите же теперь всю сумму нашихъ заграничныхъ расходовъ, много ли останется для отечества? Хлѣбъ и говядина, которыя я съѣдаю, да плата прислугѣ за мою квартиру, — вѣдь только. И всего-то немного выйдетъ, — да еще я замѣчу, что если я, живя за границей, не плачу въ Россіи за хлѣбъ и говядину, такъ вѣдь *зато* я и не ѣмъ ихъ, стало быть, у васъ сберегается продуктъ, и если онъ вамъ лишній, такъ кто жъ мѣшаетъ сбыть его за границу? О прислугѣ скажу, что мое отсутствіе еще полезно въ томъ смыслѣ, что заставитъ, пожалуй, человѣка, оставшагося безъ мѣста, взяться за какой-нибудь производительный трудъ, вмѣсто того, чтобы добывать пропитаніе угожденіемъ моимъ капризамъ. Квартира точно— статья прямая, но касающаяся больше знаменитаго г. Сорокина [1]), нежели моего любезнаго отечества... Ну, а г. Сорокинъ и безъ того богатъ; о немъ много сокрушаться не стоитъ.

«Вы мнѣ скажете, продолжаетъ господчикъ, что здѣсь я, по крайней мѣрѣ, пріобрѣтаю всѣ заграничные товары уже оплаченные пошлиной, и этимъ доставляю доходъ государству. Прекрасно, но вѣдь я *зато* и покупаю эти товары ужъ не по той цѣнѣ, какъ за границей. Пошлина съ товара выплачена не купцомъ, а мною же, потребителемъ, да еще и фрахтъ, и процентъ за коммиссію, и барышъ всѣхъ торгашей, черезъ чьи руки прошелъ товаръ... Значитъ, съ *одной стороны* мы обогащаемся, беремъ пошлину, а съ другой разоряемся,—выплачиваемъ ее всю, да еще съ значительными прибавками. Гдѣ же выгода, какая тутъ выгода,—спрашиваю я васъ... И на какихъ основаніяхъ осмѣливаетесь вы утверждать, что мы увозимъ изъ Россіи полтораста милліоновъ денегъ, которые безъ того, видите, не вышли бы за предѣлы любезнаго отечества?»

Само собою разумѣется, что я не сталъ спорить съ господчикомъ, а отослалъ его къ прекраснымъ статьямъ Московскаго Купца и г. Козлова (въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ») объ «экономической жизни Россіи», гдѣ *великая финансовая пагубность* поѣздокъ русскихъ за границу признается за аксіому. Не знаю, угомонится ли онъ, когда увидитъ мнѣнія авторитетовъ... (ибо хотя г. Козловъ съ «Московскимъ Купцомъ» еще не большіе авторитеты, но за ними стоятъ и другіе, гораздо важнѣйшіе).

Вотъ, относительно второго случая, то-есть, скрыванія денегъ въ ладанкахъ, нечего даже и противорѣчій опасаться. Дѣло ясное. И разсчетъ тоже сдѣланъ примѣрный. Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» г. Викторъ Бочаровъ разсказываетъ вотъ какое открытіе, сдѣлавъ которое онъ даже воскликнулъ, подобно Архимеду: нашелъ! «Вотъ куда дѣвается *звонкая монета*!» и подъ этимъ заглавіемъ напечаталъ слѣдующую статейку:

«На-дняхъ случай привелъ меня сойтись на рынкѣ съ знакомымъ мужичкомъ у одного изъ мѣнялъ, которые производятъ здѣсь свои обороты подъ открытымъ небомъ, при ящикѣ на столѣ, представляющемъ размѣнную кассу. Мужичокъ просилъ дать ему два полуимперіала на кредитные билеты, и когда мѣняла объявилъ, что за каждый полуимперіалъ слѣдуетъ заплатить 5 р. 65 к., то знакомецъ мой, не торгуясь и безусловно, началъ доставать изъ узелковъ бумажныя деньги. Замѣчено, что крестьяне Ростовскаго уѣзда казенныхъ селеній и прежде того довольно часто вымѣнивали здѣсь золото на кредитные билеты; но какъ не было поводовъ къ изслѣдованію причинъ такого размѣна, то фактъ и оставался безъ вниманія. Нынѣ же, при

[1]) Крупный петербургскій домовладѣлецъ.

обнаружившемся недостаткѣ и исчезновеніи звонкой монеты, такое желаніе мужичка, пріобрѣсть два полуимперіала, заинтересовало бы каждаго. Чтобы узнать тому причину, я выждалъ окончанія размѣна и завелъ съ нимъ разговоръ. Считая излишнимъ передать этотъ разговоръ въ подробности, скажу только, что мой знакомый — государственный крестьянинъ, житель Ростовскаго уѣзда, селенія Батайска. У мужичка было 200 полуимперіаловъ, накопленныхъ имъ отъ продажи сельско-хозяйственныхъ произведеній. Изъ 200 полуимперіаловъ, 13 выпросила у него жена, для отдачи въ пособіе на новое хозяйство своему зятю, а такъ какъ онъ имѣлъ мало надежды, чтобы эти деньги были скоро возвращены, то и старался пополнить прежнее число полуимперіаловъ.

«Кромѣ мужичка, размѣнявшаго бумажныя деньги, я знаю и другихъ, гораздо богаче, которые прибѣгали къ подобному же размѣну. Слѣдовательно, если хозяинъ посредственнаго состоянія имѣетъ 200 полуимперіаловъ, то люди, болѣе достаточные, должны имѣть несравненно болѣе значительную сумму въ звонкой монетѣ. Это обстоятельство невольно наводитъ на мысль: какъ великъ можетъ быть общій капиталъ, отнятый такимъ образомъ у нашей торговли и хранящійся теперь у земледѣльцевъ, безъ всякаго обращенія? Что каждый селянинъ нашего уѣзда могъ скопить себѣ порядочную сумму—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: это доказывается тѣмъ, что послѣ войны всѣ сельскія произведенія вздорожали болѣе, чѣмъ вдвое, и держатся до сихъ поръ въ такихъ размѣрахъ, начиная отъ хлѣбныхъ продуктовъ до самыхъ ничтожныхъ произведеній сельскаго хозяйства. При томъ же близость селеній отъ города доставляетъ большое удобство къ сбыту по высокой цѣнѣ всѣхъ вообще произведеній, безъ излишней траты времени и денегъ на провозъ. Бытъ же государственныхъ крестьянъ, или, такъ сказать, образъ ихъ жизни остается тотъ же, что̀ и за двадцать лѣтъ предъ этимъ: селянинъ нашего уѣзда, кромѣ плуга и бороны, другой промышленности не знаетъ; на немъ такого же сукна сѣрая свита, такого же холста рубаха; его жена и дѣти одѣты такъ же, какъ и прежде; о пищѣ нечего и говорить. Конечно, и тутъ бываетъ не безъ исключеній, но они весьма рѣдки и проявляются только среди тѣхъ людей, которые имѣютъ болѣе сношеній съ городскими жителями.

«Для опредѣленія цифры мертваго капитала, состоящаго безъ обращенія, въ рукахъ государственныхъ крестьянъ, возьмемъ одинъ Ростовскій уѣздъ и положимъ *на каждую земледѣльческую семью не 200, а только по 40 полуимперіаловъ*. Къ Ростовскому уѣзду принадлежатъ 10 казенныхъ селеній: всѣ они расположены почти въ окрестностяхъ города. Названія селеній слѣдующія: Батайскъ, Кайсугъ, Кулишовка, Когальникъ, Круглая, Новобатайскъ, Екатериновка, Александровка, Елисаветовка, Ейское и нѣсколько хуторовъ. Къ нимъ можно причислить еще лежащія также близъ города армянскія селенія: Чалтырь, Кошкины, Нецвѣтай, Салы и Крымъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ, во всѣхъ этихъ селеніяхъ и хуторахъ числится 28.000 семействъ. Полагая, какъ сказано выше, по 40 полуимперіаловъ на семью, мы увидимъ, что у нашихъ поселянъ хранится мертваго капитала — 1.120.000 полуимперіаловъ, или 5.768,000 руб. сер.» «*Викт. Бочарова*».

Какое необыкновенное открытіе! Въ одномъ Ростовскомъ уѣздѣ, у казенныхъ землевладѣльцевъ, почти 6 милліоновъ спрятанной золотой монеты!.. Отчего они прячутъ? По характеру всѣ—Плюшкины? Или были особыя на то причины? Не знаемъ; г. Бочаровъ не объясняетъ, и повидимому особыхъ причинъ никакихъ нѣтъ. А вѣдь это значитъ, что и всѣ земледѣльцы, по всей Россіи прячутъ... Да, разумѣется, сомнѣнья нѣтъ; намъ самимъ не разъ случалось слышать, какъ утверждали это весьма солидные люди. Сдѣлаемъ же теперь маленькій разсчетъ — на всю Россію. Въ Россіи, примѣрно, 15.000.000 крестьянскихъ семействъ; въ каждомъ изъ нихъ накоплено, положимъ, хоть по 20 золотыхъ... Мы сокращаемъ на половину счетъ г. Бочарова, потому что есть, конечно, много уѣздовъ бѣднѣе Ростовскаго, хотя есть, разумѣется, и богаче, да при томъ г. Бочаровъ и самъ полагалъ minimum, считая количество накопленнаго золота въ 40 полуимперіаловъ. Такъ положимъ по 20. Помножимъ 20 на 15 милліоновъ; выходитъ — 300 милліоновъ золотыхъ, то-есть, слишкомъ полтора милліарда рублей!.. Вотъ оно какъ! Это ужъ милліарды, не въ туманѣ [1]), а такъ-таки прямо въ землѣ, или въ ладанкѣ. Очевидное дѣло, что у насъ

Мужики живутъ все богатые,
Гребутъ золото лопатами.

При скаредничествѣ мужиковъ нисколько неудивительно, если торговля наша не процвѣтаетъ. О нашей внутренней торговлѣ положительныхъ свѣдѣній добиться трудно; но что вездѣ возросла дороговизна и все-таки купцы жалуются на плохую торго-

[1]) «Милліардъ въ туманѣ» — заглавіе статьи Кокорева.

влю— это вѣрно. За неимѣніемъ постоянныхъ свѣдѣній, обратите вниманіе хоть на ярмарки: въ іюнѣ и іюлѣ ихъ было много въ разныхъ мѣстахъ. Загляните въ газеты: вездѣ жалобы на упадокъ торговли. Я такъ къ этому привыкъ, что чуть встрѣчаю извѣстіе о какой-нибудь ярмаркѣ, такъ ужъ не читая и знаю, что она шла тихо, народу съѣхалось мало и т. п. Хотите примѣровъ?

Онуфріевская ярмарка въ Кіевѣ, 18 іюня. «Эта ярмарка годъ отъ году постоянно падаетъ и вѣроятно въ скорости осуществятся предсказанія, что въ это время ярмарка въ Кіевѣ существовать не можетъ. Пріѣзжихъ купцовъ совершенно не видать... Заводскихъ лошадей въ этомъ году совершенно нѣтъ, рогатаго скота не видать, шерсти въ привозѣ весьма мало, и за нее требуютъ баснословныя цѣны» («Кіевскій Телеграфъ»).

Коренная ярмарка, по извѣстіямъ «Акціонера», шла тихо... Мануфактурные товары сбывались плохо («Моск. Вѣд.», № 166).

Во Владимірской губерніи, въ іюнѣ мѣсяцѣ было три ярмарки: Всесвятская, Шуйско-смоленская и Тихвинская. По извѣстіямъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», «*Всесвятская* была незначительна»; *Шуйско-смоленская*, «шла такъ тихо, какъ будто и не было ярмарки»,—*Тихвинская* же «въ настоящемъ году была тиха и не оправдала своего значенія; многіе фабриканты и торговцы обманулись въ ея ожиданіи; привозъ былъ малъ, торговали тихо».

«Ярославскія Губернскія Вѣдомости» извѣщаютъ изъ *Мурома,* что «тамошняя ярмарка, кончившаяся 2-го іюля, была неутѣшительна для торговцевъ: мануфактурныхъ и заводскихъ издѣлій привезено было довольно, а продано мало; сельскихъ произведеній доставлено было менѣе прежнихъ лѣтъ» («Моск. Вѣд.» № 165).

О *Нижегородской* ярмаркѣ писали отъ 7-го августа: «въ начальномъ движеніи ярмарочной торговли бываетъ на первомъ планѣ оптовая продажа чаю и желѣза; но эти капитальные артикулы покуда лежатъ молчаливо въ стопахъ и ярусахъ на своихъ пристаняхъ... Желѣзная торговля въ нынѣшней ярмаркѣ не имѣетъ уже прежняго хода и должна окончиться неудачей для заводчиковъ... Мануфактуристы и сахарные заводчики сдѣлали удачное начало... Сырые продукты не пользуются такимъ начальнымъ успѣхомъ, исключая пшеницы и ржаной муки. Вообще всѣ такіе товары въ заминкѣ... Въ пушномъ товарѣ тоже пока незамѣтно движенія» («Акціон.» № 31). Впослѣдствіи писали, что *кажется, какъ-будто* торговля начинаетъ оживляться; но въ результатѣ, конечно, и тутъ будетъ, что ярмарка шла *тихо...*

Вообще, не перебирая всѣхъ ярмарокъ, скажу, что, кромѣ *Сборной Симбирской,* обо всѣхъ другихъ я постоянно встрѣчалъ отзывы: тихо, слабо, неутѣшительно... Конечно, на каждую ярмарку имѣли вліяніе особыя мѣстныя причины; но надо согласиться, что эти мѣстныя причины удивительно сходятся для произведенія одного и того же общаго результата...

Любопытно замѣтить также и то, что *кредитъ*, служащій обыкновенно такимъ подспорьемъ торговлѣ, у насъ все больше и больше обнаруживаетъ самыя чудовищныя и безтолковыя явленія. Кому кредитовать, какъ кредитовать и на какихъ условіяхъ— это, кажется, знали прежде кое-какъ, но только не совсѣмъ на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ устроенъ credit mobilier во Франціи, и не по тѣмъ мудрымъ формамъ, какія представлены въ твореніяхъ гг. Бунге [1]) и Безобразова. Само собой разумѣется, что такой ощутительный недостатокъ былъ у насъ замѣченъ досужими экономистами, и всѣ принялись кричать о недостаткѣ у насъ кредита, свидѣтельствующемъ и о недостаткѣ довѣрія. И принялись объяснять этимъ—и непредпріимчивость-то нашу, и слабость заграничной торговли, и неровность торговыхъ оборотовъ и даже чуть ли не злостныя банкротства... Выходило, что непремѣнно надо помогать бѣдѣ наискорѣйшимъ образомъ, внушить довѣріе и обучить купцовъ, какъ это довѣріе облекать въ правильныя формы. А на повѣрку что же вышло? Что у насъ и безъ того только одного довѣрія и недостаетъ — *къ самимъ себѣ;* а что касается до всего остального — всѣмъ и всему довѣряемъ... Но ученымъ экономистамъ нужно было довѣріе на европейскій манеръ, какъ оно тамъ у Коклена и Гильомена объясняется... Ну, разумѣется, мы и тутъ довѣрились ученымъ руководителямъ, и дѣло шло по новой формѣ. Пошло дѣло на промышленныя товарищества, торговыя общества, акціонерныя компаніи, и другихъ именъ комбинаціи, гдѣ всѣ кредитуютъ всѣмъ для того, чтобы доставить случай разжиться одному или нѣсколькимъ распорядителямъ. Въ одинъ годъ что-то около 80 компаній образовалось. Еще вамъ мало было кредита, еще станете упрекать насъ въ недостаткѣ довѣрія!.. Мнѣ кажется, ужъ гораздо справедливѣе сдѣлать намъ противный упрекъ. Знающіе люди и дѣлали его: г. И. Аксаковъ, напримѣръ, изслѣдуя украинскія ярмарки, пора-

[1]) Тогда профессоръ, потомъ министръ финансовъ.

женъ былъ странными размѣрами и оригинальными формами кредита, на которомъ повсюду тамъ держится ярмарочная торговля [1]). *Но только дѣло* въ томъ, что на практикѣ зло было не такъ велико, какъ оно представляется въ теоріи нашимъ экономистамъ: вмѣсто ихъ принциповъ и формъ, твердо стоялъ обычай, и обычай, основанный именно на довѣріи: если одинъ купецъ давалъ другому пачку ассигнацій, говоря, что тутъ тысяча рублей, получающій клалъ пачку въ карманъ не считая, иначе обидѣлъ бы платящаго; такъ точно, прося знакомаго человѣка по пути свезти въ Москву, напримѣръ, тысячъ пятокъ должку другому купцу, *просящій* объ этомъ и подумать не могъ о томъ, чтобы взять росписку съ своего посредника въ полученіи; напротивъ, отдавъ ему деньги, должникъ успокаивался и даже не справлялся потомъ у своего кредитора, получилъ ли онъ долгъ, и тотъ съ своей стороны не считалъ нужнымъ увѣдомлять его. Извѣстно, что ужъ если послали, такъ дойдетъ: что жъ тутъ росписывать-то понапрасну?.. Бывали, правда, мошенничества, но чрезвычайно рѣдко, да и то опять отъ довѣрія, перелитаго черезъ край: случалось, что явится новый человѣкъ въ городѣ, нашумитъ про себя, наговорить съ три короба, *облестить* нѣсколько человѣкъ, подъ разными предлогами наберетъ у нихъ денежекъ, да потомъ и былъ таковъ... Но вообще говоря, старые люди замѣчаютъ, что «прежде народъ былъ честнѣе». Въ этомъ, можетъ быть, они и неправы; но вѣрно то, что теперь путаница понятій, внесенная въ наши торговыя и всякія денежныя отношенія вслѣдствіе непонятыхъ и дурно-развитыхъ экономическихъ теорій,—доставила новыя удобства для мошенничества всякаго рода. Вмѣсто одного зла, стало два. Стремленіе поживиться на чужой счетъ и воспользоваться чужимъ довѣріемъ для своей выгоды, разумѣется, развивалось у насъ и само собою, вслѣдствіе того, что роскошь и разныя утонченныя потребности все усиливались, а вознагражденіе за трудъ по-прежнему оставалось въ плохомъ положеніи, да и самъ трудъ былъ не въ большомъ почетѣ. Спекуляторы были готовы давно, и только нужно имъ было побольше средствъ, чтобъ размахнуться пошире. Если бъ наука наша не была такъ мертва и слѣпа, какъ она есть, то, конечно, ей легко было бы понять въ чемъ дѣло, и она, пользуясь сравнительно большею, чѣмъ прежде, возможностью высказываться, *принялась бы за дѣло именно съ той стороны*, которая наиболѣе грозила опасностью. Ну, какъ же въ самомъ дѣлѣ было не видѣть, что общество наше, пять-шесть лѣтъ тому назадъ, находилось просто въ горячкѣ отъ разныхъ практическихъ стремленій, *что оно умоляло только о дозволеніи* быть ему предпріимчивымъ, что у насъ и дороги, и пароходы, и фабрики, и компаніи мигомъ свертятся, только дай волю—не останавливай, и что общество уже заранѣе обращало молящіе взоры къ тѣмъ, которые обѣщали обезпечить для него возможность выложить денежки на полезное дѣло... Съ кого слѣдовало тутъ начать наукѣ, если бы она была жизненна, если бы жила не въ облакахъ, и не въ Ришельевской улицѣ, въ магазинѣ Гильомена, а среди того общества, на вниманіе котораго разсчитываетъ? Не слѣдовало ли прежде всего приняться за этихъ руководителей-спекуляторовъ, указать обществу тѣ требованія, которыя необходимо имъ предъявить, тѣ обезпеченія, какихъ *нужно съ нихъ требовать*, тотъ образъ дѣйствій, какой нужно принять съ ними, чтобы не попасть къ нимъ въ лапы? Не слѣдовало ли предостеречь общество отъ ложныхъ шаговъ на томъ пути, на который оно такъ горячо бросалось? Нѣтъ, какъ можно!.. Наука, видите ли, когда-то *будила* общество; наши ученые, по старой памяти, вообразили, что и у насъ наукѣ надо будить общество... А того не видѣли, что оно прежде ихъ проснулось и давно уже, посматривая въ закрытое окно, гулять просится. И вотъ, *вмѣсто того, чтобъ объяснить* ему, что тутъ поблизости есть мѣста, гдѣ рано утромъ, пожалуй, и обдерутъ, да снабдить его средствами защиты,—хоть палкой или зонтикомъ, если ужъ не револьверомъ,—наука наша принялась: вставайте, вставайте, гулять пора, утро настало!.. Проснувшагося, конечно, разбудить не трудно; общество поднялось и говоритъ: я готово... И даже этотъ немедленный отвѣтъ не образумилъ нашихъ ученыхъ: они не сообразили, что крикъ ихъ былъ напрасенъ, а напротивъ, *восхитились своимъ искусствомъ* будить такъ скоро, и нашли, что общество обязано имъ величайшей благодарностью. Затѣмъ пошли наставленія въ такомъ родѣ: «въ окно не надо бросаться, а надо сходить внизъ по лѣстницѣ, держась за перилы».—Да на что намъ перила? будто мы безъ нихъ не можемъ сойти?—Нѣтъ, надо по периламъ... Вотъ и вышла «Теорія Кредита»... Перила ея состояли во всевозможныхъ формахъ и обезпеченіяхъ для кредитующихъ.—«Ну, слава Богу, сказали русскіе люди, не *отступая отъ своей обычной довѣрчивости*;—теперь мы во всякомъ случаѣ обезпечены; знаемъ ли, не знаемъ ли человѣка, хорошій ли онъ, дурной ли,—все равно, надуть насъ не можетъ, по новымъ формамъ это

[1]) См. № 206.

нельзя, не то, что по-нашему, по-старому, все по душѣ да на честномъ словѣ... Теперь мы не просто пойдемъ по лѣсенкѣ, а за перильца ухватимся»... И пошли... Только перильца-то и надули: гнилыя оказались и рухнули! И вотъ теперь новое довѣріе, о которомъ такъ хлопотали наши передовые люди, оказалось хуже стараго: сколько банкрутствъ, прекращенія платежей, ликвидацій акціонерныхъ компаній, сколько акцій, проданныхъ по 20 копѣекъ за рубль, сколько акціонеровъ, по 5 лѣтъ ожидающихъ дивиденда, а вмѣсто того получающихъ требованія о дополнительныхъ взносахъ... Я не хочу уже повторять здѣсь *тайны,* публикацію которыхъ не одобрялъ Кокоревъ и которыя тѣмъ не менѣе опубликованы были недавно ученымъ другомъ его и произвели такой гвалтъ чуть не по цѣлой Европѣ [1]). Не буду распространяться здѣсь и объ Обществѣ желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе, что тамъ и дѣло-то больше иностранное, нежели внутреннее. Но вотъ для примѣра письмо, попавшееся мнѣ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» и показывающее, до какой степени ненадежны и ничтожны могутъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, всевозможныя обезпеченія, всевозможная формальность при кредитѣ и при взысканіяхъ. Дѣло идетъ о процессахъ не крупныхъ, но читатель пойметъ, что здѣсь сущность не въ цифрахъ занятыхъ денегъ.

Недавно въ «Вятскихъ» и «Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» публиковано было, что въ городѣ Вяткѣ учрежденъ конкурсъ по дѣламъ несостоятельнаго должника — вятскаго 1-й гильдіи купца П. И. Рѣпина. Изъ этой публикаціи видно, что г. Рѣпинъ состоитъ должнымъ въ казну коммиссаріатскому департаменту морского вѣдомства, за непоставленныя вещи — 14,731 р. 9 к., и въ коммерческій банкъ — 8,112 р. 75 к. с., да частнымъ лицамъ по приблизительному исчисленію — 49,429 р. 37 к. — всего 72,273 р. 21 к.

«На погашеніе этихъ долговъ поступило въ вѣдѣніе конкурса, и отъ него назначено въ публичную продажу имѣніе г. Рѣпина: 1) деревянные амбары (для складки товаровъ), построенные на общественной землѣ — при Пошульской Пристани, Усть-Сысольскаго уѣзда (Вологодской губерніи). При амбарахъ отдѣльный сарай въ столбахъ, балаганъ безъ стѣнъ, контора, еще амбаръ-казарма для рабочихъ, погребъ и баня. 2) Четыре каменныя лавки, крытыя желѣзомъ, находящіяся въ городѣ Вяткѣ, и 3) Тринадцать сѣнокосныхъ участковъ, заключающихъ въ себѣ около 777 десятинъ земли, лежащей въ Вятской губерніи. *Всѣ эти имущества, по какому-то случаю, не были оцѣнены,* и проданы по приносимому ими ежегодно доходу. Такъ, напримѣръ: амбары, дающіе доходу — 25 р. с. *съ груза* (?); въ нихъ *можетъ* помѣститься 9-ть грузовъ; лавки — 231 р. 50 к. и сѣнокосные участки — 653 р. 43 к. Имѣнія эти, какъ видно, приносятъ дохода далеко менѣе 1000 р. с. въ годъ, — стало быть, желающіе купить таковыя едва-ли дали за нихъ и 10,000 р. с. Чѣмъ же уплатили остальные долги — болѣе 62,000 р. сер.? Ясно, что кредиторы удовольствовались и копѣйками за рубли!

Изъ этой публикаціи выводится другая странность: нѣтъ дома и никакой движимости у г. Рѣпина. Какъ-то непонятно предполагать, чтобы русскій 1-й гильдіи купецъ, представитель промышленнаго движенія губернскаго города, жилъ на квартирѣ, и безъ собственныхъ лошадей, экипажей, и т. д.?

Слѣдующій фактъ еще разительнѣе. Въ городѣ Нолинскѣ (Вятской губерніи) умеръ купецъ Семенъ Темивцевъ. На немъ оказалось долга казнѣ и частнымъ лицамъ до 97,702 р. 50 к. Три сына Темивцева — Ѳедоръ, Андрей и Степанъ, отказались платить долги за отца... Приступили къ погашенію ихъ изъ имѣнія умершаго Темивцева, какъ главы семейства и отвѣтственнаго дѣятеля въ торговлѣ и промышленности... Но имѣнія оказалось въ Нолинскѣ всего одинъ каменный 3-хъ этажный домъ, съ деревяннымъ при немъ флигелемъ, службами, тремя лавками и мѣстомъ. Все это оцѣнено, *по сложности годовою дохода,* въ 2,165 р. с.! [Имѣніе продавалось въ вятскомъ правленіи въ 1860 г.]. Изъ оцѣнки имѣнія и доходовъ съ него можно заключить, что за него едва-ли дали много болѣе 3,000 р. с. Слѣдственно, кредиторы — казна и частныя лица (если они имѣли равныя права на взысканіе съ своихъ капиталовъ) едва-ли получили много болѣе 3-хъ коп. сер. за рубль!! Любопытно было бы знать по пословицѣ: «какъ живутъ и слывутъ» братья Темивцевы — Ѳедоръ, Андрей и Степанъ?... Ужъ навѣрное, послѣ такой несчастной несостоятельности отца и разгрома ихъ наслѣдства, они оказались гражданами бѣдными, чего добраго, поступили къ другимъ лицамъ приказчиками или сидѣльцами...

Наконецъ, слѣдующій фактъ намъ кажется поразительнѣе и предыдущихъ. Оренбургское губернское правленіе публиковало, что въ присутствіи его (15-іюля 1800 года) назначена продажа движимаго и недвижимаго имѣнія инженеръ-капитана Петра Ива-

[1]) Погодинъ напечаталъ статью, назвавъ многія фирмы въ качествѣ ненадежныхъ. Говорили, что это штука Кокорева.

нова Сергѣева—на погашеніе состоящихъ на немъ казенныхъ и частныхъ долговъ. Имѣнія продавались по силѣ указа правительствующаго сената отъ *8-го іюня 1857 г.*, и по постановленію губернскаго правленія, состоявшемуся 11-го апрѣля 1860 года. Г. Сергѣевъ долженъ 54-мъ мѣстамъ и лицамъ сумму, простирающуюся до 465,500 р. сер. А имѣнія его— движимыя (мебели и картины), оцѣнены были въ 432 р. 20 к., и недвижимыя, состоящія въ населенныхъ имѣніяхъ, земляхъ удобныхъ и неудобныхъ со всѣми на нихъ хозяйственными строеніями и заведеніями, оцѣнены въ 70,443 р. сер. Стало быть, долги г. Сергѣева превышали стоимость имѣній его на солидную сумму—чуть не на 400,000 р. сер. Отсюда рождается невольный вопросъ: какъ же кредиторы—мѣста и лица ввѣряли капиталы свои, не видя обезпеченія ихъ, *и какъ же г. Сергѣевъ кредитовался и контрактовался, когда зналъ, что имѣній и капиталовъ его далеко и далеко не станетъ на выполненіе всѣхъ его обязательствъ?..*

«Впрочемъ, кредиты эти въ публикаціи: нѣкоторые означены не совсѣмъ ясно, нѣкоторые рѣзко бросаются въ глаза. Напримѣръ: 1) г. Сергѣевъ состоитъ должнымъ московскому опекунскому совѣту по займу изъ него, 11-го мая 1844 года, подъ залогъ 449 душъ крестьянъ, съ 3.567 десятинъ, 826 саж. земли—35.930 руб. сер. (Изъ этой главнѣйшей и самой цѣнной части имѣнія остальные кредиторы едва-ли получатъ и гроши); 2) надворной совѣтницѣ Базилевской, по закладной (чего?), совершонной въ оренбургской палатѣ гражданскаго суда, 22-го іюля 1843 года—7.142 р. 87 коп.; 3) статской совѣтницѣ Вехіери по запродажной записи (что же запродано?), совершонной (гдѣ?) 18 октября 1844 года—31.000 руб.; 4) ротмистру Волчкову по запродажной записи (опять что запродано?) 29-го апрѣля 1847 года—9.000 р. с. и неустойки 5.000 р.; 5) мѣщанину Колпину по контрактамъ: а) на управленіе имѣніемъ г. Сергѣева неустойки—3.000 р. и б) на подряды и поставки—2.285 р. 89 коп.; 6) малолѣтнимъ дѣтямъ генералъ-маіорши Ціолковской, по заемному письму—12.000 р. ассигн.; тоже дѣвицамъ: Ціолковской—30.000 р., Сергѣевой—4.285 р. 71 к., поручицѣ Зварыкиной—2.928 р. 57 коп.; коллежской секретаршѣ Фокиной—1.300 руб. ассигн. и капитаншѣ Сергѣевой—21.000 р.; 7) уфимскому попечительному комитету о бѣдныхъ, тоже по заемному письму—1.360 р. и т. д. Вообще документы и обязательства даваны были г. Сергѣевымъ *во все время, начиная даже съ 1832 года.*

«Мелочные долги на г. Сергѣева, напечатанные въ публикаціи, также поучительны. Они, кромѣ дворянъ, значатся и разнаго званія лицамъ: мѣщанамъ, крестьянамъ и одному унтеръ-офицеру—по роспискамъ простымъ и сохраннымъ, лавочнымъ счетамъ и т. п. Напротивъ,—одному лицу—171 р. 50 к. асс., другому—100 р., третьему—350 р., четвертому—128 р. 50 к., иному (въ лавкѣ)—471 р. 41½ к.; за желѣзо (одному заказчику)—149 р. 22 к.; даже за кули (въ провіантское вѣдомство)—8 руб. сер. и т. д.

«Такія мелочи какъ-то странно видѣть въ общей массѣ долговъ и такихъ огромныхъ, какъ, напримѣръ, мѣщанину Кристлибу—155.581 р. 52 к. сер. Сближеніе первыхъ съ послѣднимъ, кажется, ясно подтверждаетъ наши слова, что при всѣхъ коммерческихъ оборотахъ у насъ въ сильномъ ходу: это дорогое—*какъ-нибудь, авось, сойдетъ* и т. п.»

Можно, пожалуй, выводить и то, что выводитъ авторъ письма. Но еще любопытнѣе, кажется, можетъ быть другой выводъ относительно того, къ чему послужили,—не только частнымъ лицамъ, но даже и казнѣ,—всѣ возможныя обезпеченія, представленныя для взысканія денегъ,—заемныя письма, росписки, закладныя, запродажныя записи, контракты, неустойки и пр. Съ г. Сергѣевымъ вели дѣла не *по душѣ*, а по всѣмъ формамъ... а что вышло? Авторъ письма спрашиваетъ: «какъ могъ г. Сергѣевъ кредитоваться и контрактоваться, когда зналъ, что ему платить нечѣмъ?» Да помилуйте, отчего же не брать, когда даютъ? И потомъ—какъ не пользоваться выгодами своего положенія, когда съ 1832 по 1857 годъ есть возможность тянуть безнаказанно эту блестящую канитель, да и послѣ—указъ сената о продажѣ имѣнія, отъ *8 іюня 1857* года привести въ исполненіе только *въ іюлѣ 1860!* По-нашему, дѣло объясняется очень просто: г. Сергѣевъ лучше всѣхъ нашихъ экономистовъ зналъ условія, въ какихъ онъ живетъ, и понималъ съ кѣмъ и какъ придется ему имѣть дѣло...

Зато теперь принялись кричать противъ довѣрчивости и издѣваться надъ глупостью акціонеровъ и всякихъ лицъ, постаравшихся ни за что, ни про что пожертвовать свои денежки въ пользу спекуляторовъ: Слава Богу—пора, да ужъ оно и безопасно теперь: и такъ никто не вѣритъ больше въ денежныхъ дѣлахъ, а кто пострадалъ отъ довѣрія, тотъ самъ себя дуракомъ называетъ. Значитъ, кричи, смѣйся и бранись, сколько хочешь: не раздражишь, а еще поощреніе получишь. Наша литература поняла это и дѣйствуетъ en consequence.

Нраву своему она, впрочемъ, не измѣняетъ. Вы помните, что, принимаясь лепетать о неудобствахъ крѣпостного права, она накидывалась на нѣмцевъ-управителей; ополчившись на неправосудіе и взяточничество, покарала купеческихъ засѣдателей уѣзднаго суда и помощниковъ квартальныхъ надзирателей; обличая казнокрадство, избрала для этого госпитальныхъ фельдшеровъ, и т. д. Теперь, нашедши приличнымъ заняться охраненіемъ общественнаго интереса отъ всякихъ спекуляторовъ, на кого обратилась наша литература? На тѣхъ безнравственныхъ богачей, которые выманиваютъ у публики деньги подъ видомъ нищенства... Безпрестанно, съ какимъ-то торжествомъ и съ язвительными примѣчаніями, печатались и перепечатывались разсказы о нищихъ, внезапно обнаруживавшихъ огромное богатство. Фельетонисты не разъ дѣлали такихъ нищихъ единственнымъ предметомъ пикантнаго фельетона. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же не любопытно, какъ не полезно возвѣстить и комментировать публикѣ фактъ, что вотъ, между бѣдняками, которымъ вы сострадаете, многіе вовсе не такъ бѣдны, какъ кажутся,—они богаче васъ и только надуть хотятъ... Недавно мы читали, напр., въ «Вѣдомостяхъ Московской Полиціи», что «въ Срѣтенскую часть доставленъ былъ, за прошеніе милостыни, отставной чиновникъ К., при осмотрѣ коего найдено при немъ заемныхъ писемъ, выданныхъ ему отъ разныхъ лицъ, на 79.000 руб. ассигн., билетъ, выданный на имя его изъ конторы московскаго коммерческаго банка, на 48.000 р. серебр. и наличными деньгами болѣе 6.000 р. По дознанію оказалось, что человѣкъ этотъ нанимаетъ для жилья уголъ, съ платою по 75 к. с. въ мѣсяцъ; отъ ранняго утра до поздняго вечера не бываетъ дома, въ пищу употребляетъ приносимые съ собою собранные куски хлѣба, а если въ томъ числѣ бываетъ бѣлый хлѣбъ, то онъ продаетъ его; имущество его заключается въ находящемся на немъ ветхомъ платьѣ и рогожѣ, на которой онъ спитъ. Въ четвертый уже разъ взятъ за прошеніе милостыни и два раза находился за это въ комитетѣ о просящихъ милостыню. По отзыву человѣка этого, онъ имѣетъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, но гдѣ они находятся—не знаетъ.

Разсказъ объ этомъ «замѣчательномъ нищемъ» повторенъ былъ во всѣхъ газетахъ. Черезъ нѣсколько времени по его поводу «Сѣверная Пчела» напечатала цѣлую статейку, подъ заглавіемъ: «Манія къ нищенству».

«Корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»,—пишетъ «Пчела»,—сообщаетъ о взятомъ въ Москвѣ за прошеніе милостыни богачѣ К. новыя подробности. Оказывается, что у него состоянія гораздо болѣе, нежели было объявлено въ газетахъ, и что, кромѣ того, г. К. имѣетъ нѣсколько процессовъ въ сенатѣ, такъ что вся сумма его благосостоянія равняется четыремъ или *пяти сталъ тысячамъ рублей серебромъ*. Прежде онъ служилъ *по лѣсному вѣдомству* и, по выходѣ въ отставку, началъ нищенствовать. Съ виду это бодрый сѣдой старикъ; лицо его не имѣетъ никакого особаго выраженія. Страсть къ нищенству развита въ немъ до огромныхъ размѣровъ: когда его водили изъ работнаго дома въ казначейство, онъ дорогой просилъ милостыню у проходящихъ. Въ трактирахъ, у половыхъ, К. вымаливалъ остатки корокъ послѣ гостей и потомъ продавалъ эти корки. Онъ подбираетъ все, что̀ ему попадается; при арестованіи, у него найденъ мѣшокъ съ разными лоскутками газетной и исписанной бумаги. Скаредность его доходитъ до того, что онъ скрывается отъ дѣтей и упорно отвѣчаетъ на всѣ разспросы о нихъ, что онъ ихъ забылъ и не знаетъ гдѣ они».

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Спасскихъ воротахъ сидѣлъ нищій и постоянно просилъ милостыню; одинъ офицеръ, часто проходившій мимо него, каждый разъ подавалъ ему какую-нибудь мелкую монету. Нищій примѣтилъ его, сталъ разузнавать о немъ; потомъ пригласилъ его къ себѣ и наконецъ женилъ его на своей дочери, которой далъ въ приданое двѣсти тысячъ рублей сер.

«У Синяго моста, въ Петербургѣ, долго сидѣлъ также старикъ, собиравшій подаяніе. Примѣтивъ *генерала,* благоволившаго къ нему, нищій однажды утруждаетъ его своей покорнѣйшей просьбой пожаловать къ нему выкушать стаканъ чаю. Просьба эта показалась до того оригинальною генералу, что онъ соглашается и отправляется, въ назначенный часъ, по указанному адресу въ огромный каменный домъ, который, какъ онъ узнаетъ, принадлежитъ мнимому нищему. Въ хорошо-убранной большой квартирѣ, въ бель-этажѣ, гостя встрѣчаетъ самъ попрошайка, элегантно одѣтый, жена его и дочь; жена со слезами разсказываетъ, что она не можетъ отучить мужа отъ странной привычки ходить каждое утро просить милостыню.

«Недавно въ Замоскворѣчьѣ жилъ купецъ, женатый на дѣвушкѣ, жившей прежде подаяніемъ. Супруга его сохранила такую привязанность къ своему прежнему занятію, что ее нужно было запирать, чтобы

она не ходила на улицы просить милостыню, и оставаясь въ комнатѣ одна, она раскладывала на мебели кусочки бумажки и потомъ, съ извѣстными причитаніями и поклонами передъ каждымъ стуломъ, послѣ долгихъ ожиданій, брала кусочекъ бумажки».

Факты, точно, замѣчательные: *манія* заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія въ патологическомъ отношеніи. Только я не знаю, достаточно ли будетъ изслѣдовать лишь организмъ этихъ нищихъ; не придется ли также заглянуть и въ общественный организмъ, производящій такія явленія. Вѣдь съ пассивной стороны это, лишь въ болѣе эксцентрической формѣ, то же зарыванье и прятанье полуимперіаловъ, о потерѣ которыхъ для торговли сожалѣетъ г. Бочаровъ. А съ другой стороны, активной,—это опять явленіе, находящее себѣ полнѣйшую аналогію во множествѣ господъ, пользующихся благодѣяніями другихъ, только иными средствами, гораздо менѣе безобидными. Развѣ не то же самое представляетъ вотъ этотъ господинъ, вымолившій себѣ мѣстечко съ 300 цѣлковыхъ жалованья въ годъ, а лѣтъ черезъ пять купившій домикъ? Развѣ не то же—антрепренеръ, собирающій сотни тысячъ чужихъ денегъ для веденія выгоднаго предпріятія, а потомъ бросающій дѣло и возвращающій своимъ довѣрителямъ копѣйки вмѣсто рублей? А не то же самое этотъ г. Сергѣевъ, задолжавшій 400 тысячъ, имѣя для уплаты имущества только на 70? А не то же эти господа Дюманже и иные, тратящіе изъ общественныхъ денегъ по 4.000 р. на проѣздъ отъ Парижа до Петербурга, сотни рублей на депеши къ разнымъ дѣвицамъ, и т. п.? Не то же самое какой-нибудь г. Лебретонъ, берущійся за дѣло, котораго не смыслитъ, и, спекулируя на свое невѣжество, требующій 40.000 франковъ неустойки въ томъ случаѣ, ежели его захотятъ прогнать? Изслѣдуйте и укажите намъ причины всѣхъ подобныхъ явленій въ ихъ общемъ источникѣ, и перестаньте удивляться тому, что находятся охотники пріобрѣтать состояніе нищенствомъ тамъ, гдѣ честный трудъ не играетъ почти никакой роли, гдѣ способныя къ труду силы даже не нашли еще себѣ, по большей части, никакого порядочнаго примѣненія.

Посмотрите, напр., что у насъ дѣлается съ выгорѣвшимъ селомъ или мѣстечкомъ: всѣ окрестности наполняются изъ него нищими *на погорѣлое*... Всѣ эти люди жили, работали, покамѣстъ все было спокойно около нихъ; но разъ обычное теченіе жизни нарушено, капиталъ, состоявшій въ ихъ домишкѣ, отнятъ,—они ни на что болѣе не могутъ обратиться... Пошли они просить на погорѣлое, и годы будутъ ходить и просить, не зная другого исхода, хоть сначала, конечно, и желаютъ его. Не знаю, какъ въ другіе годы, но въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, вѣроятно по случаю нѣсколькихъ сильныхъ пожаровъ въ Нижегородской и Владимірской губерніяхъ,—на всемъ трактѣ отъ Москвы до Нижняго, и въ самомъ Владимірѣ, не говоря о Москвѣ и Нижегородской ярмаркѣ,—вамъ отбою нѣтъ отъ безчисленнаго множества нищихъ, изувѣченныхъ и погорѣлыхъ. Кричатъ о множествѣ и назойливости нищихъ въ Италіи, особенно въ Римѣ и Неаполѣ. Но я не знаю, можно ли сравнить стеченіе нищихъ въ Римѣ на пасху съ той массою ихъ, которая блуждаетъ по Нижегородской ярмаркѣ. Надо замѣтить, что въ Римѣ нищіе въ это время сосредоточиваются большею частію около св. Петра,—и потомъ еще около немногихъ пунктовъ, непремѣнно посѣщаемыхъ иностранцами. Иностранцы, т.-е. англичане и французы, видятъ это и поражаются: дѣйствительно, у себя они не видятъ ничего подобнаго. За ними вслѣдъ кричимъ и мы, отчасти не думая о томъ, что кричимъ, отчасти же на томъ основаніи, что въ Петербургѣ мы въ самомъ дѣлѣ отвыкаемъ отъ вида лохмотьевъ и отъ жалобнаго «Христа-ради»... Мы вѣдь и въ Петербургѣ прогуливаемся больше по Невскому, между двумя и пятью часами, т.-е. въ то время, когда—

Появляться вредно,
При полномъ водвореньи дня,
Всему, что̀ зелено и блѣдно,
Несчастно, голодно и бѣдно,
Что̀ ходитъ голову склоня...

Но проѣхавшись по Россіи, теряешь охоту кричать о римскихъ и неаполитанскихъ нищихъ. Можетъ быть, въ прежнія времена было иначе, т. е. у насъ меньше нищихъ, между тѣмъ какъ въ Неаполѣ, напримѣръ, положительно ихъ было больше: теперь кое-кто пристроенъ, многимъ дала работу и нѣкоторыя средства бурбонская реакція, иные вступили въ волонтеры, нѣкоторые даже, говорятъ, просто устыдились своего тунеядства среди общаго самоотверженнаго движенія, и при новомъ порядкѣ вещей нанялись работать на желѣзныхъ дорогахъ и въ портахъ. Но въ Римѣ не было никакихъ причинъ къ перемѣнамъ въ этомъ смыслѣ; напротивъ, подъ гнетомъ клерикальнаго управленія и при значительномъ оскудѣніи рессурса, заключавшагося въ иностранцахъ (которые въ послѣдніе годы, по причинѣ смутныхъ временъ, гораздо меньше посѣщали Римъ),—нищенство все увеличивается. И между тѣмъ оно тамъ не

дѣлаетъ до такой степени поражающаго впечатлѣнія, какъ у насъ, по большимъ дорогамъ за Москвою. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ вездѣ нищіе, несмотря на запрещеніе, ждутъ десятками; нѣсколько разъ я видѣлъ, какъ, при всей непривычкѣ къ *машинѣ* (до сихъ поръ по Владимірской дорогѣ каждый поѣздъ встрѣчается и провожается толпою любопытныхъ крестьянъ изъ окрестностей), мальчишки бѣжали за поѣздомъ, уже тронувшимся, если кто-нибудь высовывался изъ окна вагона и взглядывалъ на нихъ... На почтовыхъ станціяхъ и по всей дорогѣ за Владиміромъ—еще хуже: цѣлыя колонны изможденныхъ мужиковъ и бабъ, съ ребятишками, проходятъ передъ вами, и если вы, разсчитывая на пятерыхъ или шестерыхъ, начнете одѣлять ихъ копѣйками,—навѣрное вы не успѣете одѣлить этихъ, какъ съ другой стороны явится передъ вами новый пятокъ, потомъ еще и еще... Откуда являются они,—и сказать трудно; но достовѣрно, что если вы ѣдете одинъ и рѣшились ничего не подавать, то вы еще не видите и пятой доли всѣхъ нищихъ, обрѣтающихся въ каждомъ мѣстѣ вашей остановки. А въ Нижнемъ на ярмаркѣ—я говорю, что Римъ даже въ пасху не представляетъ подобнаго обилія, хотя здѣсь нищіе раскиданы по всей ярмаркѣ, на довольно большомъ пространствѣ и хотя ихъ подчасъ очень сердито гоняютъ изъ хорошихъ, т.-е. «каменныхъ» рядовъ, особенно если знаютъ, что на ярмарку пріѣхало какое-нибудь значительное лицо. Куда они всѣ дѣваются на это время, сказать не умѣю, но знаю, что инымъ на ярмаркѣ (какъ, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно) видѣть нищихъ не удается.

Нищенство у насъ тѣмъ ужаснѣе, что оно голѣе, законченнѣе, напр., итальянскаго нищенства. Тамъ нищій иногда, вмѣсто всякой просьбы, скажетъ вамъ только «buon giorno, signore» (здравствуйте, сударь), и если вы поклонитесь и пройдете мимо, онъ ничего больше не скажетъ. Иной предлагаетъ себя, какъ модель для картины, а потомъ, услышавъ отказъ, попроситъ у васъ что-нибудь. Тамъ нищій готовъ на услуги, если можетъ, и старается въ васъ заискивать: если вы остановились на перекресткѣ и заботливо осматриваетесь,—онъ сейчасъ вызовется разсказать вамъ дорогу; если вы берете извозчика—подсадитъ васъ въ экипажъ; если ваше пальто запачкано—онъ оботретъ; нужно вамъ остановить разносчика газетъ или продавца какого-нибудь—онъ крикнетъ за васъ; грозитъ на васъ лошадь или оселъ съ грузомъ наѣхать—онъ васъ заботливо предостережетъ... Онъ какъ будто желаетъ сначала зарекомендовать себя передъ вами и потомъ попросить у васъ милостыни, какъ помощи у добраго друга. Есть, правда, и такіе, что бѣгутъ за вами и кричатъ: «signorino! un mezzo-bajoco! Muojo di fame!» и пр. Но, къ счастью моему, такихъ я встрѣчалъ не очень много даже въ Римѣ и его окрестностяхъ. Вотъ г. А. Т., напримѣръ, описавшій въ «Отечественныхъ Запискахъ» отраженіе солнечныхъ лучей въ римскихъ фонтанахъ и видъ съ Monte-Pincio, и давшій этимъ описаніямъ заглавіе: «Римъ въ 1861 году»,—г. А. Т. былъ гораздо несчастнѣе меня: онъ гдѣ ни ходилъ, «на каждомъ шагу, направо, налѣво, позади себя» *только и видѣлъ* грязныя горсточки, протянутыя къ нему, *только и слышалъ* отчаянныя фразы въ родѣ тѣхъ, которыя я привелъ выше и которыхъ при всемъ томъ онъ не умѣлъ написать правильно (О. З. № VI, стр. 467). По его словамъ, «всѣ калѣки въ мірѣ, кажется, стеклись сюда; безобразіе фигуръ этихъ превосходитъ всякое описаніе». Могу его увѣрить, что великое множество калѣкъ, еще болѣе безобразныхъ, осталось у насъ въ Москвѣ и во Владимірской и Нижегородской губерніяхъ. О другихъ мѣстностяхъ не могу сказать (впрочемъ, скажу, что въ Малороссіи нищихъ встрѣчается сравнительно гораздо меньше); а ужъ тутъ-то я наглядѣлся досыта...

Наше нищенство, сказалъ я, отличается особымъ характеромъ, налагающимъ еще болѣе тяжелую и мрачную печать на всякаго бѣдняка, рѣшающагося за него приняться. У насъ нищій, становясь нищимъ, какъ будто исключаетъ себя изъ среды людей, и общество полагаетъ, что такъ и слѣдуетъ. Для людей сострадательныхъ, въ понятіи о нищемъ смѣшиваются два противные взгляда: съ одной стороны—онъ человѣкъ Божій, которому надо подать грошъ не по чувству состраданія, а главное—потому, что за это на томъ свѣтѣ награда будетъ; а съ другой стороны, нищій—это парія, это какое-то особое животное низшей породы, которому нужно только поддерживать свое существованіе, и больше ничего. Я слышалъ разъ, какъ одна сострадательная старушка разгнѣвалась, услыхавъ отъ нищаго, что онъ на дняхъ очень промокъ и потомъ все хилѣлъ, и только чайку попивши немножно оправился... «Какъ вамъ это покажется,—повторяла она своимъ знакомымъ:—чайку попилъ! Милостыню собираетъ, а тоже чаекъ пьетъ...» Видимо было, что ей даже обидно такое явленіе.

Подобное отношеніе къ обществу дѣлаетъ изъ нашихъ нищихъ что-то невыносимо-унылое. Эти котомки, подаяніе объ-

ѣдками и корками, этотъ аскетическій, безжизненный взглядъ, какое-то оффиціальное смиреніе во всей фигурѣ и это протяжное, неестественно-тоненькимъ голосомъ вытянутое: «сотворите святую милостинку Христа-ради»—все это коробитъ вамъ сердце, но вовсе неспособно навести васъ на мысль о человѣческомъ, братскомъ родствѣ съ этими людьми. И они, съ своей стороны, тоже смотрятъ на васъ чужими: въ одномъ домѣ умиралъ отецъ семейства; подошелъ къ окну нищій съ своимъ припѣвомъ; ему кинули грошъ и уныло прибавили: помолись о здравіи умирающаго, раба Божія такого-то.—Нищій отошелъ и сообщилъ объ умирающемъ другимъ; черезъ полчаса передъ окномъ больного собралась толпа нищихъ, пришедшихъ одинъ за другимъ съ своей пронзительной выкличкой: «святую милостинку». На нихъ было не хотѣли обращать вниманія, думая, что уйдутъ; не тутъ-то было; они знали, что человѣкъ умираетъ въ домѣ и что въ такихъ случаяхъ милостыня непремѣнно должна подаваться... Умирающаго безпокоилъ ихъ шумъ; онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, что̀ тамъ такое... Тогда рѣшились одѣлить всѣхъ нищихъ, чтобъ ушли; но къ толпѣ безпрестанно подходили новые, и въ заключеніе они затѣяли между собою громкую ссору... Больной умеръ посреди сумятицы и ругательствъ, устроенныхъ нищими подъ самымъ окномъ его. Никакія увѣщанія нищимъ, чтобы дали больному умереть спокойно, не имѣли ни малѣйшаго дѣйствія. До такой степени чужды у насъ личности подающихъ милостыню къ принимающимъ ее.

Другой случай, только уже въ забавномъ родѣ, пришлось мнѣ самому видѣть недавно на одной изъ станцій между Владиміромъ и Нижнимъ. Пріѣхали мы въ мальпостѣ, и едва остановились лошади, какъ нищіе уже окружили экипажъ. Внутри брика сидѣлъ толстый купецъ; вылѣзая, онъ задѣлъ карманомъ своего сюртука за ручку дверцы, а въ рукахъ у него былъ узелъ съ чѣмъ-то съѣстнымъ и бутылка; никакъ ему нельзя поправиться—ни въ ту, ни въ другую сторону,—иначе разорвешь сюртукъ; онъ и остался на вѣсу, опираясь локтями на дверцу... Въ это самое мгновеніе передъ нимъ являются двое нищихъ,—не увѣчныхъ, а погорѣлыхъ,—потомъ еще баба съ ребенкомъ, потомъ старикъ какой-то, и всѣ четверо, отвѣсивъ низкій поклонъ, затягиваютъ: «господинъ милостивый! заставь за себя вѣчно Бога молить», и пр. Купецъ злится, а они ему кланяются и тянутъ. И ни ему самому не вздумалось попросить ихъ помочь ему слѣзть, ни имъ не пришло въ голову прежде высвободить человѣка изъ затруднительнаго положенія, а потомъ уже попросить у него милостыни. Купецъ ихъ выругалъ и прогналъ, а потомъ кликнулъ ямщика, возившагося около лошадей, и попросилъ его отцѣпить карманъ...

Говорятъ: «общественная благотворительность развивается, и скоро нищихъ не останется вовсе». Отрадная перспектива! Жаль только, что необходимое условіе ея то, чтобы великодушные благотворители сами разорились. Достанетъ ли у нихъ на это великодушія,—вотъ въ чемъ я сомнѣваюсь, хотя и есть господа, полные до сихъ поръ весенней довѣрчивости, что непремѣнно достанетъ.

Впрочемъ, я не сомнѣваюсь въ одномъ: для удобства господъ, привыкшихъ къ комфорту жизни и не любящихъ видѣть отвратительныя картины бѣдности, непремѣнно найдется какое-нибудь средство удалить отъ ихъ глазъ докучливыхъ нищихъ, какъ и всякаго рода другія неудобства. Мнѣ самому пришлось на одной станціи встрѣтить господина, еще молодого и повидимому безъ всякихъ отличій; онъ лѣниво вошелъ въ комнату и повелительно кликнулъ: «лошадей!» — Вашу подорожную-съ, — почтительно проговорилъ смотритель. «Спроси у чела-эка»—обиженнымъ тономъ отвѣчалъ молодой господинъ. Смотритель обратился къ шедшему сзади прилизанному человѣку пожилыхъ лѣтъ, но получилъ тотъ же гордый отвѣтъ: спроси у человѣка.—Вслѣдъ за тѣмъ вошелъ ямщикъ—просить на водочку; баринъ съ изумленіемъ обратилъ взглядъ на своего товарища; тотъ засуетился (онъ былъ повидимому чѣмъ-то въ родѣ Расплюева при баринѣ), крикнулъ на мужика, выругалъ смотрителя, зачѣмъ пускаютъ, велѣлъ обратиться къ человѣку, и, наконецъ, самъ сталъ вытуривать ямщика и исчезъ вмѣстѣ съ нимъ за дверью... Баринъ повертѣлся и удостоилъ заговорить со мной: «славная дорога здѣсь; это шоссе?»—Помилуйте, какое шоссе; меня такъ разбило, едва дышать могу.—Странно, протянулъ баринъ:—а мнѣ сказали, что отъ Полтавы до Харькова есть уже шоссе... А, впрочемъ, дорога все-таки хороша; и шоссе не нужно».—Да вы въ своемъ экипажѣ?—«Mais oui, возразилъ онъ мнѣ, поднявъ вдругъ голову; — а вы?»—Я—въ телѣгѣ. — Господинъ протянулъ: а-а!—и презрительно отвернулся, очевидно упрекая себя, что вздумалъ заговорить со мной... Ну, разумѣется, этакой господинъ, не знающій даже, по чему онъ ѣдетъ, огражденъ своимъ воспитаніемъ, настроеніемъ, Расплюевымъ и «челаэкомъ» отъ всякой возможности видѣть по дорогѣ что-нибудь непріятное.

Впрочемъ, надо отдать справедливость нашимъ дорогамъ: онѣ дѣйствительно и дѣятельно исправлялись нынѣшнимъ лѣтомъ, по крайней мѣрѣ по тракту отъ Одессы до Москвы, по которому пришлось мнѣ проѣхать. Сама Одесса въ началѣ іюля завалила свѣжимъ камнемъ бо́льшую часть своихъ улицъ, такъ что онѣ сдѣлались недоступными для пѣшеходовъ. Мои одесскіе пріятели, люди съ кроткимъ сердцемъ и вѣчно-весеннею душою, выражали твердое убѣжденіе, что пытка одесской грязи болѣе къ нимъ не возвратится. Въ уваженіи того, что они много терпѣли, мнѣ не хотѣлось разбивать ихъ мечты; въ самомъ дѣлѣ, по ихъ описанію, каждый годъ происходили въ Одессѣ ужасы неслыханные. Вся страшная пыль, вошедшая въ число интереснѣйшихъ достопримѣчательностей Одессы, съ началомъ осеннихъ дождей превращается въ грязь. Пыль эта, въ родѣ шоссейной, образуется изъ мягкаго, бѣловатаго камня, которымъ такъ богата Одесса; когда сильный вѣтеръ гонитъ ее, то отъ нея надо спасаться въ какую-нибудь ближайшую лавочку, иначе, черезъ нѣсколько минутъ, когда ураганъ промчится, вы будете представлять изъ себя подобіе трубочиста, только сѣраго цвѣта, и будете чувствовать, что у васъ засѣло что-то чрезвычайно непріятное и въ ушахъ, и въ носу, и подъ галстукомъ, и главное,—въ горлѣ. Тогда вамъ остается одно средство — купаться; простое мытье не поможетъ... Это—когда васъ ураганомъ захватитъ. Но когда и нѣтъ урагана, каждый божій день вы чувствуете на себѣ осѣданіе этого тонкаго каменнаго слоя: тяжелая пыль, поднятая вѣтромъ, не можетъ держаться въ воздухѣ и падаетъ дождемъ, частымъ и ровнымъ, на который иногда можно любоваться, ставъ противъ солнца, такъ чтобы лучи его прямо освѣщали этотъ дождь. Тутъ имѣете удовольствіе уразумѣть, чѣмъ вы дышете въ Одессѣ въ теченіе лѣта... Я полагалъ, что ужъ хуже пыли ничего не можетъ быть, но мои пріятели увѣрили меня, что грязь еще хуже. Она имѣетъ тамъ какое-то липкое и всасывающее свойство, такъ что улицы превращаются въ топи. На маленькой грязи вы непремѣнно оставляете калоши, на большой—сапоги; многія улицы закрываются временно для пѣшеходовъ; мелкія домашнія животныя, вздумавшія перебѣжать черезъ улицу, тонутъ; въ прошломъ году, говорятъ, двое маленькихъ дѣтей утонули въ грязи...

Неужели же нельзя вымостить прочнымъ образомъ такой городъ? А вотъ теперь будутъ мостить, отвѣчали мнѣ мои пріятели, и принимались создавать самыя радужныя фантазіи относительно будущаго благолѣпія одесскихъ улицъ. Вотъ теперь г. Волохову освѣщеніе Одессы газомъ разрѣшено, ходятъ слухи о преобразованіи лицея въ университетъ, мостовая будетъ новая... Все это въ ихъ воображеніи сливалось какъ-то въ одно цѣлое, и мечты ихъ до того мнѣ прискучили, что я рѣшился изъ блаженной весны невѣдѣнія вызвать ихъ къ суровой осени практическаго взгляда (читатель не забываетъ, что я пишу все только объ осени, въ противоположность *весны* моего товарища, которой негодность я уже доказалъ).

— Помилуйте, возражалъ я:—чѣмъ же вы тутъ восхищаетесь? Что Одессу будутъ мостить, — это дѣло не новое. Не знаю, какъ раньше, а 35 лѣтъ тому назадъ ее точно такъ же мостили и точно такъ же возбуждали всеобщія радостныя надежды. Еще Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» говоритъ объ этомъ... Неужели вы не читали Пушкина?

— Какъ же не знать, — за кого вы насъ принимаете, — возразилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, наиболѣе увлекавшійся. И онъ прочиталъ наизусть:

Въ году недѣль пять-шесть Одесса
По волѣ бурнаго Зевеса
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ домы на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди—тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня...

— Эта картина какъ-будто вчера написана, замѣтилъ другой,—исключая развѣ вола въ дрожкахъ... Мы осенью каждый день разъ по двадцать повторяемъ эти стихи.

— Ну, вотъ видите, 35 лѣтъ было все то же; и еще, значитъ, 35 лѣтъ можетъ остаться то же.

— Нѣтъ, ужъ вотъ вы въ этомъ ошибаетесь: тогда никакихъ мѣръ не принималось противъ зла, а теперь онѣ принимаются очень дѣятельно. Ужъ мы видимъ груды камней на улицахъ, мощенье начинается серьезнымъ образомъ. Вотъ посмотрите, — скоро будетъ совсѣмъ другое.

— Ахъ, Боже мой, какой вы странный однако человѣкъ. Какъ же вы это полагаете, что во всѣ 35 лѣтъ ничего не было предпринято для улучшенія проѣзда и прохода по одесскимъ улицамъ? А еще живете здѣсь! Да я вамъ могу указать десятки статей и извѣщеній объ этомъ за одно послѣднее десятилѣтіе. Вы скажете, что то были мѣры не серьезныя; ну, а те-

перь что же особеннаго дѣлается? Вѣдь на улицахъ накиданъ и приготовленъ для работъ все тотъ же мягкій камень, которымъ и прежде мостили... Вѣдь не граниту вамъ привезли изъ Финляндіи... Вы сами же говорите, что камень этотъ черезъ два мѣсяца истирается... Впрочемъ, что вы восхищаетесь, я этимъ не удивленъ; во всѣ времена были люди, способные къ безграничному восторгу предъ всякимъ началомъ, не ожидая конца.

— Однакоже при Пушкинѣ не восхищались, а бранили...

— Какъ такъ? Значитъ, вы не дочитали у Пушкина конца описанія... Какъ же, помилуйте, — вѣдь оно заканчивается такимъ образомъ:

Но ужъ дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ-будто кованной броней...

Видите,—рѣшительно то же самое, что теперь: и работы начались, и надежды тѣ же... Нѣтъ, надежды даже больше: вы не говорите по крайней мѣрѣ, что Одесса покроется «кованной броней».

Всѣ разсмѣялись, но видимо были смущены своимъ литературнымъ невѣжествомъ; какъ въ самомъ дѣлѣ не знать, что еще Пушкинъ описывалъ начало тѣхъ работъ, которыя хотятъ начать теперь.

«Впрочемъ, говоря серьезно, заключилъ я, — надо сознаться, что въ эти 35 лѣтъ мы много двинулись впередъ, и, судя по этому, слѣдуетъ ожидать, что теперь и работы одесскихъ мостовыхъ пойдутъ въ уровень съ общимъ движеніемъ».

Собесѣдники остались очень довольны моимъ заключеніемъ.

Надѣются также, что и дороги къ пристанямъ будутъ очень скоро устроены. А то теперь путь отъ одесскихъ пристаней въ Европу—самый привольный; только до пристани добраться трудно. Мнѣ разсказывали, что былъ тутъ такой годъ, когда за перевозъ пшеницы изъ одесскихъ амбаровъ до Пересыпи, до корабля, приходилось платить вдвое болѣе, чѣмъ затѣмъ весь фрахтъ отъ Одессы до Марселя. Говорятъ даже, что нѣкоторые почти разорились отъ такого казуса, вовсе не входившаго въ ихъ соображенія.

Изъ Одессы во всѣ стороны, впрочемъ, вы можете ѣхать отлично. Напримѣръ, мнѣ нужно было въ Нижній: самый удобный путь—черезъ Таганрогъ и Ростовъ на Дону, потомъ переѣздъ въ 70 верстъ до Царицына, а дальше по Волгѣ. По этому пути вездѣ заведены пароходныя сообщенія; чего бы, казалось, лучше? Однакоже, я предпочелъ ѣхать сухимъ путемъ на Харьковъ и Москву. Сухой путь, видите, хоть и очень безпокоенъ, но все же имѣетъ нѣкоторую опредѣленность: можно разсчитывать добраться до Нижняго, напримѣръ, въ 12—14 дней. Относительно пароходнаго сообщенія этого никогда не высчитаешь. Я уже не говорю о «корреспонденціи пароходовъ», какая въ употребленіи, напримѣръ, въ Швейцаріи: этого, конечно, нельзя и требовать отъ нашихъ пароходныхъ компаній... Устрой-ка такую корреспонденцію—такая катавасія пойдетъ въ разсчетахъ и отчетахъ, что акціонеры послѣднихъ денегъ своихъ лишатся... Половина доходовъ, напримѣръ, Черноморскаго пароходства окажется въ «Кавказѣ и Меркуріи», а три четверти выручки «Меркурія» въ Волжско-Донскомъ пароходствѣ, которое всю сумму издержитъ на поимку бѣглыхъ работниковъ, а потомъ г. Кокоревъ объявитъ акціонерамъ, что все зло оттого, что по Волгѣ телеграфовъ не устроено. Нѣтъ, до корреспонденціи разныхъ компаній куда же намъ. Но хоть бы каждая компанія сама-то по себѣ вела дѣло не для собственной утѣхи, а для удобства публики,—такъ и того нѣтъ. Какъ вы думаете, напримѣръ, сколько времени нужно, чтобы доѣхать до Таганрога отъ Одессы, на пароходѣ Черноморскаго общества?.. Сутки полутора, двое?.. Нѣтъ, недѣлю... Отъ Марселя до Константинополя вы ѣдете недѣлю, и тутъ почти столько же! А затѣмъ въ Таганрогѣ ждите, пока пароходъ пойдетъ до Ростова, въ Ростовѣ ждите опять, и никто не вѣдаетъ заранѣе, сколько времени; доѣхавъ до Царицына, опять ждите, и по самому короткому разсчету — вы путь этотъ совершите въ три недѣли, а то, пожалуй, и въ четыре, то-есть такъ, что пока вы ѣдете отъ Одессы до Нижняго, можно въ Америку съѣздить и назадъ вернуться.

И предпочелъ я сухой путь, и хорошо сдѣлалъ. Дорога, правда, была убійственная до самаго Харькова, но зато разнообразная: иную станцію всю трясетъ васъ довольно равномѣрно, такъ что къ концу ея вы даже подлаживаетесь къ дорогѣ и въ тактъ подскакиваете, какъ верховые ѣздоки на англійскій манеръ; а на другой станціи васъ время отъ времени только подбрасываетъ, такъ что вы невольно вскрикиваете, воображая, особенно съ непривычки, что васъ совсѣмъ выкинетъ изъ телѣги... Послѣдній родъ тряски самый неудобный для «сближенія съ народомъ», о которомъ такъ хлопочетъ г. Піотровскій и другіе господа: я хотѣлъ-было завести разговоръ съ моимъ ямщикомъ, но только-что раскрылъ ротъ, меня подбросило и я прикусилъ

языкъ; оправившись, я опять рѣшилъ сдѣлать какой-то вопросъ, но не успѣлъ кончить, какъ меня снова подбросило и опять я прикусилъ языкъ, да на этотъ разъ ужъ такъ, что чуть не всплакалъ отъ боли... Тѣмъ и кончилась на этотъ разъ моя попытка сближенія съ народомъ.

Но если дорога безпокоила меня, зато было отрадно патріотическому сердцу смотрѣть вокругъ — на этотъ безграничный пустырь, на эту степь, которой дѣйствительно глазомъ не окинешь...

Еще отраднѣе встрѣчать повсюду работы для исправленія дороги... Работали такъ дѣятельно, что въ иныхъ мѣстахъ даже проѣздъ остановленъ былъ, а ѣздили въ объѣздъ, черезъ лѣсъ или черезъ топи какія-то. Хоть это и составляло обыкновенно нѣсколько верстъ лишнихъ, но я съ удовольствіемъ дѣлалъ крюкъ, думая, что дѣлаю его для общественнаго блага. Когда дорога объѣздомъ была ужъ очень плоха, я только спрашивалъ ямщика: «что это, какъ здѣсь ѣхать-то скверно! Всегда такая дорога?»—Нѣтъ, это время все дожди шли, оттого больно и попортилась дорога.—«Что жъ это вздумалось поправлять дороги именно теперь. тотчасъ послѣ дождей? Развѣ прежде-то не было времени?»—А Богъ ихъ знаетъ. Стало быть, приказано... Извѣстно, своей волей мужикъ теперь не пойдетъ дорогу работать: своего дѣла вдоволь.—Несмотря на нѣкоторую неблагосклонность этого отзыва, мнѣ все-таки пріятно было видѣть усовершенствованіе нашихъ путей сообщенія. Моя приверженность къ общему благу была такъ велика, что я не возропталъ, будучи разъ, по случаю исправленія дороги, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Ѣхали мы вечеромъ, часовъ въ девять, пошелъ дождь; я спрашиваю, много ли до станціи, и получаю въ отвѣтъ, что вотъ только мостокъ переѣхать, а тамъ сейчасъ и станція... Между тѣмъ дождь превратился въ ливень; я снялъ шапку, обвернулся съ головою въ пальто и сижу. Слышу—остановились; я открываюсь, думая, что станція; но вообразите мое разочарованіе: мостикъ только что загородили для ѣзды, по случаю поправки... «Что же теперь дѣлать?» Да надо въ гору объѣзжать, вонъ тамъ.—«А много?» — Да съ версту будетъ — «Ну, валяй»... И проѣхалъ я версту въ гору, подъ жесточайшимъ ливнемъ, въ темнотѣ, безъ всякаго прикрытія. Пріѣхалъ на станцію—все бѣлье хоть выжми, зубъ стучитъ объ зубъ, и всего лихорадка бьетъ... А не возропталъ! Ибо зналъ, что поправка моста производится не для частной прихоти, но для общественнаго блага... Жалѣлъ только, что не было оповѣщено о томъ по сосѣднимъ станціямъ; но вѣрно дѣло было спѣшное,—не успѣли оповѣстить.

Впрочемъ, зачѣмъ это я все о себѣ говорю? Вѣдь сейчасъ войдутъ въ претензію систематическіе литераторы: вотъ, скажутъ, нашелся еще господинъ, — взялся внутреннее обозрѣніе писать, а разсказываетъ, какъ онъ на дождѣ промокъ... Въ самомъ дѣлѣ, — нехорошо; —буду лучше говорить о другомъ и о другихъ. Но вѣдь вотъ бѣда-то: о себѣ я могъ бы разсказать хоть что-нибудь утѣшительное, такъ какъ я человѣкъ характера кроткаго, довольствуюсь малымъ и всегда благодушествую, хоть и не довѣряю веснѣ нашей. А вокругъ меня все какъ-то такое печальное, недовольное,— кто самъ собою, кто акціями, кто житейскими неудачами, а кто Богъ знаетъ чѣмъ... Впрочемъ, можетъ, оно будетъ даже и кстати для осенняго обозрѣнія, тѣмъ болѣе, что все, что̀ я хочу теперь припомнить, явно говоритъ въ пользу моего мнѣнія о вредѣ весеннихъ увлеченій и неразумной довѣрчивости.

Ну, вотъ, напримѣръ, на дорогѣ между Полтавой и Харьковомъ встрѣтилъ я труппу странствующихъ актеровъ. Труппа имѣетъ и осѣдлость, но теперь отправлялась въ Полтаву на ярмарку. Въ числѣ актеровъ нашелъ я, къ удивленію, одного изъ моихъ бывшихъ университетскихъ товарищей. Онъ всегда имѣлъ страсть къ театру, но я зналъ, что онъ имѣлъ въ Харьковѣ обезпеченное мѣсто, и никакъ не думалъ, что онъ броситъ его для сцены. Однакоже, бросилъ. Новой своей обстановкой онъ не могъ быть довольнымъ: все, что̀ читали мы въ «Мертвомъ Озерѣ», «Перелетныхъ Птицахъ» и другихъ разсказахъ, и что̀ я считалъ преувеличеннымъ, оказалось, напротивъ, хуже дѣйствительности. Цѣлый міръ грязи, подлостей, интригъ, оскорбленій и невидныхъ, темныхъ страданій открылся предо мною послѣ разговора съ товарищемъ. Пересказывать подробности не берусь, потому что не имѣю на то права; но чтобы дать понятіе вообще о подобныхъ труппахъ, приведу нѣсколько строкъ изъ физіологическаго очерка, попавшагося мнѣ недавно въ «Прибавленіяхъ къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ». Авторъ говоритъ о временахъ *прошлыхъ* и рисуетъ, напр., личность антрепренера такими чертами:

«Южное небо, сало, деревня и полкъ взлелѣяли антрепренера *** скаго театра. Фигура его напоминала толстенькихъ лысыхъ китайскихъ божковъ и всегда очень мило и вѣжливо шныряла между посѣтителями театра, какъ бы говоря: «какъ я

радъ, что ваши рубли перешли въ кассу». Сильнымъ города никто не умѣлъ такъ услужить, какъ онъ. Благодаря этой милой способности, публика обязана была ему милыми талантами госпожъ А* и Б*. Онъ держалъ ихъ единственно изъ угожденія его превосходительству дѣйствительному статскому совѣтнику, его высокоблагородію полковнику... Доброта неописанная: и сильные были довольны, А* и Б* были довольны, а если мужъ находился, то и таковому было тепло! Услужливость антрепренера доходила до того, что онъ даже отдавалъ свой театръ *по субботамъ* подъ благородные спектакли въ пользу сиротъ, школъ и т. п. Отъ этого во 1) любители драматическаго искусства всласть тѣшились своими дарованіями; 2) сироты и проч. получали, на худой конецъ, *по полкопѣйки* на душу, и 3) самъ-то онъ, самъ—вѣдь по субботамъ спектаклей не бывало, а вдругъ... вмѣсто нуля—въ карманѣ *полсбора* (онъ только на этихъ условіяхъ отдавалъ театръ); наконецъ, въ 4), судите же о восторгѣ публики: она узнавала изъ отчетовъ, что половина рубля, пожертвованнаго ею въ пользу сиротъ, убогихъ и проч.... шла въ пользу экстренной убогой сироты—антрепренера!.. Заботы его простирались до того, что даже мизерный актеришка имѣлъ *полубенефисъ* (на его театрѣ не было полныхъ бенефисовъ). Актеръ хлопоталъ, мыкался по городу, тратился на извозчиковъ, совалъ билеты встрѣчнымъ - поперечнымъ, глядишь — театръ и полуполонъ. Опять довольство: и актеръ счастливъ, и антрепренеръ счастливъ, потому что послѣдній возьметъ себѣ половину сбора, слѣдовательно, окупитъ жалованье автора, да въ прибавку поставитъ въ счетъ и веревки. Трагикъ Р* за этакую штуку прилично ругнулъ его, а веревки велѣлъ отнести домой: «бѣлье, дескать, буду вѣшать». Но это одно преданіе. Неужели антрепренеръ былъ до того нелогиченъ, что не разсудилъ: нельзя же, молъ, покупать веревки къ каждому бенефису: бенефисовъ набиралось въ годъ штукъ двѣсти,—сколько же накопилось бы веревокъ?.. Любовь и доброта его сквозила и въ тѣхъ нѣжныхъ попеченіяхъ о труппѣ, которыя онъ имѣлъ о ней во все время отъѣзда на ярмарки. По контракту, слѣдовали *приличные экипажи,* онъ и давалъ *жидовскія фуры,*—чѣмъ не приличный экипажъ? Въ день прокатишь «ажно 40 верстъ», а ради развлеченія и выдумаешь привалы у каждаго шинка, а тутъ ужъ и пошло: отливаніе павшихъ подъ бременемъ жажды, пьяныя хористки, крикъ, брань... для контраста къ этой нелѣпости можно прибавить два-три лица, понятія и жизнь которыхъ идутъ сюда, какъ цвѣты къ морозу. А тамъ, далеко впереди, мчится въ покойномъ тарантасѣ *самъ* съ помощникомъ и сладко колеблются ихъ животики, и витаютъ милыя барышни надъ ними! Вѣкъ и понятія все оправдываютъ: коли насажать актеровъ въ тарантасы, въ какомъ же тогда экипажѣ долженъ *самъ* ѣхать? Какъ бывшій помѣщикъ, онъ хорошо понимаетъ, что актеръ — *ѣстъ,* антрепренеръ — *кушаютъ,* актеръ—*спитъ,* антрепренеръ—*почиваютъ*.. Привычка!—«Фуру нельзя называть *приличнымъ экипажемъ*»—ворчалъ какъ-то уважаемый всѣми ветеранъ сцены Д*.—Антрепренеръ мило возразили «*для мѣщанина и это хорошо!*»

Конечно, я не могу этихъ «воспоминаній» отнести къ той труппѣ, гдѣ былъ мой товарищъ; но... провинціальные нравы не скоро мѣняются, а нравы всякаго рода антрепренеровъ бываютъ обыкновенно еще устройчивѣе, нежели всякіе другіе... Я разстался съ моимъ товарищемъ, пожелавъ ему успѣха и пожалѣвъ его.

Вдругъ, черезъ нѣсколько дней онъ является въ Харьковѣ.—Отчего же вы не съ труппой?—«Я ее оставилъ».—Какъ, почему? А мѣсто, а отставка?... Въ отвѣтъ на свои вопросы я узналъ, что пріятель мой—человѣкъ, до сихъ поръ не излѣчившійся отъ весенняго направленія. Онъ былъ приглашенъ, мало того—*упрошенъ* антрепренеромъ поступить въ его труппу (его знали по игрѣ на благородныхъ спектакляхъ), и полагаясь на доброту и честность антрепренера, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, прежде заключенія формальнаго обязательства съ театромъ. Потомъ антрепренеръ началъ оттягивать дѣло, подъ тѣмъ предлогомъ, что у поступавшаго не было документовъ... Такимъ образомъ онъ дождался того времени, когда пріятель мой, получивъ отставку, остался безъ всякихъ средствъ, и тутъ принялся прижимать и оскорблять его. Бѣдняжка увидѣлъ вредъ своей довѣрчивости, но уже поздно... А тутъ еще подоспѣлъ крупный разговоръ съ помощникомъ антрепренера, помогавшимъ ему составлять отчеты по спектаклямъ, и вслѣдствіе того привыкшимъ говорить дерзости всѣмъ актерамъ... Я не знаю, былъ ли талантъ у моего товарища, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ играть умно. Но для антрепренера это было все равно: онъ не ужился даже съ однимъ актеромъ, который потомъ производилъ фуроръ въ Москвѣ и Петербургѣ и считался замѣною Мартынова; а антрепренеръ говорилъ на первыхъ порахъ: «слава Богу, что N назвался въ Петербургѣ актеромъ О. театра,

а не моего, а то осрамилъ бы насъ»... Стало быть, если бы у моего товарища былъ и громадный талантъ,—онъ бы не сталъ его удерживать при непокорствѣ его характера и особенно при ссорахъ его съ помощникомъ, составлявшимъ отчеты. При томъ же онъ зналъ, что человѣкъ остался рѣшительно безъ средствъ по его милости. И вышла сцена, послѣ которой непокорный не могъ болѣе оставаться въ труппѣ. Актеры сначала зашумѣли, нѣкоторые хотѣли протестовать, требовать, чтобы помощникъ извинился предъ ихъ собратомъ, но все, разумѣется, кончилось смирнымъ молчаніемъ.

Это молчаніе очень огорчило моего друга, и—странное дѣло—однако не отнимало у него надежды, что за него встанетъ само общество. Какъ я его ни убѣждалъ, что этого не бываетъ,—нѣтъ, ничѣмъ его не увѣришь. «Какъ же, говоритъ, общество промолчитъ, когда въ его глазахъ оскорбляютъ человѣка?»... Да такъ и промолчитъ! При такихъ ли вещахъ молчитъ оно. Посмотрите хоть газеты наши,—вы увидите, что хотя у насъ и есть господинъ Левъ Камбекъ, защитникъ всѣхъ оскорбленныхъ, но и этотъ болѣе по части писанія обличеній, нежели дѣйствительной защиты. А то—какъ обыкновенно дѣлаются дѣла? Постоянно такъ, какъ разсказано было недавно въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»: въ общественномъ саду компанія молодыхъ людей обступаетъ дамъ, рекомендуютъ другъ друга, привязываются, дамы обижены, хотятъ уйти, молодые люди окружаютъ ихъ, требуютъ шампанскаго, съ громомъ откупориваютъ, ставятъ передъ дамами на столъ, а сами удаляются... Сотни людей это видѣли, многіе не одобряли нахальства молодыхъ людей, нашлись даже такіе, что «возмутились до глубины души» ихъ поведеніемъ. И что же? Вѣдь никто за обиженныхъ не вступился, никто нахаловъ не проучилъ, а только одинъ изъ «возмутившихся душой» написалъ черезъ нѣсколько дней письмо, которымъ украсился фельетонъ «Одесскаго Вѣстника» (№ 77). Вотъ и все... А то, напримѣръ, другого рода происшествіе, — это ужъ далеко отсюда, въ западномъ краѣ гдѣ-то. Вздумали клубъ открыть; одно сильное лицо требовало, чтобы клубъ былъ исключительно дворянскій, а людей средняго рода не пускали въ него; иначе грозило не удостаивать клуба своимъ участіемъ. Но по какому-то чуду на этотъ разъ требованіе сильнаго лица не было выполнено. И что же? Въ день открытія клуба другое сильное лицо города, видя, куда вѣтеръ дуетъ, сказало первому сильному лицу рѣчь, въ которой изобразило, что клубъ, дескать, собственно вамъ обязанъ своимъ существованіемъ, ибо нѣкоторые хотѣли дворянскаго только участія, и лишь благодаря вашимъ настояніямъ онъ открытъ теперь для всѣхъ... Сильное лицо выслушало не поморщившись, публика выпила тостъ, провозглашенный за его здоровье, и все тутъ. А послѣ, конечно, ходятъ и разсказываютъ, что вотъ-де, какъ съ нами нехорошо было поступлено, въ глазахъ дѣло переврали... А кто же позволилъ переврать?... Да чего ужъ, когда на свои собственные интересы наше общество не обращаетъ вниманія?... У насъ какъ-то выходитъ совершенно противоположное пословицѣ: l'union fait la force; у насъ, напротивъ, попробуй, напримѣръ, ограбить отдѣльнаго человѣка,—закричитъ, искать будетъ, дѣло затѣетъ; а въ массѣ, напримѣръ въ акціонерной компаніи, дѣлай съ нимъ, что хочешь; пропадаютъ его денежки, а онъ себѣ и ухомъ не ведетъ...

Такъ *успокоивалъ* я моего друга; но онъ не переставалъ волноваться надеждами. Что жъ, пусть надѣется; послѣ покается. Надѣяться на все можно. Вонъ «Санктпетербургскія» и другія вѣдомости надѣялись, что новый султанъ Абдулъ-Азисъ Турцію преобразуетъ и возстановитъ, а черезъ недѣлю сами же стали опровергать свои надежды. Или мои одесскіе друзья надѣялись, что у нихъ скоро желѣзная дорога будетъ, что ужъ и запасы сдѣланы, и земляныя работы произведены, а потомъ (въ № 92 «Одесск. Вѣстн.») вдругъ и прочитали, что главное общество не будетъ строить ѳеодосійскую желѣзную дорогу... То же вотъ, пишутъ, въ Саратовѣ было, по случаю ожиданій, возбужденныхъ проектомъ тамошней дороги. Тамъ всеобщее увлеченіе не на однихъ словахъ, а даже и практически выразилось, какъ показываетъ одна корреспонденція въ «Спб. Вѣд.» (№ 150):

«Давно мы говорили, что въ первое время, когда стало извѣстнымъ объ утвержденіи проекта проведенія желѣзной дороги между Москвою и Саратовомъ, пустопорожнія городскія мѣста въ этомъ послѣднемъ городѣ, лежащія въ той части, гдѣ должны быть станція дороги и дебаркадеръ, раскупались, съ торговъ, нарасхватъ. До 100.000 квадратныхъ саженъ было взято подъ постройки людьми всѣхъ званій и состояній, начиная отъ богатыхъ торговыхъ домовъ, помѣщиковъ, чиновниковъ всѣхъ ранговъ, и кончая мѣщанами и крестьянами. Брались мѣста не одними мѣстными обывателями, но и пріѣзжими за тысячи верстъ, хотя такихъ, конечно, было меньше, чѣмъ первыхъ. Перепродажа мѣстъ вызвала самую усиленную спекуляцію.

Выгодныя мѣста поднялись съ ничтожной цѣны до неумѣренно-высокой. Но теперь, вотъ уже болѣе года, какъ все успокоилось и охладѣло. Горячка пріобрѣтенія пустопорожнихъ мѣстъ прошла. Цѣлыя площади стоятъ незастроенными; иныя мѣста обнесены только жалкими заборами. Спекуляторы охладѣли къ своему дѣлу, потому что нѣтъ охотниковъ на рискованныя покупки; а рискнувшіе на нихъ, кажется, сожалѣютъ о минутахъ увлеченія: мѣсто застраивать нечѣмъ, да и зачѣмъ?»

Что жалѣть-то, когда поздно? Лучше бы не увлекаться прежде. Какъ ни заманчива мысль о нашихъ великихъ прогрессахъ, о желѣзныхъ дорогахъ и пр.,—все лучше бы поразсудительнѣе быть.

А, впрочемъ, у насъ не разберешь даже и того, какое вліяніе, напримѣръ, желѣзная дорога будетъ имѣть даже на скорость сообщеній. У насъ телеграфъ передаетъ депешу по пяти, по шести дней, эстафета изъ Херсона, отправленная 5 числа (какъ недавно объявлялось), приходитъ въ Одессу 20; открыли теперь дорогу отъ Москвы до Владиміра—ѣзда отъ Москвы до Нижняго сдѣлалась затруднительнѣе и дольше прежняго. Прежде почтовый экипажъ привозилъ васъ изъ Нижняго въ Москву въ 36—38 часовъ; теперь вы ѣдете 40 часовъ до Владиміра, а здѣсь должны ночевать, потому что почта, отправляясь изъ Нижняго утромъ, приходитъ во Владиміръ вечеромъ, а желѣзная дорога уходитъ въ 2 часа пополудни. Такимъ образомъ, съ открытіемъ желѣзной дороги сообщеніе Нижняго съ Москвой замедлилось на цѣлыя сутки,— не говоря ужъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя выноситъ проѣзжающій на отжившемъ свой вѣкъ шоссе между Владиміромъ и Нижнимъ.

Однако, я замѣчаю, что начинаю сбиваться на тонъ фельетоновъ «С.-Пет. Вѣд.». и это меня привело бы въ немалое сокрушеніе, если бы я не самъ первый это замѣтилъ. А вы, вѣроятно, и послѣ моей оговорки еще не вдругъ узнаете, въ чемъ я похожу на фельетониста «Вѣдомостей»?... Въ общемъ тонѣ, въ пустотѣ содержанія, въ отсутствіи новыхъ и живыхъ идей?... Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: въ этомъ-то всѣ мы больше или меньше другъ на друга похожи. Всѣ болтаютъ о пустякахъ, —одни важно, другіе игриво, одни съ весеннимъ настроеніемъ, другіе съ осеннимъ,—но все-таки похоже одинъ на другого. Нѣтъ, я нахожу, что сбиваюсь на фельетонистовъ академической газеты *переходами*. Если вы читывали фельетоны «Вѣдомостей», то помните, конечно, замысловатость ихъ переходовъ: напр., фельетонистъ говоритъ о звѣринцѣ Крейцберга, и къ самому концу прибережетъ *львовъ,* а потомъ и перейдетъ: кстати о *львахъ;* львы нынѣшняго сезона носятъ... и пойдетъ разсказывать, что̀ они носятъ... Кончивъ тѣмъ, что нынѣ не въ большомъ ходу *духи,* онъ продолжаетъ: кстати о другихъ *духахъ* — и пойдетъ о Юмѣ. Разсказавъ, какъ Юмъ подымаетъ на воздухъ *тяжелые* столы, опять переходитъ: кстати: *легкій* и здоровый столъ предлагается въ новомъ ресторанѣ... И пойдетъ о ресторанѣ. Выходитъ такимъ образомъ—и разносторонне, и связно, да еще читатель награждается нѣсколькими каламбурами.

Я чуть-было не попалъ на эту колею, мечась отъ осени къ безденежью, отъ него къ дорогамъ, отъ дорогъ къ театру, отъ театра къ общественнымъ нравамъ, и т. д. Но, слава Богу, во̀-время замѣтилъ и теперь спѣшу кончить...

А гдѣ же внутреннее-то обозрѣніе? Что́ произошло замѣчательнаго за эти мѣсяцы? Такъ и не будетъ объ этомъ ничего?...

Объ этомъ такъ ничего и не будетъ, читатели.

---

425. Политика.

Напечатано вмѣстѣ съ № 422. Политическое обозрѣніе написано Добролюбовымъ тоже въ виду отсутствія постояннаго обозрѣвателя—Чернышевскаго. Тогда оно имѣло важное значеніе, какъ противовѣсъ голосу многихъ русскихъ журналовъ и газетъ по освѣщенію и междоусобной войны въ Америкѣ и положенія Венгріи. Русская журналистика вообще въ тѣ годы не отличалась сколько-нибудь самостоятельными взглядами на событія внѣ Россіи. Царствованіе Николая I,—когда вся политика велась въ газетѣ III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи—«Сѣверной Пчелѣ», а если и разрѣшалась иногда другимъ, то съ достаточными данными въ «благонамѣренномъ» образѣ мыслей ихъ издателей и редакторовъ — совершенно не могла подготовить среди русскихъ литераторовъ кадра работниковъ, знакомыхъ съ нелегкимъ

дѣломъ — освѣщеніемъ политической и общественной жизни Запада. Въ царствованіе Александра II хоть и стало немного полегче получить разрѣшеніе на періодическое изданіе, а затѣмъ и на введеніе отдѣла иностранной политики, но за него не брались сколько-нибудь убѣжденные и просвѣщенные журналисты, потому что сложная сѣть всевозможныхъ цензуръ донельзя стѣсняла всякую самостоятельную мысль. Самъ собой установился порядокъ заимствованія, помощью ножницъ, всѣхъ извѣстій изъ газетъ, аккуратный приходъ которыхъ въ редакціи былъ гарантированъ расположеніемъ къ нимъ со стороны нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Позже это даже было введено въ освященную традиціей систему. Еще позже сдѣлали и слѣдующій логическій шагъ: такъ какъ въ иностранныхъ газетахъ, какъ бы онѣ ни были благонамѣренны въ отношеніи всякаго революціонизма, раціонализма, соціализма—и всей вообще сотни «измовъ»,—все-таки иногда проскакивали статьи, не подходящія для русскаго подданнаго, то приказано было заимствовать политику, не непосредственно изъ иностранныхъ газетъ, а изъ особо привилегированныхъ русскихъ (См. № 305.). Надо ли объяснять, насколько все это могло увеличить число сотрудниковъ нашихъ газетъ и журналовъ по отдѣлу иностранной политики. «Современникъ» былъ почти единственнымъ исключеніемъ, гдѣ отдѣлъ политики взялъ на себя дѣйствительно выдающійся литераторъ—Чернышевскій. Какъ писателю, славившемуся среди своихъ коллегъ способностью провести и вывести любого цензора, ему удавалось бесѣдовать съ своей публикой очень, въ сущности, понятнымъ языкомъ. Это былъ отдѣлъ программный, отвѣтственный, и потому, конечно, Добролюбовъ не могъ, хотя бы на одну книжку, сдать его никому, кромѣ себя.

Описаніе венгерскихъ событій было очень хорошо понято публикой: тутъ говорилось о Венгріи—вьявь, и о сути польскихъ событій въ Россіи — втихомолку, такъ какъ вообще по этому вопросу ротъ печати былъ замкнутъ цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ цензурныхъ распоряженій. Да и о Венгріи нельзя было особенно распространяться въ виду циркуляра по цензурѣ отъ 21 апрѣля 1861 г. (См. № 419).

М. Л.

Американскія дѣла и отношеніе къ нимъ Англіи.—Пораженіе союзныхъ войскъ при Маснасасѣ, его причины и послѣдствія.—Назначеніе главнокомандующимъ союзной арміи Макъ-Клелланда.—Финансовыя мѣры, принятыя Конгрессомъ.—Объявленіе свободными негровъ, которыхъ владѣльцы приняли участіе въ войнѣ противъ союза.—Сраженіе при Спрингфильдѣ.—Венгерскія дѣла: послѣдній адресъ венгровъ и распущеніе Пештскаго сейма.—Италія: реакція въ Неаполѣ подъ видомъ разбойничьихъ шаекъ.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца американскія дѣла возбуждали самые противорѣчивые толки и предсказанія въ европейскихъ газетахъ. Запутанность и противорѣчія самихъ извѣстій, получавшихся изъ Америки, оправдывали до нѣкоторой степени колебанія журналистики въ сужденіяхъ о событіяхъ и о вѣроятномъ ихъ результатѣ. Но нельзя не видѣть въ большей части этихъ сужденій и другого мотива, вытекающаго болѣе изъ положенія нашихъ европейскихъ дѣлъ, нежели изъ безпристрастнаго наблюденія американскихъ событій. Всего болѣе заинтересована въ дѣлѣ Англія: ей нуженъ хлопокъ, котораго получить изъ Америки она не можетъ въ достаточномъ количествѣ, если война продолжится; увѣряютъ даже, что еще годъ войны—и въ Англіи неизбѣженъ промышленный кризисъ. Кромѣ того, англичане боятся покушеній правительства Сѣверныхъ Штатовъ на Канаду, вслѣдствіе чего рѣшили даже послать туда подкрѣпленіе изъ 2.500 человѣкъ. Все это заставляетъ ихъ желать, во-первыхъ, окончанія сѣверо-американской войны какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало, и, во-вторыхъ, сохраненія за Югомъ права образовать особую рабовладѣльческую республику, которая бы всегда могла поддерживать антагонизмъ съ Сѣверомъ и такимъ образомъ избавлять Англію отъ опаснаго соперничества... Поэтому «Times» нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда вопросы еще не были поставлены такъ рѣшительно,—бывшій расположеннымъ къ Линкольну, теперь постоянно вооружается противъ безумія Сѣвера и доказываетъ, что ему не сдобровать. Вліяніе «Times»'а отражается, разумѣется, и на континентальныхъ газетахъ и потому газетныя извѣстія обыкновенно передаются въ такомъ видѣ, что способны внушить публикѣ самое извращенное понятіе о дѣлѣ. Два пораженія, нанесенныя федеральнымъ войскамъ, чуть не приняты были за полное торжество Юга; недостатки, обнаружившіеся при этомъ въ войскахъ Сѣвера,—чуть не за полную его неспособность вести войну. Теперь, по сличеніи многихъ разнообразныхъ извѣстій, можно нѣсколько выяснить истину, и мы попробуемъ сдѣлать это. Но прежде приведемъ одну изъ

руководящихъ статей «Times»'а, найденную нами въ одномъ изъ послѣдне-полученныхъ нумеровъ его. Статья эта, выбивающаяся изъ силъ, чтобы доказать Сѣверу невозможность успѣха, довольно полно резюмируетъ извѣстнаго рода умствованія объ этомъ предметѣ, вѣроятно, не разъ попадавшіяся въ газетахъ нашимъ читателямъ.

Если бы Англія теперь объявила намѣреніе въ наискорѣйшемъ времени завоевать Францію, или если бы Франція сдѣлала такое же объявленіе относительно Англіи,—міръ посмѣялся бы только неслыханному безумію, внушившему этотъ умыселъ и это хвастовство. Міръ согласился бы, что—допуская въ томъ или другомъ изъ этихъ двухъ народовъ достаточную степень сумасбродства и упрямства—каждый изъ нихъ могъ бы нанести противнику огромный, невознаградимый вредъ, но не иначе, какъ съ такимъ же вредомъ для самого себя. Разъ война была бы рѣшена,—счастіе могло бы благопріятствовать той или другой сторонѣ; оно могло бы дать каждой блестящія побѣды и періоды значительнаго перевѣса, могло бы, наконецъ, доставить одной рѣшительное торжество,—но все это не иначе, какъ цѣною усилій, совершенно несоотвѣтствующихъ печальному результату. А между тѣмъ теперь по ту сторону Атлантическаго океана происходитъ именно такого рода дѣло. Два союза сражаются между собою. Одна половина отжившаго свое время федеральнаго тѣла хочетъ принудить другую къ исполненію федеративныхъ обязанностей. Мы говоримъ, что тамъ происходитъ дѣло подобнаго рода; но, прежде чѣмъ мы пойдемъ дальше, нужно замѣтить, что положеніе сѣверо-американцевъ во многихъ важныхъ отношеніяхъ труднѣе, чѣмъ было бы наше. Они не такъ дружны, какъ всегда были мы въ нашихъ войнахъ. Ихъ пограничные штаты колеблются между обѣими сторонами. Имъ приходится защищать пограничную линію длиною болѣе чѣмъ въ тысячу миль, и въ томъ числѣ пространство, гдѣ непріятель тѣснитъ настойчиво, и гдѣ кругомъ—враги или ненадежные союзники. Говоря тѣмъ же языкомъ, какъ и противники ихъ, они не имѣютъ возможности удалить шпіоновъ отъ своихъ линій или даже исключить измѣнниковъ изъ своихъ рядовъ. Имъ приходится создавать вновь и армію, и флотъ. Имъ приходится еще только начинать знакомство съ основными началами военнаго дѣла и даже дисциплины. Они не имѣютъ ни солдатъ, ни офицеровъ, которые бы могли подготовить ихъ и командовать ими. Ихъ доходовъ передъ войной въ лучшее время едва достало бы на уплату процентовъ по долгу, который придется сдѣлать въ два года такой войны. И самый доходъ этотъ будетъ уменьшенъ потерей отдѣлившихся штатовъ и остановкой торговли. Едва ли новые налоги успѣютъ сдѣлать больше, чѣмъ пополнить этотъ недочетъ. Кредитъ американцевъ слабѣе англійскаго; да и трудно думать, чтобы распадающійся федеративный союзъ могъ имѣть такой кредитъ, какъ дружная нація. Наконецъ, мы знаемъ, что характеръ войны мѣняется сообразно съ обстоятельствами. Въ каждой мѣстности успѣхъ ея обусловливается соблюденіемъ особенныхъ правилъ. Въ американскихъ войнахъ перевѣсъ всегда былъ на сторонѣ обороняющагося. Наши поступательныя предпріятія всегда осѣкались объ укрѣпленныя позиціи, объ насыпи, накиданныя въ ночь, объ лѣса, скрывавшіе невидимаго врага, о пагубное дѣйствіе жары, голода и жажды, о всегда грозящее фланговое нападеніе, о печальное убѣжденіе въ томъ, что каждый шагъ уменьшаетъ число, силу и запасы нашихъ войскъ и увеличиваетъ средства непріятеля. Настоящая война могла бы составить главу въ исторіи нашихъ собственныхъ гибельныхъ войнъ въ этомъ краѣ. Войска Сѣвера двинулись противъ укрѣпленной позиціи, отстоящей всего на одинъ переходъ отъ Вашингтона. Они пришли туда уже значительно ослабленныя, съ числомъ людей, далеко не соотвѣтствующимъ спискамъ, истомленныя жаромъ, голодомъ, жаждой и длиннымъ переходомъ. Ихъ встрѣтило внезапное появленіе поѣздовъ съ войсками на ихъ обоихъ флангахъ. И между тѣмъ какъ это происходило въ Виргиніи, почти въ виду Вашингтона, 8.000 федералистовъ, наткнувшись въ четырехъ или пяти стахъ верстахъ къ западу оттуда, у Спрингфильда на тройныя силы непріятеля, испытали ту же участь, и, безъ сомнѣнія, по тѣмъ же самымъ причинамъ. Судьба какъ бы хотѣла показать сѣвернымъ штатамъ, что эта неудача не была дѣломъ случая или какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, или личныхъ ошибокъ,—а результатъ неизбѣжнаго закона.

«Одно только предпріятіе можетъ быть сравнено съ этимъ: это исполинскій, но сумасбродный походъ перваго Наполеона въ Россію. Основаніемъ ему служилъ огромный политическій союзъ, заключавшій самую населенную и богатую часть европейскаго материка и располагавшій лучшими его солдатами. Наполеонова армія вступала въ территорію, которой разсѣянное и бѣдное населеніе едва превосходило численностью массу наступавшихъ ополченій. Зима

была, можетъ быть, непосредственной причиной, но она служитъ и оправданіемъ ужасающаго истребленія, которымъ кончился походъ. Если кто-нибудь попробуетъ сравнить средство федералистовъ со средствами Наполеона, то онъ увидитъ, что они во всѣхъ отношеніяхъ далеко не выдерживаютъ этого сравненія. А съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что южные штаты гораздо болѣе, чѣми русскіе 1812 года, въ состояніи защищать каждый пунктъ, каждую позицію, каждую черту своей территоріи. Вмѣсто степей у нихъ горные хребты. Населеніе ихъ пріучено къ оружію, и отличается даже излишнимъ стремленіемъ къ употребленію его. Они имѣютъ желѣзныя дороги и изобильное количество запасовъ всякаго рода. Они, очевидно, имѣютъ лучшихъ генераловъ и лучшую военную организацію. Какъ результатъ всего этого, мы видимъ, что до сихъ поръ они умѣли защитить каждый дюймъ своей земли и поддерживать нападающихъ въ постоянномъ страхѣ быть обойденными съ фланга или отброшенными на собственную столицу. Противъ всего этого можно только сказать, что сѣверные штаты имѣютъ перевѣсъ въ бѣломъ населеніи, въ деньгахъ и кредитѣ. Обстоятельство это имѣло бы точно большое значеніе, если бы южные штаты нападали на нихъ и серьезно готовились перетопить въ рѣкѣ св. Лаврентія всѣхъ вооруженныхъ гражданъ Сѣвера. Оно было бы важно и въ случаѣ обыкновенной войны между двумя державами. Но тутъ не то. Они хотятъ подчинить себѣ южные штаты. Они дѣйствуетъ наступательно противъ непріятеля, который на собственной землѣ довольствуется оборономъ, имѣя только въ виду, если представится случай, протянуть свою оборонительную линію до столицы. Опытъ показываетъ, что въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ населеніе, сравнительно слабое, бѣдное деньгами и военными запасами, можетъ однако защищаться весьма энергически.

«Мы имѣемъ право предлагать совѣты. Мы можемъ предлагать ихъ сѣвернымъ штатамъ Америки, также какъ и законнымъ государямъ и деспотическимъ дворамъ Европы. Пусть государственные люди въ Вашингтонѣ сдѣлаютъ только то, что̀ Англія уже дѣлала сто разъ, что́ дѣлала и будетъ дѣлать вся Европа. Это совѣтъ не изъ отжившаго міра. Онъ не проникнутъ закваской, которой уничтоженіе было призваніемъ Франклина и Вашингтона. Это послѣднее, новѣйшее слово человѣческаго опыта; оно новѣе пара, электрическаго телеграфа и нарѣзныхъ пушекъ. Точно ли сѣверные штаты принадлежатъ къ новому міру, или это не болѣе какъ обломокъ стараго, подобно ему проникнутый тщеславіемъ, ханжествомъ и тиранствомъ, и только разстилающійся по ту сторону океана. Совѣтъ, который мы даемъ имъ, есть слѣдствіе урока, даннаго намъ нѣкогда ими же самими. Мы обращаемся къ нимъ, какъ многія дѣти къ отцамъ своимъ, со словами: «дѣлайте то, чему учите насъ». Пусть сѣверные штаты «признаютъ совершившійся фактъ», какъ сдѣлали это мы восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ на ихъ собственной землѣ, какъ сдѣлала это Австрія въ Виллафранкѣ и Цюрихѣ. Пусть они сосчитаютъ, чего ихъ планъ будетъ имъ стоить, и уже затѣмъ пустятся тѣснить къ Мексиканскому заливу полмилліона вооруженныхъ людей, защищающихъ свою тысячеверстную территорію. Пусть они подумаютъ, по силамъ ли придется имъ то, что́ было не подъ силу Наполеону въ апогеѣ его могущества, когда въ его рукахъ было населеніе, запасы и кредитъ, далеко превосходящіе средства американцевъ,—Наполеону съ его военнымъ искусствомъ, опытностью, цѣлой школой генераловъ и массами ветерановъ. Вѣдь они хотятъ не равныхъ или нѣсколько бо̀льшихъ успѣховъ, чѣмъ тѣ, какіе достанутся на долю Юга;—нѣтъ, они добиваются подавляющаго превосходства. Имѣютъ ли они его? Не преувеличено ли это мнѣніе о себѣ? Могутъ ли они погнать южныхъ, какъ стадо овецъ, выкурить ихъ изъ гнѣздъ, какъ осъ, преслѣдовать, какъ кроликовъ, и унести въ ягдташѣ, какъ застрѣленную дичь? Пусть они немного заглянутъ въ будущее; пусть посмотрятъ, что̀ будетъ черезъ годъ, и еще черезъ годъ, и черезъ двадцать лѣтъ. Даже мы, которымъ въ 1814 и 1815 годы удалось пѣть такія пѣсни славы, чувствовали, что и намъ и всей Европѣ было бы лучше, если бы мы поосмотрѣлись въ 1793 году. Если ясное предвѣдѣніе показываетъ, или должно показать, необходимость существованія двухъ союзовъ, невозможность мира на другихъ условіяхъ,—то, конечно, лучше, чтобы онъ былъ заключенъ послѣ года, чѣмъ послѣ десяти или двадцати лѣтъ войны. Кромѣ того, утвержденіе одного или двухъ союзовъ не составляетъ еще единственнаго возможнаго рѣшенія вопроса. Если война продолжится, никто не можетъ предсказать, какія новыя державы, новыя соединенія могутъ возникнуть, и, въ особенности, какъ долго западные штаты согласятся нести налоги и финансовыя неудобства, вызванныя войной. Совѣтъ, который мы даемъ американцамъ, былъ данъ ими цѣлому свѣту. Это горсть ихъ собственнаго хлопка, трубка ихъ же табаку. Пусть они взвѣсятъ то, что̀ могутъ сдѣлать—и то, чего не могутъ

сдѣлать ни они, ни весь міръ. Теперь они только доставляютъ торжество врагамъ своимъ: нѣтъ кружка старыхъ абсолютистскихъ министровъ и дипломатовъ, гдѣ бы разсказъ объ ихъ затрудненіяхъ не былъ встрѣченъ съ ядовитой улыбкой. Эти кружки услышатъ по крайней мѣрѣ съ уваженіемъ, можетъ быть съ досадой, что Сѣверъ и Югъ рѣшились разстаться друзьями».

Въ этой статьѣ есть все, что̀ до сихъ поръ говорилось въ какихъ-нибудь газетахъ противъ предпріятія Юга: и колебанія пограничныхъ штатовъ, и длина линіи, по которой надо разослать войска, и невозможность удалить шпіоновъ и измѣнниковъ, и необходимость создавать вновь армію и флотъ и водворять въ нихъ дисциплину, и финансовыя затрудненія, и трудность наступательнаго движенія, словомъ— все мелкое и крупное, что̀ только можетъ затруднить Сѣверъ. О его преимуществахъ предъ Югомъ упомянуто въ трехъ словахъ, и хотя слова эти имѣютъ значеніе очень существенное, но они такъ обставлены противоположными убѣжденіями, что читатель, не останавливаясь на нихъ, быстро приходитъ къ заключенію статьи, что Сѣверу надо какъ можно скорѣе помириться съ Югомъ... Память о двухъ послѣднихъ пораженіяхъ, понесенныхъ Сѣверомъ, повидимому подтверждаетъ такое заключеніе. Но при всемъ томъ Сѣверъ, какъ оказывается изъ послѣднихъ извѣстій, вовсе не расположенъ слушать добрые совѣты, даваемые ему изъ Европы. Онъ понимаетъ, какъ видно, что эта «горсть его собственнаго хлопка», подаваемая ему, предлагается собственно изъ-за того, чтобы онъ не мѣшалъ полученію тѣхъ массъ хлопка, которыя привыкла Англія получать изъ Америки. Изъ объясненій одного торговаго дома, не такъ давно печатавшихся въ газетахъ, видно, какъ необходимъ Англіи хлопокъ, хотя у нихъ и есть еще достаточный запасъ его въ Ливерпулѣ. Они разсчитали, что имъ станетъ хлопка до половины декабря, но затѣмъ предвидятся большія затрудненія. Вотъ изъ-за чего и хлопочутъ англичане, какъ весьма откровенно объяснился Брайтъ въ своей рѣчи на приготовительномъ собраніи ланкастерскихъ избирателей въ Рочдэлѣ. По его словамъ, многіе считаютъ даже нужнымъ, чтобы Англія нарушила блокаду южныхъ портовъ, что̀, по утвержденію Брайта, равнялось бы войнѣ съ Соединенными Штатами. Не одобряя такого образа дѣйствій, Брайтъ весьма справедливо вооружается противъ заключеній, требующихъ уступокъ отъ сѣвернаго правительства. Онъ, во-первыхъ, дѣлаетъ сравненіе совсѣмъ другое, нежели какое нашли мы въ началѣ приведенной выше статьи «Times»'а; онъ говоритъ: «тѣ газеты, которыя теперь побуждаютъ къ уступчивости вашингтонское правительство, будутъ ли возбуждать къ ней лондонское, ежели, напримѣръ, графства ланкастерское и йоркское захотятъ отдѣлиться отъ Соединеннаго Королевства? Да допустили ль мы даже отдѣленіе Ирландіи, когда она этого хотѣла?» Въ самомъ дѣлѣ, параллель южныхъ и сѣверныхъ штатовъ съ Франціей и Англіей, сдѣланная «Times»'омъ, рѣшительно произвольна и ни на чемъ не основана. Отдѣлившіеся штаты — вовсе не отдѣльное государство, и сама же статейка «Times»'а тотчасъ говоритъ о единствѣ языка и племени ея жителей, и эти жители, надо прибавить, несмотря на все развитіе самоуправленія въ штатахъ, все же были связаны между собою до извѣстной степени федеральнымъ управленіемъ, и признавали себя гражданами великой американской республики.

Противъ толковъ о разореніи страны и нажитіи ею неоплатнаго долга въ этой войнѣ, Брайтъ также замѣчаетъ: «вамъ кричатъ, что они разоряются, а между тѣмъ сумма, которую они тратятъ на эту страшную войну,—не больше той, какую мы тратимъ въ мирное время». На этомъ-то и основана, впрочемъ, вся сила нападеній на Сѣверъ съ этой точки: Америка ничего почти не тратила на войско, и вообще ея государственныя траты были ничтожны, сообразно съ тѣмъ, и взималось съ гражданъ очень мало. Теперь понадобилось гораздо больше, несравненно больше; въ Европѣ это бы ничего, потому что тамъ и въ мирное время требуютъ много лишняго на военныя издержки, а въ Америкѣ будетъ дико. Конгрессъ, не побоявшійся вотировать заемъ, колебался, когда дѣло шло о налогѣ на доходы. Итакъ, Америка должна дѣлать займы; но кредитъ ея теперь нехорошъ, и ей придется платить обременительные проценты. «Times» высчиталъ даже, что при продолженіи войны американскій долгъ можетъ менѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ, сравняться съ англійскимъ, т.-е. Америка принуждена будетъ платить 28 милліоновъ фунтовъ процентовъ.

Такимъ образомъ вся сила аргументаціи основана здѣсь на томъ, захотятъ ли достаточные классы общества поддержать правительство. Въ богатствѣ и огромности рессурсовъ Америки никто не сомнѣвается; не сомнѣвались до послѣдняго времени и въ готовности гражданъ на всевозможныя жертвы во всеобщемъ энтузіазмѣ къ войнѣ. Два пораженія и послѣдовавшія затѣмъ корреспонденціи вдругъ перевернули всѣ

головы, и вмѣсто прежнихъ извѣстій, что приверженцы единства на Югѣ терроризированы плантаторами, теперь уже увѣряютъ, что общественное мнѣніе въ сѣверныхъ штатахъ терроризировано крайней партіей аболиціонистовъ. Чтобы провѣрить это, покамѣстъ нѣтъ другого средства, какъ прослѣдить ходъ военныхъ дѣйствій въ связи съ впечатлѣніемъ, ими произведеннымъ, и рѣшеніями, принятыми затѣмъ правительствомъ.

Въ послѣднемъ обозрѣніи нашемъ было упомянуто только телеграфическое извѣстіе и сдѣлано предположеніе, что дѣло, вѣроятно, не такъ важно, какъ кажется съ перваго раза. Съ недѣлю послѣ того казалось, по газетнымъ извѣстіямъ, что предположеніе это было совершенно ошибочно, но потомъ оно стало все болѣе и болѣе оправдываться. Подробности битвы при Манассасѣ въ свое время были сообщены въ газетахъ; поэтому не приводимъ подробнаго разсказа, а выпишемъ нѣкоторыя мѣста изъ позднѣйшаго письма корреспондента «Times»'а, гдѣ указывается только общій ходъ битвы. Письмо это все еще писано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной федералистами неудачи, и, какъ видно, въ день отправки (24 іюля), послѣ трехъ дней, не было еще положительныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ размѣрахъ потерь федеральной арміи, равно какъ и о причинахъ внезапнаго паническаго страха, объявшаго одну часть ея. Письмо писано изъ Вашингтона и начинается жалобой на то, что изъ американскихъ газетъ никогда не узнаешь настоящей правды. Затѣмъ корреспондентъ говоритъ о дѣйствіяхъ арміи 21-го іюля.

...«Во весь этотъ день федералистская пѣхота ни разу не ходила въ штыки; ни разу кавалерія сепаратистовъ не пускалась на нихъ въ атаку, пока они еще держались въ полѣ. Не было ни одной рукопашной схватки. Федералисты не взяли и не штурмовали ни одной батареи. Маскированныхъ батарей не было устроено вовсе. Не произошло никакого уничтоженія мятежнической кавалеріи стрѣлковыми или другими зуавами. Залпъ, сдѣланный однимъ какимъ-то батальономъ, ссадилъ трехъ человѣкъ изъ кавалерійскаго отряда, подошедшаго на нѣкоторое разстояніе, но затѣмъ батальонъ этотъ отступилъ. Отчаянныя усилія были сдѣланы только лицами, которымъ крѣпко хотѣлось убѣжать. Все дѣло, если говорить начистоту, приводится вотъ къ чему. Федералисты подвигались медленно, но безостановочно, поддерживаемые огнемъ своей артиллеріи. Непріятель, рѣдко показывавшійся изъ-за своихъ прикрытій, отступалъ передъ ними. Его лѣвое крыло и центръ были такимъ образомъ оттѣснены мили на полторы къ Манассасу. Отступая, непріятель также ввелъ въ дѣло свою артиллерію, и обѣ стороны производили довольно живой огонь изъ легкихъ полевыхъ орудій и отчасти изъ нарѣзныхъ пушекъ болѣе крупнаго калибра. Разстояніе между сражающимися рѣдко было меньше 500 ярдовъ. Полки праваго крыла встрѣтили одинъ разъ ружейный огонь непріятеля, и поворотили-было назадъ. Но затѣмъ ихъ снова привели въ порядокъ и повели въ дѣло. Сепаратисты опять подались назадъ. Потомъ линіи ихъ еще разъ построили фронтъ и открыли огонь. Тутъ такъ называемые зуавы и II-й нью-іоркскій полкъ, стоявшіе на флангѣ, пришли въ рѣшительное разстройство, и, если выразиться очень мягко, въ безпорядкѣ оставили поле сраженія, бросивъ непріятелю орудія, находившіяся подъ ихъ прикрытіемъ. Примѣръ ихъ заразительнымъ образомъ подѣйствовалъ на остальныхъ. Ничто не могло остановить, или, по крайней мѣрѣ, ничто не остановило ихъ. Напрасно имъ напоминали ихъ клятвы — отомстить за смерть Элленсворта. Ихъ знамя, распущенное по вѣтру, лишилось своей притягательной силы. Они разбѣжались во всѣ стороны съ величайшею поспѣшностью.

«Я разсказываю дѣло, какъ оно было разсказано мнѣ человѣкомъ, имѣвшимъ случай лучше видѣть ихъ поведеніе, чѣмъ я. Я поспѣлъ на поле сраженія уже поздно, и видѣлъ немногое изъ того, что происходило раньше, чѣмъ было дано приказаніе отступать. Хотя я оставилъ Вашингтонъ съ намѣреніемъ вернуться непоздно вечеромъ и лошадь имѣлъ хорошую, — но все же толпы бѣглецовъ предшествовали мнѣ на всемъ протяженіи дороги. Проѣзжая по длинному мосту въ 11 часовъ, я уже услышалъ, что городъ биткомъ набитъ людьми, вернувшимися съ поля битвы. Но какъ ни печальны были результаты безобразнаго паническаго страха и пораженія федералистовъ, они должны еще быть необыкновенно довольны этими результатами. Если бы сепаратисты знали о своемъ успѣхѣ и воспользовались имъ рано поутру въ понедѣльникъ,—ничто не помѣшало бы имъ или вступить въ Вашингтонъ, или принудить федералистскую армію, которая все отступала по одной только дорогѣ, сдаться военно-плѣнной, со всѣмъ, что при ней было... Если только сепаратисты имѣли кавалерію, о которой такъ много прокричали, то нельзя не сказать, что ихъ генералы распорядились довольно забавнымъ образомъ. Движеніе по боковой дорогѣ изъ

Центрвилля въ Германтоунъ въ полчаса поставило бы кавалерію въ тылъ отступавшей толпы, и безъ преувеличенія можно сказать, что она сама отдалась бы въ руки побѣдителя... Нѣмецкій полкъ Блюкера и можетъ быть нѣкоторыя другія части войскъ отступали въ порядкѣ, но въ концѣ концовъ немногіе устояли противъ общаго смятенія. Можетъ быть, попытка сформировать линіи на высотахъ Центрвилля, хотя она была и не вполнѣ удачна, спасла Макъ-Доуэля отъ преслѣдованія, которое онъ всѣми силами старался отвратить. Дождь, который полилъ въ понедѣльникъ съ самаго ранняго утра, можетъ быть, имѣлъ большое вліяніе на безмятежность отступленія федералистовъ, уменьшивъ дѣятельность и предпріимчивость непріятеля, между тѣмъ какъ относительно отступавшей арміи можно, напротивъ, припомнить всегдашнее замѣчаніе, что войска подъ дождемъ плотно держатся въ рядахъ и идутъ хорошо. Но какія ни допускайте извиненія, недѣятельность сепаратистовъ все-таки остается загадочной».

Загадка и разъясняется тѣмъ, что сепаратисты сами не ожидали такого успѣха и не только были удивлены имъ, но даже просто ему не повѣрили. Здѣсь между прочимъ открывается одна любопытная черта, показывающая опять относительную силу Сѣвера. Въ началѣ войны федералисты, подъ предводительствомъ Макъ-Клелланда, имѣли нѣсколько значительныхъ успѣховъ въ Виргиніи: никто этому не удивлялся, никто не шумѣлъ объ этомъ, — такъ должно было произойти, всѣ ожидали такихъ результатовъ. Но случилась неудача съ Сѣверомъ—всѣ пришли въ волненіе, всѣ поражены, явно, на чьей сторонѣ общее довѣріе. Но еще это было бы не такъ важно; важно то, что точно въ такомъ положеніи стоятъ къ своему дѣлу и сами партіи: сапаратисты чувствовали сами трудность своего дѣла и вели его осторожно и недовѣрчиво, даже слишкомъ осторожно, такъ что лишились всѣхъ возможныхъ плодовъ своей удачи; федералисты, напротивъ, шли на войну, какъ на парадъ, съ полнѣйшею беззаботностью и съ чрезвычайнымъ азартомъ, вмѣсто истиннаго мужества и хорошей военной подготовки. Оттого, очень натурально, и постигла ихъ эта неожиданная катастрофа.

Что именно отъ небрежности и безпечности федеральныхъ войскъ, бывшихъ въ битвѣ при Манассасѣ, да еще отъ слишкомъ поспѣшнаго и легкомысленнаго энтузіазма произошло пораженіе, въ этомъ убѣждаютъ насъ извѣстія объ организаціи федеральныхъ полковъ и о нѣкоторыхъ фактахъ, предшествовавшихъ битвѣ.

Въ одномъ изъ прежнихъ обозрѣній приведены были письма изъ «Times»'а, изображавшія энтузіазмъ, съ которымъ отправлялись вновь сформированные полки въ Вашингтонъ. Это были милиціонеры, призванные для военной службы на трехмѣсячный срокъ. Регулярной арміи, какъ извѣстно, во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ было всего отъ 12 до 15 тысячъ, да и той бо́льшая часть, благодаря неблаговиднымъ дѣйствіямъ Буханана, перешла, вмѣстѣ съ оружіемъ и запасами, во власть инсургентовъ. Многіе офицеры были родомъ съ Юга и преданы плантаторскимъ началамъ, почему съ большей охотою и остались тамъ на службѣ; вотъ отчего въ сепаратистской арміи дѣйствительно оказались офицеры лучше, нежели въ сѣверныхъ полкахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которые были подъ командою Макъ-Доуэля. Сѣверному правительству ничего не оставалось болѣе, какъ прибѣгнуть къ милиціи: милиція—это національная гвардія каждаго штата; въ ней обязаны служить всѣ, но это исполняется очень не строго,—многіе уклоняются отъ службы: настоящее назначеніе милиціонера—«вставать на защиту своего дома», потому никто не въ правѣ принудить его оставить свой штатъ и идти сражаться вдали отъ него. Такимъ образомъ быстрая мобилизація милиціи сѣверныхъ штатовъ, тотчасъ послѣ призванія ея Линкольномъ, могла служить дѣйствительнымъ доказательствомъ общаго энтузіазма, охватившаго тогда все населеніе Сѣвера. Но энтузіазмъ не давалъ еще ручательства за хорошее устройство арміи. Милиціонеры сами выбирали своихъ офицеровъ, и хотя понастоящему они должны были подвергаться нѣкоторому испытанію, но до экзаменовъ ли было въ то время сѣверо-американцамъ!.. Поэтому офицеры, хотя, можетъ быть, и отличные малые (потому что почтены были выборомъ согражданъ), не представляли никакихъ гарантій относительно своихъ воинскихъ способностей и техническихъ знаній. И дѣйствительно, битва при Манассасѣ раскрыла многое. Прежде всего — самое движеніе къ Манассасу было преждевременно, противъ него былъ самъ генералъ Скоттъ, главнокомандующій сѣверной арміи. Г. Ричардсонъ, изъ Иллинойса, разсказывалъ въ палатѣ депутатовъ такого рода разговоръ, происходившій при немъ между Скоттомъ и Линкольномъ. «Ахъ, я величайшая дрянь, какая только можетъ быть въ мірѣ»,—воскликнулъ вдругъ Скоттъ... Ричардсонъ хотѣлъ возразить. Но Скоттъ не далъ ему начать, и продолжалъ: «постойте, я вамъ сейчасъ это докажу. Я позволилъ дать эту битву совершенно про-

тивно моему убѣжденію, и президентъ долженъ былъ сейчасъ же отрѣшить меня за то, что я поступилъ такимъ образомъ. Я сдѣлалъ все, что было въ моей власти, для того, чтобы сначала организовать вполнѣ армію; и я заслуживаю быть отрѣшеннымъ за то, что у меня недостало твердости настоять на своемъ, когда я могъ бы сдѣлать это». — Линкольнъ прервалъ его: вы этимъ хотите сказать, что это я заставилъ васъ дать сраженіе?—Генералъ отвѣтилъ: «изъ всѣхъ президентовъ, при которыхъ я служилъ, ни одинъ не оказывалъ мнѣ болѣе расположенія, чѣмъ вы». Это значило отстранить вопросъ, но не отвѣтить на него, по справедливому замѣчанію Ричардсона, и истина состоитъ въ томъ, что дѣйствительно—и самъ Линкольнъ, какъ и Скоттъ, не могъ выдержать противъ настойчивыхъ и громкихъ требованій нетерпѣливыхъ энтузіастовъ. Газета «Tribune» каждый день, во главѣ своего нумера, печатала, какъ новое «Carthago delenda», исполинскими буквами: «Впередъ на Ричмондъ», и сообразно съ этимъ составлялась вся газета. Первые успѣхи федеральныхъ войскъ подъ начальствомъ Макъ-Клелланда еще болѣе воспламенили сердца сѣверянъ. Имъ вообразилось, что южане уже вовсе не въ состояніи противиться, что имъ придется только гнать передъ собою южные отряды и торжественно водружать союзный флагъ на городахъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Поэтому полки, составлявшіе армію, жили спустя рукава, и на все въ нихъ происходившее начальство смотрѣло сквозь пальцы. Ученій не было, отлучался изъ полка кто и куда хотѣлъ, офицеры предавались кутежу съ такою безцеремонностью, что даже во время битвы оказалось нѣсколько офицеровъ пьяныхъ, которые не могли вести своихъ отрядовъ. Нечего и говорить о соблюденіи военной формы: свобода въ этомъ отношеніи простиралась до того, что, по увѣренію газетныхъ корреспондентовъ, случалось встрѣчать солдатъ, стоявшихъ на караулѣ безъ брюкъ... Къ этой безурядицѣ присоединилось еще коммиссаріатское и провіантское воровство, которое подъ шумокъ патріотическихъ возгласовъ, какъ и вездѣ [1]), дѣлало свое дѣло. Все это ни мало не смущало общей самонадѣянности: она между прочимъ выказалась и въ томъ, что въ самый день битвы при Манассасѣ, за нѣсколько часовъ до нея и даже при самомъ началѣ сраженія, нѣкоторые полки покидали армію, потому что въ этотъ именно день вышелъ имъ срокъ ихъ трехмѣсячной службы. Нью-Йоркскій корреспондентъ «Times»'а разсказываетъ, что, встрѣтивъ уходившій такимъ образомъ 4-й пенсильванскій полкъ, замѣтилъ одному офицеру: а кажется за вами дерутся, — слышны пушки...—«Да, кажется», хладнокровно отвѣчалъ офицеръ и продолжалъ путь, не обративъ болѣе никакого вниманія на замѣчаніе. Такое равнодушіе ставится многими въ большое преступленіе ушедшимъ полкамъ, даже признается трусостью и почти измѣною. Но, очевидно, что всѣ подобныя обвиненія преувеличены; очень натурально, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, въ которые не произошло ничего особенно блестящаго, а безпокойство все-таки было, энтузіазмъ многихъ поостылъ, и они не хотѣли оставаться въ арміи долѣе срока. Что же касается до минуты, выбранной ими для ухода, то, очевидно, что они не придавали ей рѣшительно никакого значенія. За два дня до манассаской битвы произошла у авангарда федеральныхъ войскъ стычка съ сепаратистами при рѣчкѣ Булль-Рунѣ (18 іюля): дивизія генерала Тэйлера, тѣсня отступавшаго непріятеля, по направленію отъ Центревилля къ Манассасу, была встрѣчена при Булль-Рунѣ огнемъ маскированныхъ батарей, и послѣ трехъ часовъ сопротивленія, Тэйлеръ принужденъ былъ отступить. Генералъ Макъ-Доуэль, котораго авангардъ составляла дивизія Тэйлера, такъ былъ увѣренъ въ полной безопасности слѣдованія войскъ, что не позаботился даже прислать никакого подкрѣпленія Тэйлеру. Неудача при Булль-Рунѣ могла бы вразумить наступающія войска, и точно — они послѣ этого стали подвигаться впередъ нѣсколько осторожнѣе, все посматривая, нѣтъ ли гдѣ «маскированныхъ батарей», тѣмъ болѣе, что около Ричмонда, какъ столицы Виргиніи и важнаго стратегическаго пункта, они ожидали встрѣтить сильныя оборонительныя работы. Но генералъ Борегаръ, начальникъ сепаратистскаго корпуса, все отступалъ и отступалъ, оборонительныхъ укрѣпленій не оказывалось, скрытыхъ батарей не открыли, и черезъ день прежняя самонадѣянность водворилась въ корпусѣ Макъ-Доуэля. Когда утромъ 21 іюля завязалась перестрѣлка, непріятель все отступалъ, и серьезнаго сопротивленія рѣшительно не предвидѣлось. Даже когда началось самое дѣло, и тутъ никто не сомнѣвался въ благопріятныхъ результатахъ для федеральной арміи. Тотъ же самый корреспондентъ «Times»'а, который жестоко упрекаетъ полки за удаленіе въ критическую минуту, разсказываетъ, что эта критическая минута была предметомъ любопытства, интереснымъ спектаклемъ для множества гражданъ. Неподалеку отъ мѣста

[1]) Не первый намекъ на порядки въ русской арміи во время Восточной войны.

битвы, на холмѣ, онъ нашелъ толпы зрителей, «какъ будто пріѣхавшихъ на скачку». Въ числѣ ихъ было нѣсколько государственныхъ людей и законодателей, нѣсколько гражданъ верхами, была даже одна дама съ театральнымъ биноклемъ въ рукахъ. А на склонѣ возвышенія стоялъ цѣлый полкъ, сложивши ружья, и дѣлалъ критическія замѣчанія о движеніяхъ сражавшихся... Передъ вечеромъ успѣхъ до того казался обезпеченнымъ, что Макъ-Доуэль счелъ себя въ правѣ послать депешу въ Вашингтонъ о побѣдѣ... Но вдругъ отступленіе непріятеля прекратилось, и федералисты увидѣли предъ собою свѣжія силы непріятеля въ корпусѣ генерала Джонстона, подоспѣвшаго на помощь къ Борегару. Тутъ-то и началось замѣшательство, которое превратилось въ совершенную сумятицу, когда какая-то бомба попала въ одну изъ фуръ, и фурлейты побѣжали съ криками о маскированныхъ батареяхъ, о кавалерійской атакѣ, и пр. За ними побѣжали и другіе; наконецъ, побѣжало почти все, бросая оружіе и запасы. Любители военныхъ спектаклей, находившіеся на дорогѣ, тоже, разумѣется, способствовали увеличенію общаго безпорядка, а потомъ распространенію всевозможныхъ ужасовъ объ истекшемъ днѣ.

На другой день ожидали уже нападенія сепаратистовъ на Вашингтонъ. Но вмѣсто того, они не только не перешли Потомака, а даже не рѣшились и преслѣдовать разбитыя войска. Въ приведенномъ выше письмѣ говорится, что Борегару, если бы умѣлъ воспользоваться случаемъ, легко было бы взять Вашингтонъ или уничтожить федеральную армію. Но въ то время, когда было писано это письмо, корреспонденту, кажется, неизвѣстно было распредѣленіе отдѣльныхъ корпусовъ сѣверной арміи. Дѣло въ томъ, что въ битвѣ при Манассасѣ принимали участіе только полки, бывшіе подъ командою Макъ-Доуэля, и только къ нимъ могло относиться соображеніе корреспондента. Но затѣмъ остаются сильные корпуса Ботлера, Патерсона и Макъ-Клелланда, которые могли остановить движеніе сепаратистовъ.

Таковы были причины и условія, при которыхъ произошло пораженіе корпуса Макъ-Доуэля. Теперь, каково его значеніе и каковы послѣдствія, произведенныя имъ?

По первымъ извѣстіямъ представлялось, что потери были громадны съ одной только стороны. Первая депеша возвѣстила, что вся федеральная армія съ оружіемъ и запасами находится въ рукахъ побѣдителей, что всѣ дороги усѣяны убитыми и пр. По разсказамъ сепаратистскихъ газетъ, въ федеральной арміи убито и взято въ плѣнъ до 15.000. Въ первые дни говорили о 4.000 убитыхъ... Настоящихъ цифръ, конечно, добиться трудно и теперь, но, по донесенію Макъ-Доуэля, которое не должно быть очень далеко отъ истины, потери федералистовъ въ этомъ дѣлѣ состояли въ слѣдующемъ: 19 офицеровъ и 460 солдатъ убитыхъ и 1.000 раненыхъ, 1.200—пропавшихъ безъ вѣсти, 2.500 ружей и 8.000 ранцевъ, брошенныхъ въ бѣгствѣ, и 13 провіантскихъ фуръ и 3.000 мѣръ овса, захваченныхъ непріятелемъ. Далѣе оказалось, что корпусъ Макъ-Доуэля дрался вовсе не такъ плохо, какъ предполагали: онъ стоялъ нѣкоторое время противъ превосходныхъ силъ (у Макъ-Доуэля было 50.000, у сепаратистовъ отъ 60 до 75), и нанесъ непріятелю большой уронъ. По собственному сознанію, онъ потерялъ до 2.000 убитыми и ранеными, и еще можно думать, что цифра эта уменьшена.

Паническій ужасъ, будто бы распространившійся повсюду въ Сѣверныхъ Штатахъ послѣ пораженія, тоже былъ лишь на поверхности, въ праздныхъ толкахъ и опасеніяхъ людей, которымъ и безъ того нечего дѣлать. Но правительство вовсе не потерялось и не потеряло ни одного дня даромъ. На другой же день послѣ сраженія Линкольнъ написалъ къ Макъ-Клелланду, прося его принять главное начальство надъ арміей. Въ отвѣтѣ Макъ-Клелланда выразилось, что онъ хочетъ дѣлать дѣло серьезно и что на силы свои надѣется. Онъ сначала рѣшительно отказался. Тогда Линкольнъ пригласилъ его въ Вашингтонъ для объясненій. Макъ-Клелландъ пріѣхалъ въ Вашингтонъ 25-го іюля, и прямо объявилъ, что не принимаетъ главнаго начальства надъ арміей потому, что она находится въ жалкомъ положеніи, и ежели не переформировать ее, то съ нею ничего хорошаго не сдѣлаешь. Президентъ не сталъ спорить противъ этого и предложилъ Макъ-Клелланду заняться реформами. Генералъ предложилъ тогда свои условія: чтобы надъ нимъ никакого другого начальника не было, чтобы военное министерство рѣшительно не вмѣшивалось въ его распоряженія, чтобы ему дано было право самому назначать отдѣльныхъ генераловъ, и никого не спрашиваясь производить въ арміи всѣ реформы, какія онъ сочтетъ нужными. Это было нѣчто въ родѣ военной диктатуры; но Линкольнъ согласился на все, и старый генералъ Скоттъ безропотно сталъ на второй планъ, понимая, что теперь въ военномъ начальникѣ необходимѣе всего энергія, которой у него недоставало, и которою, какъ видимъ, въ такой сильной степени отличается Макъ-Клелландъ.

Макъ-Клелландъ еще не старъ и, конечно, если только не будетъ скоро убитъ, станетъ играть весьма видную роль въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ началъ свою службу въ регулярной арміи и много лѣтъ провелъ въ войнахъ въ Мексикѣ. Въ 1855 году Макъ-Клелландъ былъ въ Крыму, въ числѣ трехъ офицеровъ, посланныхъ президентомъ для наблюденія за ходомъ военныхъ дѣйствій. Тамъ изучилъ онъ англійскіе и французскіе способы вооруженія, военную администрацію, дисциплину и пр. Исторія крымской войны, написанная имъ по возвращеніи въ Америку, признается весьма замѣчательною въ военномъ отношеніи. Вскорѣ затѣмъ, однако жъ, онъ вышелъ въ отставку и занялся частными дѣлами. Въ началѣ нынѣшняго года онъ былъ директоромъ одной компаніи желѣзныхъ дорогъ. Штатъ Огайо предложилъ ему начальство надъ своей милиціей, а президентъ—команду войскъ въ Западной Виргиніи, которую сепаратисты хотѣли занять и насильно заставить объявить себя въ пользу отпаденія, какъ сдѣлала восточная часть того же штата. Макъ-Клелланду поручено было вытѣснить оттуда сепаратистскаго генерала Гарнста, и онъ исполнилъ это въ три дня, 12—14 іюля. Въ этой экспедиціи выказалась энергія и быстрота рѣшеній Макъ-Клелланда, его личное мужество и умѣнье вести себя съ подчиненными. Популярность его возрасла необыкновенно.

Понятно теперь, что назначеніе его главнокомандующимъ ободрило федеральныя войска, а недавній урокъ, полученный отъ непріятеля, расположилъ ихъ послушно принять разныя его нововведенія, которыя безъ того могли бы, пожалуй, показаться стѣснительными. Макъ-Клелландъ завелъ въ полкахъ частныя ученья, при помощи которыхъ можно сдѣлать отличныхъ воиновъ изъ этихъ рослыхъ и сильныхъ людей, привыкшихъ ко всякаго рода приключеніямъ, и которымъ недоставало только военной сноровки... Занявши полки ученьемъ, Макъ-Клелландъ прекратилъ самовольныя отлучки изъ лагеря. По его распоряженію, только въ самыхъ важныхъ случаяхъ возможно просить разрѣшенія на отлучку у бригаднаго начальника, и уходить непремѣнно съ билетомъ отъ него. Для наблюденія за исполненіемъ этого постановленія назначены особыя лица во всѣхъ полкахъ. Само собою разумѣется, что и общая дисциплина дѣлается при немъ строже прежняго.

Самостоятельность дѣйствій Макъ-Клелланда также много помогаетъ ихъ успѣшности. При немъ нѣтъ безпрестанныхъ ordres и contre-ordres, что̀ разъ приказано, то держится; нѣтъ и безпрестанной гонки курьеровъ въ разныя стороны для испрашиванія разрѣшеній на ту или другую мѣру. Требованія его отъ конгресса и президента всегда положительны, настоятельны, и не встрѣчаютъ отказа.

До сихъ поръ самыя сильныя требованія съ его стороны были—о присылкѣ подкрѣпленій. И судя по всѣмъ извѣстіямъ, новые волонтеры дѣятельно собираются. Макъ-Клелландъ предполагаетъ, между прочимъ, оставить вербовку волонтеровъ на три мѣсяца, какъ вовсе непригодную въ теперешнихъ обстоятельствахъ, и вербовать новыхъ волонтеровъ уже на три года. Офицеровъ положено подвергать серьезному испытанію.

Конгрессъ тоже не унывалъ и въ самый день полученія извѣстія о пораженіи объявилъ, что Сѣверные Штаты ведутъ войну не для завоеванія Южныхъ, а для поддержанія ненарушимости конституціи, но что никакое бѣдствіе не сильно будетъ отклонить его отъ достиженія предположенной цѣли, и всѣ возможныя средства будутъ употреблены для усмиренія и пораженія *мятежниковъ*.

Въ то же время на конгрессѣ утвержденъ законъ о конфискаціи имѣній сепаратистскихъ, находящихся въ неотдѣлившихся штатахъ.

Такимъ образомъ пораженіе, о которомъ прокричали такъ много, не произвело на Сѣверѣ никакого существеннаго разстройства, а еще принесло ему значительную пользу.

Вотъ изъ «Times»'а отрывокъ одного письма, писаннаго уже въ то время, какъ впечатлѣніе отъ понесенной неудачи и принятыхъ затѣмъ мѣръ достаточно уже опредѣлилось:

«Нью-Йоркъ, 6 августа».

«По мѣрѣ того, какъ разъясняются обстоятельства печальнаго дѣла при Манассасѣ, становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что сепаратистскія войска потеряли больше, чѣмъ федералисты, несмотря на постыдное пораженіе и бѣгство послѣднихъ. Ихъ потери гораздо значительнѣе; особенно важно то, что они лишились гораздо лучшихъ офицеровъ. Вообще они потерпѣли такъ много, что не могли воспользоваться свой побѣдой и извлечь изъ нея какія бы то ни было выгоды. Между тѣмъ какъ они отдыхали, колебались и пополняли свои ряды, энергическія и мастерскія распоряженія генерала Макъ-Клелланда возвратили разстроеннымъ войскамъ правительства увѣренность въ самихъ себѣ. Если несвѣдущіе члены конгресса оставятъ его въ покоѣ, то

онъ, конечно, раньше осени сформируетъ армію изъ тѣхъ превосходныхъ матеріаловъ, которые онъ получилъ въ видѣ толпы. Войска продолжаютъ во множествѣ прибывать въ Вашингтонъ. Лучшіе нью-йоркскіе полки выведены изъ форта Монро и отправлены на защиту столицы... Сѣверные штаты также присылаютъ войска почти ежедневно. Распоряженіе объ испытаніи офицеровъ поохладило усердіе пріобрѣтателей полковъ, но зато солдаты обнаруживали двойную готовность идти въ бой, видя, что правительство не хочетъ отдавать ихъ на жертву неспособнымъ начальникамъ, какъ было это сдѣлано при Булль-Рунѣ и Манассасѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго ослабленія энтузіазма или рѣшимости. Напротивъ, принятіе командованія генераломъ Макъ-Клелландомъ возбудило новую увѣренность въ успѣхѣ и новый восторгъ.

«Послѣ мѣсяца споровъ и колебаній, конгрессъ уступилъ наконецъ желанію націи насчетъ введенія нѣкоторыхъ налоговъ...

«Извѣстія о выборахъ въ Кентукки свидѣтельствуютъ о значительномъ большинствѣ въ пользу союза. Представитель этого штата, мистеръ Вичлайфъ, объявилъ объ этомъ сегодня утромъ въ палатѣ и былъ встрѣченъ повторенными рукоплесканіями. Вездѣ, въ невольничьихъ штатахъ, гдѣ можно было вотировать не изъ-подъ палки, оказывалось значительное большинство въ пользу союза: въ Миссури, Кентукки и Мериландѣ оказалось большинство;—во всѣхъ прочихъ штатахъ, кромѣ Южной Каролины, сильное меньшинство, представляющее значительную долю матеріальныхъ рессурсовъ края».

Въ письмѣ упоминается между прочимъ о конгрессѣ. Его дѣйствія также заслуживаютъ вниманія. Прежде всего любопытно то, что онъ вовсе не считаетъ отдѣлившіеся штаты изъятыми отъ его власти, и вотируя, напримѣръ, налогъ въ 20 милліоновъ долларовъ на недвижимую собственность, распредѣляетъ ее на всѣ 34 штата. «Хвастовство»—можно опять подумать. Но едвали конгрессъ для хвастовства пожертвовалъ бы слѣдующимъ соображеніемъ, которое не могло быть имъ упущено изъ виду: налогъ на имущество въ отдѣлившихся штатахъ,—который правительство предоставляетъ себѣ добрать во всякомъ случаѣ впослѣдствіи,—долженъ еще болѣе раздражить южанъ; они будутъ знать, что въ случаѣ торжества Сѣвера, съ нихъ начнутъ драть всѣ недоимки по налогамъ, вотированнымъ во время войны, — и страхъ подобной перспективы только придаетъ имъ упорства. Но, какъ видно, конгрессъ не боится его, считая его или слишкомъ безсильнымъ, или находя, что къ ожесточенію, въ какомъ находятся южане, прибавить уже ничего невозможно.

Кромѣ налога 20 милліоновъ на поземельную собственность, 30 іюля конгрессъ вотировалъ также налогъ на доходы. Будетъ взиматься по 3% со всякаго дохода выше 800 долларовъ. Такимъ образомъ, кто имѣетъ 900 долларовъ дохода, тотъ платитъ 3 доллара налога; кто имѣетъ 1000, платитъ 6 дол. и т. д. Этотъ налогъ (income taxe) могъ бы дать много; но сомнѣваются, чтобы можно было исправно сбирать его. Тѣмъ не менѣе конгрессъ распространилъ этотъ налогъ и на тѣхъ гражданъ Союза, которые живутъ внѣ его владѣній.

На конгрессѣ возвышенъ также тарифъ, что̀ заставляетъ вопить европейскія газеты, особенно французскія, такъ какъ французскіе товары пострадали всѣхъ больше. Налогъ на шелкъ и шелковыя матеріи, смотря по достоинству, возвышенъ до 30% и 40% стоимости, на вино—50%, на водку—1 дол. 25 центовъ съ галлона, на всякій товаръ, идущій изъ-за мыса Доброй Надежды на иностранномъ кораблѣ, набавлено 10%. Чай обложенъ пошлиной въ 15 центовъ съ фунта, кофе—4, сахаръ—отъ 2 до 6, смотря по достоинству продукта.

Прежде закрытія своего конгрессъ вотировалъ экстраординарныхъ издержекъ на веденіе войны 260 милліоновъ долларовъ, и далъ родъ полномочія Линкольну въ распоряженіяхъ дѣлами республики, въ теченіе времени, пока конгрессъ будетъ закрытъ.

Но всего замѣчательнѣе, безъ сомнѣнія, послѣдній законъ, утвержденный конгрессомъ предъ самымъ его закрытіемъ 5 августа. Это билль объ освобожденіи негровъ, принадлежащихъ плантаторамъ, поднявшимъ оружіе противъ республики. Этимъ постановленіемъ сдѣланъ рѣшительный шагъ къ уничтоженію невольничества и война вступила въ новый фазисъ, какъ справедливо указывается въ слѣдующей корреспонденціи «Times»'а:

Вашингтонъ. 10 августа.

«Къ добру или къ худу, но борьба между Сѣверомъ и Югомъ начинаетъ быстро принимать характеръ, котораго на Югѣ ждали и боялись, между тѣмъ какъ Сѣверъ прежде не признавалъ его, да и теперь признаетъ не вполнѣ. Если война продолжится, она обратится въ борьбу между рабствомъ и аболиціоннымъ элементомъ. Весьма вѣроятно, что черезъ день ли два президентъ провозгласитъ освобожденіе всѣхъ негровъ, находящихся въ чертѣ арміи Соединенныхъ Штатовъ. Въ послѣдній день засѣданія конгресса билль объ освобожденіи негровъ,

принадлежащихъ мятежникамъ, принявшимъ участіе въ войнѣ, былъ весьма неохотно подписанъ мистеромъ Линкольномъ... Сначала онъ положительно отказался скрѣпить этотъ актъ своею подписью. «Мы за это потеряемъ Кентукки», говорилъ онъ. Но сенаторы настойчиво его уговаривали, и онъ наконецъ уступилъ за десять минутъ до закрытія палатъ... Говорятъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ сдѣланъ шагъ еще гораздо болѣе рѣшительный, и что перчатка будетъ брошена въ одно и то же время и Югу, и демократамъ Сѣвера. Если такъ, то уже не можетъ быть сомнѣнія на счетъ характера борьбы и средствъ, которыми она будетъ ведена. Но нужно рѣдкое мужество и увѣренность въ себѣ, чтобы поднять споръ объ этомъ вопросѣ въ то самое время, когда конвенція демократовъ въ Нью-Йоркѣ отказалась дѣйствовать заодно съ республиканцами, и когда въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ частяхъ Союза уже начинаютъ раздаваться крики партіи «мира во что бы то ни стало и компромисса, если только можно...»

«До сраженія при Манассасѣ какое-нибудь чудотворное ухищреніе, удача и ловкость «злого духа компромиссовъ» можетъ быть еще успѣли бы привести къ примиренію. Расползшіеся швы и разорванный флагъ Союза, можетъ быть, еще удалось бы починить. Но теперь Сѣверъ не можетъ безъ позора согласиться на сплавленіе, гдѣ бы ему пришлось играть роль неблагородной примѣси. Брань, оскорбленія и презрѣніе Юга не дало бы людямъ Сѣвера мѣста на американскомъ материкѣ. Надежда на миръ была бы тутъ такъ же основательна, какъ разсчеты товарища стараго Пистоля, который ручательство за миръ и равенство видѣлъ въ получаемыхъ имъ ударахъ, и думалъ, что буйный другъ оставитъ его въ покоѣ, потому что онъ безропотно далъ разбить себѣ носъ...»

Изъ распоряженій, послѣдовавшихъ по закрытіи конгресса и дошедшихъ до насъ, можно упомянуть о прокламаціи Линкольна, воспрещающей всякія сношенія съ обитателеми мятежныхъ штатовъ. Нѣкоторыя газеты уже кричатъ: «вотъ эта рыцарская политика аболиціонизма, вотъ она къ чему приводитъ,—къ налогамъ, высокимъ тарифамъ, паспортамъ, къ лишенію свободы дѣйствій всякаго гражданина, и пр.». То же самое возглашается по поводу мѣръ, принятыхъ противъ нѣкоторыхъ газетъ, восхвалявшихъ партію плантаторовъ. Разумѣется, все это очень грустно; но кто же виноватъ, если южная партія прибѣгаетъ къ такимъ скандалезнымъ мѣрамъ для своихъ цѣлей, что правительство не можетъ терпѣть этого. Сепаратисты подкупаютъ чиновниковъ на Сѣверѣ, наполняютъ важнѣйшіе города своими шпіонами, заставляютъ, напримѣръ, г. Фаукнера, посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ, закупать во Франціи оружіе для Юга. Еще бы г. Фаукнера не арестовать, когда онъ, совершивъ свое дѣло, преспокойно возвратился въ Вашингтонъ...

Для осуществленія займа, предположеннаго правительствомъ, ведены были переговоры секретаремъ казначейства съ банками нью-йоркскимъ, бостонскимъ и филадельфійскимъ, и рѣшено на томъ, что правительство немедленно выпуститъ билетовъ на 50 милліоновъ долларовъ, съ платою по 7, 30%, и будетъ выбирать изъ банковъ эту сумму монетою, по мѣрѣ надобности. Затѣмъ *имѣютъ право* взять еще на такую же сумму билетовъ казначейства 15 октября, а потомъ еще 15 декабря...

Въ военныхъ дѣйствіяхъ до сихъ поръ не произошло ничего особенно замѣчательнаго. Битва при Спрингфильдѣ, о которой тоже хотѣли прокричать, какъ о бѣдствіи Сѣвера, оказалась рѣшительно ничтожною и вдобавокъ не совсѣмъ проигранною федеральными войсками. Дѣло это происходило въ юго-западной оконечности штата Миссури. Сѣверная часть Миссури объявила себя въ пользу Союза, но на Югѣ были приверженцы рабства и стояли сепаратистскія войска. Федеральный генералъ Лэйонъ разбилъ ихъ и принудилъ отступить къ Арканзасу. Послѣ сраженія при Манассасѣ сепаратисты рѣшились возобновить попытку овладѣть югомъ штата Миссури. Генералы Джэксонъ и Келлохъ отправились противъ Лэйона съ корпусомъ отъ 20 до 30 тысячъ человѣкъ. У Лэйона всего было отъ 8 до 10 тысячъ, но онъ рѣшился выдти навстрѣчу непріятелю и на первый разъ, сильнымъ дѣйствіемъ своей артиллеріи, даже заставилъ его отступить до самаго лагеря и сжегъ его палатки. Но среди сраженія Лэйонъ былъ убитъ, и это имѣло весьма неблагопріятное вліяніе на ходъ битвы. Впрочемъ, полковникъ Зигель, принявшій команду послѣ Лэйона, совершилъ отступленіе въ отличномъ порядкѣ, взявъ съ собою всѣхъ захваченныхъ плѣнныхъ, отбитыхъ лошадей, и даже не позабывъ забрать деньги изъ спрингфильдскаго банка. Отступая, дошелъ онъ до Роллы, откуда по желѣзной дорогѣ могъ имѣть сообщеніе съ главною арміей. Федералисты въ этомъ дѣлѣ потеряли до 800, а конфедераты до 2.000 убитыми и ранеными.

Теперь, по газетнымъ слухамъ, обѣ стороны усердно готовятся къ большому сраженію, которое должно послѣдовать въ октябрѣ. Впрочемъ газетнымъ слухамъ,

особенно въ Америкѣ, и особенно теперь, нельзя придавать почти никакого значенія. Конфедераты не любятъ выдавать своихъ тайнъ: у нихъ и засѣданія конгресса въ Ричмондѣ были тайныя. Макъ-Клелландъ тоже заботится, чтобы его намѣренія не были заранѣе извѣстны непріятелю. Онъ даже просилъ журнальныхъ корреспондентовъ не дѣлать слишкомъ проницательныхъ соображеній и умныхъ догадокъ относительно его плановъ.

Такимъ образомъ общій ходъ дѣлъ въ Америкѣ постоянно оправдываетъ сдѣланное нами предположеніе, что война Юга съ Сѣверомъ далека отъ мирнаго разрѣшенія и не можетъ покончиться на компромиссѣ—теперь менѣе, чѣмъ когда-либо.

О европейскихъ дѣлахъ приходится на этотъ разъ говорить не очень много.

Венгрія и Италія по-прежнему на первомъ планѣ.

Въ прошедшій разъ остановились мы на рескриптѣ 21-го іюля, данномъ императоромъ австрійскимъ въ отвѣтъ на адресъ венгерскаго сейма, и на проектировавшемся новомъ адресѣ, въ отвѣтъ на рескриптъ. Дѣйствительно, новый адресъ былъ составленъ Деакомъ, 8-го августа прочитанъ и одобренъ въ палатѣ депутатовъ, 10-го утвержденъ палатою магнатовъ, 14-го поднесенъ императору президентами обѣихъ венгерскихъ палатъ, Аппони и Зичи. Императоръ принялъ ихъ, по замѣчанію австрійской «Presse», въ гусарскомъ мундирѣ, сопровождаемый графомъ Эстергази, Форгахомъ (канцлеромъ) и адъютантомъ графомъ Кленвилемъ. Аппони сказалъ очень ловкое привѣтствіе, подавая адресъ: «Венгерскій сеймъ, сказалъ онъ, объясняетъ въ своемъ адресѣ основанія государственнаго права и международнаго положенія своей страны. Онъ это сдѣлалъ какъ по своимъ убѣжденіяхъ и по долгу предъ отечествомъ, такъ и вслѣдствіе чувствъ уваженія къ вашему величеству, которымъ онъ измѣнилъ бы, если бы приглашенный вашимъ величествомъ высказать свое мнѣніе отъ имени народа, выразилъ бы его чувства, убѣжденія и стремленія не съ полною искренностью и вѣрностью». Императоръ отвѣчалъ, что онъ подумаетъ и дастъ отвѣтъ.

Но отвѣтъ извѣстенъ былъ заранѣе, и даже изложенъ въ самомъ адресѣ. Составляя и вотируя послѣдній адресъ, венгры очень хорошо знали, что за нимъ послѣдуетъ распущеніе сейма. Адресъ этотъ чрезвычайно длиненъ, какъ длиненъ былъ и рескриптъ. Исторія повторяется опять та же самая, какая уже нѣсколько разъ была разсказана въ нашихъ обозрѣніяхъ. Потому о ней можно и не распространяться. Венгерскіе депутаты стоятъ на своемъ: неприкосновенность венгерской конституціи и законовъ, законодательныя права сейма и строгое соблюденіе прагматической санкціи. «Изъ содержанія и духа рескрипта, обнародованнаго вашимъ величествомъ 21-го іюля, мы должны были, къ огорченію нашему, заключить, что ваше величество не желаете быть истиннымъ королемъ Венгріи по точному смыслу прагматической санкціи». Это они повторяютъ ужъ разъ десятый. Отъ темы своей они не отступаютъ, и постоянно разбиваютъ всѣ аргументы Австріи своимъ единственнымъ тезисомъ: наша конституція должна быть неприкосновенна. На этотъ разъ они высказываются даже рѣзче прежняго, съ явнымъ намѣреніемъ положить конецъ переговорамъ. Въ рескриптѣ, напримѣръ, сказано, что венгерцамъ оставляется ихъ «конституціонное самоуправленіе». Адресъ возражаетъ: «конституціонное самоуправленіе страны нарушено уже тѣмъ, что ваше величество собственною властью предписываете намъ законы, не спрашивая на то предварительнаго согласія сейма, и даже не обратившись къ нему съ запросомъ о томъ, одобритъ ли онъ такое существенное измѣненіе въ конституціи». Затѣмъ цитируются факты для доказательства, что Венгрія никогда не составляла единой страны съ Австріей, никогда не отказывалась отъ своей самостоятельности,—принимала участіе въ совѣщаніяхъ о войнѣ и мирѣ, имѣла свое собственное, отдѣльное войско, опредѣляла у себя налоги, и пр. Что же касается до словъ рескрипта о потрясеніяхъ, нарушившихъ и отмѣнившихъ конституцію, адресъ отвѣчаетъ: «эти потрясенія произведены были не законами 1848 года, а именно несоблюденіемъ ихъ—и препятствіями къ ихъ точному исполненію. Какъ были устроены эти препятствія, — объ этомъ мы готовы умолчать, сколько для того, чтобы не возбуждать печальныхъ воспоминаній, столько и по чувству уваженія къ вашему величеству». Словомъ, Венгрія ни на какихъ условіяхъ не хочетъ быть австрійской областью, а требуетъ, чтобы ее признали отдѣльной націей съ самостоятельнымъ управленіемъ; тогда она признаетъ Франца-Іосифа своимъ королемъ, если онъ дастъ присягу венгерской конституціи. Иначе, всѣ постановленія имперскаго сейма относительно Венгріи нація считаетъ незаконными; нынѣшнее же управленіе страны съ неконституціонными чиновниками, съ налогами, назначенными безъ согласія сейма и собираемыми вооруженною силою,—объявляется прямо противозаконнымъ и подлежащимъ уголовному суду.

Заключеніе адреса состоитъ именно въ томъ, что послѣ рескрипта, все ссылающагося на грамоты 20 октября и 26 февраля, вмѣсто того чтобы опираться на конституцію, дальнѣйшіе переговоры невозможны, и нить ихъ считается сеймомъ окончательно порванною. Послѣднія слова замѣчательны, какъ намекъ на близость начатія враждебныхъ дѣйствій между Австріей и Венгріей.

«Можетъ быть снова придутъ тяжелые дни для нашего отечества; но мы не должны отгонять ихъ измѣною обязанностямъ венгерскаго гражданина. Конституціонная свобода страны не составляетъ нашей собственности, которою мы могли бы располагать произвольно; нація ввѣрила ее нашей чести, и мы должны отвѣчать за нее передъ отечествомъ и нашей совѣстью. Если ужъ необходимо страдать, нація готова страдать, чтобы только спасти для будущихъ поколѣній ту конституціонную свободу, которую сама она наслѣдовала отъ предковъ. Она не упадетъ духомъ въ своихъ страданіяхъ, подобно тому, какъ не падали ея предки, страдая за защиту правъ страны. То, что отнимается силою и властью, можетъ быть возвращено временемъ и благопріятными обстоятельствами; но то, отъ чего нація сама отреклась, изъ опасенія страданій, возвратить бываетъ чрезвычайно трудно. Итакъ, нація рѣшается терпѣть, надѣясь на лучшую будущность и вѣря въ правоту своего дѣла».

Ясно, что тутъ ни для венгровъ, ни для австрійскаго императора, ни для его министровъ нѣтъ ничего новаго. Ясно, что заключеніе послѣдняго адреса могло быть и въ предыдущемъ, и еще раньше; тогда бы и развязка послѣдовала раньше. Но мы говорили, изъ-за чего тянули дѣло венгерцы,— они выжидали времени и благопріятныхъ обстоятельствъ. Что же заставило ихъ теперь повернуть такъ круто? Дождались ли они обстоятельствъ, которыхъ ждали, или, напротивъ, потеряли всякую надежду ихъ дождаться? Разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ могло бы очень ясно опредѣлиться положеніе Венгріи и ходъ будущихъ дѣлъ въ этой странѣ.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени нельзя этого рѣшить съ достаточною опредѣленностью и увѣренностью. На первый вопросъ отвѣтъ, конечно, готовъ въ фактахъ, — отвѣтъ отрицательный. Если бъ венгры дождались ожидаемыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Австрія объ этомъ знала бы, и тогда поведеніе ея было бы другое. Тогда послѣдовали бы или уступки, или поневолѣ война. А теперь—адресъ прочитанъ, обсужденъ въ совѣтѣ, и затѣмъ посланъ императорскій рескриптъ, въ которомъ объяснялось, что императоръ всей душою желалъ соглашенія, но что съ такимъ народомъ, какъ эти депутаты, дѣлать нечего, и потому, не ожидая болѣе никакого добра для венгерскаго народа отъ продолженія сейма, императоръ повелѣваетъ ему разойтись, а если понадобится опять обратиться къ представителямъ націи, то въ теченіе шести мѣсяцевъ будетъ созванъ новый сеймъ. Въ подкрѣпленіе рескрипта посланъ фельдцейхмейстеръ графъ Геллеръ, въ качествѣ королевскаго комиссара, для распущенія сейма и дано ему полномочіе, чтобы въ случаѣ, если, паче чаянія, сеймъ вздумаетъ выказать сопротивленіе, разогнать его вооруженною силой. Все это было извѣстно заранѣе, и потому еще въ засѣданіи 20 августа читанъ былъ протестъ, составленный тѣмъ же Деакомъ, противъ распущенія сейма. Въ протестѣ снова объявляются австрійскія требованія противозаконными. «Мы сдѣлали все съ своей стороны, говорятъ депутаты, чтобы достигнуть того, что требуется основаніями нашей конституціи, то-есть пополненія сейма депутатами изъ другихъ областей и возстановленія отвѣтственнаго министерства; но всѣ наши усилія были безуспѣшны, и послѣдній *королевскій* рескриптъ убѣдилъ насъ, что его величество не намѣренъ былъ возстановлять нашу конституцію въ духѣ прагматической санкціи, отъ которой мы никогда не отступали. А если теперь, вмѣсто законнаго пополненія сейма и возстановленія парламентскаго управленія, произойдетъ противозаконное распущеніе сейма, то убѣжденіе это (въ нежеланіи короля соблюдать конституцію) сдѣлается еще сильнѣе». Затѣмъ объясняется, почему распущеніе сейма противозаконно: по смыслу конституціи, оно не можетъ послѣдовать ранѣе разсмотрѣнія сеймомъ бюджетнаго отчета и бюджета на будущій годъ, представленныхъ министерствомъ. Далѣе указывается еще условіе, что, по закону, новый сеймъ долженъ быть созванъ не позже, какъ черезъ три мѣсяца; слѣдовательно, всякая болѣе долгая отсрочка—противозаконна... Протестъ принятъ и утвержденъ въ обѣихъ палатахъ.

22 августа президентъ палаты депутатовъ Зичи сообщилъ королевскій рескриптъ, прибавивъ заявленіе графа Галлера о возможномъ вмѣшательствѣ военной силы. Тогда всталъ Деакъ и сказалъ: «Господа! Гдѣ военная сила, тамъ преній не можетъ быть. Я съ своей стороны объявляю, что мы вооруженной силѣ противиться не въ состояніи. Поэтому останемся при протестѣ, который вчера утвержденъ въ этой палатѣ и одобренъ также палатою магнатовъ».

Тѣмъ дѣло и кончилось; рекриптъ отправленъ въ палату магнатовъ, гдѣ произошло также все, что̀ слѣдовало. Вечеромъ давали серенады подъ окнами президентовъ обѣихъ палатъ, а депутаты поднесли Деаку великолѣпный альбомъ, въ 4.000 флориновъ, съ портретами всѣхъ участвовавшихъ въ сеймѣ. Адресъ, составленный имъ, напечатанъ въ числѣ 300 тысячъ экземпляровъ и разосланъ по всѣмъ комитатамъ.

Между тѣмъ административный комитетъ пештскаго комитата тоже хотѣлъ созвать общее собраніе, чтобы протестовать противъ распущенія сейма. Тогда аулическая канцелярія распорядилась закрыть засѣданія комитета. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало распущеніе совѣта пештскаго комитата и восьми другихъ. Мѣсто ихъ заступили присланные *королевскіе* комиссары.

Ясно, стало быть, что благопріятныхъ обстоятельствъ венгры не дождались еще. Но каковы ихъ дальнѣйшіе разсчеты? Потеряли ль они въ самомъ дѣлѣ всякую надежду, по крайней мѣрѣ, на скорое наступленіе благопріятнаго для нихъ времени, или руководятъ ими другія соображенія?

Надѣяться они продолжаютъ,—это вѣрно. Но относительно настоящей минуты у нихъ, повидимому, нѣтъ ничего положительнаго. Сеймъ, конечно, увидѣлъ, что нельзя же переговоровъ съ Вѣною тянуть въ вѣчность, а между тѣмъ невозможность соглашенія съ Австріей показалась ему уже достаточно выясненною для націи,—вотъ онъ и рѣшился покончить съ этой исторіей. Весьма естественно, что тутъ былъ и разсчетъ, который первыя съ ужасомъ примѣтили австрійскія газеты. Это разсчетъ такого рода: двухъ противныхъ системъ правленія въ одной имперіи не можетъ быть въ одно время; если мы будемъ упорно отказываться отъ австрійскихъ грамотъ, а правительство не признаетъ нашей конституціи и распуститъ сеймъ, тогда неизбѣжно должно водвориться въ Венгріи прежнее абсолютное и произвольное управленіе; мы будемъ страдать, но дѣлать нечего,—это самое страданіе вызоветъ реакцію въ прочихъ частяхъ Австрійской имперіи. Съ уничтоженіемъ пештскаго сейма должны будутъ исчезнуть и другіе, не исключая и имперскаго; произволъ, военная сила и безотчетное управленіе въ одной части Австрійской имперіи не могутъ не отозваться плачевнымъ образомъ и на другихъ ея частяхъ; очень скоро всѣ увидятъ, до какой степени искренни конституціонныя намѣренія правительства, и оно опять лишится и той опоры, которую пріобрѣло было въ довѣріи, начавшемъ проявляться къ нему послѣ изданія конституціи... Тогда снова принуждена будетъ Австрія обратиться къ венгерскому сейму, и снова явятся на него тѣ же люди, съ тѣми же непреклонными требованіями. Тогда уже легче будетъ сговориться съ правительствомъ... Въ этомъ родѣ разсуждаетъ «Ost-deutsche Post». Легко можетъ быть, что въ значительной части своихъ соображеній она отгадала истину. Только вѣроятно венгерцы надѣются сдѣлать что-нибудь и ранѣе того времени, когда Австрія увидитъ необходимость опять обратиться къ ихъ сейму.

Замѣчательно, что мысль объ оставленіи правительствомъ конституціоннаго пути испугала не однѣ газеты, а даже и членовъ имперскаго сейма. Они-таки вотировали похвальный адресъ за образъ дѣйствій правительства въ венгерскомъ вопросѣ; но нашлось нѣсколько ораторовъ противъ адреса, осмѣлившихся утверждать, что мѣры, принятыя съ Венгріей, легко могутъ дурно отозваться на юной конституціи всей Австрійской имперіи.

Разумѣется, ихъ не послушали, потому что въ рескриптѣ прямо сказано, что императоръ даже и въ Венгріи желаетъ удержать конституціонное самоуправленіе.

А между тѣмъ кроатскій сеймъ тоже готовится къ распущенію и уже на этотъ случай назначаетъ будущее управленіе страны, которое должно будетъ замѣнить его.

Матеріальнымъ образомъ реакція въ Венгріи выказалась пока еще только въ строгостяхъ противъ журналистики и въ насильственномъ сборѣ податей. Взыскивать никакъ нельзя, такъ къ неплательщикамъ ставятъ солдатъ. Есть достаточные люди, которые помѣщаютъ и кормятъ солдатъ очень хорошо, но денегъ не даютъ.

Объ итальянскихъ событіяхъ было въ послѣдній мѣсяцъ чрезвычайно много толковъ и шуму, благодаря тому, что дѣла эти занимаютъ очень близко всю французскую журналистику, которая, какъ извѣстно, должна заниматься тѣмъ, чѣмъ ей приказано. Интересъ постоянно поддерживался въ публикѣ слухами и опроверженіями, доказательствами и противорѣчіями. «Patrie», напримѣръ, восхваляла достоинства острова Сардиніи и увѣряла, что ея жители—вовсе не итальянцы, а французы; когда дѣйствіе казалось достаточнымъ, «Moniteur» печаталъ замѣтку, что Франція никогда и не думала о Сардиніи. Когда «Siècle» уже слишкомъ распространялся о томъ, что Австрія на случай смерти папы готовитъ конклавъ въ Веронѣ, для своихъ цѣлей,—«Pays» начиналъ увѣрять каждый день, что святѣйшій отецъ совершенно здоровъ, и что о преемникѣ ему нечего и думать. Разъ пятнадцать въ мѣсяцъ повторялось въ газетахъ,

что скоро французы выйдутъ изъ Рима, и разъ пятнадцать объявлялось, что занятіе Рима французами продолжено на неопредѣленное время. Разъ пятнадцать говорилось, что министерство Риказоли разсердило тюльерійскій дворъ, и столько же разъ возвѣщалось, что Франція съ Риказоли въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Дѣло же все сводится къ двумъ словамъ: въ южныхъ провинціяхъ приняла довольно опасные размѣры бурбонская реакція, организуемая и поддерживаемая изъ Рима; реакціонеры дѣйствовали, какъ шайки разбойниковъ,—манера не новая—совершенно подобнымъ образомъ въ 1799 году занялъ Неаполь и ввелъ въ него Фердинанда знаменитый Кардиналъ Руффо. Опасаясь подобныхъ неожиданныхъ послѣдствій, въ Туринѣ рѣшились принять мѣры серьезныя и послали въ Неаполь Чальдини со всѣми полномочіями. Чальдини нашелъ необходимымъ обратиться къ гарибальдинцамъ и къ нѣкоторымъ изъ членовъ «партіи дѣйствія». Тѣ согласились помогать ему, и дѣло пошло хорошо. Но въ числѣ этихъ лицъ былъ извѣстный Никотера; едва о немъ узнали, какъ въ два дня явилось 800 волонтеровъ, готовыхъ за нимъ въ огонь и въ воду. Извѣстясь объ этомъ, Риказоли съ Мингетти испугались, что Никотера, пользуясь случаемъ, погубитъ Италію, и приказали Чальдини, что пусть ужъ разбойники остаются, но чтобъ онъ съ Никотерой не связывался. Чальдини посердился, но послушался. Съ тѣхъ поръ его дѣятельность противъ бандитовъ попритихла, и въ дѣло вмѣшался какъ-то, на границахъ неаполитанскихъ и папскихъ владѣній, генералъ Гойонъ. Вотъ и все. Когда изъ этого что-нибудь выйдетъ, мы разскажемъ поподробнѣе.

Все остальное—слова и слова. Слогъ циркуляровъ барона Риказоли болѣе силенъ, но не столько плавенъ, какъ у Кавура, а дѣло въ нихъ то же: какъ извѣстно, и тотъ и другой хлопочутъ о Римѣ. Въ Римѣ произошелъ-было скандалъ, отъ котораго ждали важныхъ послѣдствій: генералъ Гойонъ далъ кардиналу Мероду, военному министру папы, «моральную пощечину»; но оказалось, что и пощечина эта была только на словахъ, а даже въ печати г. Гойонъ отрекся отъ нея, и все обошлось до сихъ поръ благополучно...

Впрочемъ, о римскихъ дѣлахъ мы надѣемся скоро напечатать особую статью, въ которой, можетъ быть, представлены будутъ и нѣкоторыя подробности, съ которыми мы не рѣшаемся возиться въ общемъ обзорѣ.

---

426. ***

Найдено мною въ бумагахъ Добролюбова, хранящихся въ Литературномъ Фондѣ, и относится къ августу 1861 года, когда авторъ, по пути изъ Одессы въ Петербургъ, имѣлъ возможность не разъ бесѣдовать съ крестьянами. На оборотѣ рукописи Н. А. написалъ для типографіи: «Стихи, вѣрно, пойдутъ въ Государ. Канцелярію къ Буткову, потому ихъ наберите и тисните отдѣльно»... Тамъ, у Буткова, цензуровавшаго все, что только хоть отдаленно касалось крестьянъ, они и остались, не попавъ въ печать: развѣ можно было актъ 19 февраля признавать все еще почками, а не самимъ дозрѣлымъ плодомъ?!..

М. Л.

Синее небо, зеленое поле...
Въ бѣлой рубахѣ, съ сохой, селянинъ...
Онъ размышляетъ о выданной волѣ,—
Здѣсь на просторѣ съ природой одинъ.

Знаю я—трудъ ему веселъ и сладокъ...
Что же? Смягчилась земля предъ сохой?
Силъ стало больше у тощихъ лошадокъ?
Иль не печетъ его солнечный зной?

Нѣтъ, его поле по-прежнему въ кочкахъ,
Лошади—клячи, и солнце печетъ...
Но уже зритъ онъ въ таинственныхъ почкахъ
Воли грядущей живительный плодъ...

427. ***

Напечатано въ первомъ изданіи сочиненій. Ясно, что это обращеніе къ Свободѣ. Добролюбовъ видѣлъ, куда шло русское общество, усыпленное реформой 19 февраля 1861 года...

М. Л.

О, подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,
И лучшіе друзья не приподымутъ рукъ.

428. Забитые люди.

(**Сочиненія** *Ѳ. М. Достоевскаго*. Два тома. Москва. 1860 г.
Униженные и оскорбленные. Романъ въ 4-хъ частяхъ *Ѳ. М. Достоевскаго*. «Время» 1861 г. № I—VII).

Напечатано въ IX кн. «Современника» 1861 года (ценз. 6 сентября) за подписью «Н. —бовъ». Эта статья такъ же важна, какъ и всѣ тѣ, которыя даютъ общій взглядъ на произведенія большихъ писателей, анализъ ихъ творчества. Достоевскій, кромѣ того, довольно детально разобранъ и со стороны чисто художественной критики. Этимъ разборомъ Добролюбовъ какъ бы отвѣтилъ на статью Достоевскаго о своей манерѣ публицистической критики (см. № 402). Правда, результатъ оказался не въ пользу романиста, но зато и онъ не могъ уже не понять, почему Добролюбовъ всегда избѣгалъ художественной критики. Н. А. отвѣтилъ прямо и искренно: потому что пока у насъ нѣтъ такихъ совершенныхъ художниковъ, которые бы создали произведеніе, «приближающееся хоть сколько-нибудь къ идеальнымъ требованіямъ, имѣющее какіе-нибудь шансы быть долговѣчнымъ и счастливымъ, т.-е. составить собою что-нибудь самобытное, замѣчательное не по отношенію къ какимъ-нибудь другимъ интересамъ, а по своему внутреннему достоинству». И тѣмъ меньше могъ заслужить художественной критики Достоевскій съ его манерой писать..., мѣстами фальшивый, дѣланный, не проявившій признаковъ художественной полноты и цѣльности въ своихъ созданіяхъ. А обычной критики, критики, ищущей, насколько писатель отразилъ въ своихъ произведеніяхъ жизненныя явленія общества—Достоевскій вполнѣ заслуживаетъ, потому что, какъ ни какъ, но нельзя не признать его талантливымъ писателемъ... И вотъ Добролюбовъ находитъ въ нихъ одинъ лейтъ-мотивъ—«боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ или, наконецъ, даже не въ правѣ быть человѣкомъ настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ, человѣкомъ самимъ по себѣ». Эта черта, роднящая Достоевскаго съ Островскимъ, вѣрнѣе—просто показывающая ихъ близость къ жизни и ея пониманіе, заслуживаетъ большого вниманія. Россія—страна темнаго царства самодурныхъ и забитыхъ людей. Достоевскій нарисовалъ послѣднихъ правдиво, ярко и любовно, главное—любовно. Ему самому ясно, что ненормаленъ порядокъ, вырабатывающій этихъ несчастныхъ и всѣми гонимыхъ. Уже по естественному праву (Добролюбовъ не перестаетъ базироваться на немъ при построеніи соціалистическаго идеала), они имѣютъ равное право со всѣми другими людьми на равное съ ними участіе въ благахъ жизни, на одинаковую долю человѣческаго счастья. Имѣютъ теоретически и не смѣютъ на практикѣ. Почему? Да потому, что весь нашъ отечественный режимъ, начиная съ семьи, проходя черезъ школу и вступая въ общественную атмосферу, создаетъ двѣ породы людей: владыкъ и рабовъ. И какъ прежде (см. № 402), Добролюбовъ предостерегаетъ тѣхъ, кто склоненъ считать этихъ рабовъ рабами по природѣ... Онъ твердо вѣритъ, что человѣкъ все можетъ вынести, но однако до извѣстнаго предѣла, за которымъ ничто внѣшнее его уже не удержитъ... И онъ призываетъ: общество къ осознанію этой аксіомы, забитыхъ людей—къ борьбѣ за свое кровное право на самостоятельную жизнь.

М. Л.

I.

«Опять о забитыхъ личностяхъ! Мало еще было толковано о нихъ въ «Темномъ царствѣ», мало вообще надоѣдалъ ими «Современникъ» въ своемъ критическомъ отдѣлѣ! И вѣдь пришла же человѣку въ голову безобразная мысль — превратить дѣло художественной критики въ патологическіе этюды о русскомъ обществѣ... Вотъ хоть бы теперь: на очереди стоитъ чрезвычайно важный для искусства вопросъ о сущности и степени творческаго таланта одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей литературы, вопросъ тѣмъ болѣе интересный, что о немъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ были высказаны самыя разнообразныя мнѣнія. Появленіе «Бѣдныхъ людей» было встрѣчено величайшимъ восторгомъ всей литературной партіи, признавшей Гоголя; Бѣлинскій провозгласилъ, что хотя г. Достоевскій и многимъ обязанъ Гоголю, какъ Лермонтовъ Пушкину, но что, тѣмъ не менѣе, онъ—самъ по себѣ вовсе не подражатель Гоголя, а талантъ самобытный и громадный. Онъ началъ такъ, прибавлялъ Бѣлинскій, какъ не начиналъ еще ни одинъ изъ русскихъ писателей. Мало того,—Бѣлинскій пророчествовалъ такимъ образомъ: «Талантъ г. Достоевскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много, въ продолженіе его поприща, явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы» («Отечественныя Записки» 1846 г. № III, стр. 20). Это было писано еще въ то время, когда въ ходу были повѣсти гг. Соллогуба, Луганскаго [1]), Гребенки и т. п.; г. Гончаровъ еще не появлялся тогда съ «Обыкновенной исторіей»; гг. Тургеневъ и Григоровичъ едва напечатали нѣсколько незначительныхъ разсказовъ; объ Островскомъ, Писемскомъ, Толстомъ и другихъ, впослѣдствіи прославившихся писателяхъ, не было еще ни слуху, ни духу. Прошло съ тѣхъ поръ еще три года: новые писатели возникали и пріобрѣтали себѣ почетную извѣстность; г. Достоевскій все продолжалъ писать, и ни одно изъ его новыхъ произведеній не сравнилось съ первою его повѣстью. Въ половинѣ 1849 года литературная дѣятельность его прекратилась, и литература не выразила при этомъ особенныхъ сожалѣній [2]). Если въ теченіе десятилѣтняго молчанія г. Достоевскаго иногда и вспоминали о немъ, то развѣ затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ собственнымъ простодушіемъ, съ которымъ производили его въ геніи за первую повѣсть, и о непомѣрномъ самолюбіи, до котораго довело его общее поклоненіе. Но два года тому назадъ г. Достоевскій снова появился въ литературѣ, хотя имя его было уже слишкомъ блѣдно предъ новыми свѣтилами, загорѣвшимися на горизонтѣ русской словесности въ послѣднее десятилѣтіе. Въ эти два года онъ напечаталъ четыре большихъ произведенія, и объ нихъ еще не произнесенъ безпристрастный судъ критики. Теперь именно и предстоитъ для критика задача—опредѣлить, насколько развился и возмужалъ талантъ г. Достоевскаго, какія эстетическія особенности представляетъ онъ въ сравненіи съ новыми писателями, которыхъ еще не могла имѣть въ виду критика Бѣлинскаго, какими недостатками и красотами отличаются его новыя произведенія и на какое дѣйствительно мѣсто ставятъ они его въ ряду такихъ писателей, какъ гг. Гончаровъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Толстой и пр. Критику предстоитъ художественный вопросъ, существенно важный для исторіи нашей литературы,—а онъ собирается толковать о забитыхъ людяхъ,—предметѣ даже вовсе не эстетическомъ».

Всякій разъ, когда я начинаю писать критическую статью, меня начинаютъ осаждать требованія и возгласы подобнаго рода. По мнѣнію одного критика, мнѣ отъ нихъ нѣтъ другого спасенія, какъ признаться откровенно, что рѣшеніе вопросовъ подобной важности мнѣ не подъ силу. Я бы, пожалуй, и готовъ признаться, но вѣдь это, во-первыхъ, для самолюбія обидно, а во-вторыхъ—зачѣмъ же мнѣ клепать на себя? Разумѣется, критика должна служить приложеніемъ вѣчныхъ законовъ искусства къ частному произведенію, должна, какъ въ зеркалѣ, представить достоинства и недостатки автора, указать ему вѣрный путь, а читателямъ—мѣста, которыми они должны или не должны восхищаться. Такова вѣдь должна быть настоящая критика? Да, но знаете ли, что чистая теорія критики такъ же точно неприложима бываетъ, какъ и теорія о томъ, какъ сдѣлаться богатымъ и счастливымъ, или какъ пріобрѣсти любовь женщинъ. Еще ежели попадетъ такая теорія на человѣка, имѣющаго всѣ шансы нравиться женщинамъ, ежели придется теорія богатства и счастья по человѣку умѣренному, аккуратному, искательному и ловкому,—такъ, пожалуй, будетъ и на дѣло похоже: у такого человѣка есть залоги на счастье и богатство, приближающіе его къ

[1]) Псевдонимъ В. И. Даля.

[2]) Какъ и Плещеевъ, Достоевскій былъ отданъ въ солдаты за участіе въ дѣлѣ Буташевича-Петрашевскаго.

принципамъ книжной теоріи. А что, какъ эта мораль изъ прописей, предлагаемая подъ видомъ «руководства къ счастливой и богатой жизни» и состоящая въ томъ, что «будь бережливъ», «никогда не давай воли своимъ страстямъ», «довольствуйся малымъ», «сноси терпѣливо всѣ оскорбленія отъ тѣхъ, отъ кого находишься въ зависимости», и пр. т. п.,—что ежели эта мораль будетъ примѣняема къ натурѣ горячей, расточительной, безпокойной? Вѣдь не стоитъ тогда и изучать теорію счастья, точно такъ, какъ не стоитъ робкому и безобразному старцу заниматься изученіемъ «искусства нравиться женщинамъ», когда тамъ на первомъ планѣ стоятъ развязность, молодость и благообразіе, ежели уже не красота. То же самое и съ критикой: хорошо, если вамъ попадается произведеніе, приближающееся хоть сколько-нибудь къ идеальнымъ требованіямъ, имѣющее какіе-нибудь шансы «быть долговѣчнымъ и счастливымъ», т.-е. составить собою что-нибудь самобытное, замѣчательное, не по отношенію къ какимъ-нибудь другимъ интересамъ, а по своему внутреннему достоинству. Тогда можно и съ эстетической точки зрѣнія заняться имъ, можно и въ художественныя тонкости пуститься, и всѣ пятнышки въ немъ прослѣдить. Да это сдѣлается тогда само собою, по тому же невольному чувству, по которому вы хлопочете, чтобы прекрасной картинѣ дано было хорошее освѣщеніе, и невольно дѣлаете движеніе, чтобы согнать сѣвшую на нее муху... Но подымать вѣчные законы искусства, толковать о художественныхъ красотахъ по поводу созданій современныхъ русскихъ повѣствователей—это (да простятъ мнѣ г. Анненковъ и всѣ его послѣдователи!) такъ же смѣшно, какъ развивать теорію генералъ-баса въ поощреніе тапера, не сбивающагося съ такта, или пуститься въ изложеніе математической теоріи вѣроятностей по поводу ошибокъ ученика, невѣрно рѣшившаго уравненія первой степени.

Для людей, которые всѣ уткнулись въ «свою литературу», для которыхъ нѣтъ другихъ событій общественной жизни, кромѣ выхода новой книжки журнала, дѣйствительно долженъ казаться громадно-важнымъ ихъ муравейникъ. Зная только отвлеченныя теоріи искусства (имѣвшія, впрочемъ, когда-то свое жизненное значеніе) да занимаясь сравненіемъ повѣстей г. Тургенева, напримѣръ, съ повѣстями г. Шишкина, или романовъ г. Гончарова съ романами г. Карновича, — точно, немудрено придти въ пафосъ и воскликнуть:

Такой-то муравей былъ силы непомѣрной.

Но повѣрьте, что только праздные люди могутъ толпиться около этого муравья и по цѣлымъ часамъ любоваться, какъ онъ показываетъ свою силу. У большинства людей есть свои занятія, и если имъ любопытно подчасъ видѣть проявленіе силы, то ужъ не такой же.

Я бы хотѣлъ здѣсь поговорить о размѣрахъ силы, проявляющейся въ современной русской беллетристикѣ, но это завело бы слишкомъ далеко... Лучше ужъ до другого раза. Предметъ этотъ никогда не уйдетъ. А теперь обращусь собственно къ г. Достоевскому и, главное, къ его послѣднему роману, чтобы спросить читателей: забавно было бы или нѣтъ заниматься эстетическимъ разборомъ такого произведенія?

Романъ г. Достоевскаго очень недуренъ, до того недуренъ, что едва-ли не его только и читали съ удовольствіемъ, чуть ли не о немъ только и говорили съ полною похвалою... Явился-было ему соперникъ въ «Чужомъ имени» г. Ахшарумова, но со второй же части, говорятъ, обнаружилась въ этомъ романѣ такая неблаговидная пошлость во вкусѣ романовъ Полевого, что читатели бросили романъ недочитаннымъ. «Бѣдные дворяне» г. Потѣхина тоже, говорятъ, остались далеко позади «Униженныхъ и оскорбленныхъ». Словомъ сказать, романъ г. Достоевскаго до сихъ поръ представляетъ лучшее литературное явленіе нынѣшняго года. А попробуйте примѣнить къ нему правила строго-художественной критики.

Большая часть нашихъ читателей, конечно, знаетъ содержаніе «Униженныхъ и оскорбленныхъ». Поэтому постараюсь изложить черты романа въ самыхъ короткихъ словахъ.

Разсказъ веденъ отъ лица Ивана Петровича, «неудавшагося литератора». Герой романа — князь Валковскій. Иванъ Петровичъ воспитанъ у помѣщика Ихменева, который вмѣстѣ съ тѣмъ управляетъ и сосѣднимъ имѣніемъ князя Валковскаго. Валковскій очень довѣряетъ Ихменеву и даже посылаетъ къ нему подъ надзоръ въ деревню 19-лѣтняго сына своего Алешу, накутившаго что-то въ Петербургѣ. Но черезъ годъ князь пріѣхалъ въ имѣніе, поссорился съ Ихменевымъ,—по наговорамъ, будто тотъ интриговалъ, чтобы женить Алешу на своей 17-лѣтней дочери, Наташѣ,—отнялъ у него управленіе имѣніемъ, сдѣлалъ на него начетъ и завелъ процессъ. Для «хожденія по дѣлу» Ихменевъ переѣхалъ въ Петербургъ. Вотъ завязка романа.

Въ Петербургѣ Ихменевы встрѣтили Ивана Петровича; конечно, онъ страстно

влюбился въ Наташу, она въ него, они объяснились между собою и съ родителями, получили радостное согласіе и совѣтъ—подождать годикъ, пока Иванъ Петровичъ заработаетъ себѣ что-нибудь побольше теперешняго. Но, между тѣмъ, Алеша тоже началъ бывать у Ихменевыхъ тайкомъ отъ отца; старики его принимали ласково, потому что онъ и въ 21 годъ былъ милымъ и незлобнымъ ребенкомъ. Онъ влюбился въ Наташу, а Наташа въ него,—да такъ, что въ одинъ прекрасный вечеръ бѣжала къ нему изъ дома родительскаго. Иванъ Петровичъ все это зналъ, всему помогалъ, переносилъ вѣсти отъ дочери къ родителямъ, отъ родителей къ дочери, и пр. Но скоро дѣятельность его раздвояется: онъ поселился въ квартирѣ одного старика, умершаго на его рукахъ; къ старику ходила внучка, дѣвочка лѣтъ 13, Нелли; явилась она и къ Ивану Петровичу, но, не нашедъ дѣдушки, тотчасъ убѣжала. Иванъ Петровичъ успѣлъ ее выслѣдить, спасъ ее отъ развратной женщины, которая уже продала-было ее какому-то кутилѣ, и поселилъ у себя. Съ этихъ поръ Иванъ Петровичъ мечется безпрестанно отъ Нелли къ Наташѣ и отъ Наташи къ Нелли. Между тѣмъ, князь Валковскій, видя, что сынъ не отстаетъ отъ Наташи, выдумалъ остроумное средство: пріѣхалъ къ Наташѣ и при немъ же попросилъ ея согласія на замужество съ его сыномъ. Всѣ были очень рады такому обороту дѣла, но вѣтренный Алеша, въ которомъ только препятствія еще и поддерживали любовь, совсѣмъ теперь успокоился на счетъ Наташи, сталъ пропадать по нѣскольку дней, ѣздить по баламъ, и уже безъ всякаго принужденія знакомиться и сходиться съ невѣстой, которую приготовилъ ему отецъ. Черезъ нѣсколько дней онъ, разумѣется, влюбился въ нее такъ же страстно, какъ и въ Наташу, а еще черезъ нѣсколько дней убѣдился, что онъ ее любитъ болѣе Наташи. Разсчетъ князя-отца оказался вѣренъ; его скоро поняла и Наташа и очень энергически, какъ по писанному, все высказала князю. Князь обидѣлся и за то, черезъ нѣсколько дней, весьма цинически и съ приправою разныхъ оскорбленій высказалъ то же самое, то-есть, признался во всѣхъ своихъ разсчетахъ Ивану Петровичу. Между прочимъ, пріѣхавъ къ нему въ квартиру, князь увидалъ Нелли и она была имъ страшно испугана и сдѣлалась больна. Иванъ Петровичъ опять въ хлопотахъ: тутъ больная, тамъ идетъ къ развязкѣ; отецъ Алеши хочетъ женить его, невѣста его, Катя, хочетъ познакомиться съ Наташей, чтобы попросить у нея прощенія и согласія; отецъ Наташи горячится изъ-за дочери и—то ее проклинаетъ, то хочетъ вызвать князя на дуэль; мать рвется къ дочери, сама Наташа еле на ногахъ держится. Наконецъ все устраивается: Алеша уѣзжаетъ въ деревню вмѣстѣ съ Катей и ея семействомъ. Наташа рѣшается идти къ родителямъ. Чтобы смягчить отца и приготовить его къ прощенію, употребляютъ орудіемъ маленькую Нелли, заставляя ее разсказывать ему свою исторію, или, лучше сказать, исторію ея матери. Дѣло состоитъ въ томъ, что мать Нелли была обольщена однимъ господиномъ, бѣжала отъ отца, была имъ проклята, потомъ ограблена и брошена своимъ любовникомъ и умерла въ сыромъ углу отъ чахотки и голода, напрасно вымаливая прощеніе у отца. Разсказъ, точно, производитъ сильное впечатлѣніе, такъ что Ихменевъ рѣшается идти къ Наташѣ. Но это оказывается рѣшительно не нужно: Наташа сама прибѣжала къ родителямъ и, разумѣется, встрѣчена была съ распростертыми объятіями. Вслѣдъ за тѣмъ, при посредствѣ пріятеля Ивана Петровича, ходока Маслобоева, открылось, что Нелли — дочь князя Валковскаго, что обольститель ея матери былъ именно онъ, и что — мало того—онъ былъ женатъ на матери Нелли законнымъ образомъ. Но уликъ законныхъ противъ князя не было, и нельзя было предпринять противъ него никакихъ мѣръ. Алеша, разумѣется, женился на Катѣ. Униженные и оскорбленные такъ и остались не отомщенными. Нелли вскорѣ затѣмъ умерла; а Наташа съ родителями отправилась въ провинцію, гдѣ старикъ Ихменевъ выхлопоталъ себѣ какое-то мѣсто, проигравъ окончательно свой процессъ съ княземъ и лишившись своей послѣдней деревеньки, Ихменевки.

Въ романѣ очень много живыхъ, хорошо отдѣланныхъ частностей, герой романа хоть и мѣтитъ въ мелодраму, но по мѣстамъ выходитъ недуренъ; характеръ маленькой Нелли обрисованъ положительно хорошо; очень живо и натурально очерченъ также и характеръ старика Ихменева. Все это даетъ право роману на вниманіе публики, при общей бѣдности хорошихъ повѣстей въ настоящее время. Но все это еще не возвышаетъ его настолько, чтобы примѣнять общія художественныя требованія ко всѣмъ его частностямъ и сдѣлать его предметомъ подробнаго эстетическаго разбора.

Возьмите, напримѣръ, хоть самый пріемъ автора: исторію любви и страданій Наташи съ Алешей разсказываетъ намъ человѣкъ, самъ страстно въ нее влюбленный и рѣшившійся пожертвовать собою для

ея счастья. Я признаюсь,—всѣ эти господа, доводящіе свое душевное величіе до того, чтобы зазнамо цѣловаться съ любовникомъ своей невѣсты и быть у него на побѣгушкахъ, мнѣ вовсе не нравятся. Они или вовсе не любили, или любили головою только, и выдумать ихъ въ литературѣ могли только творцы, болѣе знакомые съ головною, нежели съ сердечною любовью. Если же эти романтическіе самоотверженцы точно любили, то какія же должны быть у нихъ тряпичныя сердца, какіе куричьи чувства! А этихъ людей показывали еще намъ, какъ идеалъ чего-то! Первый, сколько помнится, устроилъ подобную комбинацію любовнаго самоотверженія г. Тургеневъ и недавно повторилъ ее въ «Наканунѣ», имѣя, впрочемъ, на этотъ разъ осторожность дать понять читателю, что Берсеневъ еще самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ къ Еленѣ, когда понадобилось его содѣйствіе Инсарову. Г. Достоевскій тоже не первый разъ беретъ такого героя: его ужъ мы видѣли въ мечтателѣ «Бѣлыхъ ночей». Но то была шутка въ сравненіи съ нынѣшнимъ романомъ. Теперь мы видимъ умнаго, благороднаго и развитого человѣка, который тоже попалъ въ такую комбинацію и собирается намъ разсказать объ этомъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на нравственное достоинство его подвига, но намъ любопытно слѣдить за нимъ въ его разсказѣ. Изъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ въ романѣ — онъ униженъ и оскорбленъ едва-ли не болѣе всѣхъ; представить, какъ въ его душѣ отражались эти оскорбленія, что̀ онъ выстрадалъ, смотря на погибающую любовь свою, съ какими мыслями и чувствами принимался онъ помогать мальчишкѣ, обольстителю своей невѣсты, какія безконечныя варіаціи любви, ревности, гордости, состраданія, отвращенія, ненависти разыгрывались въ его сердцѣ, что̀ чувствовалъ онъ, когда видѣлъ приближеніе разрыва между своей невѣстой и ея любовникомъ,—представить все это въ живомъ подлинномъ разсказѣ самого оскорбленнаго человѣка, это—задача смѣлая, требующая огромнаго таланта для ея удовлетворительнаго исполненія. Одной неудачной попыткой на разъясненіе одной частицы такой задачи Эрнестъ Федо сразу пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность и массу поклонниковъ [1]). Что же, если бы мы нашли хорошее, поэтическое рѣшеніе *всей* задачи! Кромѣ того, что у насъ было бы художественное цѣлое, — намъ разъяснился бы цѣлый разрядъ характеровъ, цѣлый рядъ нравственныхъ явленій; мы знали бы, какъ намъ судить объ этихъ кроткосердыхъ геройхъ и какую цѣну приписывать ихъ гуманному обезличенію себя, такъ какъ мы знаемъ теперь, напримѣръ, послѣ комедій Островскаго, какъ намъ смотрѣть на патріархальную размашистость русской натуры.

Г. Достоевскій извѣстенъ любовью къ рисованію психологическихъ тонкостей. Мнѣніе о его, кажется, «Двойникѣ», что это «собственно не повѣсть, а психологическое развитіе», подало даже поводъ къ одному очень извѣстному анекдоту. Потому можно было надѣяться, что г. Достоевскій именно попадетъ на ту идею, о которой я говорилъ. Тогда бы, разумѣется, могъ быть толкъ и о художественности исполненія. Но на самомъ дѣлѣ вы въ романѣ не только слабаго изображенія внутренняго состоянія Ивана Петровича не находите, но даже не видите ни малѣйшаго намека на то, чтобы авторъ объ этомъ заботился. Напротивъ, онъ избѣгаетъ всего, гдѣ бы могла раскрыться душа человѣка любящаго, ревнующаго, страдающаго. Пять мѣсяцевъ, въ которые Алеша успѣлъ прельстить Наташу и увлекъ ее за собою,—не удостоены и пяти строчекъ. Первые полгода жизни Алеши съ Наташею пропущены почти безъ всякихъ объясненій. Дѣйствіе романа продолжается какой-нибудь мѣсяцъ, и тутъ Иванъ Петровичъ безпрерывно на побѣгушкахъ, такъ что ему, наконецъ, раза два дѣлается дурно, и онъ чуть не схватываетъ горячку. Но вотъ и все: что̀ именно у него на душѣ, мы этого не знаемъ, хотя и видимъ, что ему нехорошо. Словомъ, предъ нами не страстно-влюбленный, до самопожертвованія любящій человѣкъ, разсказывающій о заблужденіяхъ и страданіяхъ своей милой, объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ его сердцу, о поруганіи его святыни, передъ нами просто авторъ, неловко взявшій извѣстную форму разсказа, не подумавъ о томъ, какія она на него налагаетъ обязанности. Оттого тонъ разсказа рѣшительно фальшивый, сочиненный; и самъ разсказчикъ, который по сущности дѣла долженъ бы быть дѣйствующимъ лицомъ, является намъ чѣмъ-то въ родѣ наперсника старинныхъ трагедій. Къ нему приходитъ отецъ Наташи — сообщить о своихъ намѣреніяхъ; за нимъ присылаетъ ея мать—разспросить о Наташѣ; его зоветъ къ себѣ Наташа, чтобы излить передъ нимъ свое сердце; къ нему обращается Алеша—высказать свою любовь, вѣтренность и раскаяніе; съ нимъ знакомится Катя, невѣста Алеши, чтобы поговорить съ нимъ о любви

[1]) Французскій беллетристъ (Feydeau), пріобрѣлъ имя романомъ «Fanny», выпущеннымъ въ 1858 г. и выдержавшимъ 25—30 изданій.

Алеши къ Наташѣ; ему попадается Нелли, чтобы выказать свой характеръ, и Маслобоевъ, чтобы разузнать и разсказать объ отношеніяхъ Нелли къ князю; наконецъ, самъ князь везетъ его къ Борелю и даже напивается тамъ, чтобы высказать Ивану Петровичу всю гадость своего характера. А Иванъ Петровичъ все слушаетъ и все записываетъ. Вотъ и все его участіе въ романѣ.

Если уже таково отношеніе къ дѣлу даже того самаго лица, которое берется разсказывать намъ о своемъ кровномъ дѣлѣ, то нельзя ожидать, чтобъ онъ сумѣлъ очень глубоко ввести насъ въ сердечную жизнь другихъ дѣйствующихъ лицъ. И точно—романъ представляетъ намъ калейдоскопъ происшествій, которыхъ случайными свидѣтелями мы можемъ сдѣлаться на улицѣ, въ гостиной или на иномъ чердакѣ, и при этомъ представленіи стоитъ нѣкто, изъясняющій, что̀ означаютъ и почему выходятъ такія-то и такія-то вещи. Завязка романа, напримѣръ, основывается на любви Наташи къ Алешѣ. Наташа представлена дѣвушкою умною, серьезною, съ хорошо развитымъ нравственнымъ чувствомъ, безъ особенныхъ и даже безъ всякихъ чувственныхъ поползновеній. Алеша—мальчишка уже въ 21 годъ, вѣтренный, цинической, лишенный всякой нравственной основы въ характерѣ до того, что онъ не конфузится никакой своей пакости, а напротивъ—тотчасъ же самъ о ней разсказываетъ, прибавляя, что знаетъ, какъ это дурно, и вслѣдъ затѣмъ опять повторяетъ ту же пакость. Думая похвалить его невинность, разсказчикъ говоритъ, между прочимъ: «онъ не могъ бы солгать, а если бъ и солгалъ, то вовсе не подозрѣвая въ этомъ дурного». Видите, это былъ наивный, милый ребенокъ, не вѣдающій разницы добра и зла, хотя и достигшій 21 года, воспитанный въ свѣтскомъ петербургскомъ обществѣ, испытавшій въ немъ кое-что и при томъ бывшій сынкомъ такого отца, какъ князь Валковскій. Идеализируя характеръ Алеши (какъ и слѣдуетъ по правиламъ рыцарскаго великодушія, говоря о соперникѣ), разсказчикъ замѣчаетъ, что онъ «могъ бы сдѣлать и дурной поступокъ, принужденный чьимъ-нибудь сильнымъ вліяніемъ, но, сознавъ послѣдствія такого поступка, умеръ бы отъ раскаянія». А черезъ двѣ страницы происходитъ сцена встрѣчи Алеши съ убѣжавшей изъ дому Наташей. Иванъ Петровичъ пробуетъ напомнить ему: что̀, говоритъ, вы дѣлаете,—какой страшный ударъ наносите ея отцу и матери и пр... Алеша отвѣчаетъ: «да, это ужасно... Я это и прежде говорилъ... Но что̀ же дѣлать? измѣнить нельзя»... А тутъ еще и измѣнять-то было нечего. И Алеша, вырвавши дочь изъ семейства, не умеръ отъ раскаянія да и потомъ, бросивъ Наташу и женившись на Катѣ, тоже не умеръ... Словомъ сказать, по описанію, это обаятельный, милый ребенокъ, только очень вѣтренный, а по ходу дѣла—это рано развращенный, эгоистическій и пустой мальчишка, не имѣющій никакого направленія, никакого убѣжденія, поддающійся на минуту всякому постороннему вліянію, но постоянно вѣрный только влеченіямъ своихъ капризовъ и чувственности, которыхъ онъ не умѣетъ даже стыдиться. Трудно сказать, въ чемъ заключается его обаятельность, чѣмъ онъ могъ подѣйствовать на умную и серьезную дѣвушку, какъ Наташа. Она краснѣетъ за него, когда онъ начинаетъ врать Ивану Петровичу разную чепуху въ тотъ самый моментъ, какъ онъ встрѣтилъ Наташу, чтобы увезти ее къ себѣ, она умоляетъ Иванъ Петровича взглядомъ—не судить его строго... Ну, скажите, какое же увлеченіе, какая любовь при такихъ отношеніяхъ?

Но мало ли бываетъ аномалій, а г. Достоевскій имѣетъ, такъ сказать, привилегію на ихъ изображеніе. Отъ г. Голядкина до Ѳомы Ѳомича въ «Селѣ Степанчиковѣ», онъ изобразилъ на своемъ вѣку много болѣзненныхъ ненормальныхъ явленій. Могъ взяться и за изображеніе исключительной, ненатуральной любви Наташи къ дряннѣйшему фату, который, по всѣмъ ожиданіямъ здраваго смысла, не могъ казаться ей противнымъ. Положимъ даже, что самая ненормальность-то, странность подобныхъ отношеній и поразила художника, и заставила его заняться ихъ воспроизведеніемъ. Но вѣдь мы знаемъ, что художникъ—не пластинка для фотографіи, отражающая только настоящій моментъ; тогда бы въ художественныхъ произведеніяхъ и жизни не было, и смысла не было. Художникъ дополняетъ отрывочность схваченнаго момента своимъ творческимъ чувствомъ, обобщаетъ въ душѣ своей частныя явленія, создаетъ одно стройное цѣлое изъ разрозненныхъ чертъ, находитъ живую связь и послѣдовательность въ безсвязныхъ, повидимому, явленіяхъ, сливаетъ и перерабатываетъ въ общности своего міросозерцанія разнообразныя и противорѣчивыя стороны живой дѣйствительности. Оттого истинный художникъ, совершая свое созданіе, имѣетъ его въ душѣ своей, цѣлымъ и полнымъ, съ началомъ и концомъ его, съ сокровенными его пружинами и тайными послѣдствіями, непонятными часто для логическаго мышленія, но открывшимися вдохновенному взору художника.

Именно такимъ истинный художникъ представляетъ свои созданія и для другихъ: они для всѣхъ дѣлаются просты, понятны, законны. Вещи, самыя чуждыя для насъ въ нашей привычной жизни, кажутся намъ близкими въ созданіи художника: намъ знакомы, какъ будто родственныя, и мучительныя исканія Фауста, и сумасшествіе Лира, и ожесточеніе Чайльдъ-Гарольда; читая ихъ, мы до того подчиняемся творческой силѣ генія, что находимъ въ себѣ силы, даже изъ-подъ всей грязи и пошлости, осыпавшей насъ, просунуть голову на свѣтъ и свѣжій воздухъ и сознать, что дѣйствительно—созданіе поэта вѣрно человѣческой природѣ, что такъ должно быть, что иначе и быть не можетъ... Разумѣется, не всѣ геніи, и не отъ всѣхъ можно ожидать подобнаго эффекта, но все же до извѣстной степени онъ есть и въ каждомъ художественномъ произведеніи, и при томъ поэты съ меньшимъ талантомъ обыкновенно являются публикѣ съ созданіями, въ которыхъ и идеи отразились сравнительно меньшей важности и обширности; но все же хоть что-нибудь, хоть въ самыхъ маленькихъ размѣрахъ, но отразилось что-нибудь, полно и самобытно: иначе нечего искать въ произведеніи и признаковъ художественнаго таланта.

Такъ пусть бы въ романѣ г. Достоевскаго отразилась въ своей полнотѣ хоть этакая маленькая, миніатюрная задача жизни [1]): какъ можетъ смрадная козявка, подобная Алешѣ, внушить къ себѣ любовь порядочной дѣвушкѣ! Разъясни намъ авторъ хоть это,—мы бы готовы были прослѣдить его шагъ за шагомъ и вступить съ нимъ въ какія угодно художественныя и психологическія разсужденія. Но вѣдь и этого нѣтъ: пять мѣсяцевъ, въ которые возникла и дошла до своего страшнаго пароксизма любовная горячка Наташи, не удостоены ни одной страничкой. Сердце героини отъ насъ скрыто, и авторъ, повидимому, смыслитъ въ его тайнахъ не больше нашего. Мы съ довѣріемъ обращаемся къ нему и спрашиваемъ: какъ же это могло случиться? А онъ отвѣчаетъ: вотъ подите же,—случилось да и только.—Да, пожалуй, прибавитъ къ этому: чрезвычайно странный случай... а, впрочемъ, это бываетъ. — Не угодно ли искать художественнаго смысла въ подобномъ произведеніи?

А потомъ, когда Наташа уже совершила свой странный шагъ, нелѣпость котораго она понимала еще раньше, потомъ—какъ она жила съ Алешей? Какой процессъ совершился въ душѣ ея съ первыхъ дней этой новой жизни до того дня, когда мы въ первый разъ опять видимъ ее въ разговорѣ съ Иваномъ Петровичемъ, и когда она высказываетъ рѣшеніе, что съ Алешей должна разстаться? Обо всемъ этомъ мы имѣемъ нѣсколько незначительныхъ словъ, вброшенныхъ мимоходомъ въ описаніе квартирной обстановки Наташи и ровно ничего не объясняющихъ... Какъ видно, не это интересовало автора, не тутъ было для него главное дѣло. Въ чемъ же? Разобрать трудно уже и потому, что дѣйствіе романа страннымъ и ненужнымъ образомъ двоится между исторіею Наташи и исторіею маленькой Нелли, чѣмъ рѣшительно нарушается стройность впечатлѣнія. Но, какъ обѣ эти исторіи вертятся около князя Валковскаго, то можно полагать, что основу романа, зерно его, составляетъ именно воспроизведеніе характера этого князя. Но всматриваясь въ изображеніе этого характера, вы найдете съ любовью обрисованное сплошное безобразіе, собраніе злодѣйскихъ и циническихъ чертъ, но вы не найдете тутъ человѣческаго лица... Того примиряющаго, разрѣшающаго начала, которое такъ могуче дѣйствуетъ въ искусствѣ, ставя передъ вами полнаго человѣка и заставляя проглядывать его человѣческую природу сквозь всѣ наплывныя мерзости, — этого начала нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ изображеніи личности князя. Оттого-то вы не можете не почувствовать сожалѣнія къ этой личности, ни возненавидѣть ее той высшей ненавистью, которая направляется уже не противъ личности собственно, но противъ типа, противъ извѣстнаго разряда явленій. И вѣдь хоть бы неудачно, хоть бы какъ-нибудь попробовалъ авторъ заглянуть въ душу своего главнаго героя... Нѣтъ ничего, ни попытки, ни намека... Какъ и что̀ сдѣлало князя такимъ, какъ онъ есть? Что̀ его занимаетъ и волнуетъ серьезно? Чего онъ боится и чему, наконецъ, вѣритъ? А если ничему не вѣритъ, если у него душа совсѣмъ вынута, то какимъ образомъ и при какихъ посредствахъ произошелъ этотъ любопытный процессъ? Мы въ правѣ требовать отъ автора объясненій на подобныя вещи, даже не предъявляя на него особенно громадныхъ претензій. Не говоря о гигантахъ поэзіи, мы имѣемъ даже у себя произведенія, удовлетворяющія этимъ скромнымъ требованіямъ: мы знаемъ, напримѣръ, какъ Чичиковъ и Плюшкинъ дошли до своего настоящаго характера, даже знаемъ

---

[1]) Не говорю, чтобъ художникъ задавалъ себѣ задачу, а чтобъ у него отразилась, разрѣшилась она сама собою, хотя бы невѣдомо для него; а то опять скажутъ, что я навязываю художнику утилитарныя темы. *Прим. Д.*

Это уже прямое указаніе на утвержденіе Достоевскаго (см. № 402).

отчасти, какъ облѣнился Илья Ильичъ Обломовъ... Но г. Достоевскій этимъ требованіемъ пренебрегъ совершенно. Какъ же послѣ этого разбирать характеръ князя съ эстетической точки зрѣнія?

Да и вообще надо быть слишкомъ наивнымъ и несвѣдущимъ, чтобы серьезно и пространно, съ доказательствами, выписками и примѣрами разбирать эстетическое значеніе романа, который даже въ изложеніи своемъ обнаруживаетъ отсутствіе претензій на художественное значеніе. Во всемъ романѣ дѣйствующія лица говорятъ, какъ авторъ: они употребляютъ его любимыя слова, его обороты; у нихъ такой же складъ фразы... Исключенія чрезвычайно рѣдки. Начиная съ того, что всѣ лица называютъ другъ друга непремѣнно *голубчиками* (исключая, можетъ быть, князя), и оканчивая тѣмъ, что они всѣ любятъ вертѣться на одномъ и томъ же словѣ и тянуть фразу, какъ самъ авторъ,—во всемъ виденъ самъ сочинитель, а не лицо, которое говорило бы отъ себя. Можно бы обо всемъ этомъ долго толковать, если бъ мнѣ не было скучно убѣждать читателей въ томъ, что для меня въ сущности вовсе не интересно; можно бы сгруппировать нѣсколько выписокъ, которыя всѣ вмѣстѣ представляли бы нѣчто довольно комическое. Но отъ всего этого я хочу уволить себя. Приведу, пожалуй, одну только выписку, зато длинную, это—когда Наташа, понявши намѣреніе князя, объясняетъ ему, что̀ значило его сватовство. Сначала Наташа исторически излагаетъ предшествовавшія обстоятельства до того вечера, когда Алеша объявилъ Катѣ, невѣстѣ своей, что любитъ Наташу. Затѣмъ она продолжаетъ:

«Вы спросили себя въ тотъ вечеръ: «что̀ теперь дѣлать? Алеша во всемъ *подчинится*, но въ этомъ ужъ ни за что *не подчинится*; вполнѣ испытано. Мало того, чѣмъ больше его гнать, мучить, тѣмъ больше въ немъ будетъ *сопротивленія*; потому что онъ именно таковъ, какъ всѣ слабые, но честные люди; не гоните ихъ, не *преслѣдуйте*, они не подумаютъ *сопротивляться;* а *преслѣдуйте*, то вы сами же разожжете въ нихъ *сопротивленіе*, которое, безъ нашего *преслѣдованія*, имъ бы и въ голову, можетъ быть, не пришло. Соблазномъ тоже, оказалось теперь, нельзя взять: прежнее вліяніе еще слишкомъ *сильно*, и вы только въ этотъ вечеръ вполнѣ догадались, какъ оно *сильно*. Что̀ же дѣлать?

«Вы и придумали:

«Что̀, если прекратить надъ нимъ всякое преслѣдованіе? Что̀, если *снять съ него то*, чѣмъ тяготится теперь его сердце; *снять то*, что̀ онъ считаетъ своимъ долгомъ, *обязанностью?* Вѣдь, можетъ быть, тогда въ немъ пройдетъ и жаръ и все влеченіе къ этимъ *обязанностямъ*.

«Вотъ, напримѣръ, онъ любитъ теперь эту Наташу; чего же лучше: сказать ему прямо, что не только онъ можетъ теперь ее любить, но даже *позволяется* ему исполнить въ отношеніи къ ней всѣ свои *обязанности*, все, чѣмъ онъ страдаетъ за эту Наташу, и не только *позволить*, но даже какъ-нибудь обратить это *позволеніе* чуть не въ приказъ; сказать ему, что онъ *долженъ* на ней жениться, чаще твердить ему, что это его *обязанность*, — однимъ словомъ, все, что̀ онъ говорилъ самъ себѣ каждый день свободно, отъ сердца, все это обратить теперь даже въ принужденіе. Ну, что̀ тогда будетъ?

— Наталья Николаевна! — вскричалъ князь: все это одно разстройство вашего воображенія, ваша мнительность: вы внѣ себя, вы преувеличиваете! И князь съ видомъ сожалѣнія пожалъ плечами.

— Вотъ что̀ тогда будетъ, — продолжала Наташа, какъ будто не обращая ни малѣйшаго вниманія на слова князя.—Во-первыхъ, думали вы, я окончательно привлеку къ себѣ его сердце, и онъ устыдится всякой недовѣрчивости ко мнѣ; а это мнѣ очень пригодится теперь! Первое впечатлѣніе будетъ, положимъ, невыгодно: онъ *обрадуется*. Онъ хоть и увлекается *новой любовью*, но вѣдь онъ самъ еще не знаетъ про эту *новую любовь*; онъ до сихъ поръ еще думаетъ и увѣренъ, что по-прежнему, какъ полгода назадъ, съ тѣмъ же жаромъ, съ тою же страстью любитъ свою Наташу. Онъ хоть и привязался къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, но думаетъ, что это только такъ; ему хорошо, весело съ нею, — извѣстно почему; да онъ и не спрашиваетъ объ этомъ! И хоть сердце каждый день влечетъ его все сильнѣе и сильнѣе къ *новой любви*, но онъ совершенно увѣренъ, что тамъ, *въ прежней любви*, у Наташи все по-старому и никакихъ нѣтъ перемѣнъ. Онъ потому еще *обрадуется*, что, дѣйствительно, до сихъ поръ еще любитъ эту Наташу: вѣдь она другъ его, онъ такъ привыкъ къ ней; онъ даже о своей *Катѣ* (съ которой онъ теперь на *ты*) ѣдетъ къ ней, къ первой, разсказывать; онъ столько разъ видѣлъ ея *страданія*, и столько самъ *страдалъ* отъ ея страданій!.. И потому онъ *обрадуется*, положимъ такъ, да и пусть его; оно даже и хорошо: *радость* обновляетъ, черезъ *радость* старое забывается; одно горе памятно; все это только на минуту; зато будущее выиграно...

«Зато онъ, первый разъ во всѣ эти полгода, ляжетъ спать спокойно, съ облегчен-

нымъ сердцемъ: оно уже не будетъ болѣть за Наташу. Онъ не будетъ просыпаться во снѣ и съ тоскою думать: «какъ-то она? что-то она? чѣмъ это кончится? чѣмъ устроится?» Теперь все хорошо, и на другой же день онъ почувствуетъ совсѣмъ *невольно, безъ всякаю разсчета,* что, слава Богу, онъ уже не должникъ; теперь все устроилось, и она уже все получила, что онъ даже больше ей отдалъ, чѣмъ сама она думала; онъ отдастъ ей всю свою будущность, и должна же она оцѣнить это, тогда какъ до сихъ поръ онъ долженъ былъ цѣнить все, чѣмъ жертвовала ему Наташа. Вотъ и легче на душѣ и дышится свободнѣе, и такъ *невольно это все подумается,* такъ *безъ разсчету,* съ такимъ добрымъ, теплымъ чувствомъ! А вы смотрите да про себя думаете: «это все хорошо; нѣсколько дней пройдетъ, и съ нимъ случится то же самое, что̀ бываетъ со всѣми влюбленными скоро послѣ свадьбы: препятствій нѣтъ, все достигнуто, и любовь сама собою охладѣваетъ; тамъ наступаетъ скука; тамъ захочется новаго; жизнь не любитъ покоя; сердцу хочется жить»...

«А тутъ какъ нарочно *новая любовь* еще прежде началась; она ужъ есть, и изобрѣтать ее не надобно»...

— Романы, романы, — произнесъ князь вполголоса, какъ будто про себя;—уединеніе, мечтательность и чтеніе романовъ».

— Да на этой-то *новой любви* вы все и основали,—продолжала Наташа, не слыхавъ и не обративъ вниманія на слова князя, вся въ лихорадочномъ жару и все болѣе и болѣе увлекаясь:—и какіе шансы для этой *новой любви!* Вѣдь она началась еще тогда, когда онъ еще не узналъ всѣхъ совершенствъ *этой дѣвушки!* Въ ту самую минуту, когда онъ, въ тотъ вечеръ, открывается *этой дѣвушкѣ*, что онъ не можетъ ее любить, потому что долгъ и другая любовь запрещаетъ ему это,—*эта дѣвушка,* вдругъ, выказываетъ предъ нимъ столько благородства, столько сочувствія къ нему и къ своей соперницѣ, столько сердечнаго прощенія, что онъ хоть и вѣрилъ въ ея *красоту,* но и не думалъ до этого мгновенія, чтобы она была такъ *прекрасна!* Онъ и ко мнѣ тогда пріѣхалъ, — только и говорилъ, что о ней: она слишкомъ сильно поразила его. Да, онъ на завтра же непремѣнно долженъ почувствовать неотразимую потребность увидѣть опять *это прекрасное существо,* хотя изъ одной только благодарности. Да и почему жъ къ ней не ѣхать? Вѣдь та, *прежняя,* уже не страдаетъ, судьба ея рѣшена, вѣдь той цѣлый вѣкъ отдается, а тутъ одна какая-нибудь минутка... И что за неблагодарная была бы эта Наташа, если бъ она ревновала даже къ этой минуткѣ? И вотъ, незамѣтно, отнимается у этой Наташи, вмѣсто минутки, день, другой, третій... А между тѣмъ въ это время *дѣвушка* высказывается предъ нимъ, въ совершенно неожиданномъ, новомъ и своеобразномъ видѣ; она такая благородная энтузіастка и въ то же время она такой наивный ребенокъ, и въ этомъ такъ сходна съ нимъ характеромъ. Они клянутся другъ другу въ дружбѣ, въ братствѣ, неразлучности на всю жизнь. Правда, они съ любовью говорятъ между собой и о Наташѣ, но они хотятъ жить втроемъ, всегда. «*Въ какіе-нибудь пять-шесть часовъ разговора*» вся душа его открывается для новыхъ ощущеній, и сердце его отдается все... Тутъ еще новыя идеи, и причина ихъ опять *Катя.* Онъ еще, можетъ быть, не сейчасъ начинаетъ сравнивать, думаете вы, но это неминуемо. Придетъ это время; онъ сравнитъ свою *прежнюю любовь* съ своими новыми, свѣжими ощущеніями: тамъ все знакомое, всегдашнее; тамъ такъ серьезны, требовательны; тамъ его ревнуютъ, бранятъ; тамъ слезы... А если и начинаютъ съ нимъ шалить, играть, то какъ будто не съ ровней, а съ ребенкомъ... а главное: все такое *прежнее,* извѣстное»...

Силлогизмы Наташи поразительно вѣрны, какъ будто она имъ въ семинаріи обучалась. Психологическая проницательность ея удивительна, постройка рѣчи сдѣлала бы честь любому оратору, даже изъ древнихъ. Но, согласитесь, вѣдь очень примѣтно, что Наташа говоритъ слогомъ г. Достоевскаго? И слогъ этотъ усвоенъ большею частью дѣйствующихъ лицъ.

Надо еще замѣтить, что г. Достоевскій (какъ весьма многіе, впрочемъ, изъ нашихъ литераторовъ) любитъ возвращаться къ однимъ и тѣмъ же лицамъ по нѣсколько разъ и пробовать съ разныхъ сторонъ тѣ же характеры и положенія. У него есть нѣсколько любимыхъ типовъ, напримѣръ, типъ рано развившагося, болѣзненнаго, самолюбиваго ребенка,—и вотъ онъ возвращается къ нему и въ «Неточкѣ», и въ «Маленькомъ героѣ», и теперь въ Нелли... Характеръ Нелли—тотъ же, что характеръ Кати въ «Неточкѣ», только обстановка ихъ различна. Есть типъ человѣка, отъ болѣзненнаго развитія самолюбія и подозрительности доходящаго до чрезвычайныхъ уродствъ и даже до помѣшательства, и онъ даетъ намъ г. Голядкина, музыканта Ефимова (въ «Неточкѣ»), Ѳому Ѳомича (въ «Селѣ Степанчиковѣ»). Есть типъ циника, бездушнаго человѣка, лишь съ энергіей эгоизма и чувственности, — онъ его намѣчаетъ въ Быковѣ (въ «Бѣдныхъ людяхъ»),

неудачно принимается за него въ «Хозяйкѣ», не оканчиваетъ въ Петрѣ Александровичѣ (въ «Неточкѣ»), и, наконецъ, теперь раскрываетъ вполнѣ въ князѣ Валковскомъ (котораго, кстати, даже и зовутъ тоже Петромъ Александровичемъ). Къ этому есть еще у г. Достоевскаго идеалъ какой-то дѣвушки, который ему никакъ не удается представить: Варенька Доброселова въ «Бѣдныхъ людяхъ», Настенька въ «Селѣ Степанчиковѣ», Наташа въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» — все это очень умныя и добрыя дѣвицы, очень похожія на автора по своимъ понятіямъ и по манерѣ говорить, но въ сущности очень безцвѣтныя. Авторъ умѣетъ помѣстить ихъ въ очень интересную обстановку, но это и все, что̀ онъ для нихъ дѣлаетъ. Надо признаться, что даже Варенька Доброселова интересуетъ насъ болѣе своими несчастіями и тѣми разсказами, которые г. Достоевскій сочинилъ за нее, нежели сама по себѣ, просто какъ поэтическое созданіе.

Эта бѣдность и неопредѣленность образовъ, эта необходимость повторять самого себя, это неумѣнье обработать каждый характеръ даже настолько, чтобы хоть сообщить ему соотвѣтственный способъ внѣшняго выраженія, — все это, обнаруживая, съ одной стороны, недостатокъ разнообразія въ запасѣ наблюденій автора, съ другой стороны, прямо говоритъ противъ художественной полноты и цѣльности его созданій... И думаете ли вы, любители эстетики, что можно было бы помочь г. Достоевскому, или оказать услугу искусству, сдѣлавши доскональный — détaillé et raisonné—разборъ художественныхъ несовершенствъ и достоинствъ этого романиста? И неужели полагаете вы, что покамѣстъ литература имѣетъ хоть малѣйшую возможность хоть издалека прислушиваться къ общественнымъ интересамъ и хоть неяснымъ, кроткимъ лепетомъ выразить свое къ нимъ участіе,—неужели думаете вы возбудить въ комъ-нибудь интересъ даже самыми блестящими эстетическими этюдами по поводу... ну, да просто такъ à propos de bottes, изъ-за появленія новой драмы г. Потѣхина, новаго отрывка г. Гончарова, новаго романа г. Достоевскаго?.. Развѣ дождемся такого времени, когда литература опять разорветъ уже рѣшительно всякую (и теперь, правда, слишкомъ слабую) связь съ обществомъ и ограничена будетъ одними только собственными, домашними интересами, когда литераторы принуждены будутъ писать только о литераторахъ и только для литераторовъ, — тогда, вѣроятно, съ успѣхомъ будутъ повторяться и явленія въ родѣ Мерзляковскаго разбора Россіады, или въ родѣ прекрасной статьи г. Боткина о Фетѣ [1]). Но пока литература (то-есть, собственно изящная), не достигая дѣйствительно художественнаго значенія, имѣетъ по крайней мѣрѣ практическій смыслъ, дозвольте же придать нѣсколько практическій характеръ и самой критикѣ.

Г. Достоевскій, вѣроятно, не будетъ на меня сѣтовать, что я объявляю его романъ, такъ сказать, «ниже эстетической критики». Я вѣдь имѣлъ въ виду вообще современную нашу литературу, и если провѣрилъ свою мысль нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о его романѣ, такъ это потому, что онъ мнѣ попался подъ руку. А если бы взять другія изъ твореній, имѣвшихъ у насъ успѣхъ въ послѣдніе годы, такъ многія изъ нихъ оказались бы, можетъ быть, еще болѣе несостоятельными. Г. Достоевскій, по крайней мѣрѣ какъ намъ кажется, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, его не придаетъ имѣетъ такихъ претензій, сочиненій, не себѣ такой важности, какъ другіе. Онъ изобразилъ нѣкоторыя свои литературныя отношенія въ запискахъ Ивана Петровича: я не считаю нескромнымъ сказать это потому, что самъ авторъ явно не хотѣлъ скрываться. Онъ съ такими подробностями разсказываетъ тамъ содержаніе «Бѣдныхъ людей», какъ первой повѣсти Ивана Петровича, что нѣтъ возможности ошибиться. Такъ тутъ-то онъ, между прочимъ, сознается, что писалъ многое вслѣдствіе необходимости, писалъ къ сроку, написывалъ по три съ половиною печатныхъ листа въ два дня и двѣ ночи; называетъ себя почтовою клячею въ литературѣ; смѣется надъ критикомъ, увѣрявшимъ, что отъ его сочиненій пахнетъ пòтомъ, и что онъ ихъ слишкомъ обдѣлываетъ [2]). Словомъ, г. Достоевскій смотритъ, повидимому, на свои произведенія, какъ мы всѣ, обыкновенные люди, — не какъ на несокрушимый памятникъ для потомства, а просто—какъ на журнальную работу. А ужъ извѣстно, что̀ такое журнальная работа: тутъ не до обработки, не до подробностей, не до строгости къ себѣ въ развитіи мысли... Довольно того, что хоть кое-какъ успѣешь бросить эту мысль на бумагу. Можно это сравнить вотъ съ чѣмъ: вы поэтъ, въ васъ сейчасъ родилось чувство, васъ поразило впечатлѣніе, которое вы можете изобразить великолѣпными стихами. У васъ уже мелькаютъ въ головѣ образы, готово нѣсколько стиховъ, нѣсколько мѣткихъ вы-

---

[1]) Ясное указаніе на все увеличивавшійся гнетъ цензуры. Статья Боткина о Фетѣ та самая, о которой я говорю въ № 48.

[2]) Такой именно отзывъ былъ когда-то о г. Достоевскомъ, и даже, если не ошибаюсь, въ «Современникѣ». *Прим. Д.*

раженій... Но вамъ мѣшаютъ, отъ васъ требуютъ немедленнаго отчета въ вашемъ впечатлѣніи, у васъ, наконецъ, вовсе отнимаютъ возможность предаться влеченію вашего чувства и пріискать для него живые звуки. Дѣлать нечего, вы берете карандашъ и записную книжку и набрасываете шероховатой прозой остовъ того прекраснаго стихотворенія, которое уже слагалось у васъ въ головѣ. Такъ поступаетъ постоянно, въ теченіе всей своей карьеры, журнальный работникъ. Человѣкъ, конечно, все-таки виденъ,—вѣдь и въ остовѣ стихотворенія можно разобрать до нѣкоторой степени, какого полета поэтъ могъ написать его; уцѣлѣютъ, пожалуй, и нѣсколько удачныхъ страницъ, какъ внезапно сложившійся стихъ попадаетъ въ черновой набросокъ. Но, въ общемъ, все это будетъ очень жалко. Одно лишь остается неизмѣннымъ, при спѣшной ли работѣ, при многодуманной ли провѣркѣ каждой страницы,— это общій характеръ убѣжденій человѣка, его воззрѣній на жизнь, его симпатій и антипатій. Отъ торопливости въ работѣ можно дѣлать частныя ошибки, высказываться неясно или односторонне, впадать въ мелкія противорѣчія и дѣлать скачки, теряя нить строгихъ логическихъ выводовъ. Но если бы кто противорѣчіе общихъ убѣжденій и симпатій въ своихъ сочиненіяхъ сталъ оправдывать спѣшностью работы, тотъ показалъ бы только, что онъ неспособенъ ни къ какимъ убѣжденіямъ.

И вотъ почему, если мы обратимся отъ отвлеченныхъ эстетическихъ разсужденій къ идеямъ и положеніямъ, развиваемымъ у извѣстнаго автора, то найдемъ самое лучшее средство къ уразумѣнію сущности его таланта. Тутъ уже мѣрка нашихъ требованій измѣняется: авторъ можетъ ничего не дать искусству, не сдѣлать шага въ исторіи литературы собственно, и все-таки быть замѣчательнымъ для насъ по господствующему направленію и смыслу своихъ произведеній. Пусть онъ и не удовлетворяетъ художественнымъ требованіямъ, пусть онъ иной разъ и промахнется, и выразится нехорошо: мы ужъ на это не обращаемъ вниманія, мы все-таки готовы толковать о немъ много и долго, если только для общества важенъ почему-нибудь смыслъ его произведеній. Есть, конечно, писатели, у которыхъ ни для чего нѣтъ *своего глаза*, которые ни о чемъ не могутъ сказать *своихъ словъ*; произведенія такихъ господъ,— сплошная, гладкая, большею частью удобочитаемая пошлость, въ родѣ обыкновенныхъ газетныхъ фельетоновъ, повѣстей г. Толбина или князя Кугушева [1]), или стихотвореній г. Грекова, Апухтина, и т. п. Говорить о нихъ, точно, нечего. Есть другіе, у которыхъ отразится въ головѣ какая-нибудь мизерная, давно ходячая, односторонняя или фальшивая идейка, и они надъ нею трудятся: объ этихъ можно иной разъ и поговорить, смотря по удачѣ исполненія. Вотъ г. Колбасинъ, напримѣръ, овладѣлъ идеею, что «всѣ мужчины измѣнщики и истинной любви не понимаютъ»: онъ и написалъ на эту тему съ полдюжины повѣстей изъ быта всѣхъ европейскихъ націй. Если кому кажется, что г. Колбасинъ повѣствуетъ превосходно, тотъ можетъ, пожалуй, говорить и о г. Колбасинѣ,—какъ, молъ, онъ хорошо проводитъ свою идею! У другихъ писателей встрѣчаются идеи не столько пошлыя и маленькія, но зато болѣе фальшивыя. Вотъ, напримѣръ, по міросозерцанію г. Писемскаго выходитъ, что русскій человѣкъ ни въ чемъ мѣры не знаетъ, — что ежели онъ не умираетъ съ голоду, то пьянствуетъ; если не подъ башмакомъ у жены, то колотитъ ее; если не видитъ себѣ ни откуда пинка, ни плети, то бросается на всѣхъ, какъ звѣрь дикій; если взятокъ не беретъ, то норовитъ всякаго въ кандалы заковать за взятый гривенникъ. Ну, и объ этомъ нужно поговорить, опять-таки если кому покажется, что въ сочиненіяхъ г. Писемскаго идеи эти выходятъ ужъ очень убѣдительны.

Но есть другого рода писатели, интересные совсѣмъ другимъ образомъ. Это тѣ, у которыхъ художественное чутье, хотя бы даже и слабое, направлено здраво, въ которыхъ не только вѣрно отражаются явленія жизни, но которымъ доступенъ, болѣе или менѣе, и общій таинственный смыслъ ея. Такіе писатели становятся замѣчательными художниками, если ихъ воспріимчивость многообъемлюща, если жизнь открывается имъ не въ отдѣльныхъ только явленіяхъ, а во всемъ своемъ стройномъ теченіи, если чутки они не къ одной только внѣшней сторонѣ явленій, но и къ ихъ внутренней связи и послѣдовательности. Тогда они создаютъ что-нибудь прочно остающееся въ литературѣ и служатъ двигателями общественнаго сознанія. Но и люди съ болѣе ограниченною воспріимчивостью, съ болѣе слабымъ, только бы вѣрнымъ, чутьемъ, не проходятъ безъ слѣда и заслуживаютъ вниманія, если хоть одну черту разъяснили, или даже только указали намъ въ этой жизни, которая у всѣхъ насъ предъ глазами, всѣхъ задѣваетъ собою и, однако же, такъ немногихъ наводитъ на серьезную думу, такъ немногими понимается.

[1]) См. № 319.

II.

Въ произведеніяхъ г. Достоевскаго мы находимъ одну общую черту, болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что̀ онъ писалъ: это боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ или, наконецъ, даже не въ правѣ быть человѣкомъ настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. «Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и относиться къ другимъ, какъ человѣкъ къ человѣку», — вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора помимо всякихъ условныхъ и парціальныхъ воззрѣній, повидимому, даже помимо его собственной воли и сознанія, какъ-то à priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры. И между тѣмъ, вступая въ жизнь и оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ, что исканія человѣка сохранить свою личность, остаться самимъ собою, никогда не удаются, и кто изъ ищущихъ не успѣетъ рано умереть въ чахоткѣ или другой изнурительной болѣзни, тотъ въ результатѣ доходитъ только — или до ожесточенія, нелюдимства, сумасшествія, или до простого, тихаго отупѣнія, заглушенія въ себѣ человѣческой природы, до искренняго признанія себя чѣмъ-то гораздо ниже человѣка. Есть много такихъ, которые даже какъ будто родятся съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, которыхъ мысль о своемъ человѣческомъ значеніи какъ будто никогда съ роду не посѣщала. Это—точно существа другого міра, точно въ нихъ ничего нѣтъ общаго съ остальнымъ человѣчествомъ... Что̀ за причина такого перерожденія, такой аномаліи въ человѣческихъ отношеніяхъ? Какъ это происходитъ? какими существенными чертами отличаются подобныя явленія? къ какимъ результатамъ ведутъ они? Вотъ вопросы, на которые естественнымъ и необходимымъ образомъ наводятъ читателя произведенія г. Достоевскаго. Правда, разрѣшенія всѣхъ предложенныхъ вопросовъ у него нѣтъ; но если бы онъ ихъ рѣшилъ, то, конечно, и не сталъ бы писать о нихъ повѣсти. Литературное произведеніе, искреннее, а не заказное, только тогда и возможно, когда первая основа и крайнее рѣшеніе взятаго факта составляетъ еще вопросъ, разгадка котораго занимаетъ самого автора. Но у сильныхъ талантовъ самый актъ творчества такъ проникается всею глубиною жизненной правды, что иногда изъ простой постановки фактовъ и отношеній, сдѣланной художникомъ, рѣшеніе ихъ вытекаетъ само собой. У г. Достоевскаго не достало на это силы дарованія, его разсказамъ нужны дополненія и комментаріи. Но, тѣмъ не менѣе, вопросъ у него поставленъ, и никто изъ читателей не можетъ самъ избавиться отъ этого вопроса послѣ прочтенія его повѣстей. Самый тонъ каждой повѣсти, мрачный, унылый, болѣзненный, — такъ и вышибаетъ изъ сердца раздражительный вопросъ, такъ и поднимаетъ въ насъ какую-то нервную боль... Подобное впечатлѣніе очень не нравилось многимъ; одинъ критикъ прямо обвинялъ г. Достоевскаго именно за мрачный колоритъ его повѣстей: критику, неизвѣстно почему, казалось, что русской литературѣ нужны разсказы веселенькіе, граціозные, розовые. Желаніе его исполнилось скоро: послѣ отзыва его о г. Достоевскомъ (въ началѣ 1849 г.) дѣйствительно русская литература вдалась въ разсказы великосвѣтской жизни, изъ нравовъ древней Аркадіи, перенесенной въ Костромскую губернію, изъ сферы супружескихъ непріятностей во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, изъ круга образованныхъ молодыхъ людей, очень много и неопредѣленно разсуждавшихъ о возвышенныхъ предметахъ... Много авторитетныхъ именъ (теперь—увы!—теряющихъ свое обаяніе!) создалось въ этотъ недолгій промежутокъ, до тѣхъ поръ, пока опять не завладѣлъ общимъ вниманіемъ новый родъ литературы — обличительный. Прошелъ и этотъ родъ—еще скорѣе, чѣмъ родъ щигровскихъ гамлетовъ, пошехонскихъ пастушекъ и подмосковныхъ графинь, — и прошелъ не потому, чтобы представители его бѣдны были талантами, а потому, что съ самаго начала пошли они по ложной дорогѣ. У однихъ, по необходимости, вслѣдствіе внѣшнихъ требованій, а у другихъ и наивно, простосердечно,— міросозерцаніе явилось чрезвычайно узкимъ и одностороннимъ; въ чиновникѣ такъ и видѣли только чиновника; въ бѣдѣ, происшедшей отъ взяточничества городничаго, такъ и видѣли только слѣдствіе его взяточничества; всякаго станового изображали, какъ конечную цѣль и крайнюю исходную точку существующихъ порядковъ. «Быть или не быть» благоденствію въ Россіи—это зависѣло отъ того, будетъ или не будетъ служить становымъ честный чиновникъ Фроловъ: на этой мысли была у насъ построена цѣлая комедія, не безъ успѣха игравшаяся на Александринскомъ театрѣ [1]). Никто, кажется, исключая г. Щедрина, не вздумалъ заглянуть въ душу этихъ чиновниковъ, злодѣевъ и взяточниковъ—да посмотрѣть на тѣ отношенія, въ какихъ проходитъ ихъ жизнь. Никто не приступилъ къ разсказу объ ихъ подвигахъ съ простою мыслью: «бѣдный человѣкъ! За-

[1]) См. № 174.

чѣмъ же ты крадешь и грабишь? Вѣдь не родился же ты воромъ и грабителемъ, вѣдь не изъ особаго же племени вышло, въ самомъ дѣлѣ, это такъ называемое *крапивное сѣмя?*» Только у г. Щедрина и находимъ мы по мѣстамъ подобные запросы, и зато онъ до сихъ поръ остается не только выше всѣхъ своихъ сверстниковъ по обличительной литературѣ, но и вообще выше многихъ изъ литераторовъ нашихъ, увлекавшихъ нашу публику разсказами съ претензіею на широкое пониманіе жизни. Но нельзя не видѣть, что и у г. Щедрина «обличеніе» перетягиваетъ. Ни въ одномъ изъ «Губернскихъ очерковъ» его не нашли мы въ такой степени живого, до боли сердечной прочувствованнаго отношенія къ бѣдному человѣчеству, какъ въ его [«Запутанномъ дѣлѣ»] [1]), напечатанномъ 12 лѣтъ тому назадъ. Видно, что тогда были другіе годы, другія силы, другіе идеалы. То было направленіе живое и дѣйственное, направленіе истинно-гуманическое, не сбитое и не разслабленное разными юридическими и экономическими сентенціями. Тогда къ вопросу о томъ, отчего человѣкъ злится или воруетъ, относились такъ же, какъ и къ вопросу, зачѣмъ онъ страдаетъ и всего боится; съ любовью и болью начинали приниматься за патологическое изслѣдованіе подобныхъ вопросовъ, и, если бы продолжалось это направленіе, оно, безъ сомнѣнія, было бы плодотворнѣе всѣхъ, за нимъ послѣдовавшихъ. Вотъ у насъ рѣшенія просты: если люди воруютъ, значитъ—полиція плохо дѣлаетъ свое дѣло; если взятки берутся, значитъ — начальникъ колпакъ... и т. п. А тогда выходило иной разъ: воруетъ человѣкъ оттого, что работы не нашелъ себѣ и съ голоду умиралъ; взятки беретъ,—чтобъ пятнадцать душъ семейства прокормить... Результаты, очень непохожіе въ нравственномъ отношеніи; одинъ будитъ въ васъ человѣческое чувство и мужественную мысль, другой ведетъ васъ въ полицію и заставляетъ замирать на юридической формѣ.

Г. Достоевскій въ первомъ же своемъ произведеніи явился замѣчательнымъ дѣятелемъ того направленія, которое назвалъ я по преимуществу гуманическимъ. Въ «Бѣдныхъ людяхъ», написанныхъ подъ свѣжимъ вліяніемъ лучшихъ сторонъ Гоголя и наиболѣе жизненныхъ идей Бѣлинскаго, г. Достоевскій, со всею энергіей и свѣжестью молодого таланта, принялся за анализъ поразившихъ его аномалій нашей бѣдной дѣйствительности, и въ этомъ анализѣ умѣлъ выразить свой высоко-гуманный идеалъ. Идеалъ этотъ не принадлежитъ ему исключительно и не имъ внесенъ въ русскую литературу. Въ видѣ сентенцій о томъ, какъ «самый презрѣнный и даже преступный человѣкъ есть тѣмъ не менѣе братъ нашъ», и т. п., гуманическій идеалъ проявляется еще въ нашей литературѣ конца прошлаго столѣтія, вслѣдствіе распространенія у насъ въ то время идей и сочиненій Руссо. Но эти привозныя сентенціи плохо тогда ладили съ русской жизнью, и мало было людей, которые бы могли серьезно и глубоко ими проникнуться. Державинъ все воспѣвалъ ничтожество людей вообще и величіе нѣкоторыхъ сановниковъ въ особенности; о правахъ же человѣческихъ думалъ такъ мало, что умиленно восторгался тѣмъ, какъ ему—

И знать, и мыслить позволяютъ!..

Про Карамзина, конечно, нечего и говорить; чтобы видѣть, до какой степени сознаніе общихъ человѣческихъ правъ и интересовъ было ему чуждо, довольно перелистовать его «Письма русскаго путешественника», особенно изъ Франціи. У Пушкина проявляется кое-гдѣ уваженіе къ человѣческой природѣ, къ человѣку, какъ человѣку, но и то большею частью въ эпикурейскомъ смыслѣ. Вообще же онъ былъ слишкомъ мало серьезенъ, или, говоря словами эстетиковъ, слишкомъ гармониченъ въ своей натурѣ для того, чтобы заниматься какими-нибудь аномаліями жизни. Онъ во всемъ видѣлъ только прекрасное и рисовалъ только поэтическія стороны: прелесть роскошнаго пира, стройность колоннъ, идущихъ въ битву, грандіозность падающей лавины, «благоуханіе древеснаго елея», проливавшагося на него съ какой-то «высоты духовной», и пр., и пр. Только Гоголь, да и то не вдругъ, вноситъ въ нашу литературу гуманическій элементъ; въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» выразился онъ уже очень ясно, но, какъ видно, важность его не вполнѣ оцѣнилъ тогда самъ Гоголь. По крайней мѣрѣ, «Ревизоръ» обработанъ въ этомъ отношеніи довольно слабо, что́ и подало поводъ нѣкоторымъ называть всю комедію фарсомъ и всѣ лица—каррикатурами. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе выказывалась у Гоголя гуманическая сторона его таланта, и даже вопреки своей волѣ, въ ожиданіи свѣтлыхъ и чистыхъ идеаловъ, онъ все изображалъ своимъ могучимъ словомъ «бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни». По этому-то пути направился и г. Достоевскій.

Въ разныхъ видахъ и случаяхъ представилъ намъ г. Достоевскій недостатокъ уваженія человѣка къ самому себѣ и недоста-

[1]) Одной повѣсти. Упоминаніе о «Запутанномъ дѣлѣ», за которое Салтыковъ былъ сосланъ въ Вятку, было запрещено.

токъ уваженія къ человѣку другихъ людей. Кажется бы, дѣло простое—думается, когда читаешь эти повѣсти:—человѣкъ родился, значитъ, долженъ жить, значитъ, имѣетъ право на существованіе; это естественное право должно имѣть и естественныя условія для своего поддержанія, т.-е. средства жизни. А такъ какъ эта потребность средствъ есть потребность общая, то и удовлетвореніе ея должно быть одинаково общее для всѣхъ, безъ подраздѣленій, что вотъ, дескать, такіе-то имѣютъ право, такіе-то нѣтъ. Отрицать чье-нибудь право въ этомъ случаѣ — значитъ отрицать самое право на жизнь. А если такъ, то, въ предѣлахъ естественныхъ условій, рѣшительно каждый человѣкъ долженъ быть полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ и, вступая въ сложныя комбинаціи общественныхъ отношеній, вносить туда вполнѣ свою личность и, принимаясь за соотвѣтственную работу, хотя бы и самую ничтожную, тѣмъ не менѣе—никакъ не скрадывать, не уничтожать и не заглушать свои прямыя человѣческія права и требованія. Кажется, ясно. А между тѣмъ—отчего же этотъ Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ «прячется, скрывается, трепещетъ», безпрерывно стыдится за свою жизнь, «да вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводитъ, да прислушивается къ каждому слову», и единственное утѣшеніе находитъ въ томъ, что онъ человѣкъ маленькій, человѣкъ ничтожный? Отчего Горшковъ этотъ—«жалкій, хилой такой: колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой»? Отчего это отецъ Покровскаго имѣетъ такой видъ, что «онъ чего-то какъ будто стыдится, что ему какъ будто самого себя совѣстно», и въ разговорахъ съ сыномъ — «приподымается немного со стула, отвѣчаетъ тихо, подобострастно, почти съ благоговѣніемъ»? А отчего г. Голядкинъ въ мучительныхъ и безплодныхъ попыткахъ «быть въ своемъ правѣ» и «идти своей дорогой»—съеживается до послѣднихъ уступокъ своего настоящаго права и, наконецъ, не выдержавъ въ слабой головѣ своей идеи, что подъ его право всѣ подкапываются, мѣшается въ разсудкѣ? Отчего также г. Прохарчинъ двадцать лѣтъ скряжничаетъ и бѣдствуетъ, все отъ мысли о необезпеченности и, наконецъ, отъ этой мысли захворываетъ и умираетъ? Отчего этотъ молодой чиновникъ Шумковъ считаетъ себя извергомъ человѣчества и мѣшается на томъ, что его отдадутъ въ солдаты за то, что онъ, увлекшись нѣжностями съ невѣстою, не успѣлъ переписать къ сроку порученной отъ его превосходительства бумаги, которая къ тому же вовсе и не была срочною? Отчего маленькая Неточка такъ унижается передъ Катей? Отчего Росталевъ отрекается отъ своей воли передъ Ѳомой Ѳомичемъ и считаетъ себя рѣшительно недостойнымъ любви Настеньки, своей гувернантки, которую страстно любитъ? Отчего Наташа теряетъ свою волю и разсудокъ, и Иванъ Петровичъ почтительно сторонится передъ вертопрахомъ Алешею? Отчего старикъ Ихменевъ, перенося всевозможныя мученія отцовской любви, не хочетъ простить свою дочь, чтобъ не показать вида уступки князю и его сыну? Отчего маленькая Нелли такъ дико принимаетъ одолженія Ивана Петровича и идетъ собирать милостыню, чтобы на собранныя деньги купить ему разбитую ею чашку? Гдѣ причина всѣхъ этихъ дикихъ, поразительно-странныхъ людскихъ отношеній? Въ чемъ корень этого непонятнаго разлада между тѣмъ, что̀ должно бы быть по естественному, разумному порядку, и тѣмъ, что̀ оказывается на дѣлѣ?

Мы уже сказали, что̀ прямого отвѣта на такіе запросы не даетъ ни одно лицо, ни одна повѣсть Достоевскаго въ отдѣльности. Чтобы найти отвѣтъ, мы должны группировать ихъ и пояснять одни другими.

Люди, которыхъ человѣческое достоинство оскорблено, являются намъ у г. Достоевскаго въ двухъ главныхъ типахъ: кроткомъ и ожесточенномъ. Первые не дѣлаютъ уже никакого протеста, склоняются подъ тяжестью своего положенія и серьезно начинаютъ увѣрять себя, что они—нуль, ничего, и что если его превосходительство заговоритъ съ ними, то они должны считать себя счастливыми и облагодѣтельствованными. Другіе, напротивъ: видя, что ихъ право, ихъ законныя требованія, то, что̀ имъ свято, съ чѣмъ они въ міръ вошли,—попирается и не признается, они хотятъ разорвать со всѣмъ окружающимъ, сдѣлаться чуждыми всему, быть достаточными самимъ для себя и ни отъ кого въ мірѣ не попросить и не принять ни услуги, ни братскаго чувства, ни добраго взгляда. Само собою понятно, что имъ не удастся выдержать характера, и оттого они вѣчно недовольны собою, проклиняютъ себя и другихъ, задумываютъ самоубійство, и т. п.

Между этими двумя крайностями стоитъ еще разрядецъ людей, которыхъ можно, пожалуй, отнести скорѣе къ первому типу: это люди, потерявшіе широкое сознаніе своего человѣческаго права, но замѣнившіе его какою-нибудь узенькою фикціею условнаго права, утвердившіеся въ этой фикціи и бережно ее хранящіе. При всякомъ случаѣ, гдѣ подобные господа воображаютъ, что ихъ личное достоинство въ опасности, они готовы повторять, напримѣръ, что «я титулярный совѣтникъ», «мнѣ самъ Васи-

лій Петровичъ руку подаетъ», «меня штабъ-офицерша Похлестова знаетъ», и т. п. Это тоже люди трусливые, подозрительные, щепетильные, обидчивые донельзя и сами всѣхъ болѣе несчастные своей обидчивостью.

Кто наблюдалъ въ нашемъ обществѣ надъ тѣмъ, что̀ называется «мелкимъ людомъ», тотъ знаетъ, что кроткіе и покорившіеся люди тоже иногда бываютъ обидчивыми и щепетильными. Это зависитъ отъ отношеній: передъ начальникомъ отдѣленія помощникъ столоначальника — пасъ, смирился совершенно; но съ другими помощниками онъ считаетъ себя «въ своемъ правѣ» и за это право держится ревниво и угрюмо. Послѣдняя сторона развита г. Достоевскимъ въ «Двойникѣ», въ которомъ много хорошихъ мѣстъ погибло, къ сожалѣнію, въ общей растянутости и неудачной фантастичности разсказа. Но мы покамѣстъ обратимся теперь къ анализу первой черты — совершеннаго смиренія и тупого успокоенія на своемъ положеніи, каково оно вышло.

Кажется, тутъ бы и говорить не о чемъ: человѣкъ убѣдился, что онъ глупъ, или безобразенъ, или манеръ не имѣетъ,— ну, и ладно, и бросить эту матерію... Что тутъ канитель-то тянуть! И еще ему же спокойнѣе: знаетъ, что слѣпъ, такъ и подсматривать нечего... Сиди да слушай, что̀ другіе скажутъ. И какой интересъ описывать то, какъ слѣпой не видитъ?..

Но вотъ въ томъ-то и заслуга художника: онъ открываетъ, что слѣпой-то не совсѣмъ слѣпъ; онъ находитъ въ глупомъ человѣкѣ проблески самаго яснаго здраваго смысла; въ забитомъ, потерянномъ, обезличенномъ человѣкѣ онъ отыскиваетъ и показываетъ намъ живыя, никогда незаглушимыя стремленія и потребности человѣческой природы, вынимаетъ запрятанный въ самой глубинѣ души протестъ личности противъ внѣшняго, насильственнаго давленія, и представляетъ его на нашъ судъ и сочувствіе. Такія открытія дѣлаетъ намъ Гоголь въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ своихъ; то же, только въ нѣсколько затѣйливой формѣ, находимъ мы въ «Бѣдныхъ людяхъ» г. Достоевскаго и отчасти въ другихъ его повѣстяхъ.

Чиновникъ Дѣвушкинъ, напримѣръ, живетъ себѣ: дожилъ до сѣдыхъ волосъ, прослужилъ безъ малаго тридцать лѣтъ тихо и скромно, ни о чемъ не задумываясь, ни на что не претендуя. «Что̀ это вы пишете мнѣ—объясняется онъ съ Варенькой—про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя, я не брюзгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняго не жилъ, такъ чего же на старости лѣтъ привередничать? *Я сытъ, одѣтъ, обутъ, да и куда намъ затѣи затѣвать? Не графскаго рода!..* Родитель былъ не изъ дворянскаго званія, и со всей-то семьей своей былъ бѣднѣе меня по доходу.—Я не нѣженка!» И точно, онъ не нѣженка: квартиру занимаетъ за перегородкой въ кухнѣ, платитъ за нее два цѣлковыхъ и утѣшается тѣмъ, что онъ «ото всѣхъ особнячкомъ, помаленьку живетъ, втихомолочку живетъ»... «Сытъ я», говоритъ,—а за столъ платитъ пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ: можно представить, какая тутъ сытость. Обутъ и одѣтъ онъ,—тоже соотвѣтственно, но все повторяетъ: «я не ропщу и доволенъ, жалованья достаточно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно». Относительно своего умственнаго состоянія онъ тоже сознаетъ, что онъ человѣкъ неученый, на мѣдныя деньги учился, и слога не имѣетъ, и высокихъ матерій понимать не можетъ, а потому далеко и не лѣзетъ. Съ общественнымъ своимъ положеніемъ онъ примирился отлично. Онъ дошелъ до такихъ выводовъ, успокоительныхъ и резонныхъ: «всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ». Утвердившись на такихъ цѣлительныхъ мысляхъ, Макаръ Алексѣичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно теряетъ всякую опору внутри себя, въ собственномъ разсудкѣ, и высшею, единственною мѣрою своихъ достоинствъ считаетъ уже не собственное сознаніе, а мнѣніе начальства и формальныя отношенія. Достоинства свои онъ описываетъ такимъ образомъ: «состою я уже около 30 лѣтъ на службѣ, служу безукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ никогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя *собственнымъ сознаніемъ моимъ*, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели. *Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны* (собственное-то сознаніе куда пошло!); и хотя еще они доселѣ не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны». Далѣе Макаръ Алексѣичъ опять показываетъ, какъ сильно его собственное сознаніе: «я, говоритъ, въ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ никогда не замѣченъ, чтобы этакъ противъ постановленій что-нибудь или въ нарушеніи общественнаго спокойствія, — въ томъ я никогда не замѣченъ, этого не было; *даже крестикъ выходилъ*»... Какъ видите, *крестикъ*

составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ базисъ философіи Макара Алексѣича и самый высшій, послѣдній аргументъ его. Онъ не лишенъ и амбиціи, но она удовлетворяется тоже довольно легко: онъ разъ, напримѣръ, выпилъ неосторожно, дебошу надѣлалъ, по его словамъ, и послѣ того пишетъ къ Варенькѣ, утѣшая ее: «вы,—говоритъ,— обо мнѣ не безпокойтесь; спѣшу вамъ объявить, что амбиція моя мнѣ всего дороже, и увѣдомляю васъ, что *изъ начальства еще никто ничего не знаетъ, да и не будетъ знать, такъ что они всѣ будутъ питать ко мнѣ уваженіе по-прежнему*». Вообще Макаръ Алексѣичъ до того дошелъ, что даже сапоги и шинель носитъ не для себя, а для другихъ, въ особенности же для его превосходительства; и чай пьетъ тоже больше для другихъ, и все для другихъ изъ амбиціи. «По мнѣ все равно, хоть бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить — я перетерплю и все вынесу, мнѣ ничего: *человѣкъ-то я простой, маленькій*». Но «*сапоги нужны для поддержки чести и добраго имени; въ дырявыхъ же сапогахъ и то и другое пропало*». То-есть, какъ же пропало? А такъ, что «вдругъ его превосходительство замѣтятъ и невзначай какъ-нибудь отнесутся на мой счетъ—бѣда!»... Къ этому кодексу морали и житейской мудрости, выработавшемуся въ головѣ Макара Алексѣича, прибавьте умилительно-подловатое впечатлѣніе, оставшееся въ немъ отъ сцены, когда у него отлетѣла пуговица въ присутствіи генерала и генералъ далъ ему сто рублей и пожалъ руку. Сцена эта дѣйствительно превосходная, много разъ была цитирована, и потому, конечно, памятна читателямъ. А вотъ мысли о ней самого Макара Алексѣича. «Клянусь вамъ,—пишетъ онъ Варенькѣ,— что какъ ни погибалъ я отъ скорби душевной, въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и мою неспособность, несмотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, соломѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили! Этимъ они меня самому себѣ возвратили. Этимъ поступкомъ *они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще на вѣки сдѣлали*, и я твердо увѣренъ, что какъ я ни грѣшенъ предъ Всевышнимъ, но молитва о счастіи и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!» Въ этихъ изліяніяхъ душевныхъ вы видите доброту, чувствительность, благородство, если хотите — даже утонченную деликатность Макара Алексѣича; но согласитесь, что вѣдь вамъ жалко то униженіе, въ какое онъ ставитъ себя, и только сила состраданія прогоняетъ въ васъ то чувство отвращенія, которое иначе невольно возбудилось бы въ васъ такимъ искаженіемъ человѣческой природы... [Забитый, тощій песъ Улисса, съ воемъ и ласкою встрѣчающій своего господина, неизмѣримо ближе и равнѣе съ нимъ, нежели этотъ чиновникъ съ благодѣтельнымъ его превосходительствомъ]. Полное отсутствіе какого бы то ни было сознанія о своемъ достоинствѣ, полное признаніе своего ничтожества, исключеніе себя изъ того рода существъ, къ которому равно принадлежатъ и Макаръ Алексѣичъ. и его благодѣтель,—вотъ что̀ видите вы въ изліяніяхъ его благодарности. А онъ, между тѣмъ, счастливъ, самъ счастливъ собственнымъ униженіемъ, и въ умиленіи молитъ Бога простить ему «ропотъ и *либеральныя мысли*», которыя онъ позволялъ себѣ подчасъ «въ прежнее грустное время»...

[Вотъ образецъ того, что̀ нужно въ общемъ механизмѣ для успѣшнаго теченія дѣлъ]. Кажется, ничего не можетъ быть лучше. Общество, достигнувшее того, что въ немъ вырабатываются подобные типы, можетъ, кажется, назваться образцовымъ, совершеннымъ, безукоризненнымъ въ смыслѣ [государственной] теоріи. [Здѣсь не только установлена и поддерживается извѣстнаго рода іерархія... Это бы еще не штука: мало ли что̀ можно установить и поддержать силою,— и кардинальское управленіе держится до сихъ поръ въ Римѣ... Но здѣсь не то: здѣсь установившаяся іерархія не имѣетъ даже надобности быть поддерживаема: такъ ясна для всѣхъ ея польза и необходимость, до такой степени заслужила она внутреннее одобреніе каждаго, даже наименѣе ею ублаготвореннаго, до такой степени всѣ при ней сознаютъ себя счастливыми и довольныии...] [1]) Нельзя всѣмъ быть богатыми, всѣмъ талантливыми, всѣмъ красивыми; нельзя всѣмъ начальствовать, всѣмъ быть на первыхъ мѣстахъ; но истинный идеалъ государства состоитъ въ томъ, чтобы всякій былъ доволенъ на своемъ мѣстѣ, всякій сознавалъ законность и глубокую справедливость своего положенія и съ такою же охотою повиновался, съ какою другіе повелѣваютъ, такъ же былъ спокоенъ и счастливъ при своихъ десяти цѣлковыхъ жалованья, какъ другіе—при двадцати тысячахъ дохода. Вотъ тогда можетъ осуществиться идеалъ золотого вѣка; тогда, если даже кто и непріятности отъ другихъ потерпитъ, — и это не разстроитъ ни об-

[1]) Всѣ тутъ сознаютъ себя счастливыми и довольными.

щаго хода дѣлъ, ни его собственнаго счастія, потому что и въ непріятностяхъ этихъ онъ будетъ видѣть дѣло законное и полезное и будетъ примиряться съ ними, какъ съ годовыми перемѣнами. Всякій членъ идеальной іерархіи будетъ разсуждать, какъ разсуждаетъ, напримѣръ, Макаръ Алексѣичъ о начальническихъ распеканціяхъ, по поводу насмѣшника, дерзнувшаго иронически о нихъ отозваться: «отчего же и не распечь, коль нужно нашего брата распечь?.. Ну, да положимъ и такъ, напримѣръ, для тона распечь, — ну, и для тона можно; нужно пріучать, нужно острастку давать... А такъ какъ разные чины бываютъ, и каждый чинъ требуетъ совершенно соотвѣтственной по чину распеканціи, то естественно, что послѣ этого и тонъ распеканціи выходитъ разночинный;—это въ порядкѣ вещей! *Да вѣдь на томъ и свѣтъ стоитъ, что всѣ мы одинъ передъ другимъ тону задаемъ, что всякъ изъ насъ одинъ другого распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ бы не стоялъ, и порядка бы не было*».

Вообразите себѣ идеальное государство, которое бы въ основаніе своей организаціи положило подобную философію и въ которомъ *всѣ* члены проникліись бы ею глубоко и искренно, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ; что за счастливое было бы государство! Какое вѣчно-нерушимое спокойствіе, какая непрерывная тишина, какой миръ и благодушіе царили бы въ немъ! Никто бы не домогался того, чего не дано ему; никто не рвался бы съ мѣста, на которомъ поставленъ; никто не разсуждалъ бы о томъ, что̀ выше его званія. Отъ бѣдняка мысль сдѣлаться богатымъ была бы такъ же далека, какъ желаніе пролѣзть сквозь игольныя уши; столоначальникъ не думалъ бы критиковать распоряженій своего секретаря, какъ не критикуетъ онъ наступленія ночи послѣ дня, и наоборотъ, даже какой-нибудь юноша изъ мелкой сошки, посаженный за переписку бумагъ, точно такъ не вздумалъ бы тогда мечтать о подвигахъ, о славѣ, и т. п., какъ теперь не приходитъ ему въ голову мечтать, напримѣръ, о превращеніи своемъ въ крокодила, обитающаго въ Египтѣ, или въ допотопнаго мастодонта, открытаго въ сѣверныхъ льдахъ. Всюду разлито было бы благодатное спокойствіе, безъ всякихъ порывовъ и треволненій [Всѣ были бы на своихъ мѣстахъ. Одни ѣздили бы въ колясках, жили въ великолѣпныхъ палатахъ, занимались распеканіемъ другихъ; другіе ходили бы пѣшкомъ по грязи, въ дырявыхъ сапогахъ, жили въ сырыхъ углахъ и получали распеканціи, — но тѣ и другіе одинаково были бы спокойны и довольны своей участью. Тѣ и другіе существовали бы рядомъ, другъ подлѣ друга, такъ же безмятежно, какъ существуютъ дубъ и крапива, хотя и отнесенные Линнеемъ къ одному разряду по его системѣ, но нимало не помышляющіе о соблазнительномъ равенствѣ другъ съ другомъ]. Не было бы тогда гнусной зависти, непозволительныхъ стремленій, всякаго рода опасеній и подкоповъ: люди жили бы, какъ святые въ царствѣ небесномъ: много будетъ въ раю обитателей, много степеней блаженства, но низшія степени будутъ братски сочувствовать высшимъ, и сами наслаждаться отблескомъ того высшаго блаженства, котораго удостоены избранные. Такъ было бы и на землѣ въ томъ идеальномъ государствѣ, въ которымъ бы всѣ члены проникліись тѣми чистыми понятіями объ общественной іерархіи, какія сейчасъ были приведены... И что̀ всего важнѣе—подобное устройство могло бы длиться вѣчно, потому что оно не заключаетъ въ себѣ никакихъ элементовъ разрушенія,—ничего, что̀ бы обѣщало, хоть въ отдаленномъ будущемъ, нарушить общее спокойствіе и блаженство. Идеальное общество, основанное на здравыхъ понятіяхъ объ общественной іерархіи, могло бы существовать цѣлые вѣка спокойно, мирно и счастливо, и развѣ какой-нибудь геологическій переворотъ могъ бы разрушить его идеальныя совершенства...

Но, къ величайшему сожалѣнію друга человѣчества, не отыскивается философскій камень, не бываетъ полнаго совершенства на землѣ, нѣтъ нигдѣ такого идеальнаго общества, какое мы предполагали... Говорятъ, въ давнія времена, которыхъ мы съ вами, читатель, уже и не припомнимъ, было нѣчто подобное устроено въ Индіи, да и то при помощи самого Брамы. Парія отъ брамина былъ такъ же далекъ, и пропасть между ними была почти такъ же непереходима, говорятъ, какъ пропасть между Макаромъ Алексѣичемъ и его превосходительствомъ. А на томъ свѣтѣ, говорятъ, индѣйцы изъ семи круговъ, въ которыхъ давались смертнымъ разные виды блаженства, самымъ высшимъ считался тотъ, гдѣ человѣкъ терялъ совершенно свою личность, волю, сознаніе, погружался въ лоно Брамы и рѣшительно, безъ слѣда, уничтожался въ немъ. Это была высшая точка верховнаго блаженства, какую только могло вообразить себѣ индійское ученіе. Кажется, чего бы лучше: общество съ подобными началами не должно бы погибнуть, но должно бы постоянно расширять кругъ своихъ счастливыхъ членовъ... Но—таково несовершенство человѣческой природы!—и

индійское ученіе и устройство рушилось, и если теперь остается еще, то лишь въ жалкихъ подражаніяхъ и передѣлкахъ, далекихъ отъ совершенствъ первоначальнаго образца. Нѣчто подобное устроили-было отцы іезуиты [въ Парагвайской республикѣ;] но и тамъ успѣхъ былъ далеко не полонъ. [О другихъ слабыхъ попыткахъ достигнуть идеала, дѣланныхъ, напримѣръ, въ Неаполѣ, въ Австріи и въ другихъ странахъ [1]), не стоитъ и говорить]. Теорія принималась хорошо, проводилась въ разныхъ учрежденіяхъ, преподавалась въ школахъ, проповѣдывалась въ церквахъ монахами разныхъ орденовъ, проникала даже въ домашнее воспитаніе, захватывая, такимъ образомъ, человѣка въ самые нѣжные, самые впечатлительные его годы; но—все не въ прокъ! Большинство принимало теорію, не имѣло ничего сказать противъ нея; но не могло или не умѣло успокоиться на ней. Какое-то исканіе не переставало тревожить людей, и вотъ какая-нибудь пустая случайность, ничтожное столкновеніе,—и все взволновано, и идеалъ непрерывной тишины взлетѣлъ прахомъ на воздухъ... Моралисты утверждали, что все это отъ растлѣнности человѣческаго рода и отъ помраченія ума его; другіе, напротивъ, кричали, что теорія будто бы идеальной организаціи, состоящая въ обезличеніи человѣка, противна естественнымъ требованіямъ человѣческой природы, и потому должна быть отвергнута, какъ негодная, и уступить мѣсто другой, признающей всѣ права личности и принципъ безконечнаго развитія, безконечнаго шествія впередъ, то-есть, прогресса, въ противоположность застою.

Мы, то-есть русскіе, и преимущественно литераторы, обыкновенно держали себя въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ споровъ, происходившихъ на западѣ Европы. Мы въ это время занимались своими вопросами: о торговлѣ древнѣйшей Руси, о талантѣ г. Щербины, объ Іаковѣ Мнихѣ, о зооморфическихъ божествахъ у славянъ; восхищались пѣніемъ Маріо и письмами Ивана Александровича Чернокнижникова [2]), жалѣли о почти единовременной кончинѣ Жуковскаго, Гоголя и Загоскина, и удивлялись ковамъ англичанъ, готовившимся противъ насъ... [Словомъ—мы, какъ и всегда, дѣлали свое дѣло, и въ то, что̀ насъ не касается, не мѣшались: «помаленечку, втихомолочку жили, никого не трогая,—старались, чтобъ воды не замутить»]. Тѣмъ не менѣе, во время уже очень недавнее, когда кто-то крикнулъ: «прогрессъ!» да и спрятался,—и пошли съ тѣхъ поръ хвалить прогрессъ и бранить застой на чемъ свѣтъ стоитъ. Какъ и почему случилось это—объясните! Говорятъ, потому, что прогрессъ необходимъ человѣку, что скорѣе его зарѣзать можно, чѣмъ заставить не желать прогресса... Не знаю, можетъ, оно и такъ. Посмотримъ, не отвѣтятъ ли намъ что-нибудь взятыя нами лица, воспроизведенныя художническою силою. Извѣстно, что вѣдь художникъ всегда безпристрастенъ: къ спорамъ и теоріямъ онъ не прикасается, а наблюдаетъ только факты жизни да и рисуетъ ихъ, какъ умѣетъ,—вовсе не думая, кому это послужитъ, для какой идеи пригодится, и поэтому-то именно замѣчательный художникъ важенъ въ общественномъ смыслѣ: въ жизни-то еще когда наберешь фактовъ, да и тѣ будутъ блѣдны, отрывочны, побужденія неясны, причины смѣшаны; а тутъ, пожалуй, и одно или два явленія представлены, да зато такъ, что послѣ нихъ уже никакого сомнѣнія не можетъ быть относительно цѣлаго разряда подобныхъ явленій.

Нужно сказать, что нѣкоторая доля художнической силы постоянно сказывается въ г. Достоевскомъ, а въ первомъ его произведеніи сказалась даже въ значительной степени. Отъ него не ускользнула правда жизни, и онъ чрезвычайно мѣтко и ясно положилъ грань между оффиціальнымъ настроеніемъ, между внѣшностью, форменностью человѣка и тѣмъ, что̀ составляетъ его внутреннее существо, что̀ скрывается въ тайникахъ его натуры и лишь по временамъ, въ минуту особеннаго настроенія, мелькомъ проявляется на поверхности. Изъ наблюденій автора, переданныхъ намъ въ его разсказахъ, оказывается, что вѣдь ни одного человѣка нѣтъ, кто бы въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ сердцемъ и душою возлюбилъ идеальную организацію, обѣщающую столько мира и довольства людямъ. Даже люди, наиболѣе ею пропитанные, и тѣ безпрестанно проговариваются и уклоняются. Да вотъ хоть бы самъ Макаръ Алексѣичъ: вы, можетъ быть, думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ успокоился на томъ, что «всякому свое мѣсто назначено, а мѣста по способностямъ распредѣлены» и т. д.? Вовсе нѣтъ; это когда онъ резонируетъ въ спокойномъ положеніи, такъ и говоритъ такимъ образомъ. А чуть что-нибудь задѣнетъ его за живое, — онъ совсѣмъ мѣняется, и лѣзутъ въ его голову сами собою «либеральныя мысли». Онъ тогда спрашиваетъ: «отчего же это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастье само напрашивается?..

---

[1]) Конечно, ясный намекъ на Россію.

[2]) Псевдонимъ А. В. Дружинина, которымъ онъ подписывалъ свои невинные фельетоны.

Знаю, знаю, маточка (спѣшитъ онъ прибавить, обращаясь къ Варенькѣ),—что нехорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ-истинѣ,—зачѣмъ одному еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ Воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачекъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка, (снова спѣшитъ оговориться боязливый Макаръ Алексѣичъ), оно грѣшно этакъ думать, *да тутъ поневолѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ*». Расчувствовавшись, Макаръ Алексѣичъ уже не ограничивается и сомнѣніями, а даже до негодованія доходитъ и задѣваетъ людей почище себя: «что фракъ-то на немъ сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ,—такъ ужъ ему все съ рукъ сходитъ, такъ ужъ и рѣчь его непристойную снисходительно слушать надо! *Полно, такъ ли, голубчики?*» Какъ хотите, а вѣдь это чуть не вызовъ со стороны бѣднаго, забитаго чиновничка: видно, не совсѣмъ же угомонилось его сердце, не совсѣмъ успокоился онъ на томъ, что «если бы мы другъ другу тону не задавали, то и свѣтъ бы не стоялъ, и порядку бы не было». Нѣтъ, онъ издаетъ теперь вопли сердечные и сознаетъ за собою право вопить и жаловаться: «а еще люди богатые не любятъ,—замѣчаетъ онъ,—чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались,—дескать, они безпокоятъ, они-де назойливы. *Да и всегда бѣдность назойлива; спать, что ли, мѣшаютъ ихъ стоны голодные?*» И переполненное горечью сердце внушаетъ ему такія мысли, вызываетъ наружу такіе инстинкты, которыхъ онъ самъ испугался и отрекся бы въ обыкновенномъ положеніи, но которые теперь, сами собою, неодолимо являются во всей своей силѣ. «Теперь на меня *такая тоска нашла*,—пишетъ разогорченный Дѣвушкинъ,—*что я самъ своимъ мыслямъ до глубин души сталъ сочувствовать*, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки *нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ*. И подлинно, родная моя, *часто самого себя безъ всякой причины уничтожаешь*, въ грошъ не ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ быть, отъ того происходитъ, что я самъ *запуганъ и загнанъ*, какъ хоть бы и тотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ». Вотъ этакія-то мысли, западая въ человѣка и развиваясь въ немъ съ чрезвычайною быстротою и силою, при помощи его природныхъ инстинктовъ,—и губятъ всеобщую тишину и спокойствіе въ томъ идеальномъ общественномъ механизмѣ, который такъ отрадно рисовался намъ выше. И нельзя сказать, чтобы авторъ здѣсь выдумывалъ, клеветалъ на человѣческую природу. Можно замѣтить, пожалуй, что Макаръ Алексѣевичъ, для своего образованія и положенія, является уже слишкомъ мѣткимъ оцѣнщикомъ противорѣчій оффиціальныхъ основъ жизни съ ея дѣйствительными требованіями; но это потому, что, сочиняя въ теченіе полугода, чуть не каждый день, письма къ Варенькѣ, Макаръ Алексѣичъ изощрилъ свой слогъ; а съ другой стороны—почему же и автору немножко не придти къ нему на помощь? Но помощь эта касается единственно словеснаго выраженія мыслей; сами же мысли чисто принадлежатъ Макару Алексѣичу,—это скажетъ всякій, хоть недолгое время, хоть разъ бывавшій въ его положеніи. Макаръ Алексѣичъ формулировалъ свои тяжкія сомнѣнія въ письмахъ къ Варенькѣ; другіе не формулируютъ ихъ иначе, какъ своимъ поведеніемъ, разными странными поступками и печальными ихъ результатами. Если вы, напримѣръ, имѣли бы терпѣніе хоть перелистовать безконечнаго г. Голядкина,—вы увидѣли бы, что и онъ мучится и сходитъ съ ума совершенно по тѣмъ же общимъ причинамъ,—вслѣдствіе неудачнаго разлада бѣдныхъ остатковъ его человѣчности съ оффиціальными требованіями его положенія. Голядкинъ не такъ бѣденъ и задавленъ, какъ Дѣвушкинъ; онъ можетъ себѣ позволять даже нѣкоторый комфортъ; даже въ своемъ кругу видитъ людей, которыхъ *оффиціально* имѣетъ право считать ниже себя, такъ какъ онъ состоитъ помощникомъ столоначальника въ департаментѣ. Вслѣдствіе того онъ пріобрѣлъ нѣкоторое условное уваженіе къ себѣ и какое-то смутное понятіе о «своемъ правѣ». Но тутъ онъ и спутался. Случилось обстоятельство, при которомъ нужно было выставить вовсе не это чиновное право, а совсѣмъ другое: ему понравилась дѣвушка. Какъ искатель незавидный, онъ былъ отстраненъ, и вотъ тутъ-то перевертываются вверхъ дномъ всѣ его понятія. Макаръ Алексѣичъ нашелъ возможность удовлетворить добротѣ своего сердца, быть полезнымъ для любимаго существа, и потому въ немъ все больше и яснѣе развивается гуманное сознаніе, понятіе объ истинномъ человѣческомъ достоинствѣ. Яковъ Петровичъ Голядкинъ, напротивъ, получилъ нѣсколько афронтовъ отъ родныхъ своей возлюбленной и отъ своего со-

перника и потому, оскорбленный въ своемъ человѣческомъ чувствѣ, но не умѣя хорошенько сознать этого, прямо хватается за свое чиновное право. «Это моя частная жизнь, это не касается моихъ оффиціальныхъ отношеній», находится онъ сказать, когда ему отказываютъ отъ званаго обѣда въ домѣ родителя его возлюбленной. И затѣмъ, его мысли совершенно разстраиваются; онъ уже не знаетъ, что же онъ въ правѣ или не въ правѣ... Онъ чувствуетъ только одно, что тутъ что-то не такъ, не ладно. Хочетъ онъ объясниться со всѣми—врагами и недругами — все не удается, характера не хватаетъ... И приходитъ онъ къ idée fixe, къ пункту своего помѣшательства: что жить въ свѣтѣ можно только интригами, что хорошо на свѣтѣ только тому, кто хитритъ, подличаетъ, другихъ обижаетъ... И вотъ у него является на умѣ рѣшимость—тоже хитрить, тоже подкопы вести, интриговать... Но гдѣ ужъ ему пускаться на такія штуки? Не такъ онъ жилъ прежде, не такъ приготовленъ, характеръ у него не такой... «Натура-то твоя такова: душа ты правдивая,—разсуждаетъ онъ самъ съ собою.—Нѣтъ, ужъ лучше мы съ тобой потерпимъ, Яковъ Петровичъ,—подождемъ и потерпимъ». И къ этому прибавляется еще у него мысль, тоже обличающая его характеръ, — мысль, что все еще «можетъ объясниться и устроиться къ лучшему». Оттого-то онъ никакъ не можетъ ни на что рѣшиться, даже высказаться порядкомъ не можетъ, и, несмотря на «присутствіе страшной энергіи въ себѣ», вѣчно мнется, труситъ и ворочается съ половины дороги. Все, что въ немъ было живого, здраваго и сознательнаго, какъ-то не выливалось въ обычную форму, въ которой онъ доселѣ сидѣлъ такъ хорошо, и, едва поднявшись, осѣдало опять на дно его души, но осѣдало какъ-то безпорядочно, болѣзненно, совершенно не подъ-стать къ стройности того механизма, въ которомъ онъ былъ вставленъ. Характеризуя его противорѣчія, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «позволить обидѣть себя онъ никакъ не могъ согласиться, а тѣмъ болѣе—дозволить затереть себя, какъ ветошку, и, наконецъ, дозволить это совсѣмъ развращенному человѣку... Не споримъ, впрочемъ, не споримъ: можетъ быть, если бъ кто захотѣлъ, если бъ ужъ кому, напримѣръ, вотъ такъ непремѣнно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ бы, обратилъ бы безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ самъ въ иной разъ это чувствовалъ), и вышла бы ветошка, а не Голядкинъ,—такъ, подлая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была бы не простая, ветошка эта была бы съ амбиціей, была бы съ одушевленіемъ и чувствами, *хотя бы и съ безотвѣтной амбиціей и съ безотвѣтными чувствами и далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все-таки съ чувствами*». Мнѣ кажется, трудно лучше характеризовать положеніе забитыхъ людей, подобныхъ Голядкину, людей, дѣйствительно какъ-будто превращенныхъ въ тряпицу и только въ грязныхъ складкахъ хранящихъ остатки чего-то человѣческаго, неслышнаго, безотвѣтнаго, но все какъ-то по временамъ дающаго себя чувствовать. Вотъ оно дало себя чувствовать и г. Голядкину, и всею тяжестью обрушились тяжкія сомнѣнія и вопросы на бѣдный разсудокъ и фантазію Якова Петровича. «Такъ это не такъ? Тутъ не каждый въ своемъ правѣ? Тутъ берутъ интригами? Давай же, когда такъ, и я буду интриговать... Да гдѣ мнѣ интриговать? Натура у меня глупая — правдивая, — никогда окольными путями... Но другіе же всѣ окольными путями ходятъ, иначе человѣка затрутъ, а я затереть себя не могу позволить... А что, въ самомъ дѣлѣ, если бъ я...» И господинъ Голядкинъ, вообще наклонный къ меланхоліи и мечтательности, начинаетъ себя раздражать мрачными предположеніями и мечтами, возбуждать себя къ несвойственной его характеру дѣятельности. Онъ раздвояется, самого себя онъ видитъ вдвойнѣ... Онъ группируетъ все подленькое и житейски ловкое, все гаденькое и успѣшное, что ему приходитъ въ фантазію; но, отчасти практическая робость, отчасти остатокъ гдѣ-то въ далекихъ складкахъ скрытаго нравственнаго чувства препятствуютъ ему принять всѣ придуманныя имъ пронырства и гадости на себя, и его фантазія создаетъ ему «двойника». Вотъ основа его помѣшательства. Не знаю, вѣрно ли я понимаю основную идею «Двойника»; никто, сколько я знаю, въ разъясненіи ея не хотѣлъ забираться далѣе того, что «герой романа — сумасшедшій». Но мнѣ кажется, что если ужъ для каждаго сумасшествія должна быть своя причина, а для сумасшествія, разсказаннаго талантливымъ писателемъ на 170 страницахъ—тѣмъ болѣе, то всего естественнѣе предлагаемое мною объясненіе, которое само собою сложилось у меня въ головѣ при перелистываньи этой повѣсти (всю ее сплошь я, признаюсь, одолѣть не могъ). Авторъ, кажется, самъ не чуждъ былъ такого объясненія: такъ, по крайней мѣрѣ, представляется по нѣкоторымъ мѣстамъ повѣсти. Напр., первое признаніе г. Голядкинымъ своего двойника описывается авторомъ такъ: это былъ «не тотъ г. Голядкинъ, который служилъ въ каче-

ствѣ помощника своего столоначальника; *не тотъ, который любилъ стушеваться и зарыться въ толпѣ,* не тотъ, наконецъ, *чья походка ясно выговариваетъ: «не троньте меня, и я васъ трогать не буду»,* или: *«не троньте меня, — вѣдь я васъ не затрогиваю»;*—нѣтъ, это былъ другой г. Голядкинъ, *совершенно другой,* но вмѣстѣ съ тѣмъ и *совершенно похожій на перваго*». И далѣе безпрестанно г. Голядкинъ-младшій ведетъ себя съ такою ловкостью и безстыдствомъ, какія только въ мечтахъ и возможны: онъ ко всѣмъ подбивается, передъ всѣми семенитъ, бѣгаетъ съ портфелемъ его превосходительства, изъ чего г. Голядкинъ-старшій заключаетъ, что онъ уже «по особому...» Г. Голядкинъ-младшій всегда умѣетъ остаться правымъ, ускользнуть отъ объясненій, отвернуться и подольститься, когда нужно; онъ способенъ даже заставить другого заплатить за съѣденные имъ растегаи; и при всемъ томъ онъ со всѣми хорошъ, онъ смѣло разсуждаетъ тамъ, гдѣ Голядкинъ-старшій умильно теряется, онъ сидитъ въ гостиной тамъ, куда Голядкинъ-старшій и въ переднюю показать носъ боится... Нечего и говорить, что г. Голядкинъ все это самого же себя рисуетъ въ видѣ двойника своего. Выдумывая его небывалые, фантастическіе подвиги, онъ имѣетъ мысль, что вотъ поступай онъ только такимъ образомъ (какъ *нѣкоторые люди* и поступаютъ)— и по службѣ онъ успѣвалъ бы, и насмѣшкамъ товарищей не подвергался, и не былъ бы затертъ какимъ-нибудь выскочкой, раньше его получившимъ коллежскаго, и главное— не былъ бы такъ безбожно обиженъ драгоцѣнною Кларою Олсуфьевною и ея родными. Но вмѣсто того, чтобы любоваться на подобные подвиги, г. Голядкинъ возмущается противъ нихъ всею долею того забитаго, загнаннаго сознанія, какая ему осталась послѣ ровнаго и тихаго гнета жизни, столько лѣтъ непрерывно покоившагося на немъ. Ему противны даже въ мечтахъ тѣ поступки, тѣ средства, которыми выбиваются «нѣкоторые люди»; онъ съ постояннымъ страхомъ отбрасываетъ свои же мечты на другое лицо и всячески позоритъ и ненавидитъ его. Въ минуты же просвѣтлѣнія, когда онъ опять начинаетъ яснѣе сознавать свою собственную личность, онъ воспоминаетъ о своихъ поползновеніяхъ на хитрость, ему мерещится строгій голосъ старичка Антона Антоныча: «а что, и вы тоже собирались хитрить? — и онъ блѣднѣетъ, теряется, — и снова представляется ему образъ его двойника, который бы изъ всего этого вывернулся, посеменивъ ножками, и еще сильнѣе растетъ раздраженіе г. Голядкина противъ такой подлой, зловредной личности... Порою къ нему возвращаются прежнія мысли, что, можетъ быть, все устроится къ лучшему, — и вотъ ему разъ представляется даже, будто Клара Олсуфьевна, плѣненная его качествами, присылаетъ ему письмо, въ которомъ приказываетъ увезти ее отъ злостныхъ и неблагонамѣренныхъ интригантовъ. И г. Голядкинъ, точно, отправляется подъ окна Клары Олсуфьевны — ждать ее, а отсюда уже отвозятъ его въ сумасшедшій домъ...

Но, посудите же—зачѣмъ было сходить съ ума человѣку? Оставался бы онъ только вѣренъ безмятежной теоріи, что онъ въ своемъ правѣ, и всѣ въ своемъ правѣ, что если новый коллежскій раньше его произведенъ,—такъ этому такъ и слѣдуетъ быть, и что если Клара Олсуфьевна его отвергла, такъ опять это значитъ, что ему къ ней и соваться не слѣдовало,—словомъ, продолжай онъ идти своей дорогой, никого не затрагивая, и помня, что все на свѣтѣ законнѣйшимъ образомъ распредѣляется по способностямъ, а способности самою натурою даны, и т. д.—вотъ и продолжалъ бы человѣкъ жить въ прежнемъ довольствѣ и спокойствіи. Такъ вѣдь нѣтъ же: встало что-то со дна души и выразилось мрачнѣйшимъ протестомъ, къ какому только способенъ былъ ненаходчивый г. Голядкинъ,— сумасшествіемъ... Не скажу, чтобъ г. Достоевскій особенно искусно развилъ идею этого сумасшествія, но надо признаться, что тема его—раздвоеніе слабаго, безхарактернаго и необразованнаго человѣка между робкою прямотою дѣйствій и платоническимъ стремленіемъ къ интригѣ, раздвоеніе, подъ тяжестью котораго сокрушается, наконецъ, разсудокъ бѣдняка,— тема эта, для хорошаго выполненія, требуетъ таланта очень сильнаго. При хорошей обработкѣ изъ г. Голядкина могло бы выйти не исключительное, странное существо, а типъ, многія черты котораго нашлись бы во многихъ изъ насъ. Помните ваши встрѣчи съ чиновнымъ людомъ; припомните тѣхъ, которые называютъ себя людьми неискательными, спокойными, любящими по правдѣ жить. Вспомните, какъ они любятъ говорить о своей неискательности, и какъ иногда, вдругъ, круто измѣняется направленіе разговора, при упоминаніи о комъ-нибудь изъ ихъ сослуживцевъ, начальниковъ или знакомыхъ, успѣвающемъ больше другихъ. Тутъ сейчасъ пойдетъ: и «хорошо тому жить, у кого бабушка ворожитъ», и «правдой вѣкъ не проживешь», и жалобы на собственную неспособность къ подлостямъ, и ироническое, какъ будто уничтожительное перечисленіе собственныхъ заслугъ: «что, дескать, мы—что по шести-

то часовъ спины не разгибаемъ, да дѣла-то всѣ нами держатся—эка важность... А вотъ—пойти къ его превосходительству на балъ, да польку тамъ отхватать, да по утрамъ вмѣсто дѣла-то по магазинамъ разъѣзжать—его супруги коммиссіи исполнять—вотъ это дѣло, вотъ съ этимъ и въ честь попадешь... А мы—чтò? Клячи водовозныя, волы подъяремные—только въ черную работу и годимся»... и т. д. А затѣмъ разговоръ непремѣнно принимаетъ такой оборотъ: что вѣдь «и мы, дескать, могли бы подличать, и мы могли бы финтить»... и въ доказательство разскажутъ вамъ нѣсколько случаевъ, гдѣ точно человѣку удобно было сподличать, а онъ не захотѣлъ... Во всѣхъ подобныхъ господахъ рѣшительно сидитъ тенденція г. Голядкина къ сумасшедшему дому; дайте имъ только побольше мечтательности и меланхоліи—и переходъ будетъ недалекъ...

Господинъ Голядкинъ, впрочемъ, человѣкъ ужъ совсѣмъ сумасшедшій; оставимъ его. А вотъ еще есть лицо у г. Достоевскаго, тоже сумасшедшій, но скорѣе только мономанъ—г. Прохарчинъ. Человѣкъ этотъ тоже сообразилъ, должно быть, еще при началѣ своего служебнаго поприща, что «одному на семъ свѣтѣ назначено въ каретахъ ѣздить, другому въ худыхъ сапогахъ по грязи шлепать», и, причисливъ себя къ послѣднему разряду, нанялъ себѣ уголъ и живетъ, не думая пытать судьбы своей. Но прочнаго спокойствія нѣтъ у него на душѣ; характеръ у него боязливый, какъ у всѣхъ забитыхъ, и хотя онъ твердо вѣруетъ въ нерушимость своей философіи, но на свѣтѣ видитъ и случайности разнаго рода: болѣзни, пожары, внезапныя увольненія отъ службы по желанію начальства... Бѣдняка начинаетъ преслѣдовать мысль о непрочности, о *необезпеченности*, его положенія. Мысль, конечно, очень естественная. Натураленъ и результатъ ея—рѣшеніе откладывать и копить деньги, на всякій случай. Но исполненіе уже дико, хотя тоже понятно въ г. Прохарчинѣ: онъ прячетъ звонкую монету себѣ въ тюфякъ... Да и куда же ему дѣвать, въ самомъ дѣлѣ? Въ сундукъ положить — утащатъ; поручить кому-нибудь—никому довѣриться нельзя; въ ломбардъ положить—помилуйте, это значитъ прямо объявить себя богачемъ, Крезомъ какимъ-то. «У него деньги въ ломбардѣ лежатъ»—знаете ли вы, какъ звучитъ эта фраза въ кругу мелкихъ чиновниковъ, а тѣмъ болѣе обитателей угловъ!... Вотъ г. Прохарчинъ и прячетъ деньги въ тюфякъ, и 10 лѣтъ прячетъ, и 15, и 20, можетъ быть и больше, и даже самъ, кажется, высчитать хорошенько не можетъ, сколько у него тамъ спрятано; а потревожить тюфякъ—боится любопытныхъ глазъ... Живетъ онъ довольно спокойно, т.-е. предъ всякимъ сторонится, всего робѣетъ и радъ, что его не трогаютъ. Вдругъ вмѣстѣ съ нимъ поселяются новые жильцы—хорошіе люди, но «надсмѣшники». Замѣтивъ боязливость Прохарчина и постоянную мысль его о необезпеченности,—давай они между собою сочинять слухи—то о сокращеніи штатовъ, то объ экзаменахъ для старыхъ чиновниковъ, то о желаніи его превосходительства уволить всѣхъ чиновниковъ, съ непрезентабельной фигурой, то вообще о тяжелыхъ временахъ... И чтò бы вы думали? Вѣдь совсѣмъ сбился съ толку бѣдняжка Прохарчинъ: ходитъ самъ не свой, лица на немъ нѣтъ, такъ и ждетъ, что его выгонятъ изъ службы, и тогда чтò же съ нимъ будетъ? Запасецъ хоть и сдѣланъ, да вѣдь уже его теперь истощать придется, а пополнять неоткуда... Волненіе Прохарчина выразилось, какъ водится, между прочимъ, тѣмъ, что онъ, встрѣтясь съ какимъ-то закоснѣлымъ пьянчужкой, хватилъ черезъ край и привезенъ домой въ безчувствіи и больной. Едва очнувшись, онъ сталъ бредить и тосковать о томъ, что вотъ живешь-живешь, да и съ сумочкой; нынче нуженъ, завтра нуженъ, а потомъ и не нуженъ, и ступай по-міру... Его начинаютъ убѣждать, что ему бояться нечего: человѣкъ онъ хорошій, смирный и пр... Онъ отвѣчаетъ: «да вотъ онъ вольный, я вольный, а какъ лежишь, лежишь, да и того»...—Чего?—«Анъ и вольнодумецъ»... Всѣ приходятъ въ ужасъ и негодованіе при одной мысли, что Прохарчинъ можетъ быть вольнодумцемъ; но онъ возражаетъ: «стой, я не того... ты пойми только, баранъ ты: я смирный, сегодня смирный, завтра смирный, а потомъ и не смирный, сгрубилъ; пряжку тебѣ, и пошелъ вольнодумецъ!...» Словомъ сказать, господинъ Прохарчинъ сдѣлался истиннымъ вольнодумцемъ: не только въ прочность мѣста, но даже въ прочность собственнаго смиренія пересталъ вѣрить. Точно будто вызвать на бой кого-то хочетъ: «да что, дескать, вѣчно, что ли, я пресмыкаться-то буду? Вѣдь я и сгрублю, пожалуй,—я и сгрубить могу... Только, чтò тогда будетъ?...» Но разгулялся этакъ господинъ Прохарчинъ передъ смертью; въ ту же ночь, не осиливъ волненія, онъ умеръ, возбудивъ общее сожалѣніе въ жильцахъ. А по смерти его нашли въ тюфякѣ, въ разныхъ сверточ-кахъ, серебряной монеты на 2.497 рублей съ полтиною ассигнаціями, отчего жильцы, и въ особенности хозяйка, пришли уже въ негодованіе...

Господинъ Прохарчинъ, какъ забитый,

запуганный человѣкъ, ясенъ; о немъ и распространяться нечего. О его внезапной тоскѣ и страхѣ отставки тоже нечего много разсуждать. Привести развѣ мнѣніе его сожителей, во время его болѣзни. «Всѣ охали и ахали; всѣмъ было и жалко, и горько, и всѣ межъ тѣмъ дивились, что вотъ какъ же это такимъ образомъ могъ совсѣмъ заробѣть человѣкъ? И изъ чего жъ заробѣлъ? Добро бы былъ при мѣстѣ большомъ, женой обладалъ, дѣтей поразвелъ; добро бъ его тамъ подъ судъ какой ни-на-есть притянули, а то вѣдь и человѣкъ совсѣмъ дрянь, съ однимъ сундукомъ и съ нѣмецкимъ замкомъ; лежалъ слишкомъ двадцать лѣтъ за ширмами, молчалъ, свѣту и горя не зналъ, скопидомничалъ, и вдругъ вздумалось теперь человѣку, съ пошлаго, съ празднаго слова какого-нибудь, совсѣмъ перевернуть себѣ голову, совсѣмъ заботиться о томъ, что на свѣтѣ вдругъ стало жить тяжело... *А и не разсудилъ человѣкъ, что всѣмъ тяжело!.. Прими онъ вотъ только это въ разсчетъ,*—говорилъ потомъ Океаніевъ,—*что вотъ всѣмъ тяжело, такъ бы сберегъ бы человѣкъ свою голову, переставъ бы куралесить и потянулъ бы свое кое-какъ, куда слѣдуетъ*».

И вѣдь правъ г. Океаніевъ: дѣйствительно Прохарчинъ оттого и погибъ, что съ пути здравой философіи сбился.

Но кто же не сбился съ нея? У кого не бывало случаевъ, порывовъ, увлеченій, внезапно нарушавшихъ ровный ходъ мирно устроеннаго механизма жизни? Вотъ еще, пожалуй, напримѣръ, изъ г. Достоевскаго: юный чиновникъ, Вася Шумковъ, изъ низкаго состоянія трудолюбіемъ и благонравіемъ вышелъ, за почеркъ и кротость любимъ начальствомъ и самимъ его превосходительствомъ, Юліаномъ Мастаковичемъ; получаетъ отъ него приватныя бумаги для переписки, да еще за эту честь и деньгами отъ него награждается время отъ времени. Къ этому еще онъ имѣетъ преданнаго друга Аркашу; мало того, онъ полюбилъ, заслужилъ взаимность и уже женихомъ объявленъ... Чего ему еще! Онъ переполненъ счастьемъ; жизнь ему улыбается. Триста рублей жалованья, да приватныхъ отъ Юліана Мастаковича—житье съ женою хоть куда! Они же такъ любятъ другъ друга! Вася ничего не помнитъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своей невѣсты; у него есть бумаги, данныя для переписки Юліаномъ Мастаковичемъ; сроку остается два дня, но Вася, со свойственнымъ влюбленному юношѣ легкомысліемъ, говоритъ: «еще успѣю», и не выдерживаетъ, чтобъ въ вечеръ подъ новый годъ не отправиться съ пріятелемъ къ невѣстѣ... Но возвратившись домой и засѣвши на цѣлую ночь писать, онъ поражается суровой дѣйствительностью: всѣхъ бумагъ никакъ не перепишешь къ сроку,—а завтра къ тому же новый годъ, надо еще идти—росписаться у его превосходительства. Напрасно Аркаша его удерживаетъ, обѣщая за него росписаться,—Вася боится, что Юліанъ Мастаковичъ могутъ обидѣться. Напрасно также добрый другъ уговариваетъ его не сокрушаться, напоминая о великодушіи Юліана Мастаковича: это еще болѣе убиваетъ Васю. Какъ! онъ, ничтожный червякъ, презрѣнное, жалкое существо,—удостоенъ такого высокаго вниманія, получаетъ частныя порученія, слышитъ милостивыя слова... и вдругъ — что́ же?—нерадѣніе,—неисполнительность, неблагодарность! Всю чудовищность, всю черноту своего поступка Вася и измѣрить не можетъ, ибо соразмѣряетъ ее съ разстояніемъ, раздѣляющимъ его отъ Юліана Мастаковича,—а кто же можетъ измѣрить это разстояніе? У бѣдняка голова кружится при одномъ взглядѣ на эту страшную пропасть... Онъ было-думаетъ идти къ Юліану Мастаковичу и принести повинную; но какъ рѣшиться на подобную дерзость? Другъ его хочетъ объясниться за своего друга, даже отправляется къ его превосходительству, но заговорить тоже не рѣшается. Бѣдный Вася сидитъ за письмомъ два дня и двѣ ночи, у него мутится въ головѣ, онъ уже ничего не видитъ и водитъ сухимъ перомъ по бумагѣ. Наконецъ, любовь, ничтожество, гнѣвъ Юліана Мастаковича, недавнее счастье, черная неблагодарность, страхъ за свое полнѣйшее безсиліе — сламываютъ несчастнаго, онъ убѣждается, что ему теперь одна дорога въ солдаты, и мѣшается на этой мысли. А Юліанъ Мастаковичъ благодушно замѣтилъ: «Боже, какъ жаль! И дѣло-то, порученное ему, было неважное, и вовсе не спѣшное... Такъ-таки, ни изъ-за чего погибъ человѣкъ!»

Положимъ, что г. Достоевскій слишкомъ ужъ любитъ сводить съ ума своихъ героевъ; положимъ, что у Васи его ужъ донельзя *слабое сердце* (такъ и повѣсть называется). Но, всмотритесь въ основу этой повѣсти,—вы придете къ тому же результату: что идеальная теорія общественнаго механизма, съ успокоеніемъ всѣхъ людей на своемъ мѣстѣ и на своемъ дѣлѣ, вовсе не обезпечиваетъ всеобщаго благоденствія. Оно точно, будь на мѣстѣ Васи писальная машинка,—было бы превосходно. Но въ томъ-то и дѣло, что никакъ человѣка не усовершенствуешь до такой степени, чтобъ онъ ужъ совершенно машиною сдѣлался; въ большой массѣ еще такъ—это мы ви-

димъ [въ военныхъ эволюціяхъ], на фабрикахъ и пр., но пошло дѣло по одиночкѣ—не сладишь. Есть такіе инстинкты, которые никакой формѣ, никакому гнету не поддаются, и вызываютъ человѣка на вещи совсѣмъ несообразныя, чрезъ что, при обычномъ порядкѣ вещей и составляютъ его несчастіе. Вотъ хотя бы для этого Васи:—если ужъ пробудилось въ немъ чувство, если ужъ онъ не можетъ отстранить отъ себя человѣческихъ потребностей, то ужъ гораздо лучше было бы для него вовсе и не имѣть этого похвальнаго сознанія о своемъ ничтожествѣ, о своемъ безпредѣльнѣйшемъ жалкомъ недостоинствѣ предъ Юліаномъ Мастаковичемъ. Смотря на дѣло обыкновеннымъ образомъ, онъ сказалъ бы просто: «ну, что же дѣлать,—не успѣлъ; обстоятельства такія вышли»,—и остался бы довольно спокоенъ. А много ли найдемъ людей въ положеніи Васи, которые бы способны были къ такой храбрости? Большая часть, проникнутая сознаніемъ своего безсилія и величіемъ начальнической милости,—съ трепетомъ возится за его порученіемъ, и хоть не сходитъ съ ума, но сколько выдерживаетъ опасеній, сомнѣній, сколько тяжелыхъ часовъ переживаетъ, ежели что-нибудь не сдѣлается, или сдѣлается не совсѣмъ такъ, какъ поручено... И все это вѣдь не изъ-за дѣла (до котораго Васѣ и всякому другому подобному ни малѣйшей нужды нѣтъ), а именно изъ-за того, какъ взглянутъ, что скажутъ,—изъ-за того, что отъ этого взгляда жизнь Васи зависитъ, въ этомъ словѣ вся его участь можетъ заключаться.

[Говорятъ, отрадно человѣку имѣть за собою кого-нибудь, кто о немъ заботится, за него думаетъ и рѣшаетъ, всю его жизнь, всѣ его поступки и даже мысли устраиваетъ. Говорятъ, это такъ согласно съ естественной инерціей человѣка, съ его потребностью отдаваться кому-нибудь беззавѣтно, поставить для души какой-нибудь образецъ и владыку, въ волѣ котораго можно бы почивать спокойно. Все это очень можетъ быть справедливо въ извѣстной степени, и можетъ оправдываться даже исторіею. Но едва-ли это мнѣніе можетъ найти себѣ оправданіе въ тенденціяхъ современныхъ обществъ. Оттого ли, что общества новыхъ временъ вышли изъ состоянія младенчества, въ которомъ естественное чувство безсилія необходимо заставляетъ искать чужого покровительства; оттого ли, что прежніе, извѣстные намъ изъ исторіи покровители и опекуны обществъ часто такъ плохо оправдывали надежды людей, довѣрявшихъ имъ свою участь,—но только теперь общественныя тенденціи повсюду принимаютъ болѣе мужественный, самостоятельный характеръ. Высокія добродѣтели слѣпой, безумной преданности, безусловнаго довѣрія къ авторитетамъ, безотчетной вѣры въ чужое слово — становятся все рѣже и рѣже; мертвенное подчиненіе всего своего существа извѣстной формальной программѣ—и въ орденѣ іезуитовъ осталось уже едва-ли не на бумагѣ только. «Естественная человѣку инерція» признается уже какимъ-то отрицательнымъ качествомъ, въ родѣ способности воды замерзать; напротивъ] [1]) на первомъ планѣ стоитъ теперь *инціатива*, т.-е. способность человѣка самостоятельно, самому по себѣ, браться за дѣло,—и о достоинствахъ человѣка судятъ уже по степени присутствія въ немъ инціативы и по ея направленію. Все какъ-то стремится стать на свои ноги, и жить по милости другихъ считаетъ недостойнымъ себя. Такое измѣненіе тенденцій произошло въ обществахъ новыхъ народовъ Европы съ конца прошлаго столѣтія. Можемъ сказать, что измѣненіе это не миновало отчасти и насъ. [Не касаясь другихъ сферъ, недоступныхъ въ настоящее время нашему описанію], возьмемъ для примѣра хотя литературу. То ли она представляетъ теперь, что за полвѣка назадъ? Съ одной стороны, литература въ своемъ кругу — лицо самостоятельное, не ищущее *милостивцевъ* и не нуждающееся въ нихъ: только иногда, очень рѣдко, какой-нибудь стихотворецъ пришлетъ изъ далекой провинціи журнальному сотруднику водянистые стишки, съ просьбой о *протекціи* для помѣщенія ихъ въ такомъ-то журналѣ. Да эти чудаки большею частью оказываются людьми стараго вѣка, на склонѣ лѣтъ взыгравшими поэтическимъ вдохновеніемъ... Съ другой стороны посмотрите и на отношеніе публики къ литературѣ: недоступныхъ пьедесталовъ ужъ нѣтъ, непогрѣшимые авторитеты не признаются, мнѣніе, что «ужъ, конечно, это верхъ совершенства, если написано такимъ-то»,—вы едва-ли часто услышите; а отзывъ, что «это прекрасно потому, что такимъ-то одобрено»,— вѣроятно еще рѣже. Всякій, худо ли, хорошо ли, старается судить самъ, пускать въ ходъ собственный разумъ, и теперь самый обыкновенный читатель не затруднится отозваться, вовсе не съ чужого голоса, — что, напримѣръ, «Свои люди» Островскаго—безцвѣтны и не новы, «Первая любовь» Тургенева—пошлость, «Полемическія красоты» Чернышевскаго—нахальны до неприличія [2]) и т. п.

[1]) Но проходятъ времена, въ которыя натуральна была такая инерція,

[2]) Врядъ ли можно сомнѣваться, что Добролюбовъ, чистосердечно высказавшись объ Островскомъ и Тургеневѣ, неискренно уязвилъ Черны-

Другіе читатели выскажутъ опять, можетъ быть, мнѣнія совершенно противоположныя, и, расхваливъ «Первую любовь», назовутъ гнилью «Обломова»... Тѣ и другіе могутъ ошибаться; но все же это люди, говорящіе свое мнѣніе и не боящіеся того, что высказываютъ его о лицахъ уважаемыхъ, даровитыхъ, высоко поставленныхъ и признанныхъ въ литературѣ. Мы не станемъ говорить, что способствовало такому измѣненію въ читающей публикѣ, и даже согласимся, пожалуй, что на первый разъ это всеобщее разнузданіе литературныхъ сужденій произвело страшный сумбуръ: всякій поретъ дичь, какая только ему придетъ въ голову. Но вѣдь какъ же иначе и дѣлаются всѣ человѣческія дѣла? Вѣдь только Минерва вышла изъ головы Юпитера во всеоружіи, а наши земныя дѣла всѣ начинаются понемножку, съ ошибками и недостатками. Да чего вамъ лучше—сами-то гражданскія общества съ чего начались, какъ не со столпотворенія вавилонскаго?

Слѣдовало бы ожидать, что, при всеобщемъ стремленіи къ поддержанію своего человѣческаго достоинства, исчезнутъ и тѣ забитыя личности, которыхъ нѣсколько экземпляровъ взяли мы у г. Достоевскаго. Однакожъ, оглянитесь вокругъ себя — вы видите, что онѣ не исчезли, что герои г. Достоевскаго — явленіе вовсе не отжившее. Отчего же они такъ крѣпятся? Хорошо, что ли, имъ? Нѣтъ, мы видѣли, что никому изъ нихъ не приноситъ особеннаго счастья его забитость, безотвѣтность и отреченіе отъ собственной воли, отъ собственной личности. Замерло, что ли, въ нихъ все человѣческое? Нѣтъ, и не замерло. Мы нарочно прослѣдили четыре лица, болѣе или менѣе удачно изображенныхъ авторомъ, и нашли, что живы эти люди, и жива душа ихъ. Они тупѣютъ, забываются въ полуживотномъ снѣ, обезличиваются, стираются, теряютъ, повидимому, и мысль, и волю, и еще нарочно объ этомъ стараются, отгоняя отъ себя всякія навожденія мысли и увѣряя себя, что это не ихъ дѣло... Но искра Божья все-таки тлѣется въ нихъ, и никакими средствами, пока живъ человѣкъ, невозможно потушить ее. Можно стереть человѣка, обратить въ грязную ветошку, но все-таки гдѣ-нибудь, въ самыхъ грязныхъ складкахъ этой ветошки, сохранится и чувство, и мысль,—хоть и безотвѣтныя, незамѣтныя, но все же чувство и мысль...

«А что же въ нихъ, если они незамѣтны и безотвѣтны, — скажетъ читатель. — Все равно, значитъ, что ихъ и нѣтъ. И вотъ поэтому-то, вѣроятно, и продолжаютъ до сихъ поръ существовать эти несчастныя созданія, забитыя до степени грязной ветошки, о которую обтираютъ ноги».

Мало ли что незамѣтно, читатель,—незамѣтно потому, что не хотятъ замѣчать. Незамѣтно до поры до времени, но бываетъ такая пора, что все выходитъ наружу. Вѣдь вотъ г. Достоевскій нашелъ же возможность подсмотрѣть живую душу въ отупѣвшихъ, одеревенѣлыхъ чертахъ своихъ героевъ. А бываютъ такіе случаи, что «безотвѣтное» чувство, глубоко запрятанное въ человѣкѣ, вдругъ громко отзовется, и всѣ услышатъ его. Дѣло въ томъ, что въ человѣкѣ ничѣмъ не заглушимо чувство справедливости и правомѣрности; онъ можетъ смотрѣть безмолвно на всякія неправды, можетъ терпѣть всякія обиды безъ ропота, не выразить ни однимъ знакомъ своего негодованія; но все-таки онъ не можетъ быть нечувствителенъ къ неправдѣ, насколько ее видитъ и понимаетъ, все-таки въ душѣ его больно отзывается обида и униженіе, и терпѣнію даже самаго убитаго и трусливаго человѣка всегда есть предѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ человѣкѣ необходимо есть чувство любви; всякій имѣетъ кого-нибудь, дорогого для себя, — друга, жену, дѣтей, родныхъ, любовницу. На нихъ примѣриваетъ онъ свое положеніе, ихъ сравниваетъ съ другими, объ ихъ довольствѣ думаетъ, и со стороны ему разсуждается вольнѣе и яснѣе. Себя, положимъ, Макаръ Алексѣичъ обрекъ на горькую долю и о себѣ не жалѣетъ: я ужъ, говоритъ, таковскій,—пусть мною всѣ помыкаютъ... и не доѣмъ-то я — не бѣда, и обидятъ-то меня—такъ не великъ баринъ. Но вотъ его чувство обращается на чистое, нѣжное существо, которое дѣлается ему всего дороже въ жизни, на Вареньку: онъ уже предается сожалѣнію о ея несчастіяхъ, находитъ ихъ незаслуженными, заглядываетъ въ кареты и видитъ, что тамъ барыни сидятъ все гораздо хуже Вареньки; ему уже приходятъ въ голову мысли о несправедливости судьбы, ему становится какъ-то враждебнымъ весь этотъ людъ, разъѣзжающій въ каретахъ и перепархивающій изъ одного великолѣпнаго магазина въ другой, словомъ, скрытая боль, накипѣвшая въ груди, подымается наружу и даетъ себя чувствовать. И бываетъ это вовсе не такъ рѣдко, какъ можно предполагать, не зная дѣла; бываетъ это тѣмъ чаще, что въ большинствѣ случаевъ человѣкъ загнанный и забитый бываетъ крайне стѣсненъ и въ матеріальномъ отношеніи, а

шевскаго: уже просто въ силу своихъ убѣжденій вообще и взгляда на разобранныхъ Чернышевскимъ журналистовъ, онъ долженъ былъ быть съ нимъ вполнѣ солидаренъ. Сосѣдство Чернышевскаго понадобилось здѣсь для рѣзкаго отзыва о «Первой любви», которую Добролюбовъ не одобрялъ уже и раньше.

между тѣмъ принужденъ бываетъ выполнять разныя общественныя условія. Макаръ Алексѣичъ сокрушается, что̀ скажутъ его превосходительство, увидѣвъ его плачевный вицъ-мундиръ, говоритъ, что пьетъ чай собственно для другихъ, до глубины души возмущается насмѣшкою департаментскаго сторожа, не давшаго ему щетки почистить шинель, подъ тѣмъ предлогомъ, что объ его шинель, казенную щетку можно испортить... Въ самомъ дѣлѣ, каково положеніе: поставленъ человѣкъ въ кругу другихъ, долженъ вести съ ними дѣло, быть одѣтымъ, какъ они, пить и ѣсть, какъ они, и въ то же время онъ лишенъ всякой возможности даже хоть подражаніе сносное устроить. Ужъ не говоря объ отличныхъ сапогахъ,—хоть бы какіе-нибудь сапоги, — такъ и тѣхъ нѣтъ; были одни, да и у тѣхъ подошвы отстали... Понятны трагическія восклицанія Макара Алексѣича: «пожалуй, и самъ я скажу, что не нужно его, малодушія-то; да при всемъ этомъ рѣшите сами, въ какихъ сапогахъ я завтра на службу пойду! Вотъ оно что̀, маточка; а вѣдь подобная мысль погубить человѣка можетъ, совершенно погубить». И мало ли людей страдающихъ и изнывающихъ въ подобныхъ заботахъ? А еще если есть любимое существо, если есть семейство? Сколько горя, сколько тоски самой прозаической, но оттого не меньше тягостной и ужасной! Средь этихъ-то заботъ чувствуетъ человѣкъ, до чего онъ униженъ, до чего онъ обиженъ жизнью; [тутъ-то посылаетъ онъ желчные укоры тому, на чемъ, повидимому, такъ сладостно покоится въ другое время, по изложенной выше философіи Макара Алексѣича]. И въ этомъ-то пробужденіи человѣческаго сознанія онъ всего болѣе заслуживаетъ наше сочувствіе, и возможностью подобныхъ сознательныхъ движеній онъ искупаетъ [ту противную, апатичную робость и безотвѣтность, съ которою всю жизнь подставляетъ себя чужому произволу и всякой обидѣ] [1]).

Но отчего же подобныя вспышки «Божьей искры» такъ слабы, такъ бѣдны результатами? Отчего пробужденное на мигъ сознаніе засыпаетъ снова такъ скоро? Отчего человѣческіе инстинкты и чувства такъ мало проявляются въ практической дѣятельности, ограничиваясь больше вздохами да пустыми мечтами?

Да оттого и есть, что у людей, о которыхъ мы говоримъ, ужъ характеръ такой. Вѣдь будь у нихъ другой характеръ, — не могли бы они и быть доведены до такой степени униженія, пошлости и ничтожества. Вопросъ, значитъ, о томъ, отчего образуются въ значительной массѣ такіе характеры, какія [общія] условія развиваютъ въ человѣческомъ обществѣ инерцію, въ ущербъ дѣятельности и подвижности силъ?

Можетъ быть, вина въ нашемъ національномъ характерѣ? Но вѣдь этимъ вопросъ не рѣшается, а только отдаляется: отчего же національный характеръ сложился такой, по преимуществу, инертный и слабый? Придется только рѣшеніе, вмѣсто настоящаго времени, перенести на историческую почву.

При томъ же это еще вопросъ спорный: вѣдь не мало кричатъ у насъ и о ширинѣ, и о размашистости русской натуры. Не произнесемъ своего сужденія о всемъ народѣ: мы имѣемъ въ виду лишь одинъ ограниченный кругъ его. Но признаться надобно — забавны восторги этой размашистостью, выражающеюся въ томъ, что иные господа парятся въ баняхъ, поддавая на каменку шампанское, другіе бьютъ посуду и зеркала въ трактирахъ, третьи—проводятъ всю жизнь въ псовой охотѣ, а въ прежнія времена такъ еще обращали эту охоту и на людей, зашивая мелкопомѣстныхъ лизоблюдовъ въ медвѣжьи шкуры и потомъ травя ихъ собаками... Этакая-то размашистость водится во всякомъ невѣжественномъ обществѣ, и вездѣ падаетъ съ развитіемъ образованія. Но гдѣ же наша размашистость въ кругу обыкновенныхъ людей, да и откуда ей взяться? Возьмите у насъ хоть незрѣлыхъ еще юношей, учащихся наукамъ: чего они ждутъ, какую себѣ цѣль предполагаютъ въ жизни? Вѣдь всѣ мечты большей части ограничены карьерой, вся цѣль жизни въ томъ, чтобы получше устроиться. Это несравненно рѣже встрѣчаете вы у другихъ народовъ Европы. Не говоря о французахъ, которые имѣютъ репутацію хвастунишекъ,—возьмите другихъ, хоть, напримѣръ, скромныхъ нѣмцевъ. Рѣдкій нѣмецкій студентъ не лелѣетъ въ душѣ какой-нибудь любимой идеи, — у нихъ все больше ударяются въ теорію,—какой-нибудь громадной мечты. Или онъ откроетъ новыя начала философіи и проложитъ новые пути для мысли; или радикально преобразуетъ существующіе педагогическіе методы, и послѣ него человѣчество будетъ воспитываться на новыхъ основаніяхъ; или онъ будетъ великимъ композиторомъ, поэтомъ, художникомъ... Наконецъ, если и угомонится онъ, сузятся его стремленія, рѣшится онъ быть учителемъ какой-нибудь сельской школы,—и тутъ онъ задаетъ себѣ вопросъ и думаетъ, какъ онъ будетъ учить, какъ пріобрѣтетъ расположеніе мальчиковъ и уваженіе общины, и т. п. Во всемъ этомъ вы видите что-то дѣятельное и самостоятельное: «я то-то сдѣлаю,— а что̀ я за это получу, ужъ тамъ само со-

[1]) свою противную апатичность.

бою слѣдуетъ»... Это не тотъ складъ размашистыхъ мечтаній, какъ, напр., у городничаго, мечтающаго, что его сдѣлаютъ генераломъ за то, что Хлестаковъ женится на его дочери... Мы взяли въ примѣръ нѣмца; возьмите, кого хотите другого, вездѣ вы найдете болѣе обширный размахъ воображенія, болѣе иниціативы въ самыхъ мечтахъ и планахъ, нежели у насъ. Англичанинъ, напр., вышедъ изъ школы и переставъ мечтать о томъ, чтобы быть Чатамомъ, Веллингтономъ или Байрономъ, начинаетъ, положимъ, строить планы обогащенія. Это, конечно, и у насъ возбуждаетъ мечты многихъ. Но какая же разница и въ средствахъ, и въ размѣрахъ! Наши мечтатели о богатствѣ большею частью ухватываются за рутинныя средства, берутъ то, что̀ подъ рукою и что̀ плохо лежитъ, и нерѣдко останавливаются на достиженіи всевозможнаго комфорта. Между тѣмъ англичанинъ въ своихъ соображеніяхъ — изобрѣтетъ нѣсколько машинъ, переѣдетъ нѣсколько разъ всѣ океаны, оснуетъ нѣсколько колоній, устроитъ нѣсколько фабрикъ, сдѣлаетъ нѣсколько громадныхъ оборотовъ и затмитъ собою всѣхъ Ротшильдовъ... И что̀ всего важнѣе, — онъ вѣдь пойдетъ исполнять свою задачу, и хоть половину не выполнитъ, но кое-чего все-таки достигнетъ... То же надо сказать и о французахъ: мы напрасно такъ ужъ наповалъ и осуждаемъ ихъ, какъ пустозвоновъ. Нѣтъ, и они исполняютъ по временамъ задачи не маленькія, и во всякомъ случаѣ размахъ у нихъ шире нашего. Мы вонъ возимся надъ какимъ-нибудь энциклопедическимъ словаремъ [1]), [надъ какими-нибудь измѣненіями въ паспортной или акцизной системѣ...] А они — «составимъ, говорятъ, энциклопедію» — и составили,—не чета нашей; [«издадимъ, говорятъ, совсѣмъ новый кодексъ»—и издали тотчасъ; «отмѣнимъ то и другое въ нашей жизни» — и отмѣнили] [2]). Даже въ нынѣшнемъ, [опошленномъ и униженномъ] французскомъ обществѣ, все-таки, въ строѣ разговора, въ поведеніи каждаго француза, вы замѣчаете еще довольно широкія замашки. [Тамъ вы слышите: при встрѣчѣ съ Ламорисьеромъ, я ему скажу, что онъ поступилъ безчестно; въ другомъ мѣстѣ: у меня почти готова записка императору относительно его итальянской политики; въ третьемъ: нѣтъ, я напишу Персиньи, что такія мѣры не годятся,—и пр. въ такомъ родѣ... Вы] видите, что человѣкъ считаетъ себя чѣмъ-то, даетъ себѣ трудъ судить и спорить, [и никакъ не хочетъ безусловно повергаться въ прахъ предъ каждымъ словомъ хоть бы Moniteur'a]. Правда, что онъ ничего серьезнаго большею частью не дѣлаетъ, но по крайней мѣрѣ духомъ не падаетъ и не предается тому робкому, безнадежному чувству безсилія, при которомъ «обращается человѣкъ въ грязную ветошку».

[А почему у насъ это «обращеніе въ ветошку» такъ легко и удобно,—объ этомъ проницательный читатель не ждетъ, конечно, отъ насъ рѣшительныхъ объясненій: для нихъ еще время не пришло] [1]). Приведемъ лишь нѣсколько самыхъ общихъ чертъ, на которыя находимъ указанія даже прямо въ произведеніяхъ автора, по поводу котораго намъ представляются всѣ эти вопросы.

Прежде всего, припомните, что̀ говоритъ Макаръ Алексѣичъ, когда избытокъ тоски вызываетъ изъ глубины души его нѣсколько смѣлыхъ сужденій. «Знаю, что это грѣшно... Это вольнодумство... Грѣхъ мнѣ въ душу лѣзетъ»... Вы видите, что самая мысль его связана суевѣрнымъ ужасомъ грѣха и преступленія. И кто же изъ насъ не знаетъ происхожденія этого суевѣрнаго страха? Какой отецъ, отпуская дѣтей своихъ въ школу, училъ ихъ надѣяться только на себя и на свои способности и труды, ставить выше всего науку, искать только истиннаго знанія и въ немъ только видѣть свою опору, и т. п.? Напротивъ, не говорили ли всякому изъ насъ: «старайся заслужить вниманіе начальства, будь смирнѣе, исполняй безпрекословно, что̀ тебѣ прикажутъ, не умничай. Ежели захочешь умничать, такъ и изъ праваго выйдешь неправымъ: начальство не полюбитъ, — что̀ тогда выйдетъ изъ тебя? Пропадешь»... Въ такихъ началахъ, въ такихъ внушеніяхъ мы выросли. Насъ съ дѣтства наши кровные родные старались пріучить къ мысли о нашемъ ничтожествѣ, о нашей полной зависимости отъ взгляда учителя, гувернера и вообще всякаго высшаго по положенію лица. Припомните, какъ часто случалось вамъ слышать отъ домашнихъ: «молодецъ, тебя учитель хвалитъ», или наоборотъ: «скверный мальчишка, — начальство тобою недовольно»,—и при этомъ не принималось никакихъ объясненій и оправданій. А часто ли случалось вамъ слышать, чтобы васъ похвалили за какой-нибудь самостоятельный поступокъ, чтобы сказали даже просто: «молодецъ, ты вотъ это дѣло очень хорошо изучилъ и можешь его дальше повести», или что-нибудь въ этомъ родѣ?

---

[1]) Рѣчь идетъ о словарѣ, издававшемся Краевскимъ.

[2]) Такъ и во всемъ...

---

[1]) А чтобы объяснить, почему у насъ это «обращеніе въ ветошку» такъ легко и удобно,

Такимъ образомъ направленные съ дѣтства, какъ мы вступаемъ въ дѣйствительную жизнь? Не говорю о богачахъ и баричахъ; до тѣхъ намъ дѣла нѣтъ; мы говоримъ о бѣдномъ людѣ средняго класса. Нѣкоторые и по окончаніи ученическаго періода не выходятъ изъ-подъ крыла родительскаго; за нихъ просятъ, кланяются, подличаютъ, велятъ и имъ кланяться и подличать, выхлопатываютъ мѣстечко, нерѣдко теплое... Подобные птенцы имѣютъ шансы дойти до степеней извѣстныхъ. Но огромное большинство бѣдняковъ, не имѣющихъ ни кола, ни двора, не знающихъ, куда преклонить голову,—что дѣлаетъ это большинство? По необходимости тоже подличаетъ и кланяется, и выкланиваетъ себѣ на первый разъ возможность жить безбѣдно гдѣ-нибудь въ углу на чердакѣ, тратя по двугривенному въ день на свое пропитаніе, — да и это еще по чьей-нибудь милости, потому что, собственно говоря, нужды въ людяхъ нигдѣ у насъ не чувствуется, да и сами эти люди не чувствуютъ, чтобъ они были на что-нибудь нужны... Замѣтьте, что вѣдь у насъ, если человѣкъ мало-мальски чему научился, то ему нѣтъ другого выхода, кромѣ какъ въ чиновники. Въ послѣднее время всякій, обученный до степени кое-какого знанія, хотя одного иностраннаго языка, норовитъ сыскать себѣ средства къ жизни посредствомъ литературы; но литература наша тоже наводнена всякаго рода претендентами и не можетъ достаточно питать ихъ. Поневолѣ опять обращается цѣлая масса людей ежегодно къ чиновнической дѣятельности, и поневолѣ терпитъ все, сознавая свою ненужность и коренную безполезность. Болѣзненное чувство господина Прохарчина, что вотъ онъ сегодня нуженъ, завтра нуженъ, а послѣ завтра можетъ и ненужнымъ сдѣлаться, какъ и вся его канцелярія, — одно это чувство объясняетъ намъ достаточную долю той покорности и кротости, съ которою онъ переноситъ всѣ обиды и всѣ тяготы своей жизни.

Да и какъ же быть иначе? Гдѣ взять силъ и рѣшимости [для противодѣйствія? Будь еще дѣло между личностями, одинъ на одинъ, — тогда бы, можетъ быть, раздраженное человѣческое чувство выказалось сильнѣе и рѣшительнѣе; а вѣдь тутъ и личностей-то нѣтъ никакихъ, кромѣ неповинныхъ, потому что не свою волю творятъ] [1]). Мы видѣли даже, что начальникъ Макара Алексѣича, напримѣръ, — благодѣтельное лицо Юліанъ Мастаковичъ,—очень милый человѣкъ... Кто же тѣснитъ и давитъ Макара Алексѣича? Обстоятельства! А что дѣлать противъ обстоятельствъ, [когда они сложились такъ прочно и неизмѣнно, такъ неразлучны съ нашимъ порядкомъ, съ нашей цивилизаціей?] Ихъ громадность въ состояніи подавить и не одного Макара Алексѣича, который сознается: «случается мнѣ рано утромъ, на службу спѣша, заглядѣться на городъ, какъ онъ тамъ пробуждается, встаетъ, дымится, кипитъ, гремитъ,—тутъ иногда предъ такимъ зрѣлищемъ такъ умалишься, что какъ будто бы щелчекъ какой получилъ отъ кого-нибудь по любопытному носу, да и поплетешься, тише воды, ниже травы, своею дорогою, и рукой махнешь!»... Подобное же впечатлѣніе производятъ чудеса современной цивилизаціи, нагроможденныя въ Петербургѣ, на Аркадія, друга Васи Шумкова. Но ужъ мы не станемъ его здѣсь выписывать...

Да, человѣкъ поглощается и уничтожается общимъ впечатлѣніемъ того громаднаго механизма, котораго онъ не въ состояніи даже обнять своимъ разсудкомъ. Подобно древнему язычнику, падавшему ницъ предъ невѣдомыми, грандіозными явленіями природы, падаетъ нынѣшній смертный предъ чудесами высшей цивилизаціи, которая хоть и тяжко отзывается на немъ самомъ, но поражаетъ его своими гигантскими размѣрами. Тутъ уже нѣтъ рѣчи о борьбѣ, тутъ и для характеровъ болѣе сильныхъ возможно только безплодное раздраженіе, желчныя жалобы и отчаяніе. Возьмите хоть опять послѣдній романъ г. Достоевскаго. Вотъ, напримѣръ, сильный, горячій характеръ маленькой Нелли; но, посмотрите, какъ она поставлена, и можетъ ли ей въ этой обстановкѣ придти хоть малѣйшая мысль о борьбѣ—постоянной и правильной? Ея мать умерла, задолжавъ Бубновой; ей нечѣмъ похоронить; Нелли осталась безпомощна, беззащитна. Бубнова беретъ ее къ себѣ и вступаетъ, разумѣется, надъ нею во всѣ права воспитательницы и госпожи. Ее бьютъ, мучатъ и тиранятъ всячески, что же съ этимъ дѣлать? Бубнова—ея благодѣтельница, и не будь она, такъ другая на ея мѣстѣ могла бы дѣлать то же самое... Нелли даже злобно рада своимъ побоямъ: она считаетъ ихъ уплатою за кусокъ хлѣба и за отрепье, какое даетъ ей Бубнова. Но ей тяжко другое: она видитъ, къ чему ее готовитъ Бубнова, ей и обидно, и страшно, и горько... Но опять—что же она сдѣлаетъ? Вѣдь не зарѣзать же Бубнову? А убѣжать отъ нея—куда убѣжишь, чтобы не нашли? И вотъ она продана, и избавляется слу-

[1]) тѣмъ больше, что и виноваты здѣсь не отдѣльные люди.

чайнымъ образомъ, когда уже надъ нею готово совершиться мерзкое преступленіе... Затѣмъ—она знаетъ, что она дочь, законная дочь князя. Но что̀ же изъ этого? Нужны документы, у нея ихъ нѣтъ; нужно быть юристомъ, чтобы затѣять дѣло, да и то у князя есть деньги и связи подѣйствительнѣе всѣхъ юристовъ... Бѣдная Нелли хоть и попадаетъ подъ конецъ къ добрымъ людямъ, но ее постоянно возмущаетъ чувство, что она живетъ у чужихъ людей изъ милости...

Ну, да это, положимъ, ребенокъ. Возьмемъ изъ того же романа другое лицо — Ихменева. Это характеръ крѣпкій, но крѣпкій не на борьбу, а на упорство въ раздраженіи. Свой гнѣвъ, свою горечь онъ изливаетъ то на безотвѣтную жену, то на дочь, которую страстно любитъ, но тѣмъ не менѣе проклинаетъ нѣсколько разъ. Отчего онъ всю силу свою не употребитъ прямо куда слѣдуетъ, — противъ своего обидчика—князя?.. Да онъ бы и желалъ этого болѣе всего на свѣтѣ; но въ дѣлахъ съ княземъ надо соблюдать установленныя церемоніи и условія. Затѣянъ процессъ — ну, и идетъ онъ неспѣшно, годами, по заведенному порядку кончается въ пользу князя,—сколько ни апеллируй—все въ его пользу... Приходится платить, продавать съ аукціона Ихменевку... Вѣдь знаетъ и чувствуетъ старикъ, что это несправедливо, оскорбительно, безсовѣстно, но какъ же это передѣлаешь? [И въ чемъ тутъ сила? Даже и не въ князѣ] хоть убей Ихменевъ князя, а деревню его все-таки продадутъ... [Да и убить-то князя нельзя: онъ такъ хорошо огражденъ!] Ихменевъ возымѣлъ-было это намѣреніе, узнавъ, что князь сказалъ одному чиновнику, что «вслѣдствіе нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ» хочетъ возвратить старику штрафныя съ него 10 тысячъ. Это значило назначить плату за безчестье его дочери. Старикъ расходился и рѣшилъ вызвать князя на дуэль. Вотъ разсказъ Ивана Петровича объ успѣхахъ его попытки.

«Отъ меня онъ кинулся прямо къ князю, не засталъ его дома и оставилъ ему записку: въ запискѣ онъ писалъ, что знаетъ о словахъ его, сказанныхъ чиновнику, что считаетъ ихъ себѣ смертельнымъ оскорбленіемъ, а князя низкимъ человѣкомъ, и вслѣдствіе всего этого вызываетъ его на дуэль, предупреждая при этомъ, чтобъ князь не смѣлъ уклоняться отъ вызова, иначе будетъ обезчещенъ публично.

«Анна Андреевна разсказывала мнѣ, что онъ воротился домой въ такомъ волненіи и разстройствѣ, что даже слегъ. Съ ней былъ очень нѣженъ, но на разспросы ея отвѣчалъ мало, и видно было, что онъ чего-то ждалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. На другое утро пришло по городской почтѣ письмо; прочтя его, онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову. Анна Андреевна обмерла отъ страха. Но онъ тотчасъ же схватилъ шляпу, палку и выбѣжалъ вонъ.

«Письмо было отъ князя. Сухо, коротко и вѣжливо онъ извѣщалъ Ихменева, что въ словахъ своихъ, сказанныхъ чиновнику, онъ никому не обязанъ никакимъ отчетомъ, что хотя онъ очень сожалѣетъ Ихменева за проигранный процессъ, но, при всемъ своемъ сожалѣніи, никакъ не можетъ найти справедливымъ, чтобъ проигравшій въ тяжбѣ имѣлъ право, изъ мщенія, вызывать своего соперника на дуэль; что же касается до «публичнаго безчестія», которымъ ему грозили, то князь просилъ Ихменева не безпокоиться объ этомъ, потому что никакого публичнаго безчестія не будетъ, да и быть не можетъ, что письмо его немедленно будетъ представлено, куда слѣдуетъ, и что предупрежденная полиція навѣрно въ состояніи принять надлежащія мѣры къ обезпеченію порядка и спокойствія.

«Ихменевъ, съ письмомъ въ рукѣ, тотчасъ же бросился къ князю. Князя опять не было дома; но старикъ успѣлъ узнать отъ лакея, что князь теперь вѣрно у графа N. Долго не думая, онъ побѣжалъ къ графу. Графскій швейцаръ остановилъ его, когда онъ уже подымался на лѣстницу. Взбѣшенный до послѣдней степени, старикъ ударилъ его палкой. Тотчасъ же его схватили, вытащили на крыльцо и передали полицейскимъ, которые препроводили его въ часть. Доложили графу. Когда случившійся тутъ князь объяснилъ честолюбивому старичку, что это тотъ самый Ихменевъ, отецъ той самой Натальи Николаевны (а князь не разъ прислуживалъ графу по *этимъ дѣламъ*), то вельможный старичокъ только засмѣялся и перемѣнилъ гнѣвъ на милость; сдѣлано было распоряженіе отпустить Ихменева на всѣ четыре стороны; но выпустили его только на третій день, при чемъ (навѣрно по распоряженію князя) объявили старику, что самъ князь упросилъ графа его помиловать.

«Старикъ воротился домой, какъ безумный, бросился на постель и цѣлый часъ лежалъ безъ движенія, наконецъ приподнялся и, къ ужасу Анны Андреевны, объявилъ торжественно, что *на вѣки* проклинаетъ дочь и лишаетъ ее своего родительскаго благословенія.

«Анна Андреевна пришла въ ужасъ, но надо было помогать старику, и она, сама

чуть не безъ памяти, весь этотъ день и почти всю ночь ухаживала за нимъ, примачивая ему голову уксусомъ, обкладывая льдомъ. Съ нимъ былъ жаръ и бредъ».

Вотъ вамъ и все. [Не въ князѣ тутъ сила, а въ томъ, что каковъ бы онъ ни былъ, онъ всегда огражденъ отъ всякой попытки Ихменевыхъ и т. п.—своимъ экипажемъ, швейцаромъ, связями, наконецъ даже полицейскимъ порядкомъ, необходимымъ для охраненія общественнаго спокойствія].

Такъ, стало быть, положеніе этихъ несчастныхъ, забитыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ людей совсѣмъ безвыходно? Только имъ и остается, что молчать и терпѣть, да, обратившись въ грязную ветошку, хранить въ самыхъ дальныхъ складкахъ ея свои безотвѣтныя чувства?

Не знаю, можетъ быть, и есть выходъ; [но, во всякомъ случаѣ, вы были бы наивны, читатель, если бы ожидали отъ меня подробныхъ разъясненій по этому предмету. Пробовалъ я когда-то начинать подобныя объясненія, но никогда не доходили они, какъ слѣдуетъ, до своего назначенія. Теперь ужъ и писать не стану. Да и вообще—неужели вы, читатель, до сихъ поръ не замѣтили, что] [1]) мы съ нашею литературою все повторяемъ только зады. Произвела жизнь наша, много лѣтъ тому назадъ, извѣстный разрядъ личностей; лѣтъ двадцать тому назадъ художники ихъ примѣтили и описали; теперь критикѣ опять пришлось обратиться къ разбору произведеній одного изъ этихъ художниковъ; вотъ она сгруппировала, съ картинъ художника, нѣсколько личностей, кое-что обобщила, сдѣлала кое-какіе выводы и замѣчанія... И вотъ все, что̀ покамѣстъ мы можемъ. Мы нашли, что забитыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ личностей у насъ много въ среднемъ классѣ, [что имъ тяжко и въ нравственномъ, и въ физическомъ смыслѣ], что, несмотря на наружное примиреніе съ своимъ положеніемъ, они чувствуютъ его горечь, [готовы на раздраженіе и протестъ], жаждутъ выхода... [Но тутъ и кончается предѣлъ нашихъ наблюденій]. Гдѣ этотъ выходъ, [когда и какъ] — это должна показать сама жизнь. Мы только стараемся идти за нею и представлять для людей, которые не любятъ или не умѣютъ слѣдить сами за ея явленіями, то или другое изъ общихъ положеній дѣйствительности. Берите же, пожалуй, [фактъ, намекъ или указаніе], сообщенное въ печати, какъ матеріалъ для вашихъ соображеній; но, главное, слѣдите за непрерывнымъ, стройнымъ, могучимъ, ничѣмъ несдержимымъ теченіемъ жизни, и будьте живы, а не мертвы... Со времени появленія Макара Алексѣича съ братіею жизнь уже сдѣлала многое, [только это многое еще не формулировано]. Мы замѣтили, между прочимъ, общее стремленіе къ возстановленію человѣческаго достоинства [и полноправности во всѣхъ и каждомъ]. Можетъ быть, здѣсь уже и открывается выходъ изъ горькаго положенія загнанныхъ и забитыхъ, [конечно, не ихъ собственными усиліями, но при помощи характеровъ, менѣе подвергшихся тяжести подобнаго положенія, убивающаго и гнетущаго. И вотъ этимъ-то людямъ, имѣющимъ въ себѣ достаточную волю иниціативы, полезно вникнуть въ положеніе дѣла, полезно знать] [1]), что большая часть этихъ забитыхъ, которыхъ [они] считали, можетъ быть, пропавшими и умершими нравственно, — все-таки крѣпко и глубоко, хотя и затаенно даже для себя самихъ, хранитъ въ себѣ живую душу и [вѣчное, неисторжимое никакими муками] сознаніе своего человѣческаго права на жизнь и счастье.

---

429. * * *

Напечатано Н. В. Гербелемъ въ его «Русскихъ поэтахъ» съ рукописи, подаренной ему самимъ авторомъ. Вѣроятно, все чаще и чаще думая о смерти, Добролюбовъ оглядывался на свое прошлое и, съ свойственнымъ всѣмъ чахоточнымъ преувеличеннымъ горькимъ чувствомъ, испытывалъ муки отъ будто бы безплодно прожитой жизни.

М. Л.

Силъ молодецкихъ размахи широкіе,
Я никогда васъ не зналъ:
Съ первыхъ лѣтъ дѣтства усвоилъ уроки я
Смиренно-мудрыхъ началъ.
Только и зналъ, что корпѣлъ все надъ книжками,
Горбясь да портя глаза.
Если ругнетъ кто, бывало, мальчишкою—
Такъ и прохватитъ слеза.
Гордо смотрѣлъ я на шалости сверстниковъ,

[1]) , но едва-ли литература можетъ указать его.

[1]) потому

Бѣгалъ ихъ игръ молодыхъ:
Все добивался быть въ роли наперсниковъ
У резонеровъ сѣдыхъ.
Старцы мой умъ и степенность прославили;
Въ школѣ все первымъ я былъ;
Дѣтямъ знакомыхъ въ примѣръ меня ставили—
Какъ я послушенъ и милъ.
Сами товарищи местью обычною
Мнѣ не хотѣли платить:
Видно, фигуру такую приличную
Было неловко дразнить.

430. * * *

Напечатано въ первомъ собраніи сочиненій и, несомнѣнно, относится къ послѣднему времени болѣзни и страданій. Добролюбова раздражало вниманіе друзей и знакомыхъ; по недовѣрчивости и подозрительности больного, онъ не вѣрилъ искренности испытывавшагося ими горя, и все видѣлъ въ нихъ одно лишь состраданье, котораго по гордости не переносилъ.

М. Л.

Васъ страшитъ мой видъ унылый.
Такъ и ждете: вотъ застонетъ,
Рѣчью жалкой и постылой
Всю веселость въ насъ прогонитъ.
И ко мнѣ, полны вниманья,
Съ свѣтлой лаской вы спѣшите,
Льстясь надеждой, что стенанья
Добротой предупредите.

Такъ мы нищему калѣкѣ
Быстро суемъ подаянье,
Чтобъ онъ выгнившія вѣки
Не рванулъ на показанье;
Чтобъ изломанныя ноги
Не вывертывалъ предъ нами
И не застилъ намъ дороги
Оструплеными руками.
Но не бойтеся: я не нищій,—
Спрячьте ваше подаянье:
Я гнушаюсь сладкой пищей,
Полной яда состраданья.

431. * * *

Напечатано въ первомъ собраніи сочиненій и писано не задолго до смерти. Къ кому обращено это чисто личное стихотвореніе? Конечно, не къ Чернышевскому, котораго Добролюбовъ ставилъ гораздо выше своихъ завѣщаній. Вѣроятно,—къ одному изъ товарищей по педагогическому институту: Бордюгову, Шемановскому и др. Мнѣ приходилось слышать удивленіе, что Н. А., такъ не любившій самовеличанія, вдругъ самъ говоритъ о своей честности, а еще болѣе, подражая Пушкину,—объ извѣстности потомству. Для людей, недостаточно глубоко знакомыхъ съ психологіей этого человѣка, здѣсь, дѣйствительно, есть почва для удивленія. Но развѣ не ясно, что, говоря о честности, какъ причинѣ смерти, Н. А., не боясь быть непонятымъ другомъ, подразумѣвалъ всю тяжесть своей честной работы на благо общества, доведшей его до быстраго и непоправимаго истощенія силъ? Вѣдь на это ему указывали всѣ окружавшіе, убѣждая не убиваться надъ работой? Отсюда же проистекала надежда, что не даромъ же все это писалось и говорилось при постоянныхъ поощреніяхъ со стороны многихъ единомышленниковъ. Неумѣстное на глазахъ постороннихъ бываетъ вполнѣ умѣстно въ интимной бесѣдѣ съ близкимъ человѣкомъ...

М. Л.

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но зато родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

432. („Къ Свистку“).

Напечатано въ первомъ изданіи собранія сочиненій. «Свистокъ» готовился, еще безъ Добролюбова, ко многимъ книжкамъ 1861 года, потомъ, уже при Н. А.—къ сентябрьской и т. д.,—но такъ и не появлялся ни разу въ 1861 году послѣ января: ужъ очень онъ былъ не ко двору нарождавшейся реакціи и всегда очень хорошо предвидѣвшей ее цензурѣ. Печатаемое здѣсь вступленіе осталось недоконченнымъ, но и въ такомъ видѣ оно очень ясно показываетъ, какая разница произошла въ настроеніи русскаго общества за время январь—сентябрь 1861 года: оно уже было не въ состояніи предъявлять какія-нибудь требованія и дѣлать ясное заявленіе о своихъ потребностяхъ; передъ обществомъ стояло польское возстаніе,—«такъ не вò-время разбившее реформенный маршъ благожелательно настроеннаго правительства, достаточно обнаружившаго себя актомъ 19 февраля 1861 года»,—какъ выражаются «историки» того времени à la Джаншіевъ и tutti quanti.

Вторая часть, начинающаяся такъ, что явно отсутствіе еще какихъ-то строкъ, написана была тогда же, а не въ другое время. Она тоже не закончена. Въ сентябрѣ, однако, «Свистокъ» не вышелъ, и часть его матеріаловъ была использована позже, въ январѣ 1862 года.

М. Л.

Въ началѣ августа вернулся я домой
Изъ слишкомъ годовой отлучки заграничной
И тотчасъ встрѣченъ былъ знакомою толпой—
Редакціей «Свистка», съ мольбой ея обычной.
«Стишковъ, о, нашъ поэтъ! Пожалуйста стишковъ.
«Украсьте нашъ «Свистокъ» своей высокой лирой
«Иль пробудите вновь волненіе умовъ
«Своею острою и мѣткою сатирой!»
—Помилуйте, друзья: я долго жилъ вдали,—
Сказалъ я имъ въ отвѣтъ:—отвыкъ отъ вашихъ нравовъ,
Я такъ имъ чуждъ теперь, какъ напримѣръ въ пыли
Архивной тлѣющій профессоръ Тихонравовъ.
Едва пріѣхавъ, что̀ жъ могу сказать я вамъ
О тѣхъ стремленіяхъ, какія васъ волнуютъ?
Мнѣ должно наблюдать, я долженъ видѣть самъ:
Что̀ нынѣ здѣсь въ ходу, и что̀ теперь бичуютъ;
Какими новыми идеями умы
Проникнуты теперь въ святой моей отчизнѣ,
На европейскія дѣла какъ смотримъ мы?
И какъ устроились мы въ нашей русской жизни?
«Ха-ха-ха-ха-ха-ха!»... мнѣ дружный былъ отвѣтъ...
Мнѣ бросилась въ лицо пурпуровая краска...
Но скоро понялъ я, что тутъ обиды нѣтъ,—
А просто предо мной свершилась свистопляска.

Я, однакоже, счелъ болѣе приличнымъ говорить съ ними прозой.

— Чѣмъ же вы такъ утѣшаетесь,—спросилъ я:—вѣдь я еще не обѣщалъ вамъ моихъ стихотвореній.

Тонкій намекъ былъ понятъ, и буйная свистопляска начала извиняться. Но когда одинъ изъ редакторовъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ объясненіе своего смѣха, то едва онъ выговорилъ: «вы предполагаете», — какъ опять кто-то фыркнулъ и за нимъ вся компанія. Раза три такъ было: передышатся, получатъ способность произносить болѣе или менѣе членораздѣльные звуки, но какъ только перейдутъ къ тому, что̀ я имъ сказалъ,—какъ опять не могутъ удержаться, опять хохотъ повальный минутъ на десять. Я уже начиналъ терять терпѣніе, находя, что я-то между ними въ чрезвычайно глупомъ положеніи, совершенно какъ, напримѣръ, какой-нибудь постоянный сотрудникъ «Русскаго Вѣстника» въ толпѣ читателей «Современника», только-что получившихъ книжку его со «Свисткомъ». Хохочутъ, шумятъ, а надъ чѣмъ—неизвѣстно. Думаешь, не надо мной ли? Да нѣтъ, съ какой стати? Я человѣкъ почтенный... А впрочемъ, они почтенныхъ-то еще больше задираютъ... И опять думаешь: не надо мной ли? Не обидѣться ли? Да и то думаешь: какъ бы хуже не было?... А можетъ еще не надо мной.

Наконецъ добился я объясненій: рыцарямъ свистопляски показалось, изволите видѣть, въ такой высокой степени смѣшнымъ мое мнѣніе, что, давно не бывши въ Россіи, я отсталъ отъ нашихъ обществен-

ныхъ требованій и интересовъ. Имъ это показалось въ такой же степени забавно, какъ мнѣ было бы забавно, напр., если бы г. Катковъ объявилъ серьезно: «долгое время не занимавшись философіею, я отсталъ отъ современныхъ научныхъ взглядовъ и не могу судить о статьяхъ г. Антоновича». Они сначала приняли слова мои за шутку, но потомъ, увидавъ, что я говорю серьезно, такъ и покатились...

А наблюденія привели насъ прямо къ мысли, что не только вообще «Свистокъ» понадобился, оказался необходимымъ въ журналахъ, но что именно такой «Свистокъ», какого рыцарями состояли мы. Въ балаганныхъ отдѣлахъ всѣхъ журналовъ мы замѣтили сильнѣйшее подражаніе, или, лучше сказать желаніе подражать нашему «Свистку»,—потому что—мы не можемъ скрыть истины—подражаніе вообще не удавалось. Напримѣръ, «Свистокъ» состоялъ всегда изъ прозы и стиховъ: Темный человѣкъ, Ненужный человѣкъ и праздношатающіеся тоже усиливались кропать стишки, въ подражаніе «Свистку» [1]). Что писали они свои стихи не по вдохновенію, а единственно изъ подражанія, это уже видно изъ того, что, напримѣръ, ни Темный человѣкъ, ни Праздношатающійся писать стиховъ рѣшительно не умѣютъ, и, какъ видно, убиваются надъ ними страшно, ломая и смыслъ, и удареніе, и размѣръ подчасъ. Отъ прошлаго мѣсяца, напримѣръ, осталось у насъ въ памяти два стиха:

«Здѣсь мажетъ домъ повѣшенный
На воздухѣ маляръ».

Согласитесь, что надо ужъ очень хотѣть, вопреки своей природѣ, вклеить въ свою болтовню стихотвореньице, чтобы допустить столь двусмысленные стихи...

А вотъ сейчасъ принесли «Русское Слово». Что̀ тамъ? Опять надъ стихами мучится «Темный человѣкъ»! Этотъ имѣетъ даже претензіи на оригинальныя риѳмы, которыя такъ удаются Конраду Лиліеншвагеру [1]), и что̀ же у него выходитъ:

«Все передъо перой волнуется;
Тамберликъ войдетъ лишь въ дверь,
Рукоплещутъ всѣ въ поту лица.
Самой модной стала улица
Итальянская теперь».

Замѣтьте, что *волнуется* тоже риѳмуетъ съ *улица,* какъ и въ *поту лица*... А то еще мы встрѣтили риѳму; *совѣтницей замѣтятся*... Видно, что у «Темнаго человѣка» охота смертная, да участь горькая... И по всей вѣроятности, сочиняя свои стихи, онъ проклинаетъ «Свистокъ», который ввелъ въ моду обычай—вдохновляться иногда среди прозаической рѣчи...

Но «Свистокъ» нашъ—поэтъ, творецъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, а эти господа—несчастные Вагнеры свистопляски... Мы теперь не колеблемся назвать ихъ Вагнерами потому, что «Свистокъ» возвышенъ на степень самостоятельной науки и въ то же время высокаго искусства: толпы подражателей дали намъ самимъ почувствовать, сколько было творческаго въ его геніальной простотѣ и непринужденности...

Вы ужъ одно то возьмите: онъ былъ свободенъ и не подчиненъ никакимъ человѣческимъ разсчетамъ: являлся онъ, когда хотѣлъ, пропадалъ, когда ему вздумается. Вы не знали, что его вызоветъ: когда ему не хотѣлось выходить, онъ оставлялъ безъ вниманія—и юбилей князя Вяземскаго [2]), и безобразный поступокъ «Вѣка» [3]), и протестъ московскихъ профессоровъ противъ г. Аскоченскаго[4]), и даже такія вещи, которыя прямо къ нему были близки... А иной разъ появлялся такъ себѣ, безъ всякаго особеннаго повода. Вотъ и теперь: вы думаете, конечно, что его вызвала ревизія дѣлъ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ, открывшая столько забавнаго и диковиннаго? Или, еще, скорѣе полемика съ «Отечественными Записками»? Чего добраго, вы подумаете, что и выходъ книжки за тѣмъ задержали, чтобъ успѣть тотчасъ же отвѣчать гг. Альбертини, Бестужеву-Рюмину,

---

[1]) Эти строки надо принять совершенно серьезно. Русская журналистика позже увидѣла то, что̀ раньше было уже ясно Добролюбову: нельзя говорить серьезно о многихъ явленіяхъ жизни, необходимо бичевать ихъ сатирой и насмѣшкой. «Русское Слово» ввело отдѣлъ—«Замѣтки Темнаго человѣка» (Д. Д. Минаева), «Отеч. Записки»—«Записки праздношатающагося» (М. П. Розенгейма), «Время»—«Записки Ненужнаго человѣка» «Библіотека для Чтенія»—«Воззрѣнія, чувства и наблюденія статскаго совѣтника Салатушки» (А. Ѳ. Писемскій) и т. д. Но сравнительно со «Свисткомъ» все это, независимо отъ общественнаго направленія, было и очень скучно, и очень блѣдно, и донельзя безталанно, а часто и совсѣмъ ужъ улично.

[1]) Псевдонимъ Добролюбова.

[2]) Этотъ юбилей создалъ тогда полемику, въ которой было наговорено много горькой правды по адресу старой литературы вообще, Вяземскаго въ частности.

[3]) Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, подъ псевдонимомъ Камня Виногорова, пошло вышутилъ Толмачеву, прочитавшую въ провинціи на вечерѣ «Египетскія ночи» Пушкина. Поднялась страшная буря въ журналахъ и газетахъ о «безобразномъ поступкѣ» «Вѣка», какъ назвалъ это поборникъ женскаго равноправія М. И. Михайловъ.

[4]) Аскоченскій—изувѣръ, реакціонеръ и ханжа, редактировавшій «Домашнюю Бесѣду», органъ реакціоннаго духовенства.

Громекѣ и пр. и пр., на всѣ ихъ обвиненія противъ «Современника» и «Свистка», поглотившія весь августовскій номеръ «Отечественныхъ Записокъ»? Ошибаетесь, книжка запоздала совсѣмъ по другимъ причинамъ, и мы навѣрное знаемъ, что ни одинъ изъ членовъ редакціи «Современника» не читалъ еще послѣдняго нумера «Отечественныхъ Записокъ»,—трое потому, что ихъ нѣтъ въ Петербургѣ, и до нихъ августовскіе журналы еще не дошли, а четвертый [1]) потому, что онъ всю недѣлю, протекшую отъ выхода «Отечественныхъ Записокъ» до выхода «Современника», не имѣлъ минуты свободной, проводя все время въ хлопотахъ, разъѣздахъ и справкахъ, необходимыхъ для выпуска книжки. А «Свистокъ» явился такъ себѣ: умилился отъ созерцанія собственнаго величія и захотѣлъ повѣдать о томъ любезной его публикѣ. Вотъ и все [2]).

Подражатели же его, какъ всѣ подражатели, немедленно впали въ рутину: сочли необходимымъ являться каждый мѣсяцъ, непремѣнно говорить о томъ, о чемъ всѣ говорятъ, подбирать всякія новости, особенно скандальныя... Рутина, и больше ничего... Статскій совѣтникъ Салатушка былъ самостоятельнѣе прочихъ, такъ зато онъ исчезъ давнымъ-давно, можетъ быть, тоже подражая «Свистку», только на время...

Но главное—никто изъ подражателей «Свистка» не могъ до сихъ поръ отыскать себѣ новаго содержанія. Не только идеи все тѣ же, какія онъ провозглашалъ столько времени тому назадъ, не только предметы насмѣшекъ и разговоровъ—тѣ же, но даже манера та же самая, выраженія иныя—и тѣ заимствованы, а ежели какое и выдумано вновь,—такъ это сейчасъ видно. «Свистокъ», напримѣръ, началъ свое скромное поприще похвальными замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ ученыхъ, поднявшихъ гвалтъ изъ-за статейки «Иллюстраціи» [3])—и потомъ время отъ времени высказывалъ свое благоговѣніе передъ нѣкоторыми почтенными именами. Иные его превратно поняли, возненавидѣли за это и даже обвиняли въ созданіи какихъ-то новыхъ кумировъ (см. «Русскій Вѣстникъ»). Но другимъ это понравилось, и «Свистокъ» много разъ получалъ самые лестные знаки одобренія отъ авторитетныхъ лицъ, которыя въ немъ никогда не были упомянуты... Теперь подражатели его хотятъ отличиться въ томъ же родѣ—почтительностью къ ученымъ; но какъ у «Свистка» уваженіе къ почтеннымъ людямъ было ужъ въ характерѣ, скромность и вѣжество—прирожденныя, а у этихъ господъ искусственныя, выученныя, то, разумѣется, у нихъ и выходитъ совсѣмъ не то. «Свистокъ»—видите ли—до того уважалъ ученыхъ, что даже если самъ пускался въ ученость, то исполнялся глубокаго уваженія и къ самому себѣ; онъ тогда разговаривалъ съ учеными—

«Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ».

Это-то и было прелестно,—эта наивная удаль и самоувѣренность, вмѣстѣ съ юношескою скромностью... Но этого-то и не поняли его подражатели: они просто думали, что онъ говоритъ все на смѣхъ, оттого до сихъ поръ у нихъ и находите только восхваленія ученыхъ, въ которыхъ замѣтна великая охота говорить иронически, а силы-то никакой нѣтъ, такъ что восхваленіе и остается восхваленіемъ, а иначе прямо ужъ переходитъ въ плоскую дерзость. «Свистокъ» отъ иныхъ научныхъ занятій приходилъ въ такое благоговѣніе, что требовалъ даже, чтобъ никто за подобныя занятія не смѣлъ браться; онъ хотѣлъ тутъ оправданія извѣстныхъ словъ: ils sont sacrés, *car personne n'y touche*... И тутъ не поняли подражатели, и до сихъ поръ нѣкоторые накидываютъ на себя какую-то притворную науко-боязнь, что у нихъ выходитъ даже не остроумно...

Одно время «Свистокъ допустилъ при себѣ другой элементъ: онъ самъ былъ кротокъ и довѣрчивъ, а возлѣ него явился *демонъ,* воспѣтый г. Лиліеншвагеромъ, и не вѣрившій ничему [1]). Это раздвоеніе подхвачено и подражателями, и нѣкоторые изъ нихъ постоянно пишутъ въ двухъ лицахъ: самъ авторъ представляется простодушнымъ, но у него есть пріятель—скептикъ и пессимистъ...

---

[1]) Самъ Добролюбовъ.

[2]) Въ августовской книжкѣ «Отеч. Записокъ» Альбертини помѣстилъ статью «Политическія идеи Токвиля и отзывъ о немъ въ «Современникѣ», Бестужевъ-Рюминъ—«Французскіе софизмы въ параллель съ русскими», Громека, — помимо вообще выпадовъ противъ «Современника»—«Отвѣтъ г. Чернышевскому». Добролюбовъ хорошо зналъ старинную манеру «Отеч. Записокъ» усиливать полемику (если можно такъ назвать ихъ беззастѣнчивыя выкрикиванія) къ концу года, чтобы, унизивъ конкуррентовъ, поднять свою подписку на предстоящій годъ.

[3]) См. № 249—256.

[1]) См. № 287.

433. Славянскія думы.

(Во время плаванія по Волгѣ на пароходѣ).

Напечатано въ первомъ изданіи собранія сочиненій; предназначалось вмѣстѣ съ № 432 въ сентябрьскій «Свистокъ». Это результатъ наблюденій на Волгѣ во время возвращенія въ Спб. изъ Нижняго-Новгорода.

М. Л.

1.

Быстро идетъ пароходъ нашъ, но—движется мертвой машиной;
Барка хоть тихо плыветъ, но — разумною тянется лямкой.

2.

Въ мелкихъ мѣстахъ капитанъ велитъ дѣлать промѣры;
Я же на Западъ взываю: *измѣрьте глубь русскаю духа!*

3.

Какъ ни хитрилъ капитанъ, чтобы мель обойти осторожно,—
Нѣтъ таки,—сталъ!.. Гдѣ жъ справиться нѣмцу съ красою рѣкъ русскихъ!

4.

Правый брегъ Волги гористъ, а лѣвый брегъ—низменъ,
Такъ и вездѣ на Руси: что̀ выше—правѣе бываетъ [1]).

5.

Нѣмецъ у насъ капитанъ, но русскіе всѣ кочегары;
Такъ отразилась и здѣсь русская доблесть—смиренье!

* * *

Средь Волги рѣченьки глубокой
Стоялъ я долго на мели;
И мыслилъ о судьбѣ высокой
Родимыхъ водъ, родной земли.
Вы хитры,—мнилъ я,—иноземцы,
Вы пароходъ изобрѣли;
Но все жъ на Волгѣ мы васъ, нѣмцы,
По суткамъ держимъ на мели.

434. Страданія вельможнаго филантропа.

(Одинъ изъ мотивовъ современной поэзіи).

Напечатано въ первомъ изданіи собранія сочиненій; предназначалось вмѣстѣ съ № 432 въ сентябрьскій номеръ «Свистка».

Первоначально Добролюбовъ далъ этой вещи другое заглавіе, а именно: «Современная демоническая натура, или Страданія господина Калиновича, пародируя, такимъ образомъ, извѣстнаго героя «Тысячи душъ» Писемскаго». Вотъ первые 15 куплетовъ, зачеркнутые авторомъ въ собственной рукописи, находящейся въ Импер. Публичной Библіотекѣ, и замѣненные первыми 8-ю куплетами.

Какое жгучее страданье!
Горю я въ медленномъ огнѣ!
Ты не поймешь мои терзанья,
Толпа завидующихъ мнѣ.

Ты видишь лишь мою карету,
Дрожишь предъ золотомъ моимъ,
Но ты не видишь душу эту,
Огнемъ горящую святымъ,

Не зришь пожаръ моихъ стремленій
И рѣки ядовитыхъ слезъ!
Мой благородный гордый геній
Твои понятья переросъ.

Ты мнишь, что я подобенъ этимъ
Безмозглымъ, дряхлымъ богачамъ,
Которымъ, точно глупымъ дѣтямъ,
Пріятенъ лести ѳиміамъ,

[1]) Ядовитый намекъ на реакціонность вліятельныхъ сферъ.

Пріятны пышныя прозванья,
Чины, обѣды, ордена
Да жаръ наемнаго лобзанья
Съ бокаломъ добраго вина...

Нѣтъ, не таковъ я. Всѣ порывы
Души возвышенной моей
Во мнѣ и дѣйственны и живы
При блескѣ денегъ и честей.

Когда объято было спячкой
Все вкругъ меня въ толпѣ пустой,
Страдалъ я жолчною горячкой,
Но шелъ на путь широкій свой!

Достигъ богатства я и чести
Затѣмъ, чтобъ дѣлать что-нибудь;
Обмановъ, низостей и лести
Исполненъ былъ мой тяжкій путь.

И вотъ теперь толпа пустая
Мнѣ вслѣдъ завистливо глядитъ,
Во мнѣ счастливца признавая,
Меня судомъ своимъ язвитъ.

Но, люди! если бы вы знали
Весь адъ души моей больной,
Вы, вѣрно бъ, мнѣ не отказали
Оплакать горько жребій мой.

О, братья! Вѣдь любовь къ собрату,
Любовь къ добру я сохранилъ!
Еще душа моя богата
Избыткомъ думъ и свѣжихъ силъ.

Но въ этой жизни благодатной
Какой я, наконецъ, достигъ,
Какой-то демонъ непонятный
Меня караетъ каждый мигъ.

Онъ ставитъ грозныя преграды
Для всѣхъ святыхъ моихъ идей
И не даетъ вкусить отрады
Быть благодѣтелемъ людей.

Но никогда такъ зло, какъ нынѣ,
Онъ не смѣялся надо мной.
Онъ оскорбилъ мою святыню,
Разбилъ души моей покой.

Къ какимъ чистѣйшимъ наслажденьямъ
Себя готовилъ я вчера!
Съ какимъ я нынѣ восхищеньемъ
Стремился къ подвигу добра!

Послѣ 18-го куплета въ рукописи зачеркнуто:

Нельзя стремленій благородныхъ
Осуществить въ толпѣ людей
Дрянныхъ, безсмысленныхъ, негодныхъ,
Заплывшихъ въ пошлости своей.

Послѣ 19-го куплета въ рукописи зачеркнуто:

Лишь приступилъ къ благому дѣлу,—
Уже готовъ твой тайный врагъ,
И путь твой преградитъ онъ смѣло,
Парализуя каждый шагъ.

Лишивъ покоя и отрады
И вѣру и любовь губя,
Недостижимыя преграды
Къ добру онъ ставитъ для тебя.

Послѣ 21-го куплета въ рукописи зачеркнуто:

Какой насмѣшкою ужасной
Меня мой демонъ поразилъ!
Отрады чистой и прекрасной
Меня какъ злобно онъ лишилъ!..

Любовью къ ближнему томиться,
И бывъ не въ силахъ пособить,
Въ безплодной ярости бѣситься—
Что̀ можетъ горестнѣе быть!..

М. Л.

О, что за адъ, что за терзанье!..
Поймешь ли, глупая толпа,
Поймешь ли ты мои страданья?
Нѣтъ, не поймешь ты,—ты глупа...

Ты мнишь, что я подобенъ этимъ
Безмозглымъ дряхлымъ богачамъ,
Которымъ, точно глупымъ дѣтямъ,
Пріятенъ лести ѳиміамъ.

Пріятны пышныя прозванья,
Чины, обѣды, ордена
Да жаръ наемнаго лобзанья
Съ бокаломъ добраго вина...

Ты видишь внѣшность золотую,
И внутрь не хочешь заглянуть:
Клянешь ты жизнь мою пустую
И весь мой прежній грязный путь.

Но пылъ святыхъ моихъ стремленій,
Но рѣки ядовитыхъ слезъ
Не видишь ты, мой гордый геній
Твои понятья переросъ.

Любовь къ добру, любовь къ собрату,
Весь міръ святыхъ моихъ идей,
Все, чѣмъ душа моя богата,—
Сокрыто въ тайнѣ отъ людей.

Невѣдомъ имъ и геній ада,
Врагъ всѣхъ идей моихъ святыхъ,
Мнѣ всюду ставящій преграды
Для дѣйствій чистыхъ и благихъ...

Толпа, не зрящая страданій
Подъ покрываломъ золотымъ!
Казнись же повѣстью терзаній,
Какими я теперь томимъ.

Одно несчастное семейство
На краѣ города живетъ.
Отецъ погибъ отъ лиходѣйства
Однихъ сіятельныхъ господъ;

Съ тремя малютками, больная,
Безъ всякихъ средствъ осталась мать;
Сама въ чахоткѣ изнывая,
Она должна ихъ содержать.

Минута каждая несчастнымъ
Голодной смертію грозитъ.
И кто жъ въ ихъ бѣдствіи ужасномъ
Ихъ пріютитъ и защититъ?

Отъ скорби я не взвидѣлъ свѣта,
О нихъ прослушавши разсказъ,
И заложить велѣлъ карету,
Чтобъ къ бѣднымъ ѣхать сей же часъ.

Ужъ я заранѣй наслаждался
Благословеньями сиротъ;
Заранѣй мною предвкушался
Благотворительности плодъ.

И что же? Геній мой ужасный
И тутъ мнѣ на дорогѣ сталъ:
Вдругъ говорятъ мнѣ, что опасной
Болѣзнью гнѣдко захворалъ...

Когда объ этомъ мнѣ сказали,
Я могъ руками лишь всплеснуть...
Со дна души проклятья встали,
И клокотала злобой грудь...

Святое дѣло благостыни
Нельзя другимъ мнѣ поручить;
Благотворенія святыню
Я отъ людей привыкъ таить.

Безъ гнѣдка жъ ѣхать невозможно,
Нельзя разрознить четверни!
Сиди же дома и тревожно
Судьбу безумную кляни...

Простись съ порывами святыми,
О бѣдныхъ братьяхъ не жалѣй
И надъ стремленьями живыми
Поставь печальный мавзолей.

Какъ будто мстя намъ за ничтожность,
Судьба караетъ насъ сама,
Повсюду ставя невозможность
Стремленьямъ сердца и ума.

Путемъ безсмысленныхъ лишеній,
Помѣхъ ничтожныхъ и смѣшныхъ,
Лишаетъ насъ нашъ злобный геній
Плодовъ намѣреній благихъ.

Изъ-за того, что гнѣдко боленъ,
Тамъ люди съ голоду умрутъ!!...
Будь тутъ и счастливъ и доволенъ,
Старайся быть спокойнымъ тутъ!

Предсмертные часы несчастныхъ,
Стонъ и конвульсіи дѣтей
Во всѣхъ подробностяхъ ужасныхъ
Встаютъ передъ душой моей.

Я трепещу, я содрогаюсь,
Я рву одежды на себѣ,
Я весь горю... Но покоряюсь
Меня карающей судьбѣ...

Въ душѣ огонь неугасимый
Любви къ добру еще горитъ,
Но онъ лишь съ болью нестерпимой
Мнѣ сердце нѣжное палитъ.

Что за болѣзнь меня снѣдаетъ,
Толпа людская не поймета;
Она счастливыми считаетъ
Людей за деньги и почетъ.

А я—клянусь—мое имѣнье,
И честь, и жизнь отдать бы радъ,
Чтобъ только не терпѣть мученья,
Которымъ я теперь объятъ...

Но счастьемъ въ жизни наслаждаться
На произволъ намъ не дано.
Страдать, терпѣть и покоряться
Судьбою смертнымъ суждено...

Всего же больше мукъ жестокихъ
Рокъ тѣмъ избранникамъ судилъ,
Стремленій кто въ себѣ высокихъ
И добрыхъ чувствъ не заглушилъ.

435. Разбойникъ.

(Розенгеймо-русская элегія).

Напечатано въ первомъ изданіи собранія сочиненій; предназначалось въ ноябрьскій «Свистокъ», который не былъ разрѣшенъ цензурой.

М. Л.

Житья намъ не стало! Нѣтъ прежней поживы!
Все отнялъ проклятый прогрессъ:
Провелъ имъ дороги, засѣялъ ихъ нивы,
Срылъ горы и вырубилъ лѣсъ.

И что же!—теперь по дорогѣ прохожій,
И ранней и поздней порой,
Идетъ, распѣвая, съ преглупою рожей,
Но съ очень спокойной душой.

И нѣту при немъ ни ружья, ни кинжала,
А страшно напасть на него...
Не то уже времячко нынче настало:
Начальство дошло до всего.

Разъ я было вздумалъ купца-богатѣя
Подъ вечеръ въ лѣсу обобрать;
Но вдругъ помѣшали... Меня, какъ злодѣя,
Успѣли схватить и связать.

Затѣяли дѣло... Исправникъ явился,
Всѣмъ сдѣлалъ строжайшій допросъ,
И обыскъ, и ставки очныя... Смирился
И денегъ ему я принесъ...

Я думалъ: «Чиновнику только бъ деньжонки...
Извѣстно: что слѣдуетъ, дай,
А тамъ хоть на всѣ на четыре сторонки,
Какъ вольная птица, ступай»...

Но, нѣтъ!—и чиновники наши рехнулись...
Прогрессъ-то и ихъ, знать, заѣлъ...
Сперва мы съ исправникомъ ловко стакнулись,
Купца еще спутать хотѣлъ!

Но, деньги сорвавши, онъ вдругъ безтолково
Занесъ мнѣ какую-то чушь...
«Свѣтъ мысли, и сила печатнаго слова,
И гласность зашла въ нашу глушь.

У насъ не бывало о томъ циркуляра,
Чтобъ мы поощряли грабежъ...
А сверху грозитъ намъ жестокая кара
За всякую взятку и ложь»...

Бездѣльникъ! Какъ вретъ-то! Мы, вишь ты, не знаемъ,
Какъ можетъ вертѣться законъ,
Коль только искусной рукой направляемъ
И ловко толкуется онъ...

436. Изъ мотивовъ современной русской поэзіи.

Напечатано въ первомъ изданіи собранія сочиненій; предназначалось вмѣстѣ съ № 435 въ ноябрьскій «Свистокъ».

М. Л.

1.

Презрѣвъ людей и міръ и помолившись Богу,
Я гордо выступилъ на трудную дорогу.
Вверху лежала тьма, каменья подъ ногой,
Съ боковъ оврагъ зіялъ ужасной глубиной;
Надъ самой головой летали вереницы
Ужасно скаредной и кровожадной птицы.
Я самъ не зналъ, куда и для чего иду,
Я былъ какъ будто бы въ горячечномъ бреду.

Лишь вѣры и любви свѣтильникъ благотворный
Свѣтилъ мнѣ на борьбу во тьмѣ неправды черной.
Подъявъ чело, я шелъ безтрепетной стопой
И орошалъ свой путь чувствительной слезой.
Тая въ груди своей высокое сознанье,
Я закалялъ свой духъ въ горнилѣ испытанья.
Не видя ничего, хотѣлъ я лишь идти
И за добро страдать въ невѣдомомъ пути.
Въ больной душѣ моей все убѣжденье жило,
Что тьма разсѣется, и встанетъ дня свѣтило,
И, разбудивъ людей, зажжетъ у нихъ въ крови

Лучъ правды доблестной и лучъ святой любви...
Сбылись предчувствія! Тотъ, кто временъ теченье
Рѣшилъ по своему благому изволенью,
Ночь въ день перемѣнилъ и далъ узрѣть мнѣ свѣтъ.
Но, горе мнѣ! въ душѣ ужъ прежней силы нѣтъ.
Я, безъ толку всю ночь шатаясь, истощился,
Отваги молодой и свѣжести лишился.
Ночные подвиги! сгубили вы меня.
Я къ утру чувствую, что нѣтъ во мнѣ огня...
Сижу бездѣйственно, смотря на трудъ собратій,
Не смѣя произнесть ни жалобъ, ни проклятій.
Не снесъ я своего тяжелаго креста.
Я палъ... Въ умѣ сумбуръ, а въ сердцѣ— пустота.

2.

Учились, бѣдные, вы въ жалкомъ пансіонѣ
Француза Фалбала; учили вы урокъ,
Не зная отдыха; въ слезахъ, при общемъ стонѣ,
Терпѣли розги вы... Но все не шло вамъ въ прокъ.

Ученье было вамъ дѣйствительнымъ мученьемъ,
И ждали вы, когда день выпуска придетъ.
Вы думали, что всѣмъ учебнымъ заведеньямъ
Ниспосланъ отъ судьбы такой ужасный гнетъ.

Но вдругъ настала вамъ минута возрожденья.
Французъ Кабаретье вашъ пансіонъ купилъ.
На мѣсто розогъ плеть онъ ввелъ въ употребленье
И школы вывѣску уже перемѣнилъ.

Есть даже слухъ, что онъ бранился съ гувернеромъ
И думаетъ ему отъ мѣста отказать.
О, дѣти, радуйтесь: подъ собственнымъ надзоромъ
Французъ Кабаретье васъ хочетъ воспитать!

3.

Жизнь міровую понять я старался,
Сердцемъ, какъ Гете, на все отозвался;
Въ рощѣ, на балѣ, средь моря, межъ скалъ
Высшихъ эмблемъ и символовъ искалъ.
И наконецъ своего я добился:
Міръ неразумный предъ мной осмыслился.
Вотъ прохожу я по вспаханной нивѣ —
Образъ другой мнѣ является вживѣ:
Вижу духовную ниву дѣтей,
Сѣмя пріявшую добрыхъ идей.
Рѣютъ надъ нивою птички живыя:
Сердце такъ тѣшатъ надежды младыя.
Вотъ къ намъ на лѣто летятъ журавли:
Образъ пристрастія къ благамъ земли.
По небу чистому тучки гуляютъ:
Чистое сердце такъ думы смущаютъ.
Солнце блеститъ въ голубыхъ небесахъ:
Свѣтъ разливаетъ наука въ умахъ.
Солнце сокрылось за темною тучей:
Правду темнитъ духъ неправды могучій.
Вѣтеръ ли вѣетъ: такъ умственный геній
Вихремъ несется живыхъ откровеній.
Вѣтру ли нѣту: то геніи спятъ,
Точно эоловы арфы молчатъ.
Пыльную зелень дождемъ орошаетъ:
Плачъ покаянный пороки смываетъ.
Виденъ подснѣжникъ надъ рыхлымъ снѣжкомъ:
Первыя грезы о счастьи иномъ!
Бабочка рѣзво порхнетъ по цвѣтамъ:
Такъ я душою порхать буду *тамъ!*
Скрыта змѣя подъ прекраснымъ цвѣткомъ:
Такъ есть злодѣи съ красивымъ лицомъ.
Тащитъ зерно муравей хлопотливый:
Вижу примѣръ въ немъ себѣ я, лѣнивый!
Песъ караулитъ овецъ отъ волковъ:
Дворники такъ насъ хранятъ отъ воровъ.
Вижу, коляску мчатъ кони вдали:
Власть то людей надъ скотами земли.
Звукъ балалайки донесся до слуха:
Вспомнилъ я тотчасъ гармонію духа.

437—439. Свистокъ № 8.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

Напечатано въ I кн. «Современника» 1862 г., но написано еще въ ноябрѣ 1861 г., незадолго до смерти. Этотъ матеріалъ очень долго проходилъ цензуру, а затѣмъ рѣшено было перенести его изъ декабрьской книги въ январьскую.

Чтобы понять № 437, надо знать прежде всего, что начало 1861 года было, такъ сказать, гласнымъ тріумфомъ «Свистка»: о немъ заговорилъ, и заговорилъ очень озлобленно и рѣзко, «Русскій Вѣстникъ», одинъ разъ прежде спустившійся до открытаго вниманія къ ненавистному ему свистуну. Журналъ Достоевскаго — «Время», вышутилъ Каткова очень мѣтко и остроумно... Было ясно, что, при всей ненависти къ направленію «Современника», «Русскій Вѣстникъ» понялъ, наконецъ, насколько «Свистокъ», — какъ сатирическій бичъ въ рукахъ людей, совершенно опредѣленно мыслящихъ и чувствующихъ, — былъ силенъ въ ихъ рукахъ и въ двухъ строкахъ иногда уничтожалъ вздоръ, нагроможденный на десяткахъ страницъ своихъ противниковъ.

Въ январьской книгѣ «Русскаго Вѣстника», въ статьѣ «Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи», московскій литературный вельможа объявилъ, что отнынѣ журналъ будетъ давать больше мѣста обзору текущей литературы и журналистики, тѣмъ болѣе, что слово журнала имѣетъ большой вѣсъ въ публикѣ, и т. д., и т. д. «Намъ ставили въ укоръ отсутствіе литературныхъ разсужденій въ нашемъ изданіи именно тѣ журналы, гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ забіячествомъ проповѣдывалась теорія, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право національнаго поэта» и т. д. все въ этомъ родѣ, пересыпанное «мальчишками-свистунами, способными только на мелкія дѣла, на маленькія сплетни и скандалы», «школьниками, занимающимися науками по указкѣ и неспособными ни къ чему, кромѣ свиста и визга», и т. п.

Въ той же книжкѣ, въ статьѣ «Старые боги и новые боги», «Рус. Вѣстникъ» посвятилъ много мѣста «доказательству» философскаго невѣжества Чернышевскаго. Напримѣръ, тамъ находимъ такія великолѣпныя строки:

«Будемъ надѣяться, что философскія понятія господъ, пишущихъ въ «Современникѣ», мало-по-малу прояснятся и что они найдутъ, наконецъ, возможность обходиться безъ шарлатанства. И теперь уже по нѣкоторымъ частямъ замѣтенъ значительный прогрессъ. Г. Чернышевскій, повидимому, главный вождь этой дружины, начинаетъ уже говорить человѣческимъ языкомъ по предметамъ политической экономіи. Il s'humanise, ce monsieur. Въ послѣднихъ нумерахъ этого журнала мы съ удовольствіемъ прочли статьи за его подписью; въ нихъ уже нѣтъ тѣхъ безсмыслицъ, которыя выдавалъ онъ прежде за глубокую мудрость, почерпаемую со дна таинственнаго кладезя» и т. д. и т. д.

Несмотря на всѣ старанія «Русскаго Вѣстника», говоря о своемъ врагѣ, сохранить наружное хладнокровіе и даже безстрастность, это ему не удалось. «Время» справедливо замѣтило въ своей остроумной замѣткѣ «Свистокъ и Русскій Вѣстникъ» (1861, III): «Не смѣю рѣшать (я слишкомъ молодъ), но мнѣ кажется, что такой серьезный, такой дѣловой журналъ, какъ «Рус. В.», могъ бы даже не обращать ни малѣйшаго вниманія на этотъ «Свистокъ»; а вмѣсто того, у «Рус. В.» даже двоится въ глазахъ отъ негодованія (конечно, благороднаго). Онъ ужъ видитъ «Свистокъ» вездѣ; «Свистокъ» умножается въ его глазахъ; обращается въ цѣлые балаганы. Мало того, почтенный журналъ даже мѣряетъ всю нашу литературу по «Свистку» и заключаетъ по «Свистку» же, что наше время есть время не совсѣмъ литературное». «Несчастный, безнравственный «Свистокъ»! Несчастный уже одними своими пороками! къ тебѣ обрашаюсь я: заруби себѣ на носъ, что время не ждетъ; наступитъ жизненная проба, застанетъ тебя въ расплохъ, за ней нагрянетъ исторія, а ужъ эта и подавно не ждетъ,—ну, что ты скажешь тогда въ свое оправданіе? Вѣдь вся Россія черезъ тебя можетъ не получить своего развитія,—понимаешь ли ты это? Вѣдь это у тебя останется на совѣсти. И не стыдно тебѣ послѣ этого! Взгляни, что ты сдѣлалъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ»!

Правда, «Время» не выдержало однообразнаго тона въ отношеніи къ «Современнику». Въ той же книжкѣ Ап. Григорьевъ («Ненужный человѣкъ») называетъ уже совершенно серьезно редакцію «Современника» «ярыми витязями», говоритъ о недостаточности ихъ общаго образованія, сожалѣетъ о пришествіи «почастнаго анализа», замѣнившаго «стремленія къ синтезу въ поучающемъ классѣ» и т. п.,— но недаромъ въ тотъ моментъ нападки на «Свистокъ» были подписаны, а защита его отъ Каткова шла отъ имени редакціи...

Катковъ не могъ и не хотѣлъ остановиться.

Въ статьѣ его «Нашъ языкъ и что такое свистуны» (III кн. 1861 г.) заслуживаетъ вниманія такое мѣсто:

«Свистокъ» при «Современникѣ» издается два или три года и ни разу не было у насъ помину о немъ, хотя выходки противъ «Рус. Вѣстника», противъ лицъ и предметовъ, которыми дорожитъ онъ, встрѣчались въ «Свисткѣ» чуть ли не на

каждой страницѣ. Намъ посвящались цѣлыя статьи и стихотворенія. Къ тому же между «Свисткомъ» и другими отдѣлами «Современника» не было разницы. «Свистокъ» иногда даже принадлежалъ къ лучшимъ отдѣламъ въ этомъ журналѣ, и мы не безъ удовольствія читали иногда его пѣсни, которыя не лишены были нѣкоторой соли, между тѣмъ, какъ простое литературное толченіе воды ничѣмъ не выкупаетъ своего ничтожества и пустоты. Конечно, свистъ безъ смысла или съ дурнымъ смысломъ не могъ намъ нравиться, къ кому бы онъ ни относился. Комизмъ и юморъ составляютъ неотъемлемую принадлежность всякой живой литературы и всякой сознательной жизни; комическій элементъ необходимъ въ общей экономіи; гдѣ онъ исключенъ, тамъ нѣтъ свободы въ жизни, ни жизни въ воззрѣніяхъ; та среда, которая боится и дичится этого элемента, обнаруживаетъ тѣмъ только свою незрѣлость и непрочность. Но если живая мысль не должна и не можетъ обходиться безъ юмора, то съ другой стороны юморъ только тогда можетъ заслуживать это названіе, когда онъ связанъ съ серьезными интересами, когда онъ есть явленіе честное. Кому, напримѣръ, изъ людей мыслящихъ могъ нравиться такъ часто раздававшійся у насъ свистъ противъ нѣкоторыхъ лицъ, появлявшихся въ литературѣ, лицъ, которыя еще недостаточно ознаменовали себя, чтобы стать предметомъ всестороннихъ сужденій и оцѣнокъ, а съ другой стороны достаточно ясно заявили свое направленіе, чтобы не заслуживать глупыхъ поруганій? (Дальше шелъ примѣръ съ Громекой. — *М. Л.*). Мы привели одинъ примѣръ; но въ немъ достаточно обнаруживается инстинктъ этихъ свистуновъ. А главное то, что эти инстинкты не возбуждаютъ никакой реакціи въ нашей литературѣ. У насъ нѣтъ науки».

Статья «Одного поля ягоды» (V кн. 1861 г.) посвящена была Катковымъ параллели: Аскоченской и «Время»...

Обращаю вниманіе читателя на незаконченность здѣсь № 437-го: онъ данъ только въ той части, которая написана Добролюбовымъ; дальше въ «Современникѣ» идутъ строки, приписанныя кѣмъ-то въ редакціи, уже послѣ смерти Н. А—ча, что̀ ясно изъ указанныхъ тамъ фактовъ, происшедшихъ въ декабрѣ 1861 и январѣ 1862 года.

№ 438 есть краткое оглавленіе всего наиболѣе важнаго, что̀ дано Добролюбовымъ за семь номеровъ «Свистка»; это какъ бы подведеніе итога его сатирической публицистики.

Въ № 439 зло осмѣивается русскій прогрессъ, представленный въ видѣ поѣзда; поведеніе русскихъ туристовъ и русская таможня выведены подъ видомъ австрійскихъ сценъ.

М. Л.

---

437. СВИСТОКЪ, ВОСХВАЛЯЕМЫЙ СВОИМИ РЫЦАРЯМИ.

(Подражаніе, какъ легко замѣтятъ читатели).

I.

«Свистокъ» теперь наверху своей славы, въ апогеѣ своего величія: положеніе, какое онъ завоевалъ себѣ въ ряду великихъ журналовъ, можно сравнить только развѣ съ положеніемъ, завоеваннымъ Италіею въ виду великихъ державъ. Правда, оффиціально признанъ онъ и до сихъ поръ только «Русскимъ Словомъ» и «Временемъ»; но вѣдь и итальянское королевство было признано сначала тунисскимъ беемъ и португальскимъ королемъ... а потомъ и пошло,— до того, что сама Франція признала его, хотя и не можетъ никакъ вывести свои полки изъ Рима. Такъ будетъ и со «Свисткомъ»: пройдутъ тяжкія времена литературныхъ смутъ, разсѣются туманы недоумѣній, и самъ «Русскій Вѣстникъ» признаетъ «Свистокъ»; хотя уже и не въ состояніи будетъ никакими кислотами вывести изъ своего «Литературнаго Обозрѣнія» ни статей г. Юркевича, ни разсужденій о томъ, что̀ такое свистуны.

Но и непризнанный de jure, «Свистокъ» уже признанъ своими собратіями de facto: а это гораздо важнѣе. Нѣтъ теперь въ необъятной Россіи ни одного порядочнаго органа благородной мысли, ни одного проводника высокихъ убѣжденій, стремящагося къ благороднымъ цѣлямъ, ни одного глашатая правды и чести, который бы мысленно не обращался ежеминутно къ «Свистку», печатно не говорилъ ежемѣсячно о «Свисткѣ» и не старался походить на него, если не всецѣло, то хотя нѣкоторыми частями своего существа. Нѣтъ ни одного суроваго ученаго, ни одного служителя чистой науки, у котораго въ ушахъ не раздавался бы безпрестанно «Свистокъ» (особенно, если онъ живетъ недалеко отъ вокзала желѣзной дороги).

И какъ быстро пріобрѣтенъ его успѣхъ! Вы помните начало «Свистка»: онъ родился въ счастливую минуту—въ ту самую, когда подымалась война за независимость Италіи. Но можно сказать не хвалясь, что какъ ни

изумительны прогрессы Италіи въ ея дѣлѣ, а «Свистокъ» превзошелъ ее. Вспомните, какъ онъ былъ встрѣченъ, какими препятствіями окруженъ, какъ былъ безпомощенъ въ началѣ своей жизни! Онъ былъ, правда, принятъ подъ покровительство «Современника», но общественное положеніе этого журнала, надо признаться, чрезвычайно шатко: онъ не имѣетъ и даже не можетъ пріобрѣсти ни малѣйшаго авторитета. Онъ бы и радъ, онъ и усиливается, да не выходитъ ничего... Въ прошломъ году, напр., какъ онъ убивался, чтобы пойти «честнымъ путемъ изученія и разработки матеріаловъ», чтобы попасть въ ученую колею... Нѣтъ, что̀ ни начнетъ, а подъ конецъ никакъ не можетъ! Непремѣнно скандалъ выйдетъ... И даже безъ всякаго съ его стороны желанія,—а такъ ужъ, судьба его такая... Началъ онъ, напримѣръ, 1860-й годъ спеціальнѣйшею изъ спеціальностей, разсужденіемъ о первыхъ русскихъ князьяхъ; кажется, чего бы лучше? Въ «Отечественныхъ Запискахъ» это было бы капитальнѣйшее произведеніе русской литературы; а въ «Современникѣ» вышла—свистопляска... Далѣе продолжалъ онъ свое поприще — напечаталъ статью о наслѣдствѣ по закону, — весьма ученое и титулованное сочиненіе; радовался-было, что хоть тутъ солидность свою оградилъ,—въ слѣдующемъ году г. Лохвицкій внезапно доказалъ всѣмъ, что и тутъ была только свистопляска [1]). Пустилъ-было «Современникъ», собственно для приданія себѣ болѣе ученаго вида, статьи «объ антропологическомъ принципѣ философіи». Ужъ одно заглавіе, кажется, чего стоитъ! Въ «Отечественныхъ Запискахъ», напримѣръ, какая-нибудь статейка «нѣчто объ естественномъ сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ» повергаетъ читателей въ прахъ предъ ученостью редакціи... Въ «Современникѣ» даже искусно подобранное заглавіе не помогаетъ: не далѣе, какъ лѣтомъ въ слѣдующемъ году оказалось, что и въ этихъ статьяхъ «Современникъ» не только на путь науки не вступилъ, но еще невѣжество распространялъ въ русской публикѣ, что̀ даже вовсе и несовременно, по мнѣнію русскихъ журналовъ... [2]) И вѣдь что̀ всего печальнѣе,—истинныя-то, такъ сказать, прирожденныя свойства статей «Современника» раскрываются, обыкновенно, по прошествіи долгаго времени, черезъ годъ, черезъ полтора,—такъ что журналъ этотъ рѣшительно не знаетъ, чего ему ожидать на слѣдующій годъ. «Русскій Вѣстникъ», напримѣръ, помѣстивъ нѣсколько статей о древне-вавилонской письменности и черезъ два мѣсяца не встрѣтивъ на нихъ возраженій въ журналѣ, издаваемомъ парижскою «академіею надписей», успокаивается и можетъ обратиться—ну, хоть къ печатанію «Майора» г. Кулиша: и опять увѣренъ, что ужъ разбора этой повѣсти не появится черезъ годъ. «Современникъ» не въ такомъ положеніи: онъ долженъ ежемѣсячно содрогаться не только за свое настоящее, но и за прошедшее... Года три тому назадъ, напримѣръ, одна изъ книжекъ «Современника» украшена была изслѣдованіемъ г. Пекарскаго о Кондратовичѣ; повидимому, изслѣдованіе дѣльное, безупречное, за нимъ можно стоять какъ за каменной горой... А кто знаетъ,—вдругъ выходятъ новыя книжки журналовъ, и въ нихъ восторженное извѣстіе, что въ стерлитамакскомъ уѣздномъ училищѣ сдѣланы драгоцѣннѣйшія изслѣдованія, несомнѣнно убѣждающія, что въ статьѣ «Современника» о Кондратовичѣ ничего нѣтъ, кромѣ невѣжества и свинства. И затѣмъ «драгоцѣннѣйшія изслѣдованія» будутъ перепечатаны во всѣхъ журналахъ, и авторъ ихъ возведется въ званіе академика,—все для вящшаго посрамленія «Современника».

Съ такимъ-то журналомъ долженъ былъ связать судьбу свою «Свистокъ» въ началѣ своей земной жизни. Очевидно, это было для него плохое прикрытіе. Но вообразите, даже и «Современникъ», при всемъ томъ, что былъ ужъ достаточно ославленъ за свое легкомысліе,—и онъ подвергся на первое время жестокимъ упрекамъ за дружбу съ «Свисткомъ»: до того «Свистокъ» казался презрѣннымъ, неприличнымъ, недостойнымъ высокаго призванія отечественной журналистики. До «Свистка «Современникъ» еще кое-какъ терпѣли: при появленіи «Свистка» немедленно крикнули,—сначала изъ Москвы:

«Вы приличья презираете,
Вы родились съ мѣднымъ лбомъ:
Въ русской публикѣ гуляете
Вы подъ ручку со «Свисткомъ»;
Въ дни прогресса несказаннаго,
Въ дни возвышенныхъ надеждъ,
Звукомъ свиста балаганнаго
Потѣшаете невѣждъ!
Заблужденія прощаются,
Но изъ мѣры вышли вы:
Васъ съ презрѣньемъ отрицаются
Всѣ ученые Москвы».

Петербургъ, конечно, не отсталъ отъ Москвы, только онъ выразилъ свое негодованіе въ тонкой и изящной эпиграммѣ:

---

[1]) Статья Кавелина—«Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія и т. д.» во II кн. «Современника» 1860 г., раскритикована была въ «Отеч. Запискахъ».

[2]) Намекъ на полемику Чернышевскаго съ Юркевичемъ и «Рус. Вѣстникомъ».

У Гоголя квартальный Свистуновъ
Всѣмъ любитъ фонарей наставить подъ глазами.
А *современная* ватага свистуновъ
Мнитъ просвѣщенія фонарь задуть свистками.

Можетъ быть, мы и не совсѣмъ точно приводимъ эпиграмму, но что-то въ такомъ родѣ несомнѣнно существовало насчетъ «Свистка» [1]).

Мы бы не кончили, если бы захотѣли перебирать всѣ отчаянные возгласы журналистовъ относительно неприличія журналу имѣть балаганный отдѣлъ. «Revue de deux Mondes» не имѣетъ балаганнаго отдѣла,—справедливо утверждали просвѣщенные журналисты; «Westminster Review» не имѣетъ балаганнаго отдѣла,—продолжали они, доказывая свое знаніе европейскихъ литературъ; что сказали бы въ Германіи, если бы Vierteljährliche Schrift» вздумало завести у себя балаганный отдѣлъ,—настаивали они еще, показывая, что и по-нѣмецки знаютъ; какое бы впечатлѣніе выразилось въ Испаніи, если бы «La Epoca» завела у себя балаганный отдѣлъ,– приставали они снова, давая замѣтить, что они—лингвисты; въ какое бы состояніе пришла возрождающаяся Италія, если бы Rivista Contemporanea» позволила себѣ завести балаганный отдѣлъ,—неутомимо выкрикивали они, утверждая читателя въ мысли, что кромѣ знанія языковъ, имъ не чужды и политическія соображенія...

«Современникъ», великодушный, многотерпѣливый «Современникъ»! Сколько вынесъ онъ нареканій, какому подвергался позору изъ-за «Свистка»! Онъ усиливался попасть въ кругъ людей порядочныхъ, печатать дѣльныя статьи гг. Безобразова, Пекарскаго, Пейзена, Пыпина, Кавелина, Костомарова, печаталъ отрывки изъ романа г. Гончарова,—а его все-таки звали свистуномъ... Всеобщее презрѣніе, возбужденное «Свисткомъ», было такъ велико, что въ обѣихъ столицахъ нашлись Катоны, которые рѣшились высказывать свое негодованіе на него, по *всякому* случаю,—по поводу ли картины Иванова или обществъ трезвости, смерти Маколея или освобожденія крестьянъ...

Такъ шло два года [2]). «Свистокъ» пришелъ въ уныніе и пересталъ являться, чтобы не компрометтировать «Современника» [3]). «Современникъ» обратился къ Китаю и въ каждой книжкѣ удѣлялъ нѣсколько десятковъ страницъ на изображеніе китайской жизни, которая прежде являлась въ немъ только въ литературныхъ снахъ Новаго поэта на Новый годъ... [1]). Повидимому, враги торжествовали, пользуясь чувствительностью «Свистка», который рѣшился на самопожертвованіе изъ жалости къ страдавшему за него «Современнику».

Но на дѣлѣ готовилось «Свистку» полное торжество и, главное, рѣшительное оправданіе предъ великодушнымъ покровителемъ. Теперь онъ смѣло можетъ смотрѣть въ глаза «Современнику» и даже ожидать отъ него благодарности, а не укоровъ. Произошло вотъ что:

Въ нынѣшнемъ году водворился новый «Вѣкъ» въ русской литературѣ. О наступленіи его возвѣщено было задолго до новаго года; появленіе его было привѣтствовано громкими рукоплесканіями. Всѣ стремились къ этому журналу, въ которомъ обѣщалось вѣрное и нелицепріятное служеніе наукѣ и полное уваженіе къ высокимъ принципамъ современной цивилизаціи. Всѣ журналы почтительно обратили свои взоры на новаго собрата, въ редакціи котораго участвовали такія лица, какъ К. Д. Кавелинъ, А. В. Дружининъ, В. П. Безобразовъ и П. И. Вейнбергъ. Послѣ выхода перваго номера написано было даже восторженное стихотвореніе, неизвѣстно почему не появлявшееся въ печати [2]).

Новый Вѣкъ.

Зрѣетъ все, что̀ было зелено,
Правдѣ зиждется престолъ:
«Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришелъ.
«Вѣкъ» Пожарскаго и Минина,
Дружбу князя съ мясникомъ,
«Вѣкъ» Кавелина, Дружинина,
Возвратилъ намъ цѣликомъ.
Въ „Вѣкѣ“ Вейнберга, Кавелина
Будетъ всюду тишь да гладь.
Ибо въ немъ для счастья велѣно
Всѣмъ законы изучать.
„Вѣкъ“ счастливый Безобразова
Бѣдняка обогатитъ,
Зрячимъ сдѣлаетъ безглазаго
И банкроту дастъ кредитъ...
Будетъ зрѣло все, что̀ зелено,
И свершится человѣкъ...
„Вѣкъ“ Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова „Вѣкъ“!..

---

[1]) На самомъ дѣлѣ обѣ эти эпиграммы сочинены Добролюбовымъ; въ нихъ только высказаны упреки, слышавшіеся въ литературныхъ кругахъ.

[2]) 1859 и 1860 годы.

[3]) См. № 389.

[1]) Здѣсь Добролюбовъ открылъ цензурѣ секретъ вниманія «Современника» 1861 г. къ Китаю. Разумѣется, о небесной имперіи говорилось такъ, чтобы можно было поговорить въ сущности о Россіи... (См., напр., статьи во II, IV, V кн. «Современника»). Но нельзя же было ввести это въ систему, и потому Н. А. рѣшилъ посмѣяться надъ простофилями.

[2]) «Вѣкъ» былъ органомъ чисто либеральной группы, и потому Добролюбовъ посмѣялся надъ нимъ, тѣмъ болѣе, что всѣ четыре указанныхъ литератора не имѣли между собой ничего общаго, что̀ бы ихъ плотно сливало въ единую редакцію.

Почему *Чернокнижникова «Вѣкъ»*? Не клевета ли это? Какъ же журналъ, посвящающій себя служенію общественной мысли, можетъ допустить до себя мысль о Чернокнижниковѣ?.. [1]).

Вотъ то-то и есть, что не мысль, а самого Чернокнижникова, такъ хорошо разсказывавшаго о масляничныхъ балаганахъ, допустилъ къ себѣ «Вѣкъ». Въ первомъ номерѣ его напечатано было письмо Чернокнижникова,—обѣщавшаго рядъ ихъ,—и всей Европѣ, черезъ посредство корреспондента Nord'a, возвѣщено: «Le brillant feuilletoniste» будетъ украшать «Вѣкъ» своимъ остроуміемъ. Европа не выразила своего изумленія, надо полагать, собственно потому, что не знала какого, сорта *блескомъ* отличаются фельетоны Чернокнижникова. Но мы думали: зачѣмъ же такъ поруганъ «Современникъ» за дружество со «Свистком»? Отчего же «Вѣку» позволяется заниматься чернокнижіемъ, а «Современнику» нѣтъ?

Но вообразите себѣ наше удивленіе при полученіи первыхъ номеровъ всѣхъ журналовъ! Въ концѣ 1860 года «Современникъ» не выдержалъ, и опять-таки пустилъ къ себѣ «Свистокъ»; въ первой книжкѣ слѣдующаго года тоже готовъ былъ «Свистокъ». Это, конечно, при великодушіи и гуманности «Современника» относительно меньшей братіи, и не было особенно удивительно. Въ другихъ же журналахъ мы ожидали по-прежнему жесточайшихъ укоровъ, высказанныхъ съ благороднымъ негодованіемъ и съ указаніемъ на «Revue des deux Mondes». И вмѣсто того,—что же?—во всѣхъ журналахъ заведенъ свистокъ!.. Во всѣхъ журналахъ балаганный отдѣлъ! Смотримъ, читаемъ, сомнѣваемся, такъ ли это?.. Да, ни малѣйшаго сомнѣнія: всѣ журналы, не исключая и тѣхъ, которые наиболѣе стараются походить на «Revue des deux Mondes», признали необходимымъ открыть балаганные отдѣлы, отдѣлы со свистомъ и пляскою!..

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», сверхъ обычнаго отдѣла *Современной хроники*, оказались «Записки Праздношатающагося». «Отечественныя Записки»! Помните ли вы, что въ «Revue des deux Mondes» нѣтъ «Записокъ Праздношатающагося», и что балаганные отдѣлы въ журналахъ недостойны литературы, сколько-нибудь уважающей себя.

Въ «Русскомъ Словѣ», вмѣсто солидной хроники общественной жизни, явились «Замѣтки Темнаго Человѣка». «Русское Слово»! Что, если бы «Замѣтки Темнаго Человѣка» явились въ Геттингенѣ? Какое впечатлѣніе произвели бы онѣ на тамошнюю публику?

«Библіотека для Чтенія» пустилась печатать «Воззрѣнія, чувства и наблюденія статскаго совѣтника Салатушки», подъ видомъ постояннаго фельетона. «Библіотека для Чтенія»! Можно ли унижать себя до смѣхотворныхъ воззрѣній статскаго совѣтника Салатушки, когда вокругъ раздается столько симпатическихъ голосовъ людей, честно служащихъ высокому дѣлу гражданскаго преуспѣянія, и когда въ самомъ вертоградѣ нашей словесности распускаются цвѣтки, достойные заботливаго и искуснаго ухода? Вспомни, «Библіотека», что кто рѣшается все осмѣивать, кто съ балаганнымъ индифферентизмомъ отзывается объ искусствѣ, о Рашели и Ристори, тотъ не имѣетъ сердца. Неужели ты не имѣешь сердца?

«Время», журналъ новый, долженствовавшій быть, если не робкимъ, то, по крайней мѣрѣ, осмотрительнымъ ,— и «Время» не побоялось дебютировать *фельетономъ*: «Записки ненужнаго человѣка» [1]). О, «Время»! о, нравы! воскликнули мы отъ глубины души...

Но всего больше поразилъ насъ «Русскій Вѣстникъ»: отъ него-то ужъ мы никакъ не ожидали, чтобы онъ завелъ у себя балаганный отдѣлъ, котораго нѣтъ въ «Revue des deux Mondes». А завелъ! и еще какъ завелъ: предварительно возвѣстилъ объ этомъ, а потомъ открылъ «Литературное обозрѣніе и замѣтки», въ которыхъ сталъ даже остроумныя заглавія пріискивать: «Старые боги и новые боги», «Нашъ языкъ, и что такое свистунъ», «Одного поля ягоды»... А помните, какъ, бывало, даже самыя ядовитыя статьи свои, какъ, напримѣръ, противъ князя Черкасскаго и пр., онъ пускалъ подъ величаво скромнымъ заглавіемъ: «Замѣтка». Гдѣ тѣ времена?.. О, «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Вѣстникъ»! Куда увлекло тебя подражаніе? И кому же? «Современнику»—«Свистку»!.. Не было ли предъ тобою образца въ почтенныхъ, истинно достойныхъ подражанія «Revue des deux Mondes», «Westminster Review» и т. п. Имѣютъ ли балаганные отдѣлы эти почтенные журналы, нѣкогда поставлявшіеся въ примѣръ «Современнику»? Занимаются ли они журнальными сплетнями, пишутъ ли ежемѣсячно длинныя статьи о свистѣ? Нѣтъ, «Русскій Вѣстникъ», если они и займутся свистомъ, то развѣ въ ученой статьѣ: о «свистѣ въ технически музыкальномъ отношеніи», т.-е. въ такой статьѣ, которая не уронитъ ихъ ученаго достоинства.

---

[1]) Псевдонимъ Дружинина, какъ фельетониста.

[1]) Ихъ велъ Ап. Григорьевъ.

О, «Атеней»! Зачѣмъ ты рано умеръ? А то и ты могъ бы теперь завести у себя балаганный отдѣлъ, который, можетъ, спасъ бы тебя отъ смерти.

Всеобщее сознаніе, заявленное всѣми журналами въ необходимости «Свистка», ободрило насъ, и мы немедленно хотѣли выписать его изъ-за границы, обѣщая ему, что житье нашему брату теперь въ Россіи теперь гораздо лучше заграничнаго: свищи, сколько душѣ угодно, — отголоски встрѣтишь повсюду. Но «Свисткомъ» на тотъ разъ овладѣло разочарованіе, и онъ не повѣрилъ возможности превращенія, о которомъ мы ему писали... Мы принуждены были остаться въ наблюдательномъ положеніи и долго оставались въ этомъ положеніи. Наклонность къ свисту всѣхъ журналовъ, даже и солиднѣйшихъ между ними, самая непритворная и искренняя, съ каждымъ днемъ обнаруживалась все болѣе и болѣе. Балаганные отдѣлы становились все обширнѣе и обширнѣе, свистъ съ каждымъ днемъ дѣлался все рѣзче и пронзительнѣе... Наконецъ, по поводу появленія лѣтомъ прошедшаго года «Полемическихъ красотъ» въ «Современникѣ» нѣкоторые журналы, забывъ и ученыя цѣли, которымъ постоянно служатъ, и многолѣтнія ученыя привычки, обратили положительно всѣ свои отдѣлы въ балаганные [1]). Вообще же свистъ сдѣлался столь пронзительнымъ и рѣзкимъ, что сталъ похожъ на визжаніе, раздавался непрерывно, неумолчно во всѣхъ журналахъ, газетахъ, газеткахъ, такъ что въ нескончаемости его въ отечественной литературѣ не могло оставаться болѣе никакого сомнѣнія. Тогда мы немедленно телеграфировали «Свистку» за границу, чтобы онъ, не тревожась болѣе никакими сомнѣніями, поспѣшилъ пріѣздомъ въ отечество. Осенью прошедшаго года «Свистокъ» прибылъ въ Россію, все еще полный недовѣрія въ общее сочувствіе къ нему отечественной литературы. Но едва успѣлъ пересмотрѣть нѣсколько книжекъ лѣтнихъ журналовъ, какъ ясно понялъ не только неосновательность своихъ сомнѣній, но и то, какъ много потерялъ онъ во время долгаго пребыванія своего за границей... Оказалось, что вѣчно ясное небо Италіи, благодатная южная природа, античные памятники классической древности подѣйствовали самымъ вреднымъ образомъ на способности къ свисту... Свистъ потерялъ рѣзкость, пронзительность, жесткость—обычныя свойства свои на сѣверѣ, сдѣлался мягкимъ, пѣвучимъ, нѣжнымъ... однимъ словомъ, совершенно негоднымъ для дѣйствія въ литературѣ отечественной. «Свистокъ» сильно этимъ обезпокоился, и употребилъ всѣ силы, чтобы снова *ожесточить* свой свистъ, сдѣлать его солидарнымъ свистамъ россійскимъ. Отказавшись отъ всѣхъ удовольствій сѣверной столицы, запершись въ кабинетѣ, «Свистокъ» свистѣлъ себѣ уединенно, стараясь подражать лучшимъ образцамъ современнаго свиста [1]). Статьи «Старые боги и новые боги», «Нашъ языкъ и что̀ такое свистуны», «Одного поля ягоды» не сходили у него со стола... Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорнаго труда свистъ началъ видимо укрѣпляться. Въ немъ послышались родные звуки... Но отъ совершенства онъ былъ все еще далеко... А между тѣмъ приходило время, когда «Свистокъ» волей-неволей долженъ былъ выступить на общественную арену... Наступало тысячелѣтіе Россіи... Времени оставалось немного... «Свистокъ» снова заперся въ своемъ кабинетѣ и сталъ работать съ утроенной силой... Наконецъ, наступила и давно ожиданная всѣми великая эпоха въ жизни нашего отечества. А «Свистокъ» все еще оставался не вполнѣ доволенъ сдѣланными имъ успѣхами...

Долго думалъ «Свистокъ», отозваться ли ему,—т.-е. свистнуть ли, по поводу совершившагося тысячелѣтія Россіи, или благоразумно промолчать, точно такъ, какъ благоразумно промолчали въ свое время и «Санкпетергбурскія Вѣдомости» и «Сѣверная Пчела» о несостоятельности главнаго общества желѣзныхъ дорогъ [2]). Оказалось, однакожъ, что «Свистку» молчать было вовсе невозможно. Всѣ газеты, журналы, ученые, даже Николай Ивановичъ Костомаровъ, даже календарь заговорили о тысячелѣтіи Россіи. Могъ ли «Свистокъ» ничего не свистнуть о такомъ великомъ событіи? Но не одно самолюбіе заставило «Свистокъ» вновь выступить на общественную арену, а, можно сказать, сердечное сочувствіе къ великой эпохѣ... Празднуя тысячелѣтіе Россіи, «Свистокъ» праздновалъ нѣкоторымъ образомъ свое собственное тысячелѣтіе. Нѣтъ вѣдь ни одной прочной славы, которая явилась

[1]) Чернышевскій этой статьей поднялъ на себя „Отечественныя Записки“ и „Русскій Вѣстникъ“, взапуски старавшіеся отвѣтить ему на все и еще забѣгать впередъ.

[1]) Ясный намекъ на непропускъ цензурой цѣлаго ряда номеровъ «Свистка».

[2]) Здѣсь была полная панама, не вскрытая печатью только вслѣдствіе заинтересованности части органовъ въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе прямого приказа ничего не печатать и, наконецъ, вслѣдствіе небезкорыстнаго желанія подслужиться; все это происходило потому, что всѣ высшія сферы состояли акціонерами новаго дѣла... Словомъ, исторія очень похожая на манчжурскія земельныя спекуляціи передъ японской войной 1904—1905 годовъ.

и утвердилась въ мірѣ, не бывъ предварительно никѣмъ освистана. Не освищи славяне варяговъ, они никогда бы не поняли ихъ достоинства и мудрости и никогда не призвали бы ихъ «*володѣти*» собою. «Свистокъ» твердо убѣжденъ и не можетъ не гордиться, что даже такое могущественное государство, какъ Русское, своимъ существованіемъ обязано нѣкоторымъ образомъ его несомнѣнному содѣйствію. Только нерасположеніемъ къ «Свистку» или недальновидностью нашихъ ученыхъ и журналистовъ можетъ быть объяснено то обстоятельство, что никто изъ нихъ не упомянулъ доселѣ о такой важной заслугѣ «Свистка».

Скромное сознаніе этой заслуги было, между прочимъ, причиною, что «Свистокъ» и послѣ того, какъ рѣшился выступить передъ публикою, долго колебался: какимъ свистомъ выразить ему свои задушевныя думы о тысячелѣтіи Россіи? Держаться ли ему стиля *серьезно-возвышеннаго*, какимъ пишетъ обыкновенно г. Громека и о полиціи, и о неисполненіи положеній торопецкимъ мировымъ съѣздомъ, и о шарамыжной какой-то воскресной школѣ, существовавшей въ Иркутскѣ назадъ тому полтора вѣка; — или *бурно-догматическаго*, которымъ разятъ враговъ своихъ «Литературныя Замѣтки» и «Элегіи» «Русскаго Вѣстника», или, наконецъ, *нѣжно-историческаго* и *обличительно-сочувственнаго*, какимъ говоритъ обыкновенно публицистъ «Сѣверной Пчелы» о явленіяхъ жизни общественной, въ особенности же государственной... «Свистокъ» самъ, по мягкой природѣ своей, былъ бы склоненъ къ свисту въ послѣднемъ родѣ. Даже послѣ поѣздки за границу, послѣ основательнаго изученія античныхъ памятниковъ классической древности, послѣ долгаго наслажденія вѣчными красотами южной природы, послѣ короткаго знакомства съ европейской цивилизаціей, онъ находилъ бы только свой свистъ и единственно приличнымъ въ нашемъ благоустроенномъ обществѣ. «Свистокъ» не рѣшался однакожъ начать свиста первый; онъ боялся, чтобы нѣжнымъ и мягкимъ свистомъ не унизить важности событія и торжества, и тѣмъ не поставить себя въ непріятное положеніе впослѣдствіи отсвистываться отъ нападеній патріотовъ; съ другой стороны, и свистѣть возвышенно было также небезопасно. Начни «Свистокъ» свистъ въ такомъ родѣ, — недоброжелатели «Свистка» сейчасъ бы заговорили, что онъ поднялъ свистъ возвышенный потому только, что самъ участвовалъ въ основаніи государства и хочетъ воспѣть свои собственныя заслуги. Такая точно исторія, какъ то небезызвѣстно читателю, случилась назадъ тому нѣсколько лѣтъ съ г. Громекою. Въ бытность свою редакторомъ «Листка» Общества пароходства и торговли, онъ на одномъ торжественномъ обѣдѣ стилемъ возвышеннымъ описалъ многочисленныя заслуги «Листка», — не имѣя при этомъ, само собою разумѣется, вовсе мысли о себѣ и о своихъ подвигахъ, — а его заподозрили въ самовосхваленіи [1])...

438. „СВИСТОКЪ“ AD SE IPSUM [2]).

Свободный, какъ птица, не связанный срокомъ
Журнальной подписки и выхода книжекъ,
Являюсь я рѣдко, всегда ненарокомъ,—
Но яркими буквами слѣдъ свой я выжегъ
Въ сердцахъ благодарныхъ россійскихъ согражданъ.
Мой свистъ облегчалъ ихъ сердечныя раны;
Какъ влага въ пустынѣ, я былъ ими жажданъ,
Когда ихъ томили сухіе туманы;
Во мнѣ лишь нашли они ключъ разумѣнья,
Когда возникала россійская гласность,
И головы мудрыхъ повергла въ сомнѣнье—
И розгу, и взятку не ждетъ ли опасность;
Я былъ утѣшеньемъ, я былъ имъ опорой,
Когда населенье Россіи смущенной
Пугалъ нашъ прогрессъ удивительно-скорый,
Внезапно открытый въ Москвѣ умиленной,
Вопросъ о евреяхъ, вопросъ о норманнахъ,
Великій вопросъ объ экзаменѣ строгомъ,
Шестнадцать гусей неповинно пожранныхъ
И опытъ пощенья по волжскимъ дорогамъ;
Короче—на все, что̀ роднымъ публицистамъ
Тревожило сердце и умъ волновало,—
На все отзывался я радостнымъ свистомъ
И всѣхъ утѣшалъ я... Но этого мало:
Въ Европѣ свершилась великая драма,
И къ ней обратилъ я родное вниманье,
Австрійской поэзіей Якова Хама
Согражданъ моихъ просвѣтивъ пониманье.
Неаполю далъ я благіе уроки,
На все отозвался,—ни слабо, ни рѣзко,
И, всюду сбирая прекрасные соки,
Воспѣвъ Гарибальди, воспѣлъ и Франческо!..
И нынѣ являюсь я къ читателю снова;
Хочу наградить я его за терпѣнье,
Хочу я принесть ему свѣжее слово,—
Насколько возможно въ моемъ положеньи...
А, впрочемъ, читатель ко мнѣ благосклоненъ,
И въ сердцѣ моемъ онъ прекрасно читаетъ:
Онъ знаетъ, къ какому я роду наклоненъ,
И лучше ученыхъ мой свистъ понимаетъ.
Онъ знаетъ: плясать бы заставилъ я дубы,

---

[1]) Эта оплошность Громеки была въ свое время (1860 г.) очень ядовито высмѣяна, между прочимъ, въ «Искрѣ».

[2]) Заглавіе заимствовано у Горація; означаетъ: «Свистокъ» къ самому себѣ. *Прим. Д.*

Совсѣмъ измѣнилъ бы ихъ нравы и доли,
Когда бъ на морозѣ не трескались губы,
И свистъ мой порою не стоилъ мнѣ боли...

439. ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЭСКИЗОВЪ.

Стихотворенія Конрада Лиліеншвагера.

1.

ВЪ ПРУССКОМЪ ВАГОНѢ.

По чугуннымъ рельсамъ
Ѣдетъ поѣздъ длинный;
Не свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.

Часомъ въ часъ разсчитанъ
Путь его помильно...
Воля моя, воля!
Какъ ты здѣсь безсильна!

То ли дѣло съ тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Безъ нужды, безъ цѣли
Землю полосуя.

Не хочу я прямо—
Забирай налѣво,
По лугамъ направо,
Взадъ черезъ посѣвы...

Но, увы!—ужъ скоро
Мертвая машина
Стянетъ и раздолье
Руси-исполина.

Сыплютъ иностранцы
Русскіе милльоны,
Чтобы русской волѣ
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ:
Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой;

То обвалитъ насыпь,
То мостокъ продавитъ,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухорски направитъ.

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мятелью станетъ
Сутки трои въ полѣ.

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождемъ особу,
Сильную въ семъ мірѣ.

Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Произволъ не свяжетъ
Руси-исполина.

Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

2.

ВЪ ДРЕЗДЕНѢ.

Концертъ на Брюлевской террасѣ—
Надъ мутной Эльбой, съ кружкой пива...
Неподалеку, въ Fischerhasse,
Поманитъ въ окна васъ игриво.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Гдѣ нѣмецъ куритъ, пьетъ, внимаетъ,
И, точно въ рукодѣльномъ классѣ,
Чулокъ всѣхъ нѣмокъ занимаетъ.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Подъ звукъ Бетховенской сонаты,
Гдѣ нашъ соотчичъ разъ въ экстазѣ
Подпѣлъ мотивъ изъ Травіаты.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Гдѣ русскій русскихъ тотчасъ чуетъ,
И напоказъ нѣмецкой расѣ
Шампанскимъ встрѣчу торжествуетъ.

Да, русскій тотчасъ отличаетъ
Здѣсь земляковъ въ веселой массѣ,
Гдѣ звонъ стакановъ заглушаетъ
Концертъ на Брюлевской террасѣ...

3.

ВЪ ПРАГѢ.

Только-что разставшись съ родиной святою.
Я скучалъ межъ нѣмцевъ русскою душою,
И, отвесть чтобъ душу, къ дорогимъ славянамъ
Полетѣлъ я въ Прагу,—съ легкимъ чемоданомъ.
Облегчилъ его я, сколько то возможнѣй,
Труся предъ австрійской грозною таможней.

Но со мной возились—не скажу, чтобъ много:
«Гидъ новѣйшій Праги» разсмотрѣли строго,
Туфли, панталоны, галстухи, рубашки,

Пять или шесть листочковъ почтовой бумажки—
Все перевернули; въ стѣнки чемодана,
Въ крышу постучали—не нашли обмана,
Лишь одна брошюрка, изданная въ Вѣнѣ,
Чуть не послужила къ непріятной сценѣ.
О правахъ брошюрки споръ-было родился;
Но разумный нѣмецъ тотчасъ уходился,
Какъ ему на «*Вѣну*» указалъ я пальцемъ.
Вообще—въ таможнѣ не былъ я страдальцемъ.

Подъѣзжая къ Прагѣ, полонъ чувствомъ новымъ,
Могъ лишь повторить я вслѣдъ за Хомяковымъ,
Какъ не должно Прагѣ хвастать предъ Бѣлградомъ,
А Москвѣ кичиться передъ Вышеградомъ,
Какъ на Петчинъ, въ ризѣ древняго Кирилла,
Шествовалъ епископъ, а во слѣдъ валила
Народная сила, въ доблестной отвагѣ,
Какъ заснулъ поэтъ нашъ, думая о Прагѣ...

И вступилъ я въ Прагу, и мечту поэта
На яву увидѣлъ, средь дневного свѣта.
Былъ какой-то праздникъ. Не было прохода
Въ улицахъ широкихъ отъ громадъ народа.
Впереди блестѣли, въ воздухѣ подъяты,
Знаменія вѣры, убраны богато
Фонари, хоругви, мощи и иконы,
Съ торжествомъ особымъ высились мадонны.

---

440 * * *.

«Напечатано въ I кн. «Современника» 1862 г. Написано передъ самой смертью; по указанію Некрасова,—это самое послѣднее стихотвореніе Добролюбова. Оно ясно говоритъ о сознаніи больнымъ приближенія скораго конца и о крушеніи, такимъ образомъ, всѣхъ надеждъ...

М. Л.

Пускай умру—печали мало,
Одно страшитъ мой умъ больной,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:
Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.
Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я,
Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ №. 383. Къ сказанному въ моей замѣткѣ къ № 383 считаю очень важнымъ добавить еще нѣсколько штриховъ объ отношеніяхъ Добролюбова и Тургенева, любезно сообщенныхъ мнѣ Е. А. Ляцкимъ изъ бумагъ А. Н. Пыпина. Въ архивѣ послѣдняго имѣются весьма цѣнныя воспоминанія Н. Г. Чернышевскаго о Некрасовѣ, Тургеневѣ и Добролюбовѣ, до послѣдняго времени непоявившіяся въ печати. Заимствую оттуда то, что̀ прямо дополняетъ сказанное мною.

Упомянувъ о томъ, что отношенія Добролюбова и Тургенева въ началѣ сотрудничества перваго изъ нихъ въ «Современникѣ» обычно были любезными, Чернышевскій продолжаетъ: «отношенія ихъ приняли иной характеръ, когда Добролюбовъ поселился въ квартирѣ, примыкавшей къ квартирѣ Панаева и Некрасова, и обѣдая у нихъ, сталъ проводить значительную часть своего времени отдыха у Некрасова». Пріѣзжая въ Петербургъ, и Тургеневъ проводилъ большую часть своего времени у Некрасова, слѣдовательно, очень часто встрѣчался съ Добролюбовымъ, какъ уже говорилось, тоже

проводившимъ большую часть дня у Николая Алексѣевича. Когда Добролюбовъ писалъ свой разборъ романа Тургенева «Наканунѣ» и Чернышевскій читалъ эту статью въ корректурѣ, у Н. Г—ча не было никакихъ мыслей о чемъ-нибудь особенномъ въ отношеніяхъ между Добролюбовымъ и Тургеневымъ, и онъ полагалъ, что они такія же, какъ между Тургеневымъ и имъ самимъ: «нѣтъ горячей симпатіи, но есть довольно хорошее взаимное расположеніе знакомыхъ, не имѣвшихъ желанія сближаться, однако чуждыхъ и всякому желанію расходиться». Черезъ нѣсколько времени послѣ выхода указанной статьи Н. А—ча въ свѣтъ, Чернышевскій разговорился съ Тургеневымъ и услышалъ отъ него какія-то сужденія о Добролюбовѣ, звучавшія, казалось ему, чѣмъ-то враждебнымъ. Тонъ былъ мягкій, какъ вообще у Тургенева, но сквозь комплименты Н. А—чу, которыми всегда пересыпалъ Тургеневъ свои разговоры съ Чернышевскимъ о его другѣ, видѣлось ему какое-то озлобленіе противъ критика. Когда Чернышевскій передалъ свое впечатлѣніе Некрасову, послѣдній сказалъ: «Да неужели же вы ничего не видѣли до сихъ поръ? Тургеневъ ненавидитъ Добролюбова». Причинъ этой ненависти Некрасовъ видѣлъ двѣ: главная и давнишняя—рѣзкость Н. А—ча, какъ-то позволившаго себѣ оборвать надоѣвшаго ему своими то нѣжными, то умными разговорами Тургенева словами: «Иванъ Сергѣевичъ, мнѣ скучно говорить съ вами и перестанемъ говорить»,—и при томъ вставшаго и перешедшаго въ другой конецъ комнаты. Послѣ этого Тургеневъ упорно продолжалъ заводить разговоры съ Н. А—чемъ, но послѣдній всегда уходилъ отъ него. Наконецъ, Тургеневъ «отсталъ отъ заискиванія задушевныхъ бесѣдъ» съ Добролюбовымъ, и они обмѣнивались только нѣсколькими словами при встрѣчѣ и прощаньи...

Вторая причина — статья Н. А—ча о «Наканунѣ». Тургеневъ нашелъ ее обидной для себя: Добролюбовъ третируетъ его, какъ писателя безъ таланта. Некрасовъ соглашался, что Тургеневъ въ правѣ сердиться: статья очень обидна для автора, ожидавшаго безусловнаго себѣ панегирика. Правда, Некрасовъ нисколько не порицалъ Добролюбова, — онъ только смѣялся надъ обманутыми надеждами Тургенева на восхваленіе.

Несмотря, однако, на все разсказанное, наружно отношенія между романистомъ и критикомъ, все-таки, продолжали оставаться прежними, т.-е. не казавшимися плохими.

Тургеневъ иногда жаловался Чернышевскому на его друга, очевидно, предполагая, что Н. Г—чъ не вполнѣ солидаренъ съ нимъ. «Каковы были мои отношенія къ Добролюбову, — говоритъ Чернышевскій, — этого нельзя было не понимать и наивнѣйшему человѣку въ мірѣ, видѣвшему насъ вмѣстѣ и хоть слышавшему, какимъ тономъ я говорю о Добролюбовѣ: людямъ, знавшимъ о нашихъ отношеніяхъ несравненно меньше, чѣмъ Тургеневъ, было извѣстно, и вполнѣ понятно, что жаловаться на Добролюбова мнѣ несравненно безполезнѣе, чѣмъ на самого меня; и однакоже Тургеневъ жаловался».

«Открытымъ заявленіемъ ненависти Тургенева къ Добролюбову былъ, какъ извѣстно, романъ «Отцы и дѣти». Мнѣ случилось читать, что Тургеневъ находилъ нужнымъ печатать объясненія по вопросу объ отношеніяхъ этого романа къ лицу Добролюбова; попадались на глаза и кое-какіе отрывки изъ этихъ объясненій. Но это были только отрывки, и не берусь по нимъ рѣшать, удовлетворительны ли были объясненія, взятыя всѣ вмѣстѣ. Мнѣ самому случилось знать дѣло по разсказамъ лицъ дружныхъ съ Тургеневымъ. Важнѣйшее изъ того, что я слышалъ,—разсказъ какого-то изъ общихъ пріятелей Тургенева и г-жи Марковичъ о разговорѣ ея съ Тургеневымъ. Она жила тогда за границей, гдѣ-то или въ Италіи, или во Франціи; быть можетъ, въ Парижѣ.. Тургеневъ, жившій въ томъ же городѣ, зашелъ къ ней. Она стала говорить ему, что онъ выбралъ дурной способъ отмстить Добролюбову за свои досады; онъ компрометтируетъ себя, изобразивъ Добролюбова въ злостной каррикатурѣ. Она прибавила, что онъ поступилъ, какъ трусъ: пока былъ живъ Добролюбовъ, онъ не смѣлъ вступить съ нимъ въ борьбу передъ публикой, а теперь, когда Добролюбовъ умеръ, чернитъ его. Тургеневъ отвѣчалъ, что она совершенно ошибается: ему и въ голову не приходило думать о Добролюбовѣ, когда онъ изображалъ Базарова. Это дѣйствительно портретъ дѣйствительнаго лица, но совершенно иного; это медикъ, котораго онъ встрѣчалъ въ той провинціи, гдѣ его помѣстье. Тургеневъ называлъ ей фамилію медика; лицо, пересказывавшее мнѣ разговоръ, не помнило ея. Мнѣ кажется, будто бы я припоминаю, что этотъ медикъ, по словамъ Тургенева, занималъ въ то время должность уѣзднаго врача, но не ручаюсь за эту подробность моего воспоминанія. Госпожа Марковичъ стала говорить, что напрасно Тургеневъ отрицаетъ намѣреніе мстить Добролюбову: изъ романа ясно, что онъ имѣлъ его... Тургеневъ сознался, наконецъ, что дѣйствительно онъ желалъ мстить Добролюбову, когда писалъ свой романъ».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
въ I—IV томахъ [1]).

(Большія римскія цифры означаютъ тома; малыя римскія—страницы біографіи Добролюбова; арабскія цифры въ скобкахъ—страницы, спеціально посвященныя указанному лицу).

Абдулъ-Азисъ IV 822.
Абердинъ II 783.
Аблесимовъ I 12.
Абульфедъ I 689.
Абу-Нуцалъ III 811.
А. В. I 700.
Августиновичъ III 823.
Августинъ IV 627.
Августъ II 38, 116, 324.
Авдѣевъ, М. В. I 468, 971, 972.
Аверкіевъ I LXXXVIII, LXXXIX.
Авраамій Смолен. II 1010.
А. Г. I 198.
Адамсъ II 781.
Аделунгъ I 472, III 195.
Адиль-Гирей III 806.
Адлербергъ, В. Ѳ., гр. I 29, 65, 427, 428, III 150.
Адріанъ, патр., II 32, 88, 140.
д'Азеліо IV 692, 699, 700, 702.
А. И. Г. III (985—988).
д'Айала IV 500.
Айвазовскій, И. К. II 449.
Айоса IV 568, 624.
Акама II 30.
Аксаковъ, И. С. II 159, 160, (497—512), 934, III 451, IV 798.
Аксаковъ, К. С. I XLV, CL 543, 562, 707, II 794, (917—922), 934, 966, III 1050, 1051, IV 144, 183, 405, 948.
Аксаковъ, С. Т. I 212, 469, (705—748), II 566, 934, (973—988), III 292, 567, 613, 709, 989, 1037, 1038.
Алабушевъ III 273, 276.
Алабушевъ, Пр. II 706.
Алварссъ, Л. I 857.
Алейскій, С. III (555—564).
Александра Ѳеодоровна I 429.
Александровичъ I LXXXVI—LXXXVII, CIII.
Александровъ III (499—510).
Александръ I 192.
Александръ I. I 56, 480, 497, 573, 976, II 997, III 658, 715, 716, 722, 736—738, IV 24.
Александръ II. I LXI, CXXXIX. 30 45, 68, 70, 80, 224, 425, 591, 630, 845, II 24, 384, 926, III 149, 236, 266, 943, IV 35, 825.
Александръ III, папа. III 987.
Александръ Невскій II 1010.
Алексѣевъ I LXI.
Алексѣевъ, Я. II 473.
Алексѣй II 1011.
Алексѣй Михайловичъ I 39, II 8, 22—27, 32—34, 49, 53, 61, 62, 74, 78, 120—122, 124, 146, 470, 546, 883, III 204.
Алексѣй Петровичъ II 88, 123, 877, 879, 880.
Алкивіадъ I 423, 424.
Алленъ II 775.
Алессандріа IV 458.
Алипкачъ-Бекъ III 815.
Аллури IV 577.
Алмазовъ, Б. Н. II 871, 872, 876, 880, (887—898), III 312.
Алтести III 695.
Алфераки III 688.
Альба II 253
Альбертини, Н. В. II 934, IV 629, 631, 920, 921.
Альбицкій IV 206, 212—214, 219.
Аль-Гакемъ II 348.
Альфіери IV 496, 702.
Амари IV 494, 495.
Амартолъ, Г. I XCVI (313—314), (985—996), III 104.
Amyot IV 520.
Аммонъ, И. II 934.
Амперъ III 132.
Амру-Ибнъ-Эль-Аассъ I 690.
Анастасевичъ I 116, 943.
Анастасія III 461.
Andersen II 637, 638.
André II 639.
Андреевъ, А. II 934.
Андрей III 202.
Андрей Боголюбскій I 193, II 472.
Аничковъ, В. М. I CXXCV, CXL, II 337, III 883.
Аничковъ, Е. В. I XCII, XCIII, CXXIII.
Аничковъ, С. И. I 719.
Анна Британская II 640.
Анна Іоанновна II 725, III 806.
Анна Михайловна II 65.
Анненковъ, Н. II 934.
Анненковъ, Н. Н. I 895.

[1]) Настоящій указатель полезенъ для каждаго, кто хотѣлъ бы ознакомиться со всѣмъ, что̀ сказалъ Добролюбовъ о томъ или другомъ лицѣ. Въ отношеніи многихъ писателей и общественныхъ дѣятелей такое ознакомленіе очень полезно и для изученія самого Николая Александровича.

При справкахъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что многіе иниціалы именъ и отчествъ встрѣчаются въ указателѣ и отсутствуютъ въ текстѣ.

Анненковъ, П. В. I cxliv 285, (561—580), (791—816), II 158, 159, 184, 333, 726, 934, IV 30, 31, 37, 369, 544, 859.
Антонелли IV 192.
Антоній I 991, II 449.
Антоновичъ, М. А. I ci, cix, cxix, cxx, cxxvi, cxxxix, cxlvi, 3^0, II 183, 369, 598, 600, 791, 797, 927, III 153, 229, 609, IV 591, 592, 919.
Антонскій I 1 1.
Анфантенъ I 560.
А. О. III (289—290).
А. П. II 886.
А. П. См. Павловскій, А.
Аппельротъ I (609—624), II 862,
Аппони IV 847.
Аппуцци IV 483, 486.
Апраксинъ, Ѳ. М. II 94, 98.
Апухтинъ, А. Н. I cxl, IV 252, 876.
Араповъ II 333, 336.
Арбузовъ IV 185.
Аргутинскій-Долгоруковъ, кн. III 814, 816.
Арина Родіоновна I 288, 292.
Аристиппъ I 494.
Арендтъ, Н. III 273, 276.
Аристотель I 902, IV 312.
Аристофанъ I 526, III 310, IV 256, 377, 482.
Армансъ IV 119.
Армфельдъ, А. II 934.
Arnaud. S. III 38.
Арнольди III 862.
Арсеньевъ, А. II 934, 961.
Арсеньевъ, И. II 934, 961.
Арсеньевъ, К. И. II 273, 568, 572, 983, III 77.
Арсеньевъ, К К. I cliii.
Артамонова III (271—276).
Артемьевъ, А. И. III 1037.
Архангельскій, М. I (579—588), (783—786).
Архимедъ IV 512.
А. С. III (519—524).
Аскольдъ III 430, 431.
Аскоченскій, В. И. IV 920, 936.
Атилла I 757.
Атрыганьевъ III 602.
Афраній I 310.
Ахматовъ, М. Н. III 1037.
Ахмедъ-ханъ-Мехтутлинскій III 811.
Ахшарумовъ, В. Д. III (229—248), 794, IV 242, 304, 312, 362.
Ахшарумовъ, Н. Д. II 866, III (229—248), 860.
Ацельо III 253.
А. Щ. III 709.
Аѳанасій II 94.
Аѳанасьевъ, А. I 13, 15, 22, II (351—360), 624, (693—700), 934, 1009, III (637—738), IV 633.
Аѳанасьевъ-Чужбинскій II 624, III 623.

Babillon II 634.
Бабстъ, И. К. I 482, 605, II 454, 497, 722, 934, 971, III (827—850), 910, IV 110, 139, 145, 146.
Баевъ, В. Л. I (769—782). II (575—576).
Бажановъ, В. III (499—510).
Баженовъ III 265.
Базилевская IV 803.
Базилевъ, И. В. III 1037.
Байборода см. Катковъ, М. Н., Леонтьевъ, П. М.
Байеръ III 104, IV 114, 116, 140.
Байковъ III 783—791.
Байронъ I cxxii 292, 443, 446, 584, 671, 672, 782, 785 798, 813, 899, II 353, 402, 490, 891, 892 III, 978, IV 177—181, 186, 192, 229, 230, 374, 907.
Бакунинъ III 1044.
Бакунинъ, М. А. I 806, 807, IV 37.
Балашевичъ III 351.
Бальбо, Ч. IV 505, 506, 552, 554—556, 693, 694, 697, 699, 702, 729.
Бальзакъ I (223—224), 333.
Бандьера IV 466, 692, 736.
Бантышъ-Каменскій I 196, 197, 199.
Банъ II 102.
Барантъ II 923.
Баратынскій II 801.
Баркдай-де-Толли I 961—963.
Барковъ, И. С. III 87—93, 493, 495.
Бароній I 105.
Барріэль IV 440.
Барсовъ, Н. I 133, 211, II 934.
Барсуковъ, Н. П. I civ, III 266.
Бартель III 99.
Бартеневъ, И. П. II 477.
Баршевъ, С. И. II 454, 934.
Барятинскій III 821, 822, 827.
Басмановъ II 885.
Басси, I. IV 596.
Бастильонъ II 632.
Бастіа II 359.
Бастоджи IV 667.
Батый II 806, 1010, III 203.
Батюшковъ, К. Н. I 290, 565, 671, 682, II 450, 603, 604, 1004, III 209—212, 989.
Бауэръ, Б. I lxxviii.
Башиловъ IV 178.
Башкирова, О. Н. I lxvii.
Бебутовъ III 817.
Безбородко III 695, 720, 721.
Безобразовъ II 57.
Безобразовъ, А. П. III 1037.
Безобразовъ, В. П. II 934, IV 106, 440, 445, 742, 939, 940.
Безобразовъ, Н. А. II 844, 848, IV 90, 346.
Безобразовъ, Н. П. III 1037.
Бейтонъ II 549.
Бекгаузъ III 846.
Бекетовъ, А. II 934.
Бекетовъ, В. Н. IV 28, 32, 33.
Бекингъ III 846.
Беккеръ I 312.
Беллини IV 493.
Белль I 209, II 755, 780.
Беллюстинъ, I. С. III (265—272), IV 542.
Бемеръ, Ф. I 252, (895—928).
Бемъ I 251, 252, 261, II 838.
Бенардаки, Д. Е. II 552, III 117, 603, IV 541.
Бенардаки, Н. Д. II (531—540).
Бенедиктовъ, В. Г. I 543—550, (589—606), 608, 814, 839, II 521, 600, 663, 664, 881, 920, 965, 1003, III 108, 191, 760, 798, IV 169, 181, 258, 259, 745.
Бенкендорфъ, А. Х., гр. I 430.
Бентамъ I 568.
Беранже I 626, 641, 676, II (663—690), IV 536.
Берви, В. I (747—758), 924, II 488, 493, 694, 695, 866.
Бергаузъ II 572.
Бергъ, Н. I (821—830), 972, III 273, IV 111, 135, 255, 537, 538, 641.
Березинъ I 473.
Беркай III 203.
Беркъ, М. Б. II 7, III 29.
Бернабо I lxxxix.
Берне, Л. III 101, 146.
Бернетъ I 839.
Бернсъ IV 543.
Бернъ II 780.
Беррье II 645, 647, 649, 650, 653—655, 658.
Бертани IV 643, 645.
Берхгольцъ, Ю. IV 540.
Бестужевъ, А А. I 43, 44, 324, II 881.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. II 934, IV 112, 631, 920, 921.
Бестужевъ-Рюминъ, М. II. I 33.
Бессе, А. III (865—870).
Бецкій I 235, 23^, II 706—708, 712, III 714, 715.
Б. ж м—въ, И. III (209—212).
Бибеско, Г. III 43—46.
Бибиковъ, П. А. III 143.

Бибра I 913.
Биксіо IV 597, 644, 645, 648, 657, 661, 728.
Бирон III 658, 661.
Бируковъ I 567.
Бицинъ III 709.
Бичеръ-Стоу III 2.
Біакай III 815.
Біанкани IV 496, 510.
Благовѣщенскій, Н. М. I XLIII, LXXX, XCIX, 110, 302, II 740, IV 543.
Благообразова, Ф. В. I LIII, CIII.
Благообразовъ, М. И. I XI, XLIII, XLVI, CIX, LXVIII, 23, 31.
Благосвѣтловъ, Е. IV 630, 634.
Бланкъ, Гр. II 279, 280, 844—849, IV 346.
Бланъ, Л III 279.
Блокъ, Г. II 370.
Блудовъ, Д. Н. II 740.
Блуменбахъ I 749.
Блэръ IV 309.
Блюкеръ IV 835.
Бобадилью, Н. I 86.
Боборыкинъ, П. Д. II 934.
Бобринскій IV 147.
Бобринскій, В. А. гр. II 1004.
Бобровъ II 978.
Бобровъ I 130.
Бобыль II 57.
Богданова III 94.
Богдановичъ, И. I 18, 188, II 209.
Богдановичъ, И. Ѳ. I 129, 130, 172, 179, 182, 183, 185, 187, 195, 200, 942, II 11, III 470.
Богдановичъ, П. I 195
Богдановскій. А. II 487, 1014.
Богдановъ, А. II 934.
Богдановъ III 783, 789, 790, 792, 793, 797.
Богдановъ I с.
Богдойскій II 547.
Богучарскій, В. III 153.
Богушевичъ, Ю. I 470, 473, 476 II (531—540).
Боджіо, К IV 517, 641, 643, 651.
Baudry, F. II 635.
Бодянскій I 644.
Божковскій III 862.
Boquin, I. II 633.
Боковъ, П. И. I CXLII.
Бокъ, К. Э. I (895—928).
Болеславъ I. II 442.
Болеславъ III. II 442.
Болотовъ I 713, 730, 738, II 707, III 709.
Бомарше III 802.
Бомбичелло IV 639.
Бомболь IV 499.
Бонги, Р. IV 649, 709.
Бонкомпаньи, IV 697, 706.
Бонъ, Б. IV 707.
Бордюговъ, И. И. I XCIII, CXVII, CXXI, CXXII, CXXIII, CXXVII, CXXIX, CXXXII, CXXXIII, II 363, 372, III 107, IV 915, 117, 152, 213, 279, IV 33, 109.
Боргезе, II. IV 684.
Борегаръ IV 838, 839.
Борзенковъ, II 934.
Борисовъ I 22.
Борисъ II 433.
Боричевскій II 701.
Борнсъ I 782, III 105.
Боррисъ IV 540, 549.
Боткинъ, В. П. I 112, (237—238), II 796, IV 523, 873, 874.
Боткинъ, С. П. I CXLII.
Ботлеръ IV 839.
Ботта IV 496.
Боцелли IV 505.
Бочаровъ, В. IV 794, 796, 807.
Брайтъ II 556.
Брайко, Г. I 121, 195.
Брайтъ IV 831, 832.
Брамбеусъ. См. Сенковскій, О. И.
Брандтъ II 450.
Браницкая I 53, III 720.
Брантъ, К. II 86—88, 131.
Брантъ, Л. В. I 26, 464, III 886.
Браунъ I XXXII, IV 80.
Бреби II 775.
Бредихинъ, Ѳ. II 937.
Бремеръ III 886, IV 233.
Брессинъ IV 440.
Бригеръ I 775.
Бризолезе IV 495.
Бродзинскій I 643.
Брокгаузъ I CLII, III 295, IV 442.
Бромме II 572.
де-Броссъ I 482.
Брофферіо, А. IV 517, 648, 657 661, 697, 698, 711, 714.
Брукъ IV 192.
Брумъ II 789.
Брутъ I 190, III 944, 945, 953.
Брюлловъ, К. П. IV 96.
Брылкинъ IV 204, 205.
Буало I 209, 992, II 812, 980, IV 740.
Будда II (577—592).
Бугенвиль I 749.
Буилье III 524.
Булачъ-Ханъ III 811.
Булгаковъ II 739.
Булгаковъ, П. А. III 1037.
Булгаринъ, Ѳ. В. I 23—28, 42, 43, 48, 445, 551, 569, 570, 587, 706, 831—833. 844, 975, 976, II 289, 334, 375, 395, 450, 535, 536, 701, 717, 792, 816, 822, 920, 934, 936, 951, 961, 971, III 150, 460, 536, 621, 865, 910, IV 141, 633.
Буличъ, Н. Н. II 624, 697, III 856.
Бунге, Н. Х. II 839, IV 112, 149, 798.
Буоль IV 514.
Бурбоны IV 442—518, 566, 569, 584, 598—602, 604, 608, 611—616, 623, 625—627, 646, 662.
Буренины I CXLIII.
Буркинэ III 47.
Бурхавъ I 209.
Буслаевъ Ѳ. И. I XCIV I, (13—22), II 934, 971, 1005, 1006, III 200, 210, IV 633.
Буташевичъ-Петрашевскій, М. В. IV 228, 857.
Буткевичъ II 928, 931.
Бутковъ, В. П. IV 853.
Бутовичъ I 59.
Бутурлинъ II 77, 94.
Бутурлинъ I 817.
Бухананъ IV 836.
Бухонинъ II 62.
Бѣгичевъ I 839, 930.
Бѣлинскій, В. Г. I L, LXIX, LXX, LXXVIII, LVII, CX, CXLV, CXLVI, CL, CLIII, 26, 112, 302, 315, 317, 413, 416. 563, 583, 589, 595, 596, 625, 627, 763, 793, 797, 798, 806, 811, 812—814, 836, 928, 942, II 177 (183—186), 188, 214, 218—220, 229, 335, 359, 450, 629, 694, 725, 796, 814—816, 822, 823, 826, 827, 890, 932, 971, 986, 1006, III (77—80), 148, 149, 909, 931, 990, 1041, IV 43, 44, 634, 783, 857.
Бѣльская, Е. III 461, 462.
Бѣльскій III 462.
Бѣляевъ, И. II 487, 866, 934.
Бѣшенцовъ, А. II (907—914), III 1050.
Быковъ III 989.
Бэконъ I 108, 749, III 522.
Бэръ II 538.
Бюргеръ II 334.
Бюхеле II 571.
Бэконтъ II 451.

Вагнеръ IV 543.
Вагнеръ, Н. II 934.
Вадковскій IV 800.

Вакоринъ III 606.
Валевскій, гр. IV 549, 720.
Валерій IV 139.
Валуевъ, П. А., гр. IV 114.
Вальтеръ I cxxxvi, cxxxvii.
Вальянъ III 41.
Ваненко И. III 209—212.
Vanault, A. II 631, 632.
Вас., Ф. А. I lii.
Ванъ-Бюренъ II 782, 783.
Васильева, А. С. I cxxviii, III 993.
Васильевъ, А. III (101—106).
Васильевъ, В. II (577—592).
Васильевъ, І. В. III 265.
Васильчиковъ, И. I 55.
де-ла-Варренъ, Ш, IV 462.
Вахновская, С. III (511—520), IV 149.
Вашингтонъ IV 829.
Введенскій, В. II 934.
Веберъ, Г. III (627—628), IV 110.
Веджецци, IV 708.
Ведровъ, В. I (419—426), II 349, 487, 488.
Вейбрехтъ III 653.
Вейде, А. II 101.
Веймарнъ I 824, 826.
Вейнбергъ, П. И. I 965, cxlix, II 370, IV 252, 920, 9 0.
Вейсъ IV 577.
Вейссъ II 416, 417, 420, 444, 866, III 516.
Веллингтонъ II 782, IV 907.
Вельо, Л. IV 546, 553. 558.
Вельтманъ, А. I 318, (757—762), II 429, 468, III 301.
Венгеровъ, С. А. I cli, clvii, III 294.
Венедекъ IV 192.
Вердеревскій, Е. I (461—468), 840, IV 185.
Верди I 908.
Веретенниковъ III 1037.
Вернадскій, И. В. II 600, 840, 866, III 117, 588, 608, 744, IV 379, 538, 540.
Вернеръ, фонъ III 603.
Вернъ, Т. IV 461, 462, 470, 473, 474, 476, 477, 481, 488, 503.
Веселаго, Ѳ. Ѳ. IV 669—671.
Веселовскій, М. II. III 1039.
Вивье I 320.
Вигель, Ф. Ф. I 928, 929, 938, 940—944.
Видокъ, В. II 703.
Визе II (523—528).
Вивинъ, фонъ Д. И. I 130, 131, 152, 153, 155, 162, 171, 179, 183, 185, 197, 199, 206, 210, 212, 229, 235, 310, 682, 683 II 250, 700, III 65, 470, 552, 645, 650, 654, 655, 713, 719, IV 747.
Викторія II 775.
Викторовъ III 819.
Викторъ-Эммануилъ II. IV 457, 465, 513, 516, 578, 588, 593, 597, 602, 604, 607, 608, 611, 617, 618, 623, 637, 640, 653—657, 653—657, 663, 670, 700, 731.
Виландъ I 212.
Вильмаръ III 99.
Вильменъ IV 440, 544.
Виммеръ II 531.
Виндишгрецъ III 800.
Виніусъ II 52, 86, 90, 96, 113, 129.
Винцъ III 603.
Виргилій I 629.
Витале IV 499.
Вителлій II 565.
Виттенгеймъ III 195.
Виттъ I 285.
Вичлайфъ IV 843.
Вишневскій I 109.
Вільгорскій, М. Ю. IV 96.
В. Л. См. Лядовъ, В.
Владиміреско, Ѳ. III 42.
Владимірова I xcix, c.
Владимірскій, В. А. II 740.
Владиміръ, I 989, 992, II 433, 434, 435, 442, 463, 467, 474, 701, III 470.
Владиміръ Мономахъ II 452, 1014, III 203.
Власова III 601.
Власовскій II 850.
Власьевъ IV 192.
Вовчокъ, Марко. См. Марковичъ, М. А.
Водовозовъ, В. И. II 740.
Водовъ III 760, 985, 988.
Воейковъ, А. Ѳ. I 474, 565, III 987.
Вознесенскій, П. IV 252.
Война III 788.
Волковъ II 854.
Волковъ, М. С. I (947—956), II 967, III 754.
Волковъ, Ю. II 934.
Волконскій, кн. I 429.
Воловичъ III 149, 151.
Волоховъ IV 814.
Волчковъ IV 803.
Волынскій, А. I cli, clv, III 945, 946.
Вольскій, М. II 934.
Вольтеръ I 152, 157, 160, 209—211, 229, 276, 319, 480, 568, 665, 756, II 12, 490, 974, III 146, 719, IV 354, 495.
Вольфъ I 84.
Вольфъ I 696.
Вольфъ, М. О. III 135, 136, 846.
Вонлярлярскій III 856, 864.
Воронинъ II 942.
Воронинъ III 766.
Воронинъ, Е. II 41.
Воронова III 875.
Воронова, А. I (789—790).
Вороновъ, А. I 973, II (703—712), III 715, 737, 861.
Воронцова III 603.
Воронцова, Е. К. II 278.
Воронцовъ, гр. I 207.
Воронцовъ, М. С., гр. III 817—819.
Воротынскій III 462.
Воскресенскій, М. И. II (321—330), III 223, 460, 722, 733, 911.
Востоковъ, А. Х. II 537.
В. П. II (725—728).
Вревскій I 60.
Всеволодъ II 463, 472, III 202, 474.
Всеволожскіе I cxxxviii.
В—скій, И. III 588—592.
Второвъ, Н. И. III 1037.
Вульфъ III 33.
Вуичъ IV 185.
Вызинскій, Г. II 934.
Высотскій, В. II 934.
Вышнеградскій, Н. А. I 109, 249, 250, 253, 682, II 253, III 53, 56, 99, 116, 740, 771, 938, 940, 942.
Вяземская, кн. III 602.
Вяземскій, кн. I 197.
Вяземскій, П. А., кн. I lx — lxiii, lxviii, lxxx—lxxxiii, cii, 26, 206, 294, 569, 938, II 223, 228, 334, 385, 386, 450, 740, 871, 965, III 606, 663, 666, 667, 721, IV 920.
Вязмитиновъ, П. II 469.
Вячеславъ III 202.

Г., Т. К. I cxvi, cxvii, cxxi, cxxii, cxxxi, cxxxviii.
Габельсбергеръ II 279.
Гавацци, А. IV 548, (593—630).
Гавриловъ, Д. II 934.
Hawthorne, N. II 634, 635.
Гагара II 449.
Гагаринъ II 883, 886.
Гагеманъ I 824.
Гаевскій, В. П. I 227, 565, 566, II 624.
Гайнау, III 800.
Гакстгаузенъ II 391.
Галактіонова II 942.
Галафѣевъ III 813.

Галаховъ, А. Д. I 1, (227—236), 467, 697, 698. II 175, 624, 934, III 133, 219, 968, 992, IV 109, 141, 143, 183, 195. 240, 544.
Галаховъ, С. П. I LV, LXXXIII — LXXXVI, CXIII—CXIV, CXL.
Галлартъ II 8.
Галленга, А. IV 644.
Галлеръ IV 850.
Галль I 254, 949.
Гамзатъ-Бекъ III 810, 811, 825.
Гамильтонъ II 770.
Ганеско IV 580, 581.
Ганка, В. I 818.
Гарибальди, I. III 543, IV 111, 256, 355, 442, 443, 457, 465, 468, 477, 480, 514, 516—518, 537, 539, 544, 545, 548, 557, 561, 565, 572—575, 581, 596, 598, 602—605, 607, 609, 611, 613—623, 638—645, 647, 657, 660, 663, 668, 682, 683, 691, 726—736, 946.
Гарнстъ IV 841.
Гарнье, I. II (359—364).
Гартенбахъ, Э. III (633—636).
Гартунгъ III 653.
Гарунъ-аль-Рашидъ I 432.
Гаршинъ, М. III 599.
Гаттуна IV 494.
Гаузеръ, К. I 918.
Hauff II 636, 637.
Гаяринъ II 863.
Г. В. III (53—56), (129—132).
Гверацци IV 643, 720, 726.
Ге, Ж. II 775.
Гегель, II 216, 566, 1014, IV 262, 493.
Гедеминъ II 702.
Гейбель III 101.
Гейденъ III 606.
Гейзингъ II 571.
Гейне, Г. I C, CXXXIV, 220, (241—244), (245—246), (249—250), (255—256), (257—258), (497—498), 524, 626, 640, (693—698), 782, (965—968), II 353, 490, 542, 673, 674, III 100, 101, 118, 146, 978, IV 38, 254, 256.
Гейнзій II 40.
Гельмольдъ III 104.
Генкель, И. I 687.
Геннади, Г. II (331—332), 624, III 61—66, (183—186)
Генрихъ III. I 92.
Генрихъ IV. I 92, 109, III 251.
Генслеръ I (497—498), 966.
Генцъ, К. II 934.
Георгіевскій, А. II 1014.
Георгій II 464.
Гераковъ I 943.
Гербель, Н. В. I 541, 544, (769—782), 957, II (157—164), (271—274), 624, III (913—918), 913.
Герберштейнъ I 472, 474, II 476.
Гердеръ I 696.
Гердъ, К. К. IV 633.
Hermanus, R. I 301.
Германъ II 1011.
Геродотъ I 373, 478, 480, 758.
Геростратъ II 950.
Герсевановъ III 581, IV 445.
Герстфельдъ III 886.
Герценъ, А. И. I LV, LXX, LXXI, LXXVII, LXXVIII, XC, XCI, CL, 57. 58, 346, 425, 627, 761, II 173, 290, 828, III 145, 150, 151—153, 242, 640, 644, IV 21, 35, 630.
Герштекеръ III 2.
Геснеръ I XIX.
Гессій II 348.
Гете I XXXVI, CXLIX, 443, 584, 756, 773, 798, II 490, 889, 892, III 100, 978, IV 374, 932.
Гецманъ III 802.
Гецъ I 304.
Гиббонъ I 422.
Гизаръ I 83.
Гизо I 481, II 406, 408, 409, 411, 538, IV 193.
Гика, А. III 43.
Гика, Г. III 42, 46.
Гильоменъ II 866, IV 798, 800.
Гильфердингъ I LXXIX.
Гиляровъ-Платоновъ, Н. П. I 562.
Гинтонъ IV 596.
Гіулай III 623, 800
Гладинъ IV 202, 203, 206, 216.
Гладкій II 77.
Гладстонъ [1]) II 556, III 199, 200, 201, 203, 205—210, 217, IV 450, 463, 467, 483—486, 502, 503, 508.
Глазуновъ, А. И. II 169, 187, III 476.
Глинка, А. IV 135.
Глинка, С. Н. I 4, II 937, IV 143, 745.
Глинка, Ѳ. Н. I 583, 831, 836, II 536, 565, 816, III 208, 874, 882, 912, IV 142, 143, 145, 183, 184, 185.
Глуховъ II 450.
Глѣбъ II 433.
Гоголь, Н. В. I XIX, LXXIX, 4. 24, 25, 27, 28, 42, 119, 230, 278, 294, 300, 302, 310, 317, 319, 321, 342, 563, 583, 595, 626, 627, 636, 673, 675, 680, 684, 722, 726, 767, 786, 790, 813, 838, 839, 929, 938—942, 945, II 157—159, 175, 189, 218, 219, 293, 297, 328, 332, 362, 391, 410, 450, 625, 696, 735, 738, 816, 834, 865, 895, 920, 927, 1014, III 92, 120, 149, 155, 208, 238, 311, 318, 366, 501, 909, 931, 989, 990, IV 10, 139, 179, 256, 354, 378, 487, 631, 857, 880. 883, 889, 939.
Гогоцкій III 950.
Годейнъ III 603.
Годунова, И. II 435.
Годуновъ, Б. Ф. II 27, 28, 44, 69, 121, 122, 429, 434, (591—598), 866, 883, III 470.
Гойонъ IV 854.
Голенищевъ-Кутузовъ I 197.
Голиковъ II 7, 12.
Голицына, кн. III 603, 604.
Голицынъ, кн. II 549.
Голицынъ, А. Н. кн. I 56, 428.
Голицынъ, А. Ѳ., кн. I CXXXVIII.
Голицынъ, Б. А., кн. II 49, 66, 67, 76, 78, 91, 96, 97, 123, 125.
Голицынъ, В. В., кн. II 67, 69.
Голицынъ, Н., кн. II 696.
Голицынъ, С. М., кн. II 390.
Голицынъ, С. П., кн. II 483, 848.
Головачева-Панаева, А. Я. I LIX, CXVIII, CXXV, CXLII—CXLV, 972, II 186, 798, 927, III 151, IV 28, 31—33.
Головачевъ, А. А. II 850—852, 854, 934, IV 633.
Головинъ III 812.
Головинъ II 99, 100.
Головинъ, И. Г. I 947, II 549, 576, III 602, IV 576.
Головкинъ IV 129, 217.
Головцынъ III 726.
Гомеръ I 230, 629, 900, 908, 939, 952, II 353, 358, 535, IV 229.
Гондонъ, Ж. IV 450—455, 467, 471, 473, 477—479, 486, 502—508, 517.
Гончарова, Н. Н. I 293.
Гончаровъ, И. А. I 383. II (169—174), 796, 1028, III 133, (139—196), IV 183, 857—859, 873, 939.
Горацій I 309, 312, 579, 992, II 491.
Горацій Коклесъ I 910.
Горвицъ II (932—936), (948—964), III 500, 503 IV 191.
Гордонъ, П. II 8, 48, 86, 88, 91, 94, 99—102, 108, 131, 134.
Горизонтовъ, А. III (759—768).
Горловъ, И. IV 112, 291.
Горскій II 1007.
Горстигъ II 279.
Горчаковъ, Д. М. I 52, 60.

[1]) Вездѣ Добролюбовымъ названъ ошибочно «лордомъ».

Горяиновъ II 450, III 772.
Горяиновъ, А. I (959—975).
Гофманъ I 812, II 468, III 68.
Граббе, П. Х. I xzv III 812, 814.
Грангильо IV 576.
Грановскій, Т. Н. I lxx, cxlvi 443, 478, 793, 794, 799, 805, 811, II 454, 693, 839, III 148, 149, IV 36, 149.
Гранье-де-Кассаньякъ IV 578.
Гребенка, Е. П. I 4, IV 857.
Гревій II 40.
Грейгъ III 33.
Греймсъ, Д. II 94.
Грековъ, Н. IV 12, 23, 175, 540, 542, 876.
Грестеровъ, кн. III 603.
Гречъ, Н. И. I lv, lvi, lxi, lxvii, lxxxix (23—28) 48, 62, 124, 195, 196, 312, 467, 551, 569, 570, 583, 586 587, 785, 831, 832, 835—839, II 289, 535, 702, 717, 792, 816, 934, III 99, 150, 201, 209, 536, 570, 632, 756, 910, IV 141, 143, 448.
Гржеголевскій, III 574, 575.
Грибовскій I 211, 679, III 320, 695, 720.
Грибоѣдовъ, А. С. I 310, 337, 683, 861, 930, II 198, (331—336), 450, 950, III 92, 737.
Грибоѣдовъ С. II 71.
Григорій VII. II 435, VI 609.
Григорій XVI. II 652.
Григоровичъ, Д. В. I xxiii lxv 228, 468, 470, 472, 790, 971, II 184, 328, 796, III 133, 300, 622, IV 38, 96, 183, 857, 858.
Григорьевъ, А. Н. I c, 846, II 454, III 105, 114, 115, 297, 298, IV 115, 146, 149, 220, 381, 382, 519, 934, 942.
Григорьевъ, В. В. I 478, 794, II 839.
Григорьевъ, Г В I 811.
Гриммъ I 229, II 636, 639.
Громека, С. С. II I cl, II (559—564), 934, III 116, 117, 296, IV 143, 149, 631, 921, 936, 945, 946.
Гросселенъ II 279, 280.
Гротъ I 121, 196, 206, 481, IV 112.
Губеръ IV 184.
Гульстъ, З. II 42, 45, 86.
Гумбольдтъ II 572.
Гуммелайеръ, IV 724.
Гумпрехтъ II 531.
Гунъ III 886.
Гурьевъ I 253, III 672.
Густавъ-Адольфъ I 976.
Гуткова I cxxx.
Гутцейтъ, В. I 895.
Гутьяръ, Н. IV 36, 37.
Гушке I 914.
Гюаде IV 578.
Гюго, В. IV 550.
Гюи-Мьежъ II 35.
Гюмъ I 236.

Дабормида IV 706.
Давидовъ, А. II 934.
Давидъ Святославичъ III 473.
Давія III 720.
Давыдовъ, А. И. I 971 II, 717, III 1037.
Давыдовъ, Д. В. II 383.
Давыдовъ И. И. I lv, lxi, lxviii, lxxx, lxxxiii, lxxxv, lxxxxi, cii, ciii, civ, cxxx, 36, 48, 81, 109—110, 213, 219, 229, 249—252, 259, 262, 581, 583, 785, 927. 929, 985, II (381—390), 535, 538, 816, 817, 1014, III 99, 105, 201, 209, 527—535, 632, IV 354, 355, 359.
Дагобертъ, I 289.
Даль, В. И. I cv, 609, 610, 618, 964, III 301, 761—767, IV 183, 521, 857.
Дальбергъ, II 116, 117.
Данилевскій, Г. П. I 109, 285, 699, 967, III 455, 457. IV 185.
Даниловичъ, I cxii, cxxxvi, cxxxvii, III 946.
Даниловъ I 730, 735, 746, II 706.
Даниловъ, К. Д. I 956, III 709.
Даніилъ Заточникъ I 17, 18, 991, II 472.
Даніилъ Романовичъ, III 203.
Данте, А. I 9, 230, 443, 629, 939, II 353, IV 374, 712.
Дараганъ IV 192.
Дарій I 192.
Дарій Гистапсъ II 557.
Дашкова Е. Р. кн. I (111—214), 444, III 146, 649, 691, 715.
Дашковъ II 473.
Двигубскій, I xix.
Деакъ IV 847, 850.
Дебони III 988.
Дезенъ, фонъ III 788—791, 793, 794.
Деламберъ I 229.
Delessert II 638.
Дели III 875.
Делицынъ, Л. П., I xxiii.
де-Линь III 728.
Дельвигъ, А. А. бар. I 227, 290, 293, 566, 931, II 198, 211, 663, 664, III 1027.
Дельказретто IV 443, 477, 491, 624.
Дель-Ре IV 500.
Деляновъ, И. Д. I cxli, III 535, IV 188.
Дементьевъ, В. А. III 56.
Демидовъ II 456.
Демидовъ, Н. III 754.
Демосѳенъ I 526, 786, IV 482.
Депретисъ IV 648, 659.
Деревицкая, А. II (177—182).
Державинъ, Г. Р. I lxxix, 121, 123, 129, 131, 150, 171, 179, 187—189, 195, 196, 200, 205, 208, 230, 234, 265, 290, 291, 583, 636, 666, 667, 675, 681, 698, 699, 725, 798, 833, II 209, 891, 978, 979, III 470, 646, 649, 650, 669, 691, 692, 695, 719, 720—722, 729—731, 798, 911, 989, IV 132, 155, 162, 165, 183, 880.
Десанктисъ IV 667.
Дестунисъ, Г. С. II 738.
Дефореста IV 707.
Джексонъ II 783, IV 846.
Джемалъ-Эдинъ III 812.
Дженнаро IV 453, 474, 477, 623.
Дженнеро IV 644, 636.
Джефферсонъ II 781, II 253, 254.
Джоберти IV 692, 697, 699.
Джонстонъ IV 839.
Джорджини IV 655.
Дзюбинъ. Г. II 934, 962, IV 542.
Дидеро I cliii.
Диккенсъ, Ч. I 252.
Диръ II 430, 431.
Дистервегъ I 251, 254.
Дитерици III 767.
Діодоръ Сицилійскій I 480.
Діонисій III 464.
Діонъ Кассій II 564.
Дмитріевъ, И. И. I 212, 931, II 207, 208, 873, III 209—212, IV 745.
Дмитріевъ, М. А. I 207, 632, 939. II (363—370), 371, 450, 965, III 470, 911, IV 135, 144, 145, 255.
Дмитріевъ, Ѳ. III 934.
Дмитрій II 434.
Дмитрій Ивановичъ, III 470.
Дмитрій Ростовскій III 204.
Дмоховскій II 850.
Добровольскій I cxxiv III 152.
Добровольскій IV 214.
Добролюбова, А. А. I liii, lxviii, cxli.
Добролюбова, Ек. А. I cxli.
Добролюбова, Ел. А. I liii, cx, cxxxviii.
Добролюбова, З. В. I ix, xlv.
Добролюбова, Ю. А. I liii, lvii—lviii.
Добролюбовъ, А. И. I ix, xxv, lii.

Добролюбовъ, В. А., I xxiv, lii, liii, cii, cx, cxviii, cxxv, cxli—cxlii.
Добролюбовъ, В. И., I liii, cv.
Добролюбовъ, И. А., I liii, cxlii.
Добрыня II 463.
Дол., Я. I 185.
Долгорукій, II 473.
Долгорукій, А. И. кн. III (905-912), IV 355.
Долгорукій, Б. кн. 59.
Долгорукій, Г. Ѳ. кн. II 8.
Долгорукій, И. М. кн. II 978, 979.
Долгорукій, М. кн. II 75.
Долгорукій, П. Д. кн. II 48.
Долгорукій, Я. кн. II 42, 71, 74, 86.
Долгоруковъ, А. кн. III 273.
Долгоруковъ, В. А. кн. I cxxxviii, 52, 54.
Долгоруковъ, П. В. кн. III 601.
Домосѣдовъ I 700.
Донин . . . , Ж. III (921—924).
Донковъ IV 24.
Достоевскій, Ѳ. М. I 544, IV 151, 152, 266—268, 349, (855—914), 933, 936.
Др. I 190.
Драгомановъ, М. П. IV (745—778).
Драшусовъ, II 794.
Дружеруковъ, А. Н. I 212.
Дружининъ, А. В. I 327, 468, 792, 988 II 169, 170, III 109, IV 146, 271, 889, 940, 941.
Дружининъ, Я. А. I 212.
Друковцевъ, I 212.
Дубенскій, Н. II 934.
Дудышкинъ. С. С. IV 631.
Думшинъ, Г. II 934.
Дуньоль II 641, 642, 647, 655.
Дурандо IV 707.
Дурново III 602.
Дымманъ, Е. I cxxix, III (213—230), 239, 494, 495, 621, 771, 864.
Дьяконовъ, К. С. II (679—686).
Дюбуа-Реймонъ I 750.
Дюбюиссонъ IV 520.
Дюдеванъ I 224.
Дюкре Дюмениль I 41, II 206, 208.
Дюма I xix, 477, 987, II 568, 847, 848, III 771, 772, IV 141, 444, 494.
Дюмень IV 440.
Дюпрэ III 445.
Дюфоръ II 645, 647, 653, 655, 658.
Дэль II 743, 745—747.

Евдокія II 57.
Евдокимовъ III 603, 821.
Евгеній, митр. I 130, 195—199, 206, 207, 212, II 700.
Евсевій II 564.
Егуновъ II 1009.
Екатерина II I (111—214), 227—234, 445, 480, 724, 730, 734, II 189, 288, (703—712), 877, 880, 881, III 470, (637—738), IV 120.
Елагина, А. П. II 986.
Елагинъ I 208, II 11, 12, 427, 595.
Елена Павловна III 943.
Елизавета I 386, II 707, III 702, 705.
Елизавета Петровна, I 211.
Елисеевъ, Г. З. I cviii, cliii, cliv. II 970, III 609, IV 102, 778.
Енохинъ I lxxxiii.
Ермоловъ, А. П. III 623, 807.
Ершевскій III 744.
Ершовъ, А. И. I (821—830), 839, II 934.
Ефимьевъ I 210.
Ефремовъ, С. III 859.
Ефронъ, И. А. IV 442.
Ешевскій, С. В. I cxxxvii, 734, II 454, 934.

Жадовская, Е. III (919—922).
Жадовская, Ю. II (143—158), III 133, 882, IV 149.
Жакото II 279, 280.
Жандръ, А. II 334, III (27—38).
Жанлисъ I xix, 41.
Жанъ-Поль III 146.
Жебелева I c.
Жеверъ II 721.
Желѣзновъ, I. II. 874, (995—1002).
Желябужскій II 56, 469, 471, 473, 477, 679.
Жемчужниковъ, А. М. I 546, II 483, 486, 935, III 121, 122, 928, 937.
Жемчужниковъ, II 935.
Женнинъ, Н. II 935.
Gérando II 638.
Жербильонъ II 549.
Жеребцовъ, Н. А I cxxxviii 45. 519, 576, II (389—482). 806, 1007, III 81, 516, IV 193.
Жихаревъ, С. П. I 929.
Жуковскій, В. А. I 24, 290, 291, 294, 636, 668—670, 682, 775, 812. 934, II 211, 223, 224, 964, 1004, III 197, 209—213, 770, 978, 990, IV 26, 120, 137, 141, 142, 182, 889.
Жуковскій, Ю. Г. III (229—248).
Жуковъ, В. I 189, 206, 212.
Жуковы I 212.
Журавлевъ I xxxix, c

Забѣлинъ, И. Е. I lxx. II 451, 934, 1005, 1006, 1009, IV 147, 537, 633.
Завадскій III 715, 721, 731.
Завалишинъ, Д. Н. III (884-904).
Загоскинъ, Л. II 944, 945.
Загоскинъ, М. Н. I 43, 318, 445, II 364, 450, 977, 983, 985, 986. III 841, IV 889.
Зайцевъ, В. А. I cliv.
Зайцовъ III 721.
Закревскій, А. А., гр. II 1017.
Залусскій II 54.
Залѣсскій III 869.
Замъ I lxxxix.
Зандъ, Ж. I xix, 517, 560, II 328, IV 233, 544.
Заринъ, Е. Ѳ. I clv, clvi.
Засѣкинъ III 805.
Захарьева, Е. П. I lii.
Зварыкина IV 803.
Зедергольмъ I 269, 272, 273, 274.
Зеленецкій II 895, IV 354.
Зенонъ I xcviii.
Зернинъ IV 114.
Зигель IV 846.
Зиминъ III 893, 898.
Зиновьевъ II 548.
Зиссерманъ III 821, 823.
Зичи IV 847.
Златовратскій, А. П. I xlviii, l, liv, lv, xciii, cxli, cxli, 705.
Златовратскій. Н. Н. I xli, lxix, 13, 237, III 945.
Золотаревъ III 788, 793, 796.
Зоммервиль II 571.
Зоринъ IV 252.
Зоркинъ IV 436.
Зотовъ, В. Р. II (932—936), (948—964).
Зотовъ, Н. М. II 92.
Зотовъ, Р. М I 26, 831, 836—838, II 41, 48, III 460 841, 911, IV 185.
Зряховъ III 804.
Зубинскій, Г. З. III 928.
Зубова IV 606.
Зубовъ III 692, 720.
Зубрицкій II 701.
Зуевъ II 824, 863, III 98, 201.

Иванинъ, М. II (277—282).
Ивановъ, А. А. II 957, IV 939.
Ивановъ II 851.
Ивановъ, П. II 935.
Ивановъ-Разумникъ I cli, clvi, 563, 564, IV 34.

Иванъ Алексѣевичъ II 66, 74, 75.
Иванъ III. I 668, II 453, 472, III 202, 244.
Иванъ IV. I 74, II 28, 44, 121, 443, 453, 468, 475, 476, 883—885, 935, III 461—464.
И. Г. I 696, 697.
Игнатій II 449.
Игорь II 430, 431, 472, III 982.
Игорь III 202.
Ижицынъ См. Федоровъ, Б. М.
Изабелла Баварская II 640.
Изяславъ II 463, 472.
Изяславъ III 202.
Иконниковъ II 56.
Икосовъ, П. I 193, 197, 206, 212.
И. Л. I 792, III 112, 113.
Иловайскій, Д. И. I 476, III 646.
Ильинъ II 978.
Ильинъ, Ѳ. II 387.
Иннокентій IV. IV 682.
Иннокентій, арх. I 51.
Интонти IV 504.
Ипсиланти, А. III 42.
Ирвингъ, В. I (685—694).
Исаевъ IV 24.
Исаковъ IV 140.
Искандеръ См. Герценъ, А. И.
Ислашъ III 45.
Ишимова, А. I. II (727—732), III (869—884).

Іеремія I LIII, LVI, LXIII, LXXVIII.
Іоакимъ II 31, 88.
Іоаннъ, митр. II 463, 475.
Іорренъ-Гэстингсъ II 542.
Іосифъ II. II 703.
Іосифъ, патр. II 32.

К., В. А. I XXXIV.
Кавелинъ, Д. К. I CXXXII.
Кавелинъ, К. Д. I XLIII, CXXXI, CXXXII, CXXXIV, CXL, 428, II 184, 454, 722, 794, 795, 796, 855, 860, 934, 961, 968, 1005, III 151, IV 110, 263, 937, 939, 9 .o.
Кавуръ, Г. IV 646.
Кавуръ, К. III 706, IV 444, 513, 535, 540, (543—565), 568, (629—670), (677—738).
Кадорна IV 707.
Кайдановъ I 843, 975, 976, III 467, 987, IV 142.
Казатти IV 697.
Казелла IV 512, 514.
Кази-Мулла III 807—811, 825.
Кайзерлингъ II 450.
Каламъ I 908.
Калачовъ, Н. В. I 13, 208, II 450, 477, 1005.
Каленскій III 230.
Калигула II 880, IV 602.
Калиновскій IV 106.
Калонна III 281.
Калугинъ, И. II 935.
Кальвинъ IV 493.
Кальяри IV 722.
Камбекъ, Л. IV 758, 821.
Каменская III 874.
Камиллъ I 190.
Канарскій III 149, 151.
Каннингъ II 645, IV 691,
Канова, А. IV 601.
Канроберъ III 38.
Кантакузинъ, К. III 46.
Кантемиръ, А. Д. I 229, 235, 306, 664, 678, 680, 682, 992, II 457, 613, III 65, 66, 641, 735.
Кантемиръ, Д. III 40.
Канъ IV 218.
Капнистъ I 121, 130, 131, 164, 166, 178, 195, 196, 198, 205, 210, 522, 680, III 651, 735, 989, IV 185.
Капоччи IV 482.
Капустинъ IV 641.
Карабановъ I 22, II 197.
Карамзинъ, Н. М. I LXXIX, 73, 131, 132, 177, 326, 421, 472, 583, 586, 667—670, 675, 732, 765, 767, 786, 844, 942, II 11, 12, 14, 16, 41, 44, 45, 121, 122, 144, 391, 414, 430, 462—470, 472, 473, 477, 593, 595, 701, 702, 706, 1003, 1004, 1009, III 90, 103, 104, 209—212, 261, 470, 623, 651, 989, IV 127, 140, 142, 165, 219, 354.
Каратыгинъ, П. А. I 812, 834, II 326, III 327.
Карачолло IV 601.
Карловичъ II 127—129, 133.
Карлъ-Альбертъ III 252—254, IV 605, 682, 684, 685, 688, 692, 694, 695, 697, 714, 731.
Карлъ Великій I 214, II 441, 663, III 986.
Карлъ д'Анжу IV 495, 496.
Карлъ III. IV 593, 597, 601, 619.
Карновичъ IV 859.
Каролина II 542.
Карпцовъ III 846.
Карштейнъ, Б. II 42, 47, 48.
Карѣевъ, Н. И. IV 442.
Кастельерэ II 785.
Касторскій, М. И. I 217, IV 113.
Катенинъ I 291.
Катковъ, М. Н. I 562, 845, II 221, 529, 722, 794, 934, 936. III 108, 623, 923, IV 111, 919, 933, 934, 936.
Катонъ I XCVIII, 190.
Каченовскій, М. Т. I 570, 571.
Квадріо, М. IV 645.
Квинси, А. II 781.
Квинтиліанъ II 1010.
Келлохъ IV 846.
Кельбергъ III 721, 731.
Кельсіевъ, В. И. I LVI.
Кетчеръ, Н. Х. II (281—284), 934.
Кикинъ II 473, 477.
Кикодзе, Г. III (47—54).
Кингъ III 787, 793.
Киндяковъ, А. С. III 1037.
Киндяковъ, К. II 935.
Кине, Э. I 82, 83, 108, IV 479.
Кипертъ II 572.
Кипріанъ II 1011.
Киселевъ, П. Д., гр. III 43.
Кириллъ I 987.
Кириллъ II 472.
Кириллъ Бѣлозерскій II 1012.
Кириллъ Туровскій I 991, II 886, III 857.
Кирьякъ-Кондратовичъ IV 24, 938.
Кирѣевскій, И. Ѳ. II 986.
Кирѣевскій, П. И. I (685—694), II 198.
Киттары, М. II 935, (1014—1028), III (69—78), 744, 943, 948, 949, (971—980), 1037, IV 135, 136, 140.
Кишкинъ III 602.
К—ко II 722.
Классенъ, Е. I 759, II 468.
Клевановъ, А. I (475—492), 493.
Клейнмихель I 48, 64, (67—70), III 148.
Клеммъ IV 145.
Кленвиль IV 847.
Клеръ I 825.
Кліо IV 126.
Клообенъ II 571.
Клопманъ III 195.
Клотильда IV 723.
Клюки-фонъ-Клугенау III 812, 816, 819.
Клюшниковъ I 811.
Книжникъ, Г. См. Геннади, Г.
Княжевичъ, А. М. III 1037.
Княжевичъ I 18.
Княжецкій IV 192.
Княжнинъ I 121, 185, 187, 190, 196, 205, 210, 211, 233, 310, 667, IV 183.
Ковалевскій, П. М. IV 33.
Козельскій I 207.
Козицкій III 679.
Козловъ IV 192, 203—207, 215, 218.

Козловъ IV 794.
Козловъ, А. А. II 370, 371.
Козляниновъ IV 542, 757, 758.
Козодавлевъ, О. П. I 129, 156, 185, 188, 189, 196, 199, 209.
Кокленъ II 866, IV 798.
Кокль IV 477.
Кокоревъ, В. А. II 379, 419, 420, 600, (721—724), 843, 874, 895, 935, III 117, 585. (782—798), 801, 837, IV 131, 132, 143, 187, (193—219), 436, 519, 541, 544, 796, 801, 816.
Кокоревъ, И. Т. III (55—62).
Кокошкинъ II 976, 978, 980—983.
де-Кокъ, П. I 477.
Колбасинъ, Е. Я. I 972, III 106, (987—993), 1043, IV 28, 876.
Коленовъ, В. II (531—540).
Колетта IV 507.
Колосовская, В. В. I LIII.
Колошинъ, С. П. II 874, 876, IV 142, 887, 896, 898.
Колпинъ IV 803.
Колумбъ, Х. I 842.
Кольбъ IV 470, 706.
Кольеръ, П. II 281.
Кольцовъ, А. В. I LXXIX, 8, 9, 563, 675, 793, 810, 838, 839, 931, II (187—244), 353, 515, 663, III (475—478), 755, 757—761, 989, 1027, IV 91, 158, 160, 161, 164—167, 183, 184, 186, 253, 254, 543.
Комарницкій, А. II (335—338).
Комаровъ IV 519.
Комбъ, А. II 742, 770, 771, 775.
Кометтанъ, О. III 4.
Комнинъ, А. III 203.
Компанелла IV 493.
Кони, Ѳ. А. II 536, IV 175, 186.
Конисскій, Г. III 727, IV 120.
Коноваловъ II 57.
Константиновъ III 467.
Константинъ IV 18.
Константинъ Багрянородный IV 128.
Константинъ Николаевичъ I 65, 77, 78, II 370, 720.
Конфуцій IV 437.
Кордова IV 645, 649.
Корелкинъ I 470, 472.
Коркинъ I 470, 701.
Корнель I 7, 665, II 252, III (27—38), IV 230.
Корниловъ, В. А. III (27—38).
Коробейниковъ II 449.
Коробковъ III 603.
Короѳеръ II 531.
Корсакъ, А. II 934.
Кортъ II 86.
Корфъ I 70.
Корфъ, М. А., бар. I (425—430), 817, III 271.
Коршъ, В. Ѳ. III 628, II 934, 965.
Коршъ, Е. Ѳ. III 628, II 934, 968.
Костанжогло, К. II (685—694), (735—738).
Costillon II 631.
Костомаровъ, Н. И. II 935, III 981, 984, IV (107—132), 187—190, 226, 227, 229, 543, 939, 944.
Кострова, А. А. II, I, IX, LIII, LIV, LVI, LVIII, LXIII, LXVII, CXXXVIII, CXLI.
Костровъ I 130, 150, 189, 206, 584, 665, 785, IV 185.
Костровъ, М. А. I XI, XII, CX, 985.
Котляревскій I 320, 340.
Кохановская III 511, IV 149, 229, 633.
Коцебу, А. I 41.
Кочубей I 430, III 602.
Кошанскій I 567, 581, III 491, IV 354, 355.
Кошелевъ, А. И. I (609—624), II 853, 854, 935, III 593.
Кошихинъ, В I 39, 659, 660, 678, II 33, 40, 41, 58, 121, 126, 127, 380, 469, 470, 473, 479, III 734.
Кошутъ IV 719.
Краббъ I 773.
Краевскій, А. А. I LXVIII, 23, 24, 228, 231, 237, II 450, 934, III 55, IV 188, 540, 541, 907.
Красовскій, А. И. I 5, 977.
Красовъ I 797, 811.
Крассовскій IV 24.
Крашенниковъ II 372.
Кревстъ II 86.
Крейсъ II 136.
Крейцбергъ IV 824.
Крейцъ IV 271.
Кремпинъ III 869.
Креншинъ II 9, 10, 40.
Крестовскій, В. М. I CXVIII, IV 182, 192, 252.
Кретино-Жоли, I 83, 84.
Крешевъ I 285.
Кривошапкинъ I 757.
Кривцовъ, Л. II 473.
Криминоль, I 91.
Криницкій IV 149.
Криспи IV 648, 659, 662.
Кристлибъ IV 804.
Кроль I 465, IV 185, 192, 252.
Кронебергъ II 529, 532, 568, 569, 571, 572.
Кропоткинъ II 473.
Кроткова, Е. Н. III 512.
Кругъ IV 114, 116.
Крузе, Н. Ф., фонъ I 562, II 934.
Крупенинъ III 747.
Крыловъ, А. Т. I 285, 286, III 653.
Крыловъ, И. А. I XI, 24, 28, 636, 675, 697, II 457, 488, 890, III 107, (209—212), 470, 639, IV 113, 139, 379, 745.
Крыловъ, Н. I 832, II 454, 935, 961, IV 24.
Крюковъ III 601.
Ксавье I 86, 91.
Ксенофонтъ I 480, 481, 493—496, II 277.
Кугушевъ, Г. В., кн. III (453—460), 462, 464, 515, 911, IV 875.
Кудринскій I XIII, XVIII, XIX, XX, XXVI.
Кудрявцева II 454.
Кудрявцевъ, П. Н. I 988, II 694.
Кузнецовъ II 273.
Кукольникъ, Н. II 816, 881.
Кулибинъ II 189.
Кулишъ, П. А. I 941, II 935, IV 938.
Кульжинскій III (89—94).
Кульманъ II 87.
Кульневъ IV 95.
Куперъ III 2.
Куприяновъ II 739.
Куракинъ, А., кн. I XCIX, CI, CIV, CXI, 442.
Куракинъ, А. А., кн. I XCIX.
Куракинъ, Б. А., кн. I XVCIII, XCIX, C.
Курбатовъ II 136.
Курбскій, А. I 656, 657, 659.
Кургановъ I 178, 754, 840, III 987.
Курочкинъ, В. С. II (663—680), 927, 970, 1033, IV 252, 671.
Куторга, М. С. II 866.
Кутузовъ I 56, IV, 95.
Кутузовъ, М. И., кн. I 961—964, II 952.
Кусаковъ, А. I (955—960).
Кусковъ IV 252, 289.
Кушелевъ-Безбородко, гр. III 598, 604.
К—ъ I CLII.
Кэмпбель II 769.
Кювье I 914. II 781.
Кюнеръ III 205.

Лабзинъ, А. Ѳ. I 121, 207.
Лаврентьевъ II (273—277).
Лаврова, В. II 948.
Лавронскіе I 454.
Лавровъ, П. Л. IV 141, 783.
Лавровы, С. и Н. II 948.
Лаврскій, В. В. I XXII, XXXIV, XXXV, XLIV, LXXVII.
Лавуазье I 749, 750.
Лагеронъеръ IV 664.

Лажечниковъ, И. И. I 44, 971, II 317, 450, III 106, (114—115).
Лазаревскій II 624.
Лазаревъ, А. В. III 31, 33, 85, IV 125.
Лайнезъ, Я. I 86, 87, 89.
Лакіеръ, А Б. II 449, 924, III (1—25), 53, IV 115.
Лаксъ, А. II 935.
Ламанскій, В. И. I 477, II 739.
Ламанскій, Е. И. III (923—944), IV 103, 106, 111, 120—124, 130, 143, 263.
Ламармора IV 667, 698, 706, 707.
Ламбинъ IV 140.
Ламеннэ II 652, 735, IV 550, 553, 557, 558.
Ламорисьеръ IV 514, 544, 548, 907.
Ланге II 851.
Ланкастеръ II 780.
Ланца IV 570, 707.
Ланчирано IV 644.
Лапинъ, В. III (627—634)
Лафарина, Д. IV 516, 518, 557, 645, 651, 708, 709, 731.
Лафайетъ II 402.
Лафатеръ I 254.
Лафитъ IV 544.
Лафонтенъ, А. I 41, II 206, 208.
Лебедевъ, М Е. I XII, XX, XXII, LXXXVIII, 985.
Лебедевъ II 701.
Лебедевъ 3-й I (699—704), III 495,
Лебедевъ, Н. I (843—844), (973—976).
Лебедевъ, П. III (253—256).
Лебретонъ IV 808.
Леванда III 208.
Левашевъ, гр. I 427, 428, II 450, III 783, 789, 790, 792, 793, 797.
Леве I 304
Левисъ II 279.
Левицкій, Д. I 206, III 601.
Левкай II 547.
Левшинъ I 130, 184, 206.
Левъ II 449
Легуве IV 598.
Лейбницъ II 324.
Лейхтленъ II 279.
Leloir II 633.
Лелунскій II 449.
Лемерсье, А. IV 446, 457, 460, 475, 489, 500, 503.
Ленскій II 664, 679.
Ленцъ III 68.
Лео I 304.
Леогаръ IV 638.
Леонтьевъ, П. М. I 562, 845, II 934, 936, III 623, IV 111, 112, 113.
Леопарди IV 465, 500, 507.
Леперъ II 538.
Лепекинъ I 130.
Лербергъ IV 128, 129.
Лермонтовъ, М. Ю. I LXXXIX, 317, 319, 342, 464—468, 583, 596, 626, 675, 676, 684, 838, 839, 930, II 332, 353, 450, 513, 515, 604, 623, 624, III 150, 183, 361, 978, 979, 989, IV 161, 162, 165, 183, 186, 229, 253, 254, 259, 262, 362, 857.
Лессепсъ I XIX, II 553, 555, 556, 558.
Лессингъ I CLIII, III 100, (279—280), 312.
Летгола См. Берхгольцъ, Ю.
Летиція IV 570.
Лефортъ II 41, 42, 43, 45, 46, 48, 85—89, 92, 94, 99—102, 109, 131, 139.
Лешковъ, В. Н. I 217, II 436, 866, 935, 961, IV 149, 521.
Лещинская. М. II 640.
Лжедмитрій II 335, 336, 447, (591—598), 883, IV 124.
Либихъ I 750. III 53, 619
Либоріо, Р. IV 646, 651, 664.
Ливингстонъ III 882.
Ливій, А. I 310.
Ливій, Т I 309, 481.
Лидерсъ III 817.
Лизандеръ, Д. фонъ II 935, III (499—510).
Лизенъ II 69.
Линкольнъ, А. IV 826, 836, 837, 840, 844, 845.
Линней, IV 888.
Липранди I 824, 826.
Лисенковъ I 570, III 460.
Литтре I LXIX, 112.
Лихачева, Е. I 846.
Лихачевы II 74.
Ліутпрандъ III 984.
Лобановъ I 577—579.
Лобановъ-Ростовскій II 548.
Лойола, И. I 85—87, 900, III 477.
Локкъ I 236, II 702.
Ломоносовъ, М. В. I LXXIX 130, 183, 188, 189, 197, 211, 230, 297, 569, 599, 663, 664, 666, (971—974), 992, II 84, 189, 209, 346, 347, 681, 1003, 1004, III 103, 209—212, 470, IV 24, 83.
Лонгиновъ, М. Н. I 467, 565, 566, 587 II 624, 934, III 721, 989.
Лопата, Д. П. III 464.
Лопухины II 87.
Лоренцъ, Ф. К. I XLIII, 213—215.
де-Лоррень, Л. II 640.
Лоу, Д. II 402.
Лохвицкій IV 937.
Луговской, Л. II (623—628).
Луиза, франц. II 640.
Луи-Филиппъ II 652.
Лукашевичъ, Н. II 935.
Лукинъ, Г. II 41.
Лукновъ III 875.
Лыжинъ IV 734.
Львовъ I 943,
Львовъ IV 404.
Львовъ I 196, 205, 208.
Львовъ, Н. М. II (247—272), 293—295, 370, 371, 375, 376, 600, 864, 880, 935, 958, 961, 967, III 117, 318.
Лѣсковъ, Н. С. IV 633.
Лэйонъ IV 846.
Любитель III (1049—1056).
Людовикъ XI. II 453.
Людовикъ XIV. I 92, 230, 756, II 87, 453, 634, 640.
Людовикъ XV. I 92.
Людовикъ XVII. II 640.
Лютеръ, М. III 988. IV 134, 493.
Ляволле, Ш. I 91.
Лядовъ, В. I (787—788), (841—844), II (527—532), (567—574), III (553—556).
Лялинъ, В. А. II 935, III 913.
Лясковскій, Н. II 935.
Ляцкій, Е. А. IV 949.

Маакъ, Р. III (883—906).
Маврокордато III 41.
Магіасъ IV 440.
Магелланъ I 843.
Магеро III 45.
Магометъ I (685—694), 900.
Мазадъ IV 488, 494, 496.
Мазаніелло IV 465.
Мазепа II 883.
Майковъ, А. Н. I XLV 171, 192. II 450, 624, 935, 965, 971, 972, III 106, (108—110), 133, 134, 756, 758, 857, 858, 863, 864, IV 112, 176, 183, 259, 285, 538, 567, 591, 712, 745.
Майлатъ III (247—256).
Макарій II 1007.
Макаровъ I 18.
Макки, М. IV 648, 664.
Маккіавели II 713, III 985, 986, IV 496, 712, 724.
Маколей I 481, IV 939.
Макро IV 500.
Максимовичъ III 886, 984.
Максимовъ, С. В. IV 117.
Максимъ Грекъ I 656, 991, III 857.

Макъ-Доуэль IV 835—847.
Макъ-Клеландъ IV 825—847.
Малиновскій, В. Ѳ. I 289, 971.
Малоземовы I LIX.
Мальгинъ, II 701.
Маміани IV 667, 708, 735.
Мамонтовъ, II 724.
Мамонтовъ, Э. II 934.
Манинъ IV 453, 595, 670, 715.
Манискалько IV 624.
Мансуровъ III 464.
Мантейфель, А. II 935, 961.
Манухинъ III 460, 866.
Манштейнъ I 679.
Мар—въ, А. III (137—140).
Маргарита II 640.
Марготти, IV 698.
Марріанна I 91.
Маріо, А. IV 601, 645, 889.
Марія Александровна I 846.
Марія-Христина IV 477.
Марія Ѳедоровна I 430.
Маркелъ II 88.
Марковичъ, М. А. I CXXXVII, II 934, 935, IV 149, (261—348), 952.
Марковъ III 695, 721.
Маркъ Аврелій I 158, 159.
Марксъ III 327, IV 38.
Марксъ, К. I CLIII.
Маро, К. II 640.
Марселисъ II 30.
Мартыновъ IV 820.
Мартыновъ, И. I 796, III 987, 989, 1039.
Марченко, А. III 105.
Маршаловъ III 1037.
Масальскій I 26, 59, 839. III 209—212, 460.
Массари, 649, 659, 664, 665.
Массе, Н. II (731—736).
Массъ II 553, 554.
Маталь III 218.
Матвѣевъ, А. С. II 34, 53, 68, 75, 76.
Махметъ-Аминь III 824, 825.
Махмудъ III 866.
Маццини, Д. II 290, IV 515, 568, 640, 688, 713, 715, 716, 724.
Мегденъ II 86.
Медвѣдевъ, С. II 68, 71, 72, 77.
Медемъ IV 199.
Медовиковъ III 467.
Мей, Л. I 285, 543, 545—550, II 663, 876, III 186, 213, 259.
Мейендорфъ I 895.
Мейерберъ II 24.
Мейеръ III 886.
Мейеръ II 693.
Мейеръ III (1040—1046).
Мейеръ, А. I 193, 197, 206.
Мейснеръ I 695, 696.
Меллана IV 648, 652.
Меллони IV 482.
Мельбурнъ II 775.
Мельниковъ, П. И. I 431, 432, 605, 972, II 295, 427, 935, 974. III 1037, IV 214.
Меморскій III 928, 929, 934.
Менгу-Темиръ III 203.
Менестріе III 886.
Меншиковъ, А. Д. кн. II 132, 189, 346, 347, 456, 887—880, 885, III 7, 29, 30, 38, 602.
Меншиковъ, А. С. кн. I 45, 59, (63—66), III 36.
Меншиковъ, А. II 934.
Мерзляковъ, А. Ѳ. I 931, II 198, 211, III 989, IV 873.
Меркурій Смоленскій II 1010.
Меродъ IV 854.
Мертваго, Д. Б. II 977, 986.
де-Местръ I 640.
Метеръ II 856, 857.
Меттернихъ II 762, IV 449, 498, 499, 512, 515, 584, 712.
Мещериновъ III 602.
Мещерскій, кн. I 187, 195, 200, 234.
Меѳодій I 987.
Миддендорфъ, Ѳ. И. II 549, III 527, 528, 533, 534.
Мизко I 195—197.
Милано IV 466.
Миланолло I 949
Милашевичъ IV 217.
Милеанты, В и Е. II 935, 961, 962, 964, III 117. IV 537, 538.
Миллеръ II 7, 345, 381.
Миллеръ, Е. II 633.
Миллеръ, О. Ѳ. II 231, 409, (481—498), 569, 571, 874, III 87, 100, 103, 255, 257, 602.
Миллеръ-Красовскій Н. А., III 213, 214, (255—264), 494, (549—554), 672, 858, 862, 864, 961, 962, IV 751.
Миллотъ I XIX, 568.
Милль II 360.
Милоновъ I 930, IV 185.
Милославскій II 24—26, 68, 69, 74, 124, 885.
Милославскій, И М. II 133.
Милославскій, Ю. II 977, 985, IV 745.
Мильгаузенъ, Ѳ. II 935.
Мильтонъ I 629, 900, III (919—922).
Милюковъ, А П. I (625—686), III 829, (865—870).
Милютинъ, И. IV 146.
Милютинъ, Н. А. IV 263.
Минаевъ, Д. Д. IV 169, (251—262), 919.
Мингетти, IV 667, 708, 722, 853.
Мининъ, К. IV 138, III 204, 461, IV 940.
Минихъ I 679.
Минъ, Д. II 935.
Минъ, К. I 543, II 935.
Мирабо I 373.
Миресъ IV 647.
Мирза-Ханъ, М. III 811.
Мировичъ III 672.
Митькевичъ II 258.
Митрофанъ, митр. I 929.
Михаилъ Павловичъ I 64, 65, 428, 429.
Михаилъ Храбрый III 39.
Михаилъ Черниговскій II 1010.
Михаилъ Ѳедоровичъ II 30, 35, 55, 120, 333, 470, 883, III 204, 473.
Михайловскій, Н. К. I CVIII, II 970, IV 778.
Михайловскій, Н. М. I LXI, LXXXIII, CXVII, II 247,
Михайловскій-Данилевскій, А. И. I 421.
Михайловъ II 793, 795.
Михайловъ, И. I 285, 700.
Михайловъ, М. И. I CXXXVIII, CXLIII, CXLVI, CXLVII. (965—968), III 105, 913, IV 741, 920.
Михайловъ, М. М. II 487.
Михалкинъ, II 935.
Михельсонъ I (975—978).
Мицкевичъ, А. I (31—34), (769—782), II 491, (623—628), 652.
Мичуринъ, В. К. I LIII.
Мишле I LXV, 81—83, 108, 472, III 479, 713.
Мишонъ IV 452—457, 467, 475, 476, 490, 496, 504.
Млодзѣевскій, К. II 935.
Мнишекъ, М. II 596.
Могаметъ-Саидъ II 558.
Модестовъ, В. I 79, 83.
Модестовъ, В. И. II 4, I LXVI, CVI.
Мозенгейль II 279.
Моисеевичъ, Н. II 129.
Молешотъ I 750, 913.
де-Молинари, Г. IV 112, 231, 445.
Моллеръ III 36.
Мольеръ II 490, 974, III 310.
Момсенъ I 481.
Монро II 781.
Монталамберъ II (641—662), IV 512, (543—565).
Монтанелли IV 463, 480—482, 491, 494, 503, 505 505, 643, 645.

Монтань I 236, II 327, 713.
Монтегю II 665, 666.
Монтескье I xix, 209.
Монье, М. IV 491, 492, 493, 734, 735.
Мордвиновъ III 736.
Мордини IV 643, 645.
Морни I xcix, III 544—546, IV 549.
Морозовъ II 24—26, 74, 124.
Морозовъ. П. О. I 568.
Морощкинъ I 929, II 320, 454, 817, IV 195.
Моцартъ I 949.
Мочаловъ I 819, II 977.
М. С. I 189, 190, 198.
Мстиславскій II 885.
Мстиславъ Владиміровичъ, III 201, 202, III 473.
Мстиславъ Удалой III 203.
Мстиславъ Храбрый III 203.
Мундтъ IV 463.
Муравьева III 600.
Муравьевъ II 538.
Муравьевъ II 445.
Муравьевъ, А. Н. II 1007, 1009, III (79—88), 149, 151, 265. 461.
Муравьевъ М. Н. I 130, 193, 206, 586.
Муравьевъ, С. II 934.
Муравьевъ-Амурскій, Н. Н. II 545, III 68—70, (883—906).
Муральтъ I 313, IV 195.
Муратовъ, Л. II 935.
Муратъ III. II 557.
Мусинъ-Пушкинъ, А. И. I 133.
Мусинъ-Пушкинъ, М. Н. I 69, 73—76.
Мустафа III. II 557.
Мухановъ III 150.
Муцій Сцевола I 910.
М. Х. I 185, 190, 193. 206.
Мыльниковъ III (755—761).
Мѣтлинъ III 29.
Мэтью III 588.
Мюратъ II 783, IV 713, 724.

Н. III 152.
Надеждинъ, А. III (621—626).
Надеждинъ, Н. И. I 813, II 218, IV 175, 176.
Назаревскій III 750.
Назимовъ, В. И. I 69, 72, 569, III 54, 286, 889, 890.
Наполеонъ I. I 694, 756, 848, 855, II 116, 558, 646, 662, 666, 670—672, 721, III 147, 167, 252, 262, 282, 540, 859, IV 389, 449, 587, 637, 828, 829.
Наполеонъ III. I 31, 59, 700, 848, II 412, 449, 644, 650, 657, 658, III 538, 539, 540, IV 512, 514, 516, 579, 584, 586, 667, 669, 684, 696, 702, 708, 716, 719—727.
Наполеонъ, пр. IV 653.
Нарановичъ III 273, 276.
Нарская, См. Шаликова, Н. П.
Нарышкинъ, А. К. II 74.
Нарышкинъ, И. К. II 74, 75.
Нарышкинъ, К. А. II 74.
Нарышкинъ, К. П. II 66.
Нарышкинъ, Л. А. III 602, 621, 720.
Нарышкинъ, Л. К. II 77, 78, 91, 96.
Нарышкины II 68, 73—75, 87.
Нарѣжный I 42.
Наталія Кирилловна, II 59, 66, 88, 93.
Натоли IV 667.
Нахимовъ III 31, 32, 35, 36, 209—212.
Наумовъ, А. II 934, 961.
Наумовъ, Д. II 935, 961.
Невиль II 8.
Невій I 310.
Неволинъ, К. А. III 199.
Невскій I 695.
Невѣровъ, Я. М. I 793, 813.
Негрелли II 558.
Нейдгардтъ III 816.
Неккеръ III 281.
Некрасовъ, Н. А. I lix, lxvi, lxx, cv, cvi, cviii—cx, cxviii, cxxvi, cxxx, cxxxv, cxxxvi, cxxxviii, cxl, cxlii, cxliii—cxlviii, cxlix, 111, 119, 213, 343, 861, II 184, 185, 218, 370, 559, 663, 795—799, 927, 928 III 131, 133, 144, 145, 443, IV 29—31, 33, 36—38, 108, 115, 151—153, 254, 369, 535, 536, 591, 592, 949—951.
Некрасовъ, Н. П. II 863, 935, III 308, 309, 350, 351, IV 353.
Нелидинскій-Мелецкій I 130, II 197, III 1027.
Непотъ, К. I 480.
Неронъ IV 602.
Нестеровъ, А. К. II 958, III 461.
Несторъ I 646. 647, 844, 989, 991, II 337, 463, 465, III 702.
Нефимоновъ, К. II 129.
Нечаевъ, Ю II 935.
Нибуръ I 573, 785.
Никиро IV 465.
Никита Пустосвятъ II 125, III 102.
Никитенко, А. В. I 24, 109, 609. II 797, III 68, 525.
Никитинъ, И. С. II (163—170), IV (151—174), 184, 347.
Никій I 423, 424.
Николаевъ I 198.
Николаевъ I cxxi.
Николаенко III 149.
Николай I. I xlv, lv 23, (29—30), 45, 47, 48, 53—56, 58, 61—67, 77, 80, 114, 122, 213, 215, 225, 416, (425—430), 497, 563, 609, 682, II 246, 384, 391, 440, 451, 513, 815, 925, 926, III 149, 470, 507, 812, 983, 984, IV 25, 251, 824.
Николевъ II 197, 978, 979.
Никонъ I 24, 26, 34, II 189, 346, III 470.
Никотера IV 853, 854.
Нисъ II (577—592).
Ніутти IV 667.
Нобиле, Р. I 91, IV 482.
Новакъ II 279.
Новаковскій, В. I (971—974), III (475—478), (555—564).
Новгородецъ, С. II 449.
Новиковъ, В. III 654, 656, 672, 681—683, 694, 696, 699, 715.
Новиковъ, Н. И. I 120, 121, 195, 209, 211, 470, 472, 474, 565, 724—726, 731, II 693—873, III 647.
Новиковъ, П. II 382.
Новицкій, Н. Д. I cxxiv.
Новосельскій II 553, 554, III 928, 930, 933, IV 131.
Новый Поэтъ См. Панаевъ, И. И.
Ногай III 203.
Noël III 284.
Номисъ, М. II 935.
Нордстремъ III 1037.
Нормэнби, IV 514.
Норовъ, А. С. lxviii, 65, 69, 71, 561, 562, 845. II 386, 387.
Нортъ IV 690.
Nouket III 284.
Нунціанти IV 557, 731.
Н. Ч. III 767, 768, 874, IV 150.
Н—ъ, Г. II 379, 380.
Ньютонъ II 324.

Обличительный поэтъ См. Минаевъ, Д. Д.
Ободовскій, П. Г. II 530, 532, 568, III 77, 139, 152, 629, 973.
Образцовъ III 464.
Обручевъ, Н. Н. I cxii, cxxiv, cxxxvi, cxxxvii, cxlv, III 883,
Овчинниковъ I 967, II 272, III 1052.
Овэнъ, Р. II (741—792).
Огаревъ, Н. П. I xxx, II 516, 828, III 133, 158—160, 162, IV 183, 259.

Огородниковъ, Е. К. III 1037.
Огризко, І. II 934, III 152.
Одоевскій, В. Ѳ. II 223, III 133, 455, 523.
Ознобишинъ IV 175.
О. К. I 209.
Окенъ I 758.
Окольничій III 809.
О'Коннель, IV 690.
Окуневъ, А. II 935.
Олегъ I 991, II 430, 431, 449, 463, (917—922), 966, III 983, 1049.
Олегъ Святославичъ III 473.
Оленинъ I (27—28).
Оливье IV 293.
Ольга I 991, II 430, 433, 434, 449, 947.
Ольга H*** IV 149.
Ольдеконъ I 844, 975.
Омеръ-Паша III 45.
Омулевскій I (769—782), II 625.
Оплеушинъ, К. I 162.
Оридовскій III 860.
Орловъ, гр. I 427, 428.
Орловъ, А. А. I 570, III 691.
Орловъ-Давыдовъ III 948, IV 346.
Орсини IV 708.
Основскій, Н. II 935.
Ососовъ, В. II (359—364).
Остерманъ III 695, 720. 721.
Островскій, А. Н. I (1—14), 228, 972, II (1027—1034), III 55, 229, 231—233, (293—442), 1019, IV 84, 116, 143, 183, 314 (347—436), 445, 857, 902.
Островскій, М. Н. I 1, 545.
Отрепьевъ, Г. III 470.
Отрѣшковъ, Н. IV 519.
Отсологъ, Ѳ. М. III 1037.

Павелъ, ап. IV 606, 609.
Павелъ I, I 48, III 657, 669, 704, 717, 732.
Павелъ Высокій II 1011.
Павлищевъ II 701.
Павлова, К. К. II 972, IV 111, 135, 145, 149, 175, 186, 540, 542, 591.
Павловскій, А. I (787—788), (841—844), II 273, (527—532), (567—725), 728, III (553—556).
Павловъ, Н. Ф. I 225, 321, 323, II 483, 722, 741, 932, 934, 950, III 460, 771, IV 109—111, 114, 117, 133, 140, 141, 185, 192, 353, 360, 363—365, 369, 437, 447, 544.
Пагано IV 601.
Паисій, I LXXVIII.
Пакенгамъ II 782.
Палаузовъ, С. II 740, III (37—48) I LXI.
Палеоканъ IV 706, 707.
Палицынъ, А. III 464.
Паль IV 691.
Пальмерстонъ II 556, IV 507, 557, 634.
Пальховскій II 866, IV 309, 353, 359.
Панаевъ, А. III 1038.
Панаевъ, В. И. III 1040, 1043, 1044.
Панаевъ, И. И. I LIX, CV, CXVIII, CXXIII, CXXX, CXXXV, CXXXVIII, CXLI, CXLV, 111, 112. 972, II 184, 248, 370, 450, 795, 796, 798, 927, 977, III 143, 144, IV 30—32, 37, 115, 539.
Панинъ В. Н. I 110, 561, III 148, 150, 604, 719, IV 262.
Панинъ, Н. И. III 720.
Панкратьевъ III 843.
Пановскій, Н. II 935.
Пановъ, Ѳ. I 470.
Пантелѣевъ, Л. Ф. I CVI, IV 28, 110.
Панютинъ, Л. К I (769—782), II 894.
Паргачевскій III 898, 899.
Парни II 891.
Парѳеній IV 19.
Паскаль I 82, 103, 104, III 875.
Пассалья IV 668.
Пассекъ III 818.
Пассекъ, А. В. I CXXXVII.
Пассекъ, Т. П. III 817, 819.
Пастрана, Ю. II 373, III 62, 119, IV 637.
Патей II 279.
Патерностро IV 651, 652.
Патерсонъ IV 839.
Паткуль II 129, 136.
Пауловичъ I 467, IV 439, 448.
Паульсонъ, І. I (895—928).
Пахитоновъ III 68, 760, 985, 988.
Пашковъ II 548.
Пейа IV 434.
Пейзенъ IV 142, 939.
Пекарскій, В. П. II 739, III 1040, 1046, IV 938, 939.
Пекарскій, П. I LXX.
Перейра II 549. IV 647.
Пеликанъ, В. II 935.
Пелисье I 62, III 542.
Пеллегрини IV 466.
Пелль, П. А. I 749.
Пельскій I 121.
Перевлѣсскій I 763, 766.
Перевощиковъ III 1039.
Перовскій I 427, 428.
Перозіо III (923—944), IV 119, 125.
Перри II 113.
Персиньи IV 553, 907.
Перуджино III 509.
Перуцци IV 667.
Перцовъ, В. П. III 1037.
Перцовъ, Э. II 935.
Пескаторе IV 698.
Песталоцци I 284, II 781.
Петерсенъ, А. I (981—982).
Петрово-Соловово II 861, III 948.
Петровскій I 112.
Петровъ I 150, 206, 665, 775, 942, II 477.
Петручелли де-ла-Гаттуна IV 449, 498, 499, 710, 717.
Петръ, ап. IV 609, 628, 808.
Петръ I. I 44, 161, 177, 190, 225, 230, 231, 237, 293, 305, 307, 496, 571, 660, 661, 664, 678—680, 910, 987, 989, 992, II (1—144), 333, 413, 429, 440, 443, 445—449, 452—456, 459, 469, 471, 474, 548, 705, 866, 874, 876, 878, 879, 883, 924, 987, III 204, 287, 470. 659—661, 722, 752. 806, 822, IV 745.
Петръ III. II 434, IV 661—663, 717, 746.
Петръ-Ааронъ III 39.
Пестель III 149, 151.
Пивоваровъ, Л. II (898—906), 913.
Пизакане IV 466, 736.
Пиктетъ II 781.
Пикулинъ, П. II 935, 964.
Пилеманъ III (205—210).
Пиль, Р. II 785, 786.
Пилянкевичъ, Т. II (967—972), IV 252.
Пиндаръ II 974.
Пинелли IV 697, 701.
Пироговъ, Н. И. I (259—286), 469, 605, II, 523, 823, 838, 1014— III 74, 213, (943—972), 973, IV 134, 192, 383, (745—778).
Писаревъ, Д. И I CXLVII, CLII, CLIII, III 1050, IV 350.
Писаревъ II 978—981.
Писемскій, А. Ѳ. I XXXV, CLV 972, III 55, 106, 229, 567, 1022, 1031, IV 40, 183, 404, 857, 876, 919, 923.
Питтъ IV 690, 691.
Пиѳагоръ I 426.
Піанчини IV 517, 518.
Пій VII. I 92, IV 553.
Пій IX IV 496, 548, 554, 556, 557, 559, 587, 693, 697.
Піотровскій IV 816.
Плавильщиковъ I 130, 193, 206.
Плавтъ I XCVI, (109—112), (301—314), 986.
Плаксинъ, В. Т. I 195, 838, 839, II 538, IV 359.
Платель IV 734, 735.
Платенъ III 146.

Платовъ III 852, 858, 860, IV 95.
Платонъ I 493, 750, II 459, III 470, IV 347.
Плейеръ II 103.
Плетневъ, П. А. I 28, III 67, IV 103, 121.
Плехановъ, Г. В. III 151.
Плещеевъ, А. Н. I cxxxii, 546, II (513—524), 894, III 106, 227—252, 882, IV 33, 109, 110, (227—252), 857.
Плинеръ III 746.
Плиній I 749.
Плотниковъ III 746.
Плужниковъ III 603.
Плутархъ I 422, 480, 481, 687, III 756.
Плутусъ I 162.
Плюшаръ, А. А. I 199, II 370, III 524.
Погодинъ, М. П. I xxiii, civ 51, 293, 443, 467, 583, 763, 785, 834, 843, 975, II 722, (871—898), 927, 935, 1003, III 55, 60, 145, 226, 227, 265, 266, 467, 771, (979—986), IV 4, 107, 108, 113, (115—131), 144, 145, 187. 188, 192, 195, 537, 788, 801.
Подолинскій, А. И. IV (175—182).
Подчаскій, А. II 935.
Подшиваловъ I 121, 586.
Пожарскій, Д. М. кн. III 204, 464, IV 138, 940.
Позенковскій IV 211.
Покровскій I 443.
Покровскій IV 141.
Полевой, Н. А. I 44, 122, 124, 131, 196, 318, 325, 342, 562, 570, 583, 586, 763, II 39, 129, 334, 979, III 467, IV 141. 143.
Полежаевъ, А. I 45, 57—58, (413—420), II 513, 663.
Полетика, В. А. I 496, III (928—942).
Полибій I 480.
Полиньякъ IV 690.
Половцевъ, А. I (943—948).
Половцовъ, В. А. II (942—948).
Полозовъ, Н. II (591—598).
Полонскій, Я. П. I 972, III 133, (443—454), IV 158, 159, 180, 183, 184, 257.
Полторацкій II 624.
Полуектовъ, В. II 935.
Поль, С. II 934.
Полѣновъ II 730.
Поляковъ III 460.
Помпей I 192.
Понятовскій, С. III 725, IV 723.
Попе, I. xix.
Попка, И. II (995—1002).
Поповъ II 454.
Поповъ, А. II 935.
Поповъ, А. В. III 1037.
Поповъ, В. С. III 695, IV 252.
Порай-Кошицъ, И. II (699—704).
Поржицкій I lxi, lxiii, lxxxiii — lxxxv, xcii, xciii, IV 75.
Порошинъ, С. I 236, 679.
Посошковъ I 662, 663, II 380, III 302.
Потемкинъ, кн. I 158, III 691, 721—723, 737.
Потѣхинъ, А. А. I 5, II (293—318), III 55, 373.
Поэріо III 146, IV 452, 465, 500 667, 860, 873.
Поярковъ II 546.
Прадтъ IV 440.
Прево IV 536.
Прево-Парадоль IV 577.
Предтеченскій III, 754.
Пріимковъ, І. I 157, 186.
Прокоповичъ, Н. Я. II (157—164), 218, 894.
Прокоповичъ-Антонскій, А. А. I (927—944), IV 24.
Протасовъ, гр. I xxxvi.
Протасьевъ II 114, 125.
Протопововъ, М. I cxxv.
Прудонъ, П. I l III 279, IV 287.
Прутковъ, К. IV 259, 271, 446, 543.
Пуансо III 1039.
Пугачевъ, Е. II 1000, III 726, 874, 1045, IV 21.
де-Пуле IV 115.
Путята II 463.
Путятинъ Е. В. гр. III 890.
Пушкина, М. А. I 287.
Пушкина, Н. А. I 287.
Пушкинъ, А. С. I lxxix, c, 23, 24, 27, 28, 33, 45, 57, 58, 230, 265, 285—302, 309, 317, 319, 446, 464, 524, 561—580, 595, 599, 636, 671—675, 684, 697, 698, 773, 790, 833, 838, 872, 989, II 160, 187, 189, 211, 223, 333. 334, 353, 363, 513, 515, 630, 663, 664, 731, 732, 874, 876, 887, 888, 890—895, 956, 977, 980, III 149, 208—212, 288, 463, 536, 555, 556, 773, 909, 978, 990, IV 10, 118, 135, 140, 142, 144, 161—165, 173, 181, 183, 186, 253—256, 261, 271, 378, 500, 567, 745, 814, 815, 857, 880, 915, 920, 933.
Пушкинъ С. Л. I 287, 289, 786.
Пчельникова, А. А. См. Цейдлеръ А. А.
Пыпинъ, А. Н I cvi, 1, 22, 41, 113, 214, II 320, 739, 796, 797, 1005, III 68, 144, 923, IV 737 939, 949.
Пѣвницкій III 266.
Пятковскій, А. П. I 48.

Рабанъ Мавръ I 104.
Радецкій, гр. III 252, 253, 256, 800.
Радигель II 775.
Радичъ II 275.
Радищевъ, А. Н. I 150, 561, 562, 565, (571—577), II, 657, 692.
Радонежскій I xlii, li, liv, lvii, lix, lxv, lxvi, lxxxvii, xciii.
Радригезъ, С. I 86.
Радулеско, И. III 44.
Раздеришинъ, Н. I 190, 197.
Разинъ, А. Е. I xciii, c.
Разинъ, С. II 25, 70, 121, 123, III 63, IV 124.
Раковицъ, М. III 41.
Рамзай II 280.
Рамзауэръ I 248.
Рангъ, М. II 935, 961.
Раньери IV 498, 648.
Раппъ II 766, 769.
Расинъ I 7, 322, 665, IV 354.
Ратацци IV 517, 648, 661, 662, 700, 701, 706—708.
Ратклифъ. А. I xix, 41, III 880.
Ратынскій, Н. I 83.
Раумеръ I 94.
Рафаэль I 908, II 1004, III 509.
Рачинскій С. II 934, IV 112, 143, 144.
Рашель III 299.
Р—д—н. См. Раздеришинъ.
Реадъ I 60, 824, 825.
Ревель IV 699.
Регулъ I 190.
Редвицъ III 601.
Резе IV 723.
Рейбо II 767, 768.
Рейнгардтъ, Н. I cxlvi, cxlvii.
Рене II 640.
Рехбергъ IV 549.
Ржевскій, В. К. IV 108, 143, 149, 540, 542.
Ржевусскій III 455, IV 689.
Рибопьеръ III 598.
Риказоли IV 646, 657, 853.
Рикчи, М. I 91.
Риппасъ III 793.
Ристеръ III 603.
Риттеръ II 572.
Ритшль I 303, 304.
Ричардсонъ II 279, IV 836, 837.
Риччарди IV 482, 498, 510, 648, 657, 661, 665.
Ришелье I 178, 236, 448, II 116.
Richomme, E. II 631, 632.
Рклицкій, И. III (271—276), 771.
Робакъ II 556, 646, 775.
Робертсонъ I 83, 85, III 285, 557.
Робеспьеръ I 573.

Родиславскій, В. II 935.
Рождественскій I cxli.
Розановъ, Н. III 573, 574.
Розенблаттъ II 559—564.
Розенгеймъ, М. II. II (597—624), 86 , 906, III 108, 117, 365, 798, IV 139, 141, 146, 169, 252, 259, 591, 631, 919, 929.
Розенталь, I 45, (53—56), (61—62).
Розенштремъ, А. I 465, (769—782).
Розенъ, А. Е. бар. I 26, (551—560), 759, II 429, 468, 536, 816, IV 175.
Розенъ, К. Б. бар. III (275—278).
Ройе-Коллеръ II 656.
Романо IV 465, 505.
Романовъ III (888—904).
Романовъ, А. Н. III 474, 885.
Романъ Мстиславичъ III 203.
Романъ Углицкій II 1010.
Романъ II 432.
Ромодановскій, Г. Г. II 59, 87.
Ромодановскій, Д. Г. II 59, 87, 90, 91, 138, 139.
Ронкони IV 493.
Росновскій IV 192.
Россараль IV 465, 505.
Россель II 556, 789, IV 634.
Россини I 322.
Ростовцевъ, Я. И. гр. I 23, 427, 428, II 382, 390, 935, IV 262.
Ростопчина, Е. гр. I (441—462), 551, 831, II 146, 363, 876, III 117, 455, 880, IV 135, 183, 186.
Ростопчинъ IV 142.
Ротчевъ, А. Г. II 271.
Ротшильдъ IV 499.
Рощаковскій II 861, III 948.
Руа III (53—56), 129—132.
Рубанъ I 120, 205, 942, IV 24
Рудзкій III 595, 597.
Рудольфъ Габсбургскій III 102.
Руковишниковъ II 552.
Рулье II 450.
Румовскій I 130.
Рупрехтъ III 886.
Русановъ, Н. С. I cxvii, cxxi, 344.
Руссо, Ж. I l, 185, 480, 568, 696, 855. II 490, 747, III 552, 719; IV 880.
Руффо IV 853.
Рылѣевъ, К. Ѳ. I 32.
Рѣдкинъ, П. Г. I 1, 249, 251, 259.
Рѣдкобаевъ I 165, 198.
Рѣпинъ, П. И. IV 801, 802.
Рюрикъ IV 118, 130, II 430, 701, 1009, III 982.

С., Л. И. I xxxiii.
Сабанѣевъ III 602.
Саваресе IV 481.
Савваитовъ II 739.
Савельевъ I 196, II 450, 739.
Савичъ II 860.
Савичъ, Ю. III (485—500), 522, 523.
Савурскій, А. II 935.
Савурскій, Я. III 499.
Сакулинъ, П. Н. IV 669.
Сакхинъ I 94, 96, 98, 102, 104.
Салаевъ III 460.
Саличетти iv 481.
Саліасъ де-Турнемиръ, Е. III 200, IV 90, 149, 190, 192, 252, 542, 544, 553, 565, 633, (739—746)
Саллюстій I 475—492.
Саловъ, И. II 935.
Салтыковъ, М. Е. I 431, 432, (497—530), 533, 834. II 295, 841, 874, 885, 927, 974. III 80, 106, 116, 120, 146, 427, 682, 803, IV 183, 271, 592, 878, 879.
Салтыковъ, Н. И. III 695, 720.
Сальваторъ, Роза IV 483.
Сальмеронъ, А. I 86.
Сальниковъ IV 445.
Салюцци, Ч. IV 692.
де-Сангленъ, А. I 465.
Сандунова III 720.
Санта-Анна II 782, 783.
Санта-Роза IV 693, 695, 700.
Саншіесъ I 236.
Санъ-Мартино IV 706.
Санъ-Марцано IV 695.
Сапѣга II 538.
Саффи IV 644.
Сахаровъ II 56, 198, 450.
Сахаровъ, I xix, xxvi.
Свертъ II 102.
Свѣтоній I 480—482.
Свиньинъ I 930, II 450.
Свѣчина, С. П. III 601, IV 190, 192, 346, 521, 553, 562.
Святополкъ II 433, 434.
Святославъ II 434
Святославъ III 202.
Севинье II 640.
Сегюръ II 12.
Селивановскій III 655.
Селивановъ, И. II 935.
Семевскій, В. И. 607.
Семевскій, И. Е. I 607.
Семевскій, М. И. I (603—608), II 159, III 859, 860, 992, IV 447, 740.
Семенова II 978.
Семеновъ II 189.
Семеновъ, И. I (693—698), 966, 967, II 272, 553.
Семеновъ, Н. IV (519—536).
Сементовскій II 552, 553.
Семеренко, П. IV 20.
Сенека I 749. II 277.
Сенковскій, О. И. I 327, 812, 832—835, II 370, 375, 376, 792, 816, 932, III 149.
Сенъ Викторъ Фіорентино IV 440.
де Сенъ-Пьерръ II 640.
Сенъ Симонъ I 560.
Сеньковскій, Н. II 935.
Серапіонъ I 648, 652, II 464.
Сергій II 1011.
Сергѣевъ, П. И. IV 803, 807
Серебренниковъ III 893.
Серебрицкій, I 972.
Серебрянскій II 207, 211—216, 228.
Серно-Соловьевичъ, Н. А. I cxlvi, III 153, 793, 797, 927—944, IV 111, 122, 125, 538, 540.
Serpinet, A. III (281—286).
Серресъ II 656.
Серчевскій, Е. II (331—336).
Сеттембрини IV 466, 500.
Сигизмундъ III. III 204.
Сидмутъ II 762.
Сидоровскій IV 24.
Сидоровъ I lvi.
Сиккарди IV 699.
Силинъ, II 56.
Сильвестръ I 664, II 476.
Симеонъ Болгарскій II 432.
Симеонъ Полоцкій I 599, 664, 666, II 39, III 204.
Синайскій, И. Ѳ. I (493—496), 543.
Синецкая II 980.
Сисмонди II 923.
Скабичевскій А. М., I xvii, cli. clv.
Скараленга III 788.
Скарятина III 601, 602.
Скарятинъ, В. Д. I cxxxviii, III 600, 601.
Скворцовъ III 602.
Сковорода, Г. I 479.
Скоттъ IV 836, 837, 840.
Скоттъ, В. I 41, II 491, 974, 985, III 230.
Скриба IV 598.
Скуратовъ, М. III, 461, II 885.
Скюдери I 825.

Сладкопѣвцевъ, И. М., I xvii, xxvi—xxxi, xxxvi.
Славинскій, М. А. I 31.
Славинъ, А. П. II (283—286).
Славутинскій, С. Т. IV 33, 101, 102, III (1019—1036).
Случевскій, К. К. I cxl, IV 187, (219—226), 252, 536.
Слѣпушкинъ II 190.
Слѣпцовъ, А. А. IV 36.
Смарагдовъ, С. II (523—528).
Смирдинъ, А. Ф. I 212, 294, 829—842, II 331, 334, III 195.
Смирновъ I (216—218), 220.
Смирновъ III (923—944).
Смирновъ, А. II 935, III (523—536).
Смирновъ, С. II 934.
Смуровъ I 465.
Соковнинъ II 133.
Соколова, Е. II (181—184).
Соколовъ III 577.
Сократъ I 493—495, IV 256, 377.
Солдатенковъ, К. III 80, IV 122, 262.
Soldi II 637.
Солиманъ-Паша, III 45.
Соллогубъ, В. А. гр. I cv, cxiv, (315—342), 441, 463, 464, 551, 589, 785, 834, II 269, 600, 609, 880, 967, III 252, 295, 318, 365, 455, 460, 856, 857, 880, IV 140, 358, 404, 519, 857.
Соловцовъ, Т. В. III 928.
Соловьевъ, П. I 193, 207.
Соловьевъ, С. М. I 111, 132, 136, 146, 208, 443, 583, 844, II 462, 594, 866, 878, 934, 1005, III (199—204), (471—474), IV 71, 633.
Соловьевъ, С. Ф. III (883—906).
Сопиковъ I 115, 212, II 696, III 197, 658.
Сорокинъ, И. М. I cxxxv, cxxxvi, cxxxvii, III 152.
Соснецкій, И. III (285—288).
Софія Алексѣевна II 28, 52, 56, 58, 63—70, 75—78, 85, 87, 121, 123—126, 135, 549.
Сохацкій I 121.
Сошенко, И. М. IV 95.
Спасовичъ, В. Д. II 934.
Спасскій, I ci.
Спасскій, М. II 935.
Спафарьевъ III 602.
Спенеръ III 846.
Сперанскій, М. М. I 428.
Срезневскій, В. И. I 13.
Срезневскій, И. И. I xlii — xliv, lxxix, lxxx, lxxxiii, cii, cv, 13, 14, 114, 208, 313, 314, 986, II 737.
Ст. II 152.
Сталь I 284, 309, II 640.
Станевичъ I cxxiv, 943.
Станицкій. См. Головачева-Панаева.
Станкевичъ, Н. В. I lxx, (791—816), II 214—217, 220, III 141, 142.
Станюковичъ, А. II 935.
Станюковичъ, М. III 36.
Старчевскій, А. В. I 132, 133, 199, 208, 843, III 524.
Старынкевичъ, А. I 197.
Стасюлевичъ, М. М. III 68, 188, IV 537.
Стателла IV 595.
Стаховичъ, М. А. I (969—970), IV 184.
Стекловъ, А. И. I cxli.
Степановъ I 839, II 548, III 93, 766, 946.
Степановъ, Н. А. I (31—32).
Степановъ, П. А. I cxii.
Степановъ I cxxiv.
Стефанъ II 442.
Стефанъ Пермскій II 1011.
Стефенсонъ II 558, III 977.
Стиль I 254.
Стирбей III 46.
Столыпинъ I 824.
Страсбургъ II 48.
Страховъ, В. М. III 1045.
Страховъ, Н. Н. IV 543.
Стриттеръ I 132, 208.
Строгановъ III 747.
Строгановъ, С. Г., гр. II 390.
Стройновскій, гр. II 855.
Струве, О. I 65.
Струговщиковъ III 68, 759, 985, 988.
Стрыйковскій II 321.
Стрѣшневы II 49, 54, 87, 90, 94, 139.
Струдза, М. III 43, 46.
Суворинъ, А. С. IV 633.
Суворовъ, А. В. I 910, 944, 945, II 429, III 261, (475—478).
Суд., Е. IV (745—778).
Султанъ-Ахметъ III 807.
Сумароковъ, А. П. I 210, 211, 229, 235, 236, 310, 319, 522, 665, 680—682, III 470, 605, 643, 728, IV 122.
Сусанинъ, И. III 204.
Сусловъ I 465.
Сутерландъ III 720, 721.
Сутугинъ II 917, III 1049.
Суховъ, А. III (461—464).
Сухомлиновъ, М. И. I 469, 562, II 452, 681, 739, 866, III 68, IV 537.
Сухотинъ III 603.
Сушковъ, Д. I (769—782), IV 135.
Сушковъ, Н. В. I 26, (927—944), II 934.
Сутіонъ I 192.
Сциборскій, Б. И. I lxv, lxvi, xciii, ciii, cxi.
Сѣверцевъ II 450.
Сѣраковскій, С. I cxxiv.
Сэ Ж. I 479, III 116.
Сюрвиль, А. I 223, 224.

Тайлоръ II 279, 531, 532, IV 838.
Такаревъ, Н. II (685—694).
Талабо II 558.
Талейранъ III 215.
Tallon II 635.
Тальява IV 508.
Таннеръ II 54.
Татариновъ, П. I 763, 827, III 461, 760.
Татариновъ I xc, xcix.
Татищевъ II 9, 12, 874, 881—885.
Татьяна Михайловна II 65.
Таубертъ I 236.
Тацитъ I 127, 422, 480, 481, II 715, 923, III 482.
Таціи, Т. III 65.
Телегинъ, В. М. II 938—942.
Телѣгинъ, А. П. II 1025, III 69, 76, 77.
Тенгоборгскій II 572, 840.
Теплоуховъ III 747, 748.
Теренецкій I 310.
Тернеръ, А Т I 609, IV 103.
Тибленъ, Н. I cxlvi, IV (183—185).
Тимаевъ, Н. II 530, III (199—204), (467—472), IV (203—204).
Тимашевъ, А. Е. I cxxxviii, III 150, IV 31.
Тимивцевы IV 802.
Тимирязевъ, Ѳ. II 935, 961, 962, III 499.
Тиммель I 209.
Тиммерманъ, Ф. 42—48, 86, 87, 131.
Тимофеевъ I 798, 813, 835.
Тимоѳеевъ, А. II 1008.
Тихановичъ, Е, I (699—704).
Тихменевъ III 988, 992.
Тихомандрицкій I lv, III 535.
Тихоновъ I xii, xxi.
Тихонравовъ, Н. С. I 566, II 624, 934, IV 633, 917.
Тишендорфъ III 195.
Токвиль III 4, IV 634, 635, 875, 921.
Толбинъ, В. I 285, 700, II 370, 935.
Толбузинъ II 549.
Толмачева IV 920.
Толстой, IV 148, 183, I 228, II 885.
Толстой, А. IV 184.
Толстой, А. П. III 265.

Толстой, Д. IV 151.
Толстой, Л. Н., гр. I 586, 785, III 133, IV 857, 858.
Толстой, Н. С., гр, I (431—442), (529—542), 603.
Толстой, Ѳ. II 449, 949.
Томазій III 846.
Томилинъ I 285, 700.
Томсонъ II 775.
Торреарса IV 667.
Тоттъ II 557.
Тоэта III 203.
Трани IV 466.
Тредьяковскій, В. К. I 205, 665, 761, 770, 992, III 105, 106, 193.
Тригорскій IV 149.
Трощинскій III 695.
Труба I (845—862).
Трубецкая, кн. I xcviii, xcix.
Трубецкая, М. А., кн. I liii, lvii.
Трубецкой, кн. III 464.
Трубецкой, Н. И., кн. III 265.
Трубниковъ III 788, 796.
Тувеналь IV 727.
Туганъ-Барановскій, М. И. II 741.
Туда-Мангу III 203.
Тузовъ II 693—700.
Туманская, К. II (938—942).
Туманскій I 121, 122, II 72, 105, III 692.
Туманскій, В. В. II 941.
Тунъ IV 549.
Тургеневъ, А. И. 289, 295.
Тургеневъ, И. С. I xiv, cxl, cxlix, 112, 228, 462, 468, 785, 790, 799, 972, II 184, 328, 796—799, 931, 932, 934, 963, 968, 1027, 1028, 1034, III 93, 106, 133, 144, 151, 157, 183, 188, 208, 601, 622, 732, IV (27—90), 543, 544, 634, 745, 857—859, 863, 902, 949—952.
Туревичъ, О. II 935.
Туровѣровъ, А. II (913—916)
Турчаниновъ, Н. П. I lxix, lxx, xciii ciii, 45.
Туръ, Е. См. Саліасъ де Турнемиръ.
Тур., З. IV 182.
Тютчевъ, Ѳ. И. III 133, 320, IV 158, 183.
Тюфяевъ III 754.
Тьерри I 422, 759.
Тьеръ I (959—966), IV 735.
Тэнъ, И. I 734.

Уаттъ II 757.
Уваровъ I 109, III 528—530.
Уваровъ, С. С., гр. II 390.
Угадаевъ. П. I 150.
Угловъ, В. Н. III (519—524).
Узбекъ III 203.
Уильсонъ II 571.
Украинцевъ, Е. II 125, 129, 132, 473, 474.
Уллоэ IV 514.
Урбанъ IV 701.
Уржумцевъ III 1037.
Усовъ, П. С. II 934.
Усовъ, С. II 935.
Успенскій, Т. III 747.
Устряловъ, Н. Г. I 583, 975, II (1—144), 593—595, 701, 702, 817, 866, III 65, 90, 202, 208, 467, 473, 629, 645, 659, 716, 717, 732, IV 113.
Утинъ, Б. И. IV 112, 192, 263.
Ушаковъ II 816, III 869.

Фаберъ, П. I 86.
Фаве II 722.
Фавръ, Ж. III 538, IV 293.
Фалленбергъ II 781.
Фаллу IV 546, 553.
Фальи I 825.
Фалькъ II 779.
Фанти IV 639, 667, 698, 708.
Фарини, Л. IV 514, 708, 709, 727.
Феваль, П. I 477.
Федоровъ, Б. М. I 832, II (173—176), 181, (289—290), 378, 958, III (635—638), IV 125.
Федо IV 863.
Фезе III 811—813.
Фейербахъ I lxxviii, IV 58.
Феликсъ IV 440.
Фенелонъ II 640.
Фергола IV 637.
Фердинандъ I. IV 593, 597, 601, 619.
Фердинандъ II. IV 443, 448—450, 455—457, 460, 465—467, 477, 481, 482, 484, 495—497, 499—505, 507, 509, 511, 569, 595, 694.
Феррари, Д. IV 464, 652, 706.
Ферроръ IV 498.
Фетъ, А. А. I lxxxvii, cxiv, 112, (237 — 239), 972, III 133, 444, 641, IV 27, 41, 156, 158, 162, 183, 192, 255, 258, 259, 320, 874.
Филаретъ, митр. I xxxix, ci, II 390, 464, 1007, III 87, 265, 266.
Филаретъ, патр. II 32.
Филипповъ, М. А. III 944.
Филипповъ, М. М. I xvii, clviii.
Филипповъ, Т. И. III 302, 307, IV 323.
Филиппъ II. III 251.
Филиппъ III. I 91.
Филоновъ, А. III (849—864).
Философовъ I 428.
Фильпотъ II 775.
Фихте I 750, II 383.
Фишеръ IV 140, 362.
Флавій, І. I 480, 481, II 564.
Флетчеръ II 120.
Флоренсовъ, Я. (615—616).
Флуранъ I 949.
Foa, L. II 640.
Фоди II 568.
де-Фое II 640.
Фокина IV 803.
Форгахъ IV 847.
Форкодъ IV 640.
Фоссе II 279, 280, 633.
Фотій II 464, 1012.
Фохтъ I 750.
Фоше, Л. I 825, IV 703.
Франке I 254.
Франклинъ IV 829.
Франкъ IV 520.
Франсуа I 86.
Франценбековъ II 547.
Францискъ II. III 444, 467, 484, 507, 509, 512. IV 355, 567, 571—573, 582, 597, 612, 623, 627, 728, 946.
Францъ-Іосифъ III 801, IV 722, 848.
Франческино IV 607.
Фребель III 4.
Фрезе IV 684.
Фрей, Е. IV 739, 744.
Фрейгангъ I 561, III 602.
Фрейтагъ III 817, 819.
Фридбергъ II 967.
Фридрихъ Барбаросса III 986, 987.
Фридрихъ Великій IV 715.
Фридрихъ Вильгельмъ II 116.
Фроловъ III 592, 601.
Фрэнсисъ II 780.
Фуадъ-Паша III 46.
Фуріа III 475.
Фьяло II 978.

Хабаровъ II 546—548.
Халютинъ II 712, III 620.
Ханкинъ IV 192.
Хвольсонъ III 770, IV 179.
Хворостининъ III 805.
Хвостовъ, А. С. I 130, 193, 206, 212, II 816.
Хвощинскій, Ѳ. II 473.

Хемницеръ, И. И. III 209—212, 470.
Херасковъ, М. М. I 130, 200, 206, 310, 667, 682, 798, II 965, III 645.
Хилковъ II 595.
Хитрово II 24.
Хитровъ, Д. II 935, III 499.
Хмѣльницкій, И. I 233, II 92, 113, 334, IV 124.
Ходецкій III (759—768).
Ходневъ II 740.
Холецкій I 59.
Хомутовъ, М. Г. I 52, II 915.
Хомяковъ, А. С. I xlv. II 450, 874 .886, 887, 920, IV 139, 143, 146, 184, 192, 292, 435, 436, 567, 745, 949.
Хомяковы II 935, 961, III 499, 500.
Храповицкій I 679.
Христина II 640.
Хрулевъ, С. А. I 823, II 875, 935, III 85.
Хрущевъ III 672.

Цезарь, Ю. I 190—192, 475—492, 909.
Цейдлеръ, А. А. III (133—139), (289—291), (1045—1049).
Цемировъ III 607.
Ценковскій, А. С. III 68.
Цестій II 348.
Циммерманъ, Э. I 229, II 935, 961, 975.
Цицеронъ, М. I 422, 480—485, 749, 786, III 65.
Ціонковскій IV 803.
Цыгановъ II 198. 663.
Цыклеръ II 133.

Чаадаевъ, П. Я. I 576, 762, 928, 929, 938—941, 944, II 418, III 150, 151.
Чальдини IV 548, 637, 667, 853, 854.
Чаннингъ III 588, IV 140, 149.
Чарыковъ, В. II 935.
Чатамъ IV 690, 907.
Чацкинъ III 500, 503, IV 191, (932—936), (948—964).
Чеботаревъ I 133, 208.
Чебышевъ II 739.
Чегловъ IV 404.
Чезаре IV 501.
Черепановъ, А. Л. II 941.
Черкасскій, В. А., кн. II 852, 861, 936, III 116, 948, IV 263, 942.
Черкасскій II 139, III 464.
Черновъ III 603.
Чернышевская, О. С. I cxxviii.
Чернышевскій, Н. Г. I xi, xvi, xvii, xxi, xxx, xxxi, xxxviii, xlix. lix, lxv, lxvi, lxix—lxxvii, lxxxvii, lxxxiiv, xciii, cv — cix, cxii, cxv, cxvii, cxix, cxxi, cxxviii, cxxxiii, cxxxviii—clviii, cxlix, cl, cli, clii, 1, 13. 29, 111, 214, 219, 228, 237, 238, 247, 249, 260, 285, 286, 343, 369. 545, 757, 812, 965, 971, II 68, 187. 289, 360, 371, 539, 559, 739, 741, 742, 793—796, 802, 857, 860, 927, 934, 936, 961, 967, 968, 970, 995, 1005, III 80, 106, 142—144, 151—153, 227, 248, 279, 280, 535, 583, 640, 768, 923. IV 28, 32, 34—36, 139, 146, 150, 151, 187, 188, 190, 268, 294, 592, 593, 636, 677, 678, 823, 826. 902, 903 905, 921, 933, 937, 943, 949—952.
Чернышевъ III 817.
Чернышевъ, А. И., гр. I 64.
Черткова III 603.
Чертковъ I 759.
Чибраріо IV 706, 707.
Чижовъ, Ѳ II 934.
Чирилло IV 601.
Чистовичъ I 253.
Чистяковъ, М. I 217, 218. III (869—884), IV 354.
Чичеринъ, Б. Н. II 454. 468, 852, 1005, III 248, IV 113, 140, 143, 147, IV 565, 576, 703.
Чуйкевичъ III 858.
Чумиковъ, А. А. I 247, 248, 251, 259, 846.

Шакловитый II 57, 76, 77.
Шаликова, Н. П. II 149, (319—322).
Шаликовъ, П. I 474, 940.
Шамиль III 772, 803—828, 910.
Шамшаканъ II 547.
Schapsal III 284.
Шармеръ I, cxxiii, cxl.
Шатиловъ III 602.
Шатобріанъ I xix, II 669.
Шафировъ, П. II 111, 119, 132, 189.
Шаховской II 334, 977, 978, 980, 981, 984, 986. IV 183.
Шашинъ II 473.
Швейгеръ I 305.
Шевалье I 224.
Шевченко, Т. Г. II 935, IV (89—102).
Шевыревъ, С. П. I 51, 443, 565, 566, 587, 763, 782, 785, 813, 814, 927, 929, II 368, 390, 429, 454, 816, 817, 871, 876, 935, 961, 964, 965, (1003—1014), III 55, 135, 771, 982, 985, 989, IV 142—147, 255, 323.
Шеинъ, М. Б. II 59, 139.
Шейкинъ III 789.
Шейхъ-Али-Ханъ III 806.
Шекспиръ, В. I 333, 443, 591, 908, 939, 967, II 252, (281—284), 353, 486, 491, 493, 893, 894, 952, 974, III 310, 311, IV 229, 354, 374, 388.
Шелгуновъ, Н. В. I cxxxiv, cxliii, III 296.
Шеллингъ I 758, IV 860.
Шелль I 304.
Шемановскій, М. И. I xlviii, lv, lxi, lxviii, lxxxvii, xcii, xciii, xcix, cxvii, cxxvii—cxxix, 27, 29, 45, 46, 67, 223, 845, II 381, 481, IV 915.
Шенгелидзевъ I 929.
Шенъ II 531.
Шенье I 773, II 490.
Шербонно II 531.
Шергандъ IV 215, 216, 218.
Шереметевъ, Б. П. II 97, 103.
Шереметевъ, П. В. II 7, 91.
Шестаковъ, П. А. III 1037.
Шефе I 954.
Шешковскій IV 663, 674, 692,
Шиллеръ, Ф. I cxlix, (541—544), 773, II (271—274), 353, 490, 795, 886, 892. III 100 (913—918).
Шиповъ, С. II 701, III 606, (617—622).
Ширинскій I 109.
Ширскій I li.
Ширяевъ IV 95.
Шифнеръ III 886.
Шишкинъ IV 252, 859.
Шишкины I lxx.
Шишковъ, А. С. I 212, 568, 586, 943, II 978, III 605, 903, IV 635.
Шлецеръ III 103, 209, IV 114, 116.
Шлоссеръ, Ф. К. I cxxv, 422, II (711—718), III (279—282).
Schmidt II 639.
Шмидтъ. В. I (703—706).
Шмитъ II 639.
Шнелль, К. Ф. I (895—928).
Шнитцлеръ I 64.
Шноръ III 653.
Шолле III 794.
Шопинъ II 77.
Шпилевскій IV 24.
Шредеръ I 25.
Шталь, О. III (97—102).
Штелинъ II 40.
Штетцеръ III 792, 793.
Штраусъ I lxxviii, III 94, IV 319.
Шубертъ I 749. II 924.
Шуйскій, В. И. II 883.
Шульгинъ, В. II (987—996), III 200, (627—628), 761, 950.
Шульгинъ, И. II (987—996), III 98, 201, 628, 761.
Шульцъ III 928.

Шушеринъ II 976, 978.

Щаповъ, А. П. III (87—90), 609, IV 112.
Щебальскій, П. К. II 9, 39, 40, 935.
Щегловъ, Д. Ѳ. I XLVIII — LVI, LXI, LXIII, LXV, LXXVII, LXXXVI, CX—XCIII, CIII, CVI, 285.
Щедринъ, Н. См. Салтыковъ, М. Е.
Щепкинъ, М. П. II 935, 977, 980, 984—956, III 724, 728, 729, IV 122, 262.
Щербатовъ, Г. А., кн. I CXII, 112.
Щербатовъ I 133, 136, 208, 213, II 9, 12, III 702—704, 724—734.
Щербатый, Ю. II 59.
Щербина, Н. Ѳ. I 23, II 937, 949, IV, 149, 184, 255, 259, 444, 889.

Эберсъ IV 127.
Эверсъ IV 127.
Эвръ II 775.
Эдельсонъ, Е. II 874, 876, 895, III (279—280).
Эйлеръ III 1037.
Эйма, К. III 4, 7.
Эйнерлингъ II 133, III 651.
Эйноттенъ IV 192.
Эккартсгаузенъ IV 129.
Эккъ, В. III 273, 276.
Элленсвортъ IV 834.
Эліогабалъ IV 602.
Эльстонъ I VXI.
Эмиль I 149.
Эминъ, Ѳ I 208, II 11, III 87.
Энгель III 643.
Эпаминондъ I 426.
Эркрайтъ II 757.
Эскеракъ де-Лотюръ II 531, 532, 571.
Эстергази IV 847.
Этмануйлъ I 645.
Эттингеръ, М. II (291—294).
Эшенмайэръ I 749.

Ю. В. I 700.
Ювеналъ I 992.
Ювенцій I 102, 105, 106.
Юдде I 103.
Юмъ IV 824.
Юнгманъ I 312.
Юргенсъ I CXLI, CXLIV.
Юрій III 202.
Юркевичъ IV 936.
Юрьевъ, И. III (229—248).
Юстиніанъ II 419, 420.
Юсуповъ, кн, III 604.
Юшкевичъ II 739.

Яворскій, С. I 235.
Ягелло II 702.
Язвинъ I 163, 164, 167.
Языковъ, А. II (921—928).
Языковъ, Г. II 65.
Языковъ, И. II 74.
Языковъ, Н. М I 292, (761—768), II 159, 473, 663, 664, 874, 894, IV 255.
Языковъ, П. II 71.
Якимовъ I 967.
Якобсонъ III 788, 796.
Якушкинъ, П. И. III 769, 770, 773—783.
Янковичъ-ди-Миріево II (703—712), III 715, 737.
Яновскій III 862.
Ярополкъ I 992, III 202.
Ярославъ II 434, 463, 472, III 201, 474.
Ячина IV 708.

Ѳедоровскій III 117.
Ѳедоровъ II 375, IV 639, 477.
Ѳедоровъ, В. М. I 700, 832, II 866.
Ѳедоровъ, С. Н. III 152.
Ѳедоровъ, Ѳ. А. I 285.
Ѳедосѣевъ, Н. Ѳ. III 776, 777, 782.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ II 28, 54, 55, 59, 60—64, 71, 72, 122, 455, 549, 885.
Ѳеодоръ Ивановичъ II 429, 435, 595, 596.
Ѳеоктистовъ, Е. М. I CXXXIII, IV 565, 633, 641, 716, II 934.
Ѳеоновъ III 754.
Ѳирсовъ III 748, 750—753, 851.
Ѳома Аквинскій II 691, IV 493, 606.
Ѳома Кемпійскій IV 627.
Ѳукидидъ I 422—424, 481.

Вологод. жел. дор. библиотека „КОР"

7526

17/433313

38-1

3.41-85

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока